

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

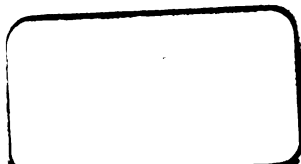
N 2523.

~~17.
2.
14~~

PSlav 460.5 $\left(\frac{1900}{1-2}\right)$

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

2523

№ 4

Класс 8

Место книги на полке 7

2523/1

Годъ IX-й.

№ 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Я Н В А Р Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
~~1.~~ ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. * *. Allegro.	15
3. ПРИМИРЕНІЕ. Разсказъ. И. Потапенко	16
4. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Профес. М. Мензбира.	52
5. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА ЛОНДОНСКИХЪ ОКРАИНАХЪ. Л. Давыдовой.	65
6. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уильяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою	77
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИСПОВѢДЬ. Тана	110
8. КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ МАМИНА-СИБИРЯКА. (Кригическій очеркъ). В. Альбова	112
9. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Немоев- скаго. Перев. съ польскаго М Траповскою	136
10. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. КООПЕРАЦІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. Л. Крживицнаго.	174
~~11.~~ ВОСКРЕСШЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Историческій романъ. Д. С. Мережковскаго.	194
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. * *. Allegro.	268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

~~13~~ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ Истекшій годъ въ литературѣ. — Пушкинскій юбилей. — «Воскресеніе» Толстого. — Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. — Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поколѣнія» г. Головина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др. — Три опредѣлившіеся типа дѣтей — карьеристы, символисты, марксисты. — Можно ли ихъ смѣшивать въ одно? — «Деревенскія впечатлѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Бѣлоконскаго. — Изображаемая имъ некультурность деревни. — Его противопоставленіе фабрики и деревни. А. Б. . . . .

Годъ IX-й.

Кисловодскъ 1903 г.
№ 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

1178

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

222-2408

Я Н В А Р Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

0

$$P \text{ slow } 460.5 \left(\frac{1900}{1-2} \right)$$

✓

~~2222~~

Доводено цензурою. 23-го декабря 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. П. Милюкова.	1
2. СТИХОТВОРЕНИЕ. * *. Allegro.	15
3. ПРИМИРЕНИЕ. Разсказъ. И. Потапенко.	16
4. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Профес. М. Мензбира.	52
5. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА ЛОНДОНСКИХЪ ОКРАИНАХЪ. Л. Давыдовой.	65
6. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльама Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою.	77
7. СТИХОТВОРЕНИЕ. ИСПОВѢДЬ. Тана	110
8. КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ МАМИНА-СИБИРЯКА. (Критическій очеркъ). В. Альбова	112
9. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Немоев- скаго. Перев. съ польскаго М. Траповскою	136
10. ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. КООПЕРАЦІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. Л. Крживицкаго.	174
11. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Историческій романъ. Д. С. Мережковскаго.	194
12. СТИХОТВОРЕНИЕ. * *. Allegro.	268

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Истекшій годъ въ литературѣ.— Пушкинскій юбилей.— «Воскресеніе» Толстого.— Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ.— Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поко- лѣнія» г. Головина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др.— Три опре- дѣлившіяся типа дѣтей—карьеристы, символисты, марксисты.— Можно ли ихъ смѣшивать въ одно?— «Деревенскія впечат- лѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Бѣлоконскаго.— Изобра- жаемая имъ некультурность деревни.—Его противопоставленіе фабрики и деревни. А. Б.	1

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Голодъ на Югѣ.—Безпорядки на фабрикѣ Коштина.—Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ.—Одесскіе пекари.—Рѣчь астраханскаго губернатора.—Студенческая перепись въ Кіевѣ.—Крестьяне о школѣ.	12
15. Изъ русскихъ журналовъ. «Русская Мысль»—«Вѣстн. Европы».—«Русское Богатство».—«Жизнь».—«Вѣстникъ всемірной исторіи».—«Русская Старина»	24
16. За границей. «Маффіа» въ современной Италіи.—Соціальные музеи.—Французскія дѣла.—Споръ о языкахъ въ Норвегіи.—Событія германской общественной жизни	37
17. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues».—«Nineteenth Century».—«Contemporary Review».—«Popular Science Monthly»	47
18. ЧТО ТАКОЕ «ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ»? А. М.	51
19. ПУБЛИЧНЫЯ БИБЛИОТЕКИ - ЧИТАЛЬНИ ВЪ АНГЛІИ. (Письмо изъ Англіи). Е. Б.	56
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Бактеріологія. Микробы въ арктическихъ странахъ.—Физиологія. О физиологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ.—«Морскія жѣбѣ».—Сила воображенія. Д. Н.—Географія и путешествія. 1) Вильгельмъ Барентсъ—ислѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. 2) Алмазныя копи южной Африки Н. М.—Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго	60
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и искусства.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Этнографія.—Астрономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	76
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ. Романъ изъ сицилійской жизни Конрада Тэлльмана. Перев. съ нѣм. З. Журавской.	1
24. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Планъ изложенія настоящей третьей части «Очерковъ» непосредственно вытекаетъ изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами во «введеніи» къ ней *). Мы различили тамъ два момента развитія общественнаго самосознанія. Въ эпоху созидательной государственной работы или, какъ мы условимся называть ее,—въ *органический періодъ* нашей исторіи—общественное самосознаніе развивалось въ формѣ контраста русской національности съ окружающими ее народностями. Это была, другими словами, эпоха созданія и усвоенія народнымъ самосознаніемъ *націоналистическихъ идеаловъ*. Критическій элементъ проникъ, правда, уже тогда въ русскую общественную среду, какъ результатъ того же столкновенія съ чуждыми національностями. Но почва для развитія общественной самокритики была черезчуръ неблагоприятна, и критика не пошла дальше самыхъ скромныхъ начатковъ. Это положеніе дѣла совершенно измѣнилось въ новѣйшій періодъ нашей исторіи. Общественное самосознаніе въ этотъ періодъ все болѣе обращалось отъ завоевательныхъ плановъ внѣшней политики къ проектамъ внутренняго общественнаго переустройства. Старые національные идеалы уступили мѣсто въ общественномъ мнѣніи новымъ, которые подверглись упреку въ «космополитизмъ» со стороны «патріотовъ» добраго стараго времени. Число послѣднихъ стало быстро уменьшаться. Таковъ характеръ общественнаго самосознанія въ періодъ, который мы условимся называть *критическимъ*. Между тѣмъ и другимъ періодомъ лежитъ промежуточный, характеризуемый смѣсью признаковъ того и другого. Завоевательная программа предыдущей эпохи въ немъ находитъ свое завершеніе, и параллельно ея завершенію намѣчается содержаніе новой программы внутренней политики. Промежуточный періодъ этотъ довольно точно укладывается въ хронологическія рамки XVIII столѣтія, такъ характерно начинающагося реформами Петра и столь же характерно кончающагося завоеваніями Екатерины.

Такимъ образомъ, исторія русскаго общественнаго самосознанія можетъ быть раздѣлена, для удобства изложенія, на три отдѣла:

*) «Міръ Вожія», ноябрь 1899 г.

«Міръ вожія», № 1, январь. отд. I

1) развитіе націоналистическихъ идеаловъ органической (завоевательной) эпохи и начало ихъ критики. 2) Последнія побѣды націонализма и первые успѣхи общественной критики. 3) Развитіе общественнаго мнѣнія критической эпохи. Черезъ всѣ три періода проходитъ, какъ видимъ, красной нитью—постепенное нарастаніе критическаго воззрѣнія и соответственное ослабленіе воззрѣнія націоналистическаго. Первоначальной мыслью нашей было—разсмотрѣть оба эти процесса отдѣльно одинъ отъ другого. Такой порядокъ далъ бы, можетъ быть, больше рельефности въ изображеніи, но вызвалъ бы повторенія и оторвалъ бы явленія отъ ихъ естественной связи. Чтобы избѣжать этихъ неудобствъ, мы рѣшились разсмотрѣть оба параллельные процесса въ рамкахъ трехъ указанныхъ хронологическихъ періодовъ. Какъ всякое дѣленіе на періоды одного неразрывнаго процесса, и это дѣленіе имѣетъ свои неудобства и влечетъ за собой свои неточности. Но намъ кажется, что оно лучше другихъ, намъ извѣстныхъ, соответствуетъ дѣйствительнымъ моментамъ развитія русскаго общественнаго самосознанія.

I. Націоналистическіе идеалы органической эпохи и первые попытки ихъ критики.

Начала русскаго самосознанія по понятіямъ зачитниковъ вѣчеваго быта и Московскихъ порядковъ.—Вопросъ объ отношеніи вѣчеваго быта къ московскимъ порядкамъ.—Разница формъ національнаго самосознанія той и другой эпохи.—Вопросъ объ участіи общественнаго сознанія въ выработкѣ московскихъ порядковъ.—Степень активности «передаточной роли» психическихъ элементовъ процесса.—Въ какомъ смыслѣ можно говорить о «цѣлесообразности» возникновенія Московскаго государства.—Допускаемъ ли мы техническую, органическую или психологическую цѣлесообразность?—Предполагаетъ ли послѣдняя «общественный договоръ»?—Какъ понимаемъ мы роль *индивидуальныхъ* условий, способствовавшихъ возникновенію Московскаго государства?—Принадлежитъ ли къ ихъ числу вѣшняя опасность, или только тотъ моментъ, когда она начала ощущаться?—Роль «чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій» въ процессѣ образованія Московскаго государства.—Выводъ: исторію русскаго національнаго самосознанія слѣдуетъ начинать съ конца XV в.

Съ какого хронологическаго момента слѣдуетъ начинать исторію русскаго общественнаго самосознанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ различный, смотря по тому, какого общаго міровоззрѣнія придерживается тотъ или другой историкъ. Мы считаемъ общественное самосознаніе въ его прошломъ,—продуктомъ исторіи, т. е. продуктомъ извѣстныхъ стихійныхъ историческихъ процессовъ. При такомъ пониманіи—содержимое общественнаго сознанія вполне опредѣляется содержаниемъ этихъ процессовъ, мѣняется вмѣстѣ съ ними, останавливается или идетъ впередъ, прерывается или развивается непрерывно, смотря по ходу развитія самыхъ этихъ процессовъ. Не такъ давно еще господствовало совершенно противоположное воззрѣніе, по кото-

рому сама исторія являлась продуктомъ общественнаго сознанія. Съ этой точки зрѣнія надо было, наоборотъ, содержимое историческихъ процессовъ выводить изъ общественнаго сознанія и съ него, слѣдовательно, начинать исторію. Въ приложеніи къ русской исторіи этотъ взглядъ былъ развитъ въ цѣлую систему. Русское общественное сознаніе, какъ первый двигатель историческаго процесса, было надѣлено при этомъ опредѣленнымъ содержаніемъ, соотвѣтственно общественнымъ идеаламъ самихъ систематиковъ. Первымъ продуктомъ идеализованнаго такимъ образомъ общественнаго сознанія представлялся вѣчевой порядокъ домонгольской Руси. Дальнѣйшій ходъ русской исторіи являлся, съ этой точки зрѣнія, отклоненіемъ отъ прежняго нормальнаго хода; вина за такое отклоненіе падала на создателей новаго порядка, московскихъ князей-собирателей и на ихъ варварскіе политическіе приемы, объяснявшіеся вліяніемъ чуждаго русской національности духа Византіи и Золотой Орды. Но въ концѣ концовъ русскій народный духъ долженъ былъ восторжествовать надъ иноземными вліяніями. «Живучесть» вѣчевыхъ началъ, свойственныхъ народному самосознанію удѣльной Руси, доказывалась новгородскими порядками и московскими земскими соборами.

Прежніе противники этого историческаго построенія стояли на одинаковой теоретической почвѣ съ его защитниками. Они тоже вѣрили, что народное самосознаніе творитъ исторію и тоже влагали въ это самосознаніе свой собственный идеалъ. Но такъ какъ этотъ идеалъ былъ прямо противоположенъ «вѣчевому», то тамъ, гдѣ сторонники вѣчевого уклада видѣли норму, ихъ оппоненты видѣли отклоненіе и наоборотъ. Московскіе порядки были ихъ идеаломъ и, слѣдовательно, должны были быть идеаломъ народнаго самосознанія. Въ наиболѣе чистомъ видѣ это самосознаніе должно было проявляться, слѣдовательно, не въ удѣльно-вѣчевой Руси, а въ Московскомъ государствѣ.

Естественно, что на такой почвѣ полемика между сторонниками того и другого взгляда сводилась къ защитѣ соотвѣстнаго общественнаго идеала. Установить преимущество этого идеала съ порядками кievской или, наоборотъ, съ порядками московской Руси—значило уже—дать своему идеалу нѣкоторую историческую санкцію.

Такъ и должно было быть, пока общественный идеалъ выводился изъ абсолютнаго и неизмѣннаго народнаго самосознанія, проявленія котораго искали въ исторіи. Но современный изслѣдователь не можетъ больше вѣрить въ эту абсолютность и неизмѣнность. Общественное самосознаніе для него есть нѣчто измѣняющееся соотвѣтственно измѣненіямъ общественнаго порядка. Поскольку закономѣрны эти послѣдніе измѣненія, постольку мы можемъ искать закономѣрности и въ развитіи общественнаго самосознанія. Но напередъ мы можемъ утверждать одно—именно, самый фактъ измѣчивости или развитія, и отрицать одно—именно то, что какая бы то ни было изъ стадій этого развитія можетъ считаться «нормой» для всѣхъ другихъ стадій.

*

Мы не вѣримъ болѣе ни въ какія историческія санкціи и ищемъ оправданія того или другого современнаго общественнаго идеала исключительно въ его соотвѣтствіи потребностямъ настоящаго и будущаго. Его тожество съ идеалами прошлаго можетъ только доказывать отсутствіе такого соотвѣтствія и свидѣтельствовать о его отвлеченности, нежизненности.

Намъ могутъ замѣтить, что все это—слишкомъ азбучныя истины и что съ устарѣлымъ историческимъ міровоззрѣніемъ, о которомъ только что шла рѣчь, уже нѣтъ надобности сражаться въ наше время. Дѣйствительно, едва ли найдутся теперь защитники этого міровоззрѣнія въ его старой, цѣльной формѣ. Но привычки мысли сильны; онѣ часто переживаютъ создавшее ихъ міровоззрѣніе; и въ данномъ случаѣ, намъ пришлось выслушать отдаленные отголоски критикуемаго міровоззрѣнія по поводу самыхъ «Очерковъ». Намъ упрекали, въ очень осторожной и сдержанной формѣ, въ сущности, въ томъ, что мы слишкомъ игнорируемъ «традиціи» удѣльно-вѣчевого періода и преувеличиваемъ фатальную неизбѣжность порядковъ московскаго государства. Теперь, когда намъ приходится рѣшать вопросъ, откуда начинать исторію общественнаго русскаго самосознанія, съ Кіева или съ Москвы,—будетъ своевременно отвѣтить на оба эти, чрезвычайно характерныя, возраженія.

Намъ говорятъ, во-первыхъ, слѣдующее: «Москва, въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ государственныхъ учрежденій, сложилась не на пустомъ мѣстѣ. Государственный порядокъ, предшествовавшій ея появленію, вовсе не ограничивался, въ сущности, предѣлами южно-русскихъ земель, но распространялся и на сѣверо-востокъ, и борьба съ *этимъ порядкомъ Москвы, возникшей на его развалинахъ, оставила слишкомъ глубокіе слѣды въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, чтобы можно было совсѣмъ обойти ее. Удѣльный періодъ... съ его вѣчевыми собраніями и вольными слугами князей передалъ московской эпохѣ и нѣкоторыя традиціи, и нѣкоторыя учрежденія, причемъ кое-какія изъ нихъ оказались довольно живучими.*»

Этотъ рядъ положеній, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло намѣченныхъ и оставленныхъ безъ дальнѣйшаго развитія нашимъ оппонентомъ, дѣйствительно, мало гармонируетъ съ нашими собственными представленіями о ходѣ исторіи на русскомъ сѣверо-востокѣ. Начинать съ пустаго мѣста—наше общее міровоззрѣніе, конечно, еще менѣе позволяетъ, чѣмъ какое бы то ни было другое. Но начинать съ отождествленія порядковъ, господствовавшихъ на сѣверо-востокѣ въ домосковскій періодъ, съ порядками южной Руси, мы бы не рѣшились: такое начало, какъ сейчасъ увидимъ, скорѣе всего и привело бы къ построенію московской исторіи на «пустомъ мѣстѣ». Различіе всего соціальнаго строя сѣверо-востока и юга Россіи, намъ казалось, достаточно ярко указано нашими предшественниками; вотъ почему мы и

сочли возможным ограничиться простой ссылкой на то, что на сѣверо-востокѣ «были совѣмъ другія условія историческаго развитія», чѣмъ на югѣ. Исходя изъ этихъ специально свойственныхъ сѣверо-востоку условій общественной жизни, мы не видимъ въ нихъ и такого противорѣчія съ позднѣйшими московскими порядками, какъ это склоненъ представлять себѣ нашъ оппонентъ. Для него эти порядки возникаютъ, какъ прямое отрицаніе старыхъ, какъ продуктъ «борьбы», на ихъ «развалинахъ». Для насъ это скорѣе—продуктъ простаго развитія старыхъ порядковъ сѣверо-восточной Руси, при измѣнившихся условіяхъ времени. «Глубокіе слѣды» *этихъ* старыхъ порядковъ въ первомъ періодѣ существованія московскаго княжества мы вполне согласны были бы признать, но вѣдь оппонентъ требуетъ отъ насъ другого. Своихъ «глубокихъ слѣдовъ въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи» онъ, очевидно, ищетъ среди «развалинъ», онъ видитъ ихъ въ тѣхъ «нѣкоторыхъ традиціяхъ и нѣкоторыхъ учрежденіяхъ», которыя удѣльный періодъ «передалъ московской эпохѣ» въ *противорѣчіе* ея основнымъ чертамъ. Сюда, какъ видно изъ его дальнѣйшей фразы, онъ готовъ причислить вѣче, боярскую думу и земскіе соборы. О послѣднихъ двухъ у насъ будетъ рѣчь: предваряя наше изложеніе, мы скажемъ только здѣсь, что смотримъ на эти учрежденія, какъ на совершенно новыя, созданныя текущими потребностями, а не завѣщанныя «традиціями» удѣльнаго періода. Что касается вѣча,—по существу эта форма отжила свой вѣкъ съ появленіемъ на Руси единаго національнаго государства. Тутъ, вѣроятно, мы всего болѣе разойдемся съ мировоззрѣніемъ нашего оппонента. По его мнѣнію, повидимому, извѣстное состояніе общественнаго самосознанія можетъ быть завѣщано, какъ «традиція»—и притомъ «живучая» отъ одного общественнаго строя другому, совершенно несходному съ первымъ. Наше же мнѣніе заключается въ томъ, что каждый общественный строй создаетъ *свое* общественное самосознаніе, совершенно отъ него неотдѣлимое и вмѣстѣ съ нимъ измѣняющееся.

Нѣтъ нужды отрицать, что въ южно-русскомъ городѣ древняго періода, съ его значительнымъ скопленіемъ населенія, съ его живостью торговыхъ сношеній, создавалось то, что обыкновенно создается при этихъ условіяхъ въ городскихъ общинахъ: извѣстная степень быстроты и правильности психическаго взаимодѣйствія и, какъ результатъ, сравнительно высокая степень общественнаго самосознанія. Нельзя отрицать, что и сѣверно-русскій городъ не вовсе лишенъ былъ этихъ преимуществъ. Но, какъ элементъ политической власти, это специфически-городское самосознаніе оказалось недостаточно сильнымъ даже тогда, когда городская община имѣла еще возможность явиться центромъ соотвѣтственной государственной единицы. Естественно, что когда начался періодъ выработки высшаго государственнаго единства, городская община уже вовсе не могла фигурировать, какъ политическій факторъ. И тѣ общественно-критическіе элементы, которые свойственны

были городской общинѣ, не могли непосредственно перейти къ вновь слагавшейся высшей общественной группѣ. Въ этой послѣдней было, какъ увидимъ, свое общественное самосознаніе, ей свойственны были, и свои элементы общественной критики. Но они не имѣли ничего общаго ни по формамъ; ни даже по матеріалу — съ общественнымъ самосознаніемъ городской общины, отодвинутой на задній планъ общимъ ходомъ соціальной эволюціи.

Теперь намъ предстоитъ обсудить возраженія, высказанныя по поводу изображенія въ «Очеркахъ» самого этого общаго хода. Главное обвиненіе, какъ мы говорили, заключается тутъ въ томъ, что процессъ соціальной эволюціи изображенъ у насъ черезчуръ фаталистично. Не будучи специалистомъ по русской исторіи, второй нашъ оппонентъ опирается въ этомъ отношеніи на Костомарова; по своимъ возраженія онъ формулируетъ во имя новѣйшихъ требованій соціологіи, такъ что съ нимъ мы можемъ говорить его языкомъ.

Нашъ второй оппонентъ ставитъ своей задачей доказать, что авторъ «Очерковъ» безсознательно, такъ сказать, *malgré lui*, является послѣдователемъ теоріи экономическаго матеріализма. Онъ обвиняетъ эту теорію въ излишнемъ «объективизмѣ», доказываетъ неудобства такого объективизма и противопоставляетъ ему ученіе «субъективной школы», какъ онъ его понимаетъ. «Намъ кажется ошибочнымъ сведеніе ученія субъективной школы къ желанію поставить психическія явленія внѣ и выше матеріальныхъ условій»,—говоритъ онъ.—«Центръ тяжести волроса заключается вовсе не въ этомъ, а въ признаніи или непризнаніи, въ числѣ необходимыхъ элементовъ историческаго процесса, области субъективныхъ стремленій и цѣлой системы традицій, вѣрованій, чувствъ и идей, безъ сомнѣнія обусловленныхъ въ своемъ происхожденіи внѣшними причинами, но развивающихся сообразно своимъ внутреннимъ законамъ и *дѣйствующимъ на исторической сценѣ, въ качествѣ общественными силами* (курсивъ автора). Объективная школа не отрицаетъ, конечно, самаго присутствія человѣка съ его субъективными ощущеніями на исторической сценѣ, но она приписываетъ ему чисто передаточную роль. Все содержаніе какого-либо переворота или измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ уже заключено, по ученію этой школы, въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ, объективныхъ причинахъ: условіяхъ производства, географической среды или сосѣдства хищныхъ народовъ,—и необходимость этого измѣненія уже предуготовлена объективной причиной; человѣкъ же или, вѣрнѣе сказать, общество является лишь исполнителемъ этихъ предначертаній. По ученію же субъективной школы, какъ мы понимаемъ его, чтобы объяснить какое бы то ни было сложное общественное явленіе, *необходимо предположить наличность дифференцированной психической области, въ которой подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ и матеріальныхъ условій, а также и подъ вліяніемъ психическихъ воздѣйствій развиваются обще-*

ственные силы, устанавливающая и поддерживающая известные общественные отношения. Историческая необходимость этих отношений лежит не в самих внешних причинах, а в вызванных ими и данным состоянием общественной психики—общественных силах. Отсюда—гораздо больше относительный характер этой необходимости и меньшая обусловленность общественных отношений причинами, не подлежащими воздействию человека; отсюда—возможность государственных реформ и общественной деятельности (курсив наш).

Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать эту длинную выписку, такъ какъ новый «центръ тяжести» ученій «субъективной школы» въ формулировкѣ нашего оппонента значительно приближается къ центру тяжести нашихъ собственныхъ мыслей, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ окажется возможнымъ слить оба центра воедино. Оставимъ, для упрощенія спора, въ сторонѣ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли подводить воззрѣнія автора «Очерковъ» и его оппонента подъ ярлыки той или другой школы и будемъ бесѣдовать по существу. По существу, слѣдовательно, авторъ не ставитъ психическія явленія «внѣ и выше матеріальныхъ условій»; «система традицій, вѣрованій, чувствъ и идей», по его словамъ, «безъ сомнѣнія обусловлена въ своемъ происхожденіи внѣшними причинами». Но въ сколько-нибудь «сложномъ общественномъ явленіи»—«психическая область» является уже «дифференцированной» и въ свою очередь можетъ дѣйствовать на исторической сценѣ въ качествѣ общественныхъ силъ». Это вліяніе «общественной психики», «развивающейся сообразно своимъ внутреннимъ законамъ», идетъ, однако, объ руку съ вліяніемъ «внѣшнихъ причинъ и матеріальныхъ воздействій». Вся разница съ противоположнымъ воззрѣніемъ та, что, тогда какъ оно объясняетъ «необходимость» «какого-либо переворота» «тѣми или другими внѣшними, объективными причинами», а за «человѣкомъ или, вѣрнѣе сказать, обществомъ» оставляетъ лишь «чисто передаточную роль» «исполнителя предначертаній», «предустановленныхъ объективными причинами»,—воззрѣніе защищаемое нашимъ оппонентомъ, напротивъ, видитъ «историческую необходимость» не въ этихъ «внѣшнихъ причинахъ», а въ «вызванныхъ ими общественныхъ силахъ». Дѣйствіе этихъ общественныхъ силъ сокращаетъ районъ «обусловленности общественныхъ отношений причинами, не подлежащими воздействию человѣка» и придаетъ, такимъ образомъ, «гораздо болѣе относительный характеръ этой необходимости», открывая людямъ «возможность государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности».

Мы спросимъ нашего оппонента: какъ же понимаетъ критикуемое имъ воззрѣніе «передаточную роль» человѣческой психики, если не въ формѣ «государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности»? Это «исполненіе предначертаній», предустановленныхъ *внѣшними* причинами,—представляетъ ли такую скромную и тѣсную роль, какъ это

кажется теоретику «общественныхъ силъ»? И, съ другой стороны, въ самомъ развитіи «общественныхъ силъ» нѣтъ ли своихъ «внѣшнихъ законовъ», хотя и не выходящихъ за предѣлы «психики», но, тѣмъ не менѣе, тоже «не подлежащихъ воздѣйствію челоуѣка»? Другими словами, мы утверждаемъ, что «передаточная роль» общественной психики вовсе не такъ пассивна и безсознательна, а дѣятельность общественныхъ «силъ» вовсе не такъ автономна, какъ это допускаетъ нашъ критикъ. Расширивъ сознательный элементъ первой и ослабивъ активный характеръ вторыхъ, мы пришли бы къ довольно сходному пониманію роли «общественной психики» въ историческомъ процессѣ, которой мы вовсе не отрицаемъ, какъ это видно изъ нашихъ неоднократныхъ заявленій.

Вся эта относительность и условность принципиальныхъ возраженій критика видна будетъ еще яснѣе на томъ историческомъ примѣрѣ, который и вызвалъ эти возраженія, — именно на объясненіи происхожденія Московскаго государства. Мы утверждаемъ въ «Очеркахъ», что Московское государство явилось продуктомъ черезчуръ высокихъ государственныхъ требованій, предъявленныхъ къ черезчуръ неразвитому экономически населенію. Подозрѣвающій насъ въ тайной склонности къ экономическому матеріализму критикъ, во-первыхъ, сводитъ это объясненіе къ «чисто внѣшнимъ и матеріальнымъ причинамъ», а во-вторыхъ, показываетъ намъ теоретическую несостоятельность такъ понятаго объясненія. Высокія государственныя требованія, — разсуждаетъ онъ, — вызваны, по мнѣнію автора «Очерковъ», необходимостью бороться съ сосѣдями, т.-е. чисто внѣшней причиной. «Медленный ходъ экономическаго развитія древней Руси объясняется ея суровымъ климатомъ, т.-е. самою объективною изъ объективныхъ причинъ». Но когда «историческое явленіе связывается отношеніемъ необходимости съ внѣшними объективными причинами, то *этимъ самымъ область психическихъ явленій устраняется* изъ числа составныхъ элементовъ историческаго процесса: такъ какъ всѣ главные поворотные пункты послѣдняго предустановлены объективными факторами, то для психическихъ общественныхъ силъ не остается мѣста въ исторіи. Ихъ существованіе, конечно, не отрицается и не можетъ быть отрицаемо историками объективной школы, но онѣ не играютъ никакой роли въ ихъ историческихъ построеніяхъ». Мы видѣли, что «роль психическихъ силъ» остается еще очень большая и при полномъ признаніи роли «объективныхъ факторовъ». Но послѣдуемъ далѣе за развитіемъ мысли критика. Итакъ, «область психическихъ явленій» устраняется..., и этимъ создается положеніе, невозможность котораго очень остроумно доказывается критикомъ. Психологія устраняется, но *цѣлесообразность* возникновенія Московскаго государства продолжаетъ признаваться, помимо *закономѣрности*. Итакъ, это выходитъ — цѣлесообразность природы, объективная цѣлесообразность, т.-е. вопреки основному прин-

ципу «объективной школы» — чистѣйшая телеология. «Только всемогущее государство могло успѣшно бороться съ набѣгами крымскихъ, ногайскихъ и казанскихъ татаръ, окружавшихъ Россію въ XIV вѣкѣ, а также и съ надвигавшеюся съ Запада литвою, поэтому и создалась въ Россіи всемогущая государственная власть; такъ какъ это было необходимо для русскаго общества, то это и должно было случиться. Цѣль была поставлена ясно; потребность въ ея достиженіи была неотложна и исторія удовлетворила этой потребности. Отсюда тотъ историко-философскій выводъ, что все необходимое для независимаго существованія народа осуществляется въ его исторіи въ наиболѣе цѣлесообразной формѣ». Критикъ, конечно, протестуетъ противъ такого вывода, и мы протестуемъ вмѣстѣ съ нимъ. «Не все то совершается въ исторіи, что необходимо для сохраненія независимости даннаго народа». Безъ сомнѣнія, не все. И лучшее доказательство этого — то, что исторія знаетъ множество народовъ, не сохранившихъ своей независимости. Но мы опять предложимъ критику вопросы: не признаетъ ли онъ, во-первыхъ, что сохранить свою независимость, все-таки, стремятся *все* народы, и, во-вторыхъ, что сохраненіе независимости *даннаго* народа доказываетъ само по себѣ, что все «необходимое для сохраненія» его было «совершенно»?

Отвѣчая на первый вопросъ, критикъ, вѣроятно, признаетъ внутреннюю тенденцію самосохраненія свойственной всѣмъ общественнымъ группамъ. Отвѣтъ на второй вопросъ труднѣе, потому что тугъ предстоитъ разрѣшить то, что и составляетъ самый узелъ спора. «Совершенно» ли это «необходимое для народнаго самосохраненія» слѣпой игрой силъ природы, или сознательнымъ общественнымъ поведеніемъ? И эти «силы природы» слѣдуетъ ли представлять себѣ, какъ совершенно случайную комбинацію «внѣшнихъ» факторовъ или какъ стихійный процессъ развитія внутренней тенденціи? Создается ли государство по образцу того, какъ сорвавшійся камень убиваетъ случайнаго прохожаго или какъ дерево вырастаетъ изъ сѣмени, или какъ техникъ строитъ машину? Другими словами, надо ли объяснять происхожденіе государства — механически, органически или психологически? Нашъ критикъ заставляетъ насъ строить объясненіе по первому способу и справедливо удивляется, какъ въ такомъ случаѣ можно говорить о какой-либо целесообразности. Онъ менѣе удивлялся бы, если бы, признавъ существованіе внутренней тенденціи политической эволюціи, заставилъ насъ понимать ея осуществленіе по второму способу. Цѣлесообразность органическаго процесса — вещь не столь нелѣпая и бессмысленная, чтобы отвергать ее безъ всякихъ оговорокъ и поясненій. Но, во всякомъ случаѣ, это — не та цѣлесообразность, какую мы привыкли видѣть въ сознательномъ волевоомъ процессѣ, т. е. которую необходимо допустить при объясненіи происхожденія государства по третьему способу. Такое объясненіе необходимо

сведется къ теоріи свободнаго договора. Нашъ критикъ естественно, не предполагаетъ возможности объяснить происхождение московскаго государства и этимъ путемъ. «Трудно допустить», — говоритъ онъ, — «чтобы общественное сознание играло большую роль въ установленіи такой формы государственной власти, въ основѣ которой лежало подавленіе мы сказали бы слабость) этого сознания». И, естественно, критикъ, находитъ невозможнымъ понять наши объясненія «въ томъ смыслѣ, что русское общество XIV—XV в., проникнутое сознаниемъ неотложной потребности во внѣшней защитѣ, облекло для этого свое правительство неограниченными полномочіями и создало соотвѣтственный государственный строй».

Но является вопросъ: дѣйствительно ли для того, чтобы доказать цѣлесообразность возникновенія извѣстнаго общественнаго строя, необходимо предположить его *договорное* происхождение? Цѣлесообразность въ данномъ случаѣ предполагаетъ сознательность, но необходимо ли допустить такую именно степень сознательности, какъ требуетъ критикъ? Почему «сознание неотложной потребности во внѣшней защитѣ» должно было проникнуть *все* «русское общество», чтобы могли быть приняты соотвѣтственныя, болѣе или менѣе, цѣлесообразныя мѣры? И нужно ли было правительству, удовлетворившему такой «неотложной потребности», дожидаться, чтобы общество «облекло его для этого неограниченными полномочіями»?

Мы напомнимъ читателю наше объясненіе вызвавшее всѣ эти сомнѣнія нашего оппонента. «Надо было защищать собственное существованіе, слѣдовательно надо было найти для этого средства. Для *этого* надо было вызвать ихъ, создать, если ихъ не оказывалось налицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самодѣятельность. Такимъ образомъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ, и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вслѣдствіе самой этой скудности, оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія, а чтобы распоряжаться всѣми силами его оно, и должно было сдѣлаться всемогущимъ».

Объясненіе, дѣйствительно, «телеологическое». Но, какъ видно изъ предыдущихъ объясненій, за этой «телеологіей» не скрывается въ данномъ случаѣ никакой метафизики и она не предполагаетъ никакого общественнаго договора. Понятое буквально такъ, какъ было написано, это объясненіе предполагаетъ только, что нашлось достаточно сознательности среди русскихъ представителей власти XV вѣка, чтобы приспособить и даже форсировать наличныя средства страны въ видахъ заразъ и собственнаго, и общественнаго самосохраненія.

Таково и было, дѣйствительно, наше предположеніе. Мы никогда не исключали «общественной психики» изъ нашего объясненія и нисколько не отождествляли ее съ «общественнымъ договоромъ». Мы про-

сто искали ее не тамъ, гдѣ ищеть критикъ, и допускали ея присутствіе въ иной формѣ, чѣмъ готовъ допустить онъ. Онъ считаетъ носителями этой «общественной психики» не совсѣмъ ясно опредѣляемые имъ «общественныя силы», созданныя, повидимому, и въ его мнѣніи стихійнымъ процессомъ, и дѣйствовавшія неизвѣстно съ какой степенью активности и сознательности. И для насъ «общественныя силы» данной эпохи, въ смыслѣ, болѣе или менѣе, ясно сознаваемыхъ интересовъ общественныхъ группъ и единицъ, составляютъ необходимую предпосылку нашего объясненія; но мы указываемъ, какъ наличное состояніе «общественныхъ силъ», при данныхъ условіяхъ, выразилось въ дѣйствіяхъ власти, какъ наиболѣе сознательнаго тогда представителя коллективнаго общественнаго сознанія. Можетъ быть, это-то наше положеніе критикъ и будетъ продолжать оспаривать, но для этого онъ долженъ опредѣленнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, указать въ какихъ другихъ формахъ, какими другими «общественными силами» это коллективное сознаніе выражалось помимо тогдашнихъ представителей власти. Отчасти это послѣднее требованіе выполнимъ и мы сами, когда зайдемъ рѣчь объ элементахъ критики только что создававшагося тогда національнаго идеала. Но мы увидимъ при этомъ, какъ уже было сказано раньше, что это критическое общественное сознаніе возникло на той же почвѣ, какъ и критикуемый имъ общественный идеалъ, т. е. на почвѣ только что сложившагося общественнаго строя. Идеалъ и критика его были одинаково продуктами того «какъ бы стихійнаго, процесса», которымъ «совершались событія» этой эпохи, по собственному признанію критики.

Мы позволили себѣ вдаться въ эту длинную полемику исключительно потому, что она не только не удаляетъ насъ, а, напротивъ, открываетъ намъ путь къ предмету нашихъ бесѣдъ въ третьей части «Очерковъ». Если не ошибаемся, сказанное нами раньше даетъ достаточный матеріалъ для вполне опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, откуда слѣдуетъ начинать исторію русскаго національнаго самосознанія и почему для этого начала мы останавливаемся на избранномъ нами хронологическомъ періодѣ.

Русское національное самосознаніе могло развиваться лишь на почвѣ политическаго объединенія русской національности. Ни самосознаніе, ни критика его не могли предшествовать факту, къ которому относились. Но, конечно, характеръ того и другого опредѣлился тѣми условіями, при которыхъ совершалось русское національное объединеніе. *Особенность* этихъ условій, скорѣе чѣмъ *необходимость* самаго процесса, мы и хотѣли подчеркнуть нашимъ объясненіемъ. Необходимость процесса политической эволюціи мы при этомъ предполагали, какъ саму собой разумѣющуюся. Необходимость процесса—не есть еще, конечно, необходимость результата, такъ какъ результатъ является уже продуктомъ условій, среди которыхъ развивается процессъ. Среди этихъ

условія есть такія, которыя продолжаютъ намъ казаться болѣе необходимыми, *менѣе случайными*, чѣмъ это, повидимому, кажется нашему критику. Это, именно, прежде всего, роль внѣшней опасности при образованіи государства. Дѣло въ томъ, что хотя опасность этого рода и *внѣшняя*, хотя можно представить собѣ отвлеченную возможность созданія государства исключительно [внутреннимъ процессомъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности этотъ внѣшній факторъ такъ же распространенъ, какъ зародыши всевозможныхъ болѣзней въ окружающей атмосферѣ. Стало быть, дѣйствительный процессъ политической эволюціи всегда и вездѣ совершался при наличности этого фактора, внѣшней опасности, воздѣйствовавшаго на внутреннюю эволюцію власти. *Случайна*, т. е. свойственно именно данной исторіи—не то, что внѣшняя опасность была налицо и дѣйствовала, какъ внѣшній факторъ образованія государства, а то, что *дѣйствіе этого фактора* совпало съ данной, а не съ какой-либо другой, степенью развитія внутреннихъ «общественныхъ силъ». Эти «силы» не игнорируются, а, напротивъ, входятъ необходимымъ элементомъ въ наше объясненіе. Разница только въ томъ, повидимому, что критикъ опѣиваетъ политическое значеніе этихъ силъ иначе, нежели мы. Онъ говоритъ, какъ мы видѣли, объ ихъ «подавленіи» тамъ, гдѣ мы предпочли бы говорить о ихъ «слабости». Последнюю, однако, онъ тоже мѣстами признаетъ. «Въ томъ фазисѣ общественной эволюціи»,—замѣчаетъ онъ вполне справедливо,—«о которомъ идетъ рѣчь въ рассмотрѣнныхъ нами историческихъ объясненіяхъ автора «Очерковъ», роль общественнаго самосознанія была *чрезвычайно слаба* и событія совершались какъ бы стихійнымъ процессомъ; но роль *чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей* той эпохи была тѣмъ не менѣе очень значительна. Говоря о субъективныхъ факторахъ исторіи,—оговаривается критикъ,—мы вовсе не имѣемъ въ виду исключительно цѣлесообразной общественной дѣятельности или вліянія высокихъ идей; мы говоримъ лишь о томъ *сравнительномъ просторѣ, который предоставляется исторіей субъективному фактору* въ силу самой природы общественныхъ явленій».

И мы признаемъ этотъ «сравнительный просторъ», какъ видно изъ предисловія къ первой части «Очерковъ»; отсюда же видно, что степень этого простора мы опредѣляемъ различно, судя по тому, идутъ ли «чисто субъективные интересы и стремленія главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей» въ разрѣзъ или, наоборотъ, въ одномъ направленіи съ внутренней тенденціей даннаго процесса. И прилагая эту мѣрку къ опѣнкѣ «сравнительнаго простора» дѣствій историческихъ дѣятелей эпохи возникновенія московскаго государства, мы, можетъ быть, близко сойдемся съ сужденіями о томъ же предметѣ нашего оппонента. Раньше мы показали уже, почему наше сужденіе о цѣлесообразности русской политической эволюціи нельзя толковать ни въ смыслѣ «предустановлен-

ной цѣлесообразности самого историческаго процесса», ни въ смыслѣ «сознательнаго установленія русскимъ обществомъ XIV вѣка самодержавнаго государственнаго строя». Сдѣлаемъ оговорку: всѣ наши сужденія о «цѣлесообразности» относятся не къ XIV, а къ концу XV вѣка. Мы вполне согласны съ мнѣніемъ опонента, что «московское самодержавіе было подготовлено длиннымъ процессомъ, въ основѣ котораго лежала не общая идея о необходимости сильнаго государства, а частныя, своекорыстныя стремленія враждовавшихъ между собою князей» и что «сами московскіе великіе князья могли ставить общегосударственныя задачи своей политикѣ только послѣ того, какъ въ ихъ рукахъ скопились достаточныя для того силы». Мы безусловно признаемъ, что начало процесса было вполне стихійнымъ или, если угодно, лежало въ области «чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій» соперничавшихъ между собой представителей власти. Общественный результатъ этого соперничества, — возникновеніе болѣе сложной политической организаціи, находился, несомнѣнно, внѣ сферы ихъ личнаго сознанія. Это не мѣшаетъ намъ не видѣть ни въ процессѣ борьбы, ни въ его результатѣ—ничего случайнаго, а считать то и другое проявленіемъ внутренней тенденціи, необходимо присущей процессу политической эволюціи вездѣ, гдѣ этотъ процессъ имѣетъ возможность совершиться. Мы не отрицаемъ ни «субъективныхъ стремленій», ни «страстей», развившихся «въ этой смутной, тяжелой и часто трагической исторіи» образованія русскаго государства. Но такъ какъ мы ищемъ въ данномъ случаѣ соціологической истины, а не нравственнаго назиданія, то совершенно естественно, что мы обратили все свое вниманіе не на элементы «трагизма», несомнѣнно существовавшіе, а на элементы «строгой общественной необходимости».

Постепенное развитіе сознательности по мѣрѣ развитія процесса—также входитъ въ число этихъ необходимыхъ элементовъ соціальнаго развитія. Носителемъ этого сознанія, опредѣляющимъ и его первоначальный характеръ, является, конечно, не вся народная масса, — «общественное самосознаніе» когорой, по вѣрному замѣчанію критика, было тогда еще «чрезвычайно слабо» —, а «главнѣйшіе историческіе дѣятели той эпохи», т. е. представители власти и ихъ совѣтники. Мы совершенно согласны съ нашимъ оппонентомъ, что роль этихъ дѣятелей «была очень значительной», тогда какъ «роль общественнаго самосознанія была», напротивъ, «чрезвычайно слаба». Но «значительность» роли современныхъ дѣятелей мы объясняемъ не столько тѣмъ «сравнительнымъ просторомъ, который предоставляется исторіей субъективному фактору», какъ таковому, сколько той *цѣлесообразностью* ихъ дѣйствій, т. е. соответствіемъ ихъ условіямъ данной эпохи, которое только и могло обезпечить этимъ дѣйствіямъ «сравнительный просторъ» *)

*) Извиняемся передъ нашимъ вторымъ оппонентомъ, что оставляемъ безъ подробнаго разбора тѣ его возраженія, обсужденіе которыхъ отвлекло бы насъ отъ

Теперь должно сдѣлаться уже вполне ясно, почему исторію національнаго самосознанія мы начнемъ не съ элементовъ самосознанія и критики, присущихъ «удѣльно-вѣчевому» періоду русской исторіи, а съ конца XV вѣка, т. е. съ момента, къ которому, по призванію нашего второго оппонента, эти старыя элементы совершенно переродились. Въ этомъ признаніи второй нашъ критикъ отличается отъ перваго, который склоненъ признавать «нѣкоторые» старыя элементы, напротивъ живучими и оставившими глубокой слѣдъ въ послѣдующей исторіи. Но и со вторымъ критикомъ, съ которымъ мы соглашаемся въ томъ, что элементовъ удѣльно-вѣчевого періода болѣе уже не было налицо, мы расходимся въ объясненіи того, почему ихъ не было. Слѣдую Костомарову, онъ всю вину возлагаетъ здѣсь на татарское иго и на произведенный имъ переворотъ въ состояніи «общественныхъ силъ». Мы же, вмѣстѣ съ старой московской исторической школой, готовы искать причину глубже и дальше—въ особенностяхъ соціальнаго строя русскаго сѣверо-востока, какъ этотъ строй сложился уже въ до-татарскую эпоху.

Первый изъ критическихъ отзывовъ на «Очерки», разбираемый выше, принадлежитъ *В. А. Мякотину* и напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ», 1896 года, № 10. Второй разборъ сдѣланъ въ статьѣ: «нѣсколько замѣчаній объ «очеркахъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова», принадлежащей г. *П. Б.* и появившейся въ томъ же журналѣ за 1898 годъ, № 8.

П. Милюковъ.

главной цѣли нашей настоящей бесѣды. Замѣтимъ только, что напрасно критикъ хочетъ и въ этихъ другихъ возраженіяхъ выставить насъ безусловнымъ сторонникомъ теоріи экономическаго матеріализма, вопреки нашему собственному заявленію. Политическаго элемента въ социальномъ развитіи мы нисколько не отрицаемъ, но, дѣйствительно, въ примѣрахъ, приводимыхъ авторомъ, самую степень активности этого политическаго элемента мы ставимъ въ зависимость отъ степени экономическаго развитія. Земледѣльческій трудъ получаетъ «принудительную организацію» по преимуществу тамъ, гдѣ плоды его могутъ быть похлѣны съ «организаторами», т. е. въ случаѣ известной степени доходности его. Вотъ почему, вопреки мнѣнію оппонента, мы продолжаемъ думать, что не потому экономическое развитіе древней Руси было низко, что не нашлось организаторовъ труда изъ среды завоевателей-иноплеменниковъ, представителей «благороднаго» сословія, а потому этого сословія благородныхъ завоевателей не оказалось на Руси, что экономическое развитіе было низко. Рѣзкаго раздѣленія между обоими факторами, конечно, проводить нельзя, потому что необходимо допустить известную степень взаимодѣйствія между ними.

* * *

Незамѣтно въ окно заглянула луна
И, бросая холодный задумчивый свѣтъ,
Вновь на темномъ полу начертила она
На забытый вопросъ непонятный отвѣтъ.
Я хочу разобрать этотъ блѣдный узоръ,
Непонятные знаки прочесть я хочу,
Чтобъ огонь не привлекъ мой тоскующій взоръ,
Нагорѣвшую я задуваю свѣчу.
Встали тѣни кругомъ, шевельнулись толпой
Всѣ неясныя чувства, забытые сны
И я вновь имъ невольно внимаю съ тоской,
Отдаваясь таинственной власти луны.

Allegro.

ПРИМИРЕНІЕ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Отецъ Василій и отецъ Мартирій недавно опять поссорились. Они ссорились довольно часто и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, какъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что они поссорились теперь. Представьте себѣ двухъ почтенныхъ мужей, которыхъ судьба заставила бы всю жизнь ходить въ одной, правда довольно большой, кѣткѣ, вокругъ столбика, да еще съ условіемъ не удаляться отъ столбика больше чѣмъ на десять шаговъ. Какъ бы ни были ловки эти два человѣка они непременно столкнулись бы и задѣли другъ друга; какъ бы ни были они почтенны, они непременно обозлились бы и поссорились бы. Не въ такомъ ли положеніи были отецъ Василій и отецъ Мартирій?

Они служили на приходѣ въ селѣ Березнякахъ. Это было огромное село, въ длину тянувшееся версты на три, какъ и ставокъ, по берегу котораго оно раскинулось. Въ ширину оно не было столь опредѣленно, потому что съ каждымъ годомъ все расло и расло. Обыватели его размножались, молодая поколѣнія подростали, женились. Новыя пары вили себѣ гнѣзда. И такъ какъ для этихъ гнѣздъ нужно было мѣсто, а въ длину селу былъ положенъ предѣлъ — глубокая балка, (оврагъ) дальше которой никакъ нельзя было идти, потому что тогда пришлось бы начать новое село, — то строились въ ширь; съ каждымъ годомъ прибавлялся новый рядъ и село расло и расло.

И въ такомъ большомъ селѣ была только одна церковь, а при церкви два іерея. И вотъ эти два іерея въ теченіе уже двѣнадцати лѣтъ (а раньше были другіе іереи, которые дѣлали то же самое) благословляли, крестили, хоронили, молебствовали благодарственно и просительно, маслособоровали — то однимъ, то другой, то оба вмѣстѣ, получали за это мзду и дѣлили только это и ни-

чего больше. Таеъ развѣ же это не закодванный кругъ, въ которомъ они должны были обязательно сталкиваться и ссориться?

Въ прежнее время отецъ Мартирій и отецъ Василій всѣ эти обязанности исполняли поочереди: недѣлю одинъ, недѣлю другой; но оказалось, что обыватели Березняковъ такъ неудержимо рождались на свѣтъ, женились и умирали, что одному батюшкѣ никакъ нельзя было справиться съ ними. Въ недѣлю отца Мартирія—отецъ Мартирій сбивался съ ногъ и зачитывался на требахъ до того, что, придя домой, начиналъ съ матушкой говорить по славянски. Въ недѣлю отца Василя то же самое происходило съ отцомъ Василюемъ.

Тогда они раздѣлили село на двѣ равныя части. Церковь стояла какъ разъ посрединѣ села; и вотъ та часть, которая шла отъ плотины до церкви, принадлежала отцу Василюю, а отъ церкви до балки—отцу Мартирію. Таеъ было легче и нѣкоторое время батюшки недурно справлялись съ своими обязанностями. Но дальнѣйшая практика показала, что и это не вполне разрѣшало задачу.

Дѣло въ томъ, что у обывателей были своего рода вкусы и пристрастія. Трудно сказать, почему, на примѣръ, Мартынь Дудка, хата котораго стояла неподалеку отъ плотины и слѣдовательно находилась въ районѣ отца Василя, предпочиталъ отца Мартирія и когда у него или у его сыновей и дочерей, которыхъ было множество, рождался младенецъ или заболѣвала старуха-мать, то онъ требовалъ, чтобы крестилъ младенца или соборовалъ старуху непременно отецъ Мартирій. Съ другой стороны, Федоръ Мирошниченко, тоже хозяинъ извѣстный, почему-то возлюбилъ отца Василя и, когда у него въ семьѣ случалась треба, то вмѣсто того чтобы идти къ отцу Мартирію, такъ какъ его хата находилась по дорогѣ отъ церкви къ балкѣ, надъ ставкомъ, онъ непременно отправлялся къ отцу Василюю.

Это спутывало духовныхъ лицъ и сѣяло между ними сѣмена вражды даже тогда, когда они находились въ мирѣ.

Но случалось, что и сами они неохотно шли даже къ такому прихожанину, который жилъ въ ихъ полосѣ. Если, положимъ, къ батюшкѣ обращался Иванъ Вусъ—горчайшій пьяница, пропившій уже все, что у него было и потому платившій за церковную требу какого бы то ни было важнаго значенія три копѣйки, то ни тому, ни другому не было охоты исполнять его просьбу. Въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ старался какъ нибудь отговориться и какъ бы забывалъ на это время добровольное дѣленіе села на районы.

Отецъ Мартирій въ особенности проявлялъ себя при такихъ обстоятельствахъ. Онъ вообще кряхтѣлъ и стоналъ, когда приходилось идти на требу. У него была такая комплекція, при кото-

рой жизнь не доставляет человеку особеннаго удовольствія, а иногда бывает даже въ тягость. Отецъ Мартирій носилъ на себѣ слишкомъ много излишняго жиру и впереди себя таскалъ весьма изряднаго размѣра животъ. Естественно, что все это обременяло его и онъ предпочиталъ лежать у себя на диванѣ или сидѣть въ креслѣ. Когда къ нему обращался богатый мужикъ, отъ котораго можно было ожидать не только платы за потребу въ прямомъ видѣ, но и еще какого-нибудь прибавленія, вродѣ мѣры жита или пары молодыхъ поросятъ, тогда отеки на ногахъ у отца Мартирія меньше давали ему чувствовать себя и ноги его довольно легко приходили въ движеніе; но если мужикъ былъ такъ себѣ и отъ него ничего нельзя было ждать, то отеки сейчасъ же усиливались, и отецъ Мартирій чувствовалъ себя прикованнымъ къ креслу. У него начинало ломить ноги, появлялась одышка, и онъ говорилъ тогда обращавшемуся къ нему мужику:

— А поди-ка, попроси отца Василю; я что-то не такъ-то здоровъ.

Иногда онъ писалъ отцу Василю записку: „достоуважаемый отецъ Василій, хотя подлежащая треба и находится въ моей части, но что-то ноги мои нынче одеревянѣли, а потому не согласитесь ли по-товарищески замѣнить меня“?

Отецъ Василій большею частью исполнялъ его просьбы. Онъ хорошо понималъ, что это несправедливо, но ему это не слишкомъ дорого стоило. Онъ былъ человекъ комплекціи тонкой, легкой, какъ перышко, подвижной, необыкновенно здоровый и жизнерадостный. Поводомъ для ссоръ съ отцомъ Мартиріемъ было и такъ достаточно. Но у отца Василю были тоже и свои обстоятельства. Онъ сильно занимался хозяйствомъ, пахалъ землю, водилъ овецъ и потому вѣчно находился въ хлопотахъ, вѣчно что-нибудь продавалъ—то пшеницу, то крупу, то овечью шерсть. Онъ находился въ постоянномъ волненіи изъ-за цѣнъ, которыя то падали, то подымались и никакъ нельзя было угадать, когда надо выдержать, а когда продать.

Но все же онъ старался не отказывать отцу Мартирію въ его просьбахъ. Что стоило ему, человеку здоровому и легкому, сходить куда-нибудь на кладбище и сокращенной службой отпѣть покойника, помолобствовать въ домѣ? Но когда онъ видѣлъ, что отецъ Мартирій уже слишкомъ злоупотребляетъ своими отеками въ ногахъ, то его брала злость и онъ отказывалъ. Въ такихъ случаяхъ онъ на записку отца Мартирія отвѣчалъ.

„Досточтимый отецъ Мартирій! хотя, слава Богу, отеками въ ногахъ и не страдаю, но имѣю свои дѣла и потому исполнить вашей просьбы не могу. Благоволите сами совершить требу“.

Въ такихъ случаяхъ нерѣдко выходили недоразумѣнія. Отецъ

Мартирій опять писалъ; отецъ Василій, такъ какъ характеръ у него въ сущности былъ упорный, отвѣчалъ что-нибудь поострѣе; отецъ Мартирій обижался и изъ этого въ концѣ концовъ получалась ссора, которая тянулась нѣсколько дней.

Но и это все еще было бы ничего; все-таки они были товарищи, одного выпуска. Лѣтъ четырнадцать тому назадъ оба они вышли голышами изъ семинаріи, — Василій Мелхиседековъ и Мартирій Сострѣлятенко. Оба вышли по второму разряду, поближе къ концу; оба были сперва въ псаломщикахъ и оба потомъ женились на епархіалахъ.

Да, вотъ въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и была причина всѣхъ причинъ. Пока епархіалы были моложе, онѣ дружили, другъ безъ дружки жить не могли и даже, несмотря на то, что жили въ одномъ церковномъ домѣ, подъ одной крышей, переписывались между собою. Но по мѣрѣ того, какъ они толстѣли и все больше и больше становились матушками, дружба между ними остывала и матушка отца Мартирія вдругъ вспоминала, что, когда онѣ были въ школѣ, то матушка отца Василя въ чемъ-то подставила ей ножку. А матушка отца Василя, въ свою очередь, припоминала, что тамъ же, въ школѣ, матушка отца Мартирія однажды донесла о чемъ-то классной дамѣ, вслѣдствіе чего матушка отца Василя была наказана. Такого рода воспоминанія не могли способствовать укрѣпленію дружескихъ узъ, и матушки чаще и чаще ссорились между собою, а на двѣнадцатомъ году ихъ совместной жизни, ссоры эти случались раза три въ недѣлю, а бывали и долговременныя, длившіяся по недѣлямъ и даже до мѣсяца. Рассказывать о томъ, какіе поводы были для этихъ ссоръ, бесполезно, такъ какъ нѣтъ такого повода, который не годился бы для ссоры между двумя духовными особами женскаго пола. Но дѣло въ томъ, что обѣ матушки въ сущности сходили съ ума отъ тоски и, посидѣвъ въ одиночествѣ недѣлю, другую, третью, начинали чувствовать потребность другъ въ другѣ. И тогда съ какой-нибудь стороны дѣлался первый шагъ, — на примѣръ, матушка, отца Василя послала къ матушкѣ отца Мартирія горничную спросить, — неужели и у нея въ погребѣ тоже скислось молоко во всѣхъ кувшинахъ и, если нѣтъ, то не можетъ ли она одолжить немного сливокъ для отца Василя, потому что у нея все скислось. Матушка отца Мартирія, съ нетерпѣніемъ ожидавшая этого шага и уже готовая, было, сама предпринять его, съ удовольствіемъ послала сливки и съ своей стороны просила, не пришлетъ ли ей матушка немного угля для самовара, потому что у нея бухарка, которая шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы что-нибудь не опрокинуть и не разбить, вылила на кулъ съ углемъ цѣлый ушатъ воды. Нечего и прибавлять, что матушка отца Василя тотчасъ же

прислала матушкѣ отца Мартирія углей и въ тотъ же день вечеромъ обѣ матушки сидѣли за однимъ столомъ, пили чай съ вареньемъ и мирно сплетничали насчетъ дьяконихи...

Но эта неровность въ отношеніяхъ между собою матушекъ, само собою разумѣется, отражалась и на батюшкахъ и нерѣдко была причиной холодныхъ отношеній между ними.

Собственно событіе, послужившее причиной этой исторіи, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Отецъ Мартирій сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ креслѣ. Кресло у него было удивительное, замѣчательное прежде всего тѣмъ, что было сдѣлано мѣстнымъ столяромъ по заказу отца Мартирія и, согласно его указанію, съ такимъ расчетомъ, чтобы тучному тѣлу отца Мартирія было въ немъ привольно. По формѣ оно не представляло ничего изящнаго, было квадратное, съ высокою спинкой, съ такими же ручками, но очень помѣстительное и мягкое, такъ что человѣку, который разъ въ него забрался, очень не хотѣлось разставаться съ нимъ.

Итакъ, отецъ Мартирій сидѣлъ въ креслѣ. На церковномъ дворѣ послышался неистовый лай собакъ. Это уже означало, что пришелъ мужикъ. Церковныя собаки отличались какими-то странными аристократическими вкусами, и когда приходилъ человѣкъ въ скюртукѣ, какъ на примѣръ, писарь или учитель, то они довольно спокойно сидѣли на своихъ мѣстахъ и только слегка ворчали. Но не дай Богъ появиться мужику, въ особенности если на немъ былъ овчинный полушубокъ. Собаки тогда срывались съ своихъ мѣстъ, набрасывались на него, подымали адскій лай, впились зубами въ полы полушубка и старались стащить его съ плечъ мужика.

Отецъ Мартирій дѣйствительно сейчасъ же и понялъ, что пришелъ мужикъ и по всей вѣроятности по случаю какой-нибудь нужды. Поэтому у него тогда уже въ поясницѣ почувствовалось какое-то томленіе. И въ самомъ дѣлѣ въ сѣнцы вошелъ мужикъ и горничная спросила его громко, такъ что слышно было въ кабинетѣ.

— Что тебѣ, Терешка?

— Я до батюшки! — отвѣтилъ Терешка, — у меня старуха померла.

— Такъ хоронить? — спросила горничная.

— А что жъ больше съ нею дѣлать? — спросилъ, въ свою очередь, Терешка. — Коли померла, такъ надо хоронить.

Горничная отправилась въ кабинетъ и доложила отцу Мартирію о случившемся.

— А кто это такой? — спросилъ отецъ Мартирій.

— Да это Терешка...

— А который Терешка? Ихъ два. Есть Терешка Волкъ и есть Терешка Немошный. Такъ который?

— Это Волкъ, отецъ Мартирій.

Отецъ Мартирій, когда слышалъ еще разговоръ горничной съ Терешкой, питалъ нѣкоторую надежду, что Терешка окажется тотъ, который живетъ у самой плотины. Тогда онъ безъ всякихъ околичностей отослалъ бы его къ отцу Василию. Но Терешка Волкъ живетъ какъ разъ неподалеку отъ балки. И дѣло въ томъ, что Терешка Волкъ былъ мужикъ никуда негодный. Ему въ началѣ осени и земство уже выдало пособіе и все-таки у него не хватить до конца зимы. А зима стояла суровая, морозъ доходилъ до 15 градусовъ, что въ тѣхъ мѣстахъ бывало рѣдко; а въ комнатѣ отца Мартирія было такъ крѣпко натоплено и такъ приятно было сидѣть ему въ мягкомъ креслѣ, что мысль о бѣдныхъ похоронахъ, о томъ, что надо ѣхать къ балкѣ, а отъ балки тащиться на кладбище, одна уже эта мысль заставляла отца Мартирія дрожать отъ холода.

— Скажи ему, что я нездоровъ... У меня ногу ломить,—и отецъ Мартирій нагнулся къ ногѣ и погладилъ ее такъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту почувствовалъ ломоту,— пусть попроситъ отца Василия.

Горничная вышла къ мужику и сказала ему, что у отца Мартирія нога болитъ и чтобъ онъ попросилъ отца Василия.

Мужикъ почесалъ затылокъ, но ничего не возразилъ и пошелъ къ отцу Василию. Переходъ ему предстояло сдѣлать недолгій. Главный церковный домъ раздѣлялся на двѣ половины,—въ одной жилъ отецъ Мартирій, въ другой отецъ Василій. Домъ этотъ былъ очень длинный, похожій на казарму и въ немъ было множество оконъ, которыя всѣ выходили въ церковную ограду. Былъ еще другой домъ, по ту сторону ограды, для причта; тамъ жилъ дьяконъ, два дьячка и старый — престарый пономарь.

Мужикъ вышелъ изъ одной двери съ небольшимъ крылечкомъ и, пройдя десятокъ шаговъ, вошелъ въ другую дверь съ такимъ же точно крылечкомъ. Собаки на этотъ разъ дали ему пройти спокойно. Онѣ очевидно поняли, что мужикъ пришелъ по дѣлу, можетъ быть даже сообразили, что онъ теперь долго будетъ ходить изъ одной половины дома въ другую, и, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы слишкомъ много надрываться, рѣшили замолчать.

Мужикъ пришелъ къ отцу Василию и точно также, какъ и у отца Мартирія, остановился въ сѣнцахъ. Но въ то время, какъ у отца Мартирія въ домѣ была тишина, у отца Василия въ кабинетѣ шелъ шумный разговоръ. Тамъ было два покупателя пшеницы. Отецъ Василій торговался съ ними. У него былъ сильный высокой теноръ и онъ совсѣмъ не умѣлъ говорить тихо. Онъ и въ церкви служилъ такъ громко, что слышно было и въ оградѣ, тогда какъ отецъ Мартирій мямлил себѣ подъ носъ и ничего нельзя было разобрать изъ того, что онъ говорилъ.

Мужикъ тѣмъ не менѣе дождался горничной и попросилъ ее повѣдать отцу Василию о своей нуждѣ.

— Какой Терешка?—спросилъ отецъ Василій, отвлекшись на минуту отъ разговора съ купцами.

— Терешка Волеъ!—объяснили ему.

— Такъ это же отца Мартирія дѣло, а не мое,—сказалъ отецъ Василій,—пускай и идетъ въ отцу Мартирію.

— Онъ былъ у отца Мартирія. Такъ отецъ Мартирій нездоровъ.

— Ну, я тоже нездоровъ. Я часть тому назадъ видѣлъ отца Мартирія, какъ онъ шелъ отъ старшины, у котораго еще выпросилъ два мѣшка жита. Этакое нездоровье дай Богъ всякому.

Муживу сообщили, чтобъ онъ опять шелъ въ отцу Мартирію. И вотъ съ этого-то момента и началась исторія. До сихъ поръ все было еще ничего. И въ прежнія времена часто случалось, что мужикъ сперва пойдетъ въ одному батюшкѣ, потомъ въ другому, и который - нибудь изъ нихъ согласится и пойдетъ совершать требу. Но въ томъ-то и дѣло, что въ то время, когда Терешка пришелъ въ отцу Василию, въ сѣняхъ была матушка отца Василия; она узнала, въ чемъ дѣло. И такъ какъ матушки въ это время находились въ періодѣ самой острой ссоры, то дѣло приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ... Когда мужикъ ушелъ, матушка отца Василия отправилась въ кабинетъ и, не взирая на купцовъ, прямо заявила отцу Василию.

— Если ты позволишь отцу Мартирію такъ помыкать собой и согласишься, то всякій прямо скажетъ, что ты не батюшка, а баба...

II.

Съ этого и началась исторія. Когда мужикъ вернулся въ отцу Мартирію, то попался на глаза матушкѣ отца Мартирія.

— Что тебѣ?—спросила матушка, доселѣ еще не выдавшая мужика.

— Да вотъ, матушка, въ вашей милости,—сказалъ Терешка,—старуха у меня померла, такъ схоронить надо. Отецъ Мартирій нездоровъ, а отецъ Василій не желаютъ!

— Какъ не желаетъ? Если о. Мартирій нездоровъ, такъ кому же больше?

— А они не желаютъ. Сказали, пусть отецъ Мартирій хоронитъ, потому что это ихняя часть, отца Мартирія.

Матушка отца Мартирія, разумѣется, была возмущена столь нетоварищескимъ образомъ дѣйствій отца Василия. Она отправилась въ кабинетъ и начала доказывать отцу Мартирію, что онъ не долженъ уступать.

— Нѣтъ, ты настаивай на своемъ, отецъ Мартирій, ты настаивай, потому что отецъ Василій такой: ты ему смолчишь, когда онъ на ногу тебѣ наступитъ, такъ онъ сейчасъ же на шею тебѣ сядетъ. Онъ такой...

Отецъ Мартирій видимо колебался. Вѣдь, въ сущности, онъ долженъ похоронить. Терешко живетъ въ его половинѣ села, нога у него хоть чуточку и побаливаетъ, но не настолько, чтобы это мѣшало ему ходить.

— Послушай, душа моя, — колеблющимся голосомъ сказалъ отецъ Мартирій, — я думаю, что не стоитъ изъ-за этого заваривать кашу. Я могу похоронить.

— Какъ? Послѣ того, какъ ты сказалъ, что не можешь и вдругъ можешь? Но ужъ это извини, это дастъ отцу Василю поводъ Богъ знаетъ что говорить.

— Да вѣдь, душа моя, Терешка живетъ въ моей половинѣ!

— А я никакихъ этихъ вашихъ половинокъ не признаю. Вѣдь это вы сами и выдумали! И что за половины такія, скажи пожалуйста? Слыхалъ ты, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ приходѣ дѣлили такимъ образомъ село на части? И никогда этого не видано и не слыхано. Это если бы у васъ было двѣ церкви, тогда это понятно, но при одной церкви все село составляетъ одинъ приходъ. Понятно, если одинъ нездоровъ, такъ другой долженъ исполнять требы; это ты кому хочешь расскажи и всякій скажетъ, что это такъ, и благочинный это скажетъ и самъ архіерей навѣрно точно также...

У насъ есть хорошій поводъ описать матушку отца Мартирія. У нея было миловидное лицо, но ростъ былъ малый, вслѣдствіе этого плотность, которая съ каждымъ годомъ все больше и больше входила въ свои права, была слишкомъ замѣтна въ ней и много вредила ея наружности. У нея были густые черные волосы, лицо смуглое и чрезвычайно густыя брови, слегка сросшіяся, что несомнѣнно указывало на сильный характеръ.

Матушка отца Мартирія была бездѣтна и, благодаря этому, особенно страдала отъ скуки, гораздо больше, чѣмъ матушка отца Василя. Она выписывала „Ниву“ и каждый номеръ перечитывала по три раза и иногда это доводило ее до одуренія. Вслѣдствіе недостатка книгъ для чтенія, однажды, много лѣтъ тому назадъ, она стала читать епархіальныя вѣдомости, заранѣе зная, что это ей не доставитъ удовольствія, такъ какъ все то, о чемъ тамъ писалось, она считала сферой отца Мартирія. Но потомъ это вошло въ привычку и съ теченіемъ времени она до того пристрастилась къ этому печатному органу, что съ нетерпѣніемъ ждала прибытія его, перехватывала у вучера, который привозилъ его изъ города или у церковнаго старосты, разрѣзала и прочитывала прежде отца Мартирія; и назусть знала всѣ приходы, всѣ перемѣны въ епархіи, всѣ новыя

назначенія: кто изъ стариковъ умеръ, кто изъ молодыхъ переведень на его мѣсто, какіе семинаристы кончили курсъ и поступили въ псаломщичьи, какіе посланы въ академію, какіе получили приходы, кто награжденъ набедренникомъ, кто скуфьей, кто камилавкой, а кто удостоился выговора со стороны консисторіи или архиепископа. Все это наизусть знала матушка отца Мартирія. Что касается собственно отца Мартирія или отца Василя, то со стороны награды и поощреній начальства они не имѣли никакихъ поводовъ для взаимной зависти. Въ этомъ отношеніи они шли рядышкомъ, оба имѣли одинаковыя награды, до камилавки включительно.

Отецъ Мартирій нѣкоторое время колебался, но въ виду столь сильной поддержки, оказанной ему матушкой, онъ сказалъ:

— Да я бы пошелъ, но дѣйствительно, дѣйствительно у меня нога болитъ... Просто и самъ не знаю, отчего это, а болитъ. Не знаю, какъ и убѣдить въ этомъ отца Василя.

— Да ты вотъ что: ты записку напиши, — промолвила матушка, вѣрившая въ особенное значеніе и убѣдительность записки.

— Пожалуй, я напишу... Придвинь ко мнѣ столикъ и чернильницу.

Отецъ Мартирій могъ бы подняться и подойти къ письменному столу и матушка знала, что онъ могъ это сдѣлать. Но ужъ какъ-то такъ оба чувствовали, что необходимо до конца довести исторію о больной ногѣ и потому матушка осторожно придвинула къ нему маленькій столикъ, водрузила чернильницу, дала ему бумагу и отецъ Мартирій написалъ:

„Достоуважаемый отецъ Василій, прошу васъ вѣрить, что дѣйствительно я ощущаю боль въ ногѣ, вслѣдствіе чего не могу исполнить требу. А посему покорнѣйше васъ прошу замѣнить меня въ семь случаѣ. Я же съ своей стороны въ будущемъ времени въ другомъ подобномъ случаѣ замѣню васъ и такимъ образомъ не останусь въ долгу передъ вами. Остаюсь искренно уважающій васъ товарищъ Мартирій Сострѣлятенко“.

— Вотъ эту записку отдай отцу Василю, — сказала матушка Терентію, — и больше не приходи. Все равно, отецъ Мартирій не пойдетъ, у него нога болитъ.

Мужикъ опять почесалъ затылокъ, совершилъ новое путешествіе изъ одной двери въ другую, пройдя нѣсколько шаговъ по церковному двору.

Тутъ матушка отца Василя уже прямо навинулась на него.

— Что это такое? Записка? Какая записка? Покажи, что за записка такая? Знаемъ мы эти записки...

Она вырвала изъ рукъ Терешки записку и буквально разодрала ее.. И затѣмъ прочитала.

— Ну, да, у него нога болитъ... У него всегда что-нибудь болитъ. Когда ему не хочется, такъ у него болитъ...

Потомъ она побѣжала въ кабинетъ отца Василя, опять ворвалась въ дѣловую разговоръ въ то самое время, когда уже покупная цѣна налаживалась и сдѣлала натискъ на отца Василя.

Этимъ временемъ можно воспользоваться, чтобы описать наружность матушки отца Василя. Хотя она и кончила курсъ въ томъ же епархіальномъ училищѣ, что и матушка отца Мартирія, но была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Она толстѣла, такъ сказать, параллельно съ матушкой отца Мартирія, но роста была высокаго, оттого плотность въ ней какъ-то не бросалась въ глаза. Кромѣ того, у матушки отца Василя были дѣти, вслѣдствіе чего формы ея приняли болѣе мягкія и естественныя очертанія. Вообще по наружности матушка отца Василя много выигрывала передъ матушкой отца Мартирія. У нея какъ-то больше было женственности, вслѣдствіе чего фигура обладала привлекательностью, но въ тоже время не была лишена и внушительности. У нея были русые волосы и много волосъ, такъ что она могла дѣлать пышную высокую прическу и дѣлала ее всякій разъ, когда ѣздила въ городъ. На лицѣ у нея было немного веснушекъ, но онѣ не только не портили цвѣта лица, но придавали ему какую-то загадочность.

— Ну, что тамъ еще?—съ досадою спросилъ отецъ Василій, который терпѣть не могъ, чтобы ему мѣшали, когда дѣло налаживалось.

Матушка ткнула ему въ руки письмо.

— Вотъ, полюбуйся... ноги болятъ... У него всегда что-нибудь болитъ...

— Ахъ, подожди, пожалуйста!—съ досадою пробормоталъ отецъ Василій,—тутъ дѣло, а ты лѣзешь.

Въ сущности отецъ Василій готовъ былъ по окончаніи дѣла исполнить требу, но матушка нисколько не намѣревалась отстать отъ него и допустить до такого униженія. И такъ какъ онъ это хорошо видѣлъ, то, желая избавиться отъ нея, онъ все таки прочиталъ письмо, потомъ сѣлъ и наскоро написалъ:

„Досточтимый отецъ Мартирій, хотя я и не беру смѣлости усомниться въ вашей болѣзни, на которую вамъ благоугодно ссылаться, но—такъ какъ я сегодня видѣлъ васъ идущимъ по улицѣ отъ старшины, то полагаю, что болѣзнь все-таки позволитъ вамъ совершить требу, случившуюся въ вашей половинѣ села, а посему, будучи по горло занятъ собственнымъ дѣломъ, предоставляю вамъ исполнить оную требу. Сердечно почитающій васъ товарищъ Василій Мелхиседековъ“.

— Вотъ возьми и отдай это отцу Мартирію!—сказала матушка Терешѣ, презрительно ткнувъ ему записку. Что осталось сдѣлать Терешѣ, какъ не почесать затылокъ еще разъ?

— Опять, значить, къ отцу Мартирію!—сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и пошелъ.

— Да что же это? Что же это, отецъ Мартирій?—воскликнула матушка, когда мужикъ подаль ей письмо.—Отецъ Василій смѣетъ не вѣрить твоей болѣзни? Да что же это такое? Значить, ты лжешь? Значить, тебѣ всякій можетъ прямо сказать, что ты лжешь? Ну, да, я знаю, чье это дѣло. Кто тебѣ далъ это письмо? Матушка?

— Матушка дали!—отвѣтилъ Терешка.

— Ну, да, конечно, я такъ и знала. Самъ отецъ Василій неспособенъ на такую гнусность. Это она, она его заставила! Она и въ училищѣ любила настоять на своемъ; всегда, бывало, упрется и ничего съ ней не подѣлаешь... Такъ слушай же, отецъ Мартирій, если ты уступишь на этотъ разъ, то всякій скажетъ, что ты дуракъ и больше ничего. Вѣдь это что же? Это значить, что они прямо говорятъ: отецъ Мартирій совралъ, что ноги у него болятъ. Вотъ что это значить!

Терешка рѣшительно не зналъ, что ему теперь дѣлать. Матушка сказала ему: иди къ отцу Василю.

— Они опять прогонять! отвѣтилъ—Терешка.

— А ты настаивай. Отецъ Мартирій боленъ! Самъ видишь, что боленъ. Нельзя же насильно тащить больного человѣка.

Тогда мужикъ вышелъ и сталъ посрединѣ церковнаго двора. Собаки, видя, что онъ не совершаетъ болѣе обычныхъ путешествій изъ половины отца Мартирія въ половину отца Василя и обратно, заподозрили его въ зломъ умыслѣ, повскакивали съ мѣстъ, подняли лай и начали свирѣпо таскать зубами его полупшубокъ. Мужикъ вертѣлся на мѣстѣ, отбиваясь отъ нихъ палкой. Собаки визжали и лаiali еще болѣе свирѣпо. Получалась картина, раздражающая душу.

Между тѣмъ отецъ Василій, будучи подъ благотворнымъ вліаніемъ своей матушки, сказалъ. „Не пойду!“ А отецъ Мартирій, находясь подъ давленіемъ своей матушки, объявилъ: „Не сдвинусь съ мѣста!“

Постоявъ съ полчаса въ оградѣ, мужикъ отправился въ другой церковный домъ, гдѣ жили причетники; онъ поймалъ дьякона и обратился къ нему.—Что же мнѣ дѣлать? Отецъ Мартирій больные, а отецъ Василій не хотятъ; говорятъ, что не ихъ половина. Ужъ я ходилъ отъ одного къ другому и ничего не вышло.

Дьяконъ былъ старшій человѣкъ, очень ревностно относившійся къ приходскимъ дѣламъ. Онъ велъ метрическія книги и это отчасти способствовало такому направленію его ума. Метрическая записъ требуетъ точности и такъ какъ онъ велъ ее въ продолженіи четверти вѣка, то умъ его привыкъ требовать, чтобы и въ

церковныхъ дѣлахъ все было точно. Его умственный кругозоръ былъ не великъ. Родился человекъ, надо крестить его; умеръ, надо хоронить. Свадьбу вздумалъ сыграть,—обвѣнчать надо; болѣеть—маслособоровать. Умирать собирается,—запричастить. Всѣ эти вопросы разрѣшались въ умѣ его необыкновенно просто и ясно. И тотъ вопросъ, съ которымъ къ нему обратился мужикъ, тоже очень просто разрѣшался.

— Какъ же такъ?—сказалъ дьяконъ,—ежели старуха умерла, то надо ее похоронить; нельзя же безъ этого. Ты погоди тутъ, а я схожу къ отцу Мартирію.

И дьяконъ пошелъ къ отцу Мартирію въ кабинетъ. Въ это время матушка, въ ожиданіи событій, успѣла уже обернуть большую ногу отца Мартирія цѣлымъ ворохомъ тряпокъ, и отецъ Мартирій сидѣлъ въ своемъ креслѣ съ видомъ человека, удрученнаго болѣзнью, хотя лицо его ничего подобнаго не говорило.

— Ну, вотъ самъ видишь,—сказалъ онъ дьякону,—не могу двинуться. Вѣдь самъ видишь! Скажи ты, пожалуйста, отцу Василию, пусть онъ поступитъ по-товарищески.

Дьяконъ направился къ отцу Василию.

— Да ты скажи мнѣ, дьяконъ,—промолвилъ отецъ Василій,—самъ-то ты вѣришь въ болѣзнь отца Мартирія? Лицо-то у него болное?

— Признаться сказать, не видно этого!—отвѣтилъ дьяконъ.— Лицо у отца Мартирія такое, какъ будто онъ сейчасъ хорошо пообѣдалъ.

— Ну, такъ и обсуди. Село мы раздѣлили на двѣ части, одна его, одна моя, и такъ какъ человекъ пришелъ бѣдный, то отецъ Мартирій свою ногу причиной выставилъ. Порядокъ ли это? Ну, вотъ, значить и выходитъ: хоронить я ни въ какомъ случаѣ не стану.

Дьяконъ принялся убѣждать его.

— Нельзя же безъ погребенія, отецъ Василій. Ежели человекъ умеръ, надо его хоронить...

— А это ужъ дѣло отца Мартирія. Пусть онъ самъ и отвѣтствуетъ въ этомъ.

Дьяконъ вышелъ къ мужику и развелъ руками.

— Ничего не могу подѣлать съ ними. Извѣстно, они настоятели, а я причетникъ. Тутъ долго разговаривать не приходится. Ты вотъ что, Терентій, ты похорони такъ, просто предай землѣ, а въ воскресенье, можетъ, отецъ Василій раздобрится да послѣ обѣдни и отпоеть.

Терешкѣ некогда было размышлять; ему надо было ѣхать въ плавни за камышомъ. Какъ разъ была горячая пора для рѣзки камыша. Онъ махнулъ рукой.

— Вотъ такъ порядки!—сказалъ онъ.— Два попа есть, а ни

одного не достанешь!—И свезъ свою старуху на кладбище, въ надеждѣ, что въ воскресенье все совершится такъ, какъ пообѣщаль ему дьяконъ.

Очень можетъ быть, что такъ и произошло бы. Дѣло происходило въ четвергъ. Въ воскресенье долженъ былъ служить отецъ Василій. Съ одной стороны, послѣ службы ему не трудно было сходить на кладбище и отпѣть старуху; человѣкъ онъ былъ здоровый и, какъ мы уже сказали, легко порхалъ, какъ птица. Съ другой стороны, переговоры съ купцами кончились вполне благополучно и онъ былъ въ пріятномъ настроеніи. И онъ навѣрно отпѣлъ бы Терешкину старуху, хотя бы потому, что нельзя же въ концѣ концовъ оставлять покойника безъ отпѣванія.

Но случилось одно обстоятельство, которое сыграло важную роль въ этой исторіи. Отецъ Мартирій, узнавъ отъ дьякона, что отецъ Василій все-таки не согласился похоронить Терешкину старуху, почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. Для него стало ясно, что отецъ Василій не повѣрилъ его болѣзни. Матушка отца Мартирія съ своей стороны прибавила:

— И это такъ всегда будетъ и даже хуже. Онъ тебѣ въ лицо будетъ говорить: ты, молъ, говоришь такъ, а на дѣлѣ этого совсемъ нѣтъ. И прихожане узнаютъ и всѣ станутъ кричать, что отецъ Мартирій говоритъ неправду. И ты оскандалишься на всю губернію. Да что тутъ разговаривать? Дѣло ясное. Отецъ Василій просто задираетъ носъ; онъ давно задираетъ носъ, а это тебѣ всегда говорила.

А въ пятницу вечеромъ произошло новое оскорбленіе. Дѣло въ томъ, что отецъ Мартирій, наскучивъ сидѣніемъ въ кабинетѣ, вышелъ въ ограду и, опираясь на палку, прошелся по снѣгу раза два назадъ и впередъ, потомъ ушелъ въ домъ. Эту прогулку несомнѣнно видѣла матушка отца Василія и, по всей вѣроятности, что-нибудь сязвила по этому поводу. Черезъ полчаса кухарка отца Мартирія пошла въ погребъ взять сметану для варениковъ на ужинъ, такъ какъ отецъ Мартирій любилъ вареники со сметаной; тамъ она встрѣтила кухарку отца Василія. У нихъ былъ общій погребъ.

— А что же,—ядовито спросила кухарка отца Василія, которая въ этомъ случаѣ была не болѣе, какъ отраженіе матушки отца Василія.—Правда ли, что отцу Мартирію скоро отрѣжутъ ногу?

— Господи, страсти какія!—воскликнула кухарка отца Мартирія и даже перекрестилась при этомъ.—Съ чего это отцу Мартирію станутъ рѣзать ногу?

— Сказываютъ, что такъ сильно болитъ, что безъ этого никакъ нельзя.

Кухарка отца Мартирія передала это матушкѣ, а матушка тотчасъ же разразилась.

— Ну это же ясно, чьи это штуки! Ужь, конечно, сама кухарка такой подлости не выдумала бы! И скажите, злобность какая! Ногу отрѣжутъ! Вѣдь это надо выдумать! Такъ нѣтъ же, пусть лучше твоему отцу Василию отрѣжутъ ногу, а не моему отцу Мартирію. Мой отецъ Мартирій еще, слава Богу, до этого не дошелъ. А вотъ твой отецъ Василій слишкомъ много бѣгаетъ въ городъ по базару, разыскивая купцовъ на свою шерсть и всякую тамъ штуку. Духовному лицу это даже неподходящее дѣло...

Нечего и прибавлять, что кухарка отца Мартирія въ тотъ же вечеръ, принявъ нѣкоторыя предосторожности, побывала въ кухнѣ отца Василія и передала кухаркѣ отъ слова до слова пожеланія матушки, чтобы отцу Василию отрѣзали ногу и прибавила на счетъ купцовъ и на счетъ дѣлъ, которыя не приличествуютъ духовному званію.

Естественно, что все это очень скоро дошло до матушки отца Василія и матушка вскипѣла и уже прямо сказала своей кухаркѣ:

— Поди и скажи ей, этой толстой тумбѣ, что мой отецъ Василій еще долго будетъ ходить на своихъ собственныхъ ногахъ, потому что онъ человѣкъ крѣпкій и мужчина, какъ слѣдуетъ быть; а ея отецъ Мартирій весь скоро разлѣзется, потому что онъ рыхлый и гнилой. Вотъ такъ и скажи!

Когда эти слова дошли до матушки отца Мартирія, она прямо отправилась къ мужу и сказала:

— Отецъ Мартирій! да если ты послѣ этихъ словъ не пойдешь къ архіерею и не пожалуешься на отца Василія, такъ ты прямо будешь идиотъ и всякій про тебя будетъ говорить, что ты идиотъ. Да что же это? Да послѣ этого развѣ можно жить подъ одной крышей? Да послѣ этого я съ ней встрѣтиться не могу, она прямо оболетъ меня випятакомъ, она на меня собакъ травлять будетъ. Я не знаю, что она мнѣ можетъ сдѣлать...

Результатъ отъ этого получился слѣдующій: въ субботу утромъ, заложили пару лошадей въ сани и отецъ Мартирій, весь обложенный подушками и платками и закутанный, какъ баба, поѣхалъ въ губернский городъ, отстоявшій отъ села Березняковъ въ двадцати верстахъ.

III.

Въ дорогѣ отецъ Мартирій нашелъ все, чтобы поддержать въ себѣ враждебное настроеніе противъ отца Василія. Положимъ, отецъ Василій нисколько не былъ виноватъ въ томъ, что бывшимъ ночью вѣтромъ во многихъ мѣстахъ на довольно обширномъ пространствѣ совершенно снесло снѣгъ и земля обнажилась. И среди бѣлаго снѣжнаго покрывала часто вырисовыва-

лись черныя пятна. И на этихъ пятнахъ сани, въ которыхъ ѣхалъ отецъ Мартирій, вдругъ какъ бы запинались, полозья начинали скрипѣть и этотъ скрипъ отдавался въ спинномъ хребтѣ отца Мартирія. По временамъ попадались рытвины,—обычное украшеніе проселочныхъ дорогъ; но такъ какъ они были занесены снѣгомъ, то являлись неожиданно и тѣмъ глубже погрязали въ нихъ полозья саней и тѣмъ труднѣе было изъ нихъ выбраться.

Эти неблагоприятныя обстоятельства, а также и сильное впечатлѣніе, произведенное на отца Мартирія напутствіемъ матушки, всю дорогу держали его въ злобномъ настроеніи. Онъ только ждалъ и не могъ дожидаться, когда онъ наконецъ пріѣдетъ въ городъ и тамъ въ надлежащемъ мѣстѣ надлежащимъ образомъ выльетъ свою злобу.

Наконецъ, онъ прибылъ въ городъ. Здѣсь ѣзда встрѣтила еще большія затрудненія. Распорядительныя городскія власти, принимая во вниманіе скудость снѣга, выпавшаго на улицахъ, благодаря чему выходило ни то, ни се, приказали убрать его вовсе и вывезти за городъ, въ слѣдствіе чего снѣжная дорога прекратилась въ тотъ же моментъ, какъ только они въѣхали въ предѣлы города. Къ ужасу отца Мартирія и его кучера, а еще больше лошадей, оказалось, что въ городѣ никто на саняхъ не ѣздитъ, а всѣ на колесахъ и только деревенскіе жители, большею частью мужики, превозмогая невѣроятныя препятствія, еле тащатся на самодѣльныхъ розвальняхъ. Это обстоятельство могло только укрѣпить отца Мартирія въ его намѣреніяхъ.

Онъ поѣхалъ прямо къ благочинному. Благочинный служилъ не въ соборной церкви, а въ купеческой. Отецъ Мартирій, къ нѣкоторому своему удивленію, засталъ его какъ бы готовымъ къ выходу,—въ парадной рясѣ, въ камлавкѣ, со всѣми наградами, какія только у него были, расположенными на его широкой груди.

— А, отецъ Мартирій! Весьма радъ, весьма радъ видѣть васъ!—воскликнулъ благочинный, который обладалъ такимъ счастливымъ правомъ, что всегда при видѣ духовныхъ особъ радовался. Онъ любилъ всѣхъ духовныхъ лицъ, а въ особенности архіерея. Это естественно, такъ какъ архіерей былъ первымъ лицомъ въ епархіи, но, кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и то обстоятельство, что никто другой, какъ архіерей, назначилъ его благочиннымъ, а съ другой стороны и то, что благочиннымъ быть хорошо...

Наружность у благочиннаго была чрезвычайно благообразная. Все, что у него было, способствовало благолѣпному виду, даже полная лысина, позволявшая сѣдымъ волосамъ расти только въ самомъ низу затылка и на вискахъ, способствовала почтенности, какая была во всей его фигурѣ. У него была сѣдая окладистая

борода и необыкновенно ласковый взгляд, который онъ обращалъ на всѣ лица и предметы, попадавшіеся ему на дорогѣ, какъ будто и они принадлежали къ его благочинію. Казалось, что этотъ человѣкъ родился благочиннымъ—до такой степени шло ему это званіе. Никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился, умѣлъ примирять самья, повидимому, непримиримыя противорѣчія; а когда видѣлъ, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, умѣлъ отстранить себя. Благодаря этимъ качествамъ, онъ всѣмъ нравился, всѣмъ внушалъ довѣріе, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, и никто о немъ ничего дурного не говорилъ, а всѣ хвалили его.

— Что же это васъ привело къ намъ, отецъ Мартирій?.. Вы такъ рѣдко бываете въ городѣ!—спросилъ благочинный.

— Неприятное обстоятельство, отецъ благочинный,—отвѣтилъ отецъ Мартирій.—Весьма, можно сказать, неприятное.. Прискорбное!.. по истинѣ прискорбное обстоятельство!

— Да что вы? Ну, садитесь же, отецъ Мартирій, садитесь и рассказывайте; только кратко, а то я, знаете, спѣшу; у меня сегодня докладъ у преосвященнаго. Но въ чемъ же дѣло?

Отецъ Мартирій сѣлъ.

— Да вотъ, съ отцомъ Василиемъ неладимъ.

— Да что вы? Съ отцомъ Василиемъ? съ Мелхиседековымъ? Да неужто? Да развѣ онъ того?.. А мнѣ казалось, что онъ ничего, мирный человѣкъ...

— Какое вамъ мирный, отецъ благочинный? Можете себѣ представить, никакого снисхожденія къ болѣзненному состоянію своего же товарища, не имѣеть.

— Полно-те! неужто такъ?

— Да вотъ именно такъ. Случай вотъ какой.. Оно, конечно, случай не первый; много случаевъ такихъ было, да молчалъ; а теперь обидно стало, ну, вотъ и пріѣхалъ доложить вамъ.

— Ну-те, ну-те! Только покороче, отецъ Мартирій, покороче.

— Да тутъ размазывать нечего. Дѣло такое: третьяго дня это было. Я заболѣлъ, нога у меня, знаете... Старая болѣзнь, не новая. Сижу это, а нога вся обернута тряпками. Приходитъ мужикъ,—у него баба померла, хоронить, значить. Я и говорю, и такъ, совершенно кротко говорю, по-товарищески: поди ты, говорю, къ отцу Василию; я боленъ; такъ пусть онъ похоронитъ. А отецъ Василій прогналъ его. Тогда я пишу и опять же кроткимъ стилемъ, какъ надлежитъ священнику, пишу: достоуважаемый и прочее,—дескать, вы за меня, а я за васъ; ссылаюсь на болѣзную ногу. Такъ вообразите, отецъ благочинный, онъ мнѣ чуть не прямо въ глаза сказалъ: все это ты выдумалъ, никакая нога у тебя не болитъ, а просто... ну, однимъ словомъ, во лжи обличилъ. Прилично ли, отецъ благочинный, чтобы священника свя-

щенникъ во дни обличалъ? Ну, а потомъ и многія другія непріятности пошли, о которыхъ даже говорятъ непристойно...

Благочинный покачалъ головой. Въ лицѣ его было выраженіе странное, какое-то неопредѣленное. Повидимому, онъ не находилъ въ разказѣ отца Мартирія достаточнаго повода для жалобы; но на то онъ былъ благочинный, чтобы не раздражать духовныхъ лицъ, а напротивъ—смягчать ихъ горе, и потому онъ, еще за минуту передъ этимъ хвалившій примирительный нравъ отца Василія, сказалъ:

— Вотъ какъ! Скажите, пожалуйста! Вотъ какой отецъ Василій! Да, дѣйствительно, я самъ замѣчалъ, что онъ того... Самъ замѣчалъ... Неуступчивъ и, такъ сказать, вѣстойчивъ... Да, такъ вы, значить, жалуетесь на него? Экая досада, что я такъ сѣйшу...

И тутъ благочинному пришла мысль, очень хорошая мысль съ точки зрѣнія благочиннаго: такъ какъ жалоба отца Мартирія весьма сомнительна и въ сущности ей даже ходу никакого дать нельзя, потому что въ ней нѣтъ никакого содержанія, то не лучше ли будетъ, если отецъ Мартирій самъ изложитъ ее предъ лицомъ преосвященнаго владыки, а ужъ тамъ видно будетъ, какъ преосвященный владыка посмотритъ. Словомъ сказать, отецъ благочинный, какъ древній Пилать, предпочелъ умыть руки.

— Да вотъ что, отецъ Мартирій, сказалъ благочинный,— такъ какъ я иду къ преосвященному, то самое лучшее будетъ и вамъ пойти со мной; вы прямо ему все и выложите.

— Самому преосвященному? спросилъ отецъ Мартирій.

— Ну, а что жъ такое? Преосвященный не волкъ; онъ такой же человѣкъ, какъ и мы; а ваше дѣло правое; ну, слѣдственно... Слѣдственно, чего жъ тутъ раздумывать? Пойдемте, отецъ Мартирій.

И благочинный поднялся съ такимъ видомъ, что не могло быть даже и сомнѣнія въ томъ, что отцу Мартирію надо идти къ архіерею. А между тѣмъ тутъ-то на отца Мартирія и напало сомнѣніе. Пожаловаться-то нетрудно, думалось ему, пожаловаться всякій можетъ и даже не только тогда, когда есть за что, а и когда нѣтъ причины; а у него есть причина, онъ дѣйствительно обиженъ. Но явиться предъ лицомъ самого архіерея, это ужъ совсѣмъ другое дѣло. Предъ лицомъ архіерея надо стоять съ настоящимъ грузомъ, а не съ такимъ легкимъ вѣсомъ, какъ у него. Положимъ, онъ все-таки отлично знаетъ, что обиженъ и что архіерей приметъ его сторону. Гм... Приметъ, если захочетъ! А если не захочетъ, то и не приметъ. Развѣ для архіерея есть какойнибудь законъ, по которому онъ долженъ думать такъ, а не иначе? Ужъ идти ли. вправду, идти ли? Не лучше ли махнуть рукой на это дѣло?

Но тутъ передъ нимъ во всю свою величину встала тѣнь матушки и укоризненно посмотрѣла на него. Передъ этой тѣнью отецъ Мартирій и вообще пасоваль, а въ такомъ важномъ случаѣ и подавно. И тотчасъ же онъ началъ приободрять себя. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, чего онъ боится? Не мальчишка же онъ какой-нибудь! И что же это выйдетъ? Онъ пріѣхалъ въ благочинному, наговорилъ ему съ три короба, а воспулось дѣло архіерея, такъ сейчасъ и назадъ. Да это прямо неловко, это стыдно.

И отецъ Мартирій связалъ:

— Что жъ, пойдемте, отецъ благочинный. Я готовъ и къ архіерею...

Благочинный жилъ довольно далеко отъ архіерея, но у него, у крыльца дома, въ которомъ онъ жилъ, стояла коляска, запряженная одною лошадыю. Онъ пригласилъ сѣсть рядомъ съ собой отца Мартирія и въ этомъ случаѣ проявилъ несомнѣнную склонность къ самопожертвованію, ибо самъ онъ былъ довольно плотный, а отецъ Мартирій былъ вдвое плотнѣе его. Но тѣмъ не менѣе, духовныя лица кое-какъ помѣстились и всю дорогу бесѣдовали о совершенно постороннихъ дѣлахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ ссорѣ отца Мартирія съ отцомъ Васиіемъ, при чемъ оба предупредительно старались прижиматься къ краямъ экипажа, чтобы не слишкомъ напирать на сосѣда.

Наконецъ, они подѣхали къ зеленымъ воротамъ. Сторожъ отворилъ имъ зеленую рѣшетчатую калитку и они вошли въ архіерейскій дворъ. Въ этомъ дворѣ, часть котораго занималъ небольшой садикъ, все было какое-то диковинное. По двору ходили диковинныя птицы: куры какихъ-то особенныхъ породъ, журавли съ подрѣзанными крыльями, подстрѣленные дрофы, необыкновенные голуби, кролики, а въ садикѣ росли диковинныя растенія. Архіереи ведутъ обыкновенно замѣнутый образъ жизни и поэтому любятъ все диковинное. Оно ихъ развлекаетъ въ ихъ мирной домашней жизни.

Въ передней у архіерея стояли и дожидались приема два паника въ скуфейкахъ и одинъ деревенскій дьячекъ: Они почтительно поклонились благочинному, хотя и не были подчинены ему, такъ какъ ихъ приходы принадлежали къ другому благочинію; но все равно, всякій благочинный заслуживаетъ уваженія; при томъ же, изъ одного прихода могутъ перевести въ другой, того и гляди, попадешь подъ его власть.

Благочиннаго впустили тотчасъ же и онъ говорилъ съ архіереемъ о своихъ дѣлахъ, по которымъ приготовилъ доклады. Въ концѣ доклада онъ, между прочимъ, замолвилъ два словечка и объ отцѣ Мартирія, желая такимъ образомъ отчасти расположить

архіерея въ пользу своего кліента, отчасти же открытъ ему пріемъ тотчасъ же, безъ необходимости долго дожидаться.

— Какой это отецъ Мартирій?—спросилъ архіерей.

— Изъ Березняковъ, ваше преосвященство! Его фамилія Сострѣлятенко!

— Экая мудреная фамилія,—замѣтилъ архіерей,—а духовная, все-таки духовная... „Сострѣляти въ тулѣ“... Березняки? Знаю, знаю,—большое село. Отличный приходъ. Такъ что же ему нужно?

— Онъ съ жалобой, ваше преосвященство.

— Съ жалобой! Гм... Не люблю я этихъ жалобъ. Ябедники наши духовные отцы, любятъ ябедой заниматься... Въ чемъ же дѣло?

— Не успѣлъ допросить, ваше преосвященство! Спѣшилъ на докладъ!—отвѣтилъ благочинный, желая окончательно устранить себя отъ этого дѣла, которое считалъ шаткимъ.

— Жаль! Ну, зови его, пусть войдетъ!

Отецъ Мартирій былъ впущенъ. Архіерей былъ еще далеко не старъй человѣкъ. У него была черная борода съ просѣдью и черные волосы на головѣ, почти совсѣмъ безъ сѣдинъ. Высокаго роста, худощавый, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то сильнаго и властнаго, въ особенности благотворно дѣйствовалъ на паству его взглядъ—проницательный и полный какого-то яснаго ума.

— Здравствуй, отецъ Мартирій!—сказалъ архіерей, когда отецъ Мартирій, отвѣсивъ ему поясной поклонъ и прикоснувшись правой рукой къ полу, взялъ потомъ обѣими руками у него благословеніе.—Здравствуй, счастливый іерей!

Отецъ Мартирій съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на архіерея, не понявъ, почему онъ счастливый и, такъ какъ надо было что-нибудь сказать, то онъ сказалъ или, лучше—пробормоталъ:

— Не жалуюсь, ваше преосвященство...

— Какъ же ты не счастливый іерей, когда ты на приходѣ въ селѣ Березнякахъ? Вѣдь это очень доходный приходъ...

— Благодарю Господа и во всякое время хвалю его!—сказалъ отецъ Мартирій. — Приходъ дѣйствительно хорошій, ваше преосвященство.

— Ну, оттого ты и счастливый іерей. А въ чемъ же дѣло твое?

— Я съ жалобой...

— Вотъ какъ! Значить, ты, хотя и счастливый, а все-таки недоволенъ? Въ чемъ же твое недовольство?

Тутъ отецъ Мартирій вдругъ, въ одно мгновеніе, созналъ, что въ сущности онъ пріѣхалъ съ великими пустяками. И даже объяснить ему нечего. Въ самомъ дѣлѣ, чего ему еще жаловаться? Ему, двѣнадцать лѣтъ сидящему на приходѣ въ Березнякахъ, на такомъ приходѣ, куда иной протоіерей городской не прочь былъ бы поѣхать... Чего же ему жаловаться, да еще кому? самому архіерею. Но тѣмъ

не менѣе онъ все-таки стоялъ передъ архіереемъ, заявилъ о своей жалобѣ, и со стороны архіерея уже послѣдовалъ вопросъ и, значитъ, такъ или иначе надо было объяснять и онъ началъ объяснять, сильно путаясь.

— Товарищъ мой, ваше преосвященство, поступаетъ не по-товарищески...

— Это дурно, если правда!—сказалъ архіерей.

— Былъ я боленъ, ваше преосвященство... ногой страдалъ... Ну, и случилась треба... И не могъ я совершить ее и обратился съ просьбой къ товарищу, обратился вротко... А онъ отказалъ и даже подозрѣніе высказалъ, что и вовсе не боленъ я и нога моя здорова, ваше преосвященство, и это подозрѣніе для моего священническаго сана обидно...

— Такъ, такъ. Конечно, не хорошо подозрѣвать товарища во лжи... Но почему же онъ отказался? Какія были основанія?

— У насъ село раздѣлено на двѣ части: въ одной части я требы совершаю, а въ другой онъ, мой товарищъ.

— Значить, вы не чередуетесь, а подѣлили работу пополамъ?

— Подѣлили пополамъ, ваше преосвященство.

— Ну и что же? Много работы, должно быть? Твоя нога утомилась? Не такъ ли?

— Именно утомилась, ваше преосвященство, — промолвилъ отецъ Мартирій, хватаясь за слово, которое казалось ему необыкновенно подходящимъ. — Стараюсь, силъ не жалѣю, ваше преосвященство!

— Такъ. Возможно. Ну и что же, ты хочешь, чтобы я наказалъ его?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, а только внушить ему...

Въ это время у архіерея въ глазахъ появилась какая-то, повидимому, веселая мысль. Но онъ тотчасъ же спряталъ ее отъ наблюдательности отца Мартирія и не сказалъ ничего веселаго. Онъ промолвилъ сдержанно и дѣловито.

— Хорошо, хорошо. Я внушу. Ты мнѣ напомни, отецъ благочинный. А какъ фамилія товарища?

— Отецъ Василій Мелхиседековъ!—отвѣтилъ отецъ Мартирій.

— Мелхиседековъ! Экая удивительная фамилія!.. Превосходная фамилія... Прямо, значитъ, отъ первосвященника Мелхиседека происходитъ! Отличная фамилія для духовнаго лица. Ну, иди съ Богомъ, отецъ Мартирій, а мы ужъ тутъ съ отцомъ благочиннымъ рассудимъ. Въ другой разъ, въ другой разъ, — прибавилъ архіерей, обращаясь къ благочинному, — а то вѣдь тамъ ждутъ меня.

Архіерей на прощанье опять далъ благословеніе отцу Мартирію и отпустилъ его. вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и благочинный.

Отецъ Мартирій, когда вышелъ на улицу, почувствовалъ себя какимъ-то встречаннымъ, точно онъ претерпѣлъ долговременную

пытку. Въ сущности онъ вполне сознавалъ, что архіерей принималъ его слишкомъ милостиво, что за такую жалобу, въ которой даже не было никакого смысла, его слѣдовало просто прогнать; поэтому, когда они остались вдвоемъ съ благочиннымъ, среди архіерейскаго двора, отецъ Мартирій почувствовалъ необходимость поблагодарить благочиннаго. Онъ крѣпко пожималъ его руку и говорилъ, что только благодаря ему преосвященный отнесся къ нему такъ милостиво. Но благочинный отлично видѣлъ, какъ у архіерея мельнула въ глазахъ веселая мысль и зналъ, что за этой жалобой воспослѣдуетъ что-то особенное, чего, однако, предусмотрѣть не могъ.

Достаточно отблагодаривъ благочиннаго, отецъ Мартирій поѣхалъ въ городъ и на радостяхъ совершилъ нѣсколько значительныхъ покупокъ. Онъ вспомнилъ, напримѣръ, что матушка давно уже мечтала о приобрѣтеніи гарусной шали и очень точно описывала ему, въ какомъ магазинѣ и какая именно шаль ей нравится. Онъ заѣхалъ въ этотъ магазинъ и купилъ шаль.

Были еще и другія покупки не столь важнаго значенія и мы ихъ перечислять не будемъ: скажемъ только, что, когда отецъ Мартирій возвращался въ Березняки, то ему не такъ уже было вольготно сидѣть въ саняхъ, потому что внутренность ихъ вся уже была занята свертками, узелками, кубышками и всякаго рода покупками.

Къ вечеру отецъ Мартирій пріѣхалъ домой. Въ гостиной на столѣ—такъ какъ гостиная была въ то же время и столовая—стоялъ горячій самоваръ и все было приготовлено къ тому, чтобы кормить отца Мартирія. Всѣ двери были плотно притворены. И при такихъ обстоятельствахъ отецъ Мартирій, сильно понизивъ голосъ, сообщилъ матушкѣ все, что произошло съ нимъ въ городѣ, подробно изложивъ и разговоръ съ благочиннымъ и свое представленіе преосвященному.

Но, должно быть, у стѣнъ церковнаго дома были уши и глаза, потому что въ то самое время, какъ матушка, чрезвычайно довольная результатами поѣздки отца Мартирія въ городъ, угощала его соевымъ рыбцомъ въ видѣ закуски, потомъ холоднымъ борщомъ, затѣмъ поросенкомъ съ кашей, потомъ варениками, поджаренными на сковородѣ, —въ другой половинѣ церковнаго дома происходила слѣдующая сцена.

Отъ матушки отца Василія только что вышла Федосья, которая по праздникамъ приходила къ нимъ „помогать“, то-есть, вообще дѣлать все, что бы ей ни поручили. Федосья была женщина одинокая и за эти услуги ей обыкновенно накладывали въ передникъ всевозможныхъ остатковъ—пирога, мяса, варениковъ, давали нѣсколько яицъ, кувшинъ молока и она довольствовалась этимъ. Но та же самая Федосья бывала и у отца Мартирія и

тоже помогала и точно въ такомъ же видѣ и у нихъ получала возмездіе.

И когда Ѳедосья вышла отъ матушки отца Василия, матушка стремглавъ побѣжала къ отцу Василию въ кабинетъ.

— Слышала ты, какія новости? — сказала матушка, — отецъ Мартирій не спроста ѣздилъ въ городъ. Оказывается, что онъ ѣздилъ съ жалобой...

— Да что ты? Съ какой тамъ жалобой?

— А съ такой жалобой! — такъ-таки съ жалобой...

— Да на кого ему жаловаться?

— Какъ на кого? На тебя. Прямо отправился къ архіерею и заявилъ: что вотъ, молю, отецъ Василій меня передъ прихожанами конфузить, во лжи заподозрѣваетъ и прочее, — ужъ я не знаю, что онъ тамъ такое говорилъ. Можетъ быть, онъ сказалъ, что ты убилъ человѣка? Почему я знаю?

— Да откуда ты все это взяла?

— Да ужъ взяла. Не изъ пальца высосала.

— Э, полно. Что за глупости! Бабы выдумки и только. Не повѣрю я, чтобы отецъ Мартирій былъ способенъ на такую гадость.

— Ну, вотъ и не вѣрь. Конечно, ты будешь ждать, пока пріѣдетъ слѣдователь и начнетъ производить слѣдствіе; а потомъ переведутъ тебя въ какую-нибудь Кочедаровку, гдѣ нѣтъ ни воды, ни дерева, и приходъ викауда не годится...

— Да говори толкомъ, откуда ты узнала? — промолвилъ отецъ Василій, уже нѣсколько взволнованный и вслѣдствіе этого начавшій ходить по комнатѣ.

— Да очень просто. Ѳедосья у нихъ сегодня помыла мыла, ну и вотъ, когда она кончила и собиралась уходить, пріѣхалъ отецъ Мартирій. Они себѣ тамъ заперлись въ гостиной, а она въ это время въ спальнѣ у матушки тамъ что-то такое прибирала и все слышала отъ слова до слова. Вотъ откуда я узнала.

— А чего добраго!.. Отъ нихъ все станется! — сказалъ отецъ Василій, мало-по-малу все больше и больше допуская мысль, что отецъ Мартирій способенъ на гадость.

— Я говорю тебѣ, что это такъ и есть. Ѳедосья баба вѣрная, она не выдумаетъ. Да и выдумать-то такую штуку ей совсѣмъ не по уму! И я тебѣ говорю, отецъ Василій — ты долженъ тоже поѣхать и поскорѣе. Вотъ завтра отслужишь, а послѣ завтра поѣзжай. Ужъ что бы тамъ ни было, ты разузнаешь, — отецъ благочинный тебѣ расскажетъ, отецъ благочинный къ намъ расположеніе питаетъ; и ежели окажется, что дѣйствительно отецъ Мартирій былъ у архіерея, то и ты ступай къ архіерею. Понимаешь? А иначе неизвѣстно, чего намъ ждать съ тобой. Поѣзжай, отецъ Василій, я тебѣ говорю — поѣзжай.

— И поѣду. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ?—уже рѣшительно заявилъ отецъ Василій, совершенно увѣровавшій въ совершившійся фактъ:— поѣду и прямо къ архіерею пойду. Что онъ ему тамъ наставлялъ? Ежели онъ навралъ, такъ я могу втрое больше наврать. За этимъ дѣло не станетъ.

На другой день, въ воскресенье, отецъ Василій служилъ обѣдню; послѣ обѣдни онъ совершилъ отпѣваніе Терешкиной старухи. Онъ совершилъ также и многія другія требы,—отслужилъ нѣсколько молебствій по заказу прихожанъ, ввелъ въ храмъ одну родильницу, которой вышло шесть недѣль послѣ родовъ. Но чтобы онъ ни совершалъ, какія бы молитвы ни читалъ, въ голосъ его слышался какъ бы гнѣвъ и даже старый дьякъ сказалъ тихонько на ухо старому дьякону.

— Что это такое случилось съ отцемъ Васи́ліемъ? Онъ какъ будто на всѣхъ насъ сердится?

А на другой день раннимъ утромъ отецъ Василій поѣхалъ въ городъ.

IV.

Итакъ, отецъ Василій тоже поѣхалъ въ городъ. Но съ первыхъ же шаговъ обнаружилось обстоятельство, показавшія разницу между путешествіемъ отца Мартирія и путешествіемъ отца Васи́лія. Прежде всего сама природа способствовала этому. Тогда какъ отецъ Мартирій могъ ѣхать въ широкихъ развалистыхъ саняхъ, отецъ Василій долженъ былъ ѣхать въ бричкѣ. На дворѣ стояла оттепель, которая наступила вдругъ, совершенно неожиданно. Въ бричкѣ было ѣхать еще хуже, чѣмъ въ саняхъ и потому отецъ Василій чувствовалъ себя еще злѣе, чѣмъ отецъ Мартирій. Снѣгъ совершенно растаялъ и по дорогѣ въ городъ была жидкая грязь, которая обдавала со всѣхъ сторонъ и лошадей, и экипажъ, и самого отца Васи́лія. Лошадямъ подвязали хвосты, но это очень мало помогало; все-таки онѣ были обрызганы до самой спины, а ноги ихъ подбрасывали грязь высоко и грязь эта попадала въ самое лицо кучера и достигала отца Васи́лія. Отецъ Василій только и дѣлалъ, что каждую минуту поднималъ руку и широкимъ рукавомъ расы стиралъ съ своей фізіономіи жидкую грязь.

Когда же они пріѣхали въ городъ, то здѣсь на каждомъ шагу встрѣчали недоразумѣніе въ видѣ глубокихъ лужъ, которыя надо было переѣзжать вбродъ. Подъ жидкой грязью могли случиться такія неожиданности, что отецъ Василій всякій разъ, когда лошади ступали въ такое непредвидѣнное море, крестился на всякій случай, ибо не могъ съ увѣренностью сказать, что выйдетъ оттуда невредимымъ.

Нечего и говорить, что отецъ Василій поѣхалъ прямо къ благочинному. Благочинный на этотъ разъ никуда не собирался. Отецъ Василій засталъ его въ полукафтаны, по домашнему, безъ всякихъ орденовъ. При видѣ отца Василя, благочинный выразилъ величайшую радость.

— Ахъ, Боже мой! отецъ Василій! да это такое удовольствіе, такое удовольствіе!..—воскликнулъ благочинный.—Садитесь же, отецъ Василій; ну, что же у васъ хорошаго? мы давно не видались. Какъ поживаете? Какъ здоровье вашей матушки и дѣтокъ?

Отецъ Василій сѣлъ, но при этомъ удивился, что благочинный спрашиваетъ его о матушкѣ и дѣтяхъ и ничего не говоритъ объ архіереѣ, отцѣ Мартиріи и его жалобѣ. Поэтому онъ рѣшилъ самъ приступить къ дѣлу.

— Очень вамъ благодаренъ, отецъ благочинный,—сказалъ онъ,—у меня, слава Богу, всѣ здоровы. А скажите, отецъ благочинный, правда ли, что отецъ Мартирій былъ у архіерея съ жалобой?

— Съ жалобой?—разсѣянно спросилъ благочинный.—Съ какой жалобой?

— Да слышно, что на меня...

— Ахъ, да, да,—вдругъ вспомнилъ благочинный,—дѣйствительно что-то такое было! Да, да, отецъ Мартирій былъ у архіерея.

— А вамъ, отецъ благочинный, онъ развѣ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, что-то такое говорилъ... Да, знаете, я, когда говорятъ мнѣ дурное про кого-нибудь, стараюсь даже и не слушать. Пустяки какіе-то говорилъ, я даже хорошенько и не разобралъ. Что-то вы тамъ не поладили.

— Гм! странно!—сказалъ отецъ Василій.—Какъ же такъ?—онъ вамъ жаловался, а вы даже не разслышали? Странно, отецъ благочинный.

— Да не то, чтобы не разслышалъ... А знаете, неприятно это... Я, отецъ Василій, хотѣлъ бы, чтобы всѣ духовныя лица жили въ мирѣ, а то что жъ хорошаго, ежели они ссорятся! И опять же примѣръ... Какой же это будетъ примѣръ прихожанамъ!

— Такъ вы говорите, что онъ былъ у преосвященнаго?

— Да, да, былъ у преосвященнаго. Вмѣстѣ мы и пришли къ владыкѣ. Только ужъ что онъ тамъ говорилъ, этого ужъ я не разслышалъ...

— Такъ, можетъ, ужъ вы меня выслушаете, отецъ благочинный?

— А говорите, говорите, отецъ Василій.

— Тутъ дѣло въ томъ, отецъ благочинный, что, какъ вы знаете, село у насъ на двѣ части раздѣлено и отецъ Мартирій, когда придетъ прихожанинъ бѣдный, сейчасъ ногу свою объяв-

лаеть больной и меня заставляетъ требу служить. Ну, вотъ я и не согласился, и не то чтобы не хотѣлъ, а занять былъ; а онъ возьми да и пожалуется, что, будто бы, я тамъ его во лжи заподозрилъ, что-то въ этомъ родѣ, даже и не знаю хорошенько.

— Гм! да, да, припоминаю, припоминаю!—сказалъ благочинный,—что-то этакое онъ говорилъ. Ахъ, знаете, не люблю я этого. Между нами свазать, отецъ Мартирій таки порядочный ябедникъ. Какъ же можно, сами согласитесь, отецъ Василій, вдругъ къ архіерею лѣзть и на товарища жаловаться! И опять же товарищъ товарищу рознь; а вѣдь я же васъ хорошо знаю, вы человекъ мирный, уступчивый, я же знаю. Какъ же вдругъ взять и нажаловаться? И знаете, онъ всегда былъ такой какой-то... Не хотите ли чаю, отецъ Василій?

— Благодарю васъ, отецъ благочинный. Я бы васъ просилъ вотъ о чемъ: такъ какъ отецъ Мартирій самолично преосвященному владыкѣ нажаловался, то выходитъ, что и мнѣ надо бы побывать у владыки.

— Да это самое лучшее, отецъ Василій! Именно вамъ надо побывать у владыки! И самому ему прямо все и рассказать...

— А скажите, отецъ благочинный, какъ же владыка отнесся къ жалобѣ отца Мартирія?

— Да вѣдь мысли его преосвященства—тайна для насъ!—сказалъ благочинный,—онъ велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ да я подумалъ себѣ: эхъ, право, лучше забыть. И такъ рѣшилъ, что ежели онъ самъ не вспомнить, то и не надо.

— А приметъ ли меня преосвященный?

— Ну, это мы устроимъ. Хотя доклада у меня сегодня нѣтъ, а все же можно устроить... Да вотъ что, отецъ Василій, поѣдемте вмѣстѣ. У васъ вѣдь лошади свои, такъ чтобъ мнѣ кучера не безповоить, вы меня и довезете.

— Я вамъ буду весьма благодаренъ, отецъ благочинный. А то вѣдь этакъ-то безъ васъ къ архіерею не легко добраться. Архіерей-то ничего, онъ добрый, да вотъ келейникъ у него... Келейника надо еще умасливать да кланяться ему, а съ вами и такъ пропустятъ.

Благочинный надѣлъ рясу и расчесалъ бороду, привѣсилъ нѣсколько орденовъ, но на этотъ разъ не всѣ, и они поѣхали. Ѣхать съ отцомъ Василюмъ было легче, чѣмъ съ отцомъ Мартиріемъ, потому что отецъ Василій былъ тоненькій. Благочинному было вольготно сидѣть рядомъ съ нимъ и онъ чувствовалъ себя хорошо.

Было четыре часа дня. Архіерей гулялъ въ маленькомъ садикѣ по песчанымъ дорожкамъ. Отецъ Василій, увидѣвъ его издали, тотчасъ же завернулъ за уголъ флигеля, который стоялъ

отдѣльно во дворѣ, гдѣ жили пѣвчіе. Онъ не хотѣлъ, чтобы архіерей видѣлъ его прежде, чѣмъ благочинный поговорить съ нимъ и доложить ему.

Благочинный, имѣвшій доступъ къ архіерею во всякое время, пошелъ прямо въ садикъ и, поздоровавшись съ архіереемъ, сказалъ ему:

— Ваше преосвященство, помните жалобу отца Сострѣлятенка,—такъ вотъ теперь и отецъ Василій Мелхиседековъ пріѣхалъ.

— Какой Мелхиседековъ?—разсѣянно спросилъ архіерей, нѣсколько уже позабывшій эту исторію.

— Отецъ Мартирій изъ села Березняковъ жаловался вашему преосвященству на товарища своего, отца Василя Мелхиседекова.

— А, да, да, помню, помню!—сказалъ архіерей и у него въ глазахъ опять явилась веселая мысль.—Ну, что жъ, я готовъ выслушать и Мелхиседекова. Пускай идетъ. *Audiatur et altera pars!*

Архіерей пошелъ въ домъ, а благочинный отправился въ сторону флигеля и позвалъ отца Василя. Отецъ Василій явился къ архіерею и, по обыкновенію, отвѣсивъ ему поклонъ, взялъ благословеніе.

Архіерей осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и засмѣялся.

— Вѣдь вотъ какъ хорошо устроила природа,—сказалъ онъ,—отецъ Мартирій толстый, а ты, отецъ Василій, тонкій. Вы другъ друга дополняете. Вѣдь противоположности должны сходиться! А вы между тѣмъ ссоритесь, вотъ странно!

Архіерей, какъ видно, былъ въ добродушномъ настроеніи. Отецъ Василій принялъ это въ расчетъ и радовался за исходъ своей просьбы.

— Ну, что же ты можешь сказать, отецъ Василій?

— По поводу жалобы отца Мартирія, ваше преосвященство,—отвѣтилъ отецъ Василій.

— Ну, ну..

Отецъ Василій въ довольно гладкихъ выраженіяхъ, съ большою основательностью разсказалъ архіерею, въ чемъ заключается его обида.

— Приходъ у насъ большой, ваше преосвященство, говорилъ отецъ Василій,—и потому мы согласились, чтобы облегчить работу, раздѣлить его пополамъ. Но отецъ Мартирій слабъ на ноги и уже до того слабъ, что и злоупотребляетъ своею слабостью. Чуть какая треба ему не нравится, сейчасъ больнымъ объявляется. Но я все же стараюсь, чтобы не было межъ нами недоразумѣній и часто за него совершаю требы. Однако же злоба заставила отца Мартирія поступить не сообразно ни съ саномъ, ни съ товарищескимъ положеніемъ и оклеветать меня въ глазахъ вашего преосвященства...

— Ну, а ты чего хотѣлъ бы? Что я, по твоему, долженъ сдѣлать съ отцомъ Мартиріемъ?—спросилъ архіерей.

— Я, ваше преосвященство, никакой кары для него не желаю, а только прошу, чтобы дѣло было разобрано и стало бы извѣстно вашему преосвященству, что онъ оклеветалъ меня. А за симъ хорошо бы законно раздѣлить нашъ приходъ на двѣ части и чтобы уже дѣйствительно у каждаго были свои опредѣленныя обязанности.

— Такъ это что же, отецъ Василій? тогда и церковь раздвоится!—сказалъ архіерей.—Тогда и никакой взаимной помощи между вами не будетъ? А сказано въ писаніи: „другъ друга тяготы носите“. Эхъ, какъ въ васъ мало духовнаго, хотя вы и духовныя особы! Ну, нѣтъ ли еще чего у тебя?—спросилъ архіерей.

— Есть, ваше преосвященство,—отвѣтилъ отецъ Василій.—Хочу сказать о злобѣ, которую питаетъ ко мнѣ и моему семейству матушка, то-есть, жена отца Мартирія. Она-то и является главной виновницей нашей вражды. Не будь ея настойчивости, отецъ Мартирій ничего бы и не предпринялъ и не обезпokoилъ бы ваше преосвященство...

— Вотъ что!—промолвилъ архіерей.—Да вѣдь матушки не подчинены мнѣ. Согласись самъ, отецъ Василій, не могу же я вызвать сюда матушку отца Мартирія и посадить ее подъ арестъ для исправленія. Точно такъ же не могу наложить на нее эпитемію.

— А все же, ваше преосвященство, архипастырское внушеніе ваше много значило бы...

— Такъ-то оно, такъ! да вѣдь женскія дѣла трудно разобратъ. И я не могу мѣшаться въ нихъ; да вотъ и благочинному не могу поручить; онъ мнѣ скажетъ: не мое это дѣло, ваше преосвященство! Вотъ ты говоришь, что матушка отца Мартирія злобствуетъ, а можетъ быть, матушка отца Мартирія думаетъ, что это твоя матушка злобствуетъ. Какъ же тутъ разберешься? Вѣдь женщины—существа неосновательныя. Нѣтъ, ужъ ты попроси отца Мартирія, чтобы онъ самъ повліялъ на свою матушку, а ты съ своей стороны на свою повліяй. Но во всякомъ случаѣ ихъ надо какъ-нибудь помирить, отецъ благочинный!—прибавилъ архіерей,—надо намъ подумать объ этомъ.

И въ глазахъ архіерея опять еще яснѣе прѣжняго заиграла веселая мысль. Онъ прибавилъ:

— Мы подумаемъ объ этомъ съ отцомъ благочиннымъ!

И затѣмъ отпустилъ отца Василя. И когда отецъ Василій вышелъ во дворъ, то онъ никакъ не могъ рѣшить, благосклонно принять его архіерей, или нѣтъ, достигъ онъ своей цѣли, или не достигъ.

Благочинный остался на нѣкоторое время у архіерея и отецъ

Василій подождалъ его. Черезъ четверть часа благочинный вышелъ и въ лицѣ у него было что-то таинственное.

— Скажите, отецъ благочинный, какъ понимать мнѣ: благосклоненъ ли былъ ко мнѣ преосвященный или нѣтъ?—промолвилъ отецъ Василій.

— Видимое дѣло—благосклоненъ,—отвѣтилъ благочинный.— Да ежели бы онъ не былъ благосклоненъ, да развѣ бы онъ такъ разговаривалъ? Да вотъ, недалеко ходить, вчерашняго дня одинъ деревенскій священникъ пришелъ къ нему съ жалобой на дьякона. Что-то они тамъ не поладили и видимо священникъ былъ неправъ, такъ что же вы думаете? Преосвященный вышелъ и сказалъ: чтобы больше ко мнѣ съ такими гадостями не лѣзли. Не для того я поставленъ, чтобы копаться въ этой вашей взаимной грязи! Такъ и огорошилъ просителя. Онъ поджалъ хвостъ и уѣхалъ, довольный еще тѣмъ, что хоть цѣлыми унесъ свои восты. А тутъ видимо благосклоненъ.

Но тѣмъ не менѣе у отца Василія все-таки было сомнѣніе. Архіерей, хотя дѣйствительно благосклонно говорилъ съ нимъ и даже шутилъ, а между тѣмъ онъ не получилъ полного удовольствія. Было у него такое чувство, какъ будто за этимъ приемомъ что-то такое должно было послѣдовать, и не совсѣмъ благоприятное.

Онъ довезъ благочиннаго до церковнаго дома и простился съ нимъ. У него не явилось ни малѣйшаго желанія дѣлать покупки; напротивъ, хотѣлось поскорѣе добраться до дому. Онъ только заѣхалъ въ бузницу и подковалъ лошадей.

А когда пріѣхалъ домой, то сейчасъ же началъ нервно ходить по кабинету. Матушка принялась спрашивать его, а онъ отвѣчалъ ей:

— Поди ты, разбери его! Сказалъ: мы придумаемъ! А Богъ его знаетъ, что онъ такое придумаетъ! А, да и вся эта исторія... Лучше бъ ее и не начинать!

— Да вѣдь не ты началъ!—утѣшала его матушка.—Во всякомъ случаѣ, ты хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ; по крайней мѣрѣ ты подаль свой голосъ, а безъ этого... Мало ли что такое могъ навдумать отецъ Мартирій?

Но сама матушка не чувствовала въ душѣ, что это хорошо. Хотя отецъ Василій и не рассказалъ ничего дурного, но очень ужъ онъ былъ разстроенъ. И, значить, что-то такое тамъ было для него неприятное, а только онъ не хочетъ огорчать ее и затаялъ въ себѣ. Выходить, что общались не одно только хорошее.

— И что такое онъ насказалъ тебѣ, этотъ архіерей?—приставала матушка къ отцу Василію, —ужъ навѣрно что-нибудь еще было.

— Все такъ было, какъ я рассказалъ тебѣ, и ничего болѣе.

благочиннаго. Она была вся въ грязи, такъ какъ оттепель еще продолжалась. Коляска остановилась около воротъ церковной ограды. Благочинный выдѣзъ изъ нея и, повидимому, былъ въ затрудненіи: въ какую половину церковнаго дома ему пойти?

Между тѣмъ собаки лаяли, но понявъ, что пріѣхало духовное лицо, не обнаружили большой свирѣпости; изъ другого церковнаго дома выбѣжали дьяконъ и дьякъ и пономарь, прогнали собакъ и взяли у благочиннаго благословеніе.

— А дома настоятели?—спросилъ благочинный.

— Отецъ Василій, кажись, отправились въ управляющему — сказалъ дьяконъ,—а отецъ Мартирій дома

— Ну, вотъ я и найду къ отцу Мартирію!—сказалъ благочинный, обрадовавшись, что имѣетъ полную возможность, зайдя къ отцу Мартирію, не обидѣть отца Василя.

Отецъ Мартирій встрѣтилъ его въ рясѣ, которую, очевидно, только-что надѣлъ и спѣшно застегивалъ ее у ворота.

— Очень радъ, отецъ благочинный, видѣть васъ у себя въ домѣ!—говорилъ отецъ Мартирій, хотя въ душѣ вовсе не зналъ, чему приписать этотъ пріѣздъ и слѣдуетъ ли ему радоваться или, наоборотъ, скорбѣть.

Моментально развели самоваръ и на столѣ появились чайныя принадлежности; матушка отца Мартирія надѣла новое платье и выставила на столъ четыре сорта варенья. Благочинный все принималъ съ благосклонностью и, чтобы не обидѣть матушку, попробовалъ всѣ четыре сорта варенья.

— Ну, какъ же вы тутъ поживаете?—спросилъ благочинный,—Хорошо ли помѣщаетесь въ домѣ?

Этотъ вопросъ показался отцу Мартирію и матушкѣ нѣсколько страннымъ. Они никогда не жаловались на помѣщеніе. Они отлично помѣщались. Церковный домъ былъ большой; у каждаго іерея было по девяти комнатъ и множество кладовыхъ и всякихъ другихъ хозяйственныхъ угловъ. Въ этомъ смыслѣ отецъ Мартирій и отвѣтилъ.

— А много ли, комнатъ занимаете?—спросилъ благочинный.

— По девяти комнатъ, у насъ у каждаго, — отвѣтилъ отецъ Мартирій.

— Это предовольно и даже много! У меня вотъ всего только шесть комнатъ, а вѣдь я благочинный.

— Въ городѣ, конечно, помѣщеніе дорого!—замѣтила на это матушка,—но зато въ городѣ весело жить. А въ деревнѣ, да если еще въ тѣснотѣ, такъ ужъ совсѣмъ скучно.

Благочинный ничего на это не возразилъ.

— А что же,—спросилъ онъ послѣ нѣвотораго молчанія,—примирились вы съ отцомъ Василямъ?

— Да нѣтъ... Не было случая!—отвѣтилъ нѣсколько угрюмо отецъ Мартирій.

— А преосвященный желаетъ примиренія... Онъ прямо такъ и сказалъ: желаю, чтобы они примѣрились.

— Да вѣдь не отъ меня пошло это, отецъ благочинный; я просилъ его по товарищески, какъ вамъ извѣстно.

Благочинный всталъ и отошелъ къ окну. Въ это время черезъ дворъ прошелъ отецъ Василій; онъ шелъ торопливо; очевидно, матушка послала за нимъ и дала ему знать о прїѣздѣ благочиннаго.

— А вотъ и отецъ Василій идетъ!—сказалъ благочинный,— надо и у него побывать.

И онъ, не простившись съ хозяевами, пошелъ къ отцу Василю. Послѣ его ухода отецъ Мартирій и матушка какъ бы замерли въ молчаніи. „Что бы оно могло значить?“ спрашивали они другъ друга глазами и отвѣта не получали.

У отца Василя тоже чай уже былъ готовъ, но украшеніемъ къ нему было не варенье, а пастила всевозможныхъ сортовъ и благочинный, какъ добрый начальникъ, и здѣсь, чтобы не обидѣть матушку, нашелъ у себя мѣсто для чая и пилъ его съ видимымъ удовольствіемъ и попробовалъ всѣ сорта пастилы.

— Ну, какъ живете, отецъ Василій? Довольны ли приходомъ?—спросилъ благочинный.

— Да я вполне доволенъ, отецъ благочинный,— отвѣтилъ отецъ Василій.—Недовольства никогда не заявлялъ.

— А скажите, отецъ Василій, только такъ, по душѣ, по добродушному знакомству, много ли дохода получаете? Вѣдь Березняки славятся доходностью... Ужъ всѣмъ извѣстно, что это приходъ отъ мѣнный.

И отецъ Василій и матушка въ одно время взглянули на него подозрительно. Зачѣмъ это ему знать про доходъ? Отецъ Василій отвѣтилъ:

— Мѣсяцъ на мѣсяцъ не приходится, отецъ благочинный. Въ лѣтнее время скудно, а въ зимнее, когда свадьбы пойдутъ, лучше. Во время великаго поста, извѣстно, благодать, такъ это ужъ вездѣ, потому народъ говѣеть, ну, и хлѣбный доходъ тогда бываетъ,— по субботамъ панихиды служимъ. А въ маѣ мѣсяцъ, когда черезъ Березняки проносятъ чудотворную икону Божьей Матери, такъ это самое лучшее время.

— Ну, а всего, въ общей сложности? — допрашивалъ благочинный.

— Да не считалъ. Ей-ей, считать не приходилось. Не имѣю привычки.

— А примѣрно?

— Да примѣрно тысячи двѣ въ годъ вырабатываемъ.

— Гм!—подумаль благочинный,—онъ говоритъ двѣ тысячи, значить—четыре...—Онъ сказалъ вслухъ:

— Такъ, такъ... Ну, что жъ, это ничего, жить можно хорошо. И земля у васъ церковная. Кажется, по сотнѣ десятинъ вамъ съ отцомъ Мартиріемъ полагается?

— Около этого...

— Такъ, ну, что жъ, жить можно. Ну-съ, а на счетъ примиренія съ отцомъ Мартиріемъ сдѣлали попытку?

— Да вѣдь не я первый поѣхалъ жаловаться, а отецъ Мартирій...

— Ну, все же надо примириться! Преосвященный желаетъ. Онъ настаиваетъ даже. Совѣтую вамъ, отецъ Василій, примириться. А можно у васъ въ церкви побывать?

— Пожалуйте, отецъ благочинный, сейчасъ велю отпереть!

Отецъ Василій послалъ къ сторожу съ приказаніемъ отпереть церковь. Когда они дошли уже до ступеней паперти, благочинный сказалъ:

— Надо бы и отца Мартирія извѣстить, что я въ церкви.

Отецъ Василій послалъ сторожа и минуты черезъ три вошелъ въ церковь и отецъ Мартирій. Благочинный осматривалъ церковь разсѣянно. Эту церковь онъ зналъ очень хорошо и не это занимало его. Онъ собственно хотѣлъ свести обоихъ пасторей вмѣстѣ и при случаѣ помирить ихъ. Когда они были всѣ трое въ алтарѣ, благочинный сказалъ:

— Ну, вотъ, отецъ Мартирій и отецъ Василій, мы теперь въ алтарѣ... Такъ исполните же желаніе владыки, примиритесь.

— Да я ничего... Я готовъ!—сказалъ отецъ Мартирій.

— Что жъ, и я не того... Я тоже не прочь!—откликнулся отецъ Василій и они подали другъ другу руки.

Благочинный скоро вышелъ изъ церкви и уѣхалъ обратно въ городъ. Отецъ Мартирій пошелъ къ себѣ, отецъ Василій къ себѣ и они больше ничего не сказали другъ другу, а сторожъ заперъ церковь.

Но пріѣздъ благочиннаго и его странные разспросы еще больше разстроили іереевъ. Дѣло въ томъ, что отецъ Мартирій не зналъ, о чемъ разспрашивалъ благочинный отца Василія и думалъ, что тутъ непременно есть какой-нибудь подвохъ съ его стороны. „Ужъ не хочетъ ли онъ оттягать у меня комнату на томъ основаніи, что у него много дѣтей?“ думалъ отецъ Мартирій, стараясь объяснить вопросы благочиннаго на счетъ помѣщенія.

А отецъ Василій тоже вѣдь не зналъ о томъ, какой разговоръ былъ у отца Мартирія съ благочиннымъ и сильно подозрѣвалъ, что отецъ Мартирій лѣзетъ въ настоятели, хлопочетъ о старшинствѣ и на этомъ основаніи желаетъ уменьшить его доходъ и

увеличить свой. И потому послѣ отъѣзда благочиннаго, не смотря на состоявшееся примиреніе, между двумя половинами церковнаго дома установилось еще болѣе враждебное настроеніе и жильцы ихъ стали относиться другъ къ другу еще осторожнѣе. А матушкамъ еще скучнѣе стало жить на своихъ половинахъ.

И вдругъ произошло событіе. Первый узналъ о немъ старый дьяконъ, такъ какъ всѣ бумаги, какія получалъ причтъ, привозились къ нему, онъ ихъ записывалъ и отмѣчалъ на нихъ номеръ.

Да, получилась бумага! Церковный староста, ѣздившій въ городъ за мукой для просвирь и за лампаднымъ масломъ, привезъ ее отъ благочиннаго.

Дьяконъ прочиталъ бумагу и не хотѣлъ вѣрить. Онъ позвалъ дьяка и держалъ съ нимъ совѣтъ. Но дьякъ тоже ничего не могъ объяснить, онъ только говорилъ:

— Не даромъ онъ пріѣзжалъ, не даромъ. Ужъ это всегда такъ бываетъ. Посѣщеніе начальства никогда даромъ не проходитъ и всегда въ дурную сторону.

Дьяконъ пошелъ съ бумагой къ отцу Мартирію.

— Охъ, отецъ Мартирій,—сказалъ онъ,—ужъ не знаю, какъ и показать вамъ...

— А что такое?—спросилъ отецъ Мартирій.

— Да вотъ бумага... Ужъ такая бумага, какой навѣрно никто не ожидалъ.

— Покажи!

Отецъ Мартирій взялъ бумагу, надѣлъ очки и началъ читать и въ глазахъ у него помутилось.

— Не можетъ быть!—сказалъ онъ.—Не можетъ этого быть.

— Такъ вѣдь написано, отецъ Мартирій,—вѣдь дѣйствительно написано и подпись благочиннаго.

— Да что же это? Да какъ же это? Изъ чего же это слѣдуетъ?

Явилась матушка, прочитала бумагу и вдругъ, не подумавши хорошенько, изрекла: „Это штука отца Василия!“ Но тутъ же сообразила, что сказала нелѣпость. Для отца Василия эта бумага такой же острый ножъ, какъ и для отца Мартирія.

— Вотъ что дьяконъ,—сказалъ отецъ Мартирій,—поди-ка къ отцу Василию и того... попроси его пожаловать ко мнѣ... Понимаешь? Ты не говори, зачѣмъ. А только скажи, что дѣло есть очень важное. Скажи, что бумага...

Дьяконъ пошелъ къ отцу Василию.

— Васъ отецъ Мартирій къ себѣ просить,—сказалъ онъ.—Очень важное дѣло.

Матушка, бывшая тутъ, встала на дыбы. Какъ? Съ какою стати онъ пойдетъ къ отцу Мартирію? Если есть дѣло, то онъ можетъ самъ придти...

— Очень, очень важно дѣло! — прониженно сказалъ дьяконъ. — Бумага пришла.

— Какая же это бумага? — спросилъ отецъ Василій.

— Важная бумага, отецъ Василій!.. такъ вы ужъ пожалуйте. Матушка раздумала.

— Коли бумага, такъ иди, — сказала она; передъ бумагой она вообще преклонялась.

Отецъ Василій надѣлъ рясу и пошелъ къ отцу Мартирію. Встрѣтились они съ нѣкоторой холодностью, но подали другъ другу руки.

— Садитесь, отецъ Василій, — какимъ-то подавленнымъ голосомъ сказалъ отецъ Мартирій. — Конечно, я виноватъ... во многомъ виноватъ, но... Но вѣдь и вы тоже... А только лучше намъ забыть объ этомъ. Тутъ дѣло такое, такое дѣло, отецъ Василій...

— Да въ чемъ дѣло, отецъ Мартирій? Не мучьте вы меня.

— Садитесь, отецъ Василій, садись и ты, дьяконъ... — говорилъ отецъ Мартирій такимъ тономъ, какимъ говорятъ передъ смертнымъ приговоромъ.

Матушка отсутствовала. Но она была очень недалеко, въ сосѣдней комнатѣ, откуда все внимательно слушала.

— Вотъ какая бумага, отецъ Василій. — Отецъ Мартирій надѣлъ очки и прочиталъ, съ чувствомъ останавливаясь на каждомъ словѣ.

„Причту Крестовоздвиженской церкви въ селѣ Березняки. Принимая во вниманіе обоюдныя заявленія священниковъ села Березняки, Мартирія Сострѣлятенка и Василія Мелхиседекова, сдѣланныя ими его преосвященству о томъ, что приходъ Березняки за послѣдніе годы настолько увеличился количествомъ прихожанъ, что упомянутые два священника, не смотря на усердную службу cadaго изъ нихъ и засвидѣтельствованное благочиннымъ стремленіе совершать свое дѣло по отношенію къ прихожанамъ старательно, не въ силахъ исполнять свое назначеніе, вслѣдствіе чего нѣкоторыя требы остаются безъ исполненія; принимая во вниманіе также и то, что чрезмѣрное утружденіе священниковъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей пагубно отражается на состояніи здоровья одного изъ нихъ, отъ таковаго усердія получившаго болѣзнь въ ногахъ; имѣя въ виду и то, что такое положеніе порождаетъ неравенство въ распредѣленіи трудовъ между обоими священниками, внося въ то же время въ ихъ среду несогласіе и вражду, каковыя качества не приличествуютъ духовной средѣ; его преосвященству благоудно было, для облегченія трудовъ упомянутыхъ двухъ священниковъ, учредить въ приходѣ Березняки третью священническую должность, на каковую рукоположить дьякона соборной церкви Амвросія Натоцакова“...

— Господи! что же это такое?—воскликнулъ о. Василій.

— Слушайте дальше, отецъ Василій.. „Имѣя въ виду, что новому священнику надлежитъ имѣть помѣщеніе для себя и своего семейства, а также и то, что церковный домъ въ селѣ Березнякахъ достаточно великъ, его преосвященство изволилъ приказать, чтобы домъ тотъ былъ раздѣленъ на три части, по шести комнатъ въ каждой, съ соотвѣтствующими хозяйственными принадлежностями, а также со времени вступленія въ должность новаго священника, Амвросія Натоцакова, дѣлить весь приходящійся на долю священниковъ доходъ на три равныя части, изъ коихъ одну давать Амвросію Натоцакову. Въ виду сего, имѣю честь покорнѣйше просить васъ въ теченіе двухъ недѣль съ получения сего освободить третью часть онаго дома съ принадлежностями и на церковный счетъ передѣлать домъ въ томъ смыслѣ, чтобы для третьяго священника былъ особый ходъ въ него. Въ теченіе указанныхъ двухъ недѣль, согласно распоряженію его преосвященства, дьяконъ Амвросій Натоцаковъ будетъ рукоположенъ во священника и послѣ сего вступить въ новую должность“.

Описывать то состояніе, въ какомъ находились послѣ прочтенія этой бумаги отецъ Василій и отецъ Мартирій, было бы излишне. Спорить противъ бумаги не было никакой возможности; фактъ совершился. Разбирать теперь, кто виноватъ и кто правъ, тоже было излишне. Отецъ Василій сказалъ:

— Вотъ что значить, отецъ Мартирій, предстать предъ очи начальства! Жили мы двѣнадцать лѣтъ и ничего у насъ не выходило и все было хорошо, а отчего? Оттого, что начальство насъ не видало. А какъ только показались ему на глаза, такъ вотъ что вышло...

Послѣ этой исторіи матушки каждый вечеръ собирались то у одной, то у другой, пили чай съ вареньемъ и пастилой и обсуждали вопросъ, какъ охранить себя отъ возможныхъ покушеній новыхъ сосѣдей. Отецъ Мартирій и отецъ Василій заключили молчаливый союзъ. Миръ несомнѣнно установился въ церковномъ домѣ села Березняковъ и съ этой стороны преосвященный вполне достигъ своей цѣли. Но каково будетъ житья на этомъ приходѣ новому священнику, Амвросію Натоцакову—объ этомъ мы ничего сказать не можемъ.

И. Потапенко.

Исторія животнаго населенія Европы въ его историческомъ развитіи.

I.

Задачи и методъ фаунистическихъ изслѣдованій.—Европейская фауна и современная группировка животныхъ формъ въ ея предѣлахъ.—Доисторическая Европа.

Когда, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, были сдѣланы первыя попытки къ обобщенію частныхъ фактовъ, касающихся географическаго распространенія животныхъ, ученымъ, конечно, не мелькало даже подозрѣніе, что эта отрасль біологическихъ наукъ достигнетъ такого гигантскаго развитія, которое произошло на нашихъ глазахъ. Зоологическая географія первой половины текущаго столѣтія стояла всецѣло особнякомъ, и въ этомъ виновато было не столько тогдашнее состояніе біологіи вообще, сколько полная неподготовка почвы для ея развитія со стороны другихъ естественныхъ наукъ. Въ геологіи господствовало ученіе о катастрофахъ, и вмѣстѣ съ нимъ вопросъ о постепенномъ развитіи органическаго міра, конечно, долженъ былъ получать отрицательный отвѣтъ. Правда, отдѣльныя попытки внести въ изученіе органическаго міра историческій методъ дѣлались немногими учеными и тогда. Но такой взглядъ шелъ настолько въ разрѣзъ съ общимъ убѣжденіемъ, что земной шаръ претерпѣваетъ отъ времени до времени катастрофы, которыя губятъ все живущее, что у него почти не было приверженцевъ. Дѣло существенно измѣнилось, когда Лайэлле выступилъ противъ теоріи катастрофъ и доказалъ всю ея несостоятельность, положивъ въ основаніе своихъ изслѣдованій изученіе современныхъ явленій на поверхности земнаго шара. Этимъ было достигнуто два важныхъ результата: 1) разъ было доказано, что общія катастрофы на земномъ шарѣ не имѣли мѣста, тѣмъ самымъ была доказана и возможность постепеннаго развитія его органическаго міра, и 2) періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это развитіе, удлинялся тѣмъ самымъ до безконечности. Но, помимо этихъ важныхъ прямыхъ результатовъ, изслѣдованія Лайэлла имѣли для біологіи огромное косвенное значеніе: они показали, что можетъ быть достигнуто въ наукѣ, если въ основу изслѣдованія положено изученіе современныхъ

явленій на земномъ шарѣ и естественное допущеніе, что существенной разницы между тѣмъ, что мы видимъ, и тѣмъ, что происходило ранѣе, нѣтъ. Такимъ образомъ, ученіе Ляйэля о постепенномъ измѣненіи земной поверхности легло въ основу новаго направленія въ біологіи, по которому современный намъ міръ организмовъ представляет собою только послѣднія фазы бесконечно длиннаго его историческаго развитія. Внесеніе въ біологію историческаго метода было той «живой водой», которая въ сказкахъ оживляетъ трупы убитыхъ. Этотъ методъ связалъ въ одно цѣлое длинный рядъ явленій и вызвалъ естественное стремленіе найти между ними причинную зависимость. Такимъ образомъ какъ фауна, такъ и флора каждой страны перестали стоять особнякомъ и съ одной стороны явилась возможность объяснить ихъ происхожденіе, съ другой—указать соотношеніе какъ современныхъ фаунъ и флоръ, такъ и ископаемыхъ.

Для выясненія этихъ соотношеній мы идемъ такимъ путемъ. Прежде всего, подробнымъ сравненіемъ фаунъ разныхъ странъ устанавливается сходство между однѣми и различіе между другими, что выражается въ установленіи такъ называемыхъ зоологическихъ областей. Эти зоологическія области далеко не всегда совпадаютъ съ материковыми границами. Такъ, Европа, вся Азія къ югу до Гималаевъ и сѣверная Африка составляютъ зоологически одно цѣлое, одну зоологическую область. Затѣмъ, сравниваютъ современные фауны разныхъ странъ съ ископаемыми и такимъ образомъ приходятъ къ заключенію, что современная фауна одного материка вовсе не всегда сходна съ ископаемыми животными того же материка и часто очень сходна съ ископаемыми животными другого. Такъ, современная фауна центральной Африки очень сходна съ ископаемыми животными одной геологической эпохи Европы. Наконецъ, нельзя теперь же умолчать о томъ, что чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ геологическая эпоха, тѣмъ больше сходства между ископаемыми животными всѣхъ странъ. Все это указываетъ, что животное населеніе земнаго шара прошло очень сложную исторію. Животный міръ не есть что-либо постоянное, неизмѣнное. Мы не можемъ составить себѣ никакого представленія о томъ промежутокѣ времени, который отдѣляетъ насъ отъ перваго появленія на землѣ несомнѣнныхъ животныхъ. И никакая фантазія не въ состояніи охватить все то разнообразіе животнаго міра, которое имѣло мѣсто за всю бесконечно длинную исторію его развитія. Но мы знаемъ, что, разъ появившись на землѣ, животныя никогда не переставали существовать и, примѣняясь къ разнымъ условіямъ существованія, развивались въ разныхъ направленіяхъ, изъ которыхъ однѣ оказывались удачными, другія неудачными. Поэтому, тогда какъ однѣ формы гибли въ борьбѣ за существованіе, не оставляя въ концѣ концовъ по себѣ потомковъ, другія сходили со сцены, передавая свои особенности своимъ потомкамъ, которые являлись господствовавшими. Прибавьте къ этому

естественному развитію животнаго царства въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ столь-же постоянную смѣну въ распредѣленіи воды и суши. Не много мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ океанъ никогда не уступалъ своего мѣста сушѣ, и едва-ли есть такая часть суши, гдѣ когда-нибудь не было моря. Въ связи съ этими вѣковыми колебаніями въ очертаніяхъ суши и моря, то животное населеніе разныхъ странъ составляло одно цѣлое, то одной разбивалось по нѣсколькимъ участкамъ. Бывали періоды, когда животное населеніе какой-либо страны совершало путь своего историческаго развитія безъ столкновения съ пришлецами изъ другихъ странъ, и такіе, когда изъ одной страны въ другую вторгались переселенцы, развившіеся въ совершенно другихъ условіяхъ и объявлявшіе кореннымъ жителямъ страны неумолимую борьбу за жизнь, за обладаніе мѣстомъ. Палеонтологическія изслѣдованія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ справедливости сказаннаго. Гдѣ бы мы ихъ ни производили, мы вездѣ наталкиваемся на разбросанныя страницы гѣтописи животнаго царства и лишь съ огромнымъ трудомъ можно было, такъ сказать, подшить ихъ одна къ другой въ опредѣленномъ порядкѣ. Всѣ палеонтологическія находки болѣе или менѣе случайны и, къ тому же, никогда нельзя сказать, многое ли сохранилось отъ животнаго населенія извѣстной эпохи. Нѣкоторыя страны, сравнительно, богаты ископаемыми, тогда какъ другія, гдѣ можно ожидать присутствія тѣхъ же ископаемыхъ, даютъ въ этомъ отношеніи очень мало или даже ничего не даютъ. Хорошимъ примѣромъ, подтверждающимъ это, является Сѣверная Америка и Европа. Въ первой найденъ такой замѣчательный по полнотѣ рядъ ископаемыхъ лошадей, что можно возстановить всю исторію этой группы, развившейся изъ мелкихъ пятипалыхъ млекопитающихъ въ крупныхъ однопалыхъ; во второй отъ этого ряда найдены только отдѣльные члены. Повидимому, такая разниа объясняется малымъ развитіемъ прѣсноводныхъ отложеній извѣстнаго возраста въ Европѣ, тогда какъ въ Америкѣ мощность этихъ отложеній огромна. Но это другими словами значить, что тогда какъ въ Америкѣ вѣками длились благоприятныя условія для сохраненія ископаемыхъ остатковъ, въ Европѣ условія этому вполне не благоприятствовали. И вотъ въ этомъ-то и заключается причина неполноты геологической гѣтописи, и невозможность возстановить ее дальше извѣстной степени.

На первый взглядъ можетъ казаться, что чѣмъ больше страна, тѣмъ богаче она должна быть ископаемыми и тѣмъ легче возстановить исторію ея животнаго населенія. Но на самомъ дѣлѣ это невѣрно. Изучить исторію животнаго населенія небольшой, но хорошо обособленной области неизмѣримо легче и такъ называемые континентальныя острова, напр., Британскіе, особенно благодарны въ этомъ отношеніи. Если можно такъ выразиться, вѣковое наслоеніе послѣдовательно смѣнявшихся фаунъ здѣсь выражено рѣзче, такъ какъ между отдѣльными фаунами больше пробѣловъ, хотя, благодаря послѣднему обстоя-

тельству, здѣсь нечего и думать найти послѣдовательные переходы отъ одной фауны къ другой.

Сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы возбудить интересъ къ исторической зоологіи. Изученіе современной группировки животныхъ на земномъ шарѣ не мыслимо безъ палеонтологическихъ данныхъ, такъ какъ только современныя условія не даютъ этому удовлетворительнаго объясненія. Каждая фауна есть результатъ воздѣйствія безконечно сложныхъ причинъ, состоящихъ въ соотношеніи животныхъ формъ, въ измѣненіи пищевыхъ условій, климата, орографіи и т. д. Трудно представить себѣ, чтобы какое-либо изъ этихъ обстоятельствъ, измѣнившись такъ или иначе, прямо или косвенно не сказалось на составѣ животнаго населенія страны, а въ историческое время къ числу факторовъ, влияющихъ на жизнь животныхъ, присоединился и человѣкъ. Дѣятельность человѣка въ этомъ отношеніи сказалась въ трехъ направленіяхъ: въ прямомъ уничтоженіи однихъ видовъ дикихъ животныхъ, въ косвенномъ уничтоженіи другихъ путемъ измѣненія кореннаго вида страны и, наконецъ, въ одомашниваніи третьихъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ сильнѣе сказывается гибельное воздѣйствіе человѣка на дикихъ животныхъ; но въ слабой степени оно началось съ тѣхъ поръ, какъ топоръ первыхъ обитателей принялся за разчистку лѣса подъ поселенія и плугъ впервые поднялъ почву степи. Въ эту отдаленную эпоху человѣкъ настолько былъ связанъ съ окружающимъ міромъ животныхъ и зависѣлъ отъ него, что оставить его въ сторонѣ значить умышленно пропустить одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторической зоологіи.

Обращаясь далѣе къ вопросу, какой континентъ изслѣдованъ наилучше съ интересующей насъ стороны, мы должны сказать, что пока первенствующее мѣсто занимаетъ Европа. Не даромъ длинный рядъ ученыхъ разныхъ специальностей въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ собиралъ данныя, касающіяся самыхъ различныхъ сторонъ существованія этого материка. Геологи возстановляли послѣдовательныя вѣковыя измѣненія въ его очертаніяхъ, астрономы и метеорологи—въ климатъ, ботаники въ растительномъ мірѣ, зоологи—въ животномъ, наконецъ, антропологи—во всемъ, что касалось человѣка. Въ результатъ мы имѣемъ передъ собою, конечно, не полную въ подробностяхъ, но во всякомъ случаѣ цѣльную картину историческаго развитія европейскаго континента и по сколько это относится къ его животному населенію, вмѣстѣ съ доисторическимъ человѣкомъ, это и должно войти въ настоящій очеркъ.

Путешественникъ проѣзжающій отъ Уральскаго хребта до Бискайскаго залива, отъ Нордкапа до Сициліи, непремѣнно будетъ введенъ въ заблужденіе относительно кажущагося разнообразія европейской фауны. Безлѣсныя тундры, тайга сѣверо-восточной Россіи, своеобразныя горы Скандинавіи, обширная площадь полей съ разбросанными среди нихъ лѣсными колками на огромномъ протяженіи средней

Россіи и центральной Европы, южно-русскія черноземныя степи, альпійская горная страна и цвѣтущая береговая область Средиземнаго моря, — всѣ эти страны съ ихъ различной орографіей, разнообразіемъ климата, своеобразной растительностью представляютъ и кажущееся разнообразіе животнаго міра. А между тѣмъ тщательное изученіе фауны Европы доказываетъ, что разнообразіе это вовсе не велико. Вся Россія, вся центральная и западная Европа фаунистически составляютъ одно цѣлое, хотя съ большимъ количествомъ разныхъ станцій, т. е. мѣстонахожденій. Конечно, чѣмъ населеннѣе мѣстность, тѣмъ бѣднѣе она дикими животными, и это отчасти дѣлаетъ различными въ фаунистическомъ отношеніи, напр., Россію и центральную Европу; но если не останавливаться на численности представителей отдѣльных видовъ, а только на самихъ видахъ, то окажется, что тѣ же животныя, которыя живутъ у насъ, населяютъ и центральную Европу. Изъ млекопитающихъ особенно характерны разные олени среди копытныхъ, медвѣдь, волкъ, лисица, куница, рыси и кое-какія другія формы среди хищныхъ, кротъ и ежи изъ насѣкомоядныхъ, сурки, суслики, зайцы, лемминги изъ грызуновъ и т. д. Одни изъ нихъ лѣсныя животныя, другія — обитатели открытыхъ мѣстъ, поля и степи. Поэтому, тамъ, гдѣ преобладаетъ лѣсъ, конечно, преобладаютъ лѣсныя животныя, и тамъ, гдѣ господствуетъ степь — формы открытыхъ мѣстъ. Но, тамъ, гдѣ какъ въ средней Россіи лѣсъ и степь или поля перемежаются болѣе или менѣе равномерно, мы не найдемъ преобладанія однихъ формъ животныхъ надъ другими. Точно то же и съ птицами. Отрѣшившись отъ пташекъ, фауна которыхъ поразительно однообразна не только на указанной площади Европы, но и съ прибавленіемъ всей Западной Сибири, даже крупные представители хищныхъ, каковы орлы и соколы, куриныя птицы, каковы глухарь, тетеревъ, куропатки, пастушковые, съ ихъ наиболѣе замѣтными представителями дрофой, стрепетомъ и журавлями, распространены одинаково во всей этой области, поскольку это позволяетъ распредѣленіе станцій.

Совсѣмъ другое дѣло, когда мы переваливаемъ черезъ горную страну центральной Европы и спускаемся на средиземно морское побережье. Пиринейскій, Аппенинскій и южная часть Балканскаго полуострова съ островами Средиземнаго моря рѣзко отличны фаунистически отъ остальной Европы и, напротивъ, составляютъ одно цѣлое съ сѣвероафриканскимъ побережьемъ, Малой Азіей и Кавказомъ. Олени здѣсь отчасти замѣнены ланью и горными баранами, изъ хищныхъ появляются виверы и шакалы, изъ грызуновъ — дикобразъ, изъ летучихъ мышей — подковоносы. Что касается птицъ, то даже среди пташекъ есть особые роды, а изъ другихъ группъ обращаютъ на себя вниманіе пустынные перепелки, горныя курочки, дрофы-красотки, султанскія куры, нѣкоторыя чайки и многія другія формы, совсѣмъ не распространенныя въ остальной Европѣ.

Наконецъ, въ юго-восточномъ углу Россіи мы встрѣчаемся съ совершенно особенной фауной, стоящей въ рѣзкой противоположности съ остальной фауной Европы. Достаточно отмѣтить здѣсь присутствіе антилопы сайги, единственной антилопы въ европейской фаунѣ, куда она проникаетъ изъ азіатскихъ пустынь, перевозчика изъ хорьковъ, слѣпыша изъ грызуновъ, рябковъ, саджъ, джэка, бѣлаго журавля или стерха, утку-савку и другихъ формъ изъ птицъ, чтобы охарактеризовать эту область. На всей этой фаунѣ лежитъ особый отпечатокъ—ея пустынный характеръ, выражающійся въ преобладаніи въ окраскѣ животныхъ желтовато-бурыхъ тоновъ пустыни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, многочисленныя формы общи этому углу съ средиземно-морской областью, придавая имъ, такъ сказать, южный оттѣнокъ, отличающій ихъ отъ фауны средней и сѣверной Европы съ ея сѣвернымъ оттѣнкомъ.

Позднѣе мы увидимъ, что эти три фаунистически различныя области Европы различны и по своей исторіи. Теперь же надо остановиться на другихъ фаунистическихъ особенностяхъ нашего материка. Прежде всего, нельзя не видѣть замѣчательнаго островнаго распространенія нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ. Съ одной стороны сѣверныя формы, какъ, напр. полярный заяцъ и альпійская куропатка, встрѣчаются и на крайнемъ сѣверѣ, въ тундрахъ, и высоко въ горахъ центральной Европы, отсутствуя на огромной площади между этими областями. Съ другой, нѣкоторыя животныя, напр., выхухоль, представлены одними видами въ рѣкахъ центральной и восточной Россіи и другими на Пиренейскомъ полуостровѣ. Наконецъ, третьи, каковъ, напр., зубръ, встрѣчаются въ низменностяхъ средней Европы и на горахъ сѣвернаго Кавказа. Очевидно, что съ указанными тремя фаунами Европы эти спорадически распространенныя формы не имѣютъ ничего общаго. Какія-то особыя причины сказались на ихъ островномъ распространеніи, разбросали ихъ на поверхности европейскаго материка, поставили особнякомъ среди массы другихъ животныхъ. Современныя климатическія и вообще физико-географическія условія не даютъ этому никакого объясненія. Даже болѣе того, указанные частные факты прямо подрываютъ значеніе этого фактора въ объясненіи географическаго распространенія животныхъ. Что касается другихъ возможныхъ объясненій, то ихъ имѣется два: вліяніе человѣка и вѣковыя измѣненія въ физико-географическихъ условіяхъ Европы. Однако, не трудно видѣть, что вліяніе человѣка недостаточно для объясненія приведенныхъ нами фактовъ. Положимъ, мы знаемъ, что зубръ служилъ предметомъ охоты, высоко цѣнимымъ русскими князьями, и конечно могъ быть отчасти истребленъ на протяженіи юго-западной и южной Россіи, площадь которой отдѣляетъ бѣловѣжскихъ зубровъ отъ кавказскихъ, но несомнѣнно, что всецѣло онъ не могъ быть истребленъ охотой. А затѣмъ: какимъ образомъ попали они на горы сѣверо-западнаго Кавказа? Стоять ли онъ особнякомъ среди тамошнихъ животныхъ, или между послѣдними есть

такія, которыя помогают отвѣтить на заданный вопросъ? Въ томъ-то и дѣло, что такія формы имѣются: сѣверный склонъ главнаго Кавказскаго хребта занятъ отчасти какъ бы колоніей сѣверныхъ животныхъ и очевидно, что человѣкъ не могъ играть въ этомъ никакой роли. Что-то другое загнало на горные хребты формы низменностей и дало имъ возможность сохраниться въ обстановкѣ, которой они первоначально, очевидно, не принадлежали. То же самое и съ другими приведенными нами примѣрами. Въ спорадичномъ распространеніи полярнаго зайца, альпійской куропатки и выхухолей человѣкъ, конечно неповиненъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ ясно, что только знаніе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣлъ европейскій материкъ въ геологическія эпохи, и связанное съ ними измѣненіе въ распространеніи животныхъ даетъ возможность понять эти отдѣльные случаи изъ современнаго географическаго распространенія европейскихъ животныхъ. Всѣ эти частные случаи ничто иное, какъ удѣлѣвшія свидѣтельства разныхъ періодовъ въ исторіи фауны, разныхъ фазъ борьбы за существованіе, за обладаніе мѣстами болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ нынѣшнихъ животныхъ. И чѣмъ разрозненнѣе, чѣмъ рѣже такіе исключительные случаи, тѣмъ бережнѣе съ ними надо обращаться. Въ природѣ нѣтъ ничего, что не имѣло бы смысла, и нѣтъ такого явленія, которое можно было бы понять безъ его связи съ другими. Частные факты современнаго географическаго распространенія животныхъ будятъ наше желаніе уйти въ глубь вѣковъ и при помощи воображенія, на основаніи большаго или меньшаго количества фактическихъ данныхъ, вызвать передъ собою картины давно прошедшаго міра, обстановку, не похожую на ту, среди которой мы находимся, исторію болѣе сложную и богатую событіями, чѣмъ это можно было бы предположить.

Конечно, человѣкъ игралъ роль въ измѣненіи распространенія европейскихъ животныхъ, и эта роль была даже немаловажная. Прежде всего она сказалась въ измѣненіи коренного вида страны, въ расчисткѣ огромныхъ лѣсныхъ площадей и осушеніи болотъ. По историческимъ документамъ мы знаемъ, что большая часть Франціи и вся Германія были покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ—тайгой, сливавшейся съ тайгой Россіи. Въ южной Германіи среди этой тайги вывышались горные кряжи и широкой полосой тянулись болотистые низменности Дуная. На мѣстѣ нынѣшней западной Россіи дѣвственный лѣсъ разнообразился только обширными болотистыми площадями, а далѣе къ сѣверу и востоку тайга тянулась, вѣроятно, почти въ томъ же видѣ, какъ теперь, только, конечно, болѣе сплошной, можетъ быть даже непрерывной областью. Что касается южной границы тайги въ Россіи, то съ достовѣрностью можно утверждать, что тайга занимала большую часть средней Россіи, спускаясь еще южнѣе языками по теченію Двѣпра, Дона, можетъ быть, Волги и также по Уральскому хребту. По южной границѣ тайги были разбросаны лѣсныя роци, образовавшія естественную полосу остров-

ныхъ лѣсовъ, а еще южнѣе, отъ низовьевъ Дуная, черезъ нижнее теченіе Днѣстра, Днѣпра, Дона и Волги, шла настоящая степь, простирающаяся на востокъ въ равнины Западной Сибири.

Фауна млекопитающихъ, населявшая эту область, насчитывала въ числѣ своихъ представителей и такія формы, которыхъ въ ней сейчасъ совсѣмъ нѣтъ, напр., дикаго быка или тура, тогда какъ другія, дошедшія лишь въ небольшомъ числѣ до нашего времени, отличались крайней многочисленностью и широкимъ распространеніемъ; таковы: зубръ, лось, благородный олень и пр., составлявшіе самыхъ дорогихъ охотничьихъ животныхъ для древнихъ германцевъ и славянскихъ князей. Изъ степныхъ животныхъ надо упомянуть дикихъ лошадей, тогда какъ антилопа сайга шла по всей степной области на западъ до лѣсной области нынѣшней Волынской губ. Что касается птицъ, то характерныя формы тайги, съ глухаремъ и большими совами (уральской, лапландской) во главѣ, подобно лѣснымъ млекопитающимъ, были распространены во всей тогдашней лѣсной области, а степныя птицы вмѣстѣ съ лошадьми и сайгой во всей степной.

Однако, чтобы имѣть полное представленіе о фаунѣ доисторической Европы, надо помнить еще о фаунѣ болотъ и рѣчныхъ долинъ. Моховыя болота съ озерами, совершенно тундряного характера, и населены были птицами тундръ: бѣлыми куропатками, гагарами, лебедемъ-кликуномъ и т. д. Что же касается рѣчныхъ долинъ, то здѣсь фауна носила совершенно другой характеръ: въ морскихъ устьяхъ рѣкъ ютились разныя цапли, колпики, лебедь-шипунъ и другія болѣе южныя формы, которыя проникали сравнительно далеко по долинамъ рѣкъ въ степную область, разнообразя характерное населеніе.

Такимъ образомъ, сравнивая Европу этого отдаленнаго періода съ современной, не трудно видѣть, что разница между ихъ фаунами является не особенно значительной по существу, но иная группировка станцій или мѣстонахожденій, большая численность животныхъ придаетъ ранней фаунѣ Европы весьма своеобразный характеръ.

Дикій быкъ или туръ вымеръ совершенно и только въ Англии отъ него остались болѣе или менѣе отдаленные потомки, живущіе въ Чиллингемскомъ и другихъ паркахъ въ полудикомъ состояніи. Но еще во времена Юлія Цезаря этотъ быкъ былъ очень обыкновененъ въ лѣсахъ Европы, а изученіе ископаемыхъ остатковъ приводитъ насъ къ заключенію, что онъ, въ свою очередь, произошелъ отъ еще болѣе крупной, ранѣе жившей расы, которая сначала имѣла очень широкое распространеніе и отличалась однообразиемъ признаковъ, затѣмъ распалась на нѣсколько расъ и, исчезнувъ, наконецъ, вслѣдствіе прямого преслѣдованія человекомъ и измѣненія коренного вида страны, въ качествѣ дикаго животнаго, послужила матеріаломъ для образованія разнообразныхъ породъ домашняго скота.

Зубръ не вымеръ окончательно и до сихъ поръ, сохранившись на

горахъ Сѣвернаго Кавказа, куда проникъ несомнѣнно въ болѣе раннюю эпоху, чѣмъ разсматриваемая, и въ Бѣловѣжской пушцѣ, причемъ и тамъ, и здѣсь уже находится подѣ исключительною охраною законовъ. На его вымираніи, повидимому, сказались тѣ же причины, что и на вымираніи тура; что же касается его болѣе продолжительнаго существованія, сравнительно съ первымъ, то, повидимому, этому благопріятствовала полная неспособность зубра къ прирученію. При этомъ можно еще замѣтить, что зубръ произошелъ отъ той же ископаемой формы, которая, измѣнившись въ другомъ направленіи, дала въ Америкѣ бизона.

Упомянутая для степей дикая лошадь въ отдѣльныхъ представителяхъ дошла у насъ до первой половины текущаго столѣтія. Можно ли ее отождествлять съ дикою лошадью центрально-азиатскихъ пустынь—большой вопросъ, на который скорѣе можно дать отрицательный отвѣтъ. Но, во всякомъ случаѣ, эта лошадь была прежде многочисленна въ нашихъ степяхъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о ней сохранились въ путешествіи Гмелина. Какъ и всѣ лошади, наша дикая или тарпанъ, держалась косяками, иногда довольно многочисленными, которые наносили не малый ущербъ крестьянамъ, уничтожая сложенные на зиму запасы сѣна. Какъ животное, трудно поддававшееся прирученію, тарпанъ безжалостно истреблялся, и съ одной стороны это, съ другой—скрещиваніе его съ домашними кобылицами, отчего получались особи, которыхъ легче было и ловить, и приручать, и наконецъ, распашка и заселеніе степи,—все это привело въ концѣ концовъ къ его полному вымиранію.

Распространеніе сайги просто сократилось и эта антилопа постепенно отступала передъ человѣкомъ съ запада на востокъ, надолго остановившись—было въ Калмыцкихъ степяхъ, но затѣмъ совершенно откочевавъ за Волгу, гдѣ еще и до сихъ поръ не можетъ считаться рѣдкой.

Вспомнимъ также здѣсь разсказъ Геродота о львахъ, которые напали въ одномъ ущельи на вьючныхъ верблюдовъ, слѣдовавшихъ за арміею Ксеркса,—разсказъ, настолько подробный, что по немъ даже можно составить ясное представленіе о томъ, какъ широко были распространены львы въ то время на Балканскомъ полуостровѣ. Повидимому, они были тогда вовсе не рѣдки въ Македоніи и Фессаліи, а еще раньше были распространены и еще шире въ южной Европѣ. Только незадолго до начала христіанской эры этотъ хищникъ исчезъ изъ Европы, хотя все еще былъ широко распространенъ въ юго-западной Азіи.

Мы должны теперь обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое даетъ возможность перейти отъ только-что описаннаго періода въ существованіи европейскаго материка къ еще болѣе раннему. Дѣло въ томъ, что ботаники весьма согласно отстаиваютъ теперь положеніе, что на границѣ лѣсной и степной области, въ такъ называемой лѣсостепной полосѣ, идетъ постоянная борьба между лѣсной и степной

растительностью, и притомъ борьба, оканчивающаяся побѣдой первой. Слѣдовательно, при естественныхъ условіяхъ лѣсная должна бы постепенно распространяться на счетъ степной, что, повидимому, указываетъ на опредѣленную послѣдовательность измѣненій въ растительности центральной Европы въ доисторическое время. Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ въ западной и центральной Европѣ развилась лѣсная область, здѣсь достигали огромнаго развитія травянистыя площади. Причиною этого, съ одной стороны, были почвенныя условія, съ другой, и это самое важное, климатическія. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, очертанія Европы представлялись совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ теперь, въ ея западной части. Скандинавія и сѣверная Россія продолжались сплошной сушей, первая на западъ, вторая на сѣверъ. Затѣмъ, суша связывала въ одно цѣлое Скандинавію съ Британскими островами, Ютландіей и западной частью европейскаго материка. Такимъ образомъ, на мѣстѣ Бѣлаго моря было, сравнительно, небольшое озеро въ его западной части. Балтійское море существовало въ его современныхъ предѣлахъ, но было внутреннимъ моремъ. Большое озеро лежало между Ютландіей и южною частью нынѣшней Норвегіи. Отъ Шетландскихъ и Оркнейскихъ острововъ съ Шотландіей къ Исландіи шла непрерывная полоса суши. Какъ естественное слѣдствіе такого большого развитія суши въ западномъ направленіи и особенно соединенія материка съ Исландіей, Гольфстремъ долженъ былъ идти на очень большомъ разстояніи отъ центральной Европы, поворачивать въ другомъ направленіи отъ береговъ тогдашней Европы, нежели теперь, а это дѣлало климатъ нынѣшней Германіи болѣе континентальнымъ и давало возможность развитію здѣсь степной растительности. Здѣсь найдены многочисленныя ископаемые остатки такихъ несомнѣнно степныхъ животныхъ, какъ тушканчики, суслики, дикія лошади, куланы, разныя дрофы. Повидимому, они существовали здѣсь весьма продолжительное время, распространившись сюда изъ южной и средней Россіи отчасти черезъ Польшу, отчасти Дунайскими низменностями. Когда же позднѣе степная растительность начала отступать передъ лѣсною, эти степные жители постепенно начали вымирать, а вмѣстѣ съ лѣсомъ ихъ мѣсто заняли лѣсныя животныя, пришедшія сюда вѣроятно, съ востока. Обращаясь опять къ картѣ Европы этого времени, мы видимъ, что Каспійское и Аральское моря были слиты въ одинъ обширный бассейнъ, доходившій на сѣверѣ въ области рѣки Урала до Общаго Сырта и въ области Волги до нижней Камы. Кромѣ того, небольшой рукавъ соединялъ этотъ бассейнъ съ Чернымъ моремъ (черезъ Азовское). Безъ сомнѣнія, эта обширная водная площадь обуславливала гораздо болѣе мягкій и влажный климатъ на мѣстѣ степей нынѣшней южной Россіи и почти несомнѣнно, что собственно степной полосы здѣсь тогда не было, а была степь, чередующаяся съ лѣсомъ, или то, что можно назвать лѣсостепной областью. Исключительно степной фауны

здѣсь не могло быть, но ничто не мѣняло степнымъ животнымъ жить въ подходящихъ ставціяхъ. Впослѣдствіи условія въ западной Европѣ и южной Россіи стали мѣняться, и притомъ это измѣненіе шло въ совершенно противоположномъ направленіи. Западная Европа начала опускаться и площадь моря постепенно выигрывала въ размѣрахъ, что вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ направленіи гольфстрема дало для центральной Европы и болѣе мягкій, и болѣе влажный климатъ. Это, въ свою очередь, способствовало развитію лѣсной растительности и въ концѣ концовъ привело къ господству тайги и таяжныхъ животныхъ, съ которыми мы уже успѣли познакомиться ранѣе. Въ южной Россіи, вмѣстѣ съ осушеніемъ Арало-Каспійскаго бассейна, климатъ изъ влажнаго становился все болѣе сухимъ и континентальнымъ, и лѣса начали уступать мѣсто огнищъ все болѣе и болѣе развивающейся степи. Само собою разумѣется, что при этомъ отчасти отступили отсюда, отчасти здѣсь же вымерли лѣсныя животныя, тогда какъ степныя стали господствующими. И чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ континентальнѣе становился климатъ южной и особенно восточной Россіи и тѣмъ влажнѣе климатъ западной Европы.

Къ этому же времени относятся ископаемые остатки выхухoley, найденные между двумя, нынѣ раздѣльными, областями двухъ современныхъ видовъ, изъ чего слѣдуетъ, что эта группа своеобразныхъ насѣкомоядныхъ была прежде распространена гораздо шире и по всей вѣроятности занимала разными видами одну сплошную область, отъ которой теперь остались два сравнительно небольшихъ разрозненныхъ участка.

Но если намъ удастся связать въ одно цѣлое и объяснить одинъ рядъ фактовъ изъ области географическаго распространенія европейскихъ животныхъ, другіе все-таки остаются необъясненными до сихъ поръ и мы даже не знаемъ, какъ къ нимъ подойти, пользуясь только практикуемыми нами до сихъ поръ способами объясненія, т. е. измѣненіемъ коренного вида страны при участіи человѣка, прямымъ участіемъ человѣка и нѣкоторыми климатическими измѣненіями. Таково распространеніе альпійской куропатки и полярнаго зайца въ тундрахъ сѣвера и въ верхнемъ поясѣ горъ центрально-европейской альпійской горной страны. Простое вліяніе климатическихъ условій въ этомъ случаѣ не даетъ удовлетворительнаго объясненія, такъ какъ если бы это было общей причиной, то можно спросить, почему же другія полярныя животныя не встрѣчаются на горахъ центральной Европы? Затѣмъ, есть другіе факты, очевидно относящіеся въ эту же категорію. Такъ, на горахъ Шотландіи живетъ т.-наз. шотландская куропатка или шотландскій тетеревъ, принадлежащій къ одному роду съ альпійской и бѣлой куропаткой, но замѣчательно отличающійся отъ нихъ отсутствіемъ ея одной перекраски. Разбирая отношеніе этой птицы къ ея сородичамъ, лѣгнущимъ на зиму, эту разницу между ними можно объяснить

двойко: или шотландскій тетеревъ является коренной формой, отъ которой произошли бѣлыя куропатки, приспособившіяся къ жизни въ такихъ странахъ, гдѣ бываетъ зима и гдѣ бѣлый зимній нарядъ полезенъ для нихъ въ качествѣ покровительствующей окраски; или, напротивъ, онъ самъ произошелъ отъ нихъ и утратилъ бѣлую зимнюю окраску вслѣдствіе отличныхъ условій жизни. Появленіе у него отъ времени до времени отдѣльныхъ бѣлыхъ перьевъ явно говоритъ за послѣднее, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло произойти это? Если шотландскій тетеревъ недавно переселился на Британскіе острова и столь кореннымъ образомъ измѣнился въ своей сезонной окраскѣ, очевидно, причины, обуславливающія современное распространеніе бѣлыхъ куропатокъ, изъ которыхъ большинство—полярныхъ формъ, очень сложны.

Нельзя обойти также молчаніемъ замѣчательной группировки животныхъ формъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Приуральскаго края и особенно Зауралья. Здѣсь такія сѣверныя формы, какъ сѣверный олень, глухарь, бѣлая куропатка спускаются чрезвычайно далеко къ югу и встрѣчаются съ несомнѣнно южными, каковы байбакъ, пеликаны, нѣкоторыя утки, дрофа, стрепетъ, кречетка и пр. Изъ нихъ сѣверныя являются преимущественно лѣсными и кое-какія даже тундрными, южныя—степными и рѣчными, и благодаря этому различію въ станціяхъ тѣ и другія не могутъ быть совершенно перемѣшаны другъ съ другомъ; но непривычное зрѣлище представляютъ собою бѣлыя куропатки, живущія около озера, на которомъ держатся пеликаны, или сѣверный олень и глухарь, населяющіе лѣса въ самомъ близкомъ соседствѣ съ колоніями байбаковъ и т. д.

Есть еще одна область въ Россіи, гдѣ сѣверныя формы спускаются чрезвычайно далеко къ югу: это—лѣсная область по истокамъ Волги и Дняпра. Но здѣсь онѣ не встрѣчаются съ южными, а образуютъ какъ бы далеко выдвинутый къ югу аванпостъ мѣстной фауны.

Пока мы ограничимся только сообщеніемъ этихъ фактовъ, очевидно не объяснимыхъ тѣми факторами, которыми мы пользовались до сихъ поръ, и на этомъ покончимъ съ вводной главой, съ послѣдними страницами въ исторіи животнаго населенія Европы. Современная группировка животныхъ, частные случаи этого распространенія, отношеніе къ животнымъ челоуѣка въ историческій и доисторическій періодъ—вотъ что мы успѣли пробѣжать до сихъ поръ. Кое-что такимъ образомъ было объяснено, большая часть явленій остается необъясненной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отошли уже на такое разстояніе отъ современнаго періода, что привычное намъ лѣтосчисленіе не годится: теперь годъ надо замѣнить столѣтіями, столѣтія—тысячелѣтіями, и въ этомъ безконечно отдаленномъ прошломъ, черезъ его туманъ, отыскивать новыя картины, новыя условія жизни. Мы прощаемся теперь съ дѣвственной тайгой, которую возстановили на мѣстѣ наиболѣе культурныхъ странъ

Европы, прощаемся съ нераспаханными степями южной Россіи, съ ихъ необъятнымъ горизонтомъ; прощаемся съ цвѣтущимъ средиземно-морскимъ побережьемъ. На рубежѣ четверичной и третичной эры въ сѣверномъ полушаріи, подъ вліяніемъ космическихъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ причинъ, условія сложились такимъ образомъ, что сплошной ледяной покровъ одѣлъ собою значительную часть центральной и всю сѣверную Европу, конечно, отгѣснивъ отсюда животное население. Этотъ періодъ длился много тысячелѣтій и состоялъ собственно изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ обледѣній материка, смѣнявшихся такъ называемыми межледниковыми періодами. Его послѣдствія были громадны и, можно сказать, современное состояніе животнаго населенія Европы объясняется именно ледниковой эпохой, которая здѣсь почти уничтожила слѣды того, что было ранѣе, началъ въ исторіи животнаго населенія новую эру. Эта эпоха важна еще и потому, что въ теченіе ея на почвѣ Европы уже несомнѣнно появился человекъ, пока еще первобытный дикарь-звѣроловъ. Въ виду всего этого, ледниковая эпоха заслуживаетъ возможно обстоятельнаго изученія, но, конечно, поскольку при этомъ можно обойтись безъ излишнихъ подробностей, онѣ должны быть опущены въ нашемъ излаганіи.

М. Мензбиръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Интеллигентныя поселенія на Лондонскихъ окраинахъ *).

I.

Своеобразныя, просвѣдительно-благотворительныя учрежденія, извѣстныя въ Англии подъ именемъ settlements, т.-е. въ буквальномъ переводѣ, поселеній, представляютъ собою любопытный опытъ «хожденія въ народъ», обставленный со свойственной англичанамъ трезвостью и практичностью.

Идея такихъ поселеній возникла еще въ 80-хъ годахъ, среди англійской университетской молодежи, подъ вліяніемъ Рэскина и Томаса Грина. Рэскинъ, читавшій лекціи по искусству въ Оксфордскомъ университетѣ, постоянно затрагивалъ въ своихъ лекціяхъ социальныя вопросы и указывалъ на необходимость поднять умственный и духовный уровень низшихъ классовъ народа, сдѣлать доступными для нихъ, накопленныя вѣками, сокровища культуры. Одинъ изъ учениковъ Рэскина, талантливый молодой экономистъ Тойнби, поселился однажды на лѣтніе каникулы въ самомъ центрѣ лондонскихъ трущобъ—въ знаменитомъ Уайтчепелѣ, у мѣстаго священника, м-ра Барнетта, и посвящалъ все свое время изученію жизни своихъ сосѣдей. Тойнби рано умеръ, оставивъ послѣ себя нѣсколько работъ по политической экономіи и воспоминаніе о себѣ, какъ о необыкновенно-привлекательной нравственной личности. Чтобы почтить его память, друзья его рѣшили создать въ Уайтчепелѣ такое учрежденіе, въ которомъ могли бы временно поселяться молодые люди съ университетской скамьи, желающіе ознакомиться съ жизнью низшихъ классовъ народа не по книгамъ, а на дѣлѣ. Такимъ образомъ, въ 1885 г. возникло первое интеллигентное поселеніе—Тойнби-Голль; во главѣ его сталъ тотъ самый м-ръ Барнеттъ, у котораго жилъ Тойнби и который до сихъ поръ, т.-е. уже 14 лѣтъ, руководитъ имъ.

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили годовые отчеты отдѣльныхъ поселеній и вышедшая недавно книга: Reason «Social settlements» (Methuen & Co). Въ Россіи объ интеллигентныхъ поселеніяхъ писалось очень мало. Старѣйшее изъ поселеній, Toynbee-Hall, было описано проф. Янжуломъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Вѣстн. Европы» въ началѣ 90-хъ годовъ. О другихъ нѣсколько разъ упоминалось въ корреспонденціяхъ г. Дюнео въ «Русскомъ Богатствѣ».

Тойнби-Голль былъ основанъ на средства, собранныя въ Оксфордѣ, среди университетскихъ товарищей Тойнби, и называется «университетскимъ поселеніемъ». Организаторамъ его рисовалось въ будущемъ идеальное учрежденіе, которое создало бы связь между университетомъ и народомъ, которое давало бы возможность людямъ науки нести свои знанія въ народъ и жить съ нимъ одной жизнью. Они мечтали о томъ, что впоследствии такіе же университетскіе колоніи возникнутъ и на другихъ лондонскихъ окраинахъ и во всѣхъ большихъ городахъ Англіи. Но эти мечты такъ и остались мечтами. Тойнби-Голль—единственное интеллигентное поселеніе, имѣющее связь съ университетомъ, которая выражается больше въ видѣ денежной поддержки, получаемой изъ Оксфорда. Въ настоящее время большинство членовъ, живущихъ въ немъ, не были въ университетѣ. Но самая идея такихъ поселеній показала англичанамъ очень практичной и быстро привилась не только въ Англіи, но и въ Америкѣ. За 14 лѣтъ въ одномъ Лондонѣ возникло 12 такихъ поселеній, раскинутыхъ по окраинамъ. Кромѣ того, такія же поселенія возникли въ Глазго, Манчестрѣ, Бристолѣ и Единбургѣ. Въ Америкѣ существуетъ уже 22 такихъ поселенія. Поселенія эти имѣютъ особенное значеніе въ Лондонѣ, гдѣ, при громадности его разстояній, окраины совершенно отдѣлены отъ центра.

Организація поселеній чрезвычайно проста и заключается въ слѣдующемъ: группа интеллигентныхъ людей, объединенныхъ желаніемъ «общественнаго служенія», поселяется гдѣ-нибудь на окраинѣ, въ рабочемъ кварталѣ, населенномъ бѣднотю, и начинаетъ присматриваться къ окружающей жизни. Они руководствуются при этомъ двоякаго рода мотивами: во-первыхъ, разочарованіемъ въ шаблонной благотворительности, которая ограничивается непроизводительной раздачей пособій, и желаніемъ найти другія средства помощи; во-вторыхъ, сознаніемъ необходимости, прежде всего, ознакомиться съ тѣми людьми, которымъ хочешь помогать, подойти къ нимъ поближе, узнать ихъ потребности и интересы. Члены поселеній придерживаются при этомъ чрезвычайно правильной тактики; они не пытаются сразу ослѣпить своихъ новыхъ сосѣдей какими-нибудь нововведеніями и благодѣяніями, а стараются постепенно войти въ ихъ жизнь — дѣлаются членами уже существующихъ мѣстныхъ организацій, входятъ въ составъ школьныхъ совѣтовъ, органовъ городского самоуправления, благотворительныхъ учреждений и пр. Никакой опредѣленной программы дѣятельности у нихъ нѣтъ, и въ этомъ и заключается ихъ оригинальность. Они помогаютъ, гдѣ могутъ и чѣмъ могутъ. Въ Лондонѣ существуютъ безчисленныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, ставяція себѣ самыя разнообразныя задачи: есть тамъ общество распространенія университетскаго образованія, устраивающее лекціи для народа, общество помощи дѣтямъ, учащимся въ школахъ, общество, устраивающее парки и сады въ рабочихъ кварталахъ, общество помощи молодымъ служа-

чанъ и пр., и пр. Кромѣ того, въ англійскомъ рабочемъ классѣ очень развиты всякія формы самопомощи—рабочіе союзы, коопераціи, общества взаимнаго страхованія. Поселенія ставятъ себѣ цѣлью объединить въ данной мѣстности всѣ подобныя учрежденія, создать живую связь между мѣстными дѣятелями. И эту цѣль они вполнѣ осуществляютъ. Остановимся подробнѣе на Тойнби-Голль, какъ самомъ старомъ изъ поселеній, достигшемъ наиболѣе совершенной организаціи. Въ Тойнби-Голль помѣщаются 15 постоянныхъ членовъ поселенія, нѣкоторые изъ нихъ живутъ тамъ съ самаго основанія; кромѣ того, есть комнаты для гостей, которые, не дѣлаясь членами, могутъ временно жить тамъ и принимать участіе въ работѣ. Составъ членовъ поселенія очень разнообразенъ. Есть среди нихъ люди съ независимыми средствами, не нуждающимися въ заработкѣ и посвящающими все свое время общественной работѣ; но большинство имѣютъ какія-нибудь занятія и только часть своего времени удѣляютъ поселенію. Такъ, тамъ живутъ два священника, учитель одной изъ Уайтчепельскихъ школъ и пр. Политическія убѣжденія членовъ тоже весьма разнообразны. Одинъ изъ основныхъ принциповъ дѣятельности поселеній является отсутствіе политической окраски; поэтому въ поселеніяхъ мирно уживаются другъ съ другомъ консерваторы и радикалы, умѣренные и даже социалисты. Впрочемъ, Тойнби-Голль отличается отъ другихъ поселеній тѣмъ, что большинство живущихъ въ немъ членовъ, въ томъ числѣ и самъ м-ръ Барнеттъ, принадлежатъ къ политическимъ радикаламъ. Нѣкоторые изъ живущихъ членовъ извлекли большую пользу изъ своего пребыванія въ поселеніи для научнаго изученія лондонскаго рабочаго класса. Такъ, двое изъ нихъ (м-ръ Эвсъ и Левелинъ Смитъ) принимали большое участіе въ замѣчательной работѣ Чарльза Бутса «Жизнь Лондона», которая заключаетъ въ себѣ подробное статистическое изслѣдованіе быта лондонскихъ рабочихъ; точно также тамъ заканчивали свое образованіе многія лица, сдѣлавшіяся потомъ видными общественными дѣятелями.

II.

Что представляетъ собою современное «поселеніе»?—«Если какой-нибудь посѣтитель заглянетъ вечеромъ въ Тойнби-Голль—говорить м-ръ Барнеттъ, завѣдующій этимъ поселеніемъ,—онъ увидитъ аудиторію, полныя слушателями лекцій по исторіи или по геологіи, классы занятые небольшими группами учащихся, занимающихся англійской или иностранной литературой, или обсуждающихъ экономическіе вопросы, лабораторію въ рукахъ практикантовъ, бібліотеку, занятую лицами, погруженными въ чтеніе, услышитъ въ клубной комнатѣ оживленные толки о разныхъ собраніяхъ и экскурсіяхъ, организуемыхъ студентами,—и придетъ къ заключенію, что это поселеніе есть нѣчто вродѣ

• *

политехникума съ лекціями по университетскимъ предметамъ вмѣсто техническихъ. Но когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ идетъ въ гостиную, гдѣ застаютъ кружокъ мѣстныхъ жителей, непринужденно бесѣдующихъ съ однимъ изъ «поселенцевъ», потомъ проходитъ черезъ площадку для лаунъ-тенниса, на которой подвизается оркестръ любителей, и, наконецъ, попадаетъ въ столовую, гдѣ происходитъ засѣданіе мѣстныхъ трэдъ-юнионистовъ или кооператоровъ — онъ приходитъ въ смущеніе и не знаетъ, къ какой категории отнести рассматриваемое учрежденіе».

Въ этомъ разнообразіи функцій и заключается характерная особенность «поселеній». Поселеніе является въ одно и то же время и образовательнымъ учрежденіемъ, и клубомъ, и центромъ мѣстной общественной жизни, и средоточіемъ различныхъ благотворительныхъ учреждений, и пр., и пр.

Дѣятельность поселеній распадается на 3 отдѣла: просвѣтительная дѣятельность, участіе въ мѣстномъ самоуправленіи и благотворительность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Остановимся, прежде всего, на участіи въ мѣстномъ самоуправленіи. Городское самоуправленіе въ Англіи все болѣе и болѣе захватываетъ тѣ отрасли общественной дѣятельности, которыя раньше находились въ рукахъ церкви: оно учреждаетъ школы для дѣтей и курсы для взрослыхъ, заботится о развлеченіяхъ и отдыхѣ трудящагося населенія, о помощи больнымъ и немощнымъ. Городскіе попечители о школахъ постоянно вводятъ всевозможныя усовершенствованія въ школьную систему, стараясь придать новый интересъ школьнымъ занятіямъ. Участковые совѣтники (District-Councillors) заботятся о санитарномъ состояніи улицъ и домовъ; они устраиваютъ парки и площади для игръ, строятъ бесплатныя бібліотеки и залы для общественныхъ собраній. Попечители о бѣдныхъ стараются организовать городскія больницы по послѣднему слову науки и превратить рабочіе дома въ практическія школы.

«Люди, желающіе помогать своимъ ближнимъ—говоритъ м-ръ Барнеттъ въ упомянутой уже книгѣ Reason'a,—устали отъ постоянныхъ препирательствъ между церковью и различными сектами и все болѣе и болѣе начинаютъ искать опоры въ городскихъ комиссіяхъ и совѣтахъ (Boards and Councils)». Вся надежда Восточнаго Лондона,—говоритъ онъ далѣе,—покоится на городскомъ самоуправленіи, и то же можно сказать и объ остальныхъ кварталахъ Лондона и другихъ городовъ.

А городское самоуправленіе на окраинахъ нуждается въ присутствіи группы образованныхъ людей, которые будутъ толкать населеніе впередъ. Вліяніе Тойнби-Голя въ Восточномъ Лондонѣ уже привело къ осязательнымъ результатамъ: Уайтчепель обзавелся прекрасной бесплатной бібліотекой. Члены поселенія получили избирательныя права въ Уайтчепелѣ и стали агитировать за устройство городской бесплатной читальни и бібліотеки. Когда этотъ вопросъ впервые былъ поставленъ въ городскомъ совѣтѣ, онъ потерпѣлъ постыдное пораженіе,

Черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ о библіотекѣ снова былъ поднятъ и тутъ члены поселенія проявили большую энергію: наканунѣ голосованія они обошли 4.000 избирателей и усиленно агитировала въ пользу библіотеки. На этотъ разъ побѣда оказалась на ихъ сторонѣ. Такую же агитацію они ведутъ передъ выборами въ городское управленіе и школьный совѣтъ, настаивая, чтобы кандидаты включили въ свою программу извѣстныя социальныя требованія. Одинъ изъ старѣйшихъ поселенцевъ Тойнби-Голя, м-ръ Неннъ, въ сотрудничествѣ съ другими жителями этого поселенія, реорганизовалъ на новыхъ началахъ благотворительную помощь въ Степнеѣ. По его инициативѣ былъ образованъ комитетъ, въ который вошли также и представители мѣстныхъ трэдъ-юніоновъ и обществъ взаимопомощи (friendly society). Этотъ комитетъ считается образцовымъ для всего Лондона. Другой изъ членовъ Тойнби-Голя состоитъ членомъ Лондонскаго муниципальнаго совѣта (London County Council) и занимается жилищной нуждой своей окраины и санитарными реформами. Онъ былъ избранъ председателемъ строительнаго комитета, на обязанности котораго лежитъ постройка здоровыхъ и дешевыхъ домовъ для рабочаго населенія.

Особенно энергичную дѣятельность въ области мѣстнаго самоуправления проявляетъ другое поселеніе «Mansfield House», расположенное за самой дальней лондонской окраинѣ—Canning-Town.

Mansfield House съ самаго своего возникновенія старался оказывать непосредственное вліяніе на общественную жизнь своего квартала. М-ръ Альденъ, завѣдующій этимъ поселеніемъ, сдѣлался членомъ городского совѣта и проявилъ очень энергическую дѣятельность въ смыслѣ проведенія разныхъ санитарныхъ реформъ. Напр., благодаря ему и другимъ членамъ поселенія, городской совѣтъ долженъ былъ согласиться на устройство общественныхъ бань, обошедшихся городской казнѣ въ 18.000 ф. ст. Они же агитировали, и съ успѣхомъ, за устройство бесплатныхъ библіотекъ, настаивали на увеличеніи санитарной инспекціи. Далѣе, м-ръ Альденъ долгое время былъ председателемъ городского комитета по техническому образованію, и двое членовъ поселенія до сихъ поръ состоятъ членами отъ своей окраины въ Лондонскомъ школьномъ совѣтѣ. Одинъ изъ членовъ его состоитъ секретаремъ кружка мѣстныхъ рабочихъ, который ставитъ себѣ цѣлью помочь санитарнымъ инспекторамъ въ данной мѣстности. Для образчика ихъ дѣятельности можно привести слѣдующій случай: одинъ изъ членовъ кружка узналъ, что жители одного дома въ теченіе 6 недѣль сидѣли безъ воды, хотя они аккуратно вносили плату за квартиру и жаловались управляющему, который оставлялъ ихъ жалобы безъ вниманія. Тотчасъ же былъ произведенъ осмотръ этого дома и констатирувано ужасное санитарное состояніе его. Кружокъ оказалъ соотвѣтствующее давленіе на санитарнаго инспектора, домовладѣлецъ былъ привлеченъ къ суду, и непорядки прекращены.

Такимъ образомъ, поселенія являются, такъ сказать, частными организациями добровольцевъ въ помощь органамъ городского самоуправления. Остальныя поселенія слѣдуютъ на этомъ пути за Mansfield House. Одинъ изъ членовъ Browning Hall, напримѣръ, предсѣдательствуетъ въ мѣстномъ комитетѣ электрическаго освѣщенія. Женскіе члены этого поселенія уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ выбираютъ попечительницами о бѣдныхъ. Кромя того, Browning Hall веетъ дѣятельною агитацію (въ пользу устройства парковъ для народа. До сихъ поръ въ Вольвортѣ, гдѣ находится это поселеніе, нѣтъ особаго парка. Единственнымъ уголкомъ зелени является мѣстное кладбище, которое, по настоянію членовъ поселенія, открыло свои ворота для гуляющихъ. Конечно, обитель смерти не можетъ считаться особенно пріятнымъ мѣстомъ для прогулокъ, но жители Лондонскихъ окраинъ негребовательны, и по воскреснымъ днямъ тѣнистыя дорожки кладбища всегда полны народомъ и воздухъ оглашается веселыми криками дѣтей, бѣгающихъ вокругъ могилъ. По данному вопросу интеллигентныя поселенія, вѣрныя своему принципу, дѣйствуютъ сообща съ «ассоціаціей общественныхъ садовъ» (Metropolitan public garden Association), которая помогаетъ имъ и средствами, и практическими совѣтами, въ то время какъ члены поселенія указываютъ, куда слѣдуетъ направить дѣятельность и предлагаютъ свои услуги для переговоровъ съ мѣстными людьми. Mansfield House, въ союзѣ съ этой ассоціаціей, добились устройства общественной площадки для игры въ крикетъ и усадили деревьями многія улицы своей окраины.

По отношенію къ просвѣтительной дѣятельности первое мѣсто занимаетъ старѣйшее изъ Лондонскихъ поселеній—Toynbee Hall, которое, по справедливости, можетъ быть названо «народнымъ университетомъ». Вотъ, напр., въ чемъ выражалась просвѣтительная дѣятельность Toynbee Hall въ 1898 г. (цитируемъ по послѣднему годовому отчету поселенія): какъ и въ прежніе года, тамъ читались курсы «распространенія университетскихъ знаній» (University extension). Курсы эти, по принятой въ University extension системѣ, сопровождались такъ называемыми «классами», т.-е. бесѣдами о пройденномъ въ лекціяхъ, кружками домашнихъ чтеній и засѣданіями всевозможныхъ научно-литературныхъ клубовъ. Больше всего слушателей привлекали курсы новѣйшей исторіи Европы (127 человекъ), исторіи Америки (61), всеобщей исторіи (50), геологіи (74), анатоміи и фізіологіи (52). Лекціи по древнимъ и новымъ языкамъ и литературамъ привлекали уже гораздо меньше слушателей—французская литература—7 человекъ, нѣмецкая—10, итальянская—5, еврейская—3 и т. д. Помимо посѣщенія этихъ курсовъ, учащіеся въ Тойнби-Голль организуютъ между собою многочисленныя общества, въ которыхъ, подъ руководствомъ тѣхъ же профессоровъ, самостоятельно занимаются интересующими ихъ предметами. Такъ, при Тойнби-Голль существуютъ слѣдующія общества: есте-

ственно-научное общество, раздѣляющееся на двѣ секціи—зоологическую и ботаническую—и имѣющее 169 членовъ; антикварное общество (100 членовъ), клубъ путешественниковъ (214 членовъ), союзъ учащихся въ Тойнби-Голль (400 членовъ), общество изученія литературы періода Елизаветы (126 членовъ), Шекспировское общество (31 членъ), экономическій клубъ (80 членовъ), художественный клубъ (24 члена) и пр. Большинство этихъ обществъ имѣетъ годовой членскій взносъ въ 1 шил. Кромѣ совѣстныхъ занятій, члены ихъ устраиваютъ еще образовательныя экскурсіи въ окрестности Лондона, или осмотры разныхъ достопримѣчательностей, связанныхъ съ изучаемымъ предметомъ. Такъ, естественно-научное общество предпріяло въ прошломъ году рядъ экскурсій къ берегу моря, съ цѣлью собранія коллекціи морскихъ животныхъ; члены антикварнаго общества осматривали Британскій музей и старинныя Лондонскія церкви; шекспировское общество занималось подробнымъ изученіемъ и чтеніемъ по ролямъ нѣсколькихъ драммъ Шекспира и, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, организовало «Шекспировскій праздникъ»; литературный клубъ организовалъ цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, посвященныхъ лекціямъ о разныхъ писателяхъ и чтенію отрывковъ изъ ихъ произведеній. (На одномъ изъ такихъ вечеровъ извѣстная писательница, м-съ Гемфри Уордъ дѣлала сообщеніе о «мужикѣ въ современномъ романѣ»). Экономическій клубъ въ теченіе прошлаго отчетнаго года занимался преимущественно вопросами мѣстнаго самоуправленія; тамъ дебатировались, между прочимъ, вопросъ о границахъ дѣятельности совѣта Лондонскаго графства, жилищный вопросъ и та роль, которую можетъ играть въ разрѣшеніи ея тотъ же совѣтъ Лондонскаго графства, муниципальная политика вообще и пр. Понятно, что всѣ эти общества, лекціи, экскурсіи и пр. вносятъ совершенно новую струю въ монотонную жизнь окраинъ, расширяютъ горизонты представителей низшихъ классовъ, создаютъ имъ новые интересы. Очень интереснымъ учрежденіемъ является «клубъ путешественниковъ», организованный при Тойнби-Голлѣ. Клубъ этотъ, насчитывающій 214 членовъ, организуется на экономическихъ основаніяхъ экскурсіи по Англіи и даже за границу—трехънедѣльные экскурсіи въ Италію, недѣльные путешествія въ Бельгію, Францію или Германію и, наконецъ, путешествія въ Испанію и Грецію, продолжающіяся почти мѣсяцъ. Цѣна такихъ экскурсій колеблется на наши деньги между 200 и 300 р.; поэтому очевидно, что они недоступны для той бѣднѣйшей части населенія, для которой собственно, предназначается вся работа поселеній. Въ нихъ принимаютъ участіе, главнымъ образомъ, учителя и учительницы начальныхъ школъ и другіе мѣстные служащіе. Тойнби-Голль вообще часто упрекаютъ въ томъ, что устраиваемыя тамъ лекціи, собранія и пр. рассчитаны на слишкомъ культурную публику, что оно является просвѣтительнымъ центромъ и мѣстомъ отдыха скорѣе для лицъ средняго класса, а не рабочихъ. И

упреки эти, отчасти, конечно, справедливы. Но есть одно учреждение, которое привлекаетъ къ себѣ специально-рабочую публику. Это такъ называемые «курительные вечера» (smoking debates). Разъ въ недѣлю Тойнби-Голль открываетъ свои двери для всѣхъ, желающихъ обсуждать какой-нибудь заранѣе назначенный вопросъ, представляющій общественный или политическій интересъ. На эти дебаты обыкновенно собирается человекъ 200—250 рабочихъ (аудиторія, собирающаяся на лекціи, рѣдко бываетъ такъ многочисленна—съ грустью замѣчаетъ составитель отчета), и дебаты ведутся съ большимъ оживленіемъ. Въ прошломъ году темою для дебатовъ служили, напримѣръ, слѣдующіе вопросы: организація пикольныхъ совѣтовъ, значеніе наследственной палаты лордовъ, политическое воспитаніе, пенсіи престарѣлымъ рабочимъ, кооперація, датчане въ Южной Африкѣ, Британскій флотъ и пр. Собранія обыкновенно начинаются небольшою вступительной рѣчью, намѣчающей предметъ обсужденія, и затѣмъ начинаются дебаты. По словамъ составителя отчета, единственной неприятной стороной этихъ преній является обнаруживающаяся во время ихъ «чрезвычайная приверженность рабочихъ къ социализму», которую они высказываютъ по всякому поводу, и каждый вопросъ разсматриваютъ именно съ этой точки зрѣнія. Надо замѣтить, что члены поселеній, вообще, люди очень умѣренные и къ социализму относятся враждебно, хотя сила вещей заставляетъ ихъ во многихъ случаяхъ идти рука объ руку съ социалистами. Такъ, проповѣдуя полное безпристрастіе и безпартийность, они, тѣмъ не менѣе, на выборахъ всегда поддерживаютъ рабочихъ кандидатовъ.

Кромѣ этихъ специальныхъ дебатовъ, въ Тойнби-Голль часто собирается и болѣе смѣшанная аудиторія. Тамъ, обыкновенно, происходятъ собранія мѣстныхъ кооператоровъ, санитарныхъ попечителей, членовъ мѣстнаго отдѣла «общества каникулъ» (Country Holiday Fund), о которомъ еще будетъ рѣчь ниже, собранія учителей и проч.

Кромѣ лекцій, дебатовъ и проч., поселенія заботятся также о доставленіи обитателямъ Лондонскихъ окраинъ разумныхъ развлеченій, имѣющихъ воспитательное значеніе. Такъ, они ежегодно устраиваютъ выставки картинъ лучшихъ старинныхъ и современныхъ художниковъ, привлекающія массы посѣтителей. Въ Уайтчепелѣ, до возникновенія Тойнби-Голль, такія выставки ежегодно устраивались приходомъ, но съ 1889 г. это дѣло перешло въ руки поселенія и сразу стало на болѣе рациональную почву. Въ настоящее время уже собранъ порядочный фондъ для постройки постоянного зданія для картинныхъ выставокъ въ Уайтчепелѣ. Въ прошломъ году выставку, открытую въ теченіе 14 дней, посѣтило 52.000 человекъ; подобную же выставку, устроенную поселеніемъ Mansfield-House на другой Лондонской окраинѣ, посѣтило 120.000 человекъ; на выставкѣ, устроенной Bermondsey - Settlement, перебывало 11.675 человекъ. Устроители выставокъ просятъ каждого

посѣтителя, побывавшаго на выставкѣ, оставить билетикъ съ обозначеніемъ той картины, которая ему больше всего понравилась, и любопытно, что среди публики Лондонскихъ предмѣстій наибольшими симпатіями пользуются картины такъ называемыхъ прерафаэлитовъ—символическія картины на социальныя темы Уаттса, картины Бернъ-Джонса, Гольмана Гента и др.

Затѣмъ, поселенія устраиваютъ концерты на открытомъ воздухѣ, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, организуютъ клубы, посвященные разнымъ родамъ спорта и играмъ, классы хорового пѣнія и пр. «Growth Hall разъ въ мѣсяцъ открываетъ свои двери для всѣхъ «сосѣдей»—знакомыхъ и незнакомыхъ—которые приходятъ туда провести вечеръ, послушать музыку и поговорить съ членами поселенія.

Кромѣ всего этого, отдѣльныя поселенія ищутъ и новыхъ путей для помощи окружающему населенію: Growth Hall, напримѣръ, устроилъ у себя бесплатную юридическую консультацію, которой приходится, главнымъ образомъ, вести дѣла по недоразумѣніямъ, возникающимъ между рабочими и предпринимателями; Mansfield-House основалъ дешевыя квартиры для лицъ, временно остающихся безъ заработка, и т. д.

Обратимся теперь къ женскимъ поселеніямъ и посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ работа. Прежде всего, нужно сказать, что женскія поселенія, въ общемъ, менѣе интересны, чѣмъ мужскія: дѣятельность ихъ менѣе разнообразна, они специализировались почти исключительно на благотворительности. Тѣмъ не менѣе, практическая постановка ихъ работы заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

Въ Лондонѣ существуетъ 5 женскихъ поселеній. Кромѣ того, во всѣхъ остальныхъ поселеніяхъ есть живущіе члены-женщины, которыя занимаются тѣмъ же дѣломъ, какъ и специально-женскія поселенія. Раньше всѣхъ возникло женское университетское поселеніе въ Соутваркѣ, которое было основано въ 1887 году на средства, собранныя въ женскихъ колледжахъ Оксфорда и Кэмбриджа. Но, какъ и въ мужскихъ поселеніяхъ, связь съ университетомъ оказалась очень слабой и въ настоящее время болѣе половины членовъ поселенія не имѣютъ ничего общаго съ университетомъ. Еще въ большей степени это примѣнимо къ лицамъ, работающимъ въ поселеніи, но не живущихъ въ немъ. Остальныя женскія поселенія возникли совершенно независимо отъ университета.

Вотъ недѣльное распisanіе занятій въ женскомъ поселеніи въ Canning-Town:

Понедѣльникъ:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей калѣкъ.

10 — 4. — Амбулаторный приѣмъ.

11 — 4. — Засѣданіе бюро для присканія занятій нуждающимся женщинамъ.

6 — 7. — Засѣданіе женскаго общества взаимопомощи на случай болѣзни.

6.30 — 8. — Собраніе матерей.

7.30. — Клубъ фабричныхъ работницъ.

Вторникъ:

11 — 1. — Мастерская шитья.

3. — Собраніе матерей.

7 — 9. — Засѣданіе женской кооперативной гильдіи.

8.30. — Клубъ дѣвочекъ (музыка).

Среда:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей калѣкъ.

3. — Засѣданіе общества трезвости.

7. — Клубъ фабричныхъ дѣвочекъ (шитье).

7.30. — Клубъ фабричныхъ работницъ (шитье).

8. — Хоровой классъ.

Четвертъ:

9.15 — 11.45. — Школа для дѣтей-калѣкъ.

10 — 4. — Собраніе попечителей о бѣдныхъ Вестъ-Гама.

11 — 1. — Бюро для присканія занятій.

2 — 5. — Амбулаторный приемъ.

4.30 — 6.30. — Игры для дѣтей калѣкъ.

7 — 10. — Гильдія молодыхъ женщинъ.

Изъ этого росписанія, которое можетъ считаться типичнымъ для всѣхъ женскихъ поселеній, видно, что [женскія поселенія сосредоточиваютъ свою дѣятельность преимущественно на помощи женщинамъ и дѣтямъ. Они работаютъ, главнымъ образомъ, въ сотрудничествѣ съ двумя учрежденіями—съ благотворительнымъ обществомъ (Charity Organisation) и обществомъ школьныхъ каникулъ (Country Holiday Fund). Последнее общество представляетъ собою одну изъ самыхъ цвѣтущихъ благотворительныхъ организацій Лондона. Дѣятельность его заключается въ томъ, чтобы отправлять въ деревню на лѣтнія каникулы наиболѣе бѣдныхъ и болѣзненныхъ дѣтей изъ лондонскихъ начальныхъ школъ. Всякій, знакомый съ ужасными санитарными условіями лондонскихъ окраинъ, пойметъ, какое огромное значеніе имѣютъ эти деревенскія каникулы для заморенныхъ городскихъ ребятъ. Организация этого дѣла отличается чисто англійской практичностью и простотою. Члены мѣстныхъ отдѣленій общества заранее списываются съ окрестными фермерами о томъ, нельзя ли за извѣстную плату помѣстить у нихъ на каникулы партію дѣтей. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, о фермахъ собираются самыя обстоятельныя свѣдѣнія и обыкновенно кто-нибудь изъ членовъ общества ѣдетъ осматривать ихъ, прежде чѣмъ послать туда дѣтей. Затѣмъ, въ назначенный день партія дѣтей соби-

рается на вокзалѣ, члены общества отправляютъ ихъ однихъ къ мѣсту назначенія, поручивъ надзоръ за маленькими пассажирами кондуктору. Такимъ образомъ, каждое гѣто изъ Лондона отправляются десятки тысячъ дѣтей и эта простая организація оказывается наиболѣе удобной и пріятной. Дѣти живутъ въ деревнѣ на свободѣ, не стѣсненные постояннымъ надзоромъ и формализмомъ пріютской жизни, и обществу это обходится гораздо дешевле, чѣмъ содержать цѣлый штатъ надзирателей. Другой важной отраслю дѣятельности женскихъ поселеній являются клубы для работницъ. Въ женскомъ поселеніи въ Саунинг-Таунъ два клуба—одинъ для дѣвочекъ моложе 17 лѣтъ, другой—для старшихъ дѣвушекъ. Замужнія женщины обыкновенно не посѣщаютъ клубовъ. Для нихъ поселенія устраиваютъ такъ называемыя «собранія матерей», на которыхъ ведутся бесѣды по гигиенѣ, воспитанію дѣтей, домоводству и другимъ практическимъ вопросамъ, имѣющимъ непосредственный интересъ для нихъ.

Клубъ открытъ 4 раза въ недѣлю и обыкновенно очень хорошо посѣщается. Дѣвочки занимаются шитьемъ, музыкой и чтеніемъ. Особенный успѣхъ имѣютъ уроки музыки. Иногда въ клубахъ устраиваются литературно-музыкальные вечера.

Къ женскимъ поселеніямъ можно отнести также поселеніе Пассморъ—Едвардса (Passmore-Edwards Settlement), потому что оно возникло по инициативѣ одной изъ самыхъ выдающихся современныхъ англійскихъ женщинъ, которая и до сихъ поръ является душою всего дѣла—м-съ Гемфри Уордъ. На этомъ поселеніи стоитъ остановиться подробнѣе.

Въ одномъ изъ своихъ романовъ «Robert Elsmere» м-съ Уордъ избрала своимъ героемъ молодого священника, который, подъ вліяніемъ охватившихъ его сомнѣній въ догматической сторонѣ религіи, отказывается отъ своего духовнаго сана, поселяется среди лондонской бѣдности и проповѣдуетъ «новое христіанство», свободное отъ всякой церковности и выдвигающее на первый планъ нравственное ученіе Христа. Романъ этотъ надѣлалъ много шума въ Англій и сразу создалъ его автору крупное литературное имя. Но м-съ Уордъ не ограничилась одной литературной проповѣдью и, для проведенія въ жизнь идей Роберта Эльмера, основала небольшое поселеніе въ одномъ изъ лондонскихъ кварталовъ, населенныхъ преимущественно рабочими; цѣлью этого поселенія, первоначально называвшагося University-Hall, было популяризовать рациональную критику библіи. Надо сказать, впрочемъ, что, по мѣрѣ того, какъ дѣло развивалось, эта основная цѣль все болѣе и болѣе отступала на задній планъ и въ настоящее время она играетъ лишь самую незначительную роль въ ряду другихъ отраслей дѣятельности поселенія; въ 1897 г. оно перешло въ новое, значительно большее помѣщеніе, пожертвованное извѣстнымъ въ Англій богачемъ-филантропомъ, м-ромъ Пассморъ-Едвардсомъ, именемъ котораго и называется теперь поселеніе.

Въ поселеніи Пассморъ-Едвардса мы находимъ своеобразную организацію, которая выдѣляетъ его изъ среды другихъ поселеній: кромѣ членовъ, отдающихъ поселенію свою работу или денежные взносы, это поселеніе имѣетъ еще группу членовъ-товарищей (Associates) изъ рабочей среды. Эти члены (около 350 человекъ мужчинъ и женщинъ) составляютъ главный контингентъ посѣтителей поселенія. Они пользуются правомъ слушанія лекцій по уменьшенной цѣнѣ, правомъ бесплатнаго пользованія библіотекою и пр. Разъ въ недѣлю они собираются провести вечеръ въ поселеніи. Каждый новый товарищъ, при вступленіи своемъ, подписывается подъ символомъ вѣры поселенія, въ которомъ, между прочимъ, стоятъ слѣдующіе пункты:

«Мы вѣримъ, что необходимы многія перемены въ условіяхъ жизни и труда и что эти перемены должны наступить; но мы вѣримъ также, что люди могли бы быть гораздо счастливѣе и при современныхъ условіяхъ, изменивши только самихъ себя, свой внутренній міръ».

Это подчеркиванье этического элемента является одной изъ особенностей даннаго поселенія, которое, впрочемъ, преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, тѣ же цѣли, какъ и остальные поселенія: также читаются лекціи, устраиваются клубы, организуются курсы домоводства для женщинъ, оказывается помощь дѣтямъ и пр. Какъ и въ другихъ женскихъ поселеніяхъ, на дѣтей обращается особенное вниманіе. «Поселеніе всегда кишитъ дѣтьми»,—говорится въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала поселенія, называемомъ «Товарищъ» и выходящемъ 4 раза въ годъ. (Между прочимъ, почти всѣ поселенія, кромѣ годовыхъ отчетовъ, имѣютъ и періодическіе листки, въ которыхъ описывается все происходящее въ нихъ). Они приходятъ сюда послушать, какъ м-съ Уордъ читаетъ вслухъ Киплинга или Стивенсона; или обучаться музыкѣ и хорошему пѣнію; или учиться какимъ-нибудь ремесламъ и принимать участіе въ дѣтскихъ клубахъ. Конечно и здѣсь есть школа для дѣтей калѣкъ.

По воскресеньямъ члены-товарищи собираются въ поселеніи, въ большой залѣ. Эти собранія имѣютъ совершенно семейный характеръ: матери сидятъ по стѣнкамъ, пьютъ кофе и бесѣдуютъ другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ молодежь танцуетъ или поетъ хоромъ.

Благодаря щедрости м-ра Пассморъ-Едвардса, пожертвовавшаго на это дѣло 12.000 ф. ст. (120.000 р. на наши деньги), это поселеніе, начавшееся такъ скромно, въ скоромъ времени, вѣроятно, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ Лондонскихъ поселеній.

Л. Давыдова.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльама Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровою.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Человѣкъ Нортвика, Элбриджъ, выѣхалъ въ легкихъ санкахъ на станцію желѣзной дороги встрѣтить своего барина. Поѣздъ немного опоздалъ, а Элбриджъ явился слишкомъ рано. Постоявъ на станціи нѣсколько минутъ, какъ того требовало приличіе, онъ началъ проваживать по улицѣ, взадъ и впередъ, лошадей своихъ съ подрѣзанными хвостами. На ходу ихъ тонкая шерсть вздрагивала и струилась волнистымъ лоскомъ. Онѣ медленно и свободно поднимали и опускали головы, причемъ колокольчики ихъ оглушительно звенѣли всѣ разомъ. Эти трескучіе звуки, вызванные ихъ твердымъ и сильнымъ алюромъ, замирали вдали, разсыпаясь мелкою музыкальною дробью. Все время Элбриджъ, не переставая, нѣжно разговаривалъ съ ними, уснащая рѣчь крѣпкими словечками съ бессознательною невоздержанностью простолюдина-янки, которому судьба опредѣлила жить въ лошадиномъ обществѣ. Во время остановокъ при каждомъ поворотѣ онъ выпускалъ цѣлый потокъ дружественныхъ ругательствъ въ отвѣтъ на пріятельскія проклятія трехъ или четырехъ другихъ кучеровъ, ожидавшихъ поѣзда.

— Послушай-ка, Элбриджъ, когда же подарить ты мнѣ эту старую шляпенку, что у тебя на головѣ? — спросилъ одинъ изъ нихъ такимъ зычнымъ голосомъ, что Элбриджъ улыбалъ бы его за добрую полу-милю, хотя разстояніе между ними было не болѣе восьми футовъ.

— Зачѣмъ тебѣ другая подержанная шляпа, распроклятый старый колпакъ? — огорошилъ его въ свою очередь Элбриджъ.

Тотъ весь скорчился отъ веселаго смѣха и хлопнулъ себя по ногѣ. Но тутъ послышался свистъ локомотива; онъ выпрямился снова и произнесъ: «Ладно! машина запыхтѣла, наконецъ!» словно цѣль его была достигнута.

Изъ поѣзда вышли только мистеръ Герришъ и Нортвикъ. Мистеръ Герришъ никакъ не могъ прійти въ себя отъ того замѣчательнаго обстоятельства, что проѣхалъ всю дорогу отъ Бостона въ одномъ поѣздѣ съ Нортвикомъ, не зная объ этомъ; но Нортвикъ отнюдь не былъ расположенъ раздѣлять его изумленіе. Онъ быстро проскользнулъ мимо мистера Герриша и усѣлся на мѣсто приготовленное ему Элбриджемъ въ санкахъ.

Было около шести часовъ, когда Нортвикъ поднялся къ южной окраинѣ улицы; было еще такъ свѣтло, что, пожалуй, можно было читать, и маленькая тонкая фигура человѣка, выросшая словно изъ подъ земли посреди дороги, выступила съ поразительной яркостью. Человѣкъ этотъ, должно быть, лежалъ въ снѣгу, потому что лошади съ внезапнымъ испугомъ рванулись назадъ, въ сторону отъ проѣзжей дороги, словно онъ ихъ отстранилъ рукою, заставивъ рысаковъ и сани окупнуться въ ухабы снѣга.

Онъ остановился на мгновеніе. Но и этого мгновенія было достаточно ему, чтобы окинуть Нортвика презрительнымъ взглядомъ, а затѣмъ прошелся по дорогѣ неспѣшнымъ шагомъ до глубокой выбоины въ снѣгу, шедшей отъ ближайшаго дома. Здѣсь онъ остановился и смотрѣлъ, какъ трудно было Нортвику успокоить лошадей и вывести ихъ снова на дорогу. Онъ не сказалъ ни слова, Нортвикъ тоже хранилъ молчаніе. Элбриджъ проворчалъ сквозь зубы: «Онъ опять налился», а лошади дружно рванулись впередъ, зазвенѣвъ всѣми своими бубенчиками.

Нортвикъ не разжималъ губъ вплоть до вѣзда въ сосновую аллею, которая съ большой дороги вела къ его дому. Сосны были еще окутаны снѣгомъ, а ихъ нижнія вѣтви были зарыты въ сугробы.

— Что такое съ жеребцомъ?—спросилъ Нортвикъ.

— Должно, тотъ малый не больно понимаетъ свое дѣло; сдается мнѣ, одна подкова плохо примажена.

— Не мѣшало бы осмотрѣть ее.

Нортвикъ передалъ возжи Элбриджу и вышелъ изъ санокъ у гранитной лѣстницы, которая вела въ нижній этажъ его деревянныхъ палатъ. Входъ открывался на широкую веранду въ видѣ портика съ рѣзными ажурными украшениями изъ дерева. Несмотря на внѣшнее впечатлѣніе чего-то крайне непрочнаго, присущее всякой деревянной постройкѣ, домъ Нортвика внушалъ съ перваго же взгляда идею о полнѣйшемъ комфортѣ и уютности. Кругомъ веранды были окна съ двойными рамами. Изъ оконъ лился мягкій, ласкающій зрѣніе, свѣтъ электрическихъ лампъ, разгонявшій вечерній сумракъ. Когда двери дома распахнулись передъ Нортвикомъ, его обдало приятнымъ тепломъ вмѣстѣ съ благоуханіемъ цвѣтовъ и вкуснымъ запахомъ обѣда.

— Обѣдъ сейчасъ подаютъ, сэръ,—доложилъ лакей, кладя пальто и шляпу Нортвика съ почтительной аккуратностью на столъ въ передней.

Нортвикъ остановился въ раздумѣ. Онъ стоялъ у отдушины и разсѣянно держалъ свои руки въ пріятной теплотѣ, струившейся изъ паровыхъ трубокъ снизу.

— Барышни думали, что вы прїѣдете домой съ слѣдующимъ поѣздомъ,—объяснилъ лакей, когда изъ столовой донеслись звуки голосовъ.

— Что у нихъ гости?—спросилъ Нортвикъ.

— Точно такъ, сэръ. Пасторъ, сэръ, мистеръ Уэдъ, сэръ.

— Я прїйду немного погодя,—сказалъ Нортвикъ, собираясь подняться наверхъ.—Скажите, что я поздно позавтракалъ передъ выѣздомъ изъ города.

— Слушаю, сэръ,—отвѣчалъ лакей.

Нортвикъ поднялся наверхъ, звуки его шаговъ заглушались толстымъ пушистымъ ковромъ, и повернулъ въ кабинетъ, примыкавшій въ его спальнѣ. Кабинетъ этотъ былъ гостиной его жены въ продолженіи немногихъ лѣтъ ея жизни въ этомъ домѣ, который онъ построилъ для нея и въ которомъ супруги рассчитывали скоротать вѣгъ вѣкъ свой. Комната эта выходила на югъ и изъ нея открывался видъ на оранжереи и сады, тянувшіеся позади дома вплоть до дремучаго лѣса, за которымъ ютились живописныя дачи Южнаго Гатборо. Она сама поставила свою качалку въ амбразуру окна на солнечной сторонѣ и Нортвикъ не позволилъ касаться этой качалки со времени ея смерти. Въ одной изъ нишъ онъ отвелъ мѣсто несгораемому шкапу, гдѣ хранились его бумаги. Жена его предназначала этотъ шкапъ для серебра, но боязнь ночныхъ воровъ заставила ее измѣнить свое намѣреніе и она всегда держала серебро въ буфетѣ, въ столовой.

Всю свою жизнь она была трусливымъ созданіемъ и, выйдя замужъ, чувствовала себя въ безопасности только въ присутствіи Нортвика. Портретъ ея, написанный Гунтомъ *), висѣлъ надъ каминомъ и въ немъ отразилась типичная черта ея душевнаго склада, хотя художникъ постарался извлечь самые выгодные эффекты изъ бѣлокурой красоты этой хрупкой женщины среднихъ лѣтъ; онъ придалъ ея лицу въ общемъ выраженіе согласовавшееся скорѣе съ его собственнымъ независимымъ, смѣлымъ стилемъ, чѣмъ съ дѣйствительностью. Въ сущности, она была одною изъ тѣхъ женщинъ съ куринымъ умомъ и мелкою душою, представляющихъ самое заурядное явленіе въ жизни; стремленія ихъ чрезвычайно ограничены и узки, а страхи и тревоги до крайности разнообразны. Ея скопидомскій инстинктъ пережилъ дни тяжелой борьбы, когда онъ являлся подспорьемъ инстинкту наживы въ Нортвикѣ. Она жила и умерла въ сладкой увѣренности, что содѣйствовала его благосостоянію, сберегая аккуратно всевозможный ничего нестоющій и никому ненужный хламъ. Но Нортвикъ былъ съ нею счастливъ пассивно, и послѣ ея смерти онъ часто вспоминалъ о

*) Известный американскій художникъ.

Прим. переводч.

ней, хотя при жизни мало придавалъ ей значенія, вслѣдствіе ея не-сносныхъ тревоженій и полнѣйшей бесполезности въ серьезныхъ дѣлахъ.

Ему часто казалось, что онъ ни о чемъ не думаетъ, а затѣмъ онъ открывалъ, что думаетъ о ней. Въ такіе дни онъ тосковалъ и больно чувствовалъ ея потерю. Но, быть можетъ, тутъ скорѣе дѣло было въ привычкѣ, а не въ привязанности. Теперь онъ опустился на свое вертящееся кресло и повернулъ его отъ письменнаго стола, стоявшаго на коврѣ передъ каминомъ; онъ взглянулъ въ глаза портрета, ощущая ея неуловимое присутствіе въ немъ и страстно желая успокоить свою душу въ ея душѣ. Она была единственнымъ существомъ, которое онъ могъ заставить по своему желанію не видѣть его такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Она никогда бы не повѣрила даже его словамъ, скажи онъ ей, что онъ *воръ*. А такъ какъ онъ намѣревался идти все дальше и дальше по пути воровства, то ея любовь сгладила бы ему этотъ путь, слѣпо принявъ тѣ умозрѣнія и соображенія, которыя лежали въ основѣ его намѣреній и служили для нихъ прикрытіемъ подъ видомъ вынужденныхъ обстоятельствъ. Онъ думалъ, что даже родная мать не могла бы оказать ему такую поддержку; она могла бы имѣть къ нему состраданіе, но онъ не нашелъ бы у нея поблажки. Въ тайникѣ своего сердца, подъ видомъ всевозможныхъ оговорокъ, Нортвикъ отлично зналъ, что никакое состраданіе не могло ему помочь. Но онъ нуждался въ немъ. Мы всѣ нуждаемся иногда въ томъ, что для насъ отрадно и дурно. Сдѣлавшись воромъ и намѣреваясь въ душѣ имъ остаться, онъ искалъ въ изображеніи лица покойной жены убѣжища отъ взгляда всѣхъ живыхъ людей. Лицо это не могло считать его за вора.

Это слово такъ сильно занимало его мысль, что казалось вотъ-вотъ оно сорвется у него съ языка. Этимъ словомъ называлъ его председатель совѣта директоровъ общества, когда фактъ его мошенническихъ продѣлокъ съ компанейскими книгами былъ поставленъ ему на видъ съ такою ясностью, что съ его стороны стало невозможнымъ даже безумное отрицаніе, къ которому инстинктивно прибѣгаетъ каждый преступникъ. Остальные директора сидѣли смущенные и печальные и не произнесли ни слова. Заурядная пошлость повседневной жизни не развила въ нихъ способности къ сильному выраженію своихъ эмоцій. Однако, председатель совѣта вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ Нортвику съ угрожающимъ видомъ.

— Что значить вся эта канитель, милостивый государь? Я скажу вамъ сейчасъ, что она такое. Это значить, что вы—воръ, милостивый государь, все равно, какъ еслибы вы стащили у меня кошелекъ изъ кармана или украли мою лошадь, или унесли мое пальто изъ передней.

Онъ трясъ сжатымъ кулакомъ у самага носа Нортвика и казался вотъ-вотъ схватить его за горло. Вслѣдствіи онъ больше дру-

гихъ директоровъ склонялся къ милосердію. Онъ подавъ голосъ за то, чтобъ Нортвику были даны три дня отсрочки на приведеніе въ порядокъ его дѣлъ и на представленіе директорамъ доказательства, что онъ обладаетъ сполна средствами, какъ онъ утверждалъ, для пополненія дефіцита.

— Миѣ хотѣлось бы, чтобы вамъ удалось раздѣлаться съ этимъ ради вашего семейства, — сказалъ ему предсѣдатель на прощанье; — но все равно, милостивый государь, вы воръ.

Онъ величественно заложилъ руки въ карманы, когда остальные директора, прощаясь съ Нортвикомъ, обмѣнялись съ послѣднимъ бессмысленными рукопожатіями, и прошелъ мимо него торопливымъ шагомъ, не глядя на него. Затѣмъ онъ неожиданно вернулся назадъ и сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

— Если бы дѣло касалось лишь одного васъ, я съ радостью потерялъ бы большую сумму чѣмъ та, которую вы у меня украли, лишь бы имѣть удовольствіе видѣть, какъ на ваши руки констебль надѣнетъ кандалы въ этой комнатѣ и отведетъ васъ въ тюрьму по улицѣ, на виду у всѣхъ. Ни одинъ честный человѣкъ, ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлали вы, не будь онъ мошенникомъ въ душѣ. Вы цѣлые годы плутовали съ книгами и съ такою дьявольскою ловкостью умѣли замазать всѣмъ глаза, что по сей день никто ничего не подозрѣвалъ. Вы употребили много ума на вашу мошенническую работу, милостивый государь, вы затратили на нее весь свой умъ сполна; не будь вы такъ рьяны въ вашемъ стремленіи воровать удачно, вы бы старались воспользоваться своими кражами съ бѣльшимъ умомъ. У васъ могло бы остаться кое-что изъ наворованнаго, но, повидимому, вы все промотали глупѣйшимъ образомъ, ни дать ни взять, какъ мелкотравчатый жуликъ... Да, милостивый государь, по моему, вы принадлежите именно къ этому низкосортному типу воровъ. Я не могу уважать васъ даже въ вашей собственной сферѣ дѣятельности. Но я хочу дать вамъ просимую вами возможность ради вашей дочери. Она постоянно бывала у меня въ домѣ вмѣстѣ съ моею дочерью, я привыкъ смотрѣть на нее, какъ на своихъ родныхъ дѣтей, и я готовъ сдѣлать все, чтобы избавить отца ея отъ тюрьмы. Поймите меня хорошенько! У меня нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія къ вамъ, Нортвикъ. Миѣ было бы пріятно увидѣть такого мошенника, какъ вы, въ арестантской курткѣ, за работою сапожныхъ щетокъ. Но вамъ будетъ дана возможность отправиться домой и поразмыслить, въ состояніи ли вы расплатиться такъ или иначе. Пока что, васъ оставляютъ въ покоѣ. Въ теченіе трехъ дней вы сохраните передъ свѣтомъ свой декорумъ... Но если вамъ угодно знать мое желаніе, то для васъ было бы лучше всего — по дорогѣ домой быть раздавленнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ.

Слова и взгляды этого человѣка были выжжены въ памяти Нортвика, которая теперь, казалось, обладала способностью воспроизводить

ихъ одновременно. Нортвику живо представилось его багровое лицо съ глазами на выкатѣ и его огромный, колеблющійся животъ, которыми онъ ударился о косякъ двери, когда, уходя, быстро повернулся во второй разъ. Остальные директора стояли тутъ же кругомъ, въ застегнутыхъ до верху пальто,—одни изъ нихъ были въ шляпахъ и имѣли такой видъ, словно ихъ пришибло обухомъ, другіе держали свои шляпы въ рукахъ, опустивъ глаза внизъ съ подобающимъ отсутствіемъ выраженія, словно на похоронахъ. Затѣмъ они удалились, оставивъ его одного въ кабинетѣ казначея.

II.

Если бы предсѣдатель воздержался отъ бурнаго выраженія своего негодованія, Нортвикъ могъ бы уйти изъ собранія послѣ огласки своихъ растратъ, безъ вреда для своего личного достоинства. Но при данныхъ обстоятельствахъ онъ чувствовалъ себя, что называется, сбитымъ съ нозиціи; однако, благодаря преобладающему свойству его характера, онъ снова подбодрился и вернулъ свою прежнюю неунывающую самоувѣренность. Такая перемена настроенія совершилась въ немъ очень быстро. Онъ слишкомъ привыкъ «воображать» себя человекомъ, который употребляетъ вѣрныя ему вклады на различныя предпріятія рискованнаго характера, порою успѣшныя, а подчасъ прогоравшія, но во всѣхъ случаяхъ обеспеченныя его личною честностью и денежною благонадежностью. Въ самомъ дѣлѣ, онъ уже не разъ пополнял до чиста всѣ взятые имъ суммы и, практикуя эти сдѣлки, понемногу сталъ такъ же вѣрить самому себѣ, какъ вѣрили ему люди, не подозревавшіе о его неправильныхъ дѣйствіяхъ. Ему льстило, такъ или иначе, полное довѣріе, которое они къ нему питали, хотя онъ и считалъ, что ему оказывали только должное. Онъ всегда заслуживалъ довѣріе и пользовался имъ со стороны лицъ, вступавшихъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія, и мало-по-малу сталъ смотрѣть на капиталъ товарищества, какъ на свой собственный въ практическомъ смыслѣ. Когда онъ вступилъ въ это общество, оно было значительно обязано своимъ процвѣтаніемъ его умному и заботливому управленію, и только въ послѣднее время, запутавшись непріятнѣйшимъ образомъ въ этихъ желѣзнодорожныхъ спекуляціяхъ, онъ увидалъ нѣчто неправильное въ своихъ тайныхъ заимствованіяхъ изъ довѣренной ему кассы. Это было несоблюденіе установленныхъ формальностей,—онъ и не думалъ отрицать этого, но лишь простое несоблюденіе—и только. А тутъ его убытки внезапно возросли, и онъ уже не былъ въ состояніи покрыть ихъ. Вотъ тогда-то онъ впервые прибѣгнулъ къ тому способу веденія торговыхъ книгъ, который, по выраженію разсвирѣпѣвшаго предсѣдателя, былъ мошенническимъ. Даже на эту крайнюю мѣру онъ смотрѣлъ, какъ на законное средство самозащиты на время, пока ему не удастся по-

крыть своихъ убытковъ другими богѣе счастливыми спекуляціями. По временамъ счастье, какъ будто, улыбалось ему; и всякій разъ, когда онъ представлялъ самому себѣ «въ лицахъ» свое объясненіе съ директорами, что онъ дѣлалъ часто, въ особенности за послѣднее время, ему легко удавалось убѣдить ихъ въ благонамѣренности своихъ побужденій и благопристойности своего поведенія, обративъ ихъ вниманіе на эти удачные «гешефты» и на вѣроятность, полившіую вѣроятность, что въ извѣстный моментъ онъ будетъ въ состояніи уплатить все. Онъ называлъ такой образъ дѣйствій «займомъ», и благодаря долговременной привычкѣ отпускать себѣ самому эти ссуды и возмѣщать ихъ, понемногу освоился съ смутной мыслью, что товарищество само принимало участіе въ этихъ тайныхъ ссудахъ, что было почти рѣшенное дѣло.

Рѣзкія слова предсѣдателя явились первымъ указаніемъ, которое коснулось самого существа его дѣланной самоувѣренности; онъ ясно увидалъ, что его поступокъ ставилъ его во всѣхъ отношеніяхъ на одну линію съ тѣми безумными расхитителями общественной собственности, разоблаченіе и бѣгство которыхъ въ Канаду сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ каждой утренней газетѣ. Въ присутствіи директоровъ онъ отказывался признаться въ этомъ самому себѣ; но когда они удалялись и онъ остался одинъ, истина предстала передъ нимъ во всей своей неприглядной наготѣ. Онъ уподобился тѣмъ дуракамъ, поступая точь въ точь какъ они и такимъ же манеромъ. И побужденіе, и основанія у него были тѣ же, что у нихъ. Всѣ они пользовались для своихъ рискованныхъ дѣлъ и дѣлишекъ чужими деньгами, въ надеждѣ возмѣстить ихъ, а затѣмъ оказывались несостоятельными и старались «улизнуть» подъ шумокъ, по выраженію газетъ.

Дополнить ли онъ это сходство и улизнетъ ли подобно имъ? Онъ еще не хотѣлъ признаться самому себѣ, что уже рѣшилъ этотъ вопросъ. Онъ никогда не думалъ, не гадалъ, что ему надобно будетъ прийти къ такому рѣшенію; но когда предсѣдатель пожелалъ ему по пути домой погибнуть отъ несчастнаго столкновенія встрѣчныхъ поѣздовъ, у него мгновенно блеснула мысль, что одною изъ трехъ предстоявшихъ передъ нимъ альтернативъ было «улизнуть». Онъ могъ выбрать самоубійство, что предполагалось «благороднымъ» способомъ выйти изъ затруднительнаго положенія; тогда семья его не коснулася бы позоръ его преступленія. Вопросъ о самоубійствѣ иногда обсуждался въ его присутствіи и всѣ до одинаго соглашались, что оно было единственнымъ исходомъ для джентльмена, разъ тотъ укралъ чужія деньги и не былъ въ состояніи вернуть ихъ. Существовало нѣчто другое для человѣка другого пошиба, съ менѣе покладистой совѣстью: предстать на судъ за растрату и утайку товарищескихъ вкладовъ и понести заслуженное наказаніе. Или же ему оставалось «улизнуть», если только онъ способенъ на такое нязкое дѣло. Вопросъ

*

для Нортвика заключался въ томъ, былъ ли онъ способенъ на такое низкое дѣло, и «улизнуть» не становился ли онъ тѣмъ самымъ въ разрядъ людей, способныхъ на пакости, и тайное бѣгство, само по себѣ, не дѣлало ли его человѣкомъ низкаго сорта?

Это былъ жестокій вопросъ для его личнаго достоинства, неприкосновенность котораго онъ такъ тщательно оберегалъ. Онъ носилъ въ себѣ чувство приличія, можно сказать, отъ рожденія. Если у него было какое-либо врожденное влеченіе, то это было влеченіе къ почету, желаніе, чтобы его уважали за ту личину, которую онъ принималъ на себя.

Желаніе почета было въ немъ еще сильнѣе оттого, что отецъ его никогда имъ не пользовался. Быть можетъ, наследственная черта нашла въ немъ выраженіе, перейдя черезъ одно поколѣніе; быть можетъ, какое-нибудь вліяніе, предшествовавшее его рожденію, создало эту типичную особенность его характера. Мать его постоянно старалась поддержать достоинство человѣка, за котораго вышла замужъ, въ глазахъ своихъ сосѣдей; но мужъ ея никогда не помогалъ ея усилямъ. Онъ получилъ званіе врача, но никогда не занимался врачебною практикою. Занимаясь продажей лѣкарствъ и книжнымъ дѣломъ въ деревнѣ, онъ больше заботился о ея просвѣщеніи, чѣмъ о процвѣтаніи своей аптеки. Онъ любилъ собирать до полуночи старыхъ друзей и знакомыхъ въ своей лавкѣ вокругъ печки, гдѣ пылали дрова, и разсуждать съ ними о нравственности и религіи. Разъ вечеромъ, отрицая непреложность библейскаго вдохновенія, онъ отпустилъ лѣкарство по своему рецепту не изъ той банки, что слѣдовало, и больной умеръ, вслѣдствіе его ошибки. Позоръ и бѣдственное положеніе сокрушили сердце его жены. Но онъ дожилъ до глубокой безцвѣтной старости, пользуясь поддержкою своего сына, при полнѣйшемъ отсутствіи заботъ. Старшій Нортвикъ иногда говорилъ о своемъ сынѣ и объ его успѣхахъ, говорилъ не хвастливо, а съ нѣкоторымъ сарказмомъ объ источникѣ его щедрости, какъ о дѣтищѣ, обманувшемъ его надежды. Онъ звалъ его Мильтомъ и говорилъ, что, по его мнѣнію, Мильтъ долженъ быть теперь самодовольнѣйшимъ человѣкомъ въ штатѣ Массачусеттс; при этомъ Нортвикъ-отецъ дѣлалъ предположеніе, что есть вещи достойныя большаго вниманія, чѣмъ матеріальныя блага. Онъ не говорилъ, какія именно, да врядъ ли съ его мнѣніемъ согласилось бы большинство обитателей этой деревни; не признало бы также это большинство, что казначею Понкуассетскихъ заводовъ можно было считать себя обиженнымъ судьбою, имѣя отца, который пустилъ его на житейское поприще съ именемъ Джона Мильтона. Хорошіе деревенскіе люди звали его также Мильтомъ въ разговорахъ между собою; пожалуй, нашлись бы между ними и такіе вольнодумцы, которые назвали бы его такъ и въ глаза, еслибы ему вздумалось когда-нибудь вернуться въ свою родную деревню. Но онъ не думалъ объ этомъ. Хорошіе люди знали, по слухамъ, что у него была великолѣпная лѣтняя резид-

денція въ Гатборо, гдѣ онъ проводилъ свое время, когда не жилъ въ своемъ домѣ, въ Бостонѣ; а когда имъ удавалось провѣрить черезъ дачниковъ, которые знали его или слышали о немъ, какъ далеко онъ пошелъ въ гору, они были смутно польщены фактомъ его житейскихъ успѣховъ, точъ въ точъ какъ многіе изъ насъ гордятся своею принадлежностью къ націи, въ которой мы являемся фиктивно обогащенными нашимъ согражданствомъ съ массою всевозможныхъ милліонеровъ. Они не осуждали Нортвика за то, что онъ ни разу не пріѣхалъ повидаться съ отцомъ и ни разу не пригласилъ его погостить у себя; вѣдь они ежедневно видали стараго Нортвика и понимали, что онъ былъ, какъ говорится, совсѣмъ не ко двору человѣку, сіявшему такимъ ослѣпительнымъ блескомъ всеобщаго почета... Старый Нортвикъ ничего, ровнехонько-таки ничего не сдѣлалъ для Мильта; никогда даже не бывалъ съ нимъ; малый оставилъ его и самъ проложилъ себѣ дорогу; и старикъ не вправѣ жаловаться; коли, чего добраго, Мильтъ прекратитъ выдачу ему пайка, что-то тогда запоетъ старикашка...

III.

Однако, мѣстное мнѣніе едва ли справедливо обвиняло стараго Нортвика въ плохомъ исполненіи его отцовскихъ обязанностей. Его строгіе судьи не могли понять, до какой степени нѣкоторыя способности, если не наклонности, унаслѣдованныя Нортвикомъ отъ отца содѣйствовали созданію того самаго почетнаго положенія, передъ которымъ они благоговѣли. Ранніе разговоры о книгахъ, знакомство съ чисто внѣшней стороной литературы, какъ оно ни было ограничено, помогло Нортвику позднѣе прослыть за человѣка образованнаго, если не начитаннаго, у людей, которые сами было менѣе начитаны, чѣмъ образованы. Всѣ люди, съ которыми, благодаря своимъ дарованіямъ, ему пришлось сойтись въ Бостонѣ, вышли изъ стѣнъ Гарвардскаго университета и никакъ не могли вообразить себѣ знакомаго съ такими благородными, спокойными манерами, какъ у Нортвика, который бы не получилъ также университетскаго образованія. По нѣкоторымъ безошибочнымъ признакамъ, которые остаются присущими намъ въ теченіе всей жизни, они тотчасъ же узнавали въ немъ провинціала и стали думать, что онъ вышелъ изъ свѣжеиспеченнаго университета. Они говорили: «вы изъ Дартмутскаго университета, Нортвикъ, не правда ли?» или «Я думаю, вы изъ Ульямскаго университета». А когда Нортвикъ отвѣчалъ трицательно, они забывали объ этомъ и у нихъ сложилось какъ-то само собою убѣжденіе, что онъ учился въ одномъ изъ этихъ провинціальнѣхъ университетовъ. Точно такимъ же образомъ думали—отчасти благодаря его имени—что онъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ славныхъ пасторскихъ фамилій, которыя встрѣчаются въ горахъ и въ которыхъ вся молодежь изучаетъ греческихъ классиковъ, а весною

занимаются сахароварением, и что его родная мать готовила его въ университету.

И въ самомъ дѣлѣ, было что-то пасторское въ манерахъ и въ походкѣ Нортвика. Многие даже думали, что онъ готовилъ себя къ пасторской службѣ и занялся торговыми предпріятіями, чтобы помочь своему семейству. Ложное представленіе о его литературныхъ познаніяхъ находило себѣ наглядное подтвержденіе въ библіотекѣ, занимавшей выдающееся мѣсто какъ въ его бостонскомъ домѣ, такъ и въ его резиденціи въ Гатборо. Въ Гатборо у него, дѣйствительно, была обширная библіотека, такъ прелестно и роскошно обставленная, что сразу внушала вамъ мысль о высокообразованномъ семействѣ. Члены его предпочитали проводить въ ней время и рѣдко бывали въ гостиной, которая была гораздо меньше. Эта великолѣпная комната, бѣлая съ золотомъ, на сѣверной сторонѣ дома, открывалась только для танцевъ, когда собиралось много гостей. Большинство посѣтителей совсѣмъ не видали ея и она оставалась запертой,—такая же загадочная, какъ память о женѣ Нортвика. Добрые люди думали, что жена его умерла во время, чтобы избавить его и дѣтей отъ обидныхъ послѣдствій одного изъ тѣхъ романическихъ сѣюзовъ по любви, ради котораго честный человѣкъ пожертвовалъ собою дѣвушкѣ, стоявшей гораздо ниже его по уму. Никому изъ его кружка не было извѣстно, что въ основу его благосостоянія было положено приданое, принесенное ею, и непоколебимое постоянство ея вѣры въ него. Она была, какъ большинство женщинъ, преданной дочерью церкви, но въ дѣйствительности ея закономъ былъ Нортвикъ; а такъ какъ ничто не освящаетъ такъ сильно божества, какъ слѣпая преданность его поклонниковъ, то Нортвикъ по временамъ дѣлался достойнымъ ея вѣры въ него, именно благодаря силѣ этой вѣры.

По своему, онъ отвѣчалъ на ея любовь взаимностью; онъ былъ не такого рода человѣкъ, чтобы разбрасывать свои влеченія направо и налево, быть можетъ, потому, что влеченій этихъ было у него немного и ихъ легко было удержать вмѣстѣ; быть можетъ, отчасти потому, что убѣжденія не позволяли ему сворачивать съ прямой дороги долга. Онъ былъ не только вѣренъ женѣ въ пассивномъ смыслѣ, но оставался преданъ ей неизмѣнно въ болѣе положительномъ значеніи этого слова. Когда они выступили въ большой свѣтъ и его дѣловитость и дарованія сблизили его съ людьми гораздо болѣе высокаго поста, чѣмъ онъ самъ, онъ уступилъ ея боязливому нежеланію воспользоваться удобнымъ случаемъ возвышенія на общественной лѣстницѣ и держался съ нею въ сторонѣ. Долѣе, чѣмъ ему было нужно, онъ сохранилъ обликъ провинціала, что развило въ немъ скрытность извѣстнаго рода, которая заставляетъ васъ держаться на сторожѣ. Только послѣ смерти жены, когда его дочери стали появляться чаще въ тѣхъ сферахъ, куда имъ давали доступъ его богатства и дѣ-

ловья связи, онъ началъ изрѣдка бывать въ великосвѣтскихъ салонахъ. Но дѣлалъ онъ это, главнымъ образомъ, для дѣтей, а самъ продолжалъ оставаться вполнѣ вѣрнымъ памяти своей жены и, повидимому, ему ни на минуту не приходила мысль о вторичной женитьбѣ.

Онъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ, взглядываясь въ ея портретъ, и направился къ несгораемому шкапу возлѣ окна. Но онъ остановился здѣсь, нагнувшись надъ шкапомъ, чтобы открыть секретный замокъ, и бросилъ черезъ плечо быстрый взглядъ въ темное окно. Хорошо знакомая красота пейзажа неудержимо потянула его къ окну. Онъ зналъ тогда же, что глядить на эту красоту въ послѣдній разъ, хотя въ слѣдующее мгновеніе былъ способенъ доказывать совершенно обратное и оправдывать заранѣе обдуманнѣйшій поступокъ намѣреніями поскорѣе вернуть растроченныя деньги и выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія.

Онъ долго пробылъ въ раздумьѣ передъ каминомъ. Луна уже взошла и озарила темныя купы сосенъ съ южной стороны и группу надворныхъ строеній. Послѣднія играли, такъ сказать, роль передаточнаго механизма въ его домашней жизни, служа всѣмъ ея нуждамъ и удовольствіямъ. Подъ оранжереями съ ихъ длинными стеклянными стѣнками, отражавшими лучи луннаго свѣта на подобіе гладкой поверхности воды, была установлена огромная паровая печь, которая снабжала эти оранжереи лѣтнимъ климатомъ посредствомъ тяжелыхъ трубъ, уложенныхъ подъ основаніемъ и проведенныхъ въ каждую комнату роскошнаго дома. Изъ высокой домовою трубы надъ теплицами перистыми ключьями вырывался паръ и ночнымъ вѣтеркомъ разносился, въ видѣ прозрачныхъ серебристыхъ струекъ. Позади теплицъ находились прохладныя виноградники. А далѣе, налѣво, стояли конюшни. Въ чистенькомъ, уютномъ уголкѣ этой низкой громады Нортвикъ замѣтилъ свѣтящіяся окна домика, гдѣ жилъ кучеръ со своей семьей. Позади конюшенъ находились коровникъ и молочная ферма съ мызой. Дѣловые друзья Нортвика говорили въ шутку, что иногда у него можно было купить масло болѣе чѣмъ наполовину дешевле того, во что оно обходилось ему самому, и эта шутка льстила Нортвику, чувствующавшему себя въ своемъ помѣстьѣ такимъ же важнымъ, какъ какой-нибудь феодальный баронъ. Его молочная ферма была очень велика, и притомъ съ превосходными пастбищами; рогатый скотъ его значился въ родословной книгѣ образцовыхъ породъ; онъ воспитывалъ лошадей, которыхъ продавалъ иногда какому-нибудь пріятелю. Лошади его настолько отличались отъ первоначальныхъ своихъ родичей, что сами по себѣ представляли почти особую расу; они считались десятками и сотнями въ его конюшняхъ и на его лугахъ. Вся группа построекъ, занятыхъ подъ конюшни и скотный дворъ, была такъ велика, что походила на древню, устроенную на общинныхъ началахъ.

Въ затишьѣ лунной ночи Нортвикъ любовался своими владѣніями, словно то было расширение и дополненіе его самого, до такой степени полно воспроизводили они его личные вкусы и такъ тѣсно была съ ними связана исторія честолюбивыхъ стремленій всей его жизни. Онъ понималъ съ безпоощадною ясностью, что, уходя отсюда, онъ въ буквальный смыслъ отрывается отъ всего этого. И въ этомъ будетъ его истинное мученіе; вѣдь дѣти могутъ пріѣхать къ нему, а домъ его останется позади его. Но, вѣдь, онъ удаляется отсюда только на время, пока будетъ въ состояніи возстановить свое доброе имя, вернется при условіяхъ, которыя ему не трудно будетъ поставить, когда онъ снова почувствуетъ подъ ногами твердую почву. Онъ подумалъ о томъ, какое счастье, что въ этотъ промежутокъ времени помѣстье не могло быть отчуждено; какое счастье, что въ самомъ началѣ онъ перевелъ его законнымъ порядкомъ на имя жены въ тѣ дни, когда еще имѣлъ полное право сдѣлать это, а она завѣщала его своимъ дѣтямъ съ воспрещеніемъ отчуждать его. Лошади и рогатый скотъ могутъ быть и, по всей вѣроятности, будутъ проданы,—онъ содрогнулся при этой мысли,—но земля и домъ—сполна, кромѣ мебели и картинъ, принадлежали дѣтямъ и должны были остаться въ ихъ пользованіи неприкосновенно. Картины были его собственностью, ему приходилось лишиться ихъ вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ и лошадьми. Но взамѣнъ ихъ онъ возьметъ десять—двѣнадцать тысячъ долларовъ; эту сумму онъ долженъ прибавить къ своимъ потерямъ и постараться по возможности примириться съ этимъ.

Во всякомъ случаѣ, чтобы ни говорили и ни дѣлали, оставался въ проигрышѣ главнѣйшимъ образомъ онъ. Если онъ былъ воромъ, какъ сказалъ тотъ человекъ, то онъ могъ доказать, что обкрадывалъ себя на два доллара за каждый долларъ, украденный имъ у всякаго другого. Если онъ намѣренъ теперь усугубить свое воровство, унеся съ собою сорокъ три тысячи долларовъ изъ компанейскаго капитала, которыя были въ его распоряженіи, то, разумѣется, онъ имѣлъ въ виду не одинъ лишь свой личный интересъ. Деньги эти должны послужить ему средствомъ для возмѣщенія всѣхъ прежнихъ убытковъ; да притомъ тѣ самые люди, съ которыми онъ будетъ въ состояніи сполна расплатиться, благодаря упомянутымъ деньгамъ, считали ихъ потерянными.

Въ душѣ Нортвика вспыхнуло почти гордое чувство, когда онъ уяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Добавочное воровство представлялось почти въ свѣтѣ долга; въ самомъ дѣлѣ, его обязанностью было удовлетворить тѣхъ, кому онъ причинилъ вредъ, если допустить, что онъ причинилъ его кому-либо, и первымъ долгомъ его было обезпечить за собою средства выполнить эту обязанность. Если эти деньги, которыя, такъ сказать, само Провидѣніе оставило въ его рукахъ, были бы имъ просто-на-просто переданы теперь обществу, то онъ отнюдь не попра-

вили бы сущности дѣла, а его лишили бы всякой надежды вернуть своимъ компаньонамъ всю сумму, «занятую» имъ. Снова онъ пришелъ къ этому слову, оно его подкрѣпило, и онъ снова повернулся къ шкапу, чтобы отворить секретный замокъ и заручиться этими деньгами, такъ какъ чувствовалъ теперь нездоровую потребность имѣть ихъ въ своихъ рукахъ; но внезапно ему сдѣлалось дурно, — была ли то дурнота душевная или желудочная, Богъ вѣсть, — онъ [приподнялся и прошелся по комнатѣ.

Онъ увидалъ, что, несмотря на наружное спокойствіе, которому онъ дивился въ самомъ себѣ, онъ находялся подъ какимъ-то сильнымъ внутреннимъ гнетомъ и долженъ освободиться отъ этого тяжелого ощущенія, если хочетъ довести свое дѣло до конца. Онъ приподнялъ оконную раму и, придерживая ее рукою, постоялъ на холоду, вдрагивая отъ пахнувшей въ комнату сильной струи морознаго воздуха. Но холодъ подкрѣпилъ его, и, когда спустя нѣсколько минутъ онъ опустилъ окно, слабости его какъ не бывало. Однако, онъ все еще откладываетъ свое «дѣло». Времени у него было довольно. Онъ повидается съ дочерьми и скажетъ имъ, что ему необходимо уѣхать съ первымъ утреннимъ поѣздомъ.

Онъ снялъ башмаки, надѣлъ туфли и тужурку; онъ вышелъ на площадку лѣстницы и прислушался къ голосамъ, доносившимся изъ библіотеки. Онъ могъ уловить только женскіе голоса и заключилъ изъ этого, что молодой человекъ, обѣдавшій съ его дочерьми, уже ушелъ. Онъ прошелъ назадъ въ свою спальню и въ зеркалѣ увидалъ передъ собою лицо вора безъ маски. Однако, онъ смотрѣлъ въ зеркало вовсе не съ тою цѣлью, чтобы получить такое изображеніе самого себя: онъ только хотѣлъ узнать, не подумаютъ ли его дѣти, что онъ боленъ, при видѣ его блѣднаго лица.

IV.

Нортвикъ крѣпко любилъ обѣихъ своихъ дочерей; если онъ высказывалъ больше вѣжности къ младшей, то это происходило оттого, что она ласкалась къ своему отцу болѣе по новому, по городскому. Старшая, которая была гораздо старше по лѣтамъ, слѣдовала старомодному деревенскому обычаю сдержанности; она оставалась безмолвной и продолжала сидѣть, когда отецъ входилъ въ комнату, хотя съ удовольствіемъ и участіемъ смотрѣла на обмѣнъ вѣжностей между нимъ и ея сестрой. Ее звали Аделиной, какъ звали и ея мать, и она казалась теткой своей юной сестры. Она была худа и высока, и страдала плохимъ пищевареніемъ, вслѣдствіи чего казалась на видъ слабѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Она сообразовалась съ перемѣной окружающей обстановки, перемѣной, съ которою она свыкла почти также сознательно, какъ ея родители, и одѣвалась богато и по модѣ; она

больше всего любила шелковыя платья коричневаго или темнаго цвѣта. Она носила множество колець на своихъ тонкихъ костлявыхъ пальцахъ.

Другую дочь Нортвика звали Сюэтой,—это имя было ей дано по капризу ея матери. Но сокращеніе его въ односложное ласкательное лучше шло къ величавой красотѣ этой дѣвушки, чѣмъ полное имя, въ которомъ слышится что-то соблазнительно-заманчивое.

— Отчего ты не пришелъ къ намъ, папа?—спросила она.—У насъ былъ мистеръ Уэдъ; онъ остался къ обѣду.

Она улыбнулась и ему было больно видѣть ее въ такомъ необычайно счастливомъ настроеніи. Онъ сознавалъ, что ему было бы легче оставить ее огорченною; по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ не онъ бы сдѣлалъ ее вполнѣ несчастною.

— Мнѣ надо было кое-что пересмотрѣть,—сказалъ онъ.— Я думалъ что успѣю прійти прежде, чѣмъ онъ уйдетъ.

Глубокое кожаное кресло стояло передъ каминомъ. Здѣсь сидѣлъ молодой пасторъ, а барышни помѣстились по бокамъ камина. Нортвикъ опустился въ кресло и, взглянувъ мелькомъ на слабо тикающіе часы, стоявшіе передъ нимъ на подставкѣ изъ чернаго мрамора, прибавилъ какъ бы невзначай:

— Я долженъ уѣхать завтра съ утреннимъ поѣздомъ въ Понкуасъ и мнѣ еще предстоитъ привести кое-какія дѣла въ порядокъ.

— Развѣ тамъ случились какіе-нибудь непріятности?—спросила молодая дѣвушка, вернувшись на свое старое мѣсто. Одною рукою она держалась за уголокъ каминной доски, а на другую руку опустила свою голову. Отецъ ея также сильно чувствовалъ ея чудную красоту, какъ всякій посторонній человѣкъ.

— Непріятности?—повторилъ онъ.

— Съ рабочими.

— О, нѣтъ. Ничего такого! Почему пришло тебѣ это въ голову?—спросилъ Нортвикъ, быстро соображая, нельзя ли извлечь какую-нибудь выгоду изъ перспективы, вызванной въ его умѣ вопросомъ его дочери. Онъ почувствовалъ минутное облегченіе, вообразивъ, что его вызвали на заводъ по случаю непріятностей съ рабочими.

— Этотъ несносный плутишка Путнэй распространяетъ всевозможные слухи.

— Пока нѣтъ никакихъ основаній думать, что стачка рабочихъ отзовется и на нашихъ людяхъ,—сказалъ Нортвикъ,—но все же мнѣ кажется лучше, если я буду на мѣстѣ.

— А мнѣ казалось, что ты могъ бы поручить это дѣло управляющему,—возразила молодая дѣвушка,—не тратя своихъ силъ и здоровья.

— Разумѣется, могъ бы,—отвѣчалъ Нортвикъ, какъ бы отказываясь отъ признанія заслуги за его поведеніемъ,—но всѣ старые рабочіе хорошо меня знаютъ, что...

Онъ остановился, словно сказанное не требовало комментаріевъ. А его старшая дочь замѣтила:

— Вотъ онъ опять закутилъ по старому. Право, по моему, слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь для него, ради его семейства, если не по-челу-либо другому. Элбриджъ говорилъ Джемсу, что ты почти переѣхалъ черезъ него, возвращаясь домой.

— Да,—отвѣчалъ Нортвикъ.—Я увидалъ его только въ ту самую минуту, какъ онъ выскочилъ изъ-подъ лошадиныхъ копытъ.

— Онъ добьется того, что будетъ убитъ въ одинъ прекрасный день,—сказала Аделина съ какимъ-то ужасомъ удовольствія, живо представляя себѣ катастрофу. Такое ощущеніе удовольствія, смѣшаннаго съ ужасомъ, испытываютъ часто нѣжныя, изящныя женщины.

— Для него это было бы самое лучшее,—замѣтила ея сестра,—да и для его родныхъ тоже. Когда человѣкъ становится только обузою и позоромъ для самого себя и для всѣхъ, кто къ нему близокъ, ему надобно умереть какъ можно скорѣе.

Нортвикъ сидѣлъ, глядя на прелестное лицо своей дочери, но вмѣсто него онъ увидѣлъ разсерженное и ненавистное лицо предсѣдателя совѣта и услышалъ его слова: «Для васъ было бы лучше всего по дороге домой быть раздавленнымъ встрѣчнымъ поѣздомъ».

Онъ тихо вздохнулъ.

— Мы не всегда знаемъ суть дѣла,—сказалъ онъ.—Я думаю, мы не должны такъ говорить.

Затѣмъ онъ прибавилъ съ тою снисходительностью къ прегрѣшеніямъ другихъ, которую мы чувствуемъ въ своей душѣ, когда сами жаждемъ пощады своимъ собственнымъ грѣхамъ:

— Путнэй очень способный человѣкъ; одинъ изъ способнѣйшихъ адвокатовъ во всемъ штатѣ и очень честный. Онъ могъ бы добиться всего, еслибы бросилъ пить. Не хочу я судить его, быть можетъ, у него есть...

Нортвикъ снова вздохнулъ и закончилъ неопредѣленно:

— Свои причины.

Сюзета засмѣялась.

— Какой ты всегда сдержанный, папа! И какой ты снисходительный!

— Я увѣрена, что мистеръ Путнэй отлично знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ можетъ преспокойно бранить тебя, сколько ему угодно,—сказала Аделина.—Но я не понимаю, какъ такіе почтенные люди, какъ докторъ Моррэлъ и миссисъ Моррэлъ, могутъ переносить его. У меня нѣтъ такого терпѣнія какъ у доктора Моррэля, и у миссисъ Моррэлъ. Разумѣется, они переносятъ также миссисъ Уилмингтонъ.

Сюзета подошла къ отцу поцѣловать его.

— Ну, я уйду спать, папа. Если ты желалъ посидѣть со мною дольше, то долженъ былъ придти сюда раньше. Вѣроятно, я не увижу тебя завтра утромъ. Итакъ, прощай, папа, желаю тебѣ спокойной ночи. Когда ты вернешься домой?

— Не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, быть можетъ,—отвѣчалъ несчастный.

— Какая жалость! А ты всегда такъ же сильно тоскуешь по дому, когда уѣзжаешь?

— Нѣтъ, не всегда.

— Ну, такъ постарайся быть веселѣе на этотъ разъ. А если тебѣ придется пробыть тамъ долго, позови меня. Не правда ли, ты позовешь?

— Да, да. Позову,—отвѣчалъ Нортвикъ.

Дѣвушка вѣжливо прижала къ себѣ его голову, а затѣмъ тихо удалилась изъ комнаты. Въ дверяхъ она остановилась и послала ему воздушный поцѣлуй.

— Слушай, папа!—сказала Аделина.—Имя «миссисъ Уилмингтонъ» сорвалось у меня съ языка печально. Она не можетъ выносить *этого* имени, я *знаю*, оно заставило ее уйти. Но ты, пожалуйста, не беспокойся объ этомъ папа. Мнѣ кажется, теперь все идетъ, какъ слѣдуетъ.

— Что такое идетъ, какъ слѣдуетъ?—разбѣянно спросилъ Нортвикъ.

— Эта исторія съ Джэкомъ Уилмингтономъ. Я знаю, она, наконецъ, дѣйствительно, перестала думать о немъ; мы должны быть очень рады, если этого увлеченія больше нѣтъ. Я не вѣрю, что онъ такъ дурень, какъ объ немъ говорятъ, но онъ выказалъ себя малодушнымъ, а этого она не можетъ простить въ мужчинѣ. Вѣдь сама она такая энергичная.

Нортвикъ не думалъ о Уилмингтонѣ. Онъ думалъ о самомъ себѣ и въ глубинахъ своей преступной души, въ тѣхъ ея тайникахъ, гдѣ не было мѣста всѣмъ его отговоркамъ, гдѣ онъ ясно сознавалъ себя воровомъ, онъ спрашивалъ себя, неужели энергія его родной дочери помѣшаетъ ей простить его малодушіе? Мы безусловно вѣримъ въ то, что насъ сильно страшитъ; ему не пришло въ голову спросить, неужели нетерпимость къ слабодушію является необходимымъ результатомъ сильной души? Онъ только зналъ, что самъ онъ ужасно малодушенъ.

Онъ всталъ и на одно мгновеніе остановился у камина, повернувшись къ дочери свое безстрастное красивое лицо, словно собирался говорить съ нею. Онъ былъ высокаго роста, очень худощавъ, гладко выбритъ, за исключеніемъ сѣдѣющихъ бакенбардовъ у самыхъ ушей, на одной линіи съ ними. У него былъ правильный профиль, гораздо болѣе привлекательный чѣмъ выраженіе его лица, когда онъ смотрѣлъ на васъ прямо. Онъ взялъ хрустальный шаръ, лежавшій на мраморной подставкѣ, и принялся его разглядывать, словно читая свое будущее въ его прозрачныхъ глубинахъ, а затѣмъ положилъ его опять на мѣсто съ выраженіемъ безпомощности. Когда онъ заговорилъ, слова его не имѣли никакого отношенія къ тому, о чемъ говорила его дочь.

— Мнѣ надобно пойти наверхъ и собрать кое-какія бумаги, которыя хочу взять съ собою. А затѣмъ постараюсь немного заснуть. Встать надо рано.

— А когда можно ждать твоего возвращенія?—спросила дочь, покорно принимая его молчаніе относительно любовнаго увлеченія ея младшей сестры. Она знала, что это обозначало его полное согласіе со всѣмъ, что Сю и она найдутъ лучшимъ сдѣлать.

— Навѣрно не знаю; ничего не могу сказать теперь. Спокойной ночи.

Къ немалому ея удивленію онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее; обыкновенно онъ оказывалъ ласки только Сю; Аделина такъ же мало ждала отъ него выраженія его отцовскихъ чувствъ, какъ мало сама ихъ вызывала своимъ сдержаннымъ обращеніемъ съ нимъ.

— Что съ тобою, папа!—вскричала она, обрадованная этимъ непривычнымъ проявленіемъ нѣжности.

— Прикажи Джэму уложить мои вещи въ небольшой чемоданъ и послать ко мнѣ Элбриджа черезъ часъ, — сказалъ онъ, уходя въ переднюю.

V.

Нортвику было теперь пятьдесятъ девять лѣтъ, но уже въ сравнительно молодые годы онъ перевидалъ на свѣтѣ много такого, что заставило его усомниться въ господствѣ нравственнаго начала во вселенной. Въ дѣтствѣ ему внушили то, что внушается каждому изъ насъ. Его учили вѣрить въ существованіе высшей силы, которая накажетъ его, если онъ будетъ поступать дурно, и наградитъ его, если онъ будетъ поступать хорошо, или, по меньшей мѣрѣ, въ первомъ случаѣ будетъ довольна, а во второмъ—недовольна его поведеніемъ. Сначала правило это приняло форму увѣщанія и на первомъ планѣ его стоялъ фактъ наказанія и неудовольствія. Случалось, что не всегда хорошіе поступки сопровождались осязательной наградой или ощутительнымъ довольствомъ; но зато дурныя дѣла никогда не оставались безъ заслуженной кары. Такимъ принципамъ подчинялись намѣренія, если не всѣ поступки этого человѣка, и онъ продолжалъ сообразовываться съ ними въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ того, какъ жизненный опытъ, а въ особенности близкое знакомство съ дѣлами торговаго міра доказали полную несостоятельность этой доктрины. Онъ видѣлъ и зналъ массу случаевъ, гдѣ не только честный образъ дѣйствій не получалъ, повидимому, награды, но безчестные поступки оставались безнаказанными. Относительно безчестныхъ поступковъ опытъ его наблюдений показалъ ему, что поступки эти не влекли за собою ни несчастій, ни даже какого бы то ни было неудобства, разъ все было шито и крыто. Въ большинствѣ случаевъ дурныя дѣла такъ и оставались! подъ спудомъ. Это, однако, не поколебало принциповъ Нортвика; ему все-таки хотѣлось держаться благонадежнаго образа мыслей и дѣйствій, даже въ отдаленномъ, непредвиденномъ случаѣ. Но это дало ему смѣлость входить въ компромисы съ своими принципами и временно поступать не по хорошему, а затѣмъ заглаживать это нехорошее, прежде чѣмъ онъ будетъ «накрытъ», или прежде чѣмъ онъ попадетъ на замѣчаніе у верховной власти.

А теперь случились такія обстоятельства, которыя заставили его подумать въ моментъ неожиданно обрушившейся на него бѣды, когда

открылись его неправильныя дѣйствія, что эта власть все время неуспѣшно слѣдила за нимъ, и что онъ напрасно льстилъ себя надеждою уйти отъ нея... Ему казалось, что его положеніе было отиѣчено какимъ-то драматизмомъ, дѣлавшимъ его сокрушеніе еще болѣе чувствительнымъ. Вообще, онъ мало читалъ; но иногда, уступая настоячивому желанію своихъ дочерей, ходилъ съ ними въ театръ и разъ видѣлъ «Макбета». Онъ слышалъ кругомъ шумные отзывы объ игрѣ актера въ роли Макбета, но сохранилъ про себя свое мнѣніе объ этой трагедіи; она показалась ему несоотвѣтствующей тому, что онъ видѣлъ въ дѣйствительной жизни: случись всѣ эти событія именно такимъ образомъ, они не стали бы смущать совѣсть и мучить душу этого преступнаго человѣка. Онъ думалъ, что въ дѣйствительности ничего подобнаго не бываетъ. Трагедія эта дала ему скорѣе плохое мнѣніе о Шекспирѣ, тѣмъ болѣе плохое, что Нортвикъ судилъ о немъ съ самоувѣренностью мало развитогаго человѣка.

Теперь же трагедія эта припомнилась ему и онъ съ тоскою сознался въ душѣ, что въ ней все было правда. Онъ также быстро понесъ расплату за свой грѣхъ. Притомъ сердце его терзали именно тѣ вещи, которыя было тяжелѣе всего перенести. За послѣднее время здоровье его пошатнулось и физическія силы измѣнили ему. Его душевныя тревоги изнурили его, и никогда еще въ жизни онъ не нуждался такъ сильно въ утѣномъ, покойномъ пристанищѣ у себя дома, какъ въ эту минуту, когда былъ вынужденъ покинуть его. Никогда еще не дорожилъ онъ такъ сильно всей этой обстановкой; никогда еще не казался ему домъ его такимъ прекраснымъ и великогѣпнымъ. И, однако, все это было ничтожно сравнительно съ мыслью о его дѣтяхъ, въ особенности о его младшей дочери, которую онъ любилъ безъ памяти и которую собирался покинуть на позоръ и разореніе. Слова, сказанныя ею съ гордымъ чувствомъ увѣренности въ немъ, ея легкомысленное осужденіе этого пьяницы, которому, по ея мнѣнію, было лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться обузою и позоромъ для своего семейства,—язвили его и, не переставая, раздавались въ его ухахъ. Въ головѣ его быстро пронеслись безумныя мысли, сумасшедшія побужденія и желанія отказаться отъ бѣгства. Потомъ онъ начиналъ раздумывать, что оставшись онъ ничуть не поправитъ дѣла; ни къ чему не послужитъ даже его смерть; разомъ ничто не поможетъ, но его отъѣздъ будетъ въ высшей степени цѣлесообразенъ и полезенъ. Онъ долженъ уѣхать. Отъѣздъ его разобьетъ сердце его родной дочери, поставивъ ее лицомъ къ лицу съ его позоромъ, и она должна будетъ перенести это. Онъ не думалъ о своей старшей дочери; онъ только думалъ, что это неминуемое несчастіе не могло такъ губительно повліять на нее.

— Боже мой, Боже мой!—простоналъ онъ, поднимаясь къ себѣ наверхъ.

Аделина окликнула его изъ комнаты:

— Что съ тобой папа?

Бессознательное чувство совѣстливости, такъ часто сказывающееся въ минуты великаго лицемерія, помѣшало ему сказать маленькую ложь; онъ поднялся на верхъ, не отвѣтивъ дочери ни слова. Онъ позволилъ себѣ нѣсколько дольше отдаться чувству жалости къ самому себѣ,—старому человѣку, насильно отторгнутому отъ своего дома; въ душѣ его была слѣпая, безосновательная злоба противъ людей, заставлявшихъ его уйти, тогда какъ даже въ эту минуту онъ заботился объ ихъ интересахъ. Но войдя къ себѣ въ комнату, онъ стряхнулъ съ себя это гнѣвное чувство и принялся за работу. Ему надобно было сдѣлать очень многое,—разобрать и привести въ порядокъ бумаги на неопределенное время своего отсутствія; съ одинаковою заботливостью онъ сдѣлалъ распоряженія о нѣкоторыхъ незначительныхъ расходахъ по компанейскимъ дѣламъ и составилъ инструкцію дѣтямъ относительно ихъ образа дѣйствій, пока онъ не дастъ о себѣ вѣсти. Впослѣдствіи эта странная точность стала предметомъ пересудовъ и толковъ среди тѣхъ, кого она близко касалась; нѣкоторые видѣли въ ней новое доказательство, что человѣкъ этотъ былъ отъявленный плутъ и мошенникъ, хитрую уловку придать смягчающее объясненіе своему управленію вообще доходами компаніи, а другіе видѣли въ этомъ любопытный примѣръ невольнаго вліянія дѣловыхъ инстинктовъ, не покидавшихъ этого человѣка даже при такихъ обстоятельствахъ, когда онъ долженъ былъ дѣйствовать, руководясь исключительно сильнѣйшими эгоистичными побужденіями.

Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ даже при окончательномъ обсужденіи совершившагося факта, когда выяснилось, что именно въ тотъ самый моментъ, какъ Нортвикъ высказалъ такую заботливость объ интересахъ общества въ мелочахъ, онъ совершилъ новый обманъ, удержавъ большую денежную сумму принадлежавшую обществу. Но въ этотъ моментъ Нортвикъ не считалъ, чтобы эти деньги необходимо принадлежали обществу, болѣе чѣмъ ему принадлежали домъ и ферма его дочерей. Несомнѣнно, деньги эти составляли часть той суммы, которую онъ «занялъ» или взялъ у общества и употребилъ на необычайно прибыльное дѣло, но общество не заработало этихъ денегъ и, прижавъ его, какъ говорится, къ стѣнѣ, принуждая его немедленно возмѣстить всѣ ссуды взятая имъ у общества безъ вѣдома послѣдняго, оно тѣмъ самымъ какъ бы оправдывало его захватъ изъ этой части.

Нортвикъ былъ слишкомъ уменъ и не облакалъ свои разсужденія въ точную форму, но имъ руководила своеобразная логика безъ словъ, позволявшая ему идти дальше въ томъ же направленіи и украсть больше тамъ, гдѣ уже было украдено такъ много. Обстоятельства сложились такъ счастливо, что не только его маклеръ прислалъ ему чекъ на такую большую сумму его прибылей, но Нортвикъ противъ обыкновенія размѣнялъ чекъ на наличныя деньги и положилъ ихъ въ несгораемый

шкафѣ, не отправивъ въ банкъ. Теперь онъ усматривалъ во всемъ какое то указаніе свыше, хотя въ то время казалось, будто онъ бросаетъ ужасный вызовъ судьбѣ и нѣчто въ родѣ приглашенія ночнымъ ворами. Онъ самъ себѣ показался ночнымъ ворами, когда затворилъ двери, спустилъ оконныя гардины и, ставъ передъ несгораемымъ шкафомъ, принялся отпирать потайной замокъ. Онъ весь дрожалъ. А когда наконецъ, механизмъ уступилъ его усилю, слабо звякнувъ замкомъ, Нортвикъ отскочилъ въ сильномъ испугѣ. Въ это самое мгновеніе послышался рѣзкій стукъ въ дверь и Нортвикъ крикнулъ сдавленнымъ голосомъ, словно его внезапно разбудили:

— Кто тамъ? Что такое?

— Это я,—отвѣчалъ Элбриджъ.

— А! Хорошо! Отлично! Подожди одну минутку! Ахъ... Приходи лучше черезъ десять-пятнадцать минутъ. Я еще не совсѣмъ готовъ.

Нортвикъ произнесъ первыя отрывочныя фразы у шкафа, гдѣ онъ стоялъ, въ какомъ-то ужасномъ бреду; рѣчь его стала спокойнѣе, когда онъ подбѣжалъ къ своему письменному столу, чтобы схватить револьверъ. Онъ и самъ не зналъ, почему казалось ему, что Элбриджъ попытается ворваться въ комнату; быть можетъ, потому, что его привело бы въ ужасъ присутствіе всякаго человѣка тамъ, возлѣ двери его кабинета. Онъ скоро понялъ, что ему нечего бояться за деньги,—онъ боялся за самого себя, совершая эту кражу.

Элбриджъ кашлянулъ по другую сторону двери и отвѣчалъ съ легкой нерѣшительностью въ голосѣ: «Слушаю». Нортвикъ услышалъ топотъ его удаляющихся шаговъ по лѣстницѣ.

Онъ снова вернулся къ шкафу и открылъ тяжелую дверцу; сопротивленіе ея помогло ему стряхнуть съ себя нервное возбужденіе. Затѣмъ онъ вынулъ деньги изъ ящика, сосчиталъ, сунулъ во внутренний карманъ своего жилета и застегнулъ его. Последовательный рядъ этихъ привычныхъ дѣйствій успокоилъ его постепенно. Онъ зажегъ свичку и развелъ огонь въ каминѣ, что забылъ: сдѣлать раньше. Теперь онъ былъ въ состояніи заняться снова своими приготовленіями и письменными дѣлами.

VI.

Когда Элбриджъ пришелъ снова, Нортвикъ громко крикнулъ: «Войди!» подошелъ къ двери и отперъ замокъ.

— Я позабылъ, что заперъ ее на ключъ,—небрежно сказалъ онъ.— Какъ думаешь, лошадь эта будетъ хромать?

— Да, мнѣ сильно не нравится, какъ она ходитъ. Надо бы ее расковать.

Элбриджъ остановился у письменнаго стола, распространяя сильный запахъ конюшни въ жарконатопленной комнатѣ.

Разумѣется, позаботься объ этомъ,—сказалъ Нортвикъ.—Я уѣзжаю утромъ и не знаю навѣрное, сколько времени пробуду въ отсутствіи.

Нортвикъ успокоилъ свою совѣстливость, возстававшую противъ лжи, этой условной фразой и продолжалъ давать Элбриджу инструкціи насчетъ лошадей въ его отсутствіе. Онъ досталъ изъ записной книжки деньги и передалъ ему на расходы, а затѣмъ сказалъ:

— Я хочу уѣхать съ пятичасовымъ поѣздомъ, который приходитъ въ Понкуасетъ въ девять. Ты можешь отвезти меня туда на вороной кобылѣ.

— Слушаю,—отвѣчалъ Элбриджъ, но въ тонѣ его голоса чувствовалось колебаніе; это не ускользнуло отъ Нортвика.

— Что такое случилось?—спросилъ онъ.

— Не знаю... Съ нашимъ мальчикомъ что-то не ладно.

— Что съ нимъ?—спросилъ Нортвикъ съ сочувствіемъ; ему стало какъ-то легче отъ того, что онъ могъ ощущать состраданіе къ бѣдѣ ближняго.

— Да вотъ докторъ Морреллъ только что былъ здѣсь и боятся, что это кру!..

Послѣдняя буква застряла въ горлѣ Элбриджа; онъ проглотилъ ее.

— О, надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ Нортвикъ.

— Онъ опять придетъ... ему надо было побывать еще въ другомъ мѣстѣ... Но я вижу, что ни къ чему это,—проговорилъ Элбриджъ съ терпѣливымъ отчаяніемъ. Онъ снова взялъ себя въ руки и голосъ его звучалъ ясно.

Нортвикъ отступилъ въ ужасѣ передъ набѣжавшимъ на него мракомъ. Безъ сомнѣнія, то была тѣнь отброшенная небесами, но ея густой мракъ наполнялъ душу какимъ-то невольнымъ ужасомъ, окутывая землю.

— Ну, конечно, ты и не думай оставлять жену свою. Дай знать по телефону Симпсону, чтобы онъ пріѣхалъ за мной.

— Слушаю.

Съ этими словами Элбриджъ удалился.

Нортвикъ слѣдилъ за нимъ, какъ онъ шелъ по обледенѣлому двору къ кучерскому дому, въ уютномъ уголку обширныхъ конюшенъ. Окна въ немъ все еще весело свѣтились отъ горѣвшихъ лампъ, наполняя сердце Нортвика мучительнымъ чувствомъ нѣмой зависти. Должно быть, ребенокъ заболѣлъ внезапно, потому что дочери его не знали объ этомъ. Онъ подумалъ сперва, что надобно позвать Аделину и послать ее къ этимъ бѣднымъ людямъ, но затѣмъ рассудилъ, что она все равно не можетъ помочь дѣлу; поэтому незачѣмъ доставлять ей бесполезнаго огорченія. Скоро бѣдняжкѣ понадобится вся ея сила. Мысль его вернулась къ личнымъ заботамъ, отъ которыхъ его отвлекла на мгновеніе тревога за чужую бѣду. Но услыжавъ звяканіе бубенчиковъ докторскихъ санокъ, вѣзжавшихъ во дворъ, Нортвикъ рѣшился пойти туда самъ и выказать участіе, которое должно было чувствовать его семейство по поводу этого несчастнаго случая.

У Элбридже никто не отвѣчалъ на его стукъ въ дверь, и Нортвикъ отворилъ ее самъ. Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ Элбриджъ и жена его были съ докторомъ. Маленькій мальчикъ вскочилъ въ своей кровати и боролся со смертью, раскинувъ ручки.

— Вотъ! вотъ опять его душить!—рыдала мать.—Элбриджъ Ньютонъ, неужели ты ничего не можешь сдѣлать? Охъ, пособите ему, спасите его, докторъ Морреглъ! Охъ, какъ вамъ не грѣшно заставлять его такъ мучиться!

Она бросилась къ ребенку, выхватила его изъ рукъ доктора и стала его укачивать, стараясь облегчить его. Вдругъ малютка затихъ и она закричала:

— Вотъ, я знала, что смогу его успокоить! А вы-то, здоровые, сильные мужчины, на что годитесь вы, всякій...

Она взглянула на личико ребенка, лежавшаго у нея на рукахъ, а затѣмъ на доктора и изъ ея груди вырвался дикій вопль, вопль чело-вѣка пораженнаго мучительной болью.

У Нортвика завьело сердце. Онъ почувствовалъ себя богѣе, чѣмъ бесполезнымъ здѣсь. Онъ пошелъ въ домъ фермера и попросилъ его жену пойти къ Ньютонамъ, у которыхъ только что умеръ ребенокъ. Онъ услышалъ, какъ она вошла туда, прежде чѣмъ дошелъ до своего дома, а когда очутился у себя въ комнатѣ, услышалъ бубенчики докторскихъ санокъ, выѣзжавшихъ изъ аллеи.

Ему все мерещились голосъ и взглядъ этой матери, у которой смерть отняла ребенка. Она была раньше мастерицей въ шляпномъ магазинѣ и большой вертушкой; она безумно влюбилась въ Элбриджа, которымъ распорядилась съ того момента, какъ они поженились, съ какою-то неистовою преданностью вознаграждая себя за его хладнокровіе безпрестанными порывами чрезмѣрной чувствительности во всѣхъ случаяхъ жизни. Но почему-то она напомнила Нортвику его родную мать, и онъ позавидовалъ маленькому мальчику, который только что умеръ.

Сообразивъ, что родители захотятъ устроить своему первенцу торжественные похороны, онъ написалъ Элбриджу записку и вложилъ въ нее одинъ изъ билетовъ, взятыхъ имъ у общества. Онъ надѣялся, что Элбридж приметъ отъ него эти деньги на расходы, которые ему предстояли въ такое время.

Затѣмъ онъ подкатилъ свое кресло къ огню и протянулъ ноги немного отдохнуть, если возможно, передъ отъѣздомъ. Ему бы очень хотѣлось лечь въ постель, но онъ опасался проспать въ случаѣ, если Элбридж забудетъ извѣстить Симпсона по телефону. Но онъ не думалъ чтобы такая небрежность была возможна со стороны Элбриджа, и тихо ввѣрился испытанной точности своего слуги. Вдругъ онъ вскочилъ, разбуженный звономъ бубенчиковъ у подъѣзда, а затѣмъ трескучими звуками электрическаго звонка надъ его кроватью въ слѣдующей комнатѣ. Онъ подумалъ въ первую минуту, что это полицейскій чи-

шювникъ пришелъ арестовать его, но тотчасъ же вспомнилъ, что только его домашнимъ было извѣстно существованіе этого звонка, и порядкомъ удивился, какъ могъ его отыскать Симпсонъ. Онъ надѣлъ пальто и теплые калоши, схватилъ чемоданъ, быстро спустился съ лѣстницы и вышелъ изъ дому. На крыльцѣ его ожидалъ Элбриджъ, принявшій отъ него чемоданъ.

— Какъ! А гдѣ же Симпсонъ?—спросилъ Нортвикъ.—Развѣ ты не могъ его вызвать?

— Не безпокойтесь, сударь,—сказалъ Элбриджъ, открывая дверцу закрытыхъ саней и осторожно усаживая Нортвика,—я самъ могу васъ отвезти. Мнѣ думалось, вамъ будетъ спокойнѣе ѣхать въ крытыхъ саняхъ,—холодно вато.

Звѣзды казались ледяными точками въ морозномъ небѣ. Широковатый снѣгъ хрустѣлъ, словно древесный уголь, подъ ногами Элбриджа. Онъ заперъ дверцу саней, затѣмъ вернулся и тихонько приотворилъ ее.

— Не хотѣлось мнѣ, чтобы Симпсонъ или кто другой повезъ васъ на поѣздъ, ни въ какомъ случаѣ не хотѣлось.

Слезы подступили къ глазамъ Нортвика, онъ пытался сказать: «Ну, спасибо тебѣ, Элбриджъ», но дверца захлопнулась прежде, чѣмъ онъ пришелъ въ себя. Элбриджъ утѣлся на свое мѣсто и лошади тронулись. Нортвикъ былъ въ состояніи разстаться со своимъ домомъ лишь подъ однимъ условіемъ, что онъ уѣзжаетъ, по обыкновенію, не надолго. Ему приходилось держаться того же образа мыслей съ самимъ собою по дорогѣ на станцію. Выходя изъ экипажа, онъ обратился къ Элбриджу со слѣдующими словами:

— Я оставилъ для тебя записку на моемъ письменномъ столѣ. Мнѣ жаль уѣзжать изъ дому... въ такое время... когда у тебя...

— Вы пришлете депешу, когда васъ встрѣтитъ?—прервалъ его Элбриджъ.

— Да,—отвѣчалъ Нортвикъ.

Онъ вошелъ на станцію, гдѣ было такъ уютно и тепло отъ огромной отдушины, расположенной посреди комнаты, ярко освещенной, въ ожиданіи поѣзда, который слегка запоздалъ. Захлопнувшаяся за Нортвикомъ дверь разбудила маленькую черную фигурку, наклонившуюся впередъ на скамейкѣ въ углу. Это былъ пьяный адвокатъ. Между этими двумя людьми существовали кое-какіе счеты общаго и личнаго характера; они не говорили между собою. Но теперь, при видѣ Нортвика, Путнэй выступилъ впередъ и сурово устремилъ на него свои глаза.

— Нортвикъ! Извѣстно ли вамъ, кого вы намѣревались раздавить прошлымъ вечеромъ?

Нортвикъ, въ свою очередь, посмотрѣлъ на него съ тѣмъ полузасмѣшливымъ, полупокровительственнымъ видомъ, который принимаетъ на себя человѣкъ относительно лица не столь богатаго, но съ большимъ умственнымъ вѣсомъ.

— Я не видалъ васъ. Я васъ замѣтилъ, мистеръ Путнэй, только въ ту минуту, какъ наѣхалъ на васъ... Лошади...

— Извѣстно ли вамъ, кого вы намѣревались раздавить?! *Закономъ!*— загремѣлъ маленькій человекъ такимъ голосомъ, котораго нельзя было предположить въ его хрупкомъ тѣлѣ.— Не пытайтесь слишкомъ часто дѣлать это! Вы не можете преступать *закона*, несмотря на... для этого не хватитъ вамъ всѣхъ вашихъ милліоновъ. Э? Такъ что ли?—спросилъ онъ, пробуя перейти изъ высокопарнаго въ шутливый тонъ, но въ пьяномъ видѣ не будучи въ состояніи поддержать его.

Нортвикъ не отвѣтилъ ему. Онъ прошелъ на другой конецъ станціи, предвзначенный для дамъ, а Путнэй не послѣдовалъ за нимъ туда. Пришелъ поѣздъ, Нортвикъ вышелъ и сѣлъ въ вагонъ.

VII.

Предсѣдатель совѣта директоровъ компаніи, обозвавшій Нортвика воромъ и тѣмъ не менѣе давшій ему возможность оправдать себя, проснулся послѣ безсонной ночи въ тотъ самый часъ, когда неисправный должникъ скрылся. Онъ принялъ приглашеніе на обѣдъ, надѣясь забыть про Нортвика, но при всякой пережвѣвѣ блюдо и вино ему казалось, что онъ имѣетъ съ нимъ дѣло. Вернувшись домой въ одиннадцатомъ часу, онъ прошелъ въ свою бібліотеку и сѣлъ у пылавшаго камина. Жена его ушла спать, а сынъ и дочь были на балу, а вотъ онъ сидѣлъ здѣсь одинъ, нетерпѣливо покуривая трубку.

Лакею, пришедшему узнать, не надобно ли его барину что-нибудь, онъ приказалъ идти спать; ему нечего было дожидаться молодыхъ людей. Гилари питалъ къ прислугѣ вниманіе этого рода и любилъ оказывать его на дѣлѣ. Ему пріятно было сознавать, что онъ дѣлалъ это и теперь, въ тотъ самый моментъ, когда всѣ привычки его жизни должны были ступеваться передъ громадными и разнообразными тревогами, осаждавшими его умъ.

У него былъ идеалъ, какъ онъ долженъ вести себя въ качествѣ джентльмена и гражданина, и онъ не могъ скрыть отъ самого себя, что онъ, именно онъ, способствовалъ мошеннику ускользнуть отъ карающаго правосудія, убѣдивъ совѣтъ дать Нортвику возможность выпутаться изъ бѣды. До настоящаго времени его идеалы не мѣшали его благосостоянію, полнѣйшему спокойствію его ума, точно также они не вредили его матеріальному преуспѣянію, хотя идеалы эти были значительно выше тѣхъ, которыми довольствуется обыкновенно совѣсть торговаго человека. Онъ считалъ себя обязаннымъ, какъ человекъ извѣстнаго происхожденія и общественныхъ традицій, имѣть гражданское мужество, и онъ обладалъ имъ въ высокой степени. Онъ былъ убѣжденъ, что долгъ его по отношенію къ государству обязываетъ его не дѣлать ничего, что могло бы принизить высокіе образцы лич-

ной честности и ответственности. Онъ отличался пріятнымъ сознаниемъ своихъ гражданскихъ обязанностей отъ тѣхъ людей съ покладистой нравственностью, которые придерживаются всевозможныхъ шаткихъ понятій по разнымъ вопросамъ. Имя его имѣло значеніе не только, какъ имя капиталиста,—многія имена въ этомъ отношеніи были гораздо выше его,—но оно было равносильно понятіямъ—благонадежность, честность, ненарушимая вѣрность. Онъ, дѣйствительно, любилъ эти понятія, хотя несомнѣнно любилъ ихъ менѣе за ихъ сущность, чѣмъ за то, что они были душевными свойствами Ибна Гилари. Онъ не ожидалъ, чтобы всѣ другіе обладали ими, но по своей жизненной теоріи требовалъ, чтобы они считались главными добродѣтелями. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаниемъ ихъ высокаго значенія и не придавалъ особаго значенія другимъ менѣе важнымъ качествамъ своей души, дѣлавшимъ его не только сноснымъ, но даже милымъ человекомъ. Онъ не зналъ за собою никакихъ слабыхъ струнъ, и всякая погрѣшность въ поведеніи гораздо больше изумляла его, чѣмъ огорчала. Не легко было ему сознаться въ ней; но какъ только онъ замѣчалъ ее, тотчасъ же не только хотѣлъ, но страстно стремился исправить ее.

Промажъ, сдѣланный имъ въ дѣлѣ Нортвика,—если только это былъ промахъ,—представлялъ особаго, своеобразнаго затрудненія, какъ это вообще бываетъ съ ошибками въ жизни. Ошибки и промахи принимаютъ безконечно сложныя формы и маскируются, какъ и все остальное. Въ иные мгновенія Гилари очень ясно видѣлъ свою ошибку; тогда ему казалось, что если Нортвикъ улизнетъ, ему ничего другого не остается, какъ вторично уплатить изъ своего кармана деньги, украденныя Нортвикомъ, и тѣмъ удовлетворить требованія правосудія со стороны его обманутой товарищей. А затѣмъ снова поступокъ его представлялся ему дѣломъ разумной пощады, какимъ онъ казался ему въ ту минуту, когда онъ убѣждалъ совѣтъ дать этому человеку возможность возстановить свое честное имя, какъ единственное, что они могли сдѣлать съ полною увѣренностью въ благопріятномъ исходѣ при данныхъ обстоятельствахъ, согласно здравому смыслу и требованіямъ ихъ интересовъ. Но теперь для него стало ясно, какъ Божій день, что такой человекъ, какъ Нортвикъ, ничего не сдѣлаетъ, а просто улизнетъ, получивъ къ тому благопріятную возможность; и ему показалось, что онъ явился его сообщникомъ, когда употребилъ силу своей личной честности въ защиту Нортвика передъ своими товарищами. Онъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи,—въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія,—и ему нельзя было выйти изъ него безъ мучительнаго отношенія своей гордости, своего самоуваженія.

Послѣ долгаго раздумья онъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что было еще рано для его молодежи вернуться домой. Ему нетерпѣливо хотѣлось повидаться съ сыномъ, обсудить положеніе дѣла съ его точки зрѣнія и узнать, въ какомъ видѣ оно представляется со стороны. Онъ

уже говорилъ ему объ учетахъ Нортвика и о томъ, какъ порѣшилъ совѣтъ поступить съ виновнымъ; но то было въ пылу дѣйствія, онъ говорилъ въ торопяхъ съ Маттомъ, который пришелъ домой въ ту самую минуту, какъ онъ уходилъ на званый обѣдъ. Онъ еще не успѣлъ тогда одуматься.

Гилари былъ въ томъ возрастѣ, когда человѣку пріятно излагать свои тревоги передъ сыномъ; и во взглядѣ, который его сынъ выражалъ по поводу его тревогъ, Гилари, казалось, находилъ новую, тоже собственную точку зрѣнія, но болѣе новую и свѣжую. Вѣдь сынъ былъ не только моложе, но и сильнѣе его; у него былъ совсѣмъ другой темпераментъ, при томъ же участіи и часто при тѣхъ же принципахъ. Онъ не оправдалъ ожиданій Гилари въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но въ нихъ же удовлетворилъ его родительской гордости. Отецъ рассчитывалъ, что сынъ займется торговыми предпріятіями, и Маттъ охотно отдался занятіямъ на Донкуасэтскихъ заводахъ, гдѣ долженъ былъ сдѣлаться управляющимъ по естественному теченію вещей. Но въ одинъ прекрасный день онъ вернулся домой и объявилъ отцу, что у него зародились сомнѣнія насчетъ существующихъ отношеній труда и капитала, и пока онъ не уяснитъ себѣ своихъ взглядовъ по этому вопросу, онъ считаетъ за лучшее отказаться отъ участія въ дѣлахъ компаніи. Это было чувствительнымъ разочарованіемъ для Гилари; онъ не скрылъ своихъ мыслей отъ сына, но не сталъ съ нимъ ссориться. Онъ отнесся съ мужественной терпимостью къ страннымъ поведеніямъ Матта не только потому, что слѣпо обожалъ своихъ дѣтей и считалъ всѣ ихъ дѣйствія хорошими, если даже дѣйствія эти вели къ заблужденіямъ, но потому, что умѣлъ уважать принципы ближняго, если то были дѣйствительно принципы. У него были свои принципы и, если Матту было угодно имѣть свои, пусть себѣ ихъ имѣетъ. Онъ вполне поддерживалъ намѣреніе Матта съѣздить за границу и пожелалъ дать ему гораздо больше денегъ, чѣмъ юноша хотѣлъ взять, чтобы произвести изслѣдованія, составлявшія предметъ его путешествій. Когда онъ вернулся и издалъ монографію о работѣ и заработной платѣ въ въ Европѣ, Гилари уплатилъ расходы и принималъ вполне безкорыстное участіе въ медленной и скудной продажѣ этой небольшой книги, словно она ничего ему не стоила.

Притомъ же въ свое время Ибнъ Гилари былъ большимъ мечтателемъ; онъ пошелъ наперекоръ самымъ достопочтеннымъ традиціямъ торговаго міра въ Бостонѣ, явившись ярымъ аболюціонистомъ. Его личные стремленія къ кореннымъ общественнымъ реформамъ формулировались просто: всѣ мы въ отдѣльности годимся только для известной степени передоваго движенія мысли; весьма немногіе способны къ безконечному прогрессу. И Гилари не примкнулъ къ движенію, увлекшему его сына. Но онъ понималъ, какъ его сынъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и любилъ его такъ сильно, что почти благоговѣлъ передъ

нимъ именно за то, что называлъ его «турусами» насчетъ промышленнаго рабства. У него повеселѣло на сердцѣ, когда онъ услышалъ, наконецъ, скрипъ дверной щеколды внизу. Тяжелой поступью торопился онъ спуститься по лѣстницѣ, отворить и впустить молодежь. Онъ подошелъ къ двери въ ту минуту, какъ они отворили ее. Подъ вліаніемъ мимолетнаго радостнаго чувства, охватившаго его душу при видѣ дѣтей, онъ весело привѣтствовалъ ихъ и обнялъ дочь, всю закутанную въ пушистые мѣха и нѣжный шелкъ.

— Охъ, не цѣлуй моего носа,—вскричала она,—онъ заморозитъ тебя до смерти, папа! Что это ты до сихъ поръ на ногахъ? Что-нибудь случилось съ мамой?

— Нѣтъ. Она уже была въ постели, когда я пришелъ домой. А мнѣ захотѣлось посидѣть и узнать, весело ли ты провела время?

— Да развѣ ты когда-нибудь видѣлъ, чтобы я скучала? Я веселилась сегодня, какъ никогда. Танцевала до упаду и мнѣ было такъ весело, такъ весело, словно я снова обратилась въ «розовый бутонъ». Но развѣ ты не знаешь, что для старичковъ очень дурно такъ поздно засиживаться?

Они поднялись на лѣстницу, и когда очутились возлѣ бібліотеки, она вошла туда и сунула свои руки въ длинныхъ перчаткахъ въ каминъ, держа ихъ высоко надъ огнемъ, и взглянула на часы.

— О, еще не такъ поздно! Только пять.

— Нѣтъ, рано,—сказалъ ей отецъ въ шутливо самонадѣянномъ тонѣ, который только отцы могутъ принимать со своими взрослыми дочерьми.—Еще цѣлый часъ, прежде чѣмъ Матту пришлось бы встать, чтобы выпнать скотъ въ поле, живи онъ въ Вардлэ.

Гилари подарилъ Матту старое фамиліальное мѣсто въ Вардлэ и всегда шутилъ насчетъ того, какъ онъ будетъ честно зарабатывать свой насущный хлѣбъ, обрабатывая землю.

— Не говори объ этомъ сельскохозяйственномъ ангелѣ!—сказала молодая дѣвушка, отбрасывая свое пышное платье одною рукою и придерживая его локтемъ, чтобы удобнѣе грѣть другую руку у огня. Для большаго удобства она опустила на колѣни передъ каминомъ.

— Былъ ли онъ пайнкой?—спросилъ отецъ.

— Пайнкой! Спроси у всѣхъ наивныхъ дѣвочекъ, съ которыми онъ танцевалъ, у всѣхъ глупыхъ дѣвченочекъ, съ которыми онъ говорилъ! Стоитъ мнѣ только подумать, какъ бы славно я провела время съ нимъ въ качествѣ наивной дѣвочки, не будь я его сестрой,—я теряю всякое терпѣніе.

Она вскинула глаза на своего отца; все ея прелестное личико, съ неправильными чертами, дышало страннымъ очарованіемъ. Затѣмъ съ граціей, которая управляла каждымъ ея движеніемъ, каждымъ ея жестомъ, она такъ легко вскочила на ноги, словно цвѣтокъ, пригнутый вѣтромъ и снова вернувшійся къ своему отвѣсному положенію. Отецъ

любовался ею съ такимъ нѣжнымъ восхищеніемъ, какое могъ бы чувствовать влюбленный.

Въ дѣйствительности, она была юнымъ, женственнымъ образомъ его самого, съ тѣмъ же обыкновеннымъ лицомъ, но прелестное изящество сполна было ея собственное. Цвѣтъ ея лица не былъ, какъ у отца ея, краснымъ и рѣзкимъ, но гладкимъ и ровнымъ, бѣлымъ отъ щекъ до горла. Ея широкій плащъ упалъ на кресло позади нея, и она предстала—высокая и гибкая, со своимъ капризнымъ личикомъ, склонившимся на шейкѣ чудной красоты.

— Да если бы мы всѣ были рогатымъ скотомъ,—сказала она,—онъ не могъ бы обращаться съ нами лучше.

— Слышишь, Маттъ,—обратился Гилари къ сыну, который вошелъ въ комнату, сложивъ свое верхнее платье внизу «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой». Его любовь къ аккуратности и къ порядку составляли предметъ подтруниванія надъ нимъ въ семействѣ.

— Она жалуется на меня, что я заставилъ ее идти пѣшкомъ домой?—спросилъ онъ, въ свою очередь, съ невозмутимостью, которая была другимъ предметомъ подтруниванія.—Не думалъ, что ты выдашь меня, Луиза.

— Я не выдавала тебя. Я знала, что ты самъ себя выдашь,—возразила Луиза.

— Заставилъ тебя идти пѣшкомъ домой?—сказалъ отецъ.—Вотъ отчего у тебя такія холодныя руки.

— Онѣ уже успѣли согрѣться... теперъ. Да если бы моимъ рукамъ было вдвое холоднѣе, я не обратила бы вниманія на нихъ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

— Какое дѣло?

— А преступное пренебреженіе къ ногамъ, даннымъ мнѣ Богомъ?! Но вѣдь тутъ всего нѣсколько шаговъ, и я была въ теплыхъ калошахъ.

Она слегка подвинулась къ огню и указала на калоши, лежавшія на полу. Она ихъ сбросила изъ-подъ юбокъ.

— Уфъ! Но какъ было холодно!

Она протянула къ огню атласную туфельку.

— Да, ночь была прохладная. Но ты, повидимому, пришла домой молодцомъ и никакой бѣды тебѣ отъ этого не будетъ, если сейчасъ же ляжешь въ постель,—сказалъ ея отецъ.

— Это намекъ, чтобы я ушла?—спросила она, наслаждаясь теплотою, проникавшей сквозь носокъ ея туфельки.

— Нисколько. Намъ было бы пріятно, если бы ты просидѣла здѣсь всю ночь съ нами.

— А! Ну, теперъ я знаю, на что ты намекаешь. Дѣловая бесѣда?

— Дѣловая бесѣда, да.

— Ну, а я какъ разъ въ ударѣ послушать дѣльныхъ рѣчей. Мнѣ надоѣла «пріятная» болтовня.

— Почему бы Луизѣ не остаться и не поговорить съ нами о дѣлахъ, коли ей охота? По моему, очень худо, что женщинѣ отстраняють отъ дѣла, словно оно ихъ не касается, — сказалъ сынъ. — Въ девяти случаяхъ изъ десяти оно касается ихъ гораздо больше, чѣмъ мужчинѣ.

Онъ произнесъ эту сентенцію съ свѣтлой, дружественной улыбкой мыслителя и стоялъ въ ожиданіи ухода сестры съ терпѣніемъ, котораго не раздѣлялъ его отецъ. Въ тонкихъ башмакахъ онъ былъ ростомъ шести футовъ слишкомъ, и его мощная фигура рѣзко выдѣлялась изъ бальнаго фрака, который, казалось, мало ей соответствовалъ. Все его лицо было красиво и правильно; большая пышная борода не скрывала необыкновенно свѣжаго, прекраснаго рта.

— Я раздѣляю твое мнѣніе въ отвлеченномъ смыслѣ, — отвѣчалъ отецъ. — Если бы это дѣло было моимъ или дѣломъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова...

— Ну, такъ зачѣмъ же ты сказалъ, что это относится къ «дѣлу»?

Молодая дѣвушка обняла руками шею отца и уронила головкой шарфъ, на коверъ возлѣ своего плаща и калошъ.

— Не скажи ты, что у васъ будетъ дѣловая бесѣда, я бы уже давно была въ постели.

Затѣмъ, словно чувствуя, что отецъ нетерпѣливо ждетъ ея ухода, она прибавила: «Спокойной ночи», поцѣловала его, крѣпко прижавшись къ нему, сказала: «Спокойной ночи, Маттъ» и вышла. Длинная перчатка, выскользнувшая откуда-то изъ ея платья, растянулась позади нея на полу, словно пытаясь слѣдовать за нею.

VIII

Гилари, обернувшись къ сыну, почувствовалъ легкій уколъ въ щеку булавою, которая перемѣстилась изъ ея боа въ воротникъ его куртки, а Маттъ тѣмъ временемъ подбиралъ съ полу плащъ, калоши, шарфъ и перчатку. Онъ бережно положилъ плащъ на софу, обитую кожей, размѣстивъ тамъ же шарфъ и перчатку, поставилъ калоши въ надлежащемъ порядкѣ на полъ, а затѣмъ вернулся какъ-разъ кстати, чтобы избавить отца отъ булавы, которая его колола и которую онъ старался увидеть, ворочая глазами.

— Что это за дьявольская штука? — вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Булавка Луизы, — отвѣчалъ Маттъ такъ невозмутимо-спокойно, словно тутъ было ея настоящее мѣсто, а назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы колоть щеку отца. Онъ пошелъ вколоть булавку въ шарфъ, а затѣмъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, тутъ дѣло идетъ о Нортвикѣ.

— Да, — отвѣчалъ Гилари, все еще сердясь на уколвшую его булавку, — я сильно опасаясь, какъ бы не удралъ этотъ жалкій мошенникъ.

— Ты ожидалъ, что у него будетъ возможность сдѣлать это? — спокойно спросилъ Маттъ.

— Ожидалъ ли!—выпалилъ отецъ.—Не знаю, чего я ожидалъ. Я могъ ожидать отъ него всего, кромѣ обыкновенной честности. На собраніи я держался того мнѣнія, что наша единственная надежда — дать ему возможность оправдаться. Онъ изворотливъ, какъ угорь, и могъ вернуть убытки. Я ему не вѣрилъ, но думалъ, что, при желаніи онъ въ состояніи выплатить по частямъ убытки, а судомъ съ него ничего не возьмешь. Какъ говорится, съ голаго взятки гладки.

— Совершенно резонно, — согласился сынъ, со своей спокойною улыбкой.

— Я не пощадилъ его, но убѣдилъ другихъ пощадить его. Я сказалъ ему въ глаза, что онъ воръ.

— О!—произнесъ Маттъ.

— Да развѣ это не правда?—сердито возразилъ отецъ.

— Да, да. Я думаю, его можно назвать этимъ именемъ.

Маттъ выразилъ свое согласіе съ видомъ человѣка, имѣющаго свои оговорки, что еще болѣе усилило раздраженіе отца.

— Очень хорошо, сударь!—загремѣлъ онъ.—Ну такъ я называлъ его этимъ именемъ. И полагаю, ему будетъ полезно узнать это.

Гилари не сталъ повторять всѣхъ рѣзкостей, высказанныхъ имъ Нортвику, хотя намѣревался сдѣлать это, очень гордясь ими; но что въ голосѣ его сына остановило его въ эту минуту.

— Всѣ товарищи согласились со мной и мы дали ему льготу, о которой онъ просилъ у насъ.

— Вамъ ничего другого не оставалось сдѣлать. Это вѣрно.

— Разумѣется, вѣрно! Это былъ единственно дѣльный исходъ въ данномъ случаѣ, хотя все представится въ иномъ свѣтѣ, когда обнаружится, что онъ удралъ въ Канаду. Я сказалъ ему, что для него лучше всего было бы наткнуться на встрѣчный поѣздъ по дорогѣ домой; что не будь его семейства, не будь его дочери, которая такъ дружна съ Луизой, мнѣ было бы пріятно увидѣть, какъ его повели бы, въ кандалахъ, по улицѣ два констебля.

Маттъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія, быть можетъ, онъ не считалъ цѣлесообразнымъ критиковать отца, быть можетъ, вниманіе его было болѣе занято вопросомъ, о которомъ упомянулъ его отецъ.

— Тяжело это будетъ для этого прелестнаго созданія.

— Тяжело будетъ для массы созданій прелестныхъ и непрелестныхъ,—возразилъ отецъ.—Никого изъ насъ это не разорить, но многихъ изъ насъ встряхнетъ отвратительнѣйшимъ образомъ. На время, быть можетъ, одинъ—два человѣка очутятся въ критическомъ положеніи.

— Ахъ, это совсѣмъ не то. Это—страданіе; это не позоръ. Это не имѣетъ ничего общаго съ горемъ, въ которое повергаетъ васъ грѣхъ нашего отца.

— Ну, конечно, это совсѣмъ иное! — сказалъ Гилари, нетерпѣливо

уступая сыну.—Но мисль Нортвикъ всегда казалась мнѣ молодой особой довольно непреклоннаго сорта; никогда не могъ я понять, за что наша Луиза ее полюбила.

— Онѣ вмѣстѣ учились,—пояснилъ сынъ,—она довольно рѣзкая особа, мнѣ кажется, или можетъ быть рѣзка. Но именно по этой причинѣ, мнѣ иногда казалось, что о ней легко составить несправедливое мнѣніе. Я думаю, въ ней то обаяніе, которое гордая дѣвушка представляетъ для такой дѣвушки, какъ Луиза.

Гилари спросилъ съ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ уклоненіемъ въ сторону:

— А какъ ея дѣла съ Джэкомъ Уилмингтономъ?

— Не знаю. Кажется, всѣ такія дѣла, въ которыхъ нѣтъ ничего рѣшеннаго, имѣютъ въ себѣ нѣчто таинственное. Мы ожидаемъ, что люди должны жениться и дѣлу конецъ, хотя, быть можетъ, въ дѣйствительности, дѣло не такъ просто.

— Съ нимъ, кажется, случился какой-то скандалъ?

— Да, но я этому никогда не вѣрилъ.

— На меня онъ всегда производилъ впечатлѣніе какого-то неотесаннаго чурбана, но какъ бы то ни было, онъ, кажется, не такой негодяй, чтобы оставить дѣвушку, потому что...

— Потому что отецъ ея мошенникъ?—подсказалъ Маттъ.—Нѣтъ, совсѣмъ не думаю, чтобы онъ былъ такимъ. Но есть всегда множество другихъ обстоятельствъ, которыя приходится принимать въ расчетъ, помимо своихъ чувствъ и даже принциповъ. Я не могу рѣшить, какъ бы поступилъ Уилмингтонъ. Какъ предполагаешь ты дѣйствовать въ ближайшемъ будущемъ относительно Нортвика?

— Я обѣщалъ ему, что его не станутъ «травить», пока онъ будетъ стараться оправдать себя. Если же мы откроемъ, что онъ удралъ, мы должны передать это дѣло въ руки сыскной полиціи. Такъ мнѣ кажется.

Отвращеніе выразилось на лицѣ Гилари, бывшемъ вѣрнымъ зеркаломъ воѣхъ его душевныхъ эмцій.

— Аппаратъ правосудія не отличается особенной привлекательностью,—промолвилъ сынъ съ сочувственной улыбкой,—даже въ томъ случаѣ, когда человекъ не совершалъ преступленія. Но я не знаю ничего возмутительнѣе коммерческаго или, какъ мы его называемъ, дѣлового аппарата. Нѣкоторая доля грязи, повидимому, остается на хлѣбѣ каждаго въ то время, какъ онъ его зарабатываетъ, или на его дѣлахъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ наживалъ ихъ большими купами, какъ это практикуется въ нашемъ сословіи.

Эти послѣднія слова дали отцу возможность вымѣстить на сынѣ недовольство самимъ собою.

— Я бы попросилъ тебя, Маттъ, не говорить со мною этимъ высокопарнымъ языкомъ бродячаго делегата. Я оставляю тебя въ покоѣ съ

твоими бреднями и, мнѣ кажется, ты можешь легко сообразить, что я тоже не хочу, чтобы меня задѣвали.

— Извини, пожалуйста,—сказалъ молодой человѣкъ,—я не хотѣлъ сдѣлать тебѣ неприятное.

— Ну такъ и не дѣлай!

Спустя минуту Гилари прибавилъ, возвращаясь къ сознанию собственной неправоты:

— Вся эта исторія въ высшей степени мнѣ противна; но я не вижу, какъ могъ бы я поступить иначе. Знаю, я самъ навлекъ на себя отвѣтственность въ извѣстномъ смыслѣ, давъ Нортвику возможность выпутаться изъ бѣды. Но, право, ничего другого не оставалось. Если онъ обманетъ оказанное ему довѣріе, отъ этого самый фактъ ничуть не измѣнится; но я не могу скрыть отъ самого себя, что отчасти ожидалъ съ его стороны возможности обмана.

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ сынъ,—это естественно заставляетъ тебя предполагать, что онъ убѣжитъ.

— Да.

— Но твое предположеніе не устанавливаетъ еще самаго факта.

— Нѣтъ. Но вопросъ въ томъ, не обязываетъ ли это меня дѣйствовать такъ, какъ если бы существовалъ уже самый фактъ; не долженъ ли я, разъ у меня явилось это подозрѣніе, принять теперь же въкоторыя мѣры, чтобы узнать, ухалъ-ли Нортвикъ дѣйствительно, или нѣтъ, вмѣстѣ съ сыскной полиціей энергично слѣдить за нимъ, хотя и обѣщалъ ему, что ни малѣйшая тѣнь не коснется его, пока не пройдутъ льготные три дня.

— Это щекотливый вопросъ,—сказалъ Маттъ,—или, вѣрнѣе это скверный вопросъ. Однако, ты принимаешь свои страхи за совершившійся фактъ и всѣ вы должны были имѣть свои опасенія еще ранѣе. Я не думаю, чтобы даже виновная совѣсть обязывала кого бы то ни было къ занятію сыщика.

Маттъ снова засмѣялся съ тою нѣжной любовью, которую онъ питалъ къ отцу.

— Хотя я не вижу никакого, особеннаго позора въ положеніи полицейскаго сыщика, разъ онъ полицейскій сыщикъ. Полицейскіе сыщики составляютъ необходимую часть административнаго правосудія, какъ мы его понимаемъ и какимъ оно у насъ является на дѣла. Я не вижу, почему сыщикъ, арестующій, на примѣръ, убійцу, не представляетъ такого же достопочтеннаго чиновника, какъ судья, произносящій приговоръ надъ убійцей, или палачъ, накидывающій веревку ему на шею. Различіе, дѣлаемое нами между ними, одна изъ тѣхъ скрытыхъ уловокъ, которыя примѣняются нами повсюду въ нашей системѣ общественнаго устройства. Я говорю это не изъ желанія обратить тебя въ полицейскаго сыщика. Все это до такой степени грустно и возмутительно, что я желалъ бы, чтобы ты совсѣмъ не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ.

Мнѣ кажется, ты думаешь, тебѣ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, увѣдомить совѣтъ о твоихъ опасеніяхъ?

— Да,—сказалъ Гилари, печально свѣсивъ свой двойной подбородокъ на грудь,—сперва мнѣ казалось, что я долженъ сдѣлать это; но я далъ ему слово! И мнѣ хотѣлось переговорить съ тобою.

— Ты хорошо сдѣлалъ, оставивъ ихъ спать спокойно. Въ сущности, тутъ рѣшительно ничего нельзя сдѣлать.

Матъ всталъ съ низкой кушетки, на которой растянулся, и широко разставилъ свои сильные руки.

— Если этотъ человѣкъ бѣжалъ, то въ настоящую минуту за нимъ не угнаться; а если онъ не бѣжалъ, то нѣтъ основанія бить тревогу.

— Значитъ, ты бы ничего не сталъ дѣлать теперь?

— Разумѣется, нѣтъ. Что же ты можешь сдѣлать?

— Я тоже думаю, не лучше ли подождать до утра.

— Спокойной ночи,—сказалъ сынъ, намекая этими словами, что пора отдохнуть,—кажется, этотъ вопросъ исчерпанъ?

— Да, что же можно еще сказать? Иди лучше спать.

— Надѣюсь, папа, и ты пойдешь спать.

— О, я лягу... только ради порядка.

Сынъ засмѣялся.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты также заснулъ порядка ради. Я буду спать.

— Я не могу заснуть,—съ горечью отозвался отецъ.—Когда происходятъ подобныя безобразія, кому-нибудь необходимо лежать безъ сна и думать, какъ съ ними быть.

— Навѣрное, Нортвикъ такъ и дѣлаетъ.

— Сомнѣваюсь,—сказалъ Гилари,—я подозреваю, что Нортвикъ наслаждается теперь подкрѣпляющимъ сномъ, въ курьерскомъ поѣздѣ, который увозитъ его въ Монреаль, гдѣ-нибудь близъ Сентъ-Альбанса, въ эту минуту.

— Сомнѣваюсь, чтобы грѣзы его были веселыми. Во всякомъ случаѣ онъ только выбралъ болѣе обширную тюрьму, если отправился въ изгнаніе. Быть можетъ, онъ и въ Монреальскомъ курьерскомъ поѣздѣ, только я увѣренъ,—не спать онъ.

— Ты правъ,—согласился отецъ.—Бѣдняга! Гораздо лучше было бы для него умереть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И С П О В Ъ Д Ъ.

Изъ Ады Негри.

Назойливый врачъ, мой владыка случайный,
Кровавый посмертный женихъ,
Жестокую сталью вскрывающій тайны
Поруганныхъ членовъ моихъ!
Ты знаешь ли кто я? Печальную повѣсть
Открыть не хочу я ножу.
Чтобъ ропотомъ скорби смутить твою совѣсть,
Ее я сама разскажу.
Семьи я не знала, росла безъ защиты
Мнѣ улица домою была,
Мнѣ были постелью холодныя плиты,
Покровомъ ненастная мгла.
Безсонныя ночи узнала я рано
И долгіе дни безъ ѣды,
Напрасныя просьбы и узы обмана,
И тяжелое иго нужды.
Я знала томленье страдальческой доли
И горе убогой стези
И вѣкъ свой влачила въ постыдной неволѣ,
Въ зловонной и ѣдкой грязи.
Послѣдній пріютъ мнѣ открыла больница,
И отдыхомъ былъ мнѣ недугъ,
Но смерть опустилась, какъ черная птица,
И очи закрыла мнѣ вдругъ.
И такъ умерла я не лучше собаки,
Не зная друзей до конца,
Привѣтнаго слова не слыша во мракѣ,
Не видя родного лица.
Какъ ярко чернѣли, въ красѣ шаловливой
Вились мои вудри волной!
Но смерть расплела ихъ рукою ревнивой,
Имъ ласки не видѣть земной.

Какъ пышно, какъ нѣжно цвѣло мое тѣло,
Но нынѣ въ холодную теань
Безжалостный ножъ твой вонзается смѣло,
Взямая кровавую дань.
Вонзай же поглубже! Мой трупъ беззащитный
Пытливо на части изрѣжь!
Насыть моимъ чревомъ свой взоръ любопытный,
И алчное сердце натѣши!
Нѣмую утробу терзай, торжествуя,
Раскрой ея нѣдра на свѣтъ!
Ищи тамъ пытливо печать роковую,
Жестоваго голода слѣдъ.
И грудь разсѣки мнѣ ножомъ беспощаднымъ,
И сердце на свѣтъ извлеки!
Ищи въ его складкахъ съ вниманіемъ жаднымъ
Зловѣщую тайну тоски.
На грязномъ столѣ я лежу предъ тобою,
Пріемля послѣдній позоръ.
Но знай: я страдаю. Неясной мольбою
Мерцаетъ недвижный мой взоръ.
Изъ устъ моихъ блѣдныхъ, какъ призрачный шопоть
Загробныхъ невѣдомыхъ словъ,
Стремится сорваться настойчивый ропоть,
Проклятій прерывистыхъ зовъ.

Тань.

Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка.

(критическій очеркъ).

«Я долго не могъ заснуть. Мнѣ мерещилось все видѣнное и слышанное за день, эти толпы бурлаковъ, пьяный Савоська, мастеровые, «камешки», ужинъ въ караванной конторѣ и, наконецъ, большие бурлаки, и этотъ импровизованный пиръ «веселой скотинкой». Цѣлая масса несообразностей мучительно шевелилась въ головѣ, вызывая ряды типичныхъ лицъ, сценъ и мыслей. Какъ разобраться въ такомъ хаосѣ впечатлѣній, какъ согласовать отдѣльные житейскіе штрихи, чтобы получить въ результатѣ необходимое цѣлостное представленіе? Каждый разъ, когда хотѣлось сосредоточиться на одной точкѣ, мысли распозвались въ разныя стороны, какъ живые раки изъ открытой корзинки»¹⁾.

Нѣчто подобное испытываетъ, безъ сомнѣнія, каждый читатель, когда вздумаетъ отдать себѣ отчетъ въ творествѣ г-на Мамина. На первый взглядъ оно поражаетъ своей хаотичностью и безформенностью. Однѣ за другими проходятъ передъ читателемъ несмѣтные толпы личностей. Здѣсь и представители, крѣпкаго своими устоями, крестьянскаго міра и индивидуализированные заводскіе мастеровые, охваченные жадной золотомъ старатели и дикіе вымирающіе башкиры, всевозможнаго сорта дѣльцы и воротилы, крупные и мелкіе хищники и, какъ рѣдкіе гости, мечтатели, занятые рѣшеніемъ социальнаго вопроса, дипломаты и дѣльцы въ юбкѣ и жалкіе мужицкіе вырожденки; разбойники и бѣглые каторжники и невинныя дѣтскія тѣни, страдающія за грѣхи отцовъ... И кого, кого здѣсь только нѣтъ! Цѣлое необозримое море человѣческихъ головъ, съ своеобразными, характерными физиономіями. Безконечное величіе природы отгнѣваетъ человѣческое ничтожество и пошлость, ея красота и гармонія—человѣческую нескладницу и хищничество. Картины природы смѣшиваются съ картинами человѣческой жизни. Эти послѣднія мелькаютъ одна за другой во всемъ ихъ пестромъ разнообразіи. Вотъ здѣсь, на тяжелой присковой и заводской работѣ, изнываютъ сотни и тысячи рукъ, а тамъ цѣлая стая хищниковъ справ-

¹⁾ «Войцъ»—Уральскіе рассказы. Т. II, стр. 59—60.

ляетъ свой безобразный шабашъ. Вотъ тянется передъ вами безконечная цѣпь человѣческой подлости, пошлости, жестокости и звѣрства и вдругъ, Богъ знаетъ откуда, встанетъ передъ вами чудный женскій образъ, и вы созерцаете сцены высокаго женскаго героизма. Массовыя движенія, захватывающія десятки и сотни семействъ, чередуются съ личными драмами и трагедіями, съ личнымъ горемъ и радостью; молитвенное настроеніе смѣняется звѣрствомъ, дикіе вопли голодныхъ—бессмысленнымъ, сумасшедшимъ бредомъ; то слышится проголосная пѣсня, то отчаянные вопли жертвы въ когтяхъ хищника, то беспорядочный шумъ и нестройный говоръ толпы и т. д., и т. д. Кажется, и конца не будетъ этому дѣйствительному гѣсу лицъ, образовъ, сценъ и картинъ, вызванныхъ къ жизни творческой силой автора. Все это пестрое разнообразіе находится въ непрерывномъ движеніи и измѣненіи: лица и образы мелькаютъ въ вихрѣ крутящейся жизни; въ концѣ романа они уже не тѣ, какими были въ началѣ. Какой-то невидимый художникъ однимъ взмахомъ своей творческой кисти начертилъ на всемъ новые узоры, окрасилъ все въ новые цвѣта; какая-то шальная рука смѣшала и перетасовала всѣхъ и все, и какъ-то сами собой уже складываются новыя, еще болѣе причудливыя сочетанія.

Этому внѣшнему хаосу жизни соответствуетъ внутренній хаосъ человѣческихъ отношеній. Въ жизни господствуютъ не разумъ и не воля людей, а слѣпыя стихійныя силы. Изъ-за необозримыхъ рядовъ отдѣльныхъ личностей, которыя кажутся какими-то живыми точками на жизненной сценѣ, передъ глазами читателя вырисовывается невидимая сѣть взаимно перекрещивающихся и причудливо перепутанныхъ силъ, гигантская система невидимыхъ колесъ, шестерней, валовъ и приводовъ, которая связываетъ людей въ одно сложное цѣлое ¹⁾. Въ этой стихійной связи все обусловлено, «все идетъ съ страшной послѣдовательностью... и одно связано съ другимъ, какъ кольца жегѣзной пѣщи» ²⁾. «Въ жизни всѣ явленія и всѣ люди связаны между собою невидимыми для глаза нитями. Эта внутренняя глубокая связь раскрывается только при исключительныхъ случаяхъ, когда только обнажается внутренний остовъ этихъ отношеній» ³⁾. Добро и зло связаны другъ съ другомъ, какъ причина и слѣдствіе, и наоборотъ. Самыя цѣнныя завоеванія ума, таланта, генія стоятъ дорогихъ, ни въ чемъ

¹⁾ Въ большинствѣ романовъ г-на Мамина и во многихъ его рассказахъ настоящими дѣятелями являются не люди, а именно стихійныя силы—банкъ («Хлѣбъ»), золото («Золото», «Дикое счастье» и др.), наслѣдственность («Дѣтскія тѣни», «Нужно поощрить искусство», «У теплаго моря» и пр.), улица («На улицѣ»), семейные и половыя инстинкты («Поправка доктора Осокина» и др.). Эти силы нѣрѣдко даютъ развязку дѣйствія и управляютъ его ходомъ («Дикое счастье», «Золото», «Хлѣбъ» и др.).

²⁾ «Русская мысль». 1894 г. 10. «Не мама».

³⁾ «Весеннія грозы», стр. 85.

неповинныхъ жертвъ; одно зло рождаетъ другое, это, въ свою очередь, накрывается третьимъ, одно служитъ другому. «Вотъ въ этой сочной травѣ, подернутой утренней росой, съ виду такъ же тихо, какъ и въ воздухѣ, но сколько въ этотъ моментъ тамъ и здѣсь погибаетъ живыхъ существованій, погибаетъ безъ крика и стона, въ нѣмыхъ конвульсіяхъ. Одна букашка душитъ другую, червякъ точитъ червяка, весело чирикающая птичка одинаково весело ѣстъ и букашку, и червяка, дѣлаясь, въ свою очередь, добычей кошки или ястреба. Въ этомъ концертѣ пожиранія другъ друга творится тайна жизни»¹⁾. «Вся исторія человѣчества создана на подобныхъ жертвахъ, подъ каждымъ благодѣяніемъ цивилизаціи таятся тысячи и миллионы безвременно погибшихъ въ непосильной борьбѣ существованій, каждый вершокъ земли, на которомъ мы живемъ, напоенъ кровью аборигеновъ и каждый глотокъ воздуха, каждая наша радость отравлены мириадами безвѣстныхъ страданій, о которыхъ позабыла исторія, которымъ мы не приберемъ названія и которыя каждый новый день хоронитъ мать земля въ своихъ нѣдрахъ»²⁾. Но и сильный и слабый являются одинаково жертвами стихійной связи вещей, жертвами взаимныхъ отношеній.

Отдѣльный человѣкъ—ничтожная точка въ этой стихійной связи вещей, жалкій матеріалъ въ рукахъ стихійныхъ силъ, слѣпое орудіе въ стихійномъ процессѣ развитія. Прошлое имѣетъ огромную власть надъ его судьбой. Жизнь течетъ по руслу, вырытому покойниками. «Какая эта ужасная мысль, что міръ управляется именно покойниками, которые заставляютъ насъ жить опредѣленнымъ образомъ, оставляютъ намъ свои правила морали, свои стремленія, чувства, мысли и даже покрой платья. Мы безсильны стряхнуть съ себя это иго мертвыхъ!»³⁾ Его настоящее—результатъ стихійныхъ силъ, сталкивающихся, ослабляющихъ и усиливающихъ одна другую. «Есть роковыя силы, которыя заставляютъ человѣка дѣлаться тѣмъ или другимъ, и я увѣренъ, что никакой преступникъ не думаетъ о скамьѣ подсудимыхъ, а тюремщикъ, который своимъ ключемъ замыкаетъ ему весь вольный бѣлый свѣтъ, никогда не думалъ быть тюремщикомъ»⁴⁾. Съ этой точки зрѣнія «жизнь положительно страшная вещь»⁵⁾. Нельзя сдѣлать шагу, чтобы не натолкнуться на что-нибудь неизбежное и безпощадное, какъ сама судьба, что властно вторгается въ человѣческую жизнь, вопреки всякимъ расчетамъ и соображеніямъ, логикѣ и разсудку. Длинный рядъ цѣпляющихся другъ за друга фактовъ, начало котораго скрывается въ глубинахъ исторіи, обложило человѣка желѣзнымъ кольцомъ, котораго онъ даже не пытается разорвать, потому что въ большинствѣ

1) «Войцы», стр. 35.

2) Уральскіе рассказы. Т. I, «Въ худыхъ душахъ», 42—43 стр.

3) «Черты изъ Жизни Пенко», стр. 112—113.

4) Тамъ же, стр. 223—4.

5) Сибир. рассказы, «На перевалѣ», стр. 62.

случаевъ не замѣчаетъ и не видитъ его, и благодаря которому онъ зайдетъ въ такую трясицу, гдѣ нѣтъ просвѣта и изъ которой нѣтъ выхода. Какая-то безпощадная и безжалостная рука властно распорядится человѣческой судьбой и вопреки всякимъ надеждамъ и планамъ рисуетъ на ней свои собственные узоры. «Идешь туда, а глядишь пришелъ совсѣмъ въ другое мѣсто; хочешь принести человѣку пользу, получается вредъ; любишь человѣка—платяшь ненавистью; хочешь исправиться—только глубже опускаешься»¹⁾. «Мы, какъ дѣти, утѣшаемся карточными домиками, а природа насъ хлопъ, да хлопъ по носу»²⁾. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что этотъ слѣпой, стихійный характеръ развитія жизни отражается въ сознаниі людей, какъ дѣйствіе рока³⁾.

Если въ жизни господствуютъ слѣпцы, стихійныя силы, а человѣкъ—игрушка этихъ силъ, то отсюда ясенъ выводъ: жизнь мрачная трагедія въ самыхъ основахъ своихъ, трагедія, въ которой нѣтъ виноватыхъ. Зло коренится въ условіяхъ жизни, «не имѣетъ личной формы, а представляется чѣмъ-то стихійнымъ, безразличнымъ и неуловимымъ»⁴⁾. Оно не концентрируется въ какой-нибудь отдѣльной личности или классѣ общества; оно въ самомъ строѣ вещей. За него никто исключительно не въ отвѣтъ, въ немъ никто исключительно не виноватъ. Всѣ одинаково виноваты и одинаково правы. Но есть же возмездіе за существующее зло, есть карающая рука! «Каждый день,—говоритъ Маминъ,—день итога, день посѣщенія, день послѣдняго отвѣта»⁵⁾. Изъ круговой стихійной несправедливости ткется безконечная паутина человѣческой жизни. Но вотъ надъ этой паутиной пронеслось холодное дыханіе смерти. Зданіе, воздвигавшееся неимоверными усиліями въ продолженіе многихъ столѣтій, готово рухнуть. Оно подгниваетъ въ своихъ собственныхъ основаніяхъ. Являются зловѣщіе признаки разложенія. Неизбежно вступаетъ въ свои права, и ея мечъ поражаетъ безъ разбору

¹⁾ «Горное гнѣздо», стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 375.

³⁾ Эта черта особенно сильно отразилась въ произвеніяхъ Мамина. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся съ безчисленными иллюстраціями ничтожества и бессилія человѣка передъ стихійными силами. Та же черта отразилась и на слогѣ Мамина. Эпитетъ «роковой» наиболѣе употребительный у этого писателя. Роковая быстрота, роковая развязка, роковая черта, роковой діагнозъ, роковой день, роковое дѣло, роковыя секунды, роковая фраза, роковое рѣшеніе, роковое слово, роковой приговоръ, роковой женскій вопросъ, роковая записка, роковыя событія, роковая сила, роковая семья, роковой предѣлъ, роковая дверь, роковой мѣшокъ и др.—кажется, нѣтъ такого существительнаго, котораго Маминъ не наградитъ эпитетомъ «роковой». Въ данномъ случаѣ языкъ только изображаетъ характеръ слг. У Мамина есть даже стипичные роковые люди». Таковъ, напр., Васька въ ррѣзѣ «Крестникъ» (Сибирскіе рассказы), Галактионъ Колобовъ въ романѣ «Хлѣбъ», Иванковъ въ «Приваловскихъ милліонахъ» и др.

⁴⁾ «Дѣтскія тѣни».

⁵⁾ Тамъ же.

перваго встрѣчнаго, часто совсѣмъ непричастнаго къ данному проявленію зла; вѣдь всѣ люди служатъ только жалкимъ матеріаломъ въ рукахъ слѣпыхъ стихійныхъ силъ, строящихъ человѣческое общество. Въ этихъ кризисахъ личной и общественной жизни выражается стихійное требованіе личной и общественной правды. Передъ лицомъ смерти нѣтъ ни лжи, ни обмана, и изъ-за груды развалинъ стараго зданія глядитъ простая, ясная, какъ день, правда¹⁾.

Капитализмъ съ его сложными жизненными отношеніями, съ его обостренной, объшенной борьбой за существованіе, съ его разрушительной тенденціей, могъ дать богатый матеріалъ для такого міровоззрѣнія²⁾. И мы, дѣйствительно, видимъ, что лучшіе романы Мамина посвящены исторіи капитала на Уралѣ и въ Зауральѣ. Эта исторія написана въ лицахъ и сценахъ, широкимъ размахомъ кисти и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Въ цѣломъ рядѣ блестящихъ картинъ, въ типичныхъ лицахъ и сценахъ, авторъ шагъ за шагомъ, страница за страницей развертываетъ передъ читателемъ исторію капитала въ той или другой отрасли промышленности, охватывающей иногда громадные округа и области. Онъ слѣдитъ за его вліяніемъ на докапиталистическія формы жизни, обрисовываетъ стянутые имъ общественные слои, ихъ взаимную группировку и общественные результаты, отсюда вытекающіе. Авторъ не ограничивается одной только экономической эволюціей общества. Онъ слѣдитъ за проникновеніемъ капитализма во всѣ сферы человѣческой жизни, въ семью, въ область правовыхъ отношеній, въ нравы и понятія, въ науку и литературу. Его герои—не ярлыки тѣхъ или иныхъ экономическихъ категорій, а живые люди съ разнообразной и сложной психической структурой. Захваченные стихійнымъ процессомъ,—одни изъ нихъ легко и быстро приспособляются, другіе переживаютъ внутренній мучительный процессъ разложенія прежняго духовнаго чловѣка и формированія новаго, немногіе остаются въ сторонѣ отъ охватившаго всѣхъ движенія холодными наблюдателями формирующагося на ихъ глазахъ новаго общества, въ которомъ они не могутъ найти себѣ мѣста, рѣдко кто изъ нихъ вступаетъ въ непосильную борьбу съ новымъ росткомъ жизни. Эти превращенія происходятъ на глазахъ читателя, листъ за листомъ рас-

¹⁾ Жизненные катастрофы занимаютъ, повидимому, важное мѣсто въ міровоззрѣніи Мамина. Это необходимая принадлежность почти каждаго его большого романа и многихъ повѣстей и рассказовъ. «Три конца», «Золото», «Дикое счастье», «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны», «На улицѣ», «Дѣтскія тѣни» и мн. др. кончаются личными или грандіозными общественными катастрофами. Иногда эти катастрофы носятъ у Мамина какой-то особенный, пророчески—символическій характеръ, на что указываетъ и Скабичевскій въ своей статьѣ о Маминѣ («Новое Слово», 1896 г., Окт.-Ноябрь).

²⁾ Вудущій биографъ этого замѣчательнаго писателя, можетъ быть, покажетъ что его міровоззрѣніе и сложилось подъ наблюденіемъ процесса капиталистическаго развитія.

кривается книга новой жизни. Съ искусствомъ настоящаго мастера своего дѣла, авторъ освѣтитъ ее то съ одной, то съ другой стороны, выдвинетъ на первый планъ то ту, то другую часть одного сложнаго, живого цѣлаго, которое вырисовывается все яснѣе и яснѣе, принимаетъ опредѣленные очертанія и выливается въ нѣчто стройное, строго законченное. Впечатлѣніе беспорядочнаго, безформеннаго хаоса исчезаетъ, и передъ глазами читателя встаетъ широко задуманная и исполненная картина, въ которой пестрыя группы явленій складываются въ стройную систему и каждое явленіе находитъ свое опредѣленное мѣсто¹⁾.

Свою лѣтопись Маминъ ведетъ со времени освободительной реформы. Зауралье, какъ и вся Сибирь, не знало крѣпостнаго права, за очень немногими, ничтожными по своему значенію, исключеніями. Но Уралъ былъ знакомъ съ этимъ явленіемъ и притомъ въ одной изъ самыхъ тяжелыхъ его формъ, въ видѣ приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ, этихъ когда-то вольныхъ насельниковъ, колонизаторовъ дѣвственнаго края, бѣжавшихъ на Камень, т.-е. на Уралъ, еще со времени и отъ тяжелыхъ порядковъ московскаго государства, а въ послѣдствіи и отъ религіозныхъ преслѣдованій. Когда въ прошломъ столѣтіи горные заводы стали расти на Уралѣ не по днямъ, а по часамъ, а рабочихъ рукъ не было, правительство стало приписывать къ нимъ окрестныя деревни съ крестьянами и бесплатно отводило заводоладельцамъ громадныя, нетронутыя территоріи, которыя они, съ своей стороны, увеличивали, покупая у башкиръ необъятныя пространства за баснословно ничтожныя цѣны. Горнозаводчики не довольствовались этимъ и принимали къ себѣ на заводы раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ жестокихъ преслѣдованій, просто бѣглыхъ каторжниковъ и разныхъ сбродъ и даже покупали крѣпостныхъ въ Европейской Россіи цѣлыми партіями и отправляли на заводы. Такъ создавался пестрый контингентъ крѣпостныхъ, обязанныхъ работать на заводахъ. Тяжелое прошлое создавало условия для экспроприаціи цѣлой массы населенія, которыя и вскрылись съ освободительной реформой. Съ этой послѣдней, въ свою очередь, были связаны важныя перемѣны въ строѣ заводскаго хозяйства, въ семьѣ, въ экономическомъ бытѣ заводскаго населенія. Этотъ именно моментъ и схваченъ въ романѣ «Три конца», этой «лѣтописи» Урала, какъ мѣтко охарактеризовалъ его самъ авторъ.

¹⁾ Въ своемъ романѣ «Черты изъ жизни Цепко», который носитъ несомнѣнно автобіографическій характеръ, Маминъ рассказываетъ, что еще будучи студентомъ онъ задумалъ серію романовъ на манеръ Золя. По примѣру ли этого послѣдняго или по какимъ другимъ мотивамъ, Маминъ въ цѣломъ рядѣ романовъ—«Горное гнѣздо», «На улицѣ», «Три конца», «Золото», «Дикое счастье», «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны»—даетъ дѣйствительно нѣчто цѣльное и связанное, проникнутое одной идеей, причемъ на «Приваловскіе милліоны» можно смотрѣть, какъ на заключительный романъ всей серіи. Кромѣ этой, у Мамина есть другая серія мелкихъ рассказовъ («Дѣтскія тѣни», «Врачъ», «Не мама»), проникнутая также одной идеей и имѣющая высокій художественный и общественный интересъ.

«Три конца» это—три заводскихъ поселка, раскидавшіе свои домишки по берегамъ трехъ горныхъ рѣчекъ—Урьи, Сойги и Култыма и заводскаго пруда, въ которомъ эти рѣчки сходились и дальше шли подъ именемъ одной рѣки, Березайки. Въ устьѣ этихъ рѣчекъ расположился Ключевскій заводъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Мурманскихъ заводовъ, дача которыхъ своими сотнями тысячъ десятинъ залегла на самомъ перевалѣ средняго Урала. Первыми поселенцами на Ключевскомъ заводѣ были раскольники, кержаки, расположившіеся по берегу рѣки Урьи. Они были первыми колонизаторами этого глухого края и поселились здѣсь въ незапамятныя времена, когда еще не было заводовъ. Первый ихъ поселокъ расположился по рѣкѣ Каменкѣ и извѣстенъ былъ подъ именемъ пристани Самосадки. Выселенцы съ Самосадки постепенно образовали особое селеніе на рѣкѣ Березайкѣ—Ключи. Когда въ серединѣ прошлаго столѣтія эта полоса цѣликомъ попала въ оудѣ крѣпкія руки—какого-то выходца изъ Балахны, по фамиліи Устюжанинъ,—Ключи превратились въ Ключевскій заводъ, а Самосадка такъ и осталась пристанью. Устюжаниновы повели заводское дѣло сильной рукой, а такъ какъ рабочихъ рукъ на Уралѣ въ то время было мало, то они охотно принимали бѣглыхъ раскольниковъ, бродягъ, не помнящихъ родства. Но и этого оказалось мало. Въ 30-хъ годахъ одному заводовладѣльцу удалось выгодно приобрести двѣ большія партіи крѣпостныхъ крестьянъ,—одну въ Червиговской, а другую въ Тульской губерніи. Малороссы и великороссы были пригнаны на Уралъ и заняли берега рѣкъ Сойги и Култыма. Такъ образовались три конца: раскольниковъ—кержацкій, хохлацкій и туляцкій. А верстахъ въ двухъ отъ Ключевского завода расположился мѣдный рудникъ—Крутяшъ. Сюда со всѣхъ заводовъ ссылали провинившихся рабочихъ, такъ что этотъ рудникъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ домашней каторги. Ссылное населеніе постепенно образовало здѣсь особый выселокъ, получившій названіе Пеньковки. Здѣсь сошелся самый отчаянный, вехозяйственный народъ, поставившій заводскихъ конюховъ, поденщицъ на фабрику и рабочихъ въ рудникъ. Фабрика и крѣпостное право связывали эти разнохарактерные поселки въ одно цѣлое, хотя и не могли вытравить существовавшего между ними религіознаго и бытоваго очужденія и вражды—исконныхъ поселенцевъ, кержаковъ и новоселовъ—«мочеганъ» и хохловъ, и туляковъ между собою.

Фабрика служила экономическимъ центромъ скруга. Въ концѣ концовъ все къ ней сводилось и все отъ нея исходило: одни работали на самой фабрикѣ, другіе на вспомогательныхъ работахъ—рубили дрова, жгли угли, добывали руду, строили барки для сплава заводскаго «металла», сплавливали заводскій караванъ, занимались перевозкой. Но эта фабрика была крѣпостной, съ крѣпостнымъ строемъ жизни. Населеніе обязано было работой въ силу личнѣй зависимости. Это не были вольные, свободные мастеровые, а подневольные рабочіе. Всѣ служащіе на

заводѣ, не исключая и главнаго управляющаго, были крѣпостные. Даже первый заводскій «богатѣй», подрядчикъ Груздевъ, отправлявшій заводскій караванъ, содержавшій кабаки по всѣмъ заводамъ и лавки съ краснымъ товаромъ, былъ подневольнымъ челоуѣкомъ.

Здѣсь не было чужихъ, постороннихъ людей, а всѣ были свои, и всѣ ступени заводскаго хозяйства исполнялись своими людьми. Рабочіе сжились, срослись съ заводскимъ дѣломъ и не отдѣляли себя отъ фабрики. Фабрика была ихъ кровное дѣло. Даже тѣ жестокости, какія приходилось испытывать крѣпостнымъ, которыхъ нещадно били и, случалось, на смерть заколачивали шпирутенами и кнутьями, которыхъ за самую ничтожную провинность ссылали въ жѣдныя рудники, Крутишь, даже эти жестокости были, въ сущности, своими домашними дѣломъ. Наказывать наказывали, но, при случаѣ, и жажгли. Изба ли развалилась, лошадь ли падеть, коровы нѣтъ — все это заводили на заводскій счетъ, чтобы не обезсилить народъ; содержали сиротъ, престарѣлыхъ, увѣчныхъ; въ случаѣ голода, засухи, поддерживали мастеровыхъ. Словомъ, рабочей силой дорожили, потому что при существованіи крѣпостнаго права, когда большая часть народа была прикрѣплена къ землѣ,—рабочихъ негдѣ было взять. Дорожили рабочими и потому, что при ручномъ способѣ производства, какой существовалъ на фабрикѣ, требовались извѣстныя практическія знанія и ловкость, которыя пріобрѣтались годами. Крѣпостная фабрика въ послѣднемъ отношеніи служила суровой школой, въ которой вырабатывались настоящіе мастера своего дѣла, фанатически преданные «огненной» работѣ, въ которыхъ совсѣмъ умеръ прежній мужичекъ-пахарь, тяготѣвшій къ своей землѣ и своему хозяйству. [2]

Такихъ, впрочемъ, было немного. Это преимущественно мастеровые, выросшіе на огненной работѣ вторымъ или третьимъ поколѣніемъ. За ними стояла молодежь, входившая во вкусъ заводской жизни и особенно женщины, которыя не знали тяжелой крестьянской работы и привыкли къ легкому заводскому житью. Но у новоселовъ, которые еще помнили далекую родину, давала себя знать стихійная, вѣками воспитанная тяга къ своей землѣ. Изъ-за фабричнаго мастерового нерѣдко высматривалъ мужикъ, насильственно оторванный отъ земли и прикрѣпленный къ фабрикѣ. Эта тяга къ своей землѣ находила нѣкоторое удовлетвореніе въ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое было у большинства населенія. Правда, пахатной земли у населенія не было, но были выгоны, покосы, усадьбы, огороды, которыми населеніе пользовалось отъ заводууправленія, пока работало ва заводахъ. Впрочемъ, существованіе крестьянскаго хозяйства было отчасти въ интересахъ самаго заводскаго хозяйства, которое эксплуатировало крестьянскіе инстинкты для удовлетворенія собственныхъ потребностей—въ доставкѣ дровъ и углей, въ перевозкѣ металла (крестьянская лошадь была необходима для завода, отсюда вы-

гоны и сѣнокосы. Съ Петрова дня до Успенія заводы пустѣли, и все заводское населеніе отправлялось на покось),—отчасти обусловливалось крѣпостнымъ строемъ этого хозяйства, рассчитаннаго на даровой или низко оплачиваемый крѣпостной трудъ, служа коррективомъ низкой заработной платы.

Крѣпостное право не только насильственно втянуло и удерживало «мужика» въ водоворотѣ фабричной работы, оно служило также тормазомъ для возникновенія ростовщическаго и торговаго капитала, сдерживая хищническіе инстинкты среди населенія. Такіе разбогатѣвшіе подрядчики, какъ Груздовъ, были большой рѣдкостью. Ростовщиковъ совсѣмъ не было. Крѣпостное право всѣхъ подводило подъ одиный общій уровень, изъ котораго выдѣлялись рѣдкія семьи. Основой богатства служила собственная рабочая сила и крѣпкій строй семьи. Таковы были туляцкія семьи, гдѣ раздѣлы были рѣдкостью.

Типичнымъ образчикомъ такой крѣпкой семьи служить семья Тита Горбатаго, который сморилъ сыновей и снохъ на тяжелой куренной работѣ, а старуха Пелагея, кромѣ того, завалила снохъ домашней работой. Старики держали членовъ семьи въ качествѣ рабочей, безсловесной скотины и на все наложили свою тяжелую руку; бородастые, дѣтныя мужики покорно выносятъ побои отца и, въ свою очередь, вымѣщаютъ эти побои на женахъ, которымъ еще больше достается отъ свекрови. О выдѣлѣ изъ семьи никто и не думалъ, да онъ былъ бы и немислимъ: тогда рухнуло бы все горба-овское благосостояніе. Такими тяжелыми жертвами покупалось богатство отдѣльныхъ семей. Напротивъ, въ хохлацкомъ концѣ, гдѣ раздѣлы были почти общимъ явленіемъ, не было богатыхъ семей, но не было и такого утѣшенія снохъ и вообще бабъ, какъ у туляковъ, а сыновья стояли съ отцами на равной ногѣ. Общую картину крѣпостной заводской жизни дополняютъ крѣпостные разбойники и дурачки, эти отбросы крѣпостнаго общества, жертвы жестокости и звѣрства, а на другомъ концѣ лѣстницы—мужичкіе выродки, проживающіе за границей и получающіе миллионныя дивиденды отъ своей фабрики.

Но вотъ крѣпостное право рухнуло, и долго сдерживаемые инстинкты и страсти получили полную свободу. Среди заводскаго населенія началось броженіе; прежнія дѣпи и связи порвались, и всѣ побрели врозь. Прежде всего со всей силой проснулись крестьянскіе земледѣльческіе инстинкты. Туляки и хохлы задумали переселеніе въ орду, на богатые, черноземныя земли.

«— Теперь, ежели разсудить, какая здѣсь земля, старички?—говорилъ Титъ Горбатый.—Тутъ тебѣ покось, а тутъ гора... камень...

«— Ужъ это што и говорить, — соглашались слушатели, — одно званье...

«— То-то вотъ, старички!.. Нужно тебѣ хлѣбъ, сейчасъ ступай на базаръ и купиай. Вѣдь баринъ-то теперь шабашъ, чтобы изъ магазину

хлѣбъ выдавать... Другое прочее—крупы, говядину, все купляй. Шерсть купляй, бабамъ ленъ купляй, овчину купляй, да еще бабы ситцу поганого просятъ... Такъ я говорю?

«— Это ты вѣрно... Набаловались наши заводскія бабы!

«— Куды ни пошевелись, все купляй... Вотъ какая наша земля, да и та не наша, а господская. Теперь опять, такъ сказать, опять мы въ куренную работу съ волей-то своей, али на фабрику...

— «Э, пусть ей пусто будетъ, этой огненной нашей работѣ, Титъ! Шабашъ теперь!

«— Ну, а чѣмъ будемъ жить?

«— Кабы земля, такъ какъ бы не жить. Пашни бы разбили, хлѣбъ стали бы сѣять, скотину держать. Все повернулось бы на настоящую крестьянскую руку... Воиъ изъ орды когда крестьяне хлѣбъ привозятъ къ намъ на базаръ, такъ, слышь, не нахвалятся житьемъ-то своимъ: все у нихъ свое.

«— То-то вотъ и оно-то, што въ ордѣ крестьянину самый разъ, старички, — подхватывалъ Титъ заброшенное словечко, — земля въ ордѣ човая, травы ковыльчныя, крѣпкія, скотина всякая дешевая... Все къ намъ, на заводы, съ той стороны везутъ, а мы деньги имъ травимъ».

Но съ особенной, съ какой-то болѣзненной силой эта исконная тяга великорусскаго племени къ своей землѣ сказалась въ старыхъ крестьянахъ. Самыя древнія старушки подыались на дыбы при одной вѣсти о крестьянствѣ и своемъ хлѣбѣ. Сорока лѣтъ заводскаго житья точно не бывало.

«— Все свое будетъ, некупленное, — повторяли скопидомки-тулянки. — А хлѣбушко будетъ, такъ какого еще рожна надо! Сказываютъ, въ въ этой самой ордѣ аржаного-то хлѣба и въ заведеньи нѣтъ, а все пшеничный ѣдятъ.

«— Скотину, слышь, рожью-то кормятъ, бабовьки! Божій даръ, а они его скотинѣ травятъ... Урожай у нихъ страшенные.

«— Теперь снохи одними ситцами раззорятъ, — жаловалась старая Пелагея, — и на сарафанъ ситцу подай, и на подзоры къ станушкѣ подай, и на рубаху подай—одно раззоренье... А въ крестьянахъ во все свое одѣвайся: ленъ свой, шерсть своя. У бабъ, у крестьянокъ новинъ со сто набирается: и тебѣ холстъ, и тебѣ пестрядина, и сукно домашнее, и чулки, и варежки, и овчины.

«— Ужъ это што и говорить, — поддакивали старухи, — испотачились наши сношеньки. Пряменько сказать, въ конецъ истварились! А по хрестьяномъ-то баба всему голова, безъ бабы мужикъ ни взадъ, ни впередъ: оба къ одной землѣ привязаны. Такъ-то...

«— И мужики изъ хрестьянъ лучше нашихъ заводскихъ.

«— А чтобы дѣвки которыя гулящія были по хрестьяномъ—ни-ни!»

По мѣрѣ того, какъ выяснялся и воскресалъ идеалъ натурального крестьянскаго хозяйства, язвы фабричной жизни выступали все ярче

и ярче: «Молодые ребята балуются на фабрикѣ, мужики изробливаются къ пятидесяти годамъ, а про бабъ и говорить нечего,—которая пошла на фабрику, та и пропала. Развѣ съ заводскимъ балованнымъ народомъ можно сравнить хрестьянъ? Куда они лучше будутъ! Сиротства меньше по хрестьяномъ, потому нѣтъ у нихъ заводскаго увѣчья и простуды, какъ на огненной работѣ: у того ноги застужены, у другого поясница не владѣетъ, третьи и на ногахъ, да силы въ немъ нѣтъ никакой».

Всѣ эти разговоры и думы кончились тѣмъ, что рѣшили обстоятельно изслѣдовать ордынскія земли, для чего и выбрали двухъ ходоковъ—Тита Горбатаго и Дороха Ковала, которые, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ попомъ и приказчикомъ, зашагали по дорогѣ въ орду съ котомками за плечами и длинными палками въ рукахъ, «какъ два библейскихъ соглядатая, отправлявшихся высматривать землю, текущую молокомъ и медомъ».

Воротились ходоки изъ орды. Титъ Горбатый хвалитъ орду: «Хорошо въ ордѣ... земля овчина овчиной, травы ковыльня, крѣпкія... скотина кормвая... хлѣба ржаваго совѣмъ и въ заводѣ нѣтъ, а все пшеничный». Дорохъ, напротивъ, хаетъ орду: «Пусто бы этой ордѣ было!.. Чи вода була-бъ, чи лѣсъ, чи добри люди: ничегесенько!..

«— Да вѣдь ты самъ же хвалилъ все время орду,—накинулся на него Титъ,—а теперь другое говоришь...

«— Балакали, сватъ, а якъ набігло на думку, такъ зовѣмъ другое и вѣйшло... Оце велико лихо твоя орда!..»

Ходоки заспорили; ихъ старались помирить; дѣлали имъ очныя ставки. водили къ попу и приказчику, въ волость, но каждый изъ нихъ упорно стоялъ на своемъ. Одно случайное обстоятельство — прїѣздъ горнаго исправника съ предписаніемъ остановить движеніе — сразу разрѣшило всѣ сомнѣнія. «Дѣло было яснѣе дня. Даже самые нерѣшительные присоединились теперь къ общему теченію. Это былъ захватывающій моментъ, и какая-то стихійная сила толкала впередъ людей, самыхъ неподвижныхъ, точно въ половодье, когда выступившая изъ береговъ вода выворачиваетъ деревья съ корнемъ и увоситъ тяжелые камни. Не могли увлекаться этимъ общимъ движеніемъ только тѣ, кто не могъ уѣхать по бѣдности или слабости, какъ увѣчные, старики, бобылки. Волненіе захватило даже фабрику». Около сотни семей, по преимуществу туляки, стали готовиться къ отъѣзду, продавали избы, покосы, скотину и разный домашній скарбъ. Наконецъ, все, что можно было продать, продано, остальное уложено въ вozy. Вотъ и Пасха прошла, и дорога просохла, и толпа переселенцевъ, подъ предводительствомъ Тита Горбатаго, тронулась въ путь.

Прожили два года переселенцы въ ордѣ, и большинство воротилось назадъ, разоренные, обвиняемые. «Своя неустойка вышла,—виновато объяснялъ Титъ.—Старики и старухи хвалятъ житье, а молодежники»

забунтовалъ... Главная причина въ молодяжничкѣ... Набаловался народъ на фабрику. Бабамъ ситцу подавай, а другія бабы чаю требуютъ. По хрестьянству бабѣ много работы, вотъ снохи и подняли смуту. Правильная жисть имъ не по нутру, потому, какъ хрестьянская баба настоящій возъ везетъ, а заводская набалованная.. Вся неустойка отъ молодыхъ снохъ. Онѣ и мужиковъ подбивали. Способу съ емя не стало, съ бабами... На заводѣ-то одни мужики робятъ, а бабы шишляются только по домашнему, а въ хрестьянахъ баба-то наравнѣ съ мужикомъ: она и дома, и въ полѣ, и за робятами, и за скотиной и она же всю семью обряжаетъ. Наварлыжились наши заводскія бабы къ легкому житью, (ну, имъ же не стало ходу. Вся причина въ бабахъ... Я на правильную жисть добрыхъ людей наводилъ, вѣтъ моего отвѣту... На легкое житье польстились бабенки...»

Отъ своего хлѣба молодяя снохи подурнѣли и состарились, молодежь измѣнилась на хрестьянскую руку, выглядѣла смѣшными мужиками-челдонами, которыхъ на смѣхъ поднимали свои же дѣвки-тулянки. Всѣ отощали, обносились, обвѣтряли, «супротивъ заводскихъ страмъ глядѣтъ». «Половину вѣку унесла эта проклятущая орда».

Между тѣмъ, пока туляки ѣздили въ орду, въ строѣ заводскаго хозяйства и экономическомъ бытѣ населенія происходили свои измѣненія. Наступила эра свободной промышленности, и въ еще неясныхъ и туманныхъ очертаніяхъ вырисовывался новый складъ общества. Заводоуправленіе и заводское населеніе, прежде составлявшіе одно нераздѣльное цѣлое, раскололись на два враждебныхъ лагеря. Хрестьянская мысль развивается туго, и только спустя нѣкоторое время послѣ объявленія воли населеніе поняло, что всѣ теперь вольные и, стало быть, никто не пойдетъ работать къ Устюжанинову. Только немногимъ фанатикамъ заводскаго дѣла эта мысль казалась дикой и негѣпой, среди же остального населенія она находила полное сочувствіе. Туляки и отчасти хохлы, какъ мы видѣли, задумали сѣсть на свою землю. Ихъ отъѣздъ взбудоражилъ и кержаковъ, которые испытали на себѣ такіа звѣрства и жестокости, какихъ не знали пригнанные сравнительно недавно туляки и хохлы. Нашлись старики, которые еще помнили устюжаниновскіе спицрутены и кнутыя. Мысль о своей землѣ воскресла среди кержаковъ сначала на Самосадкѣ, а потомъ перекинулась и къ ключевскимъ кержакамъ. Ихъ дѣды были вольные и сидѣли на своей землѣ, когда еще не было фабрики, ни Устюжанинова, и только потомъ Устюжаниновъ приписалъ ихъ къ своимъ заводамъ. Имъ незачѣмъ было переселяться, какъ тулякамъ. Они хотѣли только «обернуть на старое», т. е. вернуть землю, которою владѣли ихъ дѣды. Между тѣмъ, заводоуправленіе вело свою линію. Здѣсь не сомнѣвались, что рабочіе придутъ къ нимъ, разъ населеніе, уже привыкло къ заводской работѣ, а съ другой стороны, и вольнаго мужика опять можно «въ оглобли завести»—стоитъ только составить такую уставную грамоту, какъ въ сосѣднихъ Кукар-

скихъ заводахъ, о чемъ мечталъ секретарь главнаго управляющаго, Овсяниковъ. Мы вскорѣ подробно познакоимся съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ крѣпостнаго крѣпостворства. Здѣсь скажемъ только то, что оно опутывало населеніе по рукамъ и по ногамъ и головой выдавало заводоуправленію. По всей вѣроятности, и уставная грамота Мурманскихъ заводовъ была близка къ этому образцовому произведенію. По крайней мѣрѣ, ни въ Мурманскѣ, ни въ Ключевскомъ заводѣ населеніе не подписывало ея, и капитальный вопросъ о землѣ оставался открытымъ.

Въ ожиданіи, пока выяснятся взаимныя отношенія и опредѣлится положеніе сторонъ, рабочіе шли на фабрику. «Первое дѣло, человекъ жрать»,—объяснялъ дозорный самоварникъ. Фабрика загудѣла по прежнему. Но въ строѣ заводскаго хозяйства наступило переходное время. Управители понимали, что необходимы были реформы всего производства. Крѣпостной опека пришелъ конецъ, и теперь каждому предстояло жить, какъ онъ только могъ и какъ умѣлъ. «За бариномъ жили—баринъ и промышлялъ, а теперь самъ доходи»... Взаимныя отношенія сторонъ пока свелись на заработную плату. Теперь всѣмъ и за все нужно было платить. Сообразно съ этимъ, нужно было перестроить на новыхъ началахъ все заводское хозяйство. Нужно было создать оборотный и запасный капиталы, чтобы перейти отъ дарового труда къ платному и отъ ручного къ машинному. На Ключевскомъ заводѣ уже поставили первую паровую машину, и вмѣстѣ съ ней явилась первая жертва—обваренный паромъ подростокъ. Эта первая машина должна была служить только предвѣстницей новой, машинной, эры производства: проектировалась печь Сименса, которая должна была оставить безъ дѣла 150 дроворубовъ и 60 поденницъ дровосушекъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ машиннаго производства спросъ на трудъ долженъ былъ все болѣе и болѣе сокращаться, а, между тѣмъ, предложеніе труда все болѣе и болѣе росло. Вслѣдъ за мужьями стали наниматься на фабрику жены и дѣти.

Въ экономическомъ бытѣ заводской массы также замѣчаются важныя перемены. Крѣпостное право всѣхъ подводило подъ одинъ общій уровень, изъ котораго выдѣлялись рѣдкія семьи. Богатство основывалось на собственной рабочей силѣ и крѣпкомъ строѣ семьи. Вмѣстѣ съ волей появились и новые люди и стали складываться новыя бытовые формы. Типичнымъ образчикомъ этихъ новыхъ людей служить такой выходецъ, какъ солдатъ Артемъ, изъ семьи Горбатовъ, пришедшій изъ военной службы. Очевидно, совсѣмъ незнакомый съ тѣмъ добродѣтельнымъ типомъ солдата, какой рисовали для народа друзья народа вродѣ г. Погосскаго,—Артемъ сразу зарекомендовалъ себя человекомъ съ поведеніемъ: кому почетъ, кому уваженіе, и со всѣми свой человекъ; все высмотрѣлъ, разузналъ, вездѣ обнюхалъ; кого нужно, умѣлъ обойти; нужнымъ человекомъ умѣлъ воспользоваться. Вскорѣ

солдаты взяли подрядъ, наняли поденщицъ сушить пшеницу у Груздева изъ разбитыхъ коломенокъ, а потомъ открылъ мелкую торговлю, ограбивши предварительно одного скитскаго инокъ. Новый торговецъ пошелъ быстро въ гору, ссужая товаръ въ долгъ заводскому населенію, а деньги получая прямо изъ конторы. Скоро у солдата появился новый двухъ-этажный домъ на господскую руку и настоящій магазинъ, въ которомъ можно было найти рѣшительно все, чего бы только ни пожелали ключевляне. Въ этомъ фактѣ важно было то, что солдаты открыли новые пути личнаго обогащенія, эксплуатируя живую рабочую силу. Обрисовывался новый типъ — заводскаго ростовщика. Кромѣ солдата, изъ заводской массы выдѣлилось до десятка другихъ лицъ, забравшихъ силу законными и незаконными средствами.

Прежняя основа богатства — крѣпкая патриархальная семья съ неограниченной властью старшаго члена — отживала свой вѣкъ. Явились новые пути обогащенія, и никто не хотѣлъ идти въ тяжелую семейную кабалу. Молодежь совсѣмъ не хотѣла знать стариковъ, женится безъ ихъ согласія и даже противъ ихъ воли. Разлагая прежніе союзы, капиталъ образуетъ новые. Ни фабрика, ни крѣпостное право, ни соединявшая всѣхъ нужда не могли сгладить отчужденія и глухой неприязни между кержаками и мочеганами. Деньги вытравивли и это отчужденіе концовъ: богатые кержаки женятся на богатыхъ мочеганкахъ и богатые мочегане на богатыхъ кержанкахъ.

Первыя свадьбы выходили убѣгомъ, вызывая родительскія проклятія и неприятности, а потомъ стали играть открыто. Мочегане и кержаки сошлись, наконецъ, за свадебнымъ столомъ. Концы сrostались все больше и больше.

Вскорѣ населеніе познакомилось еще съ однимъ новымъ явленіемъ, можетъ быть, наиболѣе важнымъ, чѣмъ всѣ предшествующія. Главнаго управляющаго смѣнили. На его мѣсто явился новый — Голиковскій. Это былъ дѣлецъ новаго типа, совершенно неизвѣстнаго на Уралѣ, сухой формалистъ, который вытравилъ послѣдніе остатки той личной, патриархальной связи, каковая еще сохранялась въ отношеніяхъ между заводоуправленіемъ и рабочими. Подъ его управленіемъ полукрѣпостная масса сразу вступила въ новую эру — свободной промышленности. Жестокости крѣпостнаго права смѣнились безжалостными порядками промышленной свободы и конкуренціи: рабочій почувствовалъ себя человѣкомъ вольнымъ, какъ птица; нынче его наняли, а завтра могутъ расчитать и на его мѣсто нанять другого, изъ другой мѣстности, не стѣсняясь разстояніемъ; его держать, какъ машину, которая должна приносить извѣстный процентъ прибыли, а въ противномъ случаѣ выкидываютъ за бортъ, которую штрафуютъ, обсчитываютъ, а въ случаѣ ея неустойки взымаютъ къ закону.

— Если рабочимъ не нравятся новые порядки, то могутъ уходить на всѣ четыре стороны, — повторялъ Голиковскій направо и налѣво. — Я

силой никого не заставляю работать, а если свои не захотят работать, такъ выпишемъ рабочихъ изъ другихъ заводовъ, а въ случаѣ чего, даже изъ Россіи.

«Это было кровной обидой для всего сплоченнаго заводскаго люда, не отдѣлявшаго себя до сихъ поръ отъ заводскаго дѣла. Являлось какой-то негѣпостью, что вдругъ въ Мурмосъ наѣдутъ рабочіе съ другихъ заводовъ или даже рассейскіе. И служащіе, и рабочіе почували въ Голиковскомъ чужого человѣка, которому все тринь-трава, потому что сегодня онъ здѣсь, а завтра неизвѣстно гдѣ».

— Я смотрю на рабочую силу, какъ на всякую машину—и только,—объяснялъ Голиковскій.—Каждая машина стоитъ столько-то и должна давать такой-то процентъ выгодной работы, а разъ этого нѣтъ, я выкидываю ее за бортъ... У насъ рабочія массы страшно распушены и необходимо ихъ субординировать. Будемъ учиться у Европы.

Словомъ, новые порядки, внесенные управляющимъ, были радикальной ломкой прежняго строя заводской жизни, при томъ же онъ совѣмъ не думалъ считаться съ мѣстными условіями промышленной жизни.

При первомъ же критическомъ случаѣ это грозило полнымъ разгромомъ всего заводскаго хозяйства. Такъ и случилось. Выпалъ голодный годъ: нѣтъ хлѣба, сѣновъ. Поставщики угля и дровъ отказались исполнить подряды по взятымъ цѣнамъ; управляющій на ихъ отказъ обѣщалъ апеллировать къ власти. Между тѣмъ, голодъ дѣлалъ свое дѣло: скотина безсилѣла, падала. Мужики сначала крѣпились, а потомъ забастовали. «Цѣлый заводскій округъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи: если по зимнему пути не вывести древеснаго топлива, то заводы должны пріостановить свое дѣйствіе на цѣлый годъ». Только теперь Голиковскій одумался—закупилъ корму въ степи и распредѣлил его по заводамъ. Но слишкомъ поздня закупка не могла поправить дѣла: только половина древеснаго топлива была вывезена на заводы, и сообразно съ этимъ приходилось соразмѣрять заводскія работы. «По закону, заводъ не имѣлъ права оставлять населеніе безъ работы, поэтому заведены были «половинныя выписки»—одну недѣлю работаетъ, а другую гуляетъ, потомъ стали работать одну третью недѣлю и т. д. Заработная плата, понизилась до невозможнаго мінімум'а, а тутъ еще введена была новая система штрафовъ, вычетовъ и просто мелкихъ недоплатъ.

Это послѣднее касалось ближе всего кореннаго фабричнаго люда, котораго лошадиный моръ не тронулъ. Общій ропотъ поднялся со всѣхъ сторонъ. «Весенній сплавъ также не обошелся безъ исторіи: молодежь охотно работала и за ничтожную плату, но самосадскіе старики въ самое горячее время забастовали, требуя неслыханной платы за спилку» коломенокъ въ воду. Состоялась сдѣлка очень невыгодная для завода; къ довершенію несчастій караванъ обмелѣлъ, а это грозило новыми

убытками и, главное, неисполненіемъ заказовъ къ сроку. «Самосадскіе старички устукали-таки ненавистнаго имъ главнаго управляющаго, который въ отместку отнялъ у нихъ всякій выгонъ и уже неизвѣстно для чего закрылъ мѣдный рудникъ Крутяшъ.

«— А мнѣ все равно, — повторялъ Голиковскій... — А Самосадку я все-таки укомплектую: на войнѣ, какъ на войнѣ. Мы сами виноваты, что распустили населеніе».

Такъ началась борьба. «Старики снаряжали ходоковъ въ Петербургъ къ самимъ владѣльцамъ, а вмѣстѣ заводили дѣло о своей землѣ... Къ самосадскимъ старикамъ присталъ Кержацкій конецъ и нѣкоторые старики мочегане, какъ Титъ Горбатый и Коваль... Молодяжникъ отмалчивался, обдумывая свое дѣло. Наступала лѣтняя пора, и во всѣ стороны дорога скатертью. Кромѣ золотыхъ промысловъ, рабочія руки требовались на вновь строившуюся желѣзную дорогу... Молодежь уходила съ женами, а дома оставались одни старики съ ребятишками... Первыми двинулись самосадчане, не взявшіе подрядовъ на куренную работу, за ними потянула Пеньковка, а потомъ тронулся и Кержацкій конецъ... Уходила та живая сила, которая складывалась сотнями лѣтъ... Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Послѣднимъ уѣхалъ самъ Голиковскій. Онъ поступилъ на другое мѣсто съ еще большимъ жалованьемъ, какъ человѣкъ твердаго характера»...

Заводы остановились... все замерло..., не было жизни, трудового шума, движенія... Стоявшая молча фабрика походила на громаднаго покойника, лежавшаго всѣми своими желѣзными членами въ каменномъ гробу... Оставшееся населеніе начинала дожимать нужда; заработковъ не было и прѣдали послѣднее. Солдатъ Артемъ сумѣлъ выжать деньги и изъ этой бѣды, выдавая харчи и разный лежалый товаръ подъ закладъ одежи и разной другой домашности? Операция оказалась чрезвычайно выгодной, и каждую недѣлю Артемъ отправлялъ нѣсколько возовъ съ одежей, конской сбруей и разной рухлядью куда-то на золотые промыслы, гдѣ все это продавалось уже по настоящей цѣнѣ... По улицамъ стали бродить нищія, чего раньше и въ заводѣ не было». Въ концѣ концовъ «Мурмосскіе заводы за долги ушли съ молотка и достались какой-то безымянной компаніи, которая приобрѣла ихъ въ разсрочку за 39 лѣтъ и сейчасъ же заложила въ земельный банкъ»... Это была «крупная мошенническая афера». Такъ одинъ изъ лучшихъ горноводскихъ округовъ очутился въ безвыходномъ положеніи.

Лучшіе заводскіе люди, вроде Петра Елисѣевича Мухина, убѣждены въ неизбѣжности этого эволюціоннаго процесса, по крайней мѣрѣ, въ его отдѣльных частяхъ. Такъ Мухинъ сознаетъ, что заводъ долженъ пережить болѣзненный переходъ отъ ручного труда къ машинному производству и, чтобы не сдѣлать этотъ переходъ слишкомъ рѣзкимъ, проектируетъ новыя работы и расширеніе производства. Но даже

и эту задачу онъ не могъ выполнить. Старый строй жизни рушился, а люди остались старые. «Щука умерла, а зубы остались». Осталось то же невѣжество и тѣ же крѣпостныя вожделѣнія заводоуправителей и выслуживающейся мелкой служащей сошки. Съ этими крѣпостниками и крѣпостными крючкотворами внолнѣ сходились въ своихъ стремленіяхъ и новые люди—техники, фигурировавшіе въ роли главныхъ управляющихъ, крупные аферисты и, какъ увидимъ сейчасъ, профессора-экономисты. Этотъ замѣчательный союзъ дѣльцовъ старой и новой эпохи обобразъ на-голо заводскую массу, а дѣльцы новой эпохи, кромѣ того, установили тотъ капиталистическій режимъ, благодаря которому порвались послѣднія связи рабочаго съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми. Такъ изъ старыхъ союзовъ выдѣлилась новая клеточка, безземельный рабочій, свободный отъ власти патриархальной семьи, отъ полукрѣпостныхъ, личныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми—«клеточка, которая растеть не по днямъ, а по часамъ» *).

Какъ мы видѣли изъ только что разобраннаго романа, въ жизни заводскаго населенія важную роль играетъ вопросъ объ уставной грамотѣ. Заводоуправленіе составляетъ проектъ, населеніе упорно отказывается принимать его, посылаетъ ходоконъ въ Петербургъ и хлопочеть о своей землѣ. Въ чемъ тутъ дѣло и чѣмъ оно кончается, пока еще не совсѣмъ ясно. Также не ясно, кто это тѣ таинственные владѣльцы, для которыхъ изнываютъ на тяжелой огненной работѣ десятки тысячъ людей. Мы знаемъ о нихъ только то, что они привыкли получать миллионныя дивиденды и, съ своей стороны, ничего не дѣлать для заводскаго хозяйства. Въ романѣ «Горное Гнѣздо» Маминъ во весь ростъ показываетъ намъ одного изъ такихъ владѣльцевъ, набоба Лаптева, типичнаго выродка крѣпкихъ когда-то мужицкихъ семей, положившихъ основаніе горнымъ заводамъ, и развертываетъ блестящую и оригинальную страничку изъ исторіи первоначальнаго накопленія, осложняя свой неподражаемый и съ трудомъ передаваемый рассказъ разными другими побочными обстоятельствами, рисующими поступательный ходъ капитализма.

«Горное Гнѣздо» это—Кукарскіе заводы, занимавшіе цѣлую громадную территорію въ 500 т. десятинъ земли (что равняется цѣлому германскому княжеству или маленькому европейскому королевству) съ населеніемъ до 50 т. человекъ, разсѣяннымъ по селамъ, деревнямъ и семи заводамъ. Административнымъ центромъ всей этой территоріи былъ Кукарскій заводъ, какъ самый большой, самый старый и центральный по мѣстоположенію. Здѣсь жилъ главный управляющій; здѣсь всего сильнѣе бился пульсъ заводской жизни; здѣсь сходились всѣ нити сложнаго заводскаго хозяйства и сосредоточивалась вся внутренняя

*) «Войцы» 70 стр.

политика этого громаднаго округа; отсюда все исходило и сюда же направлялись всѣ тайныя вождѣнія служительскаго персонала. Крѣпостное право въ связи съ громадностью территоріи и населенія дѣлало изъ главныхъ управляющихъ настоящихъ князьковъ, пользовавшихся неограниченной властью и чисто княжескими почестями, а въ населеніи воспитывало рабскій страхъ и рабскую покорность. Крѣпостное право миновало, но слѣды его все еще жили. Среди новыхъ людей попадаются все больше старыя лица.

На мѣсто крѣпостнаго управляющаго былъ назначенъ новый—Горемыкинъ. Это былъ узкій специалистъ-техникъ, жившій фабрикой и на фабрикѣ и видѣвшій въ замѣнѣ живой рабочей силы жертвой машинной работой разрѣшеніе всѣхъ жгучихъ вопросовъ заводскаго населенія. Всей «внутренней политикой» громаднаго заводскаго округа заправляла его жена, Раиса Павловна. Она сократила количество служащихъ, урѣзала всѣмъ жалованье, прибавила работы; на мѣсто крѣпостныхъ приказчиковъ явились управители съ специальнымъ образованіемъ. Весь этотъ заводскій beau monde Раиса Павловна держала въ ежовыхъ рукавицахъ и являлась царицей въ этомъ заводскомъ мірѣ, гдѣ всѣ и все наружно преклонялось передъ ея авторитетомъ, всѣ заискивали, унижались, льстили и подличали, а за глаза злословили и интриговали. Интриги въ этомъ «маломъ дворѣ» были общими явленіемъ; здѣсь всѣ подкапывались другъ подъ друга, злословили и даже нерѣдко доходили въ азартѣ до рукопашной.

На одной изъ такихъ интригъ, чрезвычайно сложной и запутанной, построенъ и самый романъ. Интрига выросла на почвѣ отношеній заводууправленія къ населенію и къ земству. вмѣстѣ съ волей неразрывные до тѣхъ поръ интересы заводууправленія и мастеровыхъ раскололись на двѣ неравныя половины, что и должно было выразиться въ уставной грамотѣ. На помощь заводууправленію въ рѣшеніи этого капитальнаго, но тогда еще неяснаго и туманнаго вопроса явился крѣпостной крючкотворъ и дока, Родіонъ Антонычъ Сахаровъ, съ своимъ проектомъ уставной грамоты, который былъ chef d'ouvromъ въ своемъ родѣ. Онъ обезпечилъ за Кукарскими заводами такія преимущества, которыя головой выдавали десятки тысячъ заводскаго населенія въ руки заводовладѣльца. Даже сомнительныя статьи, которыя, кажется, трудно было обойти, были такъ неясно редактированы и спутаны такими хитросплетенными условіями, что можно было удивляться великой творческой силѣ приказнаго крючкотворства. Во-первыхъ, по этой уставной грамотѣ совсѣмъ не было указано сельскихъ работниковъ, которымъ заводовладѣлецъ обязанъ былъ выдѣлить крестьянскій надѣлъ, такъ что въ мастеровые попали всѣ крестьяне тѣхъ деревень, какія находились въ округѣ Кукарскихъ заводовъ. Затѣмъ, всѣ мастеровые, по новой грамотѣ, пользовались выгономъ, покосами, рощистями и лѣсомъ «на прежнихъ основаніяхъ», пока заводовладѣлецъ не измѣнитъ ихъ по соб-

ственному усмотрѣнію и пока мастерские работаютъ на его заводахъ. Въ видѣ особенной милости заводовладѣльца, мастера получали отъ него въ даръ свои дома и усадьбы. Оговорено было даже то, что содержаніе церквей, школъ и больницъ остается на томъ же усмотрѣніи заводовладѣльца, который воленъ все это въ одно прекрасное утро «прекратить», т. е. лишить матеріальнаго обезпеченія.

Но центръ тяжести всей уставной грамоты заключался въ томъ, что уставная грамота касалась только мастеровыхъ и давала имъ извѣстныя условныя гарантіи только на томъ условіи, если они будутъ работать на заводахъ. Все остальное населеніе, которое не принимало непосредственнаго участія въ заводской работѣ, совсѣмъ не шло въ счетъ. Такъ что въ результатѣ на сторонѣ заводовладѣльца оставались всѣ выгоды, даже быль оговоренъ оброкъ за пользованіе покосами и выгонами съ тѣхъ мастеровыхъ, которые почему-либо не находятся на заводской работѣ. Даже тѣ клочки, которые подарены были имъ, могли быть отобраны заводовладѣльцемъ, въ случаѣ нахожденія въ ихъ нѣдрахъ минеральныхъ сокровищъ. «Помѣщикамъ, наградившимъ своихъ крѣпостныхъ даровыми кошачьими надѣлами, и во снѣ не снилось ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что заводовладѣлецъ только пользовался казенной землей, а не былъ владѣльцемъ въ юридическомъ смыслѣ».

На виновника проекта посыпались всевозможныя милости Раисы Павловны. Этотъ доморощенный Ршпелье сдѣлался правой рукой ея въ ея трудныхъ заботахъ по управленію, исполнителемъ ея гениальныхъ плановъ и домашнимъ секретаремъ Горемыкина. Быстро вошедши въ свою роль, этотъ крѣпостной фанатикъ все забралъ въ свои руки и напомнилъ населенію времена крѣпостнаго права. Когда нѣсколько обществъ, въ томъ числѣ и Кукарское, отказались принять составленную имъ уставную грамоту, Сахаровъ подыскалъ нѣсколько старичковъ, наобѣщавъ имъ золотыя горы, и тѣ подписали за все общество. Общества не сдавались, хлопотали по судамъ и палатамъ, но только несли убытки, да терпѣли угѣсненія на заводской работѣ. Крѣпостное право для нихъ еще не прошло.

Другимъ подвигомъ Сахарова была борьба съ земствомъ, во главѣ котораго стоялъ Авдѣй Никитычъ Тетюевъ. Этотъ послѣдній никакъ не могъ «примазаться» къ заводамъ и «солигъ» заводу управленію въ его настоящемъ видѣ, обкладывая заводы крупными налогами. Съ этимъ новымъ врагомъ Сахаровъ повелъ упорную систематическую борьбу сначала при помощи ходатайствъ, прошеній, докладныхъ записокъ, которые дождемъ посыпались въ Петербургъ, а затѣмъ при помощи земскихъ выборовъ, организовавъ въ земскомъ собраніи большинство голосовъ въ свою пользу. «Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ возростала земская сумма налоговъ, Кукарскіе заводы платили все меньше и меньше, слагая свою

долю на крестьянское население» *). Тетюевъ, однако, не сдавался и сдѣлалъ новый совершенно неожиданный шахматный ходъ.

Въ этой крупной игрѣ всего интереснѣе было то, что она велась на свой страхъ и рискъ. Самъ заводовладѣлецъ, Лаптевъ, до сихъ поръ ничего не зналъ о ней. Это былъ типичный выродокъ когда-то крѣпкой мужицкой семьи настоящихъ лапотниковъ, основавшей заводу, но быстро выродившейся, одинъ изъ тѣхъ «русскихъ принцевъ», которые своими подвигами и безобразиями удивляли всю Европу. Къ двадцати годамъ онъ прошелъ всю школу молодыхъ набобовъ. Усталый и пресыщенный, онъ могъ любить только ѣду и, между прочимъ женщинъ, какъ острую приправу къ другимъ мудренымъ кушаньямъ. По природѣ ни злой, ни глупый, онъ былъ капризнымъ, взбалмошнымъ ребенкомъ, къ которому трудно было примѣниться и на котораго трудно было положиться. Проживши все время за границей, онъ какъ-то вдругъ, совершенно случайно, послѣ того, какъ его обругала какая-то бульварная парижская газетка, переселился въ Россію, т. е. въ Петербургъ. Здѣсь, какъ и за-границей, его окружалъ цѣлый дворъ такъ называемый «большой дворъ» нужныхъ и ненужныхъ людей, имѣвшій во главѣ всесильнаго Прейна, который больше всѣхъ другихъ владѣлъ секретомъ управлять своимъ взбалмошнымъ и капризнымъ господиномъ. Послѣ него въ составъ «большого двора» входили служащіе главной петербургской конторы, какъ ближе всѣхъ стоявшіе къ подателю свѣта. Дальше, вокругъ заводчика ютился всевозможный сбродъ, различныя, темныя и потерянные личности, удовлетворявшія минутнымъ притохамъ и капризамъ Лаптева, «та мякина, которая обростаетъ всякое имя, особенное богатое, русское, «барское имя».

Какъ случайно Лаптевъ уѣхалъ изъ за-границы, такъ же неожиданно для всѣхъ онъ задумалъ поѣздку на Уралъ. Эта поѣздка была результатомъ дьявольски ловкой интриги Тетюева, который тиснулъ сначала нѣсколько статейъ противъ заводовъ по поводу уставной грамоты и, когда Лаптевъ узналъ, наконецъ, объ этомъ дѣлѣ, «ловко подсунулъ ему профессора Блинова, какъ ученаго экономиста и финансовую голову, который можетъ все устроить. Лаптевъ схватился за приманку и сейчасъ же рѣшилъ ѣхать на Уралъ съ генераломъ (Блиновымъ) самъ». Профессоръ долженъ былъ распутать всѣ хитросплетенія Родьки Сахарова.

Вѣсть о поѣздкѣ Лаптева молніей облетѣла весь Кукарскій округъ и взбудоражила все населеніе. Раису Павловну заживо хоронили. Струсилъ самъ Ришелье. Выплыли на свѣтъ тайныя вождѣнія управителей; каждый рассчитывалъ занять мѣсто главнаго управляющаго или, по крайней мѣрѣ, на что-нибудь надѣялся. «Малый дворъ пере-

*) Такъ «гора Куржакъ, заключающая въ себѣ 30 миллиардовъ лучшей въ свѣтѣ желѣзной руды, приносила земству всего 2 р. 17 к. дохода».

шелъ на сторону Тетюева. Въ населеніи воскресла надежда добиться своей земли, проснулись рабы инстинкты. Всѣ ждали «самого», одни, какъ грозной кары, другіе, какъ подателя благъ...» Вотъ явился вѣнскій оркестръ, подъѣхалъ пѣлый обозъ съ кухней и поварами, нѣсколько подводъ съ гардеробомъ, конюшня и экипажи, охота; вотъ, наконецъ, и самъ Лаптевъ съ цѣлой свитой на пятнадцати тройкахъ. Въ уродливомъ шотландскомъ костюмѣ, апатичный, обрюзгшій, онъ усталымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ на громадную толпу народа, зараженную рабскимъ энтузіазмомъ. Осовѣвшая отъ умиленія толпа неистово ревѣла, награждая своего повелителя рабскими поцѣлуями. Вотъ отпрягли лошадей и потащили экипажи на себѣ. Набобъ растерялся съ дѣтской беспомощностью смотрѣлъ по сторонамъ, не зная, что сказать, что сдѣлать. Вотъ вздрогнула, зашумѣла, завизжала и загрохотала фабрика, засуетились и забѣгали раchie, — Лаптевъ равнодушно проходилъ мимо кипѣвшей на его глазахъ работы, создавшей ему милліоны; ничто не могло расшевелить его; только на одну минуту его вниманіе остановилось на томъ, какъ красиво переливалась струйка огонька. Только что-нибудь необычайное выводило его изъ его обычнаго полусоннаго состоянія: какой-нибудь остроумный и пикантный анекдотъ, безсовѣтная ложь враля Сарматова или тѣ необыкновенныя кушанья, какими наперерывъ угощали его, и забавы, какими старались занять его управители заводовъ. На минуту лицо его оживлялось, взоръ повелителя милостиво обращался къ виновнику оживленія и острой болью и скрытой завистью отражался въ душѣ остальныхъ. Все это были только случайныя, мимолетныя вспышки пресыщенной натуры. И только разъ, можетъ быть во всей своей жизни набобъ испыталъ полноту, напряженность и свѣжесть чувства, столкнувшись съ гордой, полной внутренней жизни, дѣвухой, Лушей Прозоровой. Онъ искалъ ея общества и въ присутствіи ея замѣтно оживлялся. его дряблыя щеки покрывались румянцемъ. Но дѣвушка избѣгала его. «Его неподвижная, апатичная натура съ чисто животными инстинктами отталкивала ее». Дѣвушка предпочитала общество Прейна, умъ и сила котораго производили на нее обаятельное дѣйствіе.

Между тѣмъ, событія слѣдовали одно за другимъ. Управители забыли на время свои личные счеты и заявили «коллективный протестъ противъ диктатуры Горемыкина, который губить заводское дѣло». Тетюевъ также получилъ аудіенцію у Лаптева и заявилъ, что «приготовился умереть у знамени земскаго обновленія». Мастеровые подали свою «бумагу». Набобъ принималъ депутаціи, разсѣянно слушалъ, скупчалъ, соглашался и отсылалъ къ генералу. Генералъ все время бредилъ Кэри и Мальтусомъ, создавшемъ въ Россіи капиталистическаго производства, покровительственной системой, конкуренціей съ заграничными производителями и господствомъ на всемірномъ рынкѣ. Для

рѣшенія поднятыхъ вопросовъ заводской жизни рѣшено было устроить консультацию, въ которую вошли—генералъ, Прейнъ, Тетюевъ, два управителя, Родионъ Сахаровъ, а на второе засѣданіе были приглашены и мужики. Засѣданія происходили при торжественной обстановкѣ, какъ будто это были засѣданія какого-нибудь европейскаго конгресса. Послѣ вступительной рѣчи генерала Блинова началось обсужденіе поднятыхъ вопросовъ. Первымъ поставленъ былъ вопросъ о недоразумѣніяхъ между заводоуправленіемъ и крестьянскими обществами. Послѣ чтенія мужицкой «бумаги» и докладной записки Сахарова начались пренія, которыя продолжались и на слѣдующій день, съ новыми членами, «делегатами отъ населенія», униженно кланяющимися барину. Кукарскому Рিশелье приходилось совсѣмъ плохо. Съ одной стороны, на него нападали Тетюевъ и управители, съ другой стороны, у всѣхъ на глазахъ были «живые документы разныхъ заводскихъ неправдъ, фабрикованныхъ его ловкими руками». Въ добавокъ къ этому онъ насквозь видѣлъ всѣхъ, видѣлъ всѣ ходы и выходы... «Тотъ же Тетюевъ и другіе управляющіе толкуютъ за мужиковъ, а сами изъ-за мужицкой спины добываютъ Раису Павловну. Дай-ка имъ въ руки этихъ мужичковъ, да они бы изъ нихъ лучины нащепали. А генералъ всякому ихъ слову вѣрить, потому что они по образованному умѣютъ говорить, ученые слова разговариваютъ». Чѣмъ дальше шли работы консультации, тѣмъ положеніе Рিশелье дѣлалось невыносимѣе; казалось, все кругомъ рушилось, и дни Раисы Павловны были сочтены...

Недостойная комедія была прекращена. До сихъ поръ въ сторонѣ, повидимому, оставался одинъ Прейнъ. А, между тѣмъ, вся интрига велась съ его вѣдома и на его глазахъ. Онъ далъ развиваться ей только затѣмъ, чтобы вѣрнѣе покончить ее. Одинъ только онъ держалъ въ рукахъ всѣ нити сложной и запутанной интриги: въ его рукахъ былъ Лаптевъ, которымъ, въ концѣ концовъ, все держалось и которымъ Прейнъ умѣлъ управлять. Лаптевъ былъ на консультации, скучалъ и зѣвалъ. Когда работы консультации приходили къ концу, по предложенію Прейна, генералъ сдѣлалъ докладъ набобу, чтеніе котораго длилось битыхъ пять часовъ. Вслѣдъ за генераломъ явился къ набобу Прейнъ и объявилъ, что Тетюеву, предполагаемому кандидату въ главные управляющіе, необходимо дать вторую аудіенцію. Это было слишкомъ. Прейнъ вѣрно рассчиталъ. Набобъ не выдержалъ докладовъ и дѣловыхъ разговоровъ и постыдно сбѣжалъ одинъ въ Петербургъ, не простившись ни съ кѣмъ. Общему умузленію не было границъ и мѣры, всѣ были оглушены, одурачены. Прейнъ торжествовалъ. Впрочемъ, все зданіе было увѣичано достойнымъ образомъ. Царица Раиса со своимъ Рিশелье осталась на прежнемъ мѣстѣ, причемъ послѣдній еще разъ засвидѣствовалъ свои министерскія способности, проведя мысль о переводѣ Тетюева въ главную петербургскую контору. Ходъ былъ рассчитанъ вѣрно. Тетюевъ продалъ свое земское первородство и потерялъ пос-

гдню невинность. Для него была создана вновь особая должность юрисконсульта, которая охватывала тарифные вопросы, отношенія къ населенію, къ земству, словомъ область экономической политики. Важный моментъ въ развитіи капитализма!

На прощанье генералъ Блиновъ давалъ парадный обѣдъ, а на другой день всѣ разъѣхались. Прейнъ уѣхалъ послѣднимъ; вмѣстѣ съ нимъ уѣхала Лупа Прозорова, оставивши пѣяницу старика отца.

Всѣ дѣйствующія лица нашли достойную оцѣнку въ горькихъ словахъ Прозорова:—«Вы думаете, царица Раиса, я плачу о томъ, что Лукреція будетъ фигурировать въ роли еще одной жертвы русскаго горнаго дѣла,—о, нѣтъ! Это въ воздухѣ; понимаете мы дышимъ этимъ; проституціей заражена наука, проституція въ искусствѣ, въ нарядахъ, въ мысли, а что же можно сказать противъ одного факта, который является ничтожной составной частью общаго «прогресса». Не объ этомъ плачу, царица Раиса, а о томъ, что Виталій Прозоровъ, пѣяница и потерянный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ, является единственнымъ честнымъ человекомъ, послѣднимъ римляниномъ. Вотъ она гдѣ, настоящая-то античная трагедія! Господи, какое время, какіе люди, какая глупость и какая безграничная подлость! Тетюевъ съ Родькой теперь совсѣмъ подтянуть мужиковъ, а генералъ будетъ конопатить ихъ подлости своей проституированной ученостью... Наука, святая наука—и та пошла въ кабалу къ золотому тельцу! И вашему царству, Раиса, не будетъ конца... Будьте покойны за свое будущее—оно ваше. Вашъ день и ваша пѣсня... И слабая женщина нашла, наконецъ, свое мѣсто на пиру жизни... Да, теперь честной женщиной нечего дѣлать».

Прозоровъ не ошибся. «Результаты приѣзда барина на заводы обнаружили скоро: вопросъ объ уставной грамотѣ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что заводскимъ мастеровымъ земельный надѣлъ совсѣмъ не нуженъ, даже вреденъ; благодаря трудамъ генерала Блинова была возсоздана цѣлая система сокращеній и сбереженій на урѣзкахъ заработной рабочей платы, на жалованьи мелкимъ служащимъ и на тѣхъ крохахъ благотворительности, которыя признаны наукой вредными палліативами; управители, повѣренные и довѣренные получили соответствующія увеличенія своихъ окладовъ. Тетюевъ занялъ свой новый постъ юрисконсульта, а Родіонъ Антоновичъ единогласно былъ избранъ председателемъ ельниковской земской управы, причемъ въ первый же годъ своей земской дѣятельности поставилъ дѣло такъ, что знаменитая гора Куржакъ, обложенная 2 р. 17 к. земскихъ налоговъ, была освобождена отъ этой непосильной тяготы, какъ освобождены на Уралѣ отъ земскаго обложенія всѣ золотые приiski».

Естественнымъ продолженіемъ романа «Горное гнѣздо» служить романъ «На улицѣ» (Русская Мысль, 1886 г., 3—8), который и появился вскорѣ послѣ «Горнаго Гнѣзда». Я не буду входить въ разборъ этого романа отчасти въ виду того, что онъ не имѣетъ особен-

наго художественнаго значенія, отчасти потому, что все содержаніе его исчерпывается приведенными словами Прозорова. Маминъ изображаетъ здѣсь «улицу», широкую петербургскую улицу, міръ продажной науки и прессы, міръ дѣльцовъ высшей пробы и дѣловыхъ женщинъ, этого совершенно новаго явленія нашей жизни. «Улица» это—рынокъ, гдѣ можно купить знанія и энергію, талантъ и имя, совѣсть и честь, т.-е. все то, чего не достаетъ разнымъ Лаптевымъ. Авторъ показываетъ, какъ широко пользуется капиталъ этимъ рынкомъ невещественныхъ цѣнностей и какъ онъ заражаетъ все самое талантливое, выдающееся, отзывчивое.

В. Альбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Сижу я однажды преспокойно у себя въ кабинетѣ. Вдругъ звонять. Дверь открывается.

— Наконецъ-то, я васъ отыскалъ! Какъ же вы живете-можете, дорогой мой!

Свѣтъ лампы мѣшаетъ мнѣ разглядѣть гостя. Я прикладываю руку ко лбу и вижу передъ собою—Людвися Колаковскаго.

— Вы? Какими судьбами!—вослицаю я, подымаясь навстрѣчу его распростертымъ объятіямъ.

Мы распѣловались. Усаживаемся. Пріятель мой вытаскиваетъ изъ-подъ мышки какую-то объемистую тетрадь.

— Вотъ, видите ли,—говорить,—у меня къ вамъ дѣльце маленькое.

— Сдѣлайте ваше одолженіе,—отвѣчаю я, а самъ про|себя|думаю: вотъ-те и разъ!

Колаковскій почесываетъ у себя за ухомъ и начинаетъ:

— Былъ у меня, видите ли, пріятель одинъ, ненормальный человекъ—ну, да, просто, сумасшедшій... Бываетъ, что пріятели, даже иной разъ и самые лучшіе, съ ума сходятъ... Такъ вотъ у этого-то несчастнаго пріятели моего была манія писать ко мнѣ предлинныя письма. Кой-когда, изрѣдка, я ему и отвѣчалъ, но его всѣ письма кидалъ въ печь. Такъ вообразите же, что оказалось! Господинъ сей хранилъ у себя черновики. Сдѣлайте мнѣ это одолженіе, прочитайте-ка вы ихъ и посовѣтуйте, какъ бы это тутъ съ ними... Кабы можно было это напечатать, то я съ превеликимъ |удовольствіемъ, потому что, видите ли, этотъ безумецъ, бѣдняга, ужъ померъ... Да, померъ... Но въ оставленномъ имъ завѣщаніи онъ просилъ черновики эти всѣ передать мнѣ. И вдругъ меня мысль осѣнила: издамъ-ка я это!. Право, парень былъ славный... только вотъ не совѣмъ того... тутъ...

Онъ вручилъ мнѣ рукопись и ушелъ.

Я надѣлъ очки, взялъ рукопись. Открываю. Гляжу на первую страницу, читаю—читаю...

ПИСЬМО I.

Читали ли вы когда-нибудь, дорогой Людвигъ, книжку Нордау: «Условная ложь?» На дворѣ бушуетъ вѣтеръ, мокро, грязно, погода настраиваетъ самымъ пессимистическимъ образомъ. Возьмите въ руки эту книжку. Читайте ее подъ аккомпаниментъ вьюги, подъ шумъ ливня.

Все ложь, одна ложь!..

Прямо страшно становится коснуться перстомъ логики какого-либо явления, какого-либо вопроса, разъ въ головѣ возникло подозрѣніе, что ложь составляетъ подкладку жизни.

Да, ложь—это подкладка жизни. Правда—служить намъ лишь верхнимъ покровомъ, по которому, точно по непромокаемому плащу, безвредно сплываетъ градъ упрековъ; но грѣетъ насъ только подкладка,

Само собою разумѣется, это—мысли ненормального человѣка. Однако. внимали же гласу столькихъ мудрецовъ, столькихъ глупцовъ, почему же, хотъ бы разокъ не послушать или хотя бы только выслушать рѣчи безумца!?

Говорятъ, что сумасшедшіе въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ гораздо болѣе логичны, чѣмъ люди нормальные. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно упрекнуть, въ чемъ угодно, только не въ неправильныхъ сужденіяхъ. Нормальнымъ людямъ свойственно дѣлать неправильные выводы изъ вѣрныхъ основныхъ положеній; люди же ненормальные исходятъ, пожалуй, изъ ложнаго основанія, но зато правильность ихъ выводовъ поистинѣ изумительна.

Exemplum.

Нормальный человѣкъ помолится утромъ Богу:—«Отпусти намъ грѣхи наши, яко же и мы отпускаемъ должникамъ нашимъ»—и тутъ же, только что поднявшись съ колѣнъ, обращается къ своему повѣренному съ вопросомъ, наложилъ ли онъ уже арестъ на имущество одного изъ ближнихъ за непогашенный долгъ.

Ненормальный человѣкъ внезапно объявляетъ своей супругѣ, что онъ сдѣланъ изъ стекла. Убѣжденіе это, правда, само по себѣ ложно но зато всѣ выводы и дальнѣйшіе поступки будутъ чрезвычайно логичны и послѣдовательны. Такой человѣкъ боится тронуться съ мѣста, чтобы какъ-нибудь не разбиться, онъ не дотронется ни до какого предмета, чтобы не удариться о него; онъ преспокойно будетъ торчать у васъ передъ глазами, увѣренный, что онъ вамъ ничего собою не заслоняетъ, такъ какъ, вѣдь, онъ прозраченъ; онъ отойдетъ развѣ только тогда, когда вы докажете ему, что онъ не изъ прозрачнаго, а изъ матоваго стекла. Положимъ, онъ отойдетъ тогда, но и то съ какою-то недовѣрчивостью, такъ какъ доказать ему, что онъ изъ матоваго стекла, довольно-таки трудно.

Ненормальные люди обладают еще многими такими достоинствами, каких нѣтъ у людей нормальныхъ. Они чрезвычайно добросовѣстны, справедливы, нерѣдко высказываютъ глубокія мысли и держатся того взгляда, что дѣло должно слѣдовать непосредственно за словомъ.

Ехемрліум.

Человѣкъ нормальный плутуетъ въ торговлѣ, въ счетахъ, въ картахъ, поддѣлываетъ съѣстные припасы, общественное мнѣніе, усы, брови, добродѣтель, лицемеритъ, подверженъ безволю и нравственному безсилію, создаетъ себѣ различныя теоріи для оправданія своей лѣни, своей алчности, наконецъ, чуть ли не ежеминутно высказываетъ такія мысли, надъ которыми въ душѣ самъ смѣется.

Совсѣмъ не то—человѣкъ ненормальный. Если онъ вдругъ и выразитъ такую ненормальную мысль, какъ та, что, во имя Божіе, слѣдуетъ отпускать своимъ должникамъ, то онъ немедленно призываетъ къ себѣ всѣхъ должниковъ, рветъ векселя и росписки, прощаетъ имъ всѣ обязательства и вдобавокъ напутствуетъ ихъ пожеланіями всего лучшаго въ жизни. Но тогда нормальные люди берутъ его подъ опеку.

Однимъ словомъ, ненормальный человѣкъ всегда и всюду бываетъ самимъ собою, между тѣмъ какъ человѣкъ нормальный, если на него посмотрѣть въ перспективу, состоитъ изъ двухъ людей.

Стоитъ только взять соотвѣтственно преломляющую призму логики и поставить два экрана подъ угломъ эгоизма—и вы на каждомъ изъ нихъ увидите образъ человѣческой.

Кто-то сказалъ, что тамъ, гдѣ соберутся двое поляковъ, всегда будетъ три мнѣнія. Неправда, тамъ будетъ четыре мнѣнія, и потому-то тамъ никогда нѣтъ такъ называемаго прямого большинства.

И потому-то у насъ почти нѣтъ ненормальныхъ людей—людей, которые руководились бы хотя и ложными убѣжденіями, но зато едиными, твердыми. Нѣтъ у насъ ненормальныхъ людей, потому что слова у насъ не имѣютъ никакой связи съ дѣломъ, ибо изъ двухъ человѣкъ, которые сидятъ въ каждомъ полякѣ, одинъ говоритъ одно, а другой дѣлаетъ другое. Да, вотъ есть еще декаденты—такъ тѣ на словахъ утверждаютъ, что въ нихъ сидитъ нѣсколько человѣкъ. Надо быть ненормальнымъ человѣкомъ со всей его превратной логикой для того, чтобы придти къ выводу, что нѣсколько человѣкъ никоимъ образомъ не могутъ образовать одного.

На этомъ основаніи мы осмѣливаемся предположить, что общество наше, способное одними и тѣми же ушами терпѣливо прослушивать до конца какъ наставленія Христа объ обязанностяхъ къ ближнему, такъ и разсужденія адвоката о необходимости наложенія ареста на имущество неоплатнаго должника, какъ «Импровизаци» Мицкевича, такъ и «Монологи» Завадзкаго, что это самое общество поинтересуется, хотя бы изъ одного любопытства, послушать, что можетъ сказать ему объ

искусствѣ ненормальный человекъ, который, быть можетъ, исходить изъ ложнаго взгляда, но зато рассуждаетъ логично.

Да и то сказать, откуда намъ знать, чьи взгляды ложны и чьи истинны?

Вотъ, вѣдь, были же мы вполне счастливы и довольны нашими взглядами, какъ вдругъ, возьми, да появиись такой Нордау—и все наше счастье улетучилось, какъ дымъ.

Онъ, вѣроятно, подлил какой-то ѣдкой кислоты во все эти наши взгляды—и удивительно, какъ скоро они разложились...

Но откуда у этого человекъ взялась эта кислота?.. Не есть ли это, пожалуй, та кислота, которую можно бы назвать «кислотою ненормальности»?

Онъ приводитъ насъ къ заключенію, что наша нравственность не есть то, что въ химіи называется элементомъ и что ее можно разлагать на составныя части. Да, этотъ безумецъ идетъ еще дальше. Онъ утверждаетъ, что то, что мы называемъ добродѣтелью, не есть нѣчто цѣльное, единое, а что она представляетъ нѣчто, подобное тому, что въ металлургіи носитъ названіе «композиціи». Композиція—какой ужасъ! Мы убѣдительно просимъ помнить, что беремъ этотъ терминъ не изъ теоріи музыки, а изъ металлургіи и что у насъ даже и въ поминѣ не было сказать такую вещь, какъ то, будто бы мы компоновали себѣ добродѣтели!

О, этого не посмѣлъ бы утверждать даже самый ненормальный человекъ!

Мы съ негодованіемъ отвергаемъ подобную мысль. Добродѣтель едина—объ этомъ и толковать нечего, хотя, по словамъ Нордау, она бываетъ подчасъ и альяжемъ. Альяжъ опять таки альяжъ, а не фикція; надо быть, дѣйствительно, сумасшедшимъ, чтобы назвать альяжъ фикціей!

Правда, кто-то, и чуть ли не тотъ же самый Нордау, утверждаетъ, что мы, покупая добродѣтель, получаемъ за наши деньги альяжъ и что альяжъ этотъ, за который мы платимъ относительно дорого, содержитъ въ себѣ едва 1% добродѣтели, остальные же 99%—все примѣси.

Неужели это такъ?..

О, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы произвести въ химической лабораторіи логичный тщательный анализъ всѣхъ этихъ примѣсей, главное, съ точки зрѣнія ихъ реагированія на всевозможныя реактивы.

Но вотъ вопросъ: возьмется ли за такое дѣло человекъ нормальный?!

Сомнительно.

За такую работу можетъ взяться только человекъ ненормальный, одаренный, какъ мы доказали выше, неустрашимой логикой, человекъ, который хочетъ и умѣетъ быть послѣдовательнымъ.

Ненормальный человекъ *долженъ* быть послѣдовательнымъ. Человеку нормальному въ этомъ нѣтъ надобности. Жизнь награждаетъ

его привилегіей сводить счеты съ своей душою по двойной бухгалтеріи; суммы «дебета» и «кредита» сходятся, а то, что душа ведетъ себѣ особо счеты «мое» и «твое»—ну, такъ на этомъ-то, въ сущности, и основывается ея нормальность.

Да, только—вотъ и здѣсь тоже надо быть ненормальнымъ человекомъ, чтобы умѣть это различать.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что ненормальный человекъ видитъ многое такое, чего не видятъ люди нормальные. Выслушайте же терпѣливо, что вамъ скажетъ ненормальный человекъ, а прогласить его, выгнать или сечь—на это у васъ еще хватитъ времени!

ПИСЬМО II.

Позвольте, Людвигъ, позвольте...

Всему есть границы. Отъ этого неприятнаго условія избавлены только такія вещи, какъ время, пространство и т. п. Вы къ нимъ не можете причислить вашего негодованія—оно не время и не пространство—и посему оно должно подлежать какому-нибудь ограниченію.

Ваше письмо произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Теперь только я вижу поразительно ясно, до какой степени вы нормальный человекъ. Вы возмущаетесь тѣмъ, что я намѣреваюсь писать объ искусствѣ и выставляете такіе мотивы:

- 1) что я въ искусствѣ ничего не понимаю,
- 2) что я сумасшедшій и
- 3) что я никогда не былъ за границей.

По всѣмъ этимъ пунктамъ я вамъ возражу слѣдующее.

Вы меня упрекаете, что я берусь писать объ искусствѣ, ничего въ немъ не понимая. Но, голубчикъ, я въ этомъ еще не вижу ничего ненормальнаго, такъ какъ, вѣдь, у насъ-то объ искусствѣ преимущественно такіе господа и пишутъ, которые въ немъ ничего не смыслятъ. Положимъ, слава-то тутъ не велика! Это свойственно нормальному человеку, и наше общество нормальныхъ людей обыкновенно ничего противъ этого не имѣетъ. Вся новизна, вся оригинальность положенія вашего пріятели основана на томъ, что необходимо быть ненормальнымъ человекомъ для того, чтобы, не понимая искусства, сумѣть² подмѣтить въ немъ такія вещи, которыя люди понимающіе упустили изъ виду.

Ясно?

Перейдемъ къ слѣдующему.

Вы говорите, что я не имѣю права писать объ искусствѣ, потому что я сумасшедшій, а на сумасшедшихъ никто не обращаетъ вниманія, ихъ отправляютъ въ Творки. Хотите, я однимъ взмахомъ сейчасъ уничтожу сей упрекъ: у насъ только тогда начинаютъ обращать на человека вниманіе, когда онъ сходитъ съ ума.

Вы, можетъ быть, не согласны?..

А теперь послѣднее.

Вы говорите, что я никогда не былъ за границей. Да былъ, ей-Богу же, былъ и даже нѣсколько разъ, я только въ Парижѣ не былъ, а это у людей нормальныхъ называется вовсе не быть за границей, между тѣмъ какъ люди ненормальные смотрятъ на это совершенно иначе. И знайте, покуда я не проведу черты подъ моимъ послѣднимъ письмомъ, до тѣхъ поръ я не поѣду въ Парижъ! Вы понимаете? А потому, я вамъ совѣтую умѣрить ваше негодование, ибо я, какъ человѣкъ ненормальный отличаюсь упрямствомъ. И еще по нѣкоторымъ причинамъ вы должны умѣрить изліянія вашего нормального негодованія и необходимо вамъ, сударь, вооружиться терпѣніемъ въ виду того, что я, не побывавъ въ Парижѣ, имѣю дерзкое нахѣреніе писать о немъ. Правда, это уже и до меня дѣлали нормальные люди, но я это буду дѣлать изъ совершенно иныхъ побужденій. Какъ человѣкъ, доведенный до безумія...

Итакъ, какъ видите, всѣ ваши аргументы разбиты и обращены въ одиѣ жалкія развалины, и я не совѣтую вамъ въ нихъ копать, ибо вы для себя извлечете одинъ только стыдъ.

Однако, помимо всего этого, я, признаться, частенько вамъ завидую...

Отчего??

А оттого, что я и самъ былъ когда-то нормальнымъ человѣкомъ, и спокойно было тогда у меня на душѣ. Совѣсть моя катилась, словно карета на резинахъ, по выбоинамъ всѣхъ житейскихъ вопросовъ. Жизнь представлялась мнѣ въ видѣ тарелки помидороваго супу; тарелка эта стояла передо мною, и я черпалъ изъ нея ложкой, которую мнѣ милостиво сунула въ руку судьба. Я находилъ, что моя главная и единственная обязанность заключается въ томъ, чтобы ѣсть этотъ супъ, ѣсть его до тѣхъ поръ, пока смерть своимъ саваномъ не утретъ мнѣ губъ и не скажетъ: «будетъ!»

Когда ночь спускала свою темную завѣсу на книгу, въ которой записывались всѣ мои дневныя дѣянія, сонъ производилъ балансъ активу и пассиву, а лѣнивая совѣсть не высылала никакихъ ревизіонныхъ комиссій для провѣрки счетовъ. Слѣдующій день начинался какъ бы новой жизнью; я бралъ новую книгу, въ послѣднюю заглядывалъ рѣдко, въ предпослѣднюю—никогда. Такъ жилъ я изо дня въ день, отъ баланса до баланса, точь въ точь какъ наши акціонерныя общества, которымъ, однако, все это прощается, въ виду этой самой ихъ «нормальности».

Въ области мозга моего существовали материка и моря, простирались огромные континенты, еще невѣдомые другъ другу. Былъ тамъ континентъ человѣчества—и я его зналъ отлично. Былъ континентъ этики—я совершалъ по немъ многократныя путешествія. Былъ, наконецъ, и континентъ искусства—я любилъ проводить на немъ зимніе мѣсяцы. Какъ я сказалъ уже выше, континенты эти существовали

совершенно независимо одинъ отъ другого и не завязывали между собою никакихъ сношеній. Не было еще тогда въ мозгу моемъ Колумба, который указалъ-бы имъ пути другъ къ другу. О, какъ я былъ тогда счастливъ!

Когда теперь, порою, я озираюсь вокругъ себя, въ поискахъ за утраченнымъ счастьемъ, я съ болью въ душѣ встрѣчаю передъ собою цѣлыя легіоны лицъ, сіяющихъ радостью и довольствомъ. Они производятъ на меня впечатлѣніе свѣтлыхъ, чистыхъ полотентъ, передъ которыми еще не останавливалась Самокритика съ кистью въ рукѣ. Я заглядываю въ глубь ихъ мозговъ— и что же? Я съ ужасомъ вижу, что и у нихъ міръ мысли разодранъ на точно такіе же матеріки и моря, на точно такіе же континенты, что тамъ правда, тоже появлялись Колумбы, но они были объявлены сумасшедшими и изгнаны изъ мозга...

Бреду я, безумецъ, домой, а за мною несутся цѣлыя арміи призраковъ, толпятся на лѣстницѣ, толкаются въ дверь; я пытаюсь запереть ее, но они не пускаютъ, грозятъ мнѣ, вваливаются за мной. Я сажусь за ужинъ; они вырываютъ у меня хлѣбъ изъ рукъ, отталкиваютъ столъ. Усталый, измученный, я ложусь спать; они окружаютъ меня, стаскиваютъ съ постели и все грозятъ, грозятъ!

Домашніе, глядя на меня, многозначительно покачиваютъ головами. Друзья, встрѣчаясь со мною на улицѣ, необыкновенно вѣжливо жмутъ мнѣ руку и, уходя, пожимаютъ плечами. Знакомые меня избѣгаютъ.

Да, вѣдь, я же превосходно знаю, что я сумасшедшій! Никто меня въ этомъ не переубѣдитъ...

Но, вѣдь, когда-то, когда-то я имъ не былъ! Сколько сладкаго, тихаго счастья, таялось тогда въ моей душѣ!

А если бы вдругъ, какимъ-нибудь чудомъ, стать опять нормальнымъ человѣкомъ? Не было ли бы мнѣ лучше?

О, никогда! Не хочу я! Не хочу!

Теперь мнѣ было бы во стократъ хуже...

Кто уже сорвалъ плодъ съ древа познанія добра и зла, того могутъ выгнать изъ рая, могутъ заставить его зачать и рождать въ мукахъ, могутъ заставить его дрожать отъ холода, голода и страха смерти, могутъ, наконецъ, заставить его умереть—но онъ, несмотря ни на что, никогда не захочетъ стать опять—нормальнымъ человѣкомъ!..

ПИСЬМО III.

Стойте! Стойте!

Въ разгарѣ моихъ разсужденій я совсѣмъ позабылъ возразить вамъ на одинъ изъ самыхъ важныхъ упрековъ.

Что вы сказали, Людвигъ, о книжкѣ Нордау? Что это старье?

Помилуйте!..

Мнѣ это припомнилось въ ту самую минуту, когда я уже опускалъ письмо въ почтовый ящикъ. Вотъ-вотъ уже указательный палецъ получилъ изъ мозга приказаніе «задержаты!». Но въ ту же секунду рука дрогнула, и письмо исчезло въ отверстіи. Въ первый моментъ я уже было собирался побѣжать на почту, чтобы распорядиться о возвращеніи мнѣ письма; но потомъ я раздумалъ, что гораздо практичнѣе будетъ просто вернуться домой, сѣсть, да написать продолженіе или, лучше сказать, дополненіе. Меня такъ и разжигало. Шелъ я довольно быстро, толкая прохожихъ и составляя у себя въ головѣ дѣльный планъ атаки. Я готовилъ къ бою аргументы, точно войска, но наполеоновски маскировалъ артиллерию, которая вполнѣ замѣнила разрушительную атаку нашей крылатой кавалеріи,—какъ вдругъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Бронкой. Это та натурщица, о которой мы съ вами говорили. Я былъ страшно золъ, что она такъ некстати мнѣ встрѣтилась; я боялся, что какой-нибудь аргументъ ускользнетъ у меня изъ головы или что я потеряю нить разсужденій. Какъ нарочно, плутовка схватила за рукавъ и остановила.

— Куда вы это такъ спѣшите, безумецъ?

Видите, даже натурщицы уже обзываютъ меня безумцемъ!

Ко мнѣ въ одинъ мигъ вернулось хорошее настроеніе. Я сообразилъ, что до слѣдующей почты у меня еще пять часовъ времени, и пошелъ съ нею.

Бронка была восхительна. На ней была бурка отъ Герзе—чертовская бурка! Такая мягкая, нѣжная, пушистая—дотронешься до нея, такъ тебя словно жаромъ и обдастъ. Мелкій дождикъ рѣзалъ лицо, дулъ сильный вѣтеръ. Каштановые волосы Бронки были мокры. Тутъ я вдругъ въ первый разъ замѣтилъ, что глаза у ней совсѣмъ зеленые, какъ два изумруда въ формѣ миндалей. Ну, ей - Богу, точно какъ у кошки! Только у кошки круглые. Я ее всегда видалъ только по вечерамъ, и тогда у ней глаза были не то каріе, не то черные. Но зеленые!?

Безумные глаза!

Я, ей такъ сказалъ. Обрадовалась! Въ сущности, наши натурщицы никого не уважаютъ, какъ только своихъ художниковъ, да скульпторовъ. Въ свободное время онѣ поступаютъ въ содержанки къ холостымъ фабрикантамъ, но зато комплименты принимаютъ только изъ устъ литераторовъ.

Я однажды предложилъ ей вопросъ, отчего это такъ? А она, плутовски улыбаясь, отвѣтила:

А оттого, что они умѣютъ ихъ говорить!

Ага, такъ и ты, голубушка, уже знаешь, что значить «умѣютъ говорить»?

Мы шли съ нею рядомъ, перекидываясь шуточками. Порою, вслѣдствіе чрезвычайно оживленнаго разговора, мы нечаянно толкали другъ дружку, благодаря чему уровень моего хорошаго настроенія еще болѣе повышался, точно столбикъ ртути въ барометрѣ.

— Зайдемте къ Густаву,—предложила мнѣ Бронка.

Я вамъ писалъ уже когда-то о Густавѣ Шанявскомъ. Онъ опять простудился и лежитъ въ постели.

Мы пошли. Ну, и высоко же свиты эти «орлиныя гнѣзда»! Подымались мы съ Бронкой, навѣрное, минутъ десять, останавливаясь на каждой площадкѣ. Подымаю голову вверхъ: кажись, лѣстницамъ и конца не будетъ! Еще лѣстница, и еще, и еще...

Изъ кухонныхъ дверей отовсюду высовываются фізіономіи служанокъ. При видѣ Бронки, старухи сердито захлопываютъ дверь, а молодья, окидывая насъ взглядомъ, улыбаются и, мурлыча себѣ что-то подъ носъ, медленно отходятъ.

Наконецъ, вотъ ужъ мы и въ «высшихъ сферахъ».

Сферы эти, дѣйствительно, заслуживаютъ названія высшихъ, съ одной стороны, какъ самыя высокія въ вертикальномъ направленіи, съ другой, съ точки зрѣнія господствующихъ въ нихъ убѣжденій.

Вотъ, если мы возьмемъ хотя бы торгово-промышленныя сферы: тамъ у нихъ человѣкъ директоромъ начинается, директоромъ и кончается.

По понятіямъ же тѣхъ, кто обитаетъ въ сихъ «орлиныхъ гнѣздахъ», человѣкъ, homo sapiens—это толпа, масса. Художникъ—это уже сверхъ человѣкъ.

Мы входимъ въ первую комнату. Изъ сосѣдней доносится покрываніе Шанявскаго. Бронка бѣжитъ туда. Я снимаю съ себя пальто и окидываю взоромъ мастерскую.

Три начатыя картины, двѣ недоконченныя, на полу, у стѣны, нѣсколько эскизовъ, кушетка, столикъ изъ дешевенькихъ, передъ нимъ—маленькое кресло рококо, на немъ—фотографіи, наброски—вотъ и все ея убранство.

Одна изъ начатыхъ картинъ изображаетъ Мадонну, стоящую на полумѣсяцѣ и возносящую взоры къ небу. На другой нарисована Бронка, лежащая на кушеткѣ, лицомъ къ зрителямъ, разумѣется, безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей. На третьей—та же Бронка, опять-таки безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей, но къ зрителямъ спиною.

На первой изъ недоконченныхъ картинъ—Бронка, до пояса лишенная принадлежностей дамскаго туалета; на другой изображена св. Женевьева, сія послѣдняя предназначается для бокового алтаря въ Чубатой Волькѣ. Бѣдные мужички! Придетъ ли имъ въ голову мысль, что образъ, передъ которымъ они стоятъ на колѣняхъ, нарисованъ самымъ яримъ атеистомъ?

Разсматриваю эскизы. Большинство изъ нихъ представляетъ изо-

браженія составныхъ частей Бронки, передо мною три ноги ея, пять рукъ, два лица, наконецъ, торсъ ея; вѣренъ ли онъ—судить не берусь, ибо свидѣтелемъ сеансовъ мнѣ быть не приходилось. Изъ фотографій мнѣ, прежде всего, бросилась въ глаза Леда, съ головой, склонившейся къ клюву лебедя, затѣмъ, одна покойная актриса въ костюмѣ буквально изъ собственной кожи, который вполне безупреченъ, затѣмъ нѣсколько нимфъ; нѣсколько Аполлоновъ и, наконецъ, рядъ сценъ изъ Овидіева: «De arte amandi».

Если бы въ этомъ ателье вдругъ очутились всѣ наши моралисты, наши скромницы, да еще разные другіе «наши»—какой содомъ поднялся бы среди нихъ! Какимъ негодованіемъ заплыла бы ихъ сердца! Нечего и говорить, что Густавъ былъ бы немедленно объявленъ сумасшедшимъ.

Между тѣмъ, это несправедливо: тутъ все свидѣтельствуетъ о полнѣйшей нормальности. Я въ жизни не встрѣчалъ болѣе нормального сверхъ-человѣка! Да это вамъ подтвердить и критика.

Порой лишь, когда какой-нибудь безумный, ненормальный чловѣкъ случайно забредетъ сюда и остановитъ на всемъ этомъ взоръ свой, ему вдругъ почудится, что все это начинаетъ двигаться, метать угрожающе взгляды, рты искажаются отчаянными конвульсіями, руки протягиваются съ мольбертовъ, высовываются изъ рамъ, изъ «орлиныхъ гнѣзлъ», съ этой сверхчеловѣческой высоты туда, на уличную мостовую—и ужасною непрерывною цѣпью все это тянется дальше, сжѣмивается съ сутолокой живой, чловѣческой жизни, полной проклятій, безсильныхъ рыданій, полной безбрежного отчаянія, завершаемой больницей и нищенскими похоронами...

Да, когда смотреть на это безумный, тогда въ мозгу дотогѣ одинъ другому невѣдомые континенты начинаютъ различать другъ друга, тамъ копошатся какіе-то Колумбы, пытаюсь доказать, что все это связано между собою, что тутъ одно дополняетъ другое, одно вытекаетъ изъ другого—эти Колумбы сплужутъ съ растрепанными волосами, съ остолбенѣлыми глазами...

Густавъ позвалъ меня къ себѣ... Бронка уже успѣла тѣмъ временемъ пережѣнить ему компрессъ. Онъ лежалъ въ постели. Странное впечатлѣніе произвело это сочетаніе молодости съ болѣзнью. Лобъ у него узкій, но высокій, глаза черные, такіе же усы и тонко вьющаяся борода клиномъ. Окно было завѣшено занавѣской, на ступѣ, у изголовья, стояла зажженная свѣча; тѣнь Густава во всю свою длину выступила на стѣнѣ. И,—странное дѣло;—въ то время, какъ лицо Густава, при моемъ входѣ, озарилось привѣтливой улыбкой, глаза ожились и губы раскрылись, чтобы произнести нѣсколько привѣтственныхъ словъ, на стѣнѣ смутными очертаніями выдѣлялся какой-то призракъ, лежавшій навзничъ, съ руками, сложенными на груди, съ беззвучно раскрытыми устами.

Бронка занялась самоваромъ, а Густавъ принялся сѣтовать надъ судьбою жрецовъ искусства. Это его любимая тема. Онъ осыпалъ упреками подлую толпу и перечислялъ всѣ тѣ козни, какими она преслѣдуетъ племя художниковъ. Тутъ меня въ первый разъ что-то кольнуло.

— Мы, жрецы искусства,—говорилъ онъ,—отдаемъ человѣчеству все, наше вдохновеніе, тѣло и кровь нашу, воспитываемъ его, развиваемъ въ немъ эстетическое чувство, выводимъ его изъ состоянія безмысленнаго прозябанія, учимъ его чувствовать, вникать въ себя, создаемъ бессмертную красоту...

Тутъ меня что-то кольнуло второй разъ. Въ одинъ мигъ предстали у меня передъ глазами всѣ изображенныя Густавомъ составныя части Бронки, безъ бурокъ отъ Герзе и безъ всѣхъ другихъ вещей изъ области дамскаго туалета; безспорно, части эти дышали безупречной красотой, но все-таки я никакъ не могъ понять, что за связь между ними и понятіемъ о бессмертіи; я зналъ, что одна картина попадетъ ко мнѣ, другая—къ брату Густава, и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могъ себѣ представить, какимъ это образомъ я и братъ Густава образуемъ человѣчество, да еще неблагодарное!

И потому, когда Густавъ снова вернулся къ темѣ своего жреческаго достоинства, и я почувствовалъ, какъ меня кольнуло что-то въ третій разъ, я прямо сказалъ ему:

— Послушайте, Густавъ, объясните вы мнѣ, пожалуйста, одно. Почему рисованіе Бронокъ, безъ бурокъ отъ Герзе и безъ многихъ другихъ вещей, должно считаться священнымъ и почему собственно человѣчество за это должно падать ницъ передъ вашимъ мольбертомъ?

Этотъ вопросъ, видно, не пришелся ему по вкусу, и въ отвѣтъ онъ нагородилъ мнѣ, что у меня совершенно отсутствуетъ эстетическое чувство, что я—филистеръ, что я не умѣю вникать въ себя, что я не имѣю понятія о томъ, что такое неуловимыя душевныя состоянія, что такое настроенія, что я увлекаюсь бесплодными разсужденіями, что вмѣсто того, чтобы дать чувству непосредственно овладѣть собой, я пускаюсь въ спекуляціи, которыя ни философовъ, ни людей ни къ чему не привели и не приведутъ, что я, навѣрное, сейчасъ сошлюсь на какую-нибудь отрасль науки, которую онъ отлично знаетъ, но которой онъ признавать не хочетъ, такъ какъ въ ней отсутствуетъ художественность и, наконецъ, объявилъ безповоротнo, что если на свѣтѣ еще кто-либо стоитъ чего-нибудь, такъ это только художника, да, пожалуй, кромѣ нихъ, еще и хоропія натурщицы. При этихъ словахъ Бронка подскочила къ кровати, сѣла на ней, перегнулась черезъ Гутка и, откинувшись назадъ, указывая на него пальцемъ, сказала:— Вотъ онъ правъ,—а потомъ на меня,—а онъ не правъ.

Натурщица locuta, causa finita.

Я разсмѣялся и поглядѣлъ Бронкѣ въ глаза, которые теперь, при свѣтѣ свѣчи, изъ зеленыхъ стали темно-карими. Она заложила руки

за спину, оперлась на спинку кровати, положила одну ногу на другую и призадумалась. Шанявскій продолжалъ говорить. Я притворялся, что слушаю. Бронка тоже притворялась, что слушаетъ, хотя она не только не слышала ни одного его слова, но даже не чувствовала моего, упорно устремленнаго на нее, взгляда. На лицо ея налетѣла тѣнь не то задумчивости, не то грусти. Мнѣ чудилось, что глаза ея вдругъ стали глубокими, глубокими; и чудилось мнѣ, что я вижу въ нихъ какой-то далекій край и въ немъ поля, луга, на горизонтѣ темнѣютъ очертанія деревьевъ и построекъ. Надвигается вечеръ. По дорогѣ на коренастомъ буланомъ ѣдетъ мужичокъ, съ сѣрыми глазами и длинными обвисшими усами; онъ на мгновение забылъ о свозкѣ сѣна, о срокѣ арендной уплаты, устремилъ взоръ въ даль, туда, гдѣ Варшава—и вздохнулъ. Но вдругъ онъ рѣзко, сердито махнулъ рукою, въ сѣрыхъ глазахъ его блеснула слеза, онъ перекрестился, потянулъ возжи и тронулся рысдой... Я бы еще долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, но въ эту минуту я почувствовалъ на рукѣ моей чье-то прикосновеніе, услышалъ голосъ Шанявскаго, говорившій: «да, да, голубчикъ, я безусловно правъ».—И увидѣлъ, вмѣсто полей, глаза и лицо Бронки, которая быстро отерла слезу и, словно разбуженная со сна, вздрогнула и слегка страннымъ голосомъ спросила: «что? Что такое?»

«Нельзя»,—доканчивалъ свое Шанявскій,—смотрѣть на такія вещи глазами нормальнаго человѣка, какъ это дѣлаете вы. Вы должны хоть немного умѣть быть ненормальнымъ...

Кровь ударила мнѣ въ голову, я вскипѣлъ было, но прежде, чѣмъ я успѣлъ что-либо подумать, Шанявскій добавилъ:

— Бронка могла бы намъ кой-что объ этомъ поразсказать изъ исторіи своей жизни...

Кровь отлила у меня отъ мозга и прилила къ сердцу. Я взглянулъ на натурщицу. Подъ ея широко раскрытыми глазами легли зеленоватые полукруги, губы у ней такъ и подергивались, казалось, вотъ-вотъ она разрыдается, но она сдержала себя, и только грустная улыбка уже не сходила съ ея лица.

Я зналъ, что прошлое этой дѣвушки было довольно трагическое, но мнѣ изъ него были знакомы только нѣкоторые отрывки, не могущіе представить ничего пѣлаго. Исторія ея была еще отъ меня сокрыта мракомъ неизвѣстности, и, признаться, я сгоралъ желаніемъ, чтобы онъ поскорѣе разсѣялся.

Правда, отъ Бронки было необыкновенно трудно допытаться чего-нибудь, но я не терялъ надежды, особенно въ виду того, что въ мою пользу говорило одно обстоятельство, благодаря которому эта дѣвушка, несмотря на то, что я не принадлежалъ къ сферѣ сверхъ-людей, т. е. не былъ художникомъ, дарила меня своимъ исключительнымъ расположеніемъ. Дѣло въ томъ, что, проходя однажды по улицѣ въ сопровожденіи «нормальныхъ» дамъ, я, встрѣтивъ ее, серьезно, почтительно и естественно ей поклонился.

Я теперь могъ бы нанести ей какую угодно обиду, она простила бы мнѣ все за этотъ одинъ простой, естественный поклонъ.

И потому-то я поставилъ Бронку несравненно выше Шанявскаго. Она поняла, что такъ не поступишь бы человѣкъ нормальный.

Она угадала во мнѣ ненормальнаго человѣка.

ПИСЬМО IV.

Дорогой другъ!

Нѣсколько разъ я уже брался писать вамъ, но, ей-Богу, не могъ. Попробую, можетъ быть, теперь удастся.

Да, такъ, значить, Бронка сидѣла на кровати. Мы собирались ее слушать. Но она первымъ дѣломъ закрыла руками лицо и принялась хохотать. Растопырить пальцы, поглядить то на меня, то на Шанявскаго—и опять хохочетъ.

Я даже въ недоумѣніе было пришелъ, что это она. Но вотъ она открыла смѣющееся лицо, и мнѣ на руку съ этого смѣющагося лица упала слеза; такъ, знаете, порою дождевая капля падаетъ съ дерева, когда его вдругъ сильно качнетъ вѣтромъ, когда минетъ гроза, и небо прояснится.

Потомъ она прошептала:

— Эхъ, что я вамъ стану рассказывать, — и опять захохотала.

Потомъ она сказала:

— А, вѣдь, я дворянка, у меня всѣ бумаги въ порядкѣ,—и повернувшись къ стѣнкѣ, зашептала,—да, Стефекъ, Стефекъ, съ него, вѣдь, все и началось.

Потомъ, не глядя на меня, она опять повернулась къ Густаву:

— Начинать все съ самаго начала, что ли?

И, сначала несвязно, путаясь, потомъ все ровнѣй и ровнѣй, она начала рассказывать...

Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не могу теперь, только не теперь!

Господи! Бѣдная, бѣдная дѣвушка!..

ПИСЬМО V.

Дорогой мой Людвигъ! Передаю вамъ все почти ея подлинными словами...

«Я была красивая... Право... Красивѣе, чѣмъ теперь. Волосы у меня были совсѣмъ свѣтлые. Теперь они стали каштановыми, а тогда были совсѣмъ свѣтлые. И глаза у меня были свѣтлые. Но я была страшно глупа!

Теперь, когда я уже слишкомъ умна, теперь только я вижу, какъ глупы бываютъ дѣвушки. Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ и я ничего не знала...

У папеньки моего дѣла что-то пошли плохо. Когда имѣніе наше въ Кѣлецкой губерніи пришлось продать, мы переѣхали въ Варшаву, и тамъ папенька, посредствомъ объявленій и знакомыхъ, искалъ мѣста управляющаго или арендатора. Мнѣ тогда было ровно семнадцать лѣтъ.

О, мы стараго дворянскаго рода! Не думайте, что я такъ себѣ, простая... Нѣтъ!

Стефекъ помогъ папенькѣ познакомиться съ теперешнимъ владѣльцемъ той деревеньки... Какъ она называется? Нѣтъ, не скажу... Деревенька? Не скажу! Стефекъ? О, не скажу ни за что! Звали его Стефекъ, и довольно съ васъ!

Я даже и сама не знала, что люблю его! Потому, когда онъ это дѣло папенькѣ устроилъ, онъ бывалъ у насъ каждый вечеръ. Мама имъ не занималась, потому что у насъ было много дѣтей; самому маленькому былъ годъ. Всегда, когда, бывало, мама его при Стефекѣ начнетъ кормить, такъ у меня все лицо покрасѣетъ... Но мама на это вовсе не обращала вниманія. Старшему изъ братьевъ было четырнадцать лѣтъ и онъ ничего не зналъ! О, если бы онъ только узналъ!

Мнѣ въ Стефекѣ все нравилось. Иногда къ намъ захаживала его тетка. Я только послѣ узнала, что это не тетка была. Такихъ бабъ надо бы вѣшать на дорогахъ.

Она меня во всемъ умѣла убѣдить. Мнѣ тогда казалось, что Стефекъ одѣвается красивѣе всѣхъ, что Стефекъ умнѣе всѣхъ, что Стефекъ добрѣе всѣхъ...

Да, умень-то онъ, пожалуй, но добрый...

Мнѣ даже лысины начали нравиться, потому что у Стефека была лысина. А что тутъ такого? Онъ самъ смѣялся надъ этой лысиной и просилъ меня хлопать его по ней.

А знаете, эта кассирша изъ драматическаго театра, та, что умерла, такъ она, говорятъ, такое себѣ съ лысыми позволяла, что, бывало, какъ продаетъ билеты, такъ на галереѣ всѣ чуть не лопался со смѣху. Она, видите, всѣхъ лысыхъ разсаживала на-крестъ, кресло за кресломъ...

Не вѣрите? Да мнѣ это Юзя рассказывала... Вы Юзю не знаете?.. Ну, такъ вашъ братъ хорошо ее знаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, она и вретъ, она, вѣдь, страшно, какая хитрая; она и сама умѣетъ такія вещи дѣлать... Вотъ вамъ и Гутекъ скажетъ.

Какую она разъ съ Гуткомъ штуку сыграла! Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..

Ну, а со Стефкомъ такъ дальше такъ было. Онъ вдругъ совсѣмъ пересталъ у насъ бывать. И такъ вдругъ, безъ малѣйшей причины. Я, точно больная, слонялась по комнатамъ и не знала, что мнѣ съ собой дѣлать. Разъ только зашла къ намъ та тетка и сухо сказала, что Стефекъ занятъ и ему некогда. Ну, днемъ я еще кое-какъ, но по вечерамъ! Прошло двѣ недѣли. Я себѣ взяла однажды, да и вышла сама на улицу и какъ разъ встрѣтила тетку. Спрашиваю ее опять, что съ Стефкомъ. «Занятъ», говоритъ. Но при этомъ она такъ какъ-то странно

смотрѣла на меня, а потомъ сказала, что если я люблю Стефа, то я должна стараться сдѣлать для него все въ жизни. Это мы уже прежде какъ-то говорили, что Стефекъ мнѣ какъ бы старшій братъ, а старшаго брата надо любить...

Ха, ха, ха, ха, ха...

Наконецъ, она сказала, что если Стефку некогда зайти къ намъ, то мнѣ бы слѣдовало къ нему забѣжать на минутку. Я уже не помню, что я ей на это отвѣтила, но она меня крѣпко обняла и сказала, что я должна ей довѣрять во всемъ.

Когда я вернулась домой, мамаша меня сильно разбранила за то, что я, не сказавшись, вышла изъ дому. Я промолчала, поцѣловала у мамы руку и ушла себѣ въ уголокъ. Оглянулась я. Никого нѣтъ. Я вынула зеркальце и давай на себя глядѣться. Тутъ и тутъ, съ обѣихъ сторонъ, на щекахъ у меня горѣли маленькія, красныя пятнышки, зрачки такъ расширились, что глаза стали совсѣмъ почти черныя. Сердце во мнѣ совсѣмъ какъ бы замерло, а, между тѣмъ, я чувствовала, со мною что-то такое дѣлается, что прикажи мнѣ кто-нибудь въ ту минуту кинуться на войско, либо украсть что, либо изъ окна выскочить—я бы все сдѣлала, безъ малѣйшаго колебанія...

Пойти къ Стефку?!..

Я тогда читала одинъ французскій романъ... заглавія я вамъ не скажу, потому что вы будете надо мною смѣяться... Ну, не скажу—и конецъ! Это мнѣ эта тетка дала этотъ романъ.

Тамъ было многое сказано, очень многое, хотя я изъ всего этого мало понимала и о нѣкоторыхъ вещахъ принуждена была только догадываться. Но это чтеніе меня опьяняло, вотъ точно весною, когда черемуха цвѣтетъ. Странныя мысли приходятъ въ голову, когда черемуха цвѣтетъ. Вы бы хотѣли, чтобы черемухи росли на всѣхъ улицахъ и чтобъ онѣ цвѣли цѣлый годъ!

Это мнѣ сказалъ Стефекъ. И, помню, въ глазахъ его тогда что-то заблестало, потомъ онъ вдругъ расхохотался и, можетъ, цѣлыхъ пять минутъ все хохоталъ. Наконецъ, онъ пересталъ и сказалъ мнѣ, что я глупа и что я должна слушаться его тетки, потому что она умная и опытная женщина.

Въ тотъ самый день, вечеромъ, часовъ около семи я опять тайкомъ вышла изъ дому и опять встрѣтилась на улицѣ съ теткой. Я еще тогда Варшавы не знала и не помню, по какимъ улицамъ мы съ нею шли. Но вдругъ тетка остановилась передъ однимъ домомъ и спросила меня, какъ бы невзначай:

А не зайти ли намъ къ Стефку?

Я начала дрожать всѣмъ тѣломъ, но ни чего не отвѣчала. На мгновеніе мнѣ показалось, что я замираю, но я пересилила себя и пошла за нею въ ворота. Оттуда мы вошли во дворъ, къ лѣвому флигелю и стали подыматься по лѣстницѣ...

Намъ не пришлось даже постучаться въ дверь, потому что какъ только мы къ ней подошли, она раскрылась настежь, и я увидала передъ собою Стефка. Лицо его сіяло, глаза блестѣли. Схвативъ меня за обѣ руки, онъ не то съ радостью, не то съ похвалою восклицалъ:

— А—а—а—а!...

Я больше не стану рассказывать... Къ чему?!.. Вы только смѣяться надо мной будете...

Что?—Ну, такъ, прежде всего, всѣ мы, я и онъ съ теткой, сѣли на кушеткѣ и разговаривали такъ, какъ у насъ дома. Точь въ точь такъ. Потомъ Стефекъ угостилъ насъ конфетами. Онъ хотѣлъ было еще налить мнѣ вина, но я отказалась, потому что вина никогда еще въ жизни не пила. Стефекъ не настаивалъ, за что я была ему очень благодарна, такъ какъ я чувствовала, что я могла бы опьянѣть отъ одной рюмки, а потомъ болтала бы глупости...

Мнѣ было такъ хорошо у него и съ нимъ. Въ головѣ у меня немного шумѣло, и я то и дѣло хватала его за руку.

Тетка намъ не мѣшала, она занялась приготовленіемъ чаю. Я было удивилась, что у такого барина, какъ Стефекъ, нѣтъ прислуги. Но онъ объяснилъ мнѣ, что мужской прислуги не любить, а служанка вышла за покупками и еще не вернулась. Но такъ какъ намъ всѣмъ захотѣлось чаю, то тетка вызвалась поставить самоваръ; я было предложила помочь ей, но она не позволила, говоря, что дѣвушка въ моемъ возрастѣ должна жалѣть свои руки; она—это другое дѣло, она уже старуха и ей нужны не бѣлыя руки, а доброе сердце...

Они пьютъ ужасно крѣпкій чай. Стефекъ подлилъ себѣ рюмку рому, подлилъ и мнѣ, а когда я ему сказала, что такъ пить не буду, онъ отвѣтилъ, что самъ за меня выпьетъ. Тетка меня за это потрепала по спинѣ, я ее обняла... Начинаю я пить чай... Какъ будто что-то горькое... А Стефекъ смѣется.

— У Брони, вѣрно, сахару мало?—говорить онъ и подаетъ мнѣ сахарницу.

Я разсмѣялась, схватила стаканъ и выпила его залпомъ.

Потомъ мы начали играть со Стефкомъ въ лапки. Гляжу, чай ужъ опять налить. Тетка закурила папиросу. Я отпила изъ стакана немного чаю, потому что у меня что-то немного голова кружилась; а тутъ тетка опять меня по плечу треплетъ. Я ее опять обнимаю, но вдругъ оборачиваюсь и вижу, какъ Стефекъ отдергиваетъ отъ моего стакана руку съ рюмкой.

Что вы дѣлаете, Господи!—кричу я.

А они начинаютъ надо мною смѣяться, что я такая глупенькая, что забыла даже вкусъ чаю. Я подношу стаканъ къ свѣту—что-то такое красное.—Это не чай,—говорю,—что вы меня увѣряете?..

— Чай,—божится Стефекъ,—честное слово, чай; вотъ, это вотъ не чай,—говорить онъ, хватая рюмку и выпивая ее до дна.

Ну, коли такъ, хорошо.— А сами хохочуть, хохочуть такъ, что просто ужасъ. Я хватаю стаканъ и—залпомъ его...

Стефекъ отъ меня въ восторгѣ. Я разговариваю только съ нимъ и подсаживаюсь къ нему поближе, онъ обнимаетъ меня за талію. Я только какъ-то сама себѣ удивляюсь, почему это я ничего такого особеннаго не чувствую, хоть мы сидимъ такъ близко другъ около друга. Если бы мы такъ у папеньки сидѣли, я бы, навѣрно, въ обморокъ упала...

Стефекъ смотритъ мнѣ въ глаза и что-то долго, долго говоритъ, я тоже въ глаза ему гляжу. Вдругъ меня что-то какъ будто ударило:— гляжу—тетки нѣту.

— Гдѣ тетка?—спрашиваю.

— А на что тебѣ тетка?—отвѣчаетъ онъ и опять смѣется

Ну, такъ я домой пойду...

— Одна? Развѣ барышни ходятъ по вечерамъ одѣ по улицамъ?

— Нѣтъ, пойду, непременно пойду! Если онъ такъ говоритъ, такъ я таки нарочно пойду...

— Иди себѣ, если хочешь, я тебя не держу...

Я хочу подняться—не могу... А онъ смѣется, все смѣется, да смѣется, смотритъ мнѣ въ глаза и смѣется, и я сама вдругъ тоже начинаю смѣяться, что вотъ съ мѣста подняться не могу...

На мгновеніе все пропадаетъ у меня изъ глазъ, кругомъ темно, въ ухахъ звенить... Прошло... Я опять вижу предъ собою столъ, лампу, стаканы, рюмку и бутылку, а слѣва—смѣющагося Стефка.

Голова моя запрокидывается назадъ... Я въ ту-же минуту выпрямляюсь, но Стефекъ успѣлъ это замѣтить. Онъ наклоняется ко мнѣ и говоритъ, что мнѣ, вѣрно, душно. Я слабо отодвигаю руку и говорю: Пускай ужъ такъ будетъ...

Опять у меня въ глазахъ потемнѣло, опять все пропало: и столъ, и лампа, и даже стѣны...

Когда я раскрыла глаза, передо мною уже не было стола; Стефекъ стоялъ передо мной на колѣняхъ, держалъ меня за обѣ руки, смотрѣлъ мнѣ въ лицо...

Мнѣ было ужасно душно... Я чуть не задыхалась... Кофточка была растегнута, но меня все-таки душило... Но это недолго продолжалось...

Опять у меня темно въ глазахъ стало... И въ этой темнотѣ я видѣла только нагнувшагося надо мной Стефка, его блѣдное лицо, отуманенные глаза... Потомъ исчезло все, все, все...

ПИСЬМО VI.

«Знаете, вѣдь, мама меня тогда побила?..

Она меня два раза въ лицо ударила, плакала, металась, потомъ схватила зонтикъ и била меня, била...

А я спряталась въ уголокъ, закрыла лицо руками и—ни звука...

Потомъ она начинала меня цѣловать, просить, умолять, потомъ, наконецъ, грозить и опять она выходила изъ себя отъ гнѣва и осыпала меня проклятіями...

Лучше бъ я тебя на свѣтъ не родила,—кричала она,—лучше бъ ты тогда отъ тифа померла...

Я все перенесла. Да я бы тогда себя на кусочки разрубить позволила, зарѣзать бы себя, убить бы дала...

Мама требовала отъ меня, чтобы я сказала ей только одно, одно словечко—у кого я была...

О нѣтъ, ни за что въ жизни я бы этого не сказала! Отецъ его убилъ бы, навѣрно бы убилъ; если не отецъ, такъ братъ. Съ дворянами шутить нельзя,—я это хорошо знала.

Отецъ меня не трогалъ. Онъ похудѣлъ, осунулся, сталъ грустнымъ и молчаливымъ и приказалъ немедленно укладываться въ дорогу. Черезъ недѣлю мы уѣхали въ Литву.

Я до того успѣла еще два раза побывать у Стефка. Въ первый разъ мнѣ вдругъ какъ-то все это страшно понятно стало. Я горько расплакалась. Но Стефекъ успокаивалъ меня, говорилъ, что это ничего, что не можетъ быть никакихъ послѣдствій, потому что мы, вѣдь, не обвинялись...

Вы думаете, что нѣтъ такихъ глупыхъ дѣвушекъ?..

Да и какъ я могла думать о какихъ-то тамъ послѣдствіяхъ, когда мнѣ трудно было вообще о чемъ-либо думать. Я только тогда начала немного думать, когда стали у насъ укладываться.

Не мало было со мной хлопотъ, потому что я вдругъ заупрямилась и не хотѣла уѣзжать изъ Варшавы.

Какъ? Ёхать куда-то на край свѣта? Изъ Варшавы? Отъ него?..

Самыя странныя мысли приходили мнѣ въ голову. Когда заколачивали ящики, я садилась у окна и глядѣла на крыши домовъ. Пролетали ласточки, и я думала, что ласточки могутъ летѣть себѣ, куда имъ угодно, а я должна ѣхать въ Литву...

Я нѣсколько разъ пыталась украдкой выйти изъ дому, но за мной теперь строго слѣдили. Пойду въ другую комнату—мама за мной, въ кухню пойду—мама за мной.

И я опять садилась у окна и глядѣла на воробьѣвъ, садящихся на крышу. И думала я: вотъ этимъ воробушкамъ достаточно имѣть немного соломы для своего гнѣздышка и они довольны, а мнѣ развѣ нужно больше?..

Я бы прикурнула гдѣ-нибудь, хоть на порогѣ, на лѣстницѣ, лишь бы это была лѣстница Стефка.

Чѣмъ болѣе приближалось время отъѣзда, тѣмъ сильнѣе отчаяніе охватывало меня; я рѣшила, что не поѣду, хоть умру, да не поѣду.

Мама слѣдила за каждымъ моимъ шагомъ. Она постоянно плакала и глазъ съ меня не спускала. Порой только, бывало, спросить сквозь зубы:

У кого ты была?

Стефекъ не велѣлъ мнѣ говорить, такъ какъ изъ-за этого могли бы выйти непріятности, потому будто у родителей иной взглядъ на воспитаніе женщинъ, а у общества—иной.

Однажды я попробовала убѣжать. Уже подводы пріѣхали забирать наши вещи, начали уже сносить ящики, я уловила какъ-то минуту, когда мама куда-то засмотрѣлась, выбѣжала чернымъ ходомъ на улицу.

Такъ я, можетъ быть, этого бы и не сдѣлала, но дѣло въ томъ, что, глядя черезъ окно, я вдругъ замѣтила на противоположномъ тротуарѣ тетку. Она ужъ нѣсколько разъ прошла мимо нашихъ оконъ и отъ времени до времени поглядывала наверхъ.

Увидѣвъ меня, она вошла въ ближайшія ворота. Я за нею. Нужно, говорить, сказать тебѣ словечко. Ну, я слушаю. Запомни—говорить—на всякій случай мой адресъ. Я съ плачемъ кинулась ей на шею, а она сказала мнѣ, что я большая дурочка и что никто изъ окружающихъ меня не сможетъ дать мнѣ хорошаго совѣта, и вотъ поэтому чтобы я хорошенько запомнила ея адресъ, такъ какъ она меня полюбила и въ случаѣ нужды готова многое для меня сдѣлать. Все это она проговорила быстро и какъ-то удивительно рѣзко. Я тогда подумала про себя, что вотъ къ ней можно было бы отнести слова папеньки, что часто у рѣзкихъ и непривѣтливыхъ людей бываетъ самое доброе сердце.

Между тѣмъ, меня бросились искать на улицѣ, поднялась цѣлая суматоха. Тетка куда-то исчезла. Я попыталась было проскользнуть между подводами, но папенька догналъ меня, схватилъ меня за руку и, еле дыша, втащилъ на третій этажъ.

Тогда-то я рѣшила лишиться себя жизни. Я слышала однажды, что одна институтка, желая покончить съ собою, взяла вязальный крючокъ и вбила его себѣ въ глазъ. Правда, крючокъ лежалъ у мамы въ корзинкѣ, но все-таки, вѣдь, я еще никогда не работала крючкомъ и потому я боялась, что я только себя этимъ искалѣчу, а больше ничего. Притомъ, я слышала еще и то, что объ институткахъ рассказываютъ разные чудеса, которымъ не всегда можно вѣрить.

Я вспомнила про фосфорныя спички. Теперь уже такихъ не употребляютъ. Но у насъ дома были только такія, потому что онѣ дешевле. Я взяла цѣлую коробку, обломала головки и проглотила.

Но, вмѣсто смерти, получилась ужасная глупость. Всѣ сбѣжались, увидѣли коробку съ обломанными спичками и очень скоро справились со мною.

Наконецъ, пришлось ужъ и намъ самимъ собираться. Ничего ужъ больше я не могла придумать, никакого средства, никакого исхода. Остановилась я въ послѣдній разъ у окна и взглянула на небо. А небо было какъ разъ такое чудное, чистое, ясное!

И начала я молиться Господу, тому всемогущему Господу, Который можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Заливаясь слезами, я молила Его

чтобы Онъ сдѣлалъ такъ, чтобы я не уѣзжала, чтобы Онъ позволилъ мнѣ остаться со Стефкомъ, чтобы Онъ какъ-нибудь такъ устроилъ, чтобы я непременно осталась... Глядя на ясное небо, я такъ просила Его, такъ молила!.. Вѣдь для Него—это лишь одно мановеніе руки—такъ что же Ему стоять сдѣлать это для меня, для бѣдной, несчастной дѣвушки?..

Я молилась такъ горячо, такъ жаждала этого чуда, что мнѣ казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ я непременно увижу что-нибудь на ясномъ небѣ. Но на немъ показались лишь легкія, бѣленькія облачка и мало-по-малу стали агѣть: солнце близилось къ закату...

Потомъ меня одѣли... Потомъ стучали дрожки по мостовой... Потомъ громыкалъ поѣздъ... Потомъ ржали лошади... Потомъ началась жизнь въ деревнѣ, сѣренькая, однообразная жизнь...

Я ничего не дѣлала, да съ меня и не требовали. По цѣлымъ часамъ, бывало, я просиживала у окна, бессмысленно глядя, какъ куры разгребаютъ землю, какъ надувается индюкъ, какъ чистятъ свои перышки утки.

Я не знала, гдѣ я: далеко ли, близко ли? Ничто меня не интересовало, ни о комъ я не думала: ни объ отцѣ, ни о матери, ни о братьяхъ и сестрахъ, ни о чемъ...

Мало-по-малу меня стала охватывать страшная, невыносимая тоска... Мнѣ нужно было Стефка...

Я выходила на крыльцо и смотрѣла въ даль, на западъ. Я не знала въ какой сторонѣ Варшава, но что-то говорило мнѣ, что—тамъ...

Тамъ—тамъ—тамъ!

Я глядѣла туда—и старалась представить себѣ комнату Стефка, И опять какія-то странныя мысли стали блуждать въ моей головѣ...

Стефекъ расхаживаетъ по комнатѣ.. Я хотѣла бы быть поломъ, по которому онъ ходитъ...

Стефекъ беретъ палку и выходитъ гулять... Я хотѣла бы быть палкой Стефка, которую онъ держитъ своей рукой...

Я хотѣла быть книжкой, которую онъ читаетъ, картиной, на которую онъ смотритъ...

У Стефка была большая, красивая собака... Я хотѣла быть этой собакой, которая ласкается къ его ногамъ, ходитъ за нимъ всюду, ложится на порогъ, поглядывая въ сторону хозяина... Когда Стефекъ ложится спать, она ложится подлѣ его постели и стережетъ его... Я хотѣла бы быть собакой и стеречь его, моего хозяина...

Стефекъ всегда носилъ цвѣтокъ въ петлицѣ сюртука... Я хотѣла быть этимъ цвѣткомъ.

Я хотѣла быть стаканомъ, котораго онъ касается своими губами... Лампой, что свѣтитъ ему по вечерамъ.

И не могла, не могла я быть даже тѣмъ, чѣмъ ему были стаканъ, лампа, цвѣтокъ, чѣмъ была ему—собака...

ПИСЬМО VII.

«Глядѣла, глядѣла я—туда, и, наконецъ, мною вдругъ овладѣло одно сильное, непреодолимое желаніе: бѣжать, бѣжать туда.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Я не въ силахъ была больше выдержать. Бѣжать! Но какъ бѣжать? Куда? Въ какую сторону?

Я знала только, что въ ту!

Когда я бѣжала въ первый разъ, меня задержали въ сосѣдней деревнѣ.

Черезъ недѣлю я улизнула ночью и спряталась въ лѣсу. Но тамъ меня нашелъ лѣсникъ и задержалъ у себя, покуда за мною не подоспѣли изъ дому.

Между тѣмъ, кругомъ стали разноситься сплетни, распустился слухъ, что у папеньки моего одна изъ дочекъ—какъ-будто—того...

Была поздняя осень, когда я бѣжала въ третій разъ. Но на этотъ разъ въ моей глупой головѣ былъ уже составленъ цѣлый планъ. Я разсуждала, что *туда* мнѣ птицей не полетѣть, а нужно просто отправиться желѣзной дорогой. Я не знала, какъ называется ближайшая станція. Я помнила только, по какой дорогѣ мы пріѣхали въ...

Ай, чуть-чуть не проговорила! Нѣтъ, вы никогда не узнаете, какъ называется деревенька, въ которой живутъ наши...

Разспрашивать я никого не могла, потому что это вызвало бы подозрѣніе. Чтобы поѣхать по желѣзной дорогѣ, нужно было купить билетъ, а у меня не было ни гроша.

Какъ-то разъ папенька забылъ на столѣ свои ключи. Я отперла его ящикъ и—украли у него пять рублей...

Было около трехъ часовъ пополудни. Я быстро вакинула на себя пальтишко, надѣла платокъ на голову и незамѣтно выскользнула изъ дому.

Небо было подернуто мглю, моросилъ мелкій, мелкій дождикъ. Я шла по грязи и страшно промочила себѣ ноги. Но это меня ничуть не смущало.

Что за бѣда,—думала я,—просушу ихъ у Стефка!

Я пошла черезъ садъ, обогнула лѣсокъ и направилась къ болотамъ. Я знала, что отсюда за мною не погонятся.

Долго ли шла я—не помню; но вскорѣ начало темнѣть, и болота, поля, небо—все потонуло въ сѣромъ туманѣ.

Вдругъ я по колѣни увязла въ трясинѣ. Забрызганная грязью, испачканная, вся въ поту, тяжело дыша, я выкарабкалась на берегъ и устремила взоръ туда, въ даль, за болота, черезъ которыя я, во что бы то ни стало, хотѣла перейти: мнѣ все казалось, что оттуда будетъ ближе къ Варшавѣ, къ Стефку...

Вдругъ я услышала топотъ конскихъ копытъ. Въ одинъ мигъ я вскочила на ноги и бросилась бѣжать. Это скакалъ конюшій, съ ко-

торымъ папенька былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ скоро догналъ меня, соскочилъ съ лошади и схватилъ за руку.

Онъ былъ очень добрый человѣкъ. Ему было уже лѣтъ шестьдесятъ, хотя на видъ онъ казался лѣтъ сорока. Онъ гладилъ меня по щекамъ, ласкалъ, успокаивалъ, уговаривалъ.

— Папенька,—говорилъ онъ,—приказали мнѣ домой васъ доставить, барышня... не огорчайте, барышня, вашего папеньку... папенька ничего вамъ не сдѣлаеть... на что вамъ бѣжать, Богъ знаетъ, куда?..

Я просила его, умоляла отпустить меня, вынула, наконецъ, даже тѣ пять рублей и думала подкупить его.

Но онъ только смѣялся, ласково гладилъ меня по лицу, упрашивалъ идти съ нимъ, словно нянюшка. Онъ мнѣ сулилъ золотыя горы, если только я вернусь...

Когда ничто, ни просьбы, ни увѣщанія не помогли, онъ сказалъ, что не пуститъ меня одну на вокзалъ, что онъ меня проводить. Мы пошли. По дорогѣ мы встрѣтили какого-то мужика. Конюшій сдалъ ему свою лошадь и велѣлъ отвести ее къ намъ. Мужикъ взялъ лошадь за узду и скоро исчезъ въ туманѣ, подымавшемся съ полей. Мы пошли дальше. Шли мы такъ около часу, какъ вдругъ за нами послышался стукъ повозки, и, вмѣсто того, чтобы проѣхать мимо, она остановилась...

Въ повозкѣ сидѣлъ папенька...

Меня усадили подлѣ него. Папенька былъ печаленъ, всю дорогу молчалъ и только разъ сказалъ:

— На такую дурную дочку я и смотрѣть не хочу...

Когда мы подѣхали къ дому, когда я сошла съ повозки и прошла въ комнаты, я вся горѣла отъ стыда. Я не смѣла ни на кого глазъ поднять.

На слѣдующій день я замѣтила, что мама какъ-то особенно внимательно присматривается ко мнѣ...

А черезъ нѣсколько дней меня даже уже и не старались задерживать, сами велѣли заложить для меня лошадей,—мнѣ уже нельзя было больше оставаться дома—потому—потому—

Потому что—мое положеніе—

ПИСЬМО VIII.

«Къ Стефку! Къ Стефку!

Къ Стефку!—шумѣлъ мнѣ вѣтеръ, шептали деревья, стучали колеса, гремѣли рельсы подъ вагономъ, свистѣлъ локомотивъ.

— Къ Стефку!—говорилъ мнѣ мой чемоданчикъ, лицо каждаго пассажира, каждый фонарь, каждая станція!

— Къ Стефку!—загремѣло у меня въ ухахъ, когда на Тереспольскомъ вокзалѣ всѣ стали толкаться къ выходу, когда насъ окружили носильщики.

— Къ Стефку!—слышалось въ стукѣ колесъ, въ шумѣ дождя, рѣзавшаго мнѣ лицо, въ дребезжаніи желѣзнаго моста на Вислѣ, въ шумѣ и сутолокѣ Варшавы.

Какъ я тогда попала къ Стефку, этого я никогда не пойму!

И какая это была встрѣча—я тоже никогда не забуду!..

Я открыла дверь—кинулась было къ нему, а онъ вытаращилъ глаза, отступилъ на шагъ и холодно произнесъ:

— А ты тутъ какими судьбами??

Стефекъ!!.

Онъ спросилъ меня, имѣю ли я уже квартиру?

Я то озиралась вокругъ, то глядѣла на него... Я никакъ не могла сообразить чего-то...

— Ну, отправься-ка ты лучше сейчасъ къ теткѣ,—сказалъ онъ,— въ это время она еще дома. Ты ея адресъ помнишь? Она, вѣдь, дала его тебѣ...

Я двѣ недѣли пролежала въ постели. Тетка принялась давать мнѣ различные совѣты. А я ничего слушать не хочу. Она то и дѣло говорить мнѣ: дура ты, какъ я на тебя погляжу! А я все свое. Одно только и твержу ей: я люблю Стефка и хочу къ Стефку. Да Стефекъ тебя не хочеть!—говорить. А я ее не слушаю.

Однако, Стефекъ нѣсколько разъ зашелъ ко мнѣ и даже позволилъ мнѣ у себя бывать.

Я опять похоропѣла, и Стефекъ опять началъ со мною хорошо обращаться.

Стали мы немного кутить...

Стефекъ все чаще сталъ водить меня къ художникамъ и знакомить съ ними. Веселый это народъ! Только ужъ чтобъ ихъ, что они себѣ съ нами позволяютъ...

Однажды, на пирушкѣ у Юлія они что сдѣлали? Переодѣлись всѣ греческими богами, а мнѣ велѣли представить изъ себя Венеру.

Теперь я уже не такъ легко пьянѣла и всегда помнила себя. Но бывали минуты, когда я ихъ всѣхъ ненавидѣла, даже Стефка...

Да, испортили они меня—и испортили...

Такъ я и осталась у Юлія и съ тѣхъ поръ жила у него. Юлій срисовалъ съ меня нѣсколько картинъ.

Потомъ были пирушка у Стася. Послѣ этой пирушки я осталась у Стася, и Стась съ меня рисовалъ...

Потомъ рисовали съ меня и другіе. Ко многому я привыкла, къ одному только привыкнуть не могла: жить безъ Стефка...

А Стефекъ сердился ужасно, если я къ нему заходила.

Потомъ для натурщицъ настали плохія времена, потому что художники перестали рисовать женщинъ, а занялись только пейзажами.

Правда, мнѣ бы могло и не быть такъ плохо, если бы не мои фантазіи. Они хотѣли мнѣ все дать, но я принимала только то, что заработала за позированіе.

Отъ Стефка я никогда ничего не приняла! Никогда! Если онъ иногда хотѣлъ мнѣ что-либо подарить, такъ онъ мнѣ это долженъ былъ продать. Сперва я ему больше платила, а потомъ все меньше, да меньше. За золотые часы, что онъ мнѣ изъ-за-границы привезъ, я заплатила ему шесть рублей. Потомъ я давала ему за такія вещи всего по пятиалтынному. Ну, а потомъ и еще меньше... Вотъ за это колечко я ему дала всего... копѣйку...

Круглый годъ я принуждена была жить съ однимъ мыловаромъ. Но, къ счастью, теперь вотъ снова понемногу стали рисовать женщины, Гутекъ—первый.

Что? Вы спрашиваете, всегда ли я любила Стефка? Я его всегда... всегда... любила... А теперь?

Теперь я, разумѣется, люблю—Гутка...

ПИСЬМО IX.

Дорогой Людвигъ!

Ужъ вы извините, но я васъ съ Бронкой не познакомя, хотя Вамъ и очень хочется увидѣть эту дѣвушку съ зелеными глазами.

А потому Вамъ незачѣмъ пріѣзжать. Слишкомъ ужъ много было въ жизни у Бронки «хорошихъ знакомыхъ». Я не желаю увеличивать круга этихъ «добрыхъ людей». При всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ Вамъ, я нахожу, однако, что Вы слишкомъ нормальный человекъ для того, чтобы я рѣшилась стать мостомъ соединяющимъ двѣ такія души, какъ Ваша и Бронки.

Что же я могу сказать Вамъ на Ваше письмо!

Вы его сплели изъ двухъ частей: изъ экстаической лирики и неважной философіи. Лирика окружаетъ Бронку ореоломъ, а философія ее лишаетъ его.

Вы говорите, что исторія Бронки, какъ матеріалъ для литературнаго произведенія, весьма цѣнна и интересна; но если взять ее, какъ глину для глѣпки общественно-этическихъ теорій, то она не имѣетъ никакой цѣнности. По вашему, это фактъ, обыденный до тошноты, истасканный, нормальный...

Нормальный!...

Эхъ, вы—со всею вашею нормальностью...

— Вы находите, что у насъ красивыя дѣвушки—явленіе вполне нормальное. И глупыя, неопытныя дѣвушки—тоже нормальное явленіе. Д обольстить дѣвушку—нормальное явленіе, и сдѣлать изъ женщины «трехмѣсячный вексель», пущенный въ оборотъ безъ срока платежа—это что-то удивительно простое, обыкновенное. И рисованіе въ теченіе нѣкотораго времени исключительно женщины безъ буроковъ и безъ многихъ другихъ вещей, а потомъ рисованіе въ теченіе нѣкотораго времени исключительно пейзажей и пейзажиковъ—это нѣчто

несказанно естественное. И подобное понятіе о служеніи искусству выполнѣ нормально. И презрѣніе къ «толпѣ» очень естественно. И эта естественность, обыденность, нормальность, въ сущности, никого даже уже и удивлять не должны. Иначе въ одинъ прекрасный день мы оцепѣнѣемъ отъ ужаса при видѣ того, какъ котъ словить мышъ, либо какъ галка на нашихъ глазахъ утащитъ курченка изъ курятника.

Зато, съ другой стороны, вы высказываете ту мысль, что исторія Бронки, съ литературной точки зрѣнія, изобилуетъ интересными, оригинальными сценами, которыя Вамъ нравятся и могли бы понравиться также и нашей публикѣ.

А мнѣ сдается, что вся эта Бронкина исторія въ литературномъ отношеніи представляетъ сюжетъ, истасканный до такой степени, что, въ сущности, всякій сознающій свое достоинство раманистъ не долженъ его даже и касаться...

Вы, можетъ быть, скажете, что во мнѣ говоритъ скромность?!

Это былъ бы слишкомъ банальный упрекъ, въ виду нашего долготѣтяго знакомства. Я просто полагаю, что сюжетъ этотъ уже навсучилъ—и не столько, можетъ быть, самый сюжетъ, сколько затрагиваніе его. Вы помните «тетку» Стефка? Такъ вотъ если сравнить читателей со Стефками, то повѣствовательная литература является по отношенію къ нимъ въ роли той самой «тетки»...

Не думайте, что разсудокъ мой помрачился окончательно. Нѣтъ, онъ только обратился въ комету, которая движется по крайне продолговатому эллипсису; правда, она на нѣкоторое время исчезаетъ съ вашихъ глазъ, выходя изъ горизонта вашей системы мышленія, но иногда возвращается, появляется внезапно—не символъ ли это войны?!:

Когда она предстаётъ передъ вами, вы поражены: линія ея движенія представлялась вамъ параболой или даже и прямой...

О! Не вычислить вамъ степени ея наклона къ вашему образу мысли... Не трудитесь напрасно!

Однако, несмотря на все это—слушайте!

Въ вашемъ мозгу Колумбъ, можетъ быть, и открылъ Америку, но забылъ про Европу и, пожалуй, теперь долженъ былъ бы наново открывать ее...

Когда Бронка окончила свой разсказъ, Шанявскій схватилъ меня за руку и воскликнулъ разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ: «А что, видите? Видите? Видите?»

Собственно говоря, по праву, мнѣ слѣдовало схватить этого сверхъ-человѣка за шиворотъ и прокричить ему надъ ухомъ это многозначительное «видите».

Между нами завязался ожесточенный споръ, одинъ изъ глупѣйшихъ, какіе мнѣ только случались въ жизни. Шанявскій метался по постели, какъ щука въ котлѣ, разбивая меня во истину художественной логикой. И, дѣйствительно, какъ было намъ понимать другъ друга, когда

мы говорили оба на разныхъ языкахъ: я—на одномъ, а онъ—на другомъ. Каждый изъ насъ упрекалъ другъ друга въ томъ, что другой считаетъ такъ: дважды два—зонтикъ, трижды три—безсмертіе, четырежды четыре—абажуръ...

Шанявскій утверждалъ, что разговоръ нашъ сводится къ слѣдующему.

Онъ говоритъ: съ Бронкой поступили по-свински, но если бы не дѣлали подобныхъ свинствъ, то не было бы натурщицъ, ибо порядочныя дѣвушки не согласятся позировать безъ бурокъ отъ Герзе и безъ разныхъ другихъ вещей; а такъ какъ безъ натурщицъ не было бы живописи, слѣдовательно, подобныя свинства необходимы и даже хороши и удобны съ точки зрѣнія художества, ибо да погибнетъ человѣчество, лишь бы только я могъ это хорошенько нарисовать, такъ чтобы, что называется, «за душу хватало».

А я говорю (это, разумѣется, по его толкованію), что когда художникъ держитъ кисть въ рукѣ, то онъ долженъ думать о міровыхъ вопросахъ: когда онъ рисуетъ дерево, онъ долженъ думать о теоріи Маркса, либо о дифференціальномъ счисленіи, а когда онъ ломаетъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы ему смѣшать карминъ съ «Pigiservblau», чтобы изобразить кипарисовую рошу въ сумерки, то онъ долженъ проникаться человѣческими чувствами.

Я же настаивалъ на томъ, что разговоръ нашъ представляется вотъ въ какомъ видѣ.

Я говорю, что художники приносятъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы, ибо человѣчество, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, картинъ ихъ никогда и въ глаза не видитъ, потому что ихъ покупаютъ только банкиры, купцы, промышленники, бездѣльничавшіе богачи, для которыхъ человѣчество является лишь подножіемъ; такимъ образомъ, человѣчество не имѣетъ возможности восхищаться гениемъ художниковъ, но зато на каждомъ шагу видитъ, что эти гении дѣлаютъ съ его Бронками.

А онъ говоритъ, что такъ можетъ разсуждать только филистеръ, а не художникъ, что я стать черезчуръ произвольнымъ и что онъ во мнѣ разочаровался.

Въ то время, какъ между нами кипѣлъ этотъ споръ и каждый изъ насъ имѣлъ въ виду либо будущность искусства, либо будущность человѣчества, Бронка показала, что она умнѣе васъ обоихъ, такъ какъ она заговорила во имя потребностей настоящаго.

Обративъ ко мнѣ широко раскрытые глаза и подымая кулаки, она крикнула:

— Пожалуйста, не раздражайте Гутка, потому что онъ боленъ и ему это вредно.

Еще въ пылу спора, я хотѣлъ было крикнуть ей въ отвѣтъ, что сверхъ-люди не интересовались тѣмъ, что вредитъ ей, но какъ разъ

въ эту минуту мною овладѣло истинно-славянское уныніе. Я поглядѣлъ на Шанявскаго и на Бронку. Мнѣ чудилось, что носъ Гутка вдругъ обратился въ клювъ копочки, что уши у него стали остроконечными, и на лбу выступили рога. И чудилось мнѣ, что глаза Бронки обратились въ двѣ окропленныя росой фіалки, что длинный, ослѣпительно бѣлый, плащъ облекъ ея дѣвичью фигуру, и на плечахъ заколыхались бѣлоснѣжныя крылья...

Я схватилъ мою шляпу, бросился вонъ изъ «орлиного гнѣзда» и стремглавъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

ПИСЬМО X.

Что?! Что такое вы говорите, Людвигъ?!

Вы въ пухъ и прахъ меня разбить хотите?! Меня?! За то, что я говорю, что «художники приносятъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы»? По вашему, это неглѣпость?

Вы хотите меня сразить Гротгеромъ? Такъ у васъ-таки выставляютъ его картины?

Да ѣду же, ѣду! Разумѣется, ѣду! Выѣзжаю нынче съ вечернимъ поѣздомъ—а тамъ хоть чертъ побори все!

На все остальное я вамъ покуда не отвѣчаю. Ужъ это мы съ вами лично разсчитаемся. Смотрите, приготовьте-ка вы себѣ тамъ пока портнягу, придется спивать васъ послѣ нашего разговора. Мѣста живого на васъ не оставлю...

А Гротгеръ!.. *) Знаете ли, что о немъ говорятъ нѣмцы? Нѣтъ, не знаете? Ну, такъ вотъ они что о немъ говорятъ. Если есть въ искусствѣ, наукѣ и тому подобныхъ великихъ силахъ гени, то гений живописи—это Артуръ Гротгеръ. А, вѣдь, этотъ человѣкъ довольствовался почти одной скромной пастелью!

Простите, голубчикъ, если завтра утромъ мнѣ нечѣмъ будетъ васъ расцѣловать и прижаться къ вашей груди, но я, право, потеряю голову.

Шанявскому лучше. Не бойтесь вы за него, хотя болѣзнь его и въ самомъ дѣлѣ изъ грудныхъ. Вотъ кабы онъ былъ Гротгеромъ либо Шопеномъ, то факель его сердца давно бы уже погасъ, а Бронку рисовалъ бы Медвей, который не прочь стянуть ее у Шанявскаго изъ-подъ носа. Но этотъ факель еще коптитъ и долго еще будетъ коптѣть...

До завтра! До завтра! До завтра!

*) Артуръ Гротгеръ—навѣстный польскій художникъ, картины котораго, помимо замѣчательной работы, отличаются глубиною содержанія. Цикль его картинъ, подъ общимъ названіемъ «Въ юдоля́ плача» или «Война» изображаетъ войну, какъ источникъ страданій и несчастій человѣчества; картины эти полны глубокаго драматическаго смысла. Гротгеръ жилъ всего тридцать лѣтъ и умеръ въ 1867 г., въ полномъ расцвѣтѣ своего великаго таланта.

ПИСЬМО XI.

Вотъ такъ оказія...

И какъ же я послѣ этого—не ненормальный человекъ? Совершенно позабылъ, что при нынѣ существующемъ порядкѣ вещей пускаться въ путешествіе безъ «презрѣннаго металла» никакъ невозможно...

Францъ Новяцкій вполне правъ: онъ говоритъ, что кошелекъ—се наше кожаное *fatum*. Я одно время совѣтовалъ ему написать сонетъ на тему этого унылаго или, по крайней мѣрѣ, пустотой своей наводящаго уныніе на душу человѣческую, *fatum*.

Собственно говоря, мнѣ бы слѣдовало всю эту страницу исписать всевозможными проклятіями... Чортъ возьми! Цѣлый день—все одиѣ неудачи... У Шанявскаго, разумѣется, ни гроша—а у Бронки не возьму. Я не хочу принадлежать къ числу ея кредиторовъ...

Вечеръ. Восьмой часъ. Черезъ три часа свистнетъ локомотивъ и—прошайте, безумные сны... Положимъ—не имѣть ни гроша—это у насъ дѣло совершенно нормальное и имѣть безумныя прихоти—тоже нормально. . . . .

Эхъ!

А, право, вѣдь, это было бы чортъ знаетъ что, если бы въ подобномъ положеніи кожаное *fatum*...

XII. ТЕЛЕГРАММА.

Краковъ—Епископская 6—Людвигу Колаковскому.

Завтра курьерски мѣ Краковѣ Шанявскій Бронка встрѣчайте вокзалѣ.

ПИСЬМО XIII.

Если бы человекъ захотѣлъ все выразить на бумагѣ, онъ долженъ былъ бы искать настроенія въ своей собственной душѣ и не въ чернилахъ, а въ человѣческихъ слезахъ и страданіяхъ погружать перо свое. Но какъ разобратся въ душѣ человѣческой, какъ отыскать въ ней то, что должно дать тонъ великой поэмѣ человѣческой жизни? Бываютъ, однако, минуты, когда кто-нибудь или что-нибудь вдругъ сильно, до глубины, потрясетъ всю нашу душу, и передъ нами, озаренные яркимъ свѣтомъ, одинъ за другимъ открываются, прежде совѣмъ намъ невѣдомые или мало знакомые, глубочайшіе тайники ея. Такъ порою по дремучему лѣсу, гдѣ растутъ и могучіе дубы, и гибкія ивы, и здоровыя высокія ели, и пригнувшійся къ землѣ можжевельникъ, и сосны, подточенные червями и сраженные молніей буки, бурной волною пронесется могучій вихрь, и тогда лишь увидишь, что въ лѣсу томъ должно жить и цвѣсти и что отжило и должно умереть: безпомощно

*

валятся подточенные червями сосны, падаютъ уже ранѣе сраженные молніей буки; зато какъ торжественно шумятъ вѣковые, могучіе дубы, какъ произительно скрипятъ насыщенные смолою ели, и все, что мощно, здорово и живо, упершись въ землю, широко раскидываетъ свои крѣпкія вѣтви, подымается высоко къ небу и наполняетъ все пространство дивной мелодіей божественнаго гимна...

Дорогой Людвигъ! Если душа моя была такимъ гѣсомъ, то могучимъ, живительнымъ вихремъ, который потрясъ ее до глубины, былъ геній Гротгера. Я знаю теперь, чего должно искать въ своей душѣ для возвышеннаго настроенія, и знаю я, какая создается поэма, если геній омочитъ свое перо въ человѣческихъ слезахъ и страданіяхъ.

Я молчалъ за все время моего пребыванія тамъ... Я на все махнулъ рукой. Я не видѣлъ ни васъ, ни Шанявскаго...

Порой мнѣ казалось, что такая творческая буря—это ужъ не искусство, это—божественное откровеніе...

И я чувствовалъ, тогда, будто въ гѣсу моей души одинъ за другимъ рушились подгнившіе пни, и невидимыя, сокрытыя подъ гнѣющею почвой, сѣмена пускали побѣги, выростали на моихъ глазахъ и обращались въ исполинскія деревья, подставлявшія свои крѣпкія вѣтви живительному вихрю.

И я, къ сильному моему изумленію, понялъ, что для того, чтобы все то, что въ человѣкѣ отжило и стало негодно, рухнуло и исчезло навсегда, а то, что должно жить,—постепенно развивалось, вовсе не требуется ни цѣлыхъ вѣковъ, ни долгихъ, медленно текущихъ, періодовъ времени. Одно рѣзкое, могучее потрясеніе, одна быстрая освѣжающая гроза можетъ гораздо больше сдѣлать для возвышенія души, чѣмъ тепличная, искусственная культивировка этой самой души.

И когда, къ неизмовѣрному моему изумленію, я это понялъ, я вдругъ задалъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ этотъ маленькій, смертный человѣкъ, одаренный единственно талантомъ къ живописи, могъ обратиться въ такую великую, могучую силу?

Мы знаемъ, какъ онъ жилъ, знаемъ, что ему нерѣдко приходилось терпѣть голодъ и всякія лишенія; мы знаемъ, кто руководилъ его рукою и мыслями, знаемъ, кто были его отецъ и мать и кто былъ его учителемъ. Мы знаемъ также, что у учителей его было множество другихъ учениковъ. Почему же онъ одинъ и, можетъ быть, кромѣ него, еще одинъ только стали силами, а всѣ остальные ушли въ могилу, а съ ними умерли навсегда и ихъ мысли и чувства?

Что дали одному изъ этихъ двухъ избранниковъ другіе люди—это мы знаемъ. Но что было въ немъ самомъ, что дало ему безсмертіе??

Какая буря, какой вихрь потрясли его душу? Вѣдь и онъ же былъ простымъ смертнымъ! Вѣдь и въ немъ, навѣрное, рядомъ съ величіемъ его души таилось и мелочное, незначительное, присущее всѣмъ намъ, маленькимъ людямъ. Какимъ же образомъ онъ очистилъ самого себя

и изъ своихъ здоровыхъ и-могучихъ элементовъ создалъ въ себѣ нѣ-что высшее, лучшее?? Что сдѣлалъ онъ съ собою, что сталъ тѣмъ, чѣмъ сталъ?!

Почему, какъ только душа его отозвалась на человѣческія страданія, всѣ преклонились передъ нимъ, и человѣчество назвало его своимъ?

Свершилось ли то чудо изъ чудесъ, что сердца всѣхъ людей на одно мгновеніе слились во-едино, въ одно огромное сердце человѣчества, а онъ, этотъ человѣкъ, приложилъ ухо къ сему великому, міровому сердцу и подслушалъ его громовое біеніе! И сердца вновь вернулись, каждое въ свою грудь, а каждый человѣкъ, стоя передъ твореніями безсмертнаго генія этого человѣка, узнаетъ въ нихъ себя, видитъ въ нихъ частицу собственной души, слышитъ біеніе собственнаго сердца?..

Поѣздъ несъ меня обратно въ Варшаву, и въ стукѣ колесъ, въ свистѣ и шумѣ вѣтра, въ бѣгущихъ по небу стаяхъ облаковъ—во всемъ мнѣ чудилось что-то иное...

Я ничего не сознавалъ, все летѣло мимо меня, и мнѣ казалось, что въ душу мою ворвался живительный вихрь, что какіе-то боги раскрыли мнѣ глаза и уши, придѣлали мнѣ какіе-то крылья, и я лечу, лечу...

Что я вижу? Что я слышу? Куда я лечу? Не знаю еще, не знаю...

Но я чувствую, что это незнаніе—минутное, скоро пройдетъ, и въ самомъ разгарѣ полета съ меня спадетъ оболочка безсознательности, и я пойму...

ПИСЬМО XIV.

Поѣздъ катился по рельсамъ, словно какой-то шипящій змѣй, созданный изъ дыма, огня и жельза. Облака, словно стадо бѣлыхъ медвѣдей среди ледяныхъ горъ, казалось, неподвижно стояли на небѣ, и лишь отъ времени до времени можно было замѣтить, что стадо это не стоитъ, и вмѣстѣ съ горами медленно плыветъ по небу. А гдѣ-то тамъ, на западѣ, низко-низко притаившееся солнце метало изъ пылающаго колчана красныя стрѣлы и цѣлилось такъ мѣтко, что черезъ мгновеніе всѣ медвѣди облились кровью, и скорѣ алая кровь смѣшалась со снѣгомъ, разлилась цѣлымъ потокомъ, заливая ледяныя горы. Мало-помалу въ этомъ багряномъ потокѣ потонули фигуры медвѣдей и очертанія горъ; потонули медвѣди и горы, и все небо горѣло однимъ краснымъ, ослѣпительно-яркимъ заревомъ... какъ чудо... какъ откровеніе!..

Я лежалъ на скамьѣ, лицомъ прямо къ окну вагона, и глядѣлъ на чудную картину вечерней зари. Слезы заволокли мнѣ глаза и мѣшали свободно любоваться этимъ зрѣлищемъ.

Вдругъ я почувствовалъ холодъ на лицѣ. Между мною и окномъ показалась чья-то тѣнь.

Въ первое мгновеніе я хотѣлъ было оттолкнуть ее ногою, но тѣнь эта вдругъ остановила мое вниманіе...

Молодой человекъ, въ изящномъ пальто, въ цилиндрѣ, заложивъ руки въ карманы, тоже глядѣлъ на зарево неба и шепталъ:

«Недурно... недурно... совсѣмъ недурно... право, недурно»...

Онъ отвернулся отъ окна, складывая губы, точно балерина для поцѣлуя, и взглянулъ на меня.

— А, мое почтеніе!—вдругъ услыхалъ я.—Что вы тутъ дѣлаете? Я быстро поднялся, сѣлъ, протягиваю руку. Это былъ Юлій.

Онъ присѣлъ подлѣ меня и, какъ можно красивѣе складывая свои губы, произнесъ, указывая въ окно.

— Не знаю, смотрѣли ли вы на это пылающее небо. На такія вещи слѣдуетъ обращать вниманіе. Я это вамъ совѣтую, какъ художникъ. Посмотрите, правда, вѣдь совсѣмъ недурно! Вотъ только съ правой стороны слишкомъ мало горитъ пурпуръ, а съ лѣвой слишкомъ рано показывается фіолетовый оттѣнокъ. Больше я не нахожу никакихъ недостатковъ. Жаль только, что такихъ вещей рисовать нельзя.

Я, вмѣсто отвѣта, протянулъ руку въ карманъ за папиросницей. Но Юлій предупредилъ меня.

— Нѣтъ, вотъ, вы, пожалуйста, попробуйте одну изъ моихъ папиросокъ. Онѣ тонкія, съ очень хорошимъ табакомъ, между прочимъ, очень дорогимъ. Только такія папиросы и нужно курить, если хочешь получить отъ дыма какъ можно менѣе смѣшанное впечатлѣніе...

Несмотря на то, что самъ Юлій началъ производить на меня весьма смѣшанное впечатлѣніе, я, однако, принялъ и закурилъ предложенную мнѣ мѣ папиросу.

— Можно ли полюбопытствовать, откуда судьба несетъ?—спросилъ онъ, поправляя цилиндръ и, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ самъ разсказалъ мнѣ, что возвращается съ охоты отъ графини Жиглинской, которая думаетъ купить у него картину: «Меланхолія тополя».

Когда же онъ узналъ, куда и зачѣмъ я ѣздилъ и сколькихъ трудовъ и морально-матеріальныхъ усилій мнѣ стоила эта поѣздка, онъ сложилъ свои губы, какъ самая прелестная балерина для самаго прелестнаго поцѣлуя, иронически усмѣхнулся, заморгалъ своими молочными глазами и молвилъ:

— Очень жаль, что вы предварительно со мной не посоветовались. Вы потратили даромъ и время, и деньги. Никто не ѣздитъ смотрѣть Гротгера. Это весьма посредственный рисовальщикъ, онъ всѣмъ жертвуетъ ради своихъ какихъ-то принциповъ, едва ли обладаетъ художественнымъ талантомъ и только морочитъ намъ публику.

Я протеръ глаза и поглядѣлъ на него. Онъ посмотрѣлъ на меня, точно гипнотизеръ, заговаривающій зубную боль, а потомъ, положивъ свою руку на мою, молвилъ:

— Не пытайтесь спорить со мною. Послушайте, вы, лучше, что я вамъ скажу. Право же, это для васъ будетъ не бесполезно. Я увѣ-

ренъ, что Шанявскій, который вмѣстѣ съ вами былъ на выставкѣ, достаточно подробно и основательно выяснитъ вамъ всю рутину этого тенденціознаго иллюстратора. Притомъ же я лично совсѣмъ не люблю рисунковъ пастелью. Для меня краски—это первое дѣло! Что вы на меня такъ смотрите?.. Да-съ, да-съ, такъ это и есть!.. Я вамъ говорю, что вѣрно схваченное и переданное изображеніе отблеска солнечныхъ лучей во время заката, падающаго на лицо красивой натурщицы, для истиннаго искусства имѣетъ во сто разъ больше цѣны, чѣмъ всѣ эти завѣшенные платками лица гротгеровскихъ женщинъ. Не спорю, можетъ быть, это и нравится людямъ сентиментальнымъ, шовинистамъ, разнымъ этимъ... простите за выраженіе... апостоламъ въ парчѣ, но мы, жрецы искусства, мы выше подобныхъ предразсудковъ и насъ интересуютъ лишь частныя, непосредственныя проявленія души...

— Простите... но видите ли... мнѣ бы хотѣлось выйти тутъ на станцію...

— Ахъ, вамъ, вѣрно, хочется выпить стакавъ пива. Знаете, я бы вамъ не совѣтовалъ. Пиво плохо настраиваетъ. Пейте только вино, и то итальянское, насколько у васъ есть возможность всегда получать свѣжее; въ крайнемъ случаѣ, можно французское. Погодите-ка, я выйду съ вами, тутъ, кажется, есть такое...

— Нѣтъ, я не пью... мнѣ такъ нужно... я одинъ... я сейчасъ вернусь...

— Ахъ, такъ... пожалуйста, пожалуйста,—проговорилъ онъ съ самой очаровательной улыбкой, пропуская меня пройти. А я выскочилъ на платформу, пробѣжалъ ее два раза во всю длину, ворочая глазами, точно эпилептикъ, и думая себѣ въ душѣ:

— Святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи, какъ неисповѣдимы пути, по которымъ Ты ведешь меня, грѣшнаго, чтобы заставить меня совершенно обезумѣть...

Раздался третій звонокъ. Я вскочилъ въ другой вагонъ.

ПИСЬМО XV.

Дорогой Людвигъ!

Я теперь только немного пришелъ въ себя и вижу, что злоупотребилъ вашей любезностью. Я прекрасно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что очень было это нехорошо, съ моей стороны, уѣхать такъ, не распрощавшись и не поблагодаривъ даже за гостепримство, тѣмъ болѣе, что я безъ спроса свалился къ вамъ на голову съ такимъ Гуткомъ и съ такой Бронкой. Но я хочу непремѣнно оправдаться передъ вами.

Бронка иногда способна на самыя сумасбродныя выходки. Она заложила часы и вдругъ заявляетъ, что тоже ѣдетъ въ Краковъ смотрѣть Гротгера. Взять съ ней одной мнѣ было не совсѣмъ удобно. А Шанявскому ужъ давно хотѣлось завязать сношенія съ краковской

выставкой—и вотъ, такимъ образомъ, устроилось, что мы собрались всѣ втроемъ. Вѣдь у васъ тамъ никто не знаетъ, что Бронка и Гутекъ не обвѣнчаны формально; такъ что въ этомъ отношеніи я не предполагаю, чтобы ихъ присутствіе могло вамъ чѣмъ-нибудь повредить въ общественномъ мнѣніи, съ которымъ притомъ вы, можетъ быть, и не такъ сильно считаетесь. Но я, признаться, опасался, что этотъ сверхъ-человѣкъ и эта сверхъ-натурщица могутъ вамъ до смерти наскучить. Между тѣмъ, къ моей сильной радости, я замѣтилъ, что они васъ ничуть не тяготятъ и что, напротивъ, даже нѣсколько васъ занимаютъ. Бронка—славная дѣвушка. А, что, понравились вамъ ея глаза? Пожалуйста, отвѣтите мнѣ, какъ можно скорѣе и успокойте меня. Почему это они еще не возвращаются?

Въ моихъ прежнихъ письмахъ я старался передать вамъ мои впечатлѣнія, но выходилъ у меня изъ всего какой-то хаосъ, такъ какъ я смѣшивалъ Гроттера съ моими собственными мыслями, съ картинами неба и земли и съ особою Юліи. Очень и очень прошу васъ извинить меня за это.

Почему вы мнѣ ничего не пишете? Можетъ быть, они занимаютъ у васъ слишкомъ много времени? Такъ вы ихъ прогоните. Безъ всякихъ церемоній...

Бѣда была у меня съ Юліемъ въ Варшавѣ, на вокзалѣ. Представьте себѣ, онъ сильно обидѣлся. Онъ говорилъ, что я поступилъ съ нимъ не по джентльменски, удирая отъ него въ другой вагонъ. Я старался увѣрить его, что я поневолѣ вскочилъ въ первый попавшійся вагонъ, такъ какъ поѣздъ уже тронулся. Ничего не помогало. Онъ даже не хотѣлъ подать мнѣ руки на прощанье, отстраняя ее съ сладко-колкой миной. Тогда я ему сказалъ вотъ что:

— Послушайте! Вы правы, что сердитесь на меня, потому что мое поведеніе, дѣйствительно, могло показаться вамъ оскорбительнымъ. Но развѣ вы не понимаете, что я—человѣкъ ненормальный, невмѣняемый, человѣкъ, который слѣдуетъ лишь своему индивидуальному влеченію, и что, въ виду всего этого, я нисколько не могу отвѣчать за свое поведеніе.

Онъ снялъ цилиндръ, переложилъ его изъ правой руки въ лѣвую и, пожимая мнѣ правой руку, съ важностью произнесъ:

— Я принимаю ваше оправданіе, такъ какъ я выше всего цѣню индивидуальность...

Затѣмъ онъ еще разъ пожалъ мою руку, поклонился, переложилъ цилиндръ изъ лѣвой руки въ правую, ловкимъ движеніемъ насадилъ его на голову и, сложивъ губы какъ прима-балерина въ менуэтъ, повернулся на ногъ и пошелъ къ выходу.

ПИСЬМО XVI.

Людвигъ, другъ мой! Отчего это они не возвращаются? Отчего вы не обмолвитесь ни словечкомъ? Что это значить?? Поймите же, наконецъ, что я беспокоюсь... Успокойте вы меня, ради Бога! Не случилось ли тамъ чего-нибудь???

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки, начинаютъ понемному кристаллизироваться въ моей душѣ. Только теперь, откуда-то изъ глубины, изъ-за такъ очаровавшихъ меня картинъ Гротгера, выплываетъ передо мною Матейко *). Но, увы! Первый все заслоняетъ мнѣ собою второго. Мнѣ придется обязательно съѣздить еще разъ, чтобы смотрѣть исключительно Матейко. Я видѣлъ столько великихъ произведений его, столько разъ преклонялся передъ этимъ титаномъ, но этого мало. Я хотѣлъ бы все это увидѣть именно теперь, именно въ томъ состояніи, въ которомъ я теперь нахожусь, съ тѣми чувствами, которыя теперь наполняютъ мою душу, ибо голосъ какой-то твердитъ мнѣ, что со мной бы совершилось что-то небывалое...

Вчера былъ у меня Юлій и торжественно пригласилъ меня къ себѣ въ мастерскую, чтобы посмотрѣть картину, которая называется «Меланхолія тополя» и которую онъ недавно окончилъ. На дняхъ отдастъ ее на выставку, откуда черезъ мѣсяцъ ее заберетъ графиня Жиглинская.

Я ужъ былъ, видѣлъ, хвалилъ. Дѣйствительно, этотъ тополь такъ меланхоличенъ, что не мѣшало бы дать ему немного брому.

Мастерская у него великолѣпная. Я нашелъ въ ней еще нѣсколько эскизовъ, подъ названіями: «Вечерній вздохъ», «Рыдающее отчаяніе», затѣмъ, довольно большую картину: «Послѣдній судъ».

Юлекъ былъ со мною очень любезенъ, даже до приторности. «Вечерній вздохъ» — вещь весьма оригинальная и при томъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ Юлія, изъ «совсѣмъ новыхъ». Тутъ я, между прочимъ, долженъ обратить ваше вниманіе на то, что у художниковъ имѣется свой особый лексиконъ, который значительно отличается отъ простого нашего лексикона. Подъ словами «совсѣмъ новое» на нашемъ языкѣ мы подразумеваемъ нѣчто на самомъ дѣлѣ совсѣмъ новое. Между тѣмъ, у нихъ эти самыя слова имѣютъ нѣсколько иное значеніе. Кромѣ импрессионизма, прерафаэлизма, реализма, символизма, есть у нихъ еще одно направленіе, которое называется просто «совсѣмъ новымъ». Кто-нибудь изъ насъ, профановъ, пожалуй, подумалъ бы, что ничего тутъ новаго нѣтъ, что это скорѣе «совсѣмъ старое», существующее уже много, много лѣтъ; но на то мы вѣдь и профаны. Такъ вотъ что представляетъ «Вечерній вздохъ». Закройте

*) Янъ Матейко — извѣстный польскій художникъ; картины его — преимущественно историческаго содержанія; особенно замѣчательна картина «Битва подъ Грюнвальденомъ».

Прим перев.

глаза и смотрите. Синеватый полумракъ—фонъ зеленый—съ него сверху начинается фіолетовое небо, а посрединѣ зеленого фона подымается изъ-подъ земли чья-то красная рука. Вотъ онъ каковъ, «Вечерній вздохъ».

Я обратился къ Юлію съ вопросомъ, какъ слѣдуетъ понимать эту картину. Что тутъ дышится? Красная ли рука, зеленое ли пространство или фіолетовое небо?

— Сударь! Художникъ никогда не даетъ объясненій...—отвѣтилъ мнѣ на это Юлій съ сладко-колкой улыбкой.

Мы подошли ко второму эскизу, подъ названіемъ «Душа». Закройте глаза. Синеватый полумракъ—фонъ фіолетовый—отъ него вверху начинается зеленое небо, а посреди фіолетоваго пространства сидитъ, съжившись, черная кошка и глядитъ на зрителя красными зрачками. Это—«Душа».

Я покачалъ головой и сказалъ:

— Очень, очень оригинально.

— Сударь! художникъ никогда не знаетъ, куда увлечетъ его чувство!—со вздохомъ промолвилъ Юлій, мигая своими молочными глазами.

Мы остановились передъ третьимъ эскизомъ. Названіе: «Рыдающее отчаяніе».

Закройте глаза.

Синій сумракъ—фіолетово-зеленое пространство—съ него вверху начинается красное небо, а посреди фіолетово-зеленаго пространства виднѣются три сломанныя лиліи. Это—«Рыдающее отчаяніе».

— Какая богатая мысль!—громко воскликнулъ я.

Юлій сложилъ свои губы въ кокетливо-скромную улыбку и промолвилъ:

— Сударь! Художникъ никогда не можетъ ручаться за себя!

— Конечно!—отвѣтилъ я.

— А это вотъ самая моя большая картина, называется «Послѣдній судъ». Это тоже для графини Жиглинской. Вы понимаете, разумѣется, что тутъ аллегорія. Вотъ смотрите: сверху темнѣется свѣтъ, внизу—просвѣчиваетъ мракъ. Въ глубинѣ его—кладбище черныхъ сердецъ—вотъ, видите!—сердца одно за другимъ. Сверху небрежно спускается женская рука—къ ней несется одно бѣлое сердце—не совсѣмъ бѣлое, а съ отгѣнкомъ темной синевы. И вотъ—схватить-ли эта рука сердца? Вы понимаете? Это зависитъ отъ послѣдняго суда.

— О какая глубокая мысль!—воскликнулъ я.

— Это—изъ «совсѣмъ новыхъ»—замѣтилъ Юлій.—У насъ теперь только такъ и дѣлается! Пожалуйста, не угодно-ли вамъ присѣсть, вотъ тутъ, на диванѣ. Не угодно ли папиросу? За сорть вамъ ручаюсь. А графиня, знаете, весьма симпатичная женщина. Притомъ, это женщина съ талантомъ.

— Съ какимъ же это?—позволилъ я себѣ спросить.

— Она чудесно понимаетъ, вотъ это «совсѣмъ новое» направленіе, а для этого, согласитесь, нужно имѣть таланты!

— О, безъ сомнѣнія...

— Графиня обладаетъ весьма тонкимъ умомъ... но...

— Но что?

— Туда видите ли, очень хочется вкрасѣя Медвею. Онъ, навѣрное, имѣетъ на нее виды...

— Неужели онъ хочетъ просить ея руки?

— Помилуйте, сударь — за кого вы насъ принимаете? Правда, у нея огромное состояніе, ради этого, пожалуй, стоило бы пожертвовать своими убѣжденіями, но...

— Опять но?..

— Но у графини масса индивидуальности. И Медвей хочетъ ее — рисовать!

— Ну, и пускай его рисуетъ!

— Нѣтъ, онъ не имѣетъ права ее рисовать!

— Отчего??

— А оттого, что онъ ее не чувствуетъ.

— А вы ее чувствуете!

— Я портретовъ не рисую и, слѣдовательно, я ее чувствую совершенно иначе.

— Какъ же вы ее чувствуете, позвольте спросить!

— Сквозь символъ, сударь!

— Это какъ же? Скажите, это не такъ же, какъ чувствуютъ сквозь перчатку или сквозь кисею?

— Сударь, вы язвительны?!?!

— Помилуйте, гдѣ же тутъ язвительность. Я только спрашиваю, потому что мнѣ хочется знать.

— Скажите, бывали ли вы за границей?

— Бывалъ.

— А въ Парижѣ?

— Нѣтъ въ Парижѣ не былъ.

Въ отвѣтъ на это послышался какой-то рѣзкій и хриплый смѣшокъ, сначала тихій, потомъ все громче, потомъ опять тише, прерываемый то нечленораздѣльными звуками, вродѣ «а», то возгласами: «такъ это понятно», «вполнѣ естественно». Наконецъ, мой Юлій успокоился и, потрепавъ меня по плечу, заговорилъ:

— Вы должны немедленно ѣхать въ Парижъ. Немедленно! Позжайте, послѣ завтра у насъ, кажется, среда будетъ? Да, среда. Такъ ѣзжайте значить, въ среду. Я васъ снабжу рекомендательными письмами. Но передъ отъѣздомъ вы обязательно должны съечь все, что у сихъ поръ написали. Да, все, непременно. Я вамъ это совѣтую, вы го должны сдѣлать во имя искусства. Васъ тутъ занимаютъ вещи, въ которыхъ нѣтъ ничего художественнаго: Гротгеръ, Матейко—вѣдь, извѣстны, васъ и Матейко занимаетъ?

— Не спорю.

— Вотъ видите, это я предугадалъ. Да, вамъ непремѣнно нужно стараться забыть о Матейкѣ, какъ можно скорѣе. Вѣдь это художникъ стараго направленія.

— Какъ стараго? Да вѣдь до него же никто такъ не рисовалъ; онъ вѣдь лишь недавно умеръ.

— Судары! Матейко умеръ, но душа не умираетъ, и искусство улавливающее ея неуловимыя движенія, будетъ жить вѣчно.

— Но... какъ же это можно улавливать то, что неуловимо?

— Это вы узнаете въ Парижѣ. Но вернемтесь къ Матейкѣ. Скажите, найдете ли вы у него хоть одну символическую картину? Ну, видите. Не спорю, онъ, дѣйствительно, былъ человекъ необыкновенный, но съ умомъ извращеннымъ и одностороннимъ и слишкомъ ужъ онъ увязъ въ этомъ народѣ, точно желтокъ въ яйцѣ. Послушайте, вы пишете стихи?

— Откуда вамъ такая мысль въ голову пришла?

— Я это вижу по формациі вашего черена. Но я вамъ совѣтую все это бросить, пока не вернетесь изъ Парижа. А тогда начните съ поэтической прозы. Погодите, я вамъ сейчасъ покажу что-то новое, «совсѣмъ новое»...

— Вотъ, я выбралъ наудачу, и какъ разъ оно. Слушайте, я вамъ прочитаю. Только будьте внимательны и закройте глаза.

Заглавіе: ANDROGYNE.

Князь стоялъ на голубоватыхъ скалахъ и глядѣлъ на бушующее море, на которомъ зеленовато-коричневыя волны метались, словно змѣм, корчащіяся въ конвульсіяхъ. Князь глядѣлъ и вникалъ въ себя, и чѣмъ глубже онъ въ себя вникалъ, тѣмъ яснѣе онъ чувствовалъ, что тамъ, за предѣлами эпицентческаго движенія волнъ, за конвульсивно вздрагивающимъ моремъ, гдѣ подымается въ высь заслоненный бѣло-снѣжными пятнами тучъ фіолетовый сводъ небесъ, что тамъ — это была южная часть свѣта—изъ лона водъ выплыветъ бѣлое, какъ тѣло ея, солнце и будетъ плыть прямо въ вышину по своду, а когда оно достигнетъ до его половины, то удлиннится, отъ него отдѣлятся двѣ протянутыя впередъ передъ собою руки, завидѣется лицо, нѣсколько приподнятое кверху, лицо съ полузакрытыми глазами, и своими золотисто-бѣлоснѣжными ногами она сойдетъ внизъ по воздушнымъ ступенямъ — она, эта душа, *прабытіе*, абсолютъ, женщина.

Князь уже узрѣлъ ее, вникнулъ въ себя еще глубже, протянулъ свои объятія, пропитанныя сильной страстью, перегнулъ голову назадъ и шепталъ:

— Ты—мое добро, и ты — мое зло... Въ тебѣ для меня упоенье и въ тебѣ для меня пресыщеніе... Въ тебѣ моя вѣра и мое невѣріе...

И въ то время, какъ онъ шепталъ это и она склонялась въ его жаждущія наслажденія и пресыщенія объятія, дрожащія волны моря стали подыматься къ нему по блѣдно-голубымъ скаламъ берега и, точно зеленые змѣи, лизали красными языками его расчувствованныя ноги...

А князь, утопая въ прабытіи, обнимая ее, ея золотыя груди, выкинулъ въ самую сокровенную глубину своей души и бессознательнымъ шепотомъ шепталъ:

— Androgune... моя... моя...

Юлій отложилъ книжку въ сторону и произнесъ:

— Ну, теперь откройте глаза. А, что? Чудесно — не правда ли? И такъ, вы ѣдете послѣзавтра въ Парижъ.

— Я ѣду завтра, сегодня, хоть сейчасъ...

— Милостивый государь?? Какъ прикажете это понимать!?

— Я, можетъ быть, вамъ иѣшаю... вы, навѣрно, привыкли въ эту пору выкинуть въ себя... а я такъ засидѣлся...

— Сударь, ваша язвительность...

— Да иѣтъ же, причеиъ тутъ язвительность? только, поймите, и мнѣ хотѣлось бы, хоть на минутку, выкинуть въ себя, а эта золотисто-бѣлосвѣжная Androgune...

— На сабляхъ или на пистолетахъ?..

— Боже, неужели вы хотите обратить меня въ «Рыдающее отчаяніе»?..

— Вы, сударь, нисколько не сумѣли оцѣнить моихъ намѣреній. Я думалъ было поручить вамъ написать статью о моихъ послѣднихъ картинахъ, такъ какъ графиня выразила желаніе, чтобы какое-нибудь компетентное лицо дало о нихъ свой отзывъ. Между тѣмъ, въ нашемъ разговорѣ вы выказали такое отсутствіе художественнаго пониманія, что мнѣ не остается ничего иного, какъ любезно предложить вамъ— вотъ ваша шляпа—вотъ ваше пальто—пожалуйста—значить, до завтра; на пистолетахъ—да—и прошу васъ не забывать, милостивый государь, что я своихъ словъ никогда не беру обратно...

Я сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, придерживаясь за перила, точно человекъ, у котораго вдругъ помутилось въ головѣ. Только въ воротахъ я немного приостановился... Ага, значить, вызовъ. Но за что же? За Androgune? Что это Androgune? Кажется, солнце... иѣтъ... женщина... или совсѣмъ какъ-будто: женщина-солнце.

Слушайте, Людвигъ... не.. въ самомъ ли дѣлѣ я... сумасшедшій??

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земледѣльческая кооперація въ Западной Европѣ.

I.

La démocratie rurale и ея элементы.—Бессиліе либеральнаго народничества.—Задачи консерваторовъ по отношенію къ деревнѣ.—Фазисы развитія консервативнаго народничества.—Вліяніе рынковъ.—Различныя теченія деревенской коопераціи.

Мы представимъ въ нѣсколькихъ словахъ главнѣйшія заключенія предыдущихъ нашихъ статей, именно тѣ, которыя намъ будутъ необходимы для послѣдующихъ выводовъ.

Въ деревнѣ, какъ мы видѣли, существуетъ нѣсколько слоевъ населенія, начиная отъ зажиточнаго крестьянина и кончая деревенскимъ пролетаріемъ, который не владѣетъ ничѣмъ другимъ, кромѣ десяти пальцевъ на рукахъ. По мѣрѣ развитія современныхъ экономическихъ отношеній, каждый изъ этихъ слоевъ уясняетъ себѣ все болѣе свои интересы и начинаетъ тяготѣть въ другомъ направленіи.

Далѣе, воздѣйствіе современныхъ экономическихъ силъ на деревню происходитъ въ томъ направленіи, что крестьянскій участокъ все болѣе раздробляется и обременяется долгами, различныя же слои крестьянскаго населенія начинаютъ все болѣе зависѣть отъ условий, находящихся внѣ деревни. вмѣстѣ съ тѣмъ разрушается независимость и замкнутость деревенскаго міросозерцанія.

Въ то же время крестьянинъ, держашійся принциповъ натурального хозяйства, нуждается въ общественномъ покровителѣ, который защищалъ бы его интересы. Въ менѣе развитую эпоху воздѣйствія капитализма на деревню этимъ опекуномъ являлась отдѣльная личность, въ этомъ именно и состояла *idée protectrice* по отношенію къ крестьянину. По мѣрѣ развитія общественныхъ отношеній, роль такихъ покровителей и руководителей принимаютъ на себя цѣлыя общественныя классы. А такъ какъ самая деревня распадается на ярко обособленные лагеря, то и руководителями ея являются разные общественныя классы.

И въ настоящее время вездѣ въ Западной Европѣ не деревня подыскиваетъ активнымъ образомъ руководителей, но они сами приходятъ къ ней и организуютъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, экономически и

политически. Въ деревнѣ образуются два независимыхъ центра общественнаго развитія. Одинъ состоящій изъ зажиточнаго слоя крестьянъ-землевладѣльцевъ, другой—изъ деревенской голи.

Образуются, такимъ образомъ, два независимыхъ центра жизни, а съ ними двѣ различныя, даже враждебныя другъ другу, демократіи. Одна—это *democratie rurale*, мелкая деревенская буржуазія, вполне самостоятельная по своимъ идеаламъ, для которыхъ она черпаетъ содержаніе сообразно вѣковымъ крестьянскимъ устоямъ, но все-таки согласуя ихъ съ требованиями экономической современности, хотя и смотритъ на большіе города, какъ на Вавилоны разврата и эксплуатаціи, которые слѣдовало бы уничтожить. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ мелкая буржуазія проникнута радикальными стремленіями, она дѣйствуетъ самостоятельно, въ другихъ государствахъ, напр., въ Австріи, она составляетъ вмѣстѣ съ ремесленниками одно довольно сплошное цѣлое, извѣстное подъ названіемъ антисемитической или соціально-христіанской партіи, именуемой иногда консервативными народниками (прогрессивные народники принадлежатъ къ прошлому Европы, — они не устояли противъ требованій жизни, домогающихся яснаго классоваго направленія). Главное ядро этого деревенскаго лагеря составляютъ зажиточные крестьянскіе элементы. Другая демократія, находящая поклонниковъ среди деревенской голи, имѣетъ свой центръ въ большихъ городахъ. Она отрывается отъ крестьянскихъ традицій и всею душой тянется къ городу. Говоря правду, это только арьергардъ городской демократіи.

Деревенская демократія несомнѣнно въ высшей степени консервативна и по своимъ жизненнымъ привычкамъ, и по условіямъ своего быта, и, наконецъ, по своимъ интересамъ и воззрѣніямъ. Всѣ условія ея быта укладываются такимъ образомъ, что она скорѣе готова повернуть колесо исторіи назадъ, чѣмъ впередъ. Даже по своему внѣшнему виду она ярко обнаруживаетъ свою привязанность къ прошлому: держится прадѣдовскихъ костюмовъ, живетъ въ домахъ особенной архитектуры, преклоняется передъ всѣми авторитетами, возникшими въ прошлые вѣка.

Элементы для ея образованія существовали издавна, но она—продуктъ послѣдняго времени.

Либерализмъ, который нѣсколько десятковъ лѣтъ имѣлъ въ общественной жизни Европы такое сильное значеніе, старался напрасно ее организовать. Возникшія подъ его влияніемъ народническія теченія не могли проникнуть въ деревню, благодаря разбросанности и замкнутости сельскаго населенія; если же имъ удавалось вторгнуться, то они приносили ничего положительнаго, кромѣ элементарныхъ книжекъ, еще свободнаго раздѣла участковъ, торговыхъ сдѣлокъ и ликвицій и вообще свободной конкуренціи,—стремленій, относительно коихъ деревенская голь была вполне равнодушна, зажиточные же тяготея враждебно настроены. Окончательное окрѣпленіе парламен-

таризма въ Европѣ измѣнило это положеніе дѣлъ. Бывшіе феодальные и вообще консервативные элементы поняли, что имъ необходимо сдѣлаться политической силой и что крестьяне—самая надежная ихъ опора въ обществѣ. Они начали поэтому искать сближенія съ деревенскимъ міромъ. Но такъ какъ дѣло касалось не только настоящаго, но и далекаго будущаго, то сразу явился вопросъ, какимъ образомъ охранить зажиточные крестьянскіе слои отъ разложенія. Началась дѣятельная работа: практическая, организующая крестьянъ и политически, и экономически, и теоретическая, стремящаяся обезпечить бытъ крестьянства помимо враждебныхъ вліяній капиталистическаго режима на деревню. Появились ярые демократы-народники въ лицѣ разныхъ князей, бароновъ и патеровъ. Чтò у нихъ беретъ перевѣсъ—народническія симпатіи или консервативныя побужденія, въ общемъ трудно сказать, но, безъ сомнѣнія, эти люди отдають всю свою душу работѣ на пользу деревни. Здѣсь намъ слѣдуетъ вкратцѣ познакомиться съ ихъ теоретическими выводами. «Если Лассаль стремится преобразовать общество при помощи фабричныхъ бригадъ,—говоритъ одинъ изъ теоретическихъ вожаковъ соціально-христіанской партіи,—то мы пойдемъ во главѣ ремесленниковъ и крестьянъ, для сохраненія его». Но крестьянинъ лишь тогда консервативенъ, когда бытъ его обезпеченъ. Поэтому теоретики консервативнаго лагеря начали искать средствъ для обезпеченія крестьянской самостоятельности и зажиточности. Они начали требовать ограниченія отчуждаемости крестьянской усадьбы за долги и, вообще, ограниченія права совершать долги, учрежденія миноратовъ, проповѣдовали *zwei Kinder System*, сопротивлялись улучшенію средствъ транспорта и условій, благопріятствующихъ передвиженію сельскаго населенія. Таковъ былъ первоначальный фазисъ, проникнутый утопіей, что можно задержать ходъ экономическаго развитія общества и обезпечить благосостояніе крестьянства, придерживаясь индивидуалистическихъ принциповъ. Привявшись за работу въ деревнѣ, они встрѣтили тамъ такія задачи, какъ необходимость обезпеченія крестьянина отъ града, огня, надежа скота, а также снабженія крестьянъ дешевымъ кредитомъ. Всѣ эти стремленія нужно было разрѣшить частными усиліями безъ помощи государства, и, разумѣется, ихъ нельзя было разрѣшить, придерживаясь индивидуалистическихъ принциповъ, свойственныхъ крестьянину. Народники перешли къ коопераціи, начали организовать взаимный кредитъ и обезпеченіе и окончательно примирились съ государствомъ, стремясь къ образованію принудительныхъ крестьянскихъ союзовъ обезпеченія и кредита. Кромѣ того, познакомившись на дѣлѣ со стійкостью развитія современныхъ средствъ сообщенія и международныхъ рыночныхъ отношеній, они должны были расширить еще болѣе свою программу, переходя отъ ссудосберегательной коопераціи и взаимнаго обезпеченія къ синдикатамъ для покупки и продажи продуктовъ и къ производительной коопераціи, напр. сыроварнямъ, маслобойнямъ, даже къ обработкѣ полей коллективными орудіями.

Начался другой фазисъ—кооперативнаго консервативнаго народничества.

Впрочемъ, въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и другой факторъ, именно вліяніе заморскаго соперничества на хлѣбномъ рынкѣ. Землевладельцы начали стремиться къ удешевленію производства и обезпеченію для себя рынка. Эти практическіе элементы, задаваясь лишь экономическими цѣлями, нашли тотъ же исходъ, т.-е. кооперацію. Въ этомъ отношеніи характернымъ является постановленіе международнаго кооперационнаго союза въ Лондонѣ въ 1895 году, принятое по предложенію лорда Грея:

«Признавая крайнюю важность аграрнаго кризиса, свирѣпствующаго во всей Европѣ, и симпатизируя тяжелымъ испытаніямъ, постигшимъ всѣ слои, которые зависятъ отъ эксплуатаціи земли, конгрессъ рекомендуетъ ихъ вниманію принятіе кооперативныхъ методовъ, какъ средства для ослабленія настоящаго зла и приготовленія лучшаго будущаго».

Кооперативныя усилія, начатыя зажиточными [землевладельцами], были подхвачены народниками. Оба теченія слились въ одно цѣлое, въ которомъ прежній консервативный элементъ сохранился, но въ ослабленной формѣ. Кооперативное движеніе въ нѣкоторыхъ странахъ въ послѣднія десятилѣтія сильно развилось. Мы займемся его анализомъ, а пока кончимъ бѣглый обзоръ его прошлаго выдержкой изъ недавно появившейся книги Кудельки о земледѣльческихъ обществахъ во Франціи.

«Синдикаты возникли какъ порожденіе необходимости тамъ, гдѣ они могли немедленно доставить выгоду. Ихъ существованіе было первоначально связано съ содѣйствіемъ благонамѣренныхъ въ социальномъ отношеніи элементовъ. Крупные землевладельцы, въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые отдали въ аренду свои имѣнія, были первыми энергичными организаторами и предводителями» *)-

II.

Статистика различныхъ видовъ коопераціи въ отдѣльныхъ странахъ.—Образцы дѣятельности французскихъ синдикатовъ.—Вопросы, требующіе отвѣта.

Теоретики аграрнаго движенія начали въ послѣднее время доказывать, что земледѣіе представляетъ самую благопріятную почву для возникновенія всякаго рода коопераціи.

«Можно полагать,—говоритъ Блондель,—что [земледѣіе, вопреки мнѣнію, нѣкогда очень распространенному, болѣе податливо, чѣмъ промышленность, на выгоды коопераціи. Каждый промышленникъ старательно скрываетъ полученные результаты: это средство для полученія

*) Dr. Thaddäus Kudelka «Das landwirthschaftliche Genossenschaftswesen in Frankreich». Berlin. 1899, стр. 175.

еще большихъ выгодъ. Такого взаимнаго недовѣрія нѣтъ между земледѣльческими промыслами, сравнительно простыми и рутинными, какъ, напр., производство сыра и масла. Члены коопераціи могутъ группироваться и ни одинъ изъ нихъ не долженъ жертвовать ничѣмъ изъ своихъ собственныхъ интересовъ» *).

Мы привели мнѣніе одного изъ новѣйшихъ авторовъ, чтобы показать, съ какими надеждами смотрятъ теоретики земледѣльской коопераціи въ будущее, забывая при этомъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства, коренящаяся въ разбросанности, рутинѣ, психикѣ чловѣка и, главнымъ образомъ, въ недостаткѣ виѣшней побуждающей и одновременно организующей причины. Но все-таки въ главной сути они правы, именно въ томъ, что опыты новѣйшаго времени обнаружили шаткость прежнихъ утвержденій, будто земледѣльцы неспособны соединяться въ коопераціи. Но не подлежитъ тоже сомнѣнію, что многіе тезисы у нихъ отличаются неточностью, такъ въ понятіе коопераціи они включили разнородные союзы и притомъ не обратили надлежащаго вниманія на соединяющіеся элементы. Коопераціи коопераціи не равна по своимъ окончательнымъ результатамъ для общественнаго развитія. Кредитная коопераціи освобождаетъ земледѣльца отъ власти ростовщиковъ, но не требуетъ отъ своихъ членовъ никакихъ измѣненій въ индивидуалистическомъ режимѣ хозяйничанія и уживается съ самой большой рутинной. Потребительные союзы, организованные для покупки сѣмянъ, орудій, удобренія, уничтожаютъ власть посредниковъ и свидѣтельствуютъ о большей подвижности земледѣльцевъ и, разумѣется, представляютъ прогрессивную попытку организаціи общественныхъ отношеній, но и они не затрагиваютъ самаго главнаго, т.-е. производства. Еще болѣе прогрессивную форму коопераціи представляетъ коопераціи продажи, когда землевладѣльцы соединяются для непосредственнаго сношенія съ потребителями. Но и тутъ производство остается нетронутымъ. Только тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ коопераціей производства, т.-е. съ организованіемъ кооперативныхъ сыроваренъ, маслобоенъ, мельницъ, пекаренъ и т. д., особенно же съ обработкою обща полей, мы входимъ въ сферу попытокъ, измѣняющихъ деревенскую рутину.

Прогрессъ въ коопераціи въ послѣднее время громаденъ, но размѣры ея сравнительно незначительны, если обратимъ вниманіе на самыя сложныя и важныя формы ея.

Статистика германскихъ отношеній ясно показываетъ это.

Земледѣльческія товарищества Германіи отчасти соединились въ болѣе обширныя организаціи, въ такъ-называемый обще-германскій союзъ земледѣльческихъ обществъ въ Оффенбахѣ, генеральный союзъ

*) Blondel «G. Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la Crise agraire». 1897. Paris. Стр. 230.

въ Нейвидѣ, кромѣ того находятся еще болѣе мелкіе союзы, которыхъ главное бюро находится въ Мюнхенѣ, Штуттгартѣ и т. д. Всѣ эти союзы считали въ 1896 году 9.023 общества. Въ томъ числѣ находилось центральныхъ обществъ и союзовъ 27, ссудныхъ кассъ 6.391, обществъ, посредничающихъ при покупкѣ и продажѣ 925, молочныхъ союзовъ 1.397, союзовъ задающихся другими цѣлями 273. Въ послѣдней категоріи находятся многія общества для передѣлки земледѣльческихъ продуктовъ. Мы видимъ изъ приведенныхъ цифръ, что первое мѣсто занимаетъ ссудо-сберегательная кооперація, т. е. самая незамысловатая и мало вліятельная въ социальномъ отношеніи. Кромѣ того, мы замѣчаемъ характеристическій фактъ развитія маслобойныхъ и вообще молочныхъ союзовъ *).

Бельгія, другая страна, для которой мы владѣемъ подробнымъ статистическимъ матеріаломъ, считала въ концѣ 1895 года 65 молочныхъ союзовъ, 45 обществъ, посредничающихъ при покупкѣ, 67 обществъ страховки скота, 25 ссудо-сберегательныхъ кассъ, одинъ кооперативный сахарный заводъ и одну мельницу, одно общество для продажи свекловицы **).

Данія, несомнѣнно,—страна самаго развитаго земледѣльческаго кооперативнаго движенія, но она доказываетъ лишь то, что говорятъ вамъ уже прежнія цифры, именно, что исходной точкой самой прогрессивной земледѣльческой коопераціи служитъ не собственно земледѣліе, но переработка такихъ продуктовъ, какъ молоко. Образование молочныхъ союзовъ началось въ 1882 году. Въ 1895 году страна эта, насчитывающая около 1.000 сельскихъ общинъ, имѣла около 900 кооперативныхъ маслобоенъ, не считая частныхъ, т. е. почти каждая деревня владѣла собственной. Эти маслобойни—различной величины, самая малая перерабатываетъ ежедневно молоко отъ 400 коровъ, самая большая—отъ 2.000. Маслобойни соединились въ союзы, контролирующіе содержаніе скота и качество молока и занимающіеся вывозомъ продукта въ Англію. Возникновеніе кооперативныхъ маслобоенъ повело къ дальнѣйшей коопераціи. Члены ихъ соединяются для общей покупки сѣмянъ, орудій и т. д. и для непосредственныхъ сношеній съ потребителями, образуя кооперативныя лавки въ Копенгагенѣ и другихъ городахъ. Изъ этихъ обществъ самое замѣчательное Югландское, котораго задача состоитъ въ вывозѣ яицъ въ Англію. Обратимъ еще вниманіе на союзы земледѣльцевъ для выкармливанія свиней и приготовления ветчины. Они образовались при маслобойняхъ, пользуясь отбросами. Въ 1895 году ихъ существовало 16, которые убивали половину всѣхъ свиней, откормленныхъ въ странѣ ***). Одновременно рас-

*) «Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Zweiter Supplementband», стр. 575.

***) Ibidem, стр. 577.

****) «Рефератъ датскаго представителя на международномъ кооперативномъ съѣздѣ въ Лондонѣ». «Proceedings of the I-st international Cooperative Congress in London». 1895.

пространяются союзы для улучшения породъ скота, покупающіе породистыхъ животныхъ изъ-за границы.

То же зрѣлище представляетъ Швейцарія. Въ 1896 году тамъ насчитывали 2.500 сельскихъ обществъ, т.-е. одно общество приходилось на 1.200 жителей. Составъ этихъ обществъ въ 1895 году, когда ихъ насчитывали только 1.783, былъ слѣдующій: 838 сыроваренъ, 673 специальныхъ обществъ въ сферѣ скотоводства, 251 общество для покупки земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ и т. д., 39 винокуренныхъ заводовъ, 32 молотильныхъ союзовъ, 21 альпійскихъ (пастбищъ), 8 кирпичныхъ, 6 для воздѣлки винограда, 6 скотобоенъ и т. д. Другими словами, собственно земледѣіе почти не тронуто кооперацией. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти каждая деревня имѣетъ свою кооперативную сыроварню. Швейцарская потребительная кооперация должна была выдержать упорную борьбу съ оптовыми купцами, которые старались задержать ея развитіе, но побѣдила *).

Понятно, что и Голландія страна молочнаго хозяйства, представляетъ довольно значительное развитіе кооперации, хотя не такое, какъ Данія и Швейцарія. Въ ней насчитывали въ 1895 году около 100 кооперативныхъ маслобоенъ.

Развитіе синдикатнаго движенія во Франціи представляетъ предметъ, по поводу котораго много разсуждаютъ въ послѣднее время. Кооперация не была тамъ извѣстна еще лѣтъ 20 тому назадъ, между тѣмъ новѣйшіе источники говорятъ уже о миллионѣ членовъ, принадлежащихъ къ синдикатамъ **)—громадное число. Въ серединѣ 1897 г. насчитывали около 2.000 различныхъ синдикатовъ. Союзы французскихъ землевладѣльцевъ задаются самыми различными цѣлями. Пользуясь конкурсомъ, учрежденнымъ въ 1897 г. Парижскимъ социальнымъ музеемъ, мы разберемъ дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Возьмемъ тѣ, которые получили высшія награды.

1. Синдикатъ, охватывающій кантонъ Белевиль надъ Соной, основанный въ 1887 г. и считающій теперь 2.352 членовъ. Онъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ земледѣльцевъ и владѣльцевъ виноградниковъ, онъ ограничивается своимъ кантономъ, насчитываетъ самое большое число членовъ и ведется лучше всего. Онъ способствовалъ распространенію въ этой мѣстности виноградниковъ, покупая виноградныя лозы въ южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; организовалъ продажу масла, дѣйствующую только тогда, когда цѣны на рынокѣ низки; ссудо-сберегательную кассу на принципахъ взаимопомощи; добился облегченій у страховыхъ обществъ отъ огня и падежа скота, создалъ между крестьянами третейскіе суды; наконецъ, образовалъ общества

*) Ср. Швейцарскій отчетъ на международномъ кооперативномъ съѣздѣ, кромѣ того «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», Стр. 576.

**) Maurin G. «Les syndicats agricoles et la crise sociale». Nimes. 1898, стр. 30.

взаимопомощи для старцевъ, сиротъ и больныхъ,—инвалиды труда получаютъ пенсію; когда же дѣло касается больныхъ сосѣдей, не могущихъ обрабатывать землю, то это исполняетъ синдикатъ. Онъ принадлежитъ къ лучше всего организованнымъ и образцово-дѣйствующимъ.

2. Синдикатъ округа Полинь одинъ изъ первыхъ по времени возникновенія. Онъ насчитываетъ 1.700 членовъ. Свои принципы онъ сформулировалъ въ начальныхъ статьяхъ своего устава: «цѣль союза — доставить своимъ членамъ выгоды свободной коопераціи; члены, связанные братскою солидарностію, будутъ другъ другу помогать и поддерживать себя. Онъ будетъ стремиться къ возбужденію любви къ профессіи, которая въ продолженіе вѣковъ представляла источникъ народнаго богатства, и къ распространенію среди земледѣльцевъ привязанности къ домашнему очагу и землѣ, которую обрабатываютъ. Для этой цѣли онъ употребитъ всѣ средства, чтобы этотъ трудъ окружить почестями и сдѣлать его болѣе производительнымъ». Синдикатъ создалъ, главнымъ образомъ, взаимный кредитъ, причѣмъ опредѣлилъ для даваемого займа самую большую норму 600 франковъ, ввелъ задатки на земледѣльческіе продукты до наступленія сбора. Онъ основалъ союзъ садовниковъ, нѣсколько молочныхъ союзовъ, а также учредилъ контроль надъ качествомъ товара, кооперативную мельницу для членовъ союза, контору бесплатныхъ юридическихъ совѣтовъ. Кромѣ того, онъ организовалъ обученіе земледѣлію въ начальныхъ школахъ, ввелъ страховку отъ огня и падежа скота на началахъ взаимопомощи, началъ систематическое улучшеніе скота, покупая заводскихъ фрейбургскихъ производителей и продавая ихъ членамъ. Союзъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, каждое ежемѣсячно во время ярмарокъ устраиваетъ собранія членовъ и такимъ образомъ сближаетъ ихъ.

3. Синдикатъ департамента Луары насчитываетъ до 7 тысячъ членовъ, состоитъ изъ 22 кантональных отдѣленій и обладаетъ 17 складами товаровъ. Покупка предметовъ и орудій, необходимыхъ въ земледѣліи, и доставленіе ихъ членамъ происходитъ такъ, что ничего лучшаго и желать невозможно. Въ нѣкоторые годы размѣры оборотовъ достигаютъ 750 тысячъ франковъ и болѣе. Онъ устраиваетъ каждые три мѣсяца выставку сѣмянъ, ведетъ курсы земледѣлія и обработки виноградниковъ, основалъ экспериментальныя поля и устраиваетъ публичные опыты съ земледѣльческими орудіями и машинами, вошелъ въ договоръ съ молотильщиками, наконецъ, купилъ нѣкоторыя машины, которыми члены пользуются, внося небольшую плату. Существуетъ синдикальная мельница. Онъ одинъ изъ первыхъ обосновалъ страховку всякаго рода на принципѣ взаимопомощи; для этой цѣли онъ самъ устроилъ агентство страхованія отъ пожара и градобитія, наконецъ, основалъ орлеанскій союзъ, опирающійся на взаимномъ обезпеченіи членовъ въ случаѣ несчастія. Организовалъ посредничество въ поискахъ за работой, третейскіе суды, бесплатную юридическую помощь.

4. Земледѣльческій синдикатъ въ Кальвадосѣ. Онъ издаетъ ежемѣсячные отчеты, которые достигли такихъ размѣровъ, что въ земледѣльческой прессѣ занимаютъ одно изъ самыхъ вліятельныхъ мѣстъ. Ведетъ контроль надъ скотоводствомъ и луговымъ хозяйствомъ. Занимается продажей лошадей и скота, масла и сыра, а также другихъ продуктовъ и даже вывозитъ ихъ за границу. Часть этихъ занятій взяло на себя Нормандское потребительно-производительное общество, основанное синдикатомъ. Существуетъ контора, занимающаяся доставленіемъ работы, юридическихъ совѣтовъ и т. д. Союзъ стремится создать разныя экономическія учрежденія, которымъ передаетъ часть своей работы; свою же дѣятельность направляетъ постоянно къ новымъ задачамъ и потребностямъ земледѣльческаго населенія.

Мы нарочно представили болѣе подробно дѣятельность нѣсколькихъ французскихъ синдикатовъ, чтобы показать, какъ она разнородна. Синдикаты создаютъ ссудо-сберегательныя кассы и краткосрочный кредитъ, организуютъ покупку необходимыхъ предметовъ въ землѣдѣніи и понизили цѣну удобренія и земледѣльческихъ орудій на 25 и даже 30% во всей странѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже на 50. Они устроили образцовую ферму, учредили странствующихъ лекторовъ и агрономовъ, равно какъ бюро для экономическихъ указаній, особенно важны ихъ попытки въ воздѣлываніи виноградной лозы, стремящіяся къ основанію питомниковъ ея для продажи членамъ по заготовительной цѣнѣ. Основываютъ товарищества для совмѣстной покупки и совмѣстнаго пользованія болѣе дорогими машинами и учреждаютъ кооперативныя маслобойни, сыроварни (послѣднихъ существуетъ около 2.000), мельницы, пекарни (въ 1896 году ихъ насчитывали около 500—600 съ 100.000 членами) и т. д. Наконецъ, они стараются войти въ непосредственное сношеніе съ потребителями, организуя продажу въ центрахъ населенія. Какъ распределяется число обществъ и количество членовъ между различными родами кооперацій, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать, такъ какъ синдикатная статистика въ этомъ отношеніи совсѣмъ не обработана. Кромѣ того, трудно иногда разграничить различныя функціи, такъ онѣ сплетаются въ томъ же синдикатѣ.

Франціей мы окончимъ нашъ обзоръ земледѣльческой коопераціи, оставляя совсѣмъ въ сторонѣ остальные менѣе развитыя государства Европы, въ томъ числѣ Англію, равно какъ и колоніи, относительно которыхъ у насъ очень мало точныхъ данныхъ, хотя, повидимому, рассматриваемое движеніе тамъ очень сильно. Земледѣльческая кооперація, какъ мы уже сказали,—продуктъ послѣднихъ двухъ десятиковъ лѣтъ. Если примемъ во вниманіе это обстоятельство, то придемъ къ заключенію, что она совершила большой прогрессъ, особенно въ Швейцаріи и Даніи, причемъ нельзя отрицать, что именно неустойчивость продажи и борьбы за рынки служатъ исходной точкой всѣхъ успѣховъ.

Чего не могли произвести увѣщеванія народниковъ-идеологовъ, то совершили жестокія требованія жизни.

Возникаютъ теперь два вопроса.

Первый—насколько кооперація можетъ разсчитывать на дальнѣйшіе успѣхи въ будущемъ? То, что она до сихъ поръ развивалась такъ успѣшно, не служитъ еще доказательствомъ дальнѣйшаго прогресса. Мы должны разобрать факторы, на которые она можетъ разсчитывать въ будущемъ.

Во-вторыхъ, мы до сихъ поръ говорили о коопераціи вообще, не задаваясь вопросомъ, какіе земледѣльческіе элементы въ ней участвуютъ.

Разумѣется, значеніе ея будетъ различно, сообразно тому, какіе земледѣльческіе слои примкнутъ къ ней, зажиточные ли землевладельцы, либо крестьяне и какіе.

III.

Ходъ развитія земледѣльческой коопераціи.—Организованіе кооперативныхъ геологическихъ территорій.—Попытки сношеній съ городской потребительной коопераціей.—Недостатокъ въ земледѣльческой коопераціи элемента необходимости.—Переворотъ въ условіяхъ земледѣльческаго быта.

Разсматривая ходъ развитія синдикатовъ во Франціи, Германіи и Даніи на основаніи подробныхъ данныхъ, мы видимъ, что онъ имѣетъ определенное направленіе: начинаясь въ большинствѣ случаевъ съ мелкихъ мѣстныхъ товариществъ, онъ ведетъ къ образованію болѣе обширныхъ союзовъ, обнимающихъ всю провинцію и даже страну.

Мы это превосходно видимъ на примѣрѣ организаціи продажи.

Образуются мѣстныя товарищества, задающіяся такой цѣлью; иногда они падаютъ, вслѣдствіе недостатка соотвѣтственной сноровки. Но въ томъ, либо другомъ синдикатѣ находятся двѣ—три личности, умѣющія вести дѣло и обладающія соотвѣтственными чертами характера, необходимыми для успѣшнаго веденія предпріятія. Предпріятіе начинаетъ развиваться, появляется навыкъ дѣйствовать сообща, образуется то, что мы бы назвали бюрократической рутинной, дающей возможность даже менѣе энергичнымъ личностямъ вести дѣло, мало-по-малу накопляется всякаго рода опытъ, переходящій въ традицію, воспитывается поколѣніе кооперативныхъ дѣятелей. Однимъ словомъ—будущее синдиката обезпечено, онъ пробилъ себѣ дорогу. Такія окрѣпшія общества соединяются въ союзы для организаціи продажи на болѣе отдаленныхъ рынкахъ.

Такимъ образомъ, синдикатное движеніе все разростается въ размѣрахъ, захватывая все болѣе пространства и рынковъ.

Съ другой стороны, всякое успѣшно развивающееся мѣстное общество становится центромъ расширенія круга мѣстной дѣятельности, что со временемъ отражается и на кругѣ дѣятельности районнаго союза.

Такъ, напр., въ Даніи дѣло въ деревнѣ началось съ основанія мѣстной кооперативной маслобойни, продающей свои продукты самостоятельно. Сосѣднія маслобойни соединяются для совмѣстной продажи, причѣмъ иногда организуя на ближайшемъ рынкѣ. Со временемъ возникъ громаднѣйшій маслобойный союзъ, охватившій почти всю Данію, контролирующій качество вывозимаго масла и высылающій товаръ прямо въ Англію, отодвигая различныхъ посредниковъ. Оя такъ удачно повелъ свои дѣла, что почти господствуетъ на англійскомъ рынкѣ, встрѣтивъ тамъ только въ послѣднее время подобнаго, хотя не столь сильнаго соперника въ организаціи ирландскихъ кооперативныхъ маслобоенъ. Датскія кооперативныя маслобойни, развившись, привели къ кооперативному выкармливанію и убою свиней, приготовленію окороковъ, къ основанію союзовъ для покупки породистаго скота и многимъ другимъ кооперативнымъ предпріятіямъ. По образцу вывоза масла организованы союзъ для вывоза яицъ и другихъ продуктовъ.

Возьмемъ еще другой примѣръ.

Нѣсколько десятковъ кооперативныхъ маслобоенъ изъ западныхъ департаментовъ Франціи образовали союзъ, задающійся цѣлью облегчать промышленныя и коммерческія сношенія, сосредоточить всѣ полезныя указанія, защищать интересы отдѣльныхъ товариществъ передъ властью и частными учрежденіями, способствовать созданію центровъ для передачи свѣдѣній и контроля надъ продажей продукта, равнымъ образомъ приобрѣтенію машинъ и другихъ орудій, необходимыхъ для производства масла. Союзъ охватываетъ отъ 25 до 30 тысячъ земледѣльцевъ и производитъ ежегодно отъ 4 до 5 милліоновъ килограммовъ масла, не считая дохода отъ выкармливаемыхъ свиней. Эти числа относятся къ 1895 г. Съ тѣхъ поръ размѣры союза возросли по крайней мѣрѣ на 50%, но продажа масла не организована, каждая маслобойня продаетъ свой продуктъ отдѣльно на парижскомъ рынкѣ. Но все-таки контроль союза не остался безъ вліянія. Масло отличается хорошимъ качествомъ и слыветъ на центральномъ парижскомъ рынкѣ какъ «Beurre des charentes». Союзъ имѣетъ своихъ агентовъ, къ которымъ отдѣльныя маслобойни направляютъ свой продуктъ. Это масло господствуетъ на парижскомъ рынкѣ, и вѣроятно дѣло кончится тѣмъ, что образуется центральная продажа продукта по образцу датской.

Мы привели нѣсколько примѣровъ все расширяющейся организаціи земледѣльцевъ, охватывающей по мѣрѣ своего развитія все больше сферъ сельской дѣятельности. Такихъ примѣровъ мы могли бы привести больше. Но такъ какъ мы не можемъ дать точныхъ статистическихъ данныхъ, и такъ какъ для насъ въ данномъ случаѣ важна лишь тенденція, то ограничимся только выше представленными случаями. Замѣтимъ, что поступаая такимъ образомъ, земледѣльческая организація опирается на крѣпкомъ фундаментѣ.

Разумѣется, какихъ размѣровъ и результатовъ она достигнетъ, мы

теперь предвидѣть не можемъ, но все таки видимъ для нея возможность успѣшнаго развитія. Кромѣ того, мы въ состояніи уже теперь указать на одну ея тенденцію. Мы въ прошлогднихъ своихъ статьяхъ говорили о геологическо-агрономическихъ территоріяхъ, какъ о единицахъ высшаго разряда, пробивающихъ себѣ существованіе изъ современныхъ мелкихъ единицъ частнаго владѣнія. Разсматривая кооперативное движеніе, мы видимъ, что оно организуетъ прежде всего эти территоріальныя единицы. Союзы владѣльцевъ виноградниковъ, сыроваренъ, маслобоекъ во Франціи, союзы прирейнскихъ и датскихъ земледѣльцевъ и другія подобнаго рода организаци, особенно въ колоніяхъ, всѣ они охватываютъ землевладѣльцевъ извѣстнаго геологическаго района. Исходя изъ организациіи купли и продажи, они мало-по-малу организуютъ различныя области сельскаго производства по общему плану, заводятъ экспериментальныя фермы, контролируютъ производство даже отдѣльныхъ обществъ, вводя вездѣ однообразіе и общій принципъ. Теоретики движенія мечтаютъ даже о введеніи всего района въ одно кооперативное цѣлое и о стуженіи индивидуальной производительной свободы до крайнихъ предѣловъ, т. е. о производствѣ не только по общему плану, но и о производствѣ общими машинами, объ общихъ амбарахъ, кооперативныхъ хлѣвахъ и т. д. И снова мы не можемъ предвидѣть, насколько эти стремленія осуществляются указаннымъ путемъ, но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что централизація въ земледѣліи обладаетъ большими шансами для осуществленія этимъ способомъ, чѣмъ при помощи концентраціи имѣній въ частныхъ рукахъ. Это движеніе исходитъ изъ промышленныхъ отраслей земледѣлія и специальныхъ хозяйствъ, захватывая мало-по-малу и чистое хлѣбопашество, которое, какъ оказывается, упорно держится индивидуальной рутины.

Въ этомъ организованіи землевладѣльцевъ значительную роль играетъ необходимость обезпечить для себя рынки. Земледѣльческія коопераціи стараются поэтому монополизировать доставку для войскъ и войти въ непосредственныя сношенія съ потребительными коопераціями.

Кооперативное потребительное движеніе въ послѣднее время значительно разрослось въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Въ Англіи каждый потребительный продуктъ, покупаемый въ лавкахъ, пріобрѣтается въ потребительномъ обществѣ. Тамъ встрѣчаются города, гдѣ $\frac{3}{4}$ всего населенія соединены въ потребительный союзъ. Въ маленькой же Шотландіи около 100 тысячъ семействъ приготавливаютъ свой хлѣбъ въ собственныхъ потребительно-кооперативныхъ пекарняхъ, самыхъ большихъ въ мірѣ. Кооперативный союзъ, центръ котораго находится въ Манчестерѣ, владѣетъ самыми большими въ мірѣ складами чая; онъ основалъ громаднѣйшія фабрики обуви и соединилъ, вѣроятно, около милліона семействъ. Во Франціи въ 1896 году насчитывали около 700 потребительныхъ обществъ, имѣющихъ болѣе 400 тысячъ членовъ и около 500—600 кооперативныхъ пекарней, насчитывающихъ болѣе 100

тысячъ членовъ. Французскія потребительныя общества стремятся сплотиться въ одно цѣлое. Потребительное движеніе тоже сильно развито въ Бельгій и Германіи. И снова, не стараясь заглянуть въ будущее, мы все-таки можемъ сказать, что потребительная кооперация Западной Европы составляетъ внушительную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ громадную рыночную организацію. Потребительно-кооперативный рынокъ въ Британіи употребилъ въ 1894 году продуктовъ на сумму въ 500.000.000 франковъ, въ томъ числѣ Манчестерскій союзъ специально масла на сумму почти въ 20.000.000 фр.

Вожаки кооперативнаго потребительнаго движенія и руководители земледѣльческихъ синдикатовъ стремятся въ послѣднее время къ тому, чтобы между земледѣльцами и потребителями завязать непосредственныя торговыя сдѣлки.

Во Франціи на съѣздѣ кооперативныхъ обществъ въ Греноблѣ въ 1893 году рѣшили избрать комиссію, которая бы вошла въ переговоры съ синдикатами. Лионскій съѣздъ синдикатовъ въ слѣдующемъ году отозвался на эту идею и разсматривалъ вопросъ, какимъ образомъ можно было бы осуществить непосредственныя сношенія. Делегаты англійской потребительной кооперации, присутствующіе на этихъ французскихъ съѣздахъ, объявили тогда, что англійскіе кооператисты уже избрали этотъ путь. «Мы имѣемъ конторы, — сказалъ одинъ изъ нихъ, — въ Копенгагенѣ и въ Орхусѣ въ Даніи, въ Гамбургѣ, Нью-Йоркѣ и Монреалѣ для экспорта товаровъ изъ этихъ странъ въ Великую Британію. Эти конторы покупаютъ у мѣстныхъ кооперативныхъ обществъ, напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ и Монреалѣ мы покупаемъ сыръ въ кооперативныхъ фабрикахъ, въ Гамбургѣ масло въ кооперативныхъ маслобойняхъ Шлезвигъ-Гольштейна, въ Даніи масло и сало въ кооперативныхъ фабрикахъ, мы тоже поддерживаемъ сношенія съ древней кооперацией, существующей болѣе 1000 лѣтъ: три наши товарища въ настоящее время находятся въ Греціи, чтобы покупать въ монастыряхъ этой страны коринтскій изюмъ». Наконецъ, на международномъ кооперативномъ съѣздѣ въ Лондонѣ въ 1895 году присутствовали равнымъ образомъ представители и земледѣльческихъ синдикатовъ, и потребительныхъ коопераций.

Пока эти стремленія къ взаимному сближенію не привели еще къ положительнымъ результатамъ по винѣ земледѣльцевъ, которымъ чужда торговая сноровка. Они желали бы поскорѣе сбыть товаръ по возможно высокой цѣнѣ и не умѣютъ «приготовлять товара», т. е. придавать продукту торговую форму и однообразіе. Съ другой стороны потребительныя общества привыкли къ кредиту, прейсъ-курантамъ, пробнымъ посылкамъ и т. д. и вообще не желаютъ отказаться отъ этихъ образцовъ прогрессивной торговой техники. Но сближеніе между кооперативными земледѣльцами и потребителями вполне возможно; оно принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ

отъ существованія энергичныхъ дѣятелей среди обѣихъ видовъ коопераціи. И если такія сношенія осуществляются, то сразу на основаніи существующаго кооперативнаго матеріала возникнутъ громадныя организаціи, воплощающія въ жизнь до извѣстной степени идею какого-то новаго строя, въ которомъ не будетъ посредниковъ, рыночной неустойчивости, индивидуальнаго произвола и многихъ другихъ сторонъ нашего экономическаго режима.

Мы старались, по возможности, держаться фактовъ и ограничились лишь анализомъ существующихъ элементовъ земледѣльческой коопераціи. Въ будущее мы не заглядывали, опасаясь всякой *Zukunftsmusik*, которая въ данномъ случаѣ обманчива. Когда мы говоримъ о централизаціи въ обрабатывающей промышленности, мы имѣемъ дѣло съ необходимымъ историческимъ явленіемъ, которое должно принимать все большіе размѣры. Напротивъ, мы не видимъ такого *необходимаго* элемента въ развитіи земледѣльческой коопераціи и даже потребительной. Оба эти движенія являются результатомъ свободной инициативы, по крайней мѣрѣ, въ очень большой степени. Мы говоримъ: «свободной инициативы», такъ какъ внѣшнія условія не столь сильны, чтобы у земледѣльца не было другого выхода, кромѣ коопераціи. Въдъ мы часто видимъ, какъ кооперативныя маслобойни и сыроварни, либо свеклосахарныя заводы превращаются въ частныя предпріятія, арендуемыя у бывшихъ кооперативистовъ, доставляющихъ туда свой продуктъ, мы видимъ также, что такія частныя предпріятія часто ведутъ свои дѣла удачнѣе, чѣмъ кооперативный союзъ. По этой причинѣ, на основаніи существующаго нынѣ мы не можемъ предвидѣть грядущаго.

Обратимъ только вниманіе на то, что въ земледѣльческой коопераціи находится много энергическихъ и жертвующихъ собою дѣятелей, которые отдають всю душу дѣлу. Замѣтимъ еще и то, что въ нѣкоторыхъ странахъ земледѣлецъ наталкивается на учрежденія, заставляющія его мечтать о расширеніи общественнаго веденія производства, посредничества и кредита. Монополія желѣзнодорожныхъ и элеваторныхъ обществъ привела американскихъ фермеровъ къ повсемѣстному требованію націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и элеваторовъ государственнымъ вариантнымъ кредитомъ. Мы встрѣчаемъ все чаще требованія принудительной всеобщей государственной страховки отъ огня, градобитій, падежа скота, къ чему, впрочемъ, ведутъ и синдикаты, въ болѣе демократическомъ духѣ: государственное внимательство должно придать этимъ усиліямъ принудительный характеръ. Все это знаменія времени, которое требуетъ обобществленія различныхъ сторонъ экономической дѣятельности. Прибавимъ къ этому различныя земледѣльческія утопіи, которыя, оставаясь даже утопіями, все-таки свидѣтельствуютъ о направленіи развитія. Таковы требованія государственной монополіи торговли хлѣбомъ и даже еще далѣе идущія требованія государственной монополизаци — приготвленія муки и хлѣба,

или желанія, чтобы государство ликвидировало земледѣльческіе долги и обратилось въ громаднѣй кредитный банкъ. Мы убѣждены, что многія изъ этихъ утопій въ той либо другой формѣ осуществляются; по крайней мѣрѣ, это возможно.

Мы часто слышимъ о томъ, что земледѣліе не поддается современному экономическому развитію. Мы убѣждены въ противоположномъ. И земледѣліе прогрессируетъ. Все дѣло въ томъ, что прогрессъ происходитъ здѣсь очень медленно и вторгается извнѣ, дѣйствуя подъ давленіемъ силъ, чуждыхъ земледѣльческой сферѣ. Мы постоянно въ своихъ статьяхъ доказывали, что капиталистическое производство и обмѣнъ измѣняютъ условія земледѣльческаго быта, заставляють земледѣльцевъ бросать прежніе устои, требуя государственнаго вмѣшательства. Теперь мы показали, что въ зависимости отъ рынковъ проявляются дальнѣйшія усилія выхода изъ прадѣдовской рутины.

Спрашивается, насколько въ этомъ движеніи участвуетъ крестьянинъ?

IV.

Какіе крестьяне участвуютъ въ коопераціи?—Значеніе специализированныхъ отраслей земледѣлія.—Рутинна хлѣбопашцевъ.—Положеніе деревенскаго пролетаріата.

Мы уже знаемъ, что въ Даніи почти каждая деревня имѣетъ свою кооперативную маслобойню, что въ Швейцаріи, которой чужды латифундіи, различные виды коопераціи довольно распространены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ обѣихъ выше названныхъ странахъ кооперативное движеніе охватило широкія массы крестьянъ. Но какихъ крестьянъ? Мы на это до сихъ поръ не нашли отвѣта въ статистическихъ данныхъ. Впрочемъ, Данія и Швейцарія—исключительныя страны, такъ какъ собственно земледѣліе исчезло тамъ подъ давленіемъ молочнаго хозяйства, выкармливанія скота и т. д. Другое дѣло страны, въ которыхъ преобладаетъ воздѣлываніе хлѣба, какъ, напр., Франція.

Когда мы читаемъ сочиненія, относящіяся къ французскому синдикатному движенію, мы встрѣчаемъ тамъ постоянно отзывы о выгодахъ, вытекающихъ изъ коопераціи даже для крестьянина. Одинъ изъ писателей, недавно издавшій книгу о синдикатахъ, пишетъ: «благодаря этому (т. е. коопераціи), способность къ конкуренціи мелкихъ и среднихъ хозяйствъ увеличивается по отношенію къ крупнымъ владѣніямъ не только своей страны, но кромѣ того, — что важнѣе, — и относительно иностраннаго земледѣлія». Однако мы напрасно искали данныхъ, позволяющихъ опредѣлить размѣры участія крестьянъ въ синдикальномъ движеніи. Мы находимъ лишь абстрактнаго крестьянина, но не встрѣчаемъ данныхъ, сколько этотъ крестьянинъ имѣетъ земли. Французскіе синдикаты даже и не помышляютъ о томъ, что слѣдовало бы ввести такую статистику и распределить своихъ членовъ по категоріямъ соотвѣтственно ихъ зажи-

точности. Вѣдь крестьяниномъ называютъ какъ того, у котораго 10 и 20 гектаровъ земли, такъ и того, который владѣеть участкомъ въ одинъ гектаръ. Мы имѣемъ лишь косвенныя указанія, свидѣтельствующія, о томъ, что мелкій крестьянинъ участвуетъ очень мало въ движеніи и, притомъ лишь въ простѣйшихъ его видахъ, какъ напр. ссудо-сберегательныя кассы и т. д. Парижскій социальный музей издалъ описаніе болѣе чѣмъ 20 образцовыхъ синдикатовъ. Только въ нѣсколькихъ участвуютъ крестьяне, нуждающіеся въ постороннемъ заработкѣ, напр., синдикатъ, означенный тамъ подъ номеромъ 3, въ числѣ 1.170 членовъ содержитъ 20% мелкихъ крестьянъ, но его задачи самыя простыя. Есть даже синдикаты, въ составъ которыхъ входятъ поденныя рабочіе, но въ такихъ учрежденіяхъ главной задачей является эмеритальная помощь. Эти данныя доказываютъ, что синдикатное движеніе во Франціи главнымъ образомъ охватило лишь верхушки крестьянства.

Такое заключеніе мы можемъ вывести еще изъ другого источника, сравнивая количество крестьянъ различныхъ категорій съ размѣрами синдикатнаго движенія.

Именно, въ 1892 году насчитывалось во Франціи земледѣльческихъ хозяйствъ:

Менѣе чѣмъ въ гектаръ	2.235.405
Отъ 1 до 10 гект.	2.617.558
Отъ 10 до 40	711.118
Болѣе 40 гект.	138.671

Съ другой стороны, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили о числѣ 600.000 членовъ синдикатнаго движенія, послѣдніе же источники говорятъ даже о миллионѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе зажиточныя хозяева, прежде всего, пользуются выгодами возникающихъ коопераций. Если мы даже допустимъ, что синдикаты имѣютъ около миллиона членовъ, то выше приведенная таблица доказываетъ, что послѣднія двѣ категоріи, именно тѣ, которыя имѣютъ болѣе 10 гектаровъ, составляютъ большинство въ кооперации. Конечно, мы не хотимъ утверждать, чтобы каждый членъ болѣе зажиточнаго крестьянскаго сословія принадлежалъ къ синдикату, а также не отрицаемъ возможности проникновенія элементовъ изъ другихъ категорій. Кромѣ того, вслѣдствіе другихъ причинъ, взаимная зависимость не такъ точна, потому что размѣры владѣній не вполне опредѣляютъ зажиточность отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ виноградной полосѣ гектаръ стоитъ въ 20—30 разъ болѣе, чѣмъ въ Солоньи, и владѣлецъ такого участка, фигурирующий въ статистическихъ таблицахъ, какъ мелкій хозяинъ, однако, находится въ другомъ положеніи, чѣмъ его землякъ той же рубрики. Вообще вездѣ, гдѣ крестьянинъ специализировался, какъ молочный производитель, воздѣлыватель виноградной лозы или маслины и пр., а также подвергся исключительному вліянію рынковъ и производства для продажи, тамъ вездѣ онъ фактически отличается отъ

остальныхъ крестьянъ, владѣющихъ участками такихъ же размѣровъ. Такіе специализированные элементы состоятъ теперь главными участниками развивающагося синдикатнаго движенія. Разсматривая, напр., труды графа Рокиньи, мы встрѣчаемся съ этими элементами почти на каждой страницѣ совершенно не пропорціонально количеству ихъ во всей странѣ. Если бы мы отсчитали этотъ авангардъ кооперативнаго движенія, то кругъ членовъ значительно уменьшился бы, и число ихъ, безъ сомнѣнія, очень улобно можно было бы помѣстить въ рубрикѣ владѣльцевъ, имѣющихъ около 10 и болѣе гектаровъ. Конечно, здѣсь—и тамъ особенно, гдѣ дѣло касается кредитныхъ и страховыхъ союзовъ, земледѣльческая кооперація охватила также и другія группы, владѣющія менѣе чѣмъ 10 гектарами, но изъ того, что я знаю до сихъ поръ о французскихъ синдикатахъ, у меня составилось понятіе, что этотъ послѣдній элементъ играетъ очень незначительную роль во всемъ движеніи.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какого рода земледѣльцы входятъ въ составъ производительной коопераціи, мы, пользуясь сочиненіемъ графа Рокиньи, попробовали произвести соответственные вычисленія, не претендующія на точность, но приблизительно вѣрныя.

Названный авторъ указываетъ на 76 кооперативныхъ маслобоенъ. Для 5 изъ нихъ онъ приводитъ количество членовъ и коровъ; на одного члена приходится, среднимъ числомъ 3,1 коровъ, причемъ существуютъ общества, въ которыхъ на одного члена приходится неполныя двѣ коровы, и другія, въ которыхъ на одного члена насчитывается 12 коровъ. Кромѣ того, для 13 маслобоенъ мы могли высчитать количество ежедневно перерабатываемаго молока, а такъ какъ мы располагаемъ также и количествомъ членовъ и можемъ приблизительно высчитать на основаніи приведенныхъ данныхъ количество молока, доставляемаго отдѣльной коровой, то и тутъ мы можемъ найти количество коровъ для каждаго отдѣльнаго участника. Мы нашли въ среднемъ числѣ $2\frac{1}{2}$ коровы и даже 3. Такимъ образомъ, въ маслобойной коопераціи участвуютъ земледѣльцы, имѣющіе, по крайней мѣрѣ, двѣ коровы. Другими словами—сравнительно зажиточные крестьяне.

Кооперативныя маслобойни, къ сожалѣнію, единственный видъ коопераціи, въ которомъ мы можемъ произвести такого рода вычисленія. Въ другихъ случаяхъ, напр., для винодѣловъ, мы получаемъ впечатлѣніе, что процентъ мелкихъ участниковъ значителенъ.

Но на этомъ и дѣло кончается. Когда же мы переходимъ къ видамъ коопераціи среди хлѣбопашцевъ, то теряемъ уже почву подъ ногами. И даже тогда, когда мы разсматриваемъ среди нихъ виды производительной коопераціи, мы не можемъ страхнуть съ себя впечатлѣнія, что говорится о союзахъ нѣсколькихъ человекъ въ одномъ изъ 100 кантоновъ.

Такимъ образомъ,—мы снова говоримъ не на основаніи чиселъ, а впечатлѣній,—крестьянинъ хлѣбопашецъ оказался неотзывчивымъ на

кооперацию. Болѣе зажиточные представители этого слоя участвуютъ въ потребительной земледѣльской коопераціи, но невосприимчивы къ другимъ видамъ сообщества. Напротивъ, тѣ крестьяне, которые специализировались подъ вліяніемъ рынковъ, отличаются большей способностью дѣйствовать совмѣстно. До сихъ поръ въ работахъ по этому вопросу рѣдко обращали вниманіе на эту сторону кооперативнаго движенія. Между тѣмъ, ея важность не подлежитъ сомнѣнію. Она показываетъ намъ, въ какой степени кооперація можетъ развиваться среди крестьянства. Нѣтъ сомнѣнія, что кооперація въ состояніи организовать спеціальныя территоріи и вообще спеціальныя вѣтви земледѣія. Даже сравнительно мелкій крестьянинъ въ специализованныхъ отрасляхъ оказывается достаточно чуткимъ къ выгодѣ, получаемой отъ совмѣстнаго дѣйствія, что объясняется его большою зависимостію отъ рынковъ, необходимостію считаться съ условіями внѣшняго міра и вытекающимъ отсюда большимъ умственнымъ развитіемъ. Что же касается собственно хлѣбопашцевъ, то они участвуютъ въ сравнительно большомъ числѣ въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ и въ союзахъ, покупающихъ навозъ, машины и сѣмена, рѣже въ продающей коопераціи и почти исчезаютъ, когда обратимся къ производительной коопераціи *). Кромѣ того, мы можемъ навѣрно предполагать, что лишь зажиточные крестьяне,—эти деревенскіе буржуа, сплочиваются, но остальные слои крестьянства вѣрны индивидуалистической рутинѣ. И снова мы опасаемся заглядывать въ будущее, но все-таки мы увѣрены, что мелкіе хлѣбопашцы останутся внѣ кооперативнаго движенія, развивающагося благодаря частной инициативѣ, въ которой, впрочемъ, для нихъ и мѣста нѣтъ. Разумѣется, внѣ коопераціи будутъ находиться и совсѣмъ лишеныя земли сельскіе элементы. Является вопросъ о ихъ будущемъ положеніи въ развитіи современнаго общества.

Мы знаемъ, что сельскій пролетаріатъ увеличивается абсолютно и относительно. Если бы кооперативное движеніе охватило даже *всѣхъ* крестьянъ землевладѣльцевъ, то все-таки вопросъ, что дѣлать съ крестьянскою голью, остался бы неразрѣшеннымъ. Положеніе ея ухудшилось бы, такъ какъ ей, какъ наемной силѣ, противостоитъ сплоченная масса хозяевъ. Этотъ слой по неволѣ долженъ искать другихъ дорогъ для выхода, чѣмъ идеалы сельской демократіи. Въ Австралійскихъ колоніяхъ само правительство начинаетъ организовать изъ пролетаріевъ земледѣльческія ассоціаціи. Эти опыты начались всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ и къ чему приведутъ практически, нельзя предсказать. И въ Европѣ, особенно въ Англіи и Франціи, подымался

*) Впрочемъ, мы встрѣчаемъ попытки организованія деревни въ кооперативную общину, напр., въ Пиннигъ вблизи Данцига. Смотри: Blondel G. «Etudes sur les populations rurales de l'Allemagne et la Crise agraire». 1897. Paris. Стр. 232. Еще болѣе такихъ примѣровъ мы находимъ въ Англіи и въ колоніяхъ, въ которыхъ участниками коопераціи являются другіе элементы.

вопросъ о томъ, чтобы отдавать въ аренду коопераціямъ изъ деревенской голи государственныя домены. Вожакъ же арміи спасенія, генералъ Бутсъ, выработалъ обширный планъ переселенія городской голодной голи въ деревню на такихъ же кооперативныхъ началахъ. Все это тоже знаменія времени. Починъ въ данномъ случаѣ исходитъ отъ различныхъ группъ городской демократіи. Но эта послѣдняя пока ограничивается мѣнѣ замысловатыми задачами. Теперь она стремится организовать деревенскій пролетаріатъ въ профессиональные территориальные союзы, воплотить въ жизнь обязательную помощь больнымъ и инвалидамъ труда и т. д.

V.

Нѣсколько общихъ замѣчаній.

Мы рассматривали коопераціи среди землевладѣльцевъ, особенно среди крестьянъ. Мы упомянули, что консерваторы приняли исключительное участіе въ этомъ движеніи; они и до сихъ поръ стоятъ во главѣ его, укрупняя, такимъ образомъ, свое положеніе въ обществѣ и организуя для борьбы съ городской демократіей общественную силу, которая и по природѣ своей, и по условіямъ своего матеріальнаго и умственнаго быта отличается привязанностію къ традиціи. Но несмотря на такой характеръ кооперативнаго движенія, оно само по себѣ—элементъ прогресса и важный факторъ, подмывающій индивидуалистическую рутину, разумѣется, въ томъ случаѣ, если земледѣльческая кооперація охватитъ деревню въ достаточной мѣрѣ. Впрочемъ, это явленіе нельзя мѣрять аршиномъ желательнаго. Желательно ли оно для насъ или нѣтъ, прогрессивно или консервативно,—оно возникло, развивается и, быть можетъ, разовьется въ будущемъ въ огромныхъ размѣрахъ, не спрашивая ничьего позволенія. Это движеніе организуетъ опредѣленные общественные слои, пріучаетъ ихъ къ самоуправленію, заставляетъ ихъ формулировать свои требованія, такія, какъ введеніе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, хлѣбная монополія и т. д. Мы должны считаться съ этимъ фактомъ, какъ съ фактомъ дѣйствительнымъ, анализировать его всевозможныя стороны и изучить его глубоко. Кооперація организуетъ консервативныхъ «гигахъ», общественный характеръ которыхъ достаточно обнаружился въ продолженіе текущаго вѣка въ исторіи Западной Европы. Но мы должны помнить, что деревня, организованная въ кооперацію, является все-таки уже прогрессивной деревней сравнительно съ первой половиной нашего вѣка, когда кругозоръ крестьянина начинался и кончался на межѣ его участка. Мы не можемъ предвидѣть всѣхъ условій будущаго развитія, но каковы бы они ни были, все-таки прогрессивнымъ силамъ общества лучше считаться съ такимъ крестьяниномъ, чѣмъ съ темной массой рутинеровъ крайняго индивидуализма.

Впрочемъ, крестьянинъ враждебно относится къ городу, потому что онъ представляетъ центръ враждебныхъ ему общественныхъ силъ рынка и вообще капитализма. Но съ возникновеніемъ новыхъ принциповъ общественной враждебность эта можетъ исчезнуть, деревенская же кооперация превратитъ будущихъ «гигаихъ» въ массу болѣе отзывчивую на запросы возможнаго грядущаго.

Все дѣло въ томъ, насколько земледѣльческая кооперация можетъ развиваться. Мы уже замѣтили, что въ ея развитіи отсутствуетъ элементъ *необходимости*. Вышесказаннаго мы не можемъ тутъ повторять. Но мы зато обратимъ вниманіе на факторы, могущіе повліять на дальнѣйшій прогрессивный ходъ деревенской прогрессивной общественности.

Важнѣйшимъ изъ этихъ факторовъ является государство. Въ настоящее время крестьянинъ представляетъ для государства лишь источникъ податной и рекрутской силы. Но *Polizeistaat* переходитъ къ Западной Европѣ, какъ выразился одинъ изъ новѣйшихъ писателей по аграрному вопросу, въ *Kulturstaat* и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сдѣлаться возможнымъ рычагомъ для приведенія крестьянъ землевладѣльцевъ къ высшему уровню экономической культуры.

Уже теперь въ западной Европѣ много говорятъ объ агрономическихъ инспекторахъ, о принудительности союзовъ, обнимающихъ все крестьянство согласно съ принципами самоуправления и организующихъ всякаго рода страховку и кредитъ. Всѣ эти проекты не переходятъ предѣловъ близкаго и возможнаго. Эти задачи количественно возрастутъ съ сознательной организаціей рынковъ общественной волей. Крестьянинъ, зависящій отъ рынка, найдетъ въ немъ общественную силу, лишенную современной враждебности, властвующую надъ нимъ, благодаря своему экономическому положенію, и организующую его. Общественный организмъ всосетъ тогда въ себя мирнымъ образомъ деревенскіе индивидуалистическіе устои.

Однимъ словомъ, будущее деревни зависитъ отъ силъ, *онѣ ея* находящихся. Капитализмъ, развиваясь въ обществѣ внѣ деревни и организуя отношенія, чуждыя крестьянину, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ условія полнѣйшаго преобразованія вѣковыхъ устоевъ деревенской жизни.

Л. Крживицкій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ *).

Sentio, reddi ab inferis Iulianus. Мнѣ кажется, что Юліанъ Отступникъ воскресаетъ. Petrarca.

Произошло столкновение двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣкъ-богъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлона Вельведерскій—Христа. Достоевскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бѣлая Дьяволица.

1494.

Въ городѣ Сиеннѣ наши изваяніе богини Венеры къ великой радости гражданъ, и поставили его на главной площади надъ «Fonte Gaia» — «Веселымъ Источникомъ». Народъ сходилъ толпами смотрѣть на Венеру. Но, во время войны съ Флоренціей, въ собраніи правителей одинъ изъ нихъ всталъ и молвилъ: «Граждане! такъ какъ церковь христіанская запрещаетъ поклоненіе явическимъ идоламъ,—я полагаю, что наше войско терпитъ пораженія съ тѣмъ поръ, какъ поставили мы изваяніе Венеры на площади,—по причинѣ гнѣва Божьяго. А потому совѣтую вамъ: разбейте эту статую и заройте ее въ землю флорентинцевъ, дабы навлечь на нихъ кару небесную». Такъ и поступили граждане Сиенны.

Изъ Записокъ флорентинскаго ваятеля XV вѣка, Лоренцо Гиберти.

I.

Во Флоренціи, рядомъ съ каноникой Орь-Санъ-Микэле, находились товарные склады цеха красильщиковъ.

Неуклюжія пристройки, клѣтки, неровные выступы на косыхъ дере-

*) *Вторая часть трилогии*—«Христосъ и Антихристъ».—Первая часть была напечатана въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» и потомъ (въ 1896 г.) отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ «Отверженный». Во второмъ изданіи эта первая часть («Отверженный»—Юліанъ Отступникъ) будетъ озаглавлена—«Смерть боговъ».—Третья часть—«Антихристъ» (Петръ I и царевичъ Алексѣй).—Каждая часть трилогіи, планъ которой намѣченъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію «Отверженный», представляетъ законченное цѣлое.

Прим. отъ ред. Первые пять главъ были напечатаны въ журналѣ «Начало».

вянныхъ подпорахъ лѣпились къ домамъ, сходясь вверху черепичными кровлями такъ близко, что отъ неба оставалась лишь узкая щель, и на улицѣ, даже днемъ, было темно. У входа въ лавки висѣли на перекладинахъ образчики тканей заграничной шерсти, крашеной во Флоренціи въ лиловый цвѣтъ лакмусовымъ ягелемъ, въ алый — маренною, въ голубой — синильникомъ съ протравой изъ тосканскихъ 'квасцовъ. Въ канавѣ посерединѣ улицы, мощеной плоскими камнями, сочились струи разноцвѣтныхъ жидкостей, выливаемыхъ изъ красильныхъ чановъ. Надъ дверями главныхъ складовъ — «фондаковъ» видѣлись щиты съ гербомъ Калималы, цеха красильщиковъ: въ аломъ полѣ золотой орелъ на шарообразномъ тукѣ бѣлой шерсти.

Въ одномъ изъ этихъ фондаковъ, окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами, сидѣлъ богатый флорентинскій купецъ, консулъ благороднаго искусства Калималы — мессэръ Чиприано Буонакорзи.

Въ холодномъ свѣтѣ мартовскаго дня, въ дыханіи сырости, вѣявшей изъ подваловъ, загроможденныхъ товарами, старикъ зябъ и кутался въ облізлую бѣличью шубу, съ истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухомъ, и слабыми, близорукими, но всевидящими глазами просматривалъ онъ, какъ будто небрежно, — на самомъ дѣлѣ внимательно, — пергаментные листы громадной счетной книги, страницы, раздѣленныя продольными и поперечными графами: справа «дать», слева — «имѣть». Записи товаровъ сдѣланы были ровнымъ, круглообразнымъ почеркомъ, безъ прописныхъ буквъ, безъ точекъ и запятыхъ, съ цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленнымъ нововведеніемъ, непристойнымъ для дѣловыхъ книгъ. На первой страницѣ было написано большими буквами:

«Во имя Господа нашего Исуа Христа и Приснодѣвы Маріи счетная книга сія начинается лѣта отъ Рождества Христова тысяча четверста девяносто четвертаго».

Окончивъ просмотръ послѣднихъ записей и тщательно исправивъ ошибку въ числѣ принятыхъ подъ залогъ шерстяного товара лаштовъ продолговатаго стручковаго перцу, мекккаго имбирю и вязокъ корицы, мессэръ Чиприано съ усталымъ видомъ откинулся на спинку стула, закрылъ глаза и началъ обдумывать дѣловое письмо, которое предстояло ему послать главному прикащику на суконную ярмарку во Франціи, въ Монпелье.

Кто-то вошелъ въ лавку. Старикъ открылъ глаза и увидѣлъ своего мызника, поселянина Грилло, который снималъ у него пахотную землю и виноградники на подгорной виалѣ Санъ-Джервазіо, въ долинѣ Муньоне.

Грилло кланялся, держа въ рукахъ корзину съ темно-желтыми куринными яйцами, старательно переложенными соломою. У пояса его болтались два живыхъ молоденькихъ пѣтушка на связанныхъ лапкахъ, хохолками внизъ.

— А, Грилло!—молвилъ Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковою въ обращеніи съ малыми и великими.—Какъ Господь милуетъ? Кажется, нынче весна дружная?

— Намъ, старикамъ, мессэре Чиприано, и весна не въ радость: кости еще хуже ноютъ,—въ могилу просятся.

— Вотъ къ свѣтлому празднику, — прибавилъ онъ помолчавъ, — яичекъ да пѣтушковъ вашей милости принесъ.

Грилло съ хитрою ласковостью шурилъ свои зеленоватые глазки, собирая вокругъ нихъ мелкія загорѣлыя морщины, какія бываютъ у людей, привыкшихъ къ солнцу и вѣтру.

Буонаккорзи, поблагодаривъ старика, началъ спрашивать о дѣлахъ.

— Ну, что, готовы ли работники на мызѣ? Успѣемъ ли кончить до свѣту?

Грилло тяжело вздохнулъ и задумался, опираясь на палку, которую держалъ въ рукахъ.

— Все готово, и работниковъ довольно. Только вотъ что я вамъ доложу, мессэре, не лучше ли подождать?

— Ты же самъ, старикъ, намедни говорилъ, что ждать нельзя, — можетъ кто-нибудь раньше догадаться.

— Такъ-то оно такъ, а все таки страшно. Грѣхъ. Дни нынче святые, постные, а дѣло наше неладное...

— Ну, грѣхъ я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдамъ. Только найдемъ ли что-нибудь?

— Какъ не найти! На то примѣты есть. Отцы и дѣды знали о холмѣ за мельницей у Мокрой Лощины. По ночамъ на Санъ-Джіованни огоньки бѣгаютъ. И то сказать: у насъ этой дряни всюду много. Вотъ, говорятъ, недавно, какъ рыли колодець въ виноградникѣ у Мариньолы, дѣлаго чорта вытащили изъ глины.

— Что ты говоришь? Какого чорта?

— Мѣднаго, съ рогами. Ноги шершавыя, козлиныя,—на концахъ копыта. А рыльце забавное,—точно смѣется, на одной ногѣ пляшетъ, пальцами прищелкиваетъ. Отъ старости весь позеленѣлъ, замшился.

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Колоколь отлили для новой часовни Св. Архангела Михаила.

Мессэръ Чиприано едва не разсердился:

— Зачѣмъ же ты объ этомъ раньше не сказалъ мнѣ, Грилло?

— Вы въ Сиенну по дѣламъ увѣжали.

— Ну, написалъ бы. Я бы прислалъ кого-нибудь. Самъ пріѣхалъ бы, никакихъ денегъ не пожалѣлъ бы, десять колоколовъ отлилъ бы имъ. Дураки! Колоколь—изъ пляшущаго фавна, быть можетъ, древняго эллинскаго ваятеля Скопаса.

— Да, ужъ подлинно—дураки. Только не извольте гнѣваться, мессэръ Чиприано. Они и такъ наказаны: съ тѣхъ поръ, какъ новый ко-

колокол повѣсили, два года червь въ садахъ яблони и вишни ѣстъ, да на оливы неурожай. И голось у колокола нехорошій.

— Почему же нехорошій?

— Какъ вамъ сказать? Настоящаго звука нѣтъ. Сердца христіанскаго не радуется. Такъ что-то болтаетъ безъ толку. Дѣло извѣстное: какой же изъ чорта колоколъ! Не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, мессэре, священникъ-то, пожалуй, правъ: изъ всей этой нечисти, что выкапываютъ, ничего добраго не выходитъ. Тутъ надо вести дѣло съ осторожностью, съ оглядкой. Крестомъ и молитвою ограждаться, ибо силенъ дьяволъ и хитеръ, собачій сынъ,—въ одно ухо влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ. Вотъ хотя бы съ этой мраморной рукой, что въ прошломъ году Закелло у Мельничнаго Холма вырылъ,—попуталъ насъ печистый, нажили мы съ нею бѣды, не дай Богъ,—и вспомнить страшно.

— Расскажи-ка, Грилло, какъ ты нашелъ ее?

— Дѣло было осенью, наканунѣ св. Мартина. Сѣли мы ужинать, и только что хозяйка поставила на столъ тюрю изъ поджареннаго хлѣба,—вбѣгаетъ въ горницу работникъ, кумовъ-племянникъ, Закелло. А надо вамъ сказать, что я въ тотъ вечеръ въ полѣ его оставилъ у Мельничнаго Холма, оливковую корчагу выворачивать,—коноплею то мѣсто хотѣлъ засѣять. «Хозяинъ, а хозяинъ! —лопочетъ Закелло, и лица на немъ нѣтъ: весь трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. «Господь съ тобой, малый!» «Недоброе,—говоритъ,—въ полѣ творится: покойникъ изъ подъ корчаги вылѣзаетъ. Если не вѣрите, пойдите, сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

Стемпло. Мѣсяцъ всталъ изъ-за роцци. Видимъ —корчага; рядомъ земля разрыта, и что-то въ ней бѣлѣетъ. Наклонился, смотрю—рука изъ земли торчитъ, бѣлая, и пальцы красивые, тонкіе, какъ у двушекъ городскихъ. «Ахъ, пострѣлъ тебя возьми — думаю — это что за чертовщина?» Опустилъ фонарь въ яму, чтобы лучше рассмотреть, а рука-то зашевелилась, пальчиками поманила. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ, закричалъ, ноги подкосились. А мона Бонда, бабушка,—она у насъ знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушенка,—«чего вы всѣ испугались, дураки,—говоритъ,—развѣ не видите,—рука не живая и не мертвая, а каменная». Ухватила, дернула и вытащила изъ земли, какъ рѣпу. Пovyше кисти въ суставѣ рука была сломана. «Бабушка,—кричу,—ой, бабушка, оставь, не тронь, зароемъ поскорѣе въ землю, а то какъ бы бѣды не нажить». «Нѣтъ,—говоритъ,—такъ не ладно, а надо сначала въ церковь священнику отвести, пусть онъ заклятіе прочтетъ». Обманула меня старуха: священнику руки не отвесла, а въ свой ларь въ углу за очагомъ спрятала, гдѣ у нея всякая рухлядь была, тряпочки, мази, травы и ладонки. Я бранился, чтобы руку отдала, но мона Бонда заупрямилась. И стала съ тѣхъ поръ бабушка чудесныя творить исцѣленія. Заболать ли у кого зубы—идольской рукой только прикоснется къ щекамъ, и опухоль опа-

детъ. Отъ лихорадки, отъ живота, отъ падучей помогала. Если корова мучится, не можетъ родить, бабушка ей на брюхо каменную руку положить, корова замычитъ, и смотришь—теленочекъ уже въ соломѣ копошится.

Молва по окрестнымъ селеніямъ пошла. Много денегъ въ то время набрала старуха. Только проку не вышло: священникъ, отецъ Фаустино, не давалъ мнѣ спуска: въ церковь пойду—онъ меня на проповѣди при всѣхъ укоряетъ. Сыномъ погибели называлъ, слугою дьявола, епископу грозилъ пожаловаться, Св. Причастія лишить. И мальчишки за мною по улицѣ бѣгали, пальцами указывали: «вонъ идетъ Грилло, самъ Грилло колдунъ, а бабушка у него вѣдьма, оба душу чорту продали». Вѣрите ли, даже по ночамъ не было покоя: все мнѣ мраморная рука мерещится, будто бы подбирается, тихонько за шею беретъ, точно ласкается, пальцы холодные, длинные, а потомъ, какъ вдругъ схватить, стиснетъ горло, начнетъ дупнить,—хочу крикнуть и не могу.

Э, думаю, шутки-то плохи. Всталъ я разъ до свѣту, и какъ бабушка на луга по росѣ пошла травы собирать, выломалъ замокъ у ларя, взялъ руку и вамъ отнесъ. Хотя старьевщикъ Лотто десять сольдовъ давалъ, а отъ васъ получилъ я только восемь, чу да для вашей милости мы не то что двухъ сольдовъ, а и живота своего не пожалѣемъ,—пошли вамъ Господь всякаго благовременія и мадоннѣ Анжеликѣ, и дѣткамъ, и внукамъ вашимъ.

— Да, судя по всему, что ты рассказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдемъ въ Мельничномъ Холмѣ,—произнесъ мессэръ Чиприано въ раздумьи.

— Найти-то, найдемъ,—продолжалъ старикъ, опять тяжело вздохнувъ,—только вотъ какъ бы отецъ Фаустино не пронюхалъ. Ежели узнаетъ, расчешетъ онъ мнѣ голову безъ гребня такъ, что не поздоровится, да и вамъ помѣшаетъ: народъ взбунтуетъ, работы кончить не дастъ. Ну, да Богъ милостивъ. Только ужъ и вы меня не оставьте, благодѣтель, замолвите словечко у судьи.

— Это насчетъ того куска земли, который у тебя мельникъ хочетъ оттягать?

— Точно такъ, мессэре. Мельникъ—жила и пройдоха. Знаетъ, гдѣ у чорта хвостъ. Я, видите ли, телку судѣ подарилъ, и онъ ему—телку, да стельную. Во время тяжбы она возьми и отелись. Перехитрилъ меня, плутъ. Вотъ я и боюсь, какъ бы судья не рѣшилъ въ его пользу, потому что телка-то бычкомъ отелилась на грѣхъ. Ужъ заступитесь, отецъ родной. Я вѣдь это только для вашей милости съ Мельничнымъ Холмомъ стараюсь,—ни для кого такого грѣха на душу не взялъ бы.

— Будь покоенъ, Грилло. Судья—мой пріятель, и я за тебя хлопочу. А теперь ступай. На кухнѣ тебя накормятъ и виномъ угощать. Сегодня ночью мы вмѣстѣ ѣдемъ въ Санъ-Джервазіо.

Старикъ, низко кланяясь, поблагодарилъ и ушелъ, а мессэръ Чи-

пріано удался въ свою маленькую рабочую комнату, рядомъ съ лавкой, куда никто не имѣлъ позволенія входить.

Здѣсь, какъ въ музеѣ, разставлены и развѣшаны были по стѣнамъ мраморы и бронзы. Древнія монеты и медали красовались на доскахъ, обитыхъ сукномъ. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали въ ящикахъ. Черезъ свои многочисленныя торговыя конторы выписывалъ онъ древности отовсюду, гдѣ можно было ихъ найти: изъ Аѳинъ, Смирны и Галикарвасса, съ Кипра, Левкози и Родоса, изъ глубины Египта и Малой Азіи.

Оглянувъ сокровища свои, консулъ Калималы снова погрузился въ строгія, важныя мысли о таможенномъ налогѣ на шерсть и, все окончательно обдумавъ, сталъ сочинять письмо довѣренному въ Монпелье.

II.

Въ это время, въ глубинѣ склада, гдѣ тюки товара, наваленные до потолка, и днемъ освѣщались только лампадою, мерцавшею передъ Мадонною, бесѣдовали трое молодыхъ людей: Доффо, Антоніо и Джіованни. Доффо, прикащикъ мессэра Буонаккорзи, съ рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывалъ въ книгу число локтей смѣреннаго сукна. Антоніо да Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, съ упрямо торчавшими космами жидкихъ черныхъ волосъ, проворно мѣрилъ ткань флорентинскою мѣрою дланы — канною. Джіованни Бельтраффіо, ученикъ живописи, пріѣхавшій изъ Милана, юноша лѣтъ девятнадцать, робкій и застѣнчивый, съ большими невинными и печальными сѣрыми глазами, съ нерѣшительнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ на готовомъ тюкѣ, закинувъ ногу на ногу, и внимательно слушалъ.

— Вотъ до чего, братцы, дожили, — говорилъ Антоніо тихо и злобно, — языческихъ боговъ изъ земли стали выкапывать.

— Шотландской шерсти съ ворсомъ, коричневаго — тридцать два локтя, шесть пяденей, восемь ончій, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Доффо, и тотъ записалъ въ товарную книгу. Потомъ, свернувъ смѣренный кусокъ, Антоніо бросилъ его сердито, но ловко, такъ что онъ попалъ какъ разъ туда, куда нужно, и, поднявъ указательный палецъ съ пророческимъ видомъ, подражая брату Джироламо Савонаролѣ, воскликнулъ:

— *Gladius Dei super terram cito et velociter!* Св. Іоанну на Патмосѣ было видѣніе: Ангелъ взялъ дракона, змія древняго, который есть дьяволъ, и сковалъ его на тысячу лѣтъ, и низвергъ въ бездну, и заключилъ, и положилъ надъ нимъ печать, дабы не прельщалъ народы, доколѣ не кончится тысяча лѣтъ, время и полъ-времени. Нынѣ сатана освобождается изъ темницы. Окончилась тысяча лѣтъ. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходятъ изъ земли изъ подъ

печати Ангела, дабы обольщать народы. Горе живущимъ на землѣ и на морѣ!...

— Желтаго, брабантской шерсти, гладкаго — семнадцать локтей, четыре пядени, девять онцій.

— Какъ же вы разумѣете, Антонио, — произнесъ Джіованни съ боязливымъ и жаднымъ любопытствомъ, — всѣ эти знаменія свидѣтельствуютъ...

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древнихъ боговъ выкапываютъ, но и новыхъ творятъ на подобіе древнимъ. Нынѣшніе ваятели и живописцы служатъ Молоху, то-есть дьяволу. Изъ церкви Господней дѣлаютъ храмъ сатаны. На иконахъ, подъ видомъ мучениковъ и святыхъ, нечистыхъ боговъ изображаютъ, коимъ поклоняются: вмѣсто Іоанна Предтечи — Вакха, вмѣсто Матери Божьей — блудницу Венеру. Сжечь бы такія картины и по вѣтру пепелъ развѣять!

Въ рыбьихъ, тусклыхъ глазахъ благочестиваго прикащика вспыхнулъ мрачный огонь.

Джіованни молчалъ, не смѣя возражать, съ безпомощнымъ усиленіемъ мысли сжимая свои тонкія дѣтскія брови.

— Антонио, — молвилъ онъ наконецъ, — слышалъ я, будто бы вашъ двоюродный братъ, мессэръ Леонардо да-Винчи, принимаетъ иногда учениковъ въ свою мастерскую. Я давно хотѣлъ...

— Если хочешь, — перебилъ его Антонио, нахмурившись, — если хочешь, Джіованни, погубить душу свою — ступай къ мессэру Леонардо.

— Какъ? Почему?

— Хотя онъ и братъ мнѣ, и старше меня на двадцать лѣтъ, но въ Писаніи сказано: еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся. Мессэръ Леонардо — еретикъ и безбожникъ. Умъ его омраченъ сатанинскою гордостью. Посредствомъ математики и черной магіи мыслить онъ проникнуть въ тайны природы.

И поднявъ глаза къ небу, онъ привелъ слова Савонаролы изъ послѣдней проповѣди:

— Мудрость вѣка сего — безуміе предъ Господомъ. Знаемъ мы этихъ ученыхъ: всѣ грядутъ въ жилище сатаны — *tutti vanno al casa del diavolo*.

— А слышали вы, Антонио, — продолжалъ Джіованни, еще болѣе робко, — мессэръ Леонардо теперь здѣсь, во Флоренціи. Только-что пріѣхалъ изъ Милана.

— Зачѣмъ?

— Герцогъ прислалъ, чтобы развѣдать, нельзя ли купить нѣкоторые изъ картинъ, принадлежавшихъ покойному Лоренцо Великолепному.

— Здѣсь такъ здѣсь. Мнѣ все равно, — перебилъ Антонио, отвернувшись и еще усерднѣе принимаясь отгѣривать на канѣ кусокъ зеленого сукна.

Въ церквахъ зазвонили къ повечерію. Доффо радостно потянулся и захопнул книгу. Работа была кончена. Лавки запирались.

Джіованни вышелъ на улицу. Между мокрыми крышами было сѣрое небо съ едва уловимымъ розовымъ оттѣнкомъ вечера. Въ безвѣтренномъ воздухѣ сѣялъ мелкій дождь.

Вдругъ изъ открытаго окна въ сосѣднемъ переулкѣ послышалась гѣбся:

O vaghe montanine e pasturelle.

О, дѣвы горъ, о милныя пастушки.

Голосъ былъ молодой и звонкій. Джіованни догадался по равномерному звуку подножки, что поетъ ткачиха за станкомъ, вытягивая набилку.

Онъ заслушался, вспомнилъ, что теперь весна, и почувствовалъ, какъ сердце его бьется отъ безпричиннаго умиленія и грусти.

— Нанна! Нанна! Да гдѣ же ты, чортова дѣвка? Оглухла, что-ли? Ужинать ступай. Лапша остынетъ.

Деревянные башмаки—«цокколи» бойко застучали по кирпичному полу,—и все умолкло.

Джіованни стоялъ еще долго, смотрѣлъ на пустое окно, и въ ухахъ его звучалъ весенній напѣвъ, подобный переливамъ далекой свирѣли—

O vaghe montanine e pasturelle.

Потомъ тихо вздохнулъ, вошелъ въ домъ консула Калималы и по крутой лѣстницѣ съ гнилыми, шаткими перилами, изъѣденными червоточной, поднялся въ большую комнату, служившую библіотекой, гдѣ сидѣлъ, согнувшись за письменнымъ поставкомъ, Джіорджіо Мэрула, придворный лѣтописецъ миланскаго герцога.

III.

Мэрула пріѣхалъ во Флоренцію, по порученію государя, для покупки рѣдкихъ сочиненій изъ книгохранилища Лоренцо Медичи и, какъ всегда, остановился въ домѣ друга своего, такого же, какъ онъ, любителя древностей, мессэра Чипріано Буонаккорзи. Съ Джіованни Бельтраффіо ученый историкъ познакомился случайно на постояломъ дворѣ, по пути изъ Милана, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, Мэрулѣ, нуженъ хорошій переписчикъ, а у Джіованни почеркъ красивый и чоткій, взял его съ собою въ домъ Чипріано.

Когда Джіованни входилъ въ комнату, Мэрула тщательно разсматривалъ истрепанную книгу, похожую на церковный требникъ или псалтырь: въ осторожно проводилъ влажною губкою по тонкому пергаменту, самому вѣжному, изъ кожи мертворожденнаго ирландскаго ягненка,—нѣкоторыя строки стиралъ пемзой, выглаживалъ лезвіемъ ножа и лощиломъ, потомъ опять разсматривалъ, подымая къ свѣту.

— Миленькія!—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, захлебываясь отъ

умиленія,—ну-ка, выходите, обѣдня, выходите на свѣтъ Божій. Да какія же вы длинныя, красивыя!

Онъ прищелкнулъ двумя пальцами и поднялъ отъ работы плѣшивую голову съ одутловатымъ лицомъ, съ мягкими, подвижными морщинами, съ багрово-сизымъ носомъ, съ маленькими свинцовыми глазками, полными жизни и неутомимой веселости. Рядомъ, на подоконникѣ, стоялъ глиняный кувшинъ и стаканъ. Ученый налилъ себѣ вина, выпилъ, крикнулъ и хотѣлъ опять погрузиться въ работу, когда увидѣлъ Джіованни.

— Здравствуй, монашекъ!—привѣтствовалъ его старикъ шутливо. Монашкомъ называлъ онъ Джіованни за скромность.—Я по тебѣ соскучился. Думаю, гдѣ пропадаетъ? Ужъ не влюбился ли, чего добраго? Дѣвочки-то во Флоренці славныя. Влюбиться не грѣхъ. А я тоже времени даромъ не теряю. Ты этакой забавной штучки отъ роду, пожалуй, не видывалъ. Хочешь, покажу? Или нѣтъ,—еще разболтаешь. Я вѣдь у жида, старьевщика за грошъ купилъ,—среди хлама нашелъ. Ну, да ужъ куда ни шло, тебѣ одному покажу.

Онъ таинственно поманилъ его пальцемъ:

— Сюда, сюда, поближе къ свѣту.

И указалъ на страницу, покрытую тѣсными, остроугольными буквами церковнаго письма. Это были акафисты, молитвы, псалмы съ громадными, неуклюжими нотами для пѣнія.

Потомъ взялъ у него книгу, открылъ на другомъ мѣстѣ, поднялъ къ свѣту почти въ уровень съ его глазами, и Джіованни замѣтилъ, какъ тамъ, гдѣ Мэрула соскоблилъ церковныя буквы, появились новыя, почти неуловимыя строки, безцвѣтные отпечатки древняго письма, углубленія въ пергаментъ,—не буквы, а только призраки давно исчезнувшихъ буквъ, блѣдныя и нѣжныя.

— Что? Видишь, видишь?—повторялъ Мэрула съ торжествомъ.— Вотъ онѣ, голубчики. Говорилъ я тебѣ, монашекъ, веселая штучка!

— Что это? Откуда?—спросилъ Джіованни.

— Самъ еще не знаю. Кажется, отрывки изъ древней антологіи. Можетъ быть, и новыя, невѣдомыя міру сокровища эллинской музы. А, вѣдь, если бы не я, такъ бы и не увидѣть имъ свѣта Божьяго! Прележали бы до скончанія вѣковъ подъ антифонами и покаянными псалмами.

И Мэрула объяснилъ ему, что какой-нибудь средневѣковой монахъ-переписчикъ, желая воспользоваться драгоценнымъ пергаментомъ, соскоблилъ древнія языческія строки и написалъ по нимъ новыя.

Солнце, не разрывая дождливой пелены, а только просвѣчивая, наполнило комнату угасающимъ розовымъ отблескомъ, и въ немъ углубленные отпечатки, тѣни древнихъ буквъ, выступали еще яснѣе.

— Видишь, видишь, покойники выходятъ изъ могилъ!—повторялъ Мэрула съ восторгомъ.—Кажется, гимнъ олимпійцамъ. Вотъ, смотри, можно прочесть первыя строки.

И онъ перевесть ему съ греческаго:

Слава любовному, пышно-вѣнчанному гроздьями Вакху,
Слава тебѣ, дальномечущій Фебъ, сребролукій, ужасный,
Богъ лѣпокудрый, убійца сыновъ Ниобеи.

— А вотъ и гимнъ Венерѣ, которой ты такъ боишься, монашекъ.
Только трудно разобрать.

Слава тебѣ, златоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей...

Стихъ обрывался, исчезая подъ церковнымъ письмомъ.

Джіованни опустилъ книгу, и отпечатки буквъ поблѣднѣли, углубленія стерлись, утонули въ гладкой желтизнѣ пергамента,—тѣни скрылись. Видны были только ясныя, жирныя, черныя буквы монастырскаго тревника и громадныя, крючковатыя, неуклюжія ноты покаяннаго псалма.

«Услышь, Боже, молитву мою, вземли мнѣ и услышь меня. Я стенаю въ горести моей и смущаюсь: сердце мое трепещетъ во мнѣ, и смертные ужасы напали на меня».

Розовый отблескъ потухъ, и въ комнатѣ стало темнѣть. Мэрула налилъ вина изъ глинянаго кувшина, выпилъ и предложилъ собесѣднику.

— Ну-ка, братецъ, за мое здоровье: *vinum super omnia bonum diligamus!*

Джіованни отказался.

— Ну, Богъ съ тобой. Такъ я за тебя выпью... Да что это ты, монашекъ, какой сегодня скучный, точно въ воду опущенный? Или опять этотъ святоша Антоніо пророчествами напугалъ? Плюнь ты на нихъ, Джіованни, право плюнь. И чего каркаютъ, ханжи, чтобъ имъ пусто было! Признавайся, говорилъ ты съ Антоніо?

— Говорилъ...

— О чемъ?

— Объ антихристѣ и мессэрѣ Леонардо да Винчи.

— Ну, вотъ! Да ты только и бредишь Леонардо. Околовалъ онъ тебя, что ли? Слушай, братъ, выкинь дурь изъ головы. Оставайся-ка моимъ секретаремъ: я тебя живо въ люди выведу,—латыни научу, законовѣдомъ сдѣлаю, ораторомъ или придворнымъ стихотворцемъ, разбогатѣешь, славы достигнешь. Ну, что такое живопись? Еще философъ Сенека называлъ ее ремесломъ, недостойнымъ свободнаго человѣка. Посмотри на художниковъ—все люди невѣжественные, грубые...

— Я слышалъ,—возразилъ Джіованни,—что мессэръ Леонардо—великій ученый.

— Ученый? Какъ бы не такъ! Да онъ и по латынѣ-то читать не умѣетъ. Цицерона съ Квинтиніаломъ смѣшиваетъ, а греческаго и не люжалъ. Вотъ такъ ученый! Курамъ на смѣхъ.

— Говорятъ, — не удивлялся Бельтраффіо, — что онъ изобрѣтаетъ чудесныя машины, и что его наблюденія надъ природою...

— Машины, наблюденія! Ну, братъ, съ этимъ далеко не уйдешь. Въ моихъ «Красотахъ латинскаго языка» — «*Elegantiae linguae latinae*» — собрано болѣе двухъ тысячъ новыхъ изящѣйшихъ оборотовъ рѣчи. Такъ знаешь ли ты, чего мнѣ это стоило?... А хитрые колесики въ машинкахъ прилаживать, посматривать, какъ птицы въ небѣ летаютъ, травы въ полѣ растутъ — это не наука, а забава, игра для дѣтей!

Старикъ помолчалъ. Лицо его сдѣлалось строже. Взявъ собесѣдника за руку, онъ промолвилъ съ тихою важностью:

— Слушай, Джіованни, и намотай себѣ на усъ. Учителя наши — древніе греки и римляне. Они сдѣлали все, что люди могутъ сдѣлать на землѣ. Намъ же остается только слѣдовать за ними и подражать. Ибо сказано: ученикъ не выше своего учителя.

Онъ отхлебнулъ вина, заглянулъ прямо въ глаза Джіованни съ веселымъ лукавствомъ, и вдругъ мягкія морщины его расплылись въ широкую улыбку:

— Эхъ, молодость, молодость! Гляжу я на тебя, монашекъ, и завидую. Распуколка весенняя — вотъ ты кто! Вина не пьеть, отъ женщинъ бѣгаетъ. Тихоня, смиренникъ. А внутри — бѣсъ. Я вѣдь тебя насквозь вижу. Подожди, голубчикъ, выйдетъ наружу, выйдетъ бѣсъ. Самъ ты скучный, а съ тобой весело. Ты теперь, Джіованни, вотъ какъ эта книга. Видишь, — сверху псалмы покаяныя, а подъ ними гимнъ Афродитѣ!

— Стенгѣло, мессэръ Джіорджіо. Не пора ли огонь зажигать?

— Подожди, — ничего. Я въ сумеркахъ люблю поболтать, молодость вспомнить.

Языкъ его тяжелѣлъ, рѣчь становилась неясной.

— Знаю, другъ любезный, — продолжалъ онъ, — ты вотъ смотришь на меня и думаешь: напился, старый хрычъ, вздоръ мелеть. А, вѣдь у меня здѣсь тоже кое-что есть.

Онъ самодовольно указалъ пальцемъ на свой плѣшивый лобъ.

— Хвастать не люблю — ну, а спроси перваго школяра: онъ тебѣ скажетъ, превзошелъ ли кто Мэруду въ изяществахъ латинской рѣчи. Кто открылъ Мартіала? — продолжалъ онъ, все болѣе увлекаясь, — кто прочелъ знаменитую надпись на развалинахъ Тибуртинскихъ воротъ? Залѣзешь, бывало, такъ высоко, что голова кружится, камень сорвется изъ-подъ ноги — едва успѣешь за кустъ уцѣпиться, чтобы самому не слетѣть. Цѣлые дни мучаешься на припекѣ, разбираешь древнія надписи и списываешь. Пройдутъ хорошенькія поселянки, хохочутъ: «посмотрите-ка, дѣвушки, какой сидать перепелъ — вонъ, куда забрался, дуракъ, должно быть клада ищеть!» Полюбезничаешь съ ними, — пройдутъ — и опять за работу. Гдѣ камни осыпались, подъ плющомъ и терновникомъ — только два слова: *gloria Romanorum*.

И, какъ будто вслушиваясь въ звуки давно умолившихъ, великихъ словъ, повторилъ онъ глухо и торжественно:

— Gloria Romanorum! Слава римлянъ!

— Э, да что вспоминать,—все равно не воротись,—махнулъ онъ рукой и, подымая стаканъ, хриплымъ голосомъ затянулъ застольный гимнъ школяровъ:

Не обмолвлюсь на тощакъ
 Ни одной строчкой.
 Я всю жизнь ходилъ въ кабакъ
 И умру за бочкой.
 Какъ вино, я пѣснь люблю
 И латинскихъ грацій,—
 Если жъ пью, то и пою
 Лучше, чѣмъ Гораций.
 Въ сердцѣ буйный хмѣль шумитъ,
 Dum vinum potamus,—
 Братъ, Вакху пропоемъ:
 Te Deum laudamus

Старикъ закашлялся и не кончилъ.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно. Джіованни съ трудомъ различалъ лицо собесѣдника.

Дождь пошелъ сильнѣе и слышно было, какъ частыя капли изъ водосточной трубы шлепаютъ, падая въ лужу.

— Такъ вотъ какъ, монашекъ,—бормоталъ Мэрула заплетающимися языкомъ.—Что, бишь, я говорилъ? Жена у меня красавица. Нѣтъ, не то. Погоди. Да, да... Помнишь стихъ:

Tu regere imperio populos, Romane, memento.

— Слушай, это были исполинскіе люди! Повелители вселенной!..

Голосъ его дрогнулъ, и Джіованни показалось, что на глазахъ мессера Джіорджіо блеснули слезы.

— Да, исполинскіе люди! А теперь—стыдно сказать... Хоть бы этотъ нашъ герцогъ миланскій Лодовико Моро. Конечно, я у него на жалованьѣ, исторію, пишу на подобіе Тита Ливія,—съ Помпеемъ и Цезаремъ сравниваю зайца трусливаго, выскочку. Но въ душѣ, Джіованни, въ душѣ у меня...

По привычкѣ стараго придворнаго, онъ подозрительно оглянулся на дверь—не подслушиваетъ ли кто-нибудь—и, наклонившись къ собесѣднику, прошепталъ ему на ухо:

— Въ душѣ стараго Мэрула не угасла и никогда не угаснетъ любовь къ свободѣ. Только ты объ этомъ никому не говори. Времена нынче скверныя. Хуже не бывало. И что это за людишки—смотрѣтъ тошно,—плѣсень, отъ земли не видать. А, вѣдь, тоже носъ задираютъ, съ древними равняются! И чѣмъ, подумаешь, взяли, чему радуются? Вонъ, мнѣ одинъ пріятель изъ Греціи пишетъ: недавно на островѣ Хіосѣ монастырскія прачки по зарѣ, какъ бѣлье полоскали, на мор-

скомъ берегу настоящаго древняго бога нашли, тритона съ рыбьимъ хвостомъ, съ плавниками, въ чешуѣ. Испугались дуры. Подумали — чортъ, — убѣжали. А потомъ видятъ — старый онъ, слабый, должно быть, больной, лежитъ ничкомъ на пескѣ, забнетъ и спину зеленую чешуйчатую на солнцѣ грѣетъ. Голова сѣдая, глаза мутные, какъ у грудныхъ дѣтей. Расхрабрились, подлыя, обступили его съ христіанскими молитвами, да и ну колотить во славу Святой Троицы вальками. До смерти избили, какъ собаку, древняго бога, послѣдняго изъ могучихъ боговъ Океана, быть можетъ, внука Посейдонова.

Старикъ замолчалъ, уныло понурилъ голову, и по щекамъ его скатились двѣ пьяныя слезы отъ жалости къ морскому чуду, убитому христіанскими прачками.

Слуга принесъ огонь и закрылъ ставни. Языческіе призраки улетѣли.

Позвали ужинать. Но Мэрула такъ отяжелѣлъ отъ вина, что его должны были отвести подъ руки въ постель.

Бельтраффіо долго не могъ заснуть въ эту ночь и, прислушиваясь къ безмятежному храпу мессера Джорджіо, думалъ о томъ, что въ послѣднее время его больше всего занимало, о Леонардо да Винчи.

IV.

Во Флоренцію пріѣхалъ Джіованни изъ Милана, по порученію своего дяди Освальда Ингрима, стекольщика, чтобы купить красокъ, особенно яркихъ и прозрачныхъ, какихъ нельзя было достать нигдѣ, кромѣ Флоренціи.

Стекольщикъ - живописецъ — *magistro a vitriatis*, родомъ изъ Граца, ученикъ знаменитаго страсбургскаго мастера Іоганна Кирхгейма, Освальдъ Ингримъ, работалъ надъ окнами Сѣверной ризницы миланскаго собора. Джіованни, сирота, незаконный сынъ его брата, каменщика Рейнольда Ингрима, получилъ имя Бельтраффіо отъ матери своей, уроженки Ломбардіи, которая, по словамъ дяди, была распутною женщиной и вовлекла въ погибель отца его.

Въ домѣ угрюмаго дяди росъ Онъ одинокимъ запуганнымъ ребенкомъ. Душу его омрачали безконечные рассказы Освальда Ингрима о всякихъ нечистыхъ силахъ, бѣсахъ, вѣдмахъ, колдунахъ и оборотняхъ. Особенный ужасъ внушало мальчику преданіе, сложенное сѣверными людьми въ языческой Италіи, о женообразномъ демонѣ, — такъ называемой Бѣлобрысой Матери или Бѣлой Дьяволицѣ.

Еще въ равнемъ дѣтствѣ, когда Джіованни плакалъ ночью въ постели, дядя Ингримъ пугалъ его Бѣлой Дьяволицей, и ребенокъ тотчасъ утихалъ, пряталъ голову подъ подушку, но сквозь трепетъ ужаса чувствовалъ любопытство, желаніе когда-нибудь увидѣть Бѣлобрысую лицомъ къ лицу.

Освальдъ отдалъ племянника на выучку монаху-иконописцу, фра Бенедетто.

Это былъ простодушный и добрый старикъ. Онъ училъ, прежде всего, приступая къ живописи, призывать на помощь всемогущаго Бога, возлюбленную заступницу грѣшныхъ, Дѣву Марію, св. евангелиста Луку, перваго христіанскаго живописца и всѣхъ святыхъ рай; затѣмъ украшаться одѣяніемъ любви, страха, послушанія и терпѣнія; наконецъ, заправлять темперу для красокъ на яичномъ желткѣ и молочномъ соку молодыхъ вѣтокъ смоквицы съ водой и виномъ, готовить дощечки для картинъ изъ стараго фиговаго или буковаго дерева, протирая ихъ порошкомъ изъ жженой кости, причемъ предпочтительнѣе употреблять кости изъ реберъ и крыльевъ куръ и каплуновъ, или реберъ и плечъ барана.

Это были неисчерпаемыя, подробныя наставленія. Джіованни зналъ заранѣе, съ какимъ пренебрежительнымъ видомъ фра Бенедетто подыметъ брови, когда рѣчь зайдетъ о краскѣ, именуемой драконовою кровью, и непременно скажетъ: «оставь ее и не очень печалься о ней; она не можетъ принести тебѣ много чести». Онъ угадывалъ, что тѣ же слова говорилъ и учитель фра Бенедетто, и учитель его учителя. Столь же неизмѣнной была улыбка тихой гордости, когда фра Бенедетто повѣрялъ ему тайны мастерства, которыя казались монаху предѣломъ всѣхъ человѣческихъ художествъ и хитростей: какъ, напримеръ, для состава промазки при изображеніи молодыхъ лицъ должно брать яйца городскихъ куръ, потому что желтки у нихъ свѣтлѣе, нежели у сельскихъ, которыя, вслѣдствіе своего красноватаго цвѣта, идутъ болѣе для изображенія стараго смуглаго тѣла.

Несмотря на всѣ эти тонкости, фра Бенедетто оставался художникомъ безхитростнымъ, какъ дитя. Къ работѣ готовился постами и бдѣніями. Приступая къ ней, падалъ ницъ и молился, испрашивая у Господа силы и разумѣнія. Каждый разъ, какъ онъ изображалъ Распятіе, лицо его обливалось слезами.

Джіованни любилъ учителя и нѣкогда почиталъ его величайшимъ изъ мастеровъ. Но въ послѣднее время находило на ученика смущеніе, когда, объясняя свое единственное правило изъ анатоміи, — что длину мужскаго тѣла должно полагать въ восемь лицъ и двѣ трети лица, — фра Бенедетто прибавлялъ съ тѣмъ же пренебрежительнымъ видомъ, какъ о драконовой крови: «что касается до тѣла женщины, — лучше оставимъ его въ сторонѣ, ибо оно не имѣетъ въ себѣ ничего соразмѣрнаго». Онъ былъ убѣжденъ въ этомъ такъ же непоколебимо, какъ въ томъ, что у рыбъ и вообще у всѣхъ неразумныхъ животныхъ сверху — темный цвѣтъ, а снизу свѣтлый; или въ томъ, что у мужчины однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у женщины, такъ какъ Богъ вынулъ ребро Адама, чтобы создать Еву.

Однажды понадобилось ему представить четыре стихіи посредствомъ аллегорій, обозначивъ каждую какимъ-нибудь животнымъ. Фра Бенедетто выбралъ крота для земли, рыбу для воды, са-

ламандру для огня и хамелеона для воздуха. Но полагая, что слово хамелеонъ есть увеличительное отъ самело, которое значитъ по-итальянски верблюдъ,—монахъ въ простотѣ сердца представилъ стихію воздуха, изобразивъ верблюда, который открываетъ пасть, чтобы лучше дышать. Когда же молодые художники стали смѣяться надъ нимъ, указывая на ошибку, онъ терпѣлъ насмѣшки съ христіанскою кротостью, оставаясь при убѣжденіи, что между верблюдомъ и хамелеономъ нѣтъ разницы.

Таковы были и остальные познанія благочестиваго мастера о природѣ.

Давно уже въ сердце Джіованни проникли сомнѣнія,—новый мятежный духъ, «бѣсъ мірскаго любомудрія», по выраженію монаха. Когда же ученику фра Бенедетто незадолго до поѣздки во Флоренцію случилось увидѣть нѣкоторые изъ рисунковъ Леонардо да Винчи, эти сомнѣнія нахлынули въ душу его съ такою силою, что онъ болѣе не могъ имъ противиться.

Въ ту ночь, лежа рядомъ съ мирно-храпѣвшимъ мессэромъ Джіорджіо, въ тысячный разъ перебиралъ онъ въ умѣ своемъ эти мысли, но, чѣмъ болѣе углублялся въ нихъ, тѣмъ болѣе запутывался.

Тогда рѣшилъ онъ прибѣгнуть къ помощи небесной и, устремляя взоръ, полный надежды, въ непроницаемую темноту ночи, сталъ молиться такъ:]

— Господи, помоги мнѣ и не оставь меня! Если мессэръ Леонардо—человѣкъ въ самомъ дѣлѣ безбожный, и въ наукѣ его—грѣхъ и соблазнъ, сдѣлай такъ, чтобы я о немъ больше не думалъ и о рисункахъ его забылъ. Избавь меня отъ искушеній, ибо я не хочу согрѣшить передъ Тобю. Но, если можно, угождая Тебѣ и прославляя имя Твое въ благородномъ искусствѣ живописи, знать все чего фра Бенедетто не знаетъ и что мнѣ такъ сильно хочется знать: и анатомію, и перспективу, и прекраснѣйшіе законы свѣта и тѣни,—тогда, о Господи, дай мнѣ твердую волю, просвѣти мою душу, чтобы я уже болѣе не сомнѣвался; сдѣлай такъ, чтобы и мессэръ Леонардо принялъ меня въ свою мастерскую, и чтобы фра Бенедетто—онъ такой добрый—простилъ меня и понялъ, что я ни въ чемъ передъ Тобю не виновенъ.

Послѣ молитвы Джіованни почувствовалъ отраду и успокоился. Мысли его сдѣлались неясными: онъ вспомнилъ, какъ въ рукахъ стекльщика раскаленное дѣло бѣла жельзное остріе наждака вбивается и, съ пріятнымъ шипящимъ звономъ, рѣжетъ стекло; увидѣлъ, какъ мѣзъ подѣ струга выходятъ, извиваясь, гибкія свинцовыя полосы, которымъ соединяютъ въ рамкахъ отдѣльные куски раскрашенныхъ стеколъ. Чей-то голосъ, похожій на голосъ дяди, сказалъ: «зазубринь, побольше зазубринь по краямъ, тогда стекло крѣпче держится»,—и все исчезло. Онъ повернулся на другой бокъ и заснулъ.

Джіованни увидѣлъ совѣтъ, которой впослѣдствіи часто вспоминалъ:

ему казалось, что онъ стоитъ въ сумракѣ громаднаго собора передъ окномъ съ разноцвѣтными стеклами. На нихъ изображена была виноградная жатва таинственной лозы, о которой сказано въ Евангелии: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отецъ мой виноградарь». Нагое тѣло Распятаго лежитъ въ точилѣ, и кровь льется изъ ранъ. Папы, кардиналы, императоры собираютъ ее, наполняютъ и катятъ бочки. Апостолы приносятъ гроздья, св. Петръ топчетъ ихъ. Въ глубинѣ пророки, патриархи окапываютъ лозы или срѣзаютъ виноградъ. И съ чаномъ вина пробѣзжаетъ колесница, въ которую запряжены евангельскіе звѣри—левъ, быкъ, орелъ, править же ею ангелъ св. Матѳея. Стекла съ подобными аллегоріями Джіованни встрѣчалъ въ мастерской своего дяди. Но нигдѣ онъ не видалъ такихъ красокъ, — темныхъ и въ то же время яркихъ, какъ драгоценныя каменья. Всего больше наслаждался онъ алымъ цвѣтомъ крови Господней. А изъ глубины собора долетали слабые, нѣжные звуки его любимой пѣсни:

O fior di castitate,
 Odorifero giglio,
 Con gran soavitate
 Sei di color vermiglio.
 Цвѣтокъ цѣломудрія,
 Душистая лилія,
 О, полная нѣгою,
 Вѣгровая лилія!

Но пѣснь умолкла, стекло потемнѣло, — голосъ прикащика Антонио да Винчи сказалъ ему на ухо: «бѣги, Джіованни, бѣги! Она—здѣсь!» Онъ хотѣлъ спросить «кто?», но понялъ, что Бѣлобрысая у него за спиною. Повѣяло холодомъ, и вдругъ тяжелая, нечеловѣческая рука схватила его за шею сзади и стала душить. Ему казалось, что онъ умираетъ.

Онъ вскрикнулъ, проснулся и увидѣлъ мессэра Джіорджіо, который стоялъ надъ нимъ и стаскивалъ съ него одѣяло:

— Вставай, вставай, а то безъ насъ уѣдутъ. Давно пора.

— Куда? Что такое?—бормоталъ Джіованни въ просонкахъ.

— Развѣ забылъ? На виллу въ Санъ-Джервазіо, раскапывать Мельничный Холмъ.

— Я не поѣду...

— Какъ не поѣдешь? Даромъ я тебя будилъ, что ли? Нарочно велѣтъ чернаго мула осѣдлать, чтобы удобнѣе было ѣхать вдвоемъ. Да ну же, вставай, сдѣлай милость, не упрямясь! Чего ты боишься, монашекъ?

— Я ничуть не боюсь, но мнѣ просто не хочется...

— Послушай, Джіованни: тамъ будетъ этотъ твой хваленый мастеръ Леонардо да Винчи.

Джіованни вскочилъ и, не возражая болѣе, сталъ одѣваться.

«миръ вождй», № 1, январь. отд. 1.

14

Они вышли на дворъ.

Все уже было готово къ отъѣзду. Расторопный Грилло давалъ совѣты, бѣгалъ и суетился. Тронулись въ путь.

Нѣсколько человѣкъ, знакомыхъ мессэра Чиприано, въ томъ числѣ: Леонардо да Винчи, должны были пріѣхать позже, другою дорогою, прямо въ Санъ-Джервазіо.

V.

Дождь пересталъ. Сѣверный вѣтеръ разогналъ тучи. Въ безлунномъ небѣ звѣзды мигали, какъ лампадные огни, задуваемые вѣтромъ.

Смоляные факелы дымились и трещали, разбрасывая искры.

По улицѣ Рикасоли, мимо Санъ-Марко, подѣхали они къ зубчатой башнѣ воротъ Санъ-Галло. Сторожа долго спорили, ругались, не понимая спросонья, въ чемъ дѣло, и, только благодаря хорошей взяткѣ, согласились выпустить ихъ изъ города.]

Дорога шла узкою, глубокою долиною потока Муньоне. Миновавъ нѣсколько бѣдныхъ селеній, съ такими же тѣсными улицами, какъ во Флоренціи, съ высокими домами, похожими на крѣпости, сложенными изъ грубоотесанныхъ камней, путники вѣхали въ оливковую рощу, принадлежавшую поселянамъ Санъ-Джервазіо, слѣпились на перекресткѣ двухъ дорогъ и по винограднику мессэра Чиприано подошли къ Мельничному Холму.

Здѣсь ожидали ихъ работники съ лопатами и заступами.

За холмомъ, по ту сторону болота, называвшагося Мокрой Лощиной, неясно бѣлѣли въ темнотѣ между деревьями стѣны виллы Буонаккорраи. Внизу, на Муньоне, была водяная мельница. Стройные кипарисы чернѣли на вершинѣ холма.

Грилло указалъ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ копать. Мэрула указывалъ на другое мѣсто, у подошвы холма, гдѣ нашли мраморную руку. А старшій работникъ, садовникъ Строкко, утверждалъ, что слѣдуетъ рыть внизу, у Мокрой Лощины, такъ какъ, по его словамъ: «всегда нечисть ближе къ болоту водится».

Мессэръ Чиприано велѣлъ копать тамъ, гдѣ совѣтовалъ Грилло.

Застучали лопаты. Запахло разрытою землею.

Летучая мышь едва не задѣла крыломъ лицо Джіованни. Онъ вздрогнулъ.

— Не бойся, монашекъ, не бойся!—ободряя, похлопалъ его Мэрула по плечу.—Никакого чорта не найдемъ. Если бы еще не этотъ осель Грилло... Слава Богу, мы не на такихъ раскопкахъ бывали! Вотъ, на примѣръ, въ Римѣ, въ четыреста пятидесятую олимпиаду—Мэрула, пренебрегая христіанскимъ лѣтосчисленіемъ, употреблялъ древне-греческое,—при папѣ Иннокентіи VIII, на Аппіевой дорогѣ, близъ памятника Цециліи Метеллы, въ древнемъ римскомъ саркофагѣ съ надписью

«Юлія, дочь Клавдія», ломбардскіе землекопы наши тѣло, покрытое воскомъ, дѣвушки лѣтъ пятнадцати, какъ будто спящей. Румянецъ жизни не сошелъ съ лица ея. Казалось, что она дышетъ. Несмѣтная толпа не отходила отъ гроба. Изъ далекихъ странъ прїѣзжали взглянуть на нее, ибо Юлія была такъ прекрасна, что еслибы можно было описать прелесть ея, то не видѣвшіе не повѣрили бы. Папа испугался, узнавъ, что народъ поклоняется мертвой язычницѣ, и велѣлъ ночью тайно похоронить ее у воротъ Пинчіанскихъ. Такъ вотъ, братецъ, какія раскопки бываютъ!

Мэрула съ презрѣніемъ взглянулъ на яму, которая быстро углублялась.

Вдругъ лопата одного изъ работниковъ зазвенѣла. Всѣ наклонились.

— Кости!—проговорилъ садовникъ.—Кладбище сюда въ старину доходило.

Въ Санъ-Джервасіо послышался унылый, протяжный вой собаки.

— Могилу осквернили,—подумалъ Джіованни.—Ну ихъ совсѣмъ! Уйти отъ грѣха...

— Остовъ лошадиный,—прибавилъ Строкко злорадно и вышвырнулъ изъ ямы полусгнившій продолговатый черепъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Грилло, ты, кажется, ошибся,—сказалъ мессэръ Чипріано.—Не попытаться ли въ другомъ мѣстѣ?

— Еще бы! Охота дурака слушать,—произнесъ Мэрула и, взявъ двухъ работниковъ, пошелъ копать внизу, у подошвы холма. Строкко, также на зло упрямому Грилло, увелъ нѣсколькихъ людей, желая начать поиски въ Мокрою Лоцину.

Черезъ нѣкоторое время мессэръ Джіорджіо воскликнулъ, торжествуя:

— Вотъ, вотъ смотрите! Я зналъ, гдѣ надо рыть!..

Всѣ бросились къ нему. Но находка оказалась нелюбопытною: осколокъ мрамора былъ обыкновеннымъ камнемъ.

Тѣмъ не менѣе, никто не возвращался къ Грилло, и, чувствуя себя ошозореннымъ, стоя на днѣ ямы, онъ при свѣтѣ разбитаго фонаря продолжалъ упорно и безнадежно ковырять лопаткою землю.

Вѣтеръ стихъ. Въ воздухѣ теплѣло. Туманъ поднялся надъ Мокрою Лоциною. Пахло стоячею водою, желтыми весенними цвѣтами и фіалками. Небо сдѣлалось прозрачнѣе. Пропѣли вторые пѣтухи. Ночь была на исходѣ.

Вдругъ изъ глубины ямы, гдѣ находился Грилло, послышался отчаянный вопль.

— Ой, ой, держите, падаю, провалился!..

Сперва ничего не могли разобратъ въ темнотѣ, такъ какъ фонарь Грилло потухъ. Только слышно было, какъ онъ барахтается, тяжело дышетъ, охаетъ и стонетъ.

Принесли другіе фонари и увидѣли полузасыпанный землею кирпичный сводъ, какъ бы крышу тщательно выведеннаго подземнаго погреба, которая не выдержала тяжести Грилло и провалилась.

Два молодыхъ сильныхъ работника осторожно слѣзли въ яму.

— Гдѣ же ты, Грилло? Давай руку! Или совсѣмъ тебя пришибло, бѣдняга?

Грилло замеръ, притихъ и, забывъ сильную боль въ рукѣ, — онъ считалъ ее сломанной, но она была только вывихнута, — что-то дѣлалъ, щупалъ, ползалъ и странно копошился въ погребѣ.

Наконецъ, радостно закричалъ:

— Идолъ! Идолъ! Мессэръ Чиприано, чудеснѣйшій идолъ!

— Ну, ну, чего гадишь? — проворчалъ недовѣрчиво Строкко, — опять какой-нибудь черепъ ослиный.

— Нѣтъ, нѣтъ! Только рука отбита... А ноги, туловище, грудь — все цѣльное, — бормоталъ Грилло, задыхаясь отъ восторга.

Подвязавъ себя веревками подъ мышки и вокругъ стана, чтобы сводъ не провалился, работники опустились въ яму и стали бережно разбирать хрупкіе, осыпавшіеся кирпичи, покрытые плѣсенью.

Джіованни, полулежа на землѣ, смотрѣлъ между согнутыми спинами рабочихъ въ глубину погреба, откуда вѣяло спертою сыростью и могильнымъ холодомъ.

Когда сводъ почти разобрали, мессэръ Чиприано сказалъ:

— Посторонитесь. Дайте взглянуть.

И Джіованни увидѣлъ на днѣ ямы, между кирпичными стѣнами, бѣлое голое тѣло: оно лежало, какъ мертвое въ гробу, но казалось не мертвымъ, а розовымъ, живымъ и теплымъ въ колеблющемся отблескѣ факеловъ.

— Венера! — прошепталъ мессэръ Джорджио благоговѣнно. — Венера Праксителя! Ну, поздравляю васъ, мессэръ Чиприано. Если бы вамъ подарили герцогство Миланское да въ придачу Геную, вы не могли бы считать себя счастливыми.

Грилло вылезъ съ большимъ усиленіемъ, и хотя по лицу его, запачканному землею, текла кровь изъ ссадины на лбу, и онъ не могъ шевельнуть вывихнутою рукою, въ глазахъ старика сіяла гордость побѣдителя.

Мэрула подбѣжалъ къ нему.

— Грилло, другъ ты мой любезный, благодѣтель! А я-то тебя бранилъ, дуракомъ называлъ, — умнѣйшаго изъ людей!

И, заключивъ въ объятья, онъ поцѣловалъ его съ нѣжностью.

— Нѣкогда флорентійскій зодчій Филиппо Брунеллески, — продолжалъ Мэрула, — подъ своимъ домою, въ такомъ же точно погребѣ нашелъ мраморную статую бога Меркурія: должно быть, въ то время, когда христіане, побѣдивъ язычниковъ, истребляли идоловъ, послѣдніе поклонники боговъ, видя совершенства древнихъ статуй и желая спасти ихъ отъ гибели, прятали изваянія въ эти кирпичныя подземелья.

Грилло слушалъ, блаженно улыбаясь и не замѣчалъ, какъ пастушья свирѣль играла въ полѣ, овцы на выгонѣ блѣяли, небо свѣтило между холмами водянистымъ свѣтомъ, и вдаль, надъ Флоренціей, нѣжными голосами перекликались утренніе колокола.

— Тихе, тихе! Правѣе, вотъ такъ. Отъ стѣны подальше, — приказывалъ работникамъ Чипріано, — по пяти серебряныхъ гросо каждому, если выгациите, не сломавъ.

Богиня медленно подымалась.

Съ тою же ясною улыбкою, какъ нѣкогда изъ пѣны волнъ морскихъ, выходила она изъ мрака земли, изъ тысячелѣтной могилы.

Слава тебѣ, влатоногая мать Афродита,
Радость боговъ и людей! —

привѣтствовалъ ее Мэрула.

Звѣзды потухли всѣ, кромѣ звѣзды Венеры, игравшей, какъ алмазь, въ сіяніи зари. И навстрѣчу ей голова богини поднялась надъ краемъ могилы.

Джіованни взглянулъ ей въ лицо, освѣщенное утромъ, и прошепталъ, блѣднѣя отъ ужаса:

— Бѣлая Дьяволица!..

Онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать. Но любопытство побѣдило страхъ. И если бы ему сказали, что онъ совершаетъ смертный грѣхъ, за который будетъ осужденъ на вѣчную гибель, не могъ бы онъ оторвать взоровъ отъ голаго невиннаго тѣла, отъ прекраснаго лица ея.

Въ тѣ времена, когда Афродита была владычицей міра, никто не смотрѣлъ на нее съ такимъ благоговѣйнымъ трепетомъ.

VI.

На маленькой сельской церкви Санъ-Джервазіо ударили въ колоколъ. Всѣ невольно оглянулись и замерли. Этотъ звукъ въ затишьи утра похожъ былъ на гнѣвный и жалобный крикъ.

Порою тонкій, дребезжащій колоколъ замиралъ, какъ будто надорвавшись, но тотчасъ же заливался еще громче порывистымъ, отчаяннымъ звономъ.

— Исусе, помилуй насъ! — воскликнулъ Грилло, хватаясь за голову, — вѣдь это священникъ, отецъ Фаустино!.. Смотрите, — толпа на дорогѣ, кричатъ, увидѣли насъ, руками машутъ. Сюда бѣгутъ. Пропалъ я, горемычный!

Къ Мельничному Холму подѣхали новые всадники. То были остальные приглашенные на раскопки. Они опоздали, потому что заблудились и долго не могли найти дороги.

Бельтраффіо мелькомъ взглянулъ, и какъ ни былъ онъ поглощенъ созерцаніемъ богини, замѣтилъ лицо одного изъ нихъ. Выраженіе холоднаго, спокойнаго вниманія и провикновеннаго любопытства, съ которымъ незнакомецъ началъ разсматривать Венеру, и которое было такъ противоположно тревогѣ и смущенію самого Джіованни поразило его. Не подымая глазъ, прикованныхъ къ статуѣ, все время

чувствовалъ онъ за спиной своей человѣка съ необыкновеннымъ лицомъ.

— Вотъ что, — произнесъ мессэръ Чиприано послѣ нѣкотораго раздумья, — вила въ двухъ шагахъ. Ворота крѣпкія, какую угодно осаду выдержать...

— И то правда, — воскликнулъ обрадованный Грилло, — ну-ка, братцы, живѣе, подымайте!

Онъ заботился о сохраненіи идола съ отеческою вѣжностью.

Статую благополучно перенесли черезъ Мокрую Лощину.

Едва переступили они за порогъ дома, какъ на вершинѣ Мельничнаго Холма появился грозный обликъ отца Фаустино съ поднятыми къ небу руками.

Нижняя часть виллы была необитаема. Громадный загъ, съ гладко выбѣленными стѣнами и сводами, служилъ складомъ земледѣльческихъ орудій и большихъ глиняныхъ сосудовъ для оливковаго масла. Пшеничная солома, сваленная въ углу, золотистою копною громоздилась до потолка:

На эту солому — смиренное сельское ложе — бережно положили богиню.

Только что всѣ успѣли войти и запереть ворота, какъ послышались крики, ругательства и громкій стукъ въ ворота.

— Отоприте, отоприте! — кричалъ тонкимъ, надтреснутымъ голосомъ отецъ Фаустино, — именемъ Бога живого заклинаю васъ, отоприте

Мессэръ Чиприано по внутренней каменной лѣстницѣ поднялся къ узкому рѣшетчатому окну, находящемуся очень высоко надъ поломъ, оглянулъ толпу, убѣдился, что она не велика, и съ улыбкой свойственной ему утонченной вѣжливости началъ переговоры.

Священникъ не унимался и требовалъ, чтобы отдали идола, котораго, по словамъ его, откопали на кладбищенской землѣ.

Консулъ Калималы, рѣшивъ прибѣгнуть къ военной хитрости, произнесъ твердо и спокойно:

— Берегитесь! Нарочный посланъ во Флоренцію къ начальнику стражи, и черезъ два часа будетъ здѣсь отрядъ кавальери: силою никто не войдетъ въ мой домъ безваканно.

— Ломайте ворота, — воскликнулъ священникъ, — не бойтесь! Съ нами Богъ. Рубите!

И выхвативъ топоръ изъ рукъ подслѣповатаго рябого старичка съ унылымъ, кроткимъ лицомъ и подвязанной щекой, онъ ударилъ въ ворота со всего размаха.

Толпа не послѣдовала за нимъ.

— Домъ-Фаустино, а домъ-Фаустино, — шепелявилъ кроткій старичокъ, тихонько трогая его за локоть, — люди мы бѣдные, — денегъ мотыкою изъ земли не выкапываемъ. Засудятъ — разорятъ...

Многіе въ толпѣ, слышавъ о городскихъ стражникахъ, которыхъ боялись больше всего на свѣтѣ, уже думали о томъ, какъ бы улизнуть незамѣтно.

— Конечно, — если бы на своей землѣ, на приходской, другое дѣло, — разсуждали одни.

— А гдѣ межа-то проходить? Вѣдь по закону, братцы...

— Что законъ? Паутина! Муха застрянетъ, шершень вылетитъ. Законъ для господъ не писанъ, — возражали другіе.

— И то правда! Каждый въ землѣ своей владыка.

Въ это время Джіованни по прежнему глядѣлъ на спасенную Венеру.

Лучъ ранняго солнца проникъ въ боковое окно. Мраморное тѣло, еще не совсѣмъ очищенное отъ земли, искрилось на солнцѣ, словно вѣжилось и грѣлось послѣ долгаго подземнаго мрака и холода.

Тонкіе желтые стебли пшеничной соломы загорались, окружая богиню смиреннымъ и пышнымъ золотымъ ореоломъ.

И опять Джіованни обратилъ вниманіе на незнакомца.

Стоя на колѣняхъ, рядомъ съ Венерой, вынулъ онъ циркуль, угломѣръ, полукруглую мѣдную дугу, на подобіе тѣхъ, какія употреблялись въ математическихъ приборахъ, и съ выраженіемъ того же упорнаго, спокойнаго и проникновеннаго любопытства въ холодныхъ, свѣтлоглубыхъ глазахъ и тонкихъ, плотно сжатыхъ губахъ, началъ мѣрять различныя части прекраснаго тѣла, наклоняя голову, такъ что длинная бѣлокурая борода его касалась мрамора.

— Что онъ дѣлаетъ? Кто это? — думалъ Джіованни съ возрастающимъ удивленіемъ, почти страхомъ, слѣдя за быстрыми, дерзкими пальцами, которые скользили по членамъ богини, проникая во всѣ тайны красоты, ощущывая, изслѣдуя неуловимыя для глаза выпуклости мрамора.

У воротъ виллы толпа поселянъ съ каждымъ мгновеніемъ рѣдѣла и таяла.

— Стойте, стойте, бездѣльники, хриstopродавцы! Стражи городской испугались, а власти антихристовой не боятесь! — воилъ священникъ, простирая къ нимъ руки. — *«Ipse vero Antichristus opes malorum effodiet et exponet»*. Такъ говоритъ великій учитель Ансельмъ Кэнтерберійскій. *«Effodiet»* — слышите? — Антихристъ выроетъ древнихъ боговъ изъ земли и снова явить ихъ міру...

Но никто уже не слушалъ.

— И бѣдовый же у насъ отецъ Фаустино, ой, бѣдовый! — покачивалъ головой благоразумный мельникъ. — Въ чемъ душа держится, а на, поди ты, какъ раскорохорился! Добро бы кладъ наши...

— Идолище-то, говорятъ, серебряное.

— Какой серебряное! Самъ видѣлъ: мраморная, вся голая, безстыдница...

— Съ такой паскудою, прости Господи, и рукъ-то марать не стоитъ.

— Ты куда, Закелло?

— Въ поле пора.

— Ну, съ Богомъ, а я на виноградникъ.

Вся ярость священника обратилась на прихожанъ:

— А, вотъ вы какъ, псы невѣрные, хамово отродье! Пастыря покинули! Да знаете ли вы, исчадіе сатанинское, что, если бы я за васъ дено и ночью не молился, не билъ себя въ грудь, не рыдалъ и не постился,—давно уже все ваше селеніе окаянное сквозь землю провалилось бы? Кончено! Уйду отъ васъ, и прахъ съ ногъ моихъ отряхну! Проклятье на землю сію! Проклятье на хлѣбъ и воду, и стада, и дѣтей, и внуковъ вашихъ. Не отецъ я вамъ больше, не пастырь! Отрекаюсь! Анаема!

VII.

Въ тихой глубинѣ виллы, гдѣ богиня лежала на золотомъ, соломённомъ ложѣ, Джорджио Мэрула подошелъ къ незнакомцу, измѣрившему статую:

— Божественной пропорціи ищете?—молвилъ ученый съ покровительственной усмѣшкой.—Красоту желаете къ математикѣ свести?

Тотъ молча посмотрѣлъ на него, какъ будто не слышалъ вопроса, и опять углубился въ работу.

Ножи циркуля складывались и раздвигались, описывая правильныя геометрическія фигуры. Спокойнымъ, твердымъ движеніемъ приставляя оныя угломѣръ къ прекраснымъ губамъ Афродиты,—сердце Джорджии улыбка этихъ губъ наполняла ужасомъ,—сосчиталъ дѣленія и записалъ въ книгу.

— Позвольте полюбопытствовать, — приставалъ Мэрула, — тутъ сколько дѣленій?

— Это приборъ неточный,—отвѣтилъ незнакомецъ, нехотя.—Обыкновенно для измѣренія пропорцій я раздѣляю человѣческое лицо на градусы, доли, секунды и терціи. Каждое дѣленіе—двѣнадцатая часть предъидущаго.

— Однако!—произнесъ Мэрула.—Мнѣ кажется, что послѣднее дѣленіе—меньше, чѣмъ ширина тончайшаго волоска. Пять разъ двѣнадцатая часть!

— Терція,—также нехотя объяснилъ ему собесѣдникъ,—одна сотрокъ-восемь-тысячь-восемьсотъ-двадцать-третья часть всего лица.

Мэрула поднялъ брови и недовѣрчиво улыбнулся:

— Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Никогда не думалъ я, что можно дойти до такой точности.

— Чѣмъ точнѣе, тѣмъ лучше,—замѣтилъ собесѣдникъ.

— О, конечно!—произнесъ Мэрула.—Хотя, знаете ли, въ искусствѣ, въ красотѣ, всё эти математическіе расчеты—градусы, секунды... Я, признаться, не могу повѣрить, чтобы художникъ въ порывѣ восторга, пламеннаго вдохновенія, такъ сказать, подъ наитіемъ Бога...

— Да, да, вы правы,—со скупающимъ видомъ согласился незнакомецъ,—а все-таки любопытно знать...

И наклонившись, онъ сосчиталъ по угломѣру число дѣленій между началомъ волосъ и подбородкомъ.

— Знать!—подумалъ Джіованни.—Развѣ тутъ можно знать и мѣрять. Какое безуміе! Или онъ не чувствуетъ, не понимаетъ?..

Мэрула, очевидно желая задѣть противника за живое и вызвать на споръ, началъ говорить о совершенствѣ древнихъ, о томъ, что слѣдуетъ имъ подражать. Но собесѣдникъ молчалъ, и когда Мэрула кончилъ, произнесъ съ тонкой усмѣшкой въ свою длинную, золотисторусую бороду:

— Кто можетъ пить изъ родника — не станетъ пить изъ сосуда.

— Позвольте,—воскликнулъ ученый,—позвольте! Если вы и древнихъ считаете водою въ сосудѣ, то гдѣ же родникъ?

— Природа,—молвилъ незнакомецъ.

И когда Мэрула опять заговорилъ напыщенно и раздражительно, онъ уже не спорилъ, и съ уклончивой любезностью соглашался. Только скучающій взоръ холодныхъ глазъ его становился все равнодушнѣе и непроницаемѣе.

Наконецъ Джіорджіо умолялъ, истощивъ свои доводы. Тогда собесѣдникъ указалъ на нѣкоторыя углубленія въ мраморѣ статуи: ни въ какомъ свѣтѣ, ни въ слабомъ, ни въ сильномъ, нельзя было видѣть ихъ глазомъ, и только ощупью, проводя рукою по гладкой поверхности мрамора, можно было чувствовать эти безконечныя тонкости работы «*moltissime dolcezze*»—какъ онъ выразился. И однимъ глубокимъ, чуждымъ восторга, пытливымъ взоромъ окинулъ незнакомецъ все тѣло богини.

— А я думалъ, что онъ не чувствуетъ,—удивился Джіованни.— Но, если чувствуетъ, то какъ можетъ мѣрять, испытывать, разлагать на числа?.. Кто это?

— Мессэре,—прошепталъ Джіованни на ухо старику,—слушайте, мессэръ Джіорджіо,—какъ имя этого человѣка?

— А, ты здѣсь, монашекъ,—произнесъ Мэрула, обернувшись,—я и забылъ о тебѣ. Да вѣдь это и есть твой любимецъ. Какъ же ты не узналъ? Это мессэръ Леонардо да Винчи.

И Мэрула познакомилъ Джіованни съ художникомъ.

VIII.

Они возвращались во Флоренцію.

Леонардо ѣхалъ шагомъ на конѣ. Бельтраффіо шелъ рядомъ пѣшкомъ. Они были одни.

Между отвоглыми черными корнями оливъ сверкала изумрудная трава съ голубыми ирисами, неподвижными на тонкихъ стебляхъ. Было такъ тихо, какъ бываетъ только раннимъ утромъ раннею весною.

— Неужели это онъ?—думалъ Джіованни, наблюдая и находя въ немъ каждую мелочь любопытной.

Ему было лѣтъ за сорокъ. Когда онъ молчалъ и думалъ, маленькіе, острые, свѣтло-голубые глаза подъ нахмуренными, золотисто-русыми бровями смотрѣли холодно и провицательно. Но во время разговора принимали они выраженіе глубокой доброты. Длинная бѣлокурая борода и такіе же свѣтлые, густые, вьющіеся волосы придавали ему видъ величавый. Липо обладало тонкою, почти женственною прелестью, и голосъ, несмотря на большой ростъ и могучее тѣлосложеніе, былъ тонкій, странно-высокій, очень пріятный, но не мужественный. Красивая рука,—по тому, какъ онъ правилъ конемъ Джіованни угадывалъ, что въ ней большая сила,—была нѣжная, съ длинными тонкими пальцами, точно у женщины.

Они подъѣзжали къ стѣнамъ города. Сквозь дымку утренняго солнца видѣлся куполъ Собора и башня Палаццо Веккіо.

— Теперь или никогда!—думалъ Бельтраффіо.—Надо рѣшить и сказать, что я хочу поступить къ нему въ мастерскую.

Въ это время Леонардо, остановивъ коня, наблюдалъ за полетомъ молодого кречета, который, выслѣживая добычу,—утку или цаплю въ болотныхъ камышахъ на берегу Мульоне,—кружился въ небѣ плавно и медленно. Потомъ упалъ стремглавъ, точно камень, брошенный съ высоты, съ короткимъ хищнымъ крикомъ, и скрылся за верхушками деревьевъ. Леонардо проводилъ его глазами, не упуская ни одного поворота, ни одного движенія и взмаха крыльевъ, открылъ привязанную къ поясу памятную книжку и сталъ записывать, должно быть, свои наблюденія надъ полетомъ птицы.

Бельтраффіо замѣтилъ, что карандашъ онъ держитъ не въ правой, а въ лѣвой рукѣ, подумалъ: «лѣвша», и вспомнилъ странные слухи, ходившіе о немъ,—будто бы Леонардо пишетъ свои сочиненія загадочнымъ обратнымъ письмомъ, которое можно прочесть только въ зеркалѣ,—не слѣва направо, какъ всѣ, а справа налѣво, какъ пишутъ на востокѣ. Говорили, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы скрыть еретичныя, еретическія мысли свои о природѣ и Богѣ.

— Теперь или никогда!—снова сказалъ себѣ Джіованни и вдругъ вспомнилъ суровыя слова Антоніо да Винчи:

«Ступай къ нему, если хочешь погубить душу свою: онъ еретикъ и безбожникъ».

Леонардо съ улыбкой указалъ ему на миндальное деревцо: маленькое, слабое, одинокое, росло оно на вершинѣ пригорка и еще почти голое, зябкое,—уже довѣрчиво и празднично, одѣлось бѣло-розовымъ цвѣтомъ, который сіялъ, насквозь пронизанный солнцемъ, и нѣжился въ голубыхъ небесахъ.

Но Бельтраффіо не могъ любоваться. На сердцѣ его было тяжело и смутно.

Тогда Леонардо, какъ будто угадавъ печаль его, съ добрымъ тихимъ взоромъ сказалъ тѣ слова, которыя Джіованни часто вспоминалъ впоследствии:

— Если хочешь быть художникомъ, оставь всякую печаль и заботу, кромѣ искусства. Пусть душа твоя будетъ, какъ зеркало, которое отражаетъ всѣ предметы, всѣ движенія и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ.

Они въѣхали въ городскія ворота Флоренціи.

IX.

Бельтраффіо пошелъ въ Соборъ, гдѣ въ это утро долженъ былъ проповѣдывать братъ Джироламо Савонарола.

Послѣдніе звуки органа замирали подъ гужими сводами Маріа дель-Фіоре. Толпа наполняла церковь душевною теплотой, тихимъ шелестомъ. Дѣти, женщины и мужчины, отдѣлены были одни отъ другихъ завѣсами. Подъ стрѣльчатыми арками, уходившими въ высь, было темно и таинственно, какъ въ дремучемъ лѣсу. А внизу кое-гдѣ лучи солнца, дробясь въ темно-яркихъ стеклахъ, падали дождемъ радужныхъ отблесковъ на живыя волны толпы, на сѣрый камень столбовъ. Надъ алтаремъ во мракѣ краснѣли огни тресвѣщниковъ.

Обѣдня отошла. Толпа ожидала проповѣдника. Взоры обращены были на высокую деревянную кафедру съ витой лѣстницею, прислоненную къ одной изъ колоннъ въ среднемъ кораблѣ собора.

Джіованни, стоя въ толпѣ, прислушивался къ тихимъ разговорамъ сосѣдей:

— Скоро ли?—тоскливымъ голосомъ спрашивалъ низкорослый, задыхавшійся въ тѣснотѣ человекъ съ блѣднымъ, потнымъ лицомъ и прилипшими ко лбу волосами, перевязанными тонкимъ ремнемъ, — должно быть, столяръ.

— Одному Богу извѣстно, — отвѣчалъ котельщикъ, широкоскулый краснолицый гигантъ съ одышкой. — Есть у него въ Санъ-Марко нѣкій монашекъ Маруффи, косноязычный и юродивый. Какъ тотъ скажетъ, что пора, онъ и идетъ. Намедни четыре часа прождали, думали, со всѣмъ не будетъ проповѣди, а тутъ и пришелъ...

— О, Господи, Господи!—вздокнулъ столяръ, — я вѣдь съ полночи жду. Отопчалъ, въ глазахъ темнѣетъ. Маковой росинки во рту не было. Хоть бы на короточки присѣсть...

— Говорилъ я тебѣ, Дамьяно, что надо загодя придти. А теперь отъ кафедры вонъ какъ далеко. Ничего не услышимъ.

— Ну, братъ, услышишь, — не бойся. Какъ закричить, загремитъ, — тутъ тебѣ не только глухіе, но и мертвые услышатъ!

— Нынче, говорятъ, пророчествовать будетъ?

— Нѣтъ, пока Ноева ковчега не достроятъ...

— Или не слышали? Конечно все до послѣдней доски. И таинственное дано истолкованіе: длина ковчега — вѣра, ширина — любовь, высота — надежда. Поспѣшайте, сказано, поспѣшайте въ Ковчегъ Спа-

сенія, пока еще двери отверзты. Се, время близко, закроются врата, и восплачуть многіе, что не покаялись, не вошли.

— Сегодня, братцы, о потопѣ,—семнадцатый стихъ шестой главы книги Бытія...

— Новое, говорятъ, было видѣніе о гладѣ, морѣ и войнѣ.

— Коновалъ изъ Валломброзы сказывалъ,—надъ селеніемъ ночью въ небѣ несмѣтныя полчища сражались, слышенъ былъ стукъ мечей и броней...

— А правда ли, добрые люди, будто бы на ликѣ Пресвятой Дѣвы, что въ Нунціатѣ дей-Серви, кровавый потъ выступилъ?

— Какъ же! И у Мадонны на мосту Рубаконта каждую ночь слезы капаютъ изъ глазъ. Тетка Лучія сама видѣла...

— Не къ добру это, ой, не къ добру! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ...

На половинѣ женщинъ произошло смятеніе: упала въ обморокъ старушка, стиснутая толпою. Старались поднять ее и привести въ чувство.

— Скоро ли? Мочи моей больше нѣтъ!—чуть не плакалъ тщедушный столяръ, вытирая потъ съ лица.

И вся толпа изнывала въ безконечномъ ожиданіи.

Вдругъ море головъ всколыхнулось, зашестѣло. Послышался шопотъ.

— Идетъ, идетъ, идетъ!—Нѣтъ, не онъ.—Фра Доменико да-Песчиа.—Онъ, онъ!—Идетъ!

Джіованни увидѣлъ, какъ на каеэдру медленно взошелъ и откинулъ куколь съ головы челоуѣкъ, въ черной и бѣлой доминиканской одеждѣ, подпоясанный веревкой, съ лицомъ исхудалымъ и желтымъ, какъ воскъ, съ толстыми губами, кривоватымъ носомъ, низкимъ лбомъ.!

Лѣвую руку, какъ бы въ изнеможеніи, опустилъ онъ на каеэдру, правую поднялъ и протянулъ, сжимая Распятіе.

И молча, медленнымъ взоромъ горящихъ глазъ обвелъ толпу.

Наступила такая тишина, что каждый могъ слышать удары собственного сердца.

Неподвижные глаза монаха разгорались все ярче, какъ уголья. Онъ молчалъ,—и ожиданіе становилось невыносимымъ. Казалось—еще мигъ, и толпа не выдержитъ, закричитъ отъ ужаса.

Но сдѣлалось еще тише, еще страшнѣе.

И вдругъ въ этой мертвой тишинѣ раздался оглушительный, раздирающій, нечеловѣческій крикъ Савонаролы:

— *Esse ego adduco aquas super terram!* Се Азъ низведу воды на землю!

Дыханіе ужаса, отъ котораго волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, пронеслось надъ толпой.

Джіованни поблѣднѣлъ: ему почудилось, что земля шатается, своды Собора сейчасъ рухнуть и раздавятъ его. Рядомъ съ нимъ толстый

котельщикъ затрясся, какъ листъ, застучалъ зубами. Столяръ весь съежился, вобралъ голову въ плечи, точно подъ ударомъ,—сморщилъ лицо и зажмурилъ глаза.

То была не проповѣдь, а бредъ, который вдругъ схватилъ всѣ эти тысячи народа, и помчалъ, какъ мчить ураганъ сухіе листья.

Джіованни слушалъ, едва понимая. До него долетали отдѣльныя слова:

— «Смотрите, смотрите, вотъ уже небеса почернѣли. Солнце багрово, какъ запекшаяся кровь. Бѣгите! Будетъ дождь изъ огня и сѣры, будетъ градъ изъ раскаленныхъ камней и цѣлыхъ утесовъ! Fuge, o Sion, quae habitas apud filiam Babylonis!

«О, Италия, придутъ казни за казнями! Казнь войны—за голодомъ, казнь чумы—за войною! Казни здѣсь и тамъ,—всюду казни!»

«У васъ не хватитъ живыхъ, чтобы хоронить мертвыхъ. Ихъ будетъ столько въ домахъ, что могильщики пойдутъ по улицамъ и станутъ кричать: «у кого есть мертвые?» и будутъ наваливать на тѣлѣги до самыхъ лошадей, и сложивъ ихъ цѣлыми горами,—сжигать. И опять пойдутъ по улицамъ, крича: «у кого есть мертвые? У кого есть мертвые?» И выйдете вы къ нимъ и скажете: «вотъ мой сынъ, вотъ мой братъ, вотъ мой мужъ». И пойдутъ они далѣе и будутъ кричать: «нѣтъ ли еще мертвецовъ?»

«О, Флоренція, о, Римъ, о, Италия! Прошло время пѣсенъ и праздниковъ. Вы больны, даже до смерти. Господи, ты свидѣтель, что я хотѣлъ поддержать моимъ словомъ эту развалину. Но я не могу больше, нѣтъ моихъ силъ! Я не хочу больше, я не знаю, что еще говорить объ этомъ. Мнѣ остается только плакать, изойти слезами. Милосердія, милосердія, Господи!.. О, мой бѣдный народъ, о, Флоренція!»

Онъ раскрылъ объятія, и послѣднія слова произнесъ чуть слышнымъ шопотомъ. Они пронеслись надъ толпою и замерли, какъ шелестъ вѣтра въ листьяхъ, какъ вздохъ безконечной жалости къ народу.

И прижимая помертвѣлыя губы къ Распятію, въ изнеможеніи опустился онъ на колѣни и зарыдалъ.

Проповѣдь была кончена. Медленные, тяжкіе звуки органа загудѣли, разростаясь все шире и необъятнѣе, все торжественнѣе и грознѣе, подобно рокоту ночного океана.

Кто-то вскрикнулъ въ толпѣ женщинъ тонкимъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Misericordia!

И тысячи голосовъ отвѣтили, перекликаясь. Словно колосья въ полѣ подъ вѣтромъ,—волны за волнами, ряды за рядами,—тѣснясь, давя другъ друга, какъ подъ грозю овцы въ испуганномъ стадѣ, они падали на колѣни, и сливаясь съ многоголосымъ ревомъ и гуломъ органа, потрясая землю, каменные столбы и своды Собора, вознесся покаянный вопль народа, крикъ погибающихъ людей къ Богу:

— Misericordia! Misericordia!

Джіованни упалъ, рыдая. Онъ чувствовалъ на спинѣ своей тя-

тяжесть толстаго котельщика, который въ тѣснотѣ навалился на него, горячо дышалъ ему въ шею и тоже рыдалъ. Рядомъ тщедушный столяръ странно и безпомощно всхлипывалъ, точно икалъ, захлебываясь, какъ маленькія дѣти, и кричалъ пронзительно:

— Милосердія! Милосердія!

Бельтраффіо вспомнилъ свою гордыню и мірское любомудріе, желаніе уйти отъ фра Бенедетто и предаться опасной, быть можетъ, богопротивной наукѣ Леонардо, вспомнилъ и послѣднюю страшную ночь на Мельничномъ Холмѣ, воскресшую Венеру, свой грѣшный восторгъ передъ красотой Бѣлой Дьяволицы и, протягивая руки къ небу, такимъ же отчаяннымъ голосомъ, какъ всѣ, возопилъ:

— Помилуй, Господи! Согрѣшилъ я предъ Тобой,—прости и помилуй!

И въ то же мгновеніе, поднявъ лицо мокрое отъ слезъ, увидѣлъ онъ невдалекѣ высокой стройный обликъ Леонардо да Винчи. Художникъ стоялъ, опираясь плечомъ о колонну, въ правой рукѣ держалъ свою неизмѣнную записную книжку, лѣвой рисовалъ въ ней, иногда вскидывая глаза на кафедру, должно быть надѣясь еще разъ увидѣть голову проповѣдника.

Чуждый всѣмъ, одинъ въ толпѣ, обуянной ужасомъ, Леонардо сохранялъ совершенное спокойствіе. Въ холодныхъ, блѣдноглубокихъ глазахъ его, въ тонкихъ губахъ, плотно сжатыхъ, какъ у человѣка, привыкшаго ко вниманію и точности, была не насмѣшка, а то самое выраженіе любопытства, съ которымъ онъ мѣрилъ математическими приборами тѣло Афродиты.

Слезы на глазахъ Джіованни высохли, молитва замерла въ губахъ.

Выйдя изъ церкви, онъ подошелъ къ Леонардо и попросилъ позволенія взглянуть на рисунокъ. Художникъ сперва не соглашался, но Джіованни настаивалъ съ умоляющимъ видомъ, и, наконецъ, Леонардо отвергъ его въ сторону и подалъ ему записную книжку.

Джіованни увидѣлъ страшную карриатуру.

Это было лицо не Савонаролы, а стараго, безобразнаго дьявола въ одеждѣ монаха, похожаго на Савонаролу, изможденнаго самоистязаніями, но не побѣдившаго своихъ похотей и гордыни. Нижняя челюсть выдавалась впередъ, морщины бороздили щеки и шею отвислую, черную, какъ на высохшемъ трупѣ, вздернутыя брови щетинились и нечеловѣческій взоръ, полный упрямой, почти злобной мольбы, устремленъ былъ въ небо. Все темное, ужасное и безумное, что предавало брата Джироламо во власть юривому, косноязычному ясновидцу Маруффи, было испытано въ этомъ рисунокѣ, обнажено безъ гнѣва, безъ жалости, съ невозмутимой ясностью наблюденія.

И Джіованни вспомнилъ слова Леонардо:

«L'ingegno dell' pittore vuol essere a similitudine dello specchio. Душа художника должна быть подобной зеркалу, которое отражаетъ всѣ

предметы, всё движенья и цвѣта, само оставаясь неподвижнымъ и яснымъ.

Ученикъ фра Бенедетто поднялъ глаза на Леонардо и почувствовалъ, что, хотя бы ему, Джіованни, грозила вѣчная погибель, хотя бы онъ убѣдился, что Леонардо дѣйствительно слуга Антихриста,—онъ можетъ уйти отъ него, и неодолимая сила привлекаетъ его къ этому человѣку: онъ долженъ узнать его до конца.

X.

Дня черезъ два во Флоренцію, въ домъ мессэра Чиприано Буонакорзи, въ это время занятого неожиданнымъ стеченіемъ торговыхъ дѣлъ, и потому неуспѣвшаго перевезти Венеру въ городъ, прибѣжалъ Грилло съ горестнымъ извѣстіемъ: приходскій священникъ, отецъ Фаустино, покинувъ Санъ-Джервазіо, отправился въ сосѣднее горное селеніе Санъ-Маурицио, запугалъ народъ небесными карами, собралъ ночью отрядъ поселянъ, осадилъ виллу Буонакорзи, выломалъ двери, избилъ садовника Строкко, связалъ по рукамъ и ногамъ приставленныхъ къ Венерѣ сторожей. Надъ богиней была прочитана, сложенная въ древнія времена, молитва: *«oratio super officijs vaseque in loco antiquo reperita»*. Въ этой молитвѣ надъ изваяніемъ и сосудами, находимыми въ древнихъ гробницахъ, служитель церкви проситъ Бога очистить вырытые изъ земли предметы отъ языческой скверны, обративъ ихъ на пользу душъ христіанскихъ во славу Единосущной Троицы,—Отца, Сына и Духа Святаго,—*ut omni immunditia depulsa sint fidelibus tuis utenda per Christum dominum nostrum*. Потомъ мраморное изваяніе разбили, осколки бросили въ печь, обожгли, приготовили известь и обмазали ею недавно выведенную стѣну сельскаго кладбища.

При этомъ разказѣ стараго Грилло, который едва не плакалъ отъ жалости къ идолу, Джіованни почувствовалъ рѣшимость. Въ тотъ же день пошелъ онъ къ Леонардо и попросилъ, чтобы художникъ принялъ его ученикомъ въ свою мастерскую.

И Леонардо принялъ его.

Немного времени спустя во Флоренцію пришла вѣсть о томъ, что Карлъ VIII, христіанѣйшій король Франці, во главѣ несмѣтнаго войска выступилъ въ походъ для завоеванія Неаполя и Сициліи, быть можетъ Рима и Флоренціи.

Граждане были въ ужасѣ, ибо видѣли, что пророчества брата Джироламо Савонаролы совершаются,—казни идутъ, и мечъ Божій опускается на Италію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Esce deus—Esce homo.

1494.

Се—человѣкъ!

Іоаннъ XIX, 5.

Се—богъ!

*Изъ надписи на памятникѣ
Франческо Сфорца.*

I.

«Если тяжелый орелъ на крыльяхъ держится въ рѣдкомъ воздухѣ, если громадные корабли на парусахъ движутся по морю, почему не можетъ и человѣкъ, разсѣкая воздухъ большими крыльями, овладѣть вѣтромъ и подняться на высоту побѣдителемъ?»

Въ одной изъ своихъ старыхъ тетрадей прочелъ Леонардо эти слова, полныя надежды, написанныя пять лѣтъ назадъ. Рядомъ былъ рисунокъ: дышло, съ прикрѣпленнымъ къ нему круглымъ желѣзнымъ стержнемъ, поддерживавало крылья, приводимыя въ движеніе веревками.

Теперь эта машина казалась ему неуклюжей и безобразной.

Новый приборъ напоминалъ летучую мышь. Остовъ крыла состоялъ изъ пяти пальцевъ, какъ въ рукѣ скелета, многоколѣнчатыхъ, сгибающихся въ суставахъ. Сухожиліе изъ ремней дубленой кожи и шнурковъ сырого шелка, съ рычагомъ и шайбой, въ видѣ мускула, соединяло пальцы. Крыло подымалось посредствомъ подвижного стержня и шатуна. Накрахмаленная тафта, не пропускающая воздуха, какъ перепонка на гусиной лапѣ, сжималась и распускалась. Четыре крыла ходили крестъ на крестъ, какъ ноги лошади. Длина ихъ—сорокъ локтей, высота подъема—восемь. Они откидывались назадъ, давая ходъ впередъ и опускались, подымая машину вверхъ. Человѣкъ, стоя, вдѣвалъ ноги въ стремена, приводившія въ движеніе крылья посредствомъ шнуровъ, блоковъ и рычаговъ. Голова его управляла большимъ рулемъ съ перьями, на подобіе птичьяго хвоста.

Птица, прежде чѣмъ вспорхнуть съ земли, для перваго размаха крыльевъ, должна приподняться на лапкахъ. Каменный стрижь, у котораго лапки короткія, положенный на землю, бьется и не можетъ взлетѣть.

Двѣ тросяковыя лѣсенки замѣняли въ приборѣ птичьи лапки.

Леонардо зналъ по опыту, что совершенное устройство машины сопровождается изяществомъ и соразмѣрностью всѣхъ ея частей. Уродливый видъ необходимыхъ лѣсенокъ смущалъ изобрѣтателя.

Онъ погрузился въ математическія выкладки. Искалъ ошибки и не могъ найти. Вдругъ со злобой перечеркнулъ страицу, наполненную

мелкими, тѣсными рядами цифръ, на поляхъ написалъ «non è vero!»— «невѣрно!» и съ боку прибавилъ ругательство большими, яростными буквами: «Satanasso!»— «Къ чорту!»

Вычисленія становились все запутаннѣе. Неуловимая ошибка раз расталась.

Пламя свѣчи неровно мигало, раздражая глазъ. Коть, успѣвшій выспаться, вспрыгнулъ на рабочій столъ, потянулся, выгнулъ спину и началъ играть лапкою изъѣденнымъ молю чучеломъ птицы, подвѣшеннымъ на бичевкѣ къ деревянной перекладнѣ, — приборомъ для опредѣленія центра тяжести при изученіи полета. Леонардо толкнулъ кота съ досадою, такъ что онъ едва не упалъ со стола и жалобно мяукнулъ.

— Ну, Богъ съ тобой, ложись, гдѣ хочешь, — только не мѣшай.

Онъ ласково провелъ рукою по черной шерсти своего любимца. Въ ней затрещали искры. Коть поджалъ бархатныя лапки, важно улегся, замурлыкалъ и устремилъ на хозяина неподвижные зеленоватые зрачки, полные вѣгой и тайною.

Опять потянулись цифры, скобки, дроби, уравненія, кубическіе и квадратные корни.

Вторая безсонная ночь пролетала незамѣтно.

Вернувшись изъ Флоренціи въ Миланъ, Леонардо провелъ цѣлый мѣсяцъ, почти никуда не выходя, работая надъ летательной машиной.

Въ открытое окно заглядывали вѣтви бѣлой акаціи, иногда роняя на столъ вѣжные, сладко-пахучіе цвѣты. Лунный свѣтъ, смягченный дымкой рыжеватыхъ облаковъ съ перламутровыми отливами, падалъ въ комнату, смѣшиваясь съ краснымъ свѣтомъ запылившей сальной свѣчи.

Комната была загромождена машинами и приборами по астрономіи, физикѣ, химіи, механикѣ, анатоміи. Колеса, рычаги, пружины, винты, трубы, стержни, дуги, поршни и другія части машинъ — мѣдныя, стальные, жѣзвяныя, стеклянныя, какъ члены неясныхъ чудовищъ или громадныхъ настѣкомыхъ, торчали изъ мрака, путаясь и переплетаясь. Видѣлся водолазный колоколъ, мерцающій хрусталь оптического прибора, изображавшаго глазъ въ большихъ размѣрахъ, скелетъ лошади, чучело крокодила, банка съ человѣческимъ зародышемъ въ спирту, похожимъ на блѣдную огромную личинку, острия лодкообразныя лыжи для хожденія по водѣ и рядомъ, должно быть случайно попавшая сюда изъ мастерской художника, глиняная головка дѣвушки или ангела съ лукавой и грустной улыбкой.

Въ глубинѣ, въ темномъ зѣвѣ плавильной печи съ кузничными мѣхами, розовѣли подъ щепломъ угли.

И надо всѣмъ отъ полу до потолка распростирались крылья машины, одно еще голое, другое затянутое перепонкою. Между ними на полу, развалившись и закинувъ голову, лежалъ человѣкъ, должно быть

уснувшій во время работы. Въ правой рукѣ его была рукоятъ закоптѣлаго мѣднаго черпака, откуда на полъ вылилось олово. Одно изъ крыльевъ нижнимъ концомъ тростниковаго легкаго остова касалось груди спящаго и отъ его дыханія тихонько вздрагивало, двигалось, какъ живое, шуршало о потолокъ острымъ верхнимъ концомъ.

Въ невѣрномъ сіяніи луны и свѣчки, машина съ человѣкомъ между раскинутыми крыльями, имѣла видъ гигантскаго нетопыря, готоваго вспорхнуть и улетѣть.

II.

Луна закатилась. Съ огородовъ, окружавшихъ домъ Леонардо въ предмѣстїи Милана между крѣпостью и монастыремъ Марїи далле Граціе, повѣяло запахомъ овощей и травъ,—мелиссы, мяты, укропа. Въ гнѣздѣ надъ окномъ зашебетали ласточки, готовясь къ вылету. Въ сажалкѣ у сосѣдняго курятника утки брызгались и весело крикали.

Пламя свѣчи померкло. Рядомъ, въ мастерской, слышались голоса учениковъ.

Ихъ было двое—Джіованни Бельтраффіо и Андрѣа Салаино. Джіованни срисовывалъ анатомическій слѣпокъ, сидя передъ приборомъ для изученія перспективы,—четыреугольной деревянной рамой съ веревочной сѣткой, которая соотвѣтствовала такой же сѣткѣ изъ пересѣкавшихся лнвій на бумагѣ рисовальщика.

Салаино накладывалъ алебастръ на липовую доску для картины. Это былъ красивый мальчикъ съ невинными глазами и бѣлокурыми локонами,—быловень учителя, который писалъ съ него ангеловъ.

— Какъ вы думаете, Андрѣа,—спросилъ Бельтраффіо,—скоро ли мессэръ Леонардо кончитъ машину?

— А Богъ его знаетъ!—отвѣтилъ Салаино, насвистывая пѣсенку и поправляя атласные шитые серебромъ отвороты новыхъ башмаковъ. Въ прошломъ году два мѣсяца просидѣлъ, а ничего не вышло, кромѣ смѣха. Этотъ косолапый медвѣдь Зороастро пожелалъ летѣть во что бы то ни стало. Учитель его отговаривалъ, но тотъ заупрямился. И представь,—взобрался-таки чудакъ на крышу, обмоталъ себя по всему тѣлу связанными, какъ четки, бычачьими да свиными пузырями, чтобы не разбиться, если упадетъ, подвѣлъ крылья и сначала вспорхнулъ,—вѣтромъ его понесло, что ли,—а потомъ сорвался, полетѣлъ вверхъ ногами и прямо—въ навозную кучу. Мягко было, не расшибся, а только всѣ пузыри на немъ сразу лопнули, и такой былъ громъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла,—даже галки на сосѣдней колокольнѣ испугались и улетѣли. А новый-то нашъ Икаръ ногами болтаетъ въ воздухѣ, вылѣзть не можетъ изъ навозной кучи!

Въ мастерскую вошелъ третій ученикъ Чезаре да Састо, человѣкъ уже не молодой, съ болѣзненнымъ желчнымъ лицомъ, съ умными и

злыми глазами. Въ одной рукѣ держалъ онъ кусокъ хлѣба съ ломтемъ ветчины, въ другой—стаканъ вина.

— Тыфу, кислотина! — плюнулъ онъ, поморщившись, — и ветчина какъ подошва. Удивляюсь: жалованья двѣ тысячи дукатовъ въ годъ, — и кормить людей такую дрянью!

— Вы бы изъ другого боченка, что полъ лѣстницей, въ чуланѣ, — молвилъ Салаино.

— Пробовалъ. Еще хуже. — Что это, у тебя опять обновка? — посмотрѣлъ Чезаре на щегольской беретъ Салаино изъ пунцоваго бархата съ перомъ. — Ну и хозяйство у насъ, нечего сказать. Собачья жизнь! На кухнѣ второй мѣсяцъ свѣжаго окорока не могутъ купить. Марко божится, что у самого мастера ни гроша, — все на эти крылья окаляныя просадили, въ черномъ тѣлѣ держать всѣхъ насъ, — а деньги-то, вотъ онѣ гдѣ! Любимчиковъ задариваетъ! Бархатныя шапочки съ медалями! И какъ тебѣ не стыдно, Андрэа, отъ чужихъ людей подачекъ принимать, — вѣдь мессэръ Леонардо тебѣ не отецъ, не братъ, и ты уже не маленький...

— Чезаре, — сказалъ Джіованни, чтобы переменить разговоръ, — намедни вы обѣщали мнѣ объяснить одно правило перспективы, помните? Учителя мы, видно, не дождемся. Онъ такъ занятъ машиною...

— Да, братцы, погодите, — уже всѣ въ трубу вылетимъ съ этой машиною, чтобы чортъ ее побралъ! А, впрочемъ, не одно, такъ другое. Помню, однажды среди работы надъ Тайной Вечерей мастеръ вдругъ увлекся изобрѣтеніемъ новой машины для приготовления миланской червеллаты — бѣлой колбасы изъ мозговъ. И голова апостола Іакова Старшаго такъ и осталась неконченной, ожидая совершенства колбаснаго крошила. Лучшую изъ своихъ Мадоннъ забросилъ онъ въ уголъ, пока изобрѣталъ самовращающійся вертелъ, чтобы равномерно жарить каплуновъ и поросятъ. А это великое открытіе шѣлока изъ куринаго помета для стирки бѣлья! Вѣрите ли, — нѣтъ такой глупости, которой бы мессэръ Леонардо не предался съ восторгомъ, только бы отдѣлаться отъ живописи!

Лицо Чезаре передернулось судорогою, тонкія губы сложились въ злобную усмѣшку.

— И зачѣмъ, зачѣмъ только Богъ даетъ такимъ людямъ талантъ! — прибавилъ онъ тихо и яростно.

III.

А Леонардо все еще сидѣлъ, согнувшись надъ рабочимъ столомъ.

Ласточка влетѣла въ открытое окно и закружилась въ комнатѣ, задѣвая о потолокъ и стѣны, наконецъ, попала въ крыло летательнаго прибора, какъ въ западню, и запуталась въ сѣткѣ веревочныхъ сухожилий своими маленькими живыми крыльями.

Леонардо подошелъ, освободилъ плѣнницу, бережно, такъ, чтобы не причинить ей боли, взявъ въ руку, поцѣловалъ въ шелковисто-черную головку и пустилъ въ окно.

Ласточка взвилась и потонула въ небѣ съ радостнымъ крикомъ.

— Какъ легко, какъ просто! — подумалъ онъ, проводивъ ее завистливымъ, печальнымъ взоромъ. Потомъ съ брезгливымъ чувствомъ взглянулъ на свою машину, на мрачный остовъ исполинской летучей мыши.

Человѣкъ, спавшій на полу, проснулся.

Это былъ помощникъ Леонардо, искусный флорентинскій механикъ и кузнецъ, по имени Зороастро или Астро да Перетола.

Онъ вскочилъ, протирая свой единственный глазъ: другой — вытекъ отъ искры, попавшей въ него изъ пылающаго горна во время работы. Неуклюжій великанъ, съ дѣтскимъ простодушнымъ лицомъ, вѣчно покрытымъ сажей и копотью, походилъ на одноглазаго циклопа.

— Проспалъ! — воскликнулъ кузнецъ, въ отчаяніи хватаясь за косматую голову. — Чортъ меня побери! Эхъ, мастеръ, какъ же вы не разбудили? Торопился, думалъ къ вечеру и гѣвое кончу, чтобы завтра утромъ летѣть...

— Хорошо, сдѣлалъ, что выспался, — молвилъ Леонардо. — Все равно крылья не годятся.

— Какъ? Опять не годятся? Ну, нѣтъ, мессэре, воля ваша, а я этой машины передѣлывать не стану. Сколько денегъ, сколько трудовъ! И опять все прахомъ пошло! Чего же еще? Чтобы на эдакихъ крыльяхъ да не полетѣть. Не только человѣка — слона подымутъ! Вотъ увидите, мастеръ. Дозвольте разокъ попытаться — ну, хоть надъ водой, — если упаду, только выкупаюсь, а вѣдь плаваю, какъ рыба, ни за что не утону...

Онъ сложилъ руки съ умоляющимъ видомъ.

Леонардо покачалъ головой.

— Потерпи, другъ. Все будетъ въ свое время. Потомъ...

— Потомъ! — простоналъ кузнецъ, горестно моргая глазами, чуть не плача. — Отчего же не теперь? Право же, мессэре, ну вотъ, какъ Богъ святъ, — полечу...

— Не полетишь, Астро. Тутъ математика...

— Такъ я и зналъ! Ну ее ко всѣмъ дьяволамъ, вашу математику! Только смущаетъ... Сколько гѣтъ корпимъ! Душа изныла. Каждый глупый комаръ, моль, муха — прости Господи — поганая, навозная, и та летаетъ, а люди, какъ черви, ползаютъ! Развѣ это не обида? И чего ждатель? Вѣдь вотъ они, крылья! Все готово, — кажется, взялъ бы, благословясь, замахнулъ, да и полетѣлъ, — только меня и видѣли!

Вдругъ онъ что-то вспомнилъ, и лицо его просіяло.

— Мастеръ, а, мастеръ? Что я тебѣ скажу. Сонъ-то я какой видѣлъ сегодня. Удивительный!

— Опять леталъ?

— Да. И вѣдь какъ! Ты только послушай. Стою будто бы среди толпы въ незнакомой горницѣ. Всѣ на меня смотрятъ, пальцами указываютъ, смѣются. Ну, думаю, если теперь не полечу—плохо. Подскочилъ, руками замахалъ изо всей мочи и сталъ подыматься. Сперва трудно было, словно гора на плечахъ. А потомъ все легче да легче,—взвился, едва головой о потолокъ не стукнулся. И всѣ кричатъ: смотрите, смотрите,—полетѣлъ! Я прямо въ окно, какъ птица, и все выше да выше, подъ самое небо,—только вѣтеръ въ ушахъ свиститъ, и весело мнѣ, смѣюсь: почему, думаю, прежде не умѣлъ я летать. Разучился, что ли? Вѣдь вотъ какъ просто! И никакой машины не надо!

IV.

Послышались вопли, ругательства, топотъ быстрыхъ шаговъ по лѣстницѣ. Дверь распахнулась, и въ нее вбѣжалъ человекъ съ жесткой щетиной огненно-рыжихъ волосъ, съ краснымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Это былъ ученикъ Леонардо—Марко д'Оджіоне.

Онъ бранился, билъ и тащилъ за ухо худенькаго мальчика лѣтъ десяти.

— Да пошлетъ тебѣ Господь злую Пасху, негодяй! Пятки я тебѣ сквозь глотку пропущу, мерзавецъ!

— За что ты его, Марко?—спросилъ Леонардо.

— Помилуйте, мессэре! Двѣ серебряныя пряжки стибрилъ, флориновъ десять каждая. Одну успѣлъ заложить и деньги въ кости проигралъ, другую зашилъ себѣ въ платье, за подкладку—я тамъ и нашелъ. Какъ слѣдуетъ хотѣлъ оттащить за вихры, а онъ мнѣ же руку до крови укусилъ, чертенокъ!

И съ новой яростью схватилъ онъ мальчика за волосы.

Леонардо заступился и отнял у него ребенка. Тогда Марко хватилъ изъ кармана связку ключей,—онъ исполнялъ должность ключника въ домѣ Леонардо,—и крикнулъ:

— Вотъ ключи, мессэре! Съ меня довольно!.. Съ негодяями и ворами въ одномъ домѣ я не живу. Или я, или онъ!

— Ну, успокойся, Марко, успокойся... Я накажу его, какъ слѣдуетъ,—старался его образумить учитель.

Изъ двери мастерской выглядывали подмастерья. Между ними протѣснилась толстая женщина—стрипуха Матурина. Только что вернулась она съ рынка и держала въ рукѣ корзину съ лукомъ, рыбою, алыми жирными баклажанами и волокнистыми фэнокки. Увидѣвъ маленькаго преступника, кухарка замахала руками и затараторила,—точно сухой горохъ посыпался изъ дыряваго мѣшка.

Говорилъ и Чезаре, выражая удивленіе, что Леонардо терпитъ въ домѣ этого «язычника», ибо нѣтъ такой безцѣльной и жестокой шалости, на которую не способенъ Джьякопо: камнемъ перешибъ намедни

ногу больному старому Фаджіано, дворовому псу, разорилъ гнѣздо ласточекъ надъ конюшнею, и всѣ знаютъ, что его любимая забава—обрывать бабочкамъ крылья, любуясь ихъ мученіями.

Джякопо не отходилъ отъ учителя, посматривая на враговъ изъ подлѣбья, какъ затравленный волчонокъ. Красивое, блѣдное лицо его было неподвижно. Онъ не плакалъ. Но, встрѣчая взглядъ Леонардо, злые глаза выражали робкую мольбу.

Матурина вопила, требуя, чтобы выпороли наконецъ этого бѣсенка: иначе онъ всѣмъ на шею сядетъ, и житья отъ него не будетъ.

— Тихе, тихе! Замолчите, ради Бога, — умолялъ Леонардо, и на лицѣ его было выраженіе страннаго малодушія, безпомощной слабости передъ семейнымъ бунтомъ.

Чезаре смѣялся и шепталъ, злорадствуя:

— Смотри́ть тошно!.. Мямля! Съ мальчишкой справиться не можетъ...

Когда, наконецъ, всѣ накричались вдоволь и мало-по-малу разошлись, Леонардо, подозвавъ Бельтраффіо, сказалъ ему ласково:

— Джіованни, ты еще не видѣлъ Тайной Вечери. Я туда иду. Хочешь со мной?

Ученикъ покраснѣлъ отъ радости.

V.

Они вышли на маленькій дворъ. Посрединѣ былъ колодець. Леонардо умылся. Несмотря на двѣ бессонныя ночи, онъ чувствовалъ себя свѣжимъ, веселымъ и бодрымъ.

День былъ туманный, безвѣтренный, съ блѣднымъ, точно подводнымъ свѣтомъ. Такіе дни художникъ любилъ для работы.

Пока они стояли у колодца, подошелъ Джякопо. Въ рукахъ держалъ онъ самодѣльную коробочку изъ древесной коры.

— Мессэръ Леонардо, — произнесъ мальчикъ боязливо, — вотъ — для васъ...

Онъ осторожно приподнялъ крышку. На днѣ коробки былъ громадный паукъ.

— Едва поймалъ, — объяснилъ Джякопо. — Въ щель между камнями ушелъ. Три дня просидѣлъ. Ядовитый!

Лицо мальчика вдругъ оживилось.

— А какъ мухъ-то ѣсть, — вотъ такъ страшно!

Онъ поймалъ муху и бросилъ въ коробку. Паукъ кинулся на добычу, схватилъ ее мохнатыми лапами, и жертва забилась, зажужжала все слабѣе, все тоньше.

— Сосеть, сосеть! Смотрите, — шепталъ мальчикъ, замирая отъ наслажденія. Глаза его горѣли жестокимъ любопытствомъ, и на губахъ дрожала неясная улыбка.

Леонардо тоже наклонился, глядя на чудовищное насѣкомое.

И вдругъ Джіованни показалось, что у нихъ обоихъ въ лицахъ

мелькнуло общее выраженіе, какъ будто, несмотря на бездну, отдѣляющую ребенка отъ художника, они сходились въ этомъ любопытствѣ къ ужасному.

Когда уха была съѣдена, Джьякопо бережно закрылъ коробочку и связалъ:

— Я къ вамъ на столъ отнесу, мессэръ Леонардо,—можетъ быть, вы еще посмотрите. Онъ съ другими пауками смѣшно дерется...

Мальчикъ хотѣлъ уйти, но остановился и поднялъ глаза съ умоляющимъ видомъ. Углы губъ его опустились и дрогнули.

— Мессэре,—произнесъ онъ тихо и важно,—вы на меня не сердитесь! Ну, что жъ,—я и самъ уйду, я давно думалъ, что надо уйти,—только не для нихъ,—мнѣ все равно, что они говорятъ,—а для васъ. Вѣдь я знаю, что я вамъ надоѣлъ. Вы одинъ добрый, а они злые, такіе же, какъ я, только притворяются, а я не умѣю. Я уйду и буду одинъ. Такъ лучше. Только вы меня все-таки простите...

Слезы заблестѣли на длинныхъ рѣсницахъ мальчика. Онъ повторилъ еще типе, потупившись:

— Простите, мессэръ Леонардо!.. А коробочку я отнесу. Пусть останется вамъ на память. Паукъ проживетъ долго. Я попрошу Астро, чтобы онъ получше кормилъ его...

Леонардо положилъ руку на голову ребенка:

— Куда ты пойдешь, мальчикъ? Оставайся. Марко тебя простятъ а я не сержусь. Ступай и впередъ постарайся не дѣлать зла никому..

Джьякопо молча посмотрѣлъ на него большими недоумѣвающими глазами, въ которыхъ сіяла не благодарность, а изумленіе—почти страхъ.

Леонардо отвѣтилъ ему тихой, доброй улыбкой и погладилъ по головѣ съ нѣжностью, какъ будто угадывая вѣчную тайну этого сердца, созданнаго природою злымъ и невиннымъ во злѣ.

— Пора,—молвилъ учитель,—пойдемъ, Джіованни.

Они вышли въ калитку и по безлюдной улицѣ между заборами садовъ, огородовъ и виноградниковъ направились къ монастырю Маріи Благодатной—*Maria delle Grazie*.

VI.

Послѣднее время Бельтраффіо опечаленъ былъ тѣмъ, что не могъ внести учителю условленной ежемѣсячной платы въ шесть флоринновъ. Дядя поссорился съ нимъ и не давалъ ни гроша. Джіованни бралъ деньги, чтобы заплатить за два мѣсяца, у фра Бенедетто. Но у монаха больше не было: онъ отдалъ ему послѣднія.

Джіованни хотѣлъ извиниться передъ учителемъ.

— Мессэре,—началъ онъ робко, заикаясь и краснѣя,—сегодня четырнадцатое, а я плачу десятого по условію. Мнѣ очень совѣстно... Но

вотъ у меня всего только три флорина. Можетъ быть, вы согласитесь подождать... Я скоро достану денегъ. Мэрула общалъ мнѣ переписку...

Леонардо посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ:

— Что ты, Джіованни? Господь съ тобой! Какъ тебѣ не стыдно говорить объ этомъ?

По смущенному лицу ученика, по неискуснымъ, жалобнымъ и стыдливымъ заплатамъ на старыхъ бапмакахъ съ протертыми веревочными швами, по изношенному платью, онъ понялъ, что Джіованни сильно нуждается.

Леонардо нахмурился и заговорилъ о постороннемъ.

Но черезъ нѣкоторое время съ небрежнымъ и какъ бы разсѣяннымъ видомъ пошарилъ въ карманѣ, вынулъ золотую монету и сказалъ:

— Джіованни, прошу тебя, зайдя потомъ въ лавку и купи мнѣ голубой бумаги для рисованія, листовъ двадцать, краснаго мѣла пачку, да хорьковыхъ кистей. Вотъ, возьми.

— Здѣсь дукать. На покупку десять сольди. Я принесу вамъ сдачи...

— Ничего не принесешь. Стоитъ говорить о такихъ пустякахъ... Успѣешь отдать. Больше о деньгахъ никогда и думать не смѣй,— слышишь?

Онъ отвернулся и молвилъ, указывая на утреннія туманныя очертанія лиственницъ, уходящихъ въ даль длиннымъ рядомъ по обонимъ берегамъ Навильо Гранде—канала, прямого какъ стрѣла.

— Замѣтилъ ты, Джіованни, какъ въ легкомъ туманѣ зелень деревьевъ становится воздушно-голубою, а въ густомъ—блѣдно-сѣрой?

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній о различіи тѣней, бросаемыхъ облаками на глѣтня, покрытыя листвою, и зимнія, безлиственныя горы.

Потомъ опять обернулся къ ученику и сказалъ:

— А вѣдь я знаю, почему ты вообразилъ, что я скряга. Готовъ побиться объ закладъ, что вѣрно угадалъ. Когда мы съ тобой говорили о мѣсячной платѣ, должно быть ты замѣтилъ, какъ я разспросилъ и записалъ въ памятную книжку все до послѣдней мелочи, сколько, когда, отъ кого. Только — видишь ли? — надо тебѣ знать, другъ мой, что у меня такая привычка, должно быть, отъ отца моего, нотаріуса Пьетро да Винчи, самаго точнаго и благоразумнаго изъ людей. Мнѣ она въ прокъ не пошла и въ дѣлахъ никакой пользы не приноситъ. Вѣришь ли, иногда самому смѣшно перечитывать, — такіе пустяки записываю! Могу сказать съ точностью, сколько данари стоило перо и бархатъ для новой шляпы Андреа Салаино, а куда тысячи дукатовъ уходятъ, — не знаю. Смотри же, — впередъ, Джіованни, не обращай вниманія на эту глупую привычку. Если тебѣ нужны деньги, бери и вѣрь, что я тебѣ даю, какъ отецъ—сыну...

Леонардо взглянулъ на него съ такою улыбкой, что на сердцѣ ученика сразу сдѣлалось легко и радостно.

Указывая спутнику на странную форму одного низкорослаго шелковичнаго дерева въ саду, мимо котораго они проходили, учитель замѣтилъ, что не только у каждаго дерева, но и у каждаго изъ листьевъ—особенная, единственная, болѣе нигдѣ никогда въ природѣ не повторяющаяся форма, какъ у каждаго человѣка—свое лицо.

Джіованни подумалъ, что онъ говоритъ о деревьяхъ съ тою же самой добротою, съ которой только что говорилъ объ его горѣ, какъ будто это вниманіе ко всему живому, обращалъ на природу, давало взгляду учителя проникательность ясновидящаго.

На низменной, плодородной равнинѣ изъ-за темно-зеленыхъ туттовыхъ деревьевъ выступила передъ ними церковь доминиканской обители Маріи дэлле Граціе, кирпичная, розовая, веселая на бѣломъ облачномъ небѣ, съ широкимъ ломбардскимъ куполомъ, подобнымъ шатру, съ глѣпными украшеніями изъ обожженной глины,—созданіе молодого Браманте.

Они вошли въ монастырскую трапезную.

VII.

Это была простая длинная зала съ голыми выбѣленными стѣнами, съ темными деревянными балками потолка, уходящими вглубь. Пахло теплою сыростью, ладономъ и застарѣлымъ чадомъ постныхъ блюдъ.

У простѣнка, ближайшаго ко входу, находился небольшой обѣденный столъ отца-игумена. По обѣимъ сторонамъ его—длинные, узкіе столы монаховъ.

Было такъ тихо, что слышалось жужжаніе мухи въ окнѣ съ пыльно-желтыми гранями стекла, углубленными какъ ячейки сотъ. Изъ монастырской кухни доносился говоръ, стукъ жегѣзныхъ сковородъ и кастрюль.

Въ глубинѣ трапезной, у стѣны, противоположной къ столу пріора, затянутой сѣрымъ грубымъ холстомъ, возвышались досчатые подмости.

Джіованни догадался, что подъ этимъ холстомъ—произведеніе, надъ которымъ учитель работалъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ,—«Тайная Вечера».

Леонардо взоселъ на подмости, отперъ деревянный ящикъ, гдѣ хранились подготовительные рисунки, картоны, кисти и краски, досталъ маленькую, исчерченную замѣтками на поляхъ, истрепанную латинскую книгу, подавъ ее ученику, и сказалъ:

— Прочти тринадцатую главу отъ Іоанна.

И откинулъ покрывало.

Когда Джіованни взглянулъ, въ первое мгновеніе ему показалось, что передъ нимъ не живопись на стѣнѣ, а дѣйствительная глубина воздуха, продолженіе монастырской трапезной,—точно другая комната открылась за отдернутой завѣсою, такъ что продольныя и поперечныя

балки потолка ушли въ нее, съживаясь въ отдаленіи, и свѣтъ дневной слился съ тихимъ вечернимъ свѣтомъ надъ голубыми вершинами Сіона, которыя видѣлись въ трехъ окнахъ этой новой трапезной, почти столь же простой, какъ монашеская, только обитой коврами, болѣе уютной и таинственной.

Длинный столъ, изображенный на картинѣ, похожъ былъ на тѣ, за которыми обѣдали монахи: такая же скатерть съ узорными, тонкими полосками, съ концами, завязанными въ узлы, и четырехугольными, нерасправленными складками, какъ будто еще немного влажная, только что взятая изъ монастырской кладовой, такіе же стаканы, тарелки, ножи, стеклянные сосуды съ виномъ.

И онъ въ Евангеліи прочелъ:

«Передъ праздникомъ Пасхи Иисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что, возлюбивъ своихъ, сущихъ въ мірѣ,—до конца возлюбилъ ихъ.

«И во время вечера, когда діаволъ уже вложилъ въ сердце Іудѣ Искаріоту предать Его,—возмущался духомъ, и засвидѣтельствовалъ, и сказалъ: аминь, аминь, глаголю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ меня.

«Тогда ученики озирались другъ на друга, недоумѣвая, о комъ онъ говорить.

«Одинъ же изъ учениковъ Его, котораго любилъ Иисусъ, возлежалъ у груди Иисуса.

«Ему Симонъ Петръ сдѣлалъ знакъ, чтобы спросилъ, кто это, о которомъ говорить.

«Онъ, припавши къ груди Иисуса, сказалъ ему: Господи, кто это?

«Иисусъ отвѣтилъ: тотъ, кому я, омочивъ хлѣбъ, подамъ. И омочивъ хлѣбъ, подалъ Іудѣ Симону Искаріоту.

«И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана».

Джіованни поднялъ глаза на картину.

Лица апостоловъ дышали такою жизнью, что онъ какъ будто слышалъ ихъ голоса, заглядывалъ въ глубину ихъ сердецъ, смущенныхъ самымъ непонятнымъ и ужаснымъ изъ всего, что когда-либо совершалось въ мірѣ,—рожденіемъ зла, отъ котораго Богъ долженъ умереть.

Особенно поразили Джіованни Іуда, Іоаннъ и Петръ. Голова Іуды не была еще написана, только тѣло, откинутое назадъ, слегка очерчено. Сжимая въ судорожныхъ пальцахъ мопну со серебряниками, нечаяннымъ движеніемъ руки опрокинулъ онъ солонку,—и соль просыпалась.

Петръ, въ порывѣ гнѣва, стремительно вскочилъ изъ-за него, правой рукой схватилъ ножъ, лѣвую опустилъ на плечо Іоанна, какъ бы вопрошая любимаго ученика Иисусова: «кто предатель?»—и старая, серебрясто-сѣдая, лучезарно-гнѣвная голова его сіяла тою огненною ревностью, жаждою подвига, съ которою нѣкогда онъ долженъ былъ

воскликнуть, понявъ неизбежность страданій и смерти Учителя: «Господи, почему я не могу идти за тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя».

Ближе всѣхъ ко Христу былъ Іоаннъ; мягкіе какъ шелкъ, гладкіе вверху, книзу вьющіеся волосы, опущенныя вѣки, отягченныя нѣгою сна, покорно сложенные руки, лицо съ продолговато-круглымъ очеркомъ,—все дышало въ немъ небесной тишиной и ясностью. Одинъ изъ всѣхъ учениковъ, онъ больше не страдалъ, не боялся, не гнѣвался. Въ немъ исполнилось слово Учителя: «да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ».

Джіованни смотрѣлъ и думалъ:

— Такъ вотъ, кто Леонардо! А я еще сомнѣвался, едва не повѣрилъ клеветѣ! Человѣкъ, который содалъ это,—безбожникъ! Да кто же изъ людей ближе ко Христу, чѣмъ онъ!»

Окончивъ нѣжными прикосновениями кисти лицо Іоанна, и взявъ изъ ящика кусокъ угля, учитель пытался сдѣлать очеркъ головы Іисуса.

Но ничего не выходило.

Обдумывая десять лѣтъ эту голову, онъ все еще не умѣлъ набросать даже перваго очерка.

И теперь, какъ всегда, передъ гладкимъ бѣлымъ мѣстомъ въ картинѣ, гдѣ долженъ былъ и не могъ явиться ликъ Господа, художникъ чувствовалъ свое бессіе и недоумѣніе.

Отбросивъ уголь, онъ стеръ губкою легкій слѣдъ его и погрузился въ одно изъ тѣхъ размышленій передъ картиной, которыя длились иногда цѣлыми часами.

Джіованни взошелъ на подмостки, тихонько приблизился къ нему и увидѣлъ, что мрачное, угрюмое, точно постарѣвшее лицо Леонардо выражало упорное напряженіе мысли, подобное отчаянію. Но, встрѣтивъ взоръ ученика, онъ молвилъ привѣтливо:

— Что скажешь, другъ?

— Учитель, что могу я сказать? Это—прекрасно, прекраснѣе всего, что есть въ мірѣ. И этого никто изъ людей не понялъ, кромѣ васъ. Но лучше не говорить. Я не умѣю...

Слезы задрожали въ голосѣ его.

Онъ прибавилъ тихо, какъ будто съ боязнью:

— И вотъ, что я еще думаю и не повимаю: какимъ должно быть лицо Іуды среди такихъ лицъ?..

Учитель досталъ изъ ящика рисунокъ на клочкѣ бумаги и показалъ ему.

Это было лицо страшное, но не отталкивающее, даже не злобное,—только полное безконечною скорбью и горечью познанія.

Джіованни сравнилъ его съ лицомъ Іоанна.

— Да,—произнесъ онъ шопотомъ,—это онъ! Тотъ, о комъ сказано: «вошелъ въ него сатана». Онъ, можетъ быть, зналъ больше всѣхъ, но не принялъ этого слова: «да будутъ всѣ едино». Онъ самъ хотѣлъ быть одинъ...

Въ трапезную вошелъ Чезаре да Сесто съ человѣкомъ въ одеждѣ придворныхъ истопниковъ.

— Наконецъ-то, нашли мы васъ!—воскликнулъ Чезаре,—Повсюду ищемъ... Отъ герцогини по важному дѣлу, мастеръ.

— Не угодно ли будетъ вашей милости пожаловать во дворецъ,—добавилъ истопникъ почтительно.

— Что случилось?

— Бѣда, мессэръ Леонардо! Въ баняхъ трубы не дѣйствуютъ, да еще, какъ на грѣхъ, сегодня утромъ, только что герцогиня изволила въ ванну сѣсть, а служанка за бѣльемъ вышла въ сосѣднюю горницу. ручка на кранѣ съ горячей водою сломалась, такъ что ихъ свѣтлость никакъ не могли воду остановить. Хорошо, что успѣли выскочить изъ ванны. Едва кипяткомъ не обожглись. Очень изволятъ гнѣваться: мессэръ Амброджіо да Феррари, управляющій, жалуются, говорятъ, — неоднократно предупреждали вашу милость о неисправности трубъ...

— Вздоръ!—молвилъ Леонардо.—Видишь, я занятъ. Ступай къ Зо-роастро. Онъ въ полчаса поправитъ.

— Никакъ нѣтъ, мессэре! Безъ васъ не велѣно приходиться...

Не обращая на него вниманія, Леонардо хотѣлъ опять приняться за работу. Но, взглянувъ на пустое мѣсто для головы Иисуса, поморщился съ досадою, махнулъ рукою, какъ бы вдругъ понявъ, что и на этотъ разъ ничего не выйдетъ, заперъ ящикъ съ красками и сошелъ съ подмостокъ.

— Ну, пойдѣмъ, все равно! Приходи за мной на большой дворъ замка, Джіованни. Чезаре тебя проводитъ. Я буду ждать васъ у Коня.

Этотъ Конь былъ памятникъ покойнаго герцога Франческо Сфорца.

И къ изумленію Джіованни, не оглянувшись на «Тайную Вечерю», какъ будто радуясь предлогу уйти отъ работы, учитель пошелъ съ истопникомъ чинить трубы для спуска грязной воды въ герцогскихъ баняхъ.

— Что? Насмотрѣться не можешь?—обратился Чезаре къ Бельтраффіо.—Пожалуй, оно и вправду удивительно, пока не раскусишь...

— Что ты хочешь сказать?

— Нѣтъ, такъ... Я не буду разувѣрять тебя. Можетъ быть и самъ увидишь. Ну, а пока—умиляйся...

— Прошу тебя, Чезаре, скажи прямо все, что ты думаешь.

— Изволь. Только чуръ, потомъ не сердись и не пеняй за правду. Впрочемъ, я знаю все, что ты скажешь, и спорить не буду. Конечно, это—великое произведеніе. Ни у одного мастера не было такого знанія анатоміи, перспективы, законовъ свѣта и тѣни. Еще бы! Все съ природы списано—каждая морщинка въ лицахъ, каждая складка на скатерти. Но духа живого здѣсь нѣтъ. Бога нѣтъ и не будетъ. Все мертво—внутри, въ сердцѣ мертво! Ты только взглядишь, Джіованни, какая геометрическая правильность, какіе треугольники: два созерцательныхъ, два дѣятельныхъ, средоточіе во Христѣ. Вонъ по правую сторону—со-

зерцательный, совершенное добро — въ Іоаннѣ, совершенное зло — въ Іудѣ, различіе добра отъ зла, справедливость—въ Петрѣ. А рядомъ—треугольникъ дѣятельный—Андрей, Іаковъ Младшій, Вареломей. И по лѣвую сторону отъ центра—опять созерцательный,—любовь Филиппа, вѣра Іакова Старшаго, разумъ Ѳомы—и снова треугольникъ дѣятельный. Геометрія вмѣсто вдохновенія, математика—вмѣсто красоты! Все обдумано, рассчитано, изложено разумомъ до тошноты, испытано до отвращенія, взвѣшено на вѣсахъ, измѣрено циркулемъ. Подъ святыней—кощунство!

— О, Чезаре!—произнесъ Джіованни съ тихимъ упрекомъ, — какъ ты мало знаешь учителя! И за что ты такъ его не любишь?..

— А ты знаешь его и любишь? — быстро обернувъ къ нему лицо, молвилъ Чезаре съ язвительной усмѣшкой.

Въ глазахъ его сверкнула такая неожиданная злоба, что Джіованни невольно потупился.

— Ты несправедливъ, Чезаре, — прибавилъ онъ, помолчавъ.—Картина не кончена: Христа еще нѣтъ.

— А будетъ Христось? Ты увѣренъ, Джіованни, что Онъ будетъ? Ну, что же, посмотримъ! Только помяни мое слово: «Тайной Вечери» мессеръ Леонардо не окончитъ никогда, ни Христа, ни Іуды не напишетъ. Ибо—видишь ли, другъ мой,—математикой, знаемъ, опытомъ многого достигнешь, но не всего. Тутъ нужно другое. Тутъ предѣлъ, котораго онъ со всей своей наукой не переступитъ!

Они вышли изъ монастыря и направились къ замку Кастелло ди Порта Джіовіа.

— По крайней мѣрѣ въ одномъ, Чезаре, ты навѣрное ошибаешься, — сказалъ Бельтраффіо, — Іуда уже есть...

— Какъ есть? Гдѣ?

— Я видѣлъ самъ.

— Когда?

— Только что, въ монастырѣ. Онъ мнѣ показывалъ рисунокъ...

— Тебѣ? Вотъ какъ!

Чезаре посмотрѣлъ на него и молвилъ медленно, какъ будто съ усиленіемъ:

— Ну и что же, — хорошо?

Джіованни молча кивнулъ головою. Чезаре ничего не отвѣтилъ и во всю дорогу уже больше не заговаривалъ, погруженный въ задумчивость.

IX.

Они подошли къ воротамъ замка и черезъ Баттипонте—подземный мостъ, вступили въ башню южной стѣны, Торре-ди-Филарете, со всѣхъ сторонъ окруженную водою глубокихъ рововъ. Здѣсь было мрачно, душно, пахло казармою, хлѣбомъ, навозомъ и овсянкою. Эхо подъ гулками сводами повторяло разноязычный гоноръ, смѣхъ и ругательства наемниковъ.

Чезаре имѣлъ пропускъ. Но Джіованни, какъ незнакомаго, осмотрѣли подозрительно и записали имя его въ караульную книгу.

Черезъ второй подъемный мостъ, гдѣ подвергли ихъ новому осмотру, вступили они на пустынную внутреннюю площадь замка, такъ называемую Пьяццу д'Арме—Марсово Поле.

Прямо передъ ними чернѣла зубчатая башня Боны Савойской надъ Мертвыми Рвомъ,—Фоссато Мурто. Справа былъ входъ въ почетный дворъ—Кортэ Дукале, слѣва—въ самую неприступную часть замка,—крѣпость Рокэтту, настоящее орлиное гнѣздо.

Посерединѣ площади виднѣлись деревянные лѣса, окруженные небольшими пристройками, заборами и навѣсами изъ досокъ, сколоченныхъ на скорую руку, но уже потемнѣвшихъ отъ старости, кое-гдѣ покрытыхъ пятнами желто-сѣрыхъ лишавей.

Надъ этими заборами и лѣсами возвышалось глиняное изваяніе, называвшееся Колоссомъ, въ двѣнадцать локтей вышины, конная статуя работы Леонардо да Винчи.

Гигантскій конь изъ темно-зеленой глины выдѣлялся на облачномъ небѣ. Онъ взвился на дыбы, попирая копытами война. Побѣдитель простиралъ герцогскій жезлъ. Это былъ великій кондоттьерь Франческо Сфорца, искатель приключеній, продававшій кровь свою за деньги,—полусолдатъ, полуразбойникъ. Сынъ бѣднаго романьольскаго землепашца, вышелъ онъ изъ народа, сильный, какъ левъ, хитрый, какъ лиса, достигъ вершины власти злодѣянїями, подвигами, мудростью и умеръ на престолѣ миланскихъ герцоговъ.

Лучъ блѣднаго влажнаго солнца упалъ на Колосса.

Джіованни прочелъ въ этихъ жирныхъ морщинахъ двойного подбородка, въ страшныхъ глазахъ, полныхъ хищною зоркостью, добродушное спокойствіе сытаго звѣря. На подножїи памятника увидѣлъ онъ запечатлѣнное въ мягкой глинѣ рукой самого Леонардо, двуступище:

Expectant animi molemque futuram
Suspiciunt; fluat aes; vox crit: Ecce deus!

Его поразили два послѣднія слова: *Ecce deus!*—Се богъ!

— Богъ,—повторилъ Джіованни, взглянувъ на глинянаго Колосса, на человѣческую жертву, попираемую конемъ триумфатора, Сфорца-Насильника, и вспомнилъ безмолвную трапезную въ обители Марїи Благодатной, голубыя вершины Сїона, небесную прелесть лица Іоанна и тишину послѣдней Вечери Того Бога, о которомъ сказано: *Ecce homo!*—Се—человѣкъ!

Къ Джіованни подошелъ Леонардо.

— Я кончилъ работу. Пойдемъ. А то опять позовутъ во дворецъ. Тамъ, кажется, кухонныя трубы испортились,—дымятъ. Надо улизнуть, пока не замѣтили.

Джіованни стоялъ молча, потупивъ глаза. Лицо его было блѣдно-

— Простите, учитель!.. Я думаю и не понимаю, какъ вы могли создавать этого Колосса и Тайную Вечерю вмѣстѣ, въ одно и то же время?

Леонардо посмотрѣлъ на него съ простодушнымъ удивленіемъ.

— Чего же ты не понимаешь?

— О, мессеръ Леонардо, развѣ вы не видите сами? Этого нельзя— вмѣстѣ...

— Напротивъ, Джіованни. Я думаю, что одно помогаетъ другому. Лучшія мысли о Тайной Вечери приходятъ мнѣ именно здѣсь, когда я работаю надъ Колоссомъ и наоборотъ тамъ, въ монастырѣ, я люблю обдумывать памятникъ. Это два близнеца. Я вмѣстѣ ихъ началъ,— вмѣстѣ кончу.

— Вмѣстѣ! Этотъ человѣкъ и Христосъ! Нѣтъ, нѣтъ, учитель, не можетъ быть!..—воскликнулъ Бельтраффіо и, не умѣя лучше выразить своей мысли, но чувствуя, какъ сердце его возмущается нестерпимымъ противорѣчіемъ, онъ повторялъ:

— Этого не можетъ быть!..

— Почему не можетъ?—молвилъ учитель съ ясной улыбкой.

Джіованни хотѣлъ что-то сказать, но, встрѣтивъ взоръ спокойныхъ недоумѣвающихъ глазъ Леонардо, понялъ, что нельзя ничего сказать, что все равно—онъ не пойметъ.

— Когда я смотрѣлъ на Тайную Вечерю,—думалъ Бельтраффіо,— мнѣ казалось, что я узналъ его. И вотъ опять я ничего не знаю. Кто онъ? Кому изъ двухъ сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ: *Се—богъ*. Или Чезаре правъ, и въ сердцѣ Леонардо нѣтъ Бога?

X.

Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Джіованни вышелъ, мучимый бессонницей, на дворъ и сѣлъ у крыльца на скамью подъ навѣсомъ виноградныхъ лозъ.

Дворъ былъ четырехугольный, съ колодцемъ посерединѣ. Ту сторону, которая была за спиной Джіованни, занимала стѣна дома, противъ него были конюшни, слѣва—каменная ограда съ калиткою, выходившею на большую дорогу къ Порта Верчеллина, справа—стѣна маленькаго сада, и въ ней—дверца всегда запиравшаяся на замокъ, потому что въ глубинѣ этого сада было отдѣльное зданіе, куда хозяинъ не пускалъ никого, кромѣ Астро, и гдѣ онъ часто работалъ въ совершенномъ уединеніи.

Ночь была тихая, теплая и сырая. Душный туманъ—пропитанъ мутнымъ луннымъ свѣтомъ.

Въ запертую калитку стѣны, выходившей на большую дорогу, слышался стукъ.

Ставля одного изъ нижнихъ оконъ открылась, высунулся человѣкъ и спросилъ:

— Мона Кассандра?

— Я. Отѣпри.

Изъ дома вышелъ Астро и отперъ.

Во дворъ вступила женщина, одѣтая въ бѣлое платье, казавшееся на лунѣ зеленоватымъ, какъ туманъ.

Сначала они поговорили у калитки. Потомъ прошли мимо Джіованни, не замѣтивъ его, окутаннаго черною тѣнью отъ выступа крыльца и виноградныхъ лозъ.

Дѣвушка присѣла на невысокій край колодца.

Лицо у нея было странное, равнодушное и неподвижное, какъ у древнихъ изваяній: низкій лобъ, прямыя брови, слишкомъ маленький подбородокъ и глаза прозрачно-желтые, какъ янтарь. Но больше всего поразили Джіованни волосы: сухіе, пушистые, легкіе, точно обладавшіе отдѣльною жизнью,—какъ змѣи Медузы, окружали они голову чернымъ ореоломъ, отъ котораго лицо казалось еще блѣднѣе, алыя губы—ярче, желтые глаза—прозрачнѣе.

— Ты, значитъ, тоже слышалъ, Астро, о братѣ Анжело?—сказала дѣвушка.

— Да, монна Кассандра. Говорятъ, онъ посланъ папою для искорененія всякихъ ересей и черной магіи. Какъ послушаешь, что добрые люди сказываютъ объ отцахъ инквизиторахъ,—морозъ по кожѣ подираетъ. Не дай Богъ попасть имъ въ лапы! Будьте осторожнѣе. Предупредите вашу тетку...

— Какая она мнѣ тетка!

— Ну, все равно, эту мону Сидонію, у которой вы живете.

— А ты думаешь, кузнецъ, что мы вѣдьмы?

— Ничего я не думаю! Мессаръ Леонардо подробно объяснилъ и доказалъ мнѣ, что никакого колдовства нѣтъ и быть не можетъ, по законамъ природы. Мессаръ Леонардо все знаетъ и ни во что не вѣритъ...

— Ни во что не вѣритъ,—повторила монна Кассандра,—въ чорта не вѣритъ? А въ Бога?

— Не смѣйтесь! Онъ человѣкъ праведный.

— Я не смѣюсь... А только, знаешь ли, Астро, какіе бываютъ забавные случаи? Мнѣ рассказывали, что у одного великаго безбожника отцы инквизиторы нашли договоръ съ дьяволомъ, въ которомъ этотъ человѣкъ обязывался отрицать, на основаніи логики и естественныхъ законовъ, существованіе вѣдьмъ и силу чорта, дабы, избавивъ слугъ сатанинскихъ отъ преслѣдованій святѣйшей инквизиціи, тѣмъ самымъ укрѣпить и умножить царство дьявола на землѣ. Вотъ почему говорятъ: быть колдуномъ—ересь, не вѣрить въ колдовство—дважды ересь. Смотри же, кузнецъ, не выдавай своего учителя,—никому не сказывай, что онъ не вѣритъ въ черную магію.

Сначала Зороастро смутился отъ неожиданности, потомъ сталъ возражать, оправдывая Леонардо. Но дѣвушка перебила его:

— А что,—какъ у васъ летательная машина? Скоро будетъ готова?

Кузнецъ только махнулъ рукою.

— Готова, какъ бы не такъ! Все съизнова передѣлывать будемъ.

— Ахъ, Астро, Астро! И охота тебѣ вѣрить такому вздору! Развѣ ты не понимаешь, что всѣ эти машины только для отводу глазъ? Мес-сѣръ Леонардо, я полагаю, давно уже летаетъ...

— Какъ летаетъ?

— Да вотъ такъ же, какъ я.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ раздумьи.

— Можетъ быть, это вамъ только снится, мона Кассандра?

— А какъ же другіе видятъ? Или ты объ этомъ не слышалъ?

Кузнецъ въ нерѣшительности почесалъ у себя за ухомъ.

— Впрочемъ я и забыла,—продолжала она съ насмѣшкою,—вы вѣдь тутъ люди ученые, ни въ какія чудеса не вѣрите, у васъ все механика!

— Ну ее къ чорту! Вотъ она мнѣ гдѣ, эта механика!—указалъ кузнецъ на свой затылокъ.

Потомъ, сложивъ руки съ мольбою, воскликнулъ:

— Мона Кассандра! Вы знаете, я человѣкъ вѣрный. Да мнѣ и болтать невыгодно. Того и гляди братъ Анжело самихъ притянетъ. Скажите же, сдѣлайте милость, скажите мнѣ все въ точности...

— Что сказать?

— Какъ вы летаете?

— Вонъ ты чего захотѣлъ! Ну, вѣтъ,—этого я тебѣ не скажу. Много будешь знать, рано состаришься.

Она помолчала. Потомъ, заглянувъ ему прямо въ глаза долгимъ взглядомъ, прибавила тихо:

— Что тутъ говорить! Дѣлать надо.

— А что нужно?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, немного блѣднѣя.

— Слово знать, и зелье такое есть, чтобы тѣло мазать.

— У васъ есть?

— Есть.

— И слово знаете?

Дѣвушка кивнула головою.

— И полечу?

— Попробуй. Увидишь,—это вѣрнѣе механики!

Единственный глазъ кузнеца загорѣлся огнемъ безумнаго желанія.

— Мона Кассандра, дайте мнѣ вашего зелья!

Она засмѣялась тихимъ страннымъ смѣхомъ.

— И чудакъ же ты, Астро! Только что самъ называлъ тайны ма-гии глупыми бреднями, а теперь вдругъ повѣрилъ.

Астро потупился съ унылымъ, упрямымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Я хочу попробовать. Мнѣ вѣдь все равно—чудомъ или механикой—только бы полетѣть! Я больше ждать не могу...

Дѣвушка положила ему руку на плечо.

— Ну, Богъ съ тобой! Мнѣ тебя жаль. Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго съ ума сойдешь, если не полетишь. Ужъ такъ и быть, дамъ я тебѣ зелья и слово скажу. Только и ты, Астро, сдѣлай то, о чемъ я тебя попрошу.

— Сдѣлаю, мона Кассандра, сдѣлаю все! Говорите.

Дѣвушка указала на мокрую черепичную крышу, блестящую за стѣною сада въ лунномъ туманѣ.

— Пусти меня туда.

Астро нахмурился и покачалъ головою.

— Нѣтъ, нѣтъ... Все, что хотите, только не это!

— Почему?

— Я слово далъ мастеру не пускать никого.

— А самъ былъ?

— Былъ.

— Что же тамъ такое?

— Да никакихъ тайнъ. Право же, мона Кассандра, ничего любопытнаго. Машины, приборы, книги, рукописи, есть и рѣдкіе цвѣты, животныя, насѣкомыя: ему путешественники привозятъ изъ далекихъ странъ. И еще одно дерево—ядовитое...

— Какъ ядовитое?

— Такъ,—для опытовъ. Онъ отравилъ его, изучая дѣйствіе ядовъ на растенія.

— Прошу тебя, Астро, расскажи мнѣ все, что ты знаешь объ этомъ деревѣ.

— Да тутъ и рассказывать нечего. Раннею весною, когда она было въ соку, пробуравилъ отверстіе въ стволѣ до сердцевины и поюлю, длинною иглою вбрызгивалъ какой-то жидкости.

— Странные опыты! Какое же это дерево?

— Персиковое.

— Ну, и что же? Плоды налились ядомъ?

— Налются, когда созрѣютъ.

— И видно, что они отравлены?

— Нѣтъ, не видно. Вотъ почему онъ и не пускаетъ никого: можно соблазниться красотой плодовъ, съѣсть и умереть.

— Ключъ у тебя?

— У меня.

— Дай ключъ, Астро!

— Что вы, что вы, мона Кассандра! Я поклялся ему...

— Дай ключъ!—повторила Кассандра.—Я сдѣлаю такъ, что ты въ эту же ночь полетишь, слышишь,—въ эту же ночь! Смотри, вотъ зелье.

Она вынула изъ-за пазухи и показала ему стеклянный пузырекъ, наполненный темною жидкостью, слабо блеснувшей въ лунномъ свѣтѣ, и, приблизивъ къ нему лицо, прошептала вкрадливо:

— Чего ты боишься, глупый? Самъ же говоришь, что нѣтъ никакихъ тайнъ. Мы только войдемъ и посмотримъ... Ну же, дай ключъ!

— Оставьте меня, — проговорилъ онъ, — я все равно не пущу, и земля мѣй вашего не надо. Уйдите!

— Трусъ! — молвила дѣвушка съ презрѣніемъ. — Ты могъ бы и не смѣешь знать тайны. Теперь я вижу, что онъ колдунъ и обманываетъ тебя, какъ ребенка...

Онъ молчалъ угрюмо, отвернувшись.

Дѣвушка опять подошла къ нему:

— Ну, хорошо, Астро, не надо... Я не войду. Только открой дверь и дай посмотрѣть...

— Не войдете?

— Нѣтъ, только открой и покажи.

Онъ вынулъ ключъ и отперъ.

Джіованни, тихонько приставъ, увидѣлъ въ глубинѣ маленькаго сада, окруженнаго стѣнами, обыкновенное персиковое дерево. Но въ блѣдномъ туманѣ, подъ мутно-зеленымъ луннымъ свѣтомъ, оно показалось ему зловѣщимъ и призрачнымъ.

Стоя у порога, дѣвушка смотрѣла съ жаднымъ любопытствомъ широко-открытыми глазами. Потомъ сдѣлала шагъ впередъ, чтобы войти. Кузнецъ удержалъ ее.

Она боролась, скользила между руками его, какъ змѣя.

Онъ оттолкнулъ ее, такъ что она едва не упала. Но тотчасъ выпрямилась и посмотрѣла на него въ упоръ. Блѣдное, точно мертвое лицо ея было злобно и страшно. Въ эту минуту она въ самомъ дѣлѣ была похожа на вѣдьму.

Кузнецъ заперъ дверь сада и не, прощаясь съ моной Кассандрой, вошелъ въ домъ.

Она проводила его глазами. Потомъ быстро прошла мимо Джіованни и выскользнула въ калитку на большую дорогу къ Порту Верчеллина.

Наступила тишина. Туманъ еще сгустился. Все исчезало и таяло въ немъ.

Джіованни закрылъ глаза. Передъ нимъ встало, какъ въ видѣніи, страшное дерево съ тяжелыми каплями на мокрыхъ листьяхъ, съ ядовитыми плодами въ мутно-зеленомъ лунномъ свѣтѣ, и вспомнились ему слова Писанія:

«Заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.

«А отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЯДОВИТЫЕ ПЛОДЫ.

1495.

И сказала змѣй женѣ: нѣтъ не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло.

Книга Бытія, III, 4—5.

Faciendo un bucho con un succiello dentro un albusciello e chacciaudovi arsenicho e risalghallo e sollimato stemperati con acqua argente, a forza di fare e sua frutti velenosi.

Leonardo da Vinci

Пробуравивъ отверстие въ стволѣ молодого дерева, вбрызни въ него мышьяку и реалгару и сусеми, разведенныхъ на спирту, дабы сдѣлать плоды ядовитыми.

Leonardo da Vinci.

I.

Герцогиня Беатриче каждую пятницу мыла голову и золотила себѣ волосы. Послѣ крашенія надо было сушить ихъ на солнцѣ.

Съ этою цѣлью устраивались такъ называемыя «альтаны» — выпики, окруженныя перилами, на крышахъ домовъ.

Герцогиня сидѣла на такой вышкѣ надъ громаднымъ загороднымъ дворцомъ герцогской виллы Сфорцески, на правомъ берегу Тичино, близъ крѣпости Виджевано, среди великолѣпныхъ пастбищъ и вѣчно-зеленыхъ поемныхъ луговъ провинці Ломеллины, терпѣливо вынося палящій зной солнца, въ то время, когда и работники съ волами уходятъ для отдыха въ тѣнь.

Ее облекала просторная, изъ бѣлаго шелку накидка безъ рукавовъ, — «скіавонетто». На головѣ была соломенная шляпа, — «солнцевикъ», для предохраненія лица отъ загара. Позолоченные волосы, блестящіе на солнцѣ, выпущенные изъ круглаго отверстия шляпы, раскинуты были по широкимъ полямъ. Желтолицая рабыня-черкешенка смачивала волосы губкою, насаженною на остріе веретена. Татарка, съ узкими косыми щелями глазъ, чесала ихъ гребнемъ изъ слоновой кости.

Жидкость для золоченія приготовлялась изъ майскаго сока корней орѣшника, шафрана, бычачьей желчи, ласточкина помета, сѣрой амбры, жженыхъ медвѣжьихъ когтей и ящеричнаго масла.

Рядомъ, подъ наблюденіемъ самой герцогини, на треножникѣ съ почти невидимымъ отъ солнца, поблѣднѣвшимъ пламенемъ, въ длинноносой ретортѣ, на подобіе тѣхъ, которыя употреблялись алхимиками,

кипѣла розовая мускатная вода съ драгоцѣнною виверрою, адрагантовой камедью и любистокомъ.

Обѣ служанки обливались потомъ. Даже комнатная собачка герцогини не находила себѣ мѣста на знойной вышкѣ, укоризненно шурялась на свою хозяйку, тяжело дышала, высунувъ языкъ, и не ворчала, по обыкновенію, въ отвѣтъ на заигрыванія вертлявой мартышки. Обезьяна была довольна жарою такъ же, какъ негртенокъ, державшій зеркало, оправленное въ жемчугъ и перламутръ.

Несмотря на то, что Беатриче постоянно желала придать лицу своему строгость, движеніямъ плавность, которыя приличествовали ея сану,—трудно было повѣрить, что ей девятнадцать лѣтъ, что у нея двое дѣтей и что она уже три года замужемъ. Въ ребяческой полнотѣ смуглыхъ щекъ, въ невинной складкѣ на тонкой шеѣ подъ слишкомъ круглыми и пухлыми подбородкомъ, въ толстыхъ губахъ, сурово сжатыхъ, точно всегда немного надутыхъ и капризныхъ, въ узкихъ плечахъ, въ плоской груди, въ угловатыхъ, порывистыхъ, иногда почти мальчишескихъ движеніяхъ видна была школьница, избалованная, своенравная, безъ удержу рѣзвая и самолюбивая. А, между тѣмъ, въ твердыхъ, ясныхъ какъ ледъ, коричневыхъ глазахъ ея свѣтился расчетливый умъ. Самый проникательный изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, посолъ Венеціи, Маріно Сануто, въ тайныхъ письмахъ увѣрялъ сивьорію, что эта дѣвочка въ политикѣ—настоящій кремь, что она болѣе себѣ на умѣ, чѣмъ герцогъ Лодовико, мужъ ея, который отлично дѣлаетъ, слушаясь своей жены во всемъ.

Комнатная собачка сердито и хрипло залаяла.

По крутой лѣсенкѣ, соединявшей альтану съ уборными и гардеробными покаями, взшла, кряхтя и охая, старуха въ темномъ вдвоемъ платьѣ. Одной рукой перебирала она четки, въ другой держала костыль. Морщины лица ея казались бы почтенными, если бы не приторная сладость улыбки, мышинное проворство глазъ.

— О-хо-хо, старость не радости! Едва вползла... Господь да пошлетъ добраго здравія вашей свѣтлости,—сказала старуха и, работливо приподнявъ съ полу край умывальнаго скіавонетто, приложилась къ нему губами.

— А, мона Сидонія! Ну что,—готово?

Старуха вынула изъ мѣшка тщательно завернутую и закупоренную стеклянку съ мутною, бѣлесоватою жидкостью, —молокомъ ослицы и рыжей козы, настоенномъ на дикомъ бадьянѣ, корняхъ спаржи и луковцахъ бѣлыхъ лилій.

— Денька два еще надо бы въ тепломъ лошадиномъ навозѣ продержать. Ну, да все равно,—полагаю, и такъ поспѣло. Только передъ тѣмъ, какъ умываться, велите сквозь войлочное цѣдило пропустить. Намочите мякоть сдобнаго хлѣба и личико извольте вытирать столько времени, сколько нужно, чтобы три раза прочесть «Вѣрую». Черезъ пять недѣль всякую смуглоту снять. И отъ прыщиковъ помогаетъ».

— Послушай, старуха,—молвила Беатриче,—можетъ быть въ этомъ умываніи опять какая-нибудь гадость, которую вѣдьмы въ черной магіи употребляютъ, вродѣ змѣйнаго сала, крови удода и порошка лягушкѣ, сушеныхъ на сковородѣ, какъ въ той мази для вытравленія волосъ на родинкахъ, которую ты мнѣ намедни приносила. Тогда лучше скажи прямо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость! Не вѣрьте тому, что люди болтаютъ. Я работаю на чистоту, безъ обмана. Какъ кто хочетъ. Вѣдь и то сказать, иногда безъ дряни не обойдешься: вотъ, наприимѣръ, досточтимая мадонна Анжелика цѣлое прошлое гѣто псиною мочою голову мыла, чтобы не облысѣть, и еще Бога благодарила, что помогло!

Потомъ, наклонившись къ уху герцогини, начала она рассказывать послѣднюю городскую новость о томъ, какъ молоденькая жена главнаго консула соляного приказа, прелестная мадонна Филиберта, измѣняетъ мужу и забавляется съ прїѣзжимъ испанскимъ рыцаремъ.

— Ахъ ты, старая сводня!—полушутливо погрозила ей пальцемъ Беатриче, видимо наслаждаясь сплетнею,—сама же соблазнила несчастную...

— И, полноте, ваша свѣтлость, какая она несчастная! Поетъ, словно птичка,—радуется, каждый день меня благодарить. Воистину, говорить, я только теперь познала, сколь великая существуетъ разница между поцѣлуями мужа и любовника...

— А грѣхъ? Неужели совѣсть ее не мучитъ?

— Совѣсть? Видите ли, ваша свѣтлость: хотя монахи и поны утверждаютъ противное, но я такъ думаю, что любовный грѣхъ—самый естественный изъ грѣховъ. Достаточно нѣсколькихъ капель святой воды, чтобы смыть его. Къ тому же, измѣняя супругу, мадонна Филиберта тѣмъ самымъ, какъ говорится, платитъ ему пирогомъ за ватрушку и, если не совершенно заглаживаетъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма облегчаетъ передъ Богомъ его собственные грѣхи.

— А развѣ слышно, что и мужъ?..

— Навѣрное не знаю. Но всѣ они на одинъ ладъ, ибо, полагаю, нѣтъ на свѣтѣ такого мужа, который лучше не согласился бы имѣть одну руку, чѣмъ одну жену.

Герцогиня разсмѣялась.

— Ахъ, мона Сидонія, на тебя и сердиться нельзя! Откуда ты берешь такія словечки?

— Да ужъ вѣрьте старухѣ,—все, что говорю,—святая правда! Я вѣдь тоже въ дѣлахъ совѣсти соломенку отъ бревна отличить слумѣю... Всякому овощу свое время. Не утолившись въ юности любовью, наша сестра на старости гѣтъ мучится такимъ раскаяніемъ, что оно доводитъ ее до когтей дьявола.

— Ты разсуждаешь, какъ магистръ богословія!

— Я женщина неученая. Но отъ всего сердца говорю, ваша свѣтлость! Цвѣтущая юность дается въ жизни только разъ, ибо какому

чорту—прости Господи,—мы, бѣдныя женщины, годны, состарившись? Развѣ на то, чтобы сторожить золу въ камелькахъ. Прогонять насъ на кухню мурлыкать съ кошками, пересчитывать горшки да противни. Сказано: молодыцамъ покормиться, а старухамъ подавиться. Красота безъ любви—все равно, что обѣдня безъ Отче Нашъ, а ласки мужа унылы, какъ игры монахинь.

Герцогиня опять разсмѣялась.

— Какъ? Какъ? Повтори!

Старуха посмотрѣла на нее внимательно, и, должно быть разсчитавъ, что достаточно позабавила пустяками, опять наклонилась къ уху ея и зашептала.

Беатриче перестала смѣяться. Тѣнь пробѣжала по ея лицу.

Она сдѣлала знакъ. Рабыни удалились. Только негритенокъ остался на вышкѣ: онъ не понималъ по-итальянски.

Ихъ окружало тихое небо, блѣдное, какъ будто помертвѣлое отъ зноя.

— Можетъ быть, вздоръ?—сказала, наконецъ, герцогиня.—Мало ли что болтаютъ...

— Нѣтъ, синьора. Я сама видѣла и слышала. Вамъ и другіе скажутъ.

— Много было народу?

— Тысячъ десять: вся площадь передъ Павійскимъ замкомъ полна

— Что же ты слышала?

— Когда мадонна Изабелла вышла на балконъ съ маленькимъ Франческо, всѣ замахали руками и шапками, многіе плакали. «Да здравствуетъ, — кричали, — Изабелла Аррагонская, Джіанъ-Галеаццо, законный государь Милана, и наследникъ Франческо! Смерть похитителямъ престола!»

Беатриче нахмурилась.

— Этими самыми словами?

— Да, и еще хуже...

— Какія? Говори все, не бойся.

— Кричали...—у меня, синьора, языкъ не поворачивается, — кричали: «смерть ворагъ».

Беатриче вздрогнула, но, тотчасъ преодолевъ себя, спросила тихо

— Что же ты слышала еще?

— Право, не знаю, какъ и передать вашей милости...

— Да ну же, скорѣе! Я хочу знать все.

— Вѣрите ли, синьора, въ толпѣ говорили, что свѣтлѣйшій герцогъ Лодовико Моро, опекунъ и благодѣтель Джіана-Галеаццо, заточилъ своего племянника въ Павійскую крѣпость, окруживъ его наемными убійцами и шпионами. Потомъ стали вопить, требуя, чтобы къ нимъ вышелъ самъ герцогъ. Но мадонна Изабелла отвѣтила, что онъ лежитъ больной...

И мона Сидонія опять таинственно зашептала на ухо герцогинѣ.

Сперва Беатриче слушала внимательно. Потомъ обернулась гнѣвно и крикнула:

— Съ ума ты сошла, старая вѣдьма! Какъ ты смѣешь! Да я сейчасъ велю тебя сбросить съ этой вышки, такъ что воронъ костей твоихъ не соберетъ!

Угроза не испугала мону Сидоніи. Беатриче также скоро успокоилась.

— Я этому и не вѣрю,—молвила она, посмотрѣвъ на старуху изподлобья.

Та пожала плечами:

— Воля ваша, а не вѣрить нельзя...

— Изволите ли видѣть, вотъ какъ это дѣлается,—продолжала она вкрадчиво,—лѣпятъ маленькое изваяніе изъ воску, вкладываютъ ему въ правую сторону сердце, въ лѣвую—печень ласточки, прокалываютъ иглою, произнося заклинанія, и тотъ, на кого изваяніе похоже, умираетъ медленною смѣртью. Тутъ ужъ никакіе врачи не помогутъ...

— Молчи!—перебила ее герцогиня,—никогда не смѣй мнѣ говорить объ этомъ...

Старуха опять благоговѣнно поцѣловала край умывальной одежды.

— Ваше великолѣпіе! Солнышко вы мое ясное! Слишкомъ люблю я васъ,—вотъ и весь мой грѣхъ. Вѣрите ли, со слезами молю Господа за ваше здоровье каждый разъ, какъ поютъ Magnificat на повечеріи св. Франциска. Люди говорятъ, будто я вѣдьма, но, если бы я и продала душу моему дьяволу, то, видитъ Богъ, только для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь угодить вашей свѣтлости!

И она прибавила задумчиво:

— Можно и безъ колдовства...

Герцогиня посмотрѣла на нее молча, съ любопытствомъ.

— Когда я сюда шла по дворцовому саду,—продолжала мона Сидонія безпечнымъ голосомъ,—садовникъ собиралъ въ корзину отличные спѣлыя персики,—должно быть, подарокъ мессэру Джіану-Галеаццо...

И помолчавъ, она прибавила:

— А вотъ въ саду флорентинскаго мастера Леонардо да Винчи тоже, говорятъ, удивительной красоты персики,—только ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Да, да. Мона Кассандра, племянница моя, видѣла...

Старуха снова зашептала на ухо Беатриче.

Герцогиня ничего не отвѣтила. Выраженіе глазъ ея осталось непроницаемымъ.

Волосы уже высохли. Она встала, сбросила съ плечъ склавонетто и спустилась въ гардеробные покои.

Здѣсь стояли три громадныхъ шкафа. Въ первомъ, похожемъ на великолѣпную ризницу, развѣшаны были по порядку восемьдесятъ четыре платья, которыя успѣла она спить себѣ за три года замужества. Одни

отличались, вслѣдствіе обилія золота и драгоценныхъ камней, такою плотностью, что могли прямо, безъ поддержки, стоять на полу. Другія были прозрачны и легки какъ паутина. Во второмъ находились принадлежности соколиной охоты и лошадиная сбруя. Въ третьемъ—духи, воды, полосканья, притиранья, зубные порошки изъ бѣлаго коралла и жемчуга, безчисленныя баночки, колбы, перегонныя шлемы, горлянки—цѣлая лабораторія женской алхиміи. Въ комнатѣ стояли также роскошныя ящики, покрытыя живописью, и кованыя рундуки.

Когда служанка отперла одинъ изъ нихъ, чтобы вынуть свѣжую рубашку, повѣяло благоуханіемъ тонкаго камбрейскаго бѣлья, переложеннаго лавандовыми пучками и шелковыми подушками съ порошкомъ изъ левантійскихъ ирисовъ и дамасскихъ розъ, сушеныхъ въ тѣни.

Одѣваясь, Беатриче бесѣдовала со швеею о выкройкѣ новаго платья, только что полученной съ гонцомъ отъ сестры,—маркизы Мантуанской, Изабелы д'Эсте, тоже великой модницы. Сестры соперничали въ нарядахъ. Беатриче завидовала вкусу Изабелы и подражала ей. Одинъ изъ посланниковъ герцогини Миланской тайно извѣщалъ ее о всѣхъ новинкахъ мантуанскаго гардероба.

Беатриче надѣла платье съ рисункомъ, особенно любимымъ ею за то, что онъ скрадывалъ ея маленькій ростъ: ткань состояла изъ продольныхъ перемежающихся полосъ зеленаго бархата и золотой парчи. Рукава, перевязанные лентами сѣраго шелка, были въ обтяжку, съ французскими модными прорѣзами, «окнами», черезъ которые видѣлось бѣлоснѣжае полотно рубашки, все въ мелкихъ, пышныхъ сборкахъ. Волосы украшены были рѣдкою, легкою какъ дымъ, золотою сѣткою и заплетены въ косу. Голову окружала тонкая нить «феровьерры» съ прикрѣпленнымъ къ ней маленькимъ рубиновымъ скорпіономъ.

II.

Она привыкла одѣваться такъ долго, что, по выраженію герцога, можно было бы за это время снарядить цѣлый торговый корабль въ Индію.

Наконецъ, услышавъ вдалекѣ звукъ роговъ и лай борзыхъ, вспомнила, что заказала охоту, и заторопилась. Но, уже готовая, по дорогѣ зашла въ покои своихъ карликовъ, названные въ шутку «жилищемъ гигантовъ» и устроенные въ подражаніе такимъ же игрушечнымъ комнатамъ во дворцѣ Изабеллы д'Эсте.

Стулья, кровати, утварь, гѣсенки съ широкими, низкими ступенями, даже часовня съ кукольнымъ алтаремъ, за которымъ служилъ обѣдню учевый карликъ Янакки, въ нарочно сшитыхъ для него архіепископскихъ ризахъ и митрѣ,—все было рассчитано на ростъ пигмеевъ.

Въ «жилищѣ гигантовъ» всегда былъ шумъ, смѣхъ, плачь, крикъ разнообразныхъ, порою страшныхъ голосовъ, какъ въ звѣринцѣ или

сумашедшемъ дожѣ, ибо здѣсь копошились, рождались, жили и умирали въ душевой неопрятной тѣснотѣ—мартышки, горбуны, попугаи, арапки, дуры, калмычки, шутихи, кролики, карлики и другія потѣшныя твари, среди которыхъ молодая герцогиня нерѣдко проводила дни, забавляясь, какъ дѣвочка.

На этотъ разъ, спѣша на охоту, зашла она въ «жилище гигантовъ» только на минутку, свѣдать о здоровьѣ маленькаго арапченка Наннино, недавно присланнаго изъ Венеціи. Кожа у Наннино была такой черноты, что, по выраженію прежняго владѣльца его, — «лучшаго и желать невозможно». Герцогиня играла имъ, какъ живою куклою. Арапченокъ заболѣлъ. И хваленая чернота его оказалась не совсѣмъ природною, ибо краска вродѣ лака, которая придавала тѣлу его чернѣйшій блестящій лоскъ, мало-по-малу начала слѣзать, къ великому горю Беатриче.

Въ послѣднюю ночь ему сдѣлалось хуже. Боялись, что онъ умретъ. Узнавъ объ этомъ, герцогиня весьма опечалилась, ибо любила его по старой памяти, даже поблѣднѣвшаго. Она велѣла какъ можно скорѣе крестить арапченка, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не умеръ язычникомъ.

Спускаясь, на лѣстницѣ встрѣтила она свою любимую дурочку Моргантину, еще не старую, хорошенькую и такую забавную, что, по словамъ Беатриче, она могла бы и мертваго разсмѣшить.

Моргантина любила воровать. Украдетъ что-нибудь, спрячетъ въ уголъ, подъ сломанную половицу въ мышиную норку и ходитъ довольная. Когда же спросятъ ее съ ласкою: «будь доброю, скажи, куда спрятала?»—возьметъ за руку, съ лукавымъ видомъ, поведетъ и покажетъ. А если крикнуть: «ну-ка, рѣчку въ бродъ.»—Моргантина, не стыдясь, подымаетъ платье такъ высоко, какъ только можетъ.

Порой находила на нее тоска. Тогда по цѣлымъ днямъ плакала она о несуществующемъ ребеночкѣ,—никакихъ дѣтей у нея не было,—и такъ всѣмъ надоѣдала, что ее запирали въ чуланъ.

И теперь сидя въ углу лѣстницы, обнявъ колѣни руками и равномерно покачиваясь, Моргантина заливалась горькими слезами.

Беатриче подошла и погладила ее по головѣ.

— Переставь, будь умницей...

Дурочка, поднявъ на нее свои голубые дѣтскіе глаза, завывла еще жалобнѣе.

— Ой, ой, ой! Отняли у меня родненькаго! И за что, Господи? Никому онъ не дѣлалъ зла. Я имъ тихо утѣшалась...

Герцогиня сошла на дворъ, гдѣ ее ожидали охотники.

III.

Окруженная вершниками, сокольничими, псарями, стрелянными, придворными дамами и пажамы, она держалась прямо и смѣло на караковомъ

поджаромъ берберійскомъ жеребцѣ завода Гонзага не какъ женщина а какъ опытный наѣздникъ. «Настоящая королева амазонок!»—съ гордостью подумалъ герцогъ Моро, вышедшій на крытый ходъ передъ дворцомъ полюбоваться выѣдомъ супруги.

За сѣдломъ герцогини сидѣлъ охотничій леопардъ въ либреѣ, шитой золотомъ, съ рыцарскими гербами. На лѣвой рукѣ—бѣлый, какъ свѣтъ, кипрскій соколъ—*falco pellegrino*—подарокъ султана, сверкалъ усыпаннымъ изумрудами, золотымъ клубочкомъ. На лапкахъ его звенѣли бубенцы разнозвучными, переливчатыми звонами, которые помогали находить птицу, если терялась она въ туманѣ или болотной травѣ.

Герцогинѣ было весело, хотѣлось шалить, смѣяться, скакать, сломя голову. Оглянувшись съ улыбкой на мужа, который успѣлъ только крикнуть: «Берегись, — лошадь горячая!» она сдѣлала знакъ своимъ спутницамъ и помчалась въ перегонку съ ними, сначала по дорогѣ, потомъ въ открытое поле—черезъ канавы, кочки, рвы и плетни.

Доѣзжаціе отстали. Впереди всѣхъ неслась Беатриче со своимъ громаднымъ любимымъ волкодавомъ и рядомъ, на черной испанской кобылѣ, — самая веселая и безстрашная изъ ея фрейлинъ, мадонна Лукреція Кривелли.

Герцогъ былъ втайнѣ неравнодушенъ къ этой Лукреціи. Теперь, любясь на нее и на Беатриче вмѣстѣ, не могъ онъ рѣшить, кто изъ нихъ ему больше нравится. Но тревогу онъ испытывалъ за жену. Когда лошади перескакивали черезъ яму, онъ жмурилъ глаза, чтобы не видѣть, и духъ у него захватывало.

Моро бранилъ герцогиню за эти шалости, но сердиться не могъ. Подозрѣвая въ себѣ недостатокъ тѣлесной отваги, онъ гордился втайнѣ крабростью жены.

Охотники исчезли въ лознякѣ и камышовыхъ заросляхъ на низменномъ берегу Тичино, гдѣ водились утки, бекасы и цапли.

Герцогъ вернулся въ маленькую рабочую комнату, — «студіоло». Здѣсь ожидалъ его для продолженія прерванныхъ занятій главный секретарь, — сановникъ, завѣдовавшій иностранными посольствами, мессэръ Бартоломэо Калко.

IV.

Сидя въ высокомъ креслѣ, Моро тиховько ласкалъ бѣлою холеную рукою свои гладко бритыя щеки и круглый подбородокъ.

Благообразное лицо его имѣло тотъ отпечатокъ прямодушноты откровенности, который пріобрѣтаютъ только лица совершенныхъ въ лукавствѣ политиковъ. Большой орлиный носъ съ горбиной, выдающіяся впередъ, какъ будто заостренныя, тонко извилистыя губы напоминали отца его, великаго кондоттьера Франческо Сфорца. Но если Франческо, по выраженію поэтовъ, въ одно и то же время былъ львомъ и

лисицею, то сынъ его унаслѣдовалъ отъ отца и приумножилъ только лисью хитрость безъ львиного мужества.

Моро носилъ простое, изящное платье блѣдно-голубого шелка съ разводами, модную прическу, «паццеру» — гладкую, волосокъ къ волоску, закрывавшую уши и лобъ почти до бровей, похожую на густой парикъ. Золотая цѣпь висѣла на груди его. Въ обращеніи была ровная со всѣми, утонченная вѣжливость.

— Имѣете ли вы какія-нибудь точныя свѣдѣнія, мессэръ Бартоломео, о выступленіи французскаго войска изъ Ліона?

— Никакихъ, ваша свѣтлость. Каждый вечеръ говорятъ—завтра, каждое утро откладываютъ. Король увлеченъ невинственными забавами.

— Какъ имя первой любовницы?

— Много именъ. Вкусы его величества прихотливы и непостоянны...

— Напишите графу Бельджіойозо, — молвилъ герцогъ, — что я высылаю тридцать... нѣтъ, мало—сорокъ... пятьдесятъ тысячъ дукатовъ для новыхъ подарковъ. Пусть не жалѣетъ. Мы вытащимъ короля изъ Ліона золотыми цѣпями! И знаешь ли, Бартоломео, — конечно, это между нами, — не мѣшало бы послать его величеству портреты нѣкоторыхъ здѣшнихъ красавицъ. Кстати, письмо готово?

— Готово, синьоръ.

— Покажи.

Моро съ удовольствіемъ потиралъ мягкія, бѣлыя руки.

Каждый разъ, какъ онъ оглядывалъ громадную паугину своей политики, испытывалъ онъ знакомое сладкое замираніе сердца какъ передъ сложной и опасной игрой. По совѣсти, не считалъ онъ себя виновнымъ, призывая чужеземцевъ, сѣверныхъ варваровъ на Италію, ибо къ этой крайности принуждали его враги, среди которыхъ здѣшнимъ была Изабелла Арагонская, супруга Джіана-Галеаццо, всенародно обвинявшая герцога Лодовика въ томъ, что онъ похитилъ престолъ у своего племянника. Только тогда, когда отецъ Изабеллы, король Неаполя, Альфонсо, въ отмщеніе за обиду дочери и зятя сталъ грозить Моро войною и низверженіемъ съ престола, — всѣми покинутый, обратился онъ къ помощи французскаго короля Карла VIII.

— Неисповѣдимы пути твои, Господи! — размышлялъ герцогъ, пока секретарь доставалъ изъ кипы бумагъ черновой набросокъ письма. — Спасеніе моего государства, Италіи, быть можетъ, всей Европы въ рукахъ этого жалкаго заморыша, сластолюбиваго и слабоумнаго ребенка, христіанинѣйшаго короля Франціи, передъ которымъ мы, наслѣдники великихъ Сфорца, должны пресмыкаться, ползать, чуть не сводничать! Но такова политика: съ волками жить — по волчьи выть.

Онъ перечелъ письмо Оно показалось ему краснорѣчивымъ, въ особенноти, ежели принять въ расчетъ пятьдесятъ тысячъ дукатовъ, высылаемыхъ графу Бельджіойозо для подкупа приближенныхъ его величества и соблазнительные портреты итальянскихъ красавицъ.

«Господь да благословитъ твое крестоносное воинство, Христіаннѣйшій,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ посланіи,—врата Авзоніи открыты предъ тобою. Не медли же, вступи въ нихъ триумфаторомъ, о новый Ганнибалъ! Народы Италіи алчутъ пріять твое иго сладчайшее, помазанникъ Божій,—ожидаютъ тебя, какъ вѣкогда, по воскресеніи Господа, патриархи ожидали Его сошествія во адъ. Съ помощью Бога и твоей знаменитой артиллеріи, ты завоеешь не только Неаполь, Сицилію, но и земли великаго Турка, обратишь невѣрныхъ въ христіанство, проникнешь въ нѣдра Святой Земли, освободишь Іерусалимъ и Гробъ Господень отъ нечестивыхъ агарянъ и славнымъ именемъ твоимъ наполнишь вселенную».

Горбатый, плѣшивый старичокъ, съ длиннымъ краснымъ носомъ, заглянулъ въ дверь студіо. Герцогъ привѣтливо улыбнулся ему, приказывая знакомъ подождать.

Дверь скромно притворилась, и голова исчезла.

Секретарь завелъ было рѣчь о другомъ государственномъ дѣлѣ, но Моро слушалъ его разсѣянно, поглядывая на дверь.

Мессаръ Бартоломео понялъ, что герцогъ занятъ посторонними мыслями,—кончилъ докладъ и ушелъ.

Осторожно оглядываясь, на ципочкахъ, герцогъ приблизился къ двери.

— Бервардо, а, Бервардо? Это ты?

— Я, ваша свѣтлость!

И придворный стихотворецъ Бервардо Беллинчioni, съ таинственнымъ и подобострастнымъ видомъ подскочилъ, хотѣлъ было стать на колѣни, чтобы поцѣловать руку государя, но тотъ его удержалъ.

— Ну что, какъ?

— Благополучно.

— Родила?

— Сегодня ночью извоили разрѣшиться отъ бремени.

— Здорова? Не послать ли врача?

— Въ здравіи совершенномъ обрѣтаются...

— Слава Богу!

Герцогъ перекрестился.

— Видѣлъ ребенка?

— Какъ же! Прехорошенькій...

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Мальчикъ. Буянъ, крикунъ! Волосики свѣтлые, какъ у матерп, а глазенки такъ и горятъ, такъ и бѣгаютъ,—черные, умные, совсѣмъ какъ у вашей милости. Сейчасъ видно—царственная кровь! Маленькій Геркулесъ въ колыбели. Мадонна Цецилія не нарадуется. Велѣли спросить, какое вамъ будетъ угодно имя.

— Я уже думалъ,—произнесъ герцогъ,—знаешь, Бервардо, назовемъ-ка мы его Цезаремъ. Какъ тебѣ нравится?

— Цезарь? А вѣдь въ самомъ дѣлѣ прекрасное имя, благозвучное, древнее! Да, да,—Цезарь Сфорца,—имя достойное героя!

— А что, какъ мужъ?

— Яснѣйшій графъ Бергамини добръ и любезенъ, какъ всегда.

— Превосходный человѣкъ!—замѣтилъ герцога съ убѣжденіемъ.

— Превосходнѣйшій! — подхватилъ Беллинчioni. — Смѣю сказать, рѣдкихъ добродѣтелей человѣкъ! Такихъ людей нынче поискать. Ежели подагра не помѣшаетъ, графъ хотѣлъ пріѣхать къ ужину, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей свѣтлости.

Графиня Цецилія Бергамини, о которой шла у нихъ рѣчь, была давнею любовницею Моро. Беатриче, только что выйдя замужъ и узнавъ объ этой связи герцога, ревновала его, грозила вернуться въ домъ отца, феррарскаго герцога Эрколе д'Эсте, и Моро вынужденъ былъ покаяться торжественно, въ присутствіи пословъ, не нарушать супружеской вѣрности, въ подтвержденіе чего выдалъ Цецилію за стараго, разорившагося графа Бергамини, человѣка покладистаго, готоваго на всякія услуги.

Беллинчioni, вынувъ изъ кармана бумажку, подалъ ее герцогу.

То былъ сонетъ въ честь новорожденнаго,—маленькій діалогъ, въ которомъ поэтъ спрашивалъ бога солнца, почему онъ закрывается тучами. Солнце отвѣчало съ придворною любезностью, что прячется отъ стыда и зависти къ новому солнцу—сыну Моро и Цециліи.

Герцога благосклонно принялъ сонетъ, вынувъ изъ кошелька червонецъ и подалъ стихотворцу.

— Кстати, Бернардо, ты не забылъ, надѣюсь, что въ субботу день рожденія герцогини?

Беллинчioni торопливо порылся въ прорѣхѣ своего платья полу-придворнаго, полунищенскаго, служившей ему карманомъ, извлекъ оттуда цѣлую кипу довольно грязныхъ бумажекъ и, среди высокопарныхъ одъ на смерть охотничьяго сокола мадонны Анжелики, на болѣзнь сѣрой въ яблокахъ венгерской кобылы синьора Паллавичини, отыскалъ требуемые стихи.

— Цѣлыхъ три, ваша свѣтлость,—на выборъ. Клянусь Пегасомъ, останетесь довольны!

Въ тѣ времена государи пользовались своими придворными поэтами, какъ музыкальными инструментами, чтобы пѣть серенады не только своимъ возлюбленнымъ, но и своимъ женамъ, причемъ свѣтская мода требовала, чтобы въ этихъ стихахъ предполагалась между мужемъ и женой такая же неземная любовь, какъ между Лаурою и Петраркою.

Моро съ любопытствомъ просмотрѣлъ стихи: онъ считалъ себя тонкимъ цѣнителемъ, «поэтомъ въ душѣ», хотя рѣшмы ему не давались. Въ первомъ сонетѣ приписли ему по вкусу три стиха; мужъ говоритъ женѣ:

Sputando in terra quivi nascon fiori,
Come di primavera le viole...

И гдѣ на землю плюнешь ты,
Тамъ вдругъ рождаются цвѣты,—
Какъ раннею весной—фіалки.

Во второмъ—поэтъ, сравнивая мадонну Беатриче съ богиней Дианой, увѣрялъ, что кабаны и олени испытываютъ блаженство, умирая отъ руки такой прекрасной охотницы.

Но болѣе всего понравился его высочеству третій сонетъ, въ которомъ Данте обращался къ Богу съ просьбою отпустить его на землю, куда будто бы вернулась Беатриче въ образѣ герцогини Миланской. «O Giove! Юпитеръ!—восклидалъ Аллигieri,—такъ какъ ты опять подарилъ ее міру, позволь и мнѣ быть съ нею, дабы видѣть того, кому Беатриче даруетъ блаженство»,—то-есть герцога Лодовико.

Моро милостиво потрепалъ поэта по плечу и обѣщалъ ему красного флорентинскаго сукна, по десяти сольди за локоть, на шубу для предстоящей зимы, причѣмъ Бернардо сумѣлъ выпросить и лисьяго мѣха на воротникъ, увѣряя съ жалобными и шутовскими ужимками, что старая шуба его сдѣлалась такою сквозною и прозрачною, «какъ вермишель, которая сушится на солнцѣ».

— Проплачу зиму,—продолжалъ онъ кланяться,—за недостаткомъ дровъ, я готовъ былъ сжечь не только собственную лѣстницу, но и деревянные башмаки св. Франциска. *I zoccoli arderei di San Francesco!*—привелъ онъ стихъ одного изъ своихъ сонетовъ.

Герцогъ разсмѣялся и обѣщалъ ему дровъ.

Тогда, въ порывѣ благодарности, поэтъ мгновенно сочинилъ и прочелъ хвалебное четверостишіе:

Когда рабамъ своимъ ты обѣщаешь хлѣбъ,
Небесную, какъ Богъ, ты имъ даруешь манну,—
За что всѣ девять музъ и сладковзвучный Фебъ,
О, благородный Мавръ, поютъ тебѣ осанну!

— Ты сегодня, кажется, въ ударѣ—Бернардо? Послушай-ка, мнѣ нужно еще одно стихотвореніе...

— Любовное?

— Да. И страстное...

— Герцогинѣ?

— Нѣтъ. Только смотри у меня,—не проболтайся!

— О, синьоръ, вы меня обижаете. Да развѣ я когда-нибудь?..

— Ну, то-то же.

— Нѣмъ, нѣмъ, какъ рыба!

Бернардо таинственно и почтительно заморгалъ глазами.

— Страстное? Ну, а какъ? Съ мольбою или съ благодарностью?

— Съ мольбою.

Поэтъ глубокомысленно сдвинулъ брови:

— Замуженя?

— Дѣвушка.

— Такъ... Надо бы имя...

— Ну, вотъ! Зачѣмъ тебѣ?

— Если съ мольбою, то не годится безъ имени.

— Мадонна Лукреція. А готоваго вѣтъ?

— Есть, да лучше бы свѣженькое. Позвольте въ сосѣдній покой на минутку. Ужъ чувствую, выйдетъ недурно: приемы въ голову такъ и глѣзутъ!

Вошелъ пажъ и доложилъ:

— Мессэръ Леонардо да Винчи.

Захвативъ перо и бумагу, Беллиничіони юркнулъ въ одну дверь, между тѣмъ какъ въ другую входилъ Леонардо.

V.

Послѣ первыхъ привѣтствій герцогъ заговорилъ съ художникомъ о новомъ громадномъ кавалѣ Навильо Сфорцеско, который долженъ былъ соединить рѣку Сэзію съ Тичино и, развѣтляясь въ сѣтъ меньшихъ каналовъ, оросить луга, поля и пастбища Ломелины.

Леонардо управлялъ работами по сооруженію Навильо, хотя не имѣлъ чина герцогскаго строителя, ни даже придворнаго живописца, сохраняя, по старой памяти, за одинъ давно ужъ изобрѣтенный имъ музыкальный приборъ, чинъ музыканта, *sonatore di lira*, что было немногимъ выше званія такихъ придворныхъ поэтовъ, какъ Беллиничіони.

Объяснивъ съ точностью планы и сметы, художникъ попросилъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ денегъ для дальнѣйшихъ работъ.

— Сколько?—молвилъ герцогъ.

— За каждую милю по 506—всего 15.187 дукатовъ, — отвѣчалъ Леонардо.

Лодовико поморщился, вспомнивъ о 50.000 только что назначенныхъ для взятокъ и подкупа французскихъ вельможъ.

Дорого, мессэръ Леонардо! Право жѣ, ты разоряешь меня. Все хочешь невозможнаго и небывалаго. Помилуй, что за величественные замыслы! Вѣдь вотъ Браманте — тоже строитель опытный, а никогда такихъ денегъ не требуетъ.

Леонардо пожалъ плечами.

— Воля ваша, синьоръ! Поручите Браманте.

— Ну, ну, не сердись. Ты знаешь, я тебя никому въ обиду не дамъ.. Начали торговаться.

— Хорошо! Успѣемъ завтра, — заключилъ герцогъ, стараясь, по своему обыкновенію, затянуть рѣшеніе дѣла, и началъ перелистывать тетради Леонардо съ неоконченными набросками, архитектурными чертежами и замыслами.

Художникъ, котораго это раздражало, долженъ былъ давать объясненія.

На одномъ рисункѣ изображена была исполинская гробница,—цѣлая искусственная гора, увѣнчанная многоколоннымъ храмомъ съ круглымъ отверстіемъ въ куполѣ, какъ въ римскомъ Пантеонѣ, чтобы озарять внутренніе покои усыпальницы, превосходившей великолѣвіемъ египетскія пирамиды. Рядомъ были точныя цифры и подробный планъ расположенія гѣстницъ, ходовъ, залъ, рассчитанныхъ на пятьсотъ могильныхъ урнъ.

— Что это?—спросилъ герцогъ,—когда и для кого ты задумалъ?

— Такъ, ни для кого... Мечты...

Моро съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Странныя мечты! Мавзолей для олимпійскихъ боговъ или титановъ. Точно во снѣ или въ сказкѣ... А вѣдь еще математикъ!

Онъ заглянулъ въ другой рисунокъ, планъ города съ двухъ-ярусными улицами,—верхними для благородныхъ, нижни и для черни, вьючныхъ животныхъ и пачистотъ, омываемыхъ водою множества трубъ и каналовъ,—города, построеннаго согласно съ точнымъ знаніемъ законовъ природы, но для такихъ существъ, у которыхъ совѣсть не смущается передъ вопіющимъ неравенствомъ, раздѣленіемъ на избранниковъ и отверженныхъ.

— А вѣдь недурно!—молвилъ герцогъ.—И ты полагаешь, можно бы устроить?

— О, да!—отвѣчалъ Леонардо, и лицо его оживилось.—Я дарно мечтаю о томъ, чтобы когда-нибудь вашей свѣтлости угодно было сдѣлать опытъ, хотя бы только съ однимъ изъ предмѣстій Милана. Пять тысячъ домовъ—на тридцать тысячъ жителей. И разсѣялось бы это множество людей, которые сидятъ другъ у друга на плечахъ, тѣснятся въ грязи, въ духотѣ, распространяя сѣмена заразы и смерти. Если бы вы исполнили мой планъ, синьоръ,—это былъ бы прекраснѣйшій городъ въ мірѣ...

Художникъ остановился, замѣтивъ, что герцогъ смѣется.

— Чудакъ ты, забавникъ, мессэръ Леонардо! Кажется, дай тебѣ волю,—все бы вверхъ дномъ повернулъ, какихъ бы только въ государствѣ бѣдъ не надѣлалъ! И неужели ты не видишь, что самые покорные изъ рабовъ взбунтовались бы противъ твоихъ двухъ-ярусныхъ улицъ, плюнули бы на хвалецую чистоту твою, на водосточныя трубы и каналы прекраснѣйшаго города въ мірѣ, въ старые города свои убѣжали бы: въ грязи, молъ, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Ну, а здѣсь что?—спросилъ онъ, указывая на другой чертежъ.

Леонардо вынужденъ былъ объяснить и этотъ рисунокъ, оказавшійся планомъ дома терпимости. Отдѣльныя комнаты, двери и ходы расположены были такъ, что посѣтители могли рассчитывать на тайну, не опасаясь встрѣчи другъ съ другомъ.

— Вотъ это дѣло!—восхитился герцогъ.—Право, ты не повѣришь какъ надобно мнѣ жалобы на грабежи и убійства въ притонахъ. А

при такомъ расположеніи комнатъ будетъ порядокъ и безопасность. Непремѣнно устрою домъ по твоему чертежу!

— Однако, — прибавилъ онъ, усмѣхаясь, — ты у меня, я вижу на всѣ руки мастеръ, не брезгаешь ничѣмъ: мавзоль для боговъ рядомъ съ домомъ терпимости!

— Кстати, — продолжалъ онъ, — читалъ я однажды въ книгѣ какого-то древняго историка о такъ называемомъ «ухѣ тиранна Діонисія» — слуховой трубѣ, скрытой въ толщѣ стѣны и устроенной такъ, что государь можетъ слышать изъ одного покоя все, что говорится въ другомъ. Какъ ты полагаешь, нельзя ли устроить ухо Діонисія въ моемъ дворцѣ?

Герцогу сначала было немного совѣстно. Но онъ тотчасъ оправился, почувствовавъ, что художника нечего стыдиться. Не смущаясь, даже не помышляя о томъ — хорошо или дурно Діонисіево ухо, Леонардо бесѣдовалъ о немъ, какъ о новомъ научномъ приборѣ, радуясь предлогу изслѣдовать при устройствѣ этихъ трубъ законы движенія звуковыхъ волнъ.

Беллиціони съ готовымъ сонетомъ заглянулъ въ дверь.

Леонардо простился. Моро пригласилъ его къ ужину.

Когда художникъ ушелъ, герцогъ подозвалъ поэта и велѣлъ читать стихи.

«Саламандра, — говорилось въ сонетѣ, — «живетъ въ огнѣ, но не боѣе ли диво то, что въ пламенномъ сердцѣ моемъ

Холодная, какъ ледъ, мадонна обитаетъ,
И ледъ сей дѣвственный въ огнѣ любви не таетъ?»

Особенно нѣжными показались герцогу послѣдніе четыре стиха:

Я лебедемъ пою, пою и умираю.
Амура я молю: «о сжался, я сгораю!»
Но раздуваетъ богъ огонь моей души
И говоритъ, смѣясь: «слезами потуши».

VI.

Передъ ужиномъ, въ ожиданіи супруги, которая должна была скоро вернуться съ охоты, герцогъ пошелъ по хозяйству. Заглянулъ въ конюшню, подобную греческому храму, съ колонадами, портиками, двухсвѣтными денниками; въ новую великолѣпную сыроварню, гдѣ отвѣдалъ «джювкаты» — свѣжаго творожнаго сыру. Мимо безконечныхъ сѣноваловъ и погребовъ прошелъ на мызу и скотный дворъ. Здѣсь каждая подробность радовала сердце хозяина: и звукъ молочной струи, цѣдившейся изъ вымени его любимицы, краснопѣрой лангедокской коровы, и материнское хрюканье огромной, подобной горѣ жира, свиньи, только что опоросившейся, и желтая сливочная пѣна въ ясеневыхъ кадкахъ маслособойни, и медовый запахъ въ переполненныхъ житницахъ.

На лицѣ Моро появилась улыбка тихаго довольства: воистину донь его былъ, какъ полная чаша. Онъ вернулся во дворецъ и присѣлъ отдохнуть на галлерей.

Вечерѣло. Но до заката было еще далеко. Съ поемныхъ луговъ Тичино вѣяло пряною свѣжестью травъ.

Герцогъ окинулъ медленнымъ взоромъ свои владѣнія: пастбища, нивы, поля, орошаемыя сѣтью каналовъ и рвовъ съ правильными насажденіями яблокъ, грушъ, шелковичныхъ деревьевъ, соединенныхъ висячими гирляндами лозъ. Отъ Мортары до Абiateграссо, и далѣе, до самаго края неба, гдѣ въ туманѣ бѣгъли снѣга Монте-Розы,— великая равнина Ломбардіи цвѣла, какъ Божій рай.

— Господи, — вздохнулъ онъ съ умиленіемъ и поднялъ глаза къ небу, — благодарю Тебя за все! Чего еще надо? Нѣкогда здѣсь была мертвая пустыня. Я съ Леонардо провелъ эти каналы, оросилъ эту землю, и нынѣ каждый колосъ, каждая былинна благодарить меня какъ я благодарю тебя, Господи!

Послышался лай борзыхъ, крики охотниковъ, и надъ кустами лозняка замелькало красное вабило—чучело съ крыльями куропатки для приманки соколовъ.

Хозяинъ съ главнымъ дворецкимъ обошелъ накрытый столъ, осматривая, все ли въ порядкѣ. Въ залу вошла герцогиня и гости, приглашенные къ ужину, среди которыхъ былъ Леонардо, оставшійся ночевать на виллѣ.

Прочли молитву и сѣли за столъ.

Подали свѣжіе артишоки, присланные въ плетенкахъ ускоренной почтой прямо изъ Генуи, жирныхъ угрей и карповъ мантуанскихъ садковъ, подарокъ Изабеллы д'Эсте, и студень изъ каплуновыхъ грудинокъ.

Ѣли тремя пальцами и пожами, безъ вилокъ, считавшихся непозволительной роскошью. Золотыя, съ черенками изъ горнаго хрусталя, подавались онѣ только дамамъ для ягодъ и варенья.

Хлѣбосоольный хозяинъ усердно подчивалъ. Ѣли и пили много, почти до отвала. Изящнѣйшія дамы и дѣвицы не стыдились голода.

Беатриче сидѣла рядомъ съ Лукреціей.

Герцогъ опять залюбовался на обѣихъ. Ему было пріятно, что онѣ— вмѣстѣ, что жена ухаживаетъ за его возлюбленною, подкладываетъ ей на тарелку лакомые куски, что-то шепчетъ на ухо, пожимаетъ руку съ ворывомъ той шаловливой внезапной нѣжности, похожей на влюбленность, которая иногда овладѣваетъ молодыми женщинами.

Разговаривали объ охотѣ. Беатриче рассказала, какъ олень едва выбилъ ее изъ сѣдла, выскочивъ изъ лѣса и ударивъ лошадь рогами.

Смѣялись надъ дурачкомъ Дюдою, хвастуномъ и забіякою, который только что убилъ вмѣсто кабана домашнюю свинью, нарочно взятую охотниками въ лѣсъ и пущенную подъ ноги шуту. Дюда рассказы-

*

валъ о своемъ подвигѣ и гордился имъ такъ, какъ будто убилъ Калидонскаго вепря. Его дразнили и, чтобы уличить въ хвастовствѣ, принесли тушу убитой свиньи. Онъ притворился взбѣшеннымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ прехитрый плутъ, игравшій выгодную роль дурака. Своими рысьими глазками сумѣлъ бы онъ отличить не только домашнюю отъ дикой свиньи, но и глупую шутку отъ умной.

Хохотъ становился все громче. Лица оживлялись, краснѣли отъ обильныхъ возліаній. Послѣ четвертаго блюда, молодецкія дамы украдкою, подъ столомъ, распустили туго стянутыя шнуровки.

Кравчіе разносили легкое бѣлое вино и красное, кипрское, густое, подогрѣтое, заправленное фисташками, корицею и гвоздикомъ.

Когда его высочество требовалъ вина, столъники торжественно перекликались, какъ бы священнодѣйствуя, брали кубокъ съ поставца, и главный сенешаль трижды опускалъ въ чашу единороговъ талисманъ на золотой цѣпи. Если бы вино было отравлено, рогъ долженъ былъ почернѣть и ороситься кровью. Такіе же предохранительные талисманы, — жабыный камень и змѣиный языкъ, вставлены были въ солонку.

Графъ Бергамини, мужъ Цециліи, усаженный хозяиномъ на почетное мѣсто, особенно веселый въ этотъ вечеръ, даже какъ бы рѣзвый, несмотря на свою старость и подагру, молвилъ, указывая на единорогъ:

— Полагаю, ваша свѣтлость, что у самаго короля французскаго нѣтъ такого рога. Величина изумительная.

— Ки-хи-ки! Ки-хи-ка! — закричалъ пѣтухомъ горбуна Янакки, любимый шутъ герцога, гремя трещеткою, — свиннымъ пузыремъ, наполненнымъ горохомъ, и повякивая бубенчиками пестраго колпака съ ослинными ушами.

— Батъка, а, батъка! — обратился онъ къ Моро, указывая на графа Бергамини, — ты ему вѣрь: онъ во всякихъ рогахъ толкъ разумѣетъ, не только въ звѣринныхъ, но и въ человѣчьихъ. Ки-хи-ки, ки-хи-ка! У кого коза, у того рога!

Герцогъ пальцемъ погрозилъ шуту.

На хорахъ грянули серебряныя трубы, привѣтствуя жаркое — громадную кабанью голову, начиненную каштанами, павлина съ особою машинкою внутри, распускавшаго на блюдѣ хвостъ и бившаго крыльями и, наконецъ, величественный тортъ, въ видѣ крѣпости, изъ котораго сначала слышались звуки военнаго рога, а когда разрѣзали поджаристую корку, выскочилъ карликъ въ перьяхъ попугая. Онъ забѣгалъ по столу, его поймали и посадили въ золотую клетку, гдѣ, подражая знаменитому попугаю кардинала Асканіо Сфорца, онъ сталъ уморительно выкрикивать *Pater noster*.

— Мессаре, — обратилась герцогиня къ мужу, — какому радостному событію обязаны мы столь неожиданнымъ и великолѣпнымъ пиршествомъ?

Моро ничего не отвѣтилъ, только украдкой любезно переглянулся

съ графомъ Бергамини: счастливый мужъ Цецили понялъ, что пиршество устроено въ честь новорожденнаго Цезаря.

Надъ кабаньей головой просидѣли безъ малаго часъ, времени на ѣду не жалѣли, памятуя пословицу: «за столомъ не состаришься».

Подъ конецъ ужина толстый монахъ, по имени Таппоне — Крыса возбудиль всеобщее веселіе.

Не безъ хитростей и обмановъ удалось Миланскому герцогу переманить изъ Урбино этого знаменитаго обжору, изъ за котораго спорили государи. который будто бы однажды въ Римѣ, къ немалому удовольствію его святѣйшества, сожралъ цѣлую треть камлотоваго епископскаго подрясника, изрѣзанную на куски и пропитанную соусомъ.

По знаку герцога поставили передъ фра Таппоне громадныя сотейники съ бузекію, — требухю, начиненною лбоками айвы. Перекрестившись и засучивъ рукава, монахъ принялся уписывать жирную свѣдь съ быстротой и жадностью неимовѣрною.

— Если бы такой молодець присутствовалъ при насыщеніи народа пятью хлѣбами и двумя рыбами, остатковъ не хватило бы и на двухъ собакъ! — воскликнулъ Беллинчioni.

Гости захохотали. Всѣ эти люди заряжены были грубымъ и здоровымъ смѣхомъ, который отъ каждой шутки, какъ отъ искры, готовъ былъ разразиться оглушительнымъ взрывомъ.

Только лицо одинокаго и молчаливаго Леонардо сохраняло выраженіе покорной скуки: онъ, впрочемъ, давно привыкъ къ забавамъ своихъ покровителей и не удивлялся ничему.

Когда на серебряныхъ блюдахъ подали золоченые апельсины, наполненные душистой мальвазеей, придворный поэтъ Антоніо Камелли да-Пистойя, соперникъ Беллинчioni, прочелъ оду, въ которой между прочимъ Искусства и Науки говорили герцогу: «мы были рабынями, ты пришелъ и освободилъ насъ, да здравствуетъ Моро!» Четыре стиха — земля, вода, огонь и воздухъ тоже пѣли: «Да здравствуетъ тотъ, кто первый послѣ Бога править рулемъ вселенной, колесомъ Фортуны». Прославлялись также семейная любовь и согласіе между дядей Моро и племянникомъ Джіаномъ Галеаццо, причемъ поэтъ сравнивалъ великодушнаго опекуна съ пеликаномъ, кормящимъ дѣтей своей собственной плотью и кровью.

VII.

Послѣ ужина хозяева и гости перешли въ садъ, называвшійся Раемъ, Парадизо, правильный, на подобіе геометрическаго чертежа, съ подстриженными аллеями буксовъ, лавровъ и миртъ, съ крытыми ходами, лабиринтами, лоджіями и плющевыми бесѣдками. На зеленый лугъ, обвѣваемый свѣжестью фонтана, принесли ковровъ и шелковыхъ подушекъ. Дамы и кавалеры расположились въ непринужденной свободѣ передъ маленькимъ домашнимъ театромъ.

Сыграли одно дѣйствіе Miles Gloriosus Плавта. Латинскіе стихи наводили скуку, хотя слушатели изъ суевѣрнаго почтенія къ древности притворялись внимательными.

Когда представленіе кончилось, молодые люди отправились на болѣе просторный лугъ играть въ мячъ, въ лауту, въ «слѣпую муку» «mosca cieca»—то-есть жмурки, бѣгая, ловя другъ друга, смѣясь, какъ дѣти, между кустами цвѣтущихъ розъ и апельсиновыми деревьями. Старшіе играли въ кости, въ тавлею, въ шахматы. Донзеллы, дамы и синьоры, не принимавшіе участія въ играхъ, собравшись въ тѣсный кругъ на мраморныхъ ступеняхъ фонтана, рассказывали поочередно новеллы, какъ въ «Декамеронѣ» Боккачіо.

На сосѣдней лужайкѣ завели хороводъ подъ любимую пѣсню рано умершаго Лоренцо Медичи:

Quant'è belle giovinezza.
Ma si fugge tuttavia;
Chi vuol esser lieto,—sia:
Di doman non c'è certezza.

О, какъ молодость прекрасна,
Но мгновенна! Пой же, смѣйся,—
Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

Послѣ пляски донзелла Діана, съ блѣднымъ и нѣжнымъ лицомъ, подъ тихіе звуки віолы запѣла унылую жалобу, въ которой говорилось о томъ, сколь великое горе любить, не будучи любимымъ.

Игры и смѣхъ прекратились. Всѣ слушали въ глубокой задумчивости. И когда она кончила, долго никто не хотѣлъ прерывать тишины. Только фонтанъ журчалъ. Послѣдніе лучи солнца облили розовымъ свѣтомъ черныя плоскія вершины пинній и высоко взлѣтавшія брызги фонтана.

Потомъ опять начались говоръ, хохотъ, музыка, и до поздняго вечера, пока въ темныхъ лаврахъ не загорѣлись лучіолы-свѣтляки, и въ темнемъ небѣ—тонкій серпъ молодого мѣсяца, надъ блаженнымъ Парадизо, въ бездыханномъ сумракѣ, пропитанномъ запахомъ апельсиновыхъ цвѣтовъ, не умолкали звуки хороводнаго напѣва:

Счастливъ будь, кто счастья хочетъ,
И на завтра не надѣйся.

VIII.

На одной изъ четырехъ башенъ дворца Моро увидѣлъ огонекъ: главный придворный звѣздочетъ Миланскаго герцога, сенаторъ и членъ тайнаго совѣта, мессэръ Амброджіо да Розате, засвѣтилъ одинокую лампаду надъ своими астрономическими приборами, наблюдая предсто-

явшее въ знакѣ Водолея соединеніе Марса, Юпитера и Сатурна, которое должно было имѣть великое значеніе для дома Сфорца.

Герцогъ что-то вспомнилъ, простился съ мадонной Лукреціей, съ которой занять былъ нѣжнымъ разговоромъ въ уютной бесѣдкѣ, вернулся во дворецъ, посмотрѣлъ на часы, дождался минуты и секунды, назначенной астрологомъ для пріема ревенныхъ пилюль и, проглотивъ лѣкарство, заглянулъ въ свой карманный календарь, въ которомъ прочелъ слѣдующую отмѣтку:

«5 августа 10 часовъ вечера 8 минутъ—усердѣйшая молитва на колѣняхъ со сложенными руками и взорами, поднятыми къ небу».

Герцогъ поспѣшилъ въ капеллу, чтобы не пропустить мгновенія, такъ какъ иначе астрологическая молитва утратила бы свое дѣйствіе.

Въ полутемной часовнѣ горѣла лампада передъ образомъ. Герцогъ любилъ эту икону, писанную Леонардо да Винчи, изображавшую Цецилію Бергамини подъ видомъ Мадонны, благословляющей столитвенную розу.

Онъ отсчиталъ восемь минутъ по маленькимъ песочнымъ часамъ, опустился на колѣни, сложилъ руки и прочелъ Confiteor.

Молился онъ долго и сладко.

«О, Матерь Божія,—шепталъ онъ, поднявъ умиленные взоры,—защити, спаси и помилуй меня, сына моего Максимилиана и новорожденного младенца Чезаре, мою супругу Беттриче и мадонну Цецилію, а также моего племянника мессэра Джіана Галеаццо, ибо,—ты видишь сердце мое, Дѣва Пречистая,—я не хочу зла моему племяннику, я молюсь за него, хотя, быть можетъ, смерть его избавила бы не только мое государство, но и всю Италію отъ страшныхъ и непоправимыхъ бѣдствій».

Тутъ Моро вспомнилъ доказательство своего права на миланскій престолъ, изобрѣтенное законовѣдами: будто-бы старшій братъ его, отецъ Джіана-Галеаццо былъ сыномъ не герцога, а только военачальника Франческо Сфорца, ибо родился прежде, чѣмъ Франческо вступилъ на престолъ, тогда какъ онъ, Лодовико, родился уже послѣ того и, слѣдовательно, былъ единственнымъ полноправнымъ наследникомъ.

Но теперь, передъ лицомъ Мадонны, это доказательство показалось ему сомнительнымъ, и онъ заключилъ молитву свою такъ:

— Если же я въ чемъ-нибудь согрѣшилъ или согрѣшу предъ Тобою, Ты знаешь, Царица Небесная, что я это дѣлаю не для себя, а для блага моего народа, для блага всей Италіи. Будь же заступницей моей передъ Богомъ,—и я прославлю имя Твое великолѣпною постройкою Собора Миланскаго и Чертозы Павійской, и другими многими даяніями.

Окончивъ молитву, онъ взялъ свѣчу и направился въ спальную по темнымъ покоемъ уснувшаго дворца. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтился Моро съ Лукреціей.

— Самъ богъ любви благопріятствуетъ мнѣ! — подумалъ герцогъ.

— Государь!.. — молвила дѣвушка, подойдякъ нему. Голосъ ея оборвался. Она хотѣла упасть передъ нимъ на колѣни. Онъ едва успѣлъ удержать ее.

— Смилуйся, государь!

Лукреція рассказала ему, что братъ ея, Маттео Кривелли, главный камерарій монетнаго двора, человекъ безпутный, но нѣжно ею любимый, проигралъ въ карты большія казенныя деньги.

— Успокойтесь, мадонна! Я выручу изъ бѣды вашего брата.

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Но согласитесь ли и вы не быть жестокою?..

Она посмотрѣла на него робкими, дѣтски-ясными и невинными глазами.

— Я не понимаю, синьоръ... Что это значить?

Цѣломудренное удивленіе сдѣлало ее еще прекраснѣе.

— Это значить, милая, — пролепеталъ онъ страстно и вдругъ обнявъ ея станъ сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ, — это значить... Да развѣ ты не видишь, Лукреція, что я люблю тебя?..

— Пустите, пустите! О, синьоръ, что вы дѣлаете! Мадонна Беатриче...

— Не бойся, она не узнаетъ: я умѣю хранить тайну...

— Нѣтъ, нѣтъ, государь, — она такъ великодушна, такъ добра ко мнѣ... Ради Бога, оставьте, оставьте меня!

— Я спасу твоего брата, сдѣлаю все, что ты хочешь, буду рабомъ твоимъ, — только сжался!

И на половину искреннія слезы задрожали въ голосѣ Моро, когда онъ зашепталъ стихи Беллинчioni:

Я лебедемъ пою, пою и умираю,
Амура я молю: о сжался, я сгораю!
Но раздуваетъ богъ огонь моей души
И говоритъ, смѣясь: «слезами потуши».

— Пустите, пустите! — повторяла дѣвушка съ отчаяніемъ, Онъ наклонился къ ней, почувствовалъ свѣжесть ея дыханія, запахъ духовъ — фіалокъ съ мускусомъ — и жадно поцѣловалъ ее въ губы. На одно мгновеніе Лукреція замерла въ его объятіяхъ. Потомъ вскрикнула, вырвалась и убѣжала.

IX.

Войдя въ спальную, онъ увидѣлъ, что Беатриче уже погасила огонь и легла въ постель, громадное, подобное мавзолею, ложе, стоявшее на возвышеніи посреди комнаты, подъ шелковымъ лазурнымъ балдахиномъ и серебряными завѣсами.

Онъ раздѣлся, приподнялъ край пышнаго, какъ церковная риза,

тканяго золотомъ и жемчугомъ одѣяла,—свадебнаго подарка феррарскаго герцога,—и легъ на свое мѣсто, рядомъ съ женою.

— Биче,—произнесъ онъ ласковымъ шопотомъ,—Биче, ты спишь? Онъ хотѣлъ ее обнять, но она оттолкнула его.

— За что?

— Оставьте! Я хочу спать...

— За что, скажи только, за что? Биче, дорогая! Если бы ты знала, какъ я люблю...

— Да, да, знаю, что вы насъ любите всѣхъ вмѣстѣ, и меня, и Цецилю, и даже, чего добраго, эту рабыню изъ Московіи, рыжеволосую дуру, которую намедни обнимали въ углу моего гардероба...

— Я вѣдь только въ шутку...

— Благодарю за такія шутки!

— Право же, Биче, послѣдніе дни ты со мной такъ холодна, такъ сурова! Конечно, я виноватъ, сознаюсь: это была недостойная прихоть...

— Прихотей у васъ много, мессэре!

Она повернулась къ нему со злобою:

— И какъ тебѣ не стыдно! Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты лжешь? Развѣ я не знаю тебя, не вижу насквозь? Пожалуйста, не думай, что я ревную. Но я не хочу,—слышишь?—я не хочу быть одной изъ твоихъ любовницъ!

— Неправда, Биче, клянусь тебѣ спасеніемъ души моей—никогда никого на землѣ я такъ не любилъ, какъ тебя!

Она умолкла, съ удивленіемъ прислушиваясь не къ словамъ, а къ звуку его голоса.

Онъ въ самомъ дѣлѣ не лгалъ или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ лгалъ. Чѣмъ больше онъ ее обманывалъ, тѣмъ больше любилъ. Нѣжность его какъ будто разгоралась отъ стыда, отъ страха, отъ угрызенья, отъ жалости и раскаянія.

— Прости меня, Биче, прости все за то, что я тебя такъ люблю!

И они помирились.

Обнимая и не видя ее въ темнотѣ, онъ воображалъ себѣ робкіе, дѣтски-ясные и невинные глаза, запахъ фіалокъ съ мускусомъ; воображалъ, что обнимаетъ другую, и любилъ обѣихъ вмѣстѣ: это было преступно и употительно.

— А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ты сегодня, точно влюбленный,—прошептала она, уже съ тайною гордостью.

— Да, да, милая, вѣришь ли, я все еще влюбленъ въ тебя, какъ въ первые дни!

— Что за вздоръ!—усмѣхнулась она.—Какъ тебѣ не совѣстно? Лучше бы подумалъ о дѣлѣ. Вѣдь онъ выздоравливаетъ...

— Луиджи Марціани еще намедни сказывалъ мнѣ, что онъ умретъ—произнесъ герцогъ,—ему теперь лучше, но это не на долго: онъ умретъ, навѣрное.

— Кто знаетъ?—возразила Беатриче.—За нимъ такъ ухаживаютъ. Послушай, Моро, я удивляюсь твоей беззаботности. Ты переносишь обиды, какъ овца. Ты говоришь: «власть въ нашихъ рукахъ». Да не лучше ли вовсе отречься отъ власти, чѣмъ дрожать за нее день и ночь, какъ ворахъ, пресмыкаться передъ этимъ ублюдкомъ, королемъ французскимъ, зависѣть отъ великодушія наглаго Альфонсо, заискивать въ злой вѣдьмѣ Аррагонской! Говорятъ, она опять беременна. Новый змѣенышъ—въ проклятое гнѣздо! И такъ всю жизнь, Моро, подумай только, — всю жизнь! И ты называешь это: «власть въ нашихъ рукахъ»!..

— Но врачи согласны,—молвилъ герцогъ,—что болѣзнь неисцѣлима: рано или поздно...

— Да, жди: вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ умираетъ!..

Они замолчали.

Вдругъ она обвила его руками, прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ и что-то прошептала ему на ухо. Онъ вздрогнулъ.

— Биче!.. Да сохранить тебя Христось и Матерь Пречистая! Никогда—слышишь?—никогда не говори мнѣ объ этомъ...

— Если боишься,—хочешь, я сама?..

Онъ не отвѣтилъ и, немного погодя, спросилъ:

— О чемъ ты думаешь?

— О персикахъ...

— Да. Я велѣлъ садовнику послать ему въ подарокъ самыхъ спѣлыхъ...

— Нѣтъ, я не о томъ. Я о персикахъ мессэра Леонардо да Винчи. Ты развѣ не слышалъ?

— А что?

— Они—ядовитые...

— Какъ ядовитые?

— Такъ. Онъ отравляетъ ихъ. Для какихъ-то опытовъ. Можетъ быть,—колдовство. Мнѣ мона Сидонія сказывала. Персики, хоть и отравленные,—красоты удивительной...

И опять оба умолкли и долго лежали такъ, обнявшись, въ тишинѣ, во мракѣ, думая объ одномъ и томъ же, каждый прислушиваясь, какъ сердце у друго бьется все чаще и чаще.

Наконецъ Моро съ отеческою вѣжностью поцѣловалъ ее въ лобъ и перекрестилъ:

— Спи, милая, спи съ Богомъ!

Въ ту ночь герцогиня видѣла во снѣ прекрасные персики на золотомъ блюдѣ. Она соблазнилась ихъ красотой, взяла одинъ изъ нихъ и отвѣдала,—онъ былъ сочный и душистый. Вдругъ чей-то голосъ прошепталъ: «ядъ, ядъ, ядъ!» Она испугалась, но уже не могла остановиться, продолжала ѣсть плоды одинъ за другимъ, и ей казалось, что она умираетъ, но на сердцѣ у нея становилось все легче, все радостнѣе.

Герцогу тоже приснился странный сонъ: будто бы гуляетъ онъ по зеленой лужайкѣ у фонтана въ Парадизо и видитъ: вдалекѣ, въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, три женщины сидятъ, обнявшись, какъ сестры. Подходить къ нимъ и узнаетъ въ одной мадонну Беатриче, въ другой—мадонну Лукрецію, въ третьей—мадонну Цецилію. И думаетъ съ глубокимъ успокоеніемъ: «ву, слава Богу, слава Богу, наконецъ-то помирились,—и давно бы такъ!»

X.

Башенные часы пробили полночь. Всѣ въ домѣ спали. Только на высотѣ, надъ крышею, на деревянныхъ подмосткахъ для золоченія волосъ, сидѣла карлица Моргантина, убѣжавшая изъ чулана, куда ее заперли, и плакала о своемъ несуществующемъ ребенкѣ:

— Отняли родненькаго, убили дѣточку! И за что, за что, Господи? Никому не дѣлалъ онъ зла. Я имъ тихо утѣшалась ..

Ночь была ясная. Воздухъ такъ прозраченъ, что можно было различить на краю небесъ, подобныя вѣчнымъ кристалламъ, ледяныя вершины Монте-Роза.

И долго уснувшая вила оглашалась пронзительнымъ, жалобнымъ воплемъ полоумной карлицы, словно крикомъ злойщей птицы.

Вдругъ она вздохнула, подняла голову, посмотрѣла въ небо и сразу умолкла.

Наступила мертвая тишина.

Карлица улыбалась, и голубыя звѣзды мерцали, такія же непонятныя и невинныя, какъ ея глаза.

Д. С. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Легкій вѣтеръ ночной
Шелестѣлъ надо мной
И тихонько, чуть слышно шепталъ:
— Бѣдный, бѣдный мой братъ,
Ты печалью объять,
Я тебя среди тьмы угадаю.
Я во мракѣ рожденъ
И, какъ ты, осужденъ
Пробуждать средь тумановъ и сновъ,
Тихо пѣсню пропѣть
И съ зарей умереть,
Не узнавъ ни лучей, ни цвѣтовъ.
И меня уже нѣтъ,
Когда солнца привѣтъ
Засіяетъ на дальней горѣ...
Но утѣшься, мой братъ,
Смерти будешь ты радъ:
— Хорошо умирать на зарѣ.

Allegro

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Истекшій годъ въ литературѣ.—Пушкинскій юбилей.—«Воскресеніе» Толстого.—Общность темы въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ.—Типы отцовъ и дѣтей въ романахъ «Куда идти» г. Боборыкина, «Два поколѣнія» г. Головчина, «Встрѣча» г. Потапенко, «Равнодушные» г. Станюковича, «Аргонавты» г-жи Ожешко и др. — Три опредѣлившіеся типа дѣтей—карьеристы, символисты, марксисты.—Можно ли ихъ смѣшивать въ одно?—«Деревенскія впечатлѣнія» (изъ записокъ статистика) г. Бѣлонскаго. — Изображаемая имъ некультурность деревни. — Его противопоставленіе фабрики и деревни.

Конецъ года всегда вызываетъ желаніе подвести кое-какіе итоги, оглянуться назадъ и бросить общій взглядъ на пережитое и продуманное.

На первомъ планѣ, конечно, выдвигается пушкинскій юбилей, вызвавшій достаточно шуму. Теперь, когда онъ уже отодрвинулся въ область исторіи, можно не обинуясь сказать, что было много шума изъ-за ничего. Юбилей сошелъ въ полное смыслѣ на вѣтъ и въ результатѣ его остались два-три траги-комическихкихъ воспоминанія. Около имени Пушкина создавалась цѣлая литература, которая въ лучшемъ случаѣ ничего отъ этого имени не убавила, но, право, трудно сказать, что она прибавила къ нашему знакомству съ нимъ. Старую, обычно въ такихъ случаяхъ повторяемую попытку «нашихъ» и «вашихъ» растерзать Пушкина «на полы», сопрячливъ его только къ своимъ, поэтъ выдержалъ съ честью, и это, пожалуй, лучший результатъ литературныхъ поминковъ. Онъ показалъ, что излюбленныя мѣрки различныхъ лагерей утратили смыслъ и значеніе въ глазахъ читателей,—по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ такимъ огромнымъ явленіямъ русской жизни, какъ Пушкинъ.

Другое огромное явленіе стоитъ передъ нами въ концѣ столѣтія—Толстой и его колоссальное произведеніе «Воскресеніе», къ которому тоже не примѣнны обычныя мѣрки. Мы не думаемъ говорить о немъ мимоходомъ, пока еще романъ не законченъ, и упомянули лишь, какъ о великомъ памятникѣ, которымъ великій старецъ отмѣтилъ истекшій годъ въ русской литературѣ. Самое молчаніе, съ какимъ критика до сихъ поръ относится къ этому роману, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ громаднымъ литературнымъ явленіемъ, котораго не охватить сразу. Романъ подавляетъ при первомъ чтеніи, какъ сама жизнь, когда близко соприкоснешься съ нею послѣ долгаго удаленія въ четырехъ стѣнахъ, и надо нѣсколько отойти отъ нея, одуматься, стряхнуть первое впечатлѣніе, чтобы разобратся въ массѣ свѣжихъ ощущеній, уловить общую связь и установить свою точку зрѣнія. Совершенно подобное впечатлѣніе производитъ романъ Толстого огромнымъ захватомъ жизни, правдой ея воспроизведенія, глубиной анализа и беспощадностью, съ которою онъ разрушаетъ многіе ходячіе взгляды, понятія и вѣрованія. Это правда, это ужасная правда,—вотъ что съ грубой, почти физической болью приходится испытывать на каждой страницѣ.

Толстой нисколько не *старается* въ художественномъ смыслѣ, онъ непостижимымъ образомъ творитъ ту жизнь, которая окружаетъ насъ на каждомъ шагѣ, властно захватываетъ читателя, какъ Вергилій, ведетъ его по всѣмъ кругамъ ада и указываетъ безъ жалости и гнѣва—«такова ваша жизнь». И читатель никнеть головою все ниже и ниже, а въ глубинѣ души раздается все громче, все настойчивѣе безотрадный голосъ—«это правда, это ужасная правда».

Переходъ отъ «Воскресенія» Толстого къ остальной беллетристичѣ истекшаго года такъ рѣзокъ, что ни о какомъ сопоставленіи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Это можно сравнить съ ощущеніемъ, когда въ замкнутой темной комнатѣ вдругъ захопнуть тяжелую массивную дверь, черезъ которую доносился шумъ, грохотъ улицы, говоръ народа и яркій блескъ сіяющаго дня. Внезапно наступившая тишина и глубокая темнота до боли ощущается вами, и нужно не малое время, пока вы опять овладѣете всѣми чувствами и сможете въ этой тишинѣ и мракѣ различать и ея музыку, и очертаніе предметовъ въ окружающей темнотѣ. Тогда свой интересъ и здѣсь оказывается, и кое-что любопытное и характерное вырисовывается въ общей массѣ беллетристики истекшаго года.

Онъ не далъ въ этой области чего-либо новаго и въ общемъ прошелъ довольно сѣрвато и безцвѣтно. Не проявилось ни новаго яркаго таланта, ни новой рѣзкой черты въ общихъ настроеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе его сказалось нѣчто опредѣлившееся, что выразилось не ярко по формѣ, но опредѣленно по существу въ массѣ беллетристики, гдѣ одна общая тема проходитъ красной нитью во всѣхъ, болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Намъ уже приходилось касаться ея (см. «Критич. зам.», май), и теперь, подводя итоги истекающаго года, мы можемъ болѣе точно опредѣлять ее, какъ главную черту въ общественномъ настроеніи, поскольку, конечно, литература у насъ отражаетъ таковое. Эту оговорку необходимо помнить всегда. Благодаря узилицамъ, въ какихъ вращается литература, очень часто то или иное явленіе жизни только однимъ угломъ входитъ въ нее, и мы весьма склонны по этому углу составлять представленіе о цѣломъ.

Черта, отличаемая нами,—разладъ между отцами и дѣтьми. Въ свое время мы указали на эту общую тему въ романахъ г.г. Боборыкина, Потапенко, Станюковича, г-жи Ожешко и г. Горькаго. Различныя по формѣ, рѣзко отличающіяся по силѣ таланта и темпераменту авторовъ, всѣ эти болѣе крупныя и, по нашему мнѣнію, выдающіяся произведенія этого года имѣютъ, несомнѣнно, общую тему. Въ каждомъ предъ нами два поколѣнія, не столько враждебныя по отношенію другъ къ другу, сколько взаимно недовольныя. Старшее смотритъ съ недоумѣніемъ, какъ бы не вѣря себѣ, что эти странныя дѣти—его потомство, и то съ гнѣвомъ, то съ грустью укоряетъ дѣтей въ равнодушіи, карьеризмѣ, въ жестокости, въ отсутствіи любви къ ближнему, или зло высмѣиваетъ ихъ увлеченія странными для отцовъ теоріями—символизмомъ въ искусствѣ или марксизмомъ въ социологіи. Дѣти не оспариваютъ въ долгу и съ большей или меньшей основательностью возвращаютъ эти упреки, обвиняя отцовъ въ безволии, безхарактерности, въ излишней любви къ высокимъ словамъ, въ-за которыхъ они проглядѣли жизнь, захватившую ихъ врасплохъ и потому для нихъ чуждую теперь и непонятную. Припомнимъ уже отмѣченные нами въ теченіе года разговоры главныхъ героевъ «Куда идти», «Аргонавтовъ», «Встрѣчи», въ «Двухъ поколѣніяхъ» или жестокія слова Маякина о Фомѣ, у котораго онъ видитъ одинъ развратъ и «маякинную душу». Это обоюдное недовольство, переходящее подчасъ въ полную враждебность, не имѣетъ опредѣленнаго центра ни въ той, ни въ другой сторонѣ, не отливается въ достаточно опредѣленную форму, вслѣдствіе чего наши симпатіи то и дѣло раздвигаются. Иногда намъ кажется, — правы отцы и много справедливаго въ ихъ сѣтованіяхъ. Но сейчасъ же приходится смягчить свое негодованіе противъ дѣтей, даже самыхъ возмутительныхъ, въ

родѣ тѣхъ, что выведены въ романѣ «Равнодушные», когда вдумаясь въ причины, обусловившія появленіе такихъ типиковъ, какъ сынъ Ордынцева или дочь Бозельскаго Тина, и рѣзкое, беспощадное слово осужденія замираетъ само собой.

Что же собственно произошло, или, вѣраже,—происходить? Почему такъ перемѣнились роли? Когда читаешь «Отцовъ и дѣтей» Тургенева, просматриваешь названную ими литературу, вполне ясно видишь одно,—ни тогда, ни потомъ ни у кого не было сомнѣнія, въ чемъ рознь между тогдашними отцами и дѣтьми. Оба поколѣнія такъ рѣзко отличны, занимаютъ настолько опредѣленныя позиціи, что для всякаго становится понятнымъ неизбежность столкновенія. Чувствуется вѣчто почти роковое, что радѣляетъ ихъ, чего нельзя ни измѣнить, ни отклонить. Новое идетъ на смѣну старому и властно устраняетъ его съ дороги жизни. Этимъ роковымъ является огромный переворотъ, совершившійся въ короткую эпоху великихъ реформъ, разомъ вскрывшій всѣ противорѣчія, таившіяся подъ покровомъ старой изжитой формы, и рѣзко отдѣлившій новое, вступающее въ жизнь, отъ старого, осужденнаго на смерть. Конечно, и тогда были нюансы, переходныя ступени и сближающія настроенія, ибо въ жизни все гораздо сложнее, чѣмъ въ самомъ правдивомъ художественномъ произведеніи. Но въ главномъ не было сомнѣнія ни для одной изъ сторонъ. «Идеалисты» сороковыхъ годовъ стояли противъ «нигилистовъ» шестидесятыхъ. Позиціи были строго опредѣленны, вѣрованія догматичны, міросозерцанія вполне сложившіяся, ясныя и не допускавшія разныхъ толкованій.

Ничего подобнаго мы не могли бы указать теперь. Отцы, нападавъ на дѣтей, смѣшиваваютъ въ одну кучу самые разнородныя элементы. Дѣти, защищаясь, должны постоянно подчеркивать, что отъ многого они вовсе не отказываются, что «наслѣдство» они приняти, только употребленіе изъ него дѣлаютъ свое. Дѣти разбираются среди отцовъ и довольно ясно указываютъ, что они видѣаютъ, какъ положительное въ ихъ работѣ, и предъ чѣмъ охотно и невольно склоняютъ голову. И если по временамъ въ ихъ лагерь вдругъ объявляется тотъ или иной «безпардонный критикъ», по остроумному и мѣткому опредѣленію, который такъ удаются г. Михайловскому и становятся на долго ходячимъ словечкомъ,—дѣти нисколько не думаютъ защищать его безпардонныхъ издѣвательствъ. Въ послѣднемъ отношеніи, положимъ, обѣ стороны прегрѣшили не мало, что, конечно, не содѣйствовало выясненію взаимныхъ недоразумѣній. Но это явленіе обычное, свойственное не намъ однимъ. Когда происходитъ смѣна поколѣній, а міросозерцаній, образуется водоворотъ, въ которомъ смѣшиваются и сталкиваются разнороднѣйшіе элементы, и разобраться среди нихъ хладнокровно можетъ развѣ историкъ, и меньше всего тѣ, кто эту исторію дѣлаютъ и переживаютъ.

Мы и не задаемся непосильной задачей выяснитъ взаимное положеніе, которое еще далеко не опредѣлилось. Процессъ созданія новаго міровоззрѣнія еще на ходу, и мы увидимъ еще много уклоненій, много шатаній и поворотовъ вспять, пока не выработается вѣчто цѣльное и, какъ намъ кажется, весьма далекое отъ того, что представляютъ оба лагеря теперь. Но кое-что уже несомнѣнно намѣчается теперь, и художественная литература до нѣкоторой степени отразила это въ образахъ. Предъ нами проходятъ здѣсь, какъ представители молодежи, карьеристы, декаденты, символисты и экономическіе материалисты; и порознь, и вмѣстѣ, и въ рѣзко опредѣлившихся типахъ, и въ смѣшанныхъ. Можно ли думать, что всѣ эти типы осуждены на смарку, что они—только порожденіе минутнаго настроенія, «накипь», употребляя словечко г. Боборыкина? Или же есть въ нихъ и живое, здоровое зерно, изъ котораго разовьется сильный, мощный организмъ будущаго?

Начнемъ съ карьеризма. Явленіе не новое, можно сказать безсмертное, оно есть и было всегда. Временами лишь оно особенно выдѣляется, и если не возводится въ принципъ, то лишь потому, что оно есть полное отрицаніе всякаго принципа. Во времена подъема общественнаго духа карьеризмъ смиренно скрывается и тихонько безъ шуму прокладываетъ себѣ дорогу, удобно приманиваясь около сильнѣйшихъ, мѣняя форму, прикрываясь любымъ флагомъ, въ данную минуту наиболѣе удобнымъ. Карьеризмъ въ либеральномъ мундирѣ такое же ходячее явленіе для извѣстнаго времени, какъ и карьеризмъ ретрограднаго типа и, наконецъ безъ всякаго мундира, щеголяющій полнѣйшей наготой и гордящійся ею. Для нашего времени послѣдняя разновидность наиболѣе характерна. Но какъ бы онъ ни былъ силенъ и яркъ теперь, нечего и говорить, что не ему суждено возобладать надъ жизнью и подчинить ее себѣ. Этого никогда не было и никогда не будетъ, чтобы животныя интересы, одни лишь понятныя карьеризму и проводимыя имъ въ жизни, могли всѣхъ и все воодушевить. По крайней мѣрѣ, исторія такихъ примѣровъ не знаетъ. Карьеризмъ и самъ это сознаетъ и лишь въ рѣдкія минуты такъ нагло обважается, какъ теперь. Самая эта наглость показываетъ, что онъ уже чувствуетъ приближеніе конца своего торжества, и еще бравируетъ, но уже зорко поглядываетъ, за какой мундиръ ему надо схватиться скорѣе. Его недавняя выходка въ литературѣ, устами г. Суворина провозглашенное нововременское слово, что никакихъ программъ не надо, знаменуетъ это начало конца торжествующаго наглаго карьеризма.

Даже идутъ девиденты, о которыхъ мы говорили въ прошлый разъ. Ни сами они, ни то что они проповѣдуютъ, не имѣетъ значенія и не разовьется въ будущемъ. Это беспочвенное, наносное явленіе, любопытное только, какъ признакъ въ некоторой неудовлетворенности художественной формой, въ которой искусство до сихъ поръ отливало. Что такая неудовлетворенность есть, это несомнѣнно, и она сама по себѣ явленіе знаменательное. Конечно, увлеченіе небольшой кучки не столько талантавыхъ, сколько оригинальничавшихъ писателей и художниковъ — картинами Боттичелли, средневѣковьямъ и другимъ мертвыми побрякушками — само по себѣ ничто. Но рядомъ идетъ болѣе интересная и глубокая работа — исканіе новыхъ формъ для искусства, выражающееся въ символизмѣ, который тоже идетъ къ намъ съ Запада. Интересенъ такимъ художникамъ, какъ Рашгрессъ, Беклинъ, Максъ Клинггеръ, имена которыхъ все чаще и чаще мелькаютъ въ нашей печати, показываетъ, что и насъ постепенно охватываетъ предчувствіе новаго въ искусствѣ, которое въ своей старой реалистической формѣ отстало отъ жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднюю четверть вѣка опредѣлился рядъ общественныхъ явленій, имѣющихъ огромное значеніе, почти стихійно вліяющихъ на жизнь каждаго изъ насъ. Капитализмъ, милитаризмъ, паровая машина и весь переворотъ, ею обусловленный, печать. — вотъ явленія послѣднаго времени, подавляющія единичную жизнь и несомнѣнно оказывающія громадное вліяніе на всю нашу психику. Это вліяніе, которое сказывается въ самыхъ глухихъ, медвѣжьихъ уголкахъ міра, концентрируется въ средоточіяхъ міровой жизни и здѣсь выливается въ формы, подчасъ чудовищныя и импозантныя, невольно привлекающія общее вниманіе цивилизованной части человѣчества. Оно не можетъ не поддаваться очарованію этихъ новыхъ соціальныхъ силъ, всеми фибрами существа своего ощущая ихъ бленіе и испытывая ихъ неотвратимое воздѣйствіе. Древній грекъ въ эпоху высшаго расцвѣта своихъ свѣжихъ силъ съ такой же страстью испытывалъ надъ собой вѣяніе невѣдомаго бога, котораго онъ называлъ *рокомъ*, и въ рядѣ символовъ пытался воспроизвести это роковое начало жизни, тяготящее надъ нимъ. Прикованный Прометей Эсхила это несомнѣннѣйшій символъ этой борьбы греческаго сознанія съ окружающими его міровыми загадками.

Эдипъ Софокла—то же символъ человѣка, раздавленнаго рокомъ, предъ которымъ онъ чувствуетъ свое безсиліе. Человѣкъ, полный доблести, ума и благородства, какимъ все время является Эдипъ,—это Периклъ, падающій жертвой неотвратимыхъ социальныхъ и стихійныхъ условій, гибнущій за чужую вину, какъ теперь гибнутъ тысячи тысячъ жертвъ милитаризма или индустриализма. Орестъ Эврипида—опять символъ, только еще болѣе оочеловѣченный, но символъ несомнѣнный той же борьбы съ рокомъ, противъ котораго онъ ищетъ прибѣжища въ союзъ и судъ такихъ же людей, какъ онъ самъ. Символизмъ греческой трагедіи не подлежитъ сомнѣнію и безъ него нельзя было бы объяснить ее. Наше время также нуждается въ символизмѣ, чтобы выразить свою сущность, и средства прежняго, реалистическаго, искусства безспасны это сдѣлать. Самъ натурализмъ, повидному, столь чуждый и враждебный символизму, подготовилъ ему почву, раскрывъ въ романахъ, напр., Зола коллективную душу социальныхъ явленій, власть неодушевленнаго міра вещей надъ единичной душой. Такой романъ, какъ «*Le bonheur des dames*», развѣ не частѣйшій символъ современнаго капитализма, съ его стремленіемъ къ концентраціи производства и капитала? Но такая символика очень груба по существу, она обрисовываетъ только вѣншность вещей, но не выражаетъ внутренняго состоянія современнаго человѣчества. Отсюда стремленіе къ символизмѣ иного типа, на которую отчасти намекаетъ, напр., Рошгроссъ въ своей картинѣ, изображающей современную борьбу за жизнь въ городской цивилизаціи. «Богатый, промышленный городъ, безобразный и безпокойный, небо задернуто дымомъ и испареніями нездоровой и безполезной работы, и вотъ, охваченная отчаянной, неукротимой жаждой богатства, почестей, блеска и возвышенія, толпа въ братоубійственной свалкѣ встаетъ въ видъ какой-то людской пирамиды, давя и толкая другъ друга, падая и снова вставая, цѣною міра, цѣною красоты, цѣною жизни подымаясь все выше къ золотой фортунѣ, которая съ насмѣшливой улыбкой пролетаетъ тамъ вверху надъ протянутыми къ ней пустыми руками и исчезаетъ». Еще утонченнѣе этотъ символизмъ въ картинахъ англійскихъ прерафаэлитовъ и у нѣмецкихъ художниковъ, какъ Бюклингъ и Клингеръ, которые цѣликомъ уходятъ въ міръ сложныхъ ощущеній такого осложненнаго существа, какимъ является современный человѣкъ. И этотъ символизмъ вполне законенъ, какъ въ свое время было законно реальное направленіе, уничтожившее мертвую манерность ложно-классицизма.

Русское искусство не осталось внѣ вліянія новаго теченія. Въ немъ чувствуется усталость, пресыщенность реализмомъ, жажда новаго, которое помогло бы выразить сложность новой жизни. Художникъ прежняго времени, лѣтъ 20—25 назадъ, нарисовавъ молодое лицо въ широкополой шляпѣ, съ пледомъ, въ очкахъ и съ выраженіемъ вдумчивой смѣлости во взглядѣ, могъ такимъ упрощеннымъ способомъ создавать типы, вѣрно уловивъ преобладающее настроеніе передовой части общества. Теперь такая упрощенная картинка будетъ въ лучшемъ случаѣ только портретомъ господина X, но не передастъ ничего болѣе зрителю, не вызоветъ въ его душѣ того сложнаго процесса, который объединилъ бы зрителя и художника, сблизилъ бы ихъ во взаимномъ пониманіи, слилъ въ одномъ настроеніи. Необходимо еще что-то, что не получило пока надлежащей формы, потому что попытки нашихъ символистовъ, въ родѣ г. Неетерова, пошли по ложной дорогѣ. Смѣшно и жалко видѣть, когда художникъ, повидному, не безъ дарованія, нарочно упрощаетъ свою живопись до дѣтской условности русскихъ иконописцевъ XVI и XVII в.в. Это ошибка того же порядка, что и дѣланное увлеченіе искусствомъ среднепѣковья и навное поклоненіе Ботичелли. Такой символизмъ напоминаетъ символику дѣтей, когда они рисуютъ кривыя фигурки и пресерьезно видятъ въ нихъ принцевъ и фей. Чтобы серьезно увлечься такимъ символизмомъ, надо самому стать ребенкомъ.

Представители «юной Россіи», о которыхъ мы говорили прошлый разъ, дѣятельно дѣлаютъ по временамъ попытки въ этомъ направленіи, и ихъ органъ «Міръ Искусства» полонъ образцами такого искусства. Но видъ бордатыхъ мужей, рѣзвщихся въ дѣтскихъ курточкахъ и коротенькихъ невыразимыхъ, также далеко отъ истиннаго искусства, какъ нелѣпыя картина г. Врубеля отъ картинъ Бэклина или Бернъ-Джонса. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать такому искусству скорый конецъ. Въ сущности это уже область прошлаго, за которой нельзя признать никакой заслуги. Это та накипь, которая всплываетъ на поверхности при первомъ закипаніи воды, и не ей, конечно, суждено быть тѣмъ здоровымъ зерномъ, изъ котораго разовьется искусство будущаго. Замѣчательно, что ни одного таланта не создала эта новая группа. Все сколько-нибудь талантливое—люди зрѣлаго возраста, проявившіе свои способности совсѣмъ въ иной области. Изъ молодыхъ же—никого, не только талантливаго художника, но даже просто способнаго, ни въ поэзіи, ни въ живописи,—признакъ роковой для любого направленія.

Вслѣдъ за символистами идутъ марксисты, которыхъ охотно смѣшиваютъ съ ними, хотя между обѣими группами огромное различіе прежде всего въ настроеніи. Первые съ особой рѣзкостью подчеркиваютъ свое отвращеніе къ толпѣ, къ массѣ, какъ къ чему-то ненавистному и чуждому всякому искусству. Истинное искусство, по ихъ мнѣнію, именно то, которое недоступно и непонятно толпѣ. Вторые, напротивъ, видятъ въ массахъ главный элементъ общественной жизни, который своимъ выступленіемъ на сцену дѣйствія измѣняетъ все. Изученіе условій жизни массы, тѣхъ законовъ, которые ими управляютъ,—вотъ что занимаетъ и увлекаетъ марксистовъ. Въра въ непреложность этихъ законовъ дѣлаетъ ихъ въ глазахъ отцовъ жестокими доктринерами, готовыми ради субботы жертвовать человѣкомъ. Подобныя обвиненія въ отсутствіи любви къ ближнему заходятъ подчасъ такъ далеко, что раздавались голоса, будто, благодаря марксистамъ, голодъ истекшаго года не вызвалъ такого сочувствія къ страданію крестьянъ неурожайныхъ мѣстностей, какъ это было во время голода 1891—1892 г.г. Факты, конечно, показали, насколько такое утвержденіе было несправедливо, ибо и пожертвованія въ истекшемъ году были обильнѣе, и число лицъ, несшихъ свой трудъ въ деревню, не менѣе. Не было только *увлеченія* голодомъ, а было простое сознательное къ нему отношеніе, какъ къ бѣдствію, и только. Предшествовавшій опытъ былъ слишкомъ поучителенъ, чтобы могъ еще остаться какія-либо увлеченія. Это спокойствіе отцы приняли за равнодушіе, какъ сознательное отношеніе къ народу безъ всякаго преклоненія предъ нимъ они принимали за жестокость и даже презрѣніе къ нему, что уже было совершенно невѣрно.

Можно думать, что этотъ періодъ непониманія настроенія марксизма уже прошелъ. Тѣмъ болѣе, что и въ самомъ марксизмѣ, какъ дѣятельномъ теченіи, намѣчается новая струя болѣе спокойнаго и вдумчиваго отношенія къ жизни. Это пока очень сложный вопросъ, всецѣло относящійся къ будущему, почему въ нашемъ сжатомъ обзорѣ истекшаго года мы можемъ только его отмѣтить, какъ признакъ очень желательный и по существу здоровый, указывающій на то, что направленіе вовсе не впадо въ доктринерство и узость сектанства, къ чему мы вообще довольно таки склонны.

Что принесетъ въ этомъ отношеніи наступающій годъ, трудно было бы намѣтить даже въ самыхъ общихъ чертахъ, да и не къ чему. Для насъ важно одно, что за періодомъ воинственности можно ожидать мирнаго взаимнаго изученія, которое приведетъ если не къ сближенію, то къ пониманію. Первымъ и наиболее важнымъ результатомъ его явится различіе дѣтей и дѣтей, которыхъ не станутъ смѣшивать въ одну кучу. Русское декадентство въ лицѣ представителей «юной Россіи» едва-ли станутъ смѣшивать съ новымъ направле-

нѣмъ въ искусствѣ, которое продолжаетъ работу прежняго, только ищетъ новыхъ средствъ для выраженія того новаго, что назрѣло за послѣднюю четверть вѣка. Въ марксизмѣ отдѣляется узкое доктринерство отъ жизненнаго и вполне закономѣрнаго исканія новыхъ рѣшеній вопроса, который стоитъ на порогѣ столѣтій далеко не столь простымъ, какъ могло казаться еще нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ вышедшей недавно книгѣ г. Бѣлоконскаго «Деревенскія впечатлѣнія» мы нашли интересныя замѣчанія и кое-какія фактическія данныя, которыми могутъ воспользоваться обѣ стороны. Авторъ-земскій статистикъ, не лишennyй наблюдательности и умѣнія подмѣтить новое и оцѣнить его значеніе. Для насъ его наблюденія тѣмъ интереснѣе, что г. Бѣлоконскій—народникъ правовѣрнаго толка, для котораго мужикъ и земля—это центръ міра. И вотъ этотъ-то народникъ раскрываетъ такую картину деревни, предъ которой блѣднѣютъ всѣ изображенія деревенской жизни, приводимыя противниками.

Нужно прежде всего оговориться, что авторъ описываетъ не дикіе углы, а центральную Россію. Районъ его наблюденій охватываетъ Орловскую, Тульскую. отчасти Курскую губернію, пограничную со степной полосой. Здѣсь коренная община, деревня, не знавшая иного уклада, далекая отъ тлетворнаго вліянія фабрики и всѣхъ золъ ея. Попутно онъ задѣваетъ и одинъ уголокъ фабричнаго характера, уголокъ, гдѣ расположились Брянскіе заводы, что даетъ ему возможность дѣлать интересныя сопоставленія. Достоинствомъ его очерковъ служатъ ихъ правдивость. Правда, нарисовавъ удручающую картину, г. Бѣлоконскій тутъ же даетъ полную волю своему народническому сердцу, но этимъ только подчеркиваетъ все бесиліе народничества выбиться изъ той «злой ямы» противорѣчій, въ которую оно погрязло съ середины 80-хъ годовъ и не можетъ двинуться ни назадъ, ни впередъ.

Трудно повѣрить, а приходится вѣрить, что на порогѣ двадцатаго вѣка въ центрѣ Россіи существуютъ полосы, гдѣ населеніе до сихъ поръ не знаетъ печей съ трубами и живетъ въ курныхъ избахъ, какъ жили во времена Гостомысла. Для многихъ читателей самое названія «курная» или «черная» изба непонятно, но въ такихъ избахъ живутъ милліоны русскихъ общинниковъ. Хотя какова эта жизнь, пусть судятъ сами читатели. Авторъ, для собранія статистическихъ данныхъ, прѣзжаетъ въ деревню, гдѣ ему приходится переночевать. Ямщикъ заявляетъ, что избы вездѣ черныя, и рекомендуетъ заѣхать въ кумѣ, у которой «жизнь разлюбезное».

«Подѣзжаемъ къ кумѣ. Вхожу въ сѣни, и заглянувъ въ избу, убѣждаюсь, что остановиться у кумы, хотя она и «хорошая баба», нѣтъ никакой физической возможности. Изъ отворенной двери валомъ валитъ темный, сладкій на вкусъ, торфяной дымъ. Возлѣ печи стоитъ беременная, босая баба съ ухватомъ и грязнымъ до-нельзя рукавомъ протираетъ слезящіеся отъ ѣдкаго дыма глаза. На земляномъ полу, покрытомъ лужами воды и грязью, сидятъ въ однихъ закопѣлыхъ рубашонкахъ дѣти и что-то ѣдятъ, отгаликивая назойливо хрюкающаго поросенка, нахально стремящагося подлѣяться убогимъ дѣтскимъ завтракомъ; откуда-то, вѣроятно изъ люльки, скрытой дымомъ, доносится страдальческой пискъ еще одного ребенка».

По совѣту хозяйки, авторъ перебирается къ ея сосѣдкѣ, у которой оказывается «теплушечка», много лучше настоящей курной избы. «Суть теплушечки заключается въ томъ, что жерло печи выходитъ не въ избу, а въ сѣни, такъ что печь, входя всѣмъ корпусомъ своимъ, за исключеніемъ отверстія, въ избу, согрѣваетъ послѣднюю, а дымъ уже черезъ сѣни валитъ на улицу. Такимъ образомъ теплушечка является несомнѣннымъ «самобытнымъ» прогрессомъ въ

строительномъ искусствѣ степного крестьянства. Положеніе хозяйки отъ этого прогресса нѣсколько ухудшилось, такъ какъ зимою она находится на холодѣ, но зато въ теплушкѣ нѣтъ дыма».

Но своей теплушечкѣ авторъ не долго радовался, и наступившая ночь убѣдила его, что дымъ далеко не главное зло русской «самобытной, настоящей» избы. Уставъ за день отъ возни съ мужиками, авторъ возвращается къ вечеру домой. «Я зажегъ свѣчу, заварилъ чай и съ удовольствіемъ приступилъ къ подкрѣпленію силъ городскими закусками. Однако мое буржуазное настроеніе весьма быстро было нарушено, во-первыхъ, мышами, весьма нахально шнырявшими не только по полу, но и по скамейкѣ, сидя на которой я предавался жейфу, а во-вторыхъ—«задумчивыми тараканами и бойкими пруссаками», какъ характеризовалъ этихъ насѣкомыхъ И. С. Тургеневъ. Вошедшая хозяйка на вопросъ мой, много ли въ избѣ таракановъ, отвѣтила: «у насъ, батюшка, сыпной тараканъ». Сказала она это такимъ тономъ, что мнѣ показалось, будто она успокаиваетъ, хвалитъ своихъ таракановъ за мирное ихъ направленіе. Скоро, однако, я убѣдился, что опредѣленіе хозяйки надо было понимать буквально, такъ какъ оно было безусловно вѣрно, совершенно точно. Когда я, напившись чаю, затушилъ свѣчу и улегся спать, на меня тотчасъ дождемъ посыпались тараканы. Какъ ужаленный, схватился я со своего незатѣйливаго ложа, и когда зажегъ свѣчу, то остолебенѣлъ отъ невиданнаго явленія:—вся моя постель представляла сплошное темное движущееся пятно, а съ потолка продолжали сыпаться безчисленныя количества таракановъ. Страхнувъ съ большимъ усиленіемъ съ себя сотни этихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, я скорѣе надѣлъ шапку и приподнялъ воротникъ куртки, такъ какъ паденіе на голову не прекращалось. Стѣны не менѣе потолка сплошною массою были укрыты насѣкомыми. О снѣ, конечно, нечего было и думать, и я принялся, пугая мышей, шагать изъ угла въ уголокъ, не предвидя конца этому времяпрепровожденію, такъ какъ карманные часы показывали всего 8 часовъ вечера. Къ счастью, хозяйка не спала и пришла въ теплушечку.—«Какъ вы можете жить въ такой избѣ?» спрашиваю.—«А тамъ у насъ еще хуже»...—«Гдѣ?»—«А гдѣ мы спимъ».—«Да какъ же вы такъ живете?»—«Не дай Богъ наше житье!.. Привыкаемъ... Ребята-то до трехъ лѣтъ кричатъ отъ этихъ анафемовъ (она указала на насѣкомыхъ), а тамъ привыкаютъ... Вонъ, слышь, маленький кричитъ: идите-ка, гляньте, что тамъ дѣется...» Взявъ свѣчу, я отправился за хозяйкой въ другую половину избы. Когда я заглянулъ въ люльку, то просто отшатнулся: несчастный малютка лежалъ въ насѣкомыхъ, какъ въ снѣгъ, былъ обсыпанъ ими, они лѣзли ему въ ротъ, въ уши, и безпомощный страдалецъ отбивался маленькими рученками—«И вы ничего не дѣлаете, чтобы ихъ уничтожить?» спрашиваю бабу.—«Все, батюшка, дѣлали: и бѣлаго таракана за ногу тащили, и знахарокъ приводили, и святою водою кропили—ничего не помогаетъ! Да и не у насъ однихъ они, проклятые,—ездѣ, дьяволы!...»

Чтобы понять, какъ могутъ люди жить въ такой обстановкѣ, авторъ подробно описываетъ хозяйство этой деревни, которая ничѣмъ особымъ не выдѣляется среди остальныхъ. Земли, оказывается, «самая малость», да и изъ той мѣстной кулаки забрали себѣ за долги лучшую часть. Кромѣ земли, ничего—ни лѣсу, ни луговъ, ни подсобныхъ занятій. «Ничѣмъ, кромѣ земли, не занимаемся, только кружимся...» Словомъ, идеально-типичная земельная община, не развлекаемая и не тронутая тлетворнымъ ядомъ капитализма, хотя послѣдній все-таки достигаетъ ее, сильно понижая цѣны на хлѣбъ. Авторъ понижересовался, имѣютъ ли эти чистые земледѣльцы какіе-либо виды на будущее, надежды на улучшение жизни. Оказывается,—«вольныя земли», т. е. переселеніе, вотъ главная мечта деревни. Куда переселяться и какъ—это вопросъ для нихъ второстепенный. «На Анисей рѣку ходили», сообщаютъ они о нѣсколькихъ «счаст-

ливцахъ», которые ходили въ Сибирь и окончательно разорились. Но остальныхъ этотъ примѣръ не пугаетъ: то, что они покидаютъ, не таково, чтобы жалѣть о немъ. Среди жалобъ и сѣтованій не было мѣста страхамъ и опасеніямъ. будущее представлялось столь же безотрадно безнадежнымъ, какъ и настоящее. Отсюда поражающее равнодушіе, гравячащее съ безучетивіемъ. «Много у васъ дѣтей?» спрашиваетъ авторъ.—«Восьмеро было, батюшка» — «А теперь сколько?» — «Одинъ, батюшка, одинъ».—«Остальныя, значить, умерли?» — «Въ одну зиму». — «Отчего же это?» — «Не знаемъ, батюшка: какъ закричить, какъ захватить горлышкомъ,—дыхнуть не дастъ... Покричить дитѣ и отдастъ Богу душу»,—и все.

Старая это картина, явленія, всѣмъ хорошо знакомыя, также какъ и платоническія пожеланія автора, у котораго подъ вліяніемъ всего вилѣннаго за день и за ночь, проведенную среди таракановъ, вырывается слѣдующее лирическое отступленіе. Свистокъ поѣзда, пронесшагося гдѣ-то далеко на горизонтѣ, нарушивъ тишину деревенской ночи и разогнавъ дремоту автора. «О, какъ жаль мое сердце! Какъ близокъ мнѣ былъ этотъ поѣздъ, съ его тепломъ, свѣтомъ, быстрою. а главное—онъ близокъ былъ мнѣ, какъ представитель культуры, цивилизація, какъ облизатель всего человѣчества... Сядешь въ него—и весь міръ въ твоёмъ распоряженіи, куда хочешь, туда и ѣдешь... И какъ далеко была отъ меня вотъ эта «родная», мертвая, глухая деревня... Нѣтъ, я не могу, не въ силахъ любить теперь деревню, какъ она есть! Я ее полюблю, когда она породнится со мною при посредствѣ культуры... «Но чѣмъ же виновата эта несчастная деревня?—говорилъ во мнѣ другой голосъ.—Развѣ не деревня дѣлала эту дорогу, развѣ не она копала землю, устраивала полотно, прокладывала рельсы? А ты, воспользовавшись трудомъ этой деревни, презираешь ее, забываешь еще и то, что самое образованіе ты получилъ, благодаря той же деревнѣ, которая, въ то время, какъ ты занимался науками, развивался, работала, чтобы дать тебѣ досугъ... Ты всѣмъ своимъ существованіемъ обязанъ этой деревнѣ,—отдай же ей хотя частицу того, что она тебѣ дала, а не презирай, не кори ее».. И, какъ живыя, предстали предо мною сегодня опрашиваемыя мною лица,—лица, обремененныя нуждою, трудомъ, темные, забытые люди, просящіе объ одномъ, чтобы имъ дали возможность существовать при самыхъ элементарныхъ требованіяхъ. И жалко мнѣ стало этой деревни, и больно за нее»...

Правильны размышленія автора и дѣлаютъ честь его доброму сердцу. Но мы уже слышали ихъ тысячи разъ, и ни мало отъ этого не улучшились дѣла деревни, которая за послѣднюю четверть вѣка все идетъ на убыль, чѣмъ въ достаточной мѣрѣ подчеркивается вся бесполезность подобной лирики. Мы были бы гораздо болѣе благодарны автору, если бы онъ, какъ изслѣдователь деревни, указалъ въ ней тѣ силы, которыя могли бы содѣйствовать ея оближенію съ культурой и на первый разъ хоть побѣдить «сыпного таракана», выгнавшаго автора изъ «настоящей» избы подъ навѣсъ. Къ сожалѣнію, овидывая a posteriori всю народническую литературу, мы не находимъ въ ней никакихъ указаній на этотъ счетъ. Любопытное, между прочимъ, явленіе, что рядомъ съ великорусской полосой, гдѣ царитъ сыпной тараканъ, начинаеется малорусская, гдѣ нѣтъ и слѣда таракана. Было бы интересно изслѣдовать этотъ оригинальный этнографическій вопросъ, почему тараканъ такъ приверженъ къ великорусскому племени. Есть ли это законъ биологическій, или же чисто социальный, — вотъ вопросъ, который слѣдуетъ рекомендовать нашимъ народникамъ,—признаемся, намъ его рѣшеніе не по силамъ.

Къ чести нашего автора надо признать, онъ мало увлекается лирикой и даетъ больше наблюденія, среди которыхъ есть очень интересное сопоставленіе двухъ культуръ—района Брянскихъ заводовъ, поставленныхъ на чисто капи-

талистическую ногу, и района нѣкогда знаменитыхъ мальцевскихъ заводовъ, гдѣ сохранилась смѣсь крѣпостного хозяйства, натурально-кустарнаго. Онъ не скрываетъ отсталости послѣдняго и приводитъ описаніе такихъ уголковъ, гдѣ не знаютъ употребленія спичекъ и до сихъ поръ поддерживается вѣчный огонь въ камелькахъ: «въ углубленіяхъ на шесткѣ хранятся горячіе угли, присыпанные золою». «Нѣтъ въ этихъ деревняхъ ни керосиновыхъ лампъ, ни свѣчей, а освѣщаются исключительно лучиною, при которой и маѣ приходилось работать». Онъ описываетъ «край долбни и картошки», лѣсной уголокъ, гдѣ нищета дошла до крайней степени, и населеніе этихъ некультурныхъ лѣсовъ «вѣчно находится въ полуголодномъ состояніи, вѣчно, чтобы не умереть съ голоду, должно заниматься «долблею» (особый видъ работы въ лѣсу, самый некультурный и первобытный), которую ненавидитъ отъ всей глубины души, потому что «долбля» эта доводитъ человѣка до уровня животнаго». Отсылаемъ читателя къ описанію этого интереснаго уголка въ книгѣ автора: передать этого собственными словами нельзя, здѣсь все перла въ своемъ родѣ, какъ, напр., то, что «внѣй разъ зимою «по пузо въ снѣгу» приходится вереть за пятнадцать идти за хлѣбомъ». Вся эта работа ведется на лѣсопромышленниковъ, которые «черезъ мѣру обезпечены рабочими», за отсутствіемъ наличныхъ средствъ, лишенными возможности заниматься кустарнымъ лѣснымъ промысломъ на себя.

Рядомъ съ этимъ примитивнымъ угломъ—«культурный оазисъ», который вызываетъ у втора слѣдующее сравненіе. «Брянскій рельсопрокатный заводъ, не смотря на свою молодость, сравнительно съ промышленными районами мельниковскимъ и мальцевскимъ представляетъ въ настоящее время громадное предпріятіе, совершенно затмившее своихъ предшественниковъ. Если быстро перенестись изъ района старой промышленности на Брянскій заводъ, то получится, вѣроятно, такое же впечатлѣніе, какъ если бы изъ какой-нибудь Чухломы попасть, напр., въ Манчестеръ или Ливерпуль... Но помимо несравненнаго превосходства въ производительности, внутреннее благоустройство завода рѣзко отличаетъ его отъ старыхъ промышленныхъ районовъ. Въ новомъ центрѣ пять школъ (до 1.000 учащихся), бібліотека (около 300 подписчиковъ), клубъ, магазины, выписываются въ значительномъ числѣ газеты, журналы, устраиваются народныя чтенія съ туманными картинами, имѣется больница, организовано общество потребителей и т. п.».

Но, продолжаетъ авторъ, если даже старое заводское хозяйство блѣднѣетъ и кажется жалкимъ передъ новымъ, то «насколько же ничтожно производство кустарное мужицкое!»—и слѣдуетъ краснорѣчивое сравненіе, которое, однако, приводитъ автора въ концѣ-концовъ къ такому конечному выводу:

«Все, повидимому, говорить въ пользу новаго заводскаго хозяйства, но только повидимому... Стоять углубиться въ смыслъ заводской жизни, какъ сейчасъ же раздумье беретъ... Зайдемте ночью въ казарму. Здѣсь въ каждой комнатѣ помѣщается по двѣ семьи. Лица обоего пола и всякихъ возрастовъ спятъ вплотную другъ возлѣ друга. Нужно ли говорить, какія послѣдствія являются отъ такого рода условій? Но вотъ свистокъ, надо идти на работу. Она продолжается, включая перерывъ на обѣдъ, 12 часовъ. За все это время каждый исполняетъ одну какую-либо работу. Помимо этихъ 12 часовъ, нѣрѣдко работаютъ еще часовъ шесть сверхъ срока, за что полагается особая плата какъ за 12-ти-часовой трудъ. Отдохнувъ послѣ смѣны, заводскій рабочій опять принимается за ту же самую работу—и такъ всю жизнь! Для такого труженика не существуетъ ни времени дня, ни времени года: не все ли равно для него—зима ли на дворѣ или осень, свѣтитъ ли на небѣ яркое солнышко, согрѣвая вселенную, или луна обливаетъ землю своими серебряными лучами... Въ концѣ концовъ человѣкъ превращается въ машину, и когда выпадетъ время небольшого отдыха, единственнаго развлеченіе видитъ онъ въ алкоголѣ. Ему нѣтъ времени посѣщать

заводскіе клубы и библіотеки и другія общественныя учрежденія, да и мовги его дѣйствуютъ слабо отъ изсушающей работы».

Мы привели эту типичную тираду народника-лирика, такъ какъ въ ней ярко сказывается все бессиліе народнической экономической мысли. Авторъ далъ такое описаніе деревни той же губерніи, гдѣ и описанный заводъ, что, казалось бы, злѣйшая изъ фабрикъ является чуть ли не раемъ въ сравненіи съ «сыпнымъ тараканомъ», заживо поѣдающимъ дѣтей, въ сравненіи съ «долбней», превращающей человѣка въ животное, и т. п. Тѣмъ не менѣе, все это только «повидимому», какъ выражается авторъ. И тараканъ, и долбня, и мужики, «кружащіяся» окло «пустой земли», и дѣти, сплошь вымирающія отъ «горлышка»,—все это лишь видимость, говорящая противъ современной деревни. Но сущность... Спрашивается, какова же эта сущность? И гдѣ она, наконецъ, чтобы можно было ее показать изумленному міру?

Прежде народники смѣло и отчетливо отвѣчали на такой вопросъ: «да это все видимость. А сущность—община, артель, кустари». Теперь г. Бѣлоконскій, по крайней мѣрѣ, такъ не отвѣчаетъ. Онъ скорбитъ только о солнцѣ, о лунѣ, о смѣнѣ временъ года, которыхъ не видитъ заводскій рабочій. Можно подумать, что ими наслаждается зато счастливый хоть въ этомъ отношеніи земледѣлецъ. Но врядъ ли ему до наслажденій этими превосходными вещами, если судить по рассказамъ того же автора. Человѣкъ, безъ оглядки бѣгущій на таинственные для него берега «Анисея», который рисуется ему, какъ единственный исходъ изъ его «гиблага» мѣста, мало склоненъ оцѣнить по достоинству и солнце, и луну, и смѣну временъ года. Онъ забираетъ съ собою туда и общину, и артель, и даже таракана, который съ легкой руки переселенца наводнилъ и Сибирь,—и вмѣстѣ съ этой «сущностью» также гибнетъ на берегахъ Анисея, какъ и въ центрѣ Россіи, «въ краѣ долбни и картошки». Выводъ для всякаго, кромѣ народника, отсюда ясенъ: пресловутая сущность не спасаетъ ни отъ ужасной «видимости», ни отъ всякихъ другихъ золъ, одолаживающихъ деревню, пока послѣдняя такъ дика, некультурна и экономически слаба, какъ теперь.

Авторъ, можетъ быть, невольно, самъ наталкивается на отвѣтъ, рисуя «культурный оазисъ» въ дикомъ углу брянскихъ лѣсовъ. Изображенная имъ картина этой культуры—это въ маломъ масштабѣ то, что дѣлаетъ крупная промышленность теперь вообще среди тысячи деревень и некультурныхъ угловъ. Никто не станетъ спорить съ авторомъ, когда онъ указываетъ на огромные недочеты этой новой культуры. Да, они громадны и гораздо тяжелѣе, чѣмъ указанные авторомъ. Но въ условіяхъ новой культуры есть и средства для ихъ устраненія, чего мы не видимъ въ условіяхъ деревни. Авторъ далѣе и самъ замѣчаетъ, что, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, «кабы не заводъ—намъ умирать бы пришлось», и склоняется къ мысли, что фабрика является большимъ подспорьемъ. Такая уступка съ его стороны есть уже вѣчто, если сравнить ее съ тѣми проклятіями, которыя еще недавно раздавались по адресу фабрики въ народнической литературѣ. Но фабрика, понимаемая въ широкомъ значеніи, не только подспорье для «хозяйственного мужичка»,—она—новый факторъ, который вноситъ въ деревню культуру, объединяющую эту деревню съ остальнымъ міромъ, о чемъ мечтаетъ г. Бѣлоконскій въ приведенной нами раньше выдержкѣ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодь на Югѣ. Голодь на югѣ Россіи все болѣе и болѣе разростается. По словамъ газетъ, одесское уѣздное земство, какъ только была приблизительно выяснена степень недорода въ Одесскомъ уѣздѣ, немедленно занялось организаціей продовольственной помощи населенію послѣдняго. Для неспособныхъ къ работѣ стариковъ, калѣкъ и дѣтей уѣздное собраніе ассигновало 5.000 р., а губернскаго—10 тыс. руб. для безвозвратныхъ пособій. Рѣшено, по словамъ одесскихъ газетъ, устроить въ уѣздѣ, въ наиболѣе пострадавшихъ селахъ, до 70 бесплатныхъ столовыхъ. изъ которыхъ будетъ выдаваться горячая пища. Столовая предполагается открыть при земскихъ школахъ, гдѣ могутъ питаться также старики, немощные, калѣки, вдовы и др. Ближайшее завѣдываніе столовыми возложено на учителей, землевладельцевъ, а общее наблюденіе—на земскихъ начальниковъ, священниковъ и другихъ. Столовые будутъ открыты въ теченіе 130 дней. Совѣщаніе постановило начать продовольствіе съ 1-го декабря. Продукты для столовыхъ будутъ закупаться въ Одессѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы ихъ было достаточно на мѣсяць. Въ селахъ, гдѣ школъ нѣтъ, столовые будутъ открыты при другихъ земскихъ учрежденіяхъ. По примѣру столовыхъ въ восточныхъ губерніяхъ. стоимость каждаго обѣда приблизительно опредѣлена въ 2 к.

Аккерманское уѣздное земство точно также устраиваетъ столовыя и организуеъ трудовую помощь нуждающемуся населенію. Вѣсти изъ Аккерманскаго уѣзда приходятъ самыя печальныя.

Г-жа Шахматова членъ отряда С.-Петербургскаго частнаго кружка для доставленія трудовой помощи пострадавшимъ отъ неурожаа въ бессарабской губерніи, пишетъ въ «Пет. Вѣд.»:

«Положеніе Аккерманскаго и Измаильскаго уѣздовъ—ужасающее; нужда такъ велика, что уѣхать, не кончивъ начатыя въ 14-ти селеніяхъ общественныя работы, не сдѣлавъ что-нибудь серьезнаго для облегченія этой нужды, было бы грѣшно, немислимо. А средства у насъ быстро уменьшаются.

Въ селѣ Ново-Карачагъ работа уже окончена; подневная плата 80-ти рабочимъ натурой была не свыше 25 коп., и ѣсть опять нечего, потому что дѣлныя семьи буквально безъ хлѣба... О хлѣбѣ, впрочемъ, и не мечтаютъ, а о кукурузѣ только. Изъ массы нуждающихся селеній мы выбираемъ самыя бѣдствующія, изъ нихъ же еще самыя жалкія.

Въ VI участкѣ, въ 40.000 человекъ населенія, мы выбрали три селенія, ассигновавъ отъ 100 до 200 рублей на работу: въ с. Ивановѣ—прудъ; въ с. Купоранахъ—обведеніе вромъ общественной плантаціи на 40 дес. Лѣсъ здѣсь такая рѣдкость, что можно пробѣхать десятки верстъ и не видѣть дерева. Плантація эта ничѣмъ не огорожена, и скоть ее портить, а ровъ можетъ ее спасти.

Третья работа въ с. Александровкѣ: при школѣ отведено двѣ десятины подъ садъ; одна вскопается подъ виноградъ, канавами, а другая подъ плодовый садъ. Вообще, весьма желательное развитіе у крестьянъ садоводства; у коловнистовъ и въ Бендерскомъ уѣздѣ садоводство служить важнымъ подспорьемъ. Въ выше-означенныя работы уже организованы и начинаются. Въ V участкѣ работы тоже почти организованы. Пришлось дожидаться изъ Аккермана земскихъ инженеровъ, такъ какъ, не зная силы теченія весеннихъ водъ, мы бы могли надѣлать плотины, которыя унесетъ ливень.

Инженеры прибыли вчера, и ихъ совѣты совершенно совпали съ наблюденіями мѣстныхъ инженеровъ, крестьянъ-стариковъ.

Для обдѣяковъ села Татарбунара предпринята работа: каменная гребля на почтовомъ трактѣ у самой границы Измаильскаго и Аккерманскаго уѣздовъ. До сихъ поръ оба уѣзда отказывались отъ этой работы, сваливая ее друга на друга, а проѣзжіе тонуть и топтать лошадей.

Въ с. Спасскомъ—прудъ и плотина, въ с. Алманчитѣ—тоже: работа большая, не по средствамъ нашимъ, и мы еще въ раздумьѣ. Въ с. Михайловкѣ нужно засыпать сотнями возовъ земли зловредную яму съ гвѣющей водой, отъ которой не прекращается тифъ, и даже теперь, въ холодъ, дышать нельзя за версту. Лѣтомъ, говорятъ крестьяне, просто невыносимо.

Намѣчены еще три работы.

Болѣе всего насъ тяготитъ часть приморской полосы Измаильскаго уѣзда. Здѣсь продовольственные списки только пишутся да переписываются въ четвертый разъ. У кого, напримѣръ, корова одна, а дѣтей безъ конца—исключаются изъ продовольственнаго списка. Всѣ ждутъ здѣсь земства и земскихъ начальниковъ.

Работы нами организованы въ этой полосѣ въ селеніяхъ: Золокарахъ, Тропкахъ и Новомъ Карагачѣ. Есть у насъ въ виду еще большая работа для этого района: каменная дамба въ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ озера Бундука; она сократила бы на десятокъ верстъ сообщеніе. Узнавъ о нашихъ проектахъ, болгарскій комитетъ прислалъ намъ техника для этой работы и обѣщавъ 100 р. на мостикъ, необходимый для этой дамбы, такъ какъ это очень нужная работа, но дамба будетъ стоить 700 р.; на это рѣшиться мы не можемъ за неимѣніемъ средствъ и такъ какъ насъ ждутъ еще въ I и IV участкахъ Аккерманскаго уѣзда, гдѣ необходимо помочь нѣсколькимъ селеніямъ.

Польза трудовой помощи здѣсь всѣми понята и къ намъ ежедневно обращаются съ просьбами крестьяне и священники. Количество же возможныхъ и необходимыхъ работъ весьма значительно: всѣ селенія терпятъ или отъ недостатка воды, или отъ разсалника тифа.

Въ селѣ Плахтѣевкѣ 60 человекъ больныхъ брюшнымъ тифомъ. Не могъ ли бы «Красный крестъ» помочь намъ? Здѣсь столько женщинъ и дѣтей совсѣмъ безъ помощи!

Мы все надѣемся на милость Божию, думаемъ, что все же найдутся добрые люди и что намъ возможно будетъ осуществить надежды населенія на помощь. Хотя бы спасти ихъ. . . если не отъ раззоренія, то, по крайней мѣрѣ, отъ голодной смерти».

По поводу этого вопиющаго бѣдствія и равнодушія къ нему русскаго общества, въ короткое время собраннаго въ пользу буровъ болѣе 100.000 р., мы находимъ въ «Недѣлѣ» слѣдующія прекрасныя строки одного изъ ея сотрудниковъ г. М. Г. М.

«Я начинаю получать пожертвованія «въ пользу буровъ». Покорно прошу моихъ читателей не обращаться ко мнѣ съ подобными порученіями. Пожертвованіямъ въ пользу буровъ, хотя бы рапеныхъ, я не сочувствую. Буры неизмѣримо богаче насъ—русскихъ. На менѣ чѣмъ 300 тысячъ душъ населенія ихъ государственный доходъ составляетъ до 40 милліоновъ рублей (4.807.513 ф.

стерл.). Раздѣлите нашъ государственный бюджетъ на число жителей—получите 11 р. на каждого; раздѣлите трансваальскій бюджетъ—получите 133 рубля, то-есть болѣе чѣмъ въ 12 разъ больше нашего. Въ эту крохотную страну ежегодно ввозится товаровъ на 60—80 мил. р.; желѣзныя дороги въ одномъ 1897 году перевезли 16¹/₃ мил. двойныхъ центнеровъ всякихъ богатствъ. Въ странѣ съ населеніемъ двухъ-трехъ уѣздовъ—184 промышленныхъ заведенія. Одного золота въ 1898 году добыто почти на 160 мил., а золотыя залежи, по увѣренію одного бора въ «Times», хранять запасы въ 2.000 миллиардовъ... и вотъ мы суемся съ своими мѣдными грошиками и засланными кредитками помогать этимъ милліонерамъ! У самихъ официально удостовѣренный голодъ въ вѣсколькихъ губерніяхъ, т.-е. черный, какъ навозъ, смрадный хлѣбъ (къ нему не прикоснулась бы даже свинья въ Трансвааль),—опять голодный тифъ, исокъ умирающихъ ребятишекъ, «плавающія деса» во рту голодныхъ цыганокъ.. у насъ ужасы, которыхъ никогда не снилось откормленнымъ до отвалу фермерамъ Трансвааля, а мы волнуемся, собираемъ «пожертвованія» и посылаемъ будто бы на «Красный крестъ». Говорю «будто бы», потому что что же тутъ лицемѣрить, развѣ не всѣмъ ясно, что умыселъ тутъ вовсе не въ состраданіи раненымъ, а въ политической демонстраціи противъ англичанъ. Вотъ-де, знайте, ненавидимые англичане, что мы за буровъ и противъ васъ... Бурамъ нужна помощь, но чѣмъ—людьми, оружіемъ, военнымъ вѣшательствомъ. Но развѣ мы не хотимъ, или не можемъ оказать такой поддержки имъ, то эти грошки покажутся имъ просто обидной ироніей». По моему—это золотыя слова, подъ которыми не откажутся подписаться всѣ истинно-русскіе люди, любящіе свою родину своей смиренный, глубоконесчастный народъ».

«Помогая своимъ, можно и должно не забывать и чужихъ—но только тогда, когда у себя дома одѣты, накормлены и обогрѣты всѣ, до послѣдняго бѣдняка. А вѣдь у насъ цѣлый океанъ неудовлетворенныхъ, самыхъ существенныхъ, самыхъ жгучихъ народныхъ нуждъ и потребностей, самыхъ важныхъ дѣлъ и мѣропріятій, предпринимаемыхъ правительствомъ по поднятію умственного и нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія народа, мѣропріятій, требующихъ громадныхъ денежныхъ средствъ, недостатокъ которыхъ и могъ бы быть восполняемъ постояннымъ притокомъ денежныхъ жертвованій на святое дѣло роднаго домостроительства во всѣхъ его разнообразныхъ отрасляхъ.

«Въ такой необязатной и не вполне еще устроенной странѣ, какъ Россія, каждая копейка дорога и необходима и потому, повторяю, жертвовать русскія деньги на какихъ то буровъ стыдно, грѣшно и дико. Обязанность поврежденной, въ особенности вліятельной и столичной печати—проводить въ обществѣ здравыя идеи относительно насущныхъ задачъ исключительно національной, патриотической благотворительности, а не разжигать и не взвнчивать психопатическіе порывы вродѣ увлеченія «несчастливыми бурами» или, лучше сказать, донкихотскою, совершенно безобидною враждою къ «ненавидимымъ англичанамъ».

Беспорядки на фабрикѣ Коншина. Московская газета «Курьеръ» приводитъ отчетъ о судебномъ разбирательствѣ дѣла о беспорядкахъ на фабрикѣ Коншина. По словамъ газеты, обстоятельства дѣла заключались въ слѣдующемъ: 26-го апрѣля настоящаго года на прядильно-ткацкой фабрикѣ товарищества мануфактуръ Н. Н. Коншина «Новая Мыза», во 2 мѣ станѣ Серпуховскаго уѣзда, по возобновленіи работъ послѣ праздниковъ Пасхи, ватерщицы, въ количествѣ около 100 человекъ, отказались стать на работу, заявивъ, что онѣ недовольны новымъ расцѣнкомъ работъ, сдѣланнымъ передъ Пасхой, по окончаніи срока ихъ найма. Въ расцѣнкѣ этомъ была сдѣлана нѣкоторая прибавка па пряжу болѣе низкихъ сортовъ, а на пряжу нѣкоторыхъ высшихъ сортовъ заработная плата была убавлена. Такъ какъ рабочимъ въ виду наступленія новаго срока

найма, который считался съ Пасхи, рабочія книжки еще не были выданы, вслѣдствіе чего они еще не считались принятыми на фабрику, то директоръ фабрики М. П. Лотаревъ приказалъ распустить недовольныхъ ватерщицъ, но въ тотъ же день къ нему явились выборныя отъ банкоброщницъ, въ числѣ 20-ти человекъ, и заявили такія же требованія, какъ и ватерщицы. Находявшійся въ это время въ конторѣ, фабрики директоръ нравленія, Сергѣй Николаевичъ Коншинъ, общалъ имъ пересмотрѣть расцѣнокъ, но не ранѣе двухъ недѣль, и банкоброщницы послѣ этого стали на работу. Тѣ же условія предложены были и недовольнымъ ватерщицамъ, но онѣ потребовали немедленной прибавки заработной платы, и притомъ не на нѣкоторые сорта пряжи, а на всѣ. Въ этомъ требованіи имъ было отказано, и онѣ удалились съ криками, что на работу не станутъ. На слѣдующій день, 27-го апрѣля, недовольныя ватерщицы и банкоброщницы, явившись на работу, черезъ нѣкоторое время, однако, ушли съ фабрики и направились въ сосѣднюю съ ней мѣстность, извѣстную подъ названіемъ «Бугоръ», гдѣ стали водить хоробы и пѣть пѣсни. Администрація фабрики сообщила о происшедшемъ фабричному инспектору и, по совѣту послѣдняго, вывѣсила объявленіе о томъ, что всѣ, не желающіе стать на работы должны въ теченіе двухъ дней взять изъ конторы свои паспорта, и что не взявшимъ въ этотъ срокъ таковыя будутъ возвращены черезъ полицію. 28-го апрѣля болѣе половины изъ отказавшихся банкоброщницъ и нѣсколько ватерщицъ стали на работу, а остальные съ утра 28-го апрѣля продолжали водить хоробы на «Бугрѣ». Вечеромъ къ нимъ присоединились прядильщицы и ткачи изъ 2-й смѣны тѣхъ сортовъ тканей, на которые также былъ пониженъ расцѣнокъ, и стали высказывать намѣреніе бить согласившихся работать женщинъ, которыя въ 10 часовъ вечера, по окончаніи работъ 1-й смѣны, должны были выйти съ фабрики. Фабричная администрація довела о начавшихся беспорядкахъ до свѣдѣнія полиціи, и на «Новую Мызу» были командированы помощникъ пристава и шесть городовыхъ. Въ 10-мъ часу вечера 1-ая смѣна была выпущена черезъ задніе ворота фабрики, а для прегражденія толпѣ доступа на фабричный дворъ ворота со стороны открытаго двора рабочихъ спаленъ и съ улицы были заперты. Подступившая въ это время къ запертымъ воротамъ толпа, большинство которой состояло изъ женщинъ и мальчиковъ-подростковъ, стала ломиться въ ворота и бросать черезъ нихъ камни, которыми были разбиты окна фабрики и электрическіе фонари на дворѣ. Не проникнувъ въ фабричныя корпуса, буйствовавшая толпа рабочихъ обратилась къ квартирамъ служащихъ, къ пожарному депо и къ квартирѣ директора фабрики Лотарева, гдѣ камнями выбила стекла, а затѣмъ подступила къ фабричной харчевой лавкѣ, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ корпуса младшихъ служащихъ и, сломавъ запиравшій ее дверной желѣзный болтъ, проникла въ лавку и уничтожила весь находившійся въ ней товаръ: бочки съ масломъ и селедками были разбиты, головы сахара были расколоты на куски, которыми потомъ выбивали стекла въ окнахъ; въ хлѣбопекарнѣ въ дежи съ тѣстомъ были набросаны камни и налитъ керосинъ.

Беспорядки на «Новой Мызѣ» продолжались до 1 часа ночи, а затѣмъ толпа съ крикомъ и пѣснями отправилась на другую фабрику того же товарищества, «Новоткацкую», отстоящую отъ «Новой Мызы» въ 1¹/₄ верствъ, и по дороге туда выбила стекла въ окнахъ красильно отдѣлочной фабрики. На «Новоткацкую» фабрику толпа прибыла во 2-мъ часу ночи; здѣсь часть ея направилась къ фабричнымъ спальнямъ и стала подговаривать рабочихъ принять участіе въ беспорядкахъ, но послѣдніе отказались, а часть направилась къ харчевой лавкѣ и пыталась выломать въ ней двери, а когда это не удалось, то было выломано окно, черезъ которое нѣсколько человекъ, проникнувъ въ лавку, стали выкидывать товаръ, а находившіеся на улицѣ рабочіе тутъ же его уничто-

жали. Въ два часа ночи на «Новоткацкую» фабрику прибыли изъ Серпухова войска, при приближеніи которыхъ толпа разсѣялась, и порядокъ былъ водворенъ, такъ что съ утра 29-го апрѣля фабрика «Новая Мыза» стала работать по прежнему. Убытокъ, понесенный при этихъ беспорядкахъ товариществомъ мануфактуръ Н. Н. Кошнина, простирается до 13 тыс. руб. и былъ причиненъ разгромомъ двухъ харчевыхъ лавокъ, хлѣбопекарни и поврежденіемъ оконъ въ фабричныхъ корпусахъ; работы же на фабрикѣ во время беспорядковъ не прекращались.

Изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ описанныхъ беспорядкахъ, обнаружены были только слѣдующія: Иванъ Голубевъ, который въ половинѣ 10 часа вечера находился въ буйлившей толпѣ и на увѣщанія городского Самсонова и хажала Архипова кричалъ «уходите!»; Михаила Птыгина и Павла Будицова видѣли ломившимися въ запертыя ворота. При разгромѣ квартиры директора Лотарева его кучеръ Старичковъ призвалъ рабочаго Ивана Наумова, который находясь въ толпѣ, закричалъ: «вотъ директорскій кучеръ!» и ударилъ его, Старичкова, два раза по лицу. Послѣ разгрома лавки на «Новой Мызѣ» помощникъ пристава Зелепугинъ вмѣстѣ съ городскими задержалъ около церкви Богоявленія рабочаго Константина Титова, который несъ похищенные изъ лавки четвертку чаю и кусокъ солонины. При задержаніи Титовъ кричалъ: «братцы, выручайте!» Въ рукахъ у него былъ камень.

На судѣ свидѣтель Лотаревъ, директоръ фабрики, показалъ, что онъ поступилъ на это мѣсто весной 1897 г., послѣ бывшихъ тогда крупныхъ беспорядковъ. При немъ никакихъ беспорядковъ не было, бывали заявленія оглашенныхъ рабочихъ, которые просили уравнивать заработную плату, такъ имъ казалось, что нѣкоторые рабочіе при меньшей затратѣ труда получаютъ больше тѣхъ, которые исполняютъ болѣе трудную работу. Въ виду этихъ заявленій передъ минувшей Пасхой былъ нѣсколько измѣненъ расцѣнокъ заработной платы, такъ какъ прежде, дѣйствительно, нѣкоторые номера пряжи определены были неверно. По новому расцѣнку за нѣкоторые сорта плата была увеличена, за другіе—понижена; въ общемъ же заработокъ ватерщицъ долженъ былъ увеличиться копейки на три, на четыре въ день, но ватерщицамъ казалось, что онѣ будутъ зарабатывать меньше, потому что зарабатываемая ими пряжа вѣсомъ выходитъ меньше, чѣмъ прежде. Поэтому онѣ заявили требованіе объ увеличеніи расцѣнка и подговорили банкоброщицъ, которыя тоже потребовали увеличенія расцѣнка. По мнѣнію свидѣтеля, главная масса рабочихъ не сочувствовала беспорядкамъ. На «Новой Мызѣ» буйствовавшая толпа была человекъ въ 600, а на «Новоткацкую» фабрику пришло только около 300 человекъ. По прекращеніи беспорядковъ, собраны были выборные отъ рабочихъ, причемъ прядильщики и ткачи въ присутствіи администраціи фабрики и властей заявили, что они всемъ довольны; банкоброщицы согласились работать послѣ того, какъ имъ было обѣщано пересмотрѣть расцѣнки; согласились работать и ватерщицы съ новыхъ ватеровъ, когда имъ разъяснили, что по новому расцѣнку плата имъ, въ сущности, прибавлена: больше другихъ упорствовали ватерщицы со старыхъ ватеровъ, но согласились стать на работу и онѣ, когда имъ обѣщали удовлетворить ихъ претензіи. Во время беспорядковъ работы на фабрикѣ не прекращались; былъ только простой нѣкоторыхъ станковъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

По мнѣнію фабричнаго инспектора, причиной беспорядковъ былъ низкій заработокъ ватерщицъ и банкоброщицъ,—онѣ зарабатывали отъ 8 до 11 руб. въ мѣсяцъ Мѣсяца черезъ два послѣ прекращенія беспорядковъ расцѣнки были измѣнены, и заработокъ увеличенъ.

Большинство свидѣтелей рѣшительно отказывались сказать, участвовали

ли въ безпорядкахъ кто-нибудь изъ обвиняемыхъ: въ огромной толпѣ, да еще ночью, признать кого-либо было трудно.

Резолюція палаты: Птыгина и Кудинова, признавъ виновными по 269¹ ст. улож. о наказ., заключить въ тюрьму: перваго—на 8 мѣс., съ ограниченіемъ правъ, а втораго—на 3 мѣсяца; Титова, признавъ виновнымъ по 109 ст. ужд. о нак., заключить въ тюрьму на 6 мѣс.; Наумова и Голубева оправдать.

Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ. Въ мартѣ настоящаго года въ Петербургѣ состоялся первый всероссійскій съѣздъ, пооващенный вопросамъ ремесленной промышленности, которому предстоитъ, между прочимъ, заняться и вопросомъ о положеніи ремесленныхъ рабочихъ.

Нельзя не признать созыва этого съѣзда чрезвычайно своевременнымъ, потому что ремесленный рабочій занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ русской рабочей семьѣ: рабочее законодательство не распространяется на ремесленную промышленность, господствующія въ ней условія труда, не подчиненныя никакому контролю, являются въ высшей степени тяжелыми для рабочихъ. Яркой иллюстраціей этихъ условій труда служитъ интересная статья о симферопольскихъ ремесленникахъ, помѣщенная въ «Спб. Вѣдом.». Вотъ, напр., таблица, характеризующая длину рабочаго дня въ Симферопольскихъ ремесленныхъ мастерскихъ.

Ремесла.	Средній возрастъ рабочихъ	Средняя продолжительность раб. дня.
Сапожное	16 лѣтъ.	15 ¹ / ₂ час.
Портняжное	17 »	15 »
Переплетное	16 »	15 »
Жестян. выдѣлій	15 »	14 »
Столярное	16 »	14 »
Шорное	16,5 »	14 »
Шапочное	17 »	13 ¹ / ₂ »
Дамскихъ нарядовъ	14 »	13 ¹ / ₂ »
Слесарное	15,5 »	13 »
Обойно-драпировачное	13,5 »	13 ¹ / ₂ »
Среднее для всѣхъ ремесль	1,56 »	14 »

На обѣдъ и отдыхъ приходится, въ среднемъ, около 35 минутъ въ день. Въ сапожномъ и портняжномъ производствахъ рабочій день продолжается иногда до 18 час. Въ остальныхъ категоріяхъ труда, рабочій день никогда не опускается ниже 12 час. Женскій трудъ находитъ приложеніе, главнымъ образомъ, въ модныхъ мастерскихъ дамскихъ нарядовъ, гдѣ изящество и быстрота исполненія заказа окупаются дорогою цѣною здоровья и развитія малолѣтнихъ работницъ. Въ этой графѣ мы встрѣчаемся съ показаніями, что рабочее время часто длится «цѣлый день» безъ опредѣленнаго отдыха и что обѣдаютъ мимоходомъ, спѣша возвратиться къ иглѣ. При всемъ этомъ, оплата каторжнаго труда ремесленныхъ рабочихъ чрезвычайно низка. Не говоря о томъ, что такъ называемые ученики въ первое время совсѣмъ не получаютъ жалованія, подмастерья-сапожники, при хозяйскихъ харчахъ и одеждѣ, зарабатываютъ отъ 5 до 15 рублей въ мѣсяцъ; столяры—отъ 5 до 12; портные—отъ 6 до 18 р. Въ модныхъ же мастерскихъ плата колеблется отъ 3 до 6 р. Конечно, мы не беремъ вышшаго слоя ремесленниковъ-мастеровъ, заработокъ которыхъ достигаетъ иногда 25—30 р. въ мѣсяцъ. Главная масса ремесленниковъ-рабочихъ состоитъ изъ малолѣтнихъ и подростковъ, охрана которыхъ признана необходимою законодательствомъ всѣхъ европейскихъ государствъ.

Приведенныя данныя получаютъ особенное значеніе, если мы обратимъ вниманіе на то, что помѣщенія, гдѣ производится работа, обыкновенно страдаютъ недостаткомъ воздуха и свѣта, а пища не содержитъ достаточнаго количества

питательныхъ веществъ. Эти цифры объясняютъ физическую неразвитость и истощенный видъ дѣтей и подростковъ, который поражаетъ наблюдателя въ воскресныхъ и субботнихъ школахъ, эти цифры объясняютъ, почему многіе изъ рабочихъ покидаютъ школу, несмотря на всю жажду просвѣщенія, эти цифры объясняютъ и то странное явленіе, что въ бесплатной городской библіотекѣ школьники требуютъ «книжку потолще» и не хотятъ брать небольшихъ рассказовъ, а болѣе взрослые подписчики, которые почти исключительно — ремесленники, просятъ «что-нибудь потоньше» и отказываются отъ сочиненій въ 150—200 страницъ. Непомѣрная продолжительность рабочаго дня является твердою скалою, о которую разбиваются въ прахъ всѣ усилія ремесленниковъ приобщиться къ богатой духовной сокровищницѣ чело­вѣчества и сознанія бесплодности своихъ попытокъ; въ особенности тяжело для нихъ теперь, когда стремленіе къ образованію все глубже и глубже проникаетъ въ народную массу и создаетъ въ ней новыя интеллектуальныя потребности. Это стремленіе заставляетъ и симферопольскихъ ремесленныхъ рабочихъ искать лучшихъ условий существованія. Не зная закона, они постоянно обращаются съ заявлениями къ фабричной инспекціи, а въ прошломъ году подмастерья портняжнаго цеха подали таврическому губернатору прошеніе, въ которомъ описывали свое положеніе и просили о фактическомъ обезпеченіи имъ продолжительности рабочаго дня въ предѣлахъ, установленныхъ 431 статьей устава о промышленности. Статья эта, неприкосновенно сохранившаяся съ екатерининскихъ временъ, какъ извѣстно, гласитъ, что «ремесленные рабочіе часы въ суткахъ суть отъ шести часовъ утра до шести часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полчаса на обѣдъ и отдыхъ». Прошеніе было принято, но что могла сдѣлать административная власть? Поручить наблюденіе за неуклоннымъ выполненіемъ закона общей полиціи, той полиціи, которая обязана блюсти за всѣмъ, начиная отъ чистоты помойныхъ ямъ и кончая чистотою обывательскихъ помысловъ? Естественно, что никакихъ практическихъ послѣдствій прошеніе не имѣло. Измѣненіе современныхъ условий труда произойдетъ подъ впливомъ только широкихъ законодательныхъ реформъ. Можно даже опасаться, что одно подчиненіе ремесленныхъ заведеній вѣдѣнію фабричной инспекціи не принесетъ желаемыхъ результатовъ, вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей мелкаго производства: незначительнаго размѣра и большого числа отдѣльныхъ предпріятій. Лучшимъ средствомъ къ уничтоженію за является устраненіе изолированности рабочихъ и предоставленіе имъ права профессиональной самостоятельности для совмѣстнаго осуществленія справедливыхъ требованій и труда.

Одесскіе пекари. Положеніе рабочихъ въ одесскихъ булочныхъ можетъ выдержать сравненіе даже съ только что описаннымъ положеніемъ симферопольскихъ ремесленниковъ, «Одесскій Листокъ», сообщая о ходатайствѣ пекарей и другихъ рабочихъ одесскихъ булочныхъ о нормировкѣ рабочаго дня, приводятъ свѣдѣнія объ одесскихъ пекарняхъ.

Какъ оказалось изъ многочисленныхъ опросовъ, трудъ пекарей, въ среднемъ, продолжается около 20 часовъ въ сутки, а нѣрѣдко работа идетъ въ круговую въ теченіе 24 часовъ, днемъ и ночью. Подробными врачебными осмотрами констатированъ рядъ профессиональныхъ болѣзней, составляющихъ удѣлъ пекаря: тутъ и хроническое воспаленіе легкихъ, и артеріосклерозъ, и гипертрофія сердца, и проч., и проч.

Болѣзни, къ сожалѣнію, далеко не единственный результатъ такихъ условий пекарей. Исслѣдованія показали, что нынѣшній чрезмѣрный трудъ пекарей отражается крайне неблагоприятно не только на ихъ здоровьи, но и на всемъ складѣ жизни: при такомъ усиленномъ трудѣ, почти безъотдыха, неизбежно нарушается семей-

ная жизнь, остаются безъ удовлетворенія религіозныя и духовныя нужды и т. д. Съ другой стороны, вслѣдствіе, переутомленія, работникъ-пекарь не въ состояніи слѣдить за соблюденіемъ чистоты и вообще всѣхъ санитарныхъ требованій при производствѣ, не въ состояніи заботиться о качествахъ изготовляемаго имъ продукта. Наконецъ, тотъ же непосильный трудъ, разрушая преждевременно здоровье пекарей, создаетъ обществу, въ лицѣ ихъ, будущихъ кандидатовъ въ богадѣльни, пріюты и т. д.,—словомъ, создаетъ контингентъ лицъ, нуждающихся постоянно въ общественномъ призрѣніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, при этихъ условіяхъ, эпидеміи могутъ находить среди пекарей благопріятныя условія для своего распространенія.

Такимъ образомъ,—говорить въ заключеніе «Одесскій Листокъ»,—самые очевидные крупныя общественныя интересы требуютъ улучшенія положенія пекарей и прежде всего—соображенія ихъ чрезмѣрнаго труда. Разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ трудностей, такъ какъ и ремесленный, и фабричный уставы даютъ необходимый практическій выходъ. Въ тѣхъ пекарняхъ гдѣ менѣе 16 рабочихъ, должны примѣняться требованія ремесленного устава, а послѣдній ограничиваетъ время работъ ремесленниковъ 12-ю часами въ день. Въ пекарняхъ же съ числомъ рабочихъ изъ 16 и выше человекъ долженъ примѣняться фабричный рабочий день 11 $\frac{1}{2}$ часовъ. Сами работники-пекаря и ходатайствуютъ теперь объ установленіи въ одесскихъ пекарняхъ 12-часового рабочего дня. Имѣя въ виду непрерывность даннаго производства и ночную работу, надлежитъ устанавить двѣ смѣны.

Рѣчь астраханскаго губернатора. Юридическая газета «Право» напечатала слѣдующую рѣчь г. астраханскаго губернатора, пригласившаго къ себѣ для объясненій по дѣламъ службы городского голову съ полнымъ составомъ думы (рѣчь эта была перепечатана въ нѣсколькихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ): «прошу извиненія, господа, что побезповоилъ васъ явиться ко мнѣ. Въ сущности, я могъ бы ограничиться приглашеніемъ для настоящаго объясненія лишь городского головы и членовъ управы, но я призналъ необходимымъ видѣться съ вами, тѣмъ болѣе, что мнѣ не приходилось обращаться ко всѣмъ вамъ лично, а лишь черезъ другихъ лицъ, причемъ нерѣдко,—я не утверждаю, что умышленно,—моимъ желаніямъ и мнѣніямъ придавался невѣрный смыслъ. Я созвалъ васъ съ тѣмъ, чтобы чистосердечно высказать все накопившееся у меня на душѣ противъ васъ неудовольствіе.

«Приглашая васъ, я думалъ было обратиться къ вамъ съ угрозою, но потомъ передумалъ, такъ какъ не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ привычкахъ поступать такъ. Благодаря моему долгому опыту я знаю, что добромъ и убѣжденіемъ можно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ и потому я рѣшилъ забыть всю горечь обидъ и, миролюбиво высказавъ вамъ все, забыть всѣ ваши проступки противъ меня. Господа, я здѣсь 4 года. Въ теченіе этого времени вы меня въ моихъ начинаніяхъ по благоустройству и благополучію города не слушаете, меня, мѣстнаго представителя Царской власти. Отношеніе ко мнѣ городскихъ представителей особенно ухудшилось за послѣднее время: такъ, почти всѣ мои предложенія городская дума отклоняетъ, конечно, я не хочу сказать, что вся дума въ полномъ ея составѣ, но мнѣ оказываютъ противодѣйствіе 3—4 лица, которыя высказываются всегда противъ моихъ предложеній, а большинство идетъ за ними. Мало того, оппозиція обязавалась своимъ органомъ печати—это «Астраханскій Вѣстникъ», редактора котораго я тоже пригласилъ сюда: но пусть г. Динбергъ не беспокоится: ни противъ него, ни противъ его газеты не будетъ принято никакихъ репрессивныхъ мѣръ. «Астраханскій Вѣстникъ», несмотря на мое гуманное отношеніе къ печати,

*

умышленно, говорю, не только умалчиваетъ объ астраханскомъ губернаторѣ, но моимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ придаетъ невыгодный для меня смыслъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ мною будутъ указаны факты. Будучи въ Царевѣ, мнѣ пришлось читать въ столичныхъ газетахъ телеграммы изъ Астрахани, облетѣвшія всю Европу, о пребываніи въ Астраханской губерніи Его Высочества принца Ольденбургскаго, причемъ въ телеграммахъ этихъ не было упомянуто, что принца сопровождалъ я. Телеграммы эти были даны г. Динбергъ, такъ какъ онъ состоитъ мѣстнымъ агентомъ «Россійскаго телеграфнаго Общества». Затѣмъ, въ отчетахъ той же газеты «Астраханскаго Вѣстника» о пребываніи принца въ Астрахани также совершенно умолчено, что принцъ удостоилъ посѣщеніемъ мою квартиру, навѣстивъ въ ней мою супругу, съ которой вмѣстѣ ѣздилъ осматривать дешевую столовую благотворительнаго Общества; но въ то же время было подробно указано о посѣщеніи Его Высочествомъ городской думы, хотя посѣщеніе это вышло совершенно случайно, такъ какъ принцъ не предполагалъ посѣщать думы, и я не знаю, какимъ образомъ могла получиться ошибка въ телеграммѣ, въ которой должно было быть сказано, что принцъ посѣтитъ архіерея въ городскомъ домѣ. Но я, узнавъ, что дума ожидаетъ принца, просилъ Его Высочество не отказать въ своемъ посѣщеніи ея, чтобы не обидѣть думы. По поданной же мною телеграммѣ о желаніи принца объ устройствѣ ночлежныхъ баракъ и дешевыхъ столовыхъ городская дума не исполнила этого желанія. При этомъ я долженъ сказать, что пребываніе Его Высочества въ губерніи произвело самое хорошее впечатлѣніе, которое было омрачено городскими представителями, именно безтактною подачею двухъ записокъ о субсидіи городу и о набившемъ всѣмъ оскомину вопросѣ о лѣвобережной дорогѣ. Я же старался смягчить неудовольствіе принца. Что же касается до моихъ отношеній къ городскимъ дѣламъ, то я укажу на дѣло постройки трамвая, въ защиту котораго городскими представителями столько ломалось копій, и все-таки на молебствіи, бывшемъ по случаю закладки зданія трамвая, присутствовалъ я и, наоборотъ, не было никого изъ представителей города.

«Не могу не указать, что не только при отъѣздѣ моемъ въ нынѣшнемъ году въ отпускъ никто изъ представителей города не явился меня проводить, но даже по возвращеніи моемъ изъ Царева, послѣ столь тяжкаго подвига, я не былъ встрѣченъ кѣмъ-либо изъ городскихъ представителей. Не сомнѣваюсь, что въ другомъ городѣ губернатора, сдѣлавшаго для края то же, что было сдѣлано мною во время 51-дневнаго пребыванія въ Царевскомъ уѣздѣ, встрѣтили бы съ хлѣбомъ-солью; никакихъ отговорокъ въ томъ, что мой пріѣздъ не былъ извѣстенъ, принять не могу, такъ какъ стоило лишь пожелать, и объ этомъ можно было узнать и по телефону, и по телеграфу. Вы могли бы еще исправить свою ошибку, посѣтивъ, по моему приглашенію, бывшее вчера торжество по случаю трехлѣтняго существованія пріюта прокаженныхъ, учрежденія столь дорогаго моему женѣ и осуществленнаго при вашемъ же содѣйствіи, но всѣ представители города отсутствовали, за исключеніемъ Н. К. Фонова.

«Въ заключеніе, я долженъ опять сказать вамъ, что по своему характеру и привычкѣ, добытой годами,—мнѣ уже 56 лѣтъ,—да и думаю, что надо себя пожалѣть,—я не стану прибѣгать ни къ угрозамъ, ни къ какому-либо репрессивнымъ мѣрамъ, хотя бы я и могъ по отношенію къ городскимъ представителямъ, но оставаясь такимъ же гуманнымъ и безпристрастнымъ въ городскихъ дѣлахъ, я буду надѣяться, что городскіе представители измѣнятъ свое настоящее отношеніе ко мнѣ, буду терпѣливо ждать этого до открытія навигаціи будущаго года; если же къ этому времени отношеніе не измѣнится, то я буду вынужденъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, Государю Императору и сказать, что я не могу служить здѣсь, переведите меня въ другую губернію, хотя, вѣроятно, вся Астраханская губернія и пожалѣетъ объ

этомъ, но зато въ другомъ мѣстѣ скорѣе опѣнать меня; причеъ скажу, что вѣра въ то, что людьми можно достичь большаго не угрозой, а добромъ, не уничтожится во мнѣ. Я чистосердечно высказалъ вамъ все, что наболѣло у меня на душѣ; прошу извинить за 'безпокойство, затѣмъ до свиданія».

Студенческая перепись въ Кіевѣ. Корреспондентъ «Сѣв. Курьера» сообщаетъ о томъ, что въ настоящее время въ кіевскомъ университетѣ предпринята перепись—дѣлъ которой состоитъ въ томъ, чтобы представить картину экономического положенія студенчества. Нельзя не привѣтствовать этого явленія, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія такого рода, столь рѣдкія у насъ до настоящаго времени, не мало могутъ способствовать объясненію нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ нашего студенчества, такъ своеобразно отличающагося отъ его западно-европейскихъ сотоварищей. Существованіе этихъ своеобразныхъ чертъ, заставлявшихъ неоднократно обращать на себя вниманіе всего общества, обратило на себя вниманіе и нашего правительства и поставлено имъ въ связь съ экономическими условіями студенческаго быта, какъ это выясняется изъ ряда предпринятыхъ имъ мѣропріятій. Всюду въ этомъ году обращено усиленное вниманіе на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія студенчества, всюду открываются общежитія, столовые, инспекціи вмѣняется въ обязанность подыскивать студентамъ квартиры и доставать уроки, устраиваются при университетѣ бюро труда и т. д. Такъ и въ Кіевѣ, въ началѣ ноября, была торжественно открыта столовая для студентовъ, проектируется общежитіе, планъ устройства общежитія для политехниковъ близокъ къ осуществленію. Въ явленіямъ такого же порядка можно отнести и совершающуюся теперь перепись. Однако, какъ и перепись произведенная въ Томскѣ, наша «анкета» обязана своимъ происхожденіемъ не бюрократическимъ начинаніямъ «Оффиціального благотворительнаго общества» или инспекціи, по крайней мѣрѣ, идея о ней зародилась въ средѣ студентовъ, и существенная часть ея,—именно составленіе опросныхъ листовъ произведено ими же. Въ практическомъ же осуществленіи ея обойтись безъ содѣйствія «властей предержавшихъ» было бы, конечно, невозможно. Поэтому на самомъ производствѣ переписи, довольно ошутительно отозвалась мертвячая рука канцелярщины. Когда опросные листки были отпечатаны (на счетъ благотворительнаго общества), предсталъ вопросъ: какимъ же образомъ осуществить перепись по возможности всѣхъ 2.500 студентовъ нашей «alma mater»? Лучше всего, разумѣется, было бы предоставить это дѣло самимъ студентамъ. Но здѣсь сразу пришлось бы натолкнуться на массу препятствій: счетчиковъ пришлось бы выбирать по курсамъ—для этого пришлось бы собираться, пришлось бы собираться потомъ и счетчикамъ для обсужденія плана дѣйствій и т. д. Есть и другой способъ, уступающій первому, но все-таки дѣльсообразный—разослать всѣмъ студентамъ переписные листы по почтѣ, но для этого нужно рублей 40—50 (на конверты, марки),—такихъ суммъ нигдѣ не нашлось... Въ концѣ концовъ, остановились на слѣдующемъ, болѣе простомъ образѣ дѣйствій (или, вѣрнѣе, образѣ бездѣйствій): положили кипу бланковъ гдѣ-то на столѣ въ канцеляріи, гдѣ желающіе могутъ ихъ разыскать и заполнить... Нечего и говорить, что при такой постановкѣ дѣла на сколько-нибудь благоприятный результатъ трудно разсчитывать. Вообще, въ данномъ случаѣ администрація обнаружила явную склонность къ принципу «непротивленія»...

На заголовкѣ помѣщена фраза: «просать дать *безуслвно* вѣрный отвѣтъ, или никакого». Далѣе идутъ слѣдующія рубрики: 1) Факультетъ? 2) Семестръ? 3) Національность? 4) Вѣроисповѣданіе? 5) Возрастъ? 6) Подданство? 7) Годъ пребыванія въ университетѣ или высшемъ учебномъ заведеніи? 8) Перемѣняли ли факультетъ вслѣдствіе матеріальныхъ недостатковъ? 9) Сословіе отца? 10) Занятіе родителей? 11) Размѣръ доходовъ родителей въ годъ: а) вообще, б) въ

этомъ году. 12) Велика ли семья и сколько членовъ ея нуждается въ поддержкѣ родителей? 13) Обеспеченіе со стороны родителей или родственниковъ: а) полное, б) никакого, в) неполное (и въ чемъ выражается). 14) Оказываете ли денежную помощь родителямъ или родственникамъ и въ какомъ приблизительно размѣрѣ (годуично, ежемѣсячно)? 15) Семейное положеніе самого студента (холостъ, женатъ, есть-ли дѣти и сколько)? Далѣе помѣщена таблица, въ которой размѣщены всѣ источники доходовъ, какъ-то: получки отъ родителей, собственные средства, стипендія, пособія, переписка, корректура, уроки, частная служба разнаго рода и т. д. Изъ этой таблицы можно получить свѣдѣнія о помѣсячномъ заработкѣ въ теченіе всего послѣдняго года, о средней суммѣ заработка въ мѣсяцъ и въ годъ, о числѣ часовъ, которое отнималъ послѣдній заработокъ и т. д. 16-й вопросъ—сколько времени вы искали послѣдній заработокъ? 17) Какимъ образомъ вы нашли заработокъ (газетная публикація, черевъ товарищей, объявленіе въ университетѣ, рекомендація гимназій, знакомыхъ, инспекціи, общества вспомошествованія, случайно? 18) Какое общественное положеніе занимаетъ урокодатель? 19) Въ какомъ классѣ и какомъ учебномъ заведеніи находится ученикъ? 20) Довольны ли заработкомъ? 21) Если нѣтъ, то почему (платой, разстояніемъ, продолжительностью затрачиваемаго на заработокъ времени, отношеніемъ урокодателей)? 22) Во что обходятся вамъ ежемѣсячно: а) квартира, б) обѣдъ, в) чай, завтракъ, ужинъ, г) развлечения, д) иные расходы (мытье бѣлья и пр.)? 23) Во что обходятся вамъ въ годъ: а) учебныя пособія, б) книги, в) журналы, газеты, библиотека, г) одежда, д) общая сумма годового расхода? 24) Остается-ли у васъ что нибудь? 25) Мінімумъ необходимаго вамъ ежемѣсячнаго бюджета?

Въ заключеніе корреспондентъ «Сѣв. Кур.» справедливо высказываетъ сожалѣніе, что «анкета» ограничивается изслѣдованіемъ одной экономической стороны жизни студенчества.

Придавая важное значеніе «анкетѣ» такого рода,—говоритъ онъ,—мы не думаемъ, однако, чтобы экономическое положеніе студенчества занимало главенствующее мѣсто въ дѣлѣ объясненія крайне своеобразныхъ чертъ фізіономіи русской молодежи. Здѣсь дѣйствуютъ болѣе широкія причины. Общественныя наклонности, искусственно изгояемыя изъ жизни, находятъ себѣ пріютъ въ храмахъ науки.

Крестьяне о школѣ. «Спб. Вѣдомости» приводятъ интересныя данныя изъ «Матеріаловъ по народному образованію въ Воронежской губ.», характеризующія отношенія крестьянъ къ школѣ и требованія, которыя они къ ней предъявляютъ. Подавляющее большинство (88,4%), опрошенныхъ воронежскими статистиками крестьянъ, высказалось въ пользу образованія. Между тѣмъ, по свидѣтельству Ф. А. Щербина, всего 15 лѣтъ тому назадъ, когда впервые производилось земско-статистическое изслѣдованіе Воронежской губерніи, изъ ста опрошенныхъ крестьянъ, «по крайней мѣрѣ, чловѣкъ 60 или 70 категорически заявляли, что имъ школа не нужна, что это—дѣло барское и для крестьянина неподходящее, что жили же раньше и безъ школы дѣды и отцы, жили далеко лучше нынѣшняго поколѣнія. Содержать школу казалось и дорого, и тяжело населенію. Однимъ словомъ, школа и школьное образованіе считались, по меньшей мѣрѣ, роскошью и пустымъ дѣломъ»...

Какое же значеніе придаютъ крестьяне получаемому въ школѣ образованію? Въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается польза грамоты?

«Грамотный хоть Богу-то научится молиться», «лежишь неграмотный, язь скотыняка», «грамотному дороже платять на заводѣ», «грамотному и на базарѣ сподручнѣе, и по военной службѣ легче», «грамотному все виднѣе»,—вотъ только самая ничтожная часть дословно записанныхъ воронежскими ста-

тистиками мотивированныхъ отвѣтовъ, достаточныхъ, однако, для сужденія о томъ разнообразіи точекъ зрѣнія, съ которыхъ грамота усваивается крестьянами. Въ общемъ, всѣ полученные отвѣты могутъ быть разбиты на шесть группъ. Мы имѣемъ группу отвѣтовъ, въ которыхъ грамота цѣнится, какъ средство для совершенствованія человѣка, другая группа выдвигаетъ на первый планъ образованіе, какъ средство, облегчающее разныя житейскія отправления, напр., повинности, обязанности и т. п.; третья—цѣнить образованіе какъ орудіе самозащиты и самоохраненія; четвертая—разматриваетъ значеніе образованія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія; пятая—имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, чисто матеріальныя выгоды, извлекаемыя изъ грамотности и, наконецъ, шестая—цѣнить просто ея общепользность, безъ болѣе точнаго и ближайшаго опредѣленія послѣдней. Количественное взаимоотношеніе только что перечисленныхъ группъ представлено въ слѣдующей глубокопоучительной таблицѣ.

1) Совершенствованіе.	31,1 проц.
2) Облегченіе житейскихъ отравленій	22,2 »
2) Самоохраненіе.	17,8 »
4) Религіозно-нравственное значеніе	13,3 »
5) Матеріальныя выгоды.	8,9 »
6) Общепользность	6,7 »

Эти данныя уже сами по себѣ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какой типъ школы предпочитается крестьянами. Но, одновременно съ отвлеченнымъ и принципиальнымъ вопросомъ объ отношеніи къ образованію, крестьянамъ ставился болѣе конкретный и практическій вопросъ объ отношеніи къ школѣ. И вотъ мы узнаемъ, что число сторонниковъ школы (65,8⁰/о) гораздо менѣе числа сторонниковъ образованія (88,4⁰/о); въ то же время число противниковъ школы (21,8⁰/о) во много разъ превосходитъ число противниковъ образованія (2,7⁰/о). Среди принципиальныхъ сторонниковъ образованія обнаруживается, слѣдовательно, значительный контингентъ враждебно настроенныхъ противъ школы, которая имъ почему-либо пришлась не по нутру, не соответствуя ихъ вкусамъ и не удовлетворяя ихъ требованіямъ. Какіе же дефекты школы обусловили отрицательное отношеніе къ ней крестьянъ? Тутъ приходится констатировать глубоко знаменательное явленіе: это отрицательное отношеніе,—какъ-то ясно и несомнѣнно слѣдуетъ изъ отзывовъ крестьянъ,—обусловлено не земкой школою!.. Наибольшее недовольство крестьянъ школою должно быть отнесено, прежде всего, на счетъ школъ грамоты. Изъ всей массы отзывовъ одобрительный имѣется только объ одной такой школѣ. Что же касается всѣхъ остальныхъ, то тутъ крестьяне недовольны всѣмъ: и условіями пріема, и преподавателями, и преподаваніемъ. Крестьяне, понятно, не могутъ быть довольны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ грамоты учитель, объявляя о пріемѣ дѣтей, обычно присовокупляетъ: «это пограмотнѣе—приходи» и что «въ школы грамоты предпочтительно принимаютъ уже заученныхъ дома дѣтей, а неученыхъ отсылаютъ назадъ». Съ обычной своей наблюдательностью крестьяне, среди которыхъ къ тому же теперь—уже не мало прошедшихъ курсъ земской школы, легко подмѣтятъ, что учителя въ школахъ грамоты «сами мало смыслятъ». Недовольны крестьяне и тѣмъ, что въ этихъ школахъ «мало учатъ». «Яка тамъ грамота—часъ—два», «не учатся, а въ свынку граютъ; ни якого діла». Еще менѣе довольны крестьяне результатами обученія «читать читаемъ, по пониманія нѣтъ»...

Однаково несочувственнымъ представляется ихъ отношеніе къ церковно-приходской школѣ. Отзывы крестьянъ на ея счетъ оказываются настолько рѣзкими, что воронежскіе статистики изъ понятной щепетильности сочли даже нужнымъ воздержаться отъ ихъ дословнаго повторенія, ограничившись общимъ

указаніемъ, что въ «церковно-приходской школѣ крестьяне видятъ школу неустойчивую» и обыкновенно противопоставляютъ ей земскую, въ которой и учитель «настоящій», и ученіе идетъ правильно и регулярно. Даже отъ вольныхъ учителей, находящихся въ полномъ распоряженіи родителей, крестьянами «требуется теперь обученіе «по граждански», на свѣтскій манеръ. То, что еще 10—15 лѣтъ тому назадъ считалось въ крестьянской средѣ верхомъ образованности, теперь третируется уже насмѣшливо. «Какой онъ грамотный,— часто слышалось во время переписи,—его и писать (записывать) не слѣдуетъ: псалтырь читаетъ, а что до письма, самъ не разбираетъ, что напишетъ, такихъ-то много грамотѣвъ!»..

Естественно, какъ это обнаружено изслѣдованіемъ, что симпатіи крестьянъ всецѣло на сторонѣ земской школы, которая единственно считается ими «настоящей». Есть, конечно, недовольные и земской школой, но мотивы недовольства только еще болѣе убѣждаютъ въ прочности этихъ симпатій и въ необходимости для земской школы, ради сохраненія ихъ, не увлекаться никакими посторонними цѣлями и не уклоняться съ разъ избраннаго прямого пути. Недовольны иногда крестьяне школой, когда ихъ дѣтей не принимаютъ въ нее, за тѣснотою. Подвергаютъ они критикѣ кое-гдѣ еще процвѣтающее чрезмѣрно утрированное объяснительное чтеніе. Мало пользуется ихъ симпатіями и введенное въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ преподаваніе военной гимнастики. Прямо враждебно относятся они ко всѣмъ новымъ «затѣямъ», отклоняющимъ начальную школу отъ ея прямой задачи—дать народу грамоту, подѣ которой крестьяне, по свидѣтельству изслѣдователей, разумѣютъ не одно только умѣніе читать и писать, но и образование въ широкомъ смыслѣ. Все, что мѣшаетъ достиженію этой цѣли, все, что отвлекаетъ отъ нея учителя и ученика, подвергается суровому осужденію. Если мы вспомнимъ вышеприведенныя данныя о томъ, съ какой точки зрѣнія крестьяне, главнымъ образомъ, оцѣниваютъ образованіе, то станутъ понятными «многочисленные приговоры сельскихъ обществъ, неоднократно отказывавшихъ въ поддержкѣ разнымъ нововведеніямъ, не имѣющимъ чисто образовательнаго характера и, наоборотъ, хлопотавшихъ о новой школѣ, о помощникѣ учителя или учительницы, о библіотекѣ и пр.». Всѣ эти современныя попытки смѣшенія въ начальной школѣ профессиональныхъ задачъ съ общеобразовательными—школьные сады, школьные огороды, опытные поля—все это «рѣзко отвергалось стариками, а молодыми слегка вышучивалось, какъ только о томъ заходила рѣчь». Такое же отношеніе обнаружили крестьяне и къ устройству при начальныхъ училищахъ мастерскихъ и къ введенію въ нихъ обученія ремесламъ. «Однимъ дѣломъ нужно заниматься,—говорили они,—одно дѣло—грамотѣ учиться, другое—мастерству... Этакъ-то ни одного зайца не поймашь!»

Изъ Русскихъ журналовъ.

«Русская Мысль», ноябрь. Л. С. Заки печатаетъ начало очерка «Земство и крестьянское хозяйство»,—посвященное оцѣнкѣ условій, при которыхъ совершается «сбытъ крестьянскаго хлѣба». Статистическія цифры показываютъ, собственно, что «изъ общей массы населенія выдѣляется только очень небольшая группа—около $\frac{1}{6}$, произволящая зерно съ избыткомъ, который и отчуждается. Масса же населенія производитъ зерно только для своихъ потребностей, причѣмъ больше половины всѣхъ крестьянъ своей земледѣльской дѣятельностью даже не зарабатываютъ необходимыхъ средствъ пропитанія». Но на дѣлѣ продавать хлѣбъ приходится несравненно большому количеству крестьянъ,—про-

давать не потому, чтобы имѣлся излишекъ, а потому, что это — единственный способъ покрыть необходимые расходы (платежъ аренды и налоги). Авторъ замѣчаетъ, что крайне невыгодная операція продажи зерновыхъ продуктовъ осенью и покупка ихъ весною является для крестьянъ не чѣмъ инымъ, какъ займомъ денегъ подъ залогъ хлѣба за крупные проценты». Для устранения разорительности такого займа авторъ предлагаетъ земствамъ «организовать выдачу ссудъ подъ залогъ продуктовъ» и рассматриваетъ условія, при которыхъ эта операція могла бы совершаться «безубыточно». Въ настоящее время, когда вопросъ о расширеніи экономическихъ функцийъ земства стоитъ на очереди, разработка темы, поставленной г. Закомъ, является въ высшей степени своевременной. Д. А. Корсаковъ продолжаетъ біографическій очеркъ Б. Д. Кавелина и описываетъ пребываніе его во Франціи и Германіи, куда онъ былъ командированъ для изученія строя германскихъ университетовъ въ 1862—1864 г. Изъ своего изученія Кавелинъ выводитъ, главнымъ образомъ, двѣ мысли: о необходимости разрѣшенія студенческихъ обществъ и открытія богословскихъ факультетовъ. Первое, по его мнѣнію, предотвратитъ университетскіе беспорядки и дастъ перевѣсъ консервативнымъ элементамъ студенчества; второе — излѣчитъ русское общество отъ его индифферентизма въ религиозныхъ вопросахъ. Интересно двойственное впечатлѣніе, произведенное на Кавелина польскимъ возстаніемъ. Съ одной стороны, онъ возмущается польскою агитаціей и иностраннымъ вмѣшательствомъ въ русскія дѣла по этому поводу и высказываетъ готовность, въ случаѣ войны, отдать себя въ распоряженіе военнаго министерства. Съ другой стороны, онъ не можетъ всецѣло присоединиться къ крикамъ негодованія противъ «бунтовщиковъ» и напоминаетъ своей корреспонденткѣ, баронессѣ Раденъ, «другую сторону, на которую слишкомъ мало обращаютъ вниманія: это — наша собственная вина, наши.. недѣльные дѣйствія въ Польшѣ и Западномъ краѣ относительно поляковъ». «Разгаръ антиполонизма — нехорошее чувство». Съ этимъ внутреннимъ «разладомъ», Кавелинъ занимается среднее мѣсто между Самаринымъ и Герценомъ. М. А. Протопоповъ начинаетъ характеристику С. Н. Терпигорева (Атавы), которую онъ строитъ на идеѣ, что авторъ «Оскуднѣія» былъ «много меньше, нежели истинный сатирикъ, какимъ былъ у насъ Салтыковъ, и много побольше, нежели веселый анекдотистъ, вроде, напр., г. Лейкина». Это былъ — «сатирикъ-анекдотистъ», поставленный обстоятельствами жизни «лицомъ къ лицу съ такою общественно-психологической темою (дворянское «оскуднѣіе»), относиться къ которой *вполнѣ* легкомысленно было невозможно, по самой сущности сюжета», а «отойти» отъ которой онъ «не могъ, потому что около этого именно сюжета группировались всѣ его наиболѣе живыя наблюденія». Очень интересна взятая изъ «Revue de Paris» небольшая статья о «парламентаризмѣ въ Японіи». Авторъ статьи видитъ въ короткой еще исторіи японскаго парламентаризма — «японскую форму классической дуэли между могущественной и хорошо дисциплинированной олигархіей и честолюбивой, но плохо еще организованной демократіей». Старое поколѣніе политическихъ дѣятелей принадлежитъ къ олигархіи клановъ, — теперешній остатокъ недавно разрушеннаго японскаго феодализма. Но эти дѣятели принуждены считаться съ новыми политическими партіями — либераловъ и прогрессивистовъ, которые то соединялись въ одну «конституціонную» партію, то разъединялись и вступали въ борьбу другъ съ другомъ. Результаты этихъ союзовъ и столкновеній для политическаго развитія Японіи — немаловажны. «Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ Японія перешла отъ абсолютной монархіи, бывшей ея удѣломъ въ теченіе двадцати вѣковъ, къ парламентскому образу правленія». Первой уступкой общественному мнѣнію было устройство, въ 1868 году, ежегодныхъ съѣздовъ губернаторовъ провинцій. Потомъ, въ 1875 г. учрежденъ былъ сенатъ, а въ 1889 году провозглашена конституція, — на первый разъ сохра-

няшая за імператаромъ всѣ права верховной власти. Министры были отвѣтственны только передъ нимъ; палата представителей имѣла лишь право жалобы на министровъ. Столкновѣнія между министрами и палатой, при этомъ режимѣ, были настолько часты и остры, что императоръ прибѣгалъ къ крайнему средству и пять разъ подрядъ распускалъ палату. Въ результатъ—старые политики стали стремиться къ уничтоженію конституціи и къ возстановленію абсолютизма, а народъ сталъ требовать того, чего первоначально хотѣли лишь вожди новыхъ партій и пресса: дѣйствительной отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ. Это-то требованіе повело къ образованію слитой конституціонной партіи, а интриги дѣятелей стараго поколѣнія пытались воспользоваться ея внутренними раздорами, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть. Борьба еще не кончена, но, очевидно, она приведетъ къ окончательному развитію и упроченію парламентаризма.—*Г-жа Кавосъ-Дехтерева* даетъ недурную характеристику быстро прогрессѣвшей повѣтессы итальянской демократіи, Ады Негри, извѣстной нашимъ читателямъ по статьѣ г. *Фриче*.—Проектъ нѣкоего профессора Казанской духовной академіи, г. *Несмѣлова*, заключить русское образованіе въ рамки церковной школы, удостоивается незаслуженнаго вниманія со стороны г. *В. К.* («Образовательный проектъ конца вѣка»). Конечно, авторъ безъ труда доказываетъ нелѣпость разсужденій казанскаго профессора. *Г. А. Ч.* излагаетъ (въ статьѣ «Къ вопросу объ изученіи литературы») очень интересную книгу *Лакомба*, автора переведеннаго на русскій языкъ сочиненія о «Соціологическихъ основахъ исторіи», — «Introduction a l'histoire littéraire». «Въ трехъ томахъ задуманнаго имъ обширнаго труда Лакомбъ намѣревался охватить три крупнѣйшія отрасли человѣческой культуры: экономію, политику и искусство. Вниманію читателей предлагается авторомъ въ настоящую минуту третій томъ, посвященный, впрочемъ, пока только одному изъ искусствъ, а именно литературѣ. Въ первой части сочиненія Лакомбъ дѣлаетъ попытку научнаго обоснованія исторіи литературы; вторая часть представляетъ собою рядъ очерковъ, посвященныхъ психологіи писателя и публики, выясненію требованій и вусловъ послѣдней и ея роли въ созданіи художественныхъ произведеній; въ третьей части авторъ касается вопроса о прогрессѣ въ литературѣ, о сравнительной оцѣнкѣ отдѣльныхъ эпохъ и писателей и излагаетъ свой взглядъ на роль литературы въ жизни человѣка. Заключительныя главы посвящены изученію художественнаго языка, этого могущественнаго орудія въ рукахъ писателей».

«Письма о современномъ искусствѣ» г. —*ина* начинаются разсказомъ о первыхъ шагахъ московскаго литературно-художественнаго кружка. «Дѣли художественныя, дѣли культуры должны быть и будутъ на первомъ планѣ въ жизни кружка... Но вотъ, что жалко. Масса публики внимательно слушаетъ лекторовъ (г.г. Урусова и Гольцева), но какъ только кончилось чтеніе, *общеніе* кончается, слушатели разбѣгаются на группы, появляются карточные столы, и обаяніе литературно-художественнаго вечера пресѣкается безжалостной рукой, или, вѣрнѣе, руками, начинающими снимать и сдавать карты». Далѣе, авторъ даетъ отчетъ о представленіи «Дяди Вани» *Ан. Чехова* на сценѣ «художественно-общедоступнаго театра». Самую пьесу онъ ставитъ ниже «Чайки» того же автора, находя, что центральное дѣйствующее лицо «Дяди Вани», Се-ребряковъ, настолько же неясно изображенъ въ пьесѣ, насколько ярко выписана была въ «Чайкѣ» центральная фигура Тригорина. «Несмотря, однако, на этотъ основной недостатокъ, пьеса полна такихъ жизненныхъ сценъ, рисуетъ намъ такъ художественно-просто глухую жизнь «нудныхъ» людей, что мы готовы забыть объ этомъ недостаткѣ и искренно восхищаемся отдѣльными картинами, написанными сильной, увѣренной рукой художника».—Во внутреннемъ обзорѣ-ніи разсматривается выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ наказъ земскимъ начальникамъ. По заключенію обозрѣвателя, «наказъ стремится огра-

ничить дискреціонную власть земскаго начальника и вообще поставить его въ болѣе опредѣленные рамки, чѣмъ это было сдѣлано закономъ 12-го іюля 1889 г.». Въ этомъ «противорѣчїи между наказомъ и духомъ учрежденія земскихъ начальниковъ» обозрѣватель видитъ «доказательство того, что въ правительственныхъ сферахъ подорвана вѣра въ благотворность принциповъ, легшихъ въ основаніи закона 12-го іюля 1889 г.». «Наказъ является лишь первой попыткой къ измѣненію этого закона». Характернымъ признакомъ времени служить рѣшеніе казанскаго уѣзднаго земскаго собранія о «желательности перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному». Совѣщаніе изъ гласныхъ крестьянъ, предшествовавшее этому рѣшенію, высказалось въ томъ смыслѣ, что «земля должна быть распредѣлена между членами общины на началахъ собственности съ правомъ продажи ея *лицамъ, принадлежащимъ къ тому же сельскому обществу*, но не болѣе 50 дес. въ однѣ руки». Обозрѣватель перечисляетъ далѣе постановленія уѣздныхъ земскихъ собраній о введеніи всеобщаго обученія. Александровское (Екатериносл. губ.), курское, колотковское, тульское, судогодское уѣздныя собранія высказались болѣе или менѣе рѣшительно въ этомъ смыслѣ.

«Вѣстникъ Европы», декабрь. Въ большой статьѣ о «значеніи поэзїи въ произведеніяхъ Пушкина» *Вл. Соловьевъ* старается разрѣшить вопросъ о значеніи поэзїи *вообще*, такъ какъ, по его мнѣнію, «самая сущность поэзїи... нигдѣ не проявлялась съ такой чистотой, какъ именно у Пушкина». Чистоту пушкинской поэзїи нашъ философъ усматриваетъ, какъ видно изъ сравненій Пушкина съ Мицкевичемъ и Байрономъ, въ томъ, что русскій поэтъ «ничего общезначительнаго не могъ *отъ себя* заравнѣ ввести въ поэзію», такъ какъ такого господствующаго центрального содержанія личности, какъ у Байрона и Мицкевича, у Пушкина «никогда не было, а была просто живая, открытая, необыкновенно воспримчивая и отзывчивая ко всему душа—и больше ничего». «Настоящая пушкинская поэзія,—говоритъ *Вл. Соловьевъ* въ другомъ мѣстѣ,—не была дѣломъ ума, а зависѣла отъ воспримчивости его души къ воздѣйствіямъ изъ *надсознательной* области». Для такой воспримчивости «предварительное условіе—пассивность», въ ней же и залогъ «свободы творчества». «Вдохновеніе безусловно свободно по своему началу, оно приходитъ само собою—но не съ пустыми руками: оно несетъ съ собою плоды любимыхъ думъ и налагаетъ на поэта благородный подвигъ ихъ усовершенствованія». Какъ видимъ, простому смертному трудно услѣдить за теченіемъ мыслей философа. Если «вдохновеніе» Пушкина тоже «несетъ съ собой плоды любимыхъ думъ», то чѣмъ оно отличается принципиально отъ вдохновенія Байрона и Мицкевича? Или однѣ думы—сплошь *придуманы*, а другія—идутъ изъ *надсознательной* области? Мы рѣшились бы, пожалуй, спуститься съ философомъ въ «подсознательную» область психики—съ условіемъ найти ее у всѣхъ трехъ поэтовъ. Но въ *надсознательную* область, воздѣйствія которой были доступны лишь Пушкину, «поэту по преимуществу»,—пускаться не рискуемъ. Не рискуетъ на это и самъ авторъ, предоставляя «посвященнымъ» проникать въ тайный смыслъ его утвержденій и угадывать, вмѣстѣ съ тѣмъ, заднюю мысль всей статьи.—*Г. Н. Езерскій* излагаетъ возраженія «соціалъ-демократа (Бернштейна) противъ марксизма». По вопросу объ «экономическомъ пониманіи исторіи», авторъ излагаемой книги цитируетъ собственное признаніе Энгельса. «Намъ (съ Марксомъ) нужно было, въ отвѣтъ противникамъ, подчеркнуть отрицаемый ими главный принципъ (экономическую сторону) и не всегда имѣли мы время, мѣсто и случай отдать должное остальнымъ взаимодействующимъ факторамъ». «Кто теперь,—заключаетъ отсюда Бернштейнъ,—примѣняетъ теорію экономическаго матеріализма, тотъ обязанъ брать ее въ ея наиболѣе законченной, а не въ первоначальной формѣ, т.-е. обязанъ, рядомъ съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и отношеній, отводить должное

мѣсто правовымъ и нравственнымъ понятіямъ, историческимъ и религиознымъ традиціямъ каждой эпохи, воздѣйствію географическихъ и иныхъ природныхъ условій, къ которымъ принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способностей». Другому утвержденію Маркса—о возрастающей концентрации производства, Бернштейнъ противопоставляетъ рядъ статистическихъ цифръ, показывающихъ, что дѣйствительный ходъ развитія среднихъ и крупныхъ предпріятій вовсе не соответствовалъ предполагавшемуся. Число владѣльцевъ среднихъ размѣровъ дохода не уменьшается, а растетъ. Въ 1851 г. въ Англіи около 300 тысячъ семей получали отъ полуторы до десяти тысячъ руб. дохода, въ 1881 ихъ уже стало въ $3\frac{1}{2}$ разъ больше, т.-е. 990 тысячъ, а теперь—до полутора милліона. Въ той же Англіи, т.-е. на самой родинѣ капитализма, въ крупномъ производствѣ занято около 4 милліоновъ рабочихъ, тогда какъ въ среднихъ и мелкихъ—работаетъ еще большее количество— $5\frac{1}{2}$ милліоновъ. Если во многихъ отрасляхъ производства успѣхи техники, дѣйствительно, ведутъ къ концентрации предпріятій, то зато въ цѣломъ рядъ другихъ отраслей «мелкія и среднія предпріятія оказываются вполне жизнеспособными», такъ что «въ промышленности развитіе не идетъ по одинаковому для всѣхъ промысловъ шаблону». То же замѣчается и въ торговлѣ. Что касается сельскаго хозяйства, «во всей западной Европѣ, какъ, впрочемъ, и въ восточныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза, повсюду мелкое и среднее сельское хозяйство развивается,—крупное дѣлаетъ шагъ назадъ... Концентрація производства состоитъ здѣсь не въ томъ, что отдѣльные хозяйства охватываютъ все большее пространство земли, а только въ томъ, что хозяйство уплотняется, переходитъ къ культурамъ, требующимъ больше работы на то же пространство, или къ высшимъ системамъ скотоводства». Критикуетъ Бернштейнъ и установившееся ученіе о кризисахъ. «Если всеобщій кризисъ не будетъ вызванъ непредвидѣнными *отъчужденными* событіями,—а это, какъ сказано, можетъ случиться въ любой день,—то нѣтъ необходимости дѣлать выводъ о скоромъ наступленіи кризиса изъ чисто экономическихъ основаній. Случаи мѣстнаго и частнаго застоя неизбѣжны, но вовсе не неизбѣженъ всеобщій кризисъ при современномъ строѣ и размѣрахъ міроваго рынка и особенно при значительномъ производствѣ жизненныхъ припасовъ». Къ такому выводу приводятъ Бернштейна факты, указывающіе на болѣе гибкую и быструю приспособляемость современнаго рынка къ несоотвѣтствіямъ между спросомъ и предложеніемъ. Наконецъ, Бернштейнъ отрицаетъ возможность экспроприаціи государствомъ или общинами частныхъ предпріятій въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, а также и возможность захвата политической власти пролетаріями. Въѣсть съ тѣмъ, онъ отрицаетъ и самую надобность крутого переворота при современныхъ условіяхъ политической жизни на западѣ. «Феодализмъ, съ его неподвижными сословными учрежденіями, почти всюду пришлось низвергнуть силой. Свободныя учрежденія современнаго общества именно тѣмъ-то и отличаются отъ первыхъ, что они гибки, способны къ перемѣнамъ и развитію. Ихъ не надо разрушать, ихъ надо только дальше развивать».

Очень интересную иллюстрацію къ вопросамъ, поднятымъ Бернштейномъ, даетъ Г. І. въ своей статьѣ «Промышленная Германія по профессиональной переписи». Статья основана на комментаріяхъ д-ра Цана къ сводному тому итоговъ переписи 1895 года. Всѣ существенные результаты переписи совпадаютъ съ выводами Бернштейна, для которыхъ, впрочемъ, эта перепись и послужила однимъ изъ источниковъ.—Во «Внутреннемъ обзорѣніи» подводятся итоги дѣятельности бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. «Когда, четыре года тому назадъ, къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ призванъ И. І. Горемыкинъ,—его предыдущая дѣятельность позволяла предполагать, что въ своемъ новомъ званіи онъ явится, по мѣрѣ возможности, блюстителемъ закона,

защитникомъ крестьянскихъ интересовъ и охранителемъ немногихъ правъ, оставшихся за земствомъ и городами послѣ изданія положеній 1890 и 1892 гг... Весьма скоро, однако, отдѣлъ (комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, которой предстояло коснуться и института земскихъ начальниковъ) былъ закрытъ; рѣшено было, слѣдовательно, что громадная масса судебныхъ дѣлъ останется изъятой изъ вѣдѣнія суда... Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ усиливаетъ, къ невыгодѣ для крестьянъ, неравенство между договаривающимися сторонами. Пересмотръ положеній о крестьянахъ, предпринятый еще при И. Н. Дурново, до сихъ поръ не законченъ. А, между тѣмъ, необходимость лучшаго «обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ» становится настолько очевидной, что провозглашается другимъ вѣдомствомъ, прямо заинтересованнымъ въ ростѣ народнаго благосостоянія; потребность въ «прочномъ правопорядкѣ» подчеркивается во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1899 годъ. Проектъ продовольственнаго устава совершенно вытѣсняетъ земство изъ такой области народнаго хозяйства, въ которой его дѣятельность особенно незамѣнима... Значеніе недорода 1897 года, давно раскрытое земствомъ, признается официально лишь весной слѣдующаго года. Случаи неутвержденія выбранныхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ повторяются все чаще и чаще, до крайности иногда затрудняя (напр., въ Тверской губ.) ходъ земскаго дѣла. Умножаются также случаи опротестованія и отміны земскихъ постановленій, съ формальной стороны совершенно законныхъ. Земство курское и харьковское встрѣчаютъ непреодолимые препятствія на пути, ведущемъ къ всеобщему обученію. Предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ запрещаются совѣщательные съѣзды, дозволяемые, въ то же время, губернскимъ предводителямъ дворянства. Не разрѣшается изданіе обще-земскаго органа, проектированнаго московскою земскою управою. Вносятся въ 1898 г. законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ западныхъ, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской,—но съ такими отступленіями отъ дѣйствующаго земскаго положенія, которыя заставляютъ сомнѣваться въ желательности и неизбѣжности преобразованія. Существенно измѣнилось къ худшему за послѣдніе четыре года положеніе печати, какъ вслѣдствіе увеличенія числа «временныхъ» правилъ, стѣсняющихъ ее развитіе,—припомнимъ состоявшееся 28-го марта 1897 г. измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій,—такъ и въ особенности вслѣдствіе широкаго примѣненія дискреціонной власти, которою облечена администрація. Основаніе новыхъ органовъ печати хотя и допускалось, но утвержденіе редакторовъ встрѣчало, сплошь и рядомъ, величайшія трудности. Появились не предусмотрѣнные закономъ «временные редакторы», во всякое время подлежащіе удаленію. Отсюда—рядъ пріостановокъ, часто приводившихъ къ прекращенію изданія. Административнымъ взысканіямъ подвергались всѣ сколько-нибудь независимые журналы и газеты. По нѣсколькѣ мѣсяцевъ сразу не допускалась розничная продажа такихъ газетъ, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». «Русскія Вѣдомости» подпали подъ дѣйствіе особаго вида цензуры, установленнаго «временными» правилами 1882 года. Отъ карательныхъ мѣръ не были изъяты и подцензурныя изданія, даже столичные. Особенно сильно пострадала провинціальная печать, хотя статьи, навлекавшія кару, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не заключали въ себѣ ровно ничего политическаго. Многократно обѣщанный пересмотръ законовъ о печати ожидался напрасно. Не выходили изъ употребленія, при волненіяхъ или безпорядкахъ, внѣ-законныя формы расправы. Оставались безъ измѣненія постановленія объ административной высылкѣ, хотя ихъ еще въ декабрѣ 1895 г. повѣдно было подвергнуть безотлагательному пересмотру. Примѣненіе ихъ на практикѣ продолжало быть чрезвычайно широкимъ. «Цѣлая группа лицъ»,—писали мы вначалѣ нынѣшняго года,—имѣя въ виду надѣлавшій много шуму

инцидентъ въ Полтавѣ, — «цѣлая группа лицъ, мирно занимавшихся полезнымъ трудомъ и соединенныхъ между собою только общностью нравственнаго чувства, — можетъ быть внезапно поставлена въ такія условія, при которыхъ крайне затруднительно даже самое скромное существованіе, даже пріисканіе средствъ къ жизни для себя и для своего семейства». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, повodomъ къ административной высылкѣ послужила рѣчь, содержаніе которой, въ другой формѣ, два раза безпрепятственно было пропущено цензурой. Изъ бѣлаго взгляда, брошеннаго на недавнее прошлое, вытекаютъ сами собой, если не ожиданія—это было бы преждевременно,—то пожеланія относительно ближайшаго будущаго. Они сводятся, прежде всего, къ элементарному, но въ высшей степени цѣнному благу: къ большому обезпеченію правъ личности, связанному съ большей неприкосновенностью закона».

«Русское Богатство», ноябрь. Обращаетъ на себя вниманіе очень интересная статья г. Вл. Кор. «О сложности жизни». «Усложнявшаяся жизнь требуетъ усложненныхъ формъ воздѣйствія и, наталкиваясь на упрощенныя формы и способы, ежеминутно испытываетъ отъ нихъ боль». Но, тѣмъ не менѣе, она «не можетъ ни ступенчатся, ни опроститься въ интересахъ опрощеннаго воздѣйствія. Она сильна своей сложностью и не можетъ отъ нея отказаться... Пряникомъ или обходомъ, безболѣзненно или болѣзненно, но жизнь должна приспособить къ себѣ формы», потому что она, эта жизнь, и есть тотъ «человѣкъ», ради котораго существуетъ суббота «формы». Исходя изъ этихъ мыслей, высказанныхъ въ руководящей статьѣ новой петербургской газеты, г. Вл. Кор. сопоставляетъ ихъ съ отношеніемъ къ той же «усложнившейся жизни» сторонниковъ защищаемаго этой газетой направленія общественной мысли. Жизнь сложна, а «лѣченіе» рекомендуется, «несомнѣнно, очень простое». «Не упуская изъ виду необыкновенной сложности жизни», авторъ, съ своей стороны, «не вѣрится въ социальную алхімію». «Единый двигатель сложной жизни, состоящей изъ сложныхъ элементовъ, кажется мнѣ своего рода философскимъ камнемъ,—замѣчаетъ онъ, — а единый капитализмъ, какъ двигатель современнаго процесса, я считаю философскимъ камнемъ даже вовсе мизернымъ». Г. Вл. Кор., правда, готовъ сдѣлать значительныя уступки критикуемому воззрѣнію. Онъ признаетъ, что «было наввно» со стороны поколѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ думать, что Россія можетъ получить *сущность* извѣстнаго блага—самое развитіе «промышленнаго гевія»—безъ данной его исторической *оболочки* (т. е. капитализма). Онъ «допускаетъ охотно, что, по разнымъ условіямъ данной эпохи, разумѣе русскаго мыслящаго человѣка продолжалось, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и если бы оно продолжалось еще—мыслящій русскій человѣкъ рисковалъ, пожалуй, обратиться въ соляной столбъ на распутьи русскаго прогресса». Но онъ находитъ, что «гвоздить все въ одну точку, повторяя по адресу «человѣка» (да, во-истину «человѣка») 60-хъ и 70-хъ годовъ: онъ ошибался относительно этого прекраснаго джентльмена (капитализма) ошибался, ошибался, ошибался», — значитъ повторять ту же самую ошибку. вмѣсто этого, слѣдовало бы «ворко наблюдать новаго пришельца», который «скоро найдетъ себѣ и даже находитъ такихъ «защитниковъ» въ литературѣ, отъ которыхъ некуда будетъ дѣваться». Пора уже «перенести центръ тяжести общественаго вниманія отъ старыхъ «ошибокъ семидесятихъ годовъ», яко бы тяжко погрѣшавшихъ «недовѣріемъ къ капитализму», на тѣ общія у всѣхъ десятилѣтій требованія защиты «человѣка» (въ томъ числѣ и отъ новаго пришельца), которыя представляютъ именно насущную потребность настоящаго періода». «Кустарь бьется гдѣ-то изъ-за своей собственной жизни..., мужикъ желаетъ сохранить свой надѣлъ и свою послѣднюю лошадь, но мы давно уже объявили ихъ процессъ проиграннымъ въ послѣдней инстанціи»... А, между тѣмъ, «человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матеріаломъ

для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отмѣчаются тѣ или другіе періоды, а и самъ по себѣ... Пусть *современемъ* земледѣлю суждено на Уралѣ уступить передъ горно-промышленностью. Но мы не хотимъ заранѣе готовить для этого «завершенія процесса»—живой матеріалъ изъ цѣлыхъ поколѣній... Самая свобода «человѣка» требуетъ, чтобы въ *данное время* вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу кустаря и земледѣльца противъ представителей капитализма». «То же нужно сказать и по одному изъ существенныхъ вопросовъ народной жизни—по вопросу объ общинѣ и ея будущемъ». «Вынесетъ ли ее потокъ не вполне еще разложенной и способной принять участіе въ дальнѣйшемъ развитіи, или балластъ историческихъ пережитковъ потянетъ ее, перегруженную и ветхую ладью, ко дну гораздо раньше?.. Для меня, пишущаго эти строки, это вопросъ еще нерѣшенный»,—отвѣчаетъ авторъ на свой вопросъ.—Община важна для меня не сама по себѣ, а какъ форма обезпеченія «человѣка». Но человѣкъ мнѣ важенъ, не только какъ конечный результатъ процесса, а и самъ по себѣ, т. е. въ общинѣ, во время перехода изъ нея и послѣ... «Человѣкъ, нынѣ живущій въ общинѣ, имѣетъ въ этомъ вопросѣ преимущественное право голоса, и въ этомъ правѣ самоопредѣленія я вижу то существенно-человѣческое, что подлежитъ защитѣ со стороны печати, независимо отъ того или другого отвѣта специалистовъ относительно будущаго самой общины, какъ института».

Теплое чувство и примирительный тонъ, отличающіе прекрасную статью г. Вл. Кор., конечно, не могутъ замѣнить теоретическаго обсужденія вопроса объ отношеніи между «единствомъ основнаго принципа» и «сложностью» практической программы. Тѣ или другія частныя положенія автора могутъ вызывать дальнѣйшіе споры. Въ этихъ спорахъ, напр., связь между «существомъ» и «оболочкой» «промышленнаго генія» можетъ обаяться тѣснѣе, чѣмъ, по видимому, склоненъ думать авторъ. Но его призывы къ «человѣчности», къ «борьбѣ за индивидуальность» не могутъ остаться безъ сочувственнаго отклика, также какъ его указанія на то, что есть такая почва для обсужденія, на которой «всѣ мы союзники». Въ смыслѣ подготовки этой почвы указаннаго достоинства его статьи, безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ свое дѣло.

Какъ бы теоретической иллюстраціей къ статьѣ г. Вл. Кор. служить статья *М. В. Ратнера* объ «аграрномъ вопросѣ въ европейской литературѣ». Напечатанная часть статьи излагаетъ исторію возникновенія споровъ объ аграрномъ вопросѣ среди послѣдователей Маркса. Отмѣтивъ мимолетныя замѣчанія самого Маркса, разсчитывавшаго аграрную эволюцію, какъ частный случай общаго капиталистическаго процесса, г. Ратнеръ находитъ, затѣмъ, у Энгельса невольное признаніе важности аграрнаго вопроса, «какъ вопроса самостоятельнаго». Онъ указываетъ, далѣе, на признанія Фольмара на франкфуртскомъ конгрессѣ 1894 года, «что аграрный вопросъ является въ высшей степени сложнымъ, что законы экономическаго развитія здѣсь вліяютъ инымъ образомъ, нежели въ индустріи... что сельское хозяйство *инымъ образомъ* приведетъ къ экономическому и общественному прогрессу». Для Фольмара «несомнѣннымъ фактомъ является то, что мелкое и среднее (сельское) производство—и, слѣдовательно, самостоятельное крестьянство—во многихъ мѣстностяхъ охвачено растущимъ гнетомъ и нуждою и подвержено въ будущемъ гибели, если государство не окажетъ ему помощи»; но также несомнѣнно для него и то, «что крестьянство все еще существуетъ пока и обнаруживаетъ способность къ жизни на неопредѣленно-продолжительный срокъ». То же повторялъ Давидъ на бреславскомъ конгрессѣ 1895 г. и въ своихъ статьяхъ. Вопреки требованію схемы, по его мнѣнію, «поглощеніе мелкихъ производствъ средними, среднихъ крупными, крупныхъ гигантскими предпріятіями *не можетъ быть констатировано*, какъ общее массовое явленіе, нигдѣ въ земледѣліи». Объясняя причины этого, Давидъ указываетъ осо-

бенности сельскаго хозяйства сравнительно съ промышленностью по отношенію къ силамъ и средствамъ производства, къ самому процессу производства, наконецъ, по отношенію къ сбыту продуктовъ производства. Эти-то особенности, не позволяющія распространить на сельское хозяйство схему индустриальнаго развитія, и дають возможность мелкому производству конкурировать съ крупнымъ». Тотъ же фактъ принужденъ признать и Эрнстъ, несмотря на то, что «въ интересахъ прогресса нравственности и просвѣщенія» онъ «желаетъ» исчезновенія мелкаго владѣнія». Защитникомъ традиціонной теоріи и противникомъ обобщенія «новаторовъ марксизма» явился Каутскій въ своей «сзданной и въ русскомъ переводѣ книгѣ», критику которой г. Ратнеръ обобщаетъ дать въ слѣдующей статьѣ. — Той же области аграрныхъ вопросовъ касается статья г. Я. П. Ситова, налагающая судьбу бывшихъ «посессионныхъ горныхъ заводовъ», расположенныхъ въ двухъ округахъ (Бнауфскомъ и Суксунскомъ) Пермской губерніи. По его сообщенію, территория этихъ заводовъ, занимающая огромную земельную площадь, продана была съ цѣлью ликвидаціи казенныхъ долговъ и земскихъ недоимокъ въ руки двухъ крупныхъ покупателей. Разказу о личностескихъ пріемахъ хозяйничанія этихъ двухъ лицъ и посвящена статья г. Ситова. — Н. А. Карышевъ продолжаетъ серію своихъ статей о «земскихъ ходатайствахъ». На этотъ разъ рѣчь идетъ о ходатайствахъ по вопросамъ общественнаго призрѣнія и по вопросамъ земской медицины. По самому существу первыхъ, большая часть ихъ удовлетворялась правительствомъ: только 22,6% ходатайствъ было отвергнуто. Больше животрепещущіе вопросы земской медицины гораздо чаще возбуждали затрудненія въ высшихъ сферахъ. Изъ этой категоріи ходатайствъ отклонена почти половина (46,7%). — «Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ» дали матеріалъ г. Е. К. для статьи: «Къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ начинаній». По замѣчанію автора, «въ комиссіи главныя силы тратились не на отысканіе причинъ алкоголизма, не на опредѣленіе его территориальнаго распространенія, не на статистику пьянства, а на критику или защиту нашей казенной монополіи». Были, правда, исключенія, къ которымъ авторъ относитъ обстоятельные доклады гг. Григорьева и Дриля, внесшіе «нѣкоторую неприятную для членовъ черту въ ихъ спокойныя разсужденія». Именно, «передъ комиссіей была поставлена серьезная дилемма, требующая прямого отвѣта—приходилось признать, что при существующихъ социальныхъ условіяхъ, алкоголизму, поскольку развитіе его обусловлено чрезвычайнымъ истощеніемъ организма отъ непосильнаго напряженія рабочихъ силъ, *есть вопросъ трудящихся классовъ общества*». По словамъ автора, «мнѣнія гг. Дриля и Григорьева получили въ комиссіи единодушное осужденіе». Вслѣдъ за своимъ председателемъ, комиссія рѣшила, что «алкоголизмъ—недугъ *всемирнообщій*». — Въ «Хроникѣ внутренней жизни» обозрѣвается интересная полемика печати по поводу назначенія новаго управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ извѣстно, «Новое Время» полемизировало съ «Россіей» по вопросу, должна ли и можетъ ли быть у новаго министра и «новая программа». Послѣ нѣкоторыхъ колебаній газета г. Суворина остановилась на мысли, что «личность сама можетъ быть программой, если она чувствительная, тонко угадывающая потребности времени». Обозрѣватель считаетъ такое утвержденіе «безнравственнымъ» полагая, «что отдѣльная личность въ общественномъ дѣлѣ не судья», и что «программа необходима», но что для того, чтобы она не вызывала «одной только ломки», не кончалась болѣе или менѣе неудачными «экспериментами надъ живыми людьми», — «нужно сдѣлать ее публичной, чтобы о ней высказалась жизнь, которой программа будетъ править». «Къ чему можетъ привести творчество «личности», освобожденной отъ осмѣиваемаго «Новымъ Временемъ» «реестра убѣжденій», по мнѣнію обозрѣвателя «повясть не трудно. Само «Н. В.» изо дня въ день даетъ образчики такого «творчества», состоя-

шаго въ «примѣненіи» къ обстоятельствамъ». — «Литература и жизнь» *Н. К. Михайловскаго* посвящена на этотъ разъ «Повѣстямъ и рассказамъ» *В. П. Лѣтковой*. Характерной чертой произведеній автора критикъ считаетъ то смѣшанное «любовно-враждебное» чувство, которое особенно интересуетъ г-жу Лѣткову при выборѣ ея героевъ и положеній въ ея «рассказахъ». «Какое бы ни былъ стаканъ, изъ котораго пьетъ г-жа Лѣткова» — таково общее сужденіе г. Михайловскаго, «она пьетъ изъ *своего* стакана. Ея повѣсти и рассказы — плодъ самостоятельнаго, серьезнаго наблюденія и размышленія, вдумчиваго отношенія къ жизни и къ задачамъ ея художественнаго воспроизведенія. И я мало знаю за послѣднее время въ литературѣ явленій, которыя, при такой скромной, сдержанной формѣ, были бы столь значительны по содержанию».

«Жизнь», ноябрь. *Г. Е. Соловьевъ* подводитъ «итоги» своимъ статьямъ о семидесятыхъ годахъ, вызвавшимъ, какъ извѣстно, не мало возраженій противъ автора. Свою основную точку зрѣнія онъ формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Чтобы понять эту эпоху и этотъ періодъ, лучше всего рассмотретьъ заложенную въ нихъ драму и прослѣдить ея развитіе. Я думаю, что драма 70-хъ годовъ, послѣ всего мною сказаннаго, въ достаточной степени ясна... «Драма» 70-хъ годовъ имѣла два исходныхъ пункта: во-первыхъ, вѣру въ мужика и возможность съ его помощью осуществленія всякихъ благихъ пожеланій, и, во-вторыхъ, отрипаніе за человѣкомъ права на его личное счастье во имя счастья градующихъ поколѣній. Когда вѣра въ мужика пошатнулась, и запросы человѣческой личности дали себя чувствовать съ особенной силой — драма разыгралась съ полной силой». Для иллюстраціи авторъ рисуетъ внутренній разладъ двухъ «излюбленныхъ людей семидесятниковъ», по его мнѣнію, — именно Новодворскаго и Гаршина. Если тутъ значеніе семидесятыхъ годовъ, сведенное къ его «драмѣ», оказывается у г. Соловьева черезчуръ суженымъ, то въ отвѣтъ своему г. Михайловскому и Скабичевскому авторъ оперируетъ съ черезчуръ уже расширеннымъ понятіемъ «народничества». Желая подкрѣпить свою мысль «о сословномъ духѣ литературы» (т. е. о «барскомъ» настроеніи «народничества») г. Соловьевъ превращаетъ въ народниковъ, въ «кающихся дворянъ» — и Щедрина, и Тургенева, и Герцена, и Григоровича, и даже Радищева. «Всѣ они, дѣйствительно, звали прежде всего о состраданіи, а затѣмъ уже о правахъ человѣка. Я думаю, что «Путешествіе» Радищева, «Антонъ Горемыка», «Сорока-Воровка», «Муму» и «Записки охотника» — являются краеугольными камнями нашей народнической литературы и духъ ихъ запечатѣлся на ней»... «литературный мужикъ 70-хъ годовъ былъ мужикомъ, созданнымъ и завѣщаннымъ намъ старобарской литературой». Это — не столько невѣрно, сколько неполно и неясно. Самъ авторъ чувствуетъ потребность въ оговоркахъ. «Всему этому литература семидесятыхъ годовъ придала специфическую, особую окраску», замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. «Я не думалъ и не думаю утверждать, что кающійся дворянинъ былъ единственной персоной литературнаго движенія 70-хъ годовъ, — я говорю лишь, что онъ создалъ нѣкоторыя ея особенныя и специфическія черты, — и его не вычеркнешь». Опять неясно, «литературный ли мужикъ», сочиненный баринкомъ, сообщилъ «особенныя черты» 70-мъ годамъ, или, наоборотъ, 70-е годы «придали» этому мужику «особую окраску», или же было и то, и другое, или, можетъ быть, ни то, ни другое, а что-нибудь третье составляло особенность 70-хъ годовъ, и «кающійся дворянинъ» былъ въ ней только частностью, вовсе ее не исчерпывающей и не характеризующей. Самая возможность такихъ недомыслий и составляетъ слабую сторону работы г. Соловьева. — Небольшая статья *С. Штейнберга* затрогиваетъ много разъ обсуждавшійся вопросъ объ отношеніи между «соціальною дифференцировкой и личностью». Совмѣстимо ли возрастаніе общественной сложности съ ростомъ индивидуальнаго развитія? Не превращается ли личность въ процессъ соціальной дифференціаціи, также какъ въ

процессъ биологическомъ, изъ независимой единицы въ служебную часть цѣлаго? Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе Н. Б. Михайловскаго. Авторъ противопоставляетъ этому фактъ: «именно въ современномъ дифференцированномъ обществѣ мы встрѣчаемъ наиболее развитую и свободную личность, которая неизвѣстна недифференцированной первобытной общинѣ». Разрѣшеніе этого кажущагося противорѣчія авторъ ищетъ въ особенностяхъ социологическаго процесса, совсѣмъ непохожаго на биологическій. «Соціальная дифференцировка состоитъ именно въ обоснованіи и точномъ ограниченіи дѣйствій и психическихъ состояній, связывающихъ личность съ обществомъ», отъ тѣхъ, которыя входятъ въ ея особенную сферу, которая такимъ образомъ постепенно расширяется, по мѣрѣ того, какъ точнѣе опредѣляются общественныя функціи личности. «Соціальная дифференцировка относится не столько къ людямъ, сколько къ учрежденіямъ, развитіе же индивидуализма—къ личностямъ». Вотъ почему, напр., занятія людей—специализируются, а группировка ихъ по занятіямъ (касты) въ то же время можетъ разрушаться.

Въ ноябрьскомъ номерѣ помѣщены прекрасно-исполненные портреты Салтыкова, Златовратскаго, Глѣба Успенскаго и Гаршина.

«Вѣстникъ всемірной исторіи», ежемѣсячный журналъ исторической литературы и науки. Декабрь. № 1. «Право на существованіе у насъ изданія, посвященнаго всемірной исторіи, съ цѣлью ознакомить русское общество съ *общимъ* *ходомъ исторіи*, едва ли требуетъ доказательствъ», замѣчаетъ редакція въ своемъ предисловіи къ первому номеру новаго историческаго журнала. Дѣйствительно, «доказательствъ» требуетъ лишь осуществимость поставленной редакціей цѣли. Всѣ усилія редакціи—опредѣлить эту цѣль точнѣе, показываютъ только, что для самой редакціи она не вполне ясна. Правда, редакція безусловно отказывается преслѣдовать одну задачу: «перечисленіе фактовъ до конца», справедливо находя, что «для документовъ и матеріаловъ есть архивы». Но ея собственный взглядъ на исторію остается въ высшей степени неопредѣленнымъ. Мы узнаемъ, что «исторія—лѣтопись ничему не могла научить», что «великій опытъ исторіи только тогда будетъ плодотворенъ для современниковъ, когда въ безконечномъ разнообразіи фактовъ будетъ подмѣчено единство и преемственность, все будетъ приведено въ систему и образуетъ совокупность истинъ, т.-е. науку»,—и рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ утвержденіе, что исторія «не можетъ пользоваться тѣми методами изслѣдованія, которые составляютъ силу и которыми создано величіе точныхъ наукъ», что ея «положенія и выводы могутъ имѣть лишь большую или меньшую внутреннюю убѣдительность, большее или меньшее вѣроятіе». Съ одной стороны, «общественныя воззрѣнія не могутъ не отражаться на пониманіи жизни прошлой», а съ другой—«прошлое» призвано «говорить» при истолкованіи современныхъ вопросовъ. Но оставивъ въ сторонѣ «программу», которая тогда только можетъ имѣть значеніе, когда есть кому исполнять ее, когда около журнала сплотился кругъ выдающихся сотрудниковъ, какъ это было, напр., съ «Вѣстникомъ Европы» шестидесятыхъ годовъ. Посмотримъ лучше на выполненіе.

Первыя статьи, какъ будто, показываютъ, что редакція попробовала выполнить въ нихъ часть своей программы—«ознакомить общество со всѣмъ тѣмъ, что требуется для выясненія вопроса съ точки зрѣнія исторической науки». Идетъ война въ Трансваалѣ—и редакція даетъ справку «къ борьбѣ буровъ за независимость». Правда, справка сдѣлана настолько спѣшно и бѣгло, что даже въ общихъ, не историческихъ журналахъ, читатель найдетъ свѣдѣнія и полнѣе, и лучше. Ожидали мы столкновенія съ кометой,—и редакція печатаетъ статью проф. Зѣлинскаго: «Первое свѣтопреставленіе». Рѣчь идетъ объ ожиданіи конца міра въ тридцатыхъ годахъ до Р. Х. въ римскомъ обществѣ. Статья очень ученая и талантливо скомпонованная, но едва ли общедоступная и общинтересная.

Самое неудачное въ ней, конечно, есть попытка связать ее съ событіями нашего времени. «Вѣсть о предстоящемъ свѣтопреставленіи, пишетъ уважаемый профессоръ немного цицероновскимъ слогомъ,—получила, пишутъ намъ, широкое распространеніе среди деревенскаго люда. Угнетенные повторяющимися недородами, крестьяне приняли ее, какъ нѣчто естественное; она шла навстрѣчу той мрачной теодицеѣ, на которую наводила ихъ умы жестокость мячхи — сырой земли за послѣдніе годы. «Оттого-то», покорно говорили они, «Богъ и не далъ намъ хлѣба, что и жить-то осталось недолго». Но мѣстами теорія переходила и въ практику: бывали примѣры, что люди отказывались убирать неурожай со своихъ полей, ссылаясь на то, что пользоваться имъ, все равно, не придется. Хватилась, наконецъ, кое-гдѣ и мѣстная администрація; по ея настоянію, книгопродавцы обязались не продавать болѣе смущавшихъ народъ вздорныхъ брошюръ. Теперь, когда страхъ прошелъ, явилась возможность подвести итоги совершившемуся, что и будетъ сдѣлано, надѣмся, тою же администраціею, въ назиданіе потомству и въ предупрежденіе, поскольку это въ ея силахъ, такъихъ же случаевъ въ будущемъ. Но, помимо администраціи, и историческая наука не можетъ относиться безучастно къ явленіямъ вродѣ описаннаго», и дарить насъ поучительной статьёй проф. Зѣлинскаго. Послѣ нея мы узнаемъ—на этотъ разъ уже безъ указаній на связь съ настоящими событіями,—біографію знаменитаго «принца Ммая до», жившаго въ VII вѣкѣ до Р. Хр. въ Японіи. Біографія написана, вѣроятно, очень основательно, такъ какъ авторъ ея—Иосибуми Куроно—специалистъ и написана она «по оригинальнымъ японскимъ источникамъ». Мы охотно вѣримъ, что по смерти героя въ 621 году «рыданія и воли нѣсколько мѣсяцевъ оглашали страну, имя же его осталось въ вѣчной памяти народа». Вѣроятно, оно живетъ тамъ и до сихъ поръ, такъ что это не есть та «исторія-лѣтопись, которая ничему не научаетъ», по признанію редакціи, а та исторія, которая «особенно важна» «въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, въ дѣлѣ выработки идеала личнаго и общественнаго». Пусть же имя благороднаго принца Ммая-до живетъ и въ вѣчной памяти русской интеллигенціи!

Есть, однако, въ журналѣ нѣсколько статей, и ближе относящихся къ отечественной дѣйствительности. Это—рѣчь Д. О. Кобеко объ Е. А. Энгельгардтѣ, какъ директорѣ лицей, въ которомъ учился въ его время Пушкинъ (Э. восторгается Пушкинымъ 20-хъ годовъ и считаетъ лучшую эпоху его творчества—періодомъ упадка), нѣсколько совершенно незначительныхъ по содержанию писемъ Гоголя и Державина, богатое живыми бытовыми подробностями дѣло о грабежѣ XVII столѣтія, совершенномъ нѣсколькими московскими помѣщиками и князьями (которыхъ такъ и не удалось привлечь къ судебной отвѣтственности) на большой дорогѣ. Интереснѣе прочаго для большой публики—анонимная справка о томъ: «какъ возникла газета «Новое Время». Создана она литовско-польскимъ этнографомъ Киркоромъ въ 1868 году, въ 1869 и 1870 получила за польскія симпатіи три предостереженія, куплена отъ конкурснаго управленія прежняго редактора О. Н. Устряловымъ, сыномъ историка, и вновь стала издаваться съ 1872 г. по расширенной программѣ, съ новымъ составомъ сотрудниковъ (въ ихъ числѣ были П. Д. Воборыкинъ, Н. Н. Полевой, А. П. Пятковский, В. В. Чуйко и т. д.). «Недѣли въ двѣ газета заняла въ журналистикѣ мѣсто за самыми вліятельными тогда «Петербургскими Вѣдомостями» и «Голосомъ», но съ болѣе яркимъ противъ нихъ либеральнымъ отгѣнкомъ». Скоро начались и новыя злоключенія. По поводу статьи Н. Н. Полевого о только что вышедшемъ тогда переводѣ Маркса дано было первое предостереженіе, за «явное сочувствіе къ вредному ученію социалистовъ и рѣзкое порицаніе экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется жизнь благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ». Черезъ четыре дня послѣдовало второе предостереженіе за «явное сочувствіе къ

антирелигіозной пропагандѣ и къ революціонному движенію, на которое анархисты возлагаютъ надежду для осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ». Инкриминированный фельетонъ («Два старика: Гюго и Мишле») былъ присланъ изъ Парижа, «какъ потомъ обнаружилось, бывшимъ въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ популярнымъ профессоромъ артиллерійской академіи, известнымъ въ то время философомъ, затѣмъ въ 1867 г. сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ Вологодскую, изъ нея въ Архангельскую губернію, оттуда бѣжавшимъ за-границу и сдѣлавшимся эмигрантомъ П. Л. Давровымъ». Фиктивного редактора газеты, нѣкоего Сухомятина, это предостереженіе такъ напугало, что онъ «втайнѣ отъ всѣхъ, въ типографіи, ночью, заставилъ набрать и вставить въ № 124» свое заявленіе, которымъ отказывался отъ редакторства. Пришлось газету приостановить, въ ожиданіи, пока найдется новый редакторъ. Послѣ долгихъ поисковъ явился къ Устрялову нѣкій Перетцъ, учитель дѣтей тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, заключилъ съ нимъ письменное условіе о редакторствѣ и совсѣмъ было попалъ въ редакторы; но пока шли хлопоты объ утвержденіи, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился приказъ о перемѣненіи коллежскаго совѣтника Перетца «чиновникомъ особыхъ порученій въ III отдѣленіе Его Имп. Величества Канцеляріи». Такое совмѣстительство должностей Устряловъ призналъ неудобнымъ и принялся вновь искать редактора. Наконецъ, черезъ полгода отыскался лично знакомый тогдашнему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Федоровъ, писавшій, переводившій и передѣлывавшій водевили. Съ нимъ газета вновь стала выходить съ 26-го ноября 1872 г.; но, ослабленная долгой приостановкой, понизившая тонъ, растерявшая сотрудниковъ и подписчиковъ, она дотянула только до 25-го марта 1873 года. Возродилось «Новое Время» лишь съ 6-го ноября 1873 г., съ прежнимъ редакторомъ, въ рукахъ издателя О. Б. Нотовича, но опять ненадолго. 20-го марта 1874 года газета навлекла на себя, за статьи о земскомъ самоуправленіи, о недостаткахъ женскаго образованія и о плохомъ состояніи институтовъ — третье предостереженіе съ новой полугодичной приостановкой. Послѣ ея окончанія начался періодъ процвѣтанія газеты, — главнымъ образомъ, потому, что лучшая тогдашняя петербургская газета, «Петербургскія Вѣдомости», отняты были отъ прежняго издателя, В. Ф. Корша, и любимые фельетонисты этой газеты, А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ, перешли въ «Новое Время». Тутъ наступилъ періодъ славянскихъ увлеченій по поводу освобожденія Болгаріи, которымъ газета очень ловко воспользовалась, печатая горячія статьи и бойкія корреспонденціи, пришедшіяся по вкусу патристической публикѣ. Въ послѣдующій періодъ своего существованія «Новое Время» получило опять два предостереженія (10-го января 1879 и 2-го октября 1880 г.). «Находиться подъ Дамовловымъ мечомъ — третьимъ предостереженіемъ — столько лѣтъ и удачно его избѣгать, — замѣчаетъ авторъ статьи, — такое исключительное счастье, какимъ чрезвычайно рѣдко судьба кого-нибудь награждаетъ».

«Русская Старина», декабрь. *М. А. Корфъ* въ своихъ запискахъ дѣлаетъ интересную характеристику знаменитаго шефа шандармовъ и начальника III отдѣленія, въ царствованіе имп. Николая I, графа А. Х. Бенкендорфа. «Онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно добрымъ человекомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на-ряду со многими добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безмятствомъ и вѣчною развѣянностью, наконецъ, безъ мѣры преданный женщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человекомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу... Часто случалось, что онъ, послѣ за-сѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня,

чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій... Должно прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно... Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе отвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружающихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ». Изъ другихъ мемуаровъ отмѣтимъ окончаніе «Моихъ цензурныхъ мытарствъ» А. Чумикова. Здѣсь находимъ, между прочимъ, довольно неожиданную характеристику И. А. Гончарова, какъ цензора. «Не такъ легко было добиться (объясненій) отъ знаменитаго автора «Обломова», замѣчаетъ г. Чумиковъ, сравнивая его съ другимъ цензоромъ, Новосильскимъ. «По крайней мѣрѣ, мнѣ И. А. Гончарова ни разу не пришлось удостоиться лицеизрѣть; отъ его камердинера, по видимому, хорошо выдрессированнаго, слышался постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «баринъ ушелъ со двора». Между тѣмъ, почтеннѣйшій Иванъ Александровичъ, по примѣру другихъ своихъ коллегъ, не скупился на красныя чернила. Однажды Гончаровъ слѣдующую тираду: «Вообще смѣло можно сказать: въ Россіи, какъ народныя, такъ и дворянскія училища нисколько не соотвѣтствуютъ цѣли, съ которой они должны учреждаться»,—замѣнилъ такую фразу: «намъ не къ чему скрывать, что училища наши далеко не соотвѣтствуютъ назначенію». Но, какъ бы испугавшись смѣлости своей поправки, на томъ же корректурномъ листѣ отмѣтилъ: «для одобренія этой статьи въ печать нужно испросить разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія». Понятно, что послѣ такой резолюціи цензора министру,—вѣрнѣе сказать, директору его канцеляріи ничего болѣе не оставалось, какъ запретить статью».

Очень интересны, хотя, разумѣется, весьма субъективны, донесенія ген. Лидерса о «состояніи Царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.».

За границей.

«Маффіа» въ современной Италіи. Въ настоящее время въ Италіи разбирается грандіозный процессъ, волнующій итальянское общественное мнѣніе не менѣе, чѣмъ дѣло Дрейфуса волновало Францію. Дѣло идетъ объ убійствѣ сенатора Нотарбартоло, совершенное болѣе 6 лѣтъ тому назадъ, и виновники котораго такъ и не были открыты. Нотарбартоло былъ очень виднымъ лицомъ въ Сициліи и занималъ должность директора Сицилійскаго банка (Banca di Sicilia). Онъ былъ убитъ въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, довольно таинственнымъ образомъ, ясно указывающимъ, что это было убійство не съ цѣлью грабежа, а «по порученію», т. е. подосланными убійцами.

Преступленіе быто совершено въ февралѣ 1893 года, но слѣдствіе, начатое по этому дѣлу, сразу наткнулось на какія-то препятствія. Общественное мнѣніе прямо указывало виновника и даже называло его по имени, но его никто не попревожалъ. Послѣ нѣкотораго колебанія арестовали, по подозрѣнію, какихъ-то трехъ второстепенныхъ лицъ, и тѣмъ дѣло кончилось. Слѣдствіе затягивалось, не открывая ничего новаго; арестованные напрасно требовали суда надъ собою,—и для всякаго мало—мальски безпристрастнаго человѣка было ясно, что тутъ пущены въ ходъ могущественныя вліянія, чтобы затормозить дѣло и дать ему другой оборотъ.

Но какъ это случилось въ дѣлѣ Дрейфуса, такъ и здѣсь, истина-мало-по

малу стала выплывати наружу. Началось розбирательство дѣла въ Миланскомъ судѣ. Хотя убійство и было совершено въ Сициліи, но правительство вполнѣ основательно не довѣряло безпристрастію Палермскаго суда. Съ первыхъ же засѣданій стали открываться удивительныя вещи, указывающія на могущественное вліяніе «Маффіи» этого разбойничьяго общества, составляющаго бичъ, отъ котораго страдаєть какъ соціальная, такъ и политическая жизнь современной Італіи. Вопросъ о «Маффіи» такимъ образомъ, былъ выдвинутъ на сцену съ первыхъ же засѣданій суда и даже былъ перенесенъ въ палату депутатовъ, очень неохотно допустившую пренія по этому поводу. Но палатѣ нельзя было уклониться—въ виду того, что, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и отсрочекъ, была наложена рука на главнаго виновника, палермскаго депутата Палиццолю, на котораго общественное мнѣніе давно уже указывало, какъ на инициатора убійства и главу разбойничьей организаціи въ Сициліи. На судѣ открылось, что противъ Палиццолю существовали неотразимыя улики. Полицейскій инспекторъ Цервичъ въ официальномъ донесеніи прямо указывалъ на него, какъ на виновника преступленія, но это донесеніе не достигло своего назначенія, какъ и масса другихъ документовъ, подтверждающихъ виновность депутата и доказывающихъ то, что онъ находился во главѣ «Маффіи» въ Палермо. Бывшій генеральный прокуроръ въ Палермо, Вентури, тотчасъ же по вступленіи въ должность началъ новое слѣдствіе по дѣлу убійства Нотарбартоло. Палиццолю явился къ нему и въ чрезвычайно почтительномъ и любезномъ тонѣ заговорилъ съ нимъ о томъ, что приближаются общіе выборы и возобновленіе процесса при такихъ условіяхъ можетъ послужить элементомъ пертурбаціи крайне нежелательной, такъ что лучше было бы его отложить. Другія лица, очень почтенныя и вліятельныя, также говорили объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ и Палиццолю. Вентури, однако, не обратилъ вниманія на эти предостереженія и совѣты, и результатомъ было, то что его смѣстили и, процессъ Нотарбартоло снова былъ отправленъ въ архивъ и до этого года объ немъ ничего не было слышно.

Такого рода факты подтверждаютъ могущество «Маффіи» въ Сициліи. Правительство много разъ пыталось уничтожить ее, но всѣ эти попытки остались безрезультатными, и члены этого общества до сихъ поръ совершаютъ въ высшей степени дерзкіе грабежи и продолжаютъ быть грозой мирныхъ жителей. Голодовка и другія общественныя бѣдствія только усиливаютъ «Маффію», а беснѣіе полиціи въ борьбѣ съ ней и ея искусная организація заставляютъ мѣстныхъ жителей мириться съ нею и даже порою прибѣгать къ ея помощи.

Въ палатѣ депутатовъ вопросъ о «Маффіи» былъ выдвинутъ во время преній о бюджетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Изъ рѣчей, сказанныхъ по этому поводу, выяснилось, что Маффіа раздѣляется на высшую и низшую и что сначала она ограничивалась только низшими классами общества, но мало-по-малу проникла и въ высшіе классы и въ особенности въ администрацію, которая превратилась, въ большинствѣ случаевъ, въ орудіе этого разбойничьяго общества.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела на палату рѣчь депутата Де-Феличе, пользующагося въ Італіи весьма почтенною репутаціей и довольно громкою извѣстностью послѣ тѣхъ безпорядковъ въ Сициліи, въ 1894 году, которые вызвали его заключеніе въ тюрьмѣ. Де Феличе прямо обвиняєть полицію, какъ сообщницу и покровительницу «Маффіи». Онъ также дѣлитъ «Маффію» на разные разряды: первый—это «Маффіа» низшихъ классовъ народа; второй—полицейская «Маффіа» третій—«Маффіа» въ желѣзныхъ лайковыхъ перчаткахъ». Сицилійскіе крестьяне, —сказалъ онъ,—вовсе не преступны по натурѣ, но «Маффіа» побуждаєть ихъ къ преступленіямъ, и они волей неволей становятся членами этого преступнаго общества, такъ какъ каждый, кто не принадлежитъ къ нему, подвергается съ его стороны пресѣдованію. Сицилійское возстаніе, по словамъ

Де-Феличе, было возстаніем крестьянъ противъ «Маффіи» и ея руководителей и такъ называемые «fasci lavogatori»,—союзы, которые преслѣдовались правительствомъ какъ революціонныя ассоціаціи, представляли не что иное какъ родъ защиты отъ «Маффіи». Джолитти, бывший тогда министромъ-президентомъ, самъ призналъ, что послѣ организации «fasci lavogatori» число грабежей въ Сициліи уменьшилось. «Маффія» учредила настоящее царство террора въ Сициліи. Крестьянинъ, не принадлежащій къ «Маффіи», обреченъ бѣдствовать и существованіе его не обезпечено, тогда какъ сдѣлавшись членомъ «Маффіи» онъ получаетъ опредѣленное содержаніе и можетъ жить спокойно. Ни административныя, ни судебныя, ни политическія власти ничего не дѣлаютъ для защиты бѣдныхъ людей. Всѣмъ извѣстно въ Сициліи, что ограбленные никогда не обращаются къ полиціи, такъ какъ это бесполезно, а къ самой «Маффіи». Одинъ прокуроръ въ Катаніи, который долженъ былъ преслѣдовать вора, укравшаго 600.000 лиръ, говорилъ самому Де-Феличе: «я знаю виновника, но долженъ былъ захватить его безъ всякаго приказа безъ его арестъ, такъ какъ еслибъ я раньше отдалъ такой приказъ по полиціи, то онъ бы немедленно скрылся». Всѣ грандіозныя грабежи, происходившіе въ послѣднее время, воровство въ бюро апелляціоннаго суда въ Палермо, грабежъ у герцогини Бюфремонъ въ палатццо Ланца и др. мѣстахъ, все это, какъ утверждаетъ Де-Феличе, было организовано полиціей, которая подѣлялась барышами съ «Маффіей». Другой фактъ: въ Катаніи какой-то человекъ убилъ другого и затѣмъ самъ отдался въ руки карабинеровъ, сдѣлавъ имъ слѣдующее признаніе: «человекъ, котораго я убилъ, былъ главою «Маффіи» и вмѣстѣ съ полицейскимъ инспекторомъ, которому онъ отдавалъ половину барышей, командовалъ всѣмъ округомъ. Я не хотѣлъ подчиниться ихъ требованіямъ и тогда меня отдали подъ надзоръ полиціи, по приговору суда. Я потерялъ терпѣніе, прямо изъ суда отправился къ продавцу оружія и, купивъ револьверъ, застрѣлилъ виновника. Если вы мнѣ не вѣрите, то отправляйтесь на квартиру убитаго и тамъ вы найдете доказательства его принадлежности къ «Маффіи». И дѣйствительно, слова убійцы подтвердились при разслѣдованіи. Масса другихъ фактовъ, приведенныхъ Де-Феличе въ его рѣчахъ, указываютъ несомнѣнно на существованіи тѣсной связи между полиціей и «Маффіей». Затѣмъ Де-Феличе доказалъ также, что «Маффія» руководитъ политическими выборами въ Сициліи и поэтому, если какой-нибудь судья попробуетъ дѣйствовать противъ членовъ «Маффіи», то его немедленно переводятъ въ другое мѣсто или же прямо увольняютъ.

Рѣчь Де-Феличе вызвала, конечно, массу толковъ въ печати и обществѣ. Консервативная печать, склонная обвинять Де-Феличе въ пристрастіи, тѣмъ не менѣе признаетъ, что многіе факты подтверждаютъ разоблаченія социалистскаго депутата. Въ процессѣ Нотарбартоло, обратившемъ всеобщее вниманіе на дѣятельность «Маффіи» въ Сициліи, президенту миланскаго суда присяжныхъ, гдѣ разбирается это дѣло въ данную минуту, приходится то и дѣло убѣждаться, что свидѣтели не хотятъ давать показаній или, вѣрнѣе, опасаются говорить. «Маффія» всего больше процвѣтаетъ въ Палермо, гдѣ къ ея помощи нерѣдко прибѣгаютъ даже высокопоставленныя лица. Въ послѣдніе годы зачастую бывали случаи похищенія разбойниками разныхъ богатыхъ лицъ, съ которыхъ потомъ взимался болѣе или менѣе крупный выкупъ. Между прочимъ, убитый баронъ Нотарбартоло тоже подвергся этому однажды и долженъ былъ заплатить за себя 50.000 лиръ. Всѣми этими разбойничьими экспедиціями руководили очень высокопоставленныя лица, члены одного изъ самыхъ фешенебельныхъ клубовъ Палермо.

Въ сущности, «Маффію» нельзя причислить къ тайнымъ обществамъ, такъ какъ у нея нѣтъ ни статута, ни іерархіи. Но этотъ недостатокъ восполняется сильно развитымъ чувствомъ солидарности между ея членами и, кромѣ того, страхомъ.

Чуть не каждую недѣлю приходится читать въ сицилійской печати сообщенія объ убійствѣ какого-нибудь мирнаго гражданина или крестьянина. Цѣль преступленія такъ и остается невыясненной, и убійца никогда не попадаетъ въ руки полиціи, но всё въ Сициліи знаютъ, что это «*staffiosi*» (члены «Маффіи») отместили убитому за его измѣну или какое-нибудь другое преступленіе противъ «Маффіи».

Могущество «Маффіи» и ея предводителя Палиццола, извѣстнаго среди членовъ этого разбойничьяго общества подъ кличкою «калифа», обуславливалось въ особенности тѣмъ, что «Маффія» пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ парламентѣ. Палиццола и всё его предшественники были министерскими депутатами и поэтому-то послѣ 1893 года, когда былъ убитъ Нотарбартоло, въ Палермо смѣнились пять прокуроровъ. Де Феличе рассказываетъ, что Палиццола открыто появлялся въ ложѣ съ знаменитымъ сицилійскимъ разбойникомъ Леоне, за поимку котораго была назначена большая премія, но ни одинъ полицейскій не осмѣлился наложить на него руку. Теперь, повидимому, правительство намѣрено принять энергичныя мѣры, но удастся ли ему совладать съ «Маффіей» — неизвѣстно, такъ какъ зло это коренится въ условіяхъ социальнаго положенія Сициліи.

Соціальные музеи. Развитие крупной промышленности увеличило во всѣхъ странахъ опасности, угрожающія жизни и здоровью рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилило въ лучшей части общества и стремленія оградить рабочихъ отъ опасности ихъ ремесла и обезпечить ихъ на случай какого-либо несчастія. Эти задачи ставятъ себѣ теперь не только техника, но и социальная политика, выдвигающая на первый планъ заботы объ огражденіи человѣческой жизни отъ опасности и дурныхъ санитарныхъ условій при работѣ. Для иллюстраціи мѣропріятій, которыя принимаются въ различныхъ странахъ съ этою цѣлью, служатъ такъ называемые социальныя музеи, гдѣ собрано все, что относится къ улучшенію условій труда и образа жизни рабочихъ. Благодаря этимъ музеямъ является возможность сравнивать мѣропріятія и учрежденія различныхъ государствъ, и видѣть, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ тѣхъ странахъ, гдѣ забота о благосостояніи рабочихъ составляетъ главную руководящую черту социальной политики.

Соціальныя музеи представляютъ учрежденіе совсѣмъ молодое и, конечно, надо ожидать, что въ будущемъ оно достигнетъ полнаго развитія и будетъ удовлетворять своему назначенію и цѣлямъ. Но идея, заложенная въ основу этихъ учрежденій, далеко не нова. Въ послѣднемъ номерѣ журнала «*Arbeiterfreund*» издаваемого союзомъ «*Centralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen*», бібліотекаръ саксонскаго статистическаго бюро, Шмидтъ, сообщаетъ данныя, указывающія, что идея эта существуетъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятьдесятъ. Впервые она возникла у одного англичанина, по имени Твиннинга, члена «*Society of Arts*» въ Лондонѣ. Уже въ половинѣ XIX вѣка Твиннингъ доказывалъ необходимость улучшенія быта рабочихъ классовъ въ экономическомъ и гигиеническомъ отношеніи и проповѣдывалъ устройство экономическаго музея, въ которомъ было бы собрано все, что касается жизни рабочихъ, ихъ жилищъ, питанія, условій работы и т. д. и гдѣ, такимъ образомъ, можно было бы найти указанія, какія мѣропріятія лучше достигаютъ цѣли и что уже сдѣлано въ этомъ направленіи.

Твиннингъ нашелъ поддержку въ лондонскомъ «*Society of Arts*» и парижскомъ «*Société d'économie charitable*» и съ жаромъ принялся вербовать сторонниковъ своей идеи. Въ 1855 году, воспользовавшись парижскою выставкою, онъ устроилъ отдѣлъ, указывающій, въ какомъ видѣ онъ представлялъ себѣ организацію социальнаго музея, согласно положенію техники, науки, гигиены и условіямъ экономической жизни, существовавшимъ тогда. Точно также и на международномъ благотворительномъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ 1858 году и

на юбилейной выставкѣ сельскохозяйственнаго общества въ Вѣнѣ, въ 1857 году Твинингъ упорно продолжалъ развивать и пропагандировать свою идею.

Старанія Твининга, прежде всего, привели къ устройству постояннаго экономическаго музея въ Лондонѣ по инициативѣ «Society of Arts». Но больше всего вниманія его идеѣ и его условіямъ было оказано во Франціи. Обязательно на каждой парижской выставкѣ существовалъ отдѣлъ, устроенный по идеѣ Твининга. На выставкѣ 1857 года Ле-Пле представилъ документы, модели и разные другіе матеріалы, имѣющіе цѣлью улучшение экономическаго быта и подъема нравственнаго уровня рабочихъ. Онъ назначилъ премию за лучшія учрежденія, имѣющія цѣлью смягченіе социальныхъ контрастовъ и направленныя къ улучшенію положенія дѣтей рабочихъ классовъ и инвалидовъ труда. Въ выставкѣ Ле-Пле приняли участіе 600 главнѣйшихъ промышленныхъ учреждений разныхъ странъ. Но наиболѣе обширный матеріалъ, относящійся къ этому вопросу, былъ собранъ на парижской выставкѣ 1889 года. Тогда-то въ кругу выдающихся французскихъ экономистовъ возникла идея образованія постояннаго музея, въ которомъ находилось бы все, относящееся къ условію и положенію труда. Французское правительство отнеслось сочувственно къ этой идеѣ, и съ этою цѣлью была организована въ 1890 году коммиссія музея социальной экономіи, передавшая правительству въ 1892 году всю свою коллекцію и документы. Не только послѣ крупнаго пожертвованія графа Шамбреа удалось, наконецъ, учредить настоящей социальный музей въ Парижѣ, дѣятельность котораго теперь сильно развивается.

Въ Австріи, благодаря неустанной энергіи доктора Мигерка, былъ открытъ въ Вѣнѣ, въ 1889 году, музей промышленной гигиены. Музей этотъ поддерживается союзомъ, специально организованнымъ съ этою цѣлью, а также фабричными инспекторами и крупными промышленниками.

Въ Амстердамѣ также въ 1889 году секретарь фабричной инспекціи, Ландре предложилъ учредить музей, гдѣ было бы собрано все, относящееся къ защитѣ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Но только въ началѣ 1899 г., благодаря опубликованному въ Дельфтѣ, по инициативѣ доктора Эренгарда, воззванію, идея эта начала облекаться въ конкретную форму. Весною образовался съ этою цѣлью союзъ, и въ октябрѣ уже былъ открытъ «Социальный музей для Нидерландовъ».

Въ Германіи нѣтъ социальнаго музея въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Парижѣ, но, тѣмъ не менѣе, уже нѣсколько разъ возникалъ вопросъ объ устройствѣ подобнаго учрежденія. Въ 1883 году, во время гигиенической выставкѣ въ Берлинѣ, министръ просвѣщенія Госселеръ возбудилъ вопросъ о цѣлесообразности устройства постоянной выставки всѣхъ предметовъ, относящихся къ общественному благосостоянію, и результатомъ этого было открытіе 1 октября 1885 года при Берлинскомъ университетѣ гигиеническаго института, къ которому черезъ годъ былъ присоединенъ гигиеническій музей.

Устроенная въ 1889 году въ Берлинѣ выставка «Deutsche allgemeine Ausstellung für Unfallverhütung» дала новый толчокъ идеѣ устройства германскаго социальнаго музея, и въ 1892 году вопросъ этотъ обсуждался въ рейхстагѣ, но безъ особеннаго успѣха, такъ какъ государственное казначейство отказалось выдать одновременно для организациіи этого музея 10.000 марокъ и ежегодно выдавать по пяти тысячъ. На этомъ дѣлѣ остановилось. Но черезъ пять лѣтъ депутатъ Резике снова поднималъ этотъ вопросъ о социальномъ музеѣ въ германскомъ рейхстагѣ и опять-таки безуспѣшно. Только въ январѣ прошлаго года вопросъ этотъ подвергся, наконецъ, всестороннему обсужденію, и депутатъ Резике, докторъ Мюллеръ и профессоръ докторъ Гице горячо отстаивали идею музея и организацию его на средства государства. Ихъ поддержали депутаты Вурмъ и баронъ Штуммъ. Министръ Позадовскій настаивалъ на томъ, что подобное учрежденіе будетъ стоить много денегъ. Недостаточно вѣдь выставить

моделі; необхідно, чтобы предохранительныя мѣры отъ несчастныхъ случаевъ были испробованы на дѣлѣ, а это потребуеъ и времени, и средствъ. Сторонники устройства музея возражали на это, что даже если идея будетъ примѣнена и не въ столь широкихъ размѣрахъ, которые имѣеть въ виду министръ, то все же она должна будетъ принести огромную пользу. Во всякомъ случаѣ первоначальное устройство такого музея не можетъ стоить слишкомъ дорого и начала его, конечно, должны быть скромныя.

Въ концѣ концовъ, усилія этихъ депутатовъ увѣнчались успѣхомъ и въ бюджетѣ на 1900 годъ включена довольно крупная ассигновка на постройку и устройство музея «für Arbeiterwohlfort» (для благополучія рабочихъ). Подъ этимъ словомъ въ Германіи подразумѣваютъ все, что только имѣеть отношеніе къ вопросу объ улучшеніи условій труда и образа жизни рабочихъ. На первыхъ порахъ новый музей ставить себѣ задачей предупрежденіе несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и улучшеніе фабричной гигиены, которой будетъ отведено въ музей широкое мѣсто. Кромѣ того, въ этомъ музеѣ проектируются передвижныя выставки всѣхъ новыхъ изобрѣтеній, относящихся къ вопросу объ улучшеніи и облегченіи условій труда. Для фабрикантовъ и страховыхъ учреждений будутъ отведены особыя залы, гдѣ они могутъ познакомиться со своими изобрѣтеніями всѣхъ спеціалистовъ и интересующихся этимъ людей. Затѣмъ, при музеѣ будутъ устроены аудиторіи, гдѣ будутъ читаться популярныя лекціи для рабочихъ и спеціальныя—для студентовъ, техниковъ и врачей съ цѣлью ознакомленія ихъ съ гигиеной труда и способами предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Въ послѣднемъ отношеніи въ Германіи сдѣлано уже довольно много, такъ какъ благодаря тому, что фабрикантамъ вмѣняется въ обязанность платить за всѣ увѣчья, они стали очень заботиться о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ на своихъ фабрикахъ, и число несчастій на фабрикахъ, дѣйствительно, замѣтно уменьшилось. Преприниматели и всякаго рода крупные промышленники въ своихъ собственныхъ интересахъ заботятся о примѣненіи различныхъ мѣръ для огражденія человѣческой жизни и уже не останавливаются передъ расходами. Въ настоящее время германскіе заводчики и фабриканты съ гордостью выставляютъ на видъ свою заботливость и предусмотрительность, но не мѣшаетъ помнить, что до введенія закона объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ германскіе фабриканты ничѣмъ не отличались отъ фабрикантовъ другихъ странъ въ этомъ отношеніи и не выказывали ровно никакой предусмотрительности и заботливости о своихъ рабочихъ.

Французскія дѣла. Конецъ года ознаменовался для Франціи безконечнымъ процессомъ о заговорѣ, который разбѣрается въ верховномъ судѣ, и чрезвычайно оживленными преніями, происходившими на большомъ національномъ конгрессѣ представителей всѣхъ фракцій партіи социалистовъ и присоединившихся къ ней рабочихъ синдикатовъ. На конгрессѣ участвовало около 800 делегатовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Франціи, и настроеніе всѣхъ членовъ было очень возбужденное въ виду предстоявшаго обсужденія вопроса о вступленіи Мильерана въ министерство Вальдека Руссо. Съ самаго начала уже всѣ члены конгресса раздѣлились на правую и на лѣвую и, конечно, немедленно возникли весьма бурныя пренія и даже столкновенія, подобныя тѣмъ, какія составляютъ довольно частое явленіе во французской палатѣ депутатовъ.

Вопросъ о возможности вступленія члена партіи социалистовъ въ буржуазное министерство, большинство котораго состоитъ изъ представителей другихъ партій, враждебныхъ социалистамъ, вообще занялъ большое мѣсто въ обсужденияхъ конгресса. Въ частности же, конечно, подвергнуть былъ разсмотрѣнію именно поступокъ Мильерана. Жоресъ и многіе другіе не только оправдывали поступокъ Мильерана, но находили его пребываніе въ министерствѣ очень полезнымъ.

Рѣчь Жореса произвела большое впечатлѣніе, такъ какъ онъ очень много распространялся о необходимости для партіи реформаторской дѣятельности. Партія, стремящаяся къ осуществленію своего идеала, должна обратить на это серьезное вниманіе. Прежде рабочіе воздерживались отъ участія въ синдикатахъ и кооперативахъ и отъ выставленія своей кандидатуры на муниципальныхъ и законодательныхъ выборахъ. Но теперь это измѣнилось. Рабочая партія почувствовала необходимость имѣть своихъ сторонниковъ какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ муниципалитетахъ и теперь остается только сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и послать одного изъ представителей партіи въ министерство, что, по мнѣнію Жореса, вполне допустимо въ извѣстныхъ случаяхъ.

Однако, представители другихъ фракцій социалистской партіи далеко не были согласны съ взглядами Жореса. Одинъ изъ нихъ съ горячностью заявилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ и рѣчи не могло бы быть о вступленіи въ министерство кого-нибудь изъ членовъ рабочей партіи. Представитель этой партіи ни въ какомъ случаѣ не долженъ вступать въ министерство уже потому, что ему пришлось бы иногда нести на себѣ отвѣтственность за дѣйствія министерства. Присутствіе членовъ партіи въ парламентѣ въ роли оппозиціи очень полезно, но отнюдь не въ министерствѣ.

Пренія по этому вопросу приняли очень страстный характеръ, и Поль Лафаргъ даже воскликнулъ, что необходимо удержатъ членовъ партіи отъ погони за министерскими портфелями. Это повторили и нѣкоторые другіе делегаты, громившіе «новывоззрѣнія и новую тактику» партіи, вызванную, по ихъ словамъ, желаніемъ эксплуатировать рабочую партію въ своихъ личныхъ интересахъ. Разумѣется, такого рода заявленія не могли не вызвать горячаго протеста и рѣзкихъ возраженій, но миръ былъ возстановленъ, когда делегаты отъ рабочихъ синдикатовъ объявили конгрессу, что вступленіе Мильерана въ составъ министерства тотчасъ же отразилось благоприятнымъ образомъ на положеніи синдикатовъ и вызвало приливъ новыхъ членовъ, а это, въ свою очередь, содѣйствуетъ распространенію взглядовъ рабочей партіи и усиленію ея престижа. Вообще рабочіе синдикаты склонны скорѣе одобрять поступокъ Мильерана, нежели порицать его.

Послѣ бурныхъ и продолжительныхъ дебатовъ по этому вопросу была вотирована резолюція весьма неопредѣленной характера. Въ принципѣ конгрессъ рѣшилъ большинствомъ 200 голосовъ, что «соціалистъ не можетъ вступать въ буржуазное министерство», и затѣмъ вотировалъ вторую резолюцію, на этотъ разъ большинствомъ 905 голосовъ (1.140 противъ 245), что «въ исключительныхъ обстоятельствахъ это можетъ быть допущено, и тогда партія представляется самой обсудить и рѣшить этотъ вопросъ». Этимъ страннымъ постановленіемъ конгрессъ до нѣкоторой степени оправдалъ вступленіе Мильерана, но съ другой стороны, у многихъ возникаетъ вопросъ, относится ли эта резолюція къ прошлому или будущему. Если она имѣетъ въ виду прошлое, то Мильеранъ поступилъ неправильно, такъ какъ принялъ портфель безъ согласія партіи, которая даже не поднимала объ этомъ вопроса тогда; этотъ вопросъ возникъ лишь послѣ того, какъ Мильеранъ вступилъ въ министерство. Но если резолюція имѣетъ въ виду только будущее, то, разумѣется, Мильеранъ можетъ сохранить свой портфель (что онъ и дѣлаетъ), не чувствуя при этомъ никакихъ угрызений совѣсти.

Незадолго до открытія конгрессовъ социалистовъ, въ Парижѣ состоялось весьма симпатичное празднество: студенческая ассоціація справляла свое новоселье. Ассоціація достигла за пятнадцать лѣтъ своего существованія высокаго процвѣтанія и развитія и теперь переселилась изъ маленькаго тѣснаго помѣщенія въ большой пятиэтажный домъ, специально приспособленный къ ея потребностямъ. На праздникѣ студенческой ассоціаціи присутствовали, конечно, многіе выдающіеся представители науки и литературы, но, кромѣ нихъ, явились

и представители официального мира, президент республики, министры и президенты палаты, сената и парижского муниципалитета. По этому уже можно было судить, что парижская студенческая ассоциация сдѣлалась однимъ изъ очень видныхъ общественныхъ учреждений. Произнесено было, какъ водится, множество рѣчей, въ которыхъ выставлялось на видъ огромное воспитательное и образовательное значеніе этой ассоциациі для всей студенческой молодежи. На это значеніе, между прочимъ, указалъ и министръ просвѣщенія въ своей рѣчи. Ассоциация, по его мнѣнію, не только содѣйствуетъ сближенію студентовъ между собой, но сближаетъ ихъ также и съ профессорами, расширяетъ ихъ умственный кругозоръ и способствуетъ усиленію интереса къ наукѣ. Кромѣ того, благодаря возникающему общенію, студенческая молодежь приучается относиться терпимо и съ уваженіемъ къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ другихъ.

Министръ указалъ также на громадное значеніе, которое имѣла университетская реформа, такъ какъ благодаря этой реформѣ университеты получили довольно широкую самостоятельность въ дѣлѣ управления своими дѣлами и въ настоящее время могутъ считаться дѣйствительными центрами умственной жизни.

Студенческая ассоциация систематически воздерживается отъ прямого участія въ политической жизни и отъ какихъ бы то ни было политическихъ манифестацій. Но зато она обнаруживаетъ стремленіе къ общественной дѣятельности, въ особенности въ отношеніи народнаго образованія, такъ какъ члены ея занимаются организаціей воскресныхъ школъ и публичныхъ лекцій для народа и теперь приняли участіе въ устройствѣ народныхъ университетовъ.

Университетское начальство, оказывая всевозможную поддержку студенческой ассоциациі съ самаго ея основанія, не виѣшивалось, однако, въ ея дѣла и предоставило ей полную свободу дѣйствій, считая ее совершенно самостоятельнымъ учрежденіемъ. Поэтому и на праздники ассоциациі университетское начальство присутствовало лишь въ качествѣ гостей, наравнѣ съ прочими приглашенными.

Студенческая ассоциация съ самаго начала сумѣла привлечь симпатіи французскаго общества. Президентъ республики, нѣкоторые министры и всѣ знаменитости литературнаго, научнаго и политическаго міра состоятъ почетными членами этой ассоциациі, а парижскій муниципалитетъ выдаетъ ей ежегодную субсидію и, кромѣ того, всѣ издатели считаютъ своимъ долгомъ снабжать ея бібліотеку своими изданіями. Въ послѣднее же время, когда члены этой ассоциациі выступили на поприщѣ народнаго образованія въ качествѣ дѣятельныхъ работниковъ, ассоциация эта приобрѣла еще болѣе сторонниковъ, готовыхъ оказывать ей какую угодно поддержку въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи.

Споръ о языкахъ въ Норвегіи. Въ Австріи споръ о языкахъ, принявшій въ послѣднее время очень острый характеръ, находится въ связи съ вопросами расоваго и политическаго характера. Между протестантомъ нѣмцемъ, славяниномъ или чехомъ католикомъ существуетъ глубокий антагонизмъ, который сильно обостряетъ споръ по поводу указа устанавливающаго равенство языковъ въ Чехіи. Но между норвежцами и такъ называемыми «Maalsmaend» (націоналистами), принадлежащими къ одной и той же расѣ, исповѣдующими одну и ту же религію въ политическомъ отношеніи представляющими одну и ту же національность, и не существуютъ подобныхъ рѣзкихъ различій, тѣмъ болѣе, что и въ парламентѣ они образуютъ одну и ту же группу—лѣвую. Ихъ соединяетъ еще, кромѣ того, общее чувство противодѣйствія шведскому преобладанію. Тѣмъ не менѣе споръ между этими двумя норвежскими общественными группами изъ-за языка въ послѣднее время принимаетъ такіе размѣры, что возбуждаетъ у многихъ опасеніе насчетъ внутренняго спокойствія страны. Сначала это было

только споръ о словахъ, но теперь онъ мало-по-малу вырастаетъ въ политическій конфликтъ.

Духъ независимости, представляющій основную черту норвежскаго характера, достаточно хорошо извѣстенъ. Связанные со Швеціей только въ лицѣ короля, норвежцы не переставали бороться за свои права. Недавно только они добились побѣды въ вопросѣ о національномъ знамени. Они требовали уничтоженія въ верхнемъ углу своего національнаго флага изображенія шведскаго знамени въ маленькомъ видѣ, которое служило символомъ конституціонной уніи обѣихъ странъ. Самолюбіе норвежцевъ страдало отъ этого. Споръ длился долго, но, въ концѣ концовъ, шведы уступили, и съ 1-го января норвежскій флагъ не носитъ уже на себѣ воспроизведенія въ миниатюрѣ шведскаго флага. Другой вопросъ, рѣшенія котораго добиваются норвежцы, это вопросъ о дипломатическомъ представительствѣ, въ настоящее время общемъ для обѣихъ сторонъ. Норвежцы давно уже упорно добиваются отдѣльнаго представительства и, вѣроятно, добьются своего.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ антишведскаго характера норвежцы обнаруживаютъ чрезвычайное единодушіе, и расколъ между ними возникъ лишь по вопросу о языкѣ. Какъ извѣстно, официальнымъ языкомъ страны служитъ датскій языкъ. Норвежцы говорятъ на этомъ языкѣ съ нѣкоторымъ отгнѣномъ и ввели въ него нѣкоторыя спеціальныя выраженія. Старинныя провинціальныя нарѣчія не существуютъ болѣе, какъ письменный языкъ. Датскій языкъ съ XVI и XVII вѣка занимаетъ господствующее положеніе въ Норвегіи. На этомъ языкѣ возникла уже цѣлая литература, которою норвежцы въ правѣ гордиться. Тѣмъ интереснѣе, что теперь возникаетъ сильное движеніе, направленное противъ этого языка и принявшее въ послѣднее время довольно острый характеръ.

Въ началѣ этого вѣка нѣсколько ученыхъ-филологовъ заинтересовались старинными нарѣчіями, которые еще сохранились кое-гдѣ среди норвежскихъ крестьянъ. Толчкомъ къ изученію этихъ нарѣчій былъ данъ Иваромъ Осеномъ, ученымъ филологомъ, который прежде былъ кочующимъ учителемъ, т.-е. учителемъ, переходившимъ изъ школы въ школу. Странствуя по деревнямъ въ качествѣ преподавателя, Осенъ изучилъ мѣстное нарѣчіе и написалъ о немъ статью, которая обратила на себя вниманіе норвежскаго ученаго общества въ Дроттгеймѣ. Послѣ того Иваръ Осенъ серьезно началъ изучать всѣ норвежскія нарѣчія, кодифицировалъ ихъ и составилъ грамматику. Во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ и изысканіяхъ Осенъ стремился къ возможному очищенію норвежскаго языка отъ всякой примѣси датскаго и старался открыть ему путь для дальнѣйшаго развитія. Самъ онъ, кромѣ ученыхъ трудовъ, приобрѣлъ еще извѣстность и своими стихотвореніями на народномъ нарѣчій. Такимъ образомъ, народился «таал» — норвежскій національный языкъ, который имѣетъ теперь массу адептовъ. Въ настоящее время уже возникаетъ цѣлая литература на этомъ языкѣ, въ особенности пригодномъ для изображенія нравовъ и сценъ изъ народной жизни. Главнымъ представителемъ этой новой школы является Арне Гарборгъ.

Но пока всѣ эти стремленія создать національный языкъ оставались въ области литературы, до тѣхъ поръ спокойствіе не нарушалось, и разговоры о національномъ языкѣ не принимали характера спора. Все измѣнилось, какъ только «Maalstaend» образовали въ парламентѣ, въ самыхъ ядрахъ парламентской лѣвой, спеціальную партію. Проникнутые идеей, что этотъ языкъ, — только недавно реставрированный, — можетъ сдѣлаться орудіемъ интеллектуальной жизни современной націи, группа «Maalstaend» потребовала введенія обязательнаго обученія «новаго норвежскаго языка» въ школахъ, лицахъ и даже въ университетѣ Христианіи. Это требованіе ясно указываетъ, что «Maalstaend» стремятся не только къ тому, чтобы обезпечить новому языку соот-

вѣтствующее мѣсто въ литературѣ, но желаютъ мало-по-малу окончательно изгнать оффиціальныи датскій языкъ изъ общаго употребленія.

Такое постановленіе вызвало горячій протестъ среди сторонниковъ прежняго порядка вещей, и подъ предсѣдательствомъ Бьорнсона состоялось нѣсколько весьма шумныхъ митинговъ, на которыхъ была вотирована резолюція, требующая отъ насъ обязательнаго преподаванія національнаго языка въ школахъ. Это произвело расколъ между двумя группами оппозиціи, долгое время дѣйствовавшими рука объ руку во всѣхъ своихъ антишведскихъ домогательствахъ. Говорятъ, что будущіе парламентскіе выборы весной будутъ уже производиться по вопросу о языкахъ. Разумѣется, шведы-консерваторы очень довольны этимъ движеніемъ и съ удовольствіемъ потираютъ руки, видя, что ихъ непримиримые враги, во главѣ которыхъ находится Бьорнсонъ, начинаютъ уже возставать другъ на друга. Съ той и другой стороны, безъ сомнѣнія, обнаруживаютъ слишкомъ много увлеченія, и страсти разгораются не на шутку. Бьорнсонъ заявилъ на послѣднемъ митингѣ, что возвращеніе къ діалекту «taal» — это возвращеніе ко временамъ варварства. Его противники, съ своей стороны, не могутъ не видѣть въ этомъ постановленіи объ обязательномъ преподаваніи діалекта — признакъ роста мѣстнаго національнаго самосознанія.

Событія германской общественной жизни. Обсужденіе бюджета въ германскомъ рейхстагѣ всегда носятъ характеръ подробнаго и тщательнаго обзора всей внутренней политики страны за истекшій годъ. Поэтому-то прѣвѣрами о бюджетѣ такъ интересуются всѣ граждане имперіи, такъ какъ въ этихъ прѣвѣніяхъ подвергаются разсмотрѣнію всѣ важнѣйшіе вопросы государственнаго управления. Противники милитаризма съ огорченіемъ видятъ, что военные расходы въ бюджетѣ на 1900 г. увеличены на 21½ милліона, да притомъ еще надо ожидать, что экстренные расходы достигнутъ еще большей цифры. А теперь еще предстоитъ, вѣроятно, очень серьезная борьба изъ-за вопроса объ усиленіи флота, о чемъ такъ сильно хлопочетъ императоръ Вильгельмъ, и правительству, какъ всегда, придется упорно отстаивать и бороться за каждую мелочь, такъ какъ противники милитаризма и маринизма, конечно, будутъ энергично возставать противъ того, чтобы сотни милліоновъ были употреблены на новыя пушки и броненосцы.

Въ ожиданіи рѣшенія этого жгучаго вопроса въ газетахъ идетъ ожесточенная полемика за и противъ усиленія флота, впрочемъ, не мѣшающая германской печати отмѣчать каждый фактъ общественной жизни, заслуживающій вниманія. Къ такимъ фактамъ, на примѣръ, причисляется ею открытіе рабочей колоніи «Freistatt» по инициативѣ пастора Бодельшвинга. Колонія основана въ Ганноверской провинціи съ цѣлью дать рабочимъ, не имѣющимъ заработка, а также юношамъ, «нуждающимся въ исправленіи», возможность обезпечить себѣ существованіе и заработать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Основатели колоніи постановили принципомъ полную свободу труда. Никакого принужденія къ труду не допускается, и только желающіе трудиться могутъ селиться въ колоніи. Колонія владѣетъ участкомъ земли въ 7.500 гектаровъ, но земля эта неводвѣланная и преимущественно болотистая, требующая культуры и усиленнаго труда. Для рабочихъ, временно нуждающихся въ заработкѣ, особенно въ зимнее время, выстроены баракъ, рассчитанный на помѣщеніе 30 человѣкъ, а для юныхъ питомцевъ колоніи, которые должны пріучаться къ труду, и при его помощи создать себѣ обезпеченное положеніе, выстроено большее зданіе, гдѣ могутъ помѣститься 20 человѣкъ и надзиратель или, какъ его называютъ въ колоніи, «Hausvater». Кромѣ этихъ двухъ зданій, имѣются, конечно, всѣ хозяйственныя постройки. Прежде всего, колонисты должны будутъ заняться прокладкою дорогъ и осушкою почвы, которая предназначается для культуры, а

также добычею торфа и приготовленія изъ него топлива. Колонія только что открыта и, конечно, о ея дѣятельности еще ничего нельзя сказать, но нѣсколько челоѣкъ безработныхъ уже наши въ ней пріютъ.

Недавно во Франкфуртѣ праздновался юбилей мѣстнаго литературнаго общества, который былъ настоящимъ торжествомъ печати. Самымъ знаменательнымъ фактомъ этого торжества было привѣтствіе, произнесенное депутаціей отъ народныхъ учителей. Депутація эта указала на важную роль печати въ дѣлѣ народнаго образованія и назвала печать—«союзницей школы». Также точно и бургомистръ города Франкфурта прославлялъ въ своей рѣчи печать, какъ важнѣйшую сотрудницу самоуправления. «Печать пробудила въ нѣмецкомъ народѣ уваженіе къ правамъ челоѣка и сознание своихъ обязанностей передъ общиной и страной,—сказалъ онъ.—Печать поднимаетъ голосъ за слабыхъ и говоритъ о долгѣ передъ народомъ, и если это пришло съ сознание современнаго общества, то лишь благодаря широкому вліянію печати».

Изъ множества рѣчей, произнесенныхъ на юбилейномъ банкетѣ, выдавалась рѣчь предсѣдателя общества, д-ра Герга, который обрисовалъ дѣятельность журналиста и въ особенности газетнаго писателя. «Профессія эта требуетъ не только знанія и упорнаго труда, но и умѣнья быстро формулировать свои мысли и отдѣльныя положенія. Газетному дѣятелю,—сказалъ Гергъ, подчасъ совершенно некогда тщательно обдумать форму и отдѣльныя положенія своего произведенія, но такъ какъ онъ сознаетъ свою отвѣтственность передъ огромною аудиторіей, къ которой обращается, то для честнаго публициста это служить часто источникомъ большихъ душевныхъ мукъ. Хорошо еще, если дѣятельность журналиста свободна, если она не знаетъ тѣхъ препятствій и путей, которые представляютъ остатки отдаленной эпохи, той эпохи, когда мысль встрѣчала преграды на каждомъ шагѣ, и дѣятельность независимаго журналиста признавалась вредной и опасной!»

Далѣе ораторъ распространился объ облагораживающемъ и гуманизирующемъ вліяніи печати на всѣ общественныя отношенія и на жизнь народа. «Не легка профессія журналиста,—воскликнулъ онъ въ заключеніе,—но какъ много она даетъ отрады и какою гордостью должно наполняться сердце публициста при мысли, что перо въ его рукахъ служитъ святымъ оружіемъ за правду и добро!»

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues». — «Nineteenth Century». — «Contemporary Review», — «Popular Science Monthly».

Въ Англіи всѣ учрежденія, имѣющія цѣлью народное образованіе, были основаны внѣ какихъ-либо политическихъ партій: на этомъ поприщѣ сходились люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ воззрѣній. Но въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи и Бельгіи, инициатива въ этомъ отношеніи принадлежала социалистамъ. «Revue des Revues» въ статьѣ о народныхъ университетахъ во Франціи и за границей говоритъ, что законъ о социалистахъ, навязанный въ 1878 году Германіи волею желѣзнаго канцлера, вызвалъ среди рабочихъ усиленное стремленіе къ интеллектуальному труду, выразившееся образованіемъ различныхъ обществъ, литературныхъ и другихъ, организовавшихъ рядъ публичныхъ чтеній по разнымъ научнымъ, историческимъ и философскимъ вопросамъ. Чтобы избѣгнуть полицейскихъ затрудненій, клубы эти были названы литературными именами, напримѣръ: клубъ Лессинга, Гёте и др. Около 1889 г. было основано дарвиновское общество, которое должно было служить фундаментомъ для рабочаго университета. Въ статутахъ этого общества существовала пара-

графъ, ограничивающій число его членовъ,—что, по мнѣнію его организатора Поля Эрнста, было необходимо «для того, чтобы лекторъ въ состояніи былъ лично ознакомиться съ каждымъ изъ своихъ слушателей». Въ этомъ обществѣ допускались пренія о прочитанномъ, слушатели спрашивали разъясненія, если какое-нибудь мѣсто рѣчи оратора осталось для нихъ неяснымъ, и иногда возникали довольно горячіе дебаты. Вопросы, подвергавшіеся обсужденію въ этомъ обществѣ, принадлежали часто къ области очень серьезныхъ проблемъ философіи. Эта попытка организаціи рабочаго университета заглохла, впрочемъ, въ самомъ началѣ, вслѣдствіе отміны закона о социалистахъ (1890 г.), вызвавшей необычайное оживленіе политической жизни, развитіе политическихъ обществъ, синдикатовъ и образованіе новыхъ группировокъ.

Но тѣмъ не менѣе, наряду съ организаціей этического общества, состоящаго изъ рабочихъ, и общества распространенія народнаго образованія, были основаны два учрежденія, носящія образовательный характеръ: свободный народный театръ и родъ рабочаго университета въ Берлинѣ, который возникъ вслѣдствіе желанія централизаціи всѣхъ клубовъ чтенія и различныхъ образовательныхъ обществъ. Инициатива этого проекта принадлежала Либкнехту, который сумѣлъ сгруппировать около себя четыре тысячи сторонниковъ. Такимъ образомъ, была основана «школа для рабочихъ», которая должна была, по словамъ Либкнехта, «пополнить пробѣлы, оставленные народною школою въ образованіи рабочаго, но отнюдь не дѣлать изъ него ученаго и не обременять его голову бесполезными познаніями».

Въ 1891 г. эта школа уже насчитывала 3.600 членовъ, которые вносили ежемѣсячно 25 пфенниговъ. Лекціи были организованы въ четырехъ берлинскихъ училищахъ въ различныхъ кварталахъ Берлина. Въ программу входила исторія, политическая экономія, естественныя науки и т. п. Открытіе библиотеки и дѣятельная пропаганда въ пользу этого дѣла приобрѣла ему еще много сторонниковъ, и въ 1892 г. число членовъ школы возросло до 5.000. Однако несмотря на такое удачное начало, школа все-таки погибла вслѣдствіе матеріальныхъ затрудненій, такъ что, въ сущности, въ Германіи еще не было открыто настоящаго народнаго университета, и это будетъ дѣломъ будущаго.

Въ Бельгіи, какъ и въ Германіи, рабочая партія была инициаторомъ движенія въ пользу народнаго образованія. Бельгійская рабочая партія вообще обнаруживаетъ большую заботливость о нравственномъ и умственномъ подъемѣ народныхъ массъ. Съ этою цѣлью былъ основанъ въ 1892 году «Maison du peuple», гдѣ теперь устраиваются разные курсы, но самое разнообразіе этихъ курсовъ вредитъ ихъ успѣху. Крімъ того, въ Шарльруа открытъ народный университетъ, пока еще не оправдавшій всѣхъ возложенныхъ на него надеждъ. Лекціи читаются въ школахъ по вечерамъ въ будніе дни или же по воскреснымъ днямъ. Многочисленные курсы, организованные въ 1893 году двумя профессорами брюссельскаго университета, Вандервельде и Леклеркомъ, больше всего подходятъ къ тому, что въ Англіи называется «University Extension». Въ первый же годъ 25 курсовъ, составлявшіе вмѣстѣ 183 лекціи, привлекли четыре тысячи слушателей. Несмотря на расколъ, возникшій между профессорами брюссельскаго университета, несмотря на образованіе новаго университета («Université nouvelle»), эти курсы продолжались, и теперь существуютъ параллельно два общества «University Extension», такъ какъ, не взирая на политическія разногласія, всѣ рѣшительно убѣждены въ необходимости народнаго образованія, дополняющаго то, которое было получено въ школахъ.

Такую же полезную дѣятельность въ области народнаго образованія обнаруживаютъ и различныя кооперативныя общества, представляющія многочисленныя библиотеки въ распоряженіе своихъ членовъ и устраивающія различнаго рода народныя развлечения, концерты, собранія и т. п. съ образовательными цѣлями.

Въ «Nineteenth Century» напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Негръ о положеніи негровъ въ Америкѣ». («A Negro of the position of the Negro in America»), въ которой чрезвычайно мрачными красками описывается положеніе черной расы и тѣ преслѣдованія и несправедливости, которыя ей приходится выносить въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ ставитъ вопросъ: «свободны ли негры въ Америкѣ?» И съ жаромъ восклицаетъ: «нѣтъ!». Онъ приводитъ множество доказательствъ и фактовъ, подтверждающихъ это, и заставляетъ читателя преклониться передъ силою своей аргументаціи. Во многихъ отношеніяхъ положеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ нисколько не лучше того, которое было до войны за освобожденіе, въ особенности въ южныхъ штатахъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ особый родъ замаскированного рабства—система отдачи въ наймы преступниковъ. Когда сѣверное войско разрушило тюрьмы въ южныхъ штатахъ, то южане, разоренные войной, не могли ихъ отстроить и такъ какъ имъ негдѣ было держать преступниковъ, то они стали отправлять ихъ на работы въ рудники, фермы, фабрики и т. п. Эта система оказалась вполне удобной для сохраненія рабства въ его первобытной формѣ и даже теперь, когда они могли бы выстроить тюрьмы, южане продолжаютъ придерживаться ея. Превратить свободного негра въ подобнаго раба не трудно, стоять только обвинить его въ какомъ-нибудь преступленіи. Отъ обвинителя не требуется никакихъ особенныхъ доказательствъ, часто довольно бываетъ одного заявленія, что негръ совершилъ преступленіе. Если это заявленіе дѣлаетъ бѣлый, то онъ встрѣчаетъ полное довѣріе со стороны властей, и бѣдный негръ, часто даже не знающій хорошенько въ чемъ его обвиняютъ, долженъ представить неопровержимыя доказательства своей невинности, а такъ какъ это необыкновенно трудно сдѣлать въ южныхъ штатахъ, то его отсылаютъ въ тюрьму, а оттуда на работы къ какому-нибудь частному лицу, который нанимаетъ его у государства. Эта система приноситъ государству хорошій доходъ, но она очень тяжело отзывается на черной расѣ. Негра отправляютъ въ тюрьму за самомагвѣйшій проступокъ и если онъ побывалъ въ ней, хоть самое короткое время, то лишается уже навсегда права голоса. По одной этой причинѣ бѣлые стремятся отправить, какъ можно больше, негровъ въ тюрьму.

Авторъ ужасными красками описываетъ жизнь такихъ подневольныхъ работниковъ. Хозяева обращаются съ ними, какъ съ рабочими скотомъ, и заботятся о нихъ еще меньше, чѣмъ они заботились о прежнихъ рабахъ, такъ какъ рабъ представлялъ собою все-таки нѣкоторую цѣнность, а такой наемный арестантъ ничего не стоитъ, потому что, въ случаѣ смерти или увѣчья одного изъ нихъ, онъ тотчасъ же можетъ быть замѣненъ другимъ безъ убытка для хозяина.

Расовой антагонизмъ существуетъ рѣшительно во всѣхъ учрежденіяхъ южныхъ штатовъ и вездѣ введена демаркаціонная линія (Colour line), переступать, которую неграмъ не дозволено. Негръ платитъ и за университеты, и библіотеки, но пользуются ими только бѣлые. Таково положеніе въ южныхъ штатахъ, гдѣ притомъ до сихъ поръ еще царитъ законъ Линча, со всѣми его ужасами. Профессоръ коллегіи Тускеджи, Букеръ Вашингтонъ, говоритъ, что за послѣдніе шесть лѣтъ около 900 человекъ подвергнуты были расправѣ по закону Линча. Эти страшныя цифры должны бы заставить обратить вниманіе на зло, которое ложится позорнымъ пятномъ на американскую цивилизацію и унижаетъ ее.

Въ сѣверныхъ штатахъ положеніе негровъ, конечно, гораздо лучше: тамъ они не подвергаются такому остракизму, но все же оно оставляетъ желать многого. Авторъ, впрочемъ, надѣется на то, что расовая проблема въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ рѣшена въ духѣ справедливости и гуманности. «Больше тридцати тысячъ мужчинъ и женщинъ черной расы,—говоритъ онъ въ заключеніе,—имѣютъ уже ученые степени, полученныя ими въ различныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ, и энергично трудятся съ цѣлью возвышенія своей

расы въ нравственномъ, умственномъ, религіозномъ и промышленномъ отноше-
ніяхъ. Міръ движется впередъ, а не назадъ; онъ не можетъ остановиться и
на одномъ мѣстѣ. Негръ усердно трудится, чтобы завоевать себѣ мѣсто чело-
вѣка въ американскихъ учрежденіяхъ и американской жизни, — и онъ долженъ
рано или поздно достигнуть этого!»

Г-жа Мелегари описываетъ въ «Contemporary Review» положеніе женщинъ въ
Италіи и усилія, которыя дѣлаются въ этой странѣ въ пользу женской эмансипаціи.
По словамъ автора, въ особенности въ южной Италіи сохраняются въ неприкосновен-
ности старинныя традиціи, ставящія женщину въ подчиненное положеніе. Женская
эмансипація туда еще не проникла и во многихъ городахъ южной Италіи во-
просъ о развитіи женщинъ даже не возбуждается никѣмъ. Но въ сѣверной
Италіи эмансипація сдѣлала довольно значительные успѣхи, хотя, разумѣется,
и рѣчи не можетъ быть о женскомъ движеніи въ томъ видѣ, въ какомъ оно
существуетъ въ Германіи и Англіи. Тѣмъ не менѣе, въ итальянскихъ универ-
ситетахъ, открывшихъ свои двери женщинамъ, насчитывается уже въ настоящее
время 140 студентокъ. «Но, въ несчастіе для передовыхъ итальянскихъ жен-
щинъ,—прибавляетъ авторъ,—онѣ именно среди женщинъ встрѣчаютъ меньше
всего сочувствія своимъ идеямъ и стремленіямъ. Мужчины смѣются, зубоскаляютъ,
скептически относятся къ стремленіямъ женщинъ добиться самостоятельности
и независимости, но, въ общемъ, не препятствуютъ имъ и не воздвигаютъ ни-
какихъ непреодолимыхъ преградъ на ихъ пути. Въ числѣ современныхъ писа-
телей, журналистовъ встрѣчается не мало сочувствующихъ идей женской эман-
сипаціи. Два современныхъ юмориста, Гандолинъ и Вомба—убѣжденные фемини-
сты. Во всякомъ случаѣ, если какая-нибудь итальянская женщина напишетъ
умную книгу или нарисуетъ хорошую картину, то она можетъ быть убѣрена,
что встрѣтитъ поддержку именно среди мужчинъ, которые будутъ поощрять и
одобрять ее похвалами. Но женщины, въ большинствѣ случаевъ, отнесутся
вполнѣ равнодушно къ такому проявленію знанія, трудолюбія или талантовъ
со стороны одной изъ ихъ соотечественницъ. Такимъ образомъ, ни одна итальянка,
въ борьбѣ за свою самостоятельность, не можетъ рассчитывать на поддержку
и сочувствіе своихъ сестеръ, другихъ женщинъ. Впрочемъ, и сами эти пионерки
очень мало интересуются мнѣніемъ женщинъ о своемъ поведеніи. Поэтому среди
итальянскихъ женщинъ нѣтъ никакой солидарности въ стремленіи къ прогрессу.
Это обстоятельство и является главнымъ препятствіемъ, мѣшающимъ успѣхамъ
женской эмансипаціи въ Италіи.

Профессоръ Бруксъ, изъ американскаго университета «John Hopkins» под-
водитъ итоги XIX вѣку, въ журналѣ «Popular Science» и дѣлаетъ краткій обзоръ
успѣховъ, достигнутыхъ въ области интеллектуальнаго прогресса. Онъ ссылается
на слова Уоллеса, который сказалъ, что наслѣдіе, получаемое, XX вѣкомъ въ
этомъ отношеніи очень велико,—гораздо больше, чѣмъ то, которое было полу-
чено XIX вѣкомъ отъ другихъ столѣтій. Авторъ называетъ XIX вѣкъ «удиви-
тельнымъ столѣтіемъ» (wonderful Century). Но, къ сожалѣнію, этотъ вѣкъ
ознаменовался также очень многими и весьма серьезными упущеніями и ошиб-
ками какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ социальномъ и нравственномъ
отношеніяхъ. Многіе изъ великихъ современныхъ мыслителей сомнѣваются
даже, въ виду такихъ ужасныхъ ошибокъ, которыя ложатся пятномъ на цивили-
зацію XIX вѣка, можно ли считать конечные результаты цѣлой вѣковой ра-
боты благотворными для человѣчества? «Въ самомъ дѣлѣ, восклицаетъ авторъ,
гигіеническая наука сдѣлала громадныя успѣхи въ XIX вѣкѣ, а, между тѣмъ,
мы допускаемъ огромную часть человѣчества жить и работать въ такихъ усло-

віахъ, которыя способствуютъ въ значительной степени укороченію человѣческой жизни. Въ безумной погонѣ за богатствомъ мы сдѣлали золото болѣе священнымъ, нежели человѣческая жизнь. Мы создали такія тяжелыя условія человѣческой жизни, что самоубійства, сумасшествия и преступленія все возрастаютъ. Стремленіе къ наживѣ вызвало безрасудное потребление запасовъ природы: уничтожаются вѣковые лѣса, что ведетъ часто къ печальнымъ послѣдствіямъ, расходуются самымъ расточительнымъ образомъ минеральныя богатства земной поверхности, продукты давно прошедшихъ временъ и геологическихъ переворотовъ. И все это дѣлается лишь въ интересахъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, безъ малѣйшаго помысла о долгѣ относительно грядущихъ поколѣній! Несмотря на громадныя успѣхи промышленности и на то, что мы подчинили себѣ силы природы, борьба за существованіе приняла еще болѣе ожесточенный характеръ и нищета возрастаетъ наряду съ богатствами».

Но самое ужасное зло, которое получаетъ въ послѣдіе XX вѣка—это возрожденіе духа войны. Всѣ націи сгибаются подъ непосильнымъ бременемъ военныхъ расходовъ. Флотъ и армія постоянно увеличиваются. Изобрѣтательность человѣческаго ума изощряется на устройствѣ смертоносныхъ орудій и снарядовъ и успѣхи науки и техники находятъ широкое примѣненіе въ этой области. Какою насмѣшкою надъ цивилизаціей являются всѣ эти націи, вооруженныя съ ногъ до головы и только ожидающія удобнаго случая, чтобы броситься другъ на друга! Опустошенія, которыя производили въ средніе вѣка и въ древности разные тираны и завоеватели, повторяются и теперь. По словамъ Уоллеса, весь міръ представляетъ теперь не что иное, какъ игорный столъ. Но какъ игра дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и эта жажда власти и могущества деморализуетъ правительство. Благополучіе народа совсѣмъ не принимается во вниманіе или лишь постольку, постольку это нужно, чтобы народъ исправно уплачивалъ налоги...

Свой обвинительный актъ противъ XIX вѣка авторъ заканчиваетъ словами, что великою задачею XX вѣка должно быть обузданіе всѣхъ этихъ разгулявшихся страстей и appetitовъ ради высшихъ и лучшихъ дѣлей, къ которымъ должно стремиться человѣчество.

Что такое «образованный человѣкъ»?

Американскій журналъ для самообразованія «The Chautauquan» разослалъ для опроса выдающимся людямъ слѣдующіе четыре вопроса:

- 1) Что вы считаете самымъ характернымъ отличіемъ образованнаго чловека отъ необразованнаго?
- 2) Какими особыми преимуществами отличается человѣкъ, прошедшій курсъ неполнаго ученія, передъ такъ называемыми самоучками?
- 3) Какими средствами лучше всего можно возмѣстить отсутствіе школьнаго образованія?
- 4) Въ чемъ должно заключаться различіе женскаго образованія отъ мужскаго?

Наиболѣе поучительные отвѣты, въ числѣ десяти, напечатаны въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала. Изъ числа этихъ отвѣтовъ четыре принадлежатъ директорамъ университетовъ и колледжей (Eliot, Hadley, Faunce, Baggows), два — популярнымъ писателямъ и педагогамъ (Everett Hale, Moody), два — крупнымъ практическимъ дѣльцамъ (Alexander, Studebaker) и два — женщинамъ, пользующимся широкой извѣстностью (Wright Sewall, Alice Palmer).

Вмѣсто того, чтобы приводить самые отвѣты съ неизбѣжными повтореніями въ случайной и отрывочной формулировкѣ, намъ кажется, будетъ удобнѣе пред-

ставити общую характеристичную американскихъ взглядовъ на вопросы образованія по намѣченнымъ четыремъ пунктамъ.

Первымъ условіемъ истиннаго образованія единодушно признается самодѣятельность. Образованный человѣкъ отличается отъ необразованнаго вовсе не дипломами, аттестатами, учеными степенями; образованіе не взмѣряется программю пройденнаго курса; формальное и пассивное усвоеніе учебнаго матеріала не даетъ права называться образованнымъ человѣкомъ. «Ученые часто бываютъ наименѣ образованными людьми, и въ то же время истинно образованные люди очень часто не прошли никакой школы». «Учебныя заведенія даютъ только разнообразныя средства, съ помощью которыхъ всякій долженъ самъ создавать свою культуру». Для иллюстраціи редакція журнала приводитъ слѣдующія слова Генри Друммонда: «есть одинъ человѣкъ, который почти ослабѣлъ, работая послѣдніе два года надъ микроскопомъ. За это время онъ открылъ два новыхъ факта и надѣется на будущій годъ открыть еще одинъ. А, между тѣмъ, въ микрографическомъ словарѣ приведено, описано и иллюстрировано три тысячи фактовъ, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ. И несмотря на это, онъ правъ. Эти три факта имѣютъ для него гораздо больше значенія, чѣмъ остальные три тысячи, и не потому, что они доставили ему извѣстность, а потому, что они заставили его самостоятельно поработать. Они завлекли, они двигали его впередъ, заставляли напрягать энергію, другими словами, они его воспитали, ибо воспитаніе (или, вѣрнѣе, образованіе) и есть постепенное, тщательное и гармоническое развитіе нашихъ способностей».

Перехода къ описанію типическихъ чертъ образованнаго человѣка, авторы отвѣтовъ указываютъ, прежде всего, на широту его взглядовъ, на глубину и разнообразіе интересовъ. Необразованный человѣкъ живетъ въ ограниченной и узкой сферѣ интересовъ и симпатій: его затрогиваетъ только то, что близко его касается; такъ, онъ интересуется своей семьей, своимъ ремесломъ, своимъ приходомъ, роднымъ городомъ и страной и глухъ ко всему, что лежитъ за предѣлами этого тѣснаго круга. Поэтому онъ «провинциаленъ» въ своихъ чувствахъ и одностороненъ въ сужденіяхъ; притомъ, вслѣдствіе бѣдности опыта онъ или неспортивливъ и упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, или же, наоборотъ, легкомысленъ и падокъ на всякія новыя ученія, въ которыхъ не умѣетъ критически разобраться. Въ противоположность этому, образованный человѣкъ обладаетъ умомъ гибкимъ, свободнымъ, открытымъ вліянію чуждыхъ взглядовъ, способнымъ легко овладѣвать новыми фактами и ученіями, опредѣлять ихъ относителную цѣнность и затѣмъ дѣлать своимъ достояніемъ.

Гораздо выше реальнаго содержанія, которое даетъ образованіе, американцы цѣнятъ ту дисциплину ума, которая является результатомъ образованія. Изученіе различныхъ наукъ развиваетъ различныя стороны умственной дѣятельности: съ одной стороны, научаетъ правильно наблюдать и дѣлать правильные выводы; съ другой—развиваетъ способность рассуждать и анализировать. Наконецъ, вырабатываетъ умѣнье понимать относительную цѣну явленій, видѣть истинную пропорцію вещей и не жертвовать цѣльнымъ ради части. Образованный человѣкъ не даетъ себя во власть отдѣльнымъ фактамъ, онъ умѣетъ возвышаться надъ частностями къ общему; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣетъ обнять предметъ во всей его реальной обстановкѣ, схватить весь комплексъ связанныхъ между собой явленій, выдѣляя въ немъ рядъ причинъ и послѣдствій. Параллельно съ этимъ, образованіе изощряетъ рѣчь; выраженія становятся болѣе точными, словарь—болѣе богатымъ и разнообразнымъ, общій стиль—болѣе изящнымъ и утонченнымъ.

Практическіе дѣятели (business men) взглянули на образованіе со своей спеціальной точки зрѣнія, именно, какъ на подготовительную школу для чисто практической дѣятельности, придавая исключительное значеніе воспитанію воли.

Поэтому преимущество образования они сводят къ слѣдующему: 1) *Способности сосредоточить вниманіе на одномъ дѣлѣ*. Извѣстно, въ какой неудобной обстановкѣ происходитъ по большей части практическая работа, какая масса перерывовъ, уклоненій въ сторону, отвлеченій постоянно разбивающаго вниманіе, направленное на дѣло: поэтому нужна необычайная сила сосредоточенія, чтобы, вопреки всѣмъ препятствіямъ, не терять нити работы. 2) *Постоянству усилій*. Практическое дѣло часто представляетъ очень сложныя и запутанныя задачи, которыя надо вынашивать въ умѣ цѣлыми недѣлями, прежде чѣмъ остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи. Дисциплинированный умъ привыкъ предварительно обдумать, составить себѣ планъ работы и затѣмъ уже приступать къ дѣятельности, между тѣмъ какъ лишенный такой дисциплины человекъ, безъ всякой предварительной подготовки, подходитъ къ работѣ и среди горячки и сумятицы самаго дѣла принужденъ обдумывать его дальѣйшій планъ, что, конечно, не можетъ не отражаться на успѣшности результатовъ. 3) *Способности систематическаго выполненія работы*. Образованный человекъ можетъ охватить лежащую передъ нимъ практическую задачу въ цѣломъ, во всей совокупности различныхъ отношеній и развѣтвленій, какъ бы сложны они ни были. При этомъ онъ умѣетъ привлечь къ работѣ всѣ находящіяся въ его распоряженіи ресурсы—память, воображеніе, волю, чувство, опытность, и нечего и говорить, что такая концентрированная работа будетъ производительнѣе всякой другой.

Формальный характеръ, который придаетъся образованию, выражается и въ слѣдующемъ опредѣленіи образованнаго человека: образованный человекъ обладаетъ умѣніемъ дѣлать то, чего онъ никогда не дѣлалъ, ибо, если образованіе и не даетъ всѣхъ нужныхъ знаній, оно научаетъ, гдѣ найти эти знанія.

Въ свою очередь, и женщины прибавили нѣсколько своеобразныхъ штриховъ въ характеристику образованнаго человека. Онѣ внесли въ оцѣнку образованія морально-практическую точку зрѣнія, рассматривая его со стороны нравственнаго достоинства и тѣхъ шансовъ на счастье, которые оно даетъ. Конечно, и въ другихъ отвѣтахъ попадаются указанія на моральное значеніе образованія, но въ отвѣтахъ женщинъ эти указанія занимаютъ гораздо болѣе важное мѣсто. Культура ума научаетъ подниматься отъ частнаго и конкретнаго къ общему и отвлеченному, поэтому образованный человекъ всегда болѣе склоненъ къ идеализму. Широкое знакомство съ настоящимъ и углубленіе въ прошлое показываетъ ему въ яркихъ примѣрахъ «красоту терпимости, силу симпатіи» и развиваетъ стремленіе къ высшему и благородному. При всемъ этомъ, знаніе открываетъ много новыхъ источниковъ счастья, возбуждаетъ рядъ высокихъ и тонкихъ эмоцій въ тѣхъ случаяхъ, когда необразованный человекъ остается тупымъ и нечувствительнымъ, и, наоборотъ, даетъ самообладаніе въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ невѣжда поддается ложнымъ страхамъ и терается. Наконецъ, открывая иные пути къ счастью и наслажденіямъ, образованіе освобождаетъ человека отъ того рабства передъ деньгами, которое царитъ въ необразованной средѣ; вмѣстѣ съ этимъ отпадаетъ и та кора грубости и эгоизма, которая нарастаетъ очень часто на нетронутой культурой почвѣ. Въ концѣ концовъ, истинное образованіе научаетъ настоящей скромности. Съ этими сокровищами ума и сердца, человеку легче вступать въ старческой возрастъ, въ нихъ онъ сохраняетъ лучше достояніе своей юности.

При разборѣ отвѣтовъ на второй вопросъ (преимущество прошедшаго школу передъ самоучкой), нужно сдѣлать оговорку. Различіе между школьнымъ образованіемъ и самообразованіемъ проводится на сравнительно высокихъ ступеняхъ, т. е. разумѣется прохожденіе курса колледжа (соотвѣтствующаго приблизительно старшимъ классамъ нашихъ гимназій и первымъ курсамъ университетовъ), предполагая, съ американской точки зрѣнія, что первоначальной школы не минуетъ никто. Можетъ показаться страннымъ, что нѣкоторые корреспонденты не на-

ходить никакихъ преимуществъ въ школьномъ образованіи; но, прилагая американскую мѣрку, мы найдемъ это довольно понятнымъ. Мы уже видѣли, что американцы выше всего цѣнятъ самостоятельность, а между тѣмъ, какъ бы школа ни старалась развивать въ ученикахъ самостоятельность въ работѣ, она едва ли можетъ довести эту самостоятельную работу до той степени напряженія и самобытности, до какой доходить человѣкъ, предоставленный самому себѣ. Конечно, при этомъ предполагается одно необходимое условіе, что человѣкъ, дошедшій одинъ, безъ всякаго руководства, до сравнительно сложныхъ отдѣловъ наукъ (соотвѣствующихъ курсу колледжей), долженъ обладать и интересомъ, и энергіей, и способностями выше среднихъ. Однимъ корреспондентомъ высказано даже такое мнѣніе, что при настоящей нераціональной постановкѣ средней школы въ Америкѣ было очень грустно, если бы вся коллегія проходила черезъ колледжи. Къ чему отдавать четыре лучшихъ года жизни на изученіе греческаго, латинскаго языковъ и математики? Запросы жизни гораздо шире того, что даетъ архаическая система школьной педагогіи.

Впрочемъ, большинство находитъ неоспоримыя преимущества за школьнымъ образованіемъ, — именно въ двухъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи умственной дисциплины, 2) во влияніи товарищества. Систематическое прохожденіе наукъ даетъ извѣстную формальную выправку уму и научаетъ мыслить систематически. Затѣмъ, не малое значеніе имѣетъ и выборъ въ преподаваніи всего лучшаго и наиболѣе важнаго въ литературѣ, исторіи и другихъ наукахъ, тогда какъ знанія самоучки носятъ случайный характеръ. Онъ идетъ ошудью, часто набираетъ много лишнихъ и несущественныхъ свѣдѣній и упускаетъ важное и нужное. Слѣдствіемъ этого бываетъ недостатокъ самоувѣренности, очень важнаго рычага въ практической дѣятельности. Далѣе, школьное преподаваніе развиваетъ способность критикн, такъ какъ оно предоставляетъ въ распоряженіе учащагося массу фактовъ, съ помощью которыхъ онъ можетъ провѣрить правильность обобщеній и выводовъ. Наконецъ, указываютъ на плодотворность занятій съ пылкими юношами и энтузіастами-преподавателями: такихъ поощряющихъ стимуловъ не можетъ дать печатная книга.

Вліяніе товарищества, вообще вліяніе школьной атмосферы признается очень важнымъ. Въ школѣ завязываются дружескія отношенія на возвышенной основѣ — во имя преслѣдованія общихъ умственныхъ интересовъ, и эти связи часто держатся потомъ всю жизнь. Среда товарищества нравственно воспитываетъ человѣка, образуетъ характеръ, сбиваетъ мѣстные особенности, провинціальную угловатость, возбуждаетъ честолюбіе, заставляетъ опредѣлять свое мѣсто въ ряду другихъ, чѣмъ сбиваетъ самоувѣніе и эгоизмъ и расширяетъ кругъ симпатій — все это трудно приобрести какимъ-либо инымъ путемъ. Вообще, прожить нѣсколько лѣтъ въ атмосферѣ юношескаго чистосердечія, правдивости и честности — не малое благо. Важное преимущество составляетъ также возможность узнать учителей — людей высшаго умственнаго и нравственнаго уровня, научиться уважать ихъ и поработать нѣсколько лѣтъ подъ ихъ руководствомъ.

Практика, съ своей точки зрѣнія, конечно, отдаютъ безусловное предпочтеніе школѣ, именно вслѣдствіе той дисциплины ума и воли, о которой была рѣчь выше. По ихъ мнѣнію, выдвинуться въ сферѣ практической дѣятельности — человѣку, не получившему школьнаго образованія, очень трудно, — несмотря на всѣ усилія, онъ едва ли сможетъ подняться надъ средними ступенями.

Матеріалъ, заключающійся въ отвѣтахъ на третій вопросъ (какими средствами возмѣтитъ отсутствіе школьнаго образованія), распадается на двѣ части, соотвѣственно тому, идетъ ли рѣчь о замѣвѣ школы. какъ учебнаго или какъ воспитательнаго учрежденія. Само собой разумѣется, что въ первомъ случаѣ рекомендуется постоянное, систематическое чтеніе по извѣстной программѣ, при непремѣнномъ условіи идти впередъ только тогда, когда чувствуешь себя крѣпко

на предыдущих ступеняхъ. Конечно, очень желательно руководство компетентныхъ лицъ съ провѣркой усвоеннаго, затѣмъ полезно слушаніе лекцій, участіе въ дебатахъ. Америка (и Россія, прибавимъ отъ себя) обладаетъ учреждениями, подобными Штокгофъ, предлагающими систематическое чтеніе подъ руководствомъ опытныхъ лицъ и послѣдовательный рядъ общеобразовательныхъ публичныхъ курсовъ. При умѣломъ пользованіи чтеніе газетъ и журналовъ служить важнымъ образовательнымъ средствомъ. Такъ какъ самообразование имѣетъ опасную тенденцію — держать человѣка въ узкомъ и одностороннемъ кругѣ интересовъ то ради противодѣйствія этому нужно читать газеты разныхъ политическихъ партій, знакомиться съ людьми несогласныхъ съ вами воззрѣній—это расширяетъ и укрупняется взгляды. Далѣе, совѣтуютъ извлекать пользу изъ всякаго знакомства, изъ всякой случайной встрѣчи, такъ какъ каждый человѣкъ непременно знаетъ что-нибудь, чего мы не знаемъ, и, значить, можетъ сообщить что-нибудь поучительное. Чтобы упражнять самодѣятельность, рекомендуется какое-нибудь серьезное специальное занятіе, все равно практическое или теоретическое, искусство или наука. Но указать точный планъ и программу самообразования невозможно, такъ какъ они обусловливаются индивидуальными особенностями человѣка, его вкусами, окружающей обстановкой, житейскими обстоятельствами, количествомъ досуга, который онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ, какою цѣль онъ ставитъ себѣ въ жизни и т. д.

Воспитательную роль товарищества и учителей труднѣе возмѣстить чѣмъ-либо помимо школы. Въ этомъ отношеніи даются общіе совѣты—стараться сблизаться съ учащейся молодежью, вступать въ общеніе съ умными и образованными людьми и т. п.

Относительно желательной постановки женскаго образования, всѣ отвѣты вообще сходятся въ томъ, чтобы предоставить женщинамъ всѣ тѣ образовательныя средства, которыми пользуются мужчины, но ни въ какомъ случаѣ не формировать женщину по подобію мужчины. Здѣсь разсужденія о системѣ образования невольно переходятъ въ болѣе широкій вопросъ о положеніи женщины вообще. Въ напечатанныхъ отвѣтахъ представлены не всѣ современные теченія въ этомъ вопросѣ. Изъ опасній корреспондентовъ—мужчинъ, какъ бы образованіе женщины не повело къ разрушенію семьи и того, что у нихъ называется «home», мы можемъ заключить, что они находятъ нужнымъ бороться противъ радикальнаго направленія и отстаивать «старинныя права». Очевидно, призракъ, противъ котораго они борются, представляется имъ очень сильнымъ, ибо они странно и обстоятельно толкуютъ о томъ, что «обязанности матери и жены составляютъ вѣнецъ женской жизни, и каждой дѣвушкѣ необходимо внушать подобныя взгляды и разбивать мнѣніе, что положеніе замужней женщины есть положеніе рабы». Что касается женщинъ—авторовъ отвѣтовъ,—онѣ принадлежатъ къ болѣе умѣренной партіи въ женской борьбѣ и не могутъ вызвать въ мужчинахъ никакихъ страховъ за разрушеніе семейныхъ устоевъ; онѣ не ждутъ близкаго переворота въ судьбѣ женщины и стараются лишь о томъ, чтобы придумать какіе-нибудь палліативы для пополненія пробѣловъ въ ея образованіи и для облегченія тягостей и неудобствъ ея положенія. Одна изъ нихъ рекомендуетъ усилить преподаваніе исторіи и философіи на слѣдующихъ основаніяхъ: такъ какъ женщина мало живетъ политической жизнью, то она должна восполнить этотъ недостатокъ знакомствомъ съ политическимъ прошлымъ народовъ. Занятія же философій ей необходимы 1) потому что, по складу своей жизни, она много времени проводитъ въ одиночествѣ, а это для недисциплинированнаго ума представляетъ опасность—погрузиться въ мечтательность и умственную праздность. 2) Занятія философій научаютъ, между прочимъ, терпѣливости и мужеству, въ чемъ особенно нуждается женщина. 3) Такъ какъ жизнь женщины по большей части наполнена мелочами, и часто очень ничтожными, ей необходимо расширить кру-

гозоръ и сообщить подъемъ уму широкими обобщеніями, составляющими предметъ философіи.

Что касается техническихъ знаній, то, само собой разумѣется, женщина должна изучать только тѣ, которыя могутъ ей пригодиться: до сихъ поръ она отстранена еще отъ многихъ профессиональныхъ занятій.

Въ итогѣ приходится констатировать преобладаніе формального характера во взглядѣ американцевъ на образованіе. Сформулировать вкратцѣ этотъ взглядъ можно словами редакціи «Chautauquan'a»: образованный человѣкъ есть тотъ, кто можетъ дѣлать все наилучшимъ образомъ». Опредѣленіе очень характерное для американцевъ: образованіе цѣнится скорѣе съ точки зрѣнія самого процесса дѣла и дѣятельности, чѣмъ съ точки зрѣнія того содержанія, которое наполняетъ эту дѣятельность и служитъ для нея импульсомъ. Очевидно, въ американской средѣ человѣка дѣлаетъ культурнымъ не столько книга, сколько самая жизнь. Обращаясь къ русской точкѣ зрѣнія, увидимъ, что въ понятіи «образованный человѣкъ» центръ тяжести совершенно перемѣщается: прежде всего, образованный человѣкъ есть опредѣленная величина самъ по себѣ, независимо отъ его дѣятельности,—величина, надѣленная помимо извѣстнаго запаса знаній и опредѣленнаго уровня развитія, также и цѣлымъ рядомъ положительныхъ—моральныхъ и общественныхъ принциповъ. Чтобы рѣзче подчеркнуть, что въ образованіи цѣнятся преимущественно его реальное содержаніе, въ русскомъ обществѣ и литературѣ выраженіе «образованный» охотно замѣняется выраженіемъ «интеллигентный» человѣкъ.

А. М.

Публичныя бібліотеки-читальни въ Англии.

(Письмо изъ Англии).

Я едва ли ошибусь, если къ числу наиболѣе интересныхъ учрежденій Лондона и многихъ городовъ Англии отнесу бесплатныя публичныя бібліотеки-читальни. Онѣ интересны, во-первыхъ, потому, что открываются по желанію большинства жителей даннаго города и, слѣдовательно, до извѣстной степени самымъ своимъ существованіемъ указываютъ на тотъ интересъ, который мѣстное населеніе питаетъ къ книгѣ, а, во-вторыхъ, онѣ интересны тѣмъ, что по своимъ размѣрамъ, обилію свѣта, прекрасной обстановкѣ, массѣ книгъ, газетъ, журналовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Англійскія публичныя бібліотеки—читальни существуютъ не для какой-нибудь кучки интеллигенціи; нѣтъ, онѣ широко раскрываютъ свои двери для всѣхъ жителей даннаго района. Отъ посетителя требуется лишь одно: чтобы онъ соблюдалъ тишину, имѣлъ чистыя руки и не водилъ съ собою собакъ и, кромѣ этого, ничего, ни платы, ни залога; впрочемъ, если подписчикъ—неизвѣстное въ данномъ районѣ лицо, то онъ долженъ представить поручительство какого-нибудь мѣстнаго жителя, если желаетъ взять книги на домъ. И какія это бібліотеки! Обширный читальный залъ, посрединѣ котораго возвышаются пюпитры съ газетами; вдоль стѣнъ столъ съ ежедневными изданіями; дальше, отдѣльная комната съ журналами и справочными книгами, рядомъ съ нею читальный залъ для дамъ; и сколько свѣта, сколько простора и воздуха, несмотря на то, что съ пяти часовъ вечера народу толпится особенно много. По стѣнамъ висятъ гравюры, стоятъ бюсты писателей и общественныхъ дѣятелей; въ углу подъ стекломъ—какая-нибудь коллекція или раковинъ, или минераловъ, или рѣдкихъ старинныхъ книгъ. Двери читальни гостеприимно открыты съ десяти часовъ утра до десяти вечера, кромѣ праздничныхъ дней, въ которые время посѣщенія читальни сокращено. Вы можете встрѣтить тутъ и нарядную даму, и господина въ ци-

линдрѣ, и рабочаго только что пришедшаго съ работы, что видно по его костюму, и тѣхъ жалкихъ плохо одѣтыхъ безработныхъ, которые заняты два-три дня въ недѣлю, а остальное время предаются вынужденной праздности*). Многіе толпятся около киопитровъ съ газетами, другіе читаютъ журналы или переплывають иллюстрированныя изданія. Несомнѣнно, мало подготовленный и неразвитой посѣтитель чувствуетъ себя совершенно потеряннымъ среди обилія книгъ. Къ его услугамъ имѣется каталогъ. Но развѣ онъ можетъ разобраться въ каталогѣ, содержащемъ нѣсколько десятковъ тысячъ названій? Именно для такихъ посѣтителей многія библіотеки-читальни устраивають лекціи. Напримѣръ, въ Поттингѣ читались лекціи о томъ, «Что читать и какъ читать», о Викторѣ Гюго, о Дарвинѣ; въ Норвичѣ—о Чарльсѣ Диккенсѣ, о Джоржѣ Элиотѣ, о «Воспитательномъ значеніи публичныхъ библіотекъ»; въ Манчестерѣ читались лекціи: «Книги наши друзья», «Баллады» и «Общеобразовательное чтеніе»; въ Ливерпулѣ: «Исторія неба», «Элементы астрономіи», «Экспериментальная механика». Кромѣ этихъ лекцій, которыя нерѣдко читаются любителями изъ мѣстныхъ жителей, Общество распространенія университетскихъ званій (University Extension) посылаетъ своихъ лекторовъ для чтенія болѣе или менѣе законченнаго цикла лекцій по исторіи, литературѣ, политической экономіи, естественнымъ наукамъ. Публичныя библіотеки въ подобныхъ случаяхъ снабжаютъ слушателей необходимыми книгами, согласно указаніямъ вышеупомянутыхъ лекторовъ, и составляютъ «кочующія» библіотечки для лицъ, живущихъ внѣ города и занимающихся по программѣ Общества распространенія университетскихъ званій (University Extension). Въ публичныхъ библіотекахъ, возникшихъ за послѣднее десятилѣтіе, весьма часто можно встрѣтить залъ, предназначенный для лекцій, вечернихъ классовъ и общедоступныхъ концертовъ. Аудиторія всегда бываетъ переполнена. Ничтожная плата за входъ покрываетъ всѣ расходы. Члены комитетовъ по устройству публичныхъ библіотекъ прибѣгали къ публичнымъ чтеніямъ, какъ къ средству придти на помощь читателямъ, не умѣющимъ обращаться съ книгою. Большинство читателей дѣйствительно не умѣло воспользоваться богатствомъ, заключающимся въ публичныхъ библіотекахъ, и набрасывалось на разные сенсационные романы, игнорируя болѣе серьезное чтеніе. На основаніи отчетовъ нѣсколькихъ лондонскихъ библіотекъ видимъ, что изъ всего числа ежегодно выдаваемыхъ томовъ, которыхъ приходится до ста тысячъ на библіотеку, отъ 67% до 80% составляетъ беллетристика**, отъ 2% до 4%—естественно-научныя сочиненія и искусство, 3%—исторія и біографія, отъ 0,3% до 0,6%—соціологія, общественныя науки и т. д. Такое предпочтеніе, оказываемое читателями легкому чтенію, даетъ богатый матеріалъ для нападокъ лицамъ, недоброжелательно относящимся къ публичнымъ библіотекамъ-читальнямъ. Но защитники ихъ справедливо указываютъ на постепенное уменьшеніе процента выдаваемыхъ книгъ беллетристическаго содержанія; напримѣръ, въ Ньюкестлѣ изъ общаго числа ежегодно выдаваемыхъ книгъ на долю беллетристики приходилось: въ 1883 году—65%, въ 1884 г.—64%, въ 1885 г.—61%, въ 1886 г.—55% и въ 1890 г.—52%. Научные отдѣлы представлены настолько хорошо, что каждый желающій имѣеть полную возможность получить по любой отрасли знанія болѣе или менѣе законченное общее образованіе. Вы найдете въ каждой публичной библіо-

*) Исслѣдованіе состава читателей, сдѣланное Гринвудомъ относительно 14 городовъ, показало, что 17%—люди свободныхъ профессій, 44%—купцы, клерки и учащаяся молодежь и 39%—механики и рабочіе.

**) Беллетристика не совсѣмъ соотвѣтствуетъ слову *fiction*, стоящему во главѣ рубрики, включающей романы и ежемѣсячныя изданія. Классики и драматическія произведенія образуютъ особую рубрику и составляютъ отъ 1 до 2% изъ всего числа выдаваемыхъ книгъ.

текъ Дарвина, Гексли, Лайеля, Канта, Спинозу, Маркса, Ингрема, Адама Смита и многимъ другихъ. Что касается беллетристическаго отдѣла, то онъ особенно богатъ; кромѣ англійскихъ классиковъ и романистовъ, которые, конечно, всё на лицо, вы найдете представителей французской, нѣмецкой литературы и даже русской, а именно: Тургенева, Толстого, Достоевскаго.

Таковы эти библіотеки-читальни, которыми англичане могутъ вполне заслуженно гордиться. Но тогда какъ теперь муниципалитеты одинъ за другимъ сѣпшатъ открывать публичныя библіотеки, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда одинъ изъ членовъ парламента, Вильямъ Эвартъ (William Ewart), выступилъ своимъ предложеніемъ о библіотекахъ, онъ встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій. Предложеніе Эварта поступило въ специальную парламентскую комиссію и затѣмъ было передано палатѣ общинъ. Эвартъ указывалъ, что для того, чтобы покрыть Англію сѣтью публичныхъ библіотекъ, достаточно расширить актъ о музеяхъ, согласно которому каждый городъ, имѣющій не менѣе 10.000 жителей, можетъ по желанію большинства полноправныхъ гражданъ ввести обложеніе въ пользу музеевъ. Этотъ актъ далъ блестящіе результаты, но если муниципалитетамъ будетъ предоставлено право устраивать и публичныя библіотеки, то развитіе интеллектуальной жизни населенія пойдетъ ускореннымъ темпомъ. Конечно, налогъ въ размѣрахъ поль-пенни съ фунта, подлежащаго обложенію, слишкомъ малъ, но въ такомъ случаѣ муниципалитеты могутъ ограничиться постройкою зданій для библіотекъ, а добрые люди, готовые пожертвовать книги, всегда найдутся. Когда было назначено второе чтеніе билля о публичныхъ библіотекахъ (13 марта 1850 года), то палата общинъ, какъ нарочно, состояла, главнымъ образомъ изъ лицъ, недоброжелательно относившихся къ нему. Со всѣхъ сторонъ раздавались нападки. «Теперь не такое время», — говорилъ одинъ, — «чтобы заботиться о развлеченияхъ для народа. Нужно подумать объ улучшеніи его матеріальнаго положенія. Какимъ образомъ поль-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, можетъ быть достаточно на устройство библіотекъ? По всей вѣроятности, вынуждены будутъ повысить налогъ, и это новое обложеніе ляжетъ тяжелымъ бременемъ на народъ». Другой опасался, что публичныя библіотеки-читальни обратятся въ политическіе клубы и слѣдуются орудіемъ въ рукахъ кучки политикановъ. Третій строилъ предположенія, что библіотеки будутъ наполнены разными сенсаціонными романами и тому подобной нежелательной литературой, которая окажетъ развращающее дѣйствіе на читателей. Раздавались опасенія, что такъ какъ налога хватитъ лишь на постройку зданій, то библіотеки будутъ стоять пустыя въ ожиданіи жертвователей, которые не всегда являются по первому требованію. Однимъ словомъ, противниковъ было много, но Эвартъ всѣми аргументами и горячей защитой билля заставилъ многихъ склониться на свою сторону. Въ палатѣ лордовъ къ биллю отнеслись благосклонно (быть можетъ, потому, что лорды, какъ землевладѣльцы, не подлежали обложенію), и въ 1850 году билль былъ утвержденъ. Когда 14 августа 1850 г. билль получилъ королевскую санкцію, онъ распался на слѣдующіе основныя пункты:

1. Городскимъ думамъ предоставлено, если онѣ считаютъ это желательнымъ, предложить городскимъ жителямъ, пользующимся избирательными правами, вопросъ, желаютъ ли они ввести обложеніе въ пользу публичныхъ библіотекъ. Если отвѣтъ получится утвердительный, производится подсчетъ голосовъ *). Городъ долженъ имѣть не менѣе 10.000 жителей.

*) Подсчетъ голосовъ для рѣшенія вопроса о желательности введенія налога можетъ быть произведенъ и по инициативѣ самихъ жителей. Для этого достаточно, чтобы десять человѣкъ, пользующихся избирательными правами, подали заявленіе въ муниципалитетъ.

2. Въ случаѣ согласія большинства, вводится налогъ въ размѣрѣ поль-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію.

3. Деньги, собранныя такимъ путемъ, идутъ на сооруженіе или на наемъ помѣщенія для публичной бібліотеки и на связанные съ этимъ расходы.

Но этому знаменитому акту Эварта суждено было въ теченіе пяти лѣтъ оставаться мертвою буквою, потому что поль-пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, давали слишкомъ ничтожную сумму. Лишь съ 1885 года, когда размѣры налога были увеличены до пенни съ фунта, число бібліотекъ стало быстро возрастать. Въ 1891 г. на всю Англію приходилось 330 бібліотекъ, въ 1897-мъ. число ихъ возросло до 350, причѣмъ въ одномъ Лондонѣ было 36 бібліотекъ. Thomas Greenwood въ своей книгѣ «Public Libraries» высчиталъ, что если открытіе публичныхъ бібліотекъ будетъ идти также быстро, какъ оно шло съ 1870 г. до 1891 годъ, то къ 1900 г. Англія будетъ имѣть 400 бібліотекъ. Несомнѣнно, что назрѣвшія въ обществѣ и сознанныя имъ потребности выдвинули вопросъ о публичныхъ бібліотекахъ, но выразителемъ этого движенія явился Эвартъ. Благодаря его инициативѣ и энергіи этотъ вопросъ вылился въ столь опредѣленную форму и пробудилъ вниманіе всего общества. Его роль особенно ярко охарактеризована въ рѣчи, произнесенной Гладстономъ въ 1887 году при открытіи бібліотеки въ Swansea. «Это торжество,—началъ Гладстонъ,—напоминаетъ мнѣ начало моей политической карьеры и имя того, кого я зналъ въ ранней молодости, имя Вильяма Эварта, благодаря которому прошелъ актъ о публичныхъ бібліотекахъ; въ его памяти и заслугамъ я отношусь съ величайшимъ уваженіемъ. Заслуги мистера Эварта въ этой области такъ велики, что ему, конечно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди лицъ, облагодѣтельствовавшихъ англійскій народъ. Онъ былъ не только истиннымъ патриотомъ, но и пророкомъ. Онъ поднялъ вопросъ о публичныхъ бібліотекахъ въ такое время, когда не могъ встрѣтить сочувствія у большинства, и воспоминаніе о немъ заставляетъ насъ вспомнить фразу, сказанную въ болѣе широкомъ смыслѣ о личности, близкой намъ всѣмъ: «его голосъ былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ». Но мало-по-малу въ публикѣ началъ пробуждаться интересъ къ вопросу полнаго Вильямомъ Эвартомъ еще въ то время, когда никто не подозрѣвалъ объ его существованіи и когда большинство было склонно смотрѣть на него какъ на продуктъ празднофантазіи. Несмотря на эти неблагоприятныя условія, Вильямъ Эвартъ мужественно защищалъ свой проектъ и, еслибъ онъ теперь былъ съ нами, какъ былъ бы онъ удовлетворенъ тѣми блестящими результатами, какими увѣнчалось проведеніе въ жизни акта Эварта». Такъ почтилъ великій политическій дѣятель Англій память человѣка, столь много сдѣлавшаго для развитія этихъ просвѣтительныхъ учрежденій.

Но въ то время, какъ города, имѣющіе не менѣе 10.000 жителей, не встрѣчаютъ никакихъ препятствій ко введенію налога въ пользу бібліотекъ, мѣстечки и деревни совершенно лишены этой возможности. Лица, которыхъ интересуетъ развитіе деревенскихъ жителей, поднимали вопросъ о распространеніи акта Эварта и на деревню, но по расчетамъ оказалось, что налогъ, введенный въ деревнѣ въ размѣрѣ пенни съ фунта дохода, подлежащаго обложенію, дастъ слишкомъ ничтожную сумму, чтобы можно было покрыть всѣ расходы, сопряженные съ открытіемъ бібліотекъ. Гладстонъ высказалъ какъ-то мысль, что ландлорды при помощи собственнаго кармана должны разрѣшить эту проблему для деревни. Пока же тѣ немногія бібліотеки, которыя, въ видѣ исключенія, существуютъ въ деревняхъ, обязаны своимъ возникновеніемъ или частнымъ лицамъ, или кооперативнымъ обществамъ.

Е. Б.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Бактеріологія. Микробы въ арктическихъ странахъ.—Физиологія. О физиологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ.—«Морскія эмѣи».—Сила воображенія. Д. Н.—Географія и путешествія. 1) Вильгельмъ Барентсъ—ислѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. 2) Алмазныя копи южной Африки. Н. М.—Астрономическія извѣстія. К. Покровский.

Бактеріологія. *Микробы въ арктическихъ странахъ.* Многочисленныя наблюденія показываютъ, что горный воздухъ отличается особенной чистотой и отсутствіемъ зародышей микробовъ, поэтому въ настоящее время и устраиваютъ санаторія преимущественно въ горахъ (въ Швейцаріи, Тироли, Норвегіи, Швеціи). Многіе ученые и врачи, принимавшіе участіе въ экспедиціяхъ въ полярныя страны, всегда въ своихъ отчетахъ указываютъ, что воздухъ въ этихъ странахъ не содержитъ болѣзнетворныхъ началъ. Впервые это мнѣніе было высказано профессоромъ Норденшильдомъ въ его запискахъ о путешествіи на Шпицбергенъ въ 1864 г. На Шпицбергенѣ не знаютъ простуды, хотя тамъ каждый день приходится подвергаться такимъ переměнамъ температуры, которыя въ странахъ болѣе южныхъ неизбѣжно повлекли бы за собой рано или поздно весьма серьезныя послѣдствія; можно съ полнымъ правомъ утверждать, что трудно найти на всемъ земномъ шарѣ климатъ болѣе здоровый, чѣмъ лѣтомъ на Шпицбергенѣ: въ тѣ три лѣта, которыя провела шведская экспедиція въ этихъ краяхъ, среди ея участниковъ не было ни одного случая діарреи, перемежающейся лихорадки, катарра или какой-либо другой болѣзни.

Эти условія, такъ исключительно благоприятныя въ гигиеническомъ отношеніи, слѣдуетъ приписать отсутствію въ воздухѣ заразныхъ началъ. Безчисленные зародыши микробовъ, которыми, можно сказать, кишатъ воздухъ населенныхъ мѣстностей въ болѣе южныхъ странахъ, и которые являются причиной различныхъ эпидемическихъ болѣзней, въ полярной атмосферѣ отсутствуютъ, поэтому, хотя быстрыя переměны температуры и располагаютъ къ лихорадкѣ, она не можетъ развиться, такъ какъ воздухъ совершенно свободенъ отъ микробовъ возбудителей этой болѣзни, и, весьма вѣроятно, въ скоромъ времени многихъ больныхъ будутъ направлять въ сѣверныя страны для восстановленія силъ и здоровья.

Итакъ, воздухъ полярныхъ странъ такъ же, какъ и воздухъ высокихъ горъ, судя по отсутствію заразныхъ болѣзней въ этихъ мѣстностяхъ, долженъ быть свободенъ отъ болѣзнетворныхъ микробовъ вообще и въ частности отъ патогенныхъ бактерий, но до сихъ поръ несомнѣнныхъ доказательствъ этого въ наукѣ не имѣется. Почти единственныя спеціальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи были произведены на Шпицбергенѣ докторомъ Нистромомъ (Nyström) врачомъ экспедиціи 1868 года. Нистромъ, по указанію Пастера, который тогда уже началъ свои опыты надъ воздухомъ высокихъ горъ Швейцаріи и къ которому онъ обратился за совѣтомъ относительно метода изслѣдованія бактеріи

въ воздухѣ, взявъ съ собою въ стерилизованныхъ сосудахъ настой мяса, дрожжей и мочу и затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ на Шпицбергенѣ открывалъ эти сосуды, чтобы въ нихъ могли попасть микроорганизмы воздуха. Результатъ этихъ опытовъ и другихъ, которые еще не вполне закончены, былъ тотъ, что гнѣвнн, броженнн или какихъ-либо другихъ измѣненн подобнаго рода въ этихъ жидкостяхъ почти не послѣдовало; въ рѣдкихъ случаяхъ они обнаруживались, но гораздо позже, чѣмъ обыкновенно въ странахъ неполярныхъ. Но содержимое сосудовъ не было изслѣдовано подъ микроскопомъ; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что способы стерилизацнн, примѣнявшннся въ то время, не вполне соотвѣтствуютъ требованннмъ, которыя мы предъявляемъ къ нимъ теперь. Нансенъ въ своемъ трудѣ «Fram öfver polar havet» («Фрамъ въ полярныхъ моряхъ») говоритъ, что въ лужахъ, которыя образуются весною отъ таяннн снѣга на плавучихъ льдинахъ, а именно въ маленькихъ ямкахъ на днѣ этихъ лужъ (smalthalog), онъ находилъ въ тинѣ не только диатомовыхъ и другнн водоросли, но также инфузорнн и флагеллаты. Докторъ Блессингъ, принимавшнн участнн въ этой экспедицнн, находилъ бактернн въ тинѣ, гдѣ лежали дохлые щенки, но въ воздухѣ найти ихъ не могъ. Такимъ образомъ, вопросъ о бактерннхъ въ арктическихъ странахъ далеко не рѣшенъ и поэтому шведскнн ученнн Левинъ, принимавшнн участнн въ экспедицнн Наттгорста, на кораблѣ «Antarctic», поставилъ себѣ задачей изслѣдовать въ бактериологическомъ отношеннн воздухъ и воду этихъ странъ. Результаты своихъ наблюденнн Левинъ сообщилъ въ «Annales de l'Inst. Pasteur» 1899. № 7. Опыты были начаты въ Veegen Eiland, затѣмъ производились на Шпицбергенѣ и на землѣ короля Карла всякнн разъ, какъ только къ этому представлялся удобный случай. Изслѣдованнн воздуха производилось посредствомъ фильтрованнн большнхъ его количествъ черезъ стеклянную вату, порошокъ сахара или черезъ смѣсь сахара и соли (разумѣется, предварительно стерелизованныхъ) посредствомъ специально для этой цѣли устроеннаго аппарата. Общее количество профильтрованнаго воздуха равняется 21.600 литровъ. Аппаратъ устанавливался обыкновенно на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ, у конца ледника или на высокомъ берегу утесѣ: въ нѣсколькихъ случаяхъ воздухъ взятъ былъ на палубѣ корабля. Въ каждомъ случаѣ количество взятаго воздуха нѣсколько измѣнялось, въ среднемъ, оно было около 1.000 литровъ, и фильтрованнн продолжалось 4—5 часовъ. Фильтръ употреблялся двойной: первый служилъ для собираннн зародышей, второй для того, чтобы показать все ли мннробы были удержаны. Когда просасываннн воздуха оканчивалось, фильтры помѣщались въ жидкую желатину, на которой впоследствннн и могли бы развиваться колоннн бактернн изъ попавшихъ туда зародышей. Во всѣхъ этихъ опытахъ только одннъ разъ были найдены бактернн и именно въ томъ воздухѣ, который былъ взятъ на палубѣ корабля въ портѣ Veegen Eiland. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ образовалось только 3 колоннн, расположенныхъ весьма близко одна отъ другой. Судя по ихъ расположеннн, можно думать, что въ желатину попала пылинка съ корабля и съ нею вмѣстѣ три бактернн, изъ которыхъ эти колоннн и произошли. Контрольные фильтры въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, оставались совершенно стерильными. Въ пяти опытахъ найдены были колоннн плѣсневей, происшедшнн несомнѣнно изъ воздуха, причемъ только въ одномъ случаѣ число ихъ достигало 27 на 740 литровъ, и развились эти колоннн только двѣ недѣли спустя. Итакъ, въ 2.000 литрахъ воздуха, взятыхъ въ различныхъ мѣстахъ, оказалось только нѣсколько плѣсневей, бактернн же или другихъ какихъ-либо мннробовъ вовсе не было найдено, что указываетъ на необычайную чнстоту воздуха и вполне согласуется съ выводами, которые можно сдѣлать изъ казаннн на отсутствнн заразныхъ болѣзней въ этихъ странахъ. «Чтобы показать насколько атмосфера арктическихъ странъ, лишенная зародышей и пыли, —

говорить докторъ Левинъ,—благопріятна въ гигиеническомъ отношеніи, я могу сообщить слѣдующія наблюденія. Я могъ въ теченіе нѣсколькихъ дней ходить въ мокрой одеждѣ и обуви и подвергаться ураганамъ и морозу, ложиться спать на мокрой землѣ—безъ всякихъ прискорбныхъ послѣдствій. Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ полярныхъ странахъ, мы все пользовались превосходнымъ здоровьемъ. Насъ было 28 человекъ, и у насъ былъ только одинъ случай болѣзни: а именно *icterus catarrhalis* съ *gastroenteritis* далеко неважественнаго свойства. Недѣля діеты и слабительное вполне излѣчили нашего больного. Конечно, царапины и небольшія ранки на ногахъ и рукахъ встрѣчались довольно часто. Я замѣтилъ, что эти ранки, особенно на рукахъ, заживали довольно медленно; не имѣя никакихъ положительныхъ доказательствъ, я однако думаю, что заживленіе задерживалось соленой водою».

Кромѣ того, было слѣдено большое число опытовъ для опредѣленія количества микробовъ, содержащихся въ водѣ; была изслѣдована вода съ поверхности моря и вода ручьевъ, стекающихъ съ ледниковъ. Изслѣдовался также и самый ледъ, снѣгъ (и обыкновенный, и зеленый или красный т.—е. съ развившимися на немъ водорослями), красная, желтая и бурая глина и отложенія на камняхъ по берегамъ ручьевъ. При помощи спеціальнаго прибора было взято 78 пробъ воды съ поверхности моря. Во всѣхъ этихъ пробахъ оказались бактерии, но въ весьма малыхъ количествахъ. Въ среднемъ, одна бактерія приходилась на 11 куб. сант., между тѣмъ какъ въ морской водѣ у береговъ Швеціи на то же количество воды приходится 7.700 бактерий, въ водопроводныхъ трубахъ Стокгольма (гдѣ водопроводъ устроенъ превосходно) на то же количество воды приходится 330 бактерий, а въ водѣ Сены 6.600.000. Виды бактерий, найденныхъ въ сѣверныхъ водахъ еще не опредѣлены, но, судя по характеру колоній на желатинѣ, тамъ ихъ имѣется только два вида. Въ водѣ ледниковыхъ ручьевъ, въ снѣгу и во льду также оказались бактерии. Интересный и неожиданный результатъ дало изслѣдованіе упомянутыхъ выше ямокъ (*smälthalor*) въ которыхъ обыкновенно находятся діатомовыя и зеленыя водоросли. Изъ 12 пробъ тины, взятыхъ въ этихъ ямкахъ, только въ трехъ случаяхъ найдены были бактерии или, вѣрнѣе сказать, всего три бактерии, потому что въ каждой изъ этихъ пробъ развилось только по одной колоніи на желатиновыхъ пластинкахъ. «Если принять во вниманіе трудности бактериологическихъ изслѣдованій на льду, а потомъ на палубѣ корабля,—говоритъ Левинъ по этому поводу,—то не покажется удивительнымъ, что въ такихъ изслѣдованіяхъ будетъ нѣсколько случаевъ ошибокъ. По моему мнѣнію, эти *smälthalor* или вовсе не содержатъ бактерий, или содержатъ ихъ такъ мало, что при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ можно найти лишь съ величайшимъ трудомъ». При производствѣ гидрографическихъ изслѣдованій, были взяты пробы воды на большихъ глубинахъ (1.000—3.000 метровъ). Въ этихъ пробахъ также оказались бактерии и притомъ въ нѣсколько большемъ количествѣ, чѣмъ на поверхности моря, что также является неожиданнымъ результатомъ, потому что на этой глубинѣ вода имѣетъ температуру—1,5°, тогда какъ у поверхности +3°. Что касается видовъ бактерий, то, кромѣ двухъ, упомянутыхъ выше, въ пробахъ съ болѣе глубоины были найдены еще и спирали. Многочисленные опыты анаэробныхъ культуръ дали отрицательные результаты. Это обстоятельство особенно важно потому, что къ числу анаэробовъ (т.—е. развивающихся въ отсутствіи кислорода) принадлежатъ бактерии, вырабатывающія яды въ гниющемъ мясѣ (птоманы).

Особенный интересъ представляетъ послѣдняя серія изслѣдованій Левина. Результаты ихъ такъ поразительны, что невольно возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, не явились ли они послѣдствіемъ случайности или даже какихъ-либо погрѣшностей наблюденія. Весьма желательно, чтобы они были подтверждены

дальнейшими наблюдениями. Дѣло въ томъ, что въ этихъ опытахъ изслѣдованію подвергалось содержимое кишечника различныхъ животныхъ, какъ-то: бѣлыхъ медвѣдей, тюленей, акулъ, гагъ, пингвиновъ, фрегатовъ, чайекъ, кайръ, морскихъ ежей, актиній, креветокъ и т. д. и оказалось, что у большой части этихъ животныхъ содержимое кишечника совершенно не содержитъ микробовъ, тогда какъ вездѣ въ болѣе южныхъ странахъ въ кишечникѣ всѣхъ животныхъ находится множество бактерий, какъ говорятъ, цѣлая флора. Въ опытахъ Левина изъ числа млекопитающихъ только у одного бѣлаго медвѣдя и у двухъ тюленей были найдены бактерии одного вида, очень похожихъ, по ихъ свойствамъ, на *Bacterium coli commune*, обыкновеннѣйшую бактерію въ кишечникѣ животныхъ и человека. Почти у всѣхъ низшихъ морскихъ животныхъ были найдены изолированныя бактерии. Наблюдавшееся до сихъ поръ постоянно присутствіе бактерий въ пищеварительномъ каналѣ и ихъ способность производить разнообразныя превращенія питательныхъ веществъ невольно возбуждаютъ вопросъ, не являются ли эти бактерии необходимыми для пищеваренія. Еще въ 1880 году Постеръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Впослѣдствіи были произведены опыты надъ выращиваніемъ мелкихъ животныхъ въ такихъ условіяхъ, чтобы кишечникъ ихъ не содержалъ бактерий. Эти опыты, представляющіе огромныя, едва преодолимые трудности, показали, что въ первые дни жизни (такъ какъ продолжительное время вести эти опыты невозможно) животныя могутъ питаться (молокомъ) безъ помощи бактерий. Наблюденія Левина повидимому показываютъ, что и всякаго рода пища можетъ перевариваться безъ участія микробовъ.

Описанныя выше наблюденія и изслѣдованія доктора Левина, дѣйствительно приводятъ къ убѣжденію, что онъ имѣлъ полное право сказать: «можно утверждать, что на всей поверхности земного шара нельзя найти климатическихъ условій, болѣе благоприятныхъ для здоровья, чѣмъ дѣтомъ на Шницбергенѣ».

Физиологія. О физиологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ. Въ послѣдніе годы неоднократно поднимался вопросъ о вредномъ вліяніи нефти на рыбъ и это вліяніе выставялось даже причиною замѣтнаго уменьшенія количества рыбы въ Волгѣ; количество же поступающихъ въ нее нефтяныхъ продуктовъ, дѣйствительно, громадно. По расчетамъ О. А. Гримма, утечка одного только керосина изъ деревянныхъ баржъ на пути отъ Баку до Нижняго достигала въ 1888 году 1.700.000 пудовъ, а въ 1889 г. 2.370.000 пудовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нефтяные продукты покрываютъ поверхность рѣки сплошною пленкой. Неоднократно въ спеціальной литературѣ по рыболовству описывались наблюденія, указывающія на вредное вліяніе нефти на рыбъ. Однако, наряду съ ними появлялись и другія изслѣдованія, которыя приводили къ заключенію, что рыбы совершенно индифферентно относятся къ присутствію нефти въ водѣ и не избѣгаютъ ея. Въ виду такихъ противорѣчій и при отсутствіи систематическихъ изслѣдованій, вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Поэтому въ послѣднее время директоромъ физиологической лабораторіи Импер. Ак., Н. Овсянниковымъ, в лабораторіи ея, Булябю, былъ предпринятъ цѣлый рядъ опытовъ для выясненія вліянія нефтяныхъ продуктовъ на физиологическія отправленія животныхъ. Въ № 9 VIII т. 8 сер. «Зап. Имп. Ак. Н.» напечатаны результаты первой серіи этихъ опытовъ, представляющіе весьма большой интересъ, потому что всѣ эти опыты сопровождались одинаковыми весьма явными и притомъ положительными результатами: испытанные нефтяные продукты оказались безусловно ядовитыми для животнаго организма. Задача этихъ первыхъ опытовъ состояла въ томъ, чтобы выяснитъ общій характеръ физиологическаго дѣйствія нефтяныхъ продуктовъ, т. е. вліяніе ихъ на отдѣльныя системы органовъ животнаго тѣла: на нервную

систему, на сердце, на кровь, на мышцы и проч. Исслѣдованія производились надъ лягушками, морскими свинками, кроликами и кошками. Опыты надъ теплокровными животными представляютъ еще особый интересъ потому, что въ медицинской литературѣ имѣются указанія на случаи отравленія нефтью, которые быстро повлекли за собою смертельный исходъ, какъ, напр., описанный докторомъ Борженевскимъ случай смерти молодого компаніона нефтепромышленнаго товарищества «Надежда», который, проведя нѣсколько часовъ у прорвавагося нефтянаго фонтана, обнаружилъ признаки тяжелаго отравленія и къ утру слѣдующаго дня былъ уже мертвъ; или случаи гибели татарчатъ при чисткѣ баковъ и цистернъ. Несмотря на существованіе такихъ не слишкомъ рѣдкихъ случаевъ отравленія, вопросъ о ядовитости нефти по отношению къ человѣческому организму мало привлекалъ вниманіе исслѣдователей, и скольконибудь полныхъ и систематическихъ работъ въ этомъ направленіи почти не существуетъ, что не помѣшало, однако нѣкоторымъ врачамъ не только считать нефть совершенно безвредною, но и приписывать ей дѣлбныя свойства и даже предложить вдыханіе паровъ ея, какъ средство для лѣченія чахотки.

Было бы весьма важно исслѣдовать возможно большее количество нефтяныхъ продуктовъ относительно ихъ дѣйствія на животный организмъ въ виду того громаднаго развитія, котораго достигаетъ въ настоящее время нефтяная промышленность въ Россіи. Въ крайнему сожалѣнію, трудность полученія этихъ продуктовъ заставила авторовъ излагаемаго исслѣдованія ограничиться на первое время тѣми, какіе случайно находились подъ руками въ лабораторіи, а именно очищенныхъ нефтянымъ масломъ, петролейнымъ эфиромъ и керосиномъ. Способы введенія нефтяныхъ продуктовъ въ организмъ животного прижились слѣдующіе. Во-первыхъ, вводилась подъ кожу эмульсія нефтянаго масла и воды съ примѣсью камеди, во-вторыхъ, животныхъ заставляли дышать воздухомъ, къ которому были примѣшаны пары этихъ продуктовъ (т.-е. помѣщали ихъ надъ стекляннымъ колпакомъ, иногда съ отверстіями, и вмѣстѣ съ ними клали или подвѣшивали кусочекъ ваты, смоченный тѣмъ или другихъ изъ указанныхъ веществъ) или же, наконецъ, заставляли животныхъ дышать воздухомъ, въ которомъ посредствомъ пульверизатора были распылены указанные нефтяные продукты.

Всѣ произведенные опыты съ несомнѣнностью указываютъ, что исслѣдованные нефтяные продукты дѣйствуютъ на организмъ, какъ ядъ: почти всѣ животныя погибали, если не были своевременно вынесены на чистый воздухъ; въ одномъ случаѣ подъ вліяніемъ паровъ керосина кроликъ погибъ (на другой день) отъ вдыханія воздуха, въ которомъ былъ распыленъ керосинъ, въ теченіе 1 ч. 5 м., хотя послѣ этого животное было вынесено на свѣжій воздухъ. Ядовитое дѣйствіе всѣхъ трехъ исслѣдованныхъ продуктовъ весьма сходно, различіе сказывается только въ быстротѣ и силѣ появляющихся симптомовъ отравленія, такъ что весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что ядовиты эти вещества сами по себѣ, благодаря своему химическому составу. При всѣхъ способахъ введенія въ организмъ нефтяныхъ продуктовъ, кромѣ введенія черезъ ротъ *), общая картина отравленія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежде всего, ядовитое дѣйствіе сказывается на нервной системѣ, а именно на органахъ центральной нервной системы, на головномъ мозгѣ. Первоначально наблюдается сильное возбужденіе, выражающееся прыжками и скачками животныхъ, въ высшей степени сходное съ тѣмъ, какое наблюдается при отравленіи наркотиче-

*) Въ виду малой растворимости и ничтожнаго всасыванія ихъ въ кишечникъ, общее дѣйствіе на организмъ развивается при этомъ крайне слабо и лишь отъ весьма значительныхъ дозъ; и вѣдь, однако, общій характеръ симптомовъ остается тотъ же.

скими ядами; и здѣсь за начальнымъ возбужденіемъ слѣдуетъ угнетеніе: движенія утрачиваютъ цѣлесообразность, становятся спутанными, беспорядочными. Съ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ яда пораженіе нервной системы все болѣе распространяется, переходя съ коры мозга на болѣе глубоко лежащіе центры. Появляется разстройство координаціи движеній (ходьбы, прыганья и проч.). Затѣмъ, наступаетъ состояніе полной простраціи. Весьма часто, особенно у кроликовъ и морскихъ свинокъ, наблюдались судорожныя такъ называемыя насильственныя движенія, т.-е., напр., лежа на боку, животное часто и быстро машетъ лапами, какъ будто бѣжитъ, или и дѣйствительно бѣгаетъ кругомъ на одномъ мѣстѣ («манежныя движенія»), кувыркается и катается по полу или ритмически качаетъ головою. Вмѣстѣ съ этими движеніями иногда появляются и другія, производившія впечатлѣніе бреда (сильные крики). Затѣмъ, возбужденіе смѣняется періодомъ покоя. Разстройство въ дѣятельности периферической нервной системѣ первое время не наблюдается: чувствительность сохранена, хотя и притуплена нѣсколько. При продолжающемся дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ пораженіе переходитъ на продолговатый и спинной мозгъ: появляется весьма характерный приступъ тетаническихъ судорогъ, т.-е. все тѣло животного становится твердымъ, такъ что можно было животное (напр., кролика, въ опытѣ надъ вліяніемъ керосина) поднять за конецъ вытянутой лапки. Иногда передъ этими судорогами мышцы приходятъ въ особое состояніе, въ которомъ животное принимаетъ всякое приданное ему положеніе и не измѣняетъ его («flexibilitas cerea»). При первомъ же приступѣ судорогъ иногда наступаетъ смерть вслѣдствіе задушенія; если послѣ устраненія дѣйствія нефтяныхъ продуктовъ дыханіе не восстанавливается само собою, нерѣдко удается сохранить животному жизнь, примѣняя искусственное дыханіе, сердце продолжаетъ биться очень долгое время даже послѣ остановки дыханія. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ оно даетъ надежду на возможность спасенія и при несчастныхъ случаяхъ съ людьми даже и тогда, когда, судя по отсутствію дыханія (да и сердце-то при едва замѣтно слабо бьется), мы бы сочли ихъ погибшими.

Вліяніе нефтяныхъ продуктовъ на сосудистую систему выражается въ медленномъ, но постоянномъ паденіи кровяного давленія, т. е. въ ослабленіи силы сердечныхъ сокращеній, что было весьма отчетливо показано на опытѣ съ примѣненіемъ прибора, записывающаго измѣненія кровяного давленія. Органы дыханія сами по себѣ не испытываютъ значительныхъ разстройствъ, и остановка дыханія происходитъ подъ вліяніемъ побочныхъ причинъ (продолжительныя судороги). У лягушекъ дыхательныя движенія прекращаются довольно рано подъ вліяніемъ нефтяныхъ продуктовъ. Вообще, по сравненію съ сердцемъ, дыхательныя органы обнаруживаютъ меньшую сопротивляемость ядовитому вліянію нефтяныхъ продуктовъ. Кровь при очень долгомъ дѣйствіи яда становится болѣе темною и жидкою. При изслѣдованіи ея спектроскопомъ, обнаруживаются полосы поглощенія, соответствующія спектру метгемоглобина.

Въ заключеніе авторы высказываютъ предположеніе, что, въ виду несомнѣнной, хотя и не слишкомъ сильной ядовитости продуктовъ нефти (которая, какъ показалъ проф. Хлопинъ, растворима въ водѣ), и по отношенію къ рыбамъ, врядъ ли эти вещества могутъ считаться индифферентными; болѣе точные выводы, однако, могутъ быть сдѣланы лишь на основаніи непосредственныхъ наблюденій и притомъ непременно въ естественныхъ условіяхъ.

Но и полученныя авторами результаты, по ихъ опредѣленности и крайне важному значенію изслѣдованныхъ явленій, несомнѣнно представляютъ громадный интересъ. (Извлечено изъ «Зап. Имп. Ак. Н.»).

«Морскія змѣи». Въ журналахъ за прошлый годъ неоднократно появлялись извѣстія о морскихъ змѣяхъ; сообщалось даже, съ большимъ торжествомъ,

что были найдены скелеты этихъ змѣй невѣроятной величины. Такъ, весной черезъ Австралію было получено извѣстіе, что пароходъ «Юни» у Суворовыхъ острововъ, на пути въ Сидней, сошелъ съ курса, чтобы «спасти для науки» скелетъ выброшенной на берегъ морской змѣи въ 18 метровъ длины и, по крайней мѣрѣ, 60 тоннъ (т. е. около 3.600 п.) вѣсомъ. Это весьма характерный случай для выясненія того, какъ возникаютъ разсказы о морскихъ змѣяхъ. Кости найденнаго позвоночника, сложенные другъ за другомъ, дѣйствительно представляли указанную длину, одна только головная часть достигала 90 сант. Весьма трудно было объяснить, однако, слѣдующее обстоятельство: на кучѣ костей было найдено два черепа. Изъ этого заключили, что змѣя была двухголовая, но, какъ это ни досадно, зоологъ Австралійскаго музея, E. Waite, изъ этихъ остатковъ сложилъ скелеты двухъ китовъ, каждый по 9-ти метр. длиной, какіе весьма часто встрѣчаются въ австралійскихъ моряхъ.

Итакъ, по существу, здѣсь оказалось то же, что было съ необычайно громадной морской змѣей изъ Алабамы, которая впоследствии оказалась составленной изъ нѣсколькихъ ископаемыхъ китовъ и которую приобрѣлъ прусскій король, «потому что этимъ подтверждается существованіе библейскаго бегемота». Іоганнъ Мюллеръ разъяснилъ, въ чемъ была ошибка. Описаніе такихъ многоловыхъ морскихъ змѣй появлялось неоднократно.

Существованіе морскихъ змѣй, повидимому, было блестяще подтверждено сообщеніемъ приватъ-доцента Упсальскаго университета, Лёнберга, по которому въ Stor-Sjö близъ Oestersund'a сотни лицъ видѣли, какъ морская змѣя нѣсколько разъ всплывала на поверхность воды, т. е. они видѣли, что на протяженіи приблизительно 9 метровъ надъ водою появлялись возвышенія, которыя Лёнбергъ приписываетъ морскому животному. до сихъ поръ неизвѣстному, имѣющему на спинѣ рядъ плавниковъ; эти-то плавники будто бы прежде и принимались за изгибы самой змѣи; голову животного, къ сожалѣнію, не удалось ясно различить; надо надѣяться, что истинная природа этого чудовища будетъ выяснена въ скоромъ времени, но во всякомъ случаѣ существованіе морскаго животного, которое чуть не каждую минуту должно всплывать на поверхность, чтобы запастись воздухомъ, весьма сомнительно.

Съ гораздо большей опредѣленностью сообщалось въ «Kölnische Zeitung» о морской змѣѣ, правда, ископаемой, которая была приобретена американскимъ естественно-историческимъ музеемъ въ Нью-Йоркѣ. Это животное, по сообщенію газеты, представляетъ собою морскаго ящера съ 4 плотно-прилегающими къ тѣлу плавникообразными конечностями, общая длина его достигаетъ 82 м. или 270 футовъ, быть можетъ, даже нѣсколько больше, такъ какъ найдено было 72 хвостовыхъ позвонка, а ихъ должно быть около 86. Такое животное заслуживаетъ вниманія, такъ какъ самые крупные экземпляры китовъ достаютъ лишь 100 футовъ, а самый большой изъ извѣстныхъ донныѣ динозавровъ—120 ф., такимъ образомъ, приобретенный американскимъ музеемъ экземпляръ больше чѣмъ вдвое въ длину превышаетъ этихъ гигантовъ. Такъ какъ сообщеніе «Kölnische Zeitung» было заимствовано изъ весьма почтеннаго американскаго журнала «Science», то сомнѣній въ вѣрности его быть не могло, и почти всѣ нѣмецкіе журналы перепечатали это сенсационное извѣстіе, нѣкоторые даже съ пространными разсужденіями на тему, что народная молва на этотъ разъ опять оправдалась. Въ американскомъ журналѣ, послужившемъ источникомъ, была помѣщена выдержка изъ сообщенія завѣдующаго палеонтологическимъ отдѣломъ музея, проф. Генри Осборна, о покупкѣ и установкѣ превосходнаго экземпляра мозазавра, который два года тому назадъ былъ найденъ въ верхнихъ мѣловыхъ отложенияхъ въ Канзасѣ и весьма удачно былъ извлеченъ; длина его, дѣйствительно, указана въ 270 фут., но эта цифра, очевидно, представляетъ собою простую опечатку: надо читать 27 футовъ, такъ какъ въ

журналъ сказано: «The total length of the skeleton as preserved is a little over 270 feet; the estimated total length of the animal is 30 feet» *). Изъ дальнѣйшаго подробнаго описанія вполне ясно, что вѣрна именно эта послѣдняя цифра. Только погоми за сенсационными извѣстiями, повидимому, побудила умолчать, что въ этомъ сообщенiи нужно видѣть простую опечатку.

Такъ возникаютъ сказки о морскихъ змѣяхъ («Promethens»).

Сила внушенiя. Слоссонъ (Slosson) въ «Psychological Review», сообщаетъ о слѣдующемъ опытѣ, который онъ произвелъ въ университетѣ Wyoming.

«Я взялъ флаконъ, наполненный дистиллированной водой, тщательно завернутый въ бумагу и, кромѣ того, положенный въ ящикъ. Въ то время, когда я читалъ популярную лекцію, произведя нѣсколько опытовъ, я объявилъ, что желаю бы опредѣлить, съ какою быстротою распространится въ воздухѣ запахъ, и попросилъ присутствующихъ поднять руку, какъ только они его почувствуютъ. Я развернулъ флаконъ и, отвернувшись, налилъ немножко воды на вату, затѣмъ взялъ въ руки часы и сталъ ожидать результатовъ. Я замѣтилъ присутствующимъ, что вполне увѣренъ въ томъ, что никто во всей аудиторiи никогда не слышалъ запаха того химическаго соединенiя, которое я желаю испытать, и выразилъ надежду, что, хотя запахъ и долженъ показаться сильнымъ и специфическимъ, все-таки онъ никому не будетъ противенъ. Спустя 15 секундъ большая часть тѣхъ, которые сидѣли впереди, подняли руки, а черезъ 40 секундъ «запахъ» распространился по всей аудиторiи довольно правильными параллельными волнами. Приблизительно $\frac{3}{4}$ всего числа присутствующихъ заявили, что они чувствуютъ запахъ. Безъ сомнѣнiя внушенiе распространилось бы на гораздо большее число лицъ, если бы по простствiю одной минуты я не былъ вынужденъ прекратить опытъ вслѣдствiе того, что нѣкоторымъ изъ лицъ, находившимся въ первыхъ рядахъ, запахъ показался отвратительнымъ, такъ что они хотѣли оставить аудиторiю («Revue scientifique»).

Д. Н.

Географiя и путешествiя. 1) *Вильгельмъ Барентсъ—ислѣдователь арктическихъ областей, и 300-лѣтiе его путешествiй*. Однимъ изъ центральныхъ вопросовъ, занимавшихъ ученыхъ географовъ въ теченiе сессiи Берлинскаго международнаго географическаго конгресса осенью истекшаго года, былъ вопросъ объ организацiи путешествiй для изслѣдованiя арктическихъ областей. Естественно, что присутствовавшiй на конгрессѣ Фритюфъ Хансенъ былъ одной изъ тѣхъ фигуръ, которыя останавливали на себѣ всеобщее вниманiе. Его знаменитое путешествiе несомнѣнно открыло новую эру въ исторiи полярныхъ путешествiй; всѣмъ извѣстно по какому строгому плану оно было рассчитано и какъ блестяще этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненiе; элементъ случайности здѣсь былъ доведенъ до возможнаго минимума. Многiе чисто практическiе вопросы разрѣшены были вполне удовлетворительно и будущiе путешественники оцѣнять всю важность заслугъ Хансена въ этой области. Съ другой стороны, научная цѣль экспедицiи—изученiе физико-географическихъ условiй арктическихъ областей если и не исчерпана вполне, то во всякомъ случаѣ достигнутые Хансеномъ результаты такъ велики, что, быть можетъ, только отдаленное будущее подвинетъ насъ впередъ въ этомъ отношенiи. Интересъ къ арктическимъ областямъ до извѣстной степени исчерпанъ, и вотъ взоры географовъ-теоретиковъ и путешественниковъ обращаются къ другому полушарiю, къ областямъ антарктическимъ, въ которыхъ скрывается еще много тайнъ, способныхъ освѣтить множество темныхъ теоретическихъ вопросовъ, для рѣшенiя которыхъ не хватаетъ фактическаго материала.

*) Общая длина сохранившагося скелета немного болѣе 270 футовъ, предполагаемая общая длина животнаго 30 футовъ.

Начало будущаго столѣтія ознаменуется, повидимому, крупными открытіями въ антарктическихъ областяхъ: цѣлыхъ три экспедиціи, обставленныя всѣми возможными средствами, направляются сразу въ нѣсколькихъ направленіяхъ къ южному полюсу. Мы уже сообщали въ свое время объ организаціи и планахъ нѣмецкой, англійской и американской экспедицій.

Въ виду таковаго возрожденія всеобщаго интереса къ полярнымъ путешествіямъ, мы и рѣшаемся напомнить читателямъ объ одной, отдаленной отъ насъ страничкѣ изъ исторіи этихъ путешествій и объ одномъ человѣкѣ, также какъ и Нансенъ, положившемъ въ свое время начало новой эрѣ въ исторіи этихъ подвиговъ человѣчества.

20-го іюня 1597 г. умеръ въ концѣ своего третьяго, знаменитаго полярнаго путешествія энергичный и отважный, голландскій мореплаватель—Вильгельмъ Барентсъ, именемъ котораго названо море у сѣвернаго побережья Россіи между полуостровами Канинымъ и Новою Землею. Съ его смертью закончилась блестящая эпоха въ исторіи изученія арктическихъ областей, и три его полярныхъ путешествія положили прочное основаніе для всего того, что было достигнуто послѣ него, и послужили примѣромъ для его послѣдователей.

Своими открытіями Барентсъ сильно расширилъ кругъ современныхъ ему свѣдѣній объ арктическихъ областяхъ: такъ, въ разное время имъ были открыты Медвѣжья острова, Шпицбергенъ и сѣверное побережье Новой Земли. Во время своихъ странствованій по Ледовитому океану Барентсъ достигъ тѣхъ высшихъ широтъ, которыя послѣ него были достигнуты и перейдены лишь въ самое недавнее время. Но и этого мало: Барентсъ явился настоящимъ новаторомъ—онъ и здѣсь открылъ новые пути и новые способы выполненія полярныхъ путешествій. До него моряки, изслѣдовавшіе Ледовитый океанъ у сѣверныхъ береговъ Европы, не рисковали особенно удалиться отъ береговъ и едва только встрѣчали плавуцій ледъ на своемъ пути, торопились уйти обратно или же терпѣливо ожидали, пока море очистится отъ льда. Барентсъ первый имѣлъ отвагу пуститься въ открытый океанъ съ цѣлью пробить себѣ дорогу посреди льдовъ и первый рѣшился на рискованное предпріятіе—врѣзаться въ громадные ледяныя поля. При этомъ онъ пользовался, съ одной стороны, искусной лавировкой посреди льдовъ и отысканіемъ проходовъ, съ другой—уногребилъ всѣ усилія, чтобы насильно прорваться чрезъ льдины, разбивая ихъ носовою частью своего корабля. Такимъ образомъ, мы видимъ, что способы Барентса, которыми онъ первый воспользовался, остались до нашихъ дней тѣми же и, какъ извѣстно, дали чрезвычайно богатые результаты.

Напомнимъ въ краткихъ чертахъ исторію трехъ голландскихъ путешествій, главнымъ героемъ и исполнителемъ плановъ которыхъ явился Барентсъ. Выгодныя коммерческія сношенія, завязавшіяся у англичанъ съ Россією въ половинѣ XVI ст. возбудили зависть предпринчивыхъ голландцевъ. Въ 1565 г. первое голландское судно прибыло въ Болу и нѣсколько лѣтъ спустя правильныя коммерческія сношенія были установлены съ одной богатой торговой фирмою въ Амстердамѣ. Къ этому же времени относятся попытки найти морской путь въ Китай и другія богатыя страны Востока черезъ Ледовитый океанъ. Несмотря на то, что первая попытка англичанъ въ этомъ направленіи окончилась полною неудачею, голландцы не захотѣли отстать отъ своихъ конкурентовъ и, въ свою очередь, снарядили четыре корабля съ цѣлью отыскать сѣверный морской путь въ Китай и Индію. 15-го іюня 1594 г. голландскіе корабли отправились въ путь. Кораблями, снаряженными на средства Амстердама, командовалъ Барентсъ. У береговъ русской Лапландіи корабли раздѣлились. Два изъ нихъ, слѣдуя завѣтамъ старины, направились по побережьямъ къ проливамъ, ведущимъ въ Карское море. Барентсъ, воспользовавшись совѣтами знаменитаго космографа Планціуса, направился прямо въ открытое море, намѣреваясь обойти

Новую Землю. Дѣло въ томъ, что кабинетные географы того времени, несмотря на всѣ противоположныя заявленія мореходовъ, держались того мнѣнія, что льды образуются только по содѣйствию съ сушей. Отсюда произошла долго державшаяся теорія свободнаго моря, которое должно лежать на пути къ полюсу въ открытомъ океанѣ.

Остановимся лишь на важнѣйшихъ результатахъ достигнутыхъ Барентсомъ. Съ необычайною легкостью онъ достигъ широты $76^{\circ} 30'$, но здѣсь и началась отчаянная борьба со стихіею. Много разъ его корабль былъ окончательно затертъ льдами, но никакая опасность не могла сломить его мужества. Шагъ за шагомъ отвоевывая себѣ дорогу, Барентсъ 29-го іюля достигъ острововъ, расположенныхъ у сѣверной оконечности Новой Земли. Любопытно отмѣтить, что пунеть этотъ былъ перейденъ лишь современниками нашими въ 1872 г. Трудно представить себѣ ту массу энергій, которая была затрачена Барентсомъ для того, чтобы проложить себѣ путь впередъ; достаточно будетъ сказать, что путь, пройденный ими по разнымъ направленіямъ среди льдовъ, равнялся 1.750 милямъ (разстояніе отъ г. Балэ до сѣвернаго берега Шпицбергена). Уже одно это путешествіе обнаружило гениальныя мореходныя способности Барентса. Въ концѣ концовъ, передъ глазами измученнаго трудностями пути экипажа разстлались безконечныя ледяныя поля Барскаго моря. Барентсъ принужденъ былъ остановиться и 1 августа—отправился въ обратный путь. Другіе корабли, послѣ удачнаго плаванія по Барскому морю, вернулись обратно въ увѣренности, конечно, ошибочной, будто они были недалеко отъ устьевъ Оби. Задача—найти путь въ Китай казалась капитану Нэю выполненной. И вотъ въ слѣдующемъ году былъ снаряженъ флотъ изъ семи кораблей, нагруженныхъ товарами, съ миссіею пройти въ Китай черезъ Вайгачскій проливъ. Начальство было поручено Нэю, назначенному адмираломъ, Барентсъ же былъ назначенъ капитаномъ одного изъ кораблей. По состоянію плавучихъ льдовъ въ Барскомъ морѣ оказалось далеко менѣе благоприятнымъ въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ. Послѣ дѣлаго ряда безплодныхъ усилій, экспедиція вернулась въ Голландію. На этой неудачной попыткѣ закончились официальныя экспедиція съ правительственной субвенціей. Чтобы возбудить частную инициативу, правительстве назначало крупную премію тому моряку, который найдетъ сѣверный путь къ Китаю. И дѣйствительно, городъ Амстердамъ снарядилъ въ слѣдующемъ 1596 г. два корабля, однимъ изъ которыхъ командовалъ Барентсъ. Условія оказались не особенно благоприятными въ этомъ году и, несмотря на это, Барентсъ черезъ нѣсколько недѣль плаванія открываетъ послѣдовательно: Медвѣжьи острова, дѣлаетъ очень точное измѣреніе ихъ широты и, повинувши ихъ, черезъ четыре дня открываетъ Шпицбергенъ. Посѣтивши одинъ заливъ на сѣверномъ берегу Шпицбергена, онъ отправляется далѣе на сѣверо-западъ, но принужденъ былъ вернуться, встрѣтивши непроходимыя массы пловучаго льда. Нѣсколько разъ потерпѣвши неудачу въ стремленіи пробиться далѣе къ сѣверу, Барентсъ направляется на югъ и вскорѣ держитъ путь къ Новой Землѣ по морю, которое носитъ теперь его имя. Но и здѣсь условія оказались не болѣе благоприятными, чѣмъ у Шпицбергена. Въ своемъ дневникѣ Барентсъ упоминаетъ о глыбахъ льда толщиною до 100 метровъ; но и въ этихъ условіяхъ онъ находится и держится на мѣстахъ слабшомъ мелкыхъ для такихъ айсберговъ. Въ концѣ концовъ, преодолевши крупныя опасности, въ серединѣ августа ему удалось обогнуть Новую Землю, а чрезъ нѣсколько дней корабль его оказался затертымъ льдомъ въ одномъ изъ заливовъ на восточномъ побережьи острова. Положеніе было критическое. Всѣ усилія, сдѣланныя Барентсомъ для того, чтобы проложить себѣ путь по какому-нибудь направленію, оказались тщетными, и въ концѣ августа онъ вынужденъ былъ окончательно остановиться на восточномъ берегу Новой Земли. Предстояла немѣлкая зимовка.

До того времени, ни разу еще ни одинъ европеецъ не проводилъ зимы въ арктической зонѣ. Храбрые моряки не безъ ужаса думали о своей судьбѣ, такъ какъ къ тому же европейцы имѣли преувеличенное предоставленіе о суровости полярной зимы.

Первою опасностью, угрожавшею экспедиціи, была, конечно, опасность потерять свое судно, которое легко могло быть раздавлено напоромъ льда. Но голландскія суда имѣли очень выпуклую форму нижней части корпуса—конструкція и теперь отличающая голландскія суда; смыслъ такого устройства заключался въ томъ, чтобы дать возможность судамъ лучше приставать къ мелкимъ побережьямъ Сѣвернаго моря. Такая форма спасла судно Барентса: первый сильный начикъ льда выдавилъ судно его на поверхность, точъ въ точъ какъ ровно черезъ триста лѣтъ случилось съ «Фрамомъ» Нансена.

Въ минуты опасности Барентсъ обнаружилъ удивительную находчивость. Боясь потерять припасы въ случаѣ гибели корабля, онъ позаботился о перевозкѣ ихъ на берегъ, гдѣ была устроена хижина для предстоявшей зимовки. Съ 24 октября экипажъ переехалъ въ новое помѣщеніе, гдѣ ему суждено было пережить много опасностей, лишений и испытаній. Вокругъ хижины бродили медвѣди, не привыкшіе еще бояться сосѣдства съ человѣкомъ и лишь только человѣкъ выходилъ изъ своего убѣжища. Они съ чрезвычайной дерзостью нападали на него. Не легка была борьба съ этимъ звѣремъ, въ особенности, если принять въ соображеніе плохое вооруженіе того времени, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ аллебардъ. Разсказы историографа этой экспедиціи полны драматическихъ эпизодовъ и жизненной правды, что и обезпечило имъ громадный литературный успѣхъ: сочиненіе де-Вира, голландскаго морехода, было переведено почти на всѣ языки, на которыхъ говорила въ то время культурная Европа: на латинскій, французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій.

Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ побережье начало очищаться отъ льда; но корабль путешественниковъ плотно застрялъ на огромной глыбѣ льда, отъ которой его не было возможности освободить. Въ этихъ обстоятельствахъ голландцы рѣшили оставить судно на произволъ судьбы и попытаться возвратиться на родину въ лодкѣ. 14-го іюня экспедиція направилась къ югу. Для своей эпохи такое путешествіе является столь-же рискованнымъ, героическимъ предпріятіемъ, какъ и знаменитое путешествіе Нансена пѣшкомъ. Способы передвиженія, какими пользовались голландцы во время своего замѣчательнаго возвращенія, и до нашего времени остались единственными, примѣняющимися и теперь. Среди всѣхъ злоключеній экспедиція потеряла 20 іюня своего начальника: Барентсъ, уже давно хворавшій, взглянулъ въ послѣдній разъ на открытую имъ Землю и на рукахъ де-Вира скончался.

Только послѣ 35-дневныхъ усилій путешественникамъ удалось обогнуть Новую Землю и выйти въ открытое море. Стѣдуя по сѣверному побережью Россіи и переплывши далѣе Бѣлое море они встрѣтились въ Болѣ съ прошлогодними компаньонами по экспедиціи.

Возвращеніе путешественниковъ на родину праздновалось банкетами и рѣчами. Члены экспедиціи были приглашены ко двору принца Морица Нассаускаго, гдѣ послѣ пира въ ихъ честь, ими былъ сдѣланъ подробный разсказъ о приключеніяхъ, ими пережитыхъ. Такъ состоялся первый докладъ объ арктической экспедиціи.

Результаты путешествій Барентса, какъ видно изъ этого краткаго отчета, были крайне обильны. Въ теченіе трехъ своихъ экспедицій онъ начерталъ въ общемъ главныя линіи побережій полярнаго бассейна и далъ въ общихъ чертахъ его конфигурацію, дотолѣ совершенно неизвѣстную. Наблюденія экспедиціи, какъ мы уже имѣли случай упомянуть выше, отличались точностью; видна чрезвычайная наблюдательность голландскихъ мореходовъ: отчетъ де-Вира со-

держитъ много цѣнныхъ свѣдѣній, напр., о динамичѣ полярнаго льда, много геологическихъ замѣтокъ; такъ, де-Виръ—первый упоминаетъ о поднятїи побережья полярныхъ земель.

Хотя прямая цѣль—найти дорогу въ Китай и не была выполнена, экспедиціи Барентса имѣли косвенно экономическіе результаты глубокой важности. Спустя нѣсколько лѣтъ по слѣдамъ Барентса отправились англичане и посѣтили Шпицбергенъ и Медвѣжьи острова. Узнавши, что англичане встрѣтили здѣсь громаднаго стада трески и китовъ, голландцы, фламандцы и др. вскорѣ явились сюда съ большимъ числомъ судовъ для охоты. Въ періодъ времени въ 160 лѣтъ послѣ этого прибылъ одной Голландїи отъ этого промысла превышаетъ 300 милліоновъ франковъ и капиталъ, пущенный въ оборотъ на это предпрїятіе, приносилъ 40% дохода.

Въ 1871 году норвежскій капитанъ Карлсенъ сдѣлалъ чрезвычайно интересное открытіе на сѣверѣ Новой Земли. Подъ слоемъ льда и свѣга онъ нашелъ старую хижину; войдя въ нее, онъ къ крайнему своему изумленію нашелъ въ ней мебель, хозяйственные принадлежности, оружіе и даже книги. Это была хижина, гдѣ 274 года тому назадъ зимовалъ Барентсъ со своими товарищами. Все оказалось на своемъ мѣстѣ, какъ будто бы Барентсъ только что покинулъ свое жилище: на стѣнѣ висѣли часы, на столѣ найдена флейта, съ которою отважный мореплаватель короталъ скуку безконечной полярной ночи. Всѣ эти предметы хранятся теперь въ національномъ музеѣ Амстердама, какъ свидѣтельство бывшей морской славы голландцевъ.

Незначительность результатовъ, добытыхъ въ теченіе послѣдующихъ 300 лѣтъ, несмотря на весь колоссальный прогрессъ техники въ тотъ же періодъ времени, всего рельефнѣе показываетъ важное значеніе открытїи Барентса и въ то же время увеличиваетъ роль заслугъ Норденшильда и Нансена, которые въ послѣднее время сильно двинули впередъ дѣло изученія арктической области.

2) *Алмазные копи южной Африки.* Первые находки алмазовъ въ южной Африкѣ были сдѣланы въ 1867 году въ бассейнѣ рѣки Ваала. Странствующій торговецъ О'Рейнъ представилъ первый алмазъ вѣсомъ въ 21 каратъ, приобретенный имъ у одного бура, который не имѣлъ предствленія о его цѣнѣ. Камень этотъ былъ переданъ въ придворное хранилище драгоценностей въ Лондонѣ и проданъ, въ концѣ концовъ, одному англійскому барону за 500 фунтовъ стерлинговъ (4½ т. руб.). О'Рейнъ подѣлился прибылью съ первымъ владельцемъ алмаза. Черезъ два года тотъ же самый буръ приобрѣлъ отъ жившаго въ этой мѣстности готтентота за 400 ф. ст. алмазъ вѣсомъ въ 83½ карата, который онъ тутъ же непосредственно продалъ за 11.200 ф. стерл. Камень этотъ, извѣстный подъ названіемъ «звѣзды южной Африки» принадлежитъ теперь графинѣ Dudley и оцѣнивается въ 25.000 ф. стерл.

Вскорѣ въ страну, на которую прежде едва ступала человеческая нога, устремилась цѣлая толпа искателей приключенїи всѣхъ національностей, и пустынная, бѣдная водою страна начала оживать. Тысячи людей, жертвуя удобствами жизни, проживая въ наскоро сооруженныхъ, подвижныхъ палаткахъ, были заняты одной мыслью—разыскать драгоценную находку, обладавшую свойствомъ превратить въ одно мгновеніе бѣднаго человѣка въ богатаго. Вскорѣ были открыты два мѣстонахожденія алмазовъ, одно возлѣ другого, такъ что на пространствѣ въ одну квадратную милю возникло сразу четыре копи. Первоначальная организація этихъ копей носила чисто хаотическій характеръ: если промышленникъ находилъ мѣсто, по его мнѣнію обѣщавшее обильный заработокъ, онъ начиналъ его раскопку съ помощью туземцевъ самымъ примитивнымъ путемъ, за недостаткомъ необходимыхъ машинъ и взрывчатыхъ матеріаловъ. Каждый работалъ на свой страхъ, небольшою партїею, работалъ, пригнѣвая свои способы, не справляясь съ выгодами сосѣда, а такъ какъ вскорѣ

число алмазопромышленниковъ достигло солидной цифры, 12.000 человекъ, то мы легко можемъ вообразить себѣ царствовавшую здѣсь анархію, поджигаемую единственной страстью быстрой наживы. Если прибавить къ этому еще недостатокъ путей сообщенія, скверную воду, развитіе лихорадки, а также ссоры и междоусобія промышленниковъ между собою, то картина первоначальной стадіи въ эксплуатаціи южно-африканскихъ копей получится полная.

Увеличеніе раздоровъ, разныя проявленія страстей, не имѣвшихъ надъ собою узды въ законѣ и правосудіи, наконецъ, быть можетъ, и болѣе корыстныя соображенія привели къ тому, что правительство Капской колоніи объявило страну своею собственностью. Но буры сосѣдней Оранжевой республики объявили также свои притязанія на владѣніе этой территоріей и дѣло, вѣроятно, дошло бы до войны, если бы спорящія стороны не помирились: Оранжевая республика за 90.000 ф. стерл. отказалась отъ своихъ притязаній.

Между тѣмъ пока шло дѣло упорядоченія эксплуатаціи копей, мѣры были приняты самыя рѣшительныя и отношенія обострились въ такой мѣрѣ, что произошло настоящее возстаніе алмазопромышленниковъ. Къ счастью, дѣло обошлось безъ кровопролитія и споръ былъ улаженъ мирнымъ путемъ.

Какъ только былъ восстановленъ порядокъ, началось правильно поставленное горное дѣло. Палатки были замѣнены постоянными жилищами, и такъ возникъ теперешній городъ Кимберлей. Порядокъ былъ однако только наружный.

Съ большою легкостью алмазы могли быть добыты нечестнымъ путемъ и громадные барыши отъ тайно приобретенныхъ у рабочихъ-туземцевъ алмазовъ опять привлекли сюда большое количество любителей легкой наживы, которые организовали здѣсь цѣлую систему тайной покупки и продажи краденыхъ алмазовъ. Едва лишь половина добывавшихся камней поступала въ распоряженіе законныхъ владѣльцевъ копей. Владѣльцы обратились за содѣйствіемъ къ властямъ, и были изданы законы, жестоко каравшіе тайную торговлю алмазами. Цѣлая армія тайныхъ полицейскихъ чиновниковъ наблюдала за тѣмъ, чтобы торговля драгоцѣнными камнями производилась только лицами, получившими концессию. Одного факта обладанія необработанными алмазами достаточно было для осужденія на семилѣтнія каторжныя работы. Закономъ, конечно, воспользовались какъ репрессивной мѣрой, и легко можно вообразить, къ какимъ злоупотребленіямъ повело изданіе такихъ законовъ: многихъ нежелательныхъ людей удаляли, подкладывая имъ въ карманы запретныя сокровища.

Между тѣмъ мало по-малу основались акціонерныя общества, взявшія на себя эксплуатацію копей и къ 1884 году произошла, наконецъ, полная капитализація и объединеніе Кимберлеевскихъ копей, когда установлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Капштадтомъ.

Большинство разрабатываемыхъ въ настоящее время копей находится на дневной поверхности и лишь отдѣльныя, единичныя шахты удаляются далеко въ глубину земли. Всего въ пяти минутахъ ходьбы отъ базарной площади Кимберлея находится одна изъ богатѣйшихъ южно-африканскихъ копей; копь имѣетъ въ глубину до 150 метровъ, отдѣльныя подземныя шахты ея уходятъ теперѣ уже до глубины 500 метровъ. Образцовою въ настоящее время является копь De Beers Company, лежащая на $\frac{1}{4}$ мили къ востоку отъ первой: она можетъ дать посѣтителю общую картину современной добычи драгоцѣнныхъ камней.

Алмазы находятся въ глинистой, голубовато-зеленой породѣ, твердой консистенціи, называемой кимберлитомъ. Куски этой породы добываются посредствомъ динамитныхъ взрывовъ и доставляются вверхъ въ особыхъ вагончикахъ и выставляются на открытыя дѣйствию воздуха плацахъ, послѣ чего они легко промываются. Много миллионныхъ пудовъ породы разложено въ такихъ мѣстахъ. Въ 1.000 килограммовъ кимберлита заключается въ среднемъ отъ 0,85 до 0,89 каратъ алмазовъ (120 каратъ равны одной унціи или 16,67 грамма). Цѣлый рядъ

оструменных машинъ и приспособленій сооруженъ для разныхъ операций: размельченія, промывки, отдѣленія потерявшей цѣну земли и ея перевозки въ особня мѣста, гдѣ выросли цѣлые искусственные холмы.

Кромѣ алмазовъ чистой воды, находятся алмазы желтоватой, красноватой и черной окраски; попадаются также рубины и другіе драгоценные камни меньшей цѣнности, которая опредѣляется величиной, формой и цвѣтомъ камня.

Какъ и вообще, во всей южной Африкѣ всѣ черныя работы совершаются въ коняхъ туземцами-кафрами, всѣ же надсмотрщики, сортировщики и машинисты—бѣлые.

Нанимаются туземцы на извѣстный рабочій сезонъ, минимумъ на 3 мѣсяца, и на все это время остаются запертыми въ опредѣленномъ районѣ копн. Для въѣздебачаго времяпрепровожденія служить имъ особый, застроенный разными зданіями, замкнутый отъ внѣшняго міра участокъ, гдѣ они проводятъ ночь, ѣдятъ и т. д.

Такимъ образомъ они подвергнуты постоянному контролю и не могутъ сбыть съ рукъ случайно найденные алмазы.

Въ алмазныхъ копяхъ Бимберлея работаетъ теперь 7.800 кафровъ черно-рабочихъ и 2.000 бѣлыхъ.

Добыча алмазовъ со времени открытія копей оцѣнивается въ 1¼ миллиарда марокъ (45 к.).

На территоріи Оранжевой республики также открыто богатое мѣстонахождение алмазовъ въ 1878 году. Здѣсь въ 1893 году найденъ наибольшій алмазъ въ 971 каратъ вѣсомъ, названный «Эксцельзиоръ» и другой въ 1895 году въ 834 карата, названный въ честь президента Оранжевой республики «Рейцемъ».

Сколько кровавыхъ драмъ разыгралось на этой небольшой территоріи въ теченіе 30-ти-лѣтняго періода отъ начала эксплуатаціи копей? Какіе низменные инстинкты и страсти народились и... или восторжествовали или погибли здѣсь? Сколько человѣческаго труда, слезъ и пота видѣла эта земля?! А сколько еще можно предвидѣть въ будущемъ...

И вся добыча идетъ, главнымъ образомъ, какъ предметъ роскоши,—предметъ, цѣна котораго, въ сущности, мнимая.

Уже теперь искусственные алмазы отличаются лишь опытнымъ глазами, и имѣть ничего невѣроятнаго въ томъ, что недалекое будущее откроетъ способъ лабораторнаго воспроизведенія настоящихъ алмазовъ.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Звѣздные дожди въ 1899 г. Въ ночь съ 3-го на 4-ое ноября, какъ сообщалось въ одной изъ предыдущихъ хроникъ, ожидалось интересное явленіе «звѣзднаго дождя» потока падающихъ звѣздъ Леонидъ. Съ нѣскольکو меньшей вѣроятностью можно было надѣяться также на другой потокъ — Виландъ—11-го ноября. Въ наблюденіямъ этихъ двухъ феноменовъ давно уже готовились, ихъ ждали съ интересомъ. Ожиданія охватили даже большую публику, появились г слухи о концѣ міра, разукрашенные присказками о страшной кометѣ. Но гонщина міра оказалась отсроченной на неопредѣленное время. Что касается кометы, то легковѣрная и мало свѣдущая масса ее видѣла. Въ Киевской, Волынской и другихъ сосѣднихъ губерніяхъ 14-го ноября, около 11 час. вечера вдругъ замѣтили близъ зенита какую-то яркую полосу, которая прогорѣла два часа, а потомъ исчезла. Уже одного того факта, что явленіе продолжалось только два часа, что оно не зашло подъ горизонтъ, а исчезло тутъ же, гдѣ и казалось, было вполне достаточно, чтобы отклонить мысль о какой-либо ко-

метѣ для объясненія его. Но предшествовавшіе слухи сдѣлали свое. Не только масса, даже газеты, претендующія на интеллигентный кругъ читателей, заговорили о кометѣ. 14-го ноября—это какъ разъ канунъ того дня, въ который земля пересѣкала до 1890 года орбиту кометы Біэлы, породившей намъ потокъ Біэлидъ, и вотъ «Кіевлянинъ» съ апломбомъ заявляетъ, что наблюдавшаяся полоса и есть комета Біэлы. Онъ приводитъ различныя историческія свѣдѣнія объ этой кометѣ, забывая только, что послѣдняя даже въ моментъ открытія въ 1826 году была телескопической, т. е. доступной только трубъ, а послѣ того, какъ она раздѣлилась и породила рой метеоровъ, сдѣлалась совершенно слаба или даже перестала совсемъ существовать, какъ комета.

По наиболее вѣроятнымъ объясненіямъ свѣтлая полоса, наблюдавшаяся на юго-западѣ Россіи 14-го ноября, была родъ мѣстнаго сѣвернаго сіянія. Во всякомъ случаѣ, ни съ ожидавшимися звѣздными потоками, ни съ какой-либо кометой вообще она ничего общаго имѣть не можетъ.—Потокъ Біэлидъ въ этомъ году, какъ и въ 1898, когда было еще болѣе основаніи его ждать, не наблюдался совсемъ. Какая причина этому, пока не разслѣдовано. Пропали, напрасно, и ожиданія звѣзднаго дождя Леонидъ. Никакого эффектнаго явленія нигдѣ не наблюдалось. Кое-гдѣ, правда, помѣшала облачная погода, но во многихъ пунктахъ небо было чисто нѣсколько дней подъ рядъ и тѣмъ не менѣе ничего выдающегося замѣчено не было. Число метеоровъ въ этомъ году оказалось меньше, чѣмъ въ прошломъ; меньше, можетъ быть, даже чѣмъ въ 1896 году.

Тѣмъ не менѣе благодаря тому вниманію, которое было отдано ожидавшемуся феномену, общее число наблюдавшихся въ различныхъ мѣстахъ метеоровъ, довольно значительно. Оно будетъ имѣть большое значеніе для изслѣдованія современнаго состоянія потока.

Въ Россіи проф. Глазенапъ разослалъ повсюду карты съ предложеніями наблюдать Леониды. Но результаты получены только изъ пунктовъ:

1) Петербурга, гдѣ г-жа Субботина въ ночь съ 5-го на 6-ое ноября наблюдала съ 9 часовъ вечера до 6 часовъ утра и замѣтила 13 метеоровъ, изъ которыхъ 8 было Леониды.

2) Стародуба, гдѣ г. Быковъ 1-го ноября наблюдалъ 14 метеоровъ.

3) Со станціи Московско-Ярославкой жел. дорогъ Рязанцево, гдѣ г. Кащинцевъ видѣлъ 13 падающихъ звѣздъ 3-го ноября.

Кромѣ того, 4-го ноября ученики Горыгорецкаго земледѣльческаго училища подъ руководствомъ г. Рытова замѣтили 14 метеоровъ.

Во многихъ мѣстахъ Россіи всѣ первые дни ноября оказались облачными.

Въ Одессѣ астрономы наблюдали три ночи подъ-рядъ и набрали 106 метеоровъ: 1-го ноября—15, 2-го тоже 15, а 3-го—76 метеоровъ. Попытки фотографировать метеоры оказались безуспѣшными.

Въ Петербургѣ была сдѣлана даже попытка подняться на воздушномъ шарѣ. Астрономъ Ганскій изъ Пулкова, Кузнецовъ отъ главной физической обсерваторіи и г. Кованько полетѣли въ ночь съ 3-го на 4-ое, на шарѣ «Ген. Заботкинъ». Но они не могли пройти всѣхъ слоевъ облаковъ и вернулись безъ результатовъ.

За границей тоже были организованы полеты на воздушныхъ шарахъ. Въ ночь съ 2-го на 3-е поднимался въ Парижъ русскій астрономъ Тиховъ, занимающійся на астрофизической обсерваторіи въ Медонѣ. Онъ нашелъ уже на высотѣ 1 километра чистое небо и наблюдалъ 100 метеоровъ, изъ которыхъ 20 было яркими.

Въ слѣдующую ночь поднялась г-жа Клушке — астрономъ Парижской обсерваторіи она замѣтила только 12 метеоровъ, изъ которыхъ 7 оказались первой величины.

Въ Страсбургѣ поднимался астрономъ Тетенсъ въ ночь съ 3-го на 4-ое.

Через $1\frac{1}{2}$ часа послѣ отправленія шаръ вышелъ изъ облаковъ, небо было совершенно ясно, но въ продолженіи двухъ часовъ не показывалось ни одного метеора, только въ концѣ ночи удалось замѣтить 10 метеоровъ, да и то половина оказалась не принадлежащими къ Леонидамъ.

Астрономы Страсбургской обсерваторіи Кобольдъ и Эбелль наблюдали потокъ съ самой высокой вершины Вогезъ *Grand Ballon* (1.390 метровъ). Въ ночь съ 2-го на 3-е ими насчитано было около 100, изъ которыхъ 15 нанесены на карту. 3-го числа небо было полузатянато облаками и Леонидъ не замѣчено.

Въ самомъ Страсбургѣ только 4-го числа небо оказалось чисто. За пять часовъ наблюденій замѣчено тамъ 9 метеоровъ.

Въ Гамбургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ наблюденія были организованы въ 5 пунктахъ, причемъ на 4 изъ нихъ предполагалось фотографировать метеоры. 2-ое ноября, благодаря густому туману, наблюденія совершенно не удалась; 3-го числа погода вполне благоприятствовала. На астрономической обсерваторіи было замѣчено 149 метеоровъ, изъ которыхъ принадлежащихъ потоку оказалось 111. На 4 другихъ станціяхъ наблюдено 110 метеоровъ, на фотографическихъ пластинкахъ не обнаружено ни одного слѣда.

Въ Боннѣ 3-го числа замѣчено всего 4 метеора и 4-го еще одинъ.

Въ Вилѣ нѣсколько студентовъ, подъ руководствомъ проф. Гарцера и Ри-стенпарта, наблюдали 3-го ноября. Они замѣтили 115 метеоровъ, изъ которыхъ 77 оказались Леонидами.

Въ Утрехтѣ наблюдали каждый день съ 29-го октября. Въ первый день замѣчено 5, а во второй—4 метеора, принадлежащихъ потоку, 2-го ноября ихъ насчитали 50, 3-го—12.

Въ Лиссабонѣ (Тапада) 2-го ноября видѣли 10 метеоровъ, 3-го—11, 5-го—7.

Въ Прагѣ 30-го октября замѣченъ одинъ метеоръ и 3-го другой. Въ остальные дни небо было закрыто.

Въ Вѣнѣ наблюденія не удалась по случаю облачной погоды. Пропала по той же причинѣ и вѣнская экспедиція въ Индію.

Теперь интересно только подождать подробныхъ отчетовъ американскихъ обсерваторій, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлали большія приготовленія къ наблюденіямъ, но общій характеръ явленія виденъ уже и теперь. Какъ отмѣчено выше, потокъ въ 1899 году оказался очень слабъ и во всякомъ случаѣ максимумъ его скорѣе падаетъ на 2-ое ноября, а не на конецъ 3-го, какъ давали вычисленія на основаніи прежнихъ наблюденій.

Здѣсь встаетъ интересно будетъ замѣтить, что берлинскій астрономъ Берберихъ, искусный вычислитель, еще за годъ до наблюденія, указалъ, что потокъ Леонидъ въ 1899 г. не можетъ быть такъ силенъ, какъ въ прежніе годы своихъ максимумовъ, потому что разстояніе, на которомъ пройдетъ теперь земля отъ главной массы тѣлецъ, окажется значительно больше, чѣмъ прежде, вслѣдствіе возмущенія орбиты потока Юпитеромъ и Сатурномъ. И это то предсказаніе, повидимому, теперь и оправдалось.

К. Покровский.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь.

1900 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія литературы и искусства.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Этнографія.—Астрономія.—Сельское хозяйство.—Народныя наданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Бомарше. Театръ.—«Севильскій цирюльникъ».—«Свадьба Фигаро».—«Виновная мать».

Бомарше. Театръ.—«Севильскій цирюльникъ».—«Свадьба Фигаро».—«Виновная мать». Переводъ А. А. Крыль. Москва. 1899 г. Настоящій переводъ извѣстной трилогіи Бомарше сдѣланъ весьма внимательно. Неизбалованные на этотъ счетъ русскими переводчиками, обыкновенно ограничивающимися болѣе или менѣе удовлетворительной передачей перваго попавшагося текста даннаго произведенія, мы должны отмѣтить, что г. Крыль взялъ на себя трудъ ознакомиться съ главнѣйшими сочиненіями о Бомарше и заимствовалъ оттуда нѣкоторыя страницы, которыхъ до сихъ поръ нѣтъ даже во французскихъ изданіяхъ сочиненій Бомарше, а именно: у Лентилака взято предисловіе къ *Виновой матери* и обширный вариантъ нѣкоторыхъ сценъ изъ *Свадьбы Фигаро*, а изъ отрывковъ, напечатанныхъ у Лентилака и Ломени, вполне удачно сдѣланъ сводъ цѣлой маленькой комедіи (*Le double compliment de clôture*), которая въ свое время была сыграна послѣ *Севильскаго цирюльника*, въ видѣ заключительнаго приѣтствія для конца театральнаго сезона. Въ предисловіи переименованы лучшіе біографическіе труды и изданія текста, а также нѣсколько статей на русскомъ языкѣ; но странно при этомъ, что переводчикъ не указалъ прежнихъ русскихъ изданій комедій Бомарше; между тѣмъ, въ числѣ ихъ есть весьма удовлетворительное изданіе *Пантеона литературы* (Спб. 1888 г.) съ прекрасной статью проф. Алексѣя Н. Веселовскаго.

Старанію передать какъ можно ближе смыслъ и характеръ подлинника надо приписать и слѣдующее довольно существенное нововведеніе: у Бомарше,—говоритъ переводчикъ,—есть «цѣлый рядъ именъ, въ дѣйствительной жизни не встрѣчающихся. Это, такъ сказать, имена—этикетки, наклеивать которыя на дѣйствующихъ лицъ было во времена Бомарше въ модѣ и въ Россіи». Эти имена, которыя до сихъ поръ передавались простой транскрипціей, переводчикъ считаетъ необходимымъ переводить соответствующими имъ по смыслу русскими словами. Надо признать, что новшество это (весьма, впрочемъ, употребительное въ русскихъ переводахъ XVIII столѣтія) весьма неудачно. Хотя во французскомъ языкѣ нѣтъ такихъ именъ, какъ Double-main, de-Verte Allure или Grippe-Soleil, но они, по крайнѣй мѣрѣ, возможны, тогда какъ по-русски прямо невысказаны имена Сугуборукій, Удалая или Грабъ-Солнце, не говоря о неточности и тяжеловѣсности подобныхъ перифразовъ. Еще хуже, когда получается соединеніе иностраннаго имени съ русскимъ прозвищемъ. Brid'oison во французскомъ языкѣ стало такимъ же нарицательнымъ именемъ, какъ у насъ Фамусовъ или Репетиловъ, поэтому называть его донъ-Гусманъ Фалалай вдвойнѣ странно: названіе

это не связывается съ привычнымъ представленіемъ о данномъ типѣ, а, кромѣ того, рѣжетъ ухо неестественностью. Это, очевидно, чувствуетъ и самъ переводчикъ, потому что въ теченіе комедіи онъ его все время называетъ донъ-Гусманомъ, а не Фалалеемъ, а въ подлинникѣ онъ именуется не иначе, какъ Бридузонъ. Переводъ никогда не можетъ передать всѣхъ мелочей содержанія подлинника, и надо мириться съ правиломъ—«по возможности», лишь бы сохранился общій смыслъ и главное не нарушалась естественность, а то, «желая нарисовать рѣсницы, можно замазать глаза», какъ гласитъ французская поговорка.

Самый діалогъ комедій Бомарше, за немногими исключеніями, на которыхъ не стоитъ останавливаться, переданъ вполне литературно и съ тою живостью, которая характеризуетъ языкъ Бомарше. Даже многіе каламбуры, которыми изобилуетъ оригиналъ, переводчику удалось сохранить, а тѣ мѣста, трудность которыхъ оказалась непреодолимою, указаны въ примѣчаніяхъ. Попадающіяся въ текстѣ стихотворенія переведены также въ стихотворной формѣ и въ общемъ гладкимъ языкомъ при достаточной близости къ подлиннику. Однако, и тутъ необходимо сдѣлать два замѣчанія: во-1-хъ, переводчикъ слишкомъ вольно обращается съ римами и соединяетъ такіа созвучія, какъ, напр., мою—умру, госпожа—слуга, я—шла и т. п.; во-2-хъ, опять изъ стремленія сохранить ритмъ силлабическаго французскаго стиха, переводчикъ употребляетъ рядомъ двухстопные и трехстопные размѣры, что въ русскихъ стихахъ невозможно, напримѣръ:

Зима минуетъ,
И все ликуеть!
Весна къ намъ пришла,
Любовь принесла!

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даются комментаріи нѣкоторыхъ подробностей, что весьма полезно. Но при этомъ не слѣдовало бы уже останавливаться на полпути и дать какъ можно больше объясненій, такъ какъ произведенія Бомарше полны намековъ на событія историческія и біографическія.

Всѣ сдѣланныя нами замѣчанія, однако, имѣютъ совершенно частный характеръ. Въ итогъ же можно признать, что довольно трудная задача переводчика выполнена достаточно хорошо, чтобы читатель получилъ ясное и правильное представленіе о заразительно-веселыхъ комедіяхъ Бомарше. «Нравственная драма», составляющая третью часть трилогіи, совершенно лишена этого характера и прибавляется только ради полноты, такъ какъ и въ ней Фигаро играетъ центральную роль.

Е. Деженъ.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ»—«Русскія древности въ памятникахъ искусства», издаваемая *гг. П. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.*—*А. Новичкіи.* «Исторія русскаго искусства».

С. Д. Махаловъ. Фантазія на трагедію «Гамлетъ» Шекспира. Культурно-историческіе очерки. Москва. 1900 г. Дилеттантвизмъ имѣетъ свои права въ оцѣнѣ классическихъ произведеній литературы. Человѣкъ талантливый и вдумчивый, проникшійся сочувствіемъ къ какому-нибудь великому писателю, можетъ высказать свѣжее и оригинальное сужденіе, которое иногда «не слылось мудрецамъ», основательно изучившимъ всѣ контрверсы ученой литературы даннаго предмета. И даже въ томъ случаѣ, если такой дилеттантъ съ видомъ Колумба отыскиваетъ уже давно открытыя истины, за его мнѣніями можетъ оставаться интересъ «голоса изъ публики», къ которому не можетъ не прислушиваться и ученая критика.

Фантазія г. Махалова, несомнѣнно обладающая всѣми признаками дилетантской литературы, къ сожалѣнію, почти лишена достоинствъ подобнаго рода произведеній. Насколько можно понять изъ весьма сбивчиваго изложенія, большая часть разсужденій автора клонится къ тому, чтобы опровергнуть наиболѣе распространенный взглядъ на Гамлета, какъ на человѣка съ слабой волей и сильной рефлексіей, и доказать, что онъ натура героическая и дѣятельная, что преобладающія въ немъ черты совѣсть и долгъ. Хотя этотъ взглядъ не разъ уже высказывался въ обширной гамлетовской литературѣ, на что указываетъ и г. Махаловъ, тѣмъ не менѣе пересмотръ этого вопроса могъ бы быть интереснымъ, если бы авторъ ограничилъ свою задачу критическимъ анализомъ самаго текста трагедіи, предоставивъ болѣе вооруженнымъ специалистамъ привлекать историческія и біографическія данныя въ пользу защищаемой мысли. Но г. Махаловъ стремится самъ нарисовать культурно-историческій фонъ шекспировскаго творчества и связать таковое съ біографіей и психологіей самого поэта. Съ очевидною цѣлью щегольнуть эрудиціей, г. Махаловъ на каждомъ шагѣ пересыпаетъ свое изложеніе ссылками не только на шекспирологовъ, списокъ которыхъ все-таки весьма не полонъ, но и вообще на всякихъ писателей, никакого отношенія къ Шекспиру не имѣющихъ. Очень часто приводимыя цитаты до того далеки отъ предмета, что получается впечатлѣніе, будто авторъ хотѣлъ вложить въ свою книжку все, что онъ знаетъ и вычиталъ. Въ самомъ неестественномъ сосѣдствѣ можно встрѣтить имена Спенсера, Гюйо, Метерлинка (Метерлинка), Бенвенуто-Челлини, Ломброзо, Дж. Ст. Милля, Кавелина, Л. Толстого, Петра I, Скобелева, Ж. Леметра, г. Чичерина, г. Гольцева, Маріи Башкирцевой и весьма многихъ другихъ. Эти постоянные скачки и отступленія чрезвычайно утомляютъ добросовѣстнаго читателя, желающаго слѣдить за минутно обрывающеюся мыслью автора.

При всемъ обилии цитатъ, научный багажъ г. Махалова поражаетъ бѣдностью: дѣтски-наивные историческіе взгляды его часто не имѣютъ другаго источника, кромѣ убогихъ учебниковъ г. Иловайскаго. Для примѣра возьмемъ исторію отпаденія Англіи отъ католицизма. «Почти за шестьдесятъ лѣтъ до появленія *Гамлета* въ Англіи еще (?) царствовалъ Генрихъ VIII, отецъ Елизаветы. Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ увлеченій онъ дошелъ однажды до того, что пожелалъ жениться на изянціи дамѣ (до чего, въ самомъ дѣлѣ, можно дойти!), по имени Анна Болейнъ... Генриху надо было развестись для этого съ Екатериной Аррагонской, папа не хотѣлъ дать развода, и вотъ произошла англиканская церковь. Такимъ путемъ Англія освободилась отъ католическаго ига и совершенно случайно подготовила почву для принятія реформаціи, благодаря семейнымъ дѣламъ своего короля». По такому упрощенному способу, совершенно случайно, благодаря семейнымъ дѣламъ королей, историческія событія происходятъ только у г. Иловайскаго. Въ другихъ случаяхъ г. Махаловъ уже совершенно самостоятеленъ, но правильность объясненій историческихъ явленій отъ этого не выигрываетъ. Такъ, напр., послѣ необыкновенно мрачной картины среднихъ вѣковъ съ ихъ «соціальнымъ нестройствомъ, лишеннымъ даже примитивныхъ ступеней благоустроеннаго общества» (пока оригиналенъ только стиль, а самая мысль взята также изъ старыхъ учебниковъ), изображается переходъ къ гуманизму эпохи Возрожденія. Оказывается, что всему причиной... провансальскіе трубадуры. «Базалось, жизнь замарала безвозвратно въ то время, когда на югѣ Франціи, въ странѣ веселаго Прованса, раздались звуки народныхъ пѣсней про любовь и наслажденіе жизнью. На нихъ откликнулась Италия», затѣмъ черезъ дворъ Фридриха II (?) Германія и пошло, и пошло. «Толчокъ былъ данъ. Первое вдохновеніе прошло (чье вдохновеніе, читатель не узнаетъ). Чувствовалось, что оковы спадаютъ и что никакая власть уже не въ силахъ остановить всеобщаго порыва». Можно было бы выписать

сколько угодно такихъ же курьезовъ изъ области исторіи литературы. Ограничимся однимъ. «Подъ романтизмомъ,—повѣствуетъ г. Махаловъ,—принято, между прочимъ (?), понимать литературу неясныхъ туманныхъ души по еще болѣе неясному идеалу. Эта литература проникаетъ въ таинственный міръ духовъ, переполнена загробнымъ бредомъ, охотно обращается къ привидѣніямъ, бродитъ по кладбищамъ». До сихъ поръ мы видимъ изложеніе школьнаго курса русской словесности, гдѣ единственнымъ представителемъ романтизма считается Жуковский, но въ этихъ словахъ есть хоть какой-нибудь логическій смыслъ. Въ дальнѣйшемъ теряется всякое содержаніе, и слова не выражаютъ никакихъ опредѣленныхъ понятій. «Данте, по мнѣнію автора, сдѣлалъ первый шагъ къ романтизму: онъ облагородилъ итальянскій языкъ, давши ему преимущество передъ латинскимъ и описавши подземныя и заоблачныя сферы съ точки зрѣнія *человѣка* (курсивъ автора), а не версификатора латинскихъ фразъ. И если Данте—романтикъ потому, что первый заговорилъ человѣческимъ языкомъ, то Шекспиръ—романтикъ вдвойнѣ, показавши намъ реальнаго человѣка, какимъ былъ его Гамлетъ...».

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ его толкованіи самой трагедіи: единичныя толковыя замѣчанія тонуть въ массѣ натянутыхъ или совершенно произвольныхъ афоризмовъ, выраженныхъ такимъ же претенціознымъ и невозволительно небрежнымъ языкомъ. По нашему мнѣнію, этотъ наборъ общихъ ибѣтъ, а подчасъ бессмыслицъ, недостаточно назвать *фантазіей*, чтобы дать ему право на снисхожденіе и тѣмъ менѣе на серьезное вниманіе читателя.

Е. Деженъ.

«Русскія древности въ памятникахъ искусства», издаваемая гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ шестой. Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова. Спб. 1899 г. Главное содержаніе настоящаго выпуска составляетъ русское искусство XIII вѣка. Это—одинъ изъ наиболѣе загадочныхъ и наименѣ изученныхъ отдѣловъ въ исторіи русскаго искусства. Въ архитектурѣ и скульптурѣ появляются новыя формы; въ церковной живописи создаются новыя особенности; всѣ роды искусства развиваются при томъ вдали отъ тѣхъ южно-русскихъ центровъ, въ которыхъ восприняты были впервые Русью византійскіе образцы, на далекомъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи. Пошло ли здѣсь искусство само впередъ, опираясь на заимствованныя у предковъ типы, стало ли оно черпать изъ какихъ-нибудь новыхъ источниковъ, нашло ли въ этихъ источникахъ и новое вдохновеніе или только новыя трафареты для ремесленной копировки,—вотъ вопросы, которые тщетно старались рѣшить историки русскаго искусства,—которыхъ, надо признать, не рѣшили и составители настоящаго выпуска русскихъ древностей. Они, правда, исходятъ изъ опредѣленной идеи, къ сожалѣнію, предвзятой, какъ и въ предыдущемъ выпускѣ,—доказать непременно, что русское искусство той поры было самобытно, а не подражательно. Но у нихъ достаточно ученой добросовѣстности, чтобы тотчасъ же признаться, что доказательства этой самобытности до сихъ поръ—исключительно отрицательныя. Не найдено ближайшихъ источниковъ заимствованія. Пока они не найдены, мы можемъ свободно предполагать—какъ то, что данныя памятники оригинальны, такъ и то, что ихъ происхожденіе неизвѣстно. Нельзя отказать составителямъ ни въ тщательности ни въ обширности свѣдѣній, съ которыми они искали оригиналовъ русскихъ памятниковъ на широкомъ пространствѣ отъ западныхъ предѣловъ Европы до Сиріи и Египта. Если, тѣмъ не менѣе, всѣ эти поиски не дали ничего *тождественнаго* съ нашими произведеніями искусства, то это слѣдуетъ приписать скорѣе всего тому, что тотъ фокусъ, въ которомъ скрещивались и оплодотворяли другъ друга искусства востока и запада, создавая новыя типы и формы, новыя приемы техники,—остается пока еще очень мало изученнымъ. Мы говоримъ о Балканскомъ полуостровѣ и Малой Азій,

какъ о районѣ этихъ воздѣйствій, объ эпохѣ крестовыхъ походовъ, какъ объ основномъ моментѣ, отъ котораго воздѣйствія исходили, и о повдневиаантійскихъ и сельджукидскихъ элементахъ искусства, какъ о результатѣ такого взаимнаго оплодотворенія. Мы совершенно убѣждены, что здѣсь, въ этомъ еще пустомъ, незаполненномъ наукой, пробѣлѣ должны найтись наиболѣе близкіе образцы для объясненія богатой и загадочной орнаментациі Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Георгіевскаго въ Юрьевѣ Польскомъ.

Если забудемъ объ этомъ коренномъ недостаткѣ, устраненіе котораго не зависѣло отъ доброй воли составителей, то, въ общемъ, нужно признать, что шестой выпускъ «Русскихъ древностей» не отстаетъ отъ предыдущихъ по богатству рисунковъ, дѣлающихъ общедоступными массу важнѣйшихъ памятниковъ русскаго искусства, а по тексту стоитъ даже выше большинства этихъ выпусковъ, давая не только обильныя фактическія комментаріи къ рисункамъ, но и рядъ страницъ общаго содержанія, которыя съ большимъ интересомъ и пользой прочтутся не одними любителями и специалистами по исторіи искусства, а и вообще читающей публикой.

П. Милоковъ.

А. П. Новиціи. Исторія русскаго искусства. М. 1899 г. Выпуски IV и V. Въ свое время мы уже высказали нѣсколькохъ общихъ соображеній по поводу первыхъ выпусковъ почтеннаго труда г. Новицаго (см. библиогр. отдѣлъ въ августовской книгѣ 1899 года). Новые выпуски, которыми заканчивается первый томъ, посвященный до-петровскому періоду русскаго искусства, не даютъ повода къ измѣненію общей оцѣнки этого изданія, безспорно полезнаго и своєвременнаго. Конецъ перваго тома, излагающій исторію церковной и гражданской архитектуры московскаго времени, а также рѣзное дѣло, живопись, орнаментикъ, гравюру той же эпохи, обнаруживаетъ тѣ же солидныя качества: основанное на обильныхъ фактахъ добросовѣстное изложеніе, на этотъ разъ почти не прерываемое лрическими цитатами. Многочисленность описываемыхъ памятниковъ иногда можно назвать даже бесполезною роскошью, особенно въ виду того, что весьма значительное уменьшеніе количества иллюстрацій лишаетъ эти описанія наглядности. При отсутствіи пояснительнаго рисунка еще рѣзче обнаруживается неясность многихъ архитектурныхъ подробностей, въ обозначеніи которыхъ, какъ мы указывали, авторъ часто злоупотребляетъ техническими терминами. Укажемъ для примѣра такое мѣсто: «вѣнчающій зданіе антаблементъ состоитъ изъ карниза съ длинными и вытянутыми сухариками, богатаго узорнаго фриза и архитрава, выраженаго небольшою тягой». Не нужно быть особенно необразованнымъ, чтобы прийти въ недоумѣніе предъ такимъ описаніемъ.

Интересъ двухъ послѣднихъ столѣтій московской эпохи въ исторіи искусства заключается въ томъ, что, несмотря на косность основныхъ началъ тогдашней русской жизни освѣжающее вліяніе запада врывается въ нее всѣми возможными путями. «Въ русскомъ искусствѣ той эпохи,—говоритъ цитируемый г. Новицикии Н. В. Султановъ,—появляются одновременно два теченія: одно—старое, которое доживаетъ свой вѣкъ по разнымъ градамъ и всѣмъ тогдашней Руси и продолжаетъ развиваться далѣе формы, завѣщанныя ему московскимъ періодомъ другое—новое, которое перерабатываетъ формы поздняго итальянскаго возрожденія и господствуетъ при дворѣ и въ столицѣ». Теченіе это проникаетъ въ Москву не только чрезъ прямое посредство иностранныхъ мастеровъ, приглашаемыхъ для художественныхъ работъ всѣхъ родовъ, но, пожалуй еще сильнѣе окольнымъ путемъ чрезъ Польшу, а оттуда чрезъ западную, особенно юго-западную Русь. То, что доходило такимъ длиннымъ путемъ въ Москву, разумѣется, было весьма далеко отъ своего первоисточника; иногда импортируемые художественные образцы по своему эстетическому достоинству были далеко ниже выработавшагося въ оригинальныхъ формы мѣстнаго искусства. Но значеніе новыхъ вѣяній заключалось въ томъ, что они, приходя въ столкновеніе съ

устарѣвшими направленіями, вызывали въ обществѣ новые запросы и возбуждали новыя эстетическія идея у художниковъ. Теперь впервые можно говорить дѣйствительно о художникахъ, а не о мастерахъ, какъ до тѣхъ поръ.

Особенно характерно и плодотворно происходило это обновленіе въ области живописи или, точнѣе говоря, иконописи, потому что почти единственнымъ призваніемъ искусства все еще оставалось служеніе церкви. Русская иконопись съ самаго начала подчинялась строжайшему контролю византійскихъ традицій. Нѣкоторые чуждые элементы, попадавшіе въ Москву черезъ Новгородъ, подвергаются строгому осужденію мѣстныхъ консервативныхъ знатоковъ. Такъ, еще въ срединѣ XVI вѣка известный дьякъ Висковатый былъ до глубины души скандализированъ нѣкоторыми новшествами въ росписи государевыхъ палатъ. Былъ созванъ соборъ для разрѣшенія недоумѣній о правильности спорныхъ изображеній, и попъ Сильвестръ, руководившій этими работами, считалъ нужнымъ всѣми силами защищаться отъ обвиненій въ какомъ-либо новомъ и оригинальномъ замыслѣ. «Обыщите и разсудите, — писалъ онъ, — аще едину черту приложилъ азъ своего разума: всѣ иконы, какъ и бытскія дѣянія и иныя многія притчи отъ древняго преданія, какъ иконники пишутъ; неприкосновенъ есмь самъ некоторому дѣлу, писали иконники все со старыхъ образцовъ своихъ». Въ то же время Стоглавый соборъ, очевидно на основаніи фактовъ нарушенія традицій, строго наказываетъ «святителемъ великое попеченіе и брешеніе имѣти, комуждо во своей области, чтобы городовые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ; а отъ самомышленія бы, своими догадками Божества не описывали». Стали издаваться многочисленныя «подлинники», т. е. собранія каноническихъ рисунковъ, отъ которыхъ иконописцы не имѣли права ни на шагъ отступать, да обычно они и не писали иначе, какъ по прописямъ, взятымъ съ древнихъ иконъ. Несмотря на всѣ эти запреты, западное вліяніе завоевывало себѣ все большія симпатіи общества, такъ что черезъ сто лѣтъ патріархъ Никонъ торжественно предаетъ анаѣмъ всѣхъ, кто будетъ писать или держать у себя въ домѣ «франкскія иконы». Не смущаясь тѣмъ, что эти еретическія произведенія находились у самыхъ именитыхъ вельможъ, Никонъ велѣлъ отбирать ихъ, выкалывать имъ глаза и носить по городу, дабы всѣ знали, какъ не слѣдуетъ писать иконъ. Въ церкви онъ собственноручно разбивалъ ихъ объ полъ, приказывая ихъ сжечь. Царь Алексѣй Михайловичъ, который въ то время еще не рѣшался противорѣчить властному патріарху, но повидимому, сочувствовалъ въ глубинѣ души новаторамъ, «тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: «нѣтъ, отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зарожь въ землю». Такъ рассказываетъ свидѣтель этой сцены антиохійскій архидіаконъ извѣстный Павелъ Алепскій.

Но, имѣя такихъ непримиримыхъ враговъ, западничество въ искусствѣ имѣло и усердныхъ поборниковъ, чему сохранился прекрасный литературный памятникъ въ *Посланиіи изографа Іосифа*, иконописца царской мастерской. Возмущаясь невѣжественными и противохудожественными предразсудками, накопившимися въ церковномъ и народномъ искусствѣ, «онъ съ одинаковою силою возстаетъ какъ противъ грубыхъ ремесленниковъ, развращающихъ убѣжденія и вкусъ простаго народа своими дешевыми, плохими произведеніями, выдаваемыми за исключительно православныя, такъ и противъ отсталыхъ лжеучителей... влеймившихъ грѣхомъ и соблазномъ всякаго рода проявленіе природы и красоты въ иконописи». «Неужели ты скажешь, — возражаетъ онъ одному изъ подобныхъ гасителей, — что только однимъ русскимъ дано писать иконы, и только одному русскому иконописавію слѣдуетъ поклоняться, а отъ прочіихъ земель иконъ не принимать и не почитать?» Указывая на то, что на западѣ «будто живыя изображаютъ» не только священныя, но и историческія лица и сцены, изографъ Іосифъ выражаетъ любовь къ искусству истиннаго художника. «Когда

у иноземцевъ,—говоритъ онъ,—мы видимъ Христовъ или Богородиченъ образъ выдрукованъ или премудрымъ живописаніемъ изображенъ, тогда очи наши многою любовью и радости исполняются. Мы... не разжигаемся завистью и не укоряемъ иностранцевъ, видя у нихъ хорошо написанныя иконы. Такія благодатныя вещи паче всѣхъ земныхъ вещей предпочитаемъ и отъ рукъ иноземныхъ любочестно выкупаемъ, иные же за великій даръ испрашиваемъ... Такіе взгляды не остались безъ вліянія на художественную дѣятельность русскихъ иконописцевъ, чему доказательствомъ служатъ произведенія лучшаго изъ нихъ, пріятеля упомянутаго Іосифа,—Симона Ушакова. Не разрывая съ византійскою традиціею и тѣмъ избѣгая противодѣйствія даже такихъ охранителей, какъ Никонъ, Ушаковъ подъ вліяніемъ болѣе зрѣлаго западнаго искусства дѣлаетъ значительный шагъ къ ближней унаслѣдованнымъ формъ съ жизнью и природой. Конечно, реализмъ этотъ весьма мало походитъ на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ, но важно то, что русской живописи, которой по видимому, грозила неминуемая смерть въ неподвижныхъ формулахъ архаизма, открывалась дорога къ совершенствованію въ томъ направленіи, какое было указано западнымъ искусствомъ.

Свободнѣе, нежели въ иконописи, поступательное движеніе могло совершаться въ тѣхъ отрасляхъ, которыя не такъ были связаны съ регламентированными сторонами жизни. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ миниатюрахъ, украшающихъ рукописи нецерковнаго содержанія, мы имѣемъ настоящія бытовые картинки, которыя уже даютъ достаточно простора для проявленія индивидуальнаго таланта художника.

Зародившимся въ XVII вѣкѣ элементамъ новаго искусства не суждено было достигнуть полнаго своего развитія. Наступившая эпоха реформъ мало благопріятствовала сохраненію старыхъ началъ искусства. Художествамъ въ Россіи пришлось пережить тяжелый періодъ безличія и подражательности. Но теперь, когда мы въ области духовной жизни успѣли опять достигнуть извѣстной самостоятельности, нѣтъ основанія особенно оплакивать совершившіяся два вѣка тому назадъ «разрывъ непрерывности», сознавая, что именно на этой новой дорогѣ создавалось все, тѣмъ можетъ гордиться русское общество,—русская литература, искусство, общественная мысль. Могло ли бы наше искусство достигъ того же подъема на пути, указанномъ иконописцами XVII вѣка,—вопросъ въ вѣзостоящее время праздный.

Въ настоящее время уже появился 1-й выпускъ II тома труда г. Новицкаго, посвященный искусству послѣ Петра, но болѣе подробную рѣчь объ этой эпохѣ мы отложимъ до выхода дальнѣйшихъ выпусковъ, дабы имѣть возможность обозрѣть сразу болѣе законченный отдѣлъ. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ч. Эндрыюсъ. «Историческое развитіе современной Европы».—*Ш. Сеньобосъ.* «Политическая исторія современной Европы».—*Огюстенъ Тьерри.* «Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія».

Чарльзъ М. Эндрыюсъ «Историческое развитіе современной Европы отъ Вѣнскаго конгресса до нашего времени, 1815—1850», томъ I. 1850—1897, томъ II. Переводъ съ англійскаго М. В. Лучиной, подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго, изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. Стр. 355+346+XXII.

Шарль Сеньобосъ. «Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ формъ. 1814—1898». Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Поссе. Томы I—II. Второе, иллюстрированное,

исправленное и дополненное изданіе. Изд. товарищества «Знаніе», историко-политическая бібліотека № 1. Спб. 1899. Приближеніе конца вѣка вызываетъ все новыя обзоры его основныхъ движеній, все новыя характеристики его общахъ итоговъ. Въ числу такихъ обзорѣннй принадлежать обѣ названныя книги, причеиъ послѣдняя изъ нихъ, уже появившаяся въ трехъ переводахъ на русскій языкъ, вышла недавно вторымъ изданіемъ въ переводѣ подъ редакціей В. Поссе.

Книги Эндрыюса и Сеньбоса составлены по различному плану. Первая хочетъ представить исторію Европы въ промежутокъ отъ 1815 года до нашихъ дней, какъ одно связаное цѣлое. Эндрыюсъ не только опускаетъ исторію второстепенныхъ государствъ, которыя, по его мнѣнію, не оказали большого вліянія на ходъ общахъ событій, на общую эволюцію культурной Европы, но и въ судьбѣ тѣхъ странъ, которыя вошли въ его изложение, онъ не изучаетъ послѣдовательнаго развитія исторической жизни. Важные моменты эволюціи отдѣльныхъ странъ для него не что иное, какъ моменты одной общей всемірной цѣпи; онъ слѣдитъ за поворотами и катастрофами политическихъ идей и направленій, перехода изъ Франціи въ Италію, изъ Италиі въ Германію и т. д. Оцѣнки Эндрыюса сводятся къ тому, чтобы выдѣлить, что дала всему культурному міру такая-то война, такая-то конституція въ одной странѣ, такое-то общественное теченіе въ другой. Для каждаго характернаго поворота въ общей эволюціи Европы онъ выбираетъ типичную страну; національное движеніе Эндрыюсъ думаетъ прослѣдить въ наиболѣе яркой его формѣ на Италиі, ростъ государственной и военной силы на Пруссіи и т. д. Въ видѣ вступленія, Эндрыюсъ останавливается на общемъ значеніи для Европы французской революціи и наполеоновскаго господства. Онъ разсматриваетъ затѣмъ «реорганизацію Европы» и общую международную систему, установившуюся въ 1815 г.: реставраціонную Францію, національное и конституціонное движеніе въ Италиі до 1848 г., либеральное движеніе въ Германіи, иольскую монархію до 1840 г., революціи и реакціи во Франціи и въ другихъ странахъ въ 1848—50 гг. Второй томъ начинается съ установленія имперіи во Франціи, затѣмъ идетъ Крымская война, объединеніе Италиі, Франціи при Наполеонѣ III, возвышеніе Пруссіи и объединеніе Германіи, образованіе дуализма въ Австро-Венгріи, восточный вопросъ въ 70—80-хъ гг. и обзоръ главныхъ внѣшнихъ явленій во Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италиі за 70—90-е годы. Эндрыюсъ совершенно обходитъ Англию, не объясняя причинъ этого выдѣленія. Уже заглавія отдѣловъ говорятъ о главномъ содержаніи: на первомъ планѣ стоятъ международныя отношенія; затѣмъ внутренняя правительственная политика въ связи съ національными и конституціонными движеніями. Экономическій ростъ, классовая группировка и вліяніе ея на политическую борьбу, формированіе различныхъ социальныхъ направленій—обо всемъ этомъ въ книгѣ Эндрыюса нѣтъ и рѣчи. Въ общей оцѣнкѣ переиѣнъ, обнаружившихся въ Европѣ къ серединѣ вѣка, бѣгло указано на ростъ техники и распространеніе печати, но общественныя измѣненія не упомянуты. Два раза возвращаясь къ исторіи Германіи въ 60—90-хъ гг., Эндрыюсъ не находитъ, однако, мѣста для характеристики крупнѣйшаго промышленнаго переворота, обратившаго Германію изъ аграрной страны въ индустриальную, для объясненія роста могущественной рабочей партіи, фактовъ, безъ которыхъ непонятно ни объединеніе Германіи, ни общія политическія отношенія послѣ 1870 г., ни въ частности поворотъ правительства въ 80-хъ гг. къ социальной политикѣ. Всюду въ качествѣ преобладающей силы являются у него международныя сдѣленія. Если республика во Франціи сохранилась въ 90-хъ гг., то главную роль, думаетъ Эндрыюсъ, сыграла здѣсь: выставка 1889 г., признаніе республики паню, иностранная политика Ганото. «содѣйствовавшая усиленію французской гордости и самоуваженія», и почет-

*

ное положеніе, занятое Франціей среди европейскихъ державъ (II, 293). Общія оцѣнки, которыхъ такъ много въ книгѣ, вообще крайне поверхностны. Реакція во Франціи, выразившаяся въ государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 г., представляется Эндрьюсу только «логическимъ» послѣдствіемъ революціи 1848 г., поскольку крайности одной обусловили появленіе крайностей другой. Онъ довольствуется чисто моралистическимъ сужденіемъ: «Луи Наполеонъ былъ въ такой же мѣрѣ виновенъ въ преступленіи, въ какой виновны были въ немъ тѣ революціонеры, испровергнувшіе законное правительство и провозгласившіе на его мѣсто систему и вольности, которыхъ Франція не желала и на которыя она никогда не проявляла согласія». (II, 32). Политическая неподготовленность страны, привыкшей къ бюрократическому режиму и отстраненной, въ сущности, въ эпоху конституціи основанной на цензѣ, противоположность Парижа и провинціи, волнующая сила новыхъ социальныхъ идей, загнанный множество испуганныхъ въ ряды консервативныхъ партій и въ особенности партіи католической, ростъ католицизма, вторгающагося въ школу—все это факты, совершенно не указанные въ книгѣ.—Нерѣдко въ широкихъ и неопредѣленныхъ сужденіяхъ совершенно исчезаютъ всякія конкретныя очертанія. Доктринеры во Франціи опредѣлены, какъ сторонники теоріи, которая «заключалась въ томъ, чтобы крѣпко держаться всего, что есть хорошаго въ настоящемъ, никогда не переставая бороться за достиженіе лучшаго». (I, 113). Мѣстами самое изображеніе событій стерто и замѣнено quasi—драматическимъ противопоставленіемъ системъ и партій. Недурно и живо составлены у Эндрьюса главы о національномъ движеніи въ Италиіи и о событіяхъ 1848 г. во Франціи. Но основная задача остается невыполненной; для читателя будетъ неясенъ самый подборъ явленій, особенно во второй части; еще въ первомъ томѣ руководящей нитью какъ будто служитъ фактъ разрушенія системы 1815 г., но во второй части какого-либо центрального интереса вовсе не замѣтно.

Несравненно ближе подходитъ къ своей цѣли книга Сеньбоса, уже извѣстная русскимъ читателямъ. Сеньбосъ съ самаго начала скромнѣе ограничиваетъ работу свою только изученіемъ политической эволюціи европейскихъ народовъ. Онъ разсматриваетъ всѣ страны Европы въ отдѣльности, одну за другой на протяженіи всего періода 1815—1898 гг. Затѣмъ, онъ даетъ обзоръ явленій, для которыхъ Европа образуетъ одну арену: это—различныя «интернаціональныя» партіи и направленія, «молодые» революціонныя группы 20—40 гг., католическое движеніе и социализмъ, наконецъ, между-государственныя, военно-дипломатическія отношенія. Можно возражать противъ такой группировки. При подобномъ расположеніи совершенно исчезаетъ въ цѣломъ, напр., такой моментъ, какъ 1848 годъ въ его значеніи для всей Европы, для общественаго настроенія всего Запада. Съ другой стороны, неудобно, напр., вырѣзывать католическое движеніе изъ его мѣстной связи во Франціи, гдѣ оно получаетъ особый политическій характеръ; это значитъ—дѣлать непонятной всю реакцію, начавшуюся съ 1840 года и протянувшуюся до торжества республики въ концѣ 70-хъ годовъ. Но суживая и обрѣзывая свою задачу, Сеньбосъ достигаетъ зато большой отчетливости въ своихъ опредѣленіяхъ. Главное достоинство его книги—точные формулировки политическихъ программъ, конкретныя характеристики конституцій, иногда краткія опредѣленія политическихъ доктринъ. Сеньбосъ старается схватить политическія и конституціонныя аналогіи, ясно опредѣлить всѣ характерные моменты политическаго положенія. Помимо сжатыхъ оцѣнокъ въ среднихъ изложеніяхъ, къ каждому отдѣлу приложена еще общая характеристика эволюціи страны за цѣлый періодъ. Книгѣ Сеньбоса вредитъ только мѣстами чрезмѣрная конспективность выраженія, а иногда—обиліе деталей, раздробляющихъ вниманіе и не достаточно сведенныхъ для того, чтобы вызвать общее впечатлѣніе. Мы можемъ ограничиться указаніемъ

на болѣ существенныя пробѣлы и ошибки, оставшіяся въ томъ изданіи Сеньюбоса, съ котораго сдѣлано второе изданіе перевода. Въ обзорѣ политической исторіи Англіи Сеньюбосъ опустилъ важную финансовую реформу Гладстона въ 1860 г., торговый договоръ съ Франціей около того же времени, представляющій высшую точку развитія фритрада въ Европѣ, движеніе сельскихъ рабочихъ съ 70-хъ гг. и не отмѣтилъ, какіе классы населенія вошли въ составъ избирателей благодаря реформамъ 1867 и 1884 гг. Въ исторіи партій не сѣдовало также опускать такихъ явленій, какъ пьюэнизмъ *) и христіанско-соціальное направленіе. Въ главѣ о Франціи напрасно ищешь опредѣленія раннихъ соціалистическихъ ученій, особенно сенсимонизма; нѣтъ указанія на соціальную политику Наполеона III; не объясненъ законъ о синдикатахъ 1884 г. Поворотъ Франціи съ начала 70-хъ гг. на путь протекціонизма едва упомянуть — заднимъ числомъ, — да и вообще эта важная перемена въ торговой политикѣ большинства европейскихъ державъ, приходящаяся на 70—80-е годы, совершенно не отмѣчена въ книгѣ. Въ изображеніи эволюціи Италіи совсѣмъ оставлено въ тѣни экономическое положеніе страны (судя по отсутствію въ библиографическомъ отдѣлѣ соответствующихъ указаній, вопросъ этотъ остается совершенно неизвѣстнымъ Сеньюбосу), безъ чего однако непонятны ни волеянія, особенно на югѣ, ни безсилье внѣшней политики Италіи. Недостаточное выясненіе соціально экономической основы партій въ европейскихъ государствахъ вообще составляетъ слабую сторону книги Сеньюбоса. У него, напр., общее распространеніе социализма, характеръ соціалистическихъ партій въ разныхъ странахъ не поставлены въ связь съ особенностями промышленнаго развитія этихъ странъ. Съ этой точки зрѣнія можно бы много возразить противъ помѣщенія всей исторіи соціалистическихъ группъ и направленій въ рубрику «международныхъ революціонныхъ партій». Но еще болѣе странно, что Сеньюбосъ въ общемъ обзорѣ политической эволюціи Франціи говоритъ о какой-то одной революціонной партіи, существовавшей на протяженіи 100 лѣтъ отъ великой революціи: здѣсь, очевидно, форма смѣшана съ содержаніемъ и нѣкоторые повторяющіеся традиціонныя лозунги и термины — съ мѣняющеюся программой. Въ конституціонныхъ опредѣленіяхъ Сеньюбоса, вообще хорошо освѣдомленнаго въ этой области, надо исправить одну неопытную ошибку; по поводу порядка 1814 года во Франціи онъ говоритъ: «какъ въ Англии, конституція была установлена какъ бы на вѣки: не было указано способовъ для ея измѣненія». Здѣсь, во-первыхъ, невѣрно, что Англія представляетъ примѣръ установленной на вѣки конституціи. Затѣмъ, нѣтъ причинной связи между первымъ и вторымъ утвержденіемъ: дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ не указаны способы измѣненія конституціи, она вовсе не является въ силу этого вѣчной и неизмѣнной. Именно въ Англіи такіе способы не указаны; конституціонныя постановленія парламента не выдѣляются отъ остальныхъ законодательныхъ его рѣшеній, и именно въ этомъ и выражается «гибкость» англійской конституціи, возможность свободнаго ея видоизмѣненія. Наконецъ, всякій, кто прочтетъ книгу Сеньюбоса, будетъ пораженъ удивительнымъ заключеніемъ этого серьезнаго сочиненія, въ которомъ не знаешь, видѣть ли наивность или отчаяніе политическаго скептика. «Естественная склонность приписывать великія событія крупнымъ причинамъ побуждаетъ насъ объяснять политическую эволюцію, какъ и эволюцію геологическую, глубокими и постоянными силами, болѣе широкими, чѣмъ индивидуальныя вліянія. *Исторія XIX вѣка плохо поддается подобнымъ объясненіямъ*». И Сеньюбосъ признаетъ нормальной лишь эволюцію Англіи, Нор-

*) Религіозное движеніе 30-хъ годовъ, получившее свое названіе отъ имени англійскаго богослова Пьюэя, желавшаго приблизить англійскую «высокую церковь» къ католицизму.

вегін и Швейцаріи, «порожденную непрерывнымъ внутреннимъ развитіемъ». Исторія остальныхъ странъ опредѣляется тремя «внезапными», какъ бы случайными кризисами: двумя революціями 1830 г. и 1848 г. и войной 1870 г. Переводъ сдѣлалъ хорошо и дополненъ библиографическими указаціями книгъ и статей, появившихся на рускомъ языкѣ. Р. В.

Научно-образовательная бібліотена Огюстена Тьерри. «Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія». Переводъ съ франц. подъ редакціей и со вступительной статьею Р. Ю. Виппера. Переводъ знаменитую книгу Тьерри, редакція руководилась двумя соображеніями. Во-первыхъ, эта книга даетъ сжатую и вѣрную характеристику главныхъ моментовъ всей французской исторіи, вторыхъ, она сама есть фактъ изъ жизни новой Франціи — отраженіе міровоззрѣнія общества, въ которомъ она возникла. Въ обстоятельной статьѣ, составляющей введеніе къ русскому переводу книги, пр. Випперъ оцѣниваетъ книгу съ обѣихъ сторонъ.

Во всякомъ историческомъ построеніи обобщающая мысль должна опираться на болѣе или менѣе прочный фундаментъ. Эта простая истина была чужда предшественникамъ Тьерри. Двѣ половины исторической задачи—обобщеніе и фактическая разработка—оказывались у нихъ разорванными. Съ одной стороны, въ монастыряхъ и уединенныхъ кабинетахъ шла бессистемная работа нагроможденія матеріаловъ, подъ грузомъ которыхъ падали сами собиратели. Съ другой,—въ обществахъ распространялись печатно и въ рукописяхъ тенденціозные политическіе памфлеты, слегка лишь иллюстрированные историческими примѣрами. Черты изъ прошлаго, выхваченныя какъ попало, получали въ этихъ памфлетахъ фальшивое освѣщеніе и нанизывались на совершенно произвольныя схемы. Главнымъ лебужденіемъ къ такимъ тенденціознымъ перетолкованіямъ исторіи Франціи служила давняя вражда между привилегированными классами и среднимъ слоемъ городского населенія, безправнымъ политически, не смотря на всю свою экономическую и умственную силу. Особенно обострилась эта вражда ко времени великой революціи 1789 года: тогда и сложились два рѣзко противоположныхъ между собой толкованія французской исторіи.

Благородные и привилегированные рисовали себѣ эту исторію въ слѣдующемъ видѣ. Въ V и VI вв. на французской землѣ столкнулись двѣ расы и двѣ культуры: античная культура галло-римскаго общества, уже одряхлѣваго и разложившагося морально и политически, и молодая культура варварскихъ народовъ. Побѣда варваровъ надъ римлянами опредѣлила строеніе общества. Побѣжденные по справедливости обречены были на подчиненіе и трудъ; побѣдители подѣлили между собою власть и собственность. Внизу захирѣвшіе города, наверху феодальный замокъ благороднаго варвара—вотъ наглядное выраженіе этого строя. Во главѣ общества сталъ король, первый между равными, старшій товарищъ побѣдоносной дружины. Когда въ XII в. порабощенное населеніе городовъ и деревень начало стремиться къ свободѣ и захвату государственныхъ должностей, когда король сталъ его поддерживать,—то это было насиліе надъ исторіей. Вопіющимъ нарушеніемъ историческихъ завѣтовъ была революція 1789 г.—возстаніе противъ короля и благородныхъ. «Рабѣ племя, вырванное изъ нашихъ рукъ,—воскликали послѣдніе; новоявленный народъ, тяглая порода: вамъ пожаловано право быть свободными, а не намъ—быть благородными. Для насъ все—право, для васъ все—милость».

Совершенно иначе представляли себѣ исторію люди средняго сословія. Они желали сравнять всю націю съ благородными, «дать имъ братьевъ вмѣсто рабовъ». Съ этой цѣлью они принялись наскоро подбирать намеки на исконную свободу галло-римскихъ, а потомъ французскихъ городовъ, на ихъ исконное самоуправленіе. Галло-римское общество, говорили они, было еще способно къ жизни; видѣреніе въ него варварской культуры есть насильственный фактъ, слѣдствіемъ

кого было паденіе государственности и общественности, огрубѣніе и *феодалный строй*. Изъ варварства и феодализма поднялось воинственное дворянское сословіе, насилуя права людей мирнаго труда и узурпируя власть короля. Напротивъ, королевская власть—наслѣдница императоровъ, была силой прогрессивной, продуктомъ античной культуры такъ же, какъ и городское общество. Когда городское сословіе возрождается въ коммунахъ XII вѣка, въ генеральныхъ штатахъ XIV и XV в, когда оно, наконецъ, занимаетъ властное положеніе въ Национальномъ собраніи, то это отнюдь не измѣна исторіи, не насиліе надъ нею; это только *возвращало* исторію на старые, давно покинутые прогрессивные пути. Къ какому же изъ двухъ противоположныхъ взглядовъ долженъ былъ примкнуть Тьерри? На это отвѣтитъ намъ, прежде всего, его біографія.

То поколѣніе дѣтей III-го сословія, къ которому принадлежалъ Тьерри, родилось въ годы революціи, пережило молодость подъ имперіей Наполеона и подходило къ ранней зрѣлости въ эпоху Людовика XVIII, эпоху живой парламентской борьбы за конституціонную хартію. Это было очень замѣчательное поколѣніе. Его родила та же потрясенная революціей почва, изъ которой вышло 14 армій. Въ жилахъ дѣтей революціи переливалась огненная кровь ихъ отцовъ, но ихъ умственный взглядъ былъ яснѣе и шире. Деспотизмъ привилегированныхъ и деспотизмъ массы проявился передъ ними въ своихъ крайностяхъ и одинаково отталкивалъ ихъ. Прислушиваясь къ обѣимъ партіямъ, они старались воспитывать въ себѣ терпимость и любовь къ истинной свободѣ, какъ они любили выражаться. Въ послѣдніе годы правленія Барла X слишкомъ ясно обнаружилось, насколько расходится ихъ пониманіе хартіи съ пониманіемъ правительства. За это свободное пониманіе они подвергались преслѣдованіямъ, которые придали боевой закалъ ихъ убѣжденіямъ и ореолъ ихъ личностямъ. Если болѣе дряблая часть общества, запуганная революціей, искала отдыха въ мистическомъ погруженіи въ католическую и рыцарскую романтику средневѣковья, то и наша либерально-демократическая группа не устояла противъ этого увлеченія («Мученики» Шатобриана и «Айвенго» Вальтеръ-Скотта были первыми сильными литературными впечатлѣніями Тьерри). Однако, она вышла изъ него съ своеобразными результатами: въ ней развился вкусъ къ историческому колориту и къ памятникамъ старины. Отвращеніе, вызванное въ ней уравнивающимъ деспотизмомъ наполеоновской диктатуры, заставляло ее съ любовью обращать взглядъ назадъ: въ небольшие, но крѣпкихъ союзахъ средневѣковья она видѣла зародыши распотаннхъ мѣстныхъ вольностей и общественной самостоятельности. Назадъ, въ исторію, звалъ ихъ и всеобщій народный протестъ противъ самовластной расправы Наполеона съ независимостью народовъ: это былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и протестъ противъ революціоннаго космополитизма во имя возрождающагося національнаго чувства. Повсюду въ Европѣ съ этой борьбой расъ связаны были реформы политическія и соціальныя; не было ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что и вражда общественныхъ классовъ во Франціи должна объясняться той же расовой борьбой. Слово, брошенное предшественниками Тьерри—«въ странѣ враждуютъ двѣ расы»—всплыло передъ нимъ и освѣтило его путь. Желая оправдать тѣхъ, кто любилъ свободу и страдалъ ради нея, онъ захотѣлъ объединить вокругъ этой задачи исторію Франціи. Съ этой точки зрѣнія она представлялась ему «прекрасной по единству и простотѣ».

Такъ готовится рядъ этюдовъ Тьерри по средневѣковой исторіи Франціи. Не въ примѣръ своимъ предшественникамъ онъ внимательно вчитывается въ источники; изъ пестрыхъ красокъ, разсыпанныхъ тамъ, съ инстинктомъ художника и тенденціей политическаго мыслителя онъ подбираетъ и группируетъ въ цѣльныя картины все то, что можетъ освѣтить борьбу расъ и исторію угнетенныхъ. Въ «Меровингскихъ разсказахъ» иллюстрируется болѣзненный процессъ скрещенія двухъ культуръ, въ «Письмахъ изъ исторіи Франціи» рисуются дви-

женія отдѣльныхъ сѣверныхъ коммунъ, въ «Исторіи Жака Бонома» символически изображена исторія обездоленнаго сословія. Въ эпизодическихъ разказахъ, — живыхъ, какъ старыя легенды Гредіи, исторія сосредоточивается вокругъ умѣло подобранныхъ типовъ. Точно по слову пророка, вдохнувшаго духъ Божій въ мертвыя кости, воскресаютъ ея герои, «пробуждаются забытыя расы, покоившіяся подъ разрушенными плитами церквей и кладбищъ». Не короли и рыцари, а вожди французскихъ коммунъ, ремесленные мастера и купеческія головы, а за вся ними живая, движущаяся, смѣлыми и широкими штрихами очерченная масса — вотъ что заполняетъ картину. Въ воскрешенныхъ имъ герояхъ Тьерри отыскалъ предковъ той либерально-демократической школы, которая отъ имени трудящихся и мыслящихъ классовъ все смѣлѣе говорила съ трибуны в ка�едры. Въ 1830 году она окончательно закрѣпила свое дѣло, сдѣлавъ королемъ — буржуа. Это событіе привѣтствовалъ Тьерри и съ новою энергіей принялся за изученіе исторіи III-го сословія. Его итоги онъ сформулировалъ уже незадолго до своей смерти. Задуманная въ качествѣ введенія къ изданію памятниковъ III-го сословія, книга «о его происхожденіи и успѣхахъ» явилась въ 50-мъ году. Если сравнить ее съ прежними произведеніями Тьерри, то найдемъ въ ней не мало новыхъ чертъ. Книга захватываетъ громадный хронологическій періодъ. Она слѣдитъ за исторіей III-го сословія отъ его колыбели въ V и VII вв. почти до момента революціи. Уже поэтому она измѣняетъ формѣ эпического разказа и приближается къ формѣ соціально-историческаго трактата. Болѣе глубокое изученіе исторіи и жизни заставили Тьерри почти отказаться отъ расовой теоріи. Оно показало ему, какое значеніе имѣютъ искусственныя подраздѣленія внутри одинаго, по народности, общества. По всѣмъ этимъ основаніямъ она является болѣе зрѣлой и научной. Строгость метода, конечно, повліяла на тонъ книги. Однако вѣроятнѣе, что ея холодность и сдержанность зависятъ, главнымъ образомъ; отъ другихъ причинъ: печальныхъ обстоятельствъ личной жизни и общественныхъ движеній 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ авторѣ нѣтъ уже того вдохновенія и протестующей силы, которая дѣлала его голосъ вѣпкимъ, какъ звукъ колокола, звонившаго возставшей коммунѣ. Печальникъ Жака Бонома, превратившійся въ идеолога торжествующей буржуазіи, вызывалъ какое то недоумѣніе даже у той части публики, которая взяла его репутацію подъ свое покровительство.

Книга начинается съ картины того движенія племенъ, которое совершалось на французской землѣ въ V и VI вѣкахъ. Вниманіе автора привлекаютъ не національныя различія ихъ, а общее всѣмъ учрежденіе рабства. Въ X вѣку передвиженія прекратились, племенные различія стерлись, и на землѣ осѣлась нація, въ которой выдѣлилось только два разряда лицъ: господа, захватившіе оружіе, землю и власть надъ людьми, и сервы, обреченные на земледѣльческій трудъ и подчиненіе. Однако можно замѣтить, что и въ это время въ галло-римскихъ городахъ, — разоренныхъ и опустѣвшихъ, — удержались обломки муниципальнаго режима: въ церковныхъ учрежденіяхъ уцѣлѣло выборное начало, самоуправленіе и римское право. Когда сельское общество утвердилось на землѣ — города стали крѣпнуть, шириться, опоясываться стѣнами въ защиту отъ хищниковъ, которыхъ океанъ выбрасывалъ на всѣ берега. Епископы въ городѣ, управитель въ селѣ, аббатъ въ монастырѣ собираютъ оружіе и людей. Последніе, скопаясь большими массами, начинаютъ связываться въ союзы трудового товарищества или церковнаго братства. Въ XI вѣкѣ проходитъ по нимъ первый трепетъ свободы. Движеніе начинается съ юга, гдѣ живѣе воспоминанія о римскомъ муниципальномъ строѣ и гдѣ они пробуждаются подъ вліяніемъ сосѣдства Италіи. Здѣсь, гдѣ отношеніе феодальныхъ сеньеровъ къ освобождающимся сервамъ было мягче, города безъ особой борьбы добиваются самоуправленія. Съ сѣвера — области мощнаго феодализма — распространялась на югъ присяжная коммуна. Ее одушевляли германскія традиціи

клятвеннаго товарищества, орудіемъ ея освобожденія было возстаніе. Это и есть моментъ, когда подымается III сословіе, поставившее на знамени своемъ гражданское равенство и независимость труда. Свобода переливается изъ городовъ въ деревни, и король поддерживаетъ это теченіе тѣмъ охотѣе, что буржуазія претендуетъ на вольности чисто мѣстныхъ и остается вѣрна центральной власти. Притязанія короля на титулъ римскаго цезаря и библейскаго царя она закрѣпляетъ своею кровью и экономической силой. Своєю мыслью и знаніями, съ дигестами и библіей въ рукахъ, она обосновываетъ ихъ идеально. Она наполняетъ королевскій его совѣтъ, покинутый феодалами; ея политическое бытіе официально признается въ 1302 г., когда наряду съ духовенствомъ и дворянствомъ призываются въ генеральные штаты, въ качествѣ III-го сословія, «люди простонароднаго состоянія—меры и шевены коммуны».

Въ 1356—8 и 1413 гг. *парижское* населеніе пытается захватить центральную власть, но попытки эти кончаются неудачей, такъ какъ преждевременная буржуазія, не доспѣвшая еще до сознанія солидарности своихъ интересовъ по всей территоріи—нуждается въ руководствѣ короля.

Это крушеніе вызываетъ временную реакцію и союзъ центральной власти съ привилегированными. Впрочемъ, онъ скоро распадается, и равномѣрное, спокойное, могучее развитіе III-го сословія *естя* французскихъ городовъ опять находитъ покровителя въ королѣ. Тьерри почти готовъ радоваться неудачѣ парижской революціи XIV и XV вѣковъ. Это были жертвы во имя болѣе широкихъ цѣлей. Вся исторія Франціи служитъ введеніемъ къ пришествію III-го сословія,—ея мессии. III-е сословіе—это весь народъ. Его апогеевой, въ глазахъ Тьерри, былъ 1830 годъ. Торжество угнетенныхъ заканчивало поэмю; вотъ почему французская исторія представлялась Тьерри «прекрасной по единству и простотѣ».

Въ 48 году Тьерри былъ слѣпымъ и больнымъ старикомъ, но чутье жизни подсказало ему, что эта жизнь проявилась тутъ съ новой стороны и ломаетъ его постройку. Обдѣленные буржуазіей рабочіе классы заявляли свои права. Угнетенные оказались не вполне удовлетворенными, и «III-е сословіе»—не вѣсімъ народомъ. «Если бы теперь Тьерри взглянулъ назадъ въ возставшую коммуну,—замѣчаютъ его критики,—то увидѣлъ бы, что она, въ сущности, была неоднородной: верхніе слои ея, добиваясь гарантій независимости и власти, обдѣляли ими «*le menu peuple*». Гентскій сукошникъ XII в., жена котораго носила діадему на зависть французской королевы, наврядъ ли соединялъ свои интересы съ интересами рабочаго люда, кормившагося «возлѣ него и «имѣвшаго синіе ногти». Тьерри замѣтилъ бы также, что, опираясь на эту обездоленную чернь противъ ея просвѣщенныхъ руководителей, короли, «союзники коммуны», губили ихъ».

Дряхлѣвшій старикъ кончилъ тѣмъ, что призналъ катастрофу 48 года уклоненіемъ отъ основной линіи французской исторіи. Но она отбила у него охоту положить вѣнецъ на зданіе:—«Исторія происхожденія и успѣховъ III-го сословія» осталась незаконченной.

Однако, и при этомъ крушеніи основного вывода многое устояло изъ дѣла Тьерри. Большая часть тѣхъ, кто работалъ послѣ него въ этой области, анализировали и углубляли то, что онъ открылъ, заполняли поставленныя имъ рамки, но не ломали ихъ почти никогда. Напримѣръ, городское движеніе выяснено у Тьерри очень неполно, оно представлено, какъ что-то самопроизвольное. Совсе не замѣченъ имъ могучій факторъ внѣшней торговли, которая, охвативъ южный берегъ Франціи и Рейнъ, оживила старые городскіе центры и дала экономическій фундаментъ руководителямъ движенія. Въ глубину такихъ процессовъ Тьерри не входилъ. Но тѣ явленія, которыя всплывали на поверхность, очерчены имъ болѣею частью вѣрно и въ надлежащихъ пропорціяхъ. Его

книга незамѣнима для человѣка, который начинаетъ ориентироваться въ социальную исторію большого періода, захваченнаго Тьерри.

Исторія III-го сословія не была исторіей всего народа,—зато,—какъ замѣчаетъ пр. Випперъ,—это вѣрное изображеніе судьбы и успѣховъ буржуазіи. Если Тьерри заблуждался насчетъ ея безкорыстной и высокой общественной роли, то онъ заблуждался искренно: его собственные идеалы, которые онъ отождествлялъ съ ея цѣлями, были безкорыстны и высоки. Да и было ли его заблужденіе полнымъ? Открывая одну за другой стѣснявшія ее перегородки, буржуазія всегда опредѣляла свою борьбу, какъ дѣло на пользу всѣхъ. Она выдвинула формулы общаго права, при помощи которыхъ легче становилась работа новыхъ вождей новаго слоя угнетенныхъ; она завоевала свободу совѣсти, слова, сходовъ и прессы, которые явились оружіемъ и для нихъ. И въ этой борьбѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и честныхъ солдатъ былъ сынъ III-го сословія, Огюстенъ Тьерри.

О. Д.—шз.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Сидней и Беатриса Веббъ. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма».—Т. Фаулъ. «Приврѣніе бѣдныхъ въ Англіи».

Сидней и Беатриса Веббъ. «Теорія и практика трэдъ-юніонизма» (Industrial-democracy). Томъ I. «Экономическая бібліотечка» изд. О. Н. Поповой, подъ общей редакціей П. Струве, перев. съ англ. Владиміра Ильина. Слб. 1900. Промышленная исторія Англіи въ связи съ тѣмъ духомъ солидарности, который такъ отличаетъ англо-саксонскую расу, выработала къ нашему времени среди англійскаго рабочаго класса цѣлый рядъ промысловыхъ профессиональных союзовъ, носящихъ названіе «Trade-union». Сложная, сознательная и стойкая организація этихъ союзовъ входитъ, какъ существенная часть, въ то социальное цѣлое, которое представляетъ собою современная демократическая и промышленная Англія. Изученіе этой организаціи и ея дѣятельности—освѣщаетъ не только формы и развитіе англійской промышленности, но и внутренній строй всего политическаго организма демократіи. Авторы выполнили свою задачу научнаго анализа трэдъ-юніонизма въ Соединенномъ Королевствѣ съ такой широтой взгляда и въ то же время обстоятельностью въ подробностяхъ, что даютъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаютъ заглавіемъ своего труда. Въ виду этого, нельзя не привѣтствовать появленіе этого солиднаго и прекраснаго сочиненія на русскомъ языкѣ.

Имя Сиднея Веббъ уже извѣстно русскимъ читателямъ, интересующимся экономическими вопросами, какъ автора работы «Восьмичасовой рабочей день», написанной въ сотрудничествѣ съ г. Боксомъ (есть въ русскомъ переводѣ изд. и перев. Муратова). Предлагаемый трудъ также коллективный: помимо Сиднея и Беатрисы Веббъ въ немъ принималъ участіе еще и Ф. Гальтонъ. Совмѣстная работа помогала подойти къ задачѣ со всѣхъ сторонъ: не только была разработана обширная литература всѣхъ важнѣйшихъ союзовъ, уставы, отчеты, акты и проч., но и собранъ богатый матеріалъ личныхъ наблюденій. Однимъ изъ авторовъ книги нашеть полезнымъ,—на различныхъ стадіяхъ изслѣдованія,—слѣжаться сборщицей квартирной платы, швейей, работающей мужское платье, и жилицей въ семьяхъ изъ рабочаго класса. А другой авторъ книги пріобрѣлъ много свѣдѣній, будучи активнымъ членомъ рабочихъ союзовъ и принимая личное участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія. Вообще, въ предисловіи книги авторы даютъ цѣнныя указанія о приемахъ собранія матеріала въ аналогич-

ныхъ вопросахъ и о методахъ изслѣдованія. Первоначально они обратили свое изученіе на исторію трэдъ-юніонизма. Трудъ ихъ въ этомъ направленіи былъ опубликованъ въ 1894 году, подъ заглавіемъ: «History of Trade unionism». Въ немъ они очертили происхожденіе и ростъ трэдъ-юніонистскаго движенія въ его цѣломъ, въ промышленномъ и политическомъ отношеніи, и дали въ заключеніе статистическій обзоръ распредѣленія трэдъ-юніоновъ по производствамъ и по мѣстностямъ и очеркъ основныхъ чертъ жизни и характера трэдъ-юніоновъ. Предварительное знакомство съ исторіей трэдъ-юніонизма было бы наилучшимъ введеніемъ въ изученіе его теории и практики и для читателей; впрочемъ, редакторы русскаго изданія упоминаютъ, что переводъ «Исторіи трэдъ-юніонизма» также готовится къ печати и войдетъ въ составъ «Экономической Библіотеки». Тогда вмѣстѣ съ переводомъ соч. Поля де-Рузье «Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи» *) (Спб. 1898 г.) на русскомъ языкѣ будетъ существовать основательная литература по давнему вопросу, достаточная, чтобы получить ясное понятіе о томъ своеобразномъ явленіи, какое представляетъ англійскій трэдъ-юніонизмъ.

Вышедшій въ печати первый томъ сочиненія Веббовъ обнимаетъ собою первую часть всего труда и девять главъ второй части, разсматривающія строеніе и функціи трэдъ-юніоновъ. Содержаніе первой части имѣетъ не только спеціальнѣйшій интересъ, но и болѣе общій: внутреннее устройство трэдъ-юніоновъ, хотя бы и въ болѣе узкой сферѣ промышленныхъ, профессиональныхъ интересовъ, разрѣшаетъ общую задачу всякой демократіи «управлять народомъ чрезъ народъ и для народа». Состоя изъ наемныхъ рабочихъ, живущихъ физическимъ трудомъ и объединенныхъ по занятіямъ, «эти тысячи рабочихъ демократій, самопроизвольно выростающихъ въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ, не стѣсняемыя традиціей или интересами другихъ классовъ, постоянно преобразующія свои уставы, приспособляя ихъ къ новымъ и измѣняющимся условіямъ, представляютъ богатое поле для изученія того, какъ рабочій классъ пытается разрѣшить задачу соединенія успѣшности управленія съ народнымъ контролемъ». Здѣсь мы видимъ разрѣшающимися на практикѣ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ современной демократической политики: объ отношеніяхъ между центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ, избирателемъ, представителемъ и должностнымъ лицомъ, обложеніемъ и представительствомъ, вопросы относительно федераціи, представленія права меньшинствамъ, примѣненія референдума и инициативы. Поэтому первая часть труда имѣетъ значеніе не только для изслѣдователя формъ современной промышленной жизни, но и для лицъ, изучающихъ вопросы теоретической политики.

Зачаточную форму современныхъ обширныхъ рабочихъ союзовъ Англіи служили промышленные клубы (Trade Clubs) XVIII в., соединявшіе рабочихъ одинаковаго ремесла или занятія въ интересахъ взаимопомощи и защиты своихъ правъ передъ предпринимателемъ. На собраніяхъ этихъ клубовъ, которыя происходили обыкновенно въ какой-нибудь харчевнѣ и сопровождалась общимъ угощеніемъ, дѣла обсуждались и рѣшались сообща, на основаніи принципа первобытныхъ демократій: «о томъ, что касается всѣхъ, должны постановлять рѣшенія всѣ». Изъ общаго состава союза не выдѣлялись ни должностныя лица, ни исполнительный совѣтъ, ни собранія представителей и всѣ правила союза исчерпывались предписаніями, касающимися порядка на собраніяхъ. Функціи должностныхъ лицъ исполнялись всѣми членами союза поочередно. Очевидно, такая организація была совмѣстима лишь съ небольшою количествомъ дѣлъ. Возрастаніе финасовыхъ и секретарскихъ дѣлъ союзовъ, а, главнымъ образомъ, требованія ихъ борьбы съ предпринимателями повели постепенно къ уконе-

*) См. «Міръ Божій», 1898 г., декабрь.

ніямъ отъ этого простаго идеала. Приходилось передавать управленіе дѣлами во всѣ критическіе моменты изъ рукъ общихъ собраній въ руки постоянно дѣйствующихъ комитетовъ. Когда въ какой-нибудь отрасли промышленности мѣстные клубы, ограниченные предѣлами отдѣльныхъ городовъ или округовъ, соединялись и образовывали федеральный союзъ, то управленіе посредствомъ общихъ собраній «ремесла», т. е. всѣхъ членовъ, становилось невозможнымъ. Тогда сдѣланъ былъ первый шагъ перехода отъ слабой связи отдѣльныхъ мѣстныхъ клубовъ къ національной организаціи: назначалась «управляющая секція» трэдъ-юніона, должностныя лица и комитетъ которой становились центральнымъ управленіемъ. Однако, члены союза ревниво держались за свои права: всякое предложеніе, не предусмотрѣнное въ первоначальныхъ правилахъ, а также всѣ вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались голосованіемъ всѣхъ членовъ. Обычай требовать отъ членовъ службы поочередно исчезъ самъ собою, но генеральный секретарь избирался не иначе, какъ всѣмъ составомъ членовъ, что создало ему особое положеніе и, по мѣрѣ пріобрѣтенія извѣстной профессиональной опытности привело къ возвышенію вліянія этой должности. Въ интересахъ непосредственнаго рѣшенія массой каждаго возникающаго вопроса было введено примѣненіе того, что на языкѣ политиковъ называется референдумомъ и инициативою. Подъ словомъ «референдумъ» въ современной политической наукѣ разумѣется передача предложеній, обсуждаемыхъ въ представительномъ собраніи, на голосованіе всего народа. Другое примѣненіе того же принципа есть такъ называемая «инициатива», т. е. право части общества требовать передачи ея предложеній на голосованіе всѣхъ избирателей. Примѣненіе и того, и другого приѣмы и теперь можемъ наблюдать въ чистыхъ демократіяхъ швейцарскихъ кантоновъ и нѣкоторыхъ изъ штатовъ Сѣверной Америки. Широкое осуществленіе получили они и въ исторіи наиболѣе крупныхъ трэдъ-юніоновъ между 1834 и 1870 г. Результатъ, по словамъ авторовъ разсматриваемаго труда, былъ знаменателенъ и чрезвычайно поучителенъ въ политическомъ отношеніи. Неограниченное примѣненіе инициативы и референдума, также какъ и прочіе приѣмы, направленные къ тому, чтобы каждому члену союза доставить равную и тождественную долю участія въ управленіи, какъ-то: отбываніе должностей поочередно, массовыя собранія, снабженіе делегатовъ императивными мандатами, приводить неизбежно или къ безсилію и распаденію, или къ безконтрольному господству диктатора. И вотъ, въ результатъ почти столѣтія опытовъ, въ конституціяхъ трэдъ-юніоновъ былъ сдѣланъ еще шагъ къ тому, что можетъ считаться типичной современной формою демократіи: собраніе выборныхъ представителей, назначающее и контролирующее исполнительный комитетъ, подъ руководствомъ котораго штабъ постоянныхъ должностныхъ лицъ исполняетъ свою работу. Въ такую именно форму отлилось внутреннее управленіе тѣхъ двухъ организацій въ мірѣ трэдъ-юніоновъ, которыя, превосходя всѣ остальные по числу членовъ, по политическому вліянію и суммѣ годового дохода, являются наиболѣе развитыми и выдающимися изъ рабочихъ союзовъ. Это — федеральныя ассоціаціи рабочихъ хлопчатобумажнаго и каменноугольнаго производствъ. Широкое примѣненіе представительныхъ учрежденій дало имъ возможность вполне успѣшно разрѣшить основную проблему демократіи: сочетаніе сильной администраціи съ народнымъ контролемъ. Въ соединенномъ обществѣ рабочихъ бумагопрядильнаго производствъ (Amalgamated Association of Operative Cottonspinners), которое можно считать типичной организаціей рабочихъ хлопчатобумажнаго производствъ, «законодательная власть» прямо вручена собранію представителей отъ различныхъ провинцій и округовъ, входящихъ въ общество (приблизительно около ста представителей отъ общаго состава въ 18.000 членовъ). Оно собирается въ Манчестерѣ каждые три мѣсяца, общихъ собраній конституція союза не знаетъ, также какъ въ правилахъ не говорится ничего о референдумѣ и ини-

ціативѣ. Правительствомъ союза служатъ исполнительный совѣтъ, избираемый общимъ собраніемъ представителей и состоящій изъ президента, казначея и секретаря съ 13-ю другими членами, изъ которыхъ не менѣе семи должны быть рабочими прядильщиками, а другіе шесть состоятъ, по неизмѣнному обычаю, изъ постоянныхъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ и содержимыхъ главными окружными организаціями. Исполнительная работа лежитъ на генеральномъ секретарѣ, который самостоятельно назначаетъ необходимыхъ для него канцелярскихъ чиновниковъ. Тогда какъ уставы большинства тредъ-юніоновъ предоставляютъ право избирать этого высшаго представителя исполнительной власти всей совокупности членовъ, правила бумагопрядильщиковъ предоставляютъ общимъ собраніямъ провинціальныхъ и окружныхъ представителей какъ избраніе генеральнаго секретаря, такъ и назначеніе ему размѣровъ жалованія. И они ничего не теряютъ. Авторы удостоверяютъ полную успѣшность функционированія этой системы управленія, приписывая ее, главнымъ образомъ, существованію достаточнаго числа прекрасно поставленныхъ и сравнительно хорошо оплачиваемыхъ, постоянныхъ чиновниковъ. Кандидаты на должность генеральнаго секретаря подвергаются для оцѣнки ихъ опытности и техническихъ познаній конкурсному испытанію. А что эти должностныя лица дѣйствительно состоятъ подъ контролемъ членовъ, это видно изъ того, съ какою точностью они приспособляютъ свою политическую и промышленную политику къ развивающимся взглядамъ и потребностямъ членовъ общества, которому служатъ. Эта чуткость къ желаніямъ избирателей обеспечивается дѣйствительнымъ контролемъ выборныхъ представителей (стр. 32). Благодаря удачному примѣненію подобной организаціи, тенденція къ развитію представительныхъ учрежденій замѣчается въ послѣдніе годы и въ прочихъ тредъ-юніонахъ; такъ, въ указанномъ смыслѣ происходитъ преобразованіе въ національномъ союзѣ рабочихъ на сапожныхъ и башмачныхъ фабрикахъ (37.000 членовъ) и въ соединенномъ обществѣ машиностроительныхъ работъ (87.313 членовъ). Имѣя въ виду все увеличивающееся вліяніе класса наемныхъ рабочихъ на ходъ муниципальной и національной политики, авторы дѣлаютъ любопытные выводы на основаніи полученныхъ наблюденій объ общемъ характерѣ будущей эволюціи демократическихъ учрежденій.

Въ чемъ же заключаются цѣли, преслѣдуемыя тредъ-юніонами? Ихъ общая цѣль—повысить социальное положеніе членовъ, обезпечивъ имъ одинаковья для всей данной промышленности условія работы (стр. 62, 116). Этимъ объясняется и свойственная имъ тенденція къ расширенію: въ противоположность стариннымъ ремесленнымъ цехамъ, у которыхъ единицею правленія былъ городъ, тредъ-юніоны въ своемъ развитіи стремятся къ тому, чтобы организовать каждый промыселъ, какъ одно цѣлое. Правила, которыми именно и обезпечивается одинаковость условій работы въ каждой отрасли промышленности, касаются нормальнаго уровня заработной платы, нормальнаго рабочаго дня, санитарныхъ условій и безопасности производства, примѣненія новыхъ процессовъ производства и новыхъ машинъ, постоянства занятій, доступа въ промыселъ и права на промыселъ. Разсмотрѣнію этихъ правилъ, ихъ содержанія и мотивовъ, и посвящено содержаніе второй части сочиненія вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ тѣхъ средствъ или методовъ, которыми отъ начала XVIII в. до настоящаго времени тредъ-юніонисты добивались своихъ цѣлей. Этими методами, по опредѣленію авторовъ, являются три: методъ взаимнаго страхованія, методъ коллективныхъ сдѣлокъ и методъ законодательныхъ постановленій. Подъ первымъ методомъ разумѣется составленіе изъ общихъ взносовъ фонда съ цѣлью обезпеченія членовъ въ разнаго рода случаяхъ, т. е. для того, чтобы дать содержаніе членамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они лишились средствъ къ существованію, вслѣдствіе причинъ, не зависящихъ ни отъ нихъ, ни отъ союза. Это—филантропическая или взаимно-вспомогательная сторона тредъ-юніонизма, какъ-то: пособія боль-

нимъ, пострадавшимъ отъ несчастнаго случая и престарѣлымъ, «похоронныя деньги» и проч. Методъ коллективныхъ сдѣлокъ черезъ посредство представителей замѣняетъ въ значительной части индустріи прежній индивидуальный договоръ между хозяиномъ и рабочимъ. Заключенныя трэдъ-юніонами соглашенія пріобрѣтають обыкновенно въ данной отрасли промышленности обязательную силу не только для трэдъ-юніоновъ, но и для широкой массы рабочихъ въ округѣ. По общему впечатлѣнію авторовъ, во всѣхъ областяхъ промышленности, гдѣ употребляется трудъ квалифицированныхъ рабочихъ, работающихъ совместно въ помѣщеніяхъ предпринимателей, у 90% рабочихъ высота заработной платы и длина рабочаго дня, а часто и многія другія условія, опредѣляются коллективными сдѣлками. Лично эти рабочіе не принимали никакого участія въ такихъ сдѣлкахъ, но ихъ интересы защищали представители ихъ класса (стр. 141). Обычными механизмами для такихъ соглашеній служатъ или соединенный комитетъ, состоящій поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей, или профессиональная экспертиза, или, наконецъ, третейскій судъ, пріемы, достоинство и недостатки которыхъ подробно разбираются въ сочиненіи. Методъ законодательныхъ постановленій заключаетъ въ себѣ всю практику союзовъ, направленную къ тому, чтобы добиться признанія желательныхъ имъ правилъ, путемъ рабочаго законодательства, парламентскихъ актовъ. По мѣрѣ политическаго роста рабочихъ классовъ въ Англіи, примѣненіе этого способа получаетъ все большее значеніе.

Главы разсматриваемаго тома, касающіяся нормальнаго уровня заработной платы, нормальнаго рабочаго дня, санитарныхъ условій и безопасности производства и проч., даютъ полное и обстоятельное изложеніе тѣхъ условій труда, въ которыхъ находится рабочій классъ въ современной Англіи, тѣхъ способовъ, которыми онъ ихъ поддерживаеъ, и тѣхъ улучшеній, которыхъ добивается. Эти главы настолько содержательны, что мы не беремъ извлекать изъ нихъ наиболѣе существенное и отсылаемъ читателей самихъ къ этому цѣнному и интересному труду, стоящему вполне на современномъ уровнѣ вопроса.

М. П.—*сз.*

Т. Фауль. Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. (Т. Fowle The Poor Law). Перев. съ англ. А. М. Бѣлова. Спб. 1899. Англія первая изъ прочихъ странъ пришла къ сознанию, что общественное призрѣніе бѣдныхъ и его устройство являются существенной частью обязанностей всякаго цивилизованнаго государства. Въ процессѣ своего роста система призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи наталкивалась на всевозможныя затрудненія, перепробовала разныя средства, произвела многочисленныя опыты, такъ что лѣтопись ея ошибокъ не мало способствовала усовершенствованію дѣла призрѣнія во всѣхъ государствахъ. Излагая важнѣйшія моменты этой лѣтописи, книга Т. Фауля претендуетъ именно на этого рода заслугу.

Знакомая съ книгою Фауля, мы должны имѣть въ виду, что онъ занятъ исключительно тою областью призрѣнія, которая опредѣляется вмѣшательствомъ государства, и совсѣмъ не касается частной благотворительности и благотворительности самостоятельныхъ союзовъ, которые такъ характеризуютъ въ этомъ вопросѣ современную Англію.

Исторія законодательства о призрѣніи бѣдныхъ въ Англіи раздѣляется, главнымъ образомъ, на двѣ эпохи: эпоху Елизаветинскаго законодательства о бѣдныхъ, ведущую свое начало съ акта 1601 года, и эпоху со времени реформы 1834 года. Первую эпоху характеризовало обязательное призрѣніе бѣдныхъ по приходамъ съ примѣненіемъ принудительной работы какъ въ рабочихъ домахъ, такъ и внѣ ихъ, вторую—организация призрѣнія по округамъ, съ центральнымъ контролемъ и преобладаніемъ закрытаго призрѣнія надъ открытымъ. О происхожденіи и дальнѣйшемъ развитіи призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи Т. Фауль пишетъ такъ: «своимъ появленіемъ призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи обязано не

гуманности и не чистому утилитаризму, но единственно интересамъ классового эгоизма. Здѣсь достаточно отмѣтить, что смыслъ этого явленія заключается въ томъ, что эгоизмъ высшихъ классовъ сумѣлъ обратить въ свою пользу развивающійся духъ гуманности и заключилъ съ нимъ родъ тайной сдѣлки. Подъ условіемъ, что мѣстные власти примутъ мѣры для призрѣнія дряхлыхъ, высшіе классы получили разрѣшеніе обращать здоровыхъ работниковъ фактически въ рабство подъ предлогомъ принудительной работы... Побужденія гуманныя, при всей ихъ незначительности, далеко пережили интересы эгоизма; ихъ то и можно назвать рѣшительной причиной, почему призрѣніе бѣдныхъ продолжало существовать долго спустя того времени, когда его можно было, съ нѣкоторою вѣроятностью, назвать орудіемъ угнетенія и порабощенія рабочихъ классовъ» (стр. 17).

Исторія законодательства о бѣдныхъ въ Англіи стоитъ въ тѣсной связи съ ея экономической исторіей, измѣненіями въ условіяхъ земельной собственности, развитіемъ классовъ, пережвѣнами, совершавшимися въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ. Безъ яснаго представленія обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, многое не можетъ быть понято и въ исторіи законодательства о призрѣніи бѣдныхъ. Мы видимъ смѣну руководящихъ направленій въ законодательствѣ и его призмѣніе, но не знаемъ руководящихъ причинъ ихъ. Исслѣдуя вопросъ преимущественно по документамъ и законодательнымъ актамъ о призрѣніи бѣдныхъ, Фаулъ ограничивается лишь краткими и неясными оговорками на этотъ счетъ, и для читателя поэтому остается непонятнымъ, почему суровая практика перваго періода примѣненія законодательства Елизаветы о бѣдныхъ смѣнилась въ концѣ XVIII вѣка сентиментальнымъ направленіемъ, породившимъ столько злоупотребленій и деморализаціи. Реформа 1834 г. застала такое положеніе вещей, что около 7.000.000 ф. стерл. общественныхъ денегъ расходовалось въ годъ не столько на помощь дѣйствительно нуждающимся дряхлымъ, больнымъ и дѣтямъ, сколько на то, чтобы поддерживать норму земледѣльческаго заработка на известномъ уровнѣ, оказывая поддержку къ заработку здоровыхъ людей, которые выводились тѣмъ изъ свободныхъ рабочихъ въ рабствѣ. «Бѣдые, обладавшіе хорошимъ здоровьемъ, были обязаны жить тамъ, гдѣ ихъ застала законъ о припискѣ, получать такой доходъ, который считали достаточнымъ со сдѣнія власти, работать на хозяина способомъ, предписаннымъ приходскими властями и нерѣдко жениться на женщинѣ, которую для нихъ находили тѣ же приходскія власти» (стр. 89). Словомъ, такой бѣдный являлся, по мѣткому выраженію, «искусственнымъ произведеніемъ, а не естественнымъ потомкомъ англійской расы». Распредѣленіемъ огромной суммы, собираемой путемъ налоговъ въ пользу этихъ бѣдныхъ, завѣдывало болѣе 2.000 мировыхъ судей, 1.500 приходскихъ совѣтовъ и 15000 группъ надзирателей, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга, безъ всякаго контроля.

Въ февралѣ 1834 года былъ опубликованъ отчетъ особой комиссіи, назначенной для исслѣдованія вопроса объ управленіи призрѣніемъ бѣдныхъ и его практическомъ дѣйствіи. Въ этомъ отчетѣ было раскрыто все зло существовавшей системы, всѣ ея вредныя послѣдствія: крайнее отягощеніе облагаемой налогами собственности и бѣднѣйшихъ плательщиковъ, деморализація управленія и проч. Въ результатъ пересмотра законовъ о призрѣніи бѣдныхъ, организація его получила существенныя измѣненія. Право вѣдать призрѣніе у отдѣльных приходовъ было отнято, вся страна была раздѣлена на округа, учреждено было центральное управленіе призрѣніемъ бѣдныхъ, называемое теперь «Local Government Board (департаментъ мѣстнаго управленія), подчиненный одному отвѣтственному главу; въ каждомъ округѣ былъ образованъ общій фондъ, въ составъ котораго каждый приходъ дѣлалъ взносы не по облагаемому сборомъ имуществу, а пропорціонально расходамъ по призрѣнію бѣдныхъ. Системѣ закрытаго при-

зрѣнія въ рабочихъ домахъ было дано предпочтеніе передъ системою открытой помощи, что авторъ считаетъ большимъ и важнѣйшимъ шагомъ впередъ. Въ общихъ чертахъ система призрѣнія бѣдныхъ, установленная реформою 1834 г., оставалась въ Англіи до послѣдняго времени. Авторъ находитъ, что и познѣйшія реформы мѣстнаго управленія 1885 г. не внесли въ это дѣло ничего существенно новаго. «Въ общемъ, мы встрѣчаемся съ тѣми же затрудненіями, съ тѣми же средствами противъ нихъ и съ тѣми же статистическими данными. Акты парламента имѣютъ дѣло съ прежними же вопросами, которые изъ года въ годъ обсуждаются на совѣщаніяхъ, причемъ новыхъ свѣдѣній и идей вносятся сравнительно немного» (стр. 195. Приложение). Но это далеко несправедливо. Если законодательство о призрѣніи бѣдныхъ и не испытало за послѣднее время въ Англіи большихъ измѣненій, то практика благотворительности въ современной демократической и промышленной Англіи совершенно видоизмѣнилась и проникнута новыми началами, въ значительной мѣрѣ выработанными въ другихъ сѣверныхъ странахъ, дальше подвинувшихся въ этомъ направленіи. Фауль, съ его основнымъ требованіемъ, чтобы положеніе призрѣяемаго ни въ какомъ случаѣ не было лучше или равно положенію челоуѣка, не пользующагося призрѣніемъ, выражаетъ опасенія, которымъ врядъ ли можетъ быть мѣсто при современныхъ условіяхъ жизни. Также и пристрастіе его къ системѣ закрытаго призрѣнія, которое онъ считаетъ единственно «достойнымъ здраваго смысла и практической гуманности англійскаго народа», объяснимо, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія ошибокъ далекаго прошлаго. Практика этого самаго закрытаго призрѣнія въ такъ называемыхъ рабочихъ домахъ (Workhouse), съ принудительной работою, должна бы была показать ему, какъ много затрудненій и опасностей связаво и съ этой системою. Описаніе всѣхъ неустройствъ въ этихъ домахъ еще въ не столь отдаленное время составляетъ одни изъ интереснѣйшихъ страницъ его книги. Рабочій домъ сдѣлался чѣмъ-то очень отличнымъ отъ того, чего ожидали отъ него основатели. «Громадный масштабъ, по которому были задуманы и построены рабочіе дома, и то обстоятельство, что каждый союзъ долженъ былъ имѣть свой отдѣльный домъ, показываетъ, во-первыхъ, что они рассчитаны были на большое число лицъ, загнанныхъ сюда отсутствіемъ занятій; во-вторыхъ, что, посредствомъ этихъ домовъ, каждый союзъ рассчитывалъ исполнить всѣ обязанности, лежащія на немъ относительно всѣхъ классовъ его бѣдныхъ». Однако, результатъ совершенно не оправдалъ этихъ намѣреній и ожиданій. «Въ рабочемъ домѣ нѣтъ людей, которые могли бы работать; онъ заключаетъ въ себѣ какъ разъ тѣ классы, которые всего менѣе можно выбрать для совмѣстнаго пребыванія: оба пола, крайнюю старость, различныя степени идиотизма и болѣзненности. Всѣ они—подъ одной кровлей, подъ начальствомъ чиновниковъ, которые могутъ оказаться способными имѣть дѣло съ однимъ классомъ и неспособными обходиться съ другимъ. Изъ этой агрегаціи классовъ выходитъ нѣчто, что можно назвать сущностью рабочаго дома: онъ—не школа, не больница, не тюрьма, не убѣжище; не мѣсто работы, а нѣчто такое, что получается изъ сложенія всего этого виѣстѣ» (стр. 172). Достаточно сказать, что еще въ то недавнее время, о которомъ пишетъ Фауль, значительный контингентъ состава рабочихъ домовъ представляли умалишенные, изъ которыхъ не болѣе 38.000 были выдѣлены въ особыя пріюты, а 16.000 оставались среди обитателей рабочихъ домовъ. Но главными страдальцами являлись въ давномъ случаѣ дѣти, принужденныя жить въ атмосферѣ, пропитанной порокомъ. Фауль настаиваетъ на необходимости выдѣленія ихъ въ особыя учебно-воспитательныя заведенія и вообще на болѣе строгомъ соблюденіи назначенія рабочихъ домовъ для трудоспособнаго, но временно лишенаго занятій населенія, съ особымъ устройствомъ заведеній для душевно-больныхъ, богадѣленъ для дряхлыхъ, школъ для дѣтей и проч. Его критика системы призрѣнія бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ Англіи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ

можетъ быть направлена до известной степени и противъ порядковъ, существующихъ въ нашихъ домахъ трудолюбія. Разсматривая составъ ихъ по свѣдѣніямъ о 48 домахъ трудолюбія, проф. В. И. Герье («Трудовая помощь». «Что такое домъ трудолюбія». 1897 г., ноябрь) отмѣчаетъ то же явленіе: крайне смѣшанный составъ обитателей рабочихъ домовъ и притомъ, главнымъ образомъ, такой, который совершенно не отвѣчаетъ задачамъ трудовой помощи. Здѣсь и дряхлые старики, и калѣки, нуждающіеся въ богатырномъ содержаніи, дѣти, мѣсто которыхъ въ профессиональныхъ пріютахъ и школахъ, больные и алкоголики, которымъ необходима, прежде всего, врачебная помощь. Изъ этого положенія вытекаетъ необходимость той же классификаціи призрѣваемыхъ и учрежденія для нихъ особыхъ заведеній, о которой говорилъ и Фауль.

Разсматриваемый трудъ Т. Фауля былъ составленъ около 1875 г.; въ изданіи, которое послужило для перевода, авторомъ сдѣлано особое приложение въ концѣ книги о призрѣніи бѣдныхъ въ 1890 г. Цифры этого приложения перевѣдчикъ нашелъ необходимымъ дополнить статистическими данными за позднѣйшіе годы. Все это показываетъ, насколько устарѣло сочиненіе Т. Фауля, главную цѣнность котораго составляетъ историческая часть съ той существенной оговоркой, кака была сдѣлана нами ранѣе, именно объ отсутствіи экономическаго освѣщенія исторіи законодательства о бѣдныхъ. Во всякомъ случаѣ, картины современнаго призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи читатель въ книгѣ Т. Фауля не найдетъ.

Стоимость изданія — 1 руб., — имѣя въ виду его размѣры и внѣшнія достоинства, — можетъ быть признана невысокой. Вся сумма, вырученная отъ продажи изданія, полностью поступаетъ въ пользу Дѣтскаго пріюта трудолюбія Св. Ольги. *М. П.—сг.*

ЭТНОГРАФІЯ.

Голчевичъ. «Старая Сербія и Македонія».

Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе Спиридона Голчевича. Перев. съ нѣмецкаго Миланъ Г. Петровичъ. Спб. 1899 г. Если бы не стояло на обложкѣ имя переводчика, очевидно серба, и если бы не были упомянуты въ «послѣсловіи» имена лицъ, содѣйствовавшихъ появленію перевода (т. е. давшихъ средства на изданіе), — тоже сербовъ, то было бы трудно понять, зачѣмъ повадился русскій переводъ этого плохого памфлета, осужденнаго ученой критикой и погубившаго литературную репутацію автора. До появленія этой книги Голчевичъ былъ известенъ, какъ талантливый журналистъ и бойкій компиляторъ, умѣвшій живо, хотя не безъ хвастовства и не безъ прикрасъ, передать свои путевыя впечатлѣнія, снабдивъ ихъ аппаратомъ легко пріобрѣтенной учености. По свѣдѣніямъ, исходящимъ, очевидно, отъ него самого, онъ знаетъ 27 языковъ, посѣтилъ 35 странъ и за пятнадцать лѣтъ издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять повѣстей, 250 военныхъ и морскихъ. 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ и 1.300 политическихъ статей, напечатанныхъ въ 70 различныхъ журналахъ и газетахъ. Разбираемое сочиненіе составило эру въ плодотворной карьерѣ нашего полигистора. Со времени изданія «Старой Сербіи и Македоніи» (1890 г.) Голчевича стали считать недобросовѣстнымъ мистификаторомъ, не останавливающимся передъ подтасовкой личныхъ впечатлѣній и ученыхъ аргументовъ въ пользу предвзятой національной теоріи. Незнакомыхъ съ литературой предмета читателей развязный тонъ и показная ученость автора могутъ легко ввести въ

зablужденіе; знающіе дѣло могутъ только удивляться невѣжеству и неподготовленности Гопчевича, который равняется разнѣ только его самоувѣренности, съ которой онъ «открываетъ» европейскому (а теперь и русскому) общественному мнѣнію страну, не хуже его извѣстную и путешественникамъ и ученымъ,— какъ будто бы дѣло шло не о Европѣ, а о центральной Африкѣ, и какъ будто рассказанное имъ не могло быть проверено въ любой моментъ.

Свой рассказъ о Македоніи Гопчевичъ ведетъ въ полубеллетристической формѣ, безъ церемоніи измышляя цѣлые разговоры и вставляя въ уста собесѣдниковъ свѣдѣнія, вычитанныя имъ изъ книгъ. Для большей занимательности есть и «интрига» въ его ученомъ романѣ. Нѣкій болгаринъ Дмитрій Петровъ,— котораго, между прочимъ, напрасно разыскивали критики Гопчевича и существованіе котораго автору не удалось доказать даже напечатаннымъ имъ факсимиле письма къ нему этого фантастическаго Петрова—предлагаетъ Гопчевичу, сербу, проѣхавъ въѣхать на счетъ его, Петрова, по Македоніи, чтобы рѣшить, населена ли Македонія сербами или болгарами. Петровъ—ничего не понимаетъ ни въ лингвистикѣ, ни въ наукѣ вообще; Гопчевичъ тоже дальше поверхностнаго дилеттантизма не идетъ. Тѣмъ не менѣе, они надѣются путемъ простыхъ опросовъ и бесѣдъ съ прохожими и проѣзжими рѣшить національный споръ между болгарами и сербами. И вотъ начинается опросъ: изъ главы въ главу, изъ села въ село, изъ гостинницы въ гостинницу Гопчевичъ переноситъ все тѣ же вѣчные разговоры со встрѣчными туземцами на тему: кто ты и на какомъ языкѣ говоришь? Конечно, болгаринъ оказывается посрамленнымъ; его не понимаютъ, когда онъ говоритъ съ македонскимъ населеніемъ по болгарски, а Гопчевича, говорящаго по-сербски, понимаютъ отлично. Если иногда это население и называетъ себя при этомъ «бугара», то Гопчевичу легко удается убѣдить ихъ и читателя, что это—одно недоразумѣніе. Неловкая литературная форма возбуждаетъ, правда, у читателя съ самаго начала нѣкоторое подозрѣніе; но изъ частаго повторенія одного и того же получается, наконецъ, такая то привычка думать такъ же, какъ думаетъ авторъ. Притомъ же, читателю кажется невѣроятнымъ, чтобы авторъ могъ такъ беззащитно фальсифицировать факты. По счастливой случайности, пишущій эти строки побывалъ почти во всѣхъ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ былъ и Гопчевичъ. Онъ говорилъ только по-болгарски, не зная вовсе въ то время сербскаго языка. Населеніе всегда его понимало и выражалось понятно для него,—не говоря уже о томъ, что оно называло себя «болгарами» и съ этимъ соединяло сознательное представленіе о принадлежности своей къ той же національности, какъ жители сосѣдняго княжества. Познакомившись со спеціальной литературой о Македоніи, нижеподписавшійся могъ убѣдиться, до какой степени подтасованы и искажены ученые доказательства Гопчевича. У сербской интеллигенціи, особенно у сербской молодежи—вѣра во всѣ эти доказательства сербизма македонцевъ можетъ объясняться добросовѣстнымъ заблужденіемъ, невозможностью думать иначе. Но у такого писателя, какъ Гопчевичъ, подобное «заблужденіе» непонятно и непростительно. Вопросъ о лингвистическомъ положеніи македонскихъ нарѣчій, правда, представляетъ трудности, разрѣшеніе которыхъ доступно только лингвисту. Нельзя сказать, чтобы лингвисты окончательно сговорились въ этомъ вопросѣ, но господствующее мнѣніе считаетъ македонскія нарѣчія—западными диалектами *болгарскаго*, а не частью сербскаго языка. Лингвистическія доказательства автора—повторяющаго, впрочемъ, большею частью то, что говорятъ его земляки,—болѣе чѣмъ наивны. Спеціально-сербскими считаются въ нихъ сплошь и рядомъ такіе черты, которые составляютъ явленіе даже не южно-славянское, а общеславянское. То же относится и къ обычаямъ, при помощи которыхъ Гопчевичъ, вслѣдъ за сербскими писателями, старается доказать сербизмъ македонцевъ. О доказательствахъ «историческихъ» не стоитъ и упомина-

вать, такъ какъ это слабѣйшая часть аргументовъ и автора и всей той литературы, которую онъ компилируетъ. Эти доказательства цѣлкомъ основаны на перетолкованіяхъ и умолчаніяхъ.

Нѣкоторый интересъ нѣмецкому изданію придавали рисунки и большая этнографическая карта Македоніи. Рисунки сильно попорчены въ русскомъ изданіи, такъ какъ сняты очевидно, не съ оригинальныхъ фотографій, а съ цинкографій нѣмецкаго изданія. Этнографическая карта вовсе отсутствуетъ; этнографическіе перечни нѣмецкаго изданія сокращены въ небольшую таблицу. То и другое, впрочемъ, надо считать устарѣлымъ послѣ новѣйшихъ болгарскихъ работъ. Этнографическую карту Македоніи по новѣйшимъ даннымъ мы печатаемъ въ изданіи Н. П. Поддубнаго («Мѣста современныхъ происшествій»). Статистическую таблицу по новѣйшимъ даннымъ, собраннымъ извѣстнымъ знаткомъ Македоніи, болгаринимъ Вас. Бѣдичевымъ (ему принадлежитъ и упомянутая карта—то и другое не издано) прилагаемъ здѣсь, съ цифрами Гопчевича en regard *). Цифры Гопчевича поставлены въ скобки.

	Христіане.	Магометане.	Всего.
Болгаре	1.090.000 (36.600)	145.000 (21.000)	1.235.000 (57.600)
Сербы	500 (1.364.800)	500 (321.500)	1.000 (1.686.300)
Турки	4.250 (—)	507.500 (215.000)	511.750 (215.000)
Греки	218.400 (—)	11.200 (—)	229.600 (201.149)
Арнауты	8.400 (—)	113.000 (—)	121.400 (73.020)
Влахи (румуны)	74.000 (68.715)	3.500 (4.800)	77.500 (73.515)
Евреи	—	—	67.000 (69.445)
Цыгане	14.000 (—)	38.000 (—)	52.000 (20.520)
Черкесы	—	2.900 (—)	2.900 (—)
Прочіе **)	9.000	—	9.000 (3.500)
Итого . . .	1.418.550	821.600	2.307.150 (2.400.040)

Общій итогъ, какъ видимъ, довольно сходенъ; но число славянъ у Гопчевича значительно преувеличено, а число инородческихъ элементовъ—уменьшено. Не говоримъ уже о томъ, что почти всѣхъ славянъ Гопчевичъ причисляетъ къ сербамъ, тогда какъ по Бѣдичеву, къ мнѣнію котораго склоняемся и мы, всѣ они принадлежатъ къ болгарамъ. Сербы въ Македоніи суть только пришельцы изъ королевства.

П. Милюковъ.

АСТРОНОМІЯ.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изданіе товарищества «Знаніе» Общеизвестная научная бібліотека. Редакція К. П. Лятницкаго. Изданіе второе. Спб. Ц. 1 р. 50 коп. Целью не отмѣтить похвального стремленія товарищества «Знаніе» прогрессивно улучшать изданія своей «Общеизвестной научной бібліотеки». Такъ какъ послѣднія предназначаются для большой публики, расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, то, конечно, очень важно, чтобы многіе были не только почтенны по содержанію, но и приличны по своей внѣшности. Было бы существенной ошибкой, по нашему мнѣнію, преподносить массѣ сѣрыхъ изданій. Плохо изданная книга меньше привлечетъ читателей,—а у насъ еще нужно позаботиться о привлеченіи читателя къ книгѣ,—она вредна и въ педагогическомъ отношеніи. Нужно стараться провести въ

*) Безъ Старой Сербіи въ собств. смыслѣ.

***) Русскіе монахи 4.000, европейцы 4.600, сирійцы, армяне etc около 400.

массу тотъ же матеріалъ, который мы считаемъ годнымъ для интеллигенціи. Нужно предложить ей тѣ же образцы, тѣ же иллюстраціи... Небольшая цѣна, которая можетъ быть назначена книжкѣ, предназначенной для широкаго пространства, конечно, является препятствіемъ къ выпуску хорошихъ изданій... Но это только лишь препятствіе, противъ котораго можно и нужно бороться. Лучше дать немного, но дать хорошо. Необходима и извѣстная скромность. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, смѣшнаго, какъ убогая роскошь.

Перехода непосредственно къ разбираемому новому изданію книжки Клейна «Прошлое, настоящее и будущее вселенной», мы не можемъ прежде всего не высказать сожалѣнія, что въ немъ оставлена прежняя, чрезвычайно рекламная обложка. Она безусловно послужитъ только во вредъ изданію. Дальше пойдетъ все уже гораздо лучше. На этотъ разъ цвѣтные рисунки въ общемъ вполне удовлетворительны. Есть нѣсколько прекрасныхъ портретовъ, довольно много интересныхъ, вслѣдствіе новизны или рѣдкости иллюстрацій. Содержание книжки представляетъ собой общедоступное изложеніе основныхъ космологическихъ вопросовъ по программѣ. «Миръ, какъ цѣлое. Исторія развитія туманностей. Исторія развитія звѣздныхъ мировъ. Происхожденіе солнечной системы. Жизнь и судьба солнца. Исторія развитія и мировая роль кометъ. Роль метеорныхъ потоковъ. Древность солнечной системы и земли. Обитаемость луны. Обитаемость планетныхъ мировъ». Собственно говоря, мы имѣемъ здѣсь не космологію, а скорѣе рядъ очерковъ по описательной астрономіи, какъ въ другомъ извѣстномъ сочиненіи того же автора «Астрономическіе вечера», только они всѣ написаны въ данномъ случаѣ съ одной опредѣленной окраской и связаны общей идеей—картинно представить судьбы вселенной, хотя, конечно, изъ существующихъ по этому вопросу воззрѣній здѣсь приведены только самыя элементарныя. О гипотезахъ и теоріяхъ Фая, Вольфа, Гирна, Си и пр. мы не найдемъ здѣсь ничего, если не считать вставки въ русскомъ изданіи о теоріи солнечныхъ пятенъ, предложенной Фаемъ.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи и много иллюстрацій является общими съ «Астрономическими вечерами».

О солнцѣ сказано гораздо больше, чѣмъ въ «Астроном. веч.». Больше касается на этотъ разъ авторъ и вопроса о природѣ кометъ, но нельзя не сдѣлать ему упрека за то, что онъ мало отдалъ вниманія теоріямъ Бредихина. Во всякомъ случаѣ, разъ онъ излагаетъ изслѣдованія этого знаменитаго ученаго, онъ долженъ бы аккуратно передать хотя бы главнѣйшіе результаты. Нельзя не указать читателю одну грубую ошибку. Хвосты III-го Бредихинскаго типа вовсе не то, что такъ называемые *аномальные* хвосты. Послѣдніе даже по своему происхожденію совершенно отличны отъ обыкновенныхъ хвостовъ. Это не агрегатъ легкихъ частицъ, а придатокъ изъ тяжелой матеріи, которая идетъ на образованіе метеоровъ. Курьезно то, что приложенный рисунокъ находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ текстомъ. Клейнъ—извѣстный селенографъ, но нужно все-таки съ осторожностью относиться къ его увлеченію идеей объ измѣненіяхъ на лунной поверхности и проявленію нѣкоторой жизни на ней. Одною изъ наиболѣе интересныхъ главъ является VII-я: «Древность солнечной системы и земли», въ которой приводятся числовые результаты изслѣдованій Адамсомъ и проф. Дарвиномъ такъ называемаго приливнаго тренія и его вліянія на замедленіе вращенія земли и луны.

Довольно много новыхъ подробностей приведено о Марсѣ и другихъ планетахъ. Отъ души желаемъ книжкѣ успѣха.

К. Покровский.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

П. Елагинъ «Практическое птицеводство». — О. Гриммъ. «Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ». — В. Котельниковъ. «Воздѣлываніе табака махорки».

П. Н. Елагинъ. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Съ 120 рис. и чертеж. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1899. Ц. 2 р. Имя автора разбираемой книги пользуется почетною извѣстностью среди русскихъ птицеводовъ какъ за его литературную дѣятельность, такъ и за многолѣтнюю практику въ области птицеводства. Эти два качества отразились и на предлагаемой работѣ, гдѣ научность и точность теоретика соединены удачно съ опытомъ практика. Хорошо изложены главы о породахъ домашнихъ птицъ, большинство которыхъ представлены прекрасными рисунками, взятыми изъ извѣстнаго нѣмецкаго руководства Дюригена (*Die Gefügelzucht*). Подробно разсмотрѣны также болѣзни птицъ, при чемъ указаны наиболѣе простыя и доступныя средства; но глава объ искусственномъ выводѣ птицъ (инкубаціи) авторъ говоритъ значительно меньше, чѣмъ слѣдовало бы въ виду выгоды этого дѣла.

Въ концѣ книги приведенъ довольно большой списокъ литературы по птицеводству и орнитологіи, но, къ сожалѣнію, здѣсь пропущены такія капитальныя новыя сочиненія, какъ «Птицы Россіи» Мензбира, «Организація тѣла птицъ», Маршала и т. п., а приведены только старыя работы Кесслера («Русская орнитологія») и Брандта, представляющія теперь библиографическую рѣдкость.

Внѣшняя сторона изданія вполне удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, а большое количество хорошихъ рисунковъ заставляетъ считать значительную цѣну совсѣмъ недорогой. **И. И.**

О. А. Гриммъ. Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. 4-е дополнен. изданіе. 1899. Ц. 75 коп. Выходъ спеціальной книги четвертымъ изданіемъ свидѣтельствуетъ уже объ успѣхѣ и достоинствахъ ея. Дѣйствительно, эта небольшая, но весьма толково составленная книжка даетъ основныя свѣдѣнія и полезныя наставленія къ искусственному разведенію наиболѣе распространенныхъ прѣсноводныхъ рыбъ—карповъ, форелей и стерлядей. Особенно подробно авторъ описываетъ образъ жизни, размноженіе и питаніе форели, которая разводится въ большомъ количествѣ за границей, а также кое-гдѣ и у насъ въ Россіи, особенно на Никольскомъ рыбоводномъ заводѣ, директоромъ котораго и состоитъ много лѣтъ почтенный авторъ.

Къ сожалѣнію, авторъ довольно кратко говоритъ о содержаніи въ прудахъ стерляди, хотя и говоритъ, что по своей цѣнности она не имѣетъ конкурента, а по своей живучести и способности скоро откармливаться эта рыба заслуживаетъ особеннаго вниманія русскихъ рыбоводовъ.

Кромѣ частныхъ указаній о разведеніи той или другой породы рыбы, въ книгѣ даны довольно подробныя указанія по вопросу объ устройствѣ прудовъ, при чемъ во многихъ мѣстахъ приведены цифровыя примѣры, взятые изъ практики извѣстныхъ рыбоводныхъ заводовъ или хозяйствъ.

Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго, а дешевая цѣна дѣлаетъ его доступнымъ для всякаго, интересующагося этимъ дѣломъ. **И. И.**

В. Г. Котельниковъ. Воздѣлываніе простаго табака махорки. Изд. 2-е, просмотрѣнное и дополненное. 1899. Ц. 50 к. Разсматриваемая книжка предназначается главнымъ образомъ для мелкихъ табаководовъ, которыхъ такъ много въ Южной и Средней Россіи и въ хозяйствахъ которыхъ табаководство

является серьезнымъ подспорьемъ. Соответственно съ такимъ назначеніемъ авторъ обращаетъ главное вниманіе на практическую сторону дѣла, говоря подробно о всѣхъ условіяхъ и манипуляціяхъ табаководства. Изложено все это дѣльно, толково и вполне популярно. Кроме того, авторъ вполне умѣстно говоритъ и о нѣкоторыхъ экономическихъ условіяхъ дѣла: о продажѣ табака, объ условіяхъ, при которыхъ табаководство можетъ быть выгодно и т. п. Напрасно только авторъ пресерьезнымъ образомъ опровергаетъ мѣнѣе «темныхъ людей», что табакъ есть «чертово зелье». Въ серьезной, хотя бы и популярной книгѣ странно читать такіе вещи!

И. И.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

В. Ладыженскій. «О книгахъ и сочинителяхъ».—Изданія «Посредника».—О. Н. Полюевой. «Знанія» и др.

В. Н. Ладыженскій. О книгахъ и сочинителяхъ. Выпускъ 1-й. Съ древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго. Чтеніе для школь и народа. Изд. автора. Москва, типо-литографія А. В. Васильева. 1899 г. Ц. 30 к. • Стр. 130. Разбираемая книжка, составленная даровитымъ поэтомъ г. Ладыженскимъ, въ настоящее время посвятившемъ себя школьному земскому дѣлу въ Пензенской губерніи,—явленіе въ высшей степени отрадное и оригинальное. Въ то время, какъ убогая народная наша школа, преслѣдуя, чуть не исключительно, одну цѣль — съ горемъ пополамъ народъ только ограмотить, почти вовсе не затрогиваетъ его мысли и чувства, авторъ дѣлаетъ смѣлаю попытку, въ самой простой, популярной формѣ, ознакомить школу и народъ съ главнѣйшими явленіями русской народной устной словесности, еще живущей въ народѣ, и эти явленія осмыслить, а также, отчасти, и съ произведеніями древней письменности. Въ двѣнадцати небольшихъ очеркахъ, интересныхъ и безпрестанно иллюстрируемыхъ умѣло выбранными отрывками изъ самыхъ произведеній, передъ читателемъ проходитъ постепенно картина нашего народнаго творчества, а также важнѣйшіе изъ образцовъ литературы книжной. Первая попытка подобнаго ознакомленія народа съ исторіей литературы была сдѣлана, лѣтъ тридцать пять назадъ, въ журналѣ «Учитель», покойнымъ В. И. Водовозовымъ въ его статьяхъ «По старой памяти какъ по грамотѣ», вошедшихъ потомъ въ известную его книгу «Древняя русская литература»; но новый трудъ г. Ладыженскаго кажется намъ и сжатѣе, и цѣльнѣе, а также и доступнѣе народу, даже грамотнымъ подросткамъ, причемъ не замѣтно ни малѣйшей искусственной поддѣлки подъ народный языкъ, а говорится ясно и просто только дѣло.

Начинается книжка чтеніемъ о происхожденіи *сказки и тѣсни* (стр. 1—7) обрядовой; вторая глава—*Былины и богатырскія тѣсни* (8—23). Эти главы, особенно вторая, показались намъ менѣе обработанными. Слѣдовало бы рельефнѣе выдѣлить богатырей новгородскихъ, для чего обильный матеріалъ представляютъ объяснительныя изложенія этихъ сѣверныхъ былинъ у Костомарова. Не объяснены у г. Ладыженскаго ни *мужики новгородскіе*, ни *Старшице пилгримшице*, да и объясненіе исчезновенія богатырей какъ-то скомкано. Третья глава посвящена происхожденію грамоты, лѣтописи и Слова о Полю Игоревѣ (24—36), которое въ слѣдующемъ изданіи слѣдовало бы пересказать обстоятельнѣе и рѣзче выдвинуть основную идею. Четвертая глава (*Духовные стихи, Легенды*, 36—50) особенно интересна, также какъ и восьмая (*Запрещенныя церковныя книги. Ложныя молитвы. Книги суевѣрныя*, 76—91, имѣющія для народа тѣмъ большее значеніе, что онѣ касаются народнаго невѣжества и недѣльныхъ понятій отъ него происходящихъ). Глава пятая (50—63—*Пѣсни про татарщину*).

Пѣсни Московскаго царства и семейныя) требовала бы большаго рельефа въ изображеніи ужаса татарскаго погрома); зато шестая (65—71—*Малороссійскія думы и пѣсни*), седьмая (72—76—*Пословица, загадки, заговоры*) и девятая (92—95—*Житія святыхъ и Четы-Миней*) составлены очень хорошо. Прекрасное впечатлѣніе оставляетъ также десятая глава (96—112—*Книга законовъ. Сказки про Ерша и Шемьку. Стоглавъ. Домострой*) и одиннадцатая (112—124—*Расколъничьи стихи. Пѣсни разбойничьи и солдатскія*).

Книжка заканчивается двѣнадцатой заключительной, небольшой главой (шесть страницъ), гдѣ удачно предлагаются объясненія понятій: словесность, письменность, характеръ древняго образованія, иностранное вліяніе, періодъ литературы, писатель. Такимъ образомъ, книжка даетъ и много знаній, и, что особенно важно, очень интересно и просто написана. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы она какъ можно скорѣе получила доступъ въ школы и въ народныя аудиторіи для публичныхъ чтеній, выборъ для которыхъ крайне ограниченъ въ особенности относительно литературы. Въ книжкѣ есть нѣсколько рисунковъ, исполненныхъ сносно; но въ общемъ издана она небрежно (нѣтъ даже оглавленія) и, принимая во вниманіе желательность широкаго проведенія такой книжки въ народъ, дорога. Обработавъ ее во второму изданію болѣе тщательно, а тѣмъ болѣе, доведя свое симпатичное дѣло до конца (пока только одинъ выпускъ), г. Ладыженскій окажетъ нашему школьному дѣлу и народу вообще услугу очень цѣнную, Пока же желаемъ книжкѣ самаго большаго распространенія.

В. П. О—скій.

«Пѣвцы народной жизни». О народныхъ поэтахъ: Цыгановъ, Кольцовъ, Никитинъ, Суриновъ и Дрожжинъ. Съ 4-мя портр. Составилъ К. Хрѣновъ. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова. Изданіе «Посредника» № 319. Москва. 1899 г. Цѣна 15 к. стр. 198. II. Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ (съ 2-мя портр.) составилъ В. Брусь. Изданіе Половой № 41. Спб. 1899 г. Стр. 52. Отдѣлъ біографій писателей въ «народной» литературѣ количественно довольно богатъ, хотя нельзя того-же сказать о качественномъ его составѣ: лишь очень немногія изъ популярныхъ біографій могутъ быть признаны удачными по содержанію и по формѣ. Въ послѣднее время появилось нѣсколько новыхъ біографій, заслуживающихъ вниманія: однѣ изъ нихъ говорятъ о жизни писателей недавняго времени, вышедшихъ изъ народной среды, другія впервые вводятъ въ народную литературу имена, дотошъ ей вполне чуждыя.

Къ числу первыхъ принадлежитъ и изданная «Посредникомъ» книжка «Пѣвцы народной жизни», представляющая изъ себя сборникъ біографій 5 поэтовъ. Самую мысль соединить вмѣстѣ эти 5 біографій поэтовъ, связанныхъ не только общностью происхожденія, но и сходнымъ типомъ творчества, близкимъ по формѣ къ народному пѣсенному творчеству нельзя не признать удачной.

Всѣ 5 біографій написаны очень понятнымъ языкомъ, чрезвычайно живо и интересно, рисуютъ передъ читателемъ картину той страшной борьбы съ бѣдностью, съ непониманіемъ окружающихъ какую, пришлось вынести почти всѣмъ поэтамъ-самоучкамъ. Особенно удался автору біографія Кольцова и Никитина. Выборъ примѣровъ поэзіи всѣхъ 5 поэтовъ сдѣланъ также удачно. Біографическому очерку предшествуетъ предисловіе г. Горбунова-Посадова. По простотѣ и ясности, съ какими автору удалось коснуться такой отвлеченной темы, какъ содержаніе и значеніе поэтическаго творчества, эта небольшая замѣтка (стр. IV—IX) заслуживала бы полнаго вниманія: но нельзя обойти молчаніемъ ту излишнюю тенденціозность, какая сквозитъ какъ въ предисловіи г. Горбунова-Посадова, такъ и во всей книжкѣ. Оба автора одинаково стремятся доказать читателю, что только деревня съ ея земледѣльческимъ трудомъ даетъ человѣку силу и душевную бодрость, сохраняеть въ немъ неприкосновенными всѣ рели-

гіозныя, нравственныя і сямейныя добродзельцы, Городъ же—это преддверіе ада, откуда нужно бѣжать спасаться въ деревню. Особенно сильно сказывается эта тенденція въ біографіи Дрожжина (г. Хрѣнова) «Тоскуетъ живая деревенская душа въ духотѣ фабричной и заводской жизни»,—говоритъ авторъ. «И крестьянинъ, поистинѣ любящій крестьянскій трудъ, старается вернуться въ деревню. (стр. 196). Здѣсь онъ хотъ подышитъ чистымъ воздухомъ и по-человѣчески будетъ жить съ семьей и другими людьми». А въ заключеніе авторъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: «Пожелаемъ же, чтобы крестьянинъ крѣпко держался за свою землю, чтобы упорнымъ крестьянскимъ трудомъ и трезвой жизнью выбивался онъ изъ нужды, а не шелъ бы, если только есть какая нибудь возможность, на душныя фабрики и заводы»... (стр. 198). Конечно, желать можно многого и желанія бываютъ разныя. Можно бы пожелать также, чтобы бѣдняку, рабочему человѣку жилось лучше и въ городѣ и въ деревнѣ, можно пожелать еще и многого другога. Но призывъ автора къ возвращенію въ деревню, гдѣ крестьянинъ не только подышитъ чистымъ воздухомъ, но и по-человѣчески будетъ жить съ семьей и другими людьми»,—звучитъ горькой пронию. Эту заманчивую картину какъ-бы нарочно отлично иллюстрируетъ самъ авторъ фактами изъ жизни Дрожжина. Въ 1878 г. Дрожжинъ уѣхалъ на родину... «Отецъ и мать, не видя отъ сына большой помощи, приняли его хуже, чѣмъ чужого. Каждый день они дѣлали ему какія-нибудь неприятели и не давали ни читать, ни писать»... и т. д. Немуудрено, что Дрожжинъ поспѣшилъ обратно въ Нитеръ и вернулся въ деревню опять только черезъ 6 лѣтъ. Тутъ опять біографъ рассказываетъ, какъ тяжела для поэта была встрѣча съ родными, чуть не окончившаяся дракой. А вотъ еще картина, рисуемая семейные нравы деревни: Дрожжинъ мягко упрекнулъ отца за то, что тотъ истязалъ лошадь. «Отъ этихъ словъ старикъ, какъ бѣшеный, бросился на сына и больно хлестнулъ его кнутомъ»... и т. д. Такова деревенская семейная идиллія въ изображеніи г. Хрѣнова, о такихъ человѣческихъ отношеніяхъ говоритъ онъ, восхищаясь деревенскимъ укладомъ жизни! Рядомъ съ этой основной тенденціей стоитъ и другая: эти отрицаніе страсти и борьбы во всѣхъ ея видахъ. Въ предисловіи г. Горбуновъ-Посадовъ просто заявляетъ, что ничего хорошаго нѣтъ въ произведеніяхъ поэтовъ, воспѣвающихъ «человѣческія страсти, всякую любовь между мужчиной и женщиной» и т. п. «Истинно хорошіе поэты воспѣваютъ, какъ въ старинныхъ духовныхъ стихахъ, любовь къ Богу и святое стремленіе (къ вѣчной правдѣ и вѣчной любви), къ вѣчному миру и братству между всѣми людьми и народами». Съ этой точки зрѣнія произведенія такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Шиллеръ, Лермонтовъ и др. должны быть признаны просто вредными для человѣчества. И г. Горбуновъ-Посадовъ вѣроятно чистосердечно причислитъ бы ихъ къ числу поэтовъ плохихъ, вредныхъ.

Книга г. Бруса «Поэты-крестьяне Суриковъ и Дрожжинъ» — чужды той тенденціозности, какою отличается книга, изданная «Посрединкомъ». Точка зрѣнія г. Бруса гораздо шире и рациональнѣе: онъ не умиляется передъ прелестью деревенской жизни, но подчеркиваетъ значеніе знанія для погибающей отъ темноты невѣжества деревенской массы. Такъ въ біографіи того же Дрожжина авторъ отдѣляетъ значеніе умственнаго развитія и привязанности къ книгѣ, приобретенныхъ поэтовъ (въ городѣ во время городской его жизни), при его вѣщательствѣ въ общественныя дѣла своихъ односельчанъ, говорить о пользѣ, какую приносятъ деревнѣ крестьянинъ-интеллигентъ и личнымъ вліяніемъ и распространеніемъ книгъ.—Затѣмъ г. Брусъ не отдаетъ монополію на выраженіе интересовъ и нуждъ народа исключительно поэтамъ крестьянскаго происхожденія, а упоминаетъ также, напр., о Пушкинѣ, какъ народномъ поэтѣ, умалчивая, впрочемъ, какъ и г. Горбуновъ-Посадовъ, о Некрасовѣ и др.

Отдавая предпочтеніе книгѣ г. Бруса передъ книгой г. Хрѣнова за ея болѣе

здравыя идеи, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не указать на то, что написана она гораздо болѣе сухо и менѣе доступно для обыкновеннаго читателя изъ народной среды, чѣмъ книга «Пѣвцы народной жизни»; особенно это можно сказать о предисловіи г. Бруса.

М. Полянская. Жизнь и сочиненія Федора Михайловича Рѣшетникова. Изданіе книжнаго магазина «Знаніе» Спб. 1899 г. Цѣна 5 коп. Небольшой очеркъ г-жи Полянской читается легко и съ интересомъ, съ начала до конца. Горькія испытанія мальчика, никому не вужнаго, избиваемаго сначала за излишнюю живость и любознательность, потомъ за озорство, потомъ за неспособность къ зубренію буржуазныхъ наукъ, постоянная нужда и отсутствіе поддержки въ стремленіи юноши къ литературному творчеству, наконецъ, тяжкій литературный трудъ ради куска насущнаго хлѣба писателя, уже прославившагося своими произведеніями, такова въ краткихъ словахъ жизнь Рѣшетникова, какъ она проходитъ передъ нашими глазами въ біографическомъ очеркѣ г-жи Полянской. Личность писателя, реальныя корни его творчества, характеристика его произведеній—очерчены достаточно полно; авторъ напрасно лишь не удѣлилъ мѣста изложенію содержанія и другихъ произведеній Рѣшетникова, напримѣръ «Свой хлѣбъ» и другіе, а не одного только романа «Подлиповцы». Со стороны простоты и ясности языка книжка г-жи Полянской не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Нельзя однако не указать на одну особенность разсматриваемаго біографическаго очерка, представляющую въ то же время и слабую его сторону. Жизнь Рѣшетникова представлена авторомъ такъ изолированно отъ общественныхъ условій жизни въ Россіи того времени, что даже о реформѣ 61 года нигдѣ не упомянуто ни словомъ. Какъ-то странно даже видѣть на страницахъ книжки упоминаніе именно этого года и рядомъ съ этимъ полное игнорированіе того кореннаго переворота, какой въ то время совершался во всѣхъ внутреннихъ отношеніяхъ страны; тѣмъ болѣе странно, что этотъ періодъ по времени какъ разъ совпалъ съ тѣмъ переломомъ въ жизни будущаго писателя, когда онъ переходилъ изъ юношескаго возраста въ зрѣлый. Какъ ни удаленъ отъ центра глухой городъ Пермь, во все же это губернской городъ и такое событіе, какъ объявленіе воли крестьянамъ не могло пройти тамъ незамѣтно; начиная съ 63 года, т. е. въ самый разгаръ преобразованій 60-хъ годовъ, Рѣшетниковъ жилъ въ Петербургѣ, въ центрѣ умственной и общественной жизни того времени. Какъ отразилось на мировоззрѣніи писателя все, что совершалось вокругъ него, мы совершенно не видимъ въ очеркѣ г-жи Полянской. Если, по мнѣнію автора, характерныя черты эпохи не отразились ничѣмъ на духовной физиономіи писателя, то выясненіе причинъ и значенія этой особенности его психологіи входило непремѣнно въ обязанности его біографа. Точно такимъ же молчаніемъ обошелъ авторъ и ту среду выдающихся литераторовъ—лучшихъ общественныхъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, какіе группировались вокругъ редакціи «Современника», и съ которыми не могъ не сталкиваться общепризнанный уже въ то время писатель Рѣшетниковъ.

Ч. Вѣтринскій Очеркъ жизни и дѣятельности Вис. Григорьевича Бѣлинскаго. Народная бібліотека. Изданіе книж. маг. «Знаніе». Цѣна 15 коп. Стр. 88. Спб. 1899 г. Имя Бѣлинскаго только недавно, со времени празднованія его 50-лѣтняго юбилея, стало проникать и въ народную литературу. Среди популярныхъ книжекъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности великаго критика, книжка г. Вѣтринскаго останавливаетъ на себѣ особое вниманіе, какъ по своему назначенію спеціально для народнаго чтенія, такъ и по той заслуженной извѣстности, какою пользуются оставленныя тѣмъ же авторомъ біографіи другихъ выдающихся писателей (Тургенева, Шевченко и др.). Въ давнемъ случаѣ задача автора была гораздо труднѣе, такъ какъ ему нужно было

не только передать читателю исторію жизни и творчества писателя, но и уяснить самое значеніе произведеній въ художественныхъ, а критическихъ. Выясненію значенія критики и посвящена первая глава очерка. Написана она нѣсколько сухо, но достигаетъ своей цѣли, такъ какъ дѣлаетъ понятнымъ для читателя воспитательное значеніе образованнаго и добросовѣстнаго критика. Разсказъ о дѣтскихъ, отроческихъ и университетскихъ годахъ Бѣлинскаго (гл. II и III-я) написанъ чрезвычайно живо и интересно, краткая характеристика университетской среды и первыхъ литературныхъ вліяній на начинающаго писателя сдѣлана также вполне понятно и хорошо. Слѣдующія главы IV—VIII посвящены литературной дѣятельности Бѣлинскаго: «Литературныя мечтанія». Общій взглядъ Бѣлинскаго на литературу. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, Достоевскій, Григоровичъ, Некрасовъ, Тургеневъ.—Народное просвѣщеніе. Наконецъ, въ главѣ IX и послѣдней разсказывается о кончинѣ Бѣлинскаго, его вліяніи на современниковъ, приводятся воспоминанія о его личности, затѣмъ упоминается о торжествахъ по случаю пятидесятилѣтія со дня его смерти. Какъ видно изъ краткаго перечня содержанія книжки г. Вѣтринскаго, онъ избралъ въ высшей степени простой планъ для передачи читателю наиболѣе выдающихся и характерныхъ чертъ творчества Бѣлинскаго. Г. Вѣтринскій беретъ въ хронологическомъ порядкѣ имена писателей, произведенія которыхъ подверглись въ свое время критикѣ Бѣлинскаго, приводитъ мнѣнія, высказанныя о нихъ и по поводу нихъ великимъ критикомъ, сообщаетъ попутно о личныхъ его отношеніяхъ съ этими писателями и, такимъ образомъ, даетъ безусловно интересную, поучительную и въ то же время вполне доступную даже для читателя, далеко не привыкшаго къ отвлеченному мышленію, картину литературной дѣятельности Бѣлинскаго. По пути приведены выдержки изъ его сочиненій, очень удачно выбранныя. Вся книжка очень содержательна и серьезно, общій фонъ ея очень широкъ, такъ что передъ глазами читателя встаетъ цѣлая картина литературныхъ и общественныхъ отношеній эпохи. Но рядомъ съ этимъ авторъ обнаруживаетъ большую заботливость о читателѣ, вездѣ перевода и объясняя иностранныя и книжныя выраженія. Въ концѣ книги приложено добавленіе: библиографическій указатель литературы о Бѣлинскомъ и наставленіе, какъ рациональнѣе пользоваться его сочиненіями. Книжка заканчивается слѣдующими словами: «но до сихъ поръ имя Бѣлинскаго, какъ и имена большей части тѣхъ писателей, славу и вліяніе которыхъ онъ утвердилъ въ Россіи, чуждо массѣ русскаго народа, до сихъ поръ его «многострадальная тѣнь» витаетъ непримиренно въ виду того неустройства и невѣжества, которыми еще такъ богата русская жизнь». Отъ души желаемъ книгѣ г. Вѣтринскаго самого широкаго распространенія. Она можетъ сдѣлать имя великаго критика менѣе чуждымъ массѣ русскаго народа, она заставитъ читателя, никогда раньше не знавшаго этого имени, полюбить образъ Бѣлинскаго и преклониться передъ памятью великаго писателя и человѣка.

«Свѣтъ Азіи». Индійское сказаніе. Составила по Арнольду О. Пассекъ. Изданіе «Посредника». № 340. Москва. 1899 г. Цѣна 1¹/₂ коп. Стр. 36. Г-жа Пассекъ очень удачно воспользовалась поэтическимъ подлинникомъ и сумѣла передать въ сокращеніи все обаяніе высоко-гуманной легенды о Буддѣ. Маленькая книжечка г-жи Пассекъ прочтется съ большимъ удовольствіемъ и пользой какъ юнымъ, такъ и взрослымъ читателемъ.

«Горе стараго каторжника» и другіе разсказы («Нанитучья». Двѣ бѣлки». «Пѣгій осленокъ»). Изданіе «Посредника». № 323. Москва. 1899 г. Цѣна 6 к. Стр. 105. Всѣ 4 небольшихъ разсказа, переведенные съ итальянскаго, французскаго и англійскаго языковъ, рисуютъ читателю отношеніе человѣка къ животнымъ. Никакими особенными достоинствами эти разсказы не отличаются, но во всѣхъ

проводится идея состраданія къ живымъ, хотя и безсловеснымъ существамъ. Разсказъ «Двѣ бѣлки» понравится дѣтямъ.

«Домой!» Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Разсказъ Телетова. Изданіе «Посредника». № 322. Москва. 1899. Цѣна 1¹/₂ к. Стр. 36. Небольшой разсказъ о мальчикѣ сиротѣ, убѣжавшемъ изъ переселенческаго барака въ Сибири домой въ «Расею» въ родную деревню. По пути мальчикъ встрѣчается съ разными людьми и находитъ себѣ вѣрнаго товарища въ лицѣ бѣлаго каторжника, также стремящагося «домой!» Старикъ бродяга самоотверженно спасаетъ жизнь своего случайнаго спутника и попадаетъ опять въ руки властей. А мальчику предстоитъ-таки добратъся въ концѣ концовъ до желанной деревни Бѣлой. Разсказъ написанъ очень тепло и хорошо и прочтется съ интересомъ особенно деревенскимъ читателемъ.

М. Цебриковой (М. К. Николаева). «Пестунья-отравительница». Изданіе ин. маг. Лалина, въ Смоленскѣ. Смоленскъ. 1899 г. Стр. 71.

М. Цебриковой. «Пожаръ на кораблѣ». Того же изданіе. Стр. 44. Пестунья-отравительница — простой и милый разсказъ о крестьянской дѣвочкѣ, пострадавшей за свое разумное отношеніе къ уходу за ребенкомъ, непонятное для невѣжественныхъ окружающихъ. Приключеніе съ отравленіемъ ребенка оканчивается вполне благополучно для умницы няньки, а читатель въ очень доступной беллетристической формѣ получаетъ полезныя свѣдѣнія по гигиенѣ ухода за дѣтьми.

Пожаръ на кораблѣ—разсказъ изъ англійской жизни, рисующій присутствіе духа и сознаніе долга передъ ближними у англійскихъ школьниковъ во время ужаснаго происшествія. Разсказъ этотъ особенно пригоденъ для подростковъ.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го ноября по 15-е декабря 1899 года).

- Бомарше. Театръ. Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- В. Австенно. Петербургскіе очерки. Т. I и II. Изданіе Суворина. Спб. 1900. Ц. за 2 т. 2 р.
- П. Гнѣдичъ. Туманы. Ром. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Гнѣдичъ. По духовнымъ завѣщаніямъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Поэты Швеціи. Изд. подъ редакціей Н. Новича. Спб. 1900. Ц. 50 к.
- Е. Карновичъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ 13 портр. и 2 автогр. Изд. Суворина. Спб. 1899. Ц. 3 р.
- И. Озеровъ. Об-ва потребителей въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Съ пред. академика И. Янжула. 2-е изд. Доровятовскаго и Чарушникова. Спб. 1900. Ц. 2 р.
- Фридрихъ Паульсенъ. Введеніе въ философію. Изд. 2-е Московск. Психол. Об-ва. 1899. Ц. 3 р.
- Исторія римской республики по Момсену. Изд. библиотеки для самообразованія. Вып. I. Москва. 1900. Ц. 2 р.
- Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Части III и IV. Изд. 2-е К. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 к.
- Семейный университетъ. Сборникъ Ф. С. Комарскаго. (Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія). Курсъ I. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ 10 р.
- Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. проф. Виноградова. Вып. IV и послѣдній. Москва. 1899. Ц. 1 р. 75 к.
- П. Полевой. Избранникъ Вожій. Историч. повѣсть. Съ 12 автотип. Спб. 1900 Изд. Девриена.
- Е. Кондратова. Дѣти Солнцевыхъ. Съ рис. Спб. 1900. Изд. Девриена.
- А. Нечаевъ. Между огнемъ и льдомъ. Спб. 1900.
- А. Валуевъ. Севастополь и его славное прошлое. Съ рис. Спб. 1900. Изд. Девриена.
- Г. Петерсъ. Что говорятъ камни. Перев. съ нѣм., съ предисл. проф. Иностранцева. Спб. 1900. Изданіе Девриена.
- П. Полевой. Дѣвничій вѣкъ. Съ рис. Спб. 1900. Ц. 90 к. Изд. Девриена.
- Проф. I. Ранке. Человѣкъ. Изд. книгоизд. т-ва «Просвѣщеніе». Вып. 26—28. Ц. за 30 вып. по подпискѣ 12 р. Спб. 1899. Ц. отд. вып. 50 к.
- Проф. Кернеръ Ф. Марилаунъ. Жизнь растеній. Изд. книгоизд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. по подпискѣ за 30 вып. 12 р. 80 к. отд. вып. 50 к. Спб. 1899. Вып. 27—28.
- Людвигъ Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Перев. съ нѣм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1899. Ц. 3 р.
- С. И. Рапопортъ. Народъ-Богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. Спб. 1900. 1 р. 50 к.
- А Ф. Струве. Въ сумеркахъ. Романы, повѣсти и очерки. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Эдмонъ де-Амичисъ. Новеллы. Переводъ Е. Тарасовой. Итальянск. литература. Изданіе Никитина. Москва. 1900. Ц. 50 к. Вып. 1 и 2.
- Джиованни Верга. Ева. Разсказъ. Пер. Е. П. Тарасовой. Итальянская литер. Изданіе Никитина. Москва. 1900. Ц. 50 к.
- Ю. Озаровскій. Наше драматическое образованіе. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Сергій Роміасъ. Любовь ли? Москва. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Павель Кротъ. Психографія. Москва. 1900.
- М. В. Беренъ. Разсказы о борьбѣ человѣка съ природой. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Н. Юрьинъ. Чужая жизнь. Разсказъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- И. Озеровъ. Главнѣйшія теченія въ развитіи примаго обложенія въ Германіи. Спб. 1899.
- Эдуардъ Ченей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. Перев. съ англ. В. Я.

- и И. Я. Гердъ. Подъ ред. Н. А. Рубакина. Изд. Куклина. Спб. 1899. Ц. 35 к.
- Вл. Юревичъ. Стихотворенія. Спб.
- Ф. Бѣлявскій. Старая и новая вѣра. («Лурдъ», «Римъ» и «Парижъ» Э. Золя). Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. X.
- Анна Иноземцева. Собраніе сочиненій. Т. I. Нижній-Новгородъ. 1899. Ц. 1 р.
- П. Лупповъ. Христіанство у вотяковъ со времени историч. извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- П. Г. Андриссенъ. Заря императорскаго трона.
- О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Пер. съ англ. Ц. В. Изданіе Дароватовскаго и Чарушниковъ. Спб. 1900. Ц. 25 к.
- Вс. Чешихинъ. Русскій литературный кружокъ въ г. Ригѣ, 1874—1899. Рига.
- Отчетъ О-ва взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ и народн. учил. Псковск. губ. за 1898.
- Ю. Надеждинъ. Курсы для рабочихъ и ремесленниковъ во Франціи. Спб. 1900.
- Отчетъ О-ва взаимной помощи женщинъ-врачей за 1898 г. Спб. 1899.
- Труды временнаго организац. Комитета. Спб. Служ. Фармацевтовъ. Спб. 1899.
- Санитарныя условія — коечно-каморочныхъ квартиръ въ рабочихъ районахъ Москвы. Москва. 1899. Ц. 30 к. Изд. Император. русск. технич. об-ва.
- Д-ръ Н. И. Ширманъ. Краткій учебникъ да-
тинскаго языка (примѣнит. къ медицинѣ). Ц. 15 к.
- Н. Виноградовъ. Значеніе А. С. Пушкина для каждаго изъ насъ. Москва. 1899. Ц. 20 к.
- Отчетъ Киевскаго об-ва грамотности за 1898 г. Киевъ 1899.
- Труды (Протоколы засѣданій, докладъ членовъ и комиссій и проч.) IV сѣзда земскихъ врачей и представителей земства Нижегород. губ. 1899.
- Изд. В. Э. Форселлеса. Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Подъ ред. С. С. Григорьева. Спб. 1899. Вып. VII и XVII.
- А. Ф. Юстусъ. Курсъ счетоводства фабрично-заводскаго. Москва. 1900. Ц. 1 р. 75 к.
- А. Плестеръ. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Москва. 1898. Ц. 35.
- Феликсъ Данъ. Аттила. Ром. изъ эпохи переселенія народовъ. Перев. С. Д. Крылова. Изданіе К. И. Тихомірова. Москва. 1899. Ц. 1 р.
- В. В. Розановъ. Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900. Ц. 1 р.
- Peter von Struve. Die Marksche Theorie der sozialen Entwicklung. Sonderabdruck aus d. Archive für soziale Gesetzgebung und Statistik, hg. v. H. Braun. B. XIV.
- Peter von Struve. Bernstein, Ed. Die Uoraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie.—Kautsky Kr. Bernstein und das socialistische Programm. Sonderabdruck aus d. Archive für Sociale Gesetzgebung und Statistik v. H. Braun. B. XIV.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Nouvelles études de Mythologie*» par Max Müller, prof., traduit de l'anglais par Léon Lob, docteur ès lettres. Bibliothèque de Philosophie contemporaine. Prix: 12 fr. 50 c. (Félix Alcan). (Новые очерки мифологии). Имя автора этой книги хорошо известно всем, интересующимся лингвистикой, сравнительною мифологией и историей религиозной мысли. Въ этомъ новомъ своемъ трудѣ авторъ возвращается къ своимъ прежнимъ излюбленнымъ темамъ: филологическаго объясненія мифовъ и подтверждаетъ ихъ новыми фактами и примѣрами. Переводъ книги сдѣланъ превосходно.

(Revue internationale).

«*Essai sur la classification des sciences*» par Edmond Goblot, docteur ès lettres. Bibliothèque de Philosophie contemporaine. Prix: 5 fr. (Félix Alcan). (Опытъ классификации наукъ). Въ первой части своей книги авторъ доказываетъ единство науки и несостоятельность существующихъ методовъ раздѣленія наукъ, такъ какъ это раздѣленіе соответствуетъ лишь различнымъ моментамъ прогресса всей науки вообще. Во второй части авторъ предлагаетъ классификацію наукъ, основанную на глубокихъ и радикальныхъ различіяхъ, отдѣляющихъ различныя отрасли человѣческаго знанія. Такая классификація не будетъ заключать въ себя ничего искусственнаго и случайнаго.

(Revue internationale).

«*L'être subconscient*» par le Dr E. Gysel. Prix: 4 fr. (Félix Alcan). (Существо безсознательное). Книга эта заключаетъ въ себя теоретическое изслѣдованіе всѣхъ явленій нормальной и аномальной психологии: психологическаго автоматизма, явленій бесознательнаго, нормальнаго и аномальнаго сна, исторія раздвоенія личности, гипноза, телепатіи, внушенія и т. п. Авторъ старается доказать, что всѣ эти явленія находятся въ связи между собой какъ звенья одной и той же цѣпи и одна и та же гипотеза можетъ объяснить ихъ всѣ. Въ заключеніе авторъ указываетъ на связь этихъ явленій съ явленіями социальной жизни.

(Revue internationale).

«*La Question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours*» par Edouard Driault, prof. d'histoire. Préface de Gabriel Monod. Bibliothèque d'histoire contemporaine. Prix: 7 fr. (Félix Alcan). (Восточный вопросъ, его происхождение и современное положеніе). Подъ «восточнымъ вопросомъ» авторъ подразумѣваетъ не только исторію отношеній оттоманской имперіи къ христіанскимъ государствамъ Европы, но и вообще отношенія ислама ко всему христіанскому міру. Въ началѣ вопросъ этотъ носилъ исключительно религиозный характеръ, но теперь онъ сдѣлался политико-экономическимъ вопросомъ. Въ заключеніе своего историческаго изслѣдованія авторъ высказываетъ мнѣніе, что оттоманской имперіи суждено погибнуть и подвергнуться разлѣлу.

(Revue internationale).

«*Urbain Grandier ou le précurseur de la libre pensée*» par Thomas Benz. (Société d'édition scientifique et littéraire). (Урбинъ Грандье или предтечка свободы мысли). Поэма, представляющая рѣзкую картинку стараго режима и горячую защиту безсмертныхъ принциповъ, открывшихъ въ Европѣ эру созиданія новыхъ обществъ.

(Revue internationale).

«*Schwachsinnige Kinder*» von Arno Fuchs. (Gütessich. C. Batelsmann). (Тупоумные дѣти). Вопросъ о воспитаніи и обученіи такъ называемыхъ тупоумныхъ дѣтей въ послѣднее время сильно занимаетъ не только педагоговъ, но и дѣтскихъ врачей и психіатровъ. Въ области педагогики вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, играетъ очень важную роль и требуетъ всесторонняго изученія. Авторъ собралъ обширный матеріалъ въ своей монографіи по этому вопросу и на основаніи личныхъ наблюденій и опыта указываетъ на то, главнымъ образомъ, должно быть обращено вниманіе при воспитаніи такихъ отсталыхъ въ умственномъ отношеніи дѣтей дома и въ школѣ.

(Eranfurter Zeitung).

«*Unter den Papuas*» von B. Hagen. Dr med. Wiesbaden. (Kreidel). (Среди папуасовъ). Прекрасно изданная книга, заключающая въ себя наблюденія и подробныя

исследования природы и обитателей Новой Гвинеи. Авторъ — известный естествоиспытатель и врачъ прожилъ много лѣтъ въ тропикахъ и всесторонне изучилъ вопросъ о заселеніи тропическихъ странъ европейцами. Кромя медицинскихъ соображеній и наблюдений, въ книгѣ заключается чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ природѣ и жизни Новой Гвинеи, причѣмъ авторъ отводитъ большое мѣсто сравнительной социологіи и антропологіи. Книга снабжена превосходными иллюстраціями. (Frankfurter Zeitung).

«*Impressions of South Africa*». By James Bryce. With three maps. London. (Macmillan). (Южно-африканскія впечатленія). Въ числѣ множества книгъ о Южной Африкѣ, вышедшихъ въ послѣднее время, названная книга должна занять выдающееся мѣсто по своей содержательности и безпристрастію автора. Читатель подробно знакомится съ этою частью свѣта, въ которой разыгрывается теперь кровавая драма. Профессоръ Брайсъ былъ членомъ кабинета Розберри и послѣ паденія министерства отправился въ 1895 году въ южную Африку, чтобы на мѣстѣ изучить тѣ проблемы, которыя уже тогда начали принимать острый характеръ. Первое изданіе книги вышло два года тому назадъ, но теперь Брайсъ вновь его переработалъ и дополнилъ новѣйшими фактами, относящимися къ англо-трансваальскому конфликту. Интересующіеся южной Африкой и связанными съ нею вопросами найдутъ въ этой книгѣ богатый матеріалъ. (Daily News).

«*Psychology and Life*» by Hugo Munsterberg. Prof. of Psychology in Harvard University. (Психологія и жизнь). Авторъ исследуетъ психологическія явленія и связь ихъ съ жизненными процессами человѣческаго организма. Книга написана настолько популярно, что не требуетъ никакихъ специальныхъ знаній отъ читателя, но въ то же время знакомитъ его съ чрезвычайно интересными вопросами человѣческой жизни. (Daily News).

«*The Growth of Cities in the Nineteenth Century*», by Adna Ferrin Weber, Columbia University, Studies in History, Economics and Public Law. New-York. (Macmillan). (Ростъ городовъ въ XIX вѣкѣ). Рѣзко выраженное стремленіе населенія къ агломерациі въ городахъ составляетъ одинъ изъ выдающихся социальныхъ феноменовъ нашего времени. Это стремленіе обнаруживается въ каждой странѣ и авторъ старается изучить причины, вызывающія его, а также нравственныя, экономическія, политическія и социальныя послѣдствія этого явленія и отношеніе къ нему государственныхъ и общественныхъ дѣателей и публицистовъ. (Popular Science Monthly).

«*A History of the American Nation*» by Andrew C. Mc. Laughlin. New-York. (Ap-

leton and Co.). (Исторія американской націи). Авторъ ставитъ себѣ задачей изобразить въ главныхъ чертахъ національное развитіе Америки и показать, какими образомъ американскій народъ достигъ своего настоящаго положенія въ свѣтѣ. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на политическіе факты, на развитіе государственнаго механизма и возникновеніе партій и на разные вопросы, имѣющіе отношеніе къ правительству и администраціи страны. Авторъ хорошо владѣетъ перомъ и умѣетъ живо и занимательно излагать событія и факты политической жизни народа. (Popular Science Monthly).

«*The Wilderness of Worlds*» A popular Sketch of the Evolution of Matter from Nebula to Man and Return. The Life-Orbit of a Star, by George W. Morehouse. New-York. (Peter Eckler). (Хаосъ міровъ). Книга представляетъ обзоръ исторіи вселенной и всего, что въ ней заключается съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи. Авторъ изучаетъ процессъ развитія міровъ изъ туманныхъ пятенъ, какъ это подтверждается новѣйшими изслѣдованіями, затѣмъ постепенное угасаніе жизни и кончину планеты. Этотъ циклъ авторъ называетъ «жизненною орбитою звѣзды». Въ послѣдней главѣ, названной имъ «Призракъ міра» (The vision of Peace), авторъ сопоставляетъ религію и науку. Авторъ свободный мыслитель и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ интересующіе его вопросы. (Popular Science Monthly).

«*The Living Organism*» by Alfred Earl M. S. New-York. (Macmillan Company). (Живой организмъ). Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ излагаетъ философскіе взгляды, которые служатъ введеніемъ къ изученію биологіи и, между прочимъ, касается витализма. Въ первыхъ трехъ главахъ авторъ исключительно занимается психологическими вопросами и затѣмъ уже переходитъ къ теоретической биологіи, изучая въ послѣднихъ главахъ нѣкоторыя изъ проблемъ представляемыхъ живымъ организмомъ. (Popular Science Monthly).

«*The Hermit Naturalist*», by Mr Fred A. Lucas. (Натуралистъ пустынныхъ). Занимательный рассказъ о томъ, какъ авторъ случайно познакомился со старымъ сицилійскимъ натуралистомъ, эмигрировавшимъ въ Америку и поселившимся на маленькомъ островѣ на рѣкѣ Делаварѣ. Натуралистъ дѣлится съ авторомъ своими наблюденіями надъ жизнью животныхъ и это составляетъ главный предметъ книги, заключающей въ себѣ, кромѣ того, нѣсколько драматическихъ эпизодовъ изъ жизни ученаго. (Popular Science Monthly).

«*A History of Italian Unity*», by Balton King. 2 vol. (Nisbet). (Исторія объединенія Италіи). Чрезвычайно интересно и живо написанная исторія образованія единства

Италія, которое, по словамъ автора, составляетъ одно изъ замѣчательныхъ историческихъ событій XIX вѣка. Авторъ подробно изслѣдуетъ причины возникновенія и развитія идеи единства и указываетъ, между прочимъ, на связь, существующую между романтическимъ движеніемъ въ области искусства и литературы въ Италіи и революціоннымъ движеніемъ, хотя въ другихъ мѣстахъ на континентѣ это движеніе благоприятствовало реакціи. Но въ Италіи было иначе, такъ какъ итальянскія традиціи были традиціями республики и чрезвычайно развитой гражданской жизни, а также побѣды надъ германскимъ феодализмомъ.

(Athenaeum).

«*Researches in the History of Economics*» by prof. E. Nys (Black). (Очерки исторіи политической экономіи). Авторъ изслѣдуетъ въ своей книгѣ развитіе коммерческой и промышленной Европы, возникновеніе свободной торговли и свободнаго труда, развитіе монетной и банковской системы, современныхъ коммерческихъ законовъ и т. д. Всѣ эти вопросы авторъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія философа и историка

(Athenaeum).

«*Naturalism and Agnosticism*», by James Ward. Prof. of Mental Philosophy and Logic in the University Cambridge. (Натурализмъ и агностицизмъ). Книга эта представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію философской мысли и, безъ сомнѣнія, должна обратить на себя вниманіе читателей, интересующихся философскими вопросами.

(Daily News).

«*La vie dans la nature, histoire naturelle pour tous*» par Henri Coupin. (Жизнь въ природѣ). Авторъ уже раньше приобрѣлъ известность своими научно-популярными статьями изъ области естественныхъ наукъ, которыя печатались въ разныхъ періодическихъ журналахъ, и теперь сумѣлъ придать своимъ зоологическимъ очеркамъ очень занимательную форму, сохранивъ въ то же время и научный характеръ.

(Revue de Paris).

«*Mary Reed, Missionary to the Lepers*», by John Jackson. (Marshall). (Мэри Ридъ, миссіонерша у прокаженныхъ). Въ этой маленькой книгѣ разсказывается чрезвычайно трогательная исторія одной американки Мэри Ридъ, которая сначала была членомъ методистской миссіи въ Индію, но затѣмъ заболѣла и уѣхала въ Англію для поправленія здоровья. Тамъ у нея возникло подозрѣніе, что болѣзнь ея — проказа и когда это подтвердилъ ей одинъ докторъ-специалистъ, то она, не сказавъ ничего своимъ роднымъ, рѣшила вернуться назадъ въ Индію и тамъ посвятить себя уходу за прокаженными. Она сдѣлалась начальницей лепрозорія въ Чандагъ въ Гималаяхъ и, не смотря на то, что у нея почти не было помощниковъ, ей удалось довести свое заведеніе до высокой степени процвѣтанія и въ настоящее время оно даетъ приютъ отъ 50 до 90 несчастнымъ, за которыми Мэри Ридъ ухаживаетъ съ величайшимъ самоотверженіемъ.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Голодъ на Югѣ.—Безпорядки на фабрикѣ Коншина.—Ремесленные рабочіе въ Симферополѣ.—Одесскіе пекари.—Рѣчь астраханскаго губернатора.—Студенческая перепись въ Киевѣ.—Крестьяне о школахъ.	12
15. Изъ русскихъ журналовъ. «Русская Мысль»—«Вѣстн. Европы».—«Русское Богатство».—«Жизнь».—«Вѣстникъ всемірной исторіи».—«Русская Старина»	24
16. За границей. «Маффіа» въ современной Италіи.—Соціальныя музеи.—Французскія дѣла.—Споръ о языкахъ въ Норвегіи.—Событія германской общественной жизни	37
17. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues».—«Nineteenth Century».—«Contemporary Review».—«Popular Science Monthly»	47
18. ЧТО ТАКОЕ «ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ»? А. М.	51
19. ПУБЛИЧНЫЯ БИБЛИОТЕКИ - ЧИТАЛЬНИ ВЪ АНГЛІИ. (Письмо изъ Англіи). Е. Б.	56
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Бактеріологія. Микробы въ арктическихъ странахъ.—Физиологія. О физиологическомъ дѣйствіи нефтяныхъ продуктовъ на организмъ животныхъ.—«Морскія змѣи».—Сила воображенія. Д. Н.—Географія и путешествія. 1) Вильгельмъ Барентсъ—ислѣдователь арктическихъ областей и 300-лѣтіе его путешествій. 2) Алмазныя копи южной Африки Н. М.—Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго	60
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и искусства.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Этнографія.—Астрономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	76
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	110

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ. Романъ изъ сицилійской жизни Конрада Тэлльмана. Перев. съ нѣм. З. Журавской.	1
24. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печко-ской*, Петровскія анны и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко перписаны, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятія мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) *Лича*, адресующіяся въ редакцію съ равными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недельнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно съ контору редакціи.* Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при переимѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ, отъ 2 до 4 час., кромѣ праздничныхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб.,
безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ:
С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IX-й.

№ 2-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ф Е В Р А Л Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждпская, 43).

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. ОГОВОРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСК. ПОНИМАНІЯ ИСТОРИИ. А. Дживелегова	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НЕСПѢТЫЯ ПѢСНИ. А. Колтоновскаго.	19
3. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина.	20
4. КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ МАМИНА-СИБИРЯКА. (Критическій очеркъ). (Окончаніе). В. Альбова.	62
5. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уильяма Д. Гоуллса Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе).	95
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ КОНТОРѢ. А. Колтоновскаго	123
7. ЧЭМБЕРЛЕНЪ. (Очеркъ). Э. Пименовой.	124
8. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Проф. М. Мензбира. (Про- долженіе).	144
9. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Немоев- скаго. Перев. съ польскаго М Траповскою. (Продолженіе)	159
10. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюкова	193
11. РАЛАХАЙНСКІЙ ЭКСПЕРИМЕНТЪ. (Эпизодъ изъ исторіи Ирландіи. 1830—1833). С. Булгакова	218
12. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

13 КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Воскресеніе», романъ Л. Тол- стого. — Неувядающая сила творчества Толстого. — Безпощадная правда его критики. — Характеръ главныхъ героевъ. — Пассив- ность Катюши. — Нехлюдовъ — представитель обыкновеннаго средняго человѣка. — Провосходное изображеніе его постепен- наго возрожденія. — Блестящія характеристики высшей бюро- кратіи. — Описаніе этапной жизни. — Политическіе ссыльные въ изображеніи Толстого. — Огромное значеніе этого романа. А. Б.	1

Годъ IX-й.

№ 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ф Е В Р А Л Ь

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. СКОРОХОДОВА (Надеждинская, 43).

1900.

Дозволено цензурою 25-го января 1900 года С.-Петербургъ .

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. ОГОВОРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСК. ПОНИМАНІЯ ИСТОРИИ. А. Дживелегова	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НЕСПѢТЫЯ ПѢСНИ. А. Колтоновскаго. . .	19
3. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина.	20
4. КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ МАМИНА - СИБИРЯКА. (Критическій очеркъ). (Окончаніе). В. Альбова.	62
5. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе).	95
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ КОНТОРѢ. А. Колтоновскаго	123
7. ЧЭМБЕРЛЕНЪ. (Очеркъ). Э. Пименовой.	124
8. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Проф. М. Мензбира. (Про- долженіе).	144
9. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Немоев- скаго. Перев. съ польскаго М. Траповскою. (Продолженіе) . .	159
10. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милунова	198
11. ГАЛАХАЙНСКІЙ ЭКСПЕРИМЕНТЪ. (Эпизодъ изъ исторіи Ирландіи. 1830—1833). С. Булгакова	218
12. ВОСКРЕСШЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	234

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Воскресеніе», романъ Л. Тол- стого.—Неувядающая сила творчества Толстого.—Безпощадная правда его критики.—Характеръ главныхъ героевъ.—Пассив- ность Катюши.—Нехлюдовъ — представитель обыкновеннаго средняго человѣка.—Провосходное изображеніе его постепен- наго возрожденія.—Блестящія характеристики высшей бюро- кратіи.—Описаніе этапной жизни.—Политическіе ссыльные въ изображеніи Толстого.—Огромное значеніе этого романа. А. Б. . .	1

14. ПОЭТЬ «СЕРМЯЖНЫХЪ ГЕРОЕВЪ». (Памяти Д. В. Григоровича). Виктора Острогорскаго	12
15. ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА. П. Милюкова	17
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Земля и фабрика во Владимирской губерніи.—Деревенскій реформаторъ.—Сопротивленіе властямъ.—Новые крестьянскіе начальники въ Сибири.—Самарская рабочая коветора.—Церковныя попечительства о бѣдныхъ.—Бумажныя недоразумѣнія.—Отзѣвъ ученой комиссіи о произведеніяхъ Пушкина.—Памяти Герцена	21
17. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль». — «Вѣстникъ Европы». — «Историческій Вѣстникъ». — «Образованіе»	34
18. За границей. Борьба съ клерикалами въ бруссельскомъ университетѣ. — Коммерческій музей въ Филадельфи. — Секта «христіанскихъ ученыхъ». — Французскія дѣла. — Джонъ Рѣскинъ. — Рѣскинъ. (Статья Рихарда Мутера изъ «Die Zeit»).	47
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues» — «Revue de Paris». — «Contemporary Review».	58
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Медицина. О значеніи спиртныхъ напитковъ въ питаніи слабыхъ и больныхъ. — Почвовѣдѣніе. Объ удобреніи почвы при помощи бактерій. Д. Н. — Географія и антропология. Буры и туземныя расы Южной Африки. Н. М. — Астрономія. Новыя изслѣдованія о фигурѣ луны. К. Покровскаго	62
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика — Исторія права. — Соціология и политическая экономія. — Философія. — Естествознавіе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	82
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	112
23. ОТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О СЛѢПЫХЪ	115

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ. Романъ изъ сицилійской жизни Конрада Тэльмана. Перев. съ нѣм. З. Журавской.	33
25. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	33
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ОГОВОРКИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАГО ПОНИМАНІЯ ИСТОРІИ

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ, 19 декабря 1899 г.).

Подъ перомъ Маркса материалистическое пониманіе исторіи нашло ту формулировку, въ которой оно стало общеизвѣстнымъ въ настоящее время. Нѣсколько строкъ въ извѣстномъ «Манифестѣ», двѣ страницы въ предисловіи къ «Zur Kritik etc.», — и въ рядѣ выразительныхъ, словно отчеканенныхъ положеній, знаменитый мыслитель строитъ свою гипотезу, пытаясь объяснить ею процессъ исторіи человѣчества. Для всѣхъ, знакомыхъ съ материалистическимъ пониманіемъ исторіи въ формулировкѣ Маркса — для друга и недруга — она представляется рѣзкимъ протестомъ противъ идеалистической концепціи исторіи и попыткой безъ остатка свести на производственные отношенія, — на экономическій факторъ, — весь историческій процессъ.

Однако, ни Марксъ, ни его ближайшій сотрудникъ Энгельсъ не считали эту формулировку окончательной. О Марксѣ мы это знаемъ со словъ Энгельса, а Энгельсъ и самъ далъ этому много доказательствъ. Послѣ Энгельса, сильно ограничившаго первоначальное выраженіе гипотезы, началась ея оживленная критика среди самихъ послѣдователей Маркса. Вся дальнѣйшая исторія марксовской формулы есть исторія самокритики, исторія поправокъ и ограниченій со стороны однихъ, отстаиванія со стороны другихъ. Такъ продолжается, можно сказать, до сегодняшняго дня и, вѣроятно, будетъ продолжаться еще долго.

Этo и понятно. Всякая гипотеза, которая касается такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ объ основѣ исторической эволюціи, должна не разъ подвергнуться провѣркѣ, чтобы пріобрѣсти право называться теоріей. Она не можетъ выйти во всеоружіи изъ головы своего творца. Это признается всѣми наиболѣе самостоятельными послѣдователями ея даже изъ числа принимающихъ формулу Маркса. «Историческій материализмъ, говоритъ Мерингъ *), — не есть законченная, увѣнчанная истинною системою; онъ представляетъ лишь научный методъ изслѣдованія процесса человѣческаго развитія».

*) «Über den historischen Materialismus», приложение къ его книгѣ «Lessing-Legende», 1893, стр. 430.

Послѣ Энгельса историческій матеріализмъ измѣнилъ постепенно свои черты и какъ методъ, и какъ важная составная часть опредѣленнаго міросозерцанія.

Задачей настоящей статьи будетъ попытка охарактеризовать ту эволюцію, которая совершалась во взглядахъ на гипотезу у ея послѣдователей. Задача, слѣдовательно, прежде всего историческая.

I.

Когда вышла извѣстная книга Морганъ «Ancient Society» (1877), Марксъ рѣшилъ приняться за болѣе подробную обработку своей гипотезы. Морганъ пришелъ къ заключенію объ экономической основѣ исторической эволюціи, изслѣдуя отношенія первобытнаго общества. Самъ Марксъ сдѣлалъ тотъ же выводъ, изучая процессъ образованія современнаго общества. Онъ считалъ доказаннымъ, благодаря этому совпадению выводовъ, что исторія человѣчества движется экономическими факторами какъ въ своей колыбели, такъ и въ своемъ послѣднемъ фазисѣ. Для него факты, собранные американскимъ ученымъ, имъ самимъ и Энгельсомъ, дѣлали это несомнѣннымъ. Планъ дальнѣйшаго изслѣдованія подсказывался самымъ простымъ соображеніемъ. Надо было связать два конца, заполнить середину анализомъ фактовъ классической древности и среднихъ вѣковъ. Съ этой мыслью и носился Марксъ, но смерть помѣшала осуществить ее. Энгельсъ наслѣдовалъ его планы, но и онъ успѣлъ привести въ исполненіе далеко не всѣ. То, что ему удалось сдѣлать — это популяризовать результаты работы Морганъ и придать его положеніямъ большую рельефность. Такимъ образомъ явилась извѣстная книжка «Ursprung der Familie, des Privateigenthums, und des Staats» (1884), переведенная на русск. языкъ и выдержавшая у насъ три изданія *).

Въ ней Энгельсъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ Морганъ, сдѣлалъ одно характерное ограниченіе, правда, не колеблющее еще основъ *материалистическаго* пониманія исторіи, но не совсѣмъ согласующееся съ принципомъ исключительнаго господства производственныхъ отношеній, какъ фундамента исторіи. «Согласно материалистическому пониманію исторіи, — говоритъ онъ въ предисловіи къ 1-му изданію **), — направляющимъ моментомъ въ исторіи въ послѣдней инстанціи является производство и воспроизведеніе непосредственной жизни. А оно само двоякаго рода: съ одной стороны это — производство средствъ къ жизни, предметовъ питанія, одежды, жилищъ и необходимыхъ для всего этого орудій, съ другой — произведеніе на свѣтъ самого человѣка... Общественныя учрежденія, при которыхъ живутъ люди извѣстной истори-

*) См. «М. В.», «Библ. отд.», авг. 1895.

***) «Ursprung der Familie etc.», стр. VIII, изд. 1894.

ческой эпохи и известной страны, обусловлены двумя родами производства: съ одной стороны ступенью развитія труда, съ другой—ступенью развитія семьи».

Для всякаго ясно, что примѣненіе термина производства къ понятію семьи не болѣе, какъ каламбуръ, тщетная попытка спасти основную идею игрой словъ.

Энгельсу довольно скоро пришлось оставить эту почву. Въ цѣломъ рядѣ писемъ, относящихся къ девяностымъ годамъ, онъ высказывается принципиально, и то, что онъ говоритъ теперь, мало похоже на то, что говорилъ Марксъ и что говорилъ онъ самъ въ «Анти-Дюрингъ». Эти письма тѣмъ болѣе цѣнны, что они не предназначались для печати *).

«Въ томъ,—говоритъ въ одномъ изъ нихъ Энгельсъ,—что фракція младшихъ (Jüngere) до сихъ поръ придавала экономической сторонѣ больше значенія, чѣмъ она того заслуживаетъ, виновны частью Марксъ и я самъ. Намъ приходилось подчеркивать отрицаемый нашими противниками основной принципъ, и не всегда представлялся удобный случай воздать должное другимъ моментамъ, участвующимъ во взаимодействіи. Но какъ только приходится имѣть дѣло съ исторической работой, съ практическимъ примѣненіемъ (принципа),—дѣло мѣняется, и уже невозможна никакая ошибка. Къ сожалѣнію, часто случается такъ, что, усвоивъ основы новой теоріи, люди рѣшаютъ, что она понята вполне и что ею ужъ можно оперировать. Конечно, далеко не всегда это бываетъ удачно. Я не могу удержаться отъ такого упрека по адресу нѣкоторыхъ изъ младшихъ послѣдователей Маркса»...

Еще болѣе характерно другое мѣсто.

«Согласно материалистическому пониманію исторіи,—говоритъ тутъ Энгельсъ,—производство и воспроизведеніе дѣйствительной жизни является въ послѣдней инстанціи опредѣляющимъ моментомъ. Больше этого никогда не утверждали ни Марксъ, ни я. Перевертывать это въ томъ смыслѣ, будто экономической моментъ является единственно опредѣляющимъ, значитъ превращать наше положеніе въ ничего не говорящую отвлеченную, нелѣпую (absurde) фразу. Экономическое состояніе—базисъ, но различные моменты надстройки оказываютъ также вліяніе на ходъ исторической борьбы въ разныхъ случаяхъ и часто опредѣляютъ ея форму по преимуществу. Къ числу послѣднихъ относятся: политическія формы классовой борьбы и ея результаты—учрежденія, введенныя побѣдившимъ классомъ послѣ выигранной борьбы и т. п.,

*) Наиболѣе полныя выписки, относящіяся къ историческому материализму, находятся въ недавно вышедшей книгѣ Вольмана «Der historische Materialismus; Darstellung und Kritik der Marxistischen Weltanschauung». 1900. См. также у Грейлиха, «Die materialistische Geschichtsauffassung».

См. также «М. В.», январь 1897 г. «Вліяніе экономич. условій на развитіе общ.», стр. 96—106, пер. съ нѣмец., гдѣ переведены цѣликомъ главнѣйшія письма Энгельса.

дагѣ правовыя формы и отраженія различныхъ видовъ борьбы на сознаніи участвующихъ въ ней, политическія, юридическія, философскія теоріи, религиозныя воззрѣнія и ихъ дальнѣйшее развитіе въ догматы и пр. Во взаимодѣйствіи всѣхъ этихъ моментовъ въ концѣ концовъ, черезъ безконечную цѣль случайностей,—т. е. вещей и событій, внутренняя связь между которыми такъ отдаленна или такъ неуловима, что мы ее считаемъ не существующею,—и проявляется экономическое движеніе, какъ необходимое... Мы дѣлаемъ свою исторію сами, но прежде всего при очень опредѣленныхъ условіяхъ; среди нихъ экономическія въ концѣ концовъ являются рѣшающими. Но и политическія и пр. условія, вплоть до неотвязчивой традиціи, гнѣздящейся въ головахъ людей, играютъ роль, хотя и не рѣшающую...»

«Подъ экономическими причинами,—говорится въ другомъ мѣстѣ,—въ которыхъ мы видимъ опредѣляющій базисъ исторіи, мы понимаемъ способы (Art und Weise), при помощи которыхъ люди извѣстнаго общества производятъ средства къ поддержанію жизни и,—поскольку существуетъ раздѣленіе труда,—обмѣниваютъ продукты между собою. Такимъ образомъ тутъ понимается вся техника производства и транспорта. Согласно нашему пониманію, эта техника опредѣляетъ способъ обмѣна, дагѣ распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ этимъ—послѣ распаденія родового общества—подраздѣленіе на классы, связанныя съ нимъ отношенія господства и подчиненія, государство, политику, право и проч. Затѣмъ, въ числѣ экономическихъ отношеній подразумѣваются географическія основы, на которыхъ они отражаются, и продолжающіе фактически существовать пережитки болѣе раннихъ ступеней экономического развитія, сохраненные часто только традиціей или силою инерціи, конечно, также и внѣшняя среда, окружающая эту форму общества. Если техника... большею частью зависитъ отъ состоянія науки, то въ еще большей степени эта послѣдняя зависитъ отъ состоянія и потребностей техники. Если въ обществѣ чувствуется какая-нибудь техническая потребность, то это больше подвинетъ науку, чѣмъ десятокъ университетовъ.

«Мы видимъ, что историческое развитіе въ послѣдней инстанціи обусловливается экономическими условіями. Но раса и сама является экономическимъ факторомъ... Политическое, юридическое, философское, религиозное, литературное, художественное и пр. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ какъ одно на другое, такъ и на экономическій базисъ. Это не значитъ, что экономическое положеніе является единственной активной причиной, а другія лишь пассивными слѣдствіями. Это—взаимодѣйствіе на почвѣ экономической необходимости, всегда проявляющейся въ послѣдней инстанціи. Я не утверждаю автоматическаго дѣйствія экономического положенія. Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но дѣлаютъ ее въ данной напередъ, ихъ опредѣляющей средѣ, на почвѣ данныхъ напередъ фактическихъ отношеній,

и среди этихъ отношеній экономическія, какое бы вліяніе они ни испытывали отъ политическихъ и идеологическихъ, въ послѣдней инстанціи являются рѣшающими и образуютъ постоянную, единственно ведущую къ пониманію красную нить.

«Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но до сихъ поръ они дѣлали ее не по общей волѣ и не по общему плану, даже и не въ опредѣленно отграниченномъ данномъ обществѣ. Ихъ стремленія перекрещиваются, и во всѣхъ подобныхъ обществахъ царитъ все по той же причинѣ необходимость, дополненіемъ и формою проявленія которой является случайность. Необходимость, которая пробивается черезъ всякую случайность, и здѣсь въ концѣ концовъ экономическая»...

Любопытна попытка освѣтить отношеніе между экономическимъ базисомъ и надстройками при помощи перенесенія въ сферу общественныхъ явленій принципа раздѣленія труда. Основная посылка такова: гдѣ есть раздѣленіе труда, тамъ есть и самостоятельность раздѣленнаго труда; въ сферѣ экономическихъ отношеній, на примѣръ, производство является рѣшающимъ въ послѣдней инстанціи, однако торговля и денежный рынокъ являются самостоятельными моментами и подчиняются собственнымъ законамъ. Такъ же дѣло обстоитъ при выясненіи направляющей силы историческаго процесса. Во взаимодѣйствіи между неравными моментами всегда торжествуетъ экономическое движеніе. Вотъ какъ Энгельсъ поясняетъ свою мысль въ примѣненіи къ политическимъ, юридическимъ и идеологическимъ отношеніямъ:

«Всего проще дѣло объясняется съ точки зрѣнія распредѣленія труда. Общество порождаетъ извѣстныя общія функціи, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Назначенные для этого люди образуютъ новую вѣтвь раздѣленія труда внутри общества. Съ этимъ они получаютъ обособленные отъ своихъ довѣрителей интересы, дѣлаются самостоятельными сравнительно съ ними—и государство готово... Новая самостоятельная власть, правда, въ цѣломъ должна слѣдовать за движеніемъ производства, но, въ силу присущей ей, т. е. перенесенной на нее и постепенно развившейся дальше относительной самостоятельности, въ свою очередь реагируетъ на условія и ходъ производства. Это — взаимодѣйствіе двухъ неравныхъ силъ: съ одной стороны экономическаго движенія, съ другой—политической власти, стремящейся къ возможно большей самостоятельности... Въ цѣломъ экономическое движеніе одерживаетъ верхъ, но оно принуждено испытывать обратное вліяніе отъ имъ же установленнаго и снабженнаго относительной самостоятельностью политическаго движенія...

«Точно такъ же обстоитъ съ правомъ: какъ только начинается чувствоваться потребность въ новомъ раздѣленіи труда, которая вызываетъ къ жизни юристовъ, создается опять новая самостоятельная сфера, которая при всей своей общей зависимости отъ производства и торговли, обладаетъ спеціальной способностью воздѣйствія на оба эти момента...

«Что же касается до идеологическихъ сферъ, еіцевы ше парящихъ въ воздухѣ, религіи, философіи и проч., то въ нихъ есть наличность чего-то доисторическаго, существовавшаго раньше наступленія историческаго періода и имъ уже перейденнаго. Въ основѣ этихъ различныхъ представленій о природѣ, о свойствахъ человѣка, о духахъ, о волшебныхъ силахъ и проч. часто лежитъ лишь отрицательно-экономическое; низкое экономическое развитіе доисторическаго періода дополняется, а иногда даже обусловливается ложными представленіями о природѣ. И если даже экономическая потребность была главной пружиной прогрессирующаго познанія природы и дѣлалось ею все больше и больше, то все же было бы педантично искать экономическихъ причинъ для всѣхъ этихъ первобытныхъ заблужденій. Исторія наукъ есть исторія постепеннаго устраненія ихъ, точнѣе—ихъ замѣны новыми, менѣе нелѣпыми. Люди, которые посвящаютъ себя этому, принадлежатъ опять къ новымъ сферамъ раздѣленія труда и воображаютъ, что обрабатываютъ самостоятельную область. И поскольку они образуютъ самостоятельную группу въ общественномъ раздѣленіи труда, постольку продукты ихъ дѣятельности, включая сюда ихъ ошибки, оказываютъ вліяніе на все общественное развитіе, даже на экономическое. Но, во всякомъ случаѣ, они сами находятся подъ господствующимъ вліяніемъ экономическаго развитія.

«Заключительная супрематія экономическаго развитія остается въ силѣ и для этихъ областей, но въ ихъ предѣлахъ она осуществляется при помощи условій, господствующихъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности: въ философіи, напримѣръ, она осуществляется путемъ воздѣйствія экономическихъ вліяній (которыя часто дѣйствуютъ въ своихъ политическихъ и проч. одѣяніяхъ), на данный, доставленный предшественниками философскій матеріалъ. Въ этихъ случаяхъ экономія не создаетъ ничего непосредственно изъ себя: она лишь опредѣляетъ способности измѣненія и дальнѣйшей разработки наличнаго умственнаго матеріала; большею частью даже и въ этихъ предѣлахъ она дѣйствуетъ лишь косвенно, такъ какъ наиболѣе сильное непосредственное вліяніе философіи испытываетъ отъ политическихъ, юридическихъ и моральныхъ рефлексовъ».

Мы недаромъ такъ долго останавливались на письмахъ Энгельса. Намъ кажется, что ни для кого, кто захотѣлъ бы сравнить выводы, къ которымъ Энгельсъ пришелъ теперь, съ классической формулировкой гипотезы, не останется сомнѣнія въ глубокомъ отличіи первыхъ отъ второй. Многаго изъ того, что сказалъ Энгельсъ въ письмахъ, нѣтъ ни у Маркса, ни въ его собственныхъ, болѣе раннихъ трудахъ. Поэтому, едва ли можно согласиться съ Энгельсомъ, когда онъ утверждаетъ, что ни Марксъ, ни онъ не говорили ничего другого, чѣмъ то, что говоритъ онъ теперь. Къ защитѣ этого тожества Энгельсъ возвращается еще разъ. «Если думаютъ,—говоритъ онъ,—что мы отри-

цали всякое обратное дѣйствіе политическихъ и другихъ рефлексовъ экономическаго движенія на это послѣднее, то просто воюють съ вѣтранными мельницами. Обратите только вниманіе на брошюру Маркса о 18-мъ брѹмерѣ Людовика Наполеона, гдѣ почти только и говорится, что о политической борьбѣ и политическихъ событіяхъ—натурально въ кругу ихъ зависимости отъ экономическихъ условій! Или возьмите «Капиталъ», напр., страницы, посвященные рабочему дню, гдѣ законодательство, т. е. политическій актъ, дѣйствуетъ столь рѣшительно! Или въ томъ же «Капиталѣ» раскройте отдѣлъ объ исторіи буржуазіи (24 глава)! Да зачѣмъ же иначе боремся мы изъ-за политической диктатуры пролетаріата, если политическая власть лишена значенія? Сила (т. е. сила политическая)—также экономическій ресурсъ».

Все это такъ, но по первоначальной формулировкѣ ничего этого не видно.

Попробуемъ вслѣдъ за Вольтманомъ *) установить тѣ дополненія, которыя дѣлаетъ Энгельсъ къ первоначальной редакціи. На принципѣ общественнаго раздѣленія труда обоснована самостоятельность—правда относительная—соціальныхъ, а вслѣдъ за ними и духовныхъ сферъ; за этими сферами признаны спеціальныя, имманентныя ихъ природѣ законы, разграничены спеціальная и общая зависимость прочихъ отношеній отъ экономическихъ, прямое и косвенное вліяніе экономіи на другія области, въ томъ числѣ и на идеологію; признано существованіе обратнаго вліянія другихъ областей, въ томъ числѣ идеологическихъ, на экономію, введенъ принципъ отрицательнаго экономическаго дѣйствія на міръ представленій, возведены въ факторы исторіи географическія и антропологическія отношенія, хотя и подъ экономическимъ флагомъ. При самомъ тщательномъ анализѣ первоначальной редакціи, какъ у Маркса, такъ и у Энгельса, трудно найти въ ней всѣ эти оговорки. Если бы онѣ могли быть тамъ усмотрѣны, едва ли были бы возможны тѣ недоразумѣнія, на которыя намекаетъ Энгельсъ, упрекая «младшихъ» марксистовъ. Быть можетъ, если бы гипотеза сразу получила тотъ видъ, который она получаетъ въ письмахъ Энгельса,—противники материалистическаго пониманія исторіи не имѣли бы столько поводовъ острить надъ курьезами, вродѣ отождествленія метемпсихозы Каббалы съ товарнымъ обмѣномъ.

II.

Послѣ Энгельса самокритика гипотезы пріобрѣла большое оживленіе. Если раньше не всякій рѣшался высказывать свои скептическія соображенія изъ опасенія быть обвиненнымъ въ ереси, то теперь, когда одинъ изъ творцовъ гипотезы фактически призналъ недостаточность

*) Op. cit., стр. 244.

первой формулировки, такія опасенія, если они существовали, потеряли значеніе.

Въ спеціальныхъ журналахъ найдется не мало попытокъ пойти по стопамъ Энгельса. Мы остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ.

Книга Штамлера не можетъ войти въ наше изложеніе по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Штамлеръ—не марксистъ, поэтому какъ бы характерна ни была его критика, она не можетъ интересовать насъ непосредственно. Къ тому же книга Штамлера переведена, а въ вопросѣ о ея значеніи помогутъ разобраться статьи гг. Бугакова и Струве *).

Напомнимъ только, что пониманіе гипотезы Штамлеромъ держится на идеѣ, которую мы только что встрѣтили у Энгельса,—на разграниченіи посредственнаго и непосредственнаго вліянія экономическихъ отношеній. Штамлеръ, какъ и Энгельсъ, для объясненія историческаго процесса строитъ, если можно такъ выразиться, лѣстницу моментовъ. Въ его концепціи гипотеза пріобрѣтаетъ болѣе стройный характеръ, и, отходясь отъ такого ея толкованія, Штамлеръ подвергаетъ ее суду критической философіи.

О Штамлерѣ приходится упомянуть потому, что осложненіе гипотезы теоретико-познавательными моментами вызвало одну попытку, исходящую, какъ и всѣ здѣсь излагающіяся, изъ среды послѣдователей Маркса.

Конрадъ Шмидтъ, тотъ самый, къ которому адресовалъ Энгельсъ одно изъ цитированныхъ выше писемъ, напечаталъ статью **), гдѣ въ связи съ разборомъ книги Штамлера высказывается далеко не согласно съ первоначальной формулировкой. Въ обычное пониманіе гипотезы введены новые элементы, сильно ее видоизмѣняющіе.

Шмидтъ не отказывается видѣть въ трудѣ основу общества, но, по его мнѣнію, самый общественный трудъ можно объяснить, лишь признавъ потребности, желанія и цѣлесообразныя дѣйствія членовъ общества. Каждый общественный порядокъ представляетъ опредѣленную организацію удовлетворенія человѣческихъ потребностей, и человѣческія потребности, вырастающія изъ этого общественнаго порядка при возможности имъ же доставляемыхъ средствъ, превращаютъ его въ новый общественный порядокъ, который выдвигаетъ новыя потребности. И Шмидтъ, совершенно не отрицая значенія экономическихъ явленій, «принципіально разрываетъ со смутной гипотезой, что изъ этихъ отношеній и потребностей можно безъ остатку дедуцировать всѣ прочія общественныя функціи, какъ будто бы истинныя основы каждого со-

*) См. также «М. В.», «Библиотечка», сент. 1899 г. *Ред.*

***) Мы знакомы съ идеями К. Шмидта по изложенію Симховича («Der Krisis der Sozialdemokratie» въ «Jahrbücher für Nationalökonomie» E. Conrad's, 17 Band, 6 Heft, 1899).

ціального факта (Geschehens), если ихъ прослѣдить какъ слѣдуетъ, носятъ необходимо экономической характеръ».

Точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ Шмидтъ, несомнѣнно, весьма плодотворна, и, оставаясь на ней, онъ могъ бы сильно двинуть впередъ гипотезу. Къ сожалѣнію, кантовская гносеологія оказалась ему рѣшительно не подъ силу, и онъ вскорѣ вернулся къ обычному толкованію *).

Но попытка усумниться во всемогуществѣ экономического фактора вызвала энергичный отпоръ со стороны извѣстнаго русскимъ читателямъ г. Бельтова, который находилъ принципы критической философіи—кантіанскіе или неокантіанскіе, безразлично,—рѣшительно неприемлемыми къ объясненію историческаго процесса. Критическая философія по самому своему существу—буржуазная философія, и переносить принципы критицизма туда, гдѣ примѣнимъ лишь материализмъ, не болѣе, какъ проявленіе оппортунистскаго духа въ средѣ партіи **).

Повидимому, неустойчивость позиціи самого Шмидта и апеллированіе къ высшимъ соображеніямъ со стороны его противниковъ содѣйствовали тому, что идеи, высказанныя имъ, не нашли сочувствія.

Однако, въ той или иной формѣ, критика гипотезы не могла остановиться. Не успѣла умолкнуть поднятая Штамлеромъ полемика въ Германіи, какъ въ Швейцаріи явилась новая попытка.

Въ 1897 г. вышла брошюрка Greulich'a о материалистическомъ пониманіи исторіи ***).

Грейлихъ знаетъ, что Марксъ не смотрѣлъ на свою формулировку, какъ на окончательную, знаетъ письма Энгельса, выписываетъ часть того, что выписано выше нами, и вполнѣ подписывается подъ заключающимися здѣсь оговорками. Ему кажется, что другого пониманія и быть не можетъ. Односторонность въ пониманіи гипотезы онъ объясняетъ совершенно правильно. «Въ исторіи всѣхъ наукъ постоянно случается такъ,—говоритъ онъ,—что каждое дѣлающее эпоху открытіе вызываетъ какое-то опьяненіе умовъ, ведущее, въ свою очередь, къ своего рода ортодоксіи, отъ которой очень далеки сами открыватели». Отъ такого опьяненія самъ Грейлихъ совершенно свободенъ.

Для него материалистическое пониманіе исторіи важно, какъ плодотворная гипотеза, какъ методъ историческаго изслѣдованія. «Она вноситъ въ исторію,—говоритъ онъ,—струю свѣта, въ которой чувствовался такой недостатокъ, и въ этомъ смыслѣ прямо неопѣнима». Даже формулировка Маркса въ «Zur Kritik etc.», односторонность которой для него несомнѣнна, онъ считаетъ дѣлающимъ эпоху открытіемъ. «Она распатываетъ все прежнее пониманіе хода исторіи... Въ то время, какъ раньше экономическія основы систематически оставались въ

*) См. объ этомъ у Симховича, указ. мѣсто.

***) См. у Симховича, стр. 768a—768b.

***) «Über die materialistische Geschichtsauffassung», ein Vortrag von Hermann Greulich, 1897.

пренебреженіи, открытіе Маркса принуждаетъ приступить къ ихъ изученію». «Для исторіи едва ли можетъ быть другой болѣе заслуживающій поощренія и болѣе плодотворный методъ изысканія, чѣмъ изслѣдованіе явленій по степени вліянія матеріальныхъ условій... Этотъ методъ открываетъ новый путь даже для исторіи идей, такъ какъ онъ устраняетъ личный, случайный элементъ и смотритъ на тѣ или другія теченія мысли какъ на необходимое, закономѣрное».

Это послѣднее заключеніе подкрѣпляется у Грейлиха ссылкой на двѣ научныя попытки.

Грейлихъ ссылается, во-первыхъ, на извѣстную книгу недавно умершаго французскаго социолога Одэна *) «Происхожденіе великихъ людей». Грейлихъ положительно утверждаетъ, что книга создана подъ вліяніемъ матеріалистическаго пониманія исторіи и оперируетъ его методомъ. Содержанія книги онъ не излагаетъ, и для всякаго незнакомаго съ ней попытка истолковать ее, какъ продуктъ историческаго матеріализма, остается на отвѣтственности Грейлиха. Во всякомъ случаѣ зачисленіе Одэна въ рядъ сторонниковъ интересующей насъ гипотезы возможно лишь при очень широкомъ пониманіи ея. Одэнъ старался свести генезисъ такъ называемыхъ великихъ людей къ средѣ— и только. Квалификаціи этой среды въ духѣ историческаго матеріализма у Одэна нѣтъ, никакого подраздѣленія факторовъ, напоминающаго концепцію историческаго матеріализма, не имѣется, предпочтенія экономическимъ отношеніямъ нигдѣ принципиально не отдается. Если Одэнъ историкъ-матеріалистъ, то съ неменьшимъ удобствомъ за такихъ могутъ сойти еще десятки социологовъ **).

Еще болѣе страннымъ кажется то, что Грейлихъ причисляетъ къ сторонникамъ матеріалистическаго пониманія исторіи—представителей лингвистической школы Гейгера и Нуаре на томъ простомъ основаніи, что происхожденіе языка они объясняютъ фактами человѣческой дѣятельности. Такимъ образомъ въ историческіе матеріалисты попалъ не болѣе, не менѣе, какъ Максъ Мюллеръ.

Ясно, что если все это—не плодъ недоразумѣнія, то подъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи Грейлихъ разумѣетъ что-то очень далекое отъ ея первоначальной формулировки.

Наконецъ, Грейлихъ пытается иллюстрировать свои положенія на примѣрѣ крестовыхъ походовъ.

Такія иллюстраціи вообще представляются крайне ненадежными

*) «Genèse des grands-hommes, gens de lettre français modernes». Одэнъ былъ профессоромъ французскаго языка и литературы въ Софіи (Болгарія).

***) Въ нѣмецкой литературѣ за послѣднее время вообще замѣчается стремленіе притягивать къ историческому матеріализму такихъ мыслителей, которые ничего общаго съ нимъ не имѣютъ. Вольманъ, напр., ничтоже сумняшея перечисляетъ въ коллекціи предшественниковъ гипотезы—Вико, Гердера, Монтескье, Канта, Воля (op. cit., стр. 11—24).

какъ для подтвержденія, такъ и для опроверженія гипотезы. Между тѣмъ и сторонники и противники ея—въ числѣ послѣднихъ и русскіе—охотно къ нимъ прибѣгаютъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время фактическая сторона исторіи выяснена далеко не сполна; мы отнюдь не можемъ похвалиться всестороннимъ знакомствомъ съ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіемъ, и ссылка на фактъ можетъ быть отведена простой апелляціей къ болѣе освѣдомленной исторіи. Характерно то, что, несмотря на очень убѣдительные доводы проф. Масарика *), Каутскій въ своей антикритикѣ на книгу Бернштейна, продолжаетъ требовать фактическихъ доказательствъ въ ту или другую сторону. Быть можетъ, если бы Марксъ не такъ вѣрилъ въ силу фактовъ для подкрѣпленія гипотезы, она была бы больше обоснована на философской сторонѣ. А теперь примѣръ основателя вызвалъ подражанія, только затрудняющія, а не разрешающія вопросъ.

Въ частности съ Грейлихомъ тутъ случился даже курьезъ. Съ исторіей крестовыхъ походовъ онъ знакомъ, повидимому, довольно плохо и, подбирая детали, упустилъ изъ виду—или и прямо не зналъ—цѣлый рядъ фактовъ, гораздо болѣе характерныхъ для выясненія экономической стороны движенія.

Дѣло однако не въ этомъ, а въ томъ, что и Грейлихъ отъазывается видѣть въ экономическихъ отношеніяхъ единственный активный факторъ исторического прогресса.

III.

Наиболѣе яркимъ представителемъ умѣренной фазы материалистическаго пониманія исторіи является Эдуардъ Бернштейнъ. Критика традиционныхъ взглядовъ школы, съ которой выступилъ Бернштейнъ въ послѣднее время, во всемъ ея объемѣ не могла быть неожиданностью для его прежнихъ единомышленниковъ. Въ своихъ статьяхъ онъ неоднократно высказывался въ томъ духѣ, въ какомъ окончательно высказался теперь **). Тѣмъ не менѣе его послѣдняя книга, какъ извѣстно, вызвала цѣлую бурю. Всѣмъ памяты дебаты на ганноверскомъ Parteitag'ѣ, подобныхъ которымъ давно не запомнятъ гѣтописи партіи. Излагать все содержаніе книги намъ нѣтъ надобности. Мы остановимся лишь на той небольшой части, которая касается материалистическаго пониманія исторіи.

«Вопросъ о правильности материалистическаго пониманія исторіи есть вопросъ о степени исторической необходимости. Быть материалистомъ значить утверждать необходимость всего случившагося. Движеніе матеріи, согласно материалистической доктринѣ, съ необходимостью слѣ-

*) «Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. Studien zur Sozialen Frage», 1899.

***) См. у Сяжовича, цит. статья, стр. 7686 и слѣд.

дуеть опредѣленнымъ законамъ; нѣтъ причинъ безъ ихъ необходимаго дѣйствія, нѣтъ фактовъ безъ матеріальныхъ причинъ. А такъ какъ движеніе матеріи опредѣляетъ форму идей и даетъ направленіе волѣ, то и эти послѣднія, а вмѣстѣ съ ними и всѣ явленія человѣческаго міра—необходимы. Такимъ образомъ, матеріализмъ—это кальвинизмъ безъ Бога. Если онъ не вѣритъ въ предопредѣленіе..., то вѣритъ и долженъ вѣритъ, что съ любой точки зрѣнія все грядущее предопредѣлено совокупностью данной матеріи и отношеніями силы между ея частями.

«Переносить матеріализмъ въ объясненіе исторіи—значитъ утверждать необходимость всѣхъ историческихъ событій и всякаго историческаго развитія. Для матеріалиста вопросъ сводится лишь къ тому, какимъ образомъ проявляется необходимость въ исторіи человѣчества, какой элементъ силы или какіе факторы силы производятъ рѣшающее слово, каково отношеніе различныхъ факторовъ между собою, какую роль играютъ въ исторіи природа, хозяйство, правовыя учрежденія, идея».

Приведя извѣстное мѣсто изъ предисловія къ «Zur Kritik etc.» и оговорки Энгельса, Бернштейнъ подчеркиваетъ ихъ и продолжаетъ:

«Кто раздѣляетъ теперь матеріалистическое пониманіе исторіи, тотъ долженъ примѣнять его въ наиболѣе законченной, а не въ первоначальной формѣ, т. е. обяванъ на-ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній съ полнымъ вниманіемъ отнестись (volle Rechnung zu tragen) къ юридическимъ и нравственнымъ понятіямъ, къ историческимъ и религіознымъ традиціямъ каждой эпохи, къ географическимъ и прочимъ вліяніямъ природы, а также къ природѣ самого человѣка и его духовнымъ силамъ. Это особенно надо имѣть въ виду тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о простомъ изслѣдованіи прошлыхъ историческихъ эпохъ, а о предположеніяхъ относительно грядущаго развитія, гдѣ матеріалистическое пониманіе исторіи должно служить путеводной звѣздой будущаго.

«...Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о такихъ большихъ массахъ, какъ современныя націи съ ихъ выросшимъ изъ тысячелѣтняго развитія жизненнымъ строемъ,—тамъ даже отъ болѣе крупныхъ измѣненій въ основахъ собственности трудно ждать быстраго измѣненія въ человѣческой природѣ, и это тѣмъ болѣе, что хозяйственныя отношенія и условія собственности составляютъ лишь часть соціальной обстановки, которая вліяетъ на человѣческій характеръ опредѣляющимъ образомъ. И здѣсь надо имѣть въ виду множественность факторовъ: къ отношеніямъ производства и обмѣна, на которыя главнымъ образомъ наираетъ историческій матеріализмъ, присоединяется въ числѣ другихъ, правда, ими же обусловленное, но—разъ оно дано,—уже оказывающее и обратное вліяніе... территориальное дѣленіе населенія и въ связи съ нимъ организація сношеній...»

«Историческій матеріализмъ совершенно не отрицаетъ самостоя-

тельности (*Eigenbewegung*) политическихъ и идеологическихъ силъ, онъ лишь оспариваетъ безусловность этой самостоятельности и показываетъ, что эволюція экономическихъ основъ общественной жизни—производственные отношенія и развитіе классовъ—въ концѣ концовъ оказываютъ болѣе сильное вліяніе на дѣятельность вышеупомянутыхъ силъ.

«Множественность факторовъ во всякомъ случаѣ остается, и далеко не всегда легко вскрыть связь между ними съ такою отчетливостью, чтобы прочно дознаться, гдѣ въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдуетъ искать сильнѣйшую двигательную силу. Чисто экономическія причины лишь готовятъ почву для воспріятія извѣстныхъ идей; ихъ дальнѣйшій ростъ, распространеніе, формы, которыя онѣ получаютъ—все это зависитъ уже отъ совмѣстнаго дѣйствія цѣлаго ряда вліяній. Историческому матеріализму скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу, когда презрительно объявляютъ эклектизмомъ подчеркиваніе иныхъ вліяній, кромѣ чисто-экономическихъ, и вниманіе къ инымъ экономическимъ факторамъ, кромѣ техники производства и ея предопредѣленнаго развитія. Эклектизмъ... часто является лишь естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія—выводить все изъ единого, начала и оперировать всюду однимъ и тѣмъ же методомъ. Когда это стремленіе переходитъ мѣру, духъ эклектизма со стихійной силой пробиваетъ себѣ путь. Это—возмущеніе трезваго ума противъ сидящей во всякой доктринѣ тенденціи изувѣчивать мысль инквизиціонными инструментами».

По мнѣнію Бернштейна, въ настоящее время люди научились управлять экономическимъ развитіемъ, и власть экономической необходимости надъ ними стала значительно слабѣе. И если мы придадимъ теперь большее значеніе экономическому мотиву, чѣмъ придавали раньше, то это не потому, что его роль сдѣлалась важнѣе, а потому, что теперь онъ выступаетъ открыто, въ то время, какъ раньше маскировался другими отношеніями.

За то «современное общество гораздо богаче всѣхъ прежнихъ идеологіями, независимыми отъ экономіи и отъ природы, дѣйствующей какъ экономическая сила. Науки, искусства, цѣлый рядъ общественныхъ отношеній въ настоящее время гораздо менѣе зависимы отъ экономіи, чѣмъ въ прежнія времена. Или—чтобы не были возможны недоразумѣнія—достигнутая теперь степень экономического развитія предоставляетъ идеологическимъ и особенно этическимъ факторамъ большую арену самостоятельнаго дѣйствія, чѣмъ это было раньше. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ другихъ социальныхъ учреждений будетъ дѣлаться все менѣе и менѣе непосредственной и вмѣстѣ съ тѣмъ естественная необходимость перваго будетъ все меньше и меньше опредѣлять формы послѣднихъ».

Предлагая затѣмъ замѣнить термина «матеріалистическое пониманіе исторіи» другой—«экономическое пониманіе исторіи», Бернштейнъ заканчиваетъ этотъ отдѣлъ *) слѣдующими словами:

«Въ той роли, которую эта теорія приписываетъ экономіи, кроется ея значеніе; изъ познанія и оцѣнки экономическихъ фактовъ проистекаютъ ея громадныя заслуги передъ исторической наукой, проистекаютъ тѣ богатые результаты, которыми обязана ей эта отрасль человѣческихъ знаній. Экономически понимать исторію не значитъ признавать только экономическія силы, одни экономическіе мотивы: это значитъ лишь утверждать, что экономія является постоянно рѣшающею силою, является краеугольнымъ камнемъ великихъ историческихъ движеній. Къ термину «матеріалистическое пониманіе исторіи» прицѣпились всѣ недоразумѣнія, которыя вообще неразлучны съ понятіемъ «матеріализмъ». Философскій или естественнонаучный матеріализмъ—детерминистиченъ, марксистское пониманіе исторіи—нѣтъ: оно не приписываетъ экономическимъ основамъ народной жизни никакого безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы».

Такъ развиваетъ Бернштейнъ оговорки Энгельса. По его мнѣнію, было бы громаднѣйшимъ шагомъ назадъ возвращаться отъ «зрѣлой формы», которую придалъ теоріи Энгельсъ, къ ея первоначальной формулировкѣ. Наоборотъ, послѣднюю надо дополнять письмами Энгельса. «Основная идея теоріи отъ этого не теряетъ въ единствѣ, но зато самая теорія выигрываетъ въ научности»... «Дальнѣйшее развитіе и выработка марксистскаго ученія должны начаться съ его критики».

Съ такой критикой однако согласились далеко не всѣ марксисты. Бернштейну и его послѣдователямъ пришлось вынести ожесточенную критику. Впрочемъ, она касалась главнымъ образомъ другихъ отдѣловъ книги Бернштейна, болѣе непосредственно колеблющихся эрфуртскую программу.

Въ своей книгѣ противъ Бернштейна Каутскій сгруппировалъ наиболѣе существенныя изъ своихъ и отчасти чужихъ возраженій. Останавливаться на ней мы однако не станемъ; мы не будемъ даже разбирать отдѣла о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ замѣчаній Каутскаго только одно попадаетъ въ дѣйствительно слабое мѣсто разсужденій Бернштейна, именно то, гдѣ онъ справедливо протестуетъ противъ отрицанія Бернштейномъ детерминистическаго характера матеріалистическаго пониманія исторіи. Это, какъ видѣлъ читатель, единственный пунктъ, гдѣ Бернштейнъ вдается въ разсмотрѣніе философскихъ вопросовъ, и изъ его изложенія, если сопоставить начало съ концомъ, его основной взглядъ на необходимость далеко не ясенъ. Пытаясь защищаться противъ Каутскаго, онъ запутался еще больше. «Подъ детерминизмомъ,—говоритъ онъ въ од-

*) Die Voraussetzungen etc., стр. 4—14.

ной полемической статьѣ,—я понимаю материально опредѣленную необходимость, которая въ примѣненіи къ исторіи должна была бы называться фатализмомъ». Каутскому не трудно было доказать непрочность всѣхъ этихъ разсужденій.

Мы не можемъ вдаваться въ разсмотрѣніе вопроса по существу, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ ближайшей задачи; намъ важно было показать возможность для послѣдовательныхъ марксистовъ тѣхъ существенныхъ ограниченій, на которыя они пошли.

IV.

Попытаемся теперь оцѣнить значеніе всѣхъ оговорокъ историческаго материализма.

Во-первыхъ, почему онѣ явились?

Для послѣдовательныхъ учениковъ Маркса материалистическое пониманіе исторіи является основой всего социальнаго міросозерцанія. Это признается всѣми. Для Бернштейна, напримѣръ, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. «Никто,—говоритъ онъ,—не станетъ отрицать, что важнѣйшею частью въ фундаментѣ всего ученія, такъ сказать, основнымъ закономъ, проникающимъ всю систему, является его специфическая историческая теорія, называемая материалистическимъ пониманіемъ исторіи. Марксизмъ въ принципѣ неразрывно связанъ съ нимъ (mit ihr steht und fällt es im Prinzip)». А разъ материалистическое пониманіе исторіи неразрывно связано съ цѣлой системой, то оно должно раздѣлить его судьбу.

Система нѣмецкаго марксизма есть продуктъ социальныхъ отношеній Европы сороковыхъ годовъ. Его эволюція отражаетъ эволюцію социальныхъ отношеній за дальнѣйшій періодъ. Наибольшаго, по крайней мѣрѣ внѣшняго, обостренія социальныя отношенія достигли въ ту эпоху, когда вырабатывалось міросозерцаніе Маркса. Тогда явились его формулировки материалистическаго пониманія исторіи сначала въ Манифестѣ, затѣмъ въ предисловіи къ «Zur Kritik etc». Социальная борьба постепенно утрачивала свой острый характеръ. Къ девяностымъ годамъ это выяснилось въ достаточной степени: тогда явились оговорки Энгельса. А теперь, когда вся практическая программа партіи, подъ влияніемъ измѣненія условій, готова измѣниться, является концепція Бернштейна.

Таковы главные причины той эволюціи, которую пришлось претерпѣть гипотезѣ; но онѣ не единственныя.

Въ послѣднія 30—40 лѣтъ исторія и социологія шагнули далеко впередъ. Подчеркиваніе экономическаго фактора материалистическимъ пониманіемъ исторіи не осталось безъ влияния ни на одну изъ этихъ наукъ и даже въ своемъ одностороннемъ видѣ принесло большіе плоды. Историки и социологи обратили вниманіе на экономическія от-

ношенія отчасти подъ непосредственнымъ вліяніемъ гипотезы. Марксъ и самъ въ историческихъ отдѣлахъ «Капитала» является крупнымъ изслѣдователемъ по экономической исторіи. Экономическое направленіе въ исторической наукѣ и принципиально, и методологически находится въ тѣсной связи съ историческимъ матеріализмомъ. Отчасти оно вызвано къ жизни одними и тѣми же причинами, отчасти выработалось прямо подъ его вліяніемъ.

Но приложенный къ изученію общественныхъ явленій—въ исторической или социологической формѣ,—принципъ экономического объясненія не могъ остаться при прежней формулировкѣ. Исторія и особенно социологія, оперируя фактами на безконечномъ протяженіи процесса эволюціи человѣческихъ обществъ, имѣя дѣло съ безконечнымъ разнообразіемъ общественныхъ формъ, не могли не увидѣть, что сводить къ экономическому все безъ остатка, выводить изъ экономического все непосредственно—значить насиловать факты. Методъ исторического матеріализма былъ усвоенъ, но его примѣненіе было ограничено областью изслѣдованія экономической эволюціи и процессовъ, соприкасающихся съ ней ближайшимъ образомъ. Въ этой сферѣ заслуги исторического матеріализма громадны.

Проvѣрка метода, предпринятая исторіей и социологіей и пришедшая къ заключенію о необходимости ограничить его приложеніе, могла быть одной изъ причинъ, побудившихъ приверженцевъ гипотезы, начиная съ одного изъ ея творцовъ, взяться за пересмотръ.

Теоретическая критика матеріалистическаго пониманія исторіи едва ли можетъ похвалиться той же заслугой. Правда, недостатка въ ней никогда не ощущалось ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ, но до самаго послѣдняго времени она съ удивительной настойчивостью попадала не туда, куда слѣдуетъ. Только Штамлеръ указалъ правильный путь для принципиальной критики, хотя самъ онъ, введя въ дѣло телеологическій моментъ, испортилъ свои построенія. Теперь уже критика знаетъ дорогу и идетъ по ней *).

Таковы вѣроятныя причины появленія оговорокъ.

Каково же ихъ значеніе?

Коротко говоря, онѣ сводятся къ тому, что отъ доктрины, съ которой трудно было помириться историку, привыкшему обращаться съ фактами осторожно, остается одно положеніе.

Экономическое движеніе—наиболѣе важное изъ всѣхъ движеній, участвующихъ въ историческомъ процессѣ. Экономическія силы—наиболѣе важныя изъ силъ, направляющихъ историческій процессъ. Вліяніе экономіи на прочія отношенія—силнѣе, чѣмъ вліяніе прочихъ отношеній на экономію. Политическія условія, право и проч. развиваются по имманентнымъ ихъ природѣ законамъ. Связь между всѣми этими

*) Для интересующихся укажемъ названную выше книгу Масарика.

сферами и экономіей существуетъ, но осуществляется не непосредственно, а черезъ цѣлую сѣть болѣе близкихъ вліяній.

Вотъ къ чему въ главномъ свелся историческій материализмъ.

Не входя въ оцѣнку этой послѣдней формулировки по существу, ограничимся пока нѣсколькими общими замѣчаніями.

Читатель, конечно, знаетъ, что оговорки приняты далеко не всѣми послѣдователями Маркса. Главнымъ препятствіемъ къ этому, какъ показываетъ, между прочимъ, и послѣдняя книга Каутскаго, служитъ представленіе о неразрывной связи гипотезы со всей программой партіи. Бернштейнъ и другіе, которые вносятъ ограниченія и въ самую программу, этимъ соображеніемъ, разумѣется, не затрудняются.

Поскольку можно отдѣлить материалистическое пониманіе исторіи отъ партійной программы и поскольку для представителя партіи возможно пойти вслѣдъ за Бернштейномъ на дальнѣйшія ограниченія, новая формулировка пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе. Разсматривая ее въ такомъ видѣ, нельзя не признать за ней крупнаго научнаго значенія, гораздо болѣе крупнаго, чѣмъ она имѣла въ своей классической формулировкѣ.

Главное значеніе оговорокъ, намъ кажется, состоитъ въ томъ, что вопросъ о пониманіи историческаго процесса спускается съ неба на землю. Кровь отъ крови и плоть отъ плоти гегелевской діалектики, первоначальная концепція таила въ себѣ много метафизическаго. Отъ метафизичности не спасало ее и материалистическое содержаніе, влитое Марксомъ въ діалектическія формы. Оговорки въ значительной степени избавляютъ гипотезу отъ неудобнаго метафизическаго одѣянія, мѣшавшаго приблизиться къ фактамъ, и вопросъ о закономерности въ исторіи переносится на положительную почву, гдѣ надъ нимъ уже много поработали историки и социологи.

Оговорки перекидываютъ мостъ черезъ пропасть, раздѣлявшую людей, привыкшихъ мыслить исторію внѣ логическихъ категорій,—и теоретиковъ исторіи въ духѣ марксизма. Для Германіи бернштейнство во всемъ его объемѣ служитъ и болѣе общимъ пунктомъ примиренія различныхъ общественныхъ міросозерцаній. Для Россіи, гдѣ историческій материализмъ разъединялъ людей, очень близкихъ по общественному міросозерцанію, иногда и совершенно согласныхъ по всѣмъ прочимъ пунктамъ, оговорки могутъ сыграть роль, очень значительную.

Въ исторической наукѣ, оговорки могутъ устранить большія затрудненія, которыя мѣшали сговориться людямъ, раздѣляемымъ отношеніемъ къ историческому материализму. Вопросы практическаго изслѣдованія и вопросы теоретическаго обсужденія станутъ ближе къ общей почвѣ.

Намъ кажется, что тутъ главное вниманіе придется обратить прежде всего на формальную сторону, которая до сихъ поръ нуждается въ разработкѣ и неразработанностью которой объясняется значительная

часть всевозможныхъ недоразумѣній. Матеріалистическое пониманіе исторіи стало уже на этотъ путь привлеченіемъ принциповъ гносеологіи для выясненія природы различныхъ моментовъ историческаго процесса *), но то, что сдѣлано, еще далеко не имѣетъ окончательнаго характера.

Въ споръ между діалектическимъ матеріализмомъ и критицизмомъ долженъ былъ вмѣшаться и уже вмѣшался позитивизмъ, который въ произведеніяхъ американскихъ и отчасти французскихъ соціологовъ пытался доказать психологическую природу историческаго процесса. Какъ показываетъ извѣстная книга Лакомба, такой выводъ можетъ быть вполне примиренъ съ признаніемъ важности экономическихъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ понимается это положеніе послѣдней формулировкой теоріи Маркса.

Вообще, дѣло идетъ о перекрестной провѣркѣ методовъ, отъ которой надо ждать обильныхъ результатовъ. Затронуты капитальнѣйшіе вопросы исторической науки, и чѣмъ больше обяжутся другъ другу различные методы, тѣмъ въ большей выгодѣ останется сама наука. А пока что,—ужь и одного этого сближенія достаточно, и за одно это приходится цѣнить оговорки матеріалистическаго пониманія исторіи.

А. Дживелеговъ.

---

*) Читателю извѣстно, что Штаммеръ (1896) явился и тутъ однимъ изъ иниціаторовъ. Его примѣръ нашелъ послѣдователей не въ одной Германіи. Въ 1897 г. въ «Revue internationale de Sociologie» (8—10) появилась статья Эдуарда Абрамонекаго о психологическихъ основахъ соціологіи, вслѣдъ за которой онъ написалъ статью уже непосредственно касающуюся историческаго матеріализма. Обѣ статьи только что появились въ русскомъ переводѣ: Э. Абрамовскій, I. «Психологическія основы соціологіи». II. «Историческій матеріализмъ и принципъ соціальнаго явленія». М. 1890. 112 стр. Принципы автора чисто калтанскіе. У насъ той же цѣли посвящены, какъ извѣстно, статьи г. Булгакова.

НЕСПѢТЫЯ ПѢСНИ.

Какъ много въ сердцѣ у меня
Зачатыхъ пѣсенъ шевелится!..
Но въ трудовомъ угарѣ дня
Для жизни въ мѣръ имъ не явиться...

Безвѣстны, замрутъ онѣ
Въ тоскѣ подавленныхъ желаній.
И не воскреснутъ въ тишинѣ
Изъ загуманенныхъ мечтаній.

Утраченъ мигъ; въ борьбѣ нѣмой
Погасли искры вдохновеній—
И душу давить мутной мглой
Хаосъ несозданныхъ твореній...

А. Колтоновскій.

— ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(О Ч Е Р К И).

I.

Записки мои о деревнѣ, печатавшіяся въ 1892 г. въ „Русской Мысли“ подъ заглавіемъ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“, относились къ періоду до 1886 г.

Послѣ трехъ описанныхъ мною пожаровъ, я потерялъ большую часть своего оборотнаго капитала и, не желая вести дѣло на занятой, рѣшилъ снова заняться своимъ инженернымъ дѣломъ, а имѣніе поручить управляющему—нѣмоему Петру Ивановичу Иванову.

Выборъ Петра Ивановича былъ сдѣланъ мною не вполне самостоятельно: рекомендовалъ мнѣ его Чеботаевъ, какъ человѣка стойкаго и умѣющаго подобрать распущенные мною возжи.

То, что все случившееся со мной произошло на этой именно почвѣ,—въ этомъ не сомнѣвался никто.

— Мнѣ кажется, что съ вами случилось, — утѣшалъ меня тогда Чеботаевъ, — нѣчто въ такомъ родѣ. Позвали вы человѣка и сказали ему: „вотъ тебѣ рубль“. — „За что?“ — „Такъ, ни за что“. — „Спасибо“. — И на другой день позвали и дали, и на третій, и на четвертый и такъ далѣе, приучивъ себя давать, а ихъ брать. И въ одинъ прекрасный день, когда, вмѣсто рубля, вы дали имъ полтинникъ, они обидились и стали жечь васъ. Петръ Ивановичъ звѣздъ вамъ съ неба хватать не будетъ, но онъ человѣкъ дѣловой, практичный, стойкій и, главное, честный.

И вотъ Петръ Ивановичъ въ одинъ пасмурный декабрьскій день пріѣхалъ ко мнѣ въ Князевку.

Онъ долго пыхтѣлъ и шумѣлъ, раздвѣаясь въ передней, и изъ кабинета я слышалъ его властный гелось, которымъ отдавалъ онъ прислугѣ разныя приказанія относительно своего багажа, необходимости просушить его чапанъ, валенки, — какъ именно просушить. Кончивъ по части распоряженій, онъ долго сморкался и, наконецъ, властно приказалъ:

— Доложи: управляющій Петръ Ивановичъ Ивановъ.

Не дожидая доклада, я самъ пошелъ въ переднюю и со словами: „очень радъ познакомиться“ протянулъ новому управляющему руку.

Но не такой былъ человекъ Петръ Ивановичъ. Его чиновничью субординацію, очевидно, покорила моя фамиллярность и, отступивъ, не торопясь жать мою руку, онъ сухо и строго, въ упоръ, проговорилъ:

— Честь имѣю представиться: управляющій Петръ Ивановъ Ивановъ.

— Очень радъ... пожалуйста...

И я указалъ ему дорогу.

— Нѣтъ, ужъ позвольте,—еще строже отвѣтилъ Петръ Ивановичъ и такъ твердо указалъ мнѣ идти первому, что мнѣ оставалось только исполнить.

Дойдя до кабинета, я предложилъ гостю сѣсть и усѣлся самъ.

Но и тутъ Петръ Ивановичъ сѣлъ не сразу. Онъ поблагодарилъ меня за мое предложеніе сѣсть такимъ вывѣкомъ головы, который какъ бы говорилъ: „еще посмотрю я стоитъ ли мнѣ садиться: можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ такой сумасшедшій, что я, не теряя времени, уѣду къ Чеботаеву, у котораго знаешь, по крайней мѣрѣ, чего держаться“.

Все это я чувствовалъ,—чувствовалъ, что въ лицѣ Петра Ивановича со стороны всего уклада нашей уѣздной жизни мнѣ предлагается своего рода ультиматумъ, послѣ котораго, въ зависимости отъ того, будетъ ли онъ принять мною или нѣтъ, и я буду причисленъ ими къ подающимъ надежды на исправленіе или безвозвратно погибшимъ.

Понималъ это, очевидно, и хорошо понималъ, и Петръ Ивановичъ.

Полный, съ брюшкомъ и лысиной, съ задорной осанкой, гладко выбритыми щеками и большими усами Петръ Ивановичъ, не торопясь, съ достоинствомъ, осматривалъ мой кабинетъ, картины, меня.

Онъ сѣлъ, наконецъ, и сразу приступилъ къ дѣлу.

Чеботаевъ разсказалъ ему все. Нужны твердость, выдержка. Онъ знаетъ имѣніе. Имѣніе, по его мнѣнію, можетъ дать даже въ первое время до десяти тысячъ дохода въ годъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ надѣется поднять доходность до пятнадцати тысячъ.

Я слушалъ и уже смотрѣлъ на толстаго Петра Ивановича, какъ на неисчерпаемый запасъ пачекъ по 15 тысячъ каждая, которыя онъ одна за другой каждый годъ будетъ мнѣ вручать.

— Я берусь... но...—и Петръ Ивановичъ остановился,—я ставлю... э... условіе... Я говорю и буду дѣйствовать въ вашихъ

интересахъ и въ вашихъ интересахъ я долженъ все сказать. Всякое ваше приказаніе я обязанъ исполнить или уйти, — когда только вы это мнѣ прикажете. Но пока вы считаете меня полезнымъ, вы ограничиваетесь въ своихъ распоряженіяхъ мною... Съ остальными говорю я, и вся ваша забота — поддержать мой авторитетъ. Потому что мой авторитетъ — ваша авторитетъ.

Я не буду утомлять читателя дальнѣйшими нашими переговорами съ Петромъ Ивановичемъ.

Скажу коротко, что къ вечеру мы съ нимъ договорились и начали, согласно выработанной программѣ, дѣйствовать.

Прежде всего, рѣшено было исправить ошибку суда, вынесшаго оправдательный приговоръ моимъ поджигателямъ: рѣшено было наказать своей властью виновныхъ.

Я ихъ зналъ всѣхъ. Пяти богатѣямъ съ ихъ семействами, наиболѣе виновнымъ, я предложилъ навсегда покинуть Князевку. На ихъ естественный отказъ исполнить такое мое требованіе, я собралъ черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Петра Ивановича сходъ.

— Если вы желаете, господа, — сказалъ я, — имѣть со мной дѣло и впередъ, я ставлю условіе — эти пять семействъ должны покинуть Князевку.

Мнѣ отвѣчали, что общество здѣсь безсильно что-нибудь сдѣлать. Я, въ свою очередь, сказалъ:

— Вашу силу я знаю: если вы захотите, то сможете. Какъ хотите, но вотъ мои условія: пока эти люди не уйдутъ добровольно, я вамъ не дамъ ни земли, ни выгона, ни лѣса, ни воды.

Я ждалъ отвѣта, но его не послѣдовало.

Я смотрѣлъ тогда на все съ своей точки зрѣнія: я былъ оскорбленъ ихъ молчаніемъ, я сдѣлалъ свой выводъ изъ него, — имъ дороже ихъ товарищи-поджигатели, со всѣмъ зломъ, которое несли они съ собой, дороже меня, несшаго имъ всю свою душу, все добро, которымъ располагалъ.

— Теперь зима, господа, и я вамъ не нуженъ, но вѣдь придетъ весна... И вамъ нечего будетъ пахать, вамъ некуда будетъ выгнать для пастбы свой скотъ.

Родивонъ Керовъ, преземистый вѣрпышъ, молодой и остроумный, попробовалъ было пошутить:

— Кто тамъ живъ еще будетъ до весны.

Шутка не вышла, голосъ его тоскливо оборвался, потому что я слушалъ и смотрѣлъ на него не такъ, какъ когда-то.

Онъ смущенно махнулъ рукой, пробормоталъ: „мнѣ что“ и спрятался въ толпу.

Послышался чей-то тяжелый вздохъ.

— Прощайте, господа, — я объявилъ вамъ свою волю и, какъ

по лѣстницѣ не влѣзете на небо, такъ и волю мою не достанете. Петръ Ивановичъ, вашъ новый управляющій, исполнить мое распоряженіе. Убьете его,—другой его замѣнитъ.

Я помолчалъ и, угрюмо отчеканивая слова, кончилъ:

— Выгонъ, который до сихъ поръ я отдавалъ вамъ даромъ, какъ только придетъ весна, будетъ вспаханъ.

— Что-жь мы будемъ дѣлать безъ него? Гдѣ скотину будемъ пасти?—раздался жесткій вызывающій голосъ Ивана Евдокимова, одного изъ приговоренныхъ мною.

Онъ, очевидно, совершенно не вѣрилъ въ возможность его выселенія.

— Этотъ выгонъ,—настойчиво повторилъ я,—съ первымъ весеннимъ днемъ Петръ Ивановичъ начнетъ пахать и будетъ пахать до тѣхъ поръ, пока ваши уполномоченные не привезутъ отъ меня приказанія прекратить пашню. Уполномоченные же ваши получать приказаніе отъ меня, когда привезутъ извѣстіе, что Чичковъ, Евдокимовъ, Кисинъ, Анисимовъ и Сергій оставили навсегда вашу деревню. Прощайте, я уѣзжаю въ городъ и до лѣта вы меня не увидите.

При гробовомъ молчаніи, я сѣлъ въ сани и уѣхалъ въ усадьбу.

Бороткій декабрьскій день подходилъ къ концу, на бѣломъ снѣгѣ ярче подчеркивались лиловые тона лѣса, изъ ушелій ползли тяжелыя тучи, голый лѣсъ завывалъ и бушевала сильнѣе вьюга, вырываясь тамъ дальше на просторъ полей.

Такой заброшенной и сиротливой казалась вся эта Князевка, эти люди, стоявшіе предо мной на морозѣ, гнувшіеся подъ ледянымъ дыханіемъ зимы, моихъ словъ.

Вечеромъ Петръ Ивановичъ, рассказывая по кабинету, самодовольно потиралъ руки и говорилъ съ тѣмъ достоинствомъ, съ какимъ говорятъ или хотятъ говорить съ опекаемыми:

— Ну, теперь главное... твердость... авторитетъ... теперь... э...—онъ важно складывалъ колючкомъ губы, пыжился и осматривалъ внимательно, пытливо меня,—теперь шутки плохія выйдутъ, если мы опять уступимъ.

— Не уступимъ.

— Вы, конечно, въ городъ уѣдете, а я вѣдь здѣсь останусь—убьютъ.

— Я вамъ на три года передалъ уже свои права.

— Безъ этого, конечно, я и не взялся бы.

Заглянулъ Родивонъ Керовъ, уже сдружившійся съ Петромъ Ивановичемъ.

— Ну что, Родивонъ?—весело, возбужденно спрашивалъ его Петръ Ивановичъ,—убьютъ насъ съ тобой?

— Но-о...

— Ну, не говори...

— Поплачемъ, да и начнемъ помаленьку тискать тѣхъ-то, недружковъ твоихъ. Непропадать же всѣмъ изъ-за нихъ.

— Недружки они не мои, а ваши.—поправилъ я.

— Да, вѣдь, видишь, —глупы, —ихъ же жалѣемъ.

Утромъ рано на другой день я уже выѣзжалъ въ городъ на всю зиму съ неясной утѣшительной злорадной мыслью: вотъ, дескать, думали, что буду вамъ всю жизнь дѣлать добро и нельзя меня довести до зла... такъ... вотъ... довели...

II.

До пріисканія мѣста я съ семьей поселился въ губернскомъ городѣ той губерніи, гдѣ было мое имѣніе.

Губернское общество приняло насъ съ распростертыми объятіями.

Меня журили за панибратство съ крестьянами, за попустительство, но журили ласково, любя, и радовались какъ тому, что Чеботаевъ мнѣ далъ такого управляющаго, какъ Ивановъ, такъ и тому, что я опять принимаюсь за службу.

Измерзнувшій, исхолодавшій душой, сбитый съ толку, я радъ былъ ласкѣ, теплу.

— Все, что ни дѣлается —къ лучшему, —утѣшали меня, —вы человекъ городской, человекъ инициативы, а Чеботаевъ другой человекъ, —человекъ деревни, устоевъ.

Чеботаевъ вдругъ какъ-то выдвинулся всей моей исторіей и о немъ заговорили.

— Замѣчательный и именно тѣмъ, что ничего въ немъ нѣтъ тамъ новаго, неиспробованнаго, —это самъ устой, сама скромность и чистота.

И Чеботаеву противопоставляли Проскурина со всей его партіей.

Проскуринъ, богатый помѣщикъ, лѣтъ 35, изъ уланъ, былъ уѣзднымъ предводителемъ и центромъ своей партіи. И глава, и партія, лихіе кавалеристы въ отставкѣ, умѣли и кутить въ своемъ кругу, умѣли и дружно стоять другъ за друга на дворянскихъ земскихъ собраніяхъ. Другъ другу они говорили „ты“, строго соблюдали между собой свой „лыцарскій уставъ“, но въ отношеніи остальнаго общества держали себя, какъ Богъ на душу положить.

Сами себя они считали и богатыми, и воспитанными и, можетъ быть, даже и образованными. Въ дѣйствительности же были людьми, въ сущности, уже разоренными, кромѣ Проскурина, — малограмотными, по существу грубыми и въ значительной степени неразборчивыми въ средствахъ при достиженіи цѣли.

Но въ смыслѣ партійной борьбы, умѣнія сажать въ чернильницу, они смѣло могли бы дать любымъ парламентскимъ дѣятелямъ Европы и Америки 75 очковъ впередъ.

Самый способъ, съ помощью котораго Проскуринъ выдвинулся въ предводители, уже заслуживалъ вниманія.

Въ уѣздѣ съ временъ Екатерины II проживали мелкопомѣстные дворяне съ маіоратными участками въ 60 десятинъ.

Дворяне эти, за ничтожнымъ исключеніемъ выбивавшихся „въ люди“, владѣли жизнью, худшую даже, чѣмъ крестьяне. Землю свою задаромъ сдавали въ аренду, а сами нищенствовали.

И вотъ однажды во время выборовъ, толпы этихъ нищихъ во фракахъ и нитяныхъ перчаткахъ наводнили залы дворянскаго дома и избрали Проскурина своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Остальные крупноземельные дворяне уѣзда частью не явились, а протестующіе оказались въ такомъ меншинствѣ, что ни о какомъ протестѣ и рѣчи не могло быть.

Обезпеченнымъ теперь явилось положеніе Проскурина и въ земствѣ какъ благодаря этимъ же мелкопомѣстнымъ, такъ и тому, что друзья Проскурина, какъ и онъ самъ, владѣли хотя и заложенными и перезаложеными, но крупными помѣстьями, а, слѣдовательно, по новому уставу преобразованнаго земства, были безъ выбора членами земскаго собранія.

Такимъ образомъ, Проскуринъ съ своей партіей являлся полнымъ хозяиномъ своего уѣзда. И дѣйствительно: членами управы были повліятельнѣе, выбившіеся въ люди изъ мелкопомѣстныхъ, предсѣдателемъ былъ изъ своихъ раззорившійся старичекъ, съ которымъ Проскуринъ обходился фамиллярно, — то грубо, то пренебрежительно-снисходительно.

Но на губернскихъ собраніяхъ роль Проскурина и его партіи ослаблялась, главнымъ образомъ, нашимъ съ Чеботаевымъ уѣздомъ и сосѣднимъ съ нами.

Въ обоихъ этихъ уѣздахъ дворянства было еще много и такого силовитнаго, что сосѣдній, на примѣръ, съ нами уѣздъ иначе и не называли, какъ „спасовымъ согласіемъ“.

Душой этого сосѣдняго уѣзда былъ жившій въ губернскомъ городѣ членъ губернскаго земства Николай Ивановичъ Бронищевъ.

Очень энергичный, дѣльный, умный, безукоризненно честный, Николай Ивановичъ по натурѣ своей представлялъ изъ себя крупную силу.

Средняго роста, изящный, всегда элегантно одѣтый, всегда доброжелательный и ласковый, съ прекрасными манерами, изъ старинной дворянской семьи Николай Ивановичъ могъ бы занять и болѣе высокую роль въ губерніи. Но онъ добровольно отказался отъ всякой другой и сталъ зато центромъ, душой своего уѣзда.

И уѣздъ его, являясь на собраніи, представлялъ изъ себя. дѣйствительно, сплоченную сильную партію, съ заранѣе выработанной программой по всѣмъ имѣющимся быть поднятыми вопросамъ.

Такой же, какъ Николай Ивановичъ, силой становился въ своемъ уѣздѣ Чеботаевъ. Но въ то время, какъ уѣздъ Николая Ивановича былъ уже дисциплинированъ, уѣздъ Чеботаева требовалъ еще большой работы. Во главѣ уѣзда все еще стояла старая партія съ старымъ предводителемъ дворянства, за которымъ числилось двѣ большія заслуги: онъ былъ предводителемъ въ тотъ періодъ, когда никто имъ не желалъ быть, въ періодъ, который называли „пребываніемъ дворянства въ пустынь“; и вторая заслуга та, что старый предводитель все свое состояніе прожилъ на предводительство. Но были и недостатки,—нѣкоторая халатность. кумовство и, наконецъ, это былъ человѣкъ уже старый, безъ энергіи, а наступали новыя времена, когда роль предводителя могла стать и болѣе отвѣтственной.

Эти новыя времена уже чувствовались.

Дворянскій банкъ уже открылъ свои дѣйствія и своими широкими ссудами прямо таки спасъ оставшееся еще дворянство, по крайней мѣрѣ, на первое время отъ такого же поголовнаго разоренія, какому подверглись 60—70% уже разорившихся дворянъ. Еще болѣе существеннымъ въ смыслѣ вліянія на жизнь являлись преобразование земства и предполагавшійся институтъ земскихъ начальниковъ. Благодаря тому и другому, въ высшей степени увеличивалось какъ значеніе дворянства, такъ и вообще предводителей въ особенности.

Понятно поэтому, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидались выборы на очередномъ дворянскомъ собраніи, долженствовавшемъ быть какъ разъ въ эту зиму.

Особенно волновали общество сенсаціонные слухи о томъ, что Проскуринъ будетъ баллотироваться въ губернскіе предводители.

И какъ ни диво это казалось съ одной стороны, съ другой—и невѣроятнаго ничего не было: все зависело отъ того, какъ раздѣлятся голоса нашего уѣзда: восторжествуетъ Чеботаевъ,—Проскуринъ въ меньшинствѣ, останется прежній,—Проскуринъ проскочить.

Въ виду такого положенія дѣла, благожелательный элементъ дворянства рѣшилъ просить стараго очень авторитетнаго предводителя дворянства съ незапятнаннымъ именемъ остаться еще на трехлѣтіе. Всѣ, конечно, понимали, что предводитель очень ужъ старъ и болѣзненъ, числился бы онъ предводителемъ только на бумагѣ, но это все таки былъ бы лучшій исходъ, чѣмъ рискъ получить Проскурина.

Слабой же стороной такого проекта было то, что Проскуринъ, какъ предводитель уѣзда, перваго по счету, являлся бы въ случаѣ смерти замѣстителемъ стараго предводителя.

Конечно, Проскуринъ, если бы былъ корректенъ, долженъ былъ бы немедля собрать экстренное собраніе для новыхъ выборовъ, но въ корректность Проскурина плохо вѣрили и думали, что онъ предпочтетъ второй выходъ, предоставленный ему закономъ, — остаться замѣстителемъ до слѣдующаго очереднаго собранія.

Уже за нѣсколько дней до выборовъ всѣ гостинницы были переполнены слѣзжавшимися на выборы дворянами.

Они прибывали съ каждымъ поѣздомъ и вереницы ползущихъ по улицамъ извозничьихъ санокъ развозили ихъ по городу.

Они ѣхали, и ихъ позы, выраженія, взгляды — все говорило, что мыслью они еще тамъ въ своихъ деревняхъ, среди всѣхъ дѣлъ своихъ деревенскихъ: сдачи работъ, земель, продажи лѣса, организаціи разныхъ подготовительныхъ работъ для весеннихъ посѣвовъ.

Но въ гостинницахъ начиналось уже другое. Въ темныхъ коридорахъ бѣгали озабоченные лакеи, то и дѣло растворялись двери номеровъ, обрисовывались фигуры безъ скюртука, въ подтяжкахъ, и раздавался громкій окликъ отца-командира:

— Человѣкъ!

Закоружные деревенскіе медвѣди мало-по-малу выползали изъ своихъ деревенскихъ шеуръ: умывались, стриглись, брились и преобразовывались кое-какъ въ городскихъ, правда, съ довольно помятыми платьями интеллигентовъ.

Но въ ихъ номерахъ по прежнему царилъ характерный затхлый запахъ отъ всѣхъ этихъ дохъ, полушубковъ и душегрѣекъ. грязнаго бѣлья, отъ недоѣденной индѣйки въ дорожной корзинкѣ.

Принарядившись, пріѣхавшіе занимались обычными визитами: губернскому предводителю, губернатору, вице-губернатору, городскимъ знакомымъ, другъ другу.

Помимо визитовъ, были и дѣла — свои частныя, большею частью денежныя, по части займовъ. Были и общественныя — по поводу предстоящаго собранія.

Каждая партія своего уѣзда собиралась отдѣльно, каждая въ своемъ мѣстѣ.

Партія Проскурина собиралась днемъ въ богатыхъ, — украшенныхъ портретами предковъ въ высокихъ воротникахъ, — апартаментахъ Проскурина, а послѣ театра въ отдѣльныхъ кабинетахъ недавно отстроеннаго ресторана съ электричествомъ, съ новинками и цѣнами петербургскихъ ресторановъ.

Чеботаевъ со своимъ уѣздомъ поселился въ одной изъ самыхъ скромныхъ гостинницъ.

Собирались они и у меня, и въ своей гостинницѣ, за скромной ѣдой, и у Николая Ивановича.

Чеботаевъ, сперва упорно отказывавшійся отъ баллотировки, убѣдившись, что, вѣроятно, большинство за нимъ, начиналъ сдаваться, и мы радостно говорили:

— Пойдетъ! Куда онъ отъ насъ дѣнется! Силой потащимъ!

Чеботаевъ совершенно искренно говорилъ, что не хотѣлъ бы баллотироваться. Мало того, что не хотѣлъ, онъ чувствовалъ себя совершенно подавленнымъ.

Онъ говорилъ мнѣ:

— Я теперь живу тихо и мирно и совершенно спокоенъ въ томъ отношеніи, что я не достойнѣ всѣхъ, что ко мнѣ, въ мою жизнь, въ мою дѣятельность не ворвется никто непрощенный, не изобразить все по своему и все перевереть и даже не по злобѣ, а такъ, потому что что-то изобразилось тамъ въ его головѣ, ну и валяй... Да вы думаете, эти-то наши дворяне умѣютъ цѣнить? Мой отецъ пять трехлѣтій просидѣлъ и что же? Человѣкъ самъ отказался,—уговорили, а когда далъ согласіе, прокатили на воронныхъ... Отца тутъ же въ предводительскомъ креслѣ ударъ хватилъ, тутъ и умеръ... Уложили его въ гробъ, тогда опять: „вотъ истинный дворянинъ былъ! Хоронить его съ тавой помпой, какой еще не было! Портретъ повѣсить!“ И хоронили, и портретъ повѣсили... Я не вѣрю ихъ искренности, дружбѣ: изворачались они, излукавивались ужъ очень... Проскуринъ... И такихъ большинство... Нѣкоторые изъ дворянъ просятъ меня баллотироваться въ губернскаго предводителя... Это ужъ прямо подвохъ...

И жена Чеботаева такъ смотрѣла и вообще усиленно отговаривала мужа отъ всякихъ баллотировокъ.

Минутами, среди всѣхъ этихъ сплетенъ, среди мрачныхъ лицъ заговорщиковъ. Проскуринской партіи, затѣвавшихъ что-то, дѣйствительно какъ-то терялась почва подъ ногами и хотѣлось быть подальше отъ всего этого.

Чувствовалось какъ-то, что попадись только въ руки этихъ молодцовъ, девизъ которыхъ былъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ, и кто противъ, съ тѣмъ война, не разбирая средствъ“.

Между прочимъ, была объявлена война и губернатору.

Вотъ по какому дѣлу.

Одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Новиковъ, пріятель Проскурина, былъ преданъ суду по обвиненію въ разнаго рода некрасивыхъ преступленіяхъ по службѣ: тутъ были и побои, и злоупотребленія.

Дѣло доходило до сената и сенатъ утвердилъ обвинительный приговоръ противъ Новикова. Но партія Новикова была очень

сильна въ уѣздѣ и, какъ только кончилось судбище, Новикова опять выбрали въ предводители.

Губернаторъ на томъ основаніи, что осужденный Новиковъ лишился по закону права выбора, избраніе Новикова не утвердилъ.

Наша партія и партія Николая Ивановича по этому поводу были цѣликомъ на сторонѣ губернатора, но партіи Новикова и Проскурина метали громы, угрожали губернатору, выпучивая его и распуская о немъ всякія сплетни.

Сплетни и шутки были грубыя, плоскія, и люди эти съ динизмомъ врывались въ самую святая святыхъ человѣческихъ отношеній.

Всегда въ корсетѣ, скрадивавшемъ его плотную фигуру, съ англійскимъ проборомъ, съ изнѣженными женскими манерами, задорный, надменный и нервный Проскуринъ говорилъ презрительно:

— Я покажу и губернатору, и его прихвостнямъ ихъ мѣсто: раздѣлятся, голубчики, рыдая, но разстанутся: будутъ помнить.

Щеголеватые члены проскуринской партіи готовились, очевидно, въ чему-то и, молча, съ презрительнымъ высокомеріемъ покручивали свои холеные усы, стоя во время антрактовъ въ театрѣ у барьера перваго ряда.

Такъ страстно ожидавшійся день выборовъ насталъ.

Дворянскій домъ представлялъ необычайное возбужденіе.

Швейцары въ полныхъ формахъ, въшалки, заваленныя шубами, настѣжь раскрытыя двери налѣво, въ помещеніе хозяина дома—губернскаго предводителя—и направо въ залы собранія и буфетныя комнаты.

И вездѣ, во всѣхъ комнатахъ стоялъ гулъ отъ говора большой толпы людей въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Но большинство изъ нихъ были дворянскіе: съ красными воротниками, красными обшлагами на рукавахъ.

Шитье нѣкоторыхъ изъ этихъ мундировъ имѣло странный занушенный видъ, и владѣлецъ такого мундира выглядѣлъ и самъ какой-то муміей прежнихъ временъ: это родовые мундиры отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Мундиры, на которыхъ ни ордена, ни шитья.

— Я и дѣды мои,—говорилъ его хозяинъ,—съ самаго почива въ этомъ мундирѣ и, какъ видите, ни на выборахъ, ни по казенной службѣ не преуспѣвали. Всегда только рядовые своего сословія.

Но много было и заслуженныхъ.

На боковыхъ скамьяхъ центральной избирательной залы за сѣдали почтенные старцы въ лентахъ и звѣздахъ, съ грудью, украшенной всевозможными орденами.

Предъ этими старцами какъ-то стихало бѣшующее море страстей. Проходя мимо, заговорщики обрывались, почтительно раскланивались и уходили въ другія комнаты.

Проскуринъ со своими стоялъ у краснаго большого стола и презрительно шурился на всю эту разношерстную толпу.

Его мелкопомѣстные во фракахъ рѣзко отличались отъ остальныхъ и робкой толпой жались въ углу у крайняго окна.

Нѣкоторые изъ дворянъ уже сидѣли. Это изъ тѣхъ робкихъ, обросшихъ и мохнатыхъ медвѣдей, которые выползали изъ своихъ берлогъ и теперь не знали, куда дѣвать свои руки и ноги.

— Да идите, — крикнетъ такому какой-нибудь членъ его партіи.

— Нѣтъ, — махнетъ безнадежно рукой такой медвѣдь, — я ужь тутъ...

И эта толпа, и мундиръ съ воротникомъ, который, какъ клещъ, жметъ, и этотъ скользяскій паркетъ: вотъ, Богъ дастъ, доберется опять до своихъ лѣсныхъ трущобъ и запагаетъ снова черезъ пни и валежники: тамъ не упадешь, тамъ есть за что ухватиться. И если бы не нужда, если бы не предстоящія назначенія въ земскіе начальники, не поѣхалъ бы онъ ни на [выборы, ни съ визитами къ губернатору, къ губернскому предводителю, мало думалъ бы и о томъ, кого тамъ выберутъ въ предводители. А теперь со всѣмъ этимъ приходилось считаться — и очень, и сидѣвшіе на боковыхъ скамьяхъ старцы удовлетворенно говорили, что по оживленію собраніе это напоминаетъ имъ давно уже забытыя времена.

— Господа, пора ѣхать за губернаторомъ.

На мгновеніе все стихло и опять по комнатамъ понесся гулъ голосовъ.

Николай Ивановичъ возбужденный, помолодѣвшій, пзящный и легкій весело здороваается со мной и подмигиваетъ на Чеботаева:

— Волнуется... привыкнетъ...

Чеботаевъ блѣдный, вытянутый, молча, обводя помертвѣлыми глазами залы, ходитъ съ своимъ плотнымъ угрюмымъ пріателемъ Нащовинымъ.

Нащовинъ съ спеціальнымъ образованіемъ, прекрасный хозяинъ, съ густой шевелюрой, съ которой такъ и сыпется перхоть, бѣлымъ налетомъ усыпавшая уже плечи его потемнѣвшаго мундира.

— Пойдемъ: сообщу вамъ интересную новость.

И Николай Ивановичъ беретъ меня подъ руку и мы подходимъ къ Чеботаеву.

Онъ сообщаетъ, что дѣла Проскурина неожиданно оказались очень неважными. Увѣренный въ своемъ уѣздномъ вреслѣ, Проскуринъ весь сосредоточился на борьбѣ за губернское и выписалъ мелкопомѣстныхъ въ ограниченномъ количествѣ.

Николай Ивановичъ снисходительно улыбается и поясняетъ:

— Расходъ меньше: каждый такой рублей сто стоитъ... А тутъ вдругъ въ виду новыхъ временъ нахлынуло столько враговъ, что, пожалуй, въ уѣздные проскочить Коринъ.

— Ну, тоже находка, — фыркаетъ Чеботаевъ.

— Да, положимъ, такъ: и бездарный, и злобный какой-то...

— Безтактный, — говоритъ кто-то.

— И все-таки, какъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, лучше Проскурина...

И Николай Ивановичъ, потирая руки, тихо смѣется. Онъ тихо, ласково говоритъ:

— Я бы совѣтовалъ оказать ему поддержку и приобрести такимъ образомъ союзника.

— Это, конечно, — соглашаемся мы.

— Еще въ одномъ уѣздѣ заминка: Васильевъ запутался такъ, что ему уже не до предводительства и, въ сущности, ни на комъ тамъ еще не остановились. Я бы совѣтовалъ посадить къ нимъ одного молодого, Бориса Павловича Старкова.

— Да, вѣдь, онъ умретъ черезъ годъ: у него чахотка, — сказалъ кто-то.

— Ну, не такъ скоро, — добродушно отвѣтилъ Николай Ивановичъ, — а человѣкъ онъ порядочный и какъ на новомъ, на немъ всѣ помирятся.

Я зналъ Старкова.

Онъ только что кончилъ университетъ, но выпускного экзамена не держалъ, потому что заболѣлъ легкими, а такъ какъ чахотка была въ роду у него, то мать настояла, чтобы онъ бросилъ экзамены и ѣхалъ въ Крымъ.

Изъ Крыма онъ пріѣхалъ на родину, не думая больше объ университетѣ.

— Къ чему? — говорилъ онъ. — Проскриплю три-четыре года и отправлюсь къ праотцамъ. Гораздо интереснѣе успѣть что-нибудь сдѣлать интересное, полезное въ это время.

Единственный сынъ богатой помѣщицы, мечтательный, хрупкій, съ какимъ-то безнадежнымъ взглядомъ онъ думалъ не о себѣ. Онъ хотѣлъ издавать газету.

— Столько интересныхъ общественныхъ вопросовъ... Вѣдь у насъ застой, полное незнаніе самихъ себя, своихъ силъ... Мировые вопросы тамъ рѣшаемъ, знаемъ, что дѣлается на концѣ свѣта, а что дѣлается у себя подъ носомъ, въ своемъ уѣздѣ, не знаемъ и знать не хотимъ и не интересуемся.

Въ самый разгаръ выборной горячки Старковъ пріѣзжалъ и допытывалъ меня:

— Какъ вы думаете, пойдетъ мое дѣло?

Я слушалъ его, отвѣчалъ и думалъ, что какъ не во время

онъ всегда умудрится попасть въ гости, — какъ разъ тогда, когда или назначено собраніе нашей партіи, или что-нибудь другое въ это время надо дѣлать.

А Старковъ, большой, ненадежный физически, все гудѣлъ своимъ гортаннымъ баритономъ:

— Я такъ радъ, что случай свелъ насъ: вы сразу вызвали во мнѣ всю мою симпатію...

Этого самаго Старкова и предлагалъ теперь Николай Ивановичъ.

Нащокнивъ все время молча слушавшій, вдругъ сказалъ рѣшительно:

— Такъ что-жъ, — такъ и надо сдѣлать.

— Вы думаете уговорить Старкова? — спросилъ Николай Ивановичъ.

Нащокнинъ подумалъ еще и еще рѣшительнѣе сказалъ:

— Да, я думаю.

Согласились и всѣ окружавшіе насъ.

— Ну, что-жъ. пойдемъ, значить, уговаривать его? — улыбнулся мнѣ Николай Ивановичъ и ласково потянулъ за собой.

Мы отправились съ нимъ разыскивать Старкова, а наши, смѣясь, кричали намъ въ догонку:

— Соблазнитель, совратитель!

Высокаго тонкаго Старкова не трудно было замѣтить.

Онъ стоялъ у окна и мечтательно смотрѣлъ на улицу.

На наши уговоры онъ сперва отвѣчалъ такъ, какъ будто онъ никакъ не могъ оторваться отъ своихъ какихъ-то мечтаній. Онъ говорилъ, что не чувствуетъ ни желанія, ни способности, что плохо, наконецъ, вѣрить въ живучесть дворянства.

— Фактовъ нельзя отрицать, — отвѣтилъ ему Николай Ивановичъ, показывая на залы, — слишкомъ много сдѣлано и будетъ сдѣлано для дворянства, чтобы сомнѣваться въ томъ, что оно опять будетъ жить. Какъ жить? Для этого и надо, чтобы все порядочное сплотилось, а если одинъ не захочетъ, другой, то и останутся Проскурины...

Николай Ивановичъ вспомнилъ, что Проскуринъ родственникъ Старкова и извинился, а Старковъ отвѣтилъ:

— Сдѣлайте одолженіе, — я вѣдь самъ его вижу, какой онъ, — что-жъ, что родственникъ? Обязанности у человѣка прежде всего общественныя...

Зная слабость Старкова ворковать своимъ густымъ баритономъ безъ конца, я перебилъ его:

— Ну, такъ вотъ въ силу этихъ общественныхъ обязанностей.

— Я, вѣдь, хотѣлъ было газету, — просительно обратился онъ ко мнѣ.

Я смутился и отвѣчалъ:

— Да вотъ, видите, и меня увлекло теченіе: очень ужъ хочется, чтобы порядочные люди во главѣ стали,—газета у васъ не завтра начинается, а тамъ по времени можно, вѣдь, подобрать и замѣстителя себѣ и газетой заняться.

На хорахъ показались въ это время дамы и всѣ головы повернулись туда.

И дамы, какъ и ихъ кавалеры, разсаживались по группамъ, оживленно разговаривая, кивая сверху на повлоны своихъ знакомыхъ.

— Не знаю ужъ и самъ, господа, какъ,—сказалъ Старковъ.

— Ну, значить, мы знаемъ,—разсмѣялся Николай Ивановичъ и отправился орудовать дѣло.

Какъ разъ въ это время крикнули:

— Губернаторъ пріѣхалъ!

И многіе бросились къ входу.

Съ нашего мѣста все было такъ хорошо видно, что мы со Старковымъ тутъ и остались.

Немного погодя показался въ камергерскомъ мундирѣ губернаторъ, небольшой, худощавый, съ изящными манерами, но уже съ трясущейся слегка головой, старикъ, любезно-пожимавшій направо и налево руки вланившимся ему дворянамъ...

Я видѣлъ, какъ съ афектированнымъ уваженіемъ почтительно пожалъ губернатору руку Проскурина. За нимъ, какъ складной аршинъ, согнулся его пріятель графъ Сивидицъ, пропадавшій долго гдѣ-то за границей. Затѣмъ, съ нѣкоторой ироніей, но въ то же время и очень почтительно расшаркался другой пріятель Проскурина, Бегаровъ, бывший студентъ Дерптскаго университета съ неприятнымъ, съ нѣсколькими сабельными ударами, лицомъ. Блѣдные рубцы отъ этихъ ударовъ производили впечатлѣніе ваторжныхъ клеймъ. Бегарова не любили даже свои за язвительность, жесткость, за его какой-то недворянскій шикъ. Но онъ былъ очень богатъ, охотно ссужалъ деньгами, хотя объ этихъ деньгахъ и толковали, что отецъ Бегарова, новоиспеченный дворянинъ, нажил ихъ при помощи кассы ссудъ. Послѣ Бегарова откланился губернатору Свирскій—высокій, красивый, молодой, съ черными усами, съ небольшими черными глазами, въ мундирѣ съ иголочки. Свирскій былъ тоже изъ партіи Проскурина. Онъ только что вышелъ въ отставку и былъ желаннымъ гостемъ и въ семейныхъ домахъ, гдѣ барышни были на возрастѣ, и въ холостыхъ компаніяхъ, гдѣ Свирскій былъ не дуракъ выпить.

Среди партіи Проскурина губернаторъ медленно подвигался впередъ, когда вдругъ всѣ они, исполнивъ свой долгъ вѣжливости, отхлынули, и передъ губернаторомъ сразу образовалось въ проходѣ между стѣной съ одной стороны и рядами стульевъ съ другой большое пустое пространство.

И въ этомъ пустомъ пространствѣ стоялъ только одинъ человекъ: Новиковъ.

Когда всѣ мы поняли, въ чемъ дѣло, было уже поздно. Губернаторъ не могъ миновать Новикова, — встрѣча была неизбежна и всѣ напряженно ждали, чѣмъ все это кончится.

Новиковъ, блондинъ, во фракѣ, съ расчесанной на двое бородой, сильный и крѣпкій, въ вызывающей позѣ стоялъ и ждалъ подходившаго губернатора.

— О, чертъ его побери, — проговорилъ тихо кто-то сзади меня, — не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ губернатора.

— Да, — отвѣтилъ также тихо другой, — положеніе, что называется, хуже губернаторскаго.

Самъ губернаторъ не казался, впрочемъ, смущеннымъ.

Такой же улыбающійся, съ манерами привычнаго придворнаго онъ подошелъ къ Новикову и протянулъ ему руку съ такой безразлично-вѣжливой фізіономіей, какъ будто принималъ въ это время отъ кого-нибудь стаканъ чаю или прошеніе.

Прищурившись, онъ улыбался, держа протянутую руку и голова его слегка тряслась, пока Новиковъ въ отвѣтъ, спрятавъ обѣ свои руки за спину, отвѣшивалъ губернатору, не торопясь, низкій поклонъ.

— Я вамъ протягиваю руку, — сказала ласково, спокойнo губернаторъ, когда Новиковъ выпрямился послѣ поклона.

И такъ царила тишина въ залѣ, но теперь стало такъ тихо, точно, всѣ вдругъ уже лишены способности говорить, дышать, думать, могли только смотрѣть и бессознательно переживать мгновеніе.

Самое коротенькое мгновеніе: Новиковъ какъ-то растерянно качнулся вбокъ и протянулъ свою руку со словами:

— Извините... не замѣтилъ...

Мои глаза случайно упали въ это время на Проскурина, — онъ сдѣлалъ жестъ, который, какъ бы говорилъ: „сорвалось“.

И все опять пошло своимъ чередомъ, все ожило, губернаторъ шелъ дальше, раскланивался, жалъ руки, пока не дошелъ до краснаго стола и предсѣдательскаго кресла.

Съ той же спокойной, изящной манерой онъ стоялъ у стола, читая указъ объ открытіи собранія, поздравляя дворянъ и желая имъ успѣшной работы на этомъ собраніи.

Затѣмъ губернаторъ отбылъ и возмущало всѣхъ то, что Проскуринъ же, провожая губернатора, энергичнѣе другихъ порицалъ Новикова за то, что именно въ дворянскомъ домѣ онъ хотѣлъ было нанести такое оскорбленіе губернатору.

Губернаторъ на это вскользь бросилъ:

— Я надѣюсь, что дворянскій домъ сумѣетъ снять съ себя это пятно.

— Само собой, само собой, ваше превосходительство, — говорилъ Проскуринъ.

И какъ только губернаторъ скрылся на подъѣздѣ, Проскуринъ, опять энергичный и увѣренный съ своей партіей, черезъ маленький коридоръ исчезъ на минуту въ буфетъ.

Возвратились они всѣ въ общую залу чрезъ разныя двери. Самъ Проскуринъ прошелъ черезъ арку возлѣ краснаго стола и, остановившись на виду у всѣхъ, стоялъ и слушалъ волновавшихся дворянъ.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорилъ Николай Ивановичъ и въ это время нарочно повернулся лицомъ къ Проскурину, — это нѣчто столь недостойное, подобнаго чему не было еще въ этомъ домѣ.

— Совершенно вѣрно, — надменно отвѣтилъ Проскуринъ, — если это оскорбленіе, но я бы желалъ выслушать, что скажетъ самъ господинъ Новиковъ.

Новиковъ поднялся съ своего мѣста и спокойно свазалъ:

— Честь этого дома мнѣ также дорога, какъ и всякому другому дворянину. Я даю мое дворянское слово, что не имѣлъ въ виду никакого дурного умысла. Я только былъ твердо увѣренъ, что послѣ того, что произошло между мной и губернаторомъ, о пожатіи рукъ не могло быть и рѣчи. Увѣренный въ этомъ я и ограничился самымъ почтительнымъ поклономъ, и какъ только онъ напомнилъ мнѣ о своей рукѣ, я въ то же мгновеніе вспомнилъ и о моей и протянулъ ее.

Легкій смѣхъ пробѣжалъ по залѣ, а Новиковъ продолжалъ:

— Самый пустой инцидентъ, который почему-то хотятъ раздуть; чтобы покончить съ нимъ и сваять всякія могущія пасть на этотъ домъ обвиненія, я предлагаю письменно объяснить губернатору все какъ было въ дѣйствительности... даже извиниться, ну... за свою оплошность, что ли.

Собраніе облегченно вздохнуло, приняло предложеніе Новикова и считало инцидентъ исчерпаннымъ.

Но черезъ нѣкоторое время, какіе-то лазутчики, все время, очевидно, доносившіе губернатору о томъ, что происходитъ въ собраніи, въ свою очередь, донесли и собранію, что губернаторъ рветъ и мечетъ и требуетъ извиненія отъ всего собранія.

Проскуринъ нетерпѣливо, порывисто крикнулъ:

— Можетъ быть, онъ захочетъ насъ и въ ливреи одѣть и въ такомъ видѣ процессіей по улицамъ идти къ нему и кланяться? Слишкомъ маленький крючокъ придумалъ, чтобы зацѣпить на него и потащить все дворянство. Это — дворянство и оно само знаетъ, въ чемъ его достоинство и какъ ему держать себя.

Разъ Проскуринъ заговорилъ о дворянствѣ и его достоинствѣ, — это такая почва, на которой всякій подающій голосъ за честь

*

этого достоинства, подкупаетъ всегда симпатію—и порывъ Проскурина увлекъ собраніе.

Кричали: „Что въ самомъ дѣлѣ, мы не лакеи“. Вспоминали разные эпизоды изъ прежнихъ отношеній съ губернаторомъ: и тогда-то и тогда оскорбилъ дворянство губернаторъ, и тогда-то и тогда простили. Ну, если и пеловкость сдѣлалъ человекъ и въ тому же извинился, то при чемъ тутъ собраніе.

Даже Чеботаевъ и Николай Ивановичъ соглашались, говоря о губернаторѣ:

— Старику немного увлекся,—онъ откажется.

И Николай Ивановичъ, понижая голосъ, прибавлялъ:

— Вѣдь, это самъ же Проскуринъ и подалъ ему эту мысль обидѣться—я самъ слышалъ.

— Ахъ, интриганъ,—охали мы, съ искреннимъ презрѣніемъ оглядывая надменную фигуру ничѣмъ не смущавшагося Проскурина.

Начались выборы.

Проскуринъ отъ губернскаго отказался, и мы торжествовали.

Старый губернский предводитель прошелъ значительнымъ большинствомъ, но въ баллотировочныхъ ящикахъ оказался кѣмъ-то положенный мѣдный пятакъ.

Никто такъ и не понялъ, зачѣмъ это было сдѣлано. Въ доисторическія времена, когда исправниковъ выбирало дворянство, то такимъ, которые уже слишкомъ явно брали взятки, иногда на выборахъ, вмѣсто шаровъ, клали мѣдные деньги.

Въ данномъ случаѣ ни о чемъ подобномъ не могло быть и рѣчи,—старикъ предводитель имѣлъ такое незапятнанное имя, что когда вынули пятакъ, то рѣшено было скрыть даже этотъ фактъ, чтобы не огорчить старика. Такимъ образомъ, если цѣль этого пятака заключалась въ томъ, чтобы обидѣть и заставить отказать, то она не удалась. Опасность была въ другомъ: при выборѣ кандидата могли переложить ему избирательныхъ шаровъ, а то могли и сорвать все собраніе, если бы кто-нибудь изъ дворянъ вдругъ уѣхалъ.

Но наученные опытомъ, дворяне караулили и у входовъ и, зная, что проскуринская партія будетъ власть кандидату направо, партія стараго предводителя клала налѣво. И чуть было не пересолили: кандидатъ прошелъ только съ пятью голосами большинства.

Уѣздные выборы прошли еще гладче. Нашъ старый самъ отказался, мы изъ вѣжливости стали просить его, онъ опять отказался, тогда мы поблагодарили его, попросили принять отъ насъ обѣдъ и выбрали Чеботаева почти единогласно. Промель и Старковъ въ своемъ уѣздѣ, въ уѣздѣ же Николая Ивановича само собой все прошло также гладко.

Даже въ уѣздѣ Проскурина все сложилось почти такъ, какъ мы того желали.

Дѣло въ томъ, что Проскуринъ, увавши духомъ, — какъ мы думали, — послѣ выборовъ губернскаго, а также въ виду малочисленности мелкопомѣстныхъ заявилъ, что не желаетъ больше служить.

Онъ и вся его партія какъ-то сразу бросили весь свой задорный тонъ и Проскуринъ добродушнымъ усталымъ голосомъ говорилъ:

— Если что-нибудь мнѣ интересно, то права: если я буду выбранъ и на это трехлѣтіе, я получу дѣйствительнаго статскаго. Но для этого надо только, чтобы выборы утвердили, а затѣмъ я въ тотъ же день и въ отставку подаю бы.

Онъ обратился къ своему противнику и сказалъ:

— Хотите такъ поступимъ: выберите меня предводителемъ, васъ кандидатомъ, черезъ два дня меня утвердятъ, я подѣмъ въ отставку, вы останетесь.

Предложеніе было принято, и Проскуринъ, чего еще никогда не бывало раньше, прошелъ на этотъ разъ единогласно.

— А если онъ васъ надуесть?—спросили одного молодого дипломата въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, противника Проскурина.

Дипломатъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Тѣмъ хуже для него.

Такъ и вышло: Проскуринъ надулъ.

Въ послѣдній день собранія кандидатъ его Коринъ, изъ бывшихъ чиновниковъ, мизерный и тщедушный физически, въ обществѣ нѣсколькихъ „свидѣтелей“ остановилъ Проскурина въ коридорѣ и напомнилъ ему его обѣщаніе.

Проскуринъ, проходя, бросилъ ему пренебрежительно:

— Я передумалъ.

— На какомъ основаніи? — пискнулъ было ему въ догонку кандидатъ.

Проскуринъ остановился, смѣялся кандидата уничтожающимъ взглядомъ и раздѣльно сказалъ:

— Да хотя бы потому, что убѣдился, что вы не годитесь быть нашимъ предводителемъ.

Проскуринъ ушелъ и его партія такъ хохотала въ столовой, что дрожали стекла, а растерянный кандидатъ говорилъ своимъ друзьямъ:

— Я за то только благодарю Бога, что онъ не надѣлилъ меня физической силой, иначе я не удержался бы и далъ бы ему пощечину.

На закрытіе собранія губернаторъ не пріѣхалъ и даже не отдалъ визита губернскому предводителю, заявивши ему, что до удовлетворенія онъ не можетъ быть въ дворянскомъ домѣ.

— Въ такомъ случаѣ и я, ваше превосходительство, лишаюсь чести бывать у васъ,—отвѣтилъ ему старикъ.

И опять Проскуринъ торжествовалъ.

И про него говорили:

— Нахаль, интриганъ, но талантливъ!

III.

Сейчасъ же послѣ выборовъ и обѣда въ честь стараго предводителя дворянство разѣхалось и городская жизнь вошла въ свою колею.

Это сразу почувствовалось на ближайшемъ же губернаторскомъ журфиксѣ.

Въ комнатахъ губернаторской квартиры царила обычная какая-то зловѣщая тишина. Въ полусвѣтѣ абажуровъ гостиныхъ, кабинета тонули мебель, ковры, картины. Проходили беззвучно все тѣ же знакомыя фигуры; торопливо, но безшумно проносили лакеи подносы съ печеньями, чаемъ, фруктами; изъ игральной методично и сонно несло „пикѣ“, „пасъ“, „трефы“, а въ большой гостиной на первый взглядъ казалось, что и хозяйка, и всѣ ея гости спали.

И если не заснули, то только потому, что появилась Дарья Ивановна Просова, жена одного виднаго дѣятеля.

Самъ Просовъ пользовался большимъ уваженіемъ и изъ-за него и супругѣ его прощали ея невоспитанность и эксцентричность.

Говорили:

— Человѣкъ такихъ способностей, такого образованія и вся карьера разбита этой ужасной женитьбой.

Все несчастье Дарьи Ивановны заключалось въ томъ, что она хотѣла во что бы то ни стало казаться дамой большого свѣта. Она не знала, на примѣръ, французскаго языка, но постоянно вставляла въ свою рѣчь французскія словечки, перевирая ихъ смыслъ и произношеніе. Отсутствие манеръ, знаніе этикета она возмѣщала развязностью.

Дарья Ивановна вошла быстро, энергично и такъ твердо, что, несмотря на мягкіе ковры, слышался топотъ ея шаговъ, а шелковая юбка ея такъ шуршала, какъ будто ихъ было десять на ней. Она сразу огорошила:

— Какой фуроръ,—я, кажется, послѣдняя пріѣхала.

Она хотѣла сказать: hotteug.

Хозяйка мучительно вскинула куда-то въ потолоку глаза, всѣ гости сдѣлали такія движенія, какъ будто каждый собрался лѣзть подъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, а довольная собой Дарья Ивановна громко и звучно, заглядывая постоянно въ стѣнное зеркало, затрещала о своей послѣдней поѣздкѣ съ мужемъ.

Первая и болѣзненная губернаторша, не выносившая никакого крика и шума, совсѣмъ съежилась въ своемъ креслѣ и, казалось, вотъ-вотъ отдастъ Богу душу.

Губернаторъ скучалъ за всѣхъ и только занимался тѣмъ, что каждаго новаго гостя спѣшилъ сплавить то въ гостиную жены, то въ игральную, то въ маленькія гостиныя, гдѣ въ уголкахъ группами пріютились менѣе сачовные и болѣе молодые гости.

Въ кабинетѣ губернатора остались трое: губернаторъ, Денисовъ, Сергѣй Павловичъ, и я.

Денисовъ, лѣтъ подъ тридцать, молодой человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, жилъ внѣ всякихъ нашихъ дворянскихъ партій и слылъ за оригинала и буку.

Его черные большіе глаза смотрѣли всегда угрюмо, изподлобья; онъ занимался археологіей и въ какомъ-то отдаленномъ будущемъ мечталъ о радикальномъ переустройствѣ жизни на почвѣ равенства и братства.

Но въ дѣйствительной жизни Денисовъ относился не ровно, то принимая ее, какъ она есть, обнаруживая терпимость, доходившую даже до попустительства, то становился вдругъ требовательнымъ и строгимъ.

Въ общемъ очень добрый, очень порядочный, Денисовъ былъ неуравновѣшенный, неудовлетворенный собою человѣкъ. Онъ постоянно рылся въ себѣ, сомнѣвался, мучилъ себя, но какъ-то все это сводилось къ мелочамъ.

Губернаторъ любилъ Денисова, называлъ его „человѣкъ будущаго“, „enfant terrible“ и позволялъ ему многое.

Сегодня Денисовъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, сидѣлъ и озаченно грызъ свою бородку, подстриженную à la Henri IV, а губернаторъ, полулежа на креслѣ, съ закинутыми за голову руками, дразнилъ его:

— Ну-съ, человѣкъ будущаго, что же еще васъ огорчаетъ?

Денисовъ сдвинулъ брови.

— То, что я здѣсь сижу...

— Какъ вамъ нравится?—посмотрѣлъ на меня губернаторъ.

— ...и ничего не дѣлаю, — кончилъ Денисовъ, не обращая вниманія на вставку губернатора.

Донесся голосъ Дарьи Ивановны.

— Ахъ, — тоскливо вздохнулъ или зѣвнулъ губернаторъ, — что о ней вы скажете?

Денисовъ сталъ еще угрюмѣе и сказалъ:

— Дарья Ивановна очень добрый человѣкъ, это знаютъ тѣ бѣдные, которымъ она помогаетъ, и тѣ больные, за которыми она ходитъ.

— Я предпочитаю не пользоваться ея добротой и быть ни бѣднымъ, ни больнымъ, — бросилъ губернаторъ.

Наступило молчаніе.

— Ну, а на счетъ выборовъ,—началь опять губернаторъ и, обращаясь ко мнѣ, показывая лѣниво на Денисова, сказалъ:

— Я хочу его непременно сегодня разсердить. Что вы скажете, напримѣръ, о предводительствѣ Старкова?

— Ничего не скажу,—отвѣтилъ Денисовъ.

Губернаторъ пожалъ плечами и заговорилъ:

— Ихъ три покойника: отецъ Старкова, братъ его и братъ его жены,—славилась своей феноменальной глупостью... Уже тамъ было вырожденіе и... жажда общественной дѣятельности. Такихъ тогда еще не выбирали въ предводители и они устроили бюро справокъ. Отецъ вотъ этого Проскурина, —десять такихъ, какъ теперешній,—зашелъ какъ-то къ нимъ въ бюро: всѣ трое стояли за прилавкомъ. „Сколько стоитъ справка?“—Двадцать копѣекъ.— „Вотъ вамъ двадцать копѣекъ и я навожу справку: кто изъ васъ троишь глупѣе?“ Это, замѣтите, былъ единственный двугривенный, который они заработали.

Денисовъ мрачно сказалъ:

— Я не зналъ отца Старкова, но молодой Старковъ порядочный и не глупый человѣкъ.

— А я не знаю,—замѣтилъ губернаторъ,—молодого Старкова, не сомнѣваюсь, конечно, въ его порядочности, но очень радъ и за себя, и за него, что онъ бросилъ мысль о газетѣ.

— Почему за себя?

— Потому что избавленъ отъ неприятности отказать ему въ разрѣшеніи...

— Это почему? — совсѣмъ окрылся Денисовъ. — На томъ основаніи, что вы имѣете право запретить? Небольшое основаніе...

— Вы вотъ въ вашемъ тамъ будущемъ и разрѣшайте.

Денисовъ раздраженно всталъ:

— Не сомнѣваюсь, что и въ настоящемъ вы также поступили бы, потому что считаю васъ порядочнымъ человѣкомъ.

— Какъ вамъ нравится? —обратился ко мнѣ губернаторъ.

— ...а теперь прошу вашего позволенія уйти въ Марьѣ Павловнѣ.

Губернаторъ махнулъ рукой.

— Идите: вы несносны сегодня.

Денисовъ ушелъ, а губернаторъ, проводя рукой по лицу, сказалъ мнѣ:

— Какъ я завидую вамъ.

— Въ чемъ?

— Вы уѣдете отсюда.

И онъ протянулъ мнѣ руку ладонью вверхъ.

Въ это время вошелъ изящный гвардейскій офицеръ и губернаторъ, лѣниво поднявшись, сказалъ:

— Bonsoir.

И взявъ подъ руку гостя, лѣниво прошелъ съ нимъ до дверей гостиной:

— Marie! Prince Anatole.

Гость прошелъ къ хозяйкѣ, а губернаторъ возвратился на встрѣчу новому гостю—предсѣдателю суда—Владимиру Ивановичу Павлову.

Павловъ былъ высокій, крѣпкій старикъ, съ чертами лица, точно выбитыми изъ стали. Его большіе красивые глаза смотрѣли въ упоръ: серьезно и твердо. Павловъ пользовался громаднымъ уваженіемъ въ обществѣ и даже губернаторъ, любившій съ кандачка относиться ко всѣмъ, Павлова уважалъ.

Этого нельзя было сплавить и старики чинно усѣлись другъ передъ другомъ, а я ушелъ въ другія комнаты.

Въ одной изъ маленькихъ гостиныхъ сидѣла окруженная поклонниками Софья Николаевна Семенютина, хорошенькая вдова, очень интересовавшаяся выборами и все время выборовъ проводившая на хорахъ дворянская дома.

Увидѣвъ меня, она разсмѣялась и сказала:

— Несчастный, онъ совсѣмъ спитъ.

Я протеръ глаза и сказалъ.

— Да.

— Садитесь лучше въ намъ,—будемъ скучать вмѣстѣ.

Она показала на окружавшихъ ее кавалеровъ и сказала:

— Мы бы, конечно, не скучали, если бы ну хоть по душѣ поговорили объ Дарьѣ Ивановѣ,—да вотъ... не позволяетъ...

Она показала глазами на Денисова.

А Денисовъ сидѣлъ, опершись на колѣни и, не поднимая головы, отвѣтилъ:

— Я думаю, что если бы Дарья Ивановна вдругъ исчезла, намъ окончательно не объ чемъ бы было говорить.

— О, да, да,—разсмѣялась Софья Николаевна, поднявъ вверхъ свои красивые руки,—и не надо даже дѣлать такихъ страшныхъ предположеній. Ну-съ на этотъ разъ такъ и быть, оставимъ Дарью Ивановну и поговоримъ о выборахъ. Нѣтъ, каковъ Проскуринъ?

— Талантливый человѣкъ,—отвѣтилъ молодой, съ глупой физиономіей господинъ, одѣтый съ иголочки.

Его фамилія была Алферовъ. Отецъ его, богатый помѣщикъ, не задолго до этого скоропостижно умеръ и Алферовъ бросилъ военную службу, выйдя штыкъ-юнкеромъ въ отставку. Онъ при жизни былъ въ ссорѣ съ отцемъ и нищенствовалъ въ полку. Думали, что онъ начнетъ кутить. Но онъ оказался очень практич-

нымъ и экономнымъ. Говорили даже, что онъ занимается ростовщичествомъ. Въ купеческихъ кружкахъ, несмотря на его молодость, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Въ отвѣтъ ему Софья Николаевна сказала:

— Стыдно, стыдно. Послѣ этого всякій нахаль, всякій не стѣсняющійся своей непорядочности — талантливъ.

Совершенно неожиданно Денисовъ поддержалъ Алферова и сталъ защищать Проскурина.

— Вы, вы?! — навинулась на него Софья Николаевна.

— Да, я, — упрямо отвѣтилъ Денисовъ.

Поднялся горячій споръ.

Вошла моя жена и шепнула мнѣ:

— Не пора ли намъ?

Софья Николаевна остановилась на полусловѣ и спросила:

— А развѣ уже можно? Въ такомъ случаѣ и я...

— И я, и я... — подхватили нѣсколько голосовъ.

— Господа, это выйдетъ демонстрація, — запротестовала Софья Николаевна, — я сказала первая и извольте соблюдать приличіе. Что?

И она обвела всѣхъ своими немного близорукими смѣющимися глазами и разсмѣялась.

— О, Боже мой, какъ все это глупо, пріѣду домой и сейчасъ же приму душевную ванну, — говорила она, прощаясь со всѣми.

— Шекспира? — спросилъ я ее, зная ея любовь къ Шекспиру.

— Его, — кивнула она, проходя въ большую гостиную.

А я, стоя въ дверяхъ, наблюдалъ, какъ вдругъ преобразилась вся она, серьезная не по лѣтамъ, съ достоинствомъ и проникнутой въ то же время какъ бы невольнымъ уваженіемъ, она подошла къ губернаторшѣ и сдѣлала ей непринужденный красивый, немного дѣвичій реверансъ.

— Губернаторша облегченно спросила ее:

— Уже?

И какъ бы боясь, что гостыя передумаетъ, дружески кивнула ей головой:

— Не забывайте.

И потянулись дни за днями съ журфиксами, визитами, собраниями и концертами, скучные и утомительные дни провинціального high life'a.

IV.

Одинъ фотографъ, у котораго я снимался, живой и интересный хохоль, встрѣтивъ какъ-то, спросилъ меня:

— Вы сегодня вечеромъ что дѣлаете?

— Въ театрѣ.

— Не зайдете ли послѣ театра ко мнѣ? Соберется кой-кто, пѣть будемъ, плясать, играть, будутъ и умники. Въ самомъ дѣлѣ, что вамъ, пріѣзжайте.

Мнѣ скучавшему, какъ только можетъ человѣкъ скучать, улыбнулось это предложеніе и я послѣ театра поѣхалъ:

Я пріѣхалъ въ разгарѣ вечера.

Въ накуреномъ воздухѣ маленькихъ комнатъ съ дешевой мебелью и фотографіями по стѣнамъ тускло горѣли лампы и стоялъ гулъ отъ оживленнаго говора.

Я остановился у дверей и первое, что рѣзко бросилось въ глаза: простые будничные костюмы и оживленные, праздничные лица гостей. Говорили, громко смѣялись. Я прислушивался къ этому смѣху съ удовольствіемъ, потому что давно уже не слыхалъ такого веселаго беззаботнаго смѣха.

Мое появленіе ничего не нарушило. Только какой-то сѣдоватый веселый господинъ, собиравшійся что-то сказать, остановился на мгновеніе съ поднятой рукой и съ дружелюбнымъ любопытствомъ осмотрѣлъ меня, да хозяинъ крикнулъ, увидѣвъ:

— Ну, вотъ и отлично, какъ разъ во время: сейчасъ пѣніе начнется, а пока я васъ успѣю еще познакомить.

И онъ повелъ меня по комнатамъ.

Сѣдоватый господинъ, немного сутуловатый, съ добрыми женскими глазами, добродушно сказалъ мнѣ:

— Я уже слышалъ о васъ: очень радъ познакомиться.

И мнѣ вдругъ показалось, что я давнымъ давно уже знакомъ съ нимъ.

— Это кто?—спросилъ я отойдя у хозяина.

— Судебный слѣдователь изъ евреевъ, Иванъ Васильевичъ Абрамсонъ,—шепнулъ мнѣ хозяинъ,—могъ бы давно быть и предсѣдателемъ, если бы вырестился, но не хочетъ: очень хорошій человѣкъ, его всѣ очень любятъ.

По очереди, проходя черезъ маленькую комнату, я пожалъ руку господину среднихъ лѣтъ, съ умнымъ, спокойнымъ и твердымъ взглядомъ, около котораго сидѣло нѣсколько молодыхъ людей и одинъ изъ нихъ,—съ блѣдной рыбьей некрасивой и изможденной физиономіей, но съ прекрасными глазами, которые тѣмъ рельефнѣе выдвигались и красотой своей освѣщали все лицо,—что-то горячо говорилъ.

Молодой человѣкъ былъ одѣтъ болѣе, чѣмъ небрежно, даже для этого общества: прорванный пиджакъ и ситцевая рубаша были далеко не первой свѣжести.

— Василій Ивановичъ Некрасовъ,—шепнулъ мнѣ хозяинъ, указывая на господина среднихъ лѣтъ,—присяжный повѣренный,

умница, былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ предсѣдателемъ земской управы, — слетѣлъ въ 24 часа.

— За что?

— Да, собственно, поводъ — ерунда, тамъ, въ пиджакѣ пріѣхалъ къ губернатору, — отношенія раньше были натянуты.

— А этотъ молодой человекъ въ грязной рубахѣ, который напоминаетъ мнѣ время нигилистовъ?

— Это отъ бѣдности... Это самоучка изъ босовниковъ, онъ пишетъ въ газетѣ: хорошенькіе такіе рассказы... Ему предсказываютъ большую будущность.

Проходя дальше, я увидѣлъ предсѣдателя суда, Владиміра Ивановича Павлова, и удивился неожиданной встрѣчѣ.

Большой, мрачный онъ сидѣлъ такой же угрюмый, какъ и на губернаторскихъ журфиксахъ, внимательно слушая какого-то средняго лѣтъ господина, въ синихъ очкахъ, съ свѣтлой бородкой клиномъ.

— Это кто съ Павловымъ сидитъ?

— Редакторъ нашей газеты.

— Какое разнообразное, однако, у васъ общество.

— Да, спасибо, не брезгаютъ моею хатой, — сказалъ хозяинъ. Началось пѣніе.

Молодой офицеръ мягкимъ приятнымъ басомъ запѣлъ „Капрала“.

Я стоялъ у дверей и слушалъ.

Офицеръ пѣлъ выразительно, красиво и съ чувствомъ.

И вся его фигура, статная, съ открытымъ, довѣрчивымъ лицомъ, голубыми глазами очень подходила къ пѣснѣ.

Послѣ офицера пѣла барышня нарядная, изящная. Она училась въ консерваторіи и пріѣхала теперь домой.

У нея было колоратурное сопрано, и голосокъ ея звенѣлъ нѣжно. Когда она дѣлала свои трели, казалось, комната наполнялась мягкимъ звономъ серебряныхъ колокольчиковъ.

Ее заставили нѣсколько разъ спѣть.

— Кто она? — спросилъ я подошедшаго хозяина.

— Норова, дочь одного бѣднаго еврея, лавочку имѣетъ.

— У нея прекрасный голосокъ, — сказалъ я, — но врядъ ли годится для большой сцены.

— На маленькой будетъ пѣть.

Еще одна барышня пѣла и у этой былъ свѣжій выразительный и обработанный голосъ.

Послѣ пѣнія играли на скрипкѣ, — соло, дуэтъ съ роялемъ, рояль соло.

И игра была прекрасная.

Я, житель юга, привыкъ къ музыкѣ, пѣнію и въ своемъ обществѣ скучалъ за этимъ.

Послѣ музыки, хозяинъ позвалъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Богъ послалъ немного: двѣ селедки, блюдо жареной говядины, грудку хлѣба, двѣ бутылки водки и батарею бутылокъ пива.

— А послѣ ужина, когда прочистятся голоса,—говорилъ хозяинъ,—мы хоромъ хватимъ.

Послѣ ужина хватили хоромъ и пѣли долго и много.

Проходя мимо группы молодыхъ людей, сидѣвшихъ за столикомъ и пившихъ пиво, меня окликнули по имени и отчеству.

— Не узнаете?—спросилъ обликнувшій тихимъ, сильнымъ голосомъ, ласково улыбаясь.

Я напрягъ свою память: гдѣ я видѣлъ эту застѣнчивую, сутуловатую фигурку, смотрѣлъ въ эти черные глаза, слышалъ этотъ тихій сильный голосъ?

— Вы статистикъ, Петръ Николаевичъ? Извините фамилію забылъ.

— Антоновъ, онъ самый, присаживайтесь, позвольте познакомиться: сотрудники мѣстной газеты.

Петръ Николаевичъ года два назадъ по дѣламъ статистики заѣзжалъ ко мнѣ въ имѣніе.

Принялъ я было его тогда очень плохо.

Онъ вошелъ прямо въ кабинетъ, а я, думая, что это какой-нибудь писарь съ окладными листами, сухо спросилъ его:

— Отчего вы въ контору не прошли?

— Извините,—весело отвѣтилъ Петръ Николаевичъ и уже пошелъ, когда я догадался спросить его, кто онъ.

Петръ Николаевичъ прожилъ у насъ тогда нѣсколько дней и, въ концѣ концовъ, мы разстались съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Я очень обрадовался ему. Его товарищи скоро ушли и я, такъ какъ деревня какимъ-то непережареннымъ коломъ постоянно торчала во мнѣ, на вопросъ, какъ идутъ мои дѣла въ деревнѣ, рассказавъ Антонову о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ.

Антоновъ, согнувшись, внимательно слушалъ меня и, когда я кончилъ, задумчиво сказалъ:

— Какой богатый матеріалъ... Если бы вы могли написать такъ, какъ рассказали... Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, вамъ все это не описать?

— Для чего?

— Напечатать.

— Собственно кому это интересно?

— Интересна здѣсь деревня, ваши отношенія... Насколько я понималъ, вы, вѣдь, впередъ, такъ сказать, предугадали реформу и

были... добровольнымъ и первымъ земскимъ начальникомъ... Нѣтъ, безусловно интересно и своевременно...

— Если печатать, то гдѣ же?

— Въ „Русской Мысли“, въ „Вѣстникѣ Европы“.

— Шутка сказать.

— Вы напишите и дайте мнѣ.

— А вы какое отношеніе имѣете къ этому?

— Я тоже пишу.

— Что?

— Очерки, рассказы.

— Вы гдѣ пишете?

— Прежде писалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, теперь въ „Русской Мысли“.

— Вы и тогда, когда у меня были, тоже писали?

— Да.

— Отчего же вы ничего не сказали тогда?

— Не пришлось какъ-то.

— Вы что написали?

— „Максимъ-самоучка“, „Дневникъ учителя“, нѣсколько разсказовъ.

Онъ назвалъ свой псевдонимъ.

— Читали?

— Нѣтъ,—отвѣчала я смущенно,—не успѣлъ... Непремѣнно прочту...

Вечеръ подходилъ къ концу. Гдѣ-то въ крайней комнатѣ все еще пѣли хоромъ, но нѣжные мелодичные звуки какъ будто все глѣбнѣе пробивались сквозь накуранный полумракъ комнатъ. Догорали свѣчи, и огонь ихъ казался теперь краснымъ. Уже потухло нѣсколько лампъ.

— Ну, что жъ, пора и домой,—поднялся Антоновъ,—надо бы намъ гдѣ нибудь увидѣться еще.

— Очень радъ,—сказалъ я,—если позволите, я приѣду къ вамъ.

Къ намъ подошелъ въ это время Абрамсонъ и, добродушно смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Собственно и я очень радъ бы былъ, если бы наше знакомство не ограничилось бы этимъ и вы посѣтили бы мой салонъ, весь городъ бываетъ.

Абрамсонъ засмѣялся, а я записалъ и его адресъ.

На другой день я былъ и у Антонова, и у Абрамсона.

Антонова я дома не засталъ, а у Абрамсона очень долго звонилъ, пока дверь вдругъ не отворилъ самъ хозяинъ и весело закричалъ:

— А-а! Пожалуйте, пожалуйста, очень радъ, колокольчикъ не звонитъ, да и дверь никогда у насъ не затворяется.

Онъ ввелъ меня въ свой маленькій кабинетъ и показалъ рукой на бѣлую известкой выкрашенную стѣну, на которой на листѣ крупно было написано: „о старости и тому подобныхъ неприятныхъ вещахъ просить не говорить въ этомъ домѣ“.

Онъ дождался, пока я прочелъ и весело расхохотался.

— Понимаете, необходимо это, — онъ показалъ на свою сѣдину, — а то вѣдь есть такіе нахалы, что если не предупредить, какъ разъ и ляпнуть передъ кѣмъ не надо.

Я вспомнилъ, что на вечерѣ Иванъ Васильевичъ все время вертѣлся около дамъ.

— Вы женаты?

— Все ниваеъ не могу выбрать... Не хотите ли чаю, пойдемъ въ столовую.

Столовая маленькая комната, съ крошечнымъ столикомъ и другой надписью на стѣнѣ. Крупно было написано: „конфеты, закуски, вина“ и мелко „въ магазинѣ Иванова“.

Когда мы перешли въ третью и послѣднюю комнату, — кушетка для сна была стояла въ кабинетѣ, — Иванъ Васильевичъ сказалъ:

— Ну, что-жъ, хорошъ салонъ? И дѣйствительно вѣдь весь городъ бываетъ, за исключеніемъ вашего кружка... Ахъ, потѣха. Въ послѣдній разъ была у меня Марья Николаевна Петипа, — видали вы ее на сценѣ?

— Ну, конечно.

— Я ей салонъ, салонъ, ну она и вообразила себѣ въ самомъ дѣлѣ: пріѣхала въ бальномъ платьѣ, въ туфляхъ, девольте, навидеа съ лебяжьимъ пухомъ. Какъ разъ пріѣхала въ закуску. Посадилъ ее вотъ на это кресло, спрашиваю: „закусить не прикажете“? „Что-нибудь, говорить, солененькаго“. Бѣгу въ столовую, только хвостъ отъ селедки и остался, — несу торжественно съ такой физиономіей, какъ будто, омаръ или, по крайней мѣрѣ, свѣжал икра.

Иванъ Васильевичъ разсмѣялся и сказалъ:

— На полторы тысячи жалованья что больше можно сдѣлать?

— Отчего вы не сдѣлались присяжнымъ повѣреннымъ?

Иванъ Васильевичъ махнулъ рукой:

— Мнѣ и такъ хорошо: счастье не въ деньгахъ, счастье въ спокойной совѣсти; есть деньги — помогъ, нѣтъ — совѣтъ хорошій...

Въ это время наружная дверь отворилась, и изъ передней выглянулъ въ кучерской поддевку крестьянинъ.

— А, заходи, — сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Ну, что?

— Ходилъ.

— Ну?

— Поступилъ...

— Ну и отлично...

— Благодаримъ покорно, — сказалъ крестьянинъ и вышелъ.

— Вотъ удалось опредѣлить въ вучера... у меня здѣсь пѣ-
стоящее справочное бюро: прїѣдетъ концертъ давать, — ко мнѣ, въ
вучера, — ко мнѣ, умеръ, — бѣдная семья евреевъ ко мнѣ. У меня
самого ничего нѣтъ: есть друзья.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ новый посѣтитель.

— А-а, — крикнулъ хозяинъ, увидѣвъ гостя, — позвольте васъ
познакомить: учитель реальнаго училища Павелъ Александровичъ
Орховъ, собственно инженеръ-технологъ, но изъ любви къ ис-
кусству.

— Да знакомы, знакомы уже: у фотографа же на вечерѣ.

Это говорилъ маленький, живой, съ большой кудлатой головой
похожій на головастика, человѣчекъ, постоянно обдергивавшійся.

— Да, да, знакомы, — сказалъ я, пожимая руку Павла Алек-
сандровича.

— Запелъ къ вамъ, — сказалъ Павелъ Александровичъ, садясь,
вотъ по какому дѣлу. Собираюсь я лекцію по геологіи прочесть,
да не знаю, какъ сдѣлать у губернатора.

Абрамсонъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ видите, это имѣетъ самое прямое отношеніе къ моей
спеціальности судебного слѣдователя.

— Вы вѣдь хороши съ Ермолиномъ, — черезъ него, говорить.
Вотъ и дайте къ нему записку, тамъ, что ли, — сказалъ Орховъ.

— Я самъ къ нему съ вами поѣду.

— Ну и отлично.

И, обратившись ко мнѣ, Орховъ спросилъ:

— Ну, какъ вамъ понравилось у фотографа?

— Очень понравилось, я и до сихъ поръ не могу придти въ
себя отъ удивленія. Я собственно, точно провалился вдругъ въ
другой міръ, о которомъ никакого представленія не имѣлъ.

— Вотъ, вотъ, — заморгавъ своими большими глазами Орховъ и
сталъ нервно ловить свои обстриженные усы, — именно провалился.
Въ столицѣ вы видѣли, конечно, этихъ другихъ людей, но не
предполагали, что они и здѣсь имѣются уже. Конечно, въ городѣ,
гдѣ 40—50 тысячъ жителей, народа довольно, но вамъ какъ то
представлялся весь этотъ народъ не своего круга, чѣмъ-то очень
малозначущимъ и неинтереснымъ: ну какіе-то тамъ работники, изъ
за куска хлѣба быющіеся изо дня въ день, всѣ поглощенные сѣ-
рой скучной прозой жизни и, конечно, безъ всякихъ гори-
зонтовъ. А что и есть, то это заимствовано отъ васъ же, людей
вашего круга, какъ заимствуютъ они у васъ и все остальное:

моды, манеры, свѣтскій этикетъ. И какъ все подражательное— все это ниже оригинала. Для этого достаточно видѣть ихъ издали: на улицѣ, въ собраніяхъ, въ театрѣ. Словомъ была какая-то не-продуманная, но твердая увѣренность, что вы и вашъ кругъ начало и конецъ всему, источникъ жизни и единственный проводникъ культуры. И вдругъ: провалился въ преисподнюю... въ другой міръ. Вы когда кончили курсъ?

— Восемь лѣтъ назадъ.

— Въ одинъ годъ со мной: почти напротивъ жили... Восемь лѣтъ всего и уже не можете придти въ себя отъ удивленія, что увидѣли всѣхъ насъ. Хоть назадъ поступай... Все высшее образованіе, можетъ быть, и не задѣло даже за то, сидящее и въ васъ и въ каждомъ, что вы увидѣли у фотографа. Какъ разъ тамъ, гдѣ какъ разъ и не требуется никакихъ дипломовъ, родословныхъ, набитыхъ кармановъ. И какъ разъ тамъ и Савеловъ, котораго читаетъ вся образованная Россія и учится, и босовицъ, который, можетъ быть, удивитъ всѣхъ своимъ талантомъ, и всѣ эти неизвѣстные люди труда, совокупнымъ трудомъ которыхъ является номеръ, печатный листъ газеты, журнала, — въ нихъ истинны этики, политики, социальныя и экономическія истинны, провѣренныя не пальцемъ, приставленнымъ ко лбу, а мировой наукой... Провалился—корни не въ почвѣ, а въ корѣхъ вдругъ оказались... Оказалось вдругъ, что нашъ громадный міръ только болото на корочкѣ, что есть другой міръ, гдѣ и настоящая почва, гдѣ и жизнь, и знанье, и искусство, гдѣ люди трудятся, мыслятъ, думаютъ, осмысливаютъ... Да, да... Новые люди изъ Зеландіи пріѣхали, при видѣ которыхъ въ себя придти не могутъ. Такъ вотъ какъ. Ну, мнѣ пора...

И Орховъ вскочилъ, торопливо сунулъ мнѣ и хозяину руку и ушелъ.

Иванъ Васильевичъ возвратился назадъ смущенный и, разводя руками, сказалъ:

— Вотъ еще чудакъ... Требуется отъ всѣхъ людей какого-то героизма, аскетизма... Точно жизнь вотъ такъ и идетъ по прописи...

Я сидѣлъ сконфуженный, смущенный.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ вамъ понравился вечеръ?— говорилъ тоже смущенный хозяинъ.—Надо будетъ и у меня какъ-нибудь собраться...

— Ну, и мнѣ пора...

Я всталъ, откланялся и уѣхалъ беспокойный и огорченный.

V.

Каждый разъ какъ пріѣзжалъ въ городъ управляющій, я нетерпѣливо спрашивалъ:

— Ну что? Какъ поджигатели? выселяются?

— Да ничего... Пока и не думаютъ они ни о чемъ, надѣются, что до весны не хватитъ васъ. Чичковъ говоритъ: „гдѣ это видано, какой законъ потерпѣть, чтобы безъ суда выселять насъ? Не смѣетъ“!

Управляющій махнулъ рукой:

— Да что говорить? Сплетнями занимаются? Прямо смѣются... Еще, говорятъ, столько-же денегъ привезетъ. Самъ будетъ и прощенія просить. Набаловались.

— За что же прощенія просить?

— Дѣло подорвано... Нужна власть, авторитетъ!

— Но произвола я не хочу.

— Никакого произвола: именно все на основаніи закона.

Срубилъ дерево — къ мировому: десятерной штрафъ, а не можешь — въ тюрьму... Ни одного слова ругательнаго... Исаевъ, голубчикъ, разъ уже есть, Ганюшевъ — два...

— Попались?

— У меня попадутся!

— Вы все-таки будьте снисходительны...

— Да вѣдь ужъ... Я не желаю быть убитымъ... потому что, если теперь еще малѣйшую поблажку, то я назадъ ужъ не поѣду. Три года вы дали мнѣ срока...

— Но всегда на законномъ основаніи?

— Законъ мнѣ не врагъ.

И Петръ Ивановичъ при этомъ смѣлся такъ, что мнѣ тошно было думать и о немъ, и о деревнѣ, и о судьбѣ брошенныхъ мною князевцевъ.

Пришла весна.

Однажды утромъ меня разбудили:

— Князевскіе крестьяне пріѣхали.

Я быстро одѣлся и вышелъ къ нимъ.

Двое: Родивонъ Керовъ и Пимановъ (одинъ изъ прощенныхъ участниковъ) при моемъ появленіи упали на колѣни и равнодушно крикнули:

— Не губи!

Я сухо остановилъ:

— Господа, вставайте—это не поможетъ...

Тогда они встали. Родивонъ, не сибша, полѣзъ въ карманъ и подаль мнѣ сложенный листъ бумаги.

Это была торжествующая, не совѣзмъ грамотная записка отъ управляющаго.

Вотъ она:

„Вчера, 19-го апрѣля сего года, 15 бычьихъ нашихъ плуговъ послѣ молебствія съ водосвятиемъ приступили къ пашиѣ князев-

сваго выгона. Вся деревня собралась у моста, смотрѣла и не вѣрила, когда плугъ за плугомъ выѣзжалъ изъ усадьбы. Когда всѣ плуги выстроились, выѣхалъ и я съ батюшкой и съ 15 верховыми, изъ которыхъ четыре подѣсовщика были съ ружьями, но никакого бунта не было. День былъ совершенно лѣтній — отъ земли даже паръ шель. Крестьяне все стояли у моста, сперва въ шапкахъ, но затѣмъ, когда началось молебствіе, сняли шапки и крестились. По окончаніи молебна, я, не обращая вниманія на нихъ, точно ихъ здѣсь и не было, скомандовалъ: „Съ Богомъ!“ И тогда плуги стали заходить и показалась черная земля. Ну вотъ, тогда не выдержали первыя бабы и завывли. Нѣкоторыя изъ нихъ упали на землю и дѣйствительно горько плавали. Я имъ сказалъ: „Вотъ до чего вы себя довели“. Только тогда мужьяки тоже не выдержали и подошли ко мнѣ (безъ шапокъ). Подошли и говорятъ:

„Останови пашню: соглашаются приговоренные уѣхать“. Какъ я потомъ уже узналъ, имъ прямо на сходѣ сказали: „убьемъ васъ этой же ночью, если не уѣдете!“ Такъ вдругъ перемѣнилось дѣло, но я и глазомъ не моргнулъ, что будто вотъ обрадовался. „Мнѣ,—говорю,—все равно, что попъ, что чортъ: вы, баринъ вашъ — отъ кого жалованье получаю и приказаніе получаю... Не я, такъ другой... такой же, какъ и вы, подневольный. Поѣзжайте въ городъ, привозите отъ барина записку и кончу пахать“. Удостоверяю, что всѣ пять семействъ уже улаживаются“.

Такъ были изгнаны мною изъ Князевки пять зачинщиковъ изъ самыхъ зажиточныхъ дворовъ.

VI.

Между тѣмъ я получилъ мѣсто и довольно далеко отсюда.

Петръ Ивановичъ передъ моимъ отъѣздомъ настоятельно звалъ меня въ деревню.

Онъ говорилъ:

— Теперь и безопасно...

— Я никогда и не боялся...—вставилъ я.

— И полезно для дѣла и наконецъ... Э... это будетъ доказательствомъ того, что вы ихъ простили... э... помирились съ ними... Все-таки... э... Дѣти вѣдь они, а вы .. э... отецъ ихъ... Наконецъ... э... Ну, вы увидите...

Петръ Ивановичъ снисходительно улыбнулся:

— Ну, какъ я... э... тамъ справляюсь: можетъ быть, не довольно останетесь мной... Нѣтъ, ужъ вы поѣзжайте: необходимо...

Я сдѣлся и поѣхалъ.

Я пріѣхалъ въ деревню, когда весна была уже въ полномъ разгарѣ.

Посѣвы взошли и молодая ихъ зелень беззаботно нѣжилась въ привольномъ просторѣ яркаго до боли весенняго деревенскаго дня. Тучки бѣлыя, нѣжныя безмятежно плыли по голубому небу; молодой лѣсъ, точно узнавъ, ласкалъ меня привѣтливо своимъ нѣжнымъ говоромъ.

Я опять переживалъ неотразимую силу очарованія этого праздника природы. Каждый уголокъ князевскихъ земель, каждая межа и дорожка говорили, будили воспоминанія, все словно шептало: „забудемъ тяжелое прошлое, сольемся опять въ одно для производительной дружной работы“.

Я слушалъ знакомый зовъ, волновался, можетъ быть... но былъ далеко теперь отъ измѣнчивой красавицы природы.

Петръ Ивановичъ усердствовалъ.

Надъ воротами была устроена арка, перевитая молодой зеленью березъ, съ надписью: „добро пожаловать“. Во дворѣ стояла толпа нарядныхъ крестьянъ. Рядомъ съ великолѣпнымъ Петромъ Ивановичемъ на крыльцѣ стоялъ новый, молодой, застѣчивый священникъ.

Когда я подѣхалъ, Петръ Ивановичъ напыщенно спустился съ крыльца, пожалъ мою руку, затѣмъ величественнымъ движеніемъ головы пригласилъ батюшку и, когда я поздоровался и съ нимъ, громко и важно сказалъ:

— Э... а вотъ ваши „арендатели“... э... (онъ показалъ на крестьянъ) они просятъ васъ... э... сдѣлать имъ честь отслужить молебенъ у креста, ихъ иждивеніемъ выстроенаго...

Я стоялъ, смотрѣлъ кругомъ... какъ будто все то же, тѣ же лица... они вланиются заискивающе, подобострастно, какъ-то смѣшно и, не довольствуясь еще, усердно киваютъ мнѣ головами.

Опять заговорилъ Петръ Ивановичъ:

— Э... они желали бы поднести вамъ по случаю приѣзда хлѣбъ-соль... Э... впрочемъ, лучше сперва отслужить молебенъ...

Онъ совсѣмъ смутился и кончилъ.

— Впрочемъ, какъ прикажете...

Дѣло въ томъ, что двое уже шли ко мнѣ: староста съ блухой и все тотъ же Родивонъ.

Хлѣбъ на металлическомъ блюдѣ. Традиціонныхъ куръ, яицъ, поросятъ не было и въ поминѣ.

Я вынулъ-было деньги, чтобы по обыкновенію поблагодарить крестьянъ, но Родивонъ строго и рѣшительно отрѣзалъ:

— Не надо!

Староста за нимъ, прокашлявшись, съ ноткой сожалѣнія, тоже тихо повторилъ:

— Нѣтъ, ужъ не надо...

Петръ Ивановичъ важно, съ соотвѣтственнымъ жестомъ остановилъ меня:

— Э... это не за деньги, а отъ добраго чувства... Такъ, господа?..

— Такъ точно...

— Ну, что жъ, въ кресту?—обратился я смущенно къ Петру Ивановичу.

— Хоругви впередъ!—скомандовалъ Петръ Ивановичъ такъ, словно онъ приказывалъ цѣлой арміи.

Съ хоругвями бодро зашагали, пошелъ батюшка съ дьячкомъ, затѣмъ я, поотдавъ отъ меня Петръ Ивановичъ, а еще подальше староста и толпа крестьянъ.

Попробовалъ, было, я поравняться съ Петромъ Ивановичемъ— не удалось, съ крестьянами и подавно сохранялась какая-то заколдованная дистанція.

Такъ дошли мы до креста на пишеѣ. На крестѣ висѣла икона съ изображеніемъ моего и жены моей патрона.

Ученики нашей школы и сосѣдняго села вышли впередъ и подъ руководствомъ дьячка пѣли, вмѣсто пѣвчихъ, и это было нововведеніемъ. Пѣли хорошо и молодой батюшка скромно, а Петръ Ивановичъ торжественно, все время косились на меня. И ученики каждый разъ, пропѣвъ, смотрѣли на меня съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ.

Пропѣли многолѣтіе.

Торжествующій толстый Петръ Ивановичъ, протягивая мнѣ руку, сказалъ:

— Позвольте поздравить васъ съ благополучнымъ прїѣздомъ.

Попробовалъ я послѣ молебна заговорить съ крестьянами:

— Ну, что жъ, всходы хороши, вается?

Провашлялись, переступили съ ноги на ногу, посмотрѣли на Петра Ивановича:

— Слава Богу...

— Еще бы не хороши,—усмѣхнулся Петръ Ивановичъ,—на уваженной... такихъ и не видали, чать...

— Дай Богъ здоровья и барину, и Петру Ивановичу...

Петръ Ивановичъ встряхнулся...

— Я что? А вотъ за барина день и ночь надо молиться: ноги его мыть, да воду эту пить...

— Арендой довольны?

— Довольны.

— Еще бы недовольны,—вставилъ опять Петръ Ивановичъ,—даромъ кому не надо...

— Можетъ быть, кто-нибудь имѣетъ попросить о чемъ-нибудь меня?

Мгновенное гробовое молчаніе.

Петръ Ивановичъ и торжествуетъ, и строго, въ упоръ смотритъ на крестьянъ.

Преодолевая соблазнъ, кто-то за всѣхъ уныло отвѣчаетъ:

— Что ужъ просить? Довольно просили...

Петръ Ивановичъ сіяетъ:

— Что? Совѣсть проснулась. Нѣтъ... э... надо правду говорить: я теперь доволенъ...

Вдругъ выходитъ Алена и валится мнѣ въ ноги.

— Встань, встань,—говорю я, торжествуя въ душѣ.

Зато Петръ Ивановичъ взволнованъ, огорченъ и, не выдержавъ, говоритъ угрожающимъ голосомъ:

— Алена?! Помни...

Алена отчаянно кричитъ ему:

— Да я не насчетъ чего тамъ: земли, альбо денегъ... Мужъ меня донимаетъ: защити, батюшка...

Это она говоритъ уже мнѣ.

— Что же,—перебиваетъ Петръ Ивановичъ,—ты думаешь баринъ— правительствующій синодъ, что станетъ разводить тебя съ мужемъ?

Алена смущенно встаетъ.

— Мнѣ на что разводъ? Видь бы хоть... Ушла бы съ дѣтками въ городъ отъ разорителя и любовницы его, чтобы сраму хоть не видать...

Петръ Ивановичъ важно распускаетъ свои толстыя губы, собираетъ ихъ колечкомъ, пыжится и брызжетъ, какъ сифонъ съ сельтерской.

— Э... я не одобряю, конечно, твоего мужа... э... но и жену, уходящую отъ мужа... э... по головкѣ гладить нельзя...

Петръ Ивановичъ вдохновенно мотаетъ головой.

Я не выдерживаю:

— Андрей,—обращаюсь я къ пьяницѣ и развратнику Андрею,—опять ты за жену принялся: вѣдь такой же человекъ она, какъ и ты... Только потому, что можешь за горло схватить... Ну, ты ее можешь, а она тебя бѣлымъ порошкомъ угостить *)...

Я обрываюсь, потому что сознаю всю бесполезность такихъ уговоровъ и перехожу на практическую почву:

— Если ты дашь волю женьѣ, я тебѣ лѣсу дамъ.

Андрей говоритъ, не поднимая глазъ съ земли:

— А пѣсъ съ ней... дамъ паспортъ.

— Ну, спасибо! приходи ко мнѣ сегодня въ усадьбу за ярлыкомъ.

Андрей равнодушно и тихо отвѣчаетъ:

*) Мышьякъ—обычный приемъ въ деревнѣ отдѣлываться отъ постылыхъ мужей и жень.

— Слушаю.

Петръ Ивановичъ снисходительно шепчетъ мнѣ:

— Собственно противъ уговора... Своимъ рѣшеніемъ вы вѣдь подрываете мой авторитетъ.

Въ отвѣтъ, я обращаюсь къ толпѣ:

— Еще кто-нибудь, можетъ быть, имѣетъ ко мнѣ дѣло?

Въ толпѣ крестьянъ молчаніе, зато Петръ Ивановичъ говоритъ:

— Ну, э... я при владѣльцѣ заявляю, что если кто выйдетъ о чемъ просить, то я, все равно, не исполню... э... и тотъ мнѣ врагъ...

Онъ обращается ко мнѣ:

— Э... извините, пожалуйста: я предупреждалъ... э... что на три года... э...

Петръ Ивановичъ еще брызжетъ, но я, попросившись съ батюшкой, иду уже назадъ въ усадьбу.

Обѣдъ на террасѣ.

Передъ нами весь въ солнцѣ садъ съ цвѣтущими яблонями. Вершины душистыхъ тополей ушли въ лазурное небо и вокругъ нихъ гуль отъ пчелъ. Вотъ онѣ золотыми нитями, то приближаясь, то удаляясь отъ деревьевъ, берутъ свою первую взятку. Сѣдня ветлы надъ рѣкой лѣнвивыя, громадныя, едва шевелятъ, какъ опахалами, своими вершинами и сквозить за ними другой берегъ рѣки съ высокими, какъ горы изъ красной глины, холмами Князевки.

Какой-то праздникъ, нѣга, сонъ съ этими неподвижными застывшими навѣки въ голубой дали красными холмами.

Я ѣздилъ по имѣнію, провѣрилъ кассу и отчетность. Во всемъ такой же порядокъ, какъ въ этомъ саду. Деревня моя даетъ доходъ! Петръ Ивановичъ прекрасно устроился и съ лѣсами: онъ поставляетъ дрова теперь въ казну, онъ въ дружбѣ съ интендантомъ, называя его офицеромъ.

Когда Петръ Ивановичъ бываетъ въ городѣ, они вмѣстѣ завтракають, слегка выпивають и говорятъ другъ другу „ты“.

— Такъ ужъ это у насъ, у офицеровъ заведено.

— Вы развѣ тоже офицеръ?

— Почти,—говоритъ уклончиво Петръ Ивановичъ.

Я воображаю себѣ этихъ двухъ „офицеровъ“, а Петръ Ивановичъ важно и въ то же время почтительно говоритъ:

— Э... онъ проситъ, чтобъ вы замолвили за него словечко...

— Какое словечко я могу за него замолвить?

Петръ Ивановичъ еще важнѣе и снисходительнѣе играетъ своими толстыми короткими пальцами.

— Ну, положимъ... э... если такой дворянинъ, какъ вы... э... такой вельможа...

— Петръ Ивановичъ, побойтесь вы Бога...

— Зачѣмъ же скромничать?

И Петръ Ивановичъ покровительственно, любовно, какъ чело-
вѣкъ, сообщившій мнѣ какое-то неожиданное громадное счастье,
любуется первымъ ошеломляющимъ дѣйствиємъ этого извѣстія.

Петръ Ивановичъ быстро встаетъ и освѣдомляется:

— Э... собственно дѣло къ вечеру уже... на счетъ дальнѣйшаго
осмотра имѣнья?

— Завтра...

— Слушаюсь... Въ такомъ случаѣ я пойду въ контору.

Вмѣсто него, появляется старый слуга его, Абрамъ. Абрамъ
изъ николаевскихъ солдатъ. Бритое, въ сѣдой щетинѣ лицо, злые
старые глаза, весь олицетвореніе неудовлетворенности. Онъ слу-
жить у Петра Ивановича „денщикомъ“ за два рубля въ мѣсяць.
Абрамъ укоризненно смотритъ на меня и, качая головой, говоритъ
наконецъ:

— Такъ вотъ какъ, сударь, пришлось намъ скоро узнать другъ
другу...

— Въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ дѣло? — зло, не спѣша переспрашиваетъ меня
Абрамъ, — а Петру Ивановичу кто на меня донесъ, что я водку
изъ графина послѣ завтрака выпилъ... Хорошо: мѣтку онъ, поло-
жимъ, сдѣлалъ: нѣтъ водки, — вѣрно... Хорошо! Такъ почему же
непремѣнно я?! Баринъ, говоритъ, самъ тебя видѣлъ, когда во-
шелъ въ столовую... Такъ неужели же барину доносами заниматься?!

Я защищаюсь всѣми силами передъ Абрамомъ во взведенной
на меня Петромъ Ивановичемъ напраслины.

Абрамъ недовѣрчиво слушаетъ и пренебрежительно отвѣчаетъ:

— Теперь, конечно, что жъ вамъ и отвѣчать... а Абрамъ ви-
новатымъ остается.

— Ну, хорошо: вотъ придетъ Петръ Ивановичъ и я это дѣло
выведу на свѣжую воду...

Абрамъ опять долго укоризненно смотритъ на меня.

— Выведете, а Абрама расчтаютъ...

Онъ неумолимо торжествующе впился въ меня глазами.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ну, такъ вотъ что: вотъ тебѣ деньги...

Абрамъ беретъ деньги и медленно уходитъ, а я по ступень-
камъ спускаюсь въ садъ.

Нѣжный аромат цвѣтущихъ яблонь. Гдѣ-то въ саду звонко и
отчетливо, подчеркивая безмятежный покой, насвистываетъ какая-
то птичка. Топеть взглядъ въ лазури неба и рѣзче контрастъ
этой молодой весны съ старымъ, все тѣмъ же садовникомъ,

Павломъ. Онъ стоитъ въ концѣ дорожки и нѣсколько ребятишекъ окружаютъ его.

Такъ окружаютъ молодые побѣги, закрывая, старое готовое уже къ смерти, дерево.

Все тотъ же Павелъ съ проповѣдью о спасеніи души и притчѣ о зазнавшемся богачѣ.

Въ этомъ смыслѣ все такой же неугомонный и послѣдательный онъ, когда я подхожу къ нему, отпускаетъ мнѣ нѣсколько горькихъ фразъ.

Всѣ попытки съ моей стороны къ примиренію отвергнуты величественно и стойчески.

— Баринъ вы — баринъ и есть, — разводитъ онъ пренебрежительно руками.

Я прихожу къ тому мѣсту сада, гдѣ за оградой извивается дорога въ Князевку, видна деревня, прудъ ясный, зеркальный, отражающій покой безмятежнаго неба. Тамъ на прудѣ утки и гуси и два дивныхъ лебедя, которые ежегодно весной на недѣлю, другую прилетаютъ на этотъ прудъ. Иногда они вытягиваютъ свои длинныя шеи и кричатъ своими гортанными звуками. Звуки несутся и медленно замираютъ въ праздничной округѣ и снова наступаютъ минуты тишины, нѣги, безмятежнаго покоя. Вѣтеръ стихъ совсѣмъ, я стою подъ лблоней, въ ея ароматѣ и вокругъ меня падаютъ розовато-бѣлыя лепестки ея цвѣта.

Я слышу голоса на дорогѣ. Я узнаю ихъ: это Матрена и Родивонъ. Ни я ихъ, ни они меня не видятъ. Грубый, рѣзкій голосъ Родивона:

— Ну да! Такъ и сказывали бы зимой: кто бъ тогда тебѣ давалъ муку?

Горькій голосъ Матрены:

— Давалъ муку... Много даль... За полпуда три дня, не разгибаясь, жать...

Удаляющійся голосъ Родивона:

— Много-мало: не теперь толковать объ этомъ.

И Родивонъ быстро проходитъ мимо меня.

Матрена равняется съ моей засадой и я, подходя къ оградѣ, говорю:

— Здравствуй, Матрена!

Маленькая оливковая Матрена, съ черными, какъ у турчанки, глазами, изможденная и сухая, вздрагиваетъ и говоритъ:

— О, Господи, какъ я испугалась...

Она поправляется быстро:

— Отъ радости испугалась...

Мы оба улыбаемся и я спрашиваю ее:

— О чемъ это ты съ Родивономъ?

— Да-а!!

Матрена машетъ рукой:

— И слушать вамъ не стоитъ про наши глупыя дѣла... Остался теперь побогаче другихъ на деревнѣ и бомандуетъ, какъ знаетъ.

— Одинъ остался?

Матрена выдыхаетъ:

— Потянулись за нимъ и другіе: Сурвовъ, Тычкинъ, Пимановъ... ну, тѣ ужъ и вовсе на красненькую гоношадь обернуть всю деревню..

— Лучше значить не сдѣлалъ я, что кулаковъ удалил: по-вые растутъ?

Не замѣчая горечи для меня ея отвѣта, Матрена вскользь бросаетъ:

— Растутъ какъ грибы на навозѣ... не у чего жить въ деревнѣ... такъ вродѣ того, что у пустого стойла мордой лошады тычется: нѣтъ, нѣтъ и твнетъ опять,—не набѣжало ли? неоткуда... Посѣвъ въ наемку: сама нанимала и сама же нанимаюсь... и работать не на кого... Бѣдноты много уходитъ изъ деревни...

Матрена задумывается и уже повеселѣвшимъ голосомъ кончаетъ:

— Такъ мы глупые: уравнивать всѣхъ насъ хотѣли вы,—богатыхъ выгнали, а мы, бѣднота, опять за ними тянемся...

Замолчала Матрена, молчу и я...

Тихо кругомъ. Словно подъ нашъ говоръ задумалось все или заснуло и спитъ въ молодой веснѣ вѣршеимъ, глубокимъ сномъ, какъ тѣ холмы, съ красными іероглифами, свидѣтели промчавшихся вѣковъ.

Стоимъ и мы съ Матреной, пигмеи своего мгновенія, напряженно думая каждый свое.

— Ну простите Христа ради... хоть изъ-за рѣшетки нынче довелось поглядѣть на васъ... Важные вы стали...

— Почему важный?

— Царь, бають, призывалъ васъ, убытки вернулъ, пенсію назначилъ....

— Это неправда. Кто это рассказывалъ?

— Упомнишь развѣ,—говоритъ уклончиво Матрена, кланяется и уходитъ.

Я слѣжу за ней; она идетъ погруженная въ свои думы и ея маленькая фигура точно больше становится и рельефнѣе вырисовывается на пустой дорогѣ.

Опять я одинъ въ саду.

Старая Анна, вдова Лифана Ивановича, съ внучкой и другою маленькою дѣвочкой.

Спрашиваетъ меня робко:

— Ничего, сударь, что я осмѣлилась въ садикъ зайти? Си-

ротка вотъ, Настя, ужъ больно любить глядѣть, какъ цвѣточки здѣсь цвѣтутъ... Говорить мнѣ: „я, баушка, гляжу и все мнѣ кажется, что тутъ и тятка съ мамкой изъ земли выйдутъ“...

Анна гладитъ хорошенькую пятилѣтнюю Настю и вздыхаетъ:

— Не выйдутъ, не выйдутъ, дитяtko...

Она обращается ко мнѣ:

— Маленькая, а какъ убивается... Забыть никакъ не можетъ...

Одна осталась—взяла...

Легкій весенній день безмятежно догораетъ. Послѣдними яркими штрихами разрисовываетъ заходящее солнце небесныя поля. Розовой, прозрачной дымкой подернулся прудъ и вѣжнѣ въ послѣднихъ лучахъ свѣтится зелень. Чувствуется прекрасное, мощное, и сильнѣе аромать цвѣтущихъ яблонь. Въ какую-то волшебную даль уходятъ округа и слышатся уже первые робкіе пошвысты соловья.

Вечеромъ, на сонъ грядущій Петръ Ивановичъ самъ запираетъ окна въ моей спальнѣ и съ плутовской улыбкой показываетъ мнѣ еще одно нововведеніе — двѣ скобы у дверей и надежный засовъ, говоря:

— Э... спите и ничего не бойтесь... теперь полная перемѣна: шелковые теперь стали.

Петръ Ивановичъ удовлетворенъ, доволенъ, но черезъ мгновеніе это уже лучшей изъ Фарлафовъ, прыгая, тычетъ пальцемъ въ темную гостиную, гдѣ въ неясныхъ переливахъ луны движется какая-то фигура и растерянно кричитъ:

— Э... кто тамъ?! Кто тамъ?!!

Это крадется все та же старая благообразная Анна, и, почтительно кланяясь, шепчетъ:

— Успокойтесь, сударь, успокойтесь: Господь милостивъ, все благополучно,—я воду барину на ночь несу.

— А Богъ съ тобой,—говоритъ Петръ Ивановичъ,—съ твоей водой... и все оттого, что шляешься безъ толку по свѣту, вмѣсто того, чтобы давно лежать себѣ тамъ рядомъ съ Лифаномъ твоимъ Ивановичемъ.

Анна смиренно кланяется и говоритъ спокойно:

— Денно и ночью молю о томъ Господа Бога моего...

Петръ Ивановичъ уже добродушно бросаетъ ей:

— Плохо молишься, плохо молишься...

Петръ Ивановичъ прощается и уходитъ.

— Анна, хорошо умеръ Лифанъ Ивановичъ?

— Хорошо, сударь... Причастился, пособоровался, приказалъ мнѣ дѣтей блюсти... Сударыня здоровы?

— Спасибо, здорова.

— И дѣточки?

- И дѣти.
- Слава Бугу.
- Спите съ Богомъ... Господь надъ вами.

Анна тихо, сгорбившись, беззвучно движется и исчезаетъ въ обманчивомъ сумракѣ волшебной ароматной ночи. Какая почва: живая, вся изъ молодыхъ жизней весны. Эти жизни трепещутъ, волнуются, живутъ... Какія-то уже чужія мнѣ жизни... Я стою у окна: даль загадочная передо мною. Въ эту даль уйду я, какъ ушелъ Лифанъ Ивановичъ, уходитъ Анна, какъ ушло все пережитое, что такой безнадежной щемящей болью сжимаетъ сердце. И что уйдетъ со мной вмѣстѣ въ эту даль? Такъ хотѣло сердце правды, такъ рвалось къ ней... Какъ неотразимо прекрасна природа. Неподвижно и тихо, и красавица ночи береза въ своей молодой зелени, какъ ажурная, понизла и свѣтится въ лучахъ мѣсяца. Такъ ясно видно все вокругъ нея и словно ближе мѣсяць къ ней, и шепчетъ ей какія-то сказки, и чутко слушаетъ ихъ округа: блѣдное нѣжное небо, даль, въ дворцахъ изъ молодого тумана, падающій въ кабую-то бездну прудъ и растрепанная нахохлившаяся Князевва съ черной лентой убѣжавшей въ поля дороги.

И вотъ и всѣ небогатія впечатлѣнія тогдашней моей поѣздки въ деревню и я уже ѣду назадъ, рѣшивъ завернуть по дорогѣ къ Чеботаеву и мысленно подбиваю итоги своей поѣздки.

Когда я дѣйствовалъ прежде въ деревнѣ, я имѣлъ опредѣленную программу.

Программа заключалась въ томъ, чтобы, не щадя усилий и жертвъ, повернуть рѣку жизни въ старое русло, гдѣ рѣка текла много лѣтъ тому назадъ, восстановление общины, уничтоженіе кулаковъ. Я такъ и дѣйствовалъ ровно до тѣхъ поръ, пока вдругъ какая-то сила не отшвырнула меня и не разломала всю мою усердную работу въ мгновение ока.

Конечно, когда такимъ дорогимъ путемъ появляется самосознаніе, то охота повторять дальнѣйшіе въ такомъ родѣ опыты пропадаетъ и главнымъ образомъ потому, что для такихъ опытовъ не хватитъ никакихъ средствъ.

Но сознаніе ошибки не даетъ еще отвѣта на вопросъ: какъ быть?

Я, конечно, желалъ какъ лучше... Я желалъ, онъ желалъ, мы желали, но гдѣ же истина, гдѣ то неотразимое, которое всѣ наши желанья приводитъ въ соотвѣтствіе съ жизнью, гдѣ то неумолимое, ясное, что заставитъ непоборимо признать себя?

Увы! всѣ эти вопросы оставались безъ отвѣта.

У Чеботаевыхъ все то же: тотъ же массивный домъ, та же неподвижность комнатъ, обстановки, хозяевъ, — словно вчера еще

только уѣхалъ отъ нихъ въ послѣдній разъ съ ощущеніемъ полной сытости отъ долгаго гощенія.

Но и чувствуется здѣсь черноземная, здоровая, честная сила.

И весь кружокъ Чеботаева, съѣхавшійся какъ разъ въ мой пріѣздъ, такой же: можетъ быть, и простые, и прозаичные люди, безъ горизонтовъ, съ изъянами по части образованія, но безусловно порядочные. И, конечно, эта партія выше интригано-шалопайной проскуринской партіи.

Все это такъ и тѣмъ не менѣе я подавленъ, и сильнѣе, чѣмъ раньше, я чувствую отсутствіе связующихъ меня съ деревней элементовъ.

За обѣдомъ Чеботаевъ, провозглашая и за меня тостъ, назвалъ меня по поводу моихъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ даже Скобелевымъ.

— Вамъ, батюшка, и книги тамъ въ руки, — говорилъ онъ, — дай вамъ Богъ всякихъ тамъ успѣховъ и только, ради Бога, вы не принимайтесь опять за хозяйство...

И когда пріятельскій хохотъ всѣхъ покрылъ его слова, онъ самъ хохоталъ и, поворачиваясь ко всѣмъ, твердилъ весело:

— А? Что? Ради Бога, не принимайтесь вы только за наше дѣло... Будьте министромъ, первымъ челоѣкомъ, но, ради Бога... Объять необъятное — невозможно, коемуждо свое... Деревня, батюшка, наше дѣло простое, дѣло вѣковъ, сиди и прислушивайся, какъ трава растеть... А что? Ей-Богу...

И дружескіе голоса кричали мнѣ:

— Правъ, тысячу разъ правъ онъ, — уѣзжайте!

Съ этимъ и выпроводили меня отъ Чеботаева.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Капиталистическій процессъ въ изображеніи Мамина-Сибиряка.

(критическій очеркъ).

(Окончаніе *).

Другой отраслю уральскаго хозяйства, которую изображаетъ Маминъ въ своихъ произведеніяхъ, служатъ золотые промысла. Тотъ разрушительный процессъ, который уже отмѣченъ Маминымъ въ разобранныхъ выше романахъ, здѣсь, подъ дѣйствіемъ магической силы, скрытой въ недрахъ земли, принимаетъ особенно интенсивный характеръ. Золото—великій магъ и волшебникъ. Одно мановеніе волшебнаго жезла—и живыя фигурки завертѣлись, забѣгали, закружились, обгоняя одна другую, и изъ совокупности ихъ движеній, по какимъ-то своимъ особымъ законамъ, ткется причудливо сложная паутина человѣческихъ отношеній, въ которой одни заняли мѣста пауковъ, а другимъ выпадаетъ на долю роль бѣдной мухи. Происходятъ удивительныя и странныя превращенія. Честные и порядочные люди дѣлаются негодяями и мерзавцами; богомольныя старухи раскольницы, крѣпкія суровой догмой своей секты, мысли которыхъ прикованы къ могилѣ и будущей жизни, самоизвуренію и подвигу спасенія, какъ будто ураганомъ повергаются на землю и заражаются подвигомъ стяжанія. «Такъ бываетъ весной, когда полая вода подхватываетъ гнилушки, крутитъ и вертитъ ихъ и уноситъ вмѣстѣ съ другимъ соромъ».

Изъ всѣхъ произведеній Мамина, рисующихъ золотые промысла, я выберу наиболѣе типичныя—«Золото» и «Дикое счастье».

Въ первомъ романѣ передъ читателемъ разворачивается оригинальная картина жизни промысловаго населенія на Балчуговской и Кедровской дачахъ. Балчуговская дача имѣла за собой длинную исторію. Когда то здѣсь былъ только казенный винокуренный заводъ, и только потомъ уже были открыты золотые промысла. Рабочее населеніе составилось изъ каторжниковъ, согнанныхъ сюда со всѣхъ концовъ крѣпостной тогда Россіи, и изъ рекрутовъ, набранныхъ съ открытіемъ промысловъ изъ трехъ уральскихъ губерній. «Промысловыя работы, какъ и каторжное винокуреніе, велись военной рукой, съ выслугой

*) См. «Миръ Вождй», № 1, январь.

лѣтъ, палочьемъ и солдатской муштрой. Тогда все горное вѣдомство поставлено было на военную ногу. Балчуговскій заводъ походилъ на военный лагерь, гдѣ вставали и ложились по барабану, обѣдали и шабашили по барабану и даже въ церковь ходили по барабану. На работу выступали по-ротню и по-взводно, отбивая шагъ. За каждой партией рабочихъ, отправлявшихся на приискъ, слѣдовалъ цѣлый возъ розогъ и казаки, производившіе наказаніе на самомъ мѣстѣ работъ. По праздникамъ на площади происходили жесточайшія экзекуціи и здѣсь же происходило настоящее солдатское ученіе пригнанныхъ рекрутъ. Съ одной стороны орудовалъ палачъ Никитушка, а съ другой—солдатская «зеленая улица». Людей не жалѣли и промыслы работали сильной рукой, т.-е. высылали на розсыпь тысячи рабочихъ. Добытое такимъ даровымъ трудомъ золото составляло для казны уже чистый дивидендъ». Послѣ упраздненія каторги, винокуренный заводъ былъ закрытъ, а промысловыя казенныя работы, переведенныя на вольнонаемный трудъ и лишенныя военной закваски, сразу захудали. Началось общее хищничество. Дѣло дошло до того, что «золотникъ золота обходился казнѣ въ 27 р. при номинальной его стоимости въ 4 руб.». Эта эпопея горнаго хищничества привела къ упраздненію казенныхъ работъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Отъ этой эпохи остались крупныя состоянія у горныхъ инженеровъ и чиновниковъ, заправлявшихъ казенными работами.

«На развалинахъ упраздненныхъ казенныхъ работъ, унаслѣдовавши отъ нихъ всю организацію, штатъ служащихъ, рабочихъ и территорію нѣ 50 кв. верстъ, возникла золотопромышленная компанія «генералъ Мансвѣтовъ и К.». Въ территорію компаніи, кромѣ казенныхъ земель попали и крестьянскія, какъ, напр., принадлежавшія жителямъ Тайбслы. Но главная сила промысловъ заключалась въ томъ, что въ нихъ было заперто рабочее промысловое населеніе слишкомъ въ 10.000 человекъ, именно самъ Балчуговскій заводъ и Фотьянка. Рабочіе не имѣли даже собственнаго выгона, не имѣли усадебъ,—тѣмъ и другимъ они пользовались отъ компаніи условно, пока находившаяся подъ выгономъ и усадьбами земля не была надобна для работъ. Съ другой стороны, все населеніе рядомъ поколѣній выросло специально на золотомъ дѣлѣ, а это кляло на всѣхъ неизгладимую печать».

И вотъ этому, запертому на компанейской территоріи населенію, внезапно открылся выходъ: открывалась сосѣдняя казенная дача, Кедровская, для вольныхъ работъ. «Еще задолго до открытія началась настоящая золотая лихорадка, охватившая не только предпринимателей, но и присковую голь, каждый день собиравшуюся въ кабаки Ермошки. Всѣ мечтали захватить лучшія мѣста на открывшейся дачѣ, какъ, напр., Мутяшку, о которой давно говорили, какъ о золотомъ днѣ. Явилась даже спекуляція на Мутяшку: нѣкоторые рабочіе ходили по кабакамъ, на базарѣ и вездѣ, гдѣ сбивался народъ; и въ самой таин-

ственной формѣ предлагали озолотить «за красную бумагу». На Мутяшку даже образовался свой курсъ. Таинственные обогатители сообщали подъ страшнымъ секретомъ о существованіи какого-нибудь ложка или ключика, гдѣ золото гребли лопатой. Сложился цѣлый рядъ легендъ о золотѣ на Мутяшкѣ... Довѣрчивые люди съ замираніемъ слушали эти рассказы и все сильнѣе распаялись желаніемъ легкой наживы... Такова была жажда золота, что вѣрили даже пустымъ людямъ, сулившимъ золотыя горы. Азартъ носился въ самомъ воздухѣ. Центромъ разыгравшагося ажіотажа служилъ кабакъ Ермошки, куда сходились хотъ послушать рассказовъ о золотѣ. Сюда же съѣзжались и городскіе обыватели, мѣщане, мелкіе купцы—охотники до легкаго золота, которыхъ тутъ же обирали рабочіе, записываясь заразъ въ нѣсколькихъ развѣдочныхъ партій и тотчасъ же пропивая задатки. Пріѣхалъ, наконецъ, и извѣстный городской скупщикъ краденаго золота, Ястребовъ, пріѣздъ котораго произвелъ настоящую сенсацію».

Начавшаяся промышленная горячка сразу отразилась на ближайшемъ селеніи Фотьянкѣ. «Мужики складывались въ артели, закупали харчи, готовили снасть, чтобы работать старателями на новыхъ вольныхъ промыслахъ; это была бѣшенная игра на свой трудъ. Своими хозяйскими работами могли добывать золото только двое—трое крупныхъ золотопромышленниковъ, въ родѣ Ястребова, а остальные, конечно, сдаютъ пріиски старателямъ, и это волновало поднятую рабочую массу, разжигая промысловую азартность и жажду легкой наживы». Фотьянскія бабы кормили пришлый народъ. Не было пзбы, гдѣ ни держали бы постояльцевъ, не готовили хлѣба на промысла, не обшивали рабочихъ. Дикая копѣйка залетѣла и сюда. Здѣсь останавливались «господа», т.-е. хозяева новыхъ промысловъ, и, какъ водится, сорили деньгами. Какая-нибудь бабушка Лукерья отъ роду не видала денегъ, а тутъ посыпались на нее легкія господскія деньги за всякіе пустяки: и за постои, и за самовары, и за харчи, и за сѣно лошадямъ и просто за разныя мелкія услуги. Крѣпкая старуха-каторжанка, до сихъ поръ вѣрная суровымъ завѣтамъ каторжнаго времени и бывшая въ общемъ почетъ, совсѣмъ обжандѣла. «Ей стало казаться, что все мало и что нужно пользоваться короткимъ счастьемъ. Не проходило дня, чтобы она не отложила рубля или двухъ. Особенно любила она, когда ей давали серебро,—вѣдь всю жизнь прожила на мѣдныя, а тутъ посыпались серебряшки. Бабушка Лукерья съ какой-то дѣтской радостью пересчитывала ихъ, прятала и опять добывала, чтобы лишній разъ полюбоваться. Это перерожденіе произошло всего въ нѣсколько недѣль, и бабушка Лукерья отлично изучила, кто, когда и сколько даетъ, и какъ лучше взять. Она смотрѣла на господъ жадными глазами, точно хотѣла ихъ слѣсть».

Золото всюду проникало: въ однихъ будило страсть наживы, въ другихъ зависть къ чужому богатству, тяжелой ржавчиной ложилось

на старческую душу, разбивало крѣпкія оковы семейной кабалы. Въ населеніи сохранилась еще старинная, патриархальная семья съ единоличной властью главы семьи—наслѣдіе каторжнаго времени. Прежде этотъ гнетъ мало сознавался. Теперь, когда дикая копѣйка проникла во всѣ углы и закоулки деревенской жизни и вездѣ появились новые люди, полное безправіе и тяжелая зависимость особенно сильно чувствовались. Подневольные члены семьи, требуютъ выдѣла и бѣгутъ изъ подъ родительской опеки на вольные промысла. Такъ было съ семьей Зыкова, старѣйшаго балчуговскаго штейгера. «Всѣ разбрѣдались, куда глаза глядятъ. Меньше чѣмъ въ годъ произошелъ полный разгромъ крѣпкой старинной семьи». Суровые завѣты и распорядки каторжнаго времени исчезали, какъ дымъ, подъ дѣйствіемъ магической силы золота.

Между тѣмъ, въ Кедровской дачѣ шла горячая работа. Народъ бѣжалъ съ компанейскихъ работъ на вольные промысла, гдѣ тысячи рабочихъ находили себѣ кусокъ хлѣба. Вскорѣ, однако, выяснилось, что золота въ Кедровской дачѣ не такъ много, какъ ожидали. По крайней мѣрѣ, за все лѣто никому не удалось открыть особенно богатыхъ россыпей. Рабочіе также скоро поняли, что Кедровская дача дала имъ только призракъ настоящей работы. Вся разница съ компанейскими работами была только въ томъ, что здѣсь вмѣсто одного хозяина было нѣсколько. Неизбѣжный при такихъ условіяхъ антагонизмъ труда и капитала и конкуренція капиталистовъ вылились въ оригинальную форму, продажу золота на сторону, которая каралась закономъ, какъ уголовщина. Это явленіе было порождено органическими причинами, коренившимися въ самомъ строѣ промысловаго хозяйства и потому существовало вездѣ, гдѣ были старательскія работы. Старатель не получалъ отъ хозяина за золотникъ золота и двухъ рублей, между тѣмъ хозяева сдавали его въ казну по 4 р. 50 к. Рабочимъ выгодно было продавать золото на сторону скупщикамъ за повышенную цѣну. Эти послѣдніе, имѣя собственный прискъ, разносили купленное золото по конторскимъ книгамъ и тѣмъ избѣгали кары закона. Самымъ крупнымъ скупщикомъ на Балчуговскомъ заводѣ и Кедровской дачѣ былъ Ястребовъ, который велъ дѣло съ чрезвычайной осторожностью. У него была цѣлая сѣть мелкихъ скупщиковъ, ходившихъ по прискамъ и получавшихъ отъ Ястребова 20 к. за каждый купленный золотникъ.

Съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ большинство работъ въ Кедровской дачѣ прекратилось. Зимнее время требовало теплыхъ казармъ и значительнаго капитала, чѣмъ могли располагать только нѣсколько крупныхъ капиталистовъ. Масса мелкихъ предпринимателей покончила работы вплоть до весны. Настало глухое время. Народъ сидѣлъ безъ работы. Эта «волчья стая» отоцала и жила, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Среди этого вынужденнаго бездѣлія и въ разгаръ общаго волненія, какъ электрическая искра, пробѣжало извѣстіе объ открытіи однимъ изъ мелкихъ предпринимателей, Кишкинымъ, богатѣйшаго приска.

Это открытіе подняло на ноги всю Фотьянку. «На фонѣ этого налетѣвшаго вихремъ богатства еще ярче выступала своя промысловая голь и нищета». Страсти разгорались все сильнѣе и сильнѣе.

Съ наступленіемъ весны въ Кедровской дачѣ опять закипѣла работа. «Народъ такъ и бѣжалъ съ компанейскихъ работъ: разъ—всѣхъ тянуло на свой вольный хлѣбъ, а второе — новый главный управляющій Ониковъ, очень ужъ круто принялся заводить свои новые порядки: служащимъ убавлялъ жалованье, а нѣкоторымъ совсѣмъ отказывалъ въ видахъ экономіи. Уцѣлѣвшимъ на мѣстахъ прибавилось работы, на фабрикѣ увеличены рабочіе часы, сбавлена плата ночной смѣны, усиленъ надзоръ и сокращены два каморника, караулившихъ старыя кучки золотиноснаго кварца... Но главное вниманіе обращено было на хищничество золота: Ониковъ объявилъ непримиримую войну этому исконному промысловому злу и поклялся вырвать его съ корнемъ во чтобы то ни стало... Старательскія работы были сведены на нѣтъ, и этимъ самымъ уничтожено было въ корнѣ хищничество, но вмѣстѣ съ тѣмъ компанія лишилась и главной части своихъ доходовъ, которые получались раньше отъ старателей». Но Ониковъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и рѣшился вести дѣло исключительно компанейскими работами, рассчитывая на новую шахту Рублиху, надъ которой съ упорствомъ маньяка работалъ штейгеръ Зыковъ, и затѣмъ на новый приискъ, расположившійся по руслу рѣки Балчуговки, для чего велись грандіозныя работы по отводу рѣки въ новое русло и по устройству плотины.

Прекращеніе старательскихъ работъ въ Балчуговской дачѣ грозило новыми бѣдствіями. «Правда, компанейскія работы давали крохи, но крохи эти были дороги, потому что приходились, главнымъ образомъ, на голодное зимнее время. Уничтоженіе старательскихъ работъ въ компанейской дачѣ отразилось прежде всего на податяхъ. Недоимки были и раньше, а тутъ онѣ выросли до громадной цифры... Глухое мужицкое недовольство росло и подступало, какъ выступившая изъ береговъ вода».

Въ довершеніе бѣдствій, одинъ изъ мелкихъ скупщиковъ Ястребова, жадный, двоедушный мужикъ, Петръ Васильевичъ, сынъ уже извѣстной намъ старухи Лукеры, сдѣлалъ доносъ на Ястребова въ отместку за то, что тотъ не отдалъ ему денегъ за скупленное отъ старателей золото. Вся Фотьянка пожагѣла Ястребова, когда онъ попалъ въ острогъ и потомъ на каторгу. Въ лицѣ Ястребова старатели лишились главнаго покупателя. «Смѣлый былъ человекъ и принималъ золото со всѣхъ сторонъ, а послѣ него остались скупщики—желкота-купать золотникъ и ожигаются. Однимъ словомъ, благодѣтель былъ Никита Яковлевичъ, всѣхъ кормилъ». Общественное мнѣніе было противъ Петра Васильевича, который изъ-за своей глупости подвелъ всѣхъ. Фотьянскій міръ жестоко расправился съ доносчикомъ. Раззоренный Петръ Васильевичъ обратился къ матери съ требованіемъ денегъ, чтобы

снова начать дѣло. Ожидѣвшая старуха отказала. Произошла ссора. Старуха пожаловалась на сына въ волость. Волостные старички воспользовались этимъ предлогомъ и отпороли непокорнаго сына не за его непокорность, а за Ястребова. Опозоренный, онъ собирался бѣжать, но прежде рѣшилъ жестоко отомстить и подпалить свой домъ, думая выжечь всю Фотьянку. Бабушка Лукерья сгорѣла во время пожара, спасая свои сокровища; ее нашли обгорѣлой у сундука. Другой жертвой онъ выбралъ Кишкина, которому давно завидовалъ. Сговорившись съ однимъ изъ мелкихъ предпринимателей, Матюшкой, онъ ночью зарѣзалъ разбогатѣвшаго Кишкина на его приискѣ, но самъ былъ убитъ Матюшкой, который заподозрѣлъ его въ намѣреніи бѣжать съ краденными деньгами. Матюшка выдалъ себя въ руки правосудія и повѣсился въ тюрьмѣ.

Процессъ разложенія семьи подъ вліяніемъ золота, слегка намѣченный Маминымъ въ «Трехъ концахъ» и въ «Золотѣ», настолько заинтересовалъ нашего писателя, что послужилъ для него темой отдѣльнаго романа «Дикое счастье».

Семья Брагиныхъ была крѣпкой, купеческой семьей стариннаго прокря, состоявшей изъ вдовой старухи Татьяны Власѣвны, ея сына вдовца, Гордѣя Евстратыча, ея дочери, черноволосой бойкой Нюши, другого сына Зотушки и дѣтей Гордѣя — Михалки съ женой Аришей и Архипа съ женой Дуней. Эта была старинная, купеческая семья, торговавшая «панскимъ» товаромъ и державшаяся звѣтами предковъ, «Все въ этой семьѣ, и ничтожное, и важное, — покрой пята, кушанья, взаимныя отношенія, семейные праздники, торговля, повѣрья — оставалось въ томъ видѣ, какъ было при батюшкѣ. «Батюшка говорилъ», «батюшка велѣлъ», «батюшка наказывалъ» — это было своего рода закономъ для всего брагинскаго дома». «Самъ Гордѣй Евстратычъ былъ замѣчательно выдержанный, ровный и сосредоточенный человекъ, умѣвшій дѣлать уступки только для другихъ, а не для себя. Это былъ безупречный семьянинъ; ко всѣмъ въ семьѣ относился одинаково равно, не любилъ дразгъ и ссоръ и во всемъ, прежде всего, домогался спокойнаго порядка. Овдовѣвъ рано, онъ женился во второй разъ для дѣтей, которыхъ и воспитывалъ по батюшкинымъ строгимъ звѣтамъ, не давая потачки въ важномъ и не притѣсяня напрасно въ мелочахъ». Имъ держался весь внѣшній порядокъ въ домѣ, степенный, чинный и строгій. Самый духъ въ домѣ — свѣчаи и обычаи стариннаго церемоннаго житья-бытья — поддерживался Татьяной Власѣвной. «Это была типичная представительница раскольничьей старухи, заправлявшей всѣмъ домою, какъ улитка раковиной, — въ мѣру строгая и въ мѣру милостивая, умѣвшая болѣть чужими напастями и не выдававшая своихъ, выдерживавшая характеръ даже въ микроскопическихъ пустякахъ, вообще задававшая твердый и рѣшительный тонъ не только своему дому, но и другимъ». Подъ началомъ такихъ людей жизнь въ брагинскомъ домѣ

текла образцово, чинно, степенно безъ крику и шуму, безъ ссоръ и дразгъ. Молодежь исподволь втягивалась въ порядки брагинскаго дома и незамѣтно дѣлалась его неотъемлемой составной частью. Сыновья помогали отцу въ торговлѣ, приучались къ батюшкину дѣлу, снохи жили въ домѣ, какъ родныя дочери. Только бойкая Нюша нарушала этотъ чинный порядокъ семьи и то до поры, до времени: она давно уже сталкивалась съ купеческимъ сыномъ, тихимъ и смиреннымъ парнемъ, Алешкой Пазухинымъ. И это не было тайной для семьи; выборъ одобряли.

Но вотъ въ эту патріархальную семью попалъ золотой пріискъ; началась легкая нажива, и крѣпко сколоченный семейный союзъ сталъ разваливаться. Пріискъ достался Брагину отъ старателя Маркушки, который, умирая, рѣшилъ отдать его Гордѣю Евстратычу, «чтобы вѣчно за него Бога молилъ». Старшій сынъ Гордѣя, собирая долги въ деревнѣ Полдневской, привезъ отцу отъ Маркушки кусокъ бѣлаго кварца съ золотыми прожилками въ качествѣ образчика. Одинъ видъ этого «камешка» бросилъ Гордѣя въ холодный потъ; онъ не могъ оторвать глазъ отъ завѣтнаго камешка и не спалъ цѣлую ночь; всю ночь его мысли вертѣлись колесомъ вокругъ привезенной Михалкомъ жилки. Жилка разбудила въ немъ зависть къ другимъ, которые разбогатѣли «черезъ это самое золото», наполняла его воображеніе воздушными замками, которые сводились на громадный домъ съ колоннами, на сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, дорогое платье и сладкое привольное житье и на тотъ общій почетъ и уваженіе, которыми окружать его всѣ и будетъ за что: онъ будетъ много жертвовать и на церковь, и на бѣдныхъ, и на увѣчныхъ... Правда, много зла происходитъ отъ этого золота: многіе «ума рѣшаются», народъ морятъ на работѣ, не рассчитываютъ, мало-ли семей погибло черезъ него, — но вѣдь это другіе, а онъ, Гордѣй Евстратычъ, никогда бы такъ не сдѣлалъ... Крѣпкій старикъ, для котораго выѣздъ составлялъ цѣлое событіе, самъ съѣздивъ въ Полдневскую, говорилъ съ Маркушкой и рѣшилъ взять пріискъ. Нужно было только посоветоваться съ Татьяной Власьевной. Это извѣстіе въ ея старой крѣпкой душѣ пробудило самыя противоположныя мысли и чувства, которыя не давали ей покоя. Она чувствовала, что съ ней творится что-то страшное, точно она сама не своя сдѣлалась и теряла всякую волю надъ собой. Она боялась жилки, какъ чего-то страшнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оторваться отъ нея. Жилка начинала владѣть ея мыслями и желаніями, и съ каждымъ часомъ эта власть дѣлалась все сильнѣе. Послѣ частнаго совѣщанія Татьяны Власьевны съ о. Крискентомъ, на семейномъ совѣтѣ было рѣшено взять жилку.

Золото было жильноф, которое законъ запрещаетъ разрабатывать частнымъ золотопромышленникамъ. Законъ былъ обойденъ при помощи горнаго инженера Порфира Порфирыча Лапшина, и Брагинъ вступилъ въ дружную семью золотопромышленниковъ. Это вступленіе было ознаменовано неоднократными кутежами. Въ самомъ домѣ Брагина былъ

устроенъ безобразный кутежъ. Татьяна Власьева угощала неожиданныхъ и незваныхъ гостей, а у самой въ гордѣ стояли слезы, точно она потеряла или разбила что-то дорогое, чего нельзя уже было воротить. Этотъ кутежъ походилъ на поминки, которыя справляли о погибшемъ прошломъ. Въ этомъ старинномъ домѣ не осталось ни одного неприкосновеннаго уголка, даже ея половина, гдѣ спали ея невѣстки, подверглась нашествію пьянаго ревизора, у котораго Богъ знаетъ, что было на умѣ. Захватывающее вліяніе золота стало быстро отражаться на всей брагинской семьѣ. Первое появленіе Порфира Порфирыча съ компаніей въ этомъ домѣ было для всѣхъ истиннымъ наказаніемъ. Второе нашествіе уже никому не показалось такимъ дикимъ, и Татьяна Власьева первая нашла, что онъ хотя и пьяница и любить покуражиться, но въ душѣ добрый человѣкъ. Первыя дикія деньги принесли съ собой и первую семейную ссору. Прежде невѣстки жили душа въ душу, а тутъ разсорились изъ-за подарковъ такъ, что ничто не могло помирить ихъ. У самого Гордѣя зашевелились корыстные расчеты, и какой-то бѣсъ гордости обуюлъ его прежде всего по отношенію къ родственникамъ—Колобовымъ и Савинымъ. Растущее богатство Брагинскихъ подняло зависть къ нимъ со стороны сосѣдей. Это чувство расло и увеличивалось, какъ катившійся подъ гору комъ снѣга, такъ что люди самые близкіе къ этой семьѣ, какъ Савины и Колобовы, начали теперь относиться къ ней какъ-то подозрительно, хотя къ этому не было подано ни малѣйшаго повода. Ссоры брагинскихъ невѣстокъ (взятыхъ изъ семей Колобовыхъ и Савиныхъ) подлили масла въ огонь; теперь Колобовы и Савины не только надулись на всю брагинскую семью, но и разошлись между собой. Брагинское золото достало и ихъ...

Между тѣмъ золото на прискѣ шло богатѣемъ, тѣмъ больше получалась дневная выручка, тѣмъ задумчивѣе и суровѣе становился Гордѣй Евстратычъ; имъ овладѣлъ тотъ бѣсъ наживы, который не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Брагину все было мало; его жадность росла вмѣстѣ съ приливающимъ богатствомъ. Онъ сдѣлался крайне подозрительнымъ и недоувѣрчивымъ, вездѣ видѣлъ обманъ и подвохи; даже роднымъ дѣтямъ, которыхъ онъ душилъ безконечною работою, онъ не довѣрялъ и постоянно ихъ повѣрялъ. Рабочіе являлись въ его глазахъ скопищемъ воровъ и разбойниковъ, которые тащатъ на сторону его золото. Даже тѣ расходы, которые производились на больного Маркушку, замѣтно тяготили Гордѣя Евстратыча, и онъ въ душѣ желалъ ему отправиться поскорѣе на тотъ свѣтъ. Зотушка, котораго онъ прежде охотно держалъ у себя, сталъ тяготить его. Сначала скупость и жадность сына удивляли и огорчали Татьяну Власьевну, потомъ она какъ-то привыкла къ нимъ, а въ концѣ концовъ и сама стала соглашаться съ сыномъ, потому что и въ самомъ-то дѣлѣ не вѣкъ же жить дураками, какъ прежде. Всѣхъ не накормишь и не пригрѣешь. Этотъ старческій холодный эгоизмъ закрадывался къ ней

въ душу такъ же незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ одно время года смѣняется другимъ. Это была медленная отравка, которая покрывала живого человѣка, мертвящей ржавчиной.

Скоро въ самой семьѣ открыто появился разладъ по поводу сватовства Нюши Пазухиныхъ. Нюша любила Алексѣя первымъ молодымъ чувствомъ, чуждая корыстныхъ расчетовъ семьи. Татьяна Власьева и Зотушка были на сторонѣ ихъ, Гордѣй—противъ. Въ немъ заговорило расшевеленное самолюбіе: родниться съ какими-то Пазухиными не рука. Произошла тяжелая семейная сцена, дошедшая чуть не до драки между братьями и до полного, глубокаго разлада Гордѣя съ матерью. Отъ прежней покорности матери не осталось и слѣда. Маркушкино золото точно распаяло тѣ швы, которыми такъ крѣпко была связана брагинская семья: всѣ поползли врозь, т.-е. пока большаки, а за ними, конечно, поползуть и остальные. За стариками, дѣйствительно, потянулась и молодежь. Сыновья Гордѣя, Михалко и Архипъ, жившіе на пріискѣ въ конторѣ, тихонько роптавшіе на отца, который морилъ ихъ работой и держалъ въ черномъ тѣлѣ, и мечтавшіе о разгульной жизни богатыхъ купеческихъ сынковъ, стали обворовывать отца и пустились въ разгульную жизнь. Слухи объ этомъ дошли до ихъ женъ; упреки и выговоры послѣднихъ повели только къ побоямъ и усилили общій семейный разладъ. Самъ Гордѣй уже давно засматривался на свою старшую невѣстку и преслѣдовалъ ее своими предложеніями. А когда получилъ отъ нея рѣшительный отказъ, сталъ доставать ее, спавая ея мужа. Привольное житье постепенно затягивало его. Старикъ задумалъ жениться на молодой дѣвушкѣ, Оенѣ Пяровой. Оея умерла, измученная тяжелыми впечатлѣніями.

Какъ случайно создалось брагинское богатство, такъ же случайно оно и рушилось. Одно неосторожное слово Гордѣя Порфиру Порфирычу взбѣсило ревизора; онъ сдѣлалъ доносъ, и пріискъ у Брагина отобрали. Къ нажитому на пріискѣ капиталу присосался одинъ ловкій дѣлецъ, который обобрагъ Гордѣя до нитки и ввелъ въ неоплатные долги. А тутъ еще тяжелая семейная исторія. Гордѣй ночью забрался къ своей старшей снохѣ; Ариша убѣжала изъ дому въ одной рубашкѣ... Цѣлый длинный рядъ жертвъ—«мертвая Оея, убѣжавшая чуть не въ одной рубашкѣ Ариша, таявшая, какъ свѣча, Нюша, пьяный Михалко, Архипъ съ своей болѣзнью... и позоръ, позоръ, позоръ». Окончательное разореніе и общее разложеніе семьи. «Въ брагинскомъ домѣ было теперь особенно скучно и мертвенно, точно въ домѣ былъ покойникъ. Всѣмъ чего-то не доставало и всѣхъ что-то давило, какъ кошмаръ. Разложеніе шло за-разъ извнѣ и изнутри, и разрушающее дѣйствіе этого процесса чувствовалось одинаково всѣми». Отъ погрома осталась небольшая сумма денегъ, 10 т. рублей, которую Гордѣй отдалъ на храненіе матери. «Татьяна Власьева взяла деньги, связала ихъ въ узелокъ и запрятала туда, куда умѣютъ прятать только старушки. Но

съ этими деньгами она взяла на плечи такое бремя, которое окончательно придавило въ ней живого человѣка: старухой овладѣлъ какой-то не прерывавшійся ни на минуту страхъ и подозрѣнiе ко всѣмъ окружающимъ. Она даже начала бояться Нюши, не сторожитъ ли та ее. Она не знала покою ни днемъ, ни ночью, и даже вздрагивала, когда гдѣ-нибудь стукнетъ».

Между тѣмъ брагинское имущество за долги пошло съ аукціона. Этотъ разгромъ Гордѣй перенесъ съ замѣчательной стойкостью, но не могъ перенести заперательства матери. Когда послѣ аукціона онъ спросилъ у нея деньги, она отвѣчала ему такъ, какъ будто ничего не знаетъ и никогда ихъ не брала. Не смотря ни на какiе уговоры, старуха заперлась на своемъ и не хотѣла сознаться. «Это въ ней Маркушкино золото заговорило», подумалъ Брагинъ, не вѣря своимъ глазамъ. Этого удара онъ не перенесъ и ночью умеръ. Татьяна Власьевна перенесла потерю съ христіанской твердостью и съ христіанской же твердостью дѣлалась все скупѣе и скупѣе, ко всѣмъ придиралась, ворчала и брюзжала съ утра до ночи. Скупость старухи доходила до смѣшного. Она всю семью сморила голодомъ.

Изъ всей семьи только «Божій» человѣкъ Зотушка да Нюша не были задѣты маркушкиной жилакой. Зотушка видѣлъ, что всѣ несчастія принесла съ собой маркушкина жилака, тотъ «камешекъ», который привезъ съ собою старшій сынъ Гордѣя. Зотушка взялъ его, истолокъ въ ступѣ и всыпалъ въ церковную кружку *).

До сихъ поръ капиталистическій процессъ изображается Маминимъ въ качествѣ завершительнаго момента, заканчивающаго работу предшествующихъ доколѣній. Онъ находилъ удобную для себя почву въ крѣпостныхъ и каторжныхъ промышленныхъ организаціяхъ, которыя не только стягивали и насильственно удерживали при себѣ рабочія массы, но и создавали поколѣнія, приспособленныя къ фабричной и принсковой работѣ. Экспроприація населенія также въ достаточной мѣрѣ была подготовлена. Оставалось только достойнымъ образомъ «увѣнчать» аданіе и бороться съ пережитками старой эпохи.

Въ новомъ романѣ «Хлѣбъ» Маминъ вводитъ читателя въ другую среду, въ богатѣйшій Зауральскій край, съ исконнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, которое совсѣмъ не знало крѣпостнаго права и «экономическая жизнь котораго шла и развивалась вполне естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вмѣшательство». Экономическимъ центромъ этого края служилъ уѣздный городъ Заполье. Два главныя условія выдвинули этотъ небольшой уѣздный городокъ и сдѣлали его «бойкимъ, торговымъ и оборотистымъ». «Онъ залегъ въ низовьяхъ

*) На ту же тему, которая такъ обстоятельно разработана въ «Дикомъ счастьѣ», написана повѣсть для дѣтей—«Вѣлое золото». Здѣсь Маминъ набрасываетъ картину распаденія большой крѣпкой семьи—старателей Ковальчуковъ—и процессъ формировація «жаднаго» человѣка.

рѣки Ключевой, главной артеріи благословеннаго Зауралья», въ которомъ осѣло крѣпкое хлѣбопашественное населеніе; благодатный зауральскій черноземъ давалъ баснословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи». «Народъ жилъ справно, съ тугимъ крестьянскимъ достаткомъ; всего было въ волю--и земли, и хлѣба, и скотины». «Мужики богатые, а земля шуба шубой,—объяснялъ сторожъ Вахрушка мельнику Колобову,—этого и званья нѣтъ, чтобы навозъ вывозить на пашню: земля-матушка сама родить. Вотъ какія мѣста здѣсь... Крестьяне государственные, надѣлы у нихъ большіе,—однимъ словомъ, пшеничники. Рожь сѣютъ только на продажу». Сбывали ровно столько, сколько нужно было изъ подати; все остальное шло отчасти на свои потребности, которыя удовлетворялись своими домашними средствами, отчасти лежало въ запасахъ по два и по три года. «Такъ хозяйство ставилось отцами и дѣдами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды». «Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что Заполье занимало границу, отдѣлявшую собственно Зауралье отъ начинавшейся за нимъ степи или орды, которая давала богатое степное сырье—сало, кожи, конскій волосъ, гурты курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки степныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городокъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи со степнымъ сырьемъ. Скупленный въ Зауральи хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печеру, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степной засухой, и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ родился хорошо въ степи, и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауралье и на сѣверъ; въ сухое лѣто хлѣбъ родился хорошо въ полосѣ, прилегавшей къ уральскимъ горамъ, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу—и засуха, и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго, и отъ дорогаго хлѣба, а больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ безграмотной, простоватой средѣ, благодаря которымъ составилось не одно крупное состояніе». Во всемъ громадномъ краѣ купечество составляло высшій общественный классъ; въ цѣломъ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнія. А въ самомъ Запольѣ купечество составляло все и на все наложило свою крѣпкую, хозяйственную руку. Это было старинное купечество, жившее по стариннымъ вѣковымъ обычаямъ и завѣтамъ. Жили такъ, какъ жили отцы и дѣды, и сторонились новшествъ; семью свою держали крѣпко, сами женили дѣтей и выдавали замужъ; торговля держалась родительскими капиталами и мелкимъ плутовствомъ. Весь край былъ переполненъ трудовымъ богатствомъ, которое выливалось за края обычной нормы удовлетворенія потребностей и осѣдало въ краѣ, съ одной стороны, въ видѣ хлѣбныхъ запа-

совъ, которые лежали у крестьянъ по два и по три года, гнили, подъѣдались мышами и не находили сбыта, съ другой стороны, въ видѣ свободныхъ капиталовъ, мелкихъ и крупныхъ сбереженій, которые непроизводительно лежали у поповъ, писарей, купцовъ. Ни хлѣбные запасы, ни эти сбереженія некуда было дѣвать: въ край не было ни париходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ; населеніе не было знакомо съ кредитомъ, съ банкомъ; деньги закапывали въ землю и держали по подпольямъ. Такова оригинальная картина жизни Сибири съ чисто земледѣльской натуральной организаціей хозяйства въ основѣ и съ ея необходимыми дополненіемъ—стариннымъ купцомъ, посредникомъ между различными частями страны, въ силу естественныхъ условій производящими различные продукты. Производитель живетъ самобытною жизнью, не зная власти рынка и рѣдко въ немъ нуждаясь. Читатель невольно переносится мыслью на нѣсколько вѣковъ въ глубь исторіи.

Но вотъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ началось какое-то броженіе, пробивался ростъ какой-то новой жизни, какой,—пока еще не ясно ни для кого въ этомъ дѣвственномъ, немножко лѣнливомъ и тяжеломъ на подъемъ край. Процессъ формировки новой жизни начался изнутри, отъ своихъ людей, отъ наиболее предприимчивой и энергичной части купечества. Мельникъ Колобовъ поставилъ въ Суслонѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ зауральскихъ селъ, новую мельницу-крупчатку. «Это была первая крупчатка на Ключевой, и всѣ инстинктивно чего-то боялись». Прежде всего поднялись на ноги старые мельники, работавшіе на своихъ раструсочныхъ мельницахъ.—«О девяти поставкахъ будетъ мельница-то,—жаловался мельникъ Ермилычъ.—Ежели она, напримѣръ, ахаетъ въ сутки пятьсотъ мѣшковъ? Съѣстъ она насъ всѣхъ и съ потрохами. Гдѣ хлѣба набраться на такую прорву? Раздавятъ насъ, какъ лягушекъ. Разговоръ короткий. Однимъ словомъ, силища». Задумались и запольскіе купцы: въ Суслонѣ открылся новый хлѣбный рынокъ, обѣщавшій сдѣлаться серьезнымъ конкурентомъ Заполью.—«Нѣтъ, братъ, шабашъ,—повторяли запольскіе купцы.—По старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу [отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ и до степнаго сала доберутся. Что же у насъ-то останется?»—«Копѣчка съ [пуда подешевле отъ провоза, и смерть запольскимъ толстосумамъ», — прикидывалъ въ умѣ старикъ Колобовъ, объѣзжая край, смотря на него съ чувствомъ ответственности и думая, какъ «все здѣсь перемѣнится черезъ нѣсколько лѣтъ и что главной причиной перемѣны будетъ онъ, Михѣй Зотычъ Колобовъ». Многихъ смущало еще то обстоятельство, что старикъ повелъ дѣло въ кредитъ, заложилъ мельницу въ банкѣ и на полученную ссуду повелъ торговлю хлѣбомъ. Это было неслыханной новостью для запольскаго купечества, привыкшаго орудовать на тугіе родительскіе капиталы. Сынъ Колобова, Галактіонъ, центральная фигура романа, задавался еще болѣе широкими планами, чѣмъ отецъ. Это былъ пред-

пріимчивый и энергичный молодой человекъ, на котораго старикъ возлагалъ всѣ свои надежды,—«очень ужъ умный паренекъ издался. За что ни возьмется, всякая работа горитъ въ рукахъ. Онъ и механикъ, и мельникъ, и бухгалтеръ, и все, что хочешь. Никакое дѣло отъ рукъ не отобьется». Но Галактіонъ выросъ изъ плановъ отца, онъ мечталъ уже о пароходствѣ и широкой постановкѣ хлѣбной торговли. Его давила только и не давала ему развернуться тяжелая отцовская рука. Онъ и женился изъ-подъ палки, по приказу отца.

Если бы процессъ развитія новой жизни шелъ постепенно, своимъ естественнымъ путемъ, то онъ затянулся бы на многіе годы. Но такой богатый край служилъ лакомой приманкой для промышленныхъ дѣльцовъ послѣдней формаци, которыя послѣ предварительныхъ развѣдокъ нахлынули сюда, какъ саранча на весенніе всходы. Въ Запольѣ уже давно проживалъ неизвѣстно откуда взявшійся нѣмецъ Штоффъ, успѣвшій обстоятельно познакомиться съ положеніемъ края и, можетъ быть, для этой цѣли женившійся на дочери мѣстнаго купца. За нимъ одинъ за другимъ стали набиваться новые люди: безыменный нѣмецъ Драке, ссыльный полякъ Май-Стабровский, поразившій все Заполье своей роскошью, подозрительный еврей Ечкинъ, постоянно гдѣ-то развѣзжавшій. «Около этихъ новыхъ людей жалась цѣлая кучка безыменныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они всѣ чего-то искали, куда-то ѣздили, по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, котораго они не обнюхали бы и не обыскали. Появились также два адвоката, Мышниковъ и Черевинскій, сразу забившіе мѣстныхъ демонощеныхъ ходатаевъ и дѣльцовъ.

Это была летучая стайка хищниковъ, которые несли съ собой послѣднее слово экономического прогресса. Въ мѣстномъ обществѣ это былъ новый общественный слой, который рѣзко отличался отъ мѣстнаго купечества. Новые люди устраивались по своему и не хотѣли знать старыхъ порядковъ и вскорѣ же открыли въ Запольѣ клубъ, учрежденіе, не виданное доселѣ. Съ внѣшней стороны все это были очень милые, веселые и общительные люди, совсѣмъ не похожіе на мѣстнаго степеннаго и благообразнаго купца. Запольское купечество жило по стариннымъ завѣтамъ, надѣясь на русское «авось» и на родительскіе капиталы. У новыхъ людей, за исключеніемъ развѣ Стабровскаго, ничего не было, кромѣ энергіи, предприимчивости, знаній, умѣнья вести дѣла, основываясь на самомъ строгомъ математическомъ расчетѣ. Они долго ничего не предпринимали, а только все изслѣдовали, чего-то искали и куда-то ѣздили, однимъ словомъ, что-то готовили. Запольскихъ купцовъ уже заранѣе забиралъ страхъ; они напередъ чувствовали, что какая-то невидимая бѣда надвигается на Заполье все ближе и ближе.

Наконецъ, для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что новые люди подбираются къ старозавѣтному сырью и залежавшимся капиталамъ. Пер-

вымъ открылъ свои карты Май-Стабровский, когда купилъ казенный винокуренный заводъ. Стабровский затѣвалъ миллионное дѣло. На заводѣ все устраивалось по послѣднему слову науки. О размѣрахъ предприятия можно было судить по тому, что ежегодно имѣлось въ виду скупать до миллиона пудовъ ржи для завода. Въ край были и свои винокуры, но это былъ народъ мелкій, работавшій для мѣстнаго потребленія. Настоящій винный король всего края, Прохоровъ, сидѣлъ въ степи. Съ нимъ-то и затѣвалъ Стабровский войну. Ечкинъ, съ своей стороны, «обрабатывалъ» крупныхъ мѣстныхъ капиталистовъ въ интересахъ промышленнаго оживленія края. Это былъ настоящій агитаторъ промышленнаго прогресса. Его голова постоянно была полна разными промышленными проектами и планами. Вѣчно занятый, не сидѣвшій ни минуты на мѣстѣ, онъ старался теперь втянуть мѣстныхъ купцовъ въ устройство крупныхъ промышленныхъ предприятий—стеариновыхъ заводовъ, вальцевыхъ мельницъ, подъѣздныхъ путей, золотыхъ приисковъ, рыбныхъ промысловъ и пр. Предполагалось оживить дремавшій край цѣлымъ рядомъ крупныхъ промышленныхъ предприятий, втянуть природныя застоявшіяся богатства въ общій промышленный круговоротъ. Вѣнцомъ и паровой машиной этого предполагавшагося ряда крупныхъ предприятий долженъ былъ служить коммерческій зауральскій банкъ. Банкъ долженъ былъ стянуть залежавшіеся въ край мертвые капиталы, служить паровой машиной промышленнаго движенія и всѣхъ и все шокорить себѣ.

Весь край зашевелился и, прежде всего, мѣстные купцы, которыхъ новая сила была прямо по карману. Изъ ихъ рукъ уплывало степное и зауральское сырье, которое до сихъ поръ кормило ихъ. Стабровский билъ своихъ конкурентовъ по всѣмъ боевымъ хлѣбнымъ пунктамъ, набавляя всего четверть копейки на пудъ. Его выручалъ банкъ, дававшій тѣ средства, которыхъ не доставало. Вездѣ чувствовалась гнетущая власть банка. Только теперь запольскіе купцы поняли, что жить по старому, безъ кредита, нельзя. Теперь всѣ набросились на новыя предприятия и, главнымъ образомъ, на хлѣбъ. По Ключевой строились новыя мельницы-крупчатки; прежнія запольскіе лавки и лавчонки превратились въ магазины съ зеркальными стеклами. Недостававшія деньги черпались полной рукой изъ банка.

Что же дѣлалъ мужикъ въ это время? Мужикъ продавалъ свои запасы, деньги тратилъ на ситцы, самовары и, главнымъ образомъ, на водку. Водка оказалась самымъ ходкимъ товаромъ. Стабровский велъ отчаянную войну съ Прохоровымъ. Стороны усиленно понижали цѣну на водку. Мужики входили во вкусъ этой водки, спивались, пропивались и опивались на дешевкѣ. Въ сущности, вся эта война, какъ и все новое промышленное движеніе, была походомъ на мужика. Продукты крестьянскаго хозяйства усиленно втягивались въ товарное обращеніе.— «Которые были запасы, всѣ на базаръ свезены. Все теперь на деньги

пошло, а деньги пошли въ кабакъ, да на самовары, да на ситцы, да на тренъ-брень... Прежде-тѣ все домашнее было, а теперь все съ рынка везутъ».

Правой рукой Стабровскаго въ его борьбѣ былъ уже извѣстный намъ Галактіонъ. Къ послѣднему Стабровскій долго присматривался и, наконецъ, повѣрилъ въ этого русскаго купца. Галактіонъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ домѣ Стабровскаго и повѣреннымъ въ его кабацкихъ дѣлахъ. Занявши свое опредѣленное мѣсто среди этихъ дѣловъ безъ страха и упрека, Галактіонъ пережилъ цѣлый мучительный процессъ перерожденія. Онъ вступилъ въ это общество тѣмъ простымъ русскимъ купцомъ, который жалѣлъ и себя, и другихъ и могъ мучиться муками совѣсти. Время отъ времени ему жаль было и своей жены, къ которой онъ былъ такъ несправедливъ, и голъ, и бѣдноту, и этого маленькаго городка, который жилъ до сихъ поръ такъ тихо и смиренно и на который надвигалась какая-то грозная сила. Совѣсть мучила его за то, что онъ съ самаго начала сдѣлался покорнымъ слугою этой силы и за то, что онъ зорилъ семью и за разныя нечистыя дѣла, въ которыхъ ему приходилось участвовать, и наконецъ, за его личныя увлеченія. Временами ему казалось, что онъ чему-то измѣняетъ, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному. Но стоило ему только подумать о Стабровскомъ или Ечкинѣ, которые ворочали миллионными дѣлами, какъ его все сильнѣе и сильнѣе охватывала жажда широкой дѣятельности и большихъ дѣлъ. Впереди рисовались радужныя картины. Его увлекала сила, борьба, крупная дѣятельность, которая въ данный моментъ выражалась въ этой радикальной ломкѣ цѣлаго края. Подъ обаяніемъ этой силы въ немъ мучительно умиралъ простой русскій купецъ съ его несложной психологіей и складывался новый человѣкъ. Галактіонъ постепенно, шагъ за шагомъ, терялъ сознание разницы между промышленнымъ добромъ и промышленнымъ зломъ. У него «начинала вырабатываться философія крупныхъ капиталистовъ, — именно, что міръ созданъ специально для нихъ, а также для ихъ же пользы существуютъ и другіе людишки». Особенно сильно затянула его горячка кабацкой войны, гдѣ уже не было мѣста размысленіямъ, что худо, что хорошо, тѣмъ болѣе, что Стабровскій обѣщалъ ему парходъ въ тотъ день, когда Прохоровъ принесетъ повинную; и Галактіонъ пропадалъ по деревнямъ и глухимъ волостямъ, устраивая новые винные склады, открывая кабаки и пр.

Протестомъ противъ банковскихъ воротилъ явилось оппозиціонно-прогрессивное направленіе въ городскомъ населеніи. До сихъ поръ этотъ городокъ тихо и мирно дремалъ. Теперь чувствовалась настоящая потребность въ чтеніи. Отвѣтомъ на эту потребность явилась бібліотека и ежедневная газета «Запольскій Курьеръ». Все это было дѣломъ учителя гимназіи Харченко, который сразу сталъ во главѣ оппозиціи. Вокругъ него сплотился маленькій кружокъ интеллигентныхъ разночинцевъ. Всѣ эти маленькіе люди явились протестующимъ элементомъ

противъ новыхъ дѣльцовъ и громили «плутократію» въ дѣломъ рядѣ статей и корреспонденцій.

Въ первое время дѣятельность банка сказалась небывалымъ оживленіемъ экономической жизни края. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше выдвигались на рынокъ громадныя капиталы. Въ хлѣбномъ дѣлѣ выростала такая же отчаянная конкуренція, какъ и въ винномъ. Мельницы-крупчатки росли, какъ грибы; въ дѣло выдвигались громадныя капиталы, и обороты шли на милліоны рублей. Это оживленіе находило себѣ объясненіе въ крестьянскихъ запасахъ. Крестьянскаго хлѣба хватало на всѣхъ. Но всему бываетъ конецъ, такъ пришелъ конецъ и хлѣбнымъ запасамъ. Производитель зерна начиналъ жить отъ одной осени до другой и весь находился въ зависимости отъ одного урожая. А тутъ еще открылась Уральская желѣзная дорога, и зауральскій хлѣбъ полился широкой волной въ далекую Россію. Рынокъ все болѣе и болѣе сокращался. Произошла неизбежная борьба за преобладаніе на рынкѣ. Каждый хотѣлъ воспользоваться случаемъ. Хлѣбное дѣло постепенно перешло въ азартную игру, спекуляцію. Это обострившееся положеніе привело къ сплошному и поголовному раззоренію средней величины мельниковъ, въ родѣ извѣстнаго намъ старика Колобова. Крупныя капиталисты давили ихъ, какъ крупныя хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. У нихъ былъ отнятъ и зерновой рынокъ, и кредитъ, и оптовый сбытъ. Крупныя мельники также рѣзались не на животъ, а на смерть. Шла самая отчаянная игра. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ, воспользовавшись, напр., неурожаемъ, и на этой операціи нажать цѣлое состояніе. Двѣ-три неудачныхъ операціи раззоряли въ лоскъ, и милліонныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. Банкъ доканчивалъ раззореніе, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которыя (и безъ этой помощи шли въ гору. Въ этомъ водоворотѣ промышленной жизни народъ пошатнулся. «Совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человекъ и гдѣ начинается дурной. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негоди!»—жаловался мѣстный купецъ Луковниковъ.

На помощь банку пришло стихійное бѣдствіе—пожаръ Заполя, докончившій раззореніе того средняго купечества, которое составляло силу стараго города. Въ новомъ городѣ вся промышленная жизнь строилась на кредитѣ: дома строились въ кредитъ, промысла, торговля велись въ кредитъ. Возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ растутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы—Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ,—а изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались совсѣмъ уже темныя люди, какъ бывшій писарь Замаевъ, Голяшкинъ. Раззореніе ушло далеко въ степь. У банка была какая-то систематическая задача раззорять все.

За раззореніемъ купечества послѣдовало раззореніе прежде богатого крестьянства, закончившееся также стихійнымъ бѣдствіемъ—го-

лодомъ. Своихъ запасовъ у мужика давно уже не было; они ушли на винокуренные заводы, въ Ирбитъ, въ Поволжье и воротились къ мужику въ видѣ ситцевъ, самоваровъ и, главнымъ образомъ, водки. Мужикъ жилъ изъ года въ годъ; хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корнѣ. Около десяти лѣтъ выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ, и закончившіеся настоящимъ неурожаемъ и голодомъ. Правда, пшеничники сами были виноваты во многомъ: землю пахали кое-какъ, объ удобреніи и знать ничего не хотѣли, какъ и прежде, когда поля не были еще такъ истощены. Но съ другой стороны, выдвигалась масса такихъ причинъ, которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ: налетѣла стая хищниковъ, воспользовалась невѣжествомъ и по закону раззорила цѣлый край. Картина этого раззоренія описана яркими красками. Голодъ былъ повсемѣстнымъ явленіемъ. Голодали и мерли прежде богатые пшеничники, голодали казаки, но особенно жалки и беспомощны были башкиры; и безъ того башкиры вымираютъ во время своихъ зимнихъ голоденокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Взрослое мужское населеніе брело изъ деревень и селъ, снималось съ насиженныхъ годами мѣстъ, оставляя за собой голодавшія семьи,—одни плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ, другіе просто безцѣльно бродили по уѣзду, собирая милостыню, гдѣ можно; богѣ малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи. Изъ деревень уходила рабочая сила. А изъ подъ Заполя вверху по Ключевой шелъ голодный тифъ.

Эти развалины крестьянскаго, натурального хозяйства служили удобной почвой для произрастанія разнаго рода паразитовъ. На крестьянскомъ развореніи спекулировали дѣльцы новой формаціи, смѣнившіе старое купечество. Ростовщики, въ родѣ мельника Ермылыча, уже давно держали весь край въ рукахъ, опутывая опускавшееся населеніе ссудами подъ залогъ имущества. Во время голода они очутились господами положенія. Крестьянину приходилось закладывать свои животы и некуда было идти кромѣ ростовщика. Закладывался настоящій деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полупубки, бабы сарафаны и вообще мужицкое «барахло». Не дремали и банковскіе воротилы, рассчитывая сообца закупить партію хлѣба, перевезти ее въ Заполье и поставить свою цѣну; но ихъ предупредилъ Галактіонъ, закупившій самостоятельно миллионную партію хлѣба по ничтожной цѣнѣ и предложившій земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. за пудъ—кормить голодныхъ крестьянъ. Эта операція сдѣлала Галактіона героемъ дня. «Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ, и самый банкъ съ его операціями являлся какою-то дѣтской игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ оппеты и тайныя вождедѣнія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзной рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ».

Такъ на развалинахъ двухъ ветхозавѣтныхъ міровъ, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, выросла крупная и мелкая буржуазія и ея необходимое дополненіе—земледѣльческій пролетаріатъ. Весь процессъ завершился въ продолженіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ.

Деревенскій міръ съ своими устоями—общиной и артелью—не служитъ предметомъ спеціального изображеніе Мамина. Но тѣ отрывочныя указанія, которыя можно встрѣтить на этотъ счетъ въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно убѣжденія Мамина въ прочности этихъ устоевъ. Вотъ, напр., что говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ «Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ», помѣщенномъ въ недавно вышедшемъ сборникѣ его разсказовъ «Въ глуши». «Той идеальной деревни, описаніе которой мы когда-то читали у нашихъ любимыхъ беллетристовъ, нѣтъ и помину: современная деревня представляетъ арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремленія и инстинкты. Перестройка этой, если позволено такъ выразиться, классической деревни съ семейнымъ патріархатомъ во главѣ и общиннымъ устройствомъ въ основаніи, совершается на нашихъ глазахъ, такъ что можно прослѣдить во всей послѣдовательности это броженіе взбаломученныхъ рядомъ реформъ элементовъ, народженіе новыхъ комбинацій и постепенное наслоеніе новыхъ формъ жизни. Нынѣшняя деревня — это химическая лабораторія, въ которой идетъ самая горячая, спѣшная работа. Центръ тяжести, искусственно привязанный нашей исторіей къ жизни городовъ, самъ собой пережѣтился въ деревню» (стр. 117).

Блестящей, мелькомъ набросанной иллюстраціей этихъ мыслей можетъ служить разсказъ «Главный баринъ» («Сибирскіе разсказы»). Въ глухомъ, тѣсномъ углу засѣла деревня Грязнуха. Это былъ настоящий медвѣжій уголъ, представлявшій совершенно особый міръ, страничку изъ русской исторіи XVII вѣка. Грязнуха рѣшительно была никому не нужна, и сама ни въ комъ не нуждалась. Мимо нея никто и никуда не ѣздили, не было здѣсь никакого торжка — однимъ словомъ, какъ есть ничего. Сюда не проникли даже такіе всеразрушающіе элементы, какъ самоваръ-тулякъ и московскіе ситцы. Всѣ ходили въ домотканной пестряди, носили домотканную сурьму, укрывались своей домашней овчиной. Это былъ край свѣта, совершенно чуждый условіямъ современной общественно-экономической жизни. И вотъ черезъ этотъ медвѣжій уголъ проходитъ желѣзная дорога. Появляется первая развѣдочная партія. Инженеры соряютъ деньгами. Мужики и особенно бабы вошли въ настоящий азартъ: какая-нибудь бабушка Домна, отъ роду не видавшая четырехъ рублей, вдругъ получаетъ это огромное для нея богатство за какой-нибудь десятокъ яицъ. Старуха помутилась умомъ. Другія бабы завидуютъ ей и поѣдомъ ѣдятъ. Среди мужиковъ также проснулася жадность къ дикой копѣйкѣ. «Всѣ мужики-то какъ омморошные сдѣлались, такъ и рвутъ». Партія

ушла, а мужики остались въ ожиданіи чугулки.—Изъ своего семнадцатаго вѣка Грязнуха прямо перешагнула въ самый конецъ девятнадцатаго. Одно появленіе «главнаго барива» сразу перевернуло все вверхъ дномъ. Трущоба проснулась, а имѣющая выстроиться желѣзная дорога докончить остальное.

Что касается артели, то въ своемъ очеркѣ «Золотуха» Маминъ въ высшей степени рельефно обрисовалъ эту форму народной жизни. «Первичная кѣточка, въ которую отлилась безшабашная присковая жизнь,—говорить онъ,—заключается въ... русской артели, которая нашла себѣ здѣсь глубокое примѣненіе. Безъ артели русскій человекъ—погибшій человекъ, поэтому артель живетъ на всѣхъ вольныхъ промыслахъ, въ тюрьмахъ и монастыряхъ; даже разудалая вольница, ничего не хотѣвшая знать, кромѣ своей вольной волюшки—и та складывалась въ разбойничью артель. Если испоконъ вѣку русскій человекъ работалъ артелью и грабилъ артелью, отсиживался по тюрьмамъ и острогамъ артелью, то такое широкое примѣненіе артельныхъ началъ вносило въ нихъ, на каждый специальный случай, специальные примѣненія въ формѣ и содержаніи. Старательская артель, въ которую, если позволено такъ выразиться, выкристаллизовалась присковая жизнь, рѣшила ту же задачу, какую рѣшаютъ всѣ русскія артели, т.-е. какъ при наличности *minimum* а благоприятныхъ условий не только ухитрится просуществовать, но еще выполнить *maximum* работы»...

На прискахъ «всѣ старательскія артели были устроены, какъ одна, и носили смѣшанный семейный хаактеръ, сближавшій ихъ съ кустарнымъ промысломъ. Малосильныя семьи соединялись по двѣ и по три, а если для артели не доставало одного человека,—его прихватывали на сторонѣ изъ тѣхъ лишнихъ людей, какихъ набирается на каждомъ прискѣ очень много. Было вѣсколько и такихъ артелей, члены которыхъ не были связаны никакими родственными узами, а единственно соединились для одной работы. Но послѣдній, повидимому, самый чистый типъ артели представлялъ на прискѣ исключеніе, а главнымъ правиломъ все-таки являлась артель-семья, какъ, напр., Зайцы... Трудъ всѣхъ членовъ семьи утилизировался съ замѣчательной послѣдовательностью, и не пропадала даромъ ни малѣйшая его крупица. Присковая тяга не миновала нашей головы.

«— Прежде, какъ за бариномъ жили,—разсуждалъ Заяцъ,—бывало, какъ погонять мужиковъ на приски, такъ бабы, какъ коровы, ревели... Потому, извѣстно, каторжная наша присковая жизнь! Ну, а тутъ, какъ волю объявили, да зачали по заводамъ рабочихъ сбавлять,—гдѣ робыло сорокъ человекъ, теперь ставятъ тридцать, а то и двадцать—вотъ мы тутъ и ухватились за приски обѣими руками... Все-таки съ голоду не умрешь. Прежде одинъ мужикъ маялся на прискѣ да прималъ битву, а теперь всей семьей страдаютъ... И выходитъ, что наша-то мужицкая всля поровнялась, прямо сказать, съ волчьей!

Много черезъ это самое золото, баринъ, напихъ мужицкихъ слезъ льется. Вонъ погляди, бабы въ брюхѣ еще тащатъ ребятъ на приски, да такъ и пойдетъ съ самаго перваго дня, въ родѣ какъ колесо; въ зыбкѣ старатель комаровъ кормить-кормить, потомъ чуть подросъ—садись на тележку, вози пески, а потомъ становись къ грохоту, или полѣзай въ выработку. Еще мужику туды-сюды—оно тяжело, что горить, а все мужикъ-мужикъ и есть—а вотъ бабамъ, тѣмъ, пожалуй, и не въ моготу въ другой разъ эти приски».

Я не знаю, что именно *хотѣлъ* Маминъ дать въ этомъ очеркѣ. По всей вѣроятности, вотъ что: та живая сила, которой держатся золотые приски—это старатели, организованные въ артели. Этотъ здоровый по своей природѣ и испытанный организмъ разрознень и сдвленъ. Въ силу разныхъ условій на немъ появились злокачественные, золотушные насыпи въ видѣ цѣлой клики эксплуататоровъ, нужды и пьянства. Отсюда выводъ о необходимости свободной артельной эксплуатации золотыхъ присковъ.

Но если мы всмотримся въ ту картину артельной жизни, которую нарисовалъ намъ Заяцъ, то увидимъ, что художникъ бессознательно для себя самого *далъ* нѣчто сосѣмъ другое,—именно: капиталъ пользуется артельнымъ организмомъ, какъ пружиной, которая, какъ нельзя лучше, помогаетъ ему рѣшить слѣдующую задачу: какъ при наличности *минимума* благоприятныхъ условій выжать *максимум* работы. Можетъ быть, и многія другія русскія артели играютъ ту же отвѣтственную роль?

Резюмирую: капитализмъ властно захватываетъ все кругомъ. На горныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ онъ доканчиваетъ работу предшествующихъ поколѣній; экспроприация населенія идетъ рука объ руку съ безжалостными порядками промышленной свободы и конкуренціи. Въ результатъ получилась та волчья воля, которая отдавала рабочія массы въ безконтрольное распоряженіе заводовладѣльцевъ и промышленныхъ компаний. Въ связи съ этимъ идетъ развращающее и разлагающее вліяніе золотой лихорадки.

Далѣе,—капитализмъ проникаетъ въ область чисто земледѣльческихъ натуральныхъ организацій хозяйства. Капиталистическій процессъ и здѣсь ведетъ къ той же цѣли—распаденію средневѣковыхъ организацій и образованію новыхъ общественныхъ классовъ капиталистическаго и пролетарскаго. Въ связи съ этимъ идетъ внутренній процессъ дифференціаціи массъ. Авторъ только мелькомъ, мимоходомъ отмѣчаетъ этотъ процессъ.

Гораздо обстоятельнѣе онъ изображаетъ разложеніе патріархальной семьи. Такъ распадаются патріархальные и полукрѣпостные союзы. А въ результатъ этого процесса является капиталистическій и пролетарскій классы—не имѣющій традицій хищникъ и безземельный рабочий, свободный отъ власти патріархальной семьи, отъ полукрѣпост-

ныхъ, личныхъ связей съ опредѣленнымъ мѣстомъ и опредѣленными людьми—эта двойная клѣточка новаго общества, которая растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Этотъ процессъ неизбеженъ и неотвратимъ. Нѣтъ силы, которая могла бы остановить его развитіе. Напротивъ, онъ все покоряетъ себѣ. «Наростающій капитализмъ является своего рода громаднымъ маховымъ колесомъ, приводящимъ въ движеніе миллионы валовъ, шестерней и приводовъ». Передъ его громадной силой все отступаетъ, на задній планъ, а дѣйствующія лица походятъ на пигмеевъ. «Желѣзный братецъ каждымъ своимъ движеніемъ давилъ кого-нибудь изъ пигмеевъ и даже не былъ виноватъ, потому что пигмеи сами лѣзли ему подъ ноги на каждомъ шагу». Капитализмъ—это «безконечно широкая рѣка, которая затопляетъ города и деревни, бушуетъ на улицахъ, врывается въ дома, разбивается о стѣны, журчитъ въ ухахъ, переливается въ самомъ мозгу», измѣняя здѣсь прежній строй мыслей и чувствъ. Подъ его влияніемъ происходитъ та глухая, подземная работа, въ результатѣ которой, какъ по мановенію волшебнаго жезла, являются передъ нами новые люди, новые взгляды, новыя отношенія.

Эта послѣдняя мысль—ничтожество и безсиліе человѣка передъ стійкимъ процессомъ капиталистическаго развитія—составляетъ основную мысль послѣдняго большого романа Мамина «Приваловскіе миллионы». Это, безспорно, лучшее произведеніе его огромнаго художественнаго таланта и одно изъ лучшихъ украшеній нашей литературы. Какое чарующее впечатлѣніе производитъ, напр., типъ Нади Бахаревой. Это одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ, когда-либо созданныхъ нашей беллетристикой. А Заплатина,—этотъ замѣчательный типъ, въ которомъ не знаешь, чему больше удивляться: ея уму, доходящему до чисто собачьяго чутья, или узости ея интересовъ; ея алчности или безкорыстному преклоненію передъ миллионами, ея способности всюду пролѣзть, вездѣ сдѣлаться нужной, или ея наглости и нахальству, ея болтливости и сплетнямъ, или способности вести самую тонкую, запутанную интригу. Она первая обо всемъ узнаетъ, вездѣ пронюхаетъ, ко всему присосется, и изъ всего извлечетъ пользу. Это трехэтажный паразитъ, какъ рекомендуетъ ее Веревкинъ: «Это, видите ли, вотъ какая штука: есть такой водяной жукъ... Въ этомъ жукѣ живетъ паразитъ червякъ, а въ червякѣ живетъ какая-то глиста... Червякъ жретъ жука, а глиста жретъ червяка... Такъ и наша Хіонія Алексѣевна жретъ насъ, а мы жремъ всякаго, кто попадетъ подъ руку». Заплатина, какъ и набобъ Лаптевъ, положительно новые типы въ нашей литературѣ. А другія лица романа—скряга Ляховскій, именующій себя славянофиломъ Половодовъ, дядюшка Оскаръ Шпигель, прѣхавшій удить золотую рыбку, самъ Бахаревъ—какъ живые стоятъ передъ читателемъ. Но странно—критика до сихъ поръ ничего не сказала объ этомъ произведеніи Мамина. О другихъ его работахъ были хоть рецензіи въ жур-

налахъ, а это самое замѣчательное произведеніе не дождалось, насколько помнится, даже журнальнаго отзыва. Тѣмъ болѣе это странно, что романъ, такъ или иначе, отвѣчаетъ на одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, изъ-за котораго до сихъ поръ ломаются копья.

Канвой для того богатѣйшаго и разнообразнѣйшаго содержанія, какое даетъ Маминъ въ этомъ романѣ, послужила исторія одного громаднаго, милліоннаго наслѣдства—знименитыхъ въ исторіи Уральскаго края Шатровскихъ заводовъ, которые и правдами, и неправдами созидались въ продолженіе полутора ста лѣтъ и выросли въ громадное предпріятіе съ 40-тысячнымъ заводскимъ населеніемъ и съ площадью въ четыреста тысячъ десятинъ богатѣйшей въ свѣтѣ земли. Заводы составляли фамиліную собственность крѣпкаго когда-то, а теперь, вырождавшагося рода Приваловыхъ. Первымъ Приваловымъ, какъ однимъ изъ первыхъ насельниковъ въ этомъ, тогда вольномъ краѣ, приходилось выдерживать суровую борьбу, нерѣдко отсиживаться отъ нападеній кочевавшихъ тогда по вѣльнымъ степямъ башкиръ, которые не разъ побивали высылаемыя противъ нихъ воинскія команды. Въ этой борьбѣ съ природой и съ людьми закалялся характеръ, приобрѣталась выдержка, сила воли, энергія—все то, что давало имъ право на названіе крѣпкихъ людей. Послѣдніе представители, обеспеченные крупными дивидендами, жили паразитами, предоставивъ заводы на усмотрѣніе крѣпостныхъ управителей. Въ такихъ понятіяхъ и взглядахъ выростало одно поколѣніе за другимъ, и прежде крѣпкая семья вырождалась и разорялась. Отъ окончательнаго разоренія эта фамилія однако была спасена: въ половинѣ 40-хъ годовъ владѣльцу Шатровскихъ заводовъ, Александру Привалову, удалось жениться на дочери знаменитаго милліонера-золотопромышленника Павла Михайловича Гуляева, упрямаго крѣпкаго старика, въ которомъ произволъ, насилие и всѣ темныя силы крѣпостничества уживались рядомъ съ самыми свѣтлыми проявленіями души и мысли. Въ его палатахъ проживала цѣлая толпа сиротъ, дѣвочекъ и мальчиковъ—по большей части, дѣти гонимыхъ раскольниковъ, получавшія у Гуляева вмѣстѣ съ кровомъ и родительской лаской тотъ особенный закалъ, которымъ они рѣзко отличались между другими людьми. Гуляевъ въ глаза и за глаза смѣялся надъ своимъ зятемъ, но не хотѣлъ допустить разоренія Шатровскихъ заводовъ и, главное, относился съ глубокимъ уваженіемъ къ той фамиліи, которую тотъ носилъ. Въ жертву этой фамиліи старикъ и принесъ свою единственную дочь, Варвару. Результатомъ этого брака былъ сынъ Сергѣй, герой разбираемаго романа. Старикъ Гуляевъ дождался наслѣдника своихъ капиталовъ и, умирая, завѣщалъ все ему, поручивъ его судьбу своему повѣренному, своей правой рукѣ, Василю Бахареву, одному изъ птенцовъ своего гнѣзда. Старикъ не рассчитывалъ на своего зятя, и былъ правъ. Тотчасъ по смерти тестя, Александръ Приваловъ развернулся во всю ширь своей русской натуры: дикій бѣше-

ный разгулъ, не щадившій ни своей, ни чужихъ жизней и неслыханныя оргіи чередовались съ земными поклонами до синяковъ на лбу; эти оргіи свели во гробъ жену Привалова и довели опустившагося окончательно золотопромышленника до второго брака на цыганкѣ Стеши. Последняя явно жила съ благопріятелемъ мужа, Сашкой Холостовымъ и, когда эта связь сдѣлалась извѣстной мужу, боясь мести, ночью при помощи Сашки выбросила Привалова изъ окна съ третьяго этажа. На другой день нашли его окоченѣлый трупъ.

Послѣ Александра Привалова осталось три наслѣдника: старшій—Сергѣй отъ первой жены и двое—Иванъ и Титъ—отъ Стеши. Штеша вышла замужъ за Холостова, который сдѣлался опекуномъ надъ младшими наслѣдниками. Старшій наслѣдникъ, Сергѣй Приваловъ, еще послѣ смерти матери взялъ былъ Бахаревымъ, который послѣ смерти Александра Привалова сдѣлался его опекуномъ и употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать сиротѣ приличное воспитаніе. Сергѣй Приваловъ прожилъ у Бахарева до 15. лѣтъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ 15-ть лѣтъ въ занятіяхъ въ университетѣ и въ хлопотахъ по наслѣдству. У одного изъ его братьевъ—Ивана—открылось за это время тихое помѣшательство, а другой пропалъ безъ вѣсти.

Между тѣмъ, наслѣдство, остававшееся нераздѣленнымъ за малолѣтствомъ наслѣдниковъ, проходило за этотъ періодъ опеки естественныя стадіи своего развитія, причемъ изъ каждой стадіи оно выходило все то же и то же. Къ этому жирному кусу примазывались и присасывались разныя хищныя птицы. Первый опекунъ, Сашка Холостовъ, вотчимъ, дѣлаетъ миллионный долгъ при помощи мошенничества. Сашку судятъ, а его долгъ переводятъ на заводы. Потомъ заводы попали подъ казенную опеку, во время которой инженеръ Масманъ нахлопалъ на заводы новый почти миллионный долгъ. Съ процентами эти два долга составили около четырехъ миллионновъ. Когда, наконецъ, заводы перешли въ опекунское управленіе, Бахаревъ, назначенный опекуномъ, старался понемногу поднять заводское дѣло и добился своего: заводы стали приносить дивидендъ въ 300 тыс. рублей, которые шли на уплату долга, процентовъ по долгу и на наслѣдниковъ. Но Бахаревъ, прямая и честная натура, не могъ ужиться съ другимъ опекуномъ—Ляховскимъ и оставилъ опеку. На его мѣсто назначили Половодова. Уже порядочно опципанная золотая курочка досталась опять-таки въ руки хищникамъ: Ляховскій уже присосался, а Половодовъ еще присматривается, нельзя ли сорвать свою долю.

Вотъ въ это-то самое время старшій наслѣдникъ и герой романа, Сергѣй Приваловъ пріѣзжаетъ на родину, въ Узелъ. Его пріѣздомъ открывается первая страница романа. Пріѣздъ Привалова въ уѣздномъ городѣ произвелъ большой переполохъ; но мы оставимъ мѣстное общество благоговѣть передъ приваловскими миллионами и посмотримъ, что

такое самъ Приваловъ, на котораго теперь устремлены взоры мѣстнаго общества, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, что думаетъ дѣлать. Мы знаемъ его родословную. вмѣстѣ съ своими милліонами Приваловъ получилъ еще большое наслѣдство въ лицѣ того темнаго прошлаго, какое стоитъ за его фамиліей. Онъ представитель вырождающейся семьи. Тѣни его предковъ, изъ которыхъ самыя хорошія были все-таки ужасными людьми, грезятся ему, а самыя худшія напоминаютъ ему о своихъ ужасахъ. Родовые милліоны давятъ и душатъ его. За этими милліонами ему мерещатся ограбленные его предками, грязные, голодные башкиры, съ тупымъ безнадежнымъ отчаяніемъ въ испитыхъ лицахъ; ихъ худые, какъ скелеты, дѣти протягиваютъ къ нему руки; дальше выступаютъ приписные къ заводамъ крестьяне, обезземеленные уставной грамотой, составленной какимъ-то отчаяннымъ крючкотворомъ и докой; дальше слышатся стоны и вопли жертвъ его отца, Сашки Холостова, Стеши. Это темное прошлое давитъ его, и для себя лично онъ не воспользуется ничѣмъ изъ оставленнаго ему наслѣдства. На его совѣсти лежитъ историческій долгъ башкирамъ и приписному къ заводамъ, обезземеленному сорокатысячному крестьянскому населенію: заводы созданы на башкирскихъ земляхъ трудами крѣпостныхъ. Приваловъ намѣренъ расчитаться съ своими историческими кредиторами.

Съ такимъ покаяннымъ настроеніемъ вполне гармонируетъ его взгляды на экономическое развитіе Россіи. По его мнѣнію, русское заводское дѣло это «болѣзненный наростъ, который питается насчетъ здоровыхъ народныхъ силъ. Горное дѣло на Уралѣ создано только благодаря безумнымъ привилегіямъ и монополіямъ, даровымъ трудомъ милліоновъ людей при несправедливѣйшей эксплуатаціи чисто національныхъ богатствъ... Уралъ со всѣми своими неистощимыми богатствами стоялъ правительству въ десять разъ дороже того, сколько онъ принесъ пользы... Системой покровительства заводскому дѣлу заводчикамъ навсегда обезпечены милліонныя барыши, и все на заводахъ вертится черезъ третьи и четвертые руки, при помощи управителей, повѣренныхъ и управляющихъ». Съ другой стороны, эта система, вмѣсто развитія промышленности, «создала цѣлое поколѣніе государственныхъ нищихъ, которые, лежа на неисчислимыя сокровищахъ, едва пропитываютъ себя милостыней... И въ добавокъ—эти невѣроятныя жертвы правительства и въ будущемъ не принесутъ никакой пользы, потому что наши горные заводы всѣ до одного должны ликвидировать свои дѣла, какъ только правительство откажется вести ихъ на помочахъ. Стоитъ только отмѣнить правительству тарифъ на привозные металлы, оградить казенныя лѣса отъ расхищенія заводчиками, обложить ихъ производительность въ той же мѣрѣ, какъ обложенъ трудъ всякаго мужика—и все погибнетъ сразу... вмѣсто развитія горной промышленности, мы загородили ей дорогу чудовищной монополіей». Чтобы вырваться изъ этой системы паразитизма заводчиковъ и нищевства

полумилліоннаго населенія, воспитываемой въ продолженіе полутора столѣтій, «нужны человѣческія усилія тѣмъ болѣе, что придется до основанія разломать уже существующія формы заводской жизни». Заводчики должны отдать свой историческій долгъ обобщенному ими полумилліонному населенію и какъ можно скорѣе, «потому что на заводахъ въ недалекомъ будущемъ выработается настоящій безземельный пролетаріатъ, который будетъ похуже всякаго крѣпостнаго права».

Приваловъ самъ еще хорошо не знаетъ, въ какую форму выльется этотъ его разсчетъ съ историческими кредиторами. Для него это—дѣло будущаго. Теперь Шатровскіе заводы не свободны; разъ надъ ними опека и затѣмъ на нихъ громаднй долгъ. Нужно сначала раздѣлаться съ опекой, затѣмъ поставить хорошо заводы, выплатить государственнй долгъ, а тамъ, вдали, ему рисуется счастливая аркадія на мѣстѣ Шатровскихъ заводовъ, какъ поучительный примѣръ для всѣхъ другихъ заводчиковъ.

Это одна сторона его программы, за которую онъ держится по долгу, по обязанности. Онъ не любитъ заводскаго дѣла. Душа его лежитъ къ деревнѣ, къ земледѣльческой промышленности, которую онъ хочетъ спасти отъ нарождающейся буржуазіи, организовавъ пока торговлю продуктами этой промышленности на рациональныхъ основаніяхъ. Онъ намѣренъ построить мельницу, которая должна была служить началомъ его работъ въ этомъ отношеніи. Онъ знаетъ, что ему придется вступить въ борьбу съ организованной силой эксплуатаціи. На багѣ у Ляховскаго онъ познакомился съ представителями этой новой, молодой силы, обособившейся отъ прежняго купечества, «хотя до настоящаго барина этому полумужичью было еще далеко. Въ покроѣ платья, въ движеніяхъ, въ разговорѣ—вездѣ такъ и прорывалась настоящая крестьянская складка, которой ничто не могло вытравить. Были тутъ крупные хлѣбные коммерсанты, ворочавшіе милліонами пудовъ хлѣба ежегодно, были скупщики сала, пеньки, льняного сѣмени, были золото-промышленники, заводчики и просто крупные капиталисты, ворочавшіе банковскими дѣлами. Приваловъ съ глубокимъ интересомъ всматривался въ этотъ новый для него типъ, который созданъ и выросъ на нашихъ глазахъ, вмѣстѣ съ новыми требованіями, запросами и вѣяніями новой жизни... Онъ думалъ о томъ, что ему придется вступить въ борьбу съ этой всемогущей кучкой. Вотъ его будущіе противники, а можетъ быть, и враги. Вѣрнѣе всего послѣднее. Но пока игра представляла закрытыя карты, и можно было только догадываться, у кого какая масть на рукахъ». Итакъ, у Привалова было двѣ цѣли—одна навязанная, другая—своя собственная.

Прежде всего нужно было вырвать поскорѣе заводы изъ рукъ присосавшихся къ нимъ опекуновъ. Приваловъ однако не торопится. Въ продолженіи двухъ недѣль по приѣздѣ въ Узелъ, онъ никуда не выѣзжаетъ, кромѣ Бахаревыхъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Сюда

влекутъ не только дорогія воспоминанія дѣтства, но и старшая дочь Бахаревыхъ, Падя. Наконецъ, онъ рѣшается ѣхать къ опекунамъ. Авторъ шагъ за шагомъ описываетъ его дѣловые визиты къ Веревкинымъ, Половодовымъ, Ляховскимъ, въ подробностяхъ описываетъ строй этихъ семей и ту ловкую аферу, которую повели противъ него Половодовъ и дядюшка Оскаръ Шпигель, пріѣхавшій нарочно изъ Петербурга «удить золотую рыбку». Оказалось, что опекуны не дремлютъ. Сошлись два ловкихъ мошенника, Половодовъ и Шпигель, которые рѣшили прибрать заводы къ своимъ рукамъ при помощи самаго простого и вмѣстѣ гениальнаго мошенничества: объявивъ второго наследника, формально не объявленнаго помѣшаннымъ, несостоятельнымъ по выданнымъ имъ векселямъ, вызвать, за устраненіемъ опекуна, назначеніе конкурса. Тогда всѣ наследники дѣлаются пѣшками, а главный довѣренный отъ конкурса во всемъ будетъ зависѣть отъ одной дворянской опеки, которую легко купить. Приваловъ очутился жалкой игрушкой въ рукахъ этихъ дѣльцовъ безъ страха и упрека. Половодовъ игралъ имъ, какъ мальчикомъ: сначала сдѣлалъ его любовникомъ своей жены, а потомъ, страшась за свою шкуру, женилъ его на Зосѣ Ляховской, дочери другого опекуна, Ляховскаго. Пока Приваловъ хороводился сначала съ своей незаконной, а потомъ законной любовью, дядюшка Оскаръ успѣлъ выполнить планъ. Половодовъ назначенъ главнымъ довѣреннымъ отъ конкурса, т. е. чуть ли не полновластнымъ хозяиномъ заводовъ. Оставалось стричъ золотого барашка. Въ первый же отчетный годъ обнаружилась громадная растрата. Половодовъ бѣжалъ за границу, а заводы для покрытія казеннаго долга министерство рѣшило пустить съ молотка. Ихъ купила какая-то компанія съ разсрочкой платежа въ 37 лѣтъ, т. е. немного больше, чѣмъ даромъ. «Кажется, вся эта компанія—подставное лицо, служащее прикрытіемъ ловкой чиновничьей аферы». Наслѣдники получили отступныхъ тысячь сорокъ.

«— Всѣмъ по куску досталось,—негодовагъ Бахаревъ,—всѣ сорвали, а наследниковъ ограбили! Отъ приваловскихъ милліоновъ даже дыму не осталось»...

Такъ разсчитался нашъ герой съ своими историческими кредиторами!

Посмотримъ теперь, какъ онъ спасаетъ крестьянство отъ нарождающейся буржуазіи. Онъ понимаетъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, что для осуществленія его плановъ нуженъ не одинъ человекъ, не два, а сотни и тысячи людей. Но онъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что эти тысячи явятся и сдѣлаютъ то, чего онъ не успѣетъ или не сумѣетъ. Какъ первый опытъ борьбы, была построена мельница для крестьянскаго хлѣба и организована торговля мукой. Отъ крестьянскаго хлѣба отстранялись скупщики-эксплуататоры. «Работа закипѣла. Сотни подводъ ежедневно прибывали къ мельницѣ, сваливали зерно въ амбары и уступали мѣсто другимъ... Сотни рабочихъ были заняты на мельницѣ

переноской и перевозкой зерна, около зерносушилокъ и вѣялокъ, въ отдѣленіи, гдѣ вѣсили и ссыпали муку въ мѣшки... Черезъ недѣлю началась правильная отсылка намолотой муки въ Узелъ, гдѣ главный складъ при приваловскомъ домѣ. Приваловъ никогда не чувствовалъ себя такъ легко, какъ въ этотъ моментъ... Дѣло по хлѣбной торговлѣ пошло бойко въ гору. Приваловъ уже успѣлъ сбыть очень выгодно нѣсколько большихъ партій на заводы, а затѣмъ получилъ рядъ солидныхъ заказовъ отъ разныхъ торговыхъ фирмъ».

Разсчетъ и ожиданія оправдались скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Не доставало времени рабочихъ рукъ. Приходилось вездѣ поспѣвать самому, чтобы поставить все дѣло сразу на твердую почву. Приваловъ увлекся осуществленіемъ своей идеи, думая найти въ ней суррогатъ разбитой личной жизни. Но вотъ онъ побывалъ на Ирбитской ярмаркѣ и тамъ ближе ознакомился съ той силой, съ которой думалъ бороться. «Ирбитъ—большое село въ обыкновенное время—теперь превратился въ какой-то лагерь, въ которомъ сходились представители всевозможныхъ государствъ, народностей, языковъ и вѣроисповѣданій. Это было настоящее ярмарочное море, въ которомъ тонулъ всякій, кто попадалъ сюда. Жажда наживы согнала сюда людей со всѣхъ сторонъ, и эта разноязычная и разноплеменная толпа отлично умѣла понять взаимные интересы, нужды и потребности. При первомъ ошеломляющемъ впечатлѣніи казалось, что катилось какое-то громадное колесо, вмѣстѣ съ которымъ катились и барахтались десятки тысячъ людей, оглашая воздухъ безобразнымъ стономъ». Въ ярмарочномъ театрѣ изъ своей ложи Приваловъ долго разсматривалъ размѣстившуюся въ креслахъ и стульяхъ публику; здѣсь размѣстилось все, что было именитаго на десятки тысячъ верстъ: московскіе тузы по коммерціи, сибирскіе промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлѣба и сала, торговцы пушниной, краснорядпы и т. д.

«— Картина,—говорилъ Nicolas, мотая головой въ партеръ.—Вотъ вамъ наша будущая буржуазія, которая тряхнетъ любезнымъ отечествомъ по своему... Силища, батенька, страшная!..»

«Приваловъ смотрѣлъ кругомъ ваглядомъ посторонняго человѣка. Въ душѣ, тамъ, глубоко, образовалась какая-то особенная пустота, которая даже не мучила его: онъ только чувствовалъ себя частью этого громаднаго цѣлаго, которое шевелилось въ партерѣ, какъ тысячеголовое чудовище. Вѣдь, это цѣлое было неизмѣримо велико и влекло къ себѣ съ такой неудержимой силой... Вольготное существованіе только и возможно въ этой формѣ, а все остальное должно фигурировать въ пассивныхъ роляхъ. Даже злобы къ этому цѣлому Приваловъ не находилъ въ себѣ: оно являлось только колоссальнымъ фактомъ, который былъ правъ самъ по себѣ, въ силу своего существованія... Онъ машинально смотрѣлъ на сцену, гдѣ актеры казались куклами, на партеръ, на ложи, на раекъ. Къ чему? Зачѣмъ онъ здѣсь? Куда ему бѣжать отъ всей

этой ужасающей человѣческой нескладицы, бѣжать отъ самого себя? Онъ сознавалъ себя именно той жалкой единицей, которая служить только матеріаломъ въ какой-то сильной творческой рукѣ».

Еще раньше этихъ неудачъ, крушеній социальныхъ идеаловъ началось паденіе нашего героя. Провинціальная тина постепенно затягивала его. Женитьба его была непоправимой ошибкой. Неудачи семейной жизни сильнѣе увлекали его въ этотъ омутъ: онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба и завсегдатаемъ зеленого стола, быстро входя во вкусъ клубной жизни. Измѣна жены была послѣдней каплею яда въ его личной жизни. Впередѣ оставалась еще надежда на то дѣло, которое было цѣлью его жизни. Поѣздка въ Ирбитъ разбила его послѣднюю иллюзію. Полное банкротство надеждъ, идеаловъ! Жизнь потеряла для него всякій смыслъ. Вернувшись съ ярмарки, Приваловъ съѣздили въ Гарчики, на мельницу, прожилъ тамъ съ недѣлю и вернулся въ Узелъ по послѣднему зимнему пути. Но и въ Узлѣ, и въ Гарчикахъ прежняго Привалова больше не было, а былъ совсѣмъ другой человѣкъ, котораго трудно было узнать: онъ не переставалъ пить послѣ Ирбитской ярмарки; въ Узлѣ онъ всѣ ночи проводилъ въ игорныхъ залахъ общественнаго клуба. Но, очевидно, ни въ винѣ, ни въ разсѣянной жизни онъ не нашелъ забвенія и сталъ думать о смерти—разомъ покончить всѣ счеты съ жизнью, освободиться отъ всѣхъ тяжелыхъ воспоминаній и неприятностей. «Для кого и для чего онъ теперь будетъ жить? Тянуть изо-дня въ день, какъ тянутъ другіе—это слишкомъ скучная вещь, для которой не стоитъ трудиться. Даже то дѣло, для котораго онъ столько работалъ, теперь какъ-то начинало терять интересъ въ его глазахъ. Онъ припомнилъ ирбитскую ярмарку, гдѣ лицомъ къ лицу видѣлъ ту страшную силу, съ которой хотѣлъ бороться. Его идея въ этомъ страшномъ и могучемъ хорѣ себялюбивыхъ интересовъ, безжалостной эксплуатаціи, организованнаго обмана и какой-то органической подлости жалко терялась, какъ послѣдній крикъ утопающаго».

Постараемся разобраться въ этой неудачной жизни, выяснить ея общественный смыслъ. Приваловъ очень сложная натура. Съ одной стороны, онъ представитель вырождающейся семьи. Онъ поступаетъ всегда какъ разъ наоборотъ съ своими собственными намѣреніями. Какая-то посторонняя сила властно вторгается въ его жизнь, отвлекаетъ его въ сторону отъ намѣченныхъ цѣлей, разстраиваетъ его планы и вмѣстѣ съ другими причинами доводитъ его до мрачнаго отчаянія. Онъ самъ сознаетъ непослѣдовательность въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ. Какая-то сила гнететъ и давитъ его. Эта сила—совокупность унаслѣдованныхъ имъ особенностей и признаковъ, гнѣздящихся въ его крови. Съ другой стороны, Приваловъ—практическій дѣятель въ духѣ народничества, мечтающій вырвать заводское населеніе изъ рукъ заводчиковъ и земледѣльческое—изъ когтей народив-

шейся буржуазіи. Эти стороны перегибались въ немъ самымъ причудливымъ образомъ. Пороки семьи отразились на немъ безхарактерностью и покаяннымъ настроеніемъ. Послѣднее служило удобной почвой для воспріятія народническихъ идей. Но практическое осуществленіе этихъ идей натолкнулось, между прочимъ, на безхарактерность Привалова. Онъ очутился жалкой игрушкой въ рукахъ кучки дѣльцовъ, которые играли на унаслѣдованныхъ имъ качествахъ. Та же безхарактерность и въ его борьбѣ съ деревенской буржуазіей. Первое, даже не столкновеніе, а простое знакомство съ этой новой силой—и онъ покорно сложилъ свое оружіе. Въ послѣднемъ счетѣ онъ жертва своего происхожденія.

Однако, это не просто страничка изъ исторіи рода Приваловыхъ, интересная только для антрополога. Маминъ даетъ вѣчто большее. Онъ отмѣчаетъ не только безхарактерность Привалова, но и утопичность его идеи. Привалову въ своей борьбѣ буквально не на что было опереться. Не было ни одного общественнаго слоя, который пошелъ бы за нимъ. Онъ былъ одинъ съ своей мечтой, а противъ него не только организованная сила хищничества, но и пассивное сопротивленіе массъ, какъ ясно понимаетъ Лоскутовъ. Онъ наглядно убѣдился въ полномъ безсиліи человѣка противъ стихійнаго процесса капиталистическаго развитія и почувствовалъ себя ничтожной частицей громаднаго цѣлага, жалкимъ матеріаломъ въ какой-то всемогущей творческой рукѣ, которая и привела его со всѣми его самыми возвышенными планами и блестящими утопіями къ одному общему знаменателю.

Подобная постановка вопроса очень характерна для Мамина. Честные и порядочные дѣятели, не захваченные стихійнымъ процессомъ капиталистическаго развитія, и просто честные люди, стоящіе въ сторонѣ отъ новой силы, являются въ романахъ Мамина не только одиночками, но кромѣ того больными, идиотами, вырожденками, слабоумными, вообще ненормальными. Такъ въ «Трехъ концахъ» Петръ Елисейчъ Мухинъ съ Нюрочкой—единственно свѣтлыя точки во всемъ романѣ. Но самъ Мухинъ кончаетъ умпомѣшательствомъ, а по адресу его дочери Маминъ направляетъ слѣдующія слова, «наслѣдственность не знаетъ пощады, она въ крови, въ каждомъ волоконѣ нервной ткани, въ каждой органической клеточкѣ, какъ отравы, какъ страшное проклятіе, какъ постоянный свидѣтель ничтожества человѣка и всего человечества». «Въ Горномъ гнѣздѣ» честныхъ людей только двое—Прозоровъ и Кормилицынъ, да и тѣ никуда не годятся: одинъ пьяница, другой—безхарактерный, слабый ребенокъ. Въ «Дикомъ счастьѣ» только «Божій человѣкъ» Зотушка стоитъ въ сторонѣ отъ охватившей всѣхъ жажды наживы. Въ романѣ «Золото» золотая лихорадка не миновала ничьей головы. На протяженіи всего романа глазу не на чѣмъ остановиться. Главный управляющій Карачунскій больше всѣхъ другихъ понимаетъ, что промысловое населеніе страдаетъ отъ недоста-

точного развитія капитализма, да и онъ ничего не можетъ поддѣлать и въ концѣ-концовъ застрѣливается. Въ «Золотухѣ» полусумасшедшій и жалкій чудакъ Ароматовъ грезитъ о справедливомъ социальномъ устройствѣ, о томъ времени, «когда всѣмъ будетъ хорошо». Вѣдь для осуществленія этихъ грезъ такъ немного нужно: стоитъ только написать «опытъ рѣшенія социального вопроса»... и поднести его просвѣщенному вниманію ликующей клики крупныхъ золотопромышленниковъ. И вотъ Ароматовъ съ дѣтской наивностью, униженно входитъ въ пьяную компанію золотопромышленниковъ и разыгрываетъ здѣсь роль паяца. Даже въ романѣ «Хлѣбъ», гдѣ авторъ выводитъ цѣлую кучку дѣятелей прогрессивно-оппозиціоннаго направленія, дѣйствительно дѣлающихъ свое маленькое, хорошее дѣло,—даже и здѣсь онъ поставилъ во главѣ этой кучки двоихъ—учителя Харченко, «золотушнаго, малорослаго субъекта, съ большой головой рахитика и кривыми ногами» и доктора Кочетова, безнадѣжнаго пьяницу, дошедшаго до помѣшательства. Та же перспектива сохранена и въ «Приваловскихъ милліонахъ»—безхарактерный, слабый, одинокій герой и всеильное хищничество. Настоящій сильный человекъ, Лоскутовъ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, зарылся въ книги головой и кончаетъ сумасшествіемъ. Все это честное безсиліе и убожество только сильнѣе отгѣняетъ «пробойность и прожорливость» всеильнаго хищничества, какъ природа у Мамина своимъ величіемъ отгѣняетъ общую пошлость и ничтожество царя природы *).

Но въ этомъ фактѣ есть и другая сторона. Маминъ не только отгѣняетъ силу хищничества, а даетъ нѣчто большее. Это не только художественный приемъ, но и реальный фактъ, имѣющій глубокій общественный смыслъ. Въ оаомъ дѣлѣ, что за странной была бы художественная манія—выставлять все злое, хищническое—сильнымъ, торжествующимъ, а все честное—безсильнымъ, слабымъ; больнымъ? И развѣ подобный художественный приемъ можетъ что-нибудь если не доказать, то показать? Конечно, нѣтъ ничего легче показать непригодность той или иной программы, той или иной идеи, какъ отдать ея исполненіе въ руки неспособныхъ людей. Но развѣ это доказательство? Взять хотя бы того же Привалова. Онъ мечтаетъ вырвать горное населеніе изъ рукъ заводчиковъ и земледѣльческое изъ когтей буржуазіи,—ни больше, ни меньше, какъ отвести въ сторону русло стихійнаго историческаго развитія. Задача, поистинѣ, громадная, а ея исполнитель—безхарактерный, слабый мечтатель. Будь на его мѣстѣ сильный человекъ, онъ, по крайней мѣрѣ, спасъ бы свои заводы отъ рас-

*) Напротивъ, тамъ, гдѣ предметомъ изображенія Мамина не служитъ капиталистическій процессъ, какъ въ «Весеннихъ грозахъ» и въ романѣ «Безъ названія», выступаютъ исключительно честные и порядочные люди, съ своимъ маленькимъ, хорошимъ дѣломъ. Маминъ концентрируетъ тѣни и свѣтъ, мрачныя и свѣтлыя стороны жизни.

хищенія, а если бы задался, подобно Привалову, такими же широкими планами, то не отступилъ бы ни передъ какими препятствіями и скорѣе погибъ бы въ неравной борьбѣ, чѣмъ призналъ бы себя побѣжденнымъ. Отчего бы Мамину не вывести такого именно, «настоящаго» героя, надѣлать его если не всѣми, то необходимыми для его дѣятельности совершенствами человѣческой природы и поставить лицомъ къ лицу съ кучкой хищниковъ и дѣльцовъ? Своєю энергіей онъ увлекъ бы массы и если бы не ввелъ ихъ въ счастливую аркадію, то, по крайней мѣрѣ, далъ бы сильный толчекъ по направленію къ этой счастливой странѣ. Въдъ такіе люди всегда были, есть и будутъ, и подобная картина была бы вполне реальной. Да зачѣмъ далеко ходить за приѣмомъ? Тотъ же Лоскутовъ «могъ бы быть крупнымъ дѣятелемъ... Въ немъ есть эта цѣльность натуры, извѣстный фанатизмъ, словомъ, за такими людьми идутъ въ огонь и въ воду». А между тѣмъ онъ почему-то стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, а тряпка Приваловъ берется за непосильную задачу.

Да,—отвѣчаетъ Маминъ всѣми своими произведеніями,—въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, при другихъ условіяхъ,—эта картина была бы вполне реальной. И Лоскутовъ былъ бы тамъ на своемъ мѣстѣ, и Кочетовъ, и Прозоровъ не спились бы съ кругу, и Галактионъ Колобовъ нашелъ бы другое приложеніе своимъ крупнымъ силамъ. Но не забывайте, что мы въ Россіи и притомъ на далекой окраинѣ, на границѣ съ Азіей, и, кажется, толкуемъ объ общественномъ переустройствѣ въ интересахъ общественной правды... Общество и здѣсь перестраивается, но только совсѣмъ въ другомъ направленіи. Въ глубинахъ народныхъ массъ идетъ страшная ломка вѣковыхъ устоевъ. На сибіу старому идетъ новое, буржуазное общество. Хищникъ—самая характерная фигура современнаго періода. Онъ-то и есть «настоящій» герой даннаго момента и властно хозяйничаетъ на всей исторической сценѣ. Въ обществѣ идетъ глухая, подземная работа, сортировка человѣческихъ головъ по ихъ силѣ, энергіи, способностямъ, талантамъ. Все, что чѣмъ-нибудь выдѣляется изъ однородной, сѣрой массы, стягивается подъ знамя капитала. Все сильное, талантливое, выдающееся, стихійно тянется сюда: здѣсь идетъ самая спѣшная, горячая работа; здѣсь сходятся всѣ нити и всѣ средства самаго крупнаго дѣла—кореннаго измѣненія общественнаго строя. Все остальное остается въ тѣни: невѣжественная, инертная, эксплуатируемая масса; разрозненный, сдавленный, только формирующійся рабочій классъ; нестройные, сбитые съ толку, разнохарактерные слои «культурныхъ одиночекъ», оттертые отъ жизни и дѣла. Изъ-за мечтательной, невзрачной фигурки Привалова невольно встаетъ крупная фигура мистика по неволѣ, Лоскутова и безъ словъ говорить, что онъ «родился не въ свое время, ему негдѣ развернуться», что настоящаго честнаго дѣла у насъ пока нѣтъ.

Идеалистическіе, если можно такъ выразиться, «программные» эле-

менты въ міровоззрѣніи Мамина слабо представлены. Все его міровоззрѣніе, если только я вѣрно его понялъ и вѣрно изложилъ, отрицаетъ, по крайней мѣрѣ, въ данный историческій моментъ, возможность честной общественной дѣятельности, направленной на коренное измѣненіе общественнаго строя. Въ согласіи съ этимъ стоитъ та осторожность, съ которой, повидимому, онъ относится къ нѣкоторымъ теоріямъ, циркулирующимъ въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества. Такъ, въ романѣ «Весеннія грозы» Мамину представлялся прекрасный случай нарисовать блестящую картину дѣятельности интеллигенціи въ чисто народническомъ духѣ. Уволенный гимназистъ и впоследствии народный учитель и вмѣстѣ съ тѣмъ сельскій хозяинъ и кузнецъ, попovichъ—Кубовъ,—эта оригинальная личность—могъ бы представить для него большой соблазнъ. Да и все общество—учительница, инспекторъ народныхъ школъ, священникъ, врачъ,—живущіе и работающіе въ деревнѣ, увлеченные этой жизнью и работой,—какую счастливую аркадію, какую идиллическую картину въ чисто народническомъ духѣ могъ бы нарисовать авторъ! Но онъ сохранилъ чувство дѣйствительности, чувство мѣры, и не увлекся фальшивой перспективой. Дѣйствующія лица—не доктринеры народники. Въ ихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности нѣтъ ничего специально-народническаго. Это просто «хорошіе» люди, которыхъ тяготитъ пустая и негѣлая жизнь глухого городка. Этимъ-то недовольствомъ, а не какими-нибудь вычитанными взглядами и объясняется ихъ тяга къ деревнѣ. Нѣкоторая идеализація, которую влагаетъ авторъ въ уста Кати, Огнева, Печаткина, Келькешова,—относится не къ деревнѣ и ея порядкамъ, а къ тому хорошему дѣлу, которое манитъ ихъ къ себѣ изъ душной атмосферы города. Такъ, Катя мечтаетъ, что тамъ, въ деревнѣ «все другое, новое, здоровое, хорошее», «тамъ настоящая жизнь, настоящіе интересы», «главное-то заключается въ деревенской Россіи». Но вмѣстѣ съ тѣмъ она знаетъ, что «тамъ и настоящее горе, настоящая нужда, настоящая жизнь», въ сравненіи съ которой «всѣ наши культурныя горести—круглый нуль». И вотъ эта кучка интеллигентныхъ «хорошихъ» людей и желаетъ пролить лучъ свѣта въ эту темную среду, Катя учитъ дѣтей и лѣчитъ больныхъ, Огневъ, инспекторъ народныхъ школъ, Печаткинъ, врачъ,—каждый дѣлаетъ свое «маленькое, хорошее дѣло», какъ справедливо называетъ ихъ дѣятельность авторъ. Ни о какихъ «устояхъ» деревни нѣтъ и помину. Даже Кубовъ ни о чемъ больше не мечтаетъ, какъ только «основать образцовое хозяйство, какъ живой примѣръ для крестьянъ». Дѣйствующія лица романа заняты скорѣе рѣшеніемъ своего личнаго вопроса, а не социальнаго. Даже тѣни социальнаго вопроса не проходятъ передъ ними.

Та же осторожность и въ другомъ романѣ Мамина «Безъ названія». Главное лицо романа Окоемовъ предлагаетъ интеллигентному пролетаріату, который «растетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ», и жизненный вопросъ котораго «въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ

сводится на простое неумѣнье добыть себѣ чернѣйшій кусокъ хлѣба», «здоровую и хорошую работу»,—устройство производительныхъ ассоціацій. «Наша компанія,—говоритъ онъ,—не рѣшеніе соціальнаго вопроса въ широкомъ смыслѣ этого слова, а только маленькій опытъ кучки людей, пожелавшихъ устроиться не по общему шаблону. Для меня лично самымъ дорогимъ было бы то, если бы наша компанія послужила примѣромъ для образованія другихъ». Это тоже «маленькое хорошее дѣло».

Но Окоемовъ вѣритъ, что изъ этого маленькаго дѣла вырастетъ въ свое время громадное дѣло, подготовленное мелкой, кропотливой работой многихъ людей. «Жита по зернышку, горы намошены», мечтаетъ Огневъ. Можетъ быть, и Маминъ за одно съ ними вѣритъ, что какъ ни мрачно настоящее, какъ ни ужасно прошедшее, но кое-гдѣ, какъ свѣтлыя точки среди глубокаго ночнаго мрака, попадаются хорошіе люди съ хорошими, хотя и маленькими дѣлами, и что изъ этихъ дѣлъ въ свое время вырастетъ настоящее большое честное дѣло, въ атмосферѣ котораго наши потомки будутъ счастливые насъ.

В. Альбовъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльама Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровою.

(Продолженіе *).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

IX.

— Мнѣ хотѣлось бы,—сказала Сюзета на другой день послѣ отъѣда Нортвика,—устроить небольшой вечеръ съ танцами на будущей недѣлѣ. Луиза можетъ пріѣхать къ намъ денька на два, а вечеръ назначимъ въ четвергъ. Мы уже составили списокъ гостей ихъ очень немного. Будетъ очень весело, какъ ты думаешь?

— Очень. А какъ ты думаешь, захочетъ придти мистеръ Уэдъ?—спросила Аделина.

Сюзета улыбнулась.

— Мнѣ кажется, онъ придетъ. Я не подумала о немъ, когда мы составляли этотъ списокъ, но я не вижу причины, почему бы ему не придти.

— Я знаю,—сказала Аделина,—папѣ будетъ пріятно видѣть у насъ мистера Уэда. Онъ его ужасно полюбилъ.

— Мистеръ Уэдъ премилый,—равнодушно отвѣчала Сюзета.—Мнѣ было бы жаль, еслибъ онъ не пришелъ.

Онѣ вышли изъ-за стола и отправились въ бібліотеку переговорить на досугѣ объ этомъ танцевальномъ вечерѣ. Сюзета чувствовала легкую дремоту отъ утомленія послѣ своей прогулки въ Бостонъ и вечера, проведеннаго большею частью на холодномъ воздухѣ. Отъ времени до времени она зѣвала и заявила, что пойдетъ спать. Затѣмъ разговорилась.

— Пригласишь ты кого-нибудь изъ Южнаго Гатборо?—спросила ея сестра.

— Миссисъ Мунгеръ со своими чадами и домочадцами?—сказала Сюзета съ легкой презрительной улыбкой.—Не думаю, чтобы она внесла что-

*) См. «Міръ Вожія», № 1, январь.

нибудь интересное въ нашъ кружокъ. — Затѣмъ прибавила совсѣмъ неожиданно: — Миѣ кажется, я пошлю приглашеніе Джэку Уилмингтону.

Аделина вздрогнула и пристально посмотрѣла на сестру. Но молодая дѣвушка продолжала съ совершенно непроницаемымъ видомъ:

— Семейство Гилари знаетъ его. Моттъ Гилари былъ съ нимъ очень друженъ одно время. Да притомъ, — прибавила она, точно теперь только замѣтивъ значеніе взгляда Аделины, — я не хочу, чтобы Луиза думала, что между нами есть хоть какое-нибудь недоразумѣніе или ссора.

Аделина вздохнула съ облегченіемъ.

— Слава Богу, что только это. Я всегда боюсь, что ты...

— Снова принужусь думать о немъ? Напрасно безпокоишься. Все бывшее прошло и бльемъ поросло.

— Нѣтъ, — продолжила она такимъ тономъ, который самъ за себя говоритъ, — каково бы ни было мое чувство къ нему и что бы оно ни сулило въ будущемъ, мистеръ Уилмингтонъ давно положилъ конецъ всему. Это былъ пустой капризъ съ моей стороны и ничѣмъ инымъ, я увѣрена, не могъ быть, если бы вопросъ былъ поставленъ категорически.

— Я рада, что тебѣ такъ кажется теперь, Сю, — сказала ей сестра, — но напрасно ты хочешь меня увѣрить, будто ты не была въ него страстно влюблена одно время. А если эта канитель опять начнется, то миѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ сюда не являлся.

Сюзета засмѣялась надъ тревогою старой дѣвы.

— Неужели ты воображаешь, что я такъ-таки упаду къ его ногамъ, прежде чѣмъ окончится вечеръ? Нѣтъ, миѣ бы хотѣлось увидѣть его у своихъ ногъ хоть на одно мгновеніе, чтобы выслушать объясненіе его поведенія.

— Не вѣрю я, чтобы онъ былъ способенъ на гадкій поступокъ — вскричала Аделина. — Онъ просто безхарактерный человекъ.

— Прекрасно. Миѣ бы хотѣлось знать, что можетъ сказать мужчина въ оправданіе своей безхарактерности; а затѣмъ я бы сказала ему, что у меня есть тоже своя маленькая слабость и что я недостаточна сильна, чтобы вынести мужа, поступки котораго требуютъ объясненія.

— Ахъ, ты еще любишь его! Ни за что на свѣтѣ не допущу я, чтобы онъ пришелъ сюда послѣ того, какъ обошелся съ тобою!

— Не будь дурочкой, Аделина. Что у тебя за романтическія сантиментальности! Если бы ты была влюблена хоть разъ въ жизни, то знала бы, что это также переживается, какъ и все остальное. Пойдемъ посмотрѣть, хороша ли будетъ наша гостиная для танцевъ?

Она вскочила со стула и нажала пуговку электрическаго звонка у камина.

— Ты думаешь, что увлеченіе кончается только со смерью, однако никто не женится на предметѣ своей первой любви, и пропасть женщинъ выходитъ замужъ второй разъ.

Лакей показался въ дверяхъ и она быстро отдала ему приказаніе: — Освѣтите гостиную, Джэмсъ, — затѣмъ вернулась къ своему разговору съ сестрою:—Нѣтъ, Аделина! Единственное, прочное, не умирающее чувство—презрѣніе. У *меня* его хватить на всю жизнь!

Аделина въ силу упрямой честности души и врожденной любви къ справедливости не могла не сказать:

— Не вѣрю, чтобы онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, Сю. Я увѣрена, онъ дѣйствовалъ только подъ вліяніемъ...

Сюзета расхохоталась безъ малѣйшей горечи.

— О, да *ты* въ него [влюблена! Ну, такъ, пожалуйста, возьми его себѣ, если только онъ когда-нибудь сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. А теперь пойдѣмъ взглянуть на гостиную.

Она подхватила Аделину за ея костлявую талію,—рука ея нащупывала каждое ребрышко,—и увлекла ее, танцую, изъ библіотеки черезъ корридоръ въ бѣлую залу съ позолотой.

— Да,—сказала она, окинувъ внимательнымъ взглядомъ роскошную комнату,—тутъ будетъ великолѣпно. Танцовать будемъ прелестно... Да, вечеръ удался отлично. Уфъ! уйдемъ, уйдемъ, уйдемъ отсюда скорѣе! Тутъ можно замерзнуть отъ холода!

Она побѣжала обратно въ теплую библіотеку, а сестра медленно послѣдовала за нею.

— А ты не думаешь,—замѣтила она, точно въ словахъ Сю что-то напомнило ей объ этомъ—что это будетъ черезчуръ скоро послѣ того, какъ маленькій мальчикъ миссисъ Ньютонъ...

— Ну, какъ это на тебя похоже, Аделина! Зачѣмъ ты объ этомъ вспомнила! Нѣтъ, конечно! вѣдь съ тѣхъ поръ пройдетъ почти цѣлая недѣля; да притомъ вѣдь онъ не родня намъ! Что за странныя мысли у тебя!

— Разумѣется, ты права,—согласилась ея сестра, сбитая съ толку презрительнымъ изумленіемъ Сю.

— Ужасно неприятно, что это случилось какъ разъ въ такое время!—сказала молодая дѣвушка, какъ бы раскаяваясь въ своей рѣзкости.—А когда его хоронять?

— Завтра, въ одиннадцать часовъ,—отвѣчала Аделина.

Она знала, что эгоизмъ Сю былъ скорѣе на словахъ; душой и сердцемъ она была несравненно добрѣе.

— Не безпокойся объ этомъ. Я скажу имъ, что ты нездорова, поэтому не можешь придти. Они поймутъ.

Она привыкла извиняться за Сюзету и эта материнская невинная выдумка, повидимому, ни крошки ее не смущала.

Х.

На другой день утромъ, прежде чѣмъ сестра ея встала, Аделина пошла къ конюшнямъ, въ домъ кучера. У входа въ него она увидѣла мать умершаго ребенка.

— Войдите! — рѣзко сказала эта женщина, широко распахнувъ двери.—Вы, вѣроятно, пришли узнать, не можете ли вы сдѣлать что-нибудь для меня; всѣ спрашиваютъ у меня объ этомъ. Ну, такъ я вамъ прямо скажу: ничего мнѣ не нужно, такъ какъ вамъ его не воскресить. Я сегодня утромъ работала какъ всегда, —прибавила она. Изъ кухни, откуда она вышла чтобы принять свою гостью, слышалось шипѣнье чего-то жаренаго.—Намъ надобно ѣсть; намъ надобно жить.

Жена фермера вышла изъ комнаты рядомъ, гдѣ лежало тѣло малютки. Она была въ шляпкѣ и шали, точно собиралась уйти домой послѣ ночи проведенной безъ сна.

— Я ей говорила, что ему лучше тамъ, куда онъ ушелъ,—сказала она,—но она, кажется, не въ состояніи понять отрадное значеніе этой увѣренности.

— Какъ можете вы знать, что тамъ ему лучше?—спросила мать, гнѣвно набросившись на нее.—Меня выводятъ изъ терпѣнія такія нелѣпности. Кто станетъ заботиться о ребенкѣ тамъ, куда онъ ушелъ, больше, чѣмъ о немъ заботилась его мать? Не говорите такихъ глупостей, миссисъ Саундерсъ! Вы ничего не понимаете въ этомъ, никто изъ васъ не понимаетъ. Я могу перенести свое горе, да, во мнѣ есть силы, чтобы твердо смотрѣть въ лицо смерти, но мнѣ не надо никакихъ *утѣшеній*. Вы хотите повидать Элбриджа, миссъ Нортвикъ? Онъ, кажется, въ той комнатѣ, гдѣ хранится упряжь. Ему также не надо напоминать объ этомъ, иначе онъ совсѣмъ съ ума сойдетъ. Вотъ что... утѣшеній онъ не въ состояніи вынести. Я знаю, мужчины не говорятъ другъ о другѣ такихъ вещей, потому что они ужасно глупы!

Миссисъ Саундерсъ сдѣлала миссъ Нортвикъ знакъ сожалѣнія, указавъ глазами на миссисъ Ньютонъ, и сказала, что едва ли послѣдняя отдастъ себѣ отчетъ въ своихъ рѣчахъ.

— Онъ все бранилъ меня, что я позволяла Арти бѣгать въ конюшню къ лошадямъ; но я знаю, онъ не сталъ бы беспокоиться черезчуръ по этому поводу...—сказала бѣдная мать. Вдругъ что-то въ лицѣ миссъ Нортвикъ, повидимому, остановило ея безумную рѣчь... Она спросила:

— Не позвать ли мнѣ его къ вамъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала Аделина,—я сама сейчасъ пройду къ нему.

Она знала дорогу изъ дома кучера въ конюшню. Она застала Элбриджа за смазываніемъ одной изъ принадлежностей конской сбруи. Онъ съ какимъ-то мрачнымъ вниманіемъ дѣлалъ свое дѣло и неохотно оставилъ его, чтобы взглянуть на нее.

— Элбриджъ,—спросила она,—вы отвозили отца на желѣзную дорогу вчера утромъ?

— Точно такъ, барышня.

— Сказалъ онъ вамъ когда вернется?

— Да, онъ говорилъ, что навѣрно не знаетъ когда. А я повялъ такъ—денька черезъ два.

— Не располагалъ-ли онъ побывать гдѣ-нибудь, кромѣ Понкуассета?

— Нѣтъ, барышня, мнѣ онъ ничего объ этомъ не говорилъ.

— Тутъ ошибка; разумѣется, я такъ и знала, что это ошибка. Вѣдь на свѣтѣ не одинъ Нортвикъ.

Она засмѣялась слегка истерическимъ смѣхомъ. Въ рукахъ у нея была газета, которая заколебалась отъ охватившей ее нервной дрожи.

— Что случилось, миссъ Нортвикъ?—спросилъ Элбриджъ; тревога, звучавшая въ ея голосѣ, нашла откликъ въ тревогѣ его собственнаго сердца. Онъ остановился, мазнувъ жирною губкой построжку, что держалъ въ рукѣ, и круто обернулся къ ней.

— О, ничего. На соединительной и главной линіяхъ желѣзной дороги случилось несчастіе... разумѣется, тутъ ошибка.

Она протянула ему газету свернутую на столбцѣ, который она хотѣла ему показать, онъ взялъ ее кончиками пальцевъ чтобы какъ можно меньше ее запачкать, и сталъ читать. Она продолжала говорить.

— Онъ не могъ быть на этомъ поѣздѣ, если былъ въ Понкуассетѣ. Мнѣ подали газету, какъ только я сошла внизъ; но я прочитала отчетъ объ этомъ только теперь. А затѣмъ я подумала, пойду и узнаю, что сказали вамъ отецъ о своей поѣздкѣ. Онъ говорилъ намъ, что бываетъ также на заводѣ и...

Голосъ ея становился все болѣе и болѣе задумчивымъ и вдругъ оборвался: она словно окаменѣла, замѣтивъ безконечно пораженный видъ Элбриджа, пробѣжавшаго полстолбца сенсационныхъ заглавій, а затѣмъ прочитавшаго ниже скудныя подробности депеши съ добавленіями въ двойной передовицѣ.

Было напечатано, что курьерскій поѣздъ Сѣверной дороги пришелъ на станцію Уэлутеръ, гдѣ скрещиваются Союзная и Главная линіи, съ опоздавіемъ на нѣсколько часовъ и, простоявъ здѣсь, по обыкновенію соединился съ Бостонскимъ поѣздомъ, отправлявшимся на Монреаль, въ Соединенные Штаты и Канаду, затѣмъ, выйдя со станціи Уэлутеръ, поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. «Страшно натопленная печь поработала» при крушеніи и много людей погибло отъ пожара, особенно въ вагонѣ-гостиной. Невозможно было дать полный списокъ убитыхъ и раненыхъ, но личность нѣсколькихъ тѣлъ могла быть установлена. Въ числѣ именъ пассажировъ, занимавшихъ вагонъ Пулмана, значилось имя Т. У. Нортвика изъ депеши, полученной кондукторомъ въ Уэлутерѣ, въ которой заключалась просьба удержать мѣсто у этого пункта въ Монреаль.

— Не онъ это, я знаю, что не онъ, миссъ Нортвикъ,—сказалъ Элбриджъ. Прежде чѣмъ возвратить ей газету, онъ еще разъ пробѣжалъ ее.—Пропастъ людей носить одну и ту же фамилію, это меня ничуть не заботитъ, да и первая двѣ буквы имени не его.

— Нѣтъ,—промолвила она въ раздумьи;—но мнѣ непріятно, что фамилія одна и та же.

*

— Ну ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь. А такъ какъ начальныя буквы имени не его, притомъ вы знаете, что вашъ отецъ здоровъ и невредимъ на заводѣ, то и беспокоиться вамъ не слѣдуетъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Аделина.—Вы хорошо помните, что онъ говорилъ вамъ о поѣздѣ на заводъ?

— Да вѣдь онъ же сказалъ вамъ объ этомъ? Мнѣ не вспомнить, что именно онъ сказалъ мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ насчетъ той записки, что оставилъ для меня, въ которую были вложены деньги для похоронъ...

Элбриджъ остановился на минуту; потомъ продолжалъ:

— Онъ сказалъ, что пришлетъ телеграмму, съ какимъ поѣздомъ мнѣ его встрѣтить... Да что же это я, чортъ побери! Должно, я совсѣмъ съ ума спятилъ. Мы можемъ рѣшить въ какіе-нибудь полчаса времени... по большей мѣрѣ въ часъ, либо въ два... и нечего вовсе беспокоиться. Телеграфирую на заводъ и узнаю, тамъ онъ или нѣтъ.

Онъ бросилъ сбрую, подошелъ къ телефону и вызвалъ къ аппарату телефонистку станціи Западной Союзной линіи. По обыкновенію, послѣ повторенныхъ усилій дать ей понять, кто онъ и что ему надо отъ нея, ему наконецъ удалось передать ей депешу въ Понкуассетъ, въ которой онъ спрашивалъ: находился ли Нортвикъ на заводѣ?

— Сдѣлано!—сказалъ онъ.—Я увѣренъ, что такимъ манеромъ мы узнаемъ, что все благополучно. И я самъ принесу вамъ отвѣтъ, миссъ Нортвикъ.

— Какъ я зла на себя, что безпокою васъ своими глупыми страхами, когда...

— Пожалуйста, не огорчайте себя,—успокоилъ ее Элбриджъ.—Кажется, если бы весь міръ сгорѣлъ, и то хуже не будетъ для меня.

Она постояла и прибавила:

— Не знаю, зачѣмъ бы ему понадобилось быть на этомъ поѣздѣ, а вы что думаете объ этомъ?

— Нѣтъ, его тамъ совсѣмъ не было. Вы узнаете это.

— Пойдутъ непріятные толки и пересуды,—сказала она. Несостоятельность серьезной тревоги вызвала безпокойныя мысли меньшей важности.—Всѣ начнутъ ломать себѣ голову, не объ отцѣ ли тутъ рѣчь, и намъ придется ихъ разувѣрять.

— Ну такъ что жъ, вѣдь куда хуже было бы сказать имъ, что это онъ,—возразилъ Элбриджъ, возвращаясь къ своей врожденной сухости обращенія.

— Правда,—согласилась Аделина.—Не говорите никому объ этомъ, пока не узнаете всего.

Онъ не отвѣтилъ ей ни слова и она знала, что это было знакомъ его повиновенія. Она спрятала газету въ карманъ, точно желая скрыть отъ всего остального міра извѣстіе, заключавшееся въ ней.

Она не будила Сюзетты, давъ ей проспать до поздняго утра послѣ утомительно проведеннаго дня въ Бостонѣ и волненій, вызванныхъ ихъ

вечернимъ разговоромъ, которыя,—она догадывалась,—помѣшали молодой дѣвушкѣ заснуть во-время. Сочувственное невѣріе Элбриджа утѣшило и ободрило—если не убѣдило—ее, и она, насколько это было для нея возможно, терпѣливо ждала отвѣта съ завода: Если отецъ ея тамъ, все обстоитъ благополучно. Не было ни малѣйшаго основанія предполагать, что онъ находился въ этомъ поѣздѣ; не могло быть у ея отца ничего общаго съ этимъ Т. У. Нортвикомъ въ сгорѣвшемъ вагонѣ. Вѣдь это не его имя и не то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ находиться.

XI.

Произошла какая-то задержка въ телеграфномъ и телефонномъ общеніи между Гатборо и Понкуассетомъ и Аделинѣ пришлось пойти на похороны, не получивъ отвѣта на телеграмму, отправленную Элбриджемъ. Подъ наружнымъ участіемъ къ погребальной процессіи и къ огорченнымъ родителямъ умершаго ребенка она внутренно терзалась попеременно надеждой и страхомъ; ее осаждали тревожныя сомнѣнія, безпрестанно отвергаемыя ею путемъ разсудочныхъ доказательствъ; она увѣряла себя въ негѣпости своихъ опасеній и черезъ минуту теряла эту самоувѣренность. Двойное напряженіе такъ сильно росхатало ея измученные нервы, что по окончаніи печальнаго обряда она послала пастору записку и жалобно попросила его поѣхать съ нею домой.

— Вы, кажется, нездоровы, миссъ Нортвикъ?—спросилъ онъ, взглянувъ въ ея смущенное лицо и усаживаясь возлѣ нея въ крытыя сани.

— О, да,—отвѣчала она, и, откинувшись на подушку, зарыдала.

— Горе бѣдной миссъ Ньютонъ очень тяжело видѣть,—сказалъ онъ мягко со своей обычной ясной улыбкой; затѣмъ прибавилъ, словно желая отвлечь сочувствіе миссъ Нортвикъ отъ меньшаго огорченія, которое мы испытываемъ къ горю своихъ ближнихъ, къ горю вообще:

— Это былъ для нея ужасный ударъ... такъ неожиданно потерять своего единственнаго ребенка.

— Охъ, я не объ этомъ...—откровенно призналась Аделина.—Читали ли вы... утреннюю газету?

— Ее подали мнѣ,—отвѣчалъ пасторъ,—но въ виду предстоящей мнѣ обязанности, я отложилъ ея чтеніе. Развѣ тамъ есть что-нибудь особенное?

— Нѣтъ, ничего. Только... только...

Аделина была не въ силахъ разстаться съ ужаснымъ листкомъ и вынула его изъ бокового кармана экипажа.

— На желѣзной дорогѣ произошло несчастье,—начала она увѣреннымъ голосомъ, но усилія сложили ее.—Я хотѣла, чтобы вы прочитали... прочитали...

Она смолкла и протянула ему газету.

Онъ взялъ ее, прѣбѣжалъ отчетъ объ этомъ желѣзнодорожномъ случаѣ и тотчасъ же приступилъ къ мучившему ее вопросу, что само по себѣ было въ нѣкоторомъ родѣ успокоивіемъ.

— Да развѣ у васъ есть какое-нибудь основаніе думать, что вашъ отецъ былъ въ этомъ поѣздѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчала она, ободренная его словами,—вотъ въ этомъ-то и заключается необъяснимая сторона случившагося. Вчера утромъ онъ отправился на заводъ и никоимъ образомъ не могъ попасть на этотъ поѣздъ. Только имя...

— Это совсѣмъ не его имя,—замѣтилъ Уэдъ съ кроткимъ спокойствіемъ, какъ бы не допуская даже возможности такого смѣшенія.

— Нѣтъ,—сказала Аделина, страстно хватаясь за эти утѣшительныя слова,—я увѣрена, что онъ на заводѣ. Элбриджъ послалъ телеграмму узнать, тамъ ли онъ, но, должно быть, что-нибудь случилось съ телеграфомъ. Мы не получили отвѣта до похоронъ; по крайней мѣрѣ, онъ не принесъ мнѣ отвѣта. И мнѣ ужасно неприятно обращаться къ нему послѣ...

— Вѣроятно, онъ еще не получилъ отвѣта,—сказалъ пасторъ успокоительнымъ тономъ,—а когда нѣтъ извѣстій, вы знаете, это хороший признакъ. Но не лучше ли вамъ прямо проѣхать на станцію и узнать, не было ли отвѣтной телеграммы...

— О, нѣтъ, я не могу!—нервно вскричала Аделина.—Отвѣтъ пришлютъ по телефону Элбриджу. Пожалуйста, если у васъ нѣтъ спѣшныхъ занятій, поѣдемъ къ намъ; оставьтесь у насъ пока...

— О, съ большимъ удовольствіемъ!

Дорогою молодой пасторъ заговорилъ съ нею объ этомъ несчастномъ происшествіи. Онъ не увѣрялъ, что отцу ея было невозможно находиться въ этомъ поѣздѣ, но настоятельно доказывалъ крайнюю невѣроятность такого факта. Элбриджъ быстро проѣхалъ съ женою мимо нихъ въ крытыхъ санкахъ Симпсона, которыя по приказанію Аделины были предоставлены въ ихъ распоряженіе въ день похоронъ. А когда она вошла въ домъ, Элбриджъ уже ждалъ ее здѣсь. Онъ сразу заговорилъ:

— Миссъ Нортвикъ, я думаю только, что отца вашего что-нибудь задержало въ Спрингфилдѣ. Онъ говорилъ со мною на прошлой недѣлѣ насчетъ тамошнихъ лошадей...

— Развѣ онъ не на заводѣ?—рѣзко спросила она.

Элбриджъ перевернулъ въ рукѣ шляпу, прежде чѣмъ рѣшился взглянуть на нее.

— Ну, да, его тамъ не было, только...

Аделина не произнесла ни единого звука и упала на полъ, какъ падаетъ водяной столбъ.

Послѣдовавшій затѣмъ смѣшанный шумъ движенія и голосовъ привлекъ Сюзету, сидѣвшую въ библіотекѣ. Она подошла къ дверямъ

съ книгою въ рукѣ и съ удивленіемъ заглянула въ переднюю, гдѣ произошла вышеописанная сцена.

— Что такое случилось?—спросила она съ изумленіемъ при видѣ Элбриджа, поднимавшаго что-то съ полу.

— Не пугайтесь, миссъ Сюзета,—сказалъ мистеръ Уэдъ,—съ вашей сестрой, кажется, легкій обморокъ и...

— Здѣсь ужасная духота!—вскричала молодая дѣвушка, подбѣжавъ къ двери и распахнувъ ее настежь.—Я задыхаюсь, когда вхожу сюда съ свѣжаго воздуха. Сейчасъ я принесу воды.—Она исчезла и въ одно мгновеніе вернулась назадъ; она наклонилась надъ Аделиной, чтобы смочить ей лобъ и виски. Струя свѣжаго воздуха понемногу оживила ее. Она открыла глаза, а Сюзета строго сказала:

— Что это съ тобой приключилось, Аделина?

Такъ какъ Аделина не отвѣчала, Сюзета продолжала:

— Мнѣ кажется, она еще не пришла въ себя. Перенесемъ ее въ бібліотеку на кушетку.

Соединенными усиліями она и молодой пасторъ подняли и перенесли Аделину на кушетку. Сюзета приказала Элбриджу, безпомощно торчавшему тутъ же, позвать кого-нибудь изъ женской прислуги. Онъ послалъ горничную и больше не возвращался.

Аделина не сводила глазъ съ сестры, точно страхась ее. Когда она оправилась настолько, что могла заговорить, она обратила глаза свои на пастора и сказала ему сухимъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Скажите ей.

— Сестра ваша немного испугалась,—началъ онъ, глядя своими кроткими глазами въ глаза молодой дѣвушки; онъ продолжалъ наносить ей боль, какую должны причинять священники и врачи.

— Въ утренней газетѣ напечатанъ отчетъ о несчастіи, случившемся на желѣзной дорогѣ, и между пассажирами... погибшими... былъ одинъ, по имени Нортвикъ...

— Но, вѣдь, папа на заводѣ!

— Сестра ваша телеграфировала передъ похоронами для своего успокоенія... и получился отвѣтъ, что его... нѣтъ тамъ.

— Гдѣ газета?—спросила Сюзета, съ какимъ-то надменнымъ недоумѣніемъ.

Сюзета взяла ее и отошла съ нею къ одному изъ оконъ. Она стоя читала отчетъ о происшествіи, а сестра ея наблюдала за нею, дрожа отъ страстнаго ожиданія ея поддержки

— Какая негѣпость! Это не папино имя, да и не могъ онъ быть въ этомъ поѣздѣ. Зачѣмъ бы понадобилось ему ѣхать въ Монреаль въ это время года, желала бы я знать? Это просто смѣшно!

Сюзета бросила газету на полъ и вернулась къ нимъ обнимъ.

— Я считалъ это крайне невѣроятнымъ...—началъ было Уэдъ.

— Но гдѣ же могъ онъ находиться,—слабо замѣтила Аделина,—если его не было на заводѣ?

— Вездѣ, гдѣ угодно, исключая Уэлутэрской станціи, — презрительно отвѣчала Сюзета. — Можетъ быть, онъ остановился въ Спрингфильдѣ или...

— Да, — согласилась Аделина, — то же самое подумалъ и Элбриджъ.

— Или можетъ быть онъ проѣхалъ на станцію Уилугби.

— Правда, — сказала она позволяя себѣ немного ободриться, — вѣдь, онъ говорилъ, что хочетъ продать свою часть въ тамошнихъ каменоломняхъ и...

— Разумѣется, онъ тамъ, — рѣшительно объявила Сюзета. — Если бы онъ поѣхалъ куда нибудь дальше, онъ извѣстилъ бы насъ объ этомъ телеграммой. Онъ всегда былъ очень внимателенъ къ намъ. Я ни крошечки не беспокоюсь, совѣтую и тебѣ, Аделина, не разстраивать себя по-пусту. Когда прочитала ты эту газету?

— Когда сошла внизъ къ утреннему завтраку, — спокойно отвѣчала Аделина.

— И я увѣрена, ты ничего не ѣла до сихъ поръ?

Молчаніе Аделины послужило признаніемъ.

— Вотъ что я думаю, намъ всѣмъ теперь надобно *закусить*, — рѣшила Сюзета.

Она подошла къ камину и нажала пуговку звонка.

— Вы позавтракаете съ нами, мистеръ Уэдъ, не правда ли? Дайте намъ сейчасъ же закусить, Джэмсъ, — приказала она лакею, явившемуся на звонокъ. — Разумѣется, вы должны остаться, мистеръ Уэдъ, и помочь Аделинѣ прійти въ себя.

Она снова прикоснулась къ звонку, а когда показался лакей — «сани мои, Джэмсъ, немедленно», — приказала она.

— Я отвезу васъ домой, мистеръ Уэдъ, по пути на станцію. Разумѣется, я не хочу оставить ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ этого глупаго переполоха. Я думаю, нетрудно узнать, гдѣ папа. Гдѣ этотъ желѣзнодорожный путеводитель? Вѣроятно, папа унесъ его къ себѣ наверхъ.

Она убѣжала наверхъ и вернулась съ книгой въ рукѣ.

— Теперь посмотримъ. По моему, онъ не могъ застать ни одного поѣзда въ Спрингфильдѣ, гдѣ ему пришлось бы пересѣсть на другую линію, чтобы проѣхать на заводъ, и такимъ образомъ ему пришлось бы миновать станцію скрещенія дорогъ въ этотъ часъ прошлой ночью. Курьерскій поѣздъ приходитъ изъ Бостона...

Она остановилась и пробѣжала расписаніе поѣздовъ.

— Ну, онъ могъ застать тотъ поѣздъ, который соединяется съ бостонскимъ на станціи скрещиванія дорогъ. Но это предположеніе вовсе не доказываетъ, что онъ это сдѣлалъ.

Она продолжала говорить, осмѣивая малѣйшій намекъ на такую мысль, и вдругъ опять позвонила лакею.

— Развѣ еще не готовъ завтракъ? — рѣзко спросила она. — Въ та-

комъ случаѣ подайте чай сюда. Я еще разъ телеграфирую на заводъ и пошлю телеграмму мистеру Гилари въ Бостонъ. Ему будетъ извѣстно, если папа уѣхалъ куда-нибудь далѣе. Позавчера у нихъ было собраніе совѣта, и папа отправился на заводъ неожиданно. Я пошлю также депешу на Понкуассетскую соединительную станцію. Можешь быть спокойна, Аделина, я не вернусь домой, пока не узнаю чего-нибудь достовѣрнаго.

Принесли чай, и Сюзета сама передавала чашки; ни разу нервы не измѣнили ей, руки ея не дрожали. Но она ужасно торопилась и при звукѣ саночныхъ бубенчиковъ поставила на столъ свою чашку, не прикоснувшись къ ней.

— Охъ, неужели ты хочешь увести мистера Уэда?—спрашивала Аделина слабымъ голосомъ.—Останьтесь, пока она вернется!—обратилась она къ нему съ мольбой.

Сюзета съ минуту была въ нерѣшительности, затѣмъ взглянувъ на мистера Уэда рѣзко засмѣялась.

— Хорошо!—сказала она.

Она побѣжала въ переднюю и наверхъ, и черезъ минуту они снова услышали ея шаги внизу. Наружная дверь захлопнулась за нею и затѣмъ зазвенѣли бубенчики отъѣзжавшихъ саней.

За завтракомъ старшая сестра немного оправилась и ѣла, какъ человѣкъ, на время сбросившій съ себя бремя тяжелаго волненія.

— Сестра ваша очень энергичный человѣкъ, — сказалъ пасторъ, повидимому, слегка смущенный этимъ запасомъ энергіи.

— Она ни за что бы не показала, что беспокоится. Но я отлично знаю, что она встревожена, по той манерѣ, какъ она говорила и каждую минуту за что-нибудь хваталась. А теперь, если бы она не отправилась телеграфировать, она бы... Я не должна задерживать васъ здѣсь долѣе, мистеръ Уэдъ,—прервала она вдругъ самое себя, ощутивъ ту физическую силу, которую придала ей пища. — Въ самомъ дѣлѣ, я не должна этого дѣлать. Не слѣдуетъ вамъ беспокоиться обо мнѣ. Я теперь буду молодцомъ. Да, буду!

Она просила его оставить ее, но онъ ясно видѣлъ, что, въ дѣйствительности она вовсе не желала, чтобы онъ ушелъ, и только почти черезъ часъ послѣ отъѣзда Сюзеты онъ ушелъ изъ ихъ дома. Онъ не хотѣлъ, чтобы она приказала отвезти его домой, и пѣшкомъ прошелся по деревни въ этотъ тихій, солнечный, холодный, зимній день. Онъ шелъ и думалъ о тонѣ презрѣнія, съ которымъ эта молодая дѣвушка отвергла всякую мысль о томъ, что ее могло коснуться несчастіе, считая эту мысль чѣмъ-то заслуживающимъ гнѣва и осмѣянія. Казалось, будто она пошла прослѣдить бѣду у ея источника и «помѣряться» съ нею тамъ; растоптать самонадѣянную молву и уничтожить ее.

Не успѣлъ онъ дойти до вершины холмовъ, за которою лежала деревня, какъ услышалъ звяканіе бубенчиковъ. Показались сани, запря-

женные парой. Лошади мчались прямо на него, слегка сдерживая свой бѣгъ тѣмъ красивымъ вскидываніемъ копытъ, которое вы можете уловить только при такой неожиданной встрѣчѣ. Онъ отступилъ на боковую тропинку и услышалъ голосъ миссъ Сю Нортвикъ. Она крикнула на лошадей и, подобравъ возжи, остановила ихъ. Она такъ же страстно любила лошадей, какъ ее отецъ, и эта пара маленькихъ сѣрыхъ лошадокъ вмѣстѣ съ красивыми саями были его подаркомъ. Человѣкъ, отвозившій ее на станцію, сидѣлъ позади экипажа. Въ саяхъ возлѣ Сюзеты сидѣла другая молодая лэди, которая протянула мистеру Уэду руку поверхъ блестящей медвѣжьей полости съ самымъ пріятливымъ видомъ. Она засмѣялась, замѣтивъ его удивленіе при видѣ ея. Пока они говорили, сѣрыя лошади, съ коротко подстриженными хвостами и гривой, нетерпѣливо подымали и опускали свои переднія копыта въ снѣгъ, словно ощупывая его. Онѣ вбирали свѣжій воздухъ широкораздутыми ноздрями и выпускали его клубами бѣлаго пара.

Сюзета объяснила присутствіе своей подруги въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Луиза прочитала разсказъ объ этомъ приключеніи и попросила своего брата привезти ее сюда. Они думаютъ то же, что и я,—что все это пустяки. Въ одной изъ газетъ стоитъ имя «Нордекъ». Но мы оставили мистера Гилари на станціи; онъ привелъ въ дѣйствіе телеграфъ и телефонъ по всѣмъ направленіямъ и не прекратитъ своихъ разспросовъ, пока не добьется чего-нибудь положительнаго. Теперь онъ обратился въ Уэллутэръ.

Все это она высказала очень надменнымъ тономъ, но затѣмъ прибавила:

— Одного я не могу понять, почему моего папы не было на заводѣ? Вчера кто-то справлялся тамъ о немъ.

— Вѣроятно, онъ пріѣхалъ на станцію Уилугби, какъ вы полагали.

— Разумѣется, онъ поѣхалъ туда,—сказала Луиза.—Мы еще не получили отвѣта оттуда.

— О, я ни крошечки не беспокоюсь,—увѣряла Сю,—но, конечно, это можетъ вывести изъ терпѣнія.

Она приподняла возжи.

— Я спѣшу домой, чтобы разсказать все Аделинѣ.

— Она будетъ очень рада,—отвѣчалъ Уэдъ, точно увѣренный заранѣе, что она принесетъ съ собою добрыя вѣсти.—Я, кажется, пройду къ Матту на станцію,—обратился онъ къ Луизѣ.

— Пожалуйста!—отвѣчала она.—Навѣрно, вы оба придумаете что-нибудь хорошенькое. Маттъ будетъ такъ же радъ вашему приходу, какъ моему отъѣзду. Мы пріѣхали сюда, дума успокоить Сю, но, повидимому, я здѣсь совершенно лишняя.

— Ты можешь успокоить Аделину,—возразила Сю. Затѣмъ она

прибавила, обратившись къ Уэду,—я все думаю, какъ моему папѣ будетъ непріятенъ весь этотъ шумъ и гамъ по поводу его личности. По временамъ я сержусь на Аделину. Прощайте!

Отъѣхавъ немного, она подозвала его снова и остановила лошадей.

— Не зайдете ли къ намъ съ мистеромъ Гилари, когда узнаете что-нибудь достовѣрное?

Уэдъ обѣщалъ зайти и они еще разъ обмѣнялись прощальными привѣтствіями съ бодрымъ, рѣшительнымъ видомъ.

XII.

Исторія эта смѣшивалась съ воспоминаніемъ о чаѣ и завтракѣ и теперь вызывала мысль о веселомъ возвращеніи въ домъ Нортвика и о нѣсколькихъ новыхъ часахъ въ этомъ пріятномъ обществѣ милыхъ и умныхъ женщинъ, которое Уэдъ любилъ почти такъ же сильно, какъ любилъ правду Божію. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть такая неизбѣжная вещь, какъ смерть; онъ уже нерѣдко глядѣлъ въ ея странное, спокойное лицо; онъ даже сегодня стоялъ у свѣже разрытой могилы. Но въ эту минуту его молодость отрицала власть смерти совершенно и онъ несся по тяжелой дорогѣ, думая о гордой красотѣ Сюзеты Нортвикъ и о прелестномъ личикѣ Луизы Гилари. Какъ это было похоже на нее, прійти сейчасъ же къ своей подругѣ въ минуту этой мучительной тревоги. Онъ вѣрилъ, что она найдетъ въ себѣ силу, которая поможетъ ей перенести самое худшее, то худшее, что казалось теперь такимъ далекимъ и невѣроятнымъ.

Онъ не засталъ Матта Гилари на станціи. Но быстро пройдя вплоть до наружной платформы, Уэдъ замѣтилъ его неподалеку отъ нея, между двумя рельсами: Маттъ Гилари внимательнымъ взоромъ слѣдилъ за группою рабочихъ, которые были заняты укладкою новыхъ рельсовъ вмѣсто испортившихся.

— Маттъ! — позвалъ его Уэдъ; Маттъ обернулся и отвѣтилъ: «А, это ты, Кариль!»—протянулъ ему разсѣянно руку, а самъ продолжалъ улыбаясь смотрѣть на рабочихъ. Нѣсколько человекъ держали рельсы въ надлежащемъ положеніи, а одинъ изъ нихъ вколачивалъ гвозди для прикрѣпленія рельса къ шпалѣ. Онъ вбивалъ гвозди съ изящной аккуратностью широкими, смѣлыми, равномерными взмахами своего молотка.

— Превосходно! Не правда ли? — сказалъ Маттъ.—Всякій разъ, какъ мнѣ приходится наблюдать ручной трудъ, даже тѣ его виды, которые низведены на степень животной силы и деморализованы благодаря ихъ ассоціаціи съ машинами, я думаю, насколько еще мало у искусствъ необходимыхъ способовъ и орудій. Если бы какой-нибудь скульпторъ могъ этимъ проникнуться, какой бы великогѣпный барельефъ онъ могъ создать!

Онъ отвернулся, чтобы снова наблюдать рабочихъ: въ разнообразіи ихъ небрежныхъ позъ, въ сосредоточенномъ вниманіи, съ которымъ они дѣлали свое дѣло, несмотря на ихъ грубую одежду, чувствовались красота и грація, облагораживавшія эту картину тяжелого труда.

Когда Маттъ, наконецъ, повернулся къ своему другу, лицо его освѣтилось ясною улыбкою. Уэдъ, знавшій его уравновѣшенный умъ и его философскія воззрѣнія, былъ введенъ въ заблужденіе этимъ паружнымъ спокойствіемъ.

— Итакъ ты не раздѣляешь тревожныхъ сомнѣній миссъ Нортвикъ насчетъ ея отца?—началъ онъ, словно Маттъ былъ занятъ именно этимъ дѣломъ и уже успѣлъ высказать ему, почему оно не внушаетъ ему безпокойства.—Узналъ ты уже что-нибудь? Да нѣтъ, разумѣется ты ничего не знаешь, иначе...

Маттъ прервалъ его и заглянулъ ему въ лицо, опустивъ глаза, такъ какъ былъ гораздо выше его, съ какою-то сдержанною веселостью.

— А что извѣстно тебѣ относительно отца миссъ Нортвикъ?

— Очень мало... въ сущности ничего кромѣ того, что мнѣ дали прочесть въ утренней газетѣ она и сестра ея. Я знаю, онѣ ужасно безпокоятся о немъ; я только что встрѣтилъ миссъ Сюзету и твою сестру. Онѣ сказали мнѣ, что я застаю тебя на станціи.

Маттъ снова началъ свою прогулку.

— Не можетъ быть, чтобы ты не слышалъ какихъ-нибудь толковъ со стороны. Я ушелъ со станціи во избѣжаніе надоѣдливыхъ разспросовъ. Тутъ узнали какимъ-то манеромъ, что молодые леди поручили мнѣ телеграфировать. Я подумалъ, что публика оставитъ меня въ покоѣ, если я выйду пройтись.

Онъ взялъ Уэда подъ руку и провелъ его по рельсамъ въ улицу, гдѣ Эльбриджъ прохаживалъ своихъ лошадей въ тотъ вечеръ, когда прѣхалъ за Нортвикомъ.

— Я сказалъ, чтобы за мною пришли, если получится какой-нибудь отвѣтъ; я подожду здѣсь гдѣ-нибудь на виду... Не странное ли объясненіе въ данномъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—что относительно каждаго человѣка, занимающаго положеніе довѣреннаго лица въ коммерческомъ мірѣ, личность котораго не можетъ быть удостовѣрена черезъ двадцать четыре часа послѣ того, какъ онъ уѣхалъ изъ дому, составляется предположеніе на дѣловой подкладкѣ, что онъ бѣжалъ съ деньгами, не принадлежащими ему?

— Что хочешь ты этимъ сказать, Маттъ?

— Я хочу сказать, что въ Гатбаро, повидимому, всѣ думаютъ, что Нортвикъ отправился въ Каваду на поѣздѣ, гдѣ произошло крушеніе.

— Ужасно, ужасно!—повторилъ Уэдъ.—А изъ чего ты заключаешь, что думаютъ именно это?

— На станціи начались эти толки и пересуды въ ту минуту, какъ

уѣхала миссъ Нортвикъ; еще не знали, что я остался здѣсь, вмѣсто нея. Кажется, не найти бы ни одного человѣка изъ тѣхъ, кто здѣсь былъ, который не вѣрилъ бы всего своего состоянія Нортвику; всѣ они навѣрное разбогатѣли бы, позаботясь Нортвикъ какъ должно объ ихъ интересахъ. Я слышалъ рѣчи въ этомъ родѣ прежде, чѣмъ изъ уваженія ко мнѣ люди эти прикусили свой языкъ. Однако, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что они считаютъ его скрывшимся банкротомъ.

— Это ужасно,—печально сказалъ Уэдъ.—Боюсь, что ты правъ. Эти случаи стали такимъ зауряднымъ явленіемъ, что люди склонны подозрѣвать безъ всякаго...

Но какъ разъ на этомъ словѣ Маттъ поднялъ голову, выйдя изъ задумчивости, въ которую, повидимому, погрузился.

— Ты часто видался съ этимъ семействомъ зимою?

— Да, довольно часто,—отвѣчалъ Уэдъ.—Сестры не состоятъ членами церкви, но исправно посѣщали церковную службу, и я часто бывалъ у нихъ въ домѣ. Онѣ, кажется, очень любятъ уединеніе. У нихъ очень мало общаго съ жителями южнаго Гатборо и никакой связи со здѣшними поселянами. Я не знаю, почему онѣ всю зиму провели здѣсь. Разумѣется, отъ сплетенъ не уберешься. Въ южномъ Гатборо кумушки увѣряютъ, будто миссъ Сюзета хотѣла опять видѣться съ молодымъ Уилмингтономъ и что она-то и удержала своихъ здѣсь. Но я рѣшительно не вѣрю такому предположенію.

— Отъ него вѣтъ деревенскою безыскусственностью понятій,—замѣтилъ Маттъ.—Но если Джэкъ Уилмингтонъ когда-нибудь серьезно любилъ эту дѣвушку, теперь ему представляется возможность показать себя мужчиной и защитить ее отъ нареканій.

Что то въ тонѣ Матта заставило Уэда остановиться и спросить:

— Что ты хочешь сказать, Маттъ? Неужели, кромѣ...

— Да.

Маттъ снова подхватилъ своего друга подъ руку и упрямо потащилъ его впередъ, заставляя его идти, несмотря на его невольное стремленіе останавливаться на каждомъ шагу, причемъ онъ пытался привести какія-нибудь доказательства противъ правдоподобныхъ словъ Матта, но языкъ его какъ-то не подчинялся ему.

— Я хочу сказать, что люди эти правы въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Правы?

— Мой милый Карилъ, что Нортвикъ неоплатный должникъ общества на громадную сумму—несомнѣнная истина. Это открылось на собраніи директоровъ общества въ понедѣльникъ. Онъ сознался въ этомъ, такъ какъ не могъ отрицать факта въ виду доказательствъ приведенныхъ противъ него, и ему дали нѣсколько льготныхъ дней, чтобы онъ могъ пополнить утаенныя имъ суммы. Его оставили на свободѣ, прожившись на его честное слово: это было въ дѣйствительности лучшее и благоразумнѣйшее, а такъ же наиболѣе снисходительное изъ всѣхъ

мѣропріятій; онъ, разумѣется, нарушилъ свое слово и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ. Отецъ рассказалъ мнѣ всю исторію его расстрата тотчасъ же послѣ собранія. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Боже милостивый!—вскричалъ Уэдъ, окончательно лишенный точки опоры, чтобы оспаривать фактъ, который все еще оставался для него загадкою.—И ты считаешь возможнымъ... неужели ты полагаешь... думаешь... что именно онъ находился въ этомъ сгорѣвшемъ вагонѣ? Какая роковая судьба!

— Я думалъ о моемъ бѣдномъ отцѣ,—отвѣчалъ Маттъ.—Онъ сказалъ вѣскольکو рѣзкостей этому злополучному человѣку на собраніи совѣта... назвалъ его воромъ и, по всей вѣроятности, наговорилъ ему много другихъ обидныхъ вещей... и сказалъ ему, что несчастный желѣзнодорожный случай по дорогѣ домой былъ бы для него лучшимъ исходомъ въ его положеніи.

— А!

— Понимаешь? Когда онъ прочиталъ въ сегодняшней утренней газетѣ объ этомъ несчастіи, когда увидалъ въ числѣ жертвъ имя, такъ близко напоминающее имя Нортвика, онъ былъ, разумѣется, ужасно пораженъ. Ему показалось, будто онъ какимъ-то образомъ являлся виновникомъ его смерти... Я понимаю это, хотя разумѣется, онъ тутъ не при чемъ...

— Конечно,—сказалъ Уэдъ съ состраданіемъ.

— Но по моему, всетаки не слѣдуетъ никоимъ образомъ призывать смерть. Она, что злой духъ, легка на поминѣ... Я не суевѣренъ; не думаю, чтобы и отецъ мой, въ сущности, былъ суевѣренъ. Но онъ былъ другомъ... или жертвою... той пагубной теоріи, по которой самоубійство считается благороднымъ исходомъ въ затруднительномъ положеніи въ родѣ того, въ какое поставилъ себя Нортвикъ. Мнѣ кажется, онъ говорилъ тогда согласно съ этой теоріей или подъ ея влияніемъ. Онъ телеграфировалъ направо и налево, стараясь провѣрить газетныя извѣстія, притомъ же это во всякомъ случаѣ было его прямою обязанностью. Онъ схватился за мой пріѣздъ сюда съ Луизою, какъ за удобный случай узнать, не можемъ ли мы быть чѣмъ-нибудь полезны этимъ двумъ бѣднымъ женщинамъ.

— Бѣдныя женщины!—отозвался, какъ эхо, Уэдъ.—На нихъ должно обрушиться самое худшее, какъ это, повидимому, всегда бываетъ.

— Да, гдѣ только надобно обрушиться жестокому удару, онъ всегда, кажется, поражаетъ женщину. Понимаешь ли ты весь ужасъ этого бѣдствія, когда оно станетъ имъ извѣстно? Вѣдь, имъ придется узнать, что отца ихъ постигла такая ужасная смерть, а постигла она его потому, что онъ сдѣлался банкротомъ и убѣжалъ. Я думаю, газеты заговорятъ объ этомъ на всѣ лады.

— Это просто чудовищно. Развѣ нельзя какъ-нибудь запретить имъ это дѣлать?

— Ну ужъ дѣло это непременно получить огласку. Счастье можно сохранить въ тайнѣ, но горе и позоръ должны выйти на свѣтъ Божій... Почему,—я не знаю, но ужъ такъ искони ведется. А когда они выходятъ на свѣтъ Божій, намъ кажется, будто способъ ихъ огласки былъ причиною ихъ. Но, вѣдь, это же негѣпо!

Нѣсколько минутъ друзья продолжали тихо идти въ молчаніи. Затѣмъ, задумчивость Матта снова вырвалась потокомъ словъ:

— Что-жь, теперь остается узнать, хватить ли у нея силы вынести, или же сила измѣнить ей. Она держала свою голову, когда взяла возжи и отѣхала отсюда съ бѣдняжкой Луизой, которая дрожала отъ нѣжнаго сочувствія къ ея горю и отъ страха за ея лошадей,—она держала свою голову, говорю я, съ царственной гордостью, другаго выраженія не подыскать. Ахъ, несчастная дѣвушка!

— Пріѣздъ твоей сестры будетъ большимъ облегченіемъ для нея,—замѣтилъ Уэдъ.—Она очень хорошо сдѣлала, что пріѣхала.

— Ахъ, да развѣ могла она поступить иначе,—отвѣчалъ Маттъ, тряхнувъ головою.—У Луизы такое же золотое сердце, какъ у моего отца. Я мало посвященъ въ ея дружбу съ миссъ Нортвикъ,—сестра гораздо моложе меня и онѣ познакомились и сдружились, когда я жилъ за границей,—но мнѣ почему-то казалось, что она не пользовалась расположеніемъ своихъ сверстницъ, а Луиза была ея ярой поборницей. Когда Луиза прочитала извѣстіе объ этомъ, она рѣшила немедленно пріѣхать сюда.

— Само собою разумѣется.

— Но наше пребываніе здѣсь до извѣстной степени ставитъ отца въ неловкое положеніе. Онъ сдѣлалъ жертву, позволивъ намъ пріѣхать сюда.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Вѣдь, это онъ убѣдилъ директоровъ дать Нортвику отсрочку; а теперь инымъ покажется, что онъ помогалъ сокрытію безчестныхъ дѣяній, придавалъ имъ благовидную окраску, а тѣмъ временемъ мошеннику удалось ускользнуть отъ правосудія. Быть можетъ, даже заподозрять, что ему было выгодно дать Нортвику скрыться.

— О, я не думаю, чтобы тѣнь подозрѣнія могла коснуться такого человѣка, какъ мистеръ Гилари,—сказалъ Уэдъ съ нѣкоторой досадой на такое предположеніе даже со стороны сына этого человѣка.

— Въ цивилизованномъ мірѣ, который, подобно нашему государству, основанъ на коммерческихъ интересахъ, всяческія подозрѣнія могутъ коснуться кого угодно въ такомъ дѣлѣ, какъ это,—возразилъ Маттъ.

Уэдъ снялъ свою шляпу и вытеръ платкомъ свой лобъ.

— Не могу себѣ даже представить, чтобы могло случиться то, что ты говоришь. Для меня это китайская грамота. Мнѣ кажется это какой-то жалкой комедіей, какимъ-то нелѣпымъ самообманомъ. Не могу

простить себя, какъ мало меня трогаетъ это. Мы видимъ передъ собою нѣчто ужасное, что должно бы заставить насъ обнажить свои головы и пасть на колѣни и «возопіять ко Богу» о грѣхахъ нашихъ!

— Ахъ, въ *этомъ* я вполне съ тобою согласенъ!—воскликнулъ Маттъ и дальше просунулъ руку свою подъ руку своего друга.

Обоимъ имъ еще не было тридцати лѣтъ и оба они горѣли тою жаждою знанія, которая охватываетъ насъ въ молодости. Во многихъ отношеніяхъ они уже были вполне зрѣлыми мужчинами, которые составили себѣ извѣстные взгляды и убѣжденія или, вѣрнѣе, теоретическія воззрѣнія. А нынѣ они горѣли желаніемъ проверить свои размышленія путемъ эмоцій, которыя они испытывали. По многимъ вопросамъ у нихъ были одни и тѣ же взгляды, хотя исходныя точки ихъ мышленія были противоположны; и у обоихъ былъ, въ концѣ концовъ, одинъ и тотъ же идеалъ жизни. Ихъ дружба началась со школьной скамейки; въ Гарвардскомъ университетѣ они участвовали въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ и шли по одному и тому же разряду. Отецъ Уэда былъ не изъ Бостона, но мать его была изъ роду Беллингамъ, колониальнаго губернатора Массачусетса, и онъ выросъ въ традиціяхъ общественной жизни Гилари. И тотъ, и другой порвали съ этими традиціями; Уэдъ, однако, сдѣлавшись служителемъ церкви, относился къ нимъ нѣсколько снисходительнѣе, чѣмъ Гигари, навсегда отвернувшійся отъ промышленной дѣятельности.

Теперь они не безъ нѣкотораго рода гордости стояли такъ близко къ этому бѣдствію, свидѣтелями котораго имъ пришлось быть; къ ихъ сочувствію примѣшивалось любопытство, что будетъ съ одною изъ жертвъ несчастія, потому что жертва эта была молодая, прелестная дѣвушка. Въ своемъ состраданіи они не то, чтобы забывали о старшей дочери Нортвика, а какъ бы закрывали глаза на положеніе этой некрасивой, больной старой дѣвушки, мысль ихъ слѣдила съ какимъ-то жгучимъ страхомъ за судьбою младшей. Маттъ попробовалъ высказать эти мысли словами.

— Увѣряю тебя, еслибы я не старался по временамъ отдѣлаться отъ этихъ думъ, я бы не выдержалъ такого напряженія. Когда я увидалъ эту бѣдную молодую дѣвушку, мнѣ стало стыдно за себя, что у меня могли быть такія мысли. Мнѣ казалось, какъ будто я воспользовался какимъ-то подлымъ преимуществомъ передъ нею, зная эти вещи объ ея отцѣ, и я былъ такъ радъ, когда она уѣхала съ Луизой, позволивъ мнѣ одному возиться съ этими позорными справками. Только подумай! Вѣдь, это значитъ горе, это значитъ позоръ, это значитъ нищета! Имъ придется оставить свой домъ, свое пепелище. Она должна будетъ отдать все товариществу. Она теряетъ не только друзей и свое положеніе въ свѣтѣ,—она теряетъ деньги, ей нечего будетъ ѣсть, не во что одѣваться, негдѣ преклонить свою голову!

Уэдъ отказывался признать крайне печальную картину, нарисованную его другомъ.

— Ну, разумѣется, близкіе люди не допустятъ ее до такой крайности.

— Конечно, нѣтъ. Но, вѣдь, въ сущности, всѣхъ безчисленныхъ подробностей такого ужаснаго несчастія ни предусмотрѣть, ни измѣрить невозможно. Поражая, оно, словно крѣпкимъ кольцомъ, захватываетъ всѣхъ и вся.

— Что же ты думаешь дѣлать, если получишь дурныя извѣстія?—спросилъ Уэдъ.

— Ахъ, право, и самъ не знаю! Я долженъ буду сказать ей, такъ или иначе, если только ты не предполагаешь, что тебѣ...

Уэдъ сдѣлалъ испуганное движеніе, которое Маттъ вѣрно понялъ. Онъ размѣялся нервнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ! нѣтъ, сдѣлать это долженъ я. Я отлично понимаю это. Или же заставляю Луизу сдѣлать это. А! мнѣ кажется, тутъ что то есть для насъ.

Они вернулись снова къ станціи, и Маттъ увидалъ, какъ изъ окна конторы высунулись голова и рука, размахивавшая листочкомъ желтой бумаги. Повидимому, это движеніе относилось къ нимъ. И тотъ, и другой побѣжали было разомъ, а затѣмъ пріостановились и пошли быстрымъ шагомъ.

— Мы должны предоставить это дѣло твоей сестрѣ, — сказалъ Уэдъ, — а если она не захочетъ, помни, что я всегда готовъ поговорить съ миссъ Нортвикъ. Или же, если *по твоему* такъ лучше, я поговорю съ нею, не безпокою твоей сестры.

— Охъ, Уэдъ, ты совершенно правъ. Тебѣ не слѣдуетъ безпокоиться объ этомъ. Мы увидимъ, какъ будетъ лучше. Хотѣлось бы мнѣ узнать поскорѣе, что тамъ въ телеграммѣ.

Старый начальникъ станціи вышелъ имъ навстрѣчу, снѣша передать денешу, уже надлежащимъ образомъ уложенную въ конвертъ. Передавъ ее Матту, онъ быстро ушелъ назадъ.

Маттъ разорвалъ конвертъ и прочиталъ: «Невозможно удостовѣрить личности пассажировъ вагона—салона». Телеграмма была подписана: «телеграфистка» и отправлена изъ Уэлутэра. Въ первую минуту она ихъ ошеломила.

— Что-жъ, — молвилъ Уэдъ, глубоко вздохнувъ, — могло быть хуже.

Маттъ перечиталъ телеграмму нѣсколько разъ, затѣмъ улыбнулся,

— Охъ, нѣтъ. Дурного здѣсь я совсѣмъ не вижу. Мы собственно ничего не узнали. Но пока это скорѣе утѣшительно. Даже бездѣлица имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе. Ну, я думаю, мнѣ слѣдуетъ отнести эту телеграмму миссъ Нортвикъ. Подожди меня одну минуту; я долженъ имъ сказать, куда отправить слѣдующія телеграммы, если онѣ прійдутъ.

— Я пройду съ тобою до церкви Св. Михаила, — сказала Уэдъ, когда они выходили со станціи.

Они пошли вмѣстѣ посрединѣ улицы, гдѣ имъ было просторнѣе, идти подъ руку, чѣмъ по узкой боковой тропинкѣ, занесенной снѣгомъ.

Изъ большой лавки, мимо которой они проходили, на средину улицы выбѣжалъ маленькій, худощавый человѣчекъ, смотрѣвшій козыремъ. Онъ остановилъ молодыхъ людей.

— Извините меня, мистеръ Уэдъ! Извините меня, сэръ! — произнесъ онъ, быстро перебѣгая отъ Уэда къ Матту. — Смѣю ли спросить, не получали ли вы какихъ-нибудь дальнѣйшихъ свѣдѣній?

— Нѣтъ, — любезно отвѣчалъ Маттъ, — намъ отвѣтили только, что невозможно установить личности пассажировъ вагона — салона.

— А! большое вамъ спасибо, пребольшое вамъ спасибо, сэръ! Я такъ и зналъ, что это не могъ быть нашъ мистеръ Нортвикъ. Ми... до свиданія, сэръ.

Онъ раскланялся съ молодыми людьми и опять ушелъ въ свою лавку, а Маттъ обратился къ Уэду съ разспросами.

— Скажи, пожалуйста, что это за фигура?

— Мистеръ Гершъ... у него здѣсь большая лавка. Весьма неприятный типъ.

Маттъ улыбнулся.

— Онъ словно повѣрить не можетъ, чтобы такая жалкая участь могла постигнута столь именитую особу, какъ Нортвикъ.

— Что-то въ этомъ родѣ, — поддакнулъ Уэдъ. — Онъ обожаетъ въ Нортвикѣ золотого тельца.

Маттъ поднялъ голову и оглянулся кругомъ.

— Мнѣ кажется, все это мѣстечкс переполошилось отъ любопытства.

Какъ разъ у того переулка, гдѣ Уэдъ разстался съ нимъ, чтобы пройти въ свою церковь, Маттъ увидалъ Сю Нортвикъ, ѣхавшую ему навстрѣчу въ своихъ саняхъ. Она правила лошадьми и была одна; безстрастный грумъ занималъ заднее сидѣнье.

— Узнали вы что-нибудь? — рѣзко спросила она.

Маттъ повторилъ содержаніе депеши отъ узлуотерской телеграфистки.

— Я знала, что это ошибка, — сказала она съ какимъ-то смѣлымъ презрѣніемъ. — Это до нельзя глупо и смѣшно! Съ какой стати поѣхалъ бы онъ туда? Мнѣ кажется, слѣдовало бы подвергать какому-нибудь наказанію газеты за распространеніе ложныхъ извѣстій. Я говорила съ человѣкомъ, который отвозилъ моего отца на поѣздъ вчера утромъ; онъ говорилъ, что папа хотѣлъ недавно купить лошадей въ Спрингфильдѣ. Онъ какъ-то купилъ нѣсколько лошадей на фермѣ близъ этого города. Я ѣду послать телеграмму этому фермеру; я нашла его имя въ папныхъ счетахъ. Разумѣется, папа тамъ. Я уже приготовила депешу.

— Позвольте мнѣ, миссъ Норвикъ, отвести ее на станцію,—предложилъ Маттъ.

— Нѣтъ. Садитесь возлѣ меня и поѣдемъ вмѣстѣ, а потомъ я отвезу васъ домой. Или вотъ что! Послушайте, Денисъ!—обратилась она къ груму, отдавая ему телеграмму.—Снесите вотъ это на телеграфъ и скажите тамъ, чтобы немедленно отправили отвѣтъ черезъ Симпсона.

Ирландецъ отвѣтилъ «слушаю, сударыня» и соскочилъ съ своего сидѣнья, зажавъ бумагу въ рукѣ.

— Садитесь, мистеръ Гилари,—предложила она Матту; когда онъ сѣлъ въ сани, она ловко осадила ихъ и повернула лошадей домой.

— Если на мою депешу не будетъ отвѣта или отвѣтъ будетъ неблагопріятный, я сама уѣду съ первымъ поѣздомъ на станцію Уэллутъ. Я не въ состояніи долѣе ждать. Если случилось самое худшее, я хочу знать это худшее.

Маттъ не зналъ, что сказать этой мужественной дѣвушкѣ. Чтобы выиграть время, онъ спросилъ:

— Вы хотите поѣхать туда одна?

— Разумѣется! Въ такія минуты я предпочитаю быть одной.

Дома Маттъ узналъ, что Луиза ушла на минуту въ свою комнату. Онъ прошелъ туда, чтобы переговорить съ нею.

Она лежала кушеткѣ, когда онъ къ ней постучался. Она сказала «войдите!» а затѣмъ объяснила ему:

— Я только, что ушла сюда, чтобы дать маленькій отдыхъ моимъ волненіямъ. Вѣдь, я ложилась поздно почти всю эту недѣлю. Что же ты узналъ?

— Ничего, въ сущности, Луиза. Сколько времени думаешь ты здѣсь остаться?

— Не знаю. Я объ этомъ не думала. Пока я буду здѣсь нужна... А зачѣмъ ты спрашиваешь? Ты долженъ ѣхать домой?

— Нѣтъ... не совсѣмъ такъ.

— Не совсѣмъ такъ? Говори скорѣе, въ чемъ дѣло?

— Сколько бы не телеграфировали мы, намъ ничего не узнать этимъ способомъ. Кто-нибудь долженъ отправиться туда, гдѣ случилось это несчастье. Она понимаетъ это и намѣрена поѣхать туда. Она рѣшительно не можетъ себя представить, что значитъ эта поѣздка туда. Положимъ, она пріѣхала туда, одна и все такое... а что же она будетъ дѣлать послѣ? Какъ можетъ она пойти осматривать то мѣсто, гдѣ произошло несчастье, чтобы убѣдиться дѣйствительно ли отецъ ея...

— Маттъ,—вскричала его сестра,—перестань, иначе ты сведешь меня съ ума. Она не должна ѣхать туда,—вотъ и все! И не думай объ этомъ.

Луиза привстала съ кушетки съ выраженіемъ принятаго рѣшенія по этому вопросу.

*

— Пусть она пошлетъ кого-нибудь... кого-нибудь изъ своихъ слугъ. Она не должна ѣхать туда! Это просто чудовищно!

— Она не поѣдетъ,—задумчиво сказалъ Маттъ.—Поѣду я.

— Ты!

— Почему нѣтъ? Я буду тамъ въ четыре или въ пять часовъ утра, разузнаю все, какъ было, и такимъ образомъ избавлю ее отъ этого страшнаго недоумѣнія, въ которомъ она находится.

— Въ которомъ онѣ обѣ находятся,—поправила его Луиза.—Вѣдь и той несчастной, больной старой дѣвушкѣ не легче.

— Ну, разумѣется,—сказалъ Маттъ. Онѣ чувствовалъ себя въ высшей степени пристыженнымъ, что позабылъ о той, другой, и поспѣшилъ прибавить,—думаю, для нея даже тяжелѣе. Вѣдь она дольше прожила на свѣтѣ и въ состояніи лучше понять всю громадность этого несчастія.

— Все же Сю была его любимицей,—возразила Луиза.—Разумѣется, ты долженъ ѣхать, Маттъ. Ты не можешь поступить иначе. Это великолѣпно съ твоей стороны, Маттъ. Ты уже сказалъ ей, что хотѣлъ бы поѣхать?

— Нѣтъ еще. Мнѣ хотѣлось прежде переговорить съ тобою объ этомъ.

— О, я вполне согласна съ тобою. Тутъ только одно это и остается. А я останусь здѣсь до твоего возвращенія...

— Ну, это не годится, по моему.

Онѣ подошелъ къ ней ближе и понизилъ голосъ.

— Ужъ лучше тебѣ узнать всю эту неприятную исторію, Луиза. Имъ предстоитъ ужасное огорченіе; умеръ онѣ или живъ, все равно. У него какіе-то недочеты съ пайщиками товарищества и если только онѣ былъ въ томъ поѣздѣ, онѣ бѣжалъ въ Канаду, чтобы избавиться отъ тюремнаго заключенія.

Онѣ замѣтилъ, что сестра его только отчасти поняла значеніе его словъ.

— Итакъ, если онѣ погибъ, всему этому дѣлу конецъ! Понимаю! Ты, вѣроятно, надѣешься, что онѣ погибъ.

Маттъ безнадежно вздохнулъ.

— Если онѣ погибъ, положеніе отъ этого только ухудшится. Растрата во всякомъ случаѣ должна обнаружиться.

— А когда она обнаружится?

— Уже многіе пронюхали, въ чемъ дѣло. Да и трудно удержать такія вещи въ тайнѣ. Въ утреннихъ газетахъ, навѣрное по этому поводу идутъ пересуды... Вопросъ въ томъ, останешься ли ты здѣсь, пока до нихъ дойдутъ эти слухи? Благоразумно ли, полезно ли это?

— Конечно, мнѣ тутъ нечего дѣлать! Я бы охотно уюкошила всѣхъ и каждого, кто бы попался мнѣ подъ руку въ такую минуту! Да и Сю Нортвикъ не таковская, чтобы остаться равнодушной, она убьетъ меня. Я должна сейчасъ же убраться отсюда!

Она соскользнула съ кушетки, подбѣжала къ зеркалу поправить распустившіеся волосы.

— Я подумывалъ,—сказалъ Маттъ,—разсказать тебѣ все до твоего приѣзда сюда, но мама была увѣрена, что ты поѣдешь во всякомъ случаѣ, а мои слова только стѣснять тебя.

— О, она была вполне права!—отвѣчала Луиза.—Теперь важно, какъ выбраться отсюда.

— Надѣюсь, ты не покажешь ей виду...

— Ладно! Я думаю, ты въ этомъ можешь на меня положиться, Маттъ,—отвѣчала Луиза.

Если ея настоящее самообладаніе могло служить злогома ея будущаго поведенія, то Маттъ могъ положиться на нее. Но онъ боялся, что Луиза не уразумѣла всей важности совершившагося факта; и въ этомъ онъ былъ правъ. Ни теперь, ни впоследствии она не могла вполне освоиться съ мыслью о преступности Нортвика. Она поняла только, что семейство его постигло большое огорченіе и надобно было скрыть это огорченіе отъ ея подруги.

Маттъ сошелъ внизъ и засталъ Сю въ библіотекѣ.

— Я убѣждена, что намъ отвѣтить, что папа етъ Спрингфилдѣ,—сказала она.—Одна изъ его здѣшнихъ лошадей стала хромать на ногу, вотъ онъ и остановился тамъ, чтобы прискаты другую вмѣсто нея на той же фермѣ.

Логичность этого соображенія не убѣдила Матта. Но молодая дѣвушка выказала такъ много энергіи, она старалась дышать такъ спокойно и ровно и такъ явно скрывала свою мучительную тревогу, рѣшившись увѣрить себя самое въ томъ, что говорила.

Маттъ притворился, что вѣрить тому же.

— Да, весьма вѣроятно, оно такъ и есть.

— Во всякомъ случаѣ,—замѣтила она,—если я не получу извѣстій о немъ оттуда или изъ Уэлутаръ, я тотчасъ же поѣду туда сама. Я уже рѣшила сдѣлать это.

— Миѣ не хотѣлось бы, чтобы ты поѣхала туда одна, Сю,—сказала Аделина дрожащимъ голосомъ. Глаза ея были красны, губы ея распухли; видно было, что она плакала. И теперь слезы показались на ея глазахъ, когда она заговорила,—не можешь ты поѣхать туда одна ни въ какомъ случаѣ. Развѣ ты не помнишь, поѣздка въ Уэлутаръ отняла у насъ цѣлый день, когда мы въ послѣдній разъ отправились въ Квэбекъ?

Сю сурово взглянула на сестру, словно желая заставить ее подавить, по крайней мѣрѣ, наружное проявленіе ея опасеній, а Маттъ спросилъ, какъ бы невзначай:

— Развѣ это по дорогѣ въ Квэбекъ?

Сю взяла «путеводитель» со стола, куда она его положила.

— Какъ сказать? И да, и нѣтъ.

Она раскрыла книгу и развернула передъ нимъ желѣзнодорожную карту.

— Поѣздъ раздѣляется на Уэлутэръ. Одна часть его отправляется въ Монрзалъ, другая—въ Квэбекъ. На Квэбекской вѣтви пропасть всякихъ остановокъ и задержекъ, такъ что въ Квэбекъ вовсе не попасть до слѣдующаго утра; а въ Монрзалъ вы прїѣзжаете черезъ пять-шесть часогъ. Но все это неслѣпый вздоръ. Понять не могу, какое намъ дѣло до всего этого! Очевидно, папа остановился для чего-то въ Спрингфильдѣ. Только онъ всегда насъ увѣдомляетъ по телеграфу объ измѣненіи своихъ намѣреній...

Она задрожала, не будучи въ силахъ продолжать, и книга выпала у нея изъ рукъ. Маттъ поднялъ ее и принялся разсматривать росписание поѣздовъ, во-первыхъ, желая скрыть безпокойство, которое онъ почувствовалъ при видѣ ея унынія, а во-вторыхъ, придумывая, чѣмъ бы помочь ей.

— Изъ Бостона идетъ поѣздъ, который встрѣчается съ Спрингфильдскимъ поѣздомъ въ Уэлутэрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она наклонилась, чтобы заглянуть въ книгу, которая была у него въ рукахъ, а онъ почувствовалъ то бурное волненіе, которое овладѣваетъ мужчиной, помимо его воли, вблизи молодой прелестной женщины, хотя онъ подчасъ и стыдится этого волненія.

— Въ такомъ случаѣ не лучше ли мнѣ поѣхать черезъ Бостонъ. Когда отходитъ этотъ поѣздъ? О, въ половинѣ восьмого. Я могу уѣхать съ этимъ поѣздомъ, если не будетъ никакихъ извѣстій изъ Спрингфильда. Но я увѣрена, что они будутъ.

Портьера зашевелилась, и Луиза показала въ дверяхъ библіотеки. Сюзета пошла ей навстрѣчу.

— Развѣ ты уѣзжаешь?—спросила она, явно не раздѣляя удивленія Матта при видѣ сестры въ шляпѣ и перчаткахъ, съ жакеткой, переброшенной черезъ руку.

— Да, я уѣзжаю, Сю. Я прїѣхала повидать тебя,—я должна была сдѣлать это... но мы знаемъ обѣ, что я здѣсь не нужна, поэтому намъ нечего притворяться.

Луиза говорила очень спокойно, почти холодно. Братъ ея почти не зналъ, какъ ему понять ее; она была блѣдна и говоря смотрѣла внизъ. Но застегнувъ свои перчатки, она подошла и положила обѣ свои руки въ руки Сюзеты.

— Мнѣ нечего говорить тебѣ, что я уѣзжаю, чтобы не мѣшатъ тебѣ. Теперь не время для красивыхъ дружескихъ изліяній; ты видишь меня и знаешь, что я раздѣляю твое безпокойство относительно всег- и, мнѣ кажется, лучше намъ не распространяться объ этомъ. Но помни, Сю, когда бы я тебѣ ни понадобилась, если ты, дѣйствительно, пожелаешь меня видѣть, пришли за мною; если я не прїйду, пока ты мен

не позовешь, то знай, что я только жду твоего слова. Будешь ли ты это помнить... *что бы ни случилось?*

Маттъ въ молчаніи испустилъ глубокій вздохъ облегченія.

— Да, Луиза, я буду помнить,—отвѣчала Сюзета.

Онѣ поцѣловались, словно хотѣли формально скрѣпить свой договоръ, имѣвшій для одной изъ нихъ несравненно больше значенія, чѣмъ для другой.

— Пойдемъ, Маттъ!—позвала Луиза брата.

Она поторопилась прибавить, во избѣжаніе возраженій противъ ея намѣренія, что они успѣютъ во время дойти пѣшкомъ на станцію и что ей хочется пройтись. А Маттъ сказалъ:

— Я посажу тебя въ поѣздъ, а затѣмъ вернусь сюда и подожду здѣсь извѣстій изъ Спрингфильда, миссъ Сюзета.

— Вотъ это хорошая мысль,—сказала Луиза.

— Но развѣ вамъ не страшно будетъ отправиться въ Бостонъ одной?—произнесла Аделина дрожащимъ голосомъ.—Вы приѣдете туда, какъ совсѣмъ стемнѣетъ!

— Путешествіе это не грозитъ большой опасностью, — шутливо сказала Луиза,—а когда я приѣду, то отдамъ себя на попеченіе вѣрнаго бостонскаго извозчика и скажу ему, что особа моя представляетъ весьма высокую цѣнность и ему слѣдуетъ хорошенько побережечь меня. Такимъ образомъ я буду доставлена къ дверямъ нашего дома вполне здоровою и невредимою.

Всѣ слегка засмѣялись; даже Аделина невольно присоединилась къ этому смѣху.

Какъ только они вышли изъ дому, Маттъ обратился къ сестрѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, вспомнить ли она послѣ того, какъ наступитъ самое ужасное, твои слова и будетъ ли въ ней достаточно довѣрія къ твоей дружбѣ, чтобы позвать насъ?

— Не знаю. Вѣроятно, сперва въ ней заговоритъ ея гордость. Но я сама приѣду къ ней, позоветъ она меня или нѣтъ. Если бы у нихъ были родные или связи, какъ у всякаго другого, тогда иное дѣло. Но въ данномъ случаѣ...

— Конечно, ты права,—замѣтилъ Маттъ.

— Мнѣ бы хотѣлось осязательно чувствовать, что Сю такъ же нѣжно его любитъ, какъ мы любимъ своего папу. Но я немогу. Меня всегда подиралъ морозъ по кожѣ при немъ. А ты не испытывалъ этого ощущенія?

— Онъ былъ человѣкъ сдержанный. Но насколько мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣло на заводѣ, въ бытность мою тамъ, я находилъ, что онъ довольно честенъ. Онъ былъ провинціалъ.

— Мнѣ кажется, Сю заражена провинціальной гордостью,—сказала Луиза.

— Сдержанность его,—продолжалъ Маттъ,—была, вѣроятно, только своеобразною недовѣрчивостью. Богу извѣстно, я не хочу судить его.

Я думаю, что это запоздалое рѣшеніе его было усиленіемъ поддержать свое достоинство. Разумѣется, теперь мы судимъ о немъ съ точки зрѣнія его плутовства, бѣдняга, и поступки его большей частью представляются намъ некрасивыми.

На станціи имъ пришлось подождать немного и они стали прохаживаться взадъ и впередъ по платформѣ, разговаривая между собою. Маттъ объяснялъ Луизѣ, что отецъ его будетъ радъ его поѣздкѣ въ Уэлутэръ, такъ какъ рѣшится вопросъ, былъ ли Нортвикъ на поѣздѣ, потерпѣвшемъ крушеніе, или нѣтъ. Для отца его будетъ большимъ облегченіемъ узнать это. Маттъ старался подчеркнуть, что онъ ѣдетъ туда изъ двухъ различныхъ мотивовъ.

— Охъ, ты совершенно напрасно трудишься доказывать мнѣ все это, Маттъ,—возразила Луиза.—Я не осуждаю тебя за то, что ты хочешь отправиться туда даже безъ добрыхъ побужденій.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, въ такомъ поступкѣ нѣтъ ничего преступнаго,—отвѣчалъ Маттъ.

На станціи собралось очень много проѣздной публики—молодыхъ людей свободныхъ отъ занятій въ магазинахъ и лавкахъ въ этотъ день. Въ такихъ маленькихъ городкахъ, какъ Гатборо, жегѣзно-дорожная станція служитъ пріятнымъ мѣстомъ развлечения; публика наслаждается здѣсь постоянно возбуждающимъ ея нервы созерцаціемъ проходящихъ и уходящихъ поѣздовъ. Молодежь обоего пола посматривала на брата и сестру Гилари, пока они прохаживались, съ чувствомъ зависти къ тому особенному изяществу, которое было въ нихъ обоихъ. Оба—и братъ, и сестра,—были высоки и стройны и отличались отъ своихъ сверстниковъ и сверстницъ тою красивою непринужденностью манеры и движеній, которыя, быть можетъ, есть слѣдствіе настолько же привычки всю жизнь хорошо одѣваться, какъ и всего остальнаго. Маттъ испытывалъ недовольство на все, что можетъ выдѣлять его среди другихъ людей, но помимо воли и желанія имѣлъ видъ вполне культурнаго человѣка; что же касается Луизы, она и не думала бороться съ утонченностью своей особы. Она была всѣми признанная свѣтская молодая дѣвушка и соотвѣтственно этому на ней теперь былъ костюмъ изъ темнаго сукна. Корсажъ, въ формѣ жакета, былъ отдѣланъ спереди и вокругъ бедеръ чернымъ мѣхомъ; гладкая юбка была обшита у подола такимъ же мѣхомъ. Она возбуждала въ душѣ всѣхъ этихъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя ихъ видѣли, цѣлую бурю зависти. Они, повидимому, вызвали такое же живое вниманіе и со стороны молодого человѣка съ тонкими изящными чертами лица. Луиза замѣтила его взглядъ, устремленный на нее. Сперва она приняла его за одного изъ тѣхъ образованныхъ или полуобразованныхъ ремесленниковъ, которыми все болѣе и болѣе осложняется рабочій вопросъ. Одѣтъ онъ былъ не лучше другихъ, толпившихся здѣсь молодыхъ людей, и не было основанія, почему бы ему не со-

стоять рабочимъ въ шляпной либо бапмачной лавкѣ, и, однако, взглянувъ во второй разъ на него, она рѣшила про себя, что онъ не былъ имъ. Онъ стоялъ, уставясь на нее пристальнымъ взоромъ, нахмутивъ брови и чуть-чуть насмѣшливо улыбаяся своими гладко выбритыми красивыми губами. Но она знала, что онъ любитъ ее, какъ бы онъ ее ни ненавидѣлъ; она сказала о немъ Маттѣ, когда они повернули въ другую сторону, обѣщая показать брату заинтересовавшаго ее незнакомца. Но когда они снова приблизились къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, его уже тамъ не было. Пришелъ поѣздъ, Луиза сѣла въ вагонъ, а Маттъ отправился на станцію и зашелъ спросить у телеграфистки, нѣтъ ли депеши на имя миссъ Нортвикъ.

— Только что получена,—отвѣчала она.—Я ждала разсылнаго, чтобы отправить ее.

— О, если позволите, я передамъ ее. Я сейчасъ возвращаюсь въ домъ мистера Нортвика,—объявилъ Маттъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Маттъ взялъ телеграмму и торопливо ушелъ съ вокзала, чтобы найти извозчика и поскорѣе передать депешу миссъ Нортвикъ. У вокзала не было экипажей; онъ пошелъ по улицѣ почти бѣгомъ, къ вящему увеселенію мальчишекъ, катавшихся на салазкахъ. Одинъ изъ нихъ, бросившійся въ сторону отъ саней, запряженныхъ рысакими, которыя мчались позади него, осыпалъ его насмѣшками за неловкость, съ которою Маттъ барахтался въ глубокомъ снѣгу, сойдя съ дороги. Сани внезапно остановились и правившая ими Сю Нортвикъ закричала:

— Мистеръ Гилари! Я не могла ждать дома; я только что со станціи. Телеграмма у васъ?

— Да, у меня.

— Ахъ, давайте ее сюда!

Онъ удержалъ ее одну минуту въ своей рукѣ.

— Я не знаю, чтò въ ней, миссъ Нортвикъ. Но если въ ней не то, чего вы ждете, позвольте мнѣ... могу ли я...

Словно не сознавая, что дѣлаетъ, она вырвала депешу у него изъ руки и порывисто распечатала ее.

— Ну,—сказала она,—я такъ и знала. Онъ не заѣзжалъ туда. А теперь я поѣду въ Уэллуторъ.

Она нервно скомкала въ рукѣ телеграмму и сдѣлала движеніе возжами.

Маттъ удержавъ ее за кисть руки.

— Вы не можете ѣхать туда. Вы... вы должны позволить мнѣ поѣхать туда.

— Вамъ?

— Мнѣ. Я буду въ Бостонѣ какъ разъ къ этому поѣзду, что уходитъ въ половинѣ восьмого и могу сдѣлать въ Уэллуторѣ все то, чего вы не могли бы сдѣлать. Послушайте, будьте умница! Вы должны по-

нять, что я предлагаю вамъ то, что лучше. Торжественно обѣщаю вамъ сдѣлать все возможное, не забыть, не опустить ничего, что могло бы успокоить васъ. Я сдѣлаю, что вы пожелаете. Отправляйтесь домой. Вы нужны сестрѣ своей, вы нужны самой себѣ. Если вамъ предстоитъ испытаніе богѣ тяжкое, чѣмъ эта неизвѣстность, которую вы перенесли съ такимъ мужествомъ, вамъ понадобятся всѣ ваши силы. Прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я понимаю, вамъ кажется малодушіемъ позволить другому заступитъ ваше мѣсто по такому важному дѣлу, но, въ дѣйствительности, это не такъ. Вы должны знать, что я не сталъ бы предлагать вамъ этого, если бы не былъ увѣренъ, что могу сдѣлать все, что бы сдѣлали вы и даже больше. Прошу васъ, позвольте мнѣ поѣхать вмѣсто васъ!

Онъ горячо высказалъ ей всѣ свои соображенія, а она сидѣла безмолвная, словно не находя въ себѣ силы для отвѣта. Когда онъ замолчалъ, прошла еще минута прежде чѣмъ она отвѣтила ему просто, почти сухо: «хорошо», не выразивъ никакихъ другихъ знаковъ своего согласія.

Но она повернула ту руку, которую онъ держалъ въ своей, и крѣпко сжала его руку. Слезы, первыя, что она проливала сегодня, покатились изъ ея глазъ.

Она приподняла возжи и поѣхала назадъ, а онъ стоялъ на дорогѣ смотря ей вслѣдъ, пока сани ея скрылись за холмистою дорогою, по направленію къ югу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ КОНТОРѢ,

Унынье и тоска... Накурено и душно...
Отъ пишущихъ машинъ, отъ щётъ—немолчный стукъ...
Писцы, средь толстыхъ книгъ, хлопчуть равнодушно,
И въ лицахъ ихъ—ни думъ, ни радости, ни мукъ.

И такъ съ утра—до вечера... И нынѣ,
И завтра будетъ то-жъ... и дальше—безъ конца.
И некогда вздохнуть... Какъ дерево въ пустынѣ,
Безъ влаги жизненной мертвѣютъ ихъ сердца.

Нужда согнала ихъ, чтобъ подъ ярмо склониться,
Работать, чтобы ѣсть, и ѣсть, чтобъ только жить,
И жить затѣмъ, чтобъ также вновь трудиться,—
Пока не оборветъ судьба ихъ жизнью нить.

И я средь нихъ— воловъ, покорныхъ темной долѣ
И ревностно, за кормъ, влачащихъ тяжкій плугъ,—
Томлюсь, какъ дивій конь, тоскующій о волѣ
И рвущійся туда, гдѣ блещетъ степь и лугъ...

А. Колтоновскій.

ЧЭМБЕРЛЕНЪ *).

(О червь).

Англія переживаетъ кризисъ, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго будетъ, по всей вѣроятности, смѣна министерства. Но дальнѣйшія послѣдствія этого кризиса могутъ быть болѣе значительны, могутъ отразиться на всемъ внутреннемъ строѣ англійской жизни и вызвать даже европейскія осложненія. Кризисъ вызванъ трансваальскою войною, начавшейся при побѣдныхъ кликахъ англійскихъ «джинго» и ликованіи имперіалистовъ и въ короткое время принявшей такой оборотъ, что не только замолкли эти клики, но даже въ консервативномъ лагерѣ, всегда поддерживавшемъ нынѣшнее министерство, возникло сильное движеніе оппозиціи и всѣ англійскія партіи, за исключеніемъ неисправимыхъ джинго и людей, подобно Чэмберлену и Родсу, поставившихъ все на карту въ этой войнѣ, начинаютъ сходиться во взглядахъ на эту войну, какъ на роковую ошибку.

Англіи приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы съ честью выйти изъ труднаго положенія, созданнаго для нея политикой Чэмберлена. Само собою разумѣется, что честь Англіи, какъ націи, нисколько не пострадала бы отъ того, если бы она теперь же, признавъ себя побѣжденной храбрымъ маленькимъ народомъ, предложила бы заключить миръ на почетныхъ условіяхъ и прекратила бы кровопролитіе. Но политика и этика рѣдко сходятся. Не говоря уже о самолюбіи гордой британской націи, которому нанесенъ теперь чувствительный ударъ, въ эту войну впутано такъ много интересовъ, что врядъ ли возможно простое разрѣшеніе вопроса, на основаніи однихъ только этическихъ соображеній. Республики буровъ окружены англійскими владѣніями, за исключеніемъ только одного пункта, гдѣ они граничатъ съ португальскими владѣніями; они, значитъ, находятся какъ бы внутри англійскихъ колоній и, конечно, это представляетъ большое неудобство для Англіи, въ особенности съ той поры какъ было открыто золото, вызвавшее наплывъ иностранцевъ и иностранныхъ капиталовъ въ южную Африку, и нача-

*) Составлено по *Achille Viallate. Joseph Chamberlain avec une préface de E. Boutmy, Paris, 1889.*

лось обогащеніе независимыхъ маленькихъ государствъ. Кромѣ того, существованіе этихъ республикъ можетъ помѣшать выполненію грандіознаго плана—образованія непрерывной цѣпи англійскихъ владѣній отъ Египта до Капа, который делятъ англійскіе империалисты. Англія зашла слишкомъ далеко и отступать теперь ей трудно, тѣмъ болѣе, что ея пораженіе не только будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то величайшее неудобство, что побѣда усилитъ упорство и враждебность ея сосѣдей—буровъ въ Африкѣ,—но это сильно уменьшить ея престижъ

Чэмберленъ.

въ глазахъ темнокожаго населенія, а въ европейскомъ концертѣ голосъ ея потеряетъ свою силу, такъ какъ ее перестанутъ бояться.

Вотъ тѣ причины, которыя заставляютъ теперь Англію бороться изо всѣхъ силъ и вынуждаютъ многихъ изъ ея дѣятелей, прежде горячо возстававшихъ противъ войны, говорить, что она должна быть доведена до конца, т.-е. до побѣды. «Потомъ придетъ время критики; теперь нужно не говорить, а дѣйствовать,—и прежде всего дать полную свободу дѣйствій министру колоній (Чэмберлену), который, можетъ быть, со свойственной ему ловкостью, найдетъ способъ вывернуться изъ затрудненія». Таковъ смыслъ воззванія, недавно посланнаго въ «Times» однимъ «ультра-либераломъ».

Дѣйствительно, военныя неудачи сами собой выдвинули на первый

данъ вопросъ объ отвѣтственности нѣсколькихъ личностей, которыхъ съ полнымъ основаніемъ считаютъ авторами этой злополучной войны. Во главѣ ихъ стоитъ *Чемберленъ*, нынѣшній министръ колоній. На него общественное мнѣніе указываетъ, какъ на главнаго виновника бѣдствій, обрушившихся на Англію. Его не щадитъ ни европейская публика, ни печать, но онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ переноситъ весь этотъ потокъ оскорбленій и упрековъ, въ ожиданіи того, что предстоитъ ему еще вынести и выслушать съ открытіемъ парламентской сессіи. Онъ самъ съ нѣкоторымъ презрительнымъ высокомеріемъ назвалъ себя «человѣкомъ наиболѣе оскорбляемымъ во всей Англіи». Со времени его отпаденія отъ либеральной партіи въ 1886 г., его прежніе друзья и союзники не скупились на всевозможныя оскорбленія и упреки, расточаемыя по его адресу. Его называли измѣнникомъ, *Иудой*, его упрекали въ частыхъ переимѣнахъ фронта,—слишкомъ частыхъ, чтобы имъ могли соответствовать искреннія переимѣны въ убѣжденіяхъ. Чемберленъ отвѣчалъ на это, болѣе ловко, чѣмъ правдиво: «я не измѣнился. Я остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ—старымъ радикаломъ». Развѣ его главною работою не было всегда увеличеніе благосостоянія народныхъ массъ? А на упреки въ непостоянствѣ и переимѣчивости онъ возражалъ, тому назадъ гдѣтъ десять: «обвиненіе въ непостоянствѣ меня не трогаетъ. Мнѣ кажется, что абсолютное постоянство не составляетъ добродѣтели, необходимой для государственнаго человѣка, я скорѣе готовъ допустить, что его долгъ — мѣнять свои мнѣнія, когда обстоятельства мѣняются». Надо признать, что этотъ аргументъ весьма вѣскій въ глазахъ англичанъ, для которыхъ слово «*versatility*» не имѣетъ того дурнаго смысла, какой оно имѣетъ на континентѣ. «*I am a practical man*», сказалъ про себя Чемберленъ и это, быть можетъ, самое справедливое опредѣленіе. Какъ практическій человѣкъ, Чемберленъ всегда имѣлъ въ виду, прежде всего, выгоду и цѣль, къ которой стремился, не раздумывая о средствахъ къ ея достиженію и о жертвахъ, которыя она потребуетъ. Въ этомъ отчасти, но только отчасти, можно искать объясненія его политической эволюціи.

Прослѣдить эту эволюцію интересно уже потому, что съ нею связана и эволюція демократической Англіи, созданной избирательными реформами 1867 и 1884 г., которыя увеличили число избирателей и лишили высшіе классы ихъ преобладанія. Исчезла аристократическая олигархія, въ теченіе столькихъ вѣковъ управлявшая Англіей, и парламентъ, т.-е. палата общинъ, дѣйствительно, сдѣлалась выразительницей воли народа въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Чемберленъ выступилъ на политическомъ поприщѣ, когда только что началась упомянутая демократическая эволюція. Отецъ его, башмачный фабрикантъ въ Сити, считался зажиточнымъ человѣкомъ, но такъ какъ онъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ (Чемберленъ былъ старшимъ изъ девяти дѣтей), то счелъ лишнимъ по-

слать своего сына въ университетъ для окончанія своего образованія, тѣмъ болѣе, что онъ предназначалъ его для торговой профессіи. Конечно, ему и въ голову тогда не приходило, что его сынъ будетъ когда-нибудь засѣдать въ совѣтѣ министровъ и даже имѣть шансы сдѣлаться главою англійскаго правительства.

Шестнадцати лѣтъ Чэмберлену пришлось покинуть школу и заняться изученіемъ торговаго дѣла, которое велъ его отецъ. Но любознательный отъ природы и страшный любитель чтенія, молодой Джо все свое свободное время проводилъ за книгами и такимъ образомъ пополнилъ свое образованіе, всегда оставаясь «au courant» современныхъ идей.

Чэмберленъ, слѣдовательно, не вышелъ изъ Оксфордскаго или Кэмбриджскаго университета, подобно большинству выдающихся англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Среди нихъ онъ былъ и остался homo novus, со всѣми преимуществами и недостатками этого положенія; не связанный ихъ идеями и традиціями, онъ могъ тѣмъ свободнѣе развить тѣ свои свойства, которыя завоевали ему положеніе: смѣлость мысли, граничившую въ ихъ глазахъ съ безразсудствомъ, и рѣшительность дѣйствій, граничившую съ опрометчивостью.

Въ настоящее время Чэмберленъ считается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ Англій, но эти лавры достались ему не легко. Онъ много упражнялся раньше, чтобы достигнуть той гибкости и элегантности языка, которую онъ теперь высказываетъ въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ порой къ десятитысячной аудиторіи. Съ такимъ же упорствомъ онъ стремился и къ усвоенію внѣшняго лоска и всѣхъ тѣхъ атрибутовъ, которые необходимы на политическомъ поприщѣ. Онъ дебютировалъ въ 1870 г. въ Бирмингамѣ, въ качествѣ президента радикальной «National Education League», поставившей на своемъ знамени обязательное, даровое и свѣтское обученіе. Въ этомъ званіи Чэмберленъ съ чрезвычайною пылкостью набросился на законъ Форстера, извѣстный подъ именемъ «закона компромиса». Этимъ закономъ вводилось, правда обязательное обученіе и учреждались свѣтскія школы, но удерживалось за религіозными школами право получать субсидіи, причемъ фондъ для этихъ субсидій долженъ быть образовываться изъ школьнаго налога, неосредственно уплачиваемаго отцомъ семейства. Чэмберленъ обвинялъ Форстера и Гладстона въ томъ, что они обманули нонконформистовъ, всегда поддерживавшихъ либеральную партію и считавшихъ ее союзницей. Онъ грозилъ либераламъ разрывомъ отъ имени всѣхъ «несогласныхъ» съ англійской господствующей церковью.

Въ муниципальномъ совѣтѣ Бирмингама, куда Чэмберленъ былъ также избранъ членомъ, онъ быстро создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ рѣзкостью своихъ рѣчей и пылкою защитой либеральныхъ идей. Онъ требовалъ, чтобы интеллигентнымъ дѣтямъ бѣдныхъ семействъ былъ облегченъ доступъ въ высшія школы. Онъ настаивалъ на открытіи въ воскресные дни музея и публичной библіотеки, чтобы доставить

рабочимъ классамъ полезныя развлеченія въ часы отдыха. Тогда всѣ эти мѣры, которыя теперь осуществлены, казались выраженіемъ опаснаго радикализма. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что репутація радикала упрочилась за Чэмберленомъ, и на новыхъ муниципальных выборахъ, происходившихъ въ 1872 году, возникла ожесточенная борьба между его сторонниками и противниками. Однако, ему удалось все-таки добиться своего избранія и затѣмъ, при помощи особой тактики, даже совершенно побѣдить консервативное большинство, въ теченіе столькихъ лѣтъ управлявшее городомъ, замѣнивъ его либеральнымъ большинствомъ. Въ первый разъ муниципальные выборы велись на почвѣ борьбы политическихъ партій: каждому консервативному кандидату либералы противопоставляли либеральнаго кандидата. Побѣжденная партія горько жаловалась на это виѣшательство партійной политики въ муниципальныя дѣла, утверждая, что такое нововведеніе грозитъ серьезными опасностями въ будущемъ. Но на Чэмберлена эти упреки не дѣйствовали. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ открыто защищалъ свою новую тактику, доказывая, что управленіе съ помощью партіи прямо вытекаетъ изъ духа представительныхъ учреждений и что если избиратели не будутъ руководствоваться на выборахъ политической программой, то выборы будутъ производиться на основаніи личнаго предпочтенія, мѣстныхъ предразсудковъ и т. д. Но допуская политику и партійные вопросы въ избирательную борьбу, Чэмберленъ въ то же время горячо восставалъ противъ вoadѣйствія ихъ на пренія совѣта, который долженъ былъ вѣдать только муниципальные интересы. Тутъ всѣ политическіе вопросы, по его мнѣнію, должны были уступать мѣсто вопросамъ чисто дѣлового характера.

Горячность избирательной борьбы пробудила Бирмингамъ отъ спячки и возбудила живой интересъ къ муниципальнымъ вопросамъ, къ которымъ большинство избирателей относилось раньше вполне равнодушно. Чэмберленъ не замедлилъ воспользоваться этимъ оживленіемъ, чтобы осуществить реформы, о которыхъ онъ мечталъ уже нѣсколько лѣтъ. Весьма кстати для этихъ его цѣлей либеральное большинство новаго муниципальнаго совѣта выразило свою благодарность Чэмберлену, избравъ его меромъ въ 1873 году почти единогласно.

Бирмингамъ въ то время очень отсталъ отъ другихъ городовъ—Глазгова, Манчестера и Бредфорда—въ отношеніи своего благоустройства, хотя въ промышленномъ отношеніи онъ развивался быстро и въ 35 лѣтъ его населеніе болѣе чѣмъ удвоилось. Въ самомъ центрѣ города красовались старые полуразрушенные дома, гдѣ кутилось рабочее населеніе. Эти дома были настоящимъ разсадникомъ эпидемій, ежегодно производившихъ страшныя опустошенія въ городѣ. Грязь всюду была ужасная, а о какихъ-либо санитарныхъ мѣропріятіяхъ никто не заботился. Во всемъ городѣ не было ни одного публичнаго сада; ни одного свободнаго пространства, куда бы рабочее населеніе города

могло бы приходиться, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ дневной работы.

Новый меръ тотчасъ же по своему избраніи энергично принялся за дѣло. Онъ рѣшилъ вновь перестроить цѣлый кварталъ съ 15 тысячами жителей, расширить водопроводъ и т. д. Эти широкіе планы испугали многихъ: единственный способъ достать необходимыя средства былъ—сильно увеличить прямыя городскіе налоги.—На всѣ возраженія Чэмберленъ отвѣчалъ: «не забывайте, что это не только вопросъ о налогахъ, но также вопросъ о жизни и смерти!».

Чэмберленъ побѣдилъ по всей линіи. Его практическій дѣловой умъ указалъ ему способы согласовать гигиеническіе интересы съ интересами финансовыми. Онъ даже нашелъ источники дохода тамъ, гдѣ его сограждане ожидали однихъ потерь. Такимъ образомъ, ему удалось сломить сопротивленіе своихъ оппонентовъ. Бирмингамъ преобразовался. На мѣстѣ ужасныхъ лачугъ—«slums»—пролегаетъ теперь великолѣпная улица «Corporation Street», на которой въ настоящее время возвышается фонтанъ въ готическомъ стилѣ, украшенный портретомъ Чэмберлена и воздвигнутый благодарнымъ городомъ въ его честь. Изъ первой своей борьбы Чэмберленъ вышелъ съ репутаціей «бирмингамскаго Наполеона».

Въ эту эпоху (въ 1874 г.) радикализмъ Чэмберлена получилъ нѣсколько болѣе яркую окраску—«a bit of Red», какъ говорили его сотоварищи въ совѣтѣ. Онъ даже до нѣкоторой степени примкнулъ къ коммунистической программѣ, выработанной въ Парижѣ три года назадъ и раздѣлялъ мнѣніе многихъ радикаловъ, что въ Англія должна быть республика. Тогда, впрочемъ, было довольно-таки распространено убѣжденіе, что все надвигающаяся волна демократіи непременно должна снести въ Англіи престолъ, англиканскую церковь и палату лордовъ—эти остатки феодализма. Неудивительно, что и Чэмберленъ проникся этими взглядами, хотя надо сказать, что даже въ эпоху «зеленой молодости»—«saladdays», какъ говорятъ англичане,—Чэмберленъ никогда не увлекался крайностями и не былъ сторонникомъ революціи, а только постепенной политической эволюціи.

Въ Бирмингамѣ, сдѣлавшемся его второю родиной, Чэмберленъ стяжалъ себѣ самую почтенную репутацію, и городъ дѣйствительно ему многимъ обязанъ. Благодарные бирмингамцы отплачиваютъ ему за это преданностью и любовью и для нихъ онъ до сихъ поръ остается по прежнему «Our Joe» (нашъ Джо). Лордъ Рандольфъ Черчилль даже однажды подшутилъ сказавъ, что «Чэмберленъ и Бирмингамъ—синонимы». Однако, эта арена дѣятельности скоро перестала удовлетворять Чэмберлена. Честолюбіе его требовало другой болѣе широкой почвы; его влекло въ Вестминстерскій дворецъ и онъ не замедлилъ добиться своей цѣли. Въ первый разъ, выступивъ кандидатомъ въ Шеффилдѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе на парламентскихъ выборахъ, но черезъ два

года его добрый городъ Бирмингамъ почти единогласно избралъ его своимъ представителемъ.

Сорока лѣтъ Чэмберленъ вступилъ въ парламентъ министерства Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы тамъ ему былъ оказанъ радушный приемъ. Онъ былъ величиною только въ провинціи, а въ столицѣ пользовался лишь весьма скромной репутаціей. Впрочемъ, и слухи, которые ходили о немъ, были не такого рода, чтобы снискать ему расположеніе большинства. Для виговъ, какъ и для торіевъ Чэмберленъ былъ *слишкомъ* радикалъ, мечтающій только о разрушеніи существующаго строя, сначала трона, потомъ церкви или наоборотъ, такъ какъ тутъ порядокъ не играетъ большой роли. Всѣ смотрѣли съ предубѣжденіемъ на «свирѣпаго радикала», хотя этотъ самый радикалъ принималъ въ Бирмингамѣ въ качествѣ мера принца Уэльскаго и даже сказалъ такую привѣтственную рѣчь, которая вызвала полное одобреніе консервативнаго «Times'a». Говорили даже, что принцъ Уэльскій, пожимая руку Чэмберлену, подумалъ о томъ, что онъ пожимаетъ руку будущему первому министру. Если, дѣйствительно, принцу пришла въ голову такая мысль, то, безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ также подумать и о тѣхъ социальныхъ превращеніяхъ, которымъ должна будетъ подвергнуться аристократическая Англія прежде чѣмъ это случится.

Неувѣренно и робко вступилъ Чэмберленъ въ залы Вестминстерскаго дворца. Въ Бирмингамѣ онъ игралъ первую роль, считался лучшимъ ораторомъ, но здѣсь онъ чувствовалъ себя на чужбинѣ. Однако, онъ побѣдилъ свою робость и, какъ «practical man», прежде всего старательно изучилъ всѣ парламентскіе обычаи, строго соблюдаемые всѣми депутатами и имѣющие силу закона. Онъ тщательно выучилъ наизусть *salutatorium vitae* своихъ многочисленныхъ парламентскихъ коллегъ, такъ какъ въ парламентѣ не принято называть депутатовъ по имени, а надо говорить: депутатъ отъ такого-то округа.

Надъ всѣмъ этимъ Чэмберленъ поработалъ очень усердно, прежде чѣмъ рѣшился выступить въ качествѣ оратора. Но когда онъ въ первый разъ поднялся, чтобы сказать свою рѣчь, то всѣ были поражены изумленіемъ. Репутація Чэмберлена какъ «свирѣпаго радикала» заставляла предполагать, что онъ явится въ парламентъ въ небрежномъ костюмѣ, а, между тѣмъ, когда онъ всталъ со своего мѣста, то всѣ увидѣли передъ собою истаго британскаго джентльмена съ моноклемъ въ глазу и орхидеей въ бутоньеркѣ. Этотъ монокль и орхидея сдѣлались впоследствии достояніемъ карикатуры, доставившей имъ огромную популярность въ Англіи. Чэмберленъ произнесъ свой «maiden speech» по поводу билля лорда Сандона о народномъ просвѣщеніи. Затѣмъ, послѣ этого вступленія онъ уже принималъ активное участіе въ преніяхъ.

Консервативное министерство Дизраэли, смѣнившее либеральное министерство Гладстона, управляло страной въ теченіе 6½ лѣтъ. Программу этого министерства составляло охраненіе всѣхъ учрежденій ста-

рой Англии: королевской власти, англиканской церкви и палаты лордовъ и поэтому, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ реформъ, да законовъ о рабочихъ, правительство Дизраэли ничѣмъ особеннымъ не ознаменовало своей дѣятельности въ области внутренней политики; за то въ области внѣшней политики министерство стремилось поднять чувство національной гордости и чести. Либеральная партія категорически высказывалась противъ распространенія колоній и стояла за ихъ отдѣленіе, ибо онѣ только обременяли бюджетъ, но консерваторы ставили своимъ девизомъ неразрывность британской имперіи и положили начало имперіалистской политикѣ, плоды которой Англія пожинаетъ теперь.

Однако, несмотря на успѣхи Виконсфилда (Дизраэли) во внѣшней политикѣ, увеличеніе блеска англійскаго престижа за границей и торжественную встрѣчу, устроенную ему въ Лондонѣ послѣ возвращенія съ берлинскаго конгресса, онъ все-таки потерпѣлъ пораженіе на выборахъ 1880 года и на смѣну его министерству явилось снова министерство Гладстона. Для Чэмберлена эта перемѣна министерства послужила первымъ шагомъ къ достиженію намѣченной цѣли, такъ какъ Гладстонъ предложилъ ему портфель министра торговли (the Board of Trade) въ своемъ кабинетѣ.

Многихъ удивило такое быстрое возвышеніе Чэмберлена, такъ недавно, не болѣе четырехъ лѣтъ назадъ, вступившаго въ палату общинъ. Въ парламентской жизни Англии существовалъ только одинъ примѣръ такого быстрого возвышенія. Питтъ послѣ четырехлѣтней парламентской дѣятельности занялъ мѣсто перваго министра. Но тотъ, кому была извѣстна закулисная сторона дѣла, не долженъ былъ изумляться назначенію Чэмберлена. Въ самомъ дѣлѣ, либеральная партія была ему обязана благодарностью. Сообразивъ, что онъ недалеко уйдетъ, если будетъ сражаться, какъ рядовой въ рядахъ либераловъ, Чэмберленъ рѣшилъ создать себѣ власть и вліяніе, которыхъ ему не хватало, внѣ парламента. Одинъ онъ, конечно, не могъ идти въ счетъ, но сдѣлавшись главою группы или политической ассоціаціи, онъ становился человекомъ, съ которымъ нужно было считаться, который могъ быть опасенъ какъ врагъ и нуженъ какъ другъ.

Съ этою цѣлью онъ создалъ въ своемъ миломъ Бирмингамѣ «Національную федерацію либеральныхъ ассоціацій» и превратилъ ее въ могущественное орудіе борьбы. Когда произошли выборы, давшіе большинство либеральной партіи, то это большинство было получено благодаря поддержкѣ Чэмберлена и его федераціи. Такимъ образомъ Чэмберлену удалось ясно показать будущему правительству, на что онъ способенъ, и внушить ему желаніе заручиться его содѣйствіемъ.

Пребываніе Чэмберлена въ кабинетѣ Гладстона не прошло безслѣдно. Съ его именемъ связано нѣсколько весьма полезныхъ законовъ и главнымъ образомъ двухъ: закона о патентахъ и закона о банкрот-

*

ствахъ. Крімъ того, онъ предпринявъ энергичный походъ противъ возмутительныхъ злоупотребленій, чрезвычайно распространенныхъ среди кораблевладѣльцевъ. Онъ доказывалъ необходимость закона, который долженъ былъ бы препятствовать отправленію въ море никуда негодныхъ судовъ, такъ какъ это является преступною спекуляціей со стороны кораблевладѣльцевъ. за которую многія тысячи моряковъ платятъ своею жизнью. Кораблевладѣлецъ заранѣе строитъ свои расчеты на «счастлиvomъ крушеніи», которое дастъ ему возможность получить страховую премію и возобновить свой флотъ, не развязывая кошелька. Чэмберленъ потребовалъ такихъ законовъ, которые бы прекратили эту бессовѣстную спекуляцію. Конечно, это подняло страшную бурю среди кораблевладѣльцевъ и сильная оппозиція явилась причиною того, что билль провалился въ палатѣ общинъ. Возмущенный этимъ Чэмберленъ тотчасъ же хотѣлъ выйти въ отставку, но Гладстонъ успокоилъ своего черезчуръ пылкаго коллегу и тотъ остался. Организована была слѣдственная коммиссія для болѣе подробнаго разслѣдованія этого вопроса и, въ концѣ концовъ, законопроектъ, благодаря настойчивости Чэмберлена, былъ вотиrowанъ палатой.

Вліяніе Чэмберлена въ кабинетѣ усилилось и хотя онъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ общей политики иногда и вступалъ въ оппозицію старымъ либераламъ, но въ общемъ онъ мало расходился съ Гладстономъ въ это время. Вниманіе министерства было поглощено въ этотъ промежутокъ времени двумя вопросами: избирательною реформой и ирландскимъ вопросомъ. Этотъ роковой вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ и постоянно напоминалъ о себѣ. Положеніе Ирландіи было безвыходнымъ. Народъ бѣдствовалъ и волновался и такъ какъ единственнымъ его средствомъ къ существованію была земля, то ирландскіе фермеры оспаривали другъ у друга каждый ея клочекъ, повышая арендную плату. Но при первомъ же неурожаѣ наступало бѣдствіе; фермеры не могли уплатить арендной платы и ихъ выселяли. Эти «выселенія» вызвали возмездіе со стороны населенія, покушенія на жизнь землевладѣльцевъ и т. п. Въ 1870 г. Гладстонъ провелъ въ палатѣ аграрный законъ, который, однако, какъ всѣ полумѣры, не могъ разрѣшить положенія. Неурожаи 1879 г. усилили бѣдствіе и къ концу этого несчастнаго года была основана въ Дублинѣ «аграрная лига», которая такъ много заставила говорить о себѣ въ послѣдствіи. Второе министерство Гладстона, вступившее во власть въ 1880 году, было привѣтствовано съ радостью въ Ирландіи, такъ какъ всѣ ожидали отмены принудительныхъ жѣръ и репрессій, введенныхъ консервативнымъ правительствомъ. Дѣйствительно Гладстонъ выказалъ готовность провести дальнѣйшія аграрныя реформы въ Ирландіи и умиротворить ирландцевъ, но ирландская партія, во главѣ которой сталъ тогда Парнелль, не пошла на уступки и требовала болѣе радикальной реформы. Агитація усилилась, а вмѣстѣ съ нею и аграрныя преступления, такъ

что статсъ-секретарь Ирландіи Форстеръ заявилъ о невозможности управлять страной обыкновенными средствами. Снова, несмотря на отвращеніе Гладстона къ принудительнымъ мѣрамъ, министерство рѣшилось бороться, конечно, неравнымъ оружіемъ. Палата вотировала «принудительный билль» въ засѣданіи, которое длилось безъ перерыва съ понедѣльника четырехъ часовъ до среды утра.

Завязалась борьба не на шутку. На мѣропріятія Гладстона Парнелль, съ своей стороны, отвѣчалъ воззваніемъ не платить арендной платы, пока народу не будутъ возвращены его конституціонныя права. «Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа нѣтъ оружія у военной силы», говорилъ онъ. Арестъ Парнелля, вмѣстѣ съ другими вожаками ирландской агитаціи, нисколько не прекратилъ движенія; ирландскій вопросъ принималъ все болѣе и болѣе грозный характеръ и наконецъ Гладстонъ, уступая настояніямъ своихъ радикальныхъ коллегъ и въ особенности Чэмберлена, да и самъ убѣдившись, что съ принудительными мѣрами далеко не уйдешь, согласился вступить въ сношенія съ предводителями ирландскаго движенія, посаженными въ тюрьму въ Кильменгемѣ, и переговоры эти провели къ заключенію такъ называемаго «Кильменгемскаго договора», послѣ котораго узникамъ была возвращена свобода. Переговоры происходили при посредствѣ Чэмберлена, выказывавшаго тогда самыя горячія симпатіи Ирландіи и настаивавшаго на томъ, чтобы Англія удовлетворила ея законныя требованія. Онъ находился тогда въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ирландскою націоналистскою партіей и даже заслужилъ со стороны своихъ противниковъ ироническое прозвище «general solicitor» ирландской партіи.

Форстеръ, статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи, тотчасъ же вышелъ въ отставку, какъ только состоялось соглашеніе Парнелля съ Гладстономъ, и Чэмберленъ надѣялся замѣнить его. Онъ былъ въ тѣ времена преданнымъ другомъ и союзникомъ ирландскихъ націоналистовъ и всегдашнимъ ихъ заступникомъ. Безъ сомнѣнія, они бы съ радостью встрѣтили его назначеніе и, быть можетъ, еслибъ оно состоялось, не было бы теперь кровопролитной войны въ южной Африкѣ, такъ какъ не только безпокойное честолюбіе Чэмберлена нашло бы удовлетвореніе, но и для его энергичной природы открылось бы болѣе широкое поле дѣятельности.

Чэмберленъ считалъ себя въ силахъ справиться съ трудною задачей умиротворенія Ирландіи—задачей, разрѣшить которую не удавалось ни одному изъ государственныхъ дѣтелей Англіи. Онъ даже совѣщался по этому поводу съ представителями ирландской партіи и и вынесъ изъ этого совѣщанія самыя радужныя надежды. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Мѣсто государственнаго секретаря или министра по дѣламъ Ирландіи не было предложено Чэмберлену. Гладстонъ почему-то выбралъ преемникомъ Форстера лорда Кэ-

вендиша, который вскорѣ былъ убитъ среди бѣлаго дня въ Дублинскомъ паркѣ. На это убійство министерство Гладстона тотчасъ же отвѣчало введеніемъ исключительнаго режима, который господствовалъ въ Ирландіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Чэмберленъ, хотя и уступилъ воглѣ главы кабинета, но продолжалъ все-таки заявлять при всякомъ случаѣ о своей ненависти къ политикѣ репрессалій и своемъ горячемъ желаніи необходимыхъ реформъ, которыя одиѣ только могли положить конецъ невозможному порядку вещей. Но и въ это время онъ, все-таки, отвергалъ всякую идею сепаратизма, выражая увѣренность, что она не только подвергла бы опасности Англію, но оказалась бы роковой и для благосостоянія самой Ирландіи.

Чэмберленъ продолжалъ сношенія съ Парнеллемъ и его друзьями, но его новый проектъ «національныхъ совѣтовъ» былъ отвергнутъ кабинетомъ въ концѣ 1884 года, а въ іюнѣ 1885 года министерство Гладстона вышло въ отставку, уступивъ свое мѣсто министерству лорда Сольсбѣри.

Чэмберленъ, получивъ свободу дѣйствій, воспользовался ею, чтобы совершить политическую поѣздку въ Ирландію и, чтобы обезпечить себѣ благопріятный пріемъ, написалъ предварительно посланіе къ главнымъ вождямъ ирландскаго движенія. Въ этомъ посланіи онъ излагалъ программу реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны быть проведены въ Ирландіи. Однако расчеты его оказались ошибочными. Парнелль, требованія котораго все возрастали, настаивалъ теперь на независимомъ ирландскомъ парламентѣ и не допускалъ никакихъ уступокъ въ этомъ отношеніи, въ увѣренности, что которая-нибудь изъ англійскихъ партій дастъ ему то, что онъ требуетъ. Благодаря такой настойчивости Парнелля, соглашеніе между нимъ и Чэмберленомъ не могло просуществовать долго. На поставленные Парнеллемъ категорическія условія его бывший другъ и союзникъ отвѣтилъ самымъ формальнымъ отказомъ. «Если это требованіе будетъ выполнено, сказалъ Чэмберленъ,—то мы должны будемъ отказаться отъ всякой надежды сохранить.—«Соединенное королевство». Мы бы создали тогда на разстояніи какихъ-нибудь тридцати миль отъ нашихъ береговъ чужую страну, глубоко враждебную намъ. Я твердо увѣренъ, что такая политика была бы пагубной для Ирландіи, опасной для государства, и мы должны принять всѣ мѣры, чтобы предотвратить подобное бѣдствіе. Съ своей стороны я готовъ былъ бы даровать ирландскому народу мѣстное управленіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, совершенно такъ же, какъ я желалъ бы ввести его у англичавъ и у ирландцевъ».

Такимъ образомъ разрывъ между Чэмберленомъ и ирландскими націоналистами сталъ совершившимся фактомъ, обѣ стороны обвиняли другъ друга въ неискренности. Ирландскіе націоналисты открыто заявляли, нѣсколько времени спустя, что Чэмберленъ готовъ былъ пойти

въ началѣ 1884 г., по крайней мѣрѣ, такъ же далеко, какъ пошелъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гладстонъ; они утверждали даже, что Чэмберленъ, по его собственному шутливому заявленію Парнеллю, «ничего не имѣлъ хотя бы противъ республики въ Ирландіи»,—подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ирландцы помогли ему разъединить старую либеральную партію, на развалинахъ которой онъ думалъ создать новую радикальную партію подъ собственнымъ предводительствомъ. Комбинація не удалась,—и сейчасъ мы увидимъ нашего гибкаго политика—тоже во враждѣ съ либералами, и тоже изъ-за ирландскаго вопроса,—только не на сторонѣ радикализма, а на сторонѣ консерватизма.

Консервативное министерство Сольсбери на этотъ разъ продержалось не долго, такъ какъ въ томъ же 1885 г. на общихъ выборахъ либералы вернули большинство, и въ февралѣ 1886 года Гладстонъ снова сдѣлался первымъ министромъ. Значеніе Чэмберлена настолько уже возрасло, что Гладстонъ не могъ оставить его за флагомъ, тѣмъ болѣе, что именно его смѣлая программа социальныхъ реформъ содѣйствовала побѣдѣ либераловъ на послѣднихъ выборахъ. Чэмберленъ принялъ условно предложенный ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ, хотя, въ письмѣ Гладстону, и подчеркнул свое разногласіе съ нимъ относительно ирландскаго вопроса. Въ возрѣніяхъ Гладстона на этотъ вопросъ произошелъ рѣшительный поворотъ въ сторону радикальной реформы. Онъ присоединился къ ирландцамъ, такъ какъ его собственное либеральное большинство было слишкомъ слабо, чтобы дать возможность либераламъ управлять, не опираясь на голоса ирландскихъ націоналистовъ. Къ тому же, Гладстонъ былъ убѣжденъ, что дарованіе «Home rule» не только удовлетворитъ чувство справедливости, но въ то же время будетъ содѣйствовать больше всякихъ другихъ мѣропріятій умиротворенію Ирландіи. Чэмберленъ зналъ намѣренія Гладстона, но, очевидно, оба въ душѣ надѣялись повлечь другъ на друга. Это не удалось ни тому, ни другому, и разрывъ сдѣлался неизбежнымъ. Сюда присоединились еще неудовольствія, возникшія между Джономъ Морлеемъ и Чэмберленомъ, и какъ ни старался Гладстонъ примирить ихъ, это ему не удалось.

Господство ирландскаго вопроса въ англійской политикѣ вызвало такимъ образомъ расколъ либеральной партіи. Часть ея, высказывающаяся противъ Home rule и видящая въ немъ первый шагъ къ раздробленію имперіи, настаивала на сохраненіи «уніи» съ Ирландіей, вслѣдствіе чего и получила названіе уніонистовъ. Это были диссиденты-либералы, составившіе оппозицію ирландскимъ реформамъ, къ которымъ применилъ Чэмберленъ, подавшій въ отставку тотчасъ же, какъ только Гладстонъ представилъ министерству свой проектъ ирландскаго самоуправления. Общественное мнѣніе Англи заволновалось. Въ газетахъ возникла страстная полемика и даже въ самой Ирландіи, въ Ульстерѣ, такъ называемые *оранжисты*, начали самую яркую агитацію противъ

гомруля. Королевѣ Викторіи была отправлена изъ Ульстера петиція, подписанная 30.000 женщинъ, умолявшихъ ее ни за что не давать своего согласія на законъ о гомрулѣ.

Пренія, возникшія въ палатѣ, когда Гладстонъ внесъ свой законопроектъ, носили такой же страстный характеръ и законопроектъ былъ отвергнутъ 341 голосомъ противъ 311.

Это было въ іюнѣ 1886 г. Гладстонъ распустилъ парламентъ, и новые выборы произошли на почвѣ ирландскаго вопроса, причемъ борьба возникла не между либералами и консерваторами, какъ прежде, а между обѣими фракціями либеральной партіи и кончилась полнымъ поражениемъ партіи Гладстона, такъ какъ Чэмберленъ, во главѣ уніонистовъ, оказалъ на выборахъ поддержку консерваторамъ.

Новое министерство Сольсбери вступило въ коалицію съ уніонистами, соединившимися съ консерваторами съ цѣлью сохранить зависимость Ирландіи отъ центрального правительства. Но зато Чэмберленъ не замедлил оказать давленіе на министерство въ пользу своихъ излюбленныхъ реформъ, и добился административной децентрализаціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, ирландское движеніе возобновилось съ новою силой. Снова въ Ирландіи начались выселенія при помощи вооруженной силы, вслѣдствіе отказа арендаторовъ платить аренду. Въ Ульстерѣ же происходили настоящія сраженія между оранжистами и націоналистами. Правительство возбудило судебныя преслѣдованія противъ вожаковъ движенія, но это не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ присяжные не соглашались выносить обвинительные приговоры. Введеніе аграрнаго закона, по которому арендаторы могли становиться собственниками, не успокоило однако движенія, а новыя репрессіи только усиливали борьбу.

Попытка достигнуть примиренія между гладстоновцами и уніонистами также не увѣчалась успѣхомъ. Знаменитая «конференція за круглымъ столомъ», въ которой участвовали со стороны гладстоновцевъ—Уильямъ Гаркуръ и Морлей, а со стороны уніонистовъ—Чэмберленъ и Тревилланъ, кончилась окончательнымъ разрывомъ. Въ іюнѣ 1887 года Чэмберленъ безповоротно отдѣлился отъ либеральной партіи и новая фракція, соединившись съ консервативною партіей, образовала партію либераль-уніонистовъ. Этотъ союзъ уже въ силу необходимости скрѣпился еще больше съ теченіемъ времени, когда борьба разгорѣлась сильнѣе.

Такимъ образомъ совершился переходъ «Радикала» Чэмберлена отъ либераловъ къ консерваторамъ. Конечно, главнымъ побужденіемъ при этомъ переходѣ были честолюбивые планы Чэмберлена. Но орудіемъ честолюбія была для Чэмберлена «радикальная» программа. Что сдѣлалось съ ней въ новомъ фазисѣ его политической карьеры?

Мы знаемъ, что Чэмберленъ давно уже выставилъ на своемъ знамени осуществленіе тѣхъ социальныхъ реформъ, которыя, по его мнѣнію,

должны были обезпечить благосостояніе массъ. Онъ примкнулъ къ либеральной партіи именно потому, что надѣялся скорѣе добиться этихъ реформъ отъ нея, нежели отъ консерваторовъ. Однако, его программа реформъ, которую онъ съ истинно-воинственнымъ жаромъ проповѣдывалъ на выборахъ 1885 г., напугала не только старыхъ либераловъ, но и нѣкоторыхъ изъ послѣдователей радикальной манчестерской школы. Чэмберленъ выставилъ свою программу отъ имени молодой англійской демократіи, и Гладстонъ отказался сначала присоединиться къ ней, но эта «неутвержденная» главою либераловъ программа тѣмъ не менѣе въ значительной степени содѣйствовала побѣдѣ либеральной партіи на общихъ выборахъ, такъ какъ привлекла на ея сторону голоса рабочихъ въ городахъ и селахъ. Чэмберленъ имѣлъ такимъ образомъ право надѣяться, что его, не признанная официально, программа будетъ все-таки усвоена партіей съ теченіемъ времени, но ирландскій вопросъ разрушилъ его надежды и это было толчкомъ, заставившимъ его обратиться въ другую сторону.

И такъ, какъ это ни странно, «радикализмъ» Чэмберлена оказалъ ему услугу, послуживъ ему мостомъ для перехода въ консервативный лагерь. Но здѣсь передъ честолюбивымъ политикомъ открылись новыя перспективы, передъ которыми поблѣднѣли и ступшевались его филантропически-соціальныя заги.

Будущій имперіалистъ уже давно сказывался въ Чэмберленѣ. Онъ стоялъ за самыя широкія реформы мѣстнаго управленія, но не хотѣлъ раздробленія имперіи. «Если великая Великобританія будетъ нераздѣльной, то ни одна имперія въ мірѣ не превзойдетъ ее величіемъ, населенностью, богатствомъ и разнообразіемъ средствъ», говорилъ онъ впослѣдствіи. Эта мысль была преобладающей еще тогда, когда онъ стоялъ рядомъ съ Гладстономъ, и вообще проходитъ красною нитью черезъ всю его политическую карьеру. Теперь старая идея получаетъ новую пищу.

Лордъ Сольсбери, сдѣлавшись главою кабинета послѣ пораженія либеральной партіей на выборахъ въ 1886 г. и повимая, что Чэмберлену неудобно тотчасъ же вступить въ торійское министерство, предложилъ своему новому союзнику отправиться въ качествѣ представителя Великобританіи въ Америку, чтобы разрѣшить старинный споръ о канадскихъ рыбныхъ промыслахъ. Чэмберленъ охотно согласился и прекрасно справился со своею задачей, но эта поѣздка, повидимому, имѣла рѣшающее вліяніе на его образъ мыслей. Въ немъ укрѣпилась идея объединенія всѣхъ народовъ англо-саксонской расы въ обширную федерацію, грандіозная мечта о созданіи такой великой Великобританіи, съ могуществомъ которой уже не въ состояніи была бы соперничать ни одна держава въ мірѣ.

«Великимъ имперіямъ принадлежитъ будущее,—говорилъ онъ,—а второстепенныя государства, которыя не прогрессируютъ, повидимому, обречены на подчиненное положеніе. Такова характерная черта и преобладающая тенденція современной эпохи».

Эта идея, которой Чэмберленъ отдался со свойственною ему страстностью, была главнымъ стимуломъ, заставившимъ его съ такою же энергіей поддерживать торійское министерство, съ какою онъ поддерживалъ раньше либеральное. Несмотря однако на свое вліяніе и большую популярность, ему не удалось все-таки побѣдить «великаго старца», который въ 1892 г. въ четвертый разъ сдѣлался первымъ министромъ. Чэмберленъ тогда вступилъ въ ряды оппозиціи и горячо сражался противъ ирландскаго билля Гладстона. Билль былъ принятъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 301 голоса противъ 267, но провалился въ верхней палатѣ, гдѣ лорды высказались противъ него подавляющимъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Чэмберленъ, горячо возставшій прежде противъ палаты лордовъ, считавшій ее остаткомъ феодализма, который давно бы слѣдовало уничтожить безслѣдно, сказалъ тутъ, что «палата лордовъ, отвергнувъ ирландскій билль, заслужила неуважаемую благодарность современнаго поколѣнія Англіи».

Побѣжденный и измученный Гладстонъ не только удалился съ поля битвы, но сошелъ и съ политической сцены, передавъ бразды правленія лорду Розберри. Впрочемъ, существованіе министерства Розберри было очень непрочное и незначительное большинство, на которое оно опиралось, словно таяло въ воздухѣ послѣ cadaго голосованія. Чэмберленъ, по прежнему, былъ въ оппозиціи и только разъ вотировалъ виѣстѣ съ либералами, когда Асквиту внесъ свой билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Уэльсѣ. Какъ нонконформистъ чистой крови, Чэмберленъ въ этомъ вопросѣ никогда не дѣлалъ никакихъ уступокъ своимъ новымъ союзникамъ консерваторамъ и всегда упорно боролся противъ привилегій государственной церкви. Въ 1895 г. министерство Розберри пало вслѣдствіе недостатка единодушія, и новое министерство Сольсбери составилось изъ членовъ обѣихъ фракцій консерваторовъ и либераль-унионистовъ.

Чэмберленъ, вступившій въ торійское министерство, долженъ былъ, конечно, представить своимъ избирателямъ объясненіе, какимъ образомъ онъ, радикалъ, превратился въ союзника главы партіи тори. Мы видѣли, что ему легко было найти эти объясненія. Вотъ что онъ сказалъ: «Въ послѣдніе годы я преслѣдовалъ только одну цѣль—сохраненіе уніи между Великобританіей и Ирландіей. Для этого я и поддерживалъ консервативное правительство съ 1886 г. по 1892 г., и еслибъ было возможно, то продолжалъ бы его поддерживать, сохраняя свою независимость, но настало время, когда либералы-унионисты должны нести свою долю отвѣтственности въ управленіи страной. Ихъ вступленіе въ унионистскую администрацію, которая только что сформировалась, должно служить для васъ гарантіей, что, поддерживая величіе имперіи и обезпечивая ея вліяніе за границей, новое правительство не будетъ упускать изъ виду народныхъ желаній и не уменьшитъ своихъ усилій, направленныхъ къ улучшенію благосостоянія массъ. Если я согласился теперь вступить въ министерство, то изъ этого вы не должны

выводить заключенія, что мои взгляды на соціальныя реформы сколько-нибудь видоизмѣнились. Но я думаю, что въ своемъ новомъ положеніи я скорѣе буду въ состояніи достигнуть цѣли, нежели въ томъ случаѣ, если я останусь независимымъ членомъ». И его вѣрныя избиратели ни на одну минуту не заподозрили его искренности. Не все ли равно, будетъ ли онъ сражаться рядомъ съ либералами противъ консерваторовъ или рядомъ съ консерваторами противъ либераловъ! Джо-радикалъ не могъ быть поглощенъ ни тѣми, ни другими, онъ всегда останется самимъ собой и постарается доставить народу наибольшія выгоды!

Итакъ, Чэмберленъ, по его словамъ, вступилъ въ министерство Сольсбери въ надеждѣ, что оно будетъ болѣе либеральнымъ, нежели консервативнымъ, и въ особенности въ надеждѣ занимать въ немъ преобладающее мѣсто. Но всѣ были искренно удивлены, когда Чэмберленъ взялъ портфель министра колоній. До сихъ поръ эта должность считалась второстепенной и никто не могъ понять, какъ это честолюбивый Чэмберленъ обратилъ на нее свои взоры. Конечно, никто еще не подозрѣвалъ тогда той эволюціи, которая совершилась во взглядахъ Чэмберлена, раньше столь же рѣзко какъ и Гладстонъ нападавшаго на «авантюристскую политику» лорда Виконсфильда въ 1880 году. Но то было время, когда онъ съ чувствомъ удовлетворенія взиралъ на проведенныя имъ крупныя реформы въ муниципальной администраціи Бирмингама и со скептической улыбкой относился къ «результатамъ имперіалистской политики, которая наградила Англію Кипромъ и Трансваалемъ». Когда послѣ событій 1882 года Гладстонъ былъ поставленъ въ необходимость оккупировать Египетъ, то Чэмберленъ не менѣе другихъ своихъ коллегъ въ министерствѣ сожалѣлъ объ этой оккупаци и надѣялся, что вскорѣ Англіи можно будетъ избавиться отъ этого «новаго бремени».

Такъ думалъ Чэмберленъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но по мѣрѣ того какъ онъ знакомился съ государственными дѣлами, вопросы внѣшней политики, которымъ онъ раньше придавалъ второстепенное значеніе, стали занимать его больше и онъ мало-по-малу началъ приходить къ заключенію, что между иностранною политикой какой-нибудь страны и ея внутреннимъ благосостояніемъ и развитіемъ существуетъ болѣе или менѣе тѣсная связь. Въ началѣ своей политической карьеры онъ думалъ, что сильныя законодательныя реформы, являющіяся необходимымъ результатомъ демократизаціи Англіи, достаточны будутъ для того, чтобы обезпечить счастье массъ населенія. Но скоро ему пришлось убѣдиться въ тщетѣ этой надежды. Соціальное законодательство, апостоломъ котораго онъ сдѣлался, показалось ему недостаточнымъ, проведенныя реформы не уничтожили рабочихъ кризисовъ и являлись только слабымъ палліативомъ противъ многихъ соціальныхъ золъ. Онъ чувствовалъ, какъ его вѣра въ тѣ мѣропріятія, которыя онъ всегда такъ горячо защищалъ, постепенно слабѣетъ, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, что о реализаціи крупныхъ реформъ и думать нечего, по

крайней мѣрѣ при существующихъ обстоятельствахъ, и что въ силу заключеннаго имъ компромисса, ему приходится довольствоваться только лишь частичными реформами, да и то въ искаженномъ видѣ. Тогда у него явилась мысль, что судьбы рабочихъ классовъ и благосостояніе населенія можно улучшить посредствомъ другого рода способовъ. Англія, менѣе чѣмъ всякая другая страна, можетъ изолировать себя отъ внѣшняго міра, сношенія съ которымъ являются для нея необходимыми условіемъ существованія. Въ этомъ внѣшнемъ мірѣ она находитъ рынки, куда можетъ сбывать свои продукты и поэтому ея благосостояніе тѣсно связано съ вопросомъ о рынкахъ. Придя же къ такому заключенію, Чэмберленъ объявилъ, что главною заботою правительства должно быть «пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ», а обратившись къ рабочимъ началъ ихъ убѣждать въ необходимости обращать больше вниманія на вопросы иностранной политики. «Посмотрите на результаты нашей связи съ колоніями, послѣдствія нашего вліянія въ Египтѣ и могущества въ Индіи,—говорилъ онъ,—на громадныя усилія, дѣлаемыя нашими соотечественниками, чтобы развить еще неизвѣданныя и громадныя области африканскаго континента, и вы убѣдитесь, что будущность трудящихся классовъ больше зависитъ отъ успѣха нашихъ заграничныхъ предпріятій, распространившихся по всей вселенной, нежели отъ какихъ-либо искусственныхъ мѣръ, направленныхъ къ поощренію производительности». Какъ видимъ, и на этотъ разъ хитроумный Джо съумѣлъ найти мостъ для своего новаго перехода отъ «радикализма» къ имперіализму.

Такова была перемѣна во взглядахъ на относительное значеніе внутренней и внѣшней политики, которая побудила Чэмберлена выбрать въ 1895 году министерство колоній. Теперь, въ противоположность прежнему, онъ отводилъ первое мѣсто колоніальнымъ и иностраннымъ дѣламъ и даже порицалъ вождей радикальной партіи за то, что они болѣе обращаютъ вниманіе на разныя «домашнія пререканія», которыя имѣютъ во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе, чѣмъ бы ни разрѣшились они впослѣдствіи.

Со свойственною ему энергіей Чэмберленъ принялся теперь трудиться въ пользу осуществленія своей идеи объединенія имперіи «великой Великобританіи», какъ прежде онъ трудился надъ успѣхомъ своихъ соціальныхъ реформъ. И мало-по-малу эти послѣднія, отодвинутыя на задній планъ, совершенно исчезли, поглощенные доминирующей идеей, которая овладѣла умомъ и дѣятельностью Чэмберлена.

Первымъ шагомъ къ осуществленію идеи «великой федераціи имперіи» (Imperial Federation), которая должна была обезпечить величіе и могущество еще «болѣе великой Великобританіи» (Greater Great-Britain), былъ проектъ колоніальнаго таможеннаго союза. Чэмберленъ, вѣрный своимъ словамъ: «I am a practical man», и тутъ приступалъ къ вопросу съ практической, коммерческой, стороны. Чтобы укрѣпить связь между колоніями и метрополіей, Чэмберленъ предложилъ коммерческое согла-

шеніе—«British Customs Union», устанавливающее свободу торговли между колоніями и метрополіей, но вводящее пошлины для иностраннаго ввоза. Образцомъ для такого таможеннаго союза, повидимому, послужилъ Чэмберлену германскій «Zollverein». Англія, по мнѣнію Чэмберлена, предоставивъ полную свободу и автономное правительство своимъ колоніямъ, неосторожно поступила, допустивъ ихъ создать нѣкоторыя препятствія для ввоза продуктовъ англійскаго производства. Почти всѣ колоніи установили у себя протекціонистскую политику и учредили одинаковыя пошлины какъ для продуктовъ иностраннаго производства, такъ и для всѣхъ продуктовъ метрополіи,—и Англіи никогда не заявляла никакого протеста противъ этого. Понимая, что измѣнить положеніе вещей невозможно, такъ какъ колоніи слишкомъ ревниво оберегаютъ свою независимость, Чэмберленъ и выдвинулъ на сцену свой проектъ коммерческаго союза. Но, противъ ожиданія, его проектъ не встрѣтилъ въ Англіи того пріема, на который Чэмберленъ рассчитывалъ; колоніи же отнеслись къ нему несочувственно. Австралія, Канада, Новая Зеландія опасаются, что ихъ бюджеты сильно пострадаютъ, если англійскіе товары будутъ свободно допущены на рынки и торговля ихъ не въ состояніи будетъ выдержать конкуренціи. Чэмберленъ, однако, не изъ тѣхъ людей, которые складываютъ оружіе послѣ первой же неудачи, но ему пришлось волей-неволей на время отодвинуть свой проектъ коммерческаго союза въ виду сопротивленія колоній и новыхъ событій, отвлекшихъ его вниманіе.

Знаменитый набѣгъ Джемсона, агента «Chartered Company», произошелъ въ концѣ 1895 г., вскорѣ послѣ того какъ Чэмберленъ вступилъ въ управленіе дѣлами колоній. Какъ извѣстно, эта революціонная попытка была вызвана желаніемъ добиться насильственнымъ путемъ удовлетворенія требованій уитлэндеровъ. Попытка кончилась полнѣйшимъ пораженіемъ, потому что въ организаціи этого набѣга англичане проявили свойственное имъ высококомѣрное отношеніе къ противнику и не потрудились освѣдомиться о его способности дать отпоръ. Мы видимъ въ настоящее время, что фiasco, испытанное Джемсономъ, не послужило для нихъ урокомъ.

Какъ бы поступило правительство, если бы набѣгъ Джемсона увѣнчался успѣхомъ, рѣшать не беремся, но въ данномъ случаѣ оно сдѣлало то, къ чему вынуждали его обстоятельства, т.-е. отреклось отъ Джемсона и его предпріятія. Конечно, трудно было допустить, чтобы министръ колоній не былъ своевременно освѣдомленъ о выступленіи Джемсона,—и Чэмберленъ не подумалъ отрицать это; онъ заявилъ парламентской слѣдственной комиссіи, что онъ немедленно телеграфировалъ въ Капштадтъ, чтобы были употреблены всѣ средства остановить Джемсона, но... вслѣдствіе роковой случайности телеграфъ между Капомъ и Питзани оказался перерѣзаннымъ!

Джемсона судили, посадили въ тюрьму и такимъ образомъ вѣшность была соблюдена, но трансваальскій вопросъ, вызванный откры-

тіемъ въ Трансваалѣ богатѣйшихъ золотыхъ приисковъ, остался неразрѣшеннымъ. Чэмберленъ, мечтающій о «Greater Great Britain», не могъ не обратить взоры на Трансвааль и не прикинуть къ Сесилу Родсу, основателю «южно-африканской компаніи», получившей привилегію (хартію) на разслѣдованіе и приобрѣтеніе земель въ южной Африкѣ, и къ его грандіознымъ планамъ. Развѣ же англійское владычество, объединивъ колоніи въ Южной Африкѣ, не должно было поставить эти послѣднія въ лучшія условія для прогресса и свободнаго культурнаго развитія?

Чэмберлена справедливо упрекають въ томъ, что онъ подготовлялъ войну, т. е. старался сдѣлать ее неизбежной всѣми зависящими отъ него средствами, даже до подстрекательства, подлога и подтасовки фактовъ включительно. Насколько вѣрно то, что его и Родса побуждали къ этому финансовыя затрудненія и неизбежное банкротство южно-африканской компаніи—это вопросъ пока открытый, такъ какъ трудно разобратъся въ потокѣ обвиненій и упрековъ, которые посыпались теперь на Чэмберлена и всѣхъ его сподвижниковъ. Но несомнѣнно все-таки, что идея южно-африканской федераціи играла тутъ не послѣднюю роль. Агрессивная политика Чэмберлена встрѣтила сочувствіе во всѣхъ классахъ англійскаго общества. Онъ осмѣлился громко и рѣзко высказать то, что другіе думали или говорили втихомолку. Какъ бы тамъ ни было, но онъ указалъ на опасность, которую составляли для могущества Англіи соперничества молодыхъ и сильныхъ націй, на необходимость поставить ихъ въ извѣстныя границы пока еще не поздно, если Англія желаетъ сохранить въ своихъ рукахъ экономическое первенство, составляющее для нея источникъ богатства и политическаго господства. Это господство, которое Англія приобрѣла съ самаго начала этого вѣка, необходимо для ея существованія; потеря его была бы равносильна смерти. Безъ сомнѣнія Чэмберленъ предпочелъ бы достигнуть своей цѣли, не прибѣгая къ кровопролитію, но если нѣтъ другого средства, то не слѣдуетъ упускать благоприятнаго момента, не дожидаясь, когда окрѣпнутъ силы молодыхъ соперничающихъ націй и борьба окажется болѣе трудной.

Такъ разсуждалъ Чэмберленъ, поощряя набѣгъ Дженсона. Но онъ ошибся въ разчетахъ. Онъ мечталъ повысить обаяніе и престижъ англійскаго имени и обезпечить Великобританіи преобладаніе на морѣ еще на нѣкоторый промежутокъ времени. Онъ думалъ, что подчиненіе Трансваала обойдется недорого, но рѣшаясь дѣйствовать смѣло и настойчиво въ этомъ вопросѣ, онъ конечно, никогда не предполагалъ, что соперникъ окажется настолько сильнымъ, а Англія настолько мало подготовленной къ войнѣ.

Пораженія Англійскихъ войскъ, слѣдовавшія быстро одно за другимъ, вызвали поворотъ въ общественномъ мнѣніи Англіи. Джинго притихли и все громче и громче начинаютъ раздаваться протесты противъ войны, начатой такъ опрометчиво и обезславившей Англію. Вся

европейская печать, безъ различія партій, обрушивается на Чэмберлена и Англію и въ этомъ отношеніи можно наблюдать весьма трогательное единодушіе между людьми діаметрально противоположныхъ взглядовъ въ политикѣ. Въ Англіи, однако, имя Чэмберлена не возбуждаетъ такого взрыва негодованій, какъ это можно было бы ожидать. Страшныя обвиненія сыпятся на генераловъ, на все военное вѣдомство, оказавшееся не на высотѣ своего долга, но главный виновникъ того, что кровь теперь льется рѣкой въ южно-африканскихъ степяхъ, словно забывается при этомъ; лишь изрѣдка въ рѣчи какого нибудь либеральнаго оратора упоминаютъ его и въ аудиторіи раздадутся свистки по его адресу, да во враждебныхъ ему газетахъ появятся разоблаченія его подвиговъ въ дѣлѣ Джемсона и злыя каррикатуры. Но это все, если можно такъ выразиться, единичныя манифестаціи. Народъ какъ будто прощаетъ ему всѣ тѣ ошибки, которыя сдѣланы имъ въ послѣдніе годы. Дѣйствительно, почва имперіализма оказалась менѣе податливой и менѣе подготовленной для воспріятія честолюбивыхъ плановъ Чэмберлена, чѣмъ обѣщала быть почва социальной дѣятельности, въ которой онъ уже связалъ свое имя съ цѣлымъ рядомъ демократическихъ реформъ. На новой почвѣ Чэмберленъ роковымъ образомъ началъ терпѣть пораженія одно за другимъ. Его пылкость здѣсь особенно вредила дѣлу, мѣшала обдуманности его поступковъ. Его мечты о грандіозной федераціи, которая должна объ единить въ одно цѣлое Великобританію со всѣми ея колоніями, такъ и остались мечтами. Такая же участь постигла и его пресловутый «British Customs Union» и идею союза народовъ англосаксонской расы, «противъ котораго никто въ мірѣ не могъ бы устоять.» Онъ не встрѣтилъ сочувствія въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ не нашелъ его и въ Германіи, съ которою тоже хотѣлъ вступить въ соглашеніе. Но англійскій народъ обладаетъ способностью восхищаться тѣми, «кто умѣетъ хотѣть», и безусловно довѣряетъ имъ. Чэмберленъ высказалъ неуклонную энергію и стремительность въ достиженіи своихъ цѣлей. Онъ властно завладѣлъ англійскою политикой и въ короткое время, безъ всякихъ связей, лишь силою воли и таланта, прошелъ въ первые ряды, не дѣлая при этомъ никакихъ уступокъ и не подчиняясь формамъ, установленнымъ старинною британскою аристократіей. Директоръ «Ecole libre des sciences politiques» очень удачно сравниваетъ Чэмберлена съ кометою, которая насильственно ввѣдрилась въ плеяду величественныхъ свѣтилъ и продолжаетъ въ ней свой путь, не теряя ни одного изъ присущихъ ей свойствъ. Несомнѣнно, что это одна изъ самыхъ оригинальныхъ и сильныхъ фигуръ на современной политической сценѣ, и было бы преждевременно считать его роль въ Англіи оконченной, вслѣдствіе того оборота, который принимаютъ событія въ южной Африкѣ.

Э. Пименова.

Исторія животнаго населенія Европы въ его постепенномъ развитіи.

(Продолженіе *).

II.

Ледниковый періодъ.—Его причины.—Климатъ и ландшафты ледниковаго періода.—Ледниковые періоды повторяются.—Отдаленность ледниковаго періода отъ нашего времени.

Говоря коротко, вліяніе ледниковаго періода на фауну Европы сказалось въ томъ, что населявшая до того времени нашу материкъ тропическая фауна смѣнилась приблизительно современной намъ. Пока мы не станемъ разбирать, какимъ образомъ это произошло. Намъ важно теперь отмѣтить лишь то, что продолжительность ледниковаго періода измѣряется тысячелѣтіями и что онъ принадлежитъ началу такъ наз. четверичной эры **) или періоду плейстоценовыхъ отложеній.

Какъ показываетъ само названіе этого періода, въ теченіе его ледники достигали огромнаго развитія во всемъ сѣверномъ полушаріи, т. е. въ Европѣ, Азійи, и Сѣверной Америкѣ, одновременно съ чѣмъ значительная часть этихъ материковъ опустилась много ниже теперешнаго уровня и была затоплена моремъ. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно, такъ какъ это сразу даетъ намъ возможность составить себѣ понятіе о климатѣ ледниковаго періода: если поверхность моря занимала ббольшую площадь, нежели теперь, мы не имѣемъ основанія думать, что климатъ ледниковаго періода отличался особой суровостью—это несомнѣннимо съ его влажностью. Съ другой стороны,

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

**) Мы различаемъ четыре эры въ исторіи развитія земной коры, соотвѣтственно съ чѣмъ всѣ слои земной коры дѣлятся на четыре группы, характеризующіяся, помимо петрографическихъ свойствъ ихъ отложеній, находящимися въ нихъ остатками организмовъ. Эти группы слѣдующія: 1) архейская (системы: лаврентьевская и гуронская); 2) палеозойная (системы: силурійская, девонская, каменноугольная и пермская, такъ называемыя первичныя); 3) мезозойная группа (системы: триасовая, юрская и мѣловая, такъ называемыя вторичныя); 4) кэнозойная группа (системы третичная, эоценовая, міоценовая, пліоценовая) и послѣтретичная или четверичная, которой принадлежитъ, какъ первый членъ ряда, плейстоценъ.

влажность климата объясняетъ намъ обиліе водяныхъ осадковъ, под-
держивавшихъ чрезмѣрное развитіе ледниковаго покрова.

Однако, вникая въ слѣды, оставленные ледниковымъ періодомъ
болѣе пристально, мы безъ особаго труда приходимъ къ заключенію,
что огромный промежутокъ времени, захваченный этимъ періодомъ,
вовсе не характеризовался однимъ оледенѣніемъ значительныхъ пло-
щадей сѣвернаго полушарія: повидимому, извѣстныя области нѣсколько
разъ и въ разной степени покрывались ледниковымъ покровомъ, тогда
какъ въ промежутки между этими періодами оледенѣнія ледники со-
кращались до *minimum'a* и мѣстами даже исчезали совсѣмъ. Такимъ
образомъ, мы должны говорить не объ одномъ ледниковомъ періодѣ,
а о нѣсколькихъ, раздѣленныхъ межледниковыми. Въ теченіе послѣднихъ
не только происходило сокращеніе ледниковъ, но также поднятіе прежде
затопленныхъ площадей суши и болѣе или менѣе значительное смяг-
ченіе климата, не смотря на его большую сухость, подъ вліяніемъ
очень важныхъ астрономическихъ причинъ.

Это возстановленіе оро-гидрографіи и климата сѣвернаго полушарія
въ давно прошедшія времена возможно вслѣдствіе того, что и леднико-
вые, и межледниковые періоды оставили намъ по себѣ совершенно
ясныя слѣды. Слѣды эти нѣсколькихъ категорій: одни прямо принад-
лежатъ ледниковому покрову, другіе являются его слѣдствіемъ въ фау-
нистическомъ и флористическомъ отношеніи. Непосредственные слѣды
ледниковаго покрова выражены въ шлифованныхъ, покрытыхъ тон-
кими штрихами (въ опредѣленномъ направленіи) скалахъ, въ валунахъ,
занесенныхъ туда, гдѣ теперь нѣтъ и ничтожныхъ ледниковъ, и въ
такъ называемыхъ моренныхъ образованіяхъ, т. е. обломкахъ скалъ,
принесенныхъ и отложенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ ледникомъ, въ
долинахъ. На фаунѣ и флорѣ вліяніе развитія ледниковаго покрова
сказывается въ появленіи въ умѣренныхъ широтахъ такихъ формъ
животной и растительной жизни, которыя нормально принадлежатъ ар-
ктическимъ странамъ. Хотя, какъ было замѣчено, средняя годовая тем-
пература ледниковаго періода не могла быть особенно низкой, однако
въ извѣстныхъ предѣлахъ она была понижена и сравнительно съ преж-
ней температурой, напр., западной или южной Европы была гораздо
ниже. Виѣсть съ тѣмъ прежніе обитатели этихъ областей не могли
оставаться здѣсь болѣе и должны были отступить къ югу или даже
вымереть, тогда какъ имъ на смѣну могли явиться арктическія формы
съ одной стороны нашедшія себѣ въ болѣе южныхъ широтахъ при
измѣнившихся климатическихъ условіяхъ подходящія условія жизни,
съ другой — вытѣсненные изъ ихъ прежней родины сильно развив-
шимся оледенѣніемъ.

Само собою разумѣется, заключая о развитіи ледниковаго покрова
и о нѣкоторыхъ климатическихъ измѣненіяхъ на основаніи присутствія
въ относительно южныхъ широтахъ сѣверныхъ формъ, мы опираемся

на нынѣ извѣстные факты. Къ плейстоценовому періоду на земномъ шарѣ уже сказалась климатическая разница по широтамъ и въ связи съ этимъ животныя и растительныя формы приспособились къ разнымъ климатическимъ условіямъ, или, лучше сказать, ко всей суммѣ жизненныхъ условій въ разныхъ широтахъ, какъ это наблюдается, только въ болѣе рѣзкой формѣ, теперь. Въ общемъ мы несомнѣнно правы, дѣлая такой выводъ, хотя, конечно, возможно, что при продолжительной геологической исторіи какого-либо животнаго оно могло приспособляться къ довольно разнообразнымъ климатическимъ условіямъ, не измѣняясь сколько-нибудь значительно. Къ подобнымъ частнымъ случаямъ мы еще вернемся позднѣе.

Ледниковые слѣды той и другой категоріи такъ многочисленны и такъ широко распространены, что нечему удивляться, если мы скажемъ, что въ общемъ явленія ледниковаго періода могутъ считаться одними изъ наилучше изученныхъ, не смотря на всю ихъ сложность. Особенно хорошо они изслѣдованы въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ, пока еще очень недостаточно въ Азіи. Однако, насколько извѣстно, сѣверная Азія ледниковаго періода сильно отличалась отъ Европы и Сѣв. Америки соотвѣтствующей эпохи, и это объясняетъ многое въ современной группировкѣ животныхъ.

Начиная съ чередованія ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ, мы имѣемъ передъ собою въ краткомъ изложеніи слѣдующее.

Въ предшествовавшей ледниковому періоду пліоценовой вѣкѣ Сѣверное море было населено фауной, несомнѣнно указывающей на мягкій климатъ, что подтверждается также прѣсноводными и наземными ископаемыми. Море занимало въ это время значительныя части восточной и южной Англии, Бельгіи, Голландіи, сѣверной и западной Франціи и береговую полосу средиземноморской области. Съ теченіемъ времени климатъ сталъ суровѣе и прежніе обитатели оставили Сѣверное море, которое заняли сѣверныя формы, проникшія даже до Средиземнаго моря. На сушѣ пышная пліоценовая растительность и млекопитающія тропическаго характера также постепенно отступали передъ холодными зимами перваго ледниковаго періода. Вышнимъ образомъ этотъ періодъ характеризовался развитіемъ огромнаго ледника на мѣстѣ Балтійскаго бассейна, оледенѣніемъ горныхъ частей Британскихъ о-въ, горъ Оверни и другихъ во Франціи, и, безъ сомнѣнія, многихъ горъ центральной Европы.

Однако, этотъ холодный періодъ мало-по-малу пришелъ къ концу, сѣверная фауна отступила на сѣверъ, на мѣстѣ южной части Сѣвернаго моря поднялась суша, соединившая Британскіе о-ва съ материкомъ Европы, пышная растительность развилась въ низменностяхъ и поднялась высоко въ горы, а вмѣстѣ съ нею изъ болѣе южныхъ широтъ явились и такія млекопитающія, какъ бегемотъ, слоны, олени и пр. Это—первый межледниковый періодъ, въ свою очередь уступив-

шій постепенно мѣсто второму или великому ледниковому періоду, когда ледники получили наибольшее развитіе, какого только достигали въ теченіе всѣхъ ледниковыхъ періодовъ, оказавъ огромное вліяніе на составъ европейской фауны. Именно это оледенѣніе охватило собою значительную часть Европейской Россіи, сокративъ вмѣстѣ съ моремъ до minimum'a ея сушу. Вмѣстѣ со вторымъ оледенѣніемъ опять появляются подъ южными широтами сѣверные жители, вытѣсняя болѣе южныя формы, и огромное *ледяное море* покрываетъ сѣверныя части материка, спускаясь до Саксоніи, тогда какъ вся центрально-европейская альпійская горная страна и многія другія горы западной, центральной и отчасти южной Европы представляли самостоятельные центры оледенѣнія. Само собою разумѣется, что такія огромныя физическія измѣненія должны были вызвать столь же значительныя измѣненія въ распространеніи животныхъ и растений, и въ это время арктическія альпійскія растенія занимаютъ низменности центральной Европы, тогда какъ сѣверныя животныя доходятъ до Средиземноморскаго побережья. Продолжительность второго ледниковаго періода была огромна, какъ это доказываютъ принадлежація ему моренныя и наносныя рѣчныя образованія. Тѣмъ не менѣе и онъ пришелъ къ концу, когда Британскіе о-ва снова соединились съ материкомъ, благодаря поднятію морского дна, и умѣренный, даже теплый климатъ опять распространился на большую часть материка. Принадлежащіе этому періоду ископаемые остатки растеній сѣверной Германіи и центральной Россіи несомнѣнно указываютъ, что климатъ второго межледниковаго періода былъ и мягче, и лишенъ тѣхъ контрастовъ по временамъ года, которые характеризуютъ современный. Въ это же время Европа соединилась съ сѣверной Африкой нѣсколькими перешейками и на ея почвѣ вмѣстѣ съ пышной флорой опять появилась богатая фауна съ бегемотомъ и слонами. Повидимому, этотъ межледниковый періодъ былъ очень продолжителенъ, о чемъ можно судить по глубинѣ рѣчныхъ долинъ этой эпохи, но постепенно и онъ кончился, снова значительная часть суши Европы была затоплена наступившимъ моремъ и наступилъ третій ледниковый періодъ.

Въ теченіе его ледники опять покрыли значительную часть сѣверной и сѣверо-западной Европы, равно какъ южныя страны средней и отчасти южной Европы, но ихъ развитіе было много меньше, нежели во второй ледниковый періодъ, хотя въ Россіи ледяной покровъ покрывалъ собою еще всю область Бѣлаго моря, Финляндію и сѣверо-западный край.

Третій ледниковый періодъ смѣнился послѣдовательно третьимъ межледниковымъ, четвертымъ ледниковымъ и такъ далѣе еще два или три раза, пока въ результатъ послѣдовательныхъ опусканій и поднятій въ своихъ разныхъ частяхъ материкъ не принялъ сначала очертаній, описанныхъ равнѣ для послѣдниковаго періода, а потомъ и совре-

*

менныхъ. При каждомъ новомъ ледниковомъ періодѣ границы оледенѣній все болѣе и болѣе сокращались, и суша, говоря вообще, все болѣе и болѣе выигрывала въ размѣрѣ, тогда какъ измѣненіе климата изъ теплаго и равномѣрнаго въ современный намъ докончило измѣненіе фауны и флоры въ ранѣе указанномъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ теченіе плейстоценоваго вѣка нѣсколько ледниковыхъ періодовъ чередовались съ межледниковыми и только въ теченіе одного или великаго ледниковаго періода ледниковый покровъ достигалъ необычнаго развитія, а затѣмъ, говоря вообще, сокращался.

Въ Сѣв. Америкѣ ледники также достигали огромнаго развитія и захватывали большую часть материка, при чемъ, повидимому, это по времени совпадало съ ледниковыми періодами Европы.

Что же касается Азіи, то, кромѣ оледенѣній горъ центральной Азіи, мѣстами весьма значительныхъ, мы не знаемъ здѣсь другихъ ледниковыхъ образований. Сибирь, повидимому, не покрывалась льдомъ, хотя, при общемъ пониженіи температуры на сѣверѣ, климатъ здѣсь становился постепенно все болѣе суровымъ, съ контрастами, свойственными континентальному климату. Это состояніе Сибири для насъ очень важно: здѣсь передъ нами огромная площадь, гдѣ третичное животное населеніе, повидимому, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какимъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ былъ ледниковый періодъ, могло мало-помалу измѣниться въ современное, преимущественно путемъ вымиранія третичныхъ и плейстоценовыхъ формъ. Это само собою опредѣляетъ Сибирь, какъ центръ распространенія для очень многихъ формъ животныхъ послѣ того, какъ въ результатѣ окончательнаго сокращенія ледниковъ почва Европы стала пригодной для такого расселенія.

Огромный интересъ представляетъ собою рѣшеніе вопроса о климатѣ ледниковаго періода и ледниковомъ ландшафтѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ климатъ былъ очень влажнымъ, такъ какъ безъ обилія водяныхъ осадковъ не могло образоваться скопленія льдовъ въ такомъ количествѣ, чтобы они захватили собою огромныя площади. Но что касается средней годовой температуры ледниковаго періода, то на это отвѣтить вовсе не легко. Можетъ быть самое правильное идти въ этомъ случаѣ путемъ аналогій и изученія подходящихъ примѣровъ, однако и это не даетъ совершенно удовлетворительнаго рѣшенія вопроса. Такъ, ледники Новой Зеландіи лежатъ подъ широтою гораздо низшей, нежели наши Альпы, и на горахъ сравнительно невысокихъ, но спускаются далеко въ долины, климатъ которыхъ очень мягкій, равномѣрный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень влажный. На небольшомъ разстояніи отъ ледниковъ Новой Зеландіи въ долинахъ растутъ даже такія нѣжныя растенія, какъ древовидные папоротники, и такимъ образомъ, повидимому, климатическіе контрасты сталкиваются на самомъ небольшомъ разстояніи. Обращаясь отсюда къ ледниковому періоду, мы, конечно, понимаемъ теперь нѣкоторыя изъ сопровождающихъ его явленій, какъ, напр., нахо-

ждение недалеко другъ отъ друга остатковъ бегемота, гиены и мускуснаго быка: первые могли держаться дальше отъ края ледниковъ, на незанятыхъ льдомъ участкахъ суши, гдѣ сохранилась болѣе богатая растительность, послѣднее животное могло занимать участки суши между вклинивающимися языками ледника. Но почти совмѣстное нахождение остатковъ названныхъ животныхъ можно объяснять и другимъ образомъ: въ ледниковый періодъ лѣто также чередовалось съ зимою, какъ и теперь, но лѣто было гораздо короче, а зима гораздо длиннѣе. Возможно, что въ связи съ этою смѣною временъ года и животныя ледниковаго періода совершали небольшія переселенія, то поднимаясь далѣе къ сѣверу (лѣтомъ), то спускаясь нѣсколько къ югу (зимою). Въ такомъ случаѣ бегемотъ и гиена могли доходить лѣтомъ туда, гдѣ зимою появлялся мускусный быкъ. Но какое изъ этихъ двухъ объясненій вѣрно, рѣшить нѣтъ возможности.

Однако, что касается занятой ледниками площади, то мы не можемъ думать, чтобы климатъ здѣсь былъ особенно мягкимъ. По вычисленіямъ Гѣфера, средняя годовая температура вблизи фирновой линіи въ ледниковый періодъ была около $-2,2^{\circ}$ R., т. е. почти та же, что и температура вблизи высшей альпійской фирновой линіи. Лѣто въ сѣверной Гренландіи холоднѣе, нежели зима на Британскихъ о-вахъ, такъ какъ средняя лѣтняя температура не превышаетъ здѣсь $+1^{\circ}$ и $+2^{\circ}$ R. Слѣдовательно, объ особенно энергичномъ проявленіи животной и растительной жизни въ занятой льдами области Европы нечего и говорить; но было бы ошибочно думать, что ледниковый ландшафтъ представлялъ собою просто ледяную пустыню, по крайней мѣрѣ этого не должно было быть въ области ледниковъ ближе къ ихъ южной границѣ. Въ этомъ отношеніи для насъ особенно поучительны ледники Аляски и, преимущественно, система глетчеровъ, спускающихся теперь до уровня океана съ альпійской цѣпи горъ Св. Иліи и самой горы Св. Иліи. «Располагаясь около 60° сѣв. шир., между годичными изотермами $+4^{\circ}$ и $+6^{\circ}$ (около -8° январской и $+14^{\circ}$ іюльской средней температуры), ледники горы Св. Иліи представляютъ, къ тому же, замѣчательное и въ высшей степени поучительное явленіе въ томъ отношеніи, что на поверхности ихъ льда (отъ 300' до 700' мощности), покрытой толстымъ мореннымъ отложеніемъ, произрастаютъ настоящіе, хотя и острововидные, лѣса и чащи, пробраться черезъ которыя, на разстояніи одной (англ.) мили, стоило путешественникамъ многихъ часовъ усиленной работы. Самый значительный изъ такихъ, если можно такъ выразиться, наледниковыхъ лѣсовъ располагается восточнѣе устья подглетчерной рѣчки «Jones river», въ Icebaу, покрывая собою окраину ледника, опускающагося здѣсь въ море. Лѣсъ этотъ имѣетъ около 8 англ. миль въ длину и до 4 миль въ ширину! Нѣсколько гораздо меньшихъ лѣсныхъ оазисовъ располагается и далѣе, въ глубь ледника, даже около самаго основанія горы Св. Иліи, гдѣ такіе островки или «лѣсныя пятна»,

среди «зеленѣющей тамъ травы», дѣйствительно достойны были названія «запрещеннаго рая». На одномъ, высоколежащемъ ледниковомъ озерѣ найденъ былъ также и настоящій островокъ, поросшій лѣсомъ. Кромѣ преимущественно хвойныхъ деревьевъ, въ ледниковыхъ лѣсахъ этихъ встрѣчена была также береза и ива. Части ледника, возобновившія и усилившія свое движеніе, надвигаются мѣстами на такіе оазисы и опрокидываютъ стволы покрывающаго ихъ лѣса, подготавливая такимъ путемъ отложенія, которыя, при другихъ условіяхъ, мы должны были бы разсматривать, какъ лучшія доказательства неоднократнаго обледенѣнія этой мѣстности, такъ какъ въ межледниковыхъ пластахъ этихъ находили бы растительные остатки, а можетъ быть, и пни въ ихъ естественномъ положеніи».

Чтобы составить себѣ наилучшее представленіе о вліяніи ледниковаго періода на животное населеніе страны, надо еще коснуться причины этого явленія и опредѣлить, не происходило ли чего-либо подобнаго въ сѣверномъ полушаріи въ болѣе ранніе періоды.

Изъ всѣхъ теорій, предложенныхъ для объясненія ледниковаго періода, болѣе удачной, т.-е. болѣе согласной съ геологическими данными, является астрономическая теорія Кролля. Согласно этой теоріи, климатическія измѣненія, вызвавшія ледниковый періодъ, являются результатомъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ агентовъ: предваренія равноденствій и вѣковыхъ измѣненій въ эксцентриситетѣ земной орбиты. Въ настоящее время зима въ сѣверномъ полушаріи бываетъ тогда, когда земля находится на ближайшемъ разстояніи отъ солнца (въ такъ наз. перигелии), и лѣто тогда, когда земля болѣе отстоитъ отъ него (въ такъ наз. афелии). Но такое положеніе дѣлтъ не всегда бываетъ. Лѣто въ афелии постепенно будетъ переходить на лѣто въ перигелии, и черезъ 10.500 лѣтъ наступленіе въ сѣверномъ полушаріи времени года будетъ какъ разъ обратное тому, что есть здѣсь теперь (т.-е. зима будетъ, когда земля будетъ болѣе отстоять отъ солнца, и лѣто, когда она будетъ болѣе приближена къ нему), и совершенно соотвѣтствующее тому, что теперь есть въ южномъ полушаріи. Еще черезъ 10.500 лѣтъ сѣверное полушаріе опять возвратится къ современному своему состоянію и т. д., что и называется предвареніемъ равноденствій. Что касается измѣненій эксцентриситета, то это состоитъ въ слѣдующемъ. Земля обращается вокругъ солнца по эллипсису, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце. Но, благодаря притяженію земли другими планетами, форма эллипсиса измѣняется: онъ то приближается къ кругу, когда его длинная ось укорачивается, то становится болѣе вытянутымъ, когда его длинная ось удлинняется. Эти колебанія эллипсиса происходятъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и выражаются величиною эксцентриситета, т. е. отношеніемъ разстоянія между фокусами къ длинной оси эллипсиса. Въ теченіе длиннаго періода лѣтъ эксцентриситетъ уменьшается, пока не достигнетъ извѣстнаго minimum'a, причемъ эллипсисъ

наиболѣе приближается къ кругу, хотя никогда не становится кругомъ. Послѣ этого эксцентрицитетъ начинаетъ увеличиваться и эллипсисъ становится все болѣе и болѣе вытянутымъ, пока эксцентрицитетъ не достигнетъ извѣстнаго максимумъа. Затѣмъ эксцентрицитетъ опять уменьшается и т. д. Въ настоящее время эллипсисъ, по которому обращается земля вокругъ солнца, равняется одному изъ наиболѣе приближающихся къ кругу; черезъ 24.000 лѣтъ этотъ эллипсисъ будетъ однимъ изъ наиболѣе укороченныхъ; но затѣмъ земля опять начнетъ описывать все болѣе и болѣе удлиняющіеся эллипсисы, пока, черезъ нѣсколько тысячелѣтій, ея орбита не достигнетъ наибольшаго эксцентрицитета, чтобы въ слѣдующій періодъ снова обращаться по уменьшающимся эллипсисамъ.

При наибольшемъ удлиненіи эллипсиса земля, находясь въ афелии, само собою разумѣется, будетъ дальше отъ солнца, нежели занимая тоже положеніе теперь, и, находясь въ перигелии, будетъ соответственно ближе къ нему. Теперь среднее разстояніе земли отъ солнца около 92.400.000 миль, но когда планеты силою своего притяженія наиболѣе удаляютъ землю отъ солнца, другими словами, при наибольшемъ эксцентрицитетѣ земной орбиты, земля въ афелии находится на разстояніи 99.584.100 миль отъ солнца и въ перигелии только на разстояніи 85.215.000 миль. Такимъ образомъ, разница между наибольшимъ и наименьшимъ разстояніемъ земли отъ солнца равняется 14.368.200 миль. При этомъ, надо помнить, что, несмотря на измѣненія въ формѣ земной орбиты, земля совершаетъ свой путь вокругъ солнца въ одно и то же время. При теперешнемъ состояніи эксцентрицитета, земля въ перигелии въ данную единицу времени получаетъ на $\frac{1}{16}$ болѣе тепла, чѣмъ находясь въ афелии. Слѣдовательно, если-бы земля во всѣхъ частяхъ своей орбиты вращалась вокругъ солнца съ одинаковой скоростью, или, другими словами, если бы времена года были равно продолжительны, то южное полушаріе, какъ находящееся лѣтомъ въ перигелии, не только получало бы ежедневно большее количество тепла, но получало бы его избытокъ и за годъ. Но земля движется въ разныхъ частяхъ своей орбиты съ разною скоростью, и въ результатъ оба полушарія получаютъ теперь, приблизительно, одинаковое количество тепла. При наибольшемъ же эксцентрицитетѣ сѣверное полушаріе при зимѣ въ афелии получаетъ на $\frac{1}{8}$ тепла меньше, нежели получаетъ его теперь, и лѣтомъ на $\frac{1}{8}$ болѣе. Если же зима наступаетъ при положеніи земли въ перигелии, то результатъ большаго эксцентрицитета скажется въ томъ, что разница между зимою и лѣтомъ почти сгладится. Такимъ образомъ, тогда какъ въ одномъ полушаріи будетъ постоянное лѣто, въ другомъ между лѣтомъ и зимою будетъ огромный контрастъ.

При наибольшемъ эксцентрицитетѣ и при томъ условіи, что въ сѣверномъ полушаріи зима будетъ наступать при нахожденіи земли въ афелии, эта зима должна отличаться и продолжительностью, и су-

ровостью. Водяные осадки подъ широтою средней Европы должны въ такомъ случаѣ выпадать въ формѣ снѣга, моря должны замерзнуть и даже значительное приближеніе земли къ солнцу въ перигелии (гѣтои) не могло-бы устранить результатовъ такой зимы. На первый взглядъ это можетъ казаться парадоксальнымъ, такъ какъ гѣтои сѣверное полушаріе должно получить огромный избытокъ тепла; но мы сейчасъ же увидимъ, что выводъ совершенно вѣренъ, если принять во вниманіе другія условія. Въ Гренландіи, какъ замѣчено, гѣто холоднѣе британской зимы, хотя солнце грѣетъ такъ сильно, что растапливаетъ смолу, которою обмазаны суда, и свѣтитъ день и ночь. Причина этого въ томъ, что Гренландія покрыта снѣгомъ и льдомъ. Безъ этого покрова солнце нагрѣвало бы почву, отдавала бы часть всего тепла атмосферѣ и температура гѣта поднялась бы. Теперь же почти все тепло, доставляемое солнцемъ, идетъ на таяніе снѣга и льда, а не на нагрѣваніе почвы,—и только ничтожная часть тепла отдается атмосферѣ путемъ лучеиспусканія. Поэтому совершенно понятно утвержденіе Кролля, что при большомъ эксцентриситетѣ солнце не можетъ дать теплаго климата тому полушарію, которое имѣетъ гѣто въ перигелии. Конечно, испареніе гѣтои усиливается, но отъ соприкосновенія со льдомъ пары сгущаются и въ томъ или другомъ видѣ падаютъ обратно. Если даже принять крайне дождливое гѣто, то окажется, что выпадающаго дождя не можетъ хватить на таяніе болѣе чѣмъ одной восьмой снѣга и льда и, слѣдовательно, значительная часть зимняго снѣга ни въ какомъ случаѣ не можетъ стаять. Впрочемъ, обращеніе къ тому, что мы сейчасъ видимъ, поможетъ еще болѣе уяснить это. Въ южномъ полушаріи гѣто приходится въ такіе мѣсяцы, когда земля находится въ ближайшемъ разстояніи отъ солнца (при современномъ эксцентриситетѣ), и тѣмъ не менѣе отличается крайне низкой температурой, густыми туманами и не имѣетъ ничего общаго съ гѣтои сѣвернаго полушарія.

При наибольшемъ эксцентриситетѣ и при зимѣ въ афелии, когда число зимнихъ дней на 36 было болѣе лѣтнихъ, здѣсь должны были скопиться такія массы снѣга и льда, что даже значительное приближеніе земли къ солнцу гѣтои было бессильно, чтобы уничтожить ихъ. Напротивъ, въ южномъ полушаріи въ то же время гѣто было на 36 дней длиннѣе, зима (въ перигелии) мягче и сравнительно короче и въ результатѣ разницы между гѣтои и зимой почти не было.

Однако, одиѣ эти астрономическія причины еще не могли бы вызвать значительнаго накопленія снѣга и льда: для этого столь же необходимъ запасъ влажности. Кролля указываетъ, что при большомъ эксцентриситетѣ и зимѣ въ афелии воздушныя теченія отъ сѣвернаго полюса къ экватору, которыя должны уравнивать восходящіе токи нагрѣтаго воздуха подъ экваторомъ, отличались очень большою силою и въ результатѣ сильнаго воздѣйствія различныхъ воздушныхъ теченій

какъ отъ сѣвернаго, такъ и отъ южнаго полюса Гольфстремъ фактически тогда почти не существовалъ. Благодаря этому отсутствію теплаго океаническаго теченія въ Атлантическомъ океанѣ и соответствующаго въ Тихомъ, сѣверное полушаріе имѣло еще болѣе низкую температуру, тогда какъ сохраненіе нагрѣтыхъ массъ воды въ южномъ повышало его температуру. Но на экваторѣ огромное количество воды продолжало испаряться и образующіеся здѣсь пары переносились къ сѣверному полюсу, давая, особенно лѣтомъ, огромное количество снѣга. Такимъ образомъ, даже лѣтомъ снѣгъ, вѣроятно, не только не стаявалъ, но все болѣе и болѣе накоплялся, и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ въ сѣверномъ полушаріи образовалось, наконецъ, такое количество льда, что подъ его массой полярныя страны опустынились, море заняло значительныя площади и огромныя ледники закрыли собою какъ части Европы, такъ и Сѣверной Америки. Коротко говоря, извѣстное совмѣщеніе астрономическихъ и географическихъ причинъ вызвало, по мнѣнію Кролля, ледниковый періодъ, и намъ остается теперь только сопоставить данныя его теоріи съ геологическими, чтобы провѣрить, насколько они соответствуютъ другъ другу.

Прежде всего мы видимъ, что Кролля для своей теоріи беретъ то же расположеніе материковъ, какое есть теперь. Затѣмъ, выводимыя имъ явленія не есть что-нибудь совершенно новое, а только новыя комбинаціи хорошо извѣстныхъ явленій. Охлажденію сѣверныхъ морей вполне соответствуетъ доказанное геологами распространеніе далеко къ югу морскихъ животныхъ. Иамѣненію климата, при зимѣ въ перигелии, соответствуетъ постепенное отступаніе ледниковъ и возвращеніе сѣверныхъ видовъ животныхъ въ сѣверныя страны. Кролля говоритъ, что холодныя и теплыя періоды должны были чередоваться, и геологія также насчитываетъ нѣсколько ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ. Соответствіе въ этомъ случаѣ можно провести даже еще далѣе. Какъ выше указано, за первымъ ледниковымъ періодомъ слѣдовалъ второй, когда ледники достигали наибольшаго развитія, и еще нѣсколько, когда ледники, говоря вообще, все болѣе и болѣе отставали въ своемъ развитіи, пока не приняли теперешнихъ размѣровъ. По теоріи Кролля въ теченіе послѣдняго цикла развитія большого эксцентрицитета, который охватывалъ огромный періодъ свыше 160.000 лѣтъ, наибольшій эксцентрицитетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наиболѣе продолжительныя и холодныя зимы для сѣвернаго полушарія въ афелии, стоятъ также ближе къ началу этого періода. Стало быть, геологи и Кролля совершенно сходятся въ томъ, что великому ледниковому періоду предшествовали нѣсколько меньшихъ, равно какъ нѣсколько меньшихъ было и послѣ него, какъ и въ томъ, что до этого періода болѣе слабыя оледенѣнія было меньше, нежели послѣ него. Кролля говоритъ, что межледниковые періоды, изъ коихъ одинъ былъ до великаго ледниковаго, другой послѣ него, должны были отличаться наиболѣе благоприят-

ными климатическими условіями изъ всѣхъ такихъ періодовъ, и геологическія данныя не противорѣчаютъ этому, поскольку мы знакомы съ фауной и флорой этихъ періодовъ. Наконецъ, теорія Кролля требуетъ, чтобы ледниковому періоду сѣвернаго полушарія соотвѣтствовалъ межледниковый южнаго и обратно. Недостатокъ геологическихъ данныхъ для южнаго полушарія не позволяетъ придти въ этомъ случаѣ къ какому-либо опредѣленному заключенію; изученіе современнаго состоянія сѣвернаго и южнаго полушарія, благодаря малому эксцентриситету земной орбиты, также очень неблагоприятно. Однако, если уже хотятъ отыскивать ледниковый и межледниковый періоды, — простого взгляда на карту распространенія льдовъ въ сѣверномъ и южномъ полушаріи достаточно, чтобы признать, что южное нынѣ ближе къ ледниковому и сѣверное къ межледниковому.

Возвращаясь теперь еще разъ къ Сибири, мы не можемъ не видѣть, что выше отмѣченное отсутствіе въ этой странѣ въ ледниковый періодъ ледниковъ совершенно согласно съ континентальностью ея климата. Несомнѣнно, температура воздуха понижалась постепенно здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ сѣвернаго полушарія, тогда какъ влажность увеличивалась. Но степень влажности, благодаря географическому положенію страны, не повысилась до такой степени, чтобы дать начало обильнымъ водянымъ осадкамъ, и обусловила собою развитіе лишь незначительныхъ и отдѣльныхъ глетчеровъ по ея южной окраинѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какова бы ни была степень влажности, она должна была умѣрять собою измѣненіе къ худшему третичнаго климата континентальной Сибири и тѣмъ самымъ способствовать сохраненію видовъ населявшихъ ее животныхъ и растеній. Но и эта степень влажности должна была прекратиться вмѣстѣ съ исчезновеніемъ причинъ, вызвавшихъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ чрезмѣрное обиліе водяныхъ осадковъ, и вмѣстѣ съ усыханіемъ Арало-Каспійскаго бассейна; иначе говоря, когда въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ ледники сократились настолько, что о ледниковомъ періодѣ уже нѣтъ основанія говорить, въ Сибири климатическія условія рѣзко измѣнились къ худшему. Теперь сибирскій климатъ приобрѣлъ рѣзко выраженные континентальныя особенности, а такъ какъ вмѣстѣ съ уменьшившейся влажностью здѣсь уменьшилась и толщина снѣжнаго покрова въ зимнее время, — почва начала промерзать настолько, что на извѣстной глубинѣ уже не оттаивала лѣтомъ, давъ этотъ характерный для Сибири слой вѣчно-мерзлой почвы. Само собою разумѣется, въ связи съ всеобщемъ охлажденіемъ страны, педшимъ съ сѣвера, и этотъ слой вѣчно-мерзлой почвы образовался сначала на сѣверѣ и лишь постепенно распространялся къ югу. вмѣстѣ съ тѣмъ отступала съ сѣвера къ югу лѣсная и луговая растительность, тѣсняемая надвигающимися съ сѣвера тундрами, и все это привело Сибирь, въ концѣ концовъ, къ ея современному состоянію, при огромномъ вымираніи населявшихъ ее въ по-третичную эпоху животныхъ.

Итакъ, бросивъ общій взглядъ на сѣверное полушаріе разсматриваемаго періода, мы видимъ, что тогда какъ въ Европѣ и Сѣв. Америкѣ ледники достигали необычайнаго развитія, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и тѣмъ самымъ вызывая движенія животныхъ и растеній то къ югу, въ мѣста свободныя отъ ледниковаго покрова, то къ сѣверу и изъ низменностей въ горы, слѣдомъ за отступавшими ледниками, въ Сибири огромная площадь, измѣряемая 130° долготы, была свободна отъ ледниковаго покрова. Очевидно, состояніе животнаго населенія этихъ материковъ должно было быть совершенно различно: въ Европѣ періодъ, предшествовавшій ледниковому, самъ ледниковый и ранній послѣледниковый могутъ, по справедливости, назваться періодами выселяющихся животныхъ; въ Сибири въ то же время фауна измѣнялась на мѣстѣ и по отношенію къ Европейской играла роль метрополиі, высылающей отъ себя въ отдаленныя страны колонистовъ. Въ это же приблизительно время третичная фауна Европы выселилась въ Африку, гдѣ и осталась отрѣзанною послѣ того, какъ произошло окончательное разъединеніе двухъ материковъ, тогда какъ остатки третичной фауны вымерли въ теченіе ледниковаго періода на почвѣ Европы. Отсюда понятно то огромное значеніе, которое Сибирь и Европ. Россія имѣютъ въ объясненіи исторіи фауны Европы вообще и на чемъ намъ еще предстоитъ остановиться.

Чтобы не затемнять выясненія общей картины развитія ледниковаго періода, мы почти не говорили до сихъ поръ объ обледенѣніяхъ Кавказа, Тянь-Шаня и Гималая. Дѣло въ томъ, что эти обледенѣнія, какъ бы значительны они не были, все-таки имѣли мѣстное значеніе, вызывая, съ одной стороны, расселеніе горныхъ животныхъ при наибольшемъ развитіи ледниковъ въ прилежащія относительно низкія области, съ другой—вымираніе нѣкоторыхъ формъ, возвратъ другихъ и измѣненіе третьихъ. Само собою разумѣется, обледенѣніе такихъ горныхъ массивовъ, какъ Тянь-Шань и Гималай, оказало огромное вліяніе на животное населеніе центральной Азіи, но въ нашемъ очеркѣ это не представляетъ интереса и только съ значеніемъ ледниковаго періода на Кавказѣ намъ еще предстоитъ подробнѣе познакомиться въ слѣдующей главѣ.

Какъ извѣстно, при описаніи ледниковаго періода обыкновенно говорятъ о двухъ оледенѣніяхъ Европы съ раздѣляющимъ ихъ межледниковымъ періодомъ. Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія съ указанною выше послѣдовательностью и многократною смѣною ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ. Дѣло въ томъ, что первое, а можетъ быть даже и не одно первое, а нѣсколько оледенѣній, предшествовавшихъ великому ледниковому періоду, по своимъ размѣрамъ настолько уступали ему, что могутъ разсматриваться только какъ подготовительныя явленія къ собственно ледниковому періоду, съ его огромными слѣдствіями для фауны и флоры. Слѣдующій затѣмъ періодъ—

межледниковый, послѣ котораго наступило новое меньшее оледенѣніе, обнимающее собою въ глазахъ большинства всѣ остальные постепенно уменьшающіяся оледенѣнія, которыя можно разсматривать, какъ большія колебанія въ размѣрахъ одного и того же ледника. Съ геологической точки зрѣнія сущность дѣла совершенно не измѣняется отъ того, считать ли послѣдніе ледниковые періоды за одинъ или нѣсколько. Установить чередованіе относительно теплыхъ и относительно холодныхъ періодовъ, какъ мы видѣли, важно для объясненія всего этого цикла климатическихъ измѣненій астрономическими причинами, такъ какъ это давало возможность найти соотвѣтствіе между геологическими данными и астрономической теоріей Кролля даже въ частностяхъ.

Отвѣтивъ болѣе или менѣе удовлетворительно на вопросъ о причинахъ и о самомъ характерѣ ледниковыхъ явленій ближайшаго къ намъ періода, пойдемъ въ этомъ направленіи далѣе.

Сущность астрономической гипотезы Кролля такова, что мы въ правѣ предполагать существованіе ледниковыхъ періодовъ и въ прежнія геологическія эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, какого бы взгляда мы не держались на возрастъ земного шара, очевидно, что образованіе палеозойныхъ, мезозойныхъ и кэнзойныхъ системъ требовало огромнаго промежутка времени, втеченіе котораго эксцентриситетъ земной орбиты не разъ достигалъ своего maximum'a. Но тутъ мы должны помнить, что для образованія огромныхъ ледниковъ, подобныхъ плейстоценовымъ, нужны обширныя площади суши. Если нѣтъ площадей, на которыхъ можетъ скопиться снѣгъ и ледъ, то ни высокій эксцентриситетъ земной орбиты, ни какая угодно степень влажности не могутъ вызвать оледенѣнія значительныхъ участковъ суши. Обращаясь теперь къ палеозойной эрѣ, мы имѣемъ полное основаніе думать, что тогда такихъ площадей суши не было. Лишь группы большихъ или меньшихъ острововъ поднимались изъ моря тамъ, гдѣ теперь простираются материковыя площади суши. Въ мезозойную эру отдѣльныя островныя группы начали сливаться между собою для образованія большихъ участковъ, но послѣдніе все-таки были очень разъединены и полярныя моря сѣвернаго и южнаго полушарія свободно соединилось между собою. Климатъ, конечно, также оставался островнымъ и равномернымъ, но въ меньшей степени нежели въ палеозойную эру, такъ какъ все же долженъ былъ утратить въ своей влажности. Дѣло измѣнилось въ кэнзойную эру, когда суша продолжала возрастать въ размѣрахъ, приближаясь постепенно къ формѣ современныхъ материковъ, температура полярныхъ странъ стала замѣтно понижаться, и все болѣе и болѣе дифференцировались климатическіе пояса.

Слѣдовательно, географическія условія вообще не благоприятствовали развитію обширныхъ оледенѣній въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ мы говоримъ, но въ подходящихъ мѣстахъ отдѣльные ледники, конечно, могли образовываться и могли увеличиваться въ размѣрахъ

при известной величинѣ эксцентрицитета. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что ледяныя горы или эйсберги отрывались отъ такихъ ледниковъ, которые спускались въ моря, и уносились морскими течениями на болѣе или менѣе значительное разстояніе въ направленіи къ экваторіальнымъ странамъ, разнося съ собою валуны. И у насъ имѣются указанія не только на подобные валуны, но и на обтертыя ледниками скалы, которыя относятся во всякомъ случаѣ къ палеозойной эрѣ. Весьма интересно, что думаютъ найти слѣды ледниковъ въ слояхъ пермской системы и переходныхъ между пермской и каменноугольной, притомъ въ разныхъ частяхъ обѣихъ полушарій, когда растительный міръ палеозойной эры началъ вымирать, что сказалось въ исчезновеніи большинства характерныхъ каменноугольныхъ формъ. Въ виду этого, предположеніе Форбса, Дана и Уоллеса, что это замѣчательное оскуднѣніе палеозойной флоры было вызвано пониженіемъ температуры, вполнѣ возможно.

Надо еще помнить, что удаленность отъ насъ описываемыхъ эпохъ лишаетъ насъ одного очень важнаго средства опредѣленія, были климатическія измѣненія или нѣтъ. Это—всѣ фаунистическія данныя. Теперь, зная распространеніе животныхъ разныхъ группъ и вида, что остатки арктическихъ формъ сохранились до известнаго времени въ умѣренныхъ широтахъ, мы, конечно, можемъ говорить о переселеніяхъ этихъ животныхъ, вызванныхъ распространеніемъ холоднаго климата къ югу. Но что мы можемъ думать о палеозойныхъ животныхъ? Какковы были условія ихъ жизни, сколь легко они могли примѣняться къ разнымъ условіямъ, какъ они расселялись—все это для насъ совершенно темно. Какъ ни много сдѣлано изслѣдованій для изученія животнаго населенія древнѣйшихъ морей, въ общемъ наше знакомство съ біологіей этихъ формъ совершенно недостаточно.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное на послѣднихъ страницахъ, мы видимъ, что и для раннихъ эръ жизни земнаго шара геологическія данныя не противорѣчатъ астрономической теоріи ледниковыхъ періодовъ. Теперь попробуемъ подойти къ вопросу, можно ли опредѣлять цифрами, когда былъ ледниковый періодъ. Хотя мы отлично знаемъ, что геологія всегда имѣетъ дѣло съ временами столь удаленными, что выражать ихъ отдаленность въ цифрахъ совершенно бесполезно, однако, мы никакъ не можемъ отказаться отъ попытокъ провести хоть какое-нибудь сравненіе между нашей жизнью и существованіемъ нашей планеты.

По мнѣнію Кролля, послѣдній циклъ развитія большого эксцентрицитета, которому приписываютъ ледниковый періодъ, начался около 240.000 лѣтъ тому назадъ, продолжался около 160.000 лѣтъ и окончился около 80.000 лѣтъ до нашего времени. Именно этому циклу принадлежали наиболѣе рѣзко выраженные ледниковые и межледниковые періоды. Что же касается болѣе новыхъ и менѣе рѣзкихъ измѣненій климата, которыя геологами обыкновенно и не рассматриваются въ

качествѣ ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ, то они принадлежатъ современному циклу слабо выраженнаго эксценстрицитета. Согласно съ этимъ взглядомъ, послѣднее сколько-нибудь значительное оледенѣніе Европы отстоитъ отъ насъ не болѣе какъ на 10 или на 12 тысячъ лѣтъ. Но само собою разумѣется, что установить границу между ледниковымъ и послѣдниковымъ періодами, строго говоря, невозможно. Тѣ колебанія температуры, которыя начались въ концѣ пліоценаго вѣка и привели къ развитію ледниковыхъ періодовъ, закончились не вдругъ, а совершенно постепенно перешли путемъ послѣдовательныхъ ослабваній въ настоящее время. Но если уже ради классификаціонныхъ цѣлей устанавливать границу между ледниковымъ и послѣдниковымъ періодами, то первый надо закончить послѣднимъ развитіемъ Балтійскаго ледника (четвертое оледенѣніе по Гейки) и именно это время Кроль считаетъ удаленнымъ отъ насъ на 80.000. Нѣкоторые возражаютъ противъ этого и, кладя въ основу своихъ вычисленій глубину рѣчныхъ долинъ и толщи аллювіальныхъ образований, говорятъ, что время, протекшее съ конца ледниковаго періода, въ десять разъ меньше. Другіе вычисляютъ время, отдѣляющее насъ отъ конца ледниковаго періода, въ 32.000 лѣтъ. Но справедливость требуетъ сказать, что всѣ эти вычисленія не могутъ считаться точными, такъ какъ въ основу ихъ положены весьма условныя соображенія. По всей вѣроятности послѣднее развитіе великаго Балтійскаго ледника удалено отъ насъ не на 80.000 лѣтъ, какъ вычислилъ Кроль, а на меньшее число лѣтъ. Но съ другой стороны, никто изъ геологовъ не станетъ утверждать, что это было 8—10.000 лѣтъ тому назадъ, во времена египетскихъ фараоновъ. Тутъ мы еще разъ убѣждаемся, что примѣненіе къ геологическимъ періодамъ нашего лѣтосчисления не пригодно и что надо довольствоваться лишь общими указаніями, говоря, напр., что ледниковый періодъ былъ относительно недавно.

Теперь мы можемъ кончить со всѣмъ, что относится непосредственно до ледниковаго періода, и зная измѣненія площади суши, на которой проходила свои послѣдовательныя стадіи исторія животнаго населенія Европы, зная измѣненія климатическихъ данныхъ, попытаемся возстановить смѣну фауны, приведшую къ современной группировкѣ животныхъ формъ, независимо отъ вмѣшательства человѣка. Но это не значитъ, что человѣка тогда не было: слѣды его существованія въ это отдаленное время несомнѣнны, только онъ былъ еще безсиленъ въ борьбѣ съ окружающими его животными и лишь рядомъ невѣроятныхъ усилій приобрѣлъ умѣніе господствовать надъ ними.

М. Мензбиръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

(Продолженіе *).

ПИСЬМО XVII.

Дорогой Людвигъ!

Сегодня въ половину перваго у меня были съ формальнымъ вызовомъ секунданты Юлія: Медвей и еще какой-то. Почему не возвращается Шанявскій? Я хочу, чтобы онъ былъ моимъ вторымъ секундантомъ. У меня непремѣнно долженъ быть хоть одинъ художникъ, такъ какъ у нихъ одни художники, и если я пошлю къ этимъ сверхълюдямъ простого смертнаго, то они никогда между собою не столкнутся. Слѣдовательно, Шанявскій мнѣ необходимъ.

Чѣмъ мнѣ объяснить себѣ ваше молчаніе? Что тамъ у васъ творится такое?? Можетъ быть, Шанявскій снова простудился??

Отчего вы меня такъ безчеловѣчно терзаете?

Они все еще тамъ—вы молчите—а тутъ эта дуэль—помилуйте, да неужели вы хотите возвести мое безуміе въ квадратъ??

Мой секундантъ просилъ у нихъ отсрочки на два—три дня. Онъ самъ ни коимъ образомъ не можетъ съ ними сговориться. Да и неудивительно! Вѣдь, въ сущности, вся эта исторія вышла изъ-за того только, что я не умѣлъ говорить съ сверхъ-человѣкомъ!!!

Въ третій разъ сажусь за письмо.

Можетъ, у васъ денегъ нѣтъ? Телеграфируйте!!

Намъ дали два съ половиною дня сроку. Если вы не вышлете немедленно Шанявскаго, то, по всей вѣроятности, слѣдующее письмо отъ меня вы получите откуда-нибудь изъ четвертаго измѣренія...

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1900 г.

XVIII. ТЕЛЕГРАММА.

Срочная!!!

Краковъ—Епископская 6—Колаковскому.

Въ отчаяніи—дѣло чести—Гутекъ—необходимъ—безпокоюсь—завтра—курьерскимъ.

ПИСЬМО XIX.

Дорогой Людвикъ!

Стрѣляемся завтра на разсвѣтъ за Гроховской заставой въ первой рошицѣ.

Шавявскій вернулся, но что это онъ такой задумчивый и словно разстроенный? Отчего Бронка осталась? Что это тамъ у васъ случилось такое?? Отъ Шавявскаго не добьешься ни слова. Не произошло ли чего-нибудь между вами??

Да побойтесь же вы Бога! Вѣдь, этакъ вскорѣ все человѣчество обратится въ двѣ враждующія стороны съ пистолетами въ рукахъ!

Снѣгъ падаетъ большими хлопьями, какъ бы нашими каретамъ не увязнуть гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Стрѣляться будемъ нарѣзанными пистолетами—этобудто бы смягчающія дѣло условія. Пистолетами гладкими говорятъ, въ большинствѣ случаевъ какъ разъ попадешь, если промахнешься. У всего есть своя специальная логика! Неправда ли?!

Что это мнѣ все Бронка въ голову лѣзетъ. Эй, Людвигъ, Людвигъ!!

Скажите по правдѣ, что это вы вдругъ перестали мнѣ писать??

Кончаю, нужно пойти выкупаться. Ночку сегодняшнюю проведу у Шавявскаго. Смѣю надѣяться, что съ пистолетомъ въ рукѣ я уже не удеру... А что, если вдругъ и я въ глубинѣ души—художникъ?.. Вѣдь вотъ художники будто никогда не могутъ поручиться за то, куда ихъ увлечетъ чувство... Если же страхъ не считается такимъ же чувствомъ, какъ всѣ другія чувства, которыя нынѣ захватили себѣ бразды правленія и сдѣлали работъ своимъ характеръ человѣка, то на чорта мнѣ тогда вся психологія... Я перейду на сторону сверхълюдей... По крайней мѣрѣ, тогда никто не станетъ стрѣлять въ меня за Гроховской заставой на разсвѣтъ...

ПИСЬМО XX.

Черезъ два часа трогаемся въ путь. Пишу вамъ у Шавявскаго, съ которымъ у насъ только что произошелъ крупный разговоръ. Теперь только я вижу, какъ несправедливо я осудилъ васъ въ моемъ воображеніи. Честное слово, я позволилъ себѣ предположить, что вы оосвѣмъ расклеились подъ дѣйствіемъ зеленыхъ очей Бронки.

Но и по отношенію къ Шаявскому я былъ несправедливъ и недостаточно оцѣнилъ его. Оказывается, что онъ не только сверхъ-человѣкъ, но и просто человекъ.

Ну—съ, такъ, значить, Бронка будетъ работать? И не здѣсь, у насъ, гдѣ, къ сожалѣнію, благодаря искусству, она слишкомъ прославлена и обезславлена, а тамъ? Бѣдное дитя! Черезъ сколько рукъ пришлось ей перейти, и какъ они съ нею поступали! Въ сущности, мнѣ бы слѣдовало въ данную минуту думать только о собственной шкурѣ, но что подѣлаешь? Ужъ такъ я эту дѣвушку полюбилъ, что и теперь, когда, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ «шальная пуля оборветъ нить дней моихъ», я радуюсь, что въ Бронкѣ пробудилось сознаніе своего собственного достоинства, что въ ней проснулась женщина, что она задумалась надъ своею будущностью и надъ своею душою.

Мы съ Густавомъ спорили вотъ о чемъ. По моему мнѣнію, художники должны первое время хоть чѣмъ-нибудь помогать ей; а Гутекъ находитъ, что художникамъ вовсе нельзя вмѣнять этого въ обязанность, что если бы у нихъ водились деньги, ну, тогда, пожалуй, они бы еще могли чувствовать себя передъ нею въ долгу, но такъ какъ у нихъ этихъ денегъ не имѣется, то они объ этомъ и не думаютъ. На это я ему возразилъ, что чувствовать себя передъ кѣмъ-либо въ долгу можно всегда, а не только тогда, когда есть средства, чтобы заплатить этотъ долгъ, но Гутекъ нашелъ подобное сужденіе крайне нехудожественнымъ и обозвалъ меня метафизикомъ. Я пересталъ спорить, но не потому, что согласился съ нимъ. Что-то шепнуло мнѣ, что если я не замолчу, то я лишусь одного секунданта, да еще, вмѣсто того, наживу себѣ другого противника, съ которымъ, пожалуй, придется опять ѣхать на разсвѣтъ за Гроховскую заставу въ первую рожицу...

Сейчасъ Рымковскій (мой секундантъ) принесъ пистолеты.

Прелестные аппаратики!..

Какая причудливая работа на этихъ рукояткахъ! Вотъ Юлекъ возьметъ такъ... прицѣлится!.. пафъ! Стволы съ синеватымъ отливомъ — чудо! Но больше всего мнѣ понравились пули. Этакой вотъ «ангелочекъ смерти» на видъ довольно-таки не аппетитенъ. Онъ имѣетъ форму маленькой остроконечной луковицы, и вотъ этимъ-то острымъ кончикомъ онъ врѣзывается не только въ тѣло, но и въ кости. Я держалъ этого «ангелочка» въ рукѣ и, разглядывая его, думалъ про себя: что унесетъ онъ меня черезъ два часа къ Господу Богу или нѣтъ. Вотъ теперь я его поглаживаю рукой, а черезъ два часа онъ меня погладитъ... Вотъ какъ иной разъ мѣняются роли! Однако, я вижу, что Юлій хочетъ вникать не только въ себя, но и въ меня. А этотъ молодецъ, кажется, здорово стрѣляетъ. Ахъ, и я когда-то стрѣлялъ отлично, да вотъ только съ той поры, какъ рѣшилъ, что это предразсудокъ... Вотъ

и радуйся результатамъ подобныхъ отреченій отъ предрасудковъ, когда въ то же самое время другіе и не думаютъ отъ нихъ отречься и преспокойно готовы стрѣлять въ безоружнаго... Но, вѣдь, я, въ сущности, анти-дуэлистъ, я поединковъ не признаю... Гм... немного слишкомъ поздно я про это вспомнилъ... Жаль... А теперь еще, пожалуй, сказали бы, что я желаю, чтобы меня чувство увлекло...

Но вотъ чего единственно я не могу понять, хотя казалось-бы, что это такъ просто. Отчего это чувству дозволено вступать въ сношенія не со всѣми, а только съ извѣстными людьми. Ихъ оно можетъ «увлекать», а меня не можетъ «увлекать»... И вотъ, вслѣдствіе этого самаго «увлеченія», они выходятъ настоящими артистами-художниками, которые умѣютъ рисовать даже «совсѣмъ новыя» вещи, между тѣмъ какъ я, грѣшный, по той же самой причинѣ, оказался бы довольно жалкимъ артистомъ по части стрѣлянія.

Вѣроятно, я и въ самомъ дѣлѣ ненормальный человекъ, если никоимъ образомъ не могу связать между собой этихъ двухъ нитей.

Добрякъ Рышковскій замѣтилъ, что я философствую надъ пулей, и, потянувъ меня на диванъ, предложилъ мнѣ рюмочку. Славный коньякъ! Выпилъ двѣ рюмочки—и продолжаю письмо.

Эхъ, не умѣютъ у насъ цѣнить этого Рышковскаго! Ему ставятъ въ упрекъ, что въ его стихахъ нѣтъ художественности, мбо онъ не пишетъ ни сонетовъ, ни секстетовъ...

Не могу больше писать! Мной овладѣлъ какой-то безумный...

...Славная штука—коньякъ! Мнѣ вспоминается одно замѣчательное мѣсто изъ греческой поэзіи. Ну, положимъ, греки коньяку не пили, но зато они пили вино. Помните: «Знаешь ли ты что-либо практичнѣе вина? Охмѣлѣешь—и любишь тогда всѣхъ людей, и они тебя любятъ; ты имъ помогаешь, и они тебѣ помогаютъ»... Рымушка хорошій, Рымушка славный парень... А мы только что выпили за ваше здоровье...

Знаете, мнѣ стихотренія Рымушки удивительно нравятся, мнѣ кажется, что онъ именно и долженъ нравиться, какъ художникъ. Посудите сами, Рымушка горячо интересуется всѣмъ, что творится на свѣтѣ, интересуется и искусствомъ, и пишетъ онъ такъ:

Словно бездомныя птицы, блуждая
Вѣчно безъ пристани, цѣли не зная,
Мчимся мы вслѣдъ за безпечною тучей...

Между тѣмъ, искусники наши, которыхъ ничто на свѣтѣ, кромѣ искусства, не интересуется, пишутъ такъ:

Въ причудливыя формы мысль мою влагаю
И длань усталую сектинѣ подаю.
Я духомъ постигаю весь міръ въ его красѣ.
И, самъ себя не зная, всѣмъ повелѣваю.
Какъ вѣчность, такъ и Богъ вникаютъ въ грудь мою.
Внимаю я всему и все внимаетъ мнѣ!
А всемогущъ вѣдь тотъ, кто въ міръ всему внемлетъ;

Все въ мірѣ можетъ вникнуть въ грудь мою.
 Я, самъ себя не зная, воѣмъ повелѣваю
 И духъ мой во вселенной все объѣмлетъ,
 Когда устала длань севтнѣ подаю
 И въ формы блѣдныя себя я разлагаю...

Вотъ тебѣ! Карета пріѣхала. Бррр...

До свиданія! Собственно говоря, я намѣревался написать необыкновенно патетическое прощальное свое посланіе міру, но у меня не хватаетъ времени даже на то, чтобы составить завѣщаніе...

Хоть убейте меня, не знаю, на кой чортъ мы ѣдемъ на разсвѣтъ за Гроховскую заставу въ первую рощицу...

Ну, я, допустимъ, сумасшедшій... Но они-то! они!

XXI. ЗАЯВЛЕНІЕ.

Чтобы положить предѣлъ какъ судебнымъ разслѣдованіямъ, такъ и всевозможнымъ сплетнямъ, я, при полномъ сознаниі, симъ свидѣтельствую, что собственноручно лишаю себя жизни, ибо жизнь не представляетъ для меня болѣе никакого интереса. Быть можетъ, нормальные люди меня осудятъ, но пускай они не торопятся вынести мнѣ приговоръ. Волею судебъ, я принужденъ былъ проводить свою жизнь среди художниковъ, ни чувствъ, ни понятій которыхъ я никогда раздѣлять не умѣлъ; а мнѣ говорятъ, что кто такъ не чувствуетъ и такъ не понимаетъ, тотъ, въ сущности, не живетъ. Слѣдовательно, если я, такимъ образомъ, въ сущности, не жилъ, то и смерть моя не будетъ, въ сущности, смертью, а просто, такъ сказать, манипуляціей, подобной тому, что въ бухгалтеріи называется «регулированіемъ счетовъ посредствомъ переноса съ одной позиціи на другую». Итакъ, я смѣю надѣяться, что костель не откажетъ моимъ останкамъ въ погребеніи по христіанскому обычаю.

ПИСЬМО XXII.

Дорогой другъ мой!

Я живъ, хоть и лежу въ постели. Письмо сіе диктую моему славному Рымушкѣ (протестую противъ эпитета «славный» — *Рымковскій*), который въ данное время исполняетъ должность моей придворной сестры милосердія. Ничего особеннаго не случилось, только въ боку немного жжетъ... По всей вѣроятности, мнѣ завтра уже можно будетъ встать. Вашу телеграмму я получилъ и весьма радъ; что вы, наконецъ, отозвались. А то я ужъ, право, думалъ, что мы съ вами встрѣтимся тамъ...

Сейчасъ отъ меня ушли Юлій съ Медвеемъ.

Еслибъ вы только видѣли, какая тутъ разыгралась курьезная сцена!

Рымушка только что успѣлъ написать «Дорогой другъ мой», какъ кто-то постучался въ дверь, Рымушка крикнулъ: «войдите!», дверь от-

крывается, и входятъ оба вышеупомянутыхъ сверхчеловѣка. Въ торжественномъ безмолвіи снимаютъ они съ себя калоши, пальто, и предстаютъ передъ нами въ великолѣпныхъ черныхъ сюртукахъ и еще болѣе великолѣпныхъ перчаткахъ. Затѣмъ Юлій вынимаетъ раздушенный платокъ (поистинѣ сверхчеловѣческой запахъ—*Рымковскій*), сморкается, прячетъ платокъ обратно, и, держа въ лѣвой рукѣ цилиндръ, а правую слегка согнувъ и приподнявъ надъ грудью (это здѣшній сверхчеловѣческой обычай протягиванія руки—*Рымковскій*), легкими и плавными шагами скользятъ ко мнѣ, останавливаются у постели и, стараясь говорить какъ можно болѣе мягкимъ голосомъ, произносятъ слѣдующее:

— Милостивый государь! Я имѣю обыкновеніе ухаживать за своими противниками, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи подняться съ постели. Я готовъ проводить съ вами дни и ночи, попеременно съ моимъ секундантомъ (г. Медвей кланяется—*Рымковскій*). Итакъ, вы можете располагать мною. Ахъ, это, кажется, господинъ Рымковскій? Честь имѣю кланяться (руку подавъ). Но, я думаю, г-ну Рымковскому не приходилось имѣть столько практики, сколько мнѣ. А потому вы мнѣ позволите...

— Но... я вамъ очень благодаренъ...

— Я ожидалъ такого недоумѣрія, но это меня не смущаетъ... Я знаю превосходно обязанности джентльмена и съумѣю ихъ выполнить, какъ подобаетъ художнику. Вы мнѣ позволите осмотрѣть рану... Да— это прежде всего—съ этого мы и начнемъ. (Онъ снимаетъ перчатки).

— Спасибо... но я не нуждаюсь въ помощи... Съ меня довольно доктора и Рымковского...

— Доктора наши мало знаютъ толкъ въ такихъ вещахъ, а что касается господина Рымковского, то я покорнѣе прошу его извинить меня, но я ему не совѣмъ доверяю. (Онъ снимаетъ съ себя сюртукъ).

Меня, наконецъ, начинаетъ передергивать.

— Послушайте, Юлій,—говорю я ему,—вы—герой, вы—достойный человѣкъ, но прошу васъ, не морочьте мнѣ головы...

А онъ (отстегивая манжеты, со сладенькой улыбкой—*Рымковскій*) мнѣ на это въ отвѣтъ:

— Вы хотите меня обидѣть, но ничего, я не обижаюсь—я исполняю свой долгъ, вы больны—я не долженъ обижаться; хирургъ тоже не можетъ обидѣться на пациента, если тотъ станетъ брыкаться во время операціи...

— Но...

— Какое тутъ «но»—вы въ моихъ рукахъ—и вы должны меня слушаться...

Тутъ Рымушка хотѣлъ-было отвести его въ сторону и началъ ему шептать что-то на ухо, но онъ отскочилъ на шагъ и произнесъ:

— Господинъ Рымковскій, я ничего не слышалъ, что вы мнѣ сказали—мнѣ теперь нельзя ничего слушать; вы мнѣ это скажете въ другой разъ—вась здѣсь теперь нѣтъ; теперь здѣсь только я и Медвей—я знаю, что мнѣ надо дѣлать; да-съ, да-съ...

Я не въ силахъ былъ больше выдержать и, приподнявшись немного, несмотря на сильную боль въ боку, указалъ ему рукою на дверь и крикнулъ на всю комнату:

— Убирайтесь отсюда прочь, къ ста милліонамъ дьяволовъ!!!

Юлій поморщился-было, но тутъ же сложилъ свои губы въ кислосладкую улыбку и, застегивая манжеты, проговорилъ:

— Итакъ, вы рѣшительно отказываетесь отъ моей помощи, хорошо, превосходно, нечего дѣлать—я свое сдѣлалъ. Медвей, ты свидѣтель (тутъ онъ сталъ надѣвать на себя свой великолѣпный скюртукъ), мнѣ очень жаль; разумѣется, у каждаго могутъ быть свои взгляды ну да я принужденъ уступить передъ вашимъ настойчивымъ требованіемъ, да (тутъ онъ сталъ натягивать свои великолѣпныя перчатки—*Рымковскій*) я вамъ мѣшать не стану. Медвей, наша задача окончена—идемъ (тутъ онъ поклонился намъ, но руки не подалъ—*Рымковскій*); въ такомъ случаѣ, я не рѣшаюсь предлагать вамъ и матеріальную помощь. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что графиня Жиглинская купила у меня «Меланхолю тополя». Признаться, я еще нѣсколько колебался, но женщинамъ—и больнымъ—приходится уступать (тутъ онъ надѣлъ свое пальто и калоши—*Рымковскій*). Мое почтеніе, вашъ покорный слуга! Медвей, ты можешь попрощаться...

— Мое почтеніе,—произнесъ Медвей, раскрывая дверь.

— Мое нижайшее почтеніе,—крикнулъ я имъ вслѣдъ (а Рымковскій прибавилъ: «Запирайте пожалуйста, дверь, а то холодно»—*Рымковскій*).

Что за странные люди эти сверхлюди!

П И С Ь М О XXIII.

Дорогой Людвикъ!

Горячка у меня еще не прошла, но это ничего. Я думалъ, что смогу сегодня уже встать, но выходитъ, что такія прогулки на разсвѣтѣ за Гроховскую заставу въ первую рощицу довольно-таки утомительны...

Сердечное вамъ спасибо за письмо и за заботливость. Но отчего вы мнѣ ничего не пишете о Бронкѣ?? Ну, какъ у ней тамъ идетъ работа?? Вѣдь вы знаете, какъ меня интересуеетъ судьба этой дѣвушки!

Черезъ окно въ мою комнату льются лучи золотого солнца. На дворѣ стоятъ трескучій морозъ.

Рымковскій не хочетъ писать; мнѣ приходится торговаться съ нимъ за каждое слово.

Докторъ увѣриетъ меня, что все пустяки.

Вотъ и онъ самъ. Кончаю...

ПИСЬМО XXIV.

Я сказалъ Рымковскому, что если онъ не будетъ писать, то я сойду съ постели. Я долженъ непременно рассказать вамъ тотъ удивительный, оригинальный сонъ, который я видѣлъ сегодня ночью.

Вы мнѣ ничего не пишете о Бронкѣ, такъ вотъ зато она мнѣ приснилась. Но что скверно, такъ это то, что и вы мнѣ приснились. Вы должны это знать, и тогда, быть можетъ, вы, наконецъ, захотите облегчить страданія больного человѣка хоть какой-нибудь вѣсточкой объ этой дѣвушкѣ.

Снилась мнѣ вотъ какая исторія. Небольшая комнатка. На очагѣ горшки съ цвѣтами. Слышенъ стукъ швейной машины. Гляжу: за нею сидитъ Бронка. Она одѣта скромно, въ бѣломъ передникѣ, пристегнутомъ на груди булавочками. На порогѣ, въ цилиндрахъ и пальто, стоятъ Юлій и Медвей и смѣются. Но вотъ ихъ ужъ и нѣту. А машина все стучитъ и стучитъ, и цѣлая груда бѣлаго полотна то и дѣло выходитъ изъ-подъ иголки.

На порогѣ появляется какой-то мужчина съ лысиной и какая-то толстая женщина. Я инстинктивно узнаю въ нихъ Стефка съ «теткой». Они смотрятъ на машину и смѣются. Мгновеніе—и они тоже исчезаютъ. Груда полотна все увеличивается и увеличивается, наполняетъ почти всю комнату.

Нагнувшись надъ машиной, Бронка быстро двигаетъ ногою и въ то же время рукой передвигаетъ полотно. Лицо у ней разгорѣлось, волосы распустились и густыми прядями упали на плечи. А полотно бѣжитъ и бѣжитъ изъ-подъ иголки, вотъ уже окружаетъ дѣвушку, вотъ ужъ она почти вся утонула въ этой бѣлой массѣ.

Вдругъ на порогѣ показываются двѣ фигуры, которыхъ я никакъ не ожидалъ здѣсь увидѣть: одна—низенькая, немного сторбленная, съ характернымъ, точно искривленнымъ въ сторону, носомъ, но съ чудными глазами: они горятъ титаническимъ огнемъ; другая—высокая, худая, лицо съ маленькими усиками и выдающимся лбомъ, точно раздѣленнымъ на двѣ половины. Они оба глядятъ на Бронку и наклоняются другъ къ другу. Это—Матейко и Гротгеръ.

Машина стучитъ, Бронка нагибается все ниже, лицо у ней разгорается все ярче, а полотно крутится, летитъ, шумитъ. Смотрю, Гротгеръ, переглаувшись съ Матейкой, беретъ съ печи уголь, становится передъ стѣной и принимается рисовать, то и дѣло поворачивая голову къ Бронкѣ. Она ихъ не видитъ, все вертитъ да вертитъ ногою колесо, а полотно волнистыми рядами подымается все выше и выше, къ самому потолку. Гротгеръ сдѣлалъ на стѣнѣ нѣсколько штриховъ, глядитъ на Бронку, глаза его загораются: въ нихъ чувствуешь силу генія.

Вдругъ на порогѣ появляются снова Юлій съ Медвеемъ, въ своихъ

цилиндрахъ, въ пальто. Смотрятъ они на то, что творится, и смѣются. Въ маленькой комнаткѣ слышится скрипѣніе угля по стѣнѣ, стукъ машины, шелестъ полотна и смѣхъ.

Картина мѣняется. Все исчезаетъ. Но вотъ я опять вижу пустую комнатку, машину; передъ нею на стулѣ сидитъ, задумавшись, Бронка, и изъ ея зеленыхъ глазъ медленно катятся слезы. Полотна уже нѣтъ, и не стучитъ машина. Слезы, одна за другою, все катятся по блѣдному лицу дѣвушки, льются на бѣлый передникъ, падаютъ на полъ, и каждая слеза обращается на полу въ цвѣточекъ черемухи. Вотъ они рассыпались у ногъ дѣвушки, но они падаютъ все чаще и чаще, вотъ ужъ нѣсколько лежитъ на машинѣ, на колѣняхъ у ней. Все ихъ больше и больше! Вотъ ужъ они покрыли весь полъ, доходятъ до окна. Мгновеніе—и размечтавшаяся дѣвушка утопаетъ въ потокѣ бѣлой черемухи, всю комнату наполнившей одуряющимъ ароматомъ.

Вдругъ потолокъ исчезаетъ, исчезаютъ и стѣны; наверху чистое, синее небо. Бронка все сидитъ въ глубокомъ раздумьи, но на ней ужъ нѣтъ ни передника, ни скромнаго, коричневаго платица—на ней одна лишь розовая, тонкая рубашка. Вотъ она заломила надъ головою руки, заглядѣлась въ ясное небо и запрокинулась назадъ.

Вотъ она плыветъ на облакѣ черемухи, съ распущенными, капитановыми волосами; въ нихъ тамъ и сямъ влетаютъ цвѣты, а она улыбается лежа, поворачиваетъ лицо, протягиваетъ руки—но кто же это, протянувъ и къ ней свои руки, стоитъ передъ ней на колѣняхъ? Вглядываюсь и вижу ясно—кого я вижу?—васъ, васъ, васъ вижу я, Людвикъ!! .....

Что это значить??? Людвикъ, скажите??? Это было видѣніе безумнаго, большого человѣка! Ради Бога, пишите, не то у меня голова треснетъ!!! .....

Приписка пишущаго письма.

Несмотря на то, что я не имѣю удовольствія знать васъ и никогда не позволилъ бы себѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла, я, однако, рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: будьте столь добры успокоить больного какимъ-либо извѣстіемъ относительно m-lle Брониславы, хотъ бы даже ложнымъ извѣстіемъ, такъ какъ больному очень плохо, и горячка у него усиливается.

Ремковскій.

П И С Ь М О ХХV.

Я пробудился отъ тяжелаго, долгаго сна, съ отяжелѣвшей, больной головой; но какое же это было пріятное пробужденіе, когда, раскрывъ глаза, я увидалъ нагнувшееся надо мною лицо Бронки!

Спасибо вамъ, добрый мой Людвикъ, за то, что вы ее прислали, а

то бѣдный Рымушка совсѣмъ ужъ изъ силъ выбился (положимъ, дѣло еще не было такъ плохо—*Рымковскій*). Зато теперь Рымушка выпитъ немного, отдохнетъ мой Рымушка...

Какъ видите, я поневолѣ обратился въ эгоиста, который отнимаетъ у другихъ драгоценное время. А въ жизни на все такъ мало времени!

Если мы возьмемъ, на примѣръ, среднюю норму человѣческой жизни въ шестьдесятъ лѣтъ, такъ изъ этого, первымъ дѣломъ, половина тратится на сонъ. Половину жизни нашей мы спимъ!.. Остается, значитъ, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ. Изъ нихъ мы тратимъ половину на одѣванье и раздѣванье, мытье, чесанье, отпирание и запираніе дверей, протягиваніе рукъ друзьямъ, знакомымъ, родственникамъ; на веденіе часовъ, на завтраки, обѣды, ужины, на визиты, рауты, балы... Остается намъ, значитъ, еще какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ. Половину этого мы должны посвятить, чтобы научиться чему-либо, а остальное, т. е. какихъ-нибудь семь съ половиною лѣтъ, намъ остается на то, чтобы создать что нибудь-такое, что должно явиться результатомъ нашего шестидесятилѣтняго странствія по земному шару. Семь съ половиною лѣтъ на все! Въ теченіе семи съ половиною лѣтъ Дарвинъ долженъ справиться съ построеніемъ своей теоріи, Матейко — создать новую школу въ искусствѣ, Вагнеръ—заглушить всѣхъ музыкантовъ Европы, Сенкевичъ—написать какихъ-нибудь тридцать томовъ, Крашевскій—шестьсотъ... А что, если бы такимъ, какъ напр., Шопенъ или Гротгеръ, суждено было прожить еще на половину меньше—какъ они тутъ вывернулись бы?? Право, голова кругомъ идетъ... Не были ли они истинными тенями въ умѣннн совпадать со временемъ и съ собою?? Какъ же тутъ во все это втиснуть еще любовь, да поѣздки на разсвѣтъ въ первую рожицу за Гроховской заставой..

Рымушка отказывается слушаться меня: онъ говоритъ, что не хочетъ марать бумагу на записываніе подобнаго бреда и счетовъ...

Приписка пишущаго.

Совсѣмъ не въ этомъ дѣло. Но большой слишкомъ много занимается умствованіями, а это, по словамъ доктора, для него безусловно вредно. Я даже и самъ не знаю, какъ опредѣлить эту неустанную потребность связывать одно съ другимъ и выводить какія-то заключенія. Во всякомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, какъ другу его, что опасность миновала. (Зараженіе крови, вызванное слишкомъ позднимъ извлеченіемъ застрявшихъ въ ранѣ частей платья, благополучно предотвращено).

Рымковскій.

П И С Ь М О XXVI.

Евое Vaschel..

Въ первый разъ послѣ болѣзни я сижу въ креслѣ, напротивъ окна, у котораго виднѣется сѣрый силуэтъ пишущаго эти слова Ры-

мушки. Погода чудная, солнышко свѣтитъ! Съ улицы то и дѣло доносится звонъ колокольчиковъ и людской говоръ. Бронка занята приготовленіемъ завтрака

Евое Vaschel..

Горячій бульонъ съ виномъ приводятъ меня въ какое-то полусонное состояніе. Миѣ кажется... миѣ кажется, вонъ тамъ, надъ покрытыми снѣгомъ полями, стелется густой туманъ. Еще темно. По дорогѣ катятся двѣ кареты. Въ первой каретѣ—они, во второй—мы. Я, какъ амфитріонъ нынѣшняго дни, сижу на второмъ мѣстѣ, рядомъ со мною. Рымушка, а спереди—Шаняевскій. Колеса кареты скрипятъ по замерзшему снѣгу. Мы молчимъ и только отъ времени до времени выглядываемъ черезъ окошко, чтобъ посмотрѣть, не слишкомъ ли мы отстаемъ отъ противниковъ. У Шаняевского на колѣняхъ, въ желтомъ ящичкѣ—«аппаратики». Мы, разумѣется, во фракахъ, въ цилиндрахъ; лица у насъ всѣхъ самыя торжественныя.

Карета вдругъ останавливается. Рымушка высовываетъ въ окошко голову и спрашиваетъ кучера: «Что случилось?»

Кучеръ молчитъ. Стоимъ мы такъ съ добрую четверть часа—а меня по тѣлу легкая дрожь пробѣгаетъ...

Наконецъ, трогаемся. Мы все молчимъ. Я замѣчаю только, что Рымушка отъ времени до времени косится въ мою сторону. Наконецъ, онъ начинаетъ вертѣться на своемъ мѣстѣ, суетъ руку въ боковой карманъ, вынимаетъ оттуда манерку, откупориваетъ и, повернувъ ко мнѣ свое лицо, съ кроткой улыбкой говоритъ:

— За ваше здоровье, collega...

Буль, буль, буль... Выпилъ — подаетъ мнѣ. Глотнулъ я — подаю Шаняевскому. Онъ отрицательно качаетъ головой, беретъ у меня манерку и передаетъ Рымушкѣ, тотъ ее затыкаетъ пробкой и прячетъ обратно въ карманъ. Опять молчаніе. Слышенъ только скрипъ колесъ, напоминающій шумъ угасающаго самовара.

Взглядъ мой падаетъ на колѣни Шаняевского, собственно, не на колѣни, а на лежащіе на нихъ «аппаратики». Начинаетъ понемногу свѣтать.

— Условія назначены?—спрашиваю я Шаняевского,

— Пятнадцать шаговъ,—отвѣчаетъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ,—позици изменять нельзя, одинъ обмѣнъ выстрѣлами въ теченіе пяти секундъ, паденіе курка считается выстрѣломъ.

— Что, нормально?—обращаюсь я къ Рымушкѣ.

— Да, кажется.

Карета снова останавливается.

— Что тамъ опять такое?—кричитъ Рымушка, высовываясь въ окно.

Кучеръ не отвѣчаетъ.

— Эй ты, болванъ, тебѣ говорятъ!

Молчаніе.

— Не отвѣчаетъ бестія!—обращается ко мнѣ Рымушка.—Господишъ Шанявскій, потрудитесь, пожалуйста, вы къ нему обратитесь, можетъ вамъ больше повезетъ...

Шанявскій кладетъ «аппаратики» на скамейку, запахиваетъ шубу, отпираетъ дверцу, выходитъ и исчезаетъ въ туманѣ. Издали доносятся голоса. Я нагибаюсь къ сидѣнію, беру ящичекъ и открываю его.

«Аппаратики» чинно лежатъ въ предназначенныхъ для нихъ углубленіяхъ, отдѣленныхъ сукномъ. Между ними—двѣ круглыя, мѣдныя кассетки, въ одной—коробочка съ пистонами, въ другой—съ «посланиками смерти», сбоку шомполь... И все такъ искусно устроено и уложено.

Рымушка снова начинаетъ безпокойно вертѣться, опять достаетъ манерку и пьетъ за мое здоровье...

Я опять прикладываюсь—буль, буль, буль...

Рымушка, между тѣмъ, преспокойно отбираетъ у меня «аппаратики», вапираетъ ящичекъ и ставитъ позади себя, «чтобы-де не упали, когда карета тронется».

Опять молчаніе. Меня начинаетъ передергивать. Шанявскаго нѣтъ, какъ нѣтъ. Рымушка отпираетъ дверцу и тоже выходитъ. Я остаюсь одинъ и ни съ того, ни съ сего начинаю напѣвать себѣ подъ носомъ:

«Ой, Мотька, Матюша... Ма-тю-ша, ужъ намъ тебя не видати... Будешь ты съ святыми на небѣ плясати... Ой, Матюша, Матюшенька...»

Туманъ сталъ разсѣваться, кой-гдѣ ужъ можно было разглядѣть свѣжныя полосы.

«Ой, Матюша, Матюшенька... пляши-жъ ты съ нимъ помаленьку... Ой,—тара-тари-тара, тара-рара-та!»

Въ это время въ окошкѣ появляется голова Рымушки.

— Выходите,—говоритъ онъ.

Я еще продолжаю напѣвать свое: «ой,-тара-тари-тара», но вдругъ у меня захватываетъ дыханіе, я смолкаю и принимаюсь выгѣзывать изъ кареты.

Выпрямился я, встряхнулся, озираюсь вокругъ.

Передъ нами, внизу—небольшая рощица; легкій туманъ шевелился надъ нею и уходилъ все дальше и дальше, червяя; впереди стоялъ густой, старый лѣсъ.

Въ противуположной сторонѣ туманъ разсѣвался, клубился и какъ будто не рѣшался, куда ему направиться: уйти ли въ даль или тянуться къ небу. Надъ нами, чуть чуть подернутое иглою, простиралось чистое небо.

«Ой, Матюша, Матюшенька... пляши жъ ты съ нимъ... пляши-жъ ты съ нимъ... помаленьку...» не выгѣзаетъ у меня изъ головы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей кареты виднѣтся группа людей въ цилиндрахъ. Слышенъ сдержанный шепотъ. Черезъ нѣсколько времени одна фигура отдѣляется отъ группы и направляется къ намъ. Это—Шанявскій.

Онъ подходитъ къ намъ съ такими словами:

— Кареты съѣдутъ по дорогѣ внизъ и будутъ ждать за склономъ горы. А мы сойдемъ внизъ по насыпи въ рощицу: тамъ въ одномъ мѣстѣ есть замѣчательная полянка. Тамъ въ прошломъ году Юлія стрѣлялся съ Стасемъ...

«Ой, Матюша... Матюшенька... пляши-жь ты съ нимъ... пляши-жь ты съ нимъ...» — точно пьяный бормочу я.

— Вы готовы, господа?—кланяясь, спрашиваетъ Шанявскій.

— Кажется,—отвѣчаетъ Рымушка, косясь на меня.

— Идемъ,—говорю я, поправляя цилиндръ.

Шанявскій взялъ изъ кареты «аппаратики», заклопнулъ дверцу и крикнулъ кучеру:

— Поѣзжай... вонъ за тѣмъ!

Кучеръ, окутанный двумя бурками, въ потертой барашковой шапкѣ, надвинутой на уши, дернулъ возжи, и чмокнувъ озябшими губами, протяжно крикнулъ:

— Ааа-ууууу!

И карета покатила, скрипя колесами по снѣгу. Я остановился на краю насыпи, смотря, гдѣ бы тутъ сойти, какъ вдругъ темнѣвшая вдали группа нѣсколькихъ приблизилась къ намъ и оттуда раздался сладкій голосъ Юлія.

— Густавъ... на пару словъ!

Мы остановились. Шанявскій отошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ о чемъ-то шептался съ Юліемъ, а затѣмъ оба они стали жестикулировать, указывая по направленію къ востоку.

Мы съ Рымушкой взглянули туда: за бѣлѣвшимися туманомъ что-то особенное готовилось на небѣ...

Въ эту минуту Шанявскій вернулся къ намъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Такъ какъ сейчасъ предвидится весьма интересное зрѣлище восхода солнца, а у насъ, живущихъ въ городѣ, возможность наблюдать игру свѣта и красокъ въ такую раннюю пору бываетъ крайне рѣдка, то Юлія предлагаетъ отложить поединокъ на нѣсколько минутъ...

— Скажите, пожалуйста, нашему Юлію, что онъ дуракъ,—перебивая его, отрѣзалъ ему самымъ преспокойнымъ образомъ Рымушка.

— Скажите ему, что я охотно соглашаюсь подождать...—отвѣтилъ я.

Шанявскій удалился, а Рымушка, постукивая ногою о снѣгъ, что-то бормоталъ себѣ подъ носъ.

Я посмотрѣлъ на востокъ.

Все пространство было еще покрыто туманной пеленой, и вдругъ чья то волшебная рука съ немовѣрной быстротой отдринула эту пелену и откинула ее далеко за горизонтъ. И цѣлое море деревъ съ верхушками, сплошь усыпанными снѣгомъ, горделиво подымавшимися къ самому небу, вдругъ открылось передъ нами; каза-

лось, видишь предъ собою какой-то замерзшій ледникъ гдѣ-нибудь за полюсомъ, одинъ изъ тѣхъ ледниковъ, куда Нансентъ, оставивъ своихъ товарищей, пускался одинъ, взявъ себѣ въ проводники лишь могучую свою отвагу. Верхушки безчисленныхъ деревьевъ въ дали освѣщались все больше и больше, кой-гдѣ, точно алмазами, сверкая крупными снѣжинками. А на востокѣ небо переливалось то зеленымъ, то оранжевымъ цвѣтомъ, окрашивая своими красками усыпанныя снѣгомъ верхушки. Но вдругъ на самомъ краю небеснаго свода блеснулъ какой-то ослѣпительно-золотой шаръ. Мгнѣ почудилось, что я вижу чью-то обнаженную грудь, и вотъ вдругъ ударила въ нее какая-то тѣнь и въ то же мгновение изъ этой золотой груди брызнула крупная капля крови—крупная, какъ голова, яркая, какъ огонь. Верхушки деревьевъ, видѣвшіяся въ дали, облились ослѣпительнымъ багрянцемъ... Я бросаю взглядъ въ сторону задумавшагося и заглядѣвшагося на небо Рымушки... Что это? И на его лицѣ я вижу что-то красное...

Съ минуту мнѣ всюду мерещится эта капля крови: на небѣ, на снѣгу, на шубѣ Рымушки. Но вотъ она исчезаетъ и вмѣсто нея на всемъ, на что ни упадетъ мой взглядъ, я вижу какой-то зеленоватый кружокъ. Вотъ исчезаетъ и этотъ кружокъ, смѣняясь какими-то не то синими, не то сѣрыми пятнышками, которыя мелькаютъ между мною и Рымушкой въ воздухѣ.

Издали доносится голосъ Юлія.

— Господа,—объясняетъ онъ столпившимся вокругъ него художникамъ,—обратите вниманіе вотъ на эти краски—да, положимъ, пурпуръ тутъ немного черезчуръ яркъ—это шаблонно—рисовать такъ нельзя было-бъ, не правда ли? Съ этимъ согласится всякій—небо вотъ хорошо, нѣжно, томно, но тоже нѣсколько шаблонно—въ этомъ, впрочемъ, виновато географическое положеніе, въ которомъ мы находимся; да, это такъ—несомнѣнно—на югѣ все это выходитъ не такъ рѣзко, сливается одно съ другимъ, видоизмѣняется, потому-то тамъ и народъ болѣе совершенный, чѣмъ у насъ—тамъ выше цѣнятъ искусство—да—а, главное, художниковъ—да—не такъ ли? Ну, посмотрите господа, теперь, какъ это рисовать такую пестроту, въ такіе цвѣта наряжаются Катеньки и Машеньки, когда идутъ въ костелъ, по небу это не подобаетъ,—фи! Хи, хи, хи, хи... Сравненіе недурно, правда? Я нахожу, что было-бы гораздо лучше, если бы вмѣсто этого однообразнаго лѣса тутъ были какіе-нибудь холмы—да—или вотъ озеро...

— Милостивый государь,—перебилъ вдругъ его разглагольствованія Рымушка,—не разрѣшите ли вы намъ покуда вернуться въ Варшаву выпить чаю?

— Что? Что?—Что онъ сказалъ? Что?—посыпались тамъ вопросы. Кто-то шепотомъ повторилъ Рымушкины слова и вслѣдъ за этимъ послышался сладко-ироническій голосъ Юлія.

— Этимъ господамъ къ спѣху... Видно, у нихъ мало хладнокровія...

Мы сходимъ съ насыпи въ глубь рощицы.

Шанявскій и Рымушка идутъ впереди, совѣтуясь о чемъ-то. Мы торопливо пробираемся сквозь чащу; снѣгъ, падая съ вѣтокъ, осыпаетъ намъ плечи, руки.

Черезъ нѣсколько минутъ кусты и деревья раздвигаются, передъ нами довольно широкая полянка. Противъ насъ группируется партія Юлія. Они о чемъ-то переговариваются, и вотъ подходитъ къ намъ Медвей и что-то шепчетъ Шанявскому на ухо. Шанявскій пожимаетъ плечами, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Есть ли у васъ при себѣ заявленіе?

— Какое заявленіе?

— Нѣтъ? Такъ нужно сейчасъ написать... Вотъ можно тутъ, на пенекѣ. У васъ есть кусочекъ бумаги? Нѣтъ? Ну, такъ у нихъ, пожалуй, найдется,—сказалъ онъ, направляясь къ нашимъ противникамъ.

— Что это за такое заявленіе имъ понадобилось?—спрашиваю я Рымушку.

— Ничего не понимаю,—отвѣчаетъ онъ.

Шанявскій возвращается, подаетъ мнѣ бумагу и карандашъ и, отряхая съ пенка снѣгъ, говоритъ:

— На всякій случай надо приготовить заявленіе о томъ, что вы покончили съ собою самоубійствомъ.

— Ага, понимаю!.. Что-жъ, это можно, я сейчасъ...

Я присѣлъ на пенекъ и, подложивъ подъ листокъ цилиндръ, принялся писать заявленіе.

— Всего нѣсколько словъ—довольно будетъ,—приставалъ Шанявскій.

— Не мѣшайте, пожалуйста,—замѣтилъ Рымушка.—Идемте куда, отсчитаемъ шаги.

Шанявскій снялъ шубу, положилъ ее на снѣгу, а на нее ящикъ съ «аппаратиками». На половинѣ дороги они сошлись съ секундантами Юлія. Медвей взялъ Шанявскаго подъ руку и хотѣлъ было начать отпѣрывать разстояніе. Но Рымушка мой Шанявскаго отодвинулъ и пошелъ самъ съ Медвеемъ.

— Позвольте, что вы называете шагомъ?—спросилъ останавливаясь Медвей.

— То, что называютъ всѣ люди. Ну, пожалуйста, нечего время терять.

И Рымушка пошелъ шагать своими длинными ногами, дѣлая какіе-то сверхъ-человѣческіе скачки. Медвей едва поспѣвалъ за нимъ.

— Разъ—два—три—четыре.

— Этакъ вы, господа, до Варшавы дойдете!—вокликнулъ, смѣясь, Юлія.

— Пять—шесть, потише тамъ!—Семь.

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха,—хрипло заливался Юлія.

Шанявскій сдѣлалъ въ платкѣ узелокъ и протянулъ мнѣ.

— Узелокъ означаетъ 1-ый № пистолета.

Я потянулъ не глядя и продолжалъ писать.

Черезъ минуту кто-то опять протянулъ ко мнѣ кончики бѣлаго платка.

— Узелокъ означаетъ 1-ый № позиціи.

Я опять потянулъ и писалъ дальше.

Когда стали заряжать «аппаратики», Рымушка вдругъ оттолкнулъ Шанявскаго и Медвея и съ настойчивостью, удивительной при его голубиномъ характерѣ (вовсе не-такомъ голубиномъ—*Рымковскій*), произнесъ:

— Я, кажется, тутъ тоже имѣю право голоса.

Я кончилъ мое заявленіе.

— На мѣста!—послышалась команда.

Я скинулъ пубу и пошелъ: въ глазахъ у меня немного потемнѣло. Меня поставили на мѣсто и сунули въ руку пистолетъ. Я взглянулъ на Юлія: онъ стоялъ передо мною въ позѣ Адониса.

И тутъ я почувствовалъ, какъ будто во мнѣ происходитъ какая-то пережѣна. Воздухъ показался мнѣ какъ-то прозрачѣй, всѣ предметы я различалъ яснѣе, ближе. Я взглянулъ на мою спущенную руку: она слегка покраснѣла отъ холода, но была совершенно спокойна, точно держала не «аппаратикъ», а самую что ни на есть скучную рукопись, присланную какимъ-нибудь провинціаломъ въ редакцію. Я еще разъ взглянулъ на Юлія. Вотъ я вижу его близко, близко, все ближе, все яснѣе... Чортъ возьми! Еще, пожалуй, и вправду... поневолѣ... этакъ прихлопнешь его...

На половинѣ разстоянія, нѣсколько въ сторонѣ, группируются секунданты, докторъ. Рымковскій выходитъ впередъ и не совсемъ твердымъ голосомъ произноситъ (что очень естественно!—*Рымковскій*):

— Въ качествѣ главнаго секунданта, я предлагаю вамъ, господа, отказаться отъ враждебныхъ намѣреній по отношенію другъ къ другу... Вы оба еще молоды, вы еще не исполнили своихъ обязанностей по отношенію къ обществу...

— У меня ихъ вовсе нѣтъ,—перебилъ Юлій.

Рымушка обращается ко мнѣ.

— Господа, протяните другъ другу руки въ знакъ примиренія.

Молчаніе.

— По долгу секунданта,—начинаетъ Медвей,—предлагаю вамъ примириться... Молчаніе принимается за отказъ... Вы молчите, господа... Слово за вами, господинъ Шанявскій.

— По долгу секунданта,—говоритъ Шанявскій,—предлагаю вамъ помириться. Молчаніе etc. etc. etc.

Мнѣ приходитъ въ голову мысль, что если бы всендѣ на исповѣди такимъ тономъ призывалъ грѣшниковъ къ раскаянію, то черти тотчасъ же наградили-бы его титуломъ почетнаго предсѣдателя въ своемъ учрежденіи.

Раздается команда, сперва тихо, потомъ громко:

— Слушай!.. Разъ...

Не успѣвъ я поднять пистолеть, какъ что-то блеснуло предо мною, что-то ударило меня въ бокъ и въ ту же секунду послышался громкій выстрѣлъ.

Я вижу: ко мнѣ подбѣгаютъ, хотятъ поддержать меня.

— Позвольте, я еще своего не сдѣлалъ...

Подымаю пистолеть... Вотъ, вотъ, я вижу его ясно... Прогремѣлъ выстрѣлъ... Дымъ разсѣвается... Съ головы Юлія летитъ цилиндръ...

— Цилиндръ прострѣлилъ! Цилиндръ! Если бы чуточку ниже...— слышны голоса.

— Коли цѣлиться, такъ ужъ цѣлиться!—улыбаясь, говорю я подбѣгающему ко мнѣ Рымушкѣ.

Черезъ мгновение я вижу только разстилающееся надо мною небо. Руки ошупываютъ что-то холодное... Это снѣгъ... Шаянвскій поддерживаетъ мнѣ голову...

Небо становится изъ голубаго синимъ, потомъ сѣрымъ, потомъ чернымъ...

Кругомъ что-то жужжить... Я падаю въ какую-то пропасть...

ПИСЬМО XXVII.

Дорогой другъ!

Вотъ и опять послѣ долгаго перерыва будете читать вы первое письмо, написанное вашимъ пріятелемъ собственноручно.

Вечеръ. Рымушка куда-то ушелъ. Бронка чинитъ мой костюмъ; однако, что-то у ней не клеится какъ-будто . . . . .

Простите... прерываю на минутку... . . . . .

Только что былъ у насъ съ Бронкой длинный разговоръ. Я считаю святымъ долгомъ привести вамъ его цѣликомъ, безъ какихъ бы то ни было комментарій съ моей стороны.

— Броничка, когда ты думаешь ѣхать обратно въ Краковъ?

— Когда вы совсѣмъ выздоровѣете

— Да, вѣдь, я ужъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

— Куда мнѣ ѣхать?

— Какъ куда? Въ Краковъ.

— Зачѣмъ??

— Какъ зачѣмъ? Работать!

— А...

— Ты ужъ и такъ тутъ много времени потратила на эти глупости.

— Это вовсе не глупости.

— Все равно, но они у тебя, Броня, отняли много времени...

— У меня всегда много времени...

— Это нехорошо...

- Нѣтъ, хорошо!
- Эхъ, какая ты, съ тобой не сговоришь...
- А вотъ другіе же умѣли сговориться...
- Но я не хочу быть такимъ, какъ другіе...
- Э...
- Что это за «э»... Ты должна вернуться въ Краковъ и взяться за работу.
- Какой вы нынче скучный!
- Ну, расскажи мнѣ, какъ ты тамъ жила, въ Краковѣ?
- Нечего мнѣ рассказывать.
- Какъ ты тамъ работала? На машинѣ?
- На машинѣ...
- Бѣлье шила?
- Бѣлье шила...
- А, можетъ быть, и не бѣлье шила?
- Можетъ быть...
- Броня, какъ это ты со мной разговариваешь?
- Ой, какой вы нынче надоедливый, страсть! прямо выдержать нельзя...
- Броня, я тебя серьезно спрашиваю...
- Знаю, знаю, вы всегда серьезный... Я за всю мою жизнь такого еще не встрѣчала.
- Какъ по твоему, Броня, стоитъ ли такой работой заниматься? По моему, стоитъ. Первое время мы бы тебѣ немножко помогали... Что это ты такъ въ зеркало смотришься?
- Правда, я похорошѣла за время вашей болѣзни? Скажите, правда?
- Ты знаешь, Броня, что я въ этомъ ничего не смыслю.
- Смотрите, святоша какой... подумаешь, и вправду...
- Пожалуйста, Броня, ты мнѣ зубы-то не заговаривай. Густавъ рассказывалъ мнѣ, что ты рѣшила взяться за работу и представилъ мнѣ тебя въ очень миломъ свѣтѣ...
- Кто??
- Я тебѣ сказалъ: Густавъ...
- Густавъ?? Вотъ негодяй...
- Какъ ты выражаешься, Броня...
- Густавъ—лгунъ, а я лгунъ не люблю.
- Да отчего же онъ лгунъ? Я вовсе этого не вижу...
- Густавъ пересталъ теперь рисовать женщинъ, такъ я ужъ ему больше не нужна.
- Онъ говоритъ, что онъ самъ поощрялъ это твое желаніе работать.
- Ой-ой-ой, что это вы за человѣкъ! Разумѣется, онъ самъ меня уговаривалъ взяться за работу, потому что ему нужно было отъ меня избавиться, а уступить меня кому-нибудь другому ему жаль было...
- Что это ты какая нынче горькая, Броня?

— Горькая, потому что не сладкая...

— Впрочемъ, къ чорту Гутка. Вернемся лучше къ проектамъ господина Колаковскаго. Что, онъ тебѣ комнату нанялъ, правда? И машину помогъ тебѣ выбрать? И отыскалъ тебѣ портниху, у которой ты могла бы научиться кройкѣ и шитью? Скажи!

— Ну да, да, да... Говорите, что вамъ дать сегодня на ужинъ: сырую ветчину или вареную?

— Это послѣ, а теперь я хочу знать, занялся ли тобой Людвикъ. Вѣдь мнѣ надо его поблагодарить.

— Поблагодарите. Занялся онъ мной, занялся.

— Ну, и какъ вы... что вы дѣлали вмѣстѣ?

— Не будьте, сударь, такъ любопытны...

— Броня, я съ тобой серьезно говорю...

— Да развѣ вы умѣете говорить не серьезно?..

— Скажи, онъ тебѣ понравился, Людвикъ?

— А вамъ это зачѣмъ??

— Броня, подойди-ка сюда вотъ, поближе ко мнѣ, и дай мнѣ твою руку...

— Что это съ вами?

— Ну, подойди же.

— Что это... Какой вы нынче странный. Ну, вотъ вамъ... Вы-то— добрый, я знаю, что вы добрый. Ай, что это? Сѣдой волосъ? Сейчасъ, сейчасъ, мы его вырвемъ...

— Оставь... что за глупости...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это у васъ отъ болѣзни... Вотъ и нѣту его уже... Ай-ай-ай! А тутъ, на другомъ вискѣ, какая масса... Погодите... Да, право же, вы еще совсѣмъ красивый мужчина...

— Не садись ты мнѣ на колѣни, Броня, прошу тебя...

— Знаете, я васъ очень, очень люблю, потому что вы очень добрый человѣкъ. У васъ—сердце доброе, а такихъ людей на свѣтѣ немного... И, право, вы еще хороши собой. Какіе у васъ умные глаза... Я еще ни разу не влюблялась въ человѣка съ умными глазами... У Стефка были такіе огненные, страстные глаза... У всѣхъ у нихъ страстные глаза... Только не умные...

— Ну, Бронка, перестань ты, послушай лучше, что я тебѣ скажу...

— А вы, вы могли бы хоть немножечко полюбить такую бѣдную, бѣдную дѣвушку, какъ я? Погодите немного, вотъ я васъ перечешу... Вы такъ некрасиво причесываетесь...

— Слушайте, Бронка...

— Я бы васъ по одному запаху узнала, хоть не знаю гдѣ, хоть бы въ потемкахъ... Посмотрите-ка мнѣ въ глаза... Только прошу не хмуриться...

— Дура ты, Бронка—вотъ тебѣ и все!

— Вотъ какъ! Ну, ужъ я вижу, что съ вами шалить нельзя... Ну говорите ужъ, чего вамъ надо, только живо...

— Послушай меня, Бронка. Вѣдь вотъ же этихъ Стефковъ, Шенявскихъ, Юліевъ ты цѣлыми дюжинами слушала, что жъ ты не хочешь хоть одинъ разъ послушать умваго человѣка...

— Ну, говорите же скорѣе, а то ужъ, право, злость беретъ... Ну!

— Бронка... Скажи мнѣ, какъ обращался съ тобою тамъ... въ Краковѣ... этотъ...

— Оставьте меня, я сейчасъ расшлачусь...

— Послушай... неужто и онъ??

— Ну, что вы, право, точно ребенокъ маленькій... Какъ вы не понимаете, что я изъ всего этого вырваться хотѣла?? Какъ?? Неужто жъ и вы не вѣрите, что вся эта жизнь у меня вотъ гдѣ стоитъ? Ну, что я такое?? Натурщица?? Ха, ха, ха, ха! А вотъ женщины рисовать перестали—ну, я попробовала взяться за шитье... Да знаете ли вы, сколько этимъ за день заработаешь? Двадцать копѣекъ, ужъ самое большее—такъ двадцать пять... И никто тебя даже и за человѣка не считаетъ! Вѣдь жизнь какая: нужда, холодъ, голодъ, ночей не высыпашь, на руки смотрѣть нельзя—такъ спухнуть, глаза красные, вѣчная боль въ спинѣ и въ груди... А въ придачу тебя еще и выругаютъ, иной разъ такъ и ударятъ... Ха, ха, ха, ха, ха!.. Да развѣ же этимъ я бы себѣ на такое платѣ заработала!? И откуда бы у меня такіе часики взялись?! Вамъ, небось, хорошо толковать: работай, работай, да будто вы знаете, что значить работа для такихъ дѣвушекъ, какъ я!? О, я знаю, знаю, отлично знаю, кто я такая, но не хочу я такъ больше, не могу... Я должна, должна за что-нибудь взяться... Кто я? Просто чья-нибудь... и всегда чья-нибудь... всегда въ неволю... Нынче у того, завтра у другого...

Она смолкла и закрыла лицо руками. Наступило молчаніе. Сердце у меня сжалось, глядя на бѣдную дѣвушку, я ласково взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Послушай, Броня, что я тебѣ скажу... Мы съ тобой здѣсь станемъ работать... Ужъ я этимъ позаймусь... И вѣрю, Броничка, что изъ тебя еще можетъ что-нибудь выйти.. искренне вѣрю, ей-Богу! Ты вѣдь, въ сущности, дѣвушка хорошая, только вотъ испортили тебя злые люди, испортили, душу твою хорошую исковеркали... Жаль, право, что тамъ, въ Краковѣ, ничего не вышло, а то Людвикъ...

Бронка вдругъ вскочила, какъ ужаленная.

— Людвикъ? Что Людвикъ? Какой Людвикъ?! Эхъ... Лучше бы вы ужъ не притворялись... Право, иной разъ начнете говорить, будто пятилѣтній ребенокъ. Ужъ я бы на вашемъ мѣстѣ не заботилась о чужихъ людяхъ, волочилась бы за красивыми дѣвушками—и конецъ! Людвикъ! Да и онъ такой же, какъ и всѣ, только на руку пошире... За то ужъ какъ пустились мы тамъ съ нимъ... гулять напропалую, что называется... Пришлось, голубчику, немного карманы-то пообчищать... Что вы такъ на меня глядите? Ну, что, что? Вы вѣдь уже не

«Больны, такъ съ вами можно поговорить, какъ съ мужчиной... Ха, ха, ха, ха, ха!.. Смотрите на него!.. Еще не понимаетъ... Ха, ха, ха, ха, ха, ха!..»

И, дико расхохотавшись, она быстро выбѣжала изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь.

П И С Ъ М О ХХVIII.

Я васъ не спрашиваю, какое впечатлѣнiе произвело на васъ мое послѣднее письмо. Я васъ не спрашиваю, правда или нѣтъ то, что мнѣ рассказала Бронка. Я васъ не спрашиваю, какую изъ экономическихъ системъ вы признаете, въ какую философскую теорiю вѣрите, каковы ваши взгляды на прошлое, настоящее и будущее земного шара, такъ называемаго человѣчества, расъ, племень, народоръ, мужчинъ и женщинъ. Я васъ не спрашиваю, какую теорiю искусства вы чтите, не спрашиваю, кто были ваши родители и не имѣете ли вы намѣренiя жениться. Я васъ, наконецъ, не спрашиваю и о томъ, набожный ли вы человѣкъ и вѣруете ли вы въ Бога? Послушайте только, что я вамъ расскажу.

Только что ушелъ отъ меня Рымковскiй. Мы съ нимъ очень сблизилась за время моей болѣзни. Рѣдко встрѣтишь человѣка съ такою простой, чистой душой.

Говорятъ, что онъ еще ни разу въ своей жизни не любилъ. Тутъ, разумѣется, нужно подразумѣвать любовь къ женщинѣ, ибо вообще Рымковскiй любилъ много и многое любить. Я еще не видалъ человѣка, который былъ бы такъ добръ, такъ кротокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовъ бороться и постоять за себя. Да только онъ не изъ тѣхъ звѣрей, что дѣйствуютъ когтями и клыками, онъ побуждаетъ взглядомъ голубя и кротостью агнца.

Онъ постоянно пишетъ, но почти ничего не печатаетъ. Имя его не пользуется извѣстностью. Но я увѣренъ, что если когда-либо люди доберутся до его письменнаго стола, то они тамъ найдутъ именно то, въ чемъ теперь ощущаютъ такой сильный недостатокъ. Но если бы Рымковскiй вздумалъ теперь преподнести имъ свои труды, его бы вышвырнули за дверь. Чтобы приносить что-нибудь людямъ, необходимо обладать какимъ-нибудь величiемъ, иначе съ тобой и говорить не станутъ. А такимъ бѣднякамъ, какъ Рымковскiй, величiе придаетъ одна лишь смерть.

А между тѣмъ, этотъ простодушный человѣкъ бываетъ порою язвительнъ, какъ Гейне. Какъ-то разъ, во время моей болѣзни, зашелъ у насъ разговоръ объ «Androgynе».

— Девизъ этихъ господъ,—заговорилъ, улыбаясь, Рымковскiй,— девизъ ихъ: искусство для искусства. Не спорю, девизъ этотъ можетъ быть такъ же хорошъ, какъ и всѣ другiе великiе девизы, но я его

не понимаю. Допустимъ, что я бы вдругъ сказалъ нищимъ, хромымъ и калѣкамъ, что Богъ—для Бога, а не для нихъ, вѣдь я бы лишилъ ихъ послѣдней надежды и опоры въ житейскихъ невзгодахъ. Скажи я имъ: небо для небожителей, а не для людей—они пришли бы въ самое безысходное отчаяніе. Но допустимъ, что путемъ какихъ-нибудь дедуктивныхъ умозаключеній мы съумѣемъ обосновать подобный тезисъ и найдемъ, что человѣкъ можетъ усовершенствоваться до степени небожителя, и тогда передъ нимъ откроются врата небесъ. Но вѣдь въ искусствѣ ничего не сдѣлаешь никакими теоріями и никакими выводами, тутъ главную роль играетъ не теорія, а практика, не слово, а дѣло, тутъ за себя должно говорить само произведеніе. Посмотримъ же, какъ эти господа, провозглашающіе девизъ: «искусство для искусства», прилагаютъ свои теоріи на практикѣ, т. е. въ своихъ произведеніяхъ? По моему, это—литература всякаго сброда безъ малѣйшаго критическаго выбора, литература, которую я назвалъ бы не искусствомъ для искусства, но искусствомъ для возбужденія чувственныхъ инстинктовъ... Эти господа гремятъ якобы отсталыхъ людей за то, что они не слушаютъ ихъ сладострастныхъ пѣсень. Но мнѣ сдается, что отсталые-то они сами и что они составляютъ придворную свору художниковъ у какой-то ничтожной кучки такихъ же отсталыхъ. Съ какимъ презрѣніемъ мы нынѣ отъзываемся о наемныхъ пѣвцахъ среднихъ вѣковъ или о придворныхъ художникахъ! А кто они? Развѣ они не продавы тѣмъ, кто изгналъ изъ своей души все, что въ ней было прекраснаго, развѣ они не проданы фабрикантамъ, банкирамъ, однимъ словомъ, набобамъ, потому что кто же имъ лучше заплатитъ? А съ какимъ наслажденіемъ эти самые праздные богачи, которые, предварительно хорошенько выспавшись, цѣлый день только и думаютъ о томъ, какъ бы удовлетворить свою чувственность, съ какимъ наслажденіемъ покупаютъ они то, что такъ хорошо возбуждаетъ ихъ грубые инстинкты!.. Нѣтъ, это не свободные художники, это спекуляторы, которые не творятъ, а лишь болѣе или менѣе искусно обдѣлываютъ свой товаръ, чтобы выгоднѣе было его продать, это люди, по рукамъ и по ногамъ связанные невидимыми цѣпями, которыя они же сами на себя накладываютъ, обманывая свѣтъ какими-то придуманными теоріями о независимости своего искусства. А мнѣ кажется, что истинное искусство, великое, безсмертное, свободное искусство должно всегда имѣть доступъ къ сердцамъ нашей бѣдной, обездоленной массы, а не къ сердцамъ банкировъ. Впрочемъ, если какая-нибудь отрасль искусства можетъ стать доступной для людей только тогда, когда всѣ станутъ жить въ палатахъ, разукрашенныхъ голыми женщинами, такъ не погодить ли намъ, въ такомъ случаѣ, заниматься живописью до той поры, когда на свѣтѣ уже не будетъ ни голыхъ калѣкъ, ни скверно одѣтыхъ рабочихъ, ни швеекъ съ красными отъ безсонныхъ ночей глазами. Поэтому мнѣ кажется, что у такого сверхчеловѣка, который, видя на

каждомъ шагѣ нужду и страданія, отворачивается отъ нихъ со сладко-иронической улыбочкой и отирается рисовать свои картины для тѣхъ, которые сплошь да рядомъ являются причиною этой нужды и этихъ страданій, у такого человѣка, повторяю, который послѣ этого въ состояніи рисовать замирающихъ въ сладострастіи вакханокъ, у такого человѣка, у такого художника должно быть не сердце, а камень...

Такъ разглагольствовалъ Рышковскій. Само собою разумѣется, что все это ненормальные взгляды, съ которыми вы, пожалуй, и не согласитесь. Но вѣдь я уже выше сказалъ, что не стану васъ спрашивать про ваши взгляды и теоріи. Я только прошу васъ внимательно выслушать то, что я вамъ буду рассказывать дальше.

Когда Рышковскій вошелъ ко мнѣ сегодня, я, по его болѣе, чѣмъ когда-либо, смущенному виду, тотчасъ догадался, что у него «что-то есть на душѣ» и что онъ, значить, пришелъ ко мнѣ не даромъ. Вошелъ онъ, сѣлъ на стулъ, опустилъ глаза и принялся вертѣть въ рукахъ шляпу.

Мы заговорили-было о моей ранѣ, но эта тема была скоро исчерпана. Наступила пауза.

Мы заговорили было о живописи, но и эта тема исчерпалась очень скоро. Наступила вторая пауза.

Заговорили мы о поэзіи. Мнѣ показалось, что у него что-то кроется за пазухой. Не принесъ ли, думаю, мнѣ чегонибудь почитать. Я пробую навести на это разговоръ, наконецъ, прямо спрашиваю его—нѣтъ, ничего, оказывается. Наступаетъ третья пауза.

Я заговариваю объ общественныхъ вопросахъ. Рышковскій поднимаетъ глаза. А, вотъ оно! Но черезъ минуту глаза его потухаютъ, онъ ихъ опять опускаетъ и опять вертитъ свою шляпу. Я умолкаю. Четвертая пауза.

Я перехожу къ философіи мысли и незамѣтно чуть чуть касаюсь философіи сердца. Рышковскій перестаетъ вертѣть шляпу. Я чувствую, что ключъ ужъ у меня въ рукахъ, нужно еще только замокъ отыскать.

Вдругъ Рымушка мой кидаетъ шляпу на кровать и, внимательно разсматривая ногти, тихо говоритъ:

— Видите ли, я пришелъ къ вамъ по одному, крайне трудному и сложному дѣлу...

— Говорите. Я васъ слушаю.

Онъ глубоко вздохнулъ, принялся постукивать пальцами по ручкѣ кресла и, помолчавъ немного, произнесъ:

— Я хотѣлъ поговорить съ вами о паннѣ Брониславѣ.

Это меня, признаюсь, поразило.

— Во время вашей болѣзни, — продолжалъ Рышковскій, глядя въ окно, — я имѣлъ возможность поближе присмотрѣться къ этой дѣвушкѣ. Мнѣ кажется, ее ждетъ не особенно блестящая будущность. Эта дѣвушка живетъ безпечной жизнью, изо дня въ день, какъ говорятъ.

Пока она еще молода, здорова, весела—все еще идетъ, какъ по маслу...

— Это еще тоже вопросъ...—замѣтилъ я.

— Да? Вы такъ думаете? Значить, тѣмъ болѣе.

— Что тѣмъ болѣе?

— Я сейчасъ объяснюсь. Видите ли, мнѣ кажется, у этой дѣвушки очень доброе сердце.

— Скажите: испорченное...

— Ну, этого я не скажу. Вѣдь я же видѣлъ, какъ она хлопотала во время вашей болѣзни. Она нарочно пріѣхала изъ Кракова ухаживать за вами, не спала ночей, когда вы были въ безпамятствѣ, сама подымала васъ, чтобы переложить подушку... Ради кого и ради чего она это дѣлала? Вѣдь вы ей, въ сущности, совершенно чужой, а, насколько мнѣ извѣстно, она это дѣлала безкорыстно...

Тутъ настала за мною очередь смутиться. Я молчалъ. Рымковскій взглянулъ на меня своими голубиными глазами и промолвилъ:

— Гдѣ же вы тутъ видите испорченное сердце?

— Да, вы правы—отвѣтилъ я и, въ свою очередь, поглядѣлъ въ окно.

Не могъ же я дурно отзываться о той, которая была для меня сестрой милосердія. Притомъ, я не находилъ рациональнаго аргумента противъ словъ Рымушки.

— Значить,—началъ Рымковскій,—вы согласны съ тѣмъ, что у этой дѣвушки доброе сердце?

— Вполнѣ согласенъ,—отвѣтилъ я, постукивая пальцами по ручкѣ кресла и чувствуя, что теперь Рымковскій становится ключемъ, а я замкомъ.

Рымковскій помолчалъ, съ минуту и опять заговорилъ:

— Я не думаю, что судьба этой дѣвушки можетъ считаться обеспеченной. Художники, т. е. тѣ люди, съ которыми ей приходится имѣть дѣло, отличаются непостоянствомъ своихъ настроеній, если ужъ не сказать характера. Притомъ, какъ мнѣ кажется, они ее самымъ безчестнымъ образомъ эксплуатируютъ и обманываютъ.

— Или, лучше сказать,—обманули!

— Почему? Я полагаю, что они и теперь продолжаютъ поступать точно такъ же.

— А я полагаю, что теперь, въ свою очередь, она сама примиряется съ подобнымъ положеніемъ вещей.

— Потому что она не отдаетъ себѣ въ этомъ отчета.

— Я полагаю, что она превосходно уже отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ...

— А я все таки позволю себѣ возразить вамъ. Можетъ быть, вы и согласитесь со мною.

— Говорите.

— Панна Бронислава—натурщица и въ данное время ничѣмъ инымъ быть не умѣетъ. Теперь она еще свѣжа, молода, красива, оригинальна. Но вѣдь это все скоро пройдетъ. Еще немного—и этотъ цвѣтокъ ставетъ блекнуть, и кто жъ ее тогда станетъ рисовать?

— Я въ Германіи встрѣчалъ и пятидесятилѣтнихъ натурщицъ.

— Знаю, и я такихъ встрѣчалъ. Но Германія—не Варшава, гдѣ рисуютъ только «головки» и «одалисокъ».

— Правда. Я позабылъ о нашей нормальности... Итакъ?

— Итакъ, по моимъ соображеніямъ, дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Панна Бронислава отдаетъ художникамъ всю свою жизнь въ степени наибольшаго расцвѣта своей красоты. Между тѣмъ, художники даютъ ей вознагражденіе не за всю ея жизнь, а всего только за эти нѣсколько лѣтъ. Вѣдь во всѣхъ явленіяхъ спроса и предложенія при вычисленіи цѣнъ, принимается во вниманіе и стоимость отбросовъ. Простите, пожалуйста, что я такъ прозаически выражаюсь, но, по моему, только хорошій поэтъ и умѣетъ надлежащимъ образомъ цѣнить прозу... Такъ вотъ, значитъ, по моему выходитъ, что художники, вознаграждая панну Брониславу, нисколько не думаютъ о томъ, что этого вознагражденія должно ей хватить и на то, чтобы обезпечить на будущее свою жизнь. Пройдетъ еще немного времени—и они выпшвырнутъ ее, точно негодную тряпку. И вотъ въ этомъ то, мнѣ сдается, панна Бронислава нисколько не отдаетъ себѣ отчета. Что, убѣдилъ я васъ?

— Вполнѣ—отвѣтилъ я, рассматривая свои ногти.

— Слѣдовательно, вы согласны съ тѣмъ, что они ее и теперь продолжаютъ обманывать?

— Да, согласенъ, я вижу, что это такъ...

— Этого то мнѣ и нужно было. Теперь, мнѣ кажется, я уже могу перейти къ слѣдующему. Я думаю, что слѣдовало бы позаботиться о ея судьбѣ...

— Ужъ это пробовали...

— Я что-то объ этомъ не слыхалъ.

— А я слыхалъ.

— Что вы слыхали?

— Ей совѣтывали взяться за работу.

— Кто это ей совѣтовалъ?

— Я—другіе...

— Ну, а каковъ результатъ?

— Неважный...

— Вы меня простите, коллега, но позвольте мнѣ сказать вамъ, что я подобнымъ попыткамъ не особенно-то довѣряю. Работа—это понятіе весьма и весьма растяжимое. Тутъ главное въ томъ, какъ держала себя въ этомъ случаѣ панна Бронислава: было ли съ ея стороны искреннее желаніе работать или нѣтъ...

— Вотъ то-то что и нѣтъ...

— Я опять позволю себѣ выступить съ маленькимъ возраженіемъ. Вы говорите, что панна Бронислава не проявила искренняго желанія заняться какой-нибудь работой. Но помиуйте! Во время вашей болѣзни она вѣдь работала, какъ просгая служанка, руки себѣ обжигала антисептическими средствами, поднимала васъ,—а вѣдь вы не легкій,—бѣгала за докторомъ, въ аптеку, варила бульоны... Да развѣ перечислить все, что эта дѣвушка дѣлала тогда? И вѣдь, какъ мы уже замѣтили, все это она дѣлала совершенно безкорыстно.. Откудаже, скажите на милость, вы взяли, что эта дѣвушка не любитъ труда, что у ней нѣтъ искренняго желанія работать?

Ну, что ему отвѣтить на это: вѣдь онъ правъ, глубоко правъ! Вѣдь не смѣю же я ссылаться на то, что было тамъ, въ Краковѣ, когда—то я зналъ только въ теоріи, между тѣмъ, какъ то, что происходило здѣсь, я видѣлъ на практикѣ. Рымковскій употребилъ въ дѣло настоящее «argumentum ad hominem». Вѣдь развѣ я имѣю право обвинять кого-либо въ оскорбленіи меня въ теоріи, когда онъ же на практикѣ по отношенію ко мнѣ поступаетъ, какъ милосердный самаритянинъ.

— Вы совершенно правы,—пришлось мнѣ отвѣтить.

— Итакъ, вы согласны съ тѣмъ, что панна Бронислава трудолюбива и что у ней даже можетъ быть весьма искреннее желаніе работать?

— Я согласенъ вполне.

— Вотъ этого-то мнѣ и нужно... А теперь я могу приступить къ изложенію настоящей и самой главной сути дѣла. Когда, за время вашей болѣзни, я имѣлъ возможность убѣдиться въ добросердечности этой дѣвушки, въ ея трудолюбіи, въ ея искренности, тогда у меня— у меня появилась мысль...

Онъ не договорилъ. У меня духъ захватило.

— Какая же у васъ мысль?..

— У меня явилась мысль, что бы было, еслибы я, на ней женился?..

Я замеръ.

— Слушайте, что вы на это скажете?—едва слышно прошепталъ Рымковскій, обливаясь яркимъ румянцемъ.

Что я на это скажу?? Мысли безсвязной вереницей замелькали у меня въ головѣ... Я спокойно завертѣлся на моемъ креслѣ, руки у меня дрожали... А онъ, краснѣлъ все больше и больше, все ниже и ниже опускаая голову, ждалъ моего отвѣта...

Что я ему скажу?!.. Людвикъ... вы, вы тоже знаете, какое у ней *доброе сердце*, вы знаете также, кто такой Рымковскій—можетъ быть, вы скорѣе сумѣете на это отвѣтить...

ПИСЬМО XXIX.

Объясните мнѣ, пожалуйста, Людвикъ, какимъ образомъ я очутился въ этой грязи?? И какъ же это я очутился въ грязи, а, между тѣмъ,

глядя на себя въ зеркало, ни на рукахъ, ни на лицѣ, я не вижу ни малѣйшаго пятнышка?? Какъ это такъ?

Я полагаю, что вы сами поняли, что вопросъ, который я вамъ поставилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, есть ни что иное, какъ просто риторическая фигура, т.-е. одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣта не ждутъ. Не отрицаю, что я, дѣйствительно, нахожусь въ довольно затруднительномъ положеніи, но въ данномъ случаѣ я не жду отвѣта—отъ васъ.

Вотъ каковъ былъ эпитогъ нашего съ Рышковскимъ разговора.

Рышковскій вдругъ поднялся съ своего мѣста, поднялся и я.

— Вы мнѣ не отвѣчаете?—проговорилъ онъ запынаясь.

— Видите-ли...—пробормоталъ я, схватывая обѣ его руки,—что-же я вамъ... Я въ этихъ дѣлахъ... какъ бы тутъ сказать...

— Я предложилъ вамъ, кажется, очень простой вопросъ; я думалъ, что вы мнѣ сумѣете на него такъ же просто отвѣтить...

— Простите меня, но... у меня сейчасъ немного закружилась голова... видно, я еще не совсѣмъ... въ порядкѣ...

— Боже мой! Вамъ дурно?! Какой же я дуракъ: мучаю васъ такими дѣлами... Я у васъ останусь ночевать...

— Нѣтъ, зачѣмъ? Благодарю васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы непремѣнно съ панной Брониславой останемся у васъ, я самъ такой неловкій...

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ прошу!.. Я не хочу, не хочу!

— Ну, ну, ну! Больныхъ не спрашиваютъ. Докторъ насъ предупреждалъ, что вы еще не совсѣмъ окрѣпли... Воздуху свѣжаго тутъ мало... Нѣтъ, нѣтъ, вы, пожалуйста, оставьте эти церемоніи! Ну, что тутъ такое? Не все ли равно одной ночью больше или меньше... Я побѣгу за панной Брониславой... Прощайте...

— Да погодите-же!

Дверь захлопнулась передъ самымъ моимъ носомъ. На лѣстницѣ послышались быстрые шаги...

ПИСЬМО XXX.

Вы себѣ представить не можете, что у насъ теперь творится! Мартъ, оттепель, то пасмурно, то ясно—чортъ его знаетъ что за погода!

Тучи бѣшенно гонятся по небу одна за другой. Порой проглянѣтъ изъ-за нихъ солнышко, промелькнетъ надъ землей и исчезнетъ. Не то дождь, не то снѣгъ, каша какая-то, а то вдругъ опять ярко свѣтитъ солнце. Одинъ только вѣтеръ безустанно играетъ, то и дѣло мѣняя интонацію.

Что за удивительный музыкантъ, этотъ нашъ польскій вѣтеръ! Милліономъ смычковъ онъ играетъ на своей милліоно-струнной лирѣ.

Самый тонкій дискантъ мгновенно смѣняется у него громовымъ басомъ, и тихая мелодія, напоминающая жужжаніе комара, заглушается мощными аккордами. Вотъ откуда-то изъ глубины онъ октавами начинаетъ хроматическую гамму и кончаетъ ее какимъ-то адскимъ свистомъ, дикимъ хохотомъ—вотъ онъ стихъ—тихо, тихо—и вдругъ страшный ревъ, точно стада обезумѣвшихъ быковъ, точно военный окликъ дикихъ племенъ, точно свистъ крылатыхъ стрѣлъ, точно ржаніе коней, разносится въ воздухѣ...

Что это?? Вся земля залита водою, вода все прибываетъ и прибываетъ; слышны дикіе крики и вопли, видны толпы людей, варабкающихся по обрывамъ скалъ. Тамъ отцы сбрасываютъ внизъ сыновей, а тамъ сыновья въ отчаяніи кусаютъ отцовъ, борясь изъ-за пяди земли, изъ-за обломка скалы надъ необъятною водною массой. Волны бушуютъ, ревуть, жадно поглощая толпу за толпой, и съ дикимъ хохотомъ вздымаются къ небу, гдѣ нависли свинцовыя тучи. Вотъ пѣнистые валы словно притаились въ дали, глядятъ на утесы и горы, гдѣ копошатся безформенныя груды судорожно вѣпившихся другъ въ друга человѣческихъ тѣлъ и рукъ. Выглянули—и съ дикимъ ревомъ рванулись впередъ, наперли, увлекая въ свою ненасытную пасть цѣлыя кучи лоснящихся тѣлъ, рвутъ ихъ, кидаютъ и мечутъ во всѣ стороны, то выбрасывая на поверхность какія-то головы, руки, ноги, то опять заливая ихъ пѣной и поглощая навѣки. А гдѣ-то тамъ, на высочайшей вершинѣ Гималаевъ, какой-то Геркулесъ угрюмо глядитъ на грозно нависшія тучи; у ногъ его лежатъ тяжело дыша мальчикъ и полумертвая дѣвушка. Силачъ изъ силачей, онъ ринулся впередъ сквозь обезумѣвшую толпу, взобрался на высочайшую вершину и втащилъ за собою мальчика и полумертвую дѣвку. Толпа кинулась было за ними, вѣпилась зубами въ ихъ ноги, но онъ, полубогъ, нагнулся къ безумцамъ, сильной рукою сдвинулъ имъ горло, и судорожно стиснутыя челюсти разнялись, выпуская ноги мальчика и полумертвой дѣвушки. Въ то же мгновеніе бушующія волны хлынули на толпу и увлекли ее внизъ... полубогъ приложилъ руку къ облитому водою лбу и посмотрѣлъ въ даль... Всюду вода, вода, вода, вода!.. Онъ взглянулъ на небо... Тучи разверзлись, и безъ устали льются и льются потоки, съ шумомъ ударяясь о пѣнистую, зеленую, все выше и выше вздымающуюся водную ширь! Мальчикъ обнимаетъ его колѣни, подымаетъ къ нему лицо свое съ мольбою, указывая рукою на лежащую подлѣ безъ чувствъ дѣвку... Полубогъ положилъ одну руку на мокрыхъ волосахъ мальчика, а другую все еще держитъ у лба и озирается вокругъ. Лицо его точно вылито изъ бронзы, глаза, какъ у вампира, губы полураскрыты... На волнахъ пусто, пусто, пусто... Онъ слышалъ о какомъ-то ковчегѣ—о томъ, будто голубь какой-то взлетитъ съ зеленою вѣтвью и будетъ кружить надъ водами... Вдругъ гдѣ-то на самомъ дальнемъ краю горизонта показалось надъ

водами какое-то чудовище и огласило пространство страшным ревомъ. Волны зарокотали. Чудовище поднялось еще выше и еще страшнѣе заревѣло; волны запынлись, съ глухимъ рокотомъ вздымаются сверху, катятся, напираютъ на послѣднюю, еще не смытую горную вершину, но водянымъ ихъ когтямъ не достигнуть ея. Но вотъ чудовище на краю горизонта сдѣлало движеніе въ сторону горной вершины, въ воздухѣ что-то дрогнуло, дико загудѣлъ и забушевалъ вихрь и, шумя и крутясь, вбирая въ себя, точно воронка, воды по дорогѣ, съ визгомъ, съ свистомъ, съ ревомъ и съ пѣніемъ ринулся въ сторону утеса. Согнулся полубогъ въ три погибели, ноги разставилъ, напрягъ всѣ свои мускулы въ послѣднемъ судорожномъ усиліи. Вотъ ужъ воздушная воронка брызнула на него водою... Съ быстротою молніи хватаетъ онъ за руку лежащую безъ чувствъ дѣвушку, обнимаетъ полуживого мальчика... Потокъ хлынулъ на скалистую вершину, рванулъ ее, завертѣлъ и отбросилъ далеко впередъ...

Колышутся изумрудныя водяныя горы, стравивая пѣну съ вздымающихся къ небу вершинъ. Разсѣкая одною рукой волнующіяся воды, полубогъ крѣпко держитъ въ другой полумертвую дѣвушку. Съ другой стороны его плыветъ мальчикъ и, охватывая цѣпещущею рукой его шею, поворачиваетъ къ нему свое посинѣлое лицо и молить голубинымъ взглядомъ:

— Ты—полубогъ... ты всемогущъ... ты насъ вырвешь изъ этого потопа... изъ этого хаоса... скажи!

А полубогъ, разсѣкая воду, едва слышнымъ, прерывистымъ шепотомъ, чуть не захлебываясь, шепчетъ ему въ отвѣтъ:

— Я— только человѣкъ... жалкій, ничтожный человѣкъ... и не знаю ничего... ничего... ничего...

ПИСЬМО XXXI.

Уложили они меня, значить, въ постель и приказали сейчасъ уснуть. Я притворился спящимъ, но самъ сталъ наблюдать за ними.

Вѣтеръ, между, тѣмъ усиливался, шумя и свистя на разные лады. Вотъ-вотъ, казалось, онъ развалитъ нашъ домъ и разнесетъ его по бѣлу свѣту.

Бронка и Рышковскій сидѣли за столомъ, другъ противъ друга, и попивали чай. Лампа съ бѣлымъ рефлекторомъ освѣщала комнату и кидала свѣтлое пятно на лицо Рымушки. Онъ былъ въ замѣчательно веселомъ настроеніи, смѣялся и шутилъ. Бронка намазывала ему булочку масломъ, накладывая сверху ветчину.

— Ужъ, навѣрное, полночь пробило.

— А вамъ спать хочется?

— Это вамъ спать хочется, а не мнѣ...

— Неправда—мнѣ шалить хочется!

- Посмотрите-ка! А еще серьезный человекъ!
- Какой тамъ серьезный?!
- Какъ же не серьезный—поэтъ вѣдь...
- Поэтъ, который ничего не пишетъ, только вѣчно съ планами носится...
- Ишь, какой скромненькій! Скажите на милость!
- Хорошо хоть и то, что скромный...
- Совсѣмъ вѣтъ, скромнымъ нехорошо на свѣтѣ...
- А мнѣ вотъ хорошо... и какъ еще хорошо!
- Какой же вы счастливецъ, если вы всегда довольны!
- Потому что мнѣ немного нужно, чтобы быть довольнымъ.
- А мнѣ нужно много!
- Это вамъ только такъ кажется, Броня...
- Натѣ, съѣшьте еще кусочекъ ветчины, а то голодны будете. Присягнѣте вамъ цыгане...
- Ничего мнѣ не будетъ сниться, потому что я вовсе не намѣреюсь идти спать...
- Не говорите такъ громко, а то вы его разбудите...
- Развѣ онъ уже спитъ?
- Кажется спитъ... Нужно посмотрѣть... Спитъ... Онъ теперь, знаете, лучше выглядеть...
- Онъ, навѣрно, спитъ?
- Пойдите сами, посмотрите...
- Я и вамъ вѣрю, Броня...
- Нельзя быть такимъ легковѣрнымъ.
- Почему такъ?
- Никому нельзя вѣрить...
- А я хотѣлъ бы всѣмъ вѣрить... Это такъ пріятно!
- Спасибо вамъ за такую пріятность!
- Ой-ой, посмотрите только, что за горечь!
- Горечь—не горечь, а просто такъ!
- Вотъ теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ можно будетъ съ вами свободно поговорить..
- Почему это теперь какъ разъ?
- А потому что онъ спитъ.
- Со мной всегда можно свободно говорить.
- Вотъ вы, Броня, мнѣ еще никогда не рассказывали ничего изъ вашей жизни...
- Вотъ такъ такъ... А вы, сударь, мнѣ рассказывали?
- Я всегда готовъ, только захотите...
- Мнѣ вовсе не такъ интересно...
- Да и мало въ жизни моей интереснаго.
- Ну, такъ рассказывайте.
- Вы не шутите? Правда, вы хотите слушать?

— Да разумѣется. Про васъ разсказываютъ такія странныя вещи...

— Да кто же можетъ обо мнѣ что-либо разсказывать, когда я ни съ кѣмъ не знакомъ?

— Вы съ Юліемъ не знакомы?

— Собственно говоря, нѣтъ. Мнѣ разъ только приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

— И вы съ нимъ никогда не говорили?

— Никогда.

— Да? Вы правду говорите?

— Честное слово.

— А съ Густавомъ вы знакомы?

— Нѣтъ, я его не знаю.

— Ни съ Стасемъ? Ни съ Медведемъ?

— Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

— Господи Боже мой! Да гдѣ же вы жили, скажите? Вы, значить, совсѣмъ никого не знаете!

— Я обыкновенно ежедневно просиживаю часъ въ редакціи, два часа въ библіотекѣ, иногда сюда заглядываю, а такъ больше не имѣю никакихъ сношеній ни съ здѣшними литераторами, ни съ художниками, ни во что не вмѣшиваюсь; есть у меня свой кружокъ изъ нѣсколькихъ товарищей—съ ними мнѣ хорошо и пріятно...

— Такъ, значить, вы совсѣмъ не знаете, какъ мы живемъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Значить, вы и обо мнѣ никогда ничего не слышали?

— Нѣтъ, о васъ слышалъ...

— Что вы обо мнѣ слышали?... Что, скажите!.. Ну, миленькій, скажите...

— Я вотъ отъ него, отъ коллеги, слышалъ только то, что у васъ очень доброе сердце и что изъ васъ могла бы выйти славная женщина...

— Подождите, спать онъ или нѣтъ?... Тихо... Спать, кажется... Вы слышали вздохъ?

— Это онъ сквозь сонъ. Ну, Броня, вы мнѣ что-нибудь разскажете о себѣ?

— Да вѣдь вы ужъ все знаете!

— Какъ все?

— Вы сами только что говорили.

— Но я хотѣлъ бы отъ васъ самихъ услышать...

— Ну, такъ разскажите раньше о себѣ.

— Хорошо. Я вамъ охотно разскажу. Я—сирота, родился я въ деревнѣ, крестьянскаго, значить, происхожденія...

— А я дворянка, знаете? Дворянка! У меня всѣ бумаги въ порядкѣ...

— О, въ такомъ случаѣ позвольте вамъ засвидѣтельствовать мое почтеніе... Я васъ боюсь, Броня... Кто я? Простой мужикъ!

— Ну, ну, ну, пожадуйста, прошу васъ не смѣяться надо мной!

— Да какъ бы я посмѣлъ!—Мать моя, добрая женщина, бѣдная крестьянка, мыкавшаяся по чужимъ угламъ...

— А кто былъ вашъ отецъ?

— Отецъ мой??

— Ну да, отецъ.

— Знаете ли, отца своего я совсѣмъ не помню.

— Вы о немъ ничего не слышали?

— Къ сожалѣнію, ничего...

— Такъ... вы... вѣрно...

— Не знаю ничего, ничего не помню... Знаю только то, что мы съ матушкой недолго жили въ моей родной деревнѣ и скоро оттуда выѣхали. Матушка никогда со мной потомъ въ этой деревнѣ не бывала и когда даже не говорила мнѣ, какъ эта деревня называется.

— Почему?

— Я самъ не знаю почему... Эти вопросы мнѣ теперь часто въ голову приходятъ, а тогда я ихъ матушкѣ не задавалъ...

— Вотъ какъ!.. Странно... Ну, а дальше что было?

— Попали мы съ матушкой въ какой-то маленькій городишко и тамъ моя бѣдная матушка померла.

— А у кого вы остались?

— Меня хотѣли отправить обратно въ мою родную деревню, но никакъ не могли доискаться, гдѣ она. Тогда меня принялъ къ себѣ одинъ докторъ на воспитаніе. Я ему частенько сапоги чистилъ, а иногда и ружье; онъ страстно любилъ на охоту ходить. Онъ былъ старый холостякъ, у него жила еще и сестра, она меня читать и писать выучила. Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, оба они умерли отъ появившейся тогда у насъ холеры.

— Ну, и то сказать, везло же вамъ!

— Вотъ я, поплакавъ на ихъ похоронахъ, взявъ, собрался да и пошелъ, куда глаза глядятъ. Попалъ я въ Плоцкъ.

— А я, знаете, родомъ изъ Кѣлецкой губерніи.

— У васъ еще есть тамъ родители?

— Ну, ну, о себѣ рассказывайте. Это что такое!

— Въ Плоцкѣ мнѣ сперва очень плохо было, приходилось поглажу на пароходы таскать, но потомъ какъ-то удалось мнѣ поступить къ одному нотаріусу въ писаря. Вечера у меня были свободные, познакомился я съ гимназистами, и они меня стали учить.

— И чему же вы научились?

— Научился у нихъ всему тому, что они сами знали.

— Какой же вы способный, поглажу я на васъ!

— Расходы у меня были небольшіе, такъ что даже кой-что и оставалось. Гимназисты мнѣ даже потомъ и уроки доставали. Можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что я, не будучи самъ въ гимназіи,

давалъ другимъ уроки, репетировалъ, но такъ это ужъ было. Между тѣмъ, знакомые мои гимназію окончили, уѣхали въ Варшаву, въ университетъ. Тоскливо такъ стало у меня на душѣ, когда я одинъ остался, и что же? Недолго думая, махнулъ и я туда же.

— Куда это вы махнули!

— Къ нимъ, въ Варшаву, въ университетъ.

— А васъ приняли?

— Ну, прямо въ университетъ я поступить не могъ, потому что я гимназіи не окончилъ. Но я часто къ нимъ заѣзживалъ, прислушивался къ ихъ разговорамъ, учился виѣстѣ съ ними, пользуюсь ихъ вѣзжками и лекціями.

— А чѣмъ вы жили?

— Разныя у меня были [занятія. То въ канцеляріяхъ у адвокатовъ, у нотаріусовъ служилъ, то лекціи переписывалъ. А потомъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день—я сталъ литераторомъ!

— Какъ же это?

— Потому что для этого, къ счастью, не нужно никакихъ гимназій, никакихъ экзаменовъ.

— Тихе, тихе... тсс... проснулся кажется...

— Пойдите, посмотрите...

— Нѣтъ, спать крѣпко... почти не дышетъ... Это хорошо... Налить вамъ еще чаю? Самоваръ еще теплый... Подайте-ка вашъ стаканъ, я вамъ налью...

— Я себѣ самъ налью...

— Ну, ну, а на что женщина?—Тихе, право... Вы его разбудите... А знаете, что? Вы мнѣ про одну вещь ничего не рассказали...

— Про что это?

— Угадайте.

— Не знаю, долго думать...

— Такъ я вамъ помогу. Вы мнѣ не рассказали, сколько разъ вы были влюблены...

— Я? Я никогда не былъ влюбленъ... Вы, Броня, первая женщина, съ которой я такъ свободно разговариваю...

— Потому-то вотъ про васъ и говорятъ...

— Что говорятъ?

— Что вы—ангелъ.

— Чортъ я, а не ангелъ!

— И если бы передъ смертью дотронуться только до васъ, то этого одного было бы довольно, чтобы попасть прямо въ рай...

— Что вы такъ подшучиваете надо мною, бѣднымъ мужикомъ?

Ну, теперь ваша очередь, Броня...

— Я думала, что вы обо мнѣ немного больше слышали.

— Ей-Богу, больше ничего не слыжала...

— Тихе... разбудите.

- Да онъ спитъ... мы можемъ говорить вполне свободно...
- Что же мнѣ вамъ о себѣ рассказывать? Спросите художниковъ.
- Во-первыхъ, я бы ихъ не спрашивалъ оттого, что я имъ не вѣрю, а во-вторыхъ, съ меня будетъ вполне достаточно того, что вы мнѣ сами о себѣ расскажете.
- Ну, такъ спросите у него—вотъ.
- Онъ мнѣ ничего больше не говорилъ, какъ только то, что я вамъ уже сказалъ.
- Ахъ, Боже мой, такъ что-же мнѣ, бѣдной, дѣлать?!
- Возьмите да рассказывайте...
- А на что это вамъ?
- На что! Вотъ такъ себѣ... потому что вы мнѣ нрав...
- Да, сейчасъ!
- Честное слово. Право, Броня, я васъ полюбилъ...
- Я—хорошенькая??
- Э, хорошенькихъ на свѣтѣ много, а вы, Броня,—хорошая, добрая...
- Ну, что-же я могу вамъ о себѣ рассказать. Вѣтеръ меня принесъ, сама не знаю, откуда... Вотъ и вы тоже не знаете... Занялись мною... добрые... люди... а потомъ-потомъ я ихъ изъ виду потеряла... И вы своихъ опекуновъ потеряли... Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ я сдѣлалась натурщицей, позирую... ну, и больше нечего рассказывать!
- И вы думаете, Броня, что это такъ всегда будетъ продолжаться?..
- Что будетъ продолжаться?
- А вотъ, жизнь ваша, Броня... Вы не думаете, что она можетъ прекратиться... что такъ жить изо дня въ день долго нельзя...
- Ну, такъ что же прикажете мнѣ дѣлать...
- Броня, средство нашлось бы...
- Какое? Гдѣ? У кого?
- Послушайте, Броня... Правда, вы дворянка, а я простой крестьянинъ...
- Что это у васъ такъ рука дрожить?
- Но вѣдь мы съ вами, Броня, словно птицы бездомныя... Знаете, Броня, что?
- Тихе говорите... Ну, что?
- Не знаю, можетъ быть, это и безумная мысль...
- Я громко кашлянулъ и поднялся съ постели. Они вѣмигъ отшатнулись другъ отъ друга.

ПИСЬМО XXXII.

Было уже утро.

Я долго рассказывалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, заложивъ за спину руки, и смотрѣлъ то въ окно, то на Бронку, не зная, какъ начать.

Рымковскій ушелъ уже часа два тому назадъ.

Бронка тоже расхаживала по комнатѣ. Она нѣсколько разъ взглядывала на меня и, наконецъ, подошла къ зеркалу и стала надѣвать шляпку.

— Не уходи...

Она повернулась ко мнѣ съ вопросительнымъ взглядомъ. Потомъ положила шляпку, стала у стѣны и остановилась въ ожиданіи.

А я, ей-Богу, не зналъ, какъ начать.

Она, видно, поняла, что тутъ что-то сейчасъ произойдетъ: лицо ея чуть-чуть поблѣднѣло. Глаза у ней были опущены, но я замѣтилъ, что она слѣдитъ исподлобья за моими движеніями.

Наконецъ, я подошелъ къ ней и прошепталъ:

— Бронка... а вѣдь я... эту ночь... совсѣмъ не спалъ...

Она молчала. Я сталъ опять расхаживать по комнатѣ, придумывая, что еще сказать. Я сильно волновался.

По дорогѣ къ окну я опять взглянулъ на нее и сказалъ:

— Я слышалъ весь вашъ разговоръ, Бронка... и не только то, что онъ говорилъ, но и то, что говорила—ты!

Она—ни слова.

— Ты ему не сказала всего...

Ни слова.

— Ты даже позволила ему понять все совершенно иначе... Ты ему солгала!

Молчаніе.

Я провелъ рукою по лицу.

— Слушай, Бронка... Ты должна ему сказать... все... слышишь? все...

Я пошелъ было къ двери, но вдругъ остановился, не поворачивая головы; тихій плачь донесся до моего слуха.

Я подошелъ къ ней. Она закрыла лицо руками. Я отнял ихъ отъ лица и, крѣпко держа ея обѣ руки, произнесъ:

— Все!.. Слышишь?.. И какъ можно скорѣе...

— Такъ скажите ему сами!—крикнула она.

— Я не имѣю права... Это ты должна сдѣлать...

— Не могу—не могу!

— Ты должна!

Меня начинала раздражать досада. Мнѣ становилось тяжело дышать. Я взглянулъ въ окно. Погода была хорошая.

Нужно пойти немного пройтись... подышать свѣжимъ воздухомъ... Здѣсь нельзя выдержать... такъ душно...

Я сталъ надѣвать пальто.

— Бронка... я уйду... можетъ быть, я его встрѣчу... Ты будь дома... можетъ быть, онъ сюда придетъ... одинъ... Помни же!

Я взялся за ручку двери. Но въ то же мгновеніе я услышалъ позади себя шаги и черезъ минуту—Бронка лежала у моихъ ногъ.

— Что ты дѣлаешь, Бронка!

— Я не скажу ему... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не могу, не могу... Скажите вы ему все, добавьте, что хотите, представьте меня, какъ самую скверную дѣвушку, но я сама на могу, не могу, не могу... дорогой мой, хорошій, голубчикъ... онъ—первый человѣкъ, который мнѣ повѣрилъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... я не могу...

Я высвободился изъ ея объятій и вышелъ, заперевъ за собою дверь. Потомъ я подумалъ, повернулся и на цыпочкахъ подошелъ къ двери.

Бронка сидѣла на полу и плакала... плакала... плакала...

ПИСЬМО XXXIII.

Я забрелъ къ самой Вислѣ. Я остановился и смотрѣлъ, какъ катятся ея мутныя, нынче, быть можетъ, мутнѣе, чѣмъ всегда, воды: смотрѣлъ, не несутъ ли они мнѣ какой-нибудь вѣсточку отъ васъ, Людвикъ. Солнце слабо свѣтило; гдѣ-то вверху шумѣла и кипѣла сутолока варшавской жизни. Долго стоялъ я на берегу, размышляя, разсчитыва-
вая, разсуждая, сопоставляя одно съ другимъ и вдругъ меня охватило сильное желаніе махнуть на все рукой и броситься въ воду.

Ужъ очень, знаете ли, много мы разсуждаемъ.

Впрочемъ, нечего еще было бы жаловаться на такое наше пристрастіе къ разсужденіямъ, еслибъ въ результатѣ не получалось вѣчно одно и то же: желаніе махнуть на все рукой и броситься въ Вислу.

Да, рукой-то мы махнемъ, а въ Вислу, пожалуй, не бросимся...

Неужели же наше внутреннее состояніе мы въ силахъ проявить однимъ лишь единственнымъ внѣшнимъ движеніемъ, т. е. махнуть рукою?

Дешевый пессимизмъ, нечего сказать!..

За неимѣніемъ настоящаго дѣла мы придумываемъ разныя теоріи о дѣлахъ. Какъ легко создавать теоріи, проводя свою жизнь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты! Какъ легко разрушать ихъ и на ихъ развалинахъ воздвигать новыя!

Да только впрямь ли это создаваніе теорій?! Не игра ли это «въ жмурки» съ нашими непостоянными настроеніями?! Ей-Богу же, сколько ихъ у насъ, этихъ «теорій», сколько «настроеній». Богъ далъ человѣку разумъ въ проводники его житейскихъ странствованій; между тѣмъ, человѣкъ, желая изслѣдовать тайну зрѣнія этого проводника, взялъ да и выкололъ ему глава. Ну, и бредутъ теперь оба ощупью, ежеминутно отставая другъ отъ друга и бранясь между собою...

А жизнь не ждетъ, она беретъ свое. И мнѣ вдругъ почудилось, что это я тотъ человѣкъ, который стоялъ на вершинѣ Гималаевъ, когда вокругъ бурлилъ потопъ: У ногъ моихъ валяется дѣвушка, а сбоку глядитъ мнѣ въ глаза Рышковскій. Мы ушли съ необъятной земли, на которой столько дорогъ и тропинокъ, и столько людей, не знающихъ и

не понимающихъ другъ друга, и взобрались на эту вершину. Бурный потокъ жизненныхъ явленій сталкиваетъ насъ другъ съ другомъ, сближаетъ—и вотъ-вотъ снесетъ онъ насъ на бушующія волны, а тамъ уже колебаться нельзя, нельзя ждать, нужно что-нибудь рѣшить, нужно что-нибудь сдѣлать! Жаль мнѣ, жаль эту бѣдную дѣвушку, что валяется у моихъ ногъ, но... нѣтъ! Это немисливо! Кроткій голубь—Рымковскій и она! Да вѣдь тутъ можетъ разыгратъ самая ужасная трагедія! Да и притомъ... это даже... смѣшно!

Ай, я, кажется, опять махнулъ на что-то рукой.

Наконецъ, если Бронка въ самомъ дѣлѣ уже сдѣлалась «векселемъ», переходящимъ изъ рукъ въ руки, такъ почему это дисконтировать его суждено какъ разъ Рымковскому! Почему именно онъ дастъ восторжествовать идеѣ справедливости?!

Нѣтъ, нельзя на это махнуть рукой... Нужно рѣшить что-нибудь, что-нибудь предпринять..

Но что?! Вотъ вопросъ!

Во всякомъ случаѣ это должно быть что-нибудь такое, что сравняло бы шансы обѣихъ сторонъ.

Когда я выходилъ на желѣзный мостъ, я лицомъ къ лицу встрѣтился съ Рымковскимъ. Онъ летѣлъ, какъ угорѣлый, щеки у него раскраснѣлись, глаза блестя.

— Коллега, одну минуту!—остановилъ я его.

Рымковскій страшно обрадовался нашей встрѣчѣ. А я уже зналъ теперь, что сдѣлать.

— Куда вы такъ спѣшите?—спросилъ я.

— На Золотую, на урокъ...

— Прекрасно. Вамъ будетъ какъ разъ по дорогѣ. Вы у меня оставили свою...

— Ахъ, такъ это у васъ я мою книжечку позабылъ! А я себѣ все время голову ломалъ, гдѣ это я могъ ее оставить...

— Идите сейчасъ туда!

— А какъ же я найду?

— Тамъ... Бронка...

Онъ страшно покраснѣлъ и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Возьмите извозчика и поѣдьте вмѣстѣ—а?

— Нѣтъ... я теперь не могу...

— Такъ я вечеромъ найду за книжкой...

— Нѣтъ, идите теперь... сейчасъ...

— Мнѣ что-то не хочется... Отчего это вы просите, чтобы я сейчасъ пошелъ? Можетъ быть, нужно тамъ что-нибудь сдѣлать для васъ?

— Нѣтъ, ничего. Но... тамъ Бронка... она хочетъ съ вами поговорить...

Рымковскій поблѣднѣлъ.

— Это другое дѣло. До свиданія!

Какая-то тяжесть свалилась у меня съ груди. Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ скоро исчезъ въ толпѣ, а я двинулся дальше, но передъ глазами у меня все стояло его поблѣднѣвшее лицо.

П И С Ь М О XXXIV.

Я рѣшилъ, что вернусь домой только вечеромъ, а тамъ пускай дѣлается, что угодно...

Принявъ такое рѣшеніе, я не болѣе чѣмъ черезъ полчаса очутился въ воротахъ—своего дома.

Я медленно взобрался по лѣстницѣ и на цыпочкахъ подошелъ къ двери. Прислушиваюсь. А сердце у меня такъ и колотитъ, такъ и колотитъ. Глубокая тишина. Что жъ это такое? Я хватаюсь за ручку открываю дверь. Посреди комнаты стоитъ Бронка въ плянкѣ, въ пальто: собирается, какъ видно, уходить.

— Рыжковскій былъ здѣсь?

Она молчитъ. Я громче повторяю вопросъ.

— Былъ.

— Ты ему сказала?

Она опускаетъ глаза. Я хватаю ее за руку.

— Сказала,—тихо говоритъ она, не подымая глазъ.

Я сталъ снимать пальто. Бронка приняла его у меня и повѣсила на вѣшалку у двери. Я сѣлъ на стулъ; руки у меня дрожали.

— Броничка... поди сюда,—тихо говорю я.

Она подошла, стала около меня и молчитъ.

— Слушай, Броня... право, мнѣ тебя, бѣдную, жаль... очень жаль... Ну, скажи, что онъ??

Бронка не отвѣчаетъ ни слова.

— Какъ онъ это принялъ? Скажи! Да говори же! Вѣдь онъ мнѣ другъ, ты знаешь.

— У меня нѣтъ друзей,—прошептала она сквозь зубы.

Мнѣ больно стало.

— Ты во мнѣ имѣешь самаго лучшаго друга, Броня...

— Спасибо вамъ...

Это «спасибо» было сказано такимъ тономъ, что меня такъ и кольнуло въ сердце.

— Ты мнѣ уже не вѣришь, Бронка?..

— Никто меня не научилъ вѣрить... Ни Стефекъ, ни «тетка», ни Гутекъ, ни Юлій...

— Бронка, посмотри мнѣ прямо въ глаза!

Бронка гордо подняла свою голову. Брови у ней сдвинулись и нахмурились надъ горѣвшими гнѣвомъ глазами.

— Бронка, ты ему *ничего* не сказала!—воскликнулъ я, хватая ее съ силой за руку. Но она вырвалась отъ меня и бросилась къ двери. Я кинулся за ней и задержалъ ее на порогѣ.

— Пустите меня,—крикнула она, тяжело дыша.

— Бронка, ты лжешь!

Грудь ее высоко подымалась и опускалась, глаза засверкали нехорошим огонькомъ.

— Да? Вы думаете, что я вѣчно буду такой душой?—заговорила она прерывистымъ, задыхающимся отъ бѣшенства, голосомъ.—Хорошо, я скажу ему, а что будетъ потомъ?? Знаете ли вы? Вѣдь онъ, какъ сюда вошелъ, руку мнѣ поцѣловалъ! Слышите, руку?? Эхъ вы... умный вы человекъ! Да ужъ лучше вы о насъ не заботьтесь, мы и безъ васъ обойдемся!.. Спасибо вамъ за такую дружбу... Меня Богъ все друзьями наградилъ... Я при васъ ночи цѣлыя просиживала, ухаживала, берегла, ногъ подъ собою не чувствовала... Никогда еще мнѣ не приходилось кого-либо упрекать такъ—и жалъ мнѣ, что это я вамъ должна говорить: вѣдь вы со мной по-человѣчески обращались... Но ужъ коли считаться, такъ считаться... Я съ вами такъ—а вы со мной вотъ какъ.

Я глядѣлъ на нее, проводя рукою по лицу, и опустилъ глаза... Потомъ я медленно, шатаясь, подошелъ къ окну и сѣлъ на постели.

И опять мнѣ почудилось, что я плыву среди бурнаго потока, съ трудомъ разсѣкая волны, но я уже не вижу ни голубинныхъ глазъ мальчика, ни полумертвой дѣвушки. Волны унесли ихъ куда-то далеко-далеко,—а на меня напираютъ воды, окружаютъ со всѣхъ сторонъ, увлекаютъ и кружатъ въ бѣшеное водоворотѣ...

Бронка стояла у порога и искоса поглядывала на меня. Вдругъ она подошла ко мнѣ, взяла мою руку и быстро поднесла ее къ губамъ..

Я вскочилъ.

— Бронка!

Ея уже не было въ комнатѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Продолженіе *).

II.

Общій характеръ историческаго перелома въ концѣ XV вѣка.—Житейскіе элементы новой московской программы.—Традиція скопидомства.—Традиція «единства», превратившаяся въ традицію «объединенія».—Традиція религіознаго единства и ея отношеніе къ идеѣ національнаго объединенія.—Религія, какъ средство въ рукахъ московской политикѣ.—Идеологическіе элементы московской программы и ихъ общій источникъ.—Идея крестоваго похода противъ турокъ, какъ главная причина интереса Европы конца XV в. къ Россіи.—Левантинцы: итальянцы и греки, какъ посредники при первыхъ сношеніяхъ.—Женитьба на Софѣ Палеологъ, какъ первый результатъ сношеній.—Политическія послѣдствія брака и первыхъ сношеній съ европейскими государями.—Неудачныя попытки ввести Ивана III въ международную іерархію государей.—Быстрый ростъ и практическій успѣхъ идеи «панрусизма».—Теорія и дѣйствительность «борьбы съ исламомъ».—Дальнѣйшее развитіе московской политической идеологіи при помощи южныхъ славянъ.—Национальное самосознаніе, какъ продуктъ исторіи южныхъ славянъ.—Его формулировка въ соотвѣтственной политической идеологіи.—Перенесеніе этой идеологіи на Москву.—Славянскіе литераторы (Киприанъ, Пахомій) овладѣваютъ русскими національными темами.—Московскій князь рисуется въ чертахъ славянскаго «царя и самодержца».—Москва становится «новымъ Царьградомъ».—Пропаганда новыхъ идей русскими писателями (Филофей).—Связь славянскихъ идей съ русской идеей «панрусизма» при помощи легенды объ историческомъ преемствѣ власти отъ Византіи.

Послѣднія двадцать лѣтъ XV-го вѣка въ русской исторіи отличаются цѣлымъ рядомъ нововведеній, рѣзко отдѣляющихъ ихъ отъ всего предыдущаго времени. Русская политическая жизнь круто поворачиваетъ на новую дорогу. Въмѣсто нѣсколькихъ великихъ княжествъ, дробящихся на множество мелкихъ удѣловъ, мы встрѣчаемъ компактную массу московскихъ владѣній, почти уже поглотившихъ всѣ земли своихъ крупныхъ и мелкихъ сосѣдей. Въмѣсто прежняго великаго князя, договаривающагося и воюющаго съ этими ближайшими сосѣдями, мы видимъ «государя всея Руси». Онъ заботится не о мелкихъ прикупкахъ и «примыслахъ», а объ окончательномъ объединеніи подъ своей властью всей русской народности. И для достиженія этой цѣли онъ не хлопочетъ больше о томъ, чтобы подкупить ханскихъ совѣтниковъ и какъ-

) См. «Міръ Божій», январь 1900 г.

нибудь выклянчить у хана ярлыкъ. Онъ теперь самъ «царь», не хуже ордынскаго, и «самодержецъ», не нуждающійся ни въ какой чужеземной саякціи своей власти. Его дипломаты, во что бы то ни стало, хотятъ быть на равной ногѣ не только съ правительствомъ венеціанской республики, но и съ самимъ цесаремъ римскимъ. Словомъ, на почвѣ стихійныхъ успѣховъ, достигнутыхъ «прародителями», московскій государь вырабатываетъ широкую программу политики, которой сознательно и твердо придерживается съ этихъ поръ его правительство и его потомки. И,—что насъ особенно интересуетъ здѣсь,—въ этой программѣ текуція государственныя задачи впервые получаютъ болѣе или менѣе отвѣченную идеологическую формулировку. Политическая идеологія московской государственной программы скоро становится достояніемъ «народнаго сознанія», и надолго переживаетъ создавшую ее историческую обстановку. Вотъ почему намъ предстоитъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ этой программѣ и тщательно выдѣлать въ ней элементы житейскіе и элементы идеологическіе.

Заранѣе можно сказать, что именно послѣдніе т. е. идеологическіе элементы и составляютъ то новое, что даетъ особую, бросающуюся въ глаза окраску всему періоду, въ теченіе котораго осуществляется новая программа. Напротивъ, элементы, непосредственно вытекающіе изъ потребностей текущей жизни, связываютъ московскую дѣйствительность съ прошлымъ, составляя лишь прямой и логическій результатъ медленной, стихійной работы предъидущихъ поколѣній. Попытаемся же анализировать и тѣ, и другіе составные элементы московской политической программы.

Въ только что упомянутой «стихійной работѣ» прародителей московскаго самодержца, безъ сомнѣнія, была своя сознательность и своя традиція. Еще сынъ Калиты, Симеонъ Гордый, вполне отчетливо подчеркиваетъ эту традицію, кончая свое духовное завѣщаніе (1353) такими выраженіями: «а пишу вамъ это слово того ради, чтобъ не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла». Симеонъ могъ быть спокоенъ. Свѣча, зажженная Калитой, не гасла, а разгоралась яркимъ пламенемъ при его сыновьяхъ, внукахъ, правнучкахъ и праправнучкахъ. Первый русскій самодержецъ стоялъ на плечахъ пяти поколѣній, и потому видѣлъ такъ далеко и широко. Но вѣрно, однакожь, и то, что его предкамъ никогда и не снились такія широкія перспективы. Прикупая и «примышляя» деревню къ деревнѣ, волость къ волости, копя въ своей казнѣ золото и серебро, ожерелья и мониста, кожуи червленые жемчужные и пояса «съ каменьемъ», обчитывая татаръ на дани и насильничая надъ «своей братьей», князьями,—эти «прародители» не шли въ своихъ политическихъ мечтахъ дальше смутной надежды, что придетъ когда-нибудь время и «Богъ освободитъ ихъ отъ Орды». Если бы спросить ихъ, что они будутъ дѣлать съ своей свободой, они, вѣроятно, не смогли бы развить

никакой иной программы, кромѣ все той же старой, привычной, ставшей инстинктомъ: еще больше примышлять и копить, обманывать и насильничать,—съ единственной цѣлью добиться какъ можно больше власти и какъ можно больше денегъ. Такимъ образомъ, традиція «скопидомства» была самой коренной, самой натуральной и наименѣе идеологической изъ всѣхъ традицій московской великокняжеской семьи.

Самая необходимость борьбы съ татарами намѣчала, правда, инья, болѣе отвѣченные цѣли; но онѣ едва ли отчетливо сознавались, тѣмъ болѣе, что отчасти противорѣчили очереднымъ задачамъ практической политики. Въ томъ самомъ завѣщаніи Симеона, непосредственно передъ цитированными словами, находятся совѣты, хотя и традиціонные, но сохранявшіе тогда очень реальный смыслъ. «Какъ отецъ мой приказалъ вамъ жить заодно, такъ и я вамъ приказываю; лихихъ людей не слушайте, а если кто васъ будетъ ссорить, слушайте отца нашего, владыки Алексѣя». Дѣйствительно, необходимость быть «за одинъ» была особенно осязательна, въ виду перспективы борьбы съ татарами. Но такое единство могло быть достигнуто на практикѣ лишь цѣной уничтоженія однимъ изъ соперниковъ всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ, въ устахъ счастливаго побѣдителя эта мораль «прародителей» должна была по необходимости принять другую форму. Быть «за одинъ»—ему больше не нужно было; но онъ твердо запомнилъ, что не надо дѣлиться съ другими. Старорусская, шедшая еще съ кievскаго юга традиція «единства» превратилась, въ силу обстоятельствъ, въ традицію «объединенія». Не единеніе князей-родичей, а единство власти въ рукахъ одного «господаря» — таковъ былъ практическій урокъ, вынесенный московскимъ княземъ какъ разъ изъ бесплодности прадѣдовской морали. Какъ отчетливо и сознательно усвоилъ себѣ Иванъ III этотъ урокъ, мы знаемъ, по счастливой случайности, изъ его собственныхъ выраженій. Вѣсть о томъ, что зять Александръ литовскій князь, женатый на дочери Ивана, Еленѣ, хочетъ дать брату Сигизмунду *удѣлъ* въ литовской землѣ, подняла въ умѣ Ивана цѣлую тучу воспоминаній, и онъ продиктовалъ своимъ посламъ, ѣхавшимъ къ Еленѣ, въ Вильну, слѣдующее внушительное предостереженіе. «Передали мнѣ, что князь великій и паны хотятъ Сигизмунду дать въ литовскомъ великомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города. Вотъ что, дочь моя: слышалъ я, каково было нестроее въ литовской землѣ, когда было государей много. Да и въ нашей землѣ, ты слышала, каково было нестроее при моемъ отцѣ; а послѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьемъ, надѣюсь, слышала, а иное и сама помнишь. И если Сигизмундъ будетъ въ литовской землѣ, какая вамъ отъ того польза? Я это велю тебѣ передать потому, что ты—дитя наше и что дѣло ваше начнетъ дѣлаться не какъ слѣдуетъ, а мнѣ того жалъ».

Самъ Иванъ велъ свое «дѣло» «какъ слѣдуетъ», но онъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ своимъ предкамъ. Дѣло въ томъ, что извѣст-

ные намъ совѣты—быть заодно съ «братъею»—эти предки чѣмъ дальше, тѣмъ больше сопровождали такими распоряженіями, при которыхъ нравственная обязанность младшей братьи превращалась въ политическую необходимость. «Прародители Ивана» все болѣе и болѣе увеличивали долю старшаго въ наслѣдствѣ и обдѣляли младшихъ. Старшій сынъ Дмитрія Донского, какъ извѣстно, вносилъ съ своей доли 34% татарской дани, т. е. владѣлъ третью русскихъ доходовъ, а самъ Иванъ III, его правнукъ, получилъ отъ отца уже половину всѣхъ русскихъ городовъ, и притомъ лучшую. Онъ передалъ своему сыну такую долю, съ которой шло уже цѣлыхъ 72% татарской дани, т. е. недалеко до трехъ четвертей всѣхъ русскихъ доходовъ.

Какъ видимъ, Иванъ III всецѣло стоялъ на плечахъ своихъ предковъ, когда критиковалъ ихъ политику съ высоты достигнутыхъ имъ результатовъ. Онъ только видѣлъ, какъ мы сказали, лучше и дальше, а потому могъ отнестись гораздо сознательнѣе къ ихъ идеѣ. А главное, препятствія къ осуществленію этой идеи были настолько ослаблены къ его времени, что онъ имѣлъ полную возможность провести идею несравненно послѣдовательнѣе.

Въ завѣщаніи Симеона мы отиѣтимъ еще одинъ совѣтъ, кромѣ совѣта о нравственномъ единеніи, участь котораго мы только-что прослѣдили. «Слушайте владыки Алексѣя», писалъ Симеонъ. Этотъ совѣтъ напоминаетъ намъ о другомъ элементѣ, роль котораго въ новой политической идеологіи намъ предстоитъ оцѣнить: элементъ религіозномъ. Казалось, по самому своему существу, этотъ элементъ толкалъ на путь идеологіи гораздо сильнѣе, чѣмъ элементъ политической борьбы. Однако, какъ увидимъ, московская политика и изъ него прежде всего создала себѣ орудіе для достиженія своихъ ближайшихъ житейскихъ цѣлей.

Борьба только-что зачинавшихся политическихъ центровъ за то, которому изъ нихъ быть резиденціей митрополита, началась, какъ извѣстно, съ очень давняго времени. Митрополитъ былъ религіознымъ представителемъ «всехъ Руси» гораздо раньше, чѣмъ московскій князь сдѣлался ея политическимъ представителемъ. Онъ былъ по самому своему положенію представителемъ *всей* русской народности, пока вся Русь оставалась единственной восточно-славянскою епархіей въ вѣдомствѣ константинопольскаго патріарха. Мало того, что самъ митрополитъ являлся невольнымъ представителемъ «всехъ Руси», онъ переносилъ это положеніе и на того князя, возлѣ котораго избиралъ свою постоянную резиденцію. Когда тверскому князю Михаилу Ярославичу удалось заручиться содѣйствіемъ митрополита Петра, онъ тотчасъ же, въ подражаніе титулу митрополита, сталъ называть и себя «великимъ княземъ *всехъ Руси*». Такимъ образомъ, московскій соперникъ тверскихъ князей, Иванъ Калита, не вводилъ ничего новаго, а просто копировалъ своихъ враговъ, когда, перетянувъ митрополита Петра на свою сторону, и онъ тоже перенялъ этотъ самый титулъ «великаго князя *всехъ Руси*». Не

забудемъ, что то и другое произошло за полтора вѣка до того времени, когда Иванъ III положилъ этотъ же самый титулъ въ основу своей національной политики.

Ничего подобнаго его политикѣ мы не найдемъ, однако же, у этихъ его предшественниковъ по титулу. Одно это сопоставленіе показываетъ, что въ XIV в. религіозный элементъ еще не могъ играть такой политической роли, какую онъ сталъ играть съ конца XV в. Идея всероссійскаго религіознаго единства, очевидно, не вызывала въ умахъ идеи всероссійскаго политическаго единства, и даже титулъ великаго князя «всѣя Руси» звучалъ совершенно безопасно и невинно. Имъ, самое большее, отличались претензіи на гегемонію въ своеобразной политической федераціи, какую представляла система княжествъ удѣльнаго періода, а вовсе не стремленія къ политическому объединенію всей русской народности.

Эта старая роль церкви, какъ представительницы моральнаго единства, была уже сыграна, когда началась объединительная политика Ивана III-го. Церковь уже потому не могла долѣе служить носительницей національной идеи, что сама она раскололась къ этому времени на двѣ половины, соответственно двумъ частямъ Руси: литовской и московской. Литовская Русь получила въ срединѣ вѣка своего собственнаго духовнаго главу, который шелъ по слѣдамъ митр. Исидора, т. е. стремился провести въ жизнь формальное признаніе юго-западной русской церковью флорентійской уніи. Напротивъ, іерархія сѣверо-восточной Руси съ этихъ же самыхъ поръ вполне подчинилась дѣламъ княжеской политики и цѣной своей свободы и независимости отъ свѣтской власти приобрѣла независимость, сперва фактическую, а позже и формальную, отъ византійскаго патріарха. Такимъ образомъ, церковь не ведетъ здѣсь за собой національную идею, а сама слѣдуетъ за ея развитіемъ, какъ послушное орудіе въ рукахъ государства.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XV вѣка изъ этого орудія было сдѣлано первое широкое примѣненіе. Государь «всѣя Руси» объявилъ войну государю литовской Руси во имя защиты православія противъ «римскаго закона». Защитой православія онъ оправдывалъ всѣ свои захваты у Литвы не только передъ своей непосредственной жертвой, но и передъ государями Европы, и даже передъ самимъ папой. Это была идеология, соприкасавшаяся очень близко съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе, не совпадавшая съ нею всецѣло. Въ литовской Руси была своя православная партія, боровшаяся противъ окатоличенія Литвы; но борьбу свою она вела совсѣмъ другими средствами, и помощь Ивана являлась для нея тѣмъ болѣе непрошеной, что онъ, въ сущности, и не думалъ вступать съ этой партіей въ болѣе близкія отношенія. Для его ближайшихъ цѣлей достаточно было имѣть постоянный предлогъ къ вмѣшательству въ литовскія дѣла: этотъ предлогъ давали ему—въ значительной степени мнимыя—притѣсненія его дочери католиками. Нужно только прочесть въ дипломатическихъ бумагахъ того времени эти постоян-

ные упреки зятю и внушенія дочери, все въ тѣхъ же словахъ, превратившихся, въ концѣ концовъ, въ условныя формулы, отлично служившія въ рукахъ московскихъ дипломатовъ, но совершенно игнорировавшія дѣйствительность. Иванъ объяснялъ, дагѣе, и переѣздъ къ нему на службу мелкихъ пограничныхъ князей и передачу Москвѣ ихъ владѣній — все той же «нужею, что ихъ нудятъ приступити къ римскому закону».

Мы видимъ теперь, что и объединительная политика, и употребленіе, въ ея видахъ, релігіозно-національной идеи хотя и имѣютъ свои корни въ болѣе или менѣе далекомъ прошломъ, въ политикѣ предковъ московскаго самодержца, но, тѣмъ не менѣе, въ его собственномъ употребленіи эти старыя идеи обогащаются новыми чертами и совершенно теряютъ, въ концѣ концовъ, свой старый характеръ. Такимъ образомъ, идея моральнаго единства всей «братьи» уступила мѣсто безусловному политическому подчиненію всѣхъ остальныхъ передъ «старѣйшимъ», ихъ «господиномъ». Такимъ же образомъ и идея релігіознаго единства всей русской народности послужила средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя. Та и другая переменна могла бы совершиться, и частью совершилась,—просто въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, безъ всякаго воздѣйствія постороннихъ идеологій. Но теперь мы должны обратить вниманіе на другую сторону дѣла,—на чисто идеологическій элементъ московской программы. Только разборъ этого элемента можетъ намъ объяснить, почему новая программа была такъ быстро и такъ сознательно формулирована, и откуда взялись тѣ идейные наросты на этой программѣ, съ которыми намъ еще предстоитъ познакомиться.

Секретъ этого быстрого идейнаго перелома, переодѣвшаго великаго князя удѣльнаго періода въ царскій костюмъ, находится тамъ же, гдѣ и двѣсти лѣтъ спустя, въ моментъ переодѣванія московскаго царя въ европейское платье. Тогда, при Петрѣ, Россія заинтересовалась Европой и принялась черпать полными руками изъ ея культурной сокровищницы новыя нравы и новыя мысли. Теперь, при Иванѣ, московская Русь была еще слишкомъ некультурна, чтобы заинтересоваться Европой; но теперь Европа заинтересовалась Россіей и обронила на русской почвѣ скудныя сѣмена, давшія скоро на этой нетронутой почвѣ совсѣмъ своеобразныя всходы.

Въ эпоху Ивана III всю интеллигентную Европу проникала одна мысль—общаго крестоваго похода противъ турокъ. За исключеніемъ Бѣлграда, оставшагося (до 1521 г.) за венграми, Балканскій полуостровъ былъ въ послѣднія десятилѣтія XV в. уже въ турецкихъ рукахъ. Съ Дуная турки грозили румынамъ и венграмъ, австрійскимъ славянамъ и нѣмцамъ. Они начинали также присматриваться и къ Италіи, куда не разъ призывали ихъ внутреннія ссоры мелкихъ династовъ. Всѣ эти земли уже испытали на себѣ въ то время тяжесть турецкихъ на-

бѣговъ. Естественнымъ вождемъ оппозиціи противъ торжества ислама являлся глава западнаго христіанскаго міра, папа. Кромѣ него, больше всего въ Италиі заинтересованы были въ борьбѣ двѣ торговыя республики, соперничавшія на южноевропейскомъ востокѣ и имѣвшія тамъ повсюду свои колоніи: Генуя и Венеція. Въ Италиі заинтересованными лицами были наслѣдники послѣдняго византійскаго императора, продававшіе свои права тому, кто дороже дастъ, и римскій императоръ германской націи, старавшійся наловить въ замутившейся водѣ европейской политики какъ можно больше добычи на своей восточной границѣ. У всѣхъ этихъ лицъ и государствъ было слишкомъ много противорѣчащихъ другъ другу интересовъ и эгоистическихъ побужденій, чтобы можно было надѣяться на осуществленіе идейнаго союза между ними. Тѣмъ охотнѣе они предоставляли честь и мѣсто всякому, кто согласился бы принять безкорыстно участіе въ такомъ союзѣ.

Таковъ былъ историческій моментъ, когда Европа открыла Россію. Честь этого открытія принадлежитъ, главнымъ образомъ, левантинцамъ. Этотъ типъ людей безъ отечества, съ тонкимъ умомъ и растяжимой моралью, охотно балансирующихъ на той неуловимой границѣ, которая отдѣляетъ дипломатію отъ шарлатанства, несомнѣнно, сложился вполне уже въ то время. Наблюдательные и проникательные, они умѣли угадать, что кому нужно, и торговали тѣмъ товаромъ, на который былъ спросъ. Въ Италиі они открывали кафедры поэзіи и толковали Гомера и Демосеена; въ Москвѣ они сосватали великому князю племянницу византійскаго императора, Зою (Софію) Палеологъ. Дѣло было щекотливое, такъ какъ папа считалъ Зою, которую онъ пріютилъ у себя, ревностною католичкой, а для московскаго князя нужна была «православная христіанка». Два левантинца, одинъ итальянецъ, другой грекъ, уладили это затрудненіе, какъ нельзя лучше. Итальянецъ (Джанъ-Баттиста делла Вольпе, монетчикъ Ивана) взялъ на себя обмануть папу, обѣщавъ ему, что Россія подчинится св. престолу; грекъ (Юрій Траханиотъ, *magister domus* или дворецкій отца невѣсты, Θομης Палеолога, перешедшій потомъ на московскую службу) обманулъ Ивана III, засвидѣтельствовавъ, яко бы отъ имени византійскаго кардинала Виссаріона, «православнее христіанство» Зоя и разсказавъ при этомъ кучу небылицъ о ея женихахъ, которымъ она будто бы отказала изъ отвращенія къ латинству (на дѣлѣ, женихи ей отказывали). По дорогѣ, посланный Вольпе успѣлъ еще провести венеціанцевъ, поманивъ ихъ перспективой союза съ Золотой Ордой и предложивъ себя въ коммиссіонеры. Второе дѣло сорвалось, зато первое наладилось. Московскій «варваръ» сталъ мужемъ «византійской царевны», какъ не переставала себя величать католическая Зоя, превратившаяся на русской почвѣ въ православную Софію (1472).

Отдавалъ ли себѣ Иванъ III ясный отчетъ во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ, которыя онъ получалъ въ глазахъ Европы отъ этого брака?

Европа, съ своей стороны, не упускала случая ему напомнить объ этихъ преимуществахъ. Иванъ получилъ теперь право войти въ семью цивилизованныхъ государей Европы въ почетной роли защитника христіанства противъ турокъ, — въ роли, въ которой заинтересована была, какъ мы видѣли, прежде, всего, сама Европа. Вотъ почему венеціанскій сенатъ уже въ 1473 г. напоминаетъ Ивану, что «въ случаѣ прекращенія мужскаго потомства византійскихъ императоровъ, наслѣдственные права переходятъ къ нему, Ивану, по женѣ». Является въ Москву (1480 и вторично 1490) и самъ наслѣдникъ, готовый продать свои права за деньги. Должно быть, расчетливому московскому князю права эти показались не стоящими цѣны, которую за нихъ требовали, и скоро Андрей Палеологъ нашелъ себѣ болѣе выгоднаго покупателя въ лицѣ французскаго Карла VIII. Но въ европейской владѣтельной семьѣ долженъ же былъ московскій государь имѣть какое-нибудь опредѣленное положеніе. И вотъ, начались попытки купить у Ивана его услуги цѣной королевскаго титула. Уже въ 1484 году папа Сикстъ IV спѣшить успокоить волненія по этому поводу польскаго короля Казимира. Онъ обѣщаетъ ему, что если Иванъ попроситъ у папы званія императора или короля «всей русской націи» (*in tota ruthenica natione*), то онъ не дастъ ему этого званія, не спросившись предварительно у поляковъ. Про польскіе страхи узналъ тогда же и одинъ случайный германскій путешественникъ, заѣхавшій въ Россію въ 1486 г. (Николай Поппель). По его свѣдѣніямъ, которыя онъ черезъ два года сообщилъ въ Москвѣ самому великому князю, «королю польскому очень не хочется, чтобы римскій папа сдѣлалъ великаго князя королемъ; онъ посылалъ къ папѣ великіе дары, чтобы папа этого не дѣлалъ... Ляхи очень боятся того, что если твоя милость будетъ королемъ, то тогда *вся Русская земля, которая подъ королемъ польскимъ, отступитъ отъ него и твоей милости будетъ послушна*».

На этотъ разъ, какъ и въ наше время, «черезчуръ большая забота о больномъ сдѣлалась причиной болѣзни». Московскій князь выслушалъ очень равнодушно увѣренія Поппеля, что не въ папѣ дѣло, что титулъ короля можетъ дать только императоръ, и что Иванъ можетъ, если захочетъ, получить этотъ титулъ на извѣстныхъ условіяхъ отъ его господина. Громкое имя «римскаго императора» было пустымъ звукомъ для невѣжественныхъ ушей Ивана III. Титулъ «короля» не только оставлялъ его вполне равнодушнымъ, но даже раздражалъ, какъ знакъ какого-то подчиненія. Входя въ европейскую семью, онъ хотѣлъ, если не быть первымъ, то остаться самимъ по себѣ, совершенно несоизмѣримымъ съ установленными ступенями европейской іерархіи государей. Первые московскіе послы не хотѣли уступать въ чести ни Франціи, ни Испаніи, тогдашнимъ сильнѣйшимъ державамъ Европы. Въ соборѣ св. Марка и въ Ватиканскомъ дворцѣ они претендовали на первое мѣсто; въ Вѣнѣ они требовали, чтобы императоръ назначилъ въ женихи

дочери московскаго князя своего наслѣдника: герцоги и маркграфы были для нея слишкомъ ничтожными особами. Самая тонкая государственная мудрость не могла продиктовать Ивану болѣе ловкаго отвѣта. чѣмъ тотъ, который онъ далъ Поппелю въ своемъ наивномъ невѣдѣніи европейскихъ отношеній. «Что ты намъ говорилъ о королевствѣ», отвѣчали дипломаты московскаго князя германскому послу, — «то мы, Божіею милостіею, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога—какъ наши прародители такъ и мы, просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а поставленія, какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ». Однако, скоро въ самой Москвѣ такая мотивировка, подказанная старой житейской традиціей, показалась недостаточной; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ московскіе послы придумали для императора новый, болѣе пышный отвѣтъ, въ которомъ, какъ скоро увидимъ, уже играла роль принесенная изъ-за-границы политическая идеологія.

Какъ бы то ни было, къ соблазнамъ западнаго государственнаго права Иванъ III остался холоденъ. Совершенно иначе отнесся онъ къ подказанной Поппелемъ идеѣ «панрусизма». Мы не знаемъ, насколько основательны были страхи короля польскаго; но если бы даже у Ивана III не было раньше никакой мысли о томъ, чтобы добыть оружіемъ литовскую Русь, то теперь напоминанія и намеки изъ-за-границы должны были запасть въ душу Ивана. Нельзя ли было добыть «всю русскую землю, которая подъ королевемъ польскимъ (и подъ великимъ княземъ литовскимъ)» и безъ королевскаго титула, безъ папской или императорской санкціи? Отвѣтъ на это заключался въ только что приведенныхъ словахъ, сказанныхъ Поппелемъ московскими дипломатами. Если москвичи забыли, что южная Русь когда-то тоже принадлежала великому князю кievскому и что послѣдняго можно тоже разсматривать, какъ «прародителя», а его владѣнія, какъ московскую «отчину», то теперь императоръ и папа должны были имъ объ этомъ напомнить. Вотъ почему Иванъ, отвергнувъ королевскій титулъ, такъ энергично ухватился за сдѣланные ему намеки на возможность претензіи съ его стороны—владѣть всею Русью. И онъ отвѣчаетъ императорскому послу, Георгу фонъ-Турну (1490), что хочетъ съ «королемъ» Максимилианомъ и любви, и дружбы, и «единачества», что готовъ «быть съ нимъ за одинъ на своихъ недруговъ», т. е. на польскаго короля, съ тѣмъ, чтобы каждый «доставалъ своихъ отчинъ» у этого своего соперника: Максимилианъ—Угорскаго королевства, а Иванъ—Кievскаго великаго княжества». И онъ торопитъ императора, упрекаетъ его въ охлажденіи, убѣждаетъ «поотставить инья свои дѣла и пристать къ тому своему дѣлу накрѣпко». Не дождавшись помощи Максимилиана, онъ, наконецъ, рѣшается приняться за дѣло самъ, и ведетъ его съ упрямой настойчивостью, поражающей постороннихъ наблюдателей и приведшей къ же-

ланному концу. Въ 1493 году онъ формально принимаетъ титулъ, подсказанный историческими прецедентами и такъ кстати освѣженный въ памяти дипломатами папы и императора: титулъ «государя всея Руси». На протестъ литовскаго зятя, держащаго подъ собой половину этой «всея Руси», московскіе дипломаты отвѣчаютъ уже съ увѣренностью и апломбомъ, которые надолго остаются ихъ привилегіей. «Государь нашъ ничего высокаго не писалъ и никакой новости не вставилъ. Онъ отъ начала—правый *уроженецъ-государь* всея Руси, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ». И по мѣрѣ своихъ мирныхъ захватовъ и военныхъ приобретений, Иванъ III послѣдовательно развиваетъ разъ принятую точку зрѣнія. Все, отнятое у Литвы,—«наша вотчина». «Да и не то одно—наша вотчина, что нынѣ за нами: и вся русская земля, Божіей волей, изъ старины отъ нашихъ прародителей—наша вотчина», не забываютъ прибавлять всякій разъ москвичи. За годъ до смерти Ивана (1504) этотъ тезисъ развивается еще опредѣленнѣе. «Вся русская земля—Кіевъ и Смоленскъ и иные города—отъ нашихъ прародителей—наша вотчина, и онъ бы (король) намъ русской земли *всей*—Кіева, Смоленска и *иныхъ городовъ*... поступился». Эта глухая ссылка на «иные» города даетъ возможность постоянно расширять требованія: такъ, въ 1517 г., уже при Василии III, встрѣчаемъ формулу: «Кіевъ, *Плоцкъ, Витебскъ*» и, опять-таки, «иные города». На самого хладнокровнаго читателя сухихъ посольскихъ донесеній этотъ тяжелый, размѣренный шагъ московскаго «каменнаго гостя» способенъ произвести впечатлѣніе какого-то давящаго кошмара.

Но что же случилось съ миссіей великаго князя, какъ защитника христіанства отъ «невѣрныхъ»? Въ этомъ отношеніи новый союзникъ такъ же разочаровалъ западное христіанство, какъ разочарованы были и сами его представители другъ въ другѣ. Вся разница была только въ томъ, что Иванъ III не чувствовалъ даже потребности и не давалъ себѣ труда прикрывать громкими фразами эгоистическую подкладку своей политики. Онъ не прочь былъ побороться противъ «поганства»; но онъ предусмотрительно спрашивалъ всегда, противъ *какого* поганства». Какъ у европейскихъ государей, какъ у польско-литовскаго короля и князя, у Ивана III было «поганство», съ которымъ онъ дружилъ не только противъ другого «поганства» же, но и противъ своихъ христіанскихъ сосѣдей. Такимъ былъ его старый другъ, крымскій ханъ Менглы-герай, оказавшій Ивану незамѣнимыя услуги въ борьбѣ съ Золотой Ордой и съ польско-литовскимъ государствомъ. Какъ разъ въ то время крымскій ханъ сдѣлался вассаломъ турецкаго султана, только что вытѣснившаго генуэзцевъ съ южнаго берега Крыма. Дружба Ивана съ Менглы-гераемъ открывала ему путь къ прямымъ сношеніямъ съ самимъ падишахомъ. Послѣ предварительной переписки черезъ крымскаго пріятеля, московскій посланникъ (1494) появился на берегахъ Босфора. Въ столицѣ вождя правовѣрныхъ, какъ въ столицѣ

римскаго императора, представитель московскаго князя игнорировалъ установившіеся обычаи этикета и требовалъ для себя исключительнаго положенія. Потомокъ пророка былъ жестоко шокированъ, что не помѣшало, однако, Высокой Портѣ отправить въ Москву отвѣтъ, наполненный самыми утонченными любезностями въ восточномъ вкусѣ, и дать, спустя нѣсколько лѣтъ, русскимъ купцамъ значительныя преимущества въ торговлѣ (1499). А еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1503) на новое предложеніе помириться съ польско-литовскимъ государствомъ для общей войны противъ турокъ, Иванъ III отвѣчалъ папѣ, что онъ «какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стоялъ, такъ и нынѣ и впредь, если дастъ Богъ, хочеть за христіанство противъ поганства стоять»; но что въ войнѣ съ Литвой виноватъ не онъ, а его противникъ, и что «русская земля отъ нашихъ предковъ, изстарины, наша вотчина».

Такова была единственная идеологія, непосредственно извлеченная самимъ Иваномъ III изъ сношеній съ западно-европейскими дипломатами. Но самый фактъ этихъ сношеній долженъ былъ послужить источникомъ для другихъ идеологій, и, прежде всего, для дальнѣйшаго развитія той, которую мы только-что отиѣтили. Чтобы прослѣдить это дальнѣйшее развитіе русской національной идеологіи, мы должны вернуться изъ Европы въ Москву, — на этотъ разъ обогащенную плодами своихъ первыхъ сношеній съ Европой.

Здѣсь мы прежде всего встрѣтимся съ вліяніемъ новаго элемента, до сихъ поръ мало отиѣченнаго учеными. Итальянцы и греки были самыми подходящими людьми, чтобы завести внѣшнія сношенія Россіи съ Европой. Но чтобы воздѣйствовать на русскую національную психологію, многого не хватало не только первымъ, но и вторымъ. У грековъ былъ свой національный патріотизмъ, узкій и исключительный, проводившій рѣзкую границу между своими и чужими. Если еще и въ настоящее время они не перестали считать русскихъ, по старой привычкѣ, «варварами», то можно себѣ представить, что было въ эпоху Ивана III. Принужденные лстить и клясться, выпрашивая подачекъ у московскаго государя, они затаивали въ душѣ презрѣніе и недоброжелательство къ своимъ покровителямъ-дьярямъ. Московскіе люди платили имъ за эти чувства подозрительностью и недоверіемъ. Несравненно ближе чувствовали себя къ русскимъ южные славяне: они-то и явились самыми естественными воспитателями русскаго національнаго чувства въ его первыхъ проявленіяхъ въ разсматриваемую нами эпоху.

Въ нихъ самихъ вся ихъ исторія воспитала это національное чувство и періодически приводила къ самому рѣзкому обостренію его. И всякій разъ причиной такого обостренія національнаго чувства являлась вражда южныхъ славянъ къ грекамъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда среди балканскихъ славянъ обнаруживалось сколько-нибудь самостоя-

тельное культурное движеніе, въ основѣ его всегда лежала ненависть къ цивилизаціи «ромеевъ», или, точнѣе говоря, къ проявленіямъ ихъ національнаго высокоумія. Цѣлью подобныхъ національныхъ движеній всегда становилась политическая борьба за независимость отъ византійскаго императора и религіозная борьба за независимость отъ константинопольскаго патріарха. Свой собственный, славянскій императоръ и свой патріархъ—таковы были вѣковѣчные идеалы южно-славянскихъ національныхъ стремленій.

Въ послѣдній разъ передъ турецкимъ завоеваніемъ это національное чувство вспыхнуло въ XIV в. при болгарскомъ Александрѣ и сербскомъ Душанѣ. Оба носились съ мыслью—завоевать самимъ Константинополь и водворить на мѣстѣ Византіи славянскія державы: сербско-греческую и болгаро-греческую. Для начала, оба стали титуловать себя «царями» и «самодержцами», а Стефанъ Душанъ и формально короновался (1346). Что касается церковной независимости, въ Болгаріи самостоятельное патріаршество (сперва въ Охридѣ, потомъ въ Тырновѣ) существовало уже издавна. Душанъ завелъ у себя вновь такого же самостоятельнаго патріарха для сербовъ. Византійскій этикетъ повластно воцарился при дворахъ славянскихъ государей, давно уже привыкшихъ величаться византійскими придворными титулами и окружать себя вышними знаками почета, принятыми при императорскомъ дворѣ.

Какъ видимъ, программа для Москвы, новой наслѣдницы Царьграда, была во всѣхъ главныхъ чертахъ намѣчена югославянскими прецедентами. Намѣчена была тогда же и тамъ же и самая идеологія, пригодная для Москвы въ ея новомъ положеніи.

Въ одной болгарской рукописи середины XIV вѣка, писанной по повелѣнію «царя и самодержца» Іоанна Александра, мы уже находимъ не только тѣ же самыя мысли, которыя полтора вѣка спустя найдемъ въ Москвѣ, но даже и тѣ же самыя выраженія. Писецъ вставляетъ въ текстъ старой византійской хроники (Манассіи) вотъ какую новую замѣтку. «Все это приключилось съ *старимъ* Римомъ; нашъ же *новый* Царьградъ стоитъ и растетъ, крѣпится и оmlаждается. Пусть онъ и до конца растетъ,—о Царь, всѣми царствующій,—принявши (въ себя) такого свѣтлаго и свѣтоноснаго царя, великаго владыку и изряднаго побѣдоносца, происходящаго изъ корени Асѣня, преизящнаго царя болгарь,—я разумѣю Александра прекроткаго, и милостиваго и мнхолобиваго, нищихъ кормильца, великаго царя болгарь, чью державу да исчислятъ неисчислимыя солнца». По смыслу этой фразы, подъ «новымъ Царьградомъ» надо разумѣть болгарскую столицу Іоанна Александра, многократно воспѣтый преславный градъ Тырновъ.

Трубные звуки національнаго величанія «царя» и столицы прерываются, правда, по временамъ раскатами турецкаго грома, сперва отдаленными, потомъ все болѣе близкими. На первыхъ порахъ, однако, это

не мѣняетъ темы національнаго гимна, и только вноситъ новый аккомпанементъ,—то радостный и торжественный, то мистическій и мрачный. Славянскій царь уже раньше представлялся въ національныхъ легендахъ возстановителемъ всеобщаго мира и благоденствія. Теперь его начинаютъ сближать съ Александромъ Македонскимъ, его тезкой по имени, и къ нему относятъ древнія пророчества. При немъ выйдутъ изъ горъ запертые Александромъ народы, Гогъ и Магогъ (въ послѣднихъ видятъ турокъ); никто не устоитъ противъ нихъ, но Господь пошлетъ архистратига, который перебьетъ ихъ всѣхъ, а тамъ наступитъ скоро и антихристово пришествіе и кончина, міра.

Событія мало-по-малу разрушили до основанія эти надежды и эту эсхатологию. Прежде всего не сбылись ожиданія болгарскаго переписчика Манассіа. «Новый Царьградъ» не устоялъ «до конца». Турки пришла и взяли все. И «новый», и «старый» Царьградъ раздѣлили участь «старога Рима». Оскорбленное національное чувство не могло, конечно, примириться съ такимъ плачевнымъ исходомъ. Отчаявшись въ возможности побѣдить своими силами, югославянская интеллигенція перенесла свои упованія на сосѣднихъ государей, до которыхъ дошла очередь борьбы съ турками послѣ потери Балканскаго полуострова. Поочередно, балканскіе поэты и политики, дипломаты и духовныя лица возлагали надежды то на венгровъ, то на поляковъ. Но время шло, и эти надежды точно такъ же рушились, какъ и мечты о національной державѣ. Ближайшіе сосѣди оказывались безсильными помочь балканскимъ славянамъ. Тогда-то ревностные патриоты принялись искать помощи дальше, на сѣверѣ Европы. Таинственная, мало извѣстная тогда Москва должна была явиться въ этой роли, предназначенной когда-то для стольнаго града Тырнова; единоплеменный и единовѣрный московскій князь занялъ мѣсто національнаго «царя и самодержца», «израднаго побѣдоносца», которое оказалось не по силамъ государямъ ближайшихъ странъ. Взамѣнъ тѣхъ услугъ, которыхъ отъ него ожидали, на него перенесли теперь древнія пророчества, его окружили ореоломъ «единственнаго православнаго царя во всей вселенной», Москву сдѣлали «новымъ Царьградомъ» и «третьимъ Римомъ», а въ москвичахъ впервые пробудили всѣмъ этимъ богѣ сознательное національное чувство.

Въ посредникахъ между Москвой и Тырновомъ недостатка не было. Уже въ самую эпоху расцвѣта національнаго самосознанія на Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV вѣкѣ, отдаленные отголоски этого славянскаго движенія проникли до Москвы и оказали здѣсь кое-какое вліяніе. Навязанный московскому князю изъ Константинополя болгаринъ митр. Киприанъ, дважды прогнанный изъ Москвы сторонниками московской независимости, кончилъ тѣмъ, что примирился съ Василиемъ I и посвятилъ остатокъ дней тому же дѣлу, надъ которымъ трудились свои, московскіе созидатели, Петръ и Алексѣй. Онъ первый примѣнилъ литературную манеру, выработанную въ болгарскомъ Тырновѣ знаменитымъ

Евфиміемъ, къ возвеличенію памяти митрополита-сотрудника Калиты. Скромный, сдержанный стиль прежнихъ русскихъ «писателей» житій не позволялъ разгуляться фантазіи: напротивъ, при новой литературной манерѣ церковнаго витійства, заимствованной юго-славянами изъ Византіи—національной легендѣ открывался широкій доступъ въ духовную литературу,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, создавалось новое, могущественное средство въ рукахъ московскихъ князей для пропаганды новой религиозно-политической идеологіи. На примѣрѣ «житія» митрополита Петра Кипріанъ показалъ москвичамъ, какъ надо дѣлать это дѣло. Прежній русскій біографъ, Прохоръ, выражался, на примѣрѣ, о Москвѣ, какъ о «градѣ честномъ кротостію». Подъ перомъ Кипріана это выраженіе превращается въ «градъ славный, зовомый Москвой». Онъ вноситъ въ житіе Петра и ту знаменитую легенду, по которой будущая роль «славнаго града» была провидѣна случайнымъ гостемъ Калиты. «Если меня послушаешься», говорилъ, будто-бы, Калитѣ митр. Петръ, «и построишь храмъ пречистой Богородицы, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители стануть въ немъ жить и подчинить онъ себѣ всѣ остальные грады».

Послѣ паденія Константинополя, особенно же послѣ потери надеждъ на ближайшихъ сосѣдей, т. е. во второй половинѣ XV вѣка, юго-славяне появляются въ Россіи въ еще большемъ количествѣ и смѣло идутъ по стопамъ знаменитаго іерарха, своего земляка и предшественника, создавая отдѣльные элементы національной легенды и проводя ихъ въ литературу при помощи тенденціозныхъ вставокъ или цѣльныхъ сказаній. До самаго послѣдняго времени эта литературная работа южныхъ славянъ оставалась анонимной; только въ наше время анонимы начинаютъ вскрываться, и по тому, что удалось обнаружить, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о происхожденіи цѣлой группы аналогичныхъ идей, вторгнувшихся замѣтной струей въ нашу политическую литературу конца XV в. и начала XVI в., или, лучше сказать, впервые создавшихъ на Руси политическую литературу.

Начинается съ того, конечно, что къ московскому князю примѣняются понятія и идеи, установившіяся относительно юго-славянскихъ государей. Такъ, предваряя событія, сперва юго-славянское, а потомъ и русское духовенство начинаетъ безъ стѣсненія титуловать князя «царемъ», обильно уснащая свои обращенія къ нему всевозможными эпитетами славянско-византійскаго происхожденія. Онъ «боговѣнчанный», онъ «благородный», «благовѣрный», «великодержавный», онъ «богосущественный поспѣшникъ истины», «высочайшій исходатай благовѣрія» и т. д. Одинъ духовный писатель, оказавшійся, по новымъ изслѣдованіямъ, не кѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ «писателемъ житій» XV вѣка по манерѣ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоимѣмъ, даже влагаетъ въ уста самого греческаго царя, Іоанна Палеолога, признаніе за московскимъ государемъ царскаго титула—вмѣстѣ съ объясненіемъ, почему

онъ его еще не носитъ официально. Въ Москвѣ, по этому мнимому заявленію византійскаго императора передъ Флорентійскимъ соборомъ, сохраняется «большее православіе» и «высшее христіанство»; и только «смирения ради и по величеству разума» московскій князь «не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ».

Затѣмъ на московскаго князя, какъ нѣкогда на болгарскаго Іоанна Александра, переносятся всѣ предсказанія и пророчества. «Русскій родъ», которому, по греческимъ преданіямъ, суждено побѣдить Измаила и овладѣть, въ концѣ концовъ, семью холмами Царяграда, — превращается теперь въ «русскій родъ». «Если всѣ преждереченныя Мееодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ *) знаменія о градѣ семь сбылись», читалъ русскій читатель, — «то и послѣднія не минуютъ, но тоже сбдутся; ибо писано: русскій родъ всего Измаила побѣдитъ и Седмихолмный возьметъ, и въ немъ воцарится». Такова ореографическая ошибка, положившая начало русской «исторической миссіи» относительно св. Софіи Цареградской. Въ умахъ широкой публики, подобная легенда, очевидно, могла произвести богѣ сильное дѣйствіе, чѣмъ признаніе венеціанскаго сената или торговля своимъ титуломъ дяди Софіи Палеологъ, — извѣстныя только двору и дипломатамъ.

— Однако, дожидаться осуществленія легендарныхъ или юридическихъ правъ на Константинополь — вовсе не входило въ расчеты московской политики, тѣмъ болѣе, что легенда, по обыкновенію, связывала это событіе съ послѣдними временами (наступленіе ихъ ожидалось тогда правда, уже въ концѣ XV в.). Съ своей обычной практичностью, московскій князь сгѣшилъ дисконтировать долгосрочный вексель и пустить выручку немедленно въ оборотъ. Отблескъ св. Софіи долженъ былъ упасть на Москву и сообщить ей новый ореолъ дома и за-границей. И на этомъ пути вдохновленное юго-славянскими идеями духовенство первое пошло впередъ.

Мы видѣли, какъ болгарскій литераторъ пытался въ срединѣ XIV вѣка перенести славу «старога Рима» и «старога Царьграда» на «новый Царьградъ» — Тырновъ. Теперь эта красивая метафора, заключающая въ себѣ цѣлую историческую схему, цѣлую философію всемірной исторіи, безъ труда переносится на Москву. Міръ совсѣмъ не кончается на седьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія; напротивъ, со вступленіемъ въ восьмую тысячу (1492 годъ) начинается новый періодъ міровой исторіи, и этотъ періодъ характеризуется именемъ Москвы. Эти идеи впервые развиваются въ русской литературѣ въ сочиненіи, написанномъ въ этотъ самый критическій годъ и имѣвшемъ цѣлью опровергнуть распространенные въ публикѣ страхи передъ кончиной міра: въ пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ, составленной митропо-

*) Подъ этими двумя именами ходили наиболѣе распространенныя пророчества о судьбѣ Царьграда и о послѣднихъ временахъ.

литомъ Зосимой. «Царь Константинъ создалъ новый Римъ—Царьградъ,— замѣчаетъ Зосима,— а государь и самодержецъ всея Руси Иванъ Васильевичъ, «новый царь Константинъ», положилъ начала «новому Константинограду—Москвѣ». Какъ бы для того, чтобы подчеркнуть юго-славянское происхождение этихъ идей, другой русскій авторъ, извѣстный псковскій инокъ Филоеѣй, прямо воспользовался для выраженія ихъ знакомой намъ формулой болгарскаго «писателя» XIV вѣка. Въ 1511 г. царскій дьякъ Мунехинъ привезъ ему во Псковъ изъ Москвы новинку— «Хронографъ» или очеркъ юго-славянской исторіи въ связи съ византийской и русской, составленный для русской публики въ 1442 году упомянутымъ выше писателемъ житій, ученикомъ Евфимія Тырновскаго, сербомъ Пахоміемъ. Филоеѣй рѣшилъ передѣлать этотъ хронографъ для своихъ псковичей, и кончивъ (1512) передѣлку, прибавилъ въ концѣ свое собственное заключеніе. По его идеѣ, это резюме должно было подчеркивать тотъ главный философско-историческій выводъ, который читатель долженъ былъ сдѣлать изъ чтенія подобранныхъ сербомъ историческихъ данныхъ, доведенныхъ до паденія Царяграда. Вотъ этотъ выводъ, соединяющій въ одно цѣлое древнія пророчества и новыя мечты. «Православные питаютъ надежду, что, послѣ достаточнаго наказанія, снова всемогущій Господь возжеть во тьмѣ злочестивыхъ властей погребенную, словно въ цеплѣ, искру благочестія, и попалитъ, какъ терніи, царства измаильтянъ злочестивыхъ, и просвѣтитъ свѣтъ благочестія и вновь поставитъ благочестіе и царя православнаго. Ибо всѣ эти благочестивыя царства (о которыхъ разсказывалъ хронографъ), греческое и сербское, босенское и альбанское и иныя за множество грѣховъ нашихъ Божиимъ попущеніемъ безбожныя турки поплѣнили и въ запустѣніе привели и подъ свою власть покорили. Наша же російская земля, Божіей милостью и молитвами Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, растеть и молодѣеть и возвышается. Дай ей, Христе милостивый, расти и молодѣть и шириться до скончанія вѣка».

Недовольный этимъ исповѣданіемъ своей политической вѣры въ «Хронографѣ», Филоеѣй принимается за настоящую пропаганду новыхъ учений и развиваетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ посланій. Онъ пишетъ (1517) упомянутому уже дьяку Мисюрю Мунехину, одному изъ выдающихся интеллигентныхъ людей того времени, который около 1493 года самъ путешествовалъ на православномъ востокѣ и уже этимъ путешествіемъ втянутъ былъ въ кругъ новыхъ идей. Онъ пишетъ также и самому великому князю (между 1514—1521). Въ своихъ посланіяхъ онъ особенно подчеркиваетъ ту мысль, что политическое паденіе православныхъ царствъ связано съ ихъ религіозной измѣной и что политическое господство Москвы есть слѣдствіе ея религіозной непоколебимости. «Девяносто лѣтъ прошло,—пишетъ онъ Мунехину,—какъ греческое царство разорено, и оно не воскреснетъ, такъ какъ греки предали православную вѣру въ латинство». Подобнымъ же образомъ и «всѣ хри-

стіанскія царства пришли въ конецъ и сошлись въ единое царство нашего государя: въ *россійское* царство, какъ предсказали пророческія книги». И этому «ныѣшнему православному царствію пресвѣтѣйшаго и высокостольнѣйшаго государя нашего,—единого во всей поднебесной христіанамъ царя»,—нѣтъ конца, какъ нѣтъ конца православію на землѣ. Онъ является, по необходимости, единственнымъ удѣльшимъ въ мірѣ «браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви», представительницей которой служитъ, «вмѣсто римской и константинопольской, церковь святаго и славнаго Успенія Богородицы въ богоспасенномъ градѣ Москвѣ, которая одна во всей вселенной паче солнца свѣтится». Однимъ словомъ, по резюмирующей формулѣ Филовея, «два Рима пали, третій стоитъ, а четвертому не бывать». И онъ усердно старается натвердить эти религіозно-политическія аксіомы великому князю Василю *).

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, какія національно-религіозныя послѣдствія вытекали изъ только что изложенныхъ теорій. Эти теоріи вели, въ концѣ концовъ, къ полной націонализаци русской церкви. Теперь намъ важнѣе другая сторона ихъ, именно та національно-политическая санкція, которая изъ нихъ вытекала. И въ этомъ смыслѣ намъ остается прослѣдить еще одинъ важный шагъ, который сдѣлали эти завезенныя съ юга теоріи уже на русской почвѣ, чтобы принорироваться къ мѣстной дѣйствительности.

Московскій «царь и самодержецъ», по новой теоріи, являлся прямымъ продолжателемъ дѣла царя Константина. Однако же, скачекъ былъ слишкомъ великъ—отъ «стараго» Константина къ «новому». Затѣмъ, это преемство представлялось *логическимъ* результатомъ событій въ православномъ мірѣ; но, для полной убѣдительности и наглядности, надо было представить его *историческимъ* фактомъ, совершившимся въ пространствѣ и времени, въ опредѣленный моментъ въ известномъ мѣстѣ. То же самое нужно было и для того, чтобы согласовать юго-славянскую формулу политическихъ притязаній Москвы—съ мѣстной, московской. Въ своей реальной политикѣ московскій князь выступалъ въ качествѣ наслѣдника своихъ «прародителей»; онъ добивался этого наслѣдства, «великаго княжества Кіевского», какъ своей «отчины и дѣдины». Онъ готовъ былъ, конечно, фигурировать и въ роли наслѣдника царя Константина, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы это идейное наслѣдство не затемняло другого, несравненно болѣе реальнаго и доступнаго. Итакъ, надо было теперь балканскую идеологию примирить съ московской политикой.

Задача была разрѣшена блистательно, при помощи все тѣхъ же припелъцевъ съ христіанскаго востока. Чтобы византийское наслѣдство

*) См. цитаты изъ письма Филовея къ государю въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», т. II, стр. 22.

не затемняло кievскаго, лучше всего было—самого кievскаго «прародителя» надѣлать этимъ византійскимъ наслѣдствомъ, связать его непосредственно съ великими именами древности. Изъ двухъ кievскихъ прародителей,—двухъ Владиміровъ, крѣпче всѣхъ другихъ князей за сѣвшихъ въ народной памяти,—къ кому роль наслѣдника византійской власти могла идти лучше, какъ не къ тому, кто носилъ греческое прозвище Мономаха, напоминавшее о его родственныхъ связяхъ съ Византїей?

Выдумывать фантастическія генеалогіи для оправданія національных политическихъ притязаній—не было новостью для славянскихъ литераторовъ. Они еще въ XI—XII вѣкѣ вывели болгарскихъ Асѣней отъ «знатнаго римскаго рода», а въ XIV вѣкѣ породнили сербскихъ Нѣманей съ Константиномъ Великимъ и даже съ кесаремъ Августомъ. Безъ сомнѣнія, и Иванъ III чувствовалъ уже потребность въ такихъ же, болѣе пышныхъ историческихъ связяхъ, которыя бы могли лучше поставить его на высоту съ самимъ императоромъ, чѣмъ это могла сдѣлать простая ссылка на кievскихъ прародителей. Онъ уже дѣлаетъ и официальную попытку связать себя съ Царьградомъ и Римомъ, и притомъ не прямо, какъ легко было бы сдѣлать мужу Софьи Палеологъ, и именно черезъ своихъ «прародителей». Онъ не рѣшается еще говорить о родствѣ и о формальной передачѣ власти, но вотъ что уже говорятъ послѣ его германскому императору въ 1489 году, нѣсколько мѣсяцевъ послы посольства Поппеля. «Во всѣхъ земляхъ извѣстно,—надѣмся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ—великій государь, уроденный изначала отъ своихъ прародителей и что прародители его отъ давнихъ лѣтъ были въ прїятельствѣ и въ дружбѣ съ *прежними римскими царями*, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византїи». Въ началѣ XVI в. (1513—1523) наконецъ, легенда принимаетъ конкретныя формы: появляется въ Москвѣ цѣлое сказаніе «о князьяхъ владимірскихъ», удовлетворяющее всѣмъ только что указаннымъ требованіямъ московскаго правительства. «Августъ кесарь», по этому сказанію, ставитъ «Пруса, сродника своего» на берегахъ Вислы; потомка этого Пруса въ четвертомъ колѣнѣ, Рюрика, приглашаютъ «мужи Новгородскіе» изъ «Прусской земли» на Русь. Четвертый потомокъ Рюрика—Владимиръ Святой, а четвертый потомокъ Владимира Святаго—Владимиръ Мономахъ, и это прозвище даетъ поводъ составителю разсказать цѣлую исторію, для которой, собственно, и придумано все сказаніе. Владимиръ, по совѣту съ «князьями своими и съ боярами и съ вельможами», предпринимаетъ побѣдоносный походъ «на Фракію»; тогдашній благочестивый царь Константинъ Мономахъ, занятый борьбой «съ персами и съ латинами», шлетъ къ нему пословъ съ дарами: съ «коробочкой сердоликовой, изъ которой Августъ кесарь римскій веселился», съ ожерельемъ, «сирѣчь, святыми бармами» съ своихъ плечъ, съ золотой цѣпью и «иными многими дарами царскими». Послы просятъ «боголюбиваго и благовѣрнаго князя» принять «сіи честные дары,—царскіи

жребій на славу и честь и на вѣнчаніе» его «вольнаго и самодержавнаго царства», уготованный ему «отъ начатка вѣчныхъ лѣтъ» его «родства и поколѣнія»,— «чтобы церкви Божіи были безмятежны и все православіе пребывало въ покоѣ подъ властью» византійскаго «царства» и московскаго «вольнаго самодержавства великія Россіи», чтобы московскій князь, «вѣнчанный симъ царскимъ вѣнцомъ», «назывался боговѣнчаннымъ царемъ». «Съ тѣхъ поръ, — прибавляетъ сочинитель сказанія нужное ему заключеніе, — и донинѣ великіе князья владимірскіе, когда ставятся на великое княженіе російское, вѣнчаются тѣмъ царскимъ вѣнцомъ, что прислалъ греческій царь Константинъ Мономахъ».

Кто бы ни оказался авторомъ «Сказанія о князьяхъ владимірскихъ», — сербъ ли Пахомій, какъ предположилъ было одинъ новѣйшій изслѣдователь, или какой-нибудь другой литераторъ изъ той же среды, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «Сказаніе» явилось логическимъ выводомъ изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя распространялись на Руси юго-славянскимъ духовенствомъ со второй половины XV вѣка. Несмотря на всю важность этихъ идей для правительства, несмотря на оффиціозный характеръ этого литературнаго творчества, московская государственная власть не сразу рѣшилась воспользоваться имъ открыто и придать новымъ политическимъ взглядамъ оффиціальную санкцію.

Надо прибавить, что въ эпоху Ивана III эти взгляды находились еще въ процесѣ выработки. Вмѣстѣ съ этой струей изъ того же юго-славянскаго міра вынесена была другая, прямо противоположная, рѣзко оппозиціонная. Броженіе оффиціозныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ продолжалось съ конца XV вѣка до середины XVI, и только къ этому послѣднему моменту инвентарь идей, имѣющихъ войти въ національное сознаніе, окончательно опредѣлился и закрѣпленъ былъ оффиціальными правительственными актами. Раньше, чѣмъ мы остановимся на этомъ окончательномъ итогѣ, мы должны поэтому познакомиться съ перешедшими на Русь оппозиціонными идеями и прослѣдить ихъ судьбу въ новой для нихъ обстановкѣ.

Литература по исторіи политическихъ идеологій XV вѣка, какъ и вообще литература по исторіи русскаго національнаго самосознанія, грѣшитъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что большинство изслѣдователей оказываются заинтересованными въ томъ или другомъ содержаніи этого самосознанія, считая послѣднее — своего рода высшей инстанціей въ вопросахъ національной жизни, не допускающей дальнѣйшихъ обжалованій. Такъ, напр., новѣйшее сочиненіе по исторіи національной политики Ивана III (*Е. Церетели*, Елена Ивановна великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898) смотритъ на эту политику глазами самого Ивана III. Гораздо научнѣе и безпристрастнѣе, несмотря на католическія тенденціи автора, составлена сводная работа о *И. Пирлинга* (S. J.) «La Russie et le saint Siège», *Etudes diplomatiques*, Paris, 1896. Въ первый томъ этого почтеннаго труда вошла и изданная раньше въ русскомъ переводѣ монографія Пирлинга: *Россія и Востокъ*, Спб. 1892. Завѣщаніе Симеона см. въ Собр. грамотъ и Договоровъ, т. I. О принятіи Михаиломъ Ярославичемъ титула в. к. всея Руси см. Библиографъ,

1889, № 1, замѣтку: «кто былъ первый великій князь всея Руси». Личность Юрія Траханиота и его положеніе до прѣзда въ Россію только-что выяснилось теперь, см. замѣтку г. Peregrinus въ Новомъ Времени, 19 января 1900 г. о протоколѣ Гоми Палеолога по поводу передачи папѣ Пію II мощей св. Іоанна Крестителя. Протоколъ, хранящійся, повидимому, при мощахъ, въ Сьенѣ, подписанъ: Georgius Trachanoti, magister domus praetati (?) Illustrissimi. Эта подробность помогаетъ уяснить ходъ сватовства Ивана III, ср. *Pierling*, I, 132—133. Подлинныя документы дипломатическія Ивана III см. въ «Сборникѣ историческаго общества», т. 35 и въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній», ч. I, см. также статью *В. Бауера*, въ журналѣ Министерства Нар. Просв., ч. СXLVIII, отд. 2. «Сношенія Россіи съ германскими императорами въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій». О южно-славянскихъ политическихъ стремленіяхъ см. *К. Радченко*, «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ Турецкимъ завоеваніемъ», Киевъ, 1898. О славянскихъ надеждахъ на сосѣдей (венгровъ и поляковъ) см. *Іосифа Перволюфа*, «Славяне ихъ взаимныя отношенія и связи», Варшава, 1888. Взгляды русскаго и южно-русскаго духовенства на государственную власть см. въ изслѣдованіи *М. Дьяконова*, «Власть московскихъ государей», Спб. 1889 и въ *его же* статьѣ: «Къ исторіи древнерусскихъ церковныхъ отношеній», «Историческое обозрѣніе» т. III. О литературной манерѣ Кипріяна и Пахомія см. *В. Ключевскаго*, «Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871 (о ихъ учителяхъ Евфиміи Тырновскомъ см. упомянутую книгу Радченка). Предположеніе о составленіи хронографа 1512 года въ первоначальной формѣ (1442) Пахоміемъ и о передѣлкѣ его Филоеемъ выставлено и очень солидно аргументировано акад. *А. А. Шахматовымъ*; см. его статью «Къ вопросу о происхожденіи хронографа», Спб. 1899 и *его же* «Путешествіе М. Г. Мисюря Мунехина на востокъ и хронографъ редакціи 1512 г.», Спб. 1899, въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.» т. IV, кн. 1. Текстъ приписки Филоея къ хронографу—въ «Изборникѣ» *Андрея Попова*, М. 1869. Текстъ его посланій—въ «Православномъ Собесѣдникѣ», 1861, II и 1863, I. Изслѣдованіе о происхожденіи «Сказанія о князехъ Владимірскихъ», указаніе на связь его съ юго-славянскими идеями и самый текстъ памятника см. въ книгѣ *Ив. Жданова*, «Русскій былевой эпосъ», I—V, Спб. 1895.

П. Милюновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЛАХАЙНСКІЙ ЭКСПЕРИМЕНТЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи Ирландіи. 1830—1833).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу разсказать интересный эпизодъ изъ Ирландской исторіи, затерянный въ специальной литературѣ, но способный возбудить интересъ болѣе широкой публики *). Я имѣю въ виду Ралахайнскую кооперативную ассоціацію, представляющую попытку осуществленія идей Р. Овена; она образуетъ реидантъ къ эксперименту самого Овена въ Нью-Ленаркѣ, но превосходитъ этотъ послѣдній по чрезвычайно неблагоприятнымъ и тяжелымъ условіямъ своего осуществленія.

Дѣйствительная трудность этого эксперимента, а вмѣстѣ правильная историческая перспектива можетъ быть установлена лишь по знакомствѣ съ тогдашнимъ положеніемъ Ирландіи.

Когда кто-либо говоритъ объ Ирландіи, особенно объ Ирландіи 30-хъ годовъ XIX вѣка, то самыя смѣлыя гиперболы кажутся блѣдно выражающими ужасную дѣйствительность. Чтобы не быть заподозреннымъ въ преувеличеніяхъ, я предоставляю лучше говорить очевидцамъ. У насъ есть описанія Ирландіи, данныя путешественниками, которые посѣщали ее именно въ эту эпоху. Начнемъ съ ближайшихъ сосѣдей ирландцевъ—англичанъ **).

«Вы встрѣтите въ деревнѣ,—говоритъ намъ одинъ авторъ,—лачуги того многочисленнаго класса, который поддерживаетъ свое существованіе

*) Исторія Ралахайнской коопераціи разсказана въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *William Pare*. «Cooperative Agriculture: a solution of the Land Question, as exemplified in the History of the Ralahine Cooperative Agricultural Association, County Clare, Ireland». London. 1870, *Sedley Taylor*. «Profit-sharing between capital and labour, six essays». London, 1884. *E. T. Craig* (бывшій управляющій Ралахайна и самъ дѣйствующее лицо въ этой исторіи) «The land and labour question, illustrated in the History of Ralahine and cooperative Farming.» 1882. *Albert Grey* «Profit Sharing in Agriculture» («Journal of the Royal Agricultural Society», 1891). *Benjamin Jones*. «Cooperative production». 1894. 2 vol. *Henry Lloyd*. «Labour Copartnerships. New-York. 1898. *Victor Böhmert*. «Die Gewinnbetheiligung. Untersuchungen über Arbeitslohn und Unternemergewinn». 2 Theile. Leipzig. 1878.—«Der Arbeiterfreund». 1874. S. 320 flg.

***) *G. L. Smyth*. Ireland. «Historical and Statistical». Vol. III. London. 1849. (Стр. 34—5).

воздѣлываніемъ половины акра земли, одного, двухъ, какъ случится. Кучи навоза и свиныхъ испражнений непосредственно примыкаютъ къ лачугѣ. Болѣе чѣмъ половина населенія занята здѣсь съ колыбели до могилы однимъ—добыть какъ-нибудь такое количество самой грубой пищи, чтобы просуществовать. Здѣсь рѣдко можно встрѣтить настоящую трудовую жизнь, но она всегда чрезвычайно жалка. Можно ли гдѣ-либо найти человѣчество на еще болѣе низкомъ уровнѣ? Человѣкъ имѣетъ хижину и кусочекъ земли: разъ онъ располагаетъ этимъ, значитъ у него есть защита отъ непогоды и возможность добыть пищу. Куча торфа составитъ топливо. Обеспечивъ себѣ такимъ образомъ все необходимое для жизни, онъ обращается къ ея удовольствіямъ и, заведя жену, становится отцомъ семейства. Жалкое существо, подготавливающее себѣ въ старости и своему потомству нищету, заслуживаетъ, пожалуй, сожалѣнія; онъ невѣжественъ и не руководится ничѣмъ, кромѣ животнаго инстинкта... Наряду съ женою, предметъ великихъ вождѣній ирландца составляетъ свинья, — люди ѣдятъ картошку, свинья ѣстъ шелуху; но зато свинья платитъ ренту, и этимъ кончается вся экономія нищеты. Потребности и желанія болѣе чѣмъ трехъ милліоновъ ирландцевъ выражаются въ этомъ короткомъ перечнѣ. Спрашивается, могутъ-ли они быть еще ниже? Съ одной стороны двери находится хлѣвъ для свиньи, съ другой—яма съ навозомъ для картофельной почвы. Отъ нихъ въ лачугѣ всегда сыро, грязно, нездорово. Отъ хлѣва къ ямѣ, а отъ ямы къ хижинѣ свинья гуляетъ какъ ей угодно. Когда приходитъ время посадки картофеля, хозяинъ разворачиваетъ навозную кучу и въ корзинахъ переноситъ навозъ черезъ хижину на находящееся позади ея поле, гдѣ жена и дѣти разбрасываютъ его часто руками и опускаютъ сѣмена въ ямки, которыя они же помогаютъ вырывать. Продуктъ труда ихъ и составляетъ пищу семейства. Два раза въ день варится нища: картофель изъ корзинки высыпается на столъ въ кучу, и семейство, одни сидя на скамьѣ, другіе, за отсутствіемъ ея, на камняхъ, а иногда, когда нѣтъ даже достаточно и камней, стоя окружаютъ эту кучу, и каждый служитъ самъ себѣ, беря картофелину въ одну руку и очищая другой. По близости къ столу становится горшокъ, а къ этому горшку, въ который бросаютъ нѣкоторыя картофелины, оказавшіяся черезчуръ плохими для ѣды, присосѣживается свинья. Такимъ образомъ, свинья въ семействѣ бѣдныхъ ирландцевъ играетъ роль дога или кошки въ нашихъ домахъ; когда они ѣдятъ, она проситъ, протягивая свою морду, а когда обѣдъ кончается, то шкурки собираются со стола и бросаются въ горшокъ, — и купанье свиньи готово. Нерѣдко свинья живетъ лучше чѣмъ хозяева: свинья платитъ ренту, и зимою ей дается мука и нѣкоторая другая пища, чтобы откормить ее, дѣти же живутъ однимъ картофелемъ. Привилегіи свиньи этимъ не ограничиваются: часто она является пред-

метомъ такого вниманія, которое, по настоящему, принадлежало бы дѣтямъ,—ее гонять въ прудъ, моютъ и тщательно чистятъ» *).

Подобную же характеристику ирландскаго населенія даетъ сэръ Джорджъ Никольсъ, извѣстный авторъ сочиненій относительно законовъ о бѣдныхъ въ Англии, Ирландіи и Шотландіи, въ отчетѣ, представленномъ имъ въ парламентскую комиссію **). «Ирландское крестьянство, въ общемъ, имѣетъ чрезвычайно угнетенный и апатичный видъ. Это сказывается въ ихъ образѣ жизни, въ ихъ жилищахъ, одеждѣ, одеждѣ ихъ дѣтей и во всемъ ихъ хозяйствѣ и поведеніи. Повидимому, у нихъ нѣтъ ни гордости, ни соревнованія, они беззаботны въ настоящемъ и безпечны о будущемъ. Они не стремятся улучшить свою обстановку или увеличить свой комфортъ. Ихъ хижины неопрятны, дымны, грязны, почти лишены мебели и всякихъ предметовъ удобства или обычнаго обихода. При входѣ въ хижину видишь жену и дѣтей сидящими на полу, окруженными свиньями и птицей; мужчина зѣваетъ у дверей, къ которымъ нельзя приблизиться иначе какъ черезъ грязь или соръ. Онъ даже настолько безпеченъ, что не дѣлаетъ сухого хода къ своему жилью, хотя матеріалы для того подъ руками, а его жена слишкомъ неряшлива, чтобы вычистить мѣсто, гдѣ они живутъ, или смести грязь и объѣдки отъ входа. Если вы указываете на эти недостатки и пытаетесь показать, какъ легко они могутъ улучшить свое положеніе и увеличить свой комфортъ, вы неизмѣнно услышите въ отвѣтъ ссылку на ихъ бѣдность. Если и жена, и дѣти и все грязно, и вода потоками льется въ дверь,—отвѣтъ неизмѣнный: «конечно, какъ же этому помочь, вѣдь, мы такъ бѣдны!» Съ мужчинами то же самое: вы найдете его праздно грѣющимся на солнцѣ или праздно сидящимъ у огня, тогда какъ въ его лачугѣ едва можно пройти отъ грязи, и онъ, навѣрное, будетъ восклицать: «конечно, какъ помочь этому, вѣдь мы такъ бѣдны», а самъ въ это время курить табакъ и, навѣрное, не отказываетъ себѣ въ удовольствіи виски. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдность не есть причина или, по крайней мѣрѣ, единственная причина такого положенія ирландскаго крестьянства» ***).

Гораздо болѣе откровенную и потому еще болѣе мрачную картину даютъ иностранцы.

Чопорный фонъ-Раумеръ (это тотъ самый фонъ-Раумеръ, Исторію

*) Энгельсъ говоритъ: «ирландецъ связанъ съ своей свиньей такъ, какъ арабъ съ своимъ конемъ, съ той только разницей, что онъ продаетъ ее, какъ только она достаточно разжирѣетъ, на убой, но зато онъ ѣстъ съ ней, его дѣти играютъ съ ней и ѣдятъ на ней верхомъ, валяются съ ней въ грязи, какъ это можно наблюдать тысячи разъ во всѣхъ большихъ городахъ Англій». *F. Engels*. «Die Lage der arbeitenden Klassen in England», 1845. Стр. 119—18. Ср. всю главу: «Die irische Einwanderung»).

**) *Nichols*. «History of Irish Poor-Laws». 1856. Стр. 162.

***) Ср. еще извѣстную характеристику ирландскихъ иммигрантовъ въ Англій у Карлейля. «Chartism». «Essays», томъ V. Стр. 348 и сл. (Полн. собр. соч. томъ X).

Гогенштауфеновъ котораго читаетъ тургеневскій Берсенева во время романа съ Еленой),—проѣхавши Соединенное Королевство въ началѣ 30-хъ годовъ, такъ пишетъ, воевращаясь изъ Ирландіи *): «мною владѣетъ только *одна* мысль, я не могу остановиться ни какой другой,—мысль о неописуемыхъ страданіяхъ столькихъ тысячъ людей. Я напрасно искалъ бѣдности въ Англіи и всѣ жалобы на нее нашелъ односторонними и преувеличенными: здѣсь же не хватаетъ словъ, чтобы выразить то, что бросается въ глаза съ ужасающей реальностью. Нужно видѣть эти дома,—не дома, а лачуги,—не лачуги, а норы, большей частью безъ оконъ и отверстій, одинъ общій входъ и одно ничтожное помѣщеніе для людей и для свиней. Послѣднія свѣжи, толсты, откормлены, первые закутаны въ лохмотья или, точнѣе, на нихъ болтаются обрывки лохмотьевъ въ разныхъ мѣстахъ, такимъ образомъ, что мы не можемъ составить себѣ объ этомъ ни малѣйшаго понятія. Если не считать достаточныхъ людей въ городахъ, то на тысячахъ ирландцевъ я не видалъ ни одного крѣпкаго платья, ни одной цѣльной рубашки, ни однихъ цѣльныхъ штановъ: все разорвано, и какъ разорвано!»

Еще болѣе яркую картину даетъ другой нѣмецкій путешественникъ Коль **): «кто видѣлъ Ирландію, тому не покажутся жалкими уже никакія условія жизни въ Европѣ. Даже состояніе дикарей начинаетъ казаться ему переноснымъ и понятнымъ.

«Деревянный, заботливо оконопаченный мхомъ домикъ? Какая роскошь! Падди (прозвище ирландцевъ), какъ правило, дѣлаетъ свой домъ только изъ земли, и притомъ какъ? А такъ: нѣсколько лопатъ земли одна на другую! Между ними нѣсколько камней съ поля, пока стѣна все-таки не станетъ достаточно высока. Домикъ старательно покрытъ соломой или березовой корой? Какъ бы не такъ! Падди имѣетъ въ распоряженіи только дернъ, который онъ срѣзаетъ съ своихъ болотъ. А въ стѣнахъ хотя небольшія оконца? Старательно задѣланныя стеклами, или, по крайней мѣрѣ, полупрозрачнымъ пузыремъ животныхъ, какъ это практикуется въ разныхъ частяхъ Валахіи и въ нѣкоторыхъ Россіи? Пузыремъ! Боже мой, какая роскошь! У Падди найдется достаточно домовъ, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда оконъ, лишь единственное четырехугольное отверстіе, которое служитъ и окномъ, и трубой, и дверью въ домъ, и ходомъ въ хлѣвъ, всѣмъ сразу, потому что черезъ это отверстіе входитъ и выходитъ свѣтъ, дымъ, люди, свиньи».

«Здѣсь мы имѣемъ предъ собой народъ нищихъ, среди которыхъ состоятельные являются исключеніемъ. И именно это является характернымъ для Ирландіи, что не встрѣчается въ другихъ мѣстахъ» ***).

*) «England, von Friedrich von Raumer. Zweite, verbesserte und mit einem Band vermehrte Auflage. 2-er Band. Leipzig. 1842. Стр. 403.

**) *Kohl*. «Reisen in Irland». Erster Theil. 1843. Стр. 175—176.

***) *ib.* 178.

Этотъ однообразный списокъ свидѣтельствъ я позволю себѣ дополнить только еще однимъ. На этотъ разъ путешественникъ-французъ Бомонъ, проѣхавшій Ирландію въ 30-хъ годахъ. Онъ говоритъ *): «бѣдность голая, неприкрытая; эта бѣдность, бродячая и бездѣльная, бѣдность нищенствующая, покрываетъ всю страну. Она показывается вездѣ, во всевозможныхъ формахъ, во всѣ часы дня; ее вы, прежде всего, видите, высаживаясь на берега Ирландіи, и, съ этого момента, она уже не перестаетъ быть у васъ постоянно передъ глазами, то въ видѣ слабыхъ, лепещущихъ свои жалобы, то въ видѣ нищихъ, одѣтыхъ въ свои лохмотья; она слѣдуетъ за вами повсюду, осаждастъ васъ безъ устали, вы слышите издалека ея стenanія и плачь; и если ея голосъ не волнуетъ васъ чувствомъ глубокаго состраданія, онъ васъ беспокоитъ или внушаетъ вамъ страхъ. Эта бѣдность кажется прирожденной самой этой почвѣ и составляетъ одинъ изъ ея продуктовъ; подобно ядовитымъ испареніямъ, отравляющимъ атмосферу, она заражаетъ все, къ чему прикасается, и достигаетъ даже богатаго, который не можетъ, среди своихъ удовольствій, отдѣлаться отъ нищеты бѣдняка, и дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобы страхнуть съ себя этого червя, котораго онъ самъ создалъ и который держится на немъ».

«Всѣ, будучи бѣдны, употребляютъ въ пищу только продукты, самыя дешевыя въ странѣ, картофель, но не всѣ потребляютъ его въ равномъ количествѣ: одни, и это привилегированные, ѣдятъ его три раза въ день; другіе, менѣе счастливые, два раза; третьи, уже недостаточные, только одинъ разъ; но есть и такіе, еще болѣе бѣдные, которые живутъ по дню, по два, не принимая никакой пищи.

«Такая жизнь ужасна, и тѣмъ не менѣе, нужно ее терпѣть, подѣ страхомъ еще большихъ страданій. Тотъ, кто ѣстъ однимъ разомъ больше, чѣмъ ему по средствамъ, можетъ быть увѣренъ, что ему нечѣмъ будетъ одѣться, и даже это воздержаніе, эти страданія часто бываютъ напрасны.

«Каково-должно быть мужество бѣднаго пахаря, удерживающагося отъ удовлетворенія чувства голода, чтобы дать мѣсто другимъ потребностямъ! И онъ остается, какъ правило, безъ одежды или покрытъ лохмотьями, передаваемыми въ семействѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Во многихъ бѣдныхъ домахъ есть только одинъ полный костюмъ для двухъ лицъ, и это почти всегда обязываетъ приходскаго священника служить нѣсколько обѣденъ въ воскресенье. Какъ только одинъ отслушалъ первую мессу, онъ возвращается къ себѣ домой, снимаетъ одежду и отдаетъ ее другому, который тотчасъ же отправляется присутствовать при второй мессѣ.

«Я видѣлъ индѣйца въ его лѣсахъ и негра въ его оковахъ, и,

*) *Irlande sociale, politique et religieuse* par O. de Beaumont. 7-me ed Paris. 1863, I, 220.

смотря на ихъ достойное жалости положеніе, я думалъ, что я вижу послѣдній предѣлъ человѣческой нищеты; но я не зналъ тогда судьбы бѣдныхъ ирландцевъ *)).

Таковы были среднія, обычные условія жизни ирландскаго народа; что же было при голодовкахъ, которыя постоянно посѣщали Ирландію!

Подробное изложеніе причинъ, которыя привели Ирландію въ такое состояніе, завело бы насъ слишкомъ далеко, и ему здѣсь не мѣсто. Ограничусь краткимъ указаніемъ, что главной причиной этого, передъ которой блѣднѣютъ всѣ остальные, было угнетеніе Ирландіи Англійей во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, экономическомъ, политическомъ, религіозномъ. Ирландія была буквально раздавлена Англійей. Цѣною многихъ преступленій куплена теперешняя мощь британской цивилизаціи, но едва ли не величайшее между ними—судьбы Ирландіи. Никакая ненависть Ирландіи не чрезмѣрно горяча, никакая месть не слишкомъ мстительна, чтобы заплатить Англии за все сдѣланное ею. Кровь моя на васъ и на дѣтяхъ вашихъ,—могла бы сказать Ирландія сынамъ Альбіона. И дѣйствительно, ирландскій вопросъ сталъ какъ бы наслѣдственной болязнью для Англии. Герой теперешняго момента Чемберленъ, котораго никто не заподозритъ въ недостаткѣ патриотизма известнаго рода, однажды сказалъ: «Положеніе Ирландіи въ теченіе послѣдняго полустолѣтія было почти непрерывнымъ возстаніемъ. Мы имѣемъ здѣсь народъ, который, по единодушнымъ отзывамъ друга и недруга, замѣчательнѣе въ спокойное время по своему повиновенію обычному закону,—народъ, исторія котораго отмѣчена особеннымъ и удивительнымъ отсутствіемъ обыкновенныхъ преступленій, и вы видите его время отъ времени возбуждающимся въ пароксизмъ аграрныхъ насилій и безпорядковъ... Ирландскій вопросъ—это не новая проблема. Каждая 10 лѣтъ, каждая 20 лѣтъ, иногда безъ малѣйшей подготовки, какъ громъ иррасномъ небѣ, ирландскій вопросъ является на сцену. Каждое поколѣніе, въ теченіе послѣднихъ 400 лѣтъ имѣло съ нимъ дѣло. Каждый занимался имъ столько, сколько позволяло ему время, и каждый оставлялъ его неразрѣшеннымъ своимъ преемникамъ **).

Конечно, чрезвычайно важною, хотя и второстепенною по сравненію съ указанной причиной являются своеобразныя аграрныя отношенія, система крупнаго землевладѣнія и мелкихъ краткосрочныхъ арендъ.

Легко заключить при такомъ положеніи населенія, каковы могли быть отношенія между лэндлордами и фермерами. Отношенія эти характеризуются лучше всего всрядомъ аграрныхъ преступленій, наполняющихъ собою прошлый и нынѣшній вѣкъ въ Ирландіи. Кромѣ возстаній, болѣе или менѣе организованныхъ заговоровъ (примѣромъ которыхъ

*) Ib. I, 222.

**) «Home Rule und the Irish Question. A collection of speeches delivered between 1861 and 1887 By Joseph Chamberlain. London. 1887. Стр. 2 и 18».

могутъ послужить Whiteboys въ началѣ XIX вѣка), убійства ненавистныхъ людей совершались среди бѣла дня съ поразительной дерзостью и безнаказаностью. Достаточно сказать, что въ статистикѣ Ирландіи была заведена особая статья «Aggriated Outrages», и каждый годъ издавался особый сборникъ, посвященный специально статистикѣ аграрныхъ преступленій (не считая нѣсколькихъ изслѣдованій комиссій).

Специально относительно графства Клэръ (Clare), гдѣ имѣетъ мѣсто дѣйствіе нашего разсказа, мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство современниковъ: «въ графствѣ Клэръ, Роскоммонъ, Голуэй и Типперари, кажется, не существуетъ закона. Убійство, грабежъ, вооруженныя нападенія,—всѣ такія вещи, совершаемыя людьми, съ которыми могла бы справиться только военная сила, были обычными, повседневыми событіями. Полиція, хотя и вооруженная, была все-таки недостаточна, чтобы бороться со зломъ въ тысячахъ мѣстъ, гдѣ оно обнаруживалось, и ея обязанности были во всѣхъ отношеніяхъ связаны съ опасностью. Однажды, когда она преслѣдовала толпу, завѣдомо отправлявшуюся для осады одного дома, послѣдняя напала на полицію, и было убито пять человѣкъ. Къ обычнымъ способамъ преступленія здѣсь присоединился еще новый. Крестьяне, мужчины и женщины, вооруженные сельскохозяйственными орудіями, объявили войну противъ настищъ. Среди бѣла дня они отправлялись на поля и взрывали ихъ. Въ графствѣ Клэръ, въ частности, всѣ приличные люди всякихъ мнѣній объявили, что въ этой странѣ нельзя болѣе оставаться на жительство. Посылая угрожающія извѣстія, срывая изгороди, угоняя скотъ, избивая пастуховъ, насильственно удаляя фермеровъ, взимая подать деньгами, грабя жилые дома, безъ колебаній совершая убійства, они вынудили лучшіе классы общества оставить свои дома и переселиться въ другую часть».

Въ графствѣ Клэръ было помѣстье около 618 акровъ, носившее названіе Ралахайна (Ralahine) и принадлежавшее, вмѣстѣ съ другимъ имѣніемъ, сэру Джону Скотту Ванделеру (Vandeleur), по вѣронсповѣданію протестанту (небезразличное обстоятельство, если вспомнимъ, какую роль играетъ религіозная вражда въ Ирландіи, гдѣ угнетатели—лэндлорды были протестанты, а большая часть крестьянъ—католики). Ванделеръ испытывалъ такія же затрудненія, какъ и всѣ окрестные владѣльцы, отъ пьянства, грубости и лѣни своихъ рабочихъ.

Въ 1823 году, послѣ одной изъ безчисленныхъ ирландскихъ голодовокъ, Ирландію посѣтилъ Робертъ Овенъ (слѣды этого посѣщенія увѣковѣчены въ Minutes of evidence комиссія по изслѣдованію состоянія Ирландіи, которая дважды вызывала Овена въ качествѣ свидѣтеля, причѣмъ Овенъ развивалъ планъ кооперативнаго возрожденія Ирландіи). Овенъ держалъ рядъ митинговъ въ Дублинѣ и другихъ мѣстахъ Ирландіи, проповѣдуя свои идеи. Ванделеръ присутствовалъ на этихъ митингахъ и вошелъ въ личное общеніе съ учителемъ. Идеи

Овена и его опытъ въ Нью-Ланаркѣ произвели на него сильное впечатлѣніе, и онъ воодушевился мыслью попытаться пьяное и дикое населеніе Ралахайна превратить въ трезвое, честное рабочее населеніе, ведущее вполне человѣческую жизнь. Онъ не встрѣтилъ сочувствія и довѣрія къ своей идеѣ не только у окружающихъ лордовъ, родственниковъ, но и у своей жены; всѣ старались удержать его отъ фантастическаго предпріятія. Но не этимъ можно было ослабить его энтузіазмъ.

Въ 1830 году Ванделеръ началъ строить нѣсколько зданій, что продолжалось зиму и гѣто слѣдующаго года. Они представляли собой нѣсколько хорошо устроенныхъ коттеджей для женатыхъ рабочихъ, въ два этажа, крытые, оштукатуренные; спальни для холостыхъ мужчинъ и женщинъ, лавку, школу и большую столовую, сверхъ того комнаты для митинговъ, классовъ и лекцій. Чтобы показать, что Ванделеру пришлось бороться при этомъ не только съ недоувѣріемъ окружающихъ, но и съ гораздо худшимъ отношеніемъ населенія, приведемъ слѣдующій эпизодъ.

Управляющій Ванделера Гастингсъ былъ очень строгъ и грубъ съ рабочими, которые, въ концѣ концовъ, чрезвычайно раздражились противъ него. Митингъ въ полночь въ сосѣднемъ лѣсу рѣшилъ, какъ думать, смерть Гастингса, и здѣсь же былъ брошенъ жребій о выполненіи приговора. Одинъ вечеръ, когда онъ запиралъ двери своего жилища, онъ былъ убитъ двумя пулями, пущенными изъ окна противуположнаго дома, и это на глазахъ у молодой жены. Конечно, преступникъ никогда не былъ розысканъ. Это случилось въ отсутствіе Ванделера. Его семья, терроризованная убійствомъ, удалилась въ сосѣдній Лимрикъ, оставивъ домъ на вооруженную охрану полиціи, то-есть Ванделеръ остался одинъ. Ему уже некому было мѣшать, но зато онъ и не имѣлъ ни малѣйшей поддержки, которая была ему совершенно необходима въ виду тяжелой задачи. Эту поддержку благосклонная судьба послала ему въ лицѣ его новаго управляющаго Крэга (Craig) изъ Манчестера, который во всѣхъ отношеніяхъ оказался вполне достойнымъ помощникомъ Ванделера (онъ и описалъ потомъ исторію Ралахайна).

Появленіе новаго управляющаго, помимо всего прочаго «чужестранца» и потому уже человѣка подозрительнаго, не содѣйствовало улучшенію положенія дѣлъ. Вскорѣ Крэгъ получилъ предостереженіе не возвращаться по одной и той же дорогѣ, ему въ догонку былъ пущенъ камень, а другой разъ металлическая пластинка съ грубо нарисованнымъ на ней гробомъ—знакъ смертнаго приговора. Но и Крэгъ, и Ванделеръ разсуждали подобно тому греческому послу, тоторый воскликнулъ: «бей меня, но выслушай». Вскорѣ, когда устроены были зданія, Ванделеръ собралъ жителей Ралахайна (1-го ноября 1831 г.) и предложилъ имъ основаніе «Ралахайнской земледѣльческой и промышленной коопераціи» (The Ralahine Agricultural and Manufacturing Co-operative Association). Собраніе согласилось, сначала въ видѣ опыта, на основаніе коопераціи, и въ качествѣ учредителей въ нее вошло:

Взрослых холостыхъ мужчинъ	21
Женатыхъ мужчинъ	7
	28
Незамужнихъ женщинъ	5
Зумужнихъ женщинъ	7
	12
Всего взрослыхъ	40
Сиротъ до 17 лѣтъ:	
Мальчиковъ	4
Дѣвочекъ	3
Дѣтей ниже 9-лѣтняго возраста	5—12
Всего	52

Собраніемъ принята была «конституція», опредѣлявшая права и обязанности членовъ (Laws of the Ralahine Agricultural und Manufacturing Coöperative Association). Цѣли ассоціаціи были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: I. Приобрѣтеніе общаго капитала. II. Взаимная поддержка членовъ отъ бѣдствій нищеты, болѣзни, слабости, старости. III. Достиженіе большей степени жизненнаго комфорта, чѣмъ рабочій классъ имѣетъ въ настоящее время. IV. Умственное и нравственное совершенствованіе его взрослыхъ членовъ. V. Воспитаніе ихъ дѣтей.

Взаимныя отношенія членовъ и Ванделера опредѣлялись особымъ условіемъ, о которомъ мы скажемъ ниже. Постройки, хозяйство и пр. составляютъ собственность Ванделера, пока ассоціація не накопитъ достаточно денегъ, чтобы ихъ выкупить, послѣ чего они становятся общей собственностью ассоціаціи. Ванделеръ сохраняетъ за собою право въ теченіе ближайшихъ 12 мѣсяцевъ удалить изъ общины члена, оказавшагося вреднымъ; также каждый членъ имѣетъ право самъ въ каждую минуту выйти изъ состава ассоціаціи. Новые члены въ томъ случаѣ, если окажется, что у ассоціаціи не хватаетъ рабочихъ силъ, могутъ быть принимаемы, по предложенію кого-либо изъ членовъ, послѣ баллотировки. Ванделеръ является предсѣдателемъ и ассоціаціи, и комитета, который замѣняетъ его во время его отсутствія и непремѣнными членами котораго являются секретарь и казначей, избираемые Ванделеромъ же. Цѣль дѣятельности коопераціи была опредѣлена въ уставѣ такимъ образомъ: «мы признаемъ, какими бы индивидуальными способностями—умственными или мускульными, земледѣльческими, промышленными или научными—мы ни отличались, всѣ они должны были направляемы къ общему благу». Важнымъ нововведеніемъ въ организаціи было отсутствіе управляющаго, должность давно ненавистная населенію. Малолѣтніе должны обучаться земледѣлю и промышленности въ обществѣ. Рабочій день, обязательный для всѣхъ работоспособныхъ, опредѣленъ отъ 6-ти и до 6-ти лѣтомъ и отъ разсвѣта до сумерокъ зимою съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ. Распредѣленіе

работу на каждый день совершается комитетомъ наканунѣ вечеромъ. Каждый рабочій получаетъ плату въ 8 пенсовъ (около 32 коп.) въ день, а каждая женщина 5 п. (около 20 к.),—плата обычная въ этой мѣстности. Эта плата выплачивается, главнымъ образомъ, товарами, производимыми самимъ обществомъ или же закупаемыми на сторонѣ. Тотъ и иной видъ работы избирается каждымъ сообразно его склонности; но если какой-либо членъ находитъ, что другой не достаточно утилизируетъ свое время, онъ можетъ заявить объ этомъ митингу, который можетъ, въ случаѣ необходимости исключить бесполезнаго члена. Обязанности прислуги возложены на дѣтей младше 17 лѣтняго возраста, которыя содержатся на счетъ всего общества. Далѣе слѣдуютъ частныя постановленія домашней экономіи (относительно топлива, стирки и т. д.). Въ отдѣлѣ устава, озаглавленномъ «Education and Formation of Character», гарантируется, что сироты, оставшія послѣ смерти членовъ общества, содержатся и воспитываются обществомъ; рѣзко признается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія; воспрещаются азартныя игры и употребленіе табаку и спиртныхъ напитковъ, которые совершенно изгоняются изъ кооперативной лавки. Последнее было особенно смѣльнымъ новшествомъ среди пьянаго населенія. Затѣмъ, предусматриваются случаи вступленія въ бракъ членовъ и не членовъ общины и исключеніе недостойныхъ членовъ общества большинствомъ трехъ четвертей.

Общество управляется комитетомъ изъ девяти членовъ, избираемыхъ изъ взрослыхъ членовъ ассоціаціи полугодичною баллотировкой. Упомянутое выше условіе состояло въ томъ, что Ванделеръ сдаетъ землю подъ условіемъ ежегодной уплаты натурой: 320 баррелей пшеницы, 240 б. ячменя, 50 овса, 10 центнеровъ масла, 30 центнеровъ свинины, 70 ц. мяса. По переводѣ на деньги, это даетъ среднюю въ странѣ ренту. Кромѣ того, община обязуется поставлять въ его хозяйство солому и сѣно за 30 шиллинговъ тонну; въ случаѣ желанія, Ванделеръ можетъ брать рабочія деньги (о чемъ ниже) и получать за нихъ въ общинной лавкѣ соотвѣтственные продукты. То, что будетъ оставаться сверхъ уплаты ренты и заработной платы членами коопераціи, ея прибыль, не должно поступать въ индивидуальную собственность, а должно накапливаться до тѣхъ поръ, пока не образуется капиталъ, достаточный для приобрѣтенія Ралахайна у его владѣльца въ общую собственность членовъ коопераціи. Выбывающіе члены получаютъ свою долю прибыли при выходѣ. Община обязуется воздѣлывать землю наилучшимъ образомъ, въ противномъ случаѣ земля отходитъ назадъ къ лэндлорду. Нѣкоторыя несущественныя постановленія опускаемъ.

Естественно, что первое время крестьяне относились къ «новой системѣ» со страхомъ и недовѣріемъ, но оно быстро исчезло, какъ только они убѣдились на практикѣ въ выгоды новаго положенія. По словамъ Крѣга, уже черезъ два мѣсяца установился надлежащій

*

рабочій распорядокъ. Вотъ, для образца, свѣдѣніе о распредѣленіи рабочихъ и платъ имъ въ іюнь:

	въ недѣлю.
1 секретарь	8 шилл. — п.
1 лавочникъ	8 » — »
1 сельскохозяйственный надзиратель	8 » — »
1 плотникъ	8 » — »
1 помощникъ плотника	6 » — »
1 кузнецъ	8 » — »
1 помощникъ кузнеца	6 » — »
1 садовникъ	7 » — »
1 мясникъ	6 » — »
3 главныхъ рабочихъ, каждый	5 » — »
23 земледѣльческихъ рабочихъ, каждый	4 » — »
22 женщины-работницы, каждая	2 » 6 п.
7 мальчиковъ	содержатся изъ общаго дохода.
16 дѣтей вѣже 9 лѣтъ въ школѣ }	
81 все населеніе, 50 муж и 31 жен.	

Но, въ случаѣ недостатка рукъ въ одной отрасли производства, онъ восполнялся изъ другой; въ земледѣліи принимали участіе всѣ, особенно во время жатвы.

Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ неудовольствія, неисправности, гѣни, работа шла чрезвычайно гладко. Одинъ изъ рабочихъ такъ объяснилъ причины этого Мг. Finch'у, посѣтившему Ралахайнъ: «прежде мы не имѣли интереса ни въ томъ, чтобы сдѣлать возможно больше и лучше, ни въ улучшеніяхъ, потому что всѣ выгоды отъ этого шли жестокому надзирателю, за его вниманіе и бдительность. Мы разсматривались только какъ машины, чтобы дѣлать ихъ дѣла; поэтому, какъ только онъ скрывался изъ вида, мы дѣлали возможно меньше; но теперь мы заинтересованы и обязаны дѣлать сами, и мы совсѣмъ не нуждаемся въ управляющемъ». Въ другомъ письмѣ тотъ же Финчъ [пишетъ: «сначала два или три рабочихъ имѣли склонность гѣниться, но они были излѣчены способомъ, который подѣйствовалъ бы на дикихъ слоновъ. Комитетъ, зная ихъ характеры, ставилъ каждого изъ такихъ гѣнтаевъ на работу между двумя другими, которые были прилежны, напр., на земляныя работы; онъ былъ обязанъ не отставать отъ нихъ или становился предметомъ общихъ насмѣшекъ. Такія средства скоро помогли; когда я былъ тамъ, не было ни одного гѣнтая, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, ни изъ дѣтей во всей общинѣ».

Одною изъ самыхъ интересныхъ особенностей общины были рабочія деньги, которыми выплачивалось жалованье, — взаимныя обыкновенныхъ денегъ. Это были лоскутки бумаги съ написанною на нихъ цѣнностью, — родъ кредитныхъ билетовъ. Денежной единицей естественно

явился билетъ въ 8 пенсовъ, стоимость рабочаго дня взрослому мужчине, но затѣмъ были и болѣе и менѣе крупныя деньги. Эти деньги сначала вызвали особенное недоверіе и подозрительность, но затѣмъ убѣдились, что при данныхъ условіяхъ онѣ служатъ какъ и всякія другія деньги. Въ кооперативной лавкѣ за эти деньги можно было получить всѣ товары, какъ производимые общиной, такъ и покупаемые извнѣ; послѣдніе, покупаемые въ большихъ количествахъ и потому на болѣе выгодныхъ условіяхъ были высшаго качества, чѣмъ можно было купить за ту же цѣну въ лавкахъ; кромѣ того, рабочія деньги ограничивали кругъ доступныхъ товаровъ лишь тѣми, которые имѣлись въ кооперативной лавкѣ, а оттуда, какъ помнитъ читатель, было удалено вино и табакъ; такимъ образомъ, населеніе было вполне изолировано отъ этого соблазна.

За короткое время существованія кооперации она почти не успѣла осуществить своихъ задачъ какъ земледѣльческой и промышленной кооперации. Въ этомъ направленіи сдѣланы были только предначертанія. Посредствѣмъ Ралахайна протекала рѣка и на этой рѣкѣ была безъ употребленія одна водяная мельница; свободную водяную силу этой мельницы было рѣшено утилизировать въ качествѣ двигателя для мануфактуры, гдѣ община могла бы производить для себя одежду. Но этотъ планъ такъ и остался неосуществленнымъ.

Общее положеніе, въ которомъ находились жители Ралахайна, лучше всего можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма уже цитированнаго нами Финча: «Я лично и подробно ознакомился со всѣмъ домашнимъ устройствомъ Ралахайна. Я нашелъ, что всѣ коттеджи женатыхъ рабочихъ снабжены комфортабельными постелями, постельнымъ бѣльемъ, столами, стульями и т. д. и въ общемъ такъ чисто и опрятно, какъ въ обыкновенныхъ домахъ лучшей части рабочаго населенія Великобританіи». Такъ же выгодно онъ аттестуетъ дѣтскія школу, столовую и т. д. Ъда опредѣлялась ирландскими условіями и въ будніе дни состояла, главнымъ образомъ, изъ картофеля съ парнымъ молокомъ. Но въ праздникъ появлялось и мясо.

Видѣвшіе Ралахайнъ утверждаютъ, что и въ нравахъ жителей произошло большое смягченіе подѣ совокупнымъ вліяніемъ трезвости, лучшихъ условій жизни, болѣе независимаго положенія женщинъ. Прилагались усиленныя заботы къ обученію дѣтей; по вечерамъ читались иногда лекціи для взрослыхъ.

Успѣхъ общины слѣдуетъ приписать, въ значительной степени, удачно составленному уставу, который, при всей широтѣ идеала, отличается чрезвычайной трезвостью и даже практичностью; это лучше всего можно видѣть въ томъ, что онъ, примѣняясь къ окружающимъ экономическимъ условіямъ, не дѣлаетъ подарка рабочимъ, который они могли бы получить какъ подачку, безъ всякаго труда, но обуславливаетъ благосостояніе трудомъ. Съ другой стороны, учрежденіе,

носившее столь ярко выраженную окраску индивидуальности Ванделера, стоявшей гораздо выше своего времени, могло отвѣчать своей идеѣ—хорошо ли это или плохо, другой вопросъ—только при условіи сильнаго личнаго, порою деспотическаго его вліянія. И многія статьи устава—излишне ихъ особо указывать—широко открываютъ дверь такому вліянію. Нужно сознаться, что при всѣхъ данныхъ условіяхъ, такое вліяніе было *conditio sine qua non* самого существованія коммуны. Тотъ же Финчъ весьма остроумно характеризуетъ систему ралахайнскаго «правительства»: «Форма правленія, принятая въ Ралахайнѣ, соединяла всѣ выгоды торизма, вигизма и радикализма, не имѣя недостатковъ ни одного изъ нихъ. Оно имѣло всю силу, единство плана и единство дѣйствія монархіи и торизма,—всю умѣренность, искусство, осмотрительность и осторожность вигизма, и болѣе свободы и равенства, чѣмъ радикализмъ. Правительство состояло изъ короля, палаты лордовъ и общинъ. Ванделеръ былъ король, наслѣдственный и почти абсолютный монархъ; ралахайнское помѣстье было его королевствомъ; ралахайнское общество—его народомъ; секретарь, казначей и завѣдующій лавкой были вмѣстѣ и его министрами, исполнительною властью, и палатой лордовъ, избранною ими самими и распускаемой по его волѣ; комитетъ былъ вмѣстѣ и совѣтниками его, и постоянной комиссіей палаты общинъ; палата общинъ состояла изъ всего народа, мужчинъ и женщинъ, свыше 17 лѣтъ отъ роду».

Въ 1833 году, незадолго до своей смерти, Ралахайнъ отпраздновалъ свой праздникъ жатвы, торжественный и радостный. На праздникъ исполнялся гимнъ: «Each for all», настолько интересный, что я позволю себѣ привести его въ подлинникѣ.

«Each for all».

A Ralahine Harvest-Home Song.

Air—«Rule Britannia».

The social brotherhood of man
Alone can bless the boon of birth,
And Nature, in her generous plan,
Has taught us how to use the earth.

Chorus:

Hail! brothers, hail! in bark, or hut, or hall.
Hail! for each must live for all.
Why should not generous sympathy
Prevail throughout the breathing world,
And o'er the human family
The flag of *Union* float unfurled?
Why should a difference of birth
Of creed, or country, men divide?
Behold the flowers of the earth,
Though various, blooming Side by Side,
The trees that love the mountain height,

And they that in the valley grew,
Transplanted, will they not unite,
And join their shade and share their dew?
Man, poor and feeble when alone—
The sport of every passing wind—
In War, in Trade, in Art, has shown
He's all-resistless when combined.
If, then, when fears or interests plead,
Instaining crowds together press,
Why should not social kindness lead
Mankind to join for happiness?

Chorus—Hail! brothers, hail! etc. *).

Ралахайнъ посѣщали въ эпоху его разцвѣта различныя лица, и всѣ удивлялись образцовому порядку и трудолюбію жителей, достигаемому безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Описаніе танцевальнаго вечера въ Ралахайнѣ попало даже въ отчетъ парламентской комиссіи 1833 года (въ показаніяхъ свидѣтелей, minutes of evidence). Посѣтилъ

*) *Переводъ*: Каждый для всѣхъ.

Пѣснь Ралахайнскаго Дома Жатвы.

(На мотивъ: «Царствуй Британія»).

Соціальное братство людей
Одно можетъ освятить дарованную намъ жизнь;
Природа въ своемъ великодушіи,
Научила насъ пользоваться землей.

Х о р ъ

Привѣтъ вамъ, братья, на морѣ, и въ хижинѣ, и въ чертогахъ;
Привѣтъ! Пусть каждый живетъ для всѣхъ.

Отчего благородному чувству симпатіи
Не владѣть всѣми живыми существами,
Отчего развернутому знамени единенія
Не развѣваться надъ челоѣчествомъ?
Зачѣмъ раздѣлять людей по различіямъ происхожденія,
Или вѣры, или отечества?
Взгляните на цвѣты, покрывающіе землю,
Деревья, любящія горныя высоты,
И тѣ, которыя растутъ въ долинѣ—
Неужели они не могутъ, хоть они и различны,
Соединить свою тѣнь и подѣлиться своей росой,
Цвѣта другъ волаѣ друга?
Человѣкъ, слабый и жалкій, когда онъ одинъ,
Игрушка перваго подушлага вѣтра—
Въ союзѣ съ другими показавъ свое могущество—
Въ войнѣ, въ торговлѣ, въ искусствѣ.
И если толпа скучивается,
Движимая чувствомъ страха или выгодой,
То отчего же общественному чувству любви
Не руководить челоѣчествомъ къ счастью?

Х о р ъ.

Привѣтъ вамъ, братья, и т. д.

Ралахайнъ и духовный отецъ его, Р. Овенъ, и выразилъ въ письмѣ къ Крэгу свои впечатлѣнія слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ кажется, на основаніи полнаго знакомства съ вашимъ образомъ дѣйствій въ Ралахайнѣ, что, принимая во вниманіе средства, которыми располагаетъ ваша ассоціація, ваши учрежденія для производства и распредѣленія богатства, для воспитанія и образованія характера населенія и для управленія имъ были превосходны и проникнуты истиннымъ духомъ коопераціи.

«Народъ показался мнѣ болѣе счастливымъ, чѣмъ кто бы то ни было изъ этого класса въ Ирландіи, которую я посѣщалъ въ разные времена».

Мы близимся къ развязкѣ,—печальной и неожиданной катастрофѣ, которая положила конецъ ралахайнской коопераціи. Въ дублинскихъ газетахъ появилось сенсационное извѣстіе о «*быствѣ Джона Скотта Ванделера*» въ Америку. Вскорѣ это извѣстіе подтвердилось. Ванделеръ имѣлъ страсть, наслѣдственную въ его семьѣ, къ картежной игрѣ, и, нарушая соответственный параграфъ собственнаго устава, часто ѣздилъ въ свой Дублинскій клубъ, гдѣ затыгивался «долгами чести» все больше и больше, пока не проигрался въ прахъ. Чтобы избѣжать позора и упрековъ, которые ждали его и тамъ, гдѣ было самое близкое и дорогое его сердцу, въ Ралахайнѣ, онъ сѣлъ на корабль, ѣдущій въ Америку, и исчезъ на вѣки. Никто изъ самыхъ близкихъ его друзей не слышалъ о немъ ничего съ тѣхъ поръ, ни даже того, живъ онъ или умеръ.

Извѣстіе это произвело тѣмъ болѣе потрясающее впечатлѣніе о Ралахайнѣ, что оно было совершенно неожиданно. Но предоставимъ рассказъ Крэгу, душѣ Ралахайна и правой рукѣ Ванделера,—Крэгу, которому пришлось пережить одни изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, какія только возможны въ жизни человѣка. «Народъ принялъ это извѣстіе ужаснымъ и до послѣдней степени потрясающимъ образомъ. Когда оно подтвердилось, я слышалъ женщинъ и даже крѣпкихъ мужчинъ, горько жалующихся и оплакивающихъ свою потерю, такъ, какъ будто у нихъ былъ похищенъ внезапной смертью самый дорогой другъ или родственникъ. Хотя комнаты, занимаемыя нами съ женой находились надъ коттеджами двухъ женатыхъ членовъ, рыданія народа доносились до насъ среди ночи и производили тяжелое и даже душераздирающее впечатлѣніе. Нужно знать глубину ихъ чувства и манеру ирландцевъ выражать свое глубокое горе вслухъ, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, чтобы представить себѣ это.

«Было въ высшей степени потрясающе слышать въ тиши ночи дикія рыданія, какъ по покойникѣ. Происходило ли это отъ полученнаго тяжкаго удара, который разсѣялъ самыя мои лучшія надежды и, очевидно, внесъ внезапный перерывъ во всѣ мои труды, и который соединялся съ сильнымъ безпокойствомъ, что кассовая наличность окажется недостаточна, чтобы покрыть «рабочія деньги», бывшія на рукахъ у членовъ *),—я не знаю; но я глубоко мучился, когда время отъ времени

*) Денегъ этихъ не хватило, и Крэгъ доплатилъ изъ своихъ недостающее.

въ эту ночь, которую никогда нельзя забыть, доносились до меня крики рабочихъ, выпускаемые ими въ припадкѣ горя. «Ohone! ohone! Shahn (Джонъ) Vandeler! Зачѣмъ ты ушелъ отъ насъ? Ohone! Vandeler! Зачѣмъ ты покинулъ насъ?»

«Эти чувства сильно отразились на моемъ здоровьѣ, и, хотя мнѣ было только 28 лѣтъ, я всталъ на утро со множествомъ сѣдыхъ волосъ, что было вызвано, несомнѣнно, сильнымъ потрясеніемъ, внезапно обрушившимся на нервную систему».

Члены, желая отмѣтить то, что они получили отъ Ралахайна, на общемъ митингѣ Ралахайна отъ 23 ноября 1833 года, приняли и подписали слѣдующую декларацию: «Мы, нижеподписавшіеся, члены «Ралахайнской земледѣльческой и промышленной кооперативной ассоціи», пользовались за послѣдніе два года довольствомъ, миромъ и счастьемъ при учрежденіяхъ, заведенныхъ Ванделеромъ и Крэггомъ. Первоначально мы относились враждебно къ предлагавшимся ими планамъ; но, послѣ осуществленія, мы нашли свое положеніе улучшившимся, наши нужды регулярно удовлетворялись, а наши чувства другъ къ другу сразу и всецѣло измѣнились изъ зависти, ненависти, мстительности въ довѣрчивость, дружбу, предупредительность.

«Лекціи, которыя читались намъ президентомъ (Ванделеромъ) и Крэггомъ, были предназначены для нашего развитія, и дѣйствительно оказывали таковое дѣйствіе на наши умы, и правила, принятія въ началѣ, оказались очень полезны въ ихъ практическомъ осуществленіи обществомъ».

Вскорѣ Ралахайнъ былъ проданъ съ молотка за долги, — пьеса сыграна, занавѣсъ упалъ... Прекрасный цвѣтокъ, словно чудомъ выросшій на гноищѣ аграрнаго пауперизма, не выдержалъ перваго порыва холоднаго вѣтра и погибъ, не оставивъ никакого слѣда *).

С. Булгаковъ.

*) Читатель видитъ, что Ралахайнская кооперация, основанная на идеяхъ Овена и представляющая одинъ изъ немногихъ случаевъ такъ называемыхъ profitsharing въ земледѣліи, кореннымъ образомъ отличается и по характеру, и по значенію отъ теперешнихъ земледѣльческихъ коопераций, которымъ предстоитъ еще огромное развитіе. Значеніе этихъ коопераций—не безъ значительнаго, впрочемъ, увлеченія—хорошо выяснено въ новой книжкѣ *O. F. Hertz*. «Die Agrarfragen in ihrem Verhältniss zum Socialismus». Wien. 1899. Пользуюсь случаемъ, чтобы рекомендовать эту по многимъ отношеніямъ замѣчательную книжку молодого и очень даровитаго автора вниманію русскаго читателя. Представляя собою въ большей части критику книги Каутскаго, книжка эта представляетъ самостоятельную научную цѣнность, на мой взглядъ превосходящую цѣнность тенденціозной работы Каутскаго. Въ настоящее время Герцъ ревностный пропагандистъ идей Бернштейна, котораго, однако, я думаю, онъ скоро оставитъ позади. Бернштейнъ написалъ предисловіе къ его книгѣ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шабашъ вѣдьмъ.

1494.

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху,—звѣзды—внизу,
Все, что вверху—все и внизу:
Если поймешь,—благо тебѣ.

Tabula smaragdina.

I.

На пустынной окраинѣ Милана, въ предмѣстіи Верчельскихъ воротъ, тамъ, гдѣ на каналѣ Катарана находились шлюзы и рѣчная таможня, стоялъ одинокій ветхій домикъ съ большою, закоптѣлою и покривившейся трубой, изъ которой днемъ и ночью подымался къ небу дымъ.

Этотъ домикъ принадлежалъ повивальной бабкѣ, монѣ Сидоніи. Верхніе покои сдавала она въ наемъ алхимику, мессэру Галеотто Сакробоско, въ нижнихъ жила сама вмѣстѣ съ Кассандрой, дочерью Галеоттова брата, купца Лунджи, знаменитаго путешественника, извѣдывшаго Грецію, острова Архипелага, Сирію, Малую Азію, Египетъ въ неустанной погонѣ за древностями.

Онъ собиралъ все, что попадалось ему подъ руку: и прекрасную греческую статую, и кусочекъ янтаря съ мухою, застывшею въ немъ, и поддѣльную надпись съ могилы Гомера, и новую трагедію Эврипида, и ключицу Демосеена.

*) См. «М. Б.», январь.

Одни считали его помѣшаннымъ, другіе — хвастуномъ и обманщикомъ, третьи — великимъ человекомъ. Воображеніе его было такъ напичкано языческими воспоминаніями, что, оставаясь до конца дней добрымъ католикомъ, Луиджи не на шутку молился «святѣйшему генію Меркурію» и вѣрилъ въ среду, посвященную крылатому вѣстнику олимпійцевъ, какъ въ день особенно счастливый для торговыхъ оборотовъ. Ни передъ какими лишеніями и трудами не останавливался онъ въ своихъ поискахъ: однажды, сѣвъ на корабль и уже отъѣхавъ по морю съ десятокъ миль, узналъ онъ о любопытной греческой надписи, не прочитанной имъ, и тотчасъ вернулся на берегъ, чтобы списать. Потерявъ во время кораблекрушенія драгоценное собраніе рукописей, онъ посѣдѣлъ отъ горя. Когда спрашивали его, зачѣмъ разоряетъ онъ себя, терпитъ всю жизнь столь великіе труды и опасности, Луиджи отвѣчалъ всегда одними и тѣми же словами:

— Я хочу воскресить мертвыхъ.

Въ Пелопонесѣ, близъ пустынныхъ развалинъ Лакедемона, въ окрестностяхъ городка Мистры, встрѣтилъ онъ дѣвушку необыкновенной красоты, похожую на изваяніе древней богини Артемиды, дочь бѣднаго, пившаго запоемъ сельскаго дьякона, женился на ней и увезъ ее въ Италію вмѣстѣ съ новымъ спискомъ Иліады, обломками мраморной Гекаты и черепками глиняныхъ амфоръ. Дочери, родившейся у нихъ, Луиджи далъ имя Кассандры во славу великой Эсхиловой героини, плѣнницы Агамемнона, которой онъ тогда увлекался.

Жена его скоро умерла. Отправляясь въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій, онъ оставилъ маленькую дочь-сиротку, на попеченіе старому другу, ученому греку изъ Константинополя, приглашенному въ Миланъ герцогами Сфорца, философу Деметрію Халкондигѣ.

Семидесятилѣтній старикъ, двуличный, лукавый и скрытный, притворяясь пламеннымъ ревнителемъ церкви христіанской, на самомъ дѣлѣ, какъ въ то время многіе ученые греки въ Итали съ кардиналомъ Бессаріономъ во главѣ, былъ приверженцемъ послѣдняго изъ учителей древней мудрости, неоплатоника Гемиста Плетона, умершаго лѣтъ сорокъ назадъ въ Пелопонесѣ, въ томъ самомъ городкѣ Мистрѣ на развалинахъ Лакедемона, откуда родомъ была мать Кассандры. Ученики его вѣрили, что душа великаго Платона для проповѣданія мудрости сошла на землю съ Олимпа и воплотилась въ Плетонѣ. Христіанскіе учителя утверждали, что этотъ философъ жаждетъ возобновить антихристову ересь императора Юліана - Отступника — поклоненіе древнимъ олимпійскимъ богамъ, и что бороться съ нимъ должно отнюдь не учеными доводами и словопреніями, а лишь орудіями священной инквизиціи и пламенемъ костровъ. Приводились точныя слова Плетона: за три года до смерти говорилъ онъ, будто бы, ученикамъ своимъ: «немного лѣтъ спустя послѣ моей кончины надъ всѣми племенами и народами земными возсіяетъ единая истина, и всѣ люди обратятся

единымъ духомъ въ единую вѣру—*unam eandemque religionem unversum orbem esse suscepturum*». Когда же его спрашивали: «въ какую— въ Христову или Магометову?»—онъ отвѣчалъ: «ни въ ту, ни въ другую, но въ вѣру отъ древняго язычества не отличную, — *neutram, inquit, sed a gentilitate non differentem* ».

Въ домѣ Деметрія Халкондилы маленькую Кассандру воспитали въ строгомъ, хотя и лицемѣрномъ, христіанскомъ благочестіи. Но изъ подслушанныхъ разговоровъ ребенокъ, не понимая философскихъ тонкостей платоновыхъ идей, сплеталъ себѣ волшебную сказку о томъ, какъ умершіе боги Олимпа воскреснутъ.

Дѣвочка носила на груди подарокъ отца, талисманъ противъ лихорадки, рѣзную печать съ изображеніемъ бога Діониса. Порой, оставаясь одна, украдкой вынимала она древній камень, смотрѣла сквозь него на солнце, — и въ темно-лиловомъ сіяніи прозрачнаго амстиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградной кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце ребенка.

Мессаръ Луиджи, разорившись на древности, умеръ въ нищетѣ, въ лачугѣ пастуха, отъ гнилой горячки, среди только что открытыхъ имъ развалинъ одного финикійскаго храма. Въ это время, послѣ многолѣтнихъ скитаній въ погонѣ за тайною философскаго камня, вернулся въ Миланъ алхимикъ Талеотто Сакробоско, дядя Кассандры, и поселившись въ домикъ у Верчельскихъ воротъ, взялъ къ себѣ племянницу.

Джіованни Бельтраффіо помнилъ подслушанный имъ разговоръ моны Кассандры съ механикомъ Зороастро о ядовитомъ деревѣ. Потомъ встрѣчался съ нею у Деметрія Халкондилы, гдѣ Мэрула досталъ ему переписку. Онъ слышалъ отъ многихъ, что она—вѣдьма, но загадочная прелесть молодой дѣвушки влекла его къ ней.

Почти каждый вечеръ, окончивъ работу въ мастерской Леонардо, отправлялся Джіованни къ уединенному домику за Верчельскими воротами для свиданія съ Кассандрой. Они садились на пригоркѣ надъ водою тихаго и темнаго канала, недалеко отъ запруды, у полуразвалившейся стѣны монастыря св. Редгонды, и бесѣдовали подолгу. Чуть видная тропа, заросшая лопухомъ, бузиной и крапивою, вела на пригорокъ. Никто сюда не заглядывалъ.

II.

Былъ душный вечеръ. Изрѣдка налеталъ вихрь, подымалъ бѣлую пыль на дорогѣ, шелестѣлъ въ деревьяхъ, замиралъ, и становилось еще тише. Только слышалось глухое, точно подземное, ворчаніе далекаго грома. На этомъ слабомъ, грозно-торжественномъ гулѣ выдѣлялись визгливые звуки дребезжащей лютни, пьяныхъ пѣсень таможенныхъ солдатъ въ сосѣднемъ кабачкѣ. Было воскресенье.

Порою блѣдная зарница вспыхивала въ небѣ, и тогда на мгновеніе выступалъ изъ мрака ветхій домикъ на томъ берегу съ кирпичною трубою, съ клубами чернаго дыма, валившаго изъ плавильной печи алхимика, долговязый, худощавый пономарь съ удочкой на мшистой плотинѣ, прямой каналъ съ двумя рядами листовниці и ветлѣ, уходившими въ даль, плоскодонныя лагомаджюрскія барки съ глыбами бѣлаго мрамора для Собора, шедшія на ободранныхъ клячахъ, и длинная бичева, ударявшая по водѣ. Потомъ опять сразу все, какъ видѣніе, исчезало во тьмѣ. Лишь на томъ берегу краснѣлъ огонекъ алхимика, отражаясь въ темныхъ водахъ Катараны. Отъ шлюзовъ вѣяло запахомъ теплой воды, увядшихъ папоротниковъ, дегтя и гнилого дерева.

Джіованни съ Кассандрой сидѣли на обычномъ мѣстѣ, надъ каналомъ.

— Скучно!—молвила дѣвушка, потянулась и заломила надъ головой тонкіе, бѣлые пальцы. — Каждый день одно и то же. Сегодня какъ вчера, завтра, какъ сегодня. Такъ же глупый, долговязый пономарь удить рыбу на плотинѣ и ничего не можетъ выудить, такъ же дымъ валитъ изъ трубы лабораторіи, гдѣ мессэръ Галеотто ищетъ золота и ничего не можетъ найти, такъ же лодки тащатся на ободранныхъ клячахъ, такъ же дребезжитъ заунывная лютя въ кабачкѣ. Хоть бы что-нибудь новое! Хоть бы французы пришли и разорили Миланъ, или пономарь выудилъ рыбу, или дядя нашелъ золото... Боже мой, какая скука!..

— Да, я знаю,—возразилъ Джіованни,—мнѣ самому иногда бываетъ такъ скучно, что хочется умереть. Но фра Бенедетто научилъ меня прекрасной молитвѣ объ избавленіи отъ бѣса унынія. Хотите я вамъ скажу ее?

Дѣвушка покачала головой:

— Нѣтъ, Джіованни. Я бы и желала порою, но давно уже не умѣю молиться вашему Богу.

— Нашему? Но развѣ есть другой Богъ, кромѣ нашего, кромѣ единого?—спросилъ Джіованни.

Быстрое пламя зарницы освѣтило ея лицо. Никогда еще оно не казалось ему такимъ загадочнымъ, унылымъ и прекраснымъ.

Она помолчала и провела рукою по черному ореолу пушистыхъ волосъ.

— Слушай, другъ. Это было давно, тамъ, въ родной землѣ моей. Я была ребенкомъ. Однажды отецъ взялъ меня съ собою въ путешествіе. Мы посѣтили развалины древняго храма. Онъ возвышался на мысѣ. Кругомъ было море. Чайки стонали. Волны съ шумомъ разбивались о черные камни, изглоданные соленюю влагою, заостренные, какъ иглы. Пѣна взлетала и падала, стекая по игламъ камней шипящей струею. Отецъ мой читалъ полустертую надпись на обломкѣ мрамора. Я долго сидѣла одна на ступеняхъ передъ храмомъ, слушала море и дышала его свѣжестью, смѣшанной съ горькимъ благоуханіемъ полыни. Потомъ вошла въ покинутый храмъ. Колонны изъ пожелтѣвшаго мрамора стояли, почти не тронутыя временемъ, и между ними синее небо

казалось темнымъ; тамъ, въ высотѣ, изъ расщелинъ камней росли маки. Было тихо. Только заглушенный гулъ приборя наполнялъ святилище какъ бы молитвеннымъ пѣніемъ. Я прислушалась къ нему,—и вдругъ сердце мое дрогнуло. Я упала на колѣни и стала молиться гѣкогда здѣсь обитавшему богу, неизвѣстному и оскорбленному людьми. Я цѣловала мраморныя плиты, плакала и любила его за то, что больше никто на землѣ не любитъ его и не молится ему,—за то, что онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ я больше никому никогда уже такъ не молилась. То былъ храмъ Діониса.

— Что вы, что вы, Кассандра,—проговорилъ Джіованни,—это грѣхъ и кощунство! Никакого бога Діониса нѣтъ и никогда не было.

— Не было, — повторила дѣвушка съ презрительной улыбкой, — а какъ же святые отцы, которымъ ты вѣришь, учатъ, что изгнанные боги въ тѣ времена, какъ Христосъ побѣдилъ, превратились въ могущественныхъ демоновъ? Какъ же въ книгѣ знаменитаго астролога Джіорджіо да Новара есть прорицаніе, основанное на точныхъ наблюденіяхъ надъ свѣтилами небесными: соединеніе планеты Юпитера съ Сатурномъ породило ученіе Моисеево, съ Марсомъ — халдейское, съ солнцемъ — египетское, съ Венерой — Магометово, съ Меркуриемъ — Христово, а грядущее соединеніе съ луной должно породить ученіе Антихристово,—и тогда умершіе боги воскреснутъ!

Раздался гулъ приближающагося грома. Зарницы вспыхивали все ярче, озаряя громадную, тяжелую тучу, которая медленно ползла. Назойливые звуки лютни по-прежнему дребезжали въ душевой, грозной тишинѣ.

— О мадонна!—воскликнулъ Бельтраффіо, складывая руки съ горестной мольбой. — Какъ же вы не видите, — это дьяволъ искушаетъ васъ, чтобы вовлечь въ погибель? Будь онъ проклятъ, окаянный!

Дѣвушка быстро обернулась, положила ему обѣ руки на плечи и прошептала:

— А тебя онъ развѣ никогда не искушаетъ? Если ты такой праведный, Джіованни,—зачѣмъ ты ушелъ отъ учителя своего фра Бенедетто, зачѣмъ поступилъ въ мастерскую безбожника Леонардо да Винчи? Зачѣмъ ходишь сюда, ко мнѣ? Или ты не знаешь, что я—вѣдьма, а вѣдьмы—злыя, злѣе самого дьявола? Какъ же ты не боишься погубить со мной душу свою?

— Съ нами сила Господня!..—пролепеталъ онъ, вздрогнувъ.

Она молча приблизилась къ нему, вперила въ него глаза свои, желтые и прозрачныя, какъ янтарь. Уже не зарница, а молнія разрѣзала тучу и освѣтила лицо ея, блѣдное, какъ лицо той мраморной богини, которая гѣкогда на Мельничномъ Холмѣ вышла передъ Джіованни изъ тысячелѣтней могилы.

— Она!..—подумалъ онъ съ ужасомъ,—опять она, Бѣлая Дьяволица!

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы вскочить, и не могъ. Чувствовалъ на щекѣ своей горячее дыханіе дѣвушки и прислушивался къ ея шопоту:

— Хочешь, я скажу тебѣ все, все до конца, Джіованни? Хочешь, милый, полетимъ со мною туда, гдѣ Онъ? Тамъ хорошо, тамъ не скучно! И ничего не стыдно, какъ во снѣ, какъ въ раю,—тамъ все позволено! Хочешь туда?

Холодный потъ выступилъ на лбу его. Но съ любопытствомъ, которое преодолѣвало ужасъ, онъ спросилъ:

— Куда?...

И, почти касаясь его щеки губами, она отвѣтила чуть слышно, какъ будто вздохнула, страстно и томно:

— На шабашъ!

Ударъ уже близкаго грома, потрясая небо и землю, загрохоталъ торжественными раскатами, полными грознаго веселья, подобными смѣху невидимыхъ подземныхъ великановъ, и медленно замеръ въ бездыханной тишинѣ.

Ни одинъ листъ не шелохнулся на деревьяхъ. Звуки дребезжащей люти оборвались.

И въ то же мгновение раздался унылый, мѣрный звонъ монастырскаго колокола,—вечерній *Angelus*.

Джіованни перекрестился. Дѣвушка встала и молвила.

— Пора домой. Поздно. Видишь, факелы? Это герцогъ Моро ѣдетъ къ мессэру Галеотто. Я и забыла, что сегодня дядя долженъ показывать опытъ, —превращеніе свинца въ золото.

Послышался топотъ копытъ. Всадники вдоль канала отъ Верчельскихъ воротъ направлялись къ дому алхимика, который, въ ожиданіи герцога, кончалъ въ лабораторіи послѣднія приготовленія для предстоящаго опыта.

III.

Мессэръ Галеотто всю жизнь провелъ въ поискахъ философскаго камня.

Окончивъ медицинскій факультетъ Болонскаго университета, поступилъ онъ ученикомъ-фамулусомъ къ знаменитому въ тѣ времена адепту сокровенныхъ знаній, графу Бернардо Тревизано. Потомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ искалъ превращающаго Меркурія во всевозможныхъ веществахъ,—въ повареной соли и нашатырѣ, въ различныхъ металлахъ, самородномъ висмутѣ и мышьякѣ, въ человѣческой крови, желчи и волосахъ, въ животныхъ и растеніяхъ. Шестъ тысячъ дукатовъ отповскаго наслѣдія вылетѣли въ трубу плавильной печи. Истративъ собственныя деньги, принялся онъ за чужія. Займодавцы посадили его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ и въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ дѣлалъ опыты надъ яйцами, извелъ 20.000 штукъ. Затѣмъ работалъ съ папскимъ протонотаріемъ, маэстро Генрико, надъ купоросами, заблѣлъ отъ ядовитыхъ испареній, пролежалъ четырнадцать мѣсяцевъ,

всѣми покинутый, и едва не умеръ. Терпя нищету, униженія, преслѣдованія, посѣтилъ онъ странствующимъ лаборантомъ Испанію, Францію, Австрію, Голландію, сѣверную Африку, Грецію, Палестину и Персію. У короля венгерскаго подвергли его пыткамъ, надѣясь вывѣдать тайну превращенія. Наконецъ, уже старый, утомленный, но не разочарованный, вернулся онъ въ Италію, по приглашенію герцога Моро, и получилъ званіе придворнаго алхимика.

Середину лабораторіи занимала неуклюжая печь изъ огнеупорной глины съ множествомъ отдѣленій, заслонокъ, плавильниковъ и раздувательныхъ мѣхомъ. Въ одномъ углу, подъ слоемъ пыли, валялись закопѣлые выгарки и окалины, подобные застывшей лавѣ.

Рабочій столъ загромождали сложные приборы—кубы, перегонные шлемы, химическіе пріемники, реторты, воронки, ступы, колбы со стеклянными пузырями и длинными горлами, змѣевидныя трубки, громадные бутылки и крошечныя баночки. Острый запахъ отдѣлялся отъ ядовитыхъ солей, щелочей, кислотъ. Цѣлый таинственный міръ заключенъ былъ въ металахъ,—семь боговъ Олимпа, семь планетъ небесныхъ: въ золотѣ—солнце, луна—въ серебрѣ, въ мѣди—Венера, въ желѣзѣ—Марсъ, въ свинцѣ—Сатурнъ, въ оловѣ—Юпитеръ, и въ живой, блистающей ртuti—вѣчно подвижный Меркурій. Здѣсь были вещества съ именами варварскими, внушавшими страхъ непосвященнымъ: киноварный Мѣсяцъ, волчье Молоко, мѣдный Ахиллесъ, астеритъ, андродама, анагалисъ, рапонтикумъ, аристоклія. Драгоценная капля многолѣтнимъ трудомъ добытой львиной крови, которая испѣляетъ всѣ недуги, даетъ вѣчную молодость,—алѣла, какъ рубинъ.

Алхимикъ сидѣлъ за рабочимъ столомъ. Худощавый, маленькій, сморщенный, какъ старый грибъ, но все еще живой, подвижный, неутомно-бойкій, мессеръ Галеотто, подпирая голову обѣими руками, внимательно смотрѣлъ на колбу, которая съ тихимъ звономъ закипала и бурлила на голубоватомъ жидкомъ пламени спирта. То было «масло Венеры»—*Oleum Venereis*,—цвѣта прозрачно-зеленаго, какъ смарагдъ. Свѣча, горѣвшая рядомъ, кидала сквозь колбу изумрудный отблескъ на пергаментъ открытаго ветхаго фолианта, сочиненіе арабскаго алхимика Джабира Абдаллы.

Услышавъ на лѣстницѣ говоръ и шаги, Галеотто всталъ, оглянувъ лабораторію,—все ли въ порядкѣ, сдѣлалъ знакъ слугѣ, молчаливому фамулусу, чтобы онъ подложилъ углей въ плавильную печь, и пошелъ навстрѣчу гостямъ.

IV.

Общество было веселое, только что послѣ ужина съ мальвазіей. Въ свитѣ герцога былъ главный придворный врачъ Маріани, человѣкъ съ большими свѣдѣніями въ алхіміи, и Леонардо да Винчи.

Дамы вошли,—и тихая келья ученаго наполнилась запахомъ духовъ, шелковымъ шелестомъ платьевъ, легкомысленнымъ женскимъ щебетаніемъ, смѣломъ, словно птичьимъ гомономъ.

Одна изъ нихъ печально задѣла рукавомъ и уронила стеклянную реторту.

— Ничего, синьора, не безпокойтесь,—молвилъ Галеотто съ любезностью,—я подберу осколки, чтобы вы не обрѣзали ножку.

Другая попробовало взять въ руку закопѣлый кусокъ желѣзнаго выгарка, запачкала свѣтлую, надушенную фіалками, перчатку, и ловкій кавалеръ, тихонько пожимая маленькую ручку, старался кружевнымъ платкомъ отчистить пятно.

Бѣлокурая, шаловливая донзелла Діана, замирая отъ веселаго страха, прикоснулась къ чашкѣ, наполненной ртутью, пролила двѣ-три капли на столъ и, когда онѣ покатались блестящими шариками, вскрикнула отъ восхищенія:

— Смотрите, смотрите, синьоры, чудеса: жидкое серебро, — само бѣгаетъ, живое!

И донзелла Діана чуть не прыгала отъ радости, хлопая въ ладоши.

— Правда ли, что мы увидимъ чорта въ алхимическомъ огнѣ, когда свинецъ будетъ превращаться въ золото?—спросила своего любовника, испанскаго рыцаря Марадеса, хорошенькая, плутоватая Филиберта, жена стараго консула солянаго приказа.—Какъ вы полагаете, мессэре, не грѣхъ ли присутствовать при такихъ опытахъ?

Филиберта была очень набожной, и про нее рассказывали, что любовнику позволяетъ она все, кромѣ поцѣлуя въ губы, полагая, что цѣломудріе не совсѣмъ нарушено, пока остаются невинными уста, которыми она клялась предъ алтаремъ въ супружеской вѣрности.

Алхимикъ полошелъ къ Леонардо и шепнулъ ему на ухо:

— Мессэре, вѣрьте, я умѣю цѣнить посѣщеніе такого человѣка, какъ вы...

Онъ крѣпко пожалъ ему руку. Леонардо хотѣлъ возразить, но старикъ перебилъ его, закивавъ головою:

— О, понимаю, все понимаю. Тайна для толпы! Но мы-то, вѣдь, кое-что разумѣемъ?...

Потомъ съ привѣтливой улыбкой обратился къ гостямъ:

— Съ позволенія моего покровителя, свѣтлѣйшаго герцога, такъ же, какъ этихъ дамъ, моихъ прелестныхъ владычицъ, приступаю къ опыту божественной метаморфозы. Вниманія, синьоры!

Для того, чтобы не могло возникнуть никакихъ сомнѣній въ достовѣрности опыта, онъ показалъ тигель, плавильный сосудъ съ толстыми стѣнками изъ огнеупорной глины, попросилъ, чтобы каждый изъ присутствующихъ осмотрѣлъ его, ощупалъ, постучалъ пальцами въ дно и убѣдился, что въ немъ нѣтъ никакого обмана, причѣмъ объяснилъ, что алхимики иногда скрываютъ золото въ плавильныхъ сосудахъ съ

двойнымъ дномъ, изъ которыхъ верхнее отъ сильнаго жара трескается и обнажаетъ золото. Куски олова, угля, раздувальныя мѣха, палки для размѣшиванія застывающихъ окалинъ металла и остальные предметы, въ которыхъ могло или, повидимому, даже вовсе не могло быть спря- тано золото, были также осмотрѣны.

Потомъ нарѣзали олово на малые куски, положили его въ тигель и поставили въ устье печи на пылающіе угли. Молчаливый, косогла- зый фамулусъ, съ такимъ блѣднымъ, мертвеннымъ и угрюмымъ ли- цомъ, что одна дама чуть не упала въ обморокъ, принявъ его въ тем- нотѣ за дьявола, началъ работать громадными раздувальными мѣхами. Угли разгорались подъ шумною струею вѣтра.

Галеотто занималъ гостей разговоромъ. Между прочимъ возбудилъ онъ всеобщую веселость, назвавъ алхимию *casta peregrina*, «цѣломудрен- ною блудницею», которая имѣетъ много поклонниковъ, всѣхъ обманыва- етъ, всѣмъ кажется доступной, но до сихъ поръ еще не бывала ни въ чьихъ объятіяхъ,—*in pullos unquam reperit amplexus*.

Придворный врачъ Марліани, человекъ тучный и неуклюжій, съ обрюзглымъ, умнымъ и важнымъ лицомъ, сердито морщился, внимая болтовнѣ, потиралъ свой лобъ, наконецъ, не выдержалъ и произнесъ:

— Мессэре, не пора ли за дѣло? Олово уже кипитъ.

Галеотто досталъ синюю бумажку и развернулъ ее бережно. Въ ней оказался порошокъ свѣтло-желтаго, лимоннаго цвѣта, жирный, блестящій, какъ стекло, натолченное крупно, пахнувшій жженою мор- скою солью. То была завѣтная тинктура, неоцѣнимое сокровище алхи- миковъ, чудотворный камень мудрецовъ—*lapis philosophorum*.

Остриемъ ножа отдѣлилъ онъ едва замѣтную крупинку не болѣе рѣпнаго сѣмени, завернулъ въ бѣлый пчелиный воскъ, скаталъ шарикъ и бросилъ въ кипящее олово.

— Какую силу полагаете вы въ тинктурѣ?—сказалъ Марліани.

— Одна часть на 2.820 частей превращаемаго металла,—отвѣтилъ Галеотто,—конечно, тинктура еще несовершенна, но я думаю, что въ скоромъ времени достигну силы единицы на миллионъ. Довольно будетъ взять порошокъ вѣсомъ съ просяное зерно, растворить въ бочкѣ воды, зачерпнуть скорлупою гѣснаго орѣха и брызнуть на виноградникъ, чтобы уже въ маѣ появились спѣлыя гроздья! *Mare tingere, si Mercurius esset!* Я превратилъ бы въ золото море, если бы ртути было достаточно!

Марліани пожалъ плечами и отвернулся. Хвастовство мессэра Га- леотто взбѣсило его. Онъ началъ доказывать невозможность превра- щенія доводами схоластики и силлогизмами Аристотеля. Алхимикъ улыбнулся.

— Погодите, *domine magister*,—произнесъ онъ тихо,—сейчасъ я представлю силлогизмъ, который вамъ будетъ не легко опровергнуть.

Онъ бросилъ на угли горсть бѣлаго порошка. Облака дыма напол-

нили лабораторію. Съ шипѣніемъ и трескомъ вспыхнуло пламя, разноцвѣтное, какъ радуга, то голубое, то зеленое, то красное.

Въ толпѣ зрителей произошло смятеніе. Впослѣдствіи мадонна Филлиберта рассказывала, что въ багровомъ пламени видѣла дьявольскую рожу. Алхимикъ длиннымъ чугуннымъ крючкомъ приподнял крышку на тигель, раскаленную до бѣла: олово бурлило, пѣнилось и клокотало. Тигель снова закрыли. Мѣхъ засвистѣлъ, засопѣлъ—и, когда минутъ десять спустя въ олово погрузили тонкій желѣзный пруть, всѣ увидѣли, что на концѣ его повисла желтая капля.

— Готово!—произнесъ алхимикъ.

Глиняный плавильникъ достали изъ печи, дали ему остынуть, разбили и, звеня и сверкая, передъ толпой, онѣмѣвшей отъ изумленія, выпалъ слитокъ золота.

Алхимикъ указалъ на него и, обращаясь къ Марліани, произнесъ торжественно:

— *Solve mihi hunc syllogismum!* Разрѣши мнѣ этотъ силлогизмъ!

— Неслыхано... невѣроятно... противъ всѣхъ законовъ природы и логики!—пролепеталъ Марліани въ смущеніи, разводя руками.

Лицо мессара Галеотто было блѣдно. Глаза горѣли вдохновенно. Онъ возвелъ ихъ къ небу и воскликнулъ:

— *Laudetur Deus in aeternum, qui partem suae infinitae potentiae nobis, suis abjectissimis creaturis communicavit. Amen.*

— Слава Вышнему Богу, который намъ, недостойнѣйшимъ тварямъ, даруетъ часть безконечнаго могущества Своего. Аминь.

При испытаніи золота на смоченномъ селитренною кислотою пробирномъ камнѣ, осталась желтая, блестящая полоска: оно оказалось чище самаго тонкаго венгерскаго и арабскаго.

Всѣ окружили старика, поздравляли, пожимали ему руки.

Герцогъ Моро отвелъ его въ сторону:

— Будешь ли ты мнѣ служить вѣрой и правдой?

— Я хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ одну жизнь, чтобъ посвятить ихъ всѣ на служеніе вашей свѣтлости,—отвѣчалъ алхимикъ.

— Смотри же, Галеотто, чтобы никто изъ другихъ государей...

— Ваше высочество, если кто-нибудь изъ нихъ только пронюхаетъ,— велите повѣсить меня, какъ собаку!

И, помолчавъ, съ подобострастнымъ поклономъ прибавилъ:

— Я попрошу васъ...

— Какъ? Опять?

— О, послѣдній разъ, видитъ Богъ—послѣдній.

— Сколько?

— Пять тысячъ дукатовъ.

Герцогъ подумалъ, выторговалъ одну тысячу и согласился.

Было поздно. Мадонна Беатриче могла обезпоясаться. Собрались уѣзжать. Хозяинъ, провожая гостей, каждому поднесъ на память кусочекъ новаго золота. Леонардо остался.

V.

Когда гости уѣхали, Галеотто подошелъ къ нему и сказалъ:

— Учитель, какъ вамъ понравился опытъ?

— Золото было въ палкахъ,—отвѣчалъ Леонардо спокойно.

— Въ какихъ палкахъ? Что вы хотите сказать, мессэре?

— Въ палкахъ, которыми вы мѣшали олово. Я видѣлъ все.

— Вы сами осматривали ихъ?

— Нѣтъ, не тѣ.

— Какъ, не тѣ? Позвольте!

— Я же говорю вамъ, что видѣлъ все,—повторилъ Леонардо съ улыбкой,—не отпирайтесь, Галеотто. Золото спрятано было внутри выдолбленныхъ палокъ и, когда деревянные концы ихъ обгорѣли, оно выпало въ тигель.

У старика подкосились ноги. На лицѣ его было выраженіе покорное и жалкое, какъ у пойманнаго вора.

Леонардо подошелъ и положилъ ему руку на плечо.

— Не бойтесь,—никто не узнаетъ. Я не скажу.

Галеотто схватилъ его руку и съ усиленіемъ проговорилъ:

— Правда? Не скажете?

— Нѣтъ. Я не желаю вамъ зла. Только зачѣмъ вы?..

— О мессэръ Леонардо,—воскликнулъ Галеотто, и сразу послѣ безмѣрнаго отчаянія такая же безмѣрная надежда вспыхнула въ глазахъ его.—Клянусь вамъ Богомъ, если оно и вышло такъ, какъ будто я обманываю, то вѣдь это на время, на самое короткое время и для блага герцога, для торжества науки,—потому что я вѣдь нашелъ, я въ самомъ дѣлѣ нашелъ камень мудрецовъ! Пока-то еще у меня его нѣтъ, но можно сказать, что онъ уже есть, все равно, что есть, ибо я путь нашелъ, а вы знаете, въ этомъ дѣлѣ главное—путь. Еще три—четыре опыта, и кончено! Что же было дѣлать, учитель? Неужели такой маленькой лжи не стоитъ открытіе величайшей истины?..

— Что это мы съ вами, мессэръ Галеотто, точно въ жмурки играемъ,—молвилъ Леонардо, пожимая плечами.—Вы знаете такъ же хорошо, какъ я, что превращеніе металловъ—взоръ, что камня мудрецовъ нѣтъ и быть не можетъ. Алхимія, некромантія, черная магія также, какъ всѣ прочія науки, не основанныя на точномъ опытѣ и математикѣ—обманъ или безуміе,—раздуваемое вѣтромъ знамя шарлатановъ, за которымъ слѣдуетъ глупая чернь, прославляя своимъ ласемъ ихъ могущество...

Алхимикъ продолжалъ смотрѣть на Леонардо широко-открытыми, ясными и круглыми отъ изумленія глазами. Вдругъ склонилъ онъ голову на бокъ, лукаво прищурилъ одинъ глазъ и засмѣялся:

— А вотъ уже это и нехорошо, учитель, право нехорошо! Развѣ я непосвященный, что ли? Какъ будто мы не знаемъ, что вы—вели-

чайшій изъ алхимиковъ, обладатель сокровеннѣйшихъ тайнъ природы, новый Гермесъ Трисмегистъ и Прометей!

— Я?

— Ну да, вы, конечно.

— Шутникъ вы, мессэръ Галеотто!

— Нѣтъ, это вы шутникъ, мессэръ Леонардо! Ай, ай, ай, какой же вы скрытный и хитрый! Видалъ я на своемъ вѣку алхимиковъ ревнивыхъ къ тайнѣ науки, но такого—еще никогда!

Леонардо внимательно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ разсердиться и не могъ.

— Такъ, значить, вы въ самомъ дѣлѣ,—произнесъ онъ съ невольной улыбкой,—вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите?

— Вѣрю ли — воскликнулъ Галеотто, — да знаетъ ли вы, мессэре, что, если бы самъ Богъ сошелъ ко мнѣ сейчасъ и сказалъ: Галеотто, камня мудрецовъ нѣтъ, — я отвѣтилъ бы ему: Господи, какъ то, что Ты создалъ меня,—истинно, что камень есть, и что я его найду!

Леонардо болѣе не возражалъ, не возмущался и слушалъ съ любопытствомъ.

Когда зашла рѣчь о помощи дьявола въ сокровенныхъ наукахъ, алхимикъ съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ, что дьяволъ есть самое бѣдное созданіе во всей природѣ, что нѣтъ ни единого существа въ мирѣ болѣе слабого, чѣмъ онъ. Старикъ вѣрилъ только во всемогущество человѣческихъ знаній, утверждалъ, что для науки все возможно.

Потомъ вдругъ, безъ всякаго перехода, какъ будто вспомнивъ что-то забавное и милое, спросилъ, часто ли видаютъ Леонардо стихійныхъ духовъ. Когда же собесѣдникъ признался, что онъ еще ни разу ихъ не видѣлъ, Галеотто опять не повѣрилъ и съ удовольствіемъ подробно объяснилъ, что у Саламандры тѣло продолговатое, пальца полтора въ длину, пятнистое, тонкое и жесткое, а у Сильфиды прозрачно-голубое, какъ небо, и воздушное. Рассказалъ о нимфахъ, ундинахъ, живущихъ въ водѣ, подземныхъ гномахъ и пигмеяхъ, растительныхъ дурдалахъ и рѣдкихъ діемеляхъ, обитателяхъ драгоцѣнныхъ камней. •

— Я вамъ и передать не могу,—закючилъ онъ свой рассказъ,—какіе они добрые и прелестные...

— Почему же стихійные духи являются не всѣмъ, а только избраннымъ?—спросилъ Леонардо.

— Какъ можно—всѣмъ?—отвѣтилъ Галеотто.—Они боятся грубыхъ людей,—развратниковъ, ученыхъ, пьяницъ, обжоръ. Любятъ дѣтскую простоту и невинность. Они только тамъ, гдѣ нѣтъ злобы и хитрости. Иначе становятся пугливыми, какъ дикіе лѣсные звѣри, и прячутся отъ взоровъ человѣка въ родную стихію.

Лицо старика озарилось мечтательной, нѣжной улыбкой,

«Какой странный, бѣдный и милый человѣкъ!»—подумалъ Леонардо, уже не чувствуя негодованія на алхимическія бредни, стараясь гово-

рять съ нимъ бережно, какъ съ ребенкомъ; готовый притвориться обладателемъ какихъ угодно тайнъ, только бы не огорчить мессэра Галлеотто.

Они разстались друзьями.

Когда Леонардо уѣхалъ, алхимикъ погрузился въ новый опытъ съ масломъ Венеры.

VI.

Въ то время передъ громаднымъ очагомъ, въ нижней горницѣ, находившейся подъ лабораторіей, сидѣла хозяйка мона Сидонія и Кассандра.

Надъ вязанкой пылающихъ стеблей корицы висѣлъ чугунный котелъ, въ которомъ варилась похлебка съ чеснокомъ и рѣпою на ужинъ. Однообразнымъ движеніемъ сморщенныхъ пальцевъ старуха вытягивала изъ кудели и сучила нить, то подымая, то опуская быстро вращавшееся веретено. Кассандра глядѣла на пряжу и думала: опять все то же, опять сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня; сверчокъ поетъ, скребется мышь, жужжитъ веретено, трещать сухіе стебли корицы, пахнетъ чеснокомъ и вареною рѣпою; опять старуха тѣми же словами попрекаетъ ее, точно пилить тупою пилою: она, мона Сидонія, бѣдная женщина, хотя люди болтають, что кубышка съ деньгами зарыта у нея въ виноградникѣ. Но это вздоръ. Мессэръ Галлеотто разоряетъ ее. Оба, дядя и племянница, сидятъ у нея на шеѣ, прости Господи! Она держитъ и кормитъ ихъ только по добротѣ сердечной. Но мона Кассандра уже не маленькая: надо подумать о будущемъ. Дядя умретъ и оставитъ ее нищею. Отчего бы не выйти ей замужъ за богатаго лошадиного барышника изъ Абiateграссо, который давно уже сватается? Правда, онъ не молодъ,—зато человекъ разсудительный, богобоязненный, не вѣтрогонъ, не шалопай. У него — лабазъ, мельница, оливковый садъ съ новымъ точиломъ. Господь посылаетъ ей счастья. Зачѣмъ же дѣло стало? Какого ей рожна?

Мона Кассандра слушала, и тяжелая скука подкатывалась комомъ къ ея горлу, душила, сжимала виски, такъ что хотѣлось плакать, кричать отъ скуки, какъ отъ боли.

Старуха вынула изъ котелка дымящуюся рѣпу, проколола острой деревянной палочкой, очистила ножомъ, облила густымъ, алымъ винограднымъ морсомъ и начала ѣсть, чавкая беззубымъ ртомъ.

Молодая дѣвушка обычнымъ движеніемъ, съ видомъ покорнаго отчаянія, потянулась и заломила надъ головой свои тонкіе, блѣдные пальцы.

Когда, послѣ ужина, сонная пряжа, какъ унылая парка, закивала головой, и глаза ея начали слипаться, скрипучій голосъ сдѣлался гнѣвнымъ, болтовня о лошадиномъ барышникѣ несвязной, — Кассандра вынула украдкой изъ-подъ одежды подарокъ отца, мессэра Лунджи,

талисмана, висѣвшій на тонкомъ шнуркѣ, драгоценный камень, согрѣтый ея тѣломъ,—подняла его передъ глазами такъ, чтобы пламя очага просвѣчивало, и стала смотрѣть на изображеніе Вакха: въ темно-лиловомъ сіяніи аметиста выступалъ передъ нею, какъ видѣніе, обнаженный юноша Вакхъ съ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградною кистью въ другой; скачущій барсъ хотѣлъ лизнуть эту кисть языкомъ. И любовью къ прекрасному богу полно было сердце Кассандры.

Она тяжело вздохнула, спрятала талисманъ и молвила робко:

— Мона Сидонія, сегодня ночью въ Барко ди Феррара и въ Беневентѣ собираются... Тетушка!.. Добрая, милая!.. Мы и плясать не будемъ... Только взглянемъ и сейчасъ—назадъ. Я сдѣлаю все, что хотите, я подарокъ у барышника выманю,—только полетимъ, полетимъ сегодня,—сейчасъ!..

Въ глазахъ ея сверкнуло безумное желаніе. Старуха посмотрѣла на нее, и вдругъ синеватая, морщинистая губы ея широко осклабились, открывая единственный, клыкообразный, желтый зубъ. Лицо сдѣлалось страшнымъ и веселымъ.

— Хочется?—молвила она,—очень, а? Во вкусъ вошла? Вишь, бѣдовая дѣвка! Каждую бы ночь летала, не удержишь! Помни же, Кассандра: грѣхъ на твоей душѣ. У меня сегодня и въ мысляхъ не было. Я только для тебя, по добротѣ сердечной..

Не торопясь, обошла старуха горницу, закрыла наглухо ставни, заткнула щели тряпичами, заперла двери на ключъ, залила водою золу въ очагъ, засвѣтила огарокъ чернаго волшебнаго сала и вынула изъ желѣзнаго рундучка глиняный горшокъ съ остро-пахучею мазью. Она притворялась меддительной и благоразумной. Но руки у нея дрожали, какъ у пьяной, маленькіе глазки то становились мутными и шалыми, то вспыхивали, какъ уголья, отъ возжелѣнія. Кассандра вытащила на середину горницы два большихъ корыта, употребляемыхъ для закваски хлѣбнаго тѣста.

Окончивъ приготовленія, мона Сидонія раздѣлась до нага, поставила горшокъ между корытами, сѣла въ одно изъ нихъ, верхомъ на помело и стала натирать себя по всему тѣлу жирною, зеленоватою мазью изъ горшка. Пронзительный запахъ наполнилъ горницу. Это снадобье для полета вѣдьмъ приготовлялось изъ ядовитаго латука, болотнаго сельдерея, болиголова, паслѣна, корней мандрагоры, снотворнаго мака, бѣлены, замѣивной крови и жира некрещеныхъ, колдуньями замученныхъ, дѣтей.

Кассандра отвернулась, чтобы не видѣть уродства голаго тѣла старухи. Въ послѣднее мгновеніе, когда уже было близко и неминуемо то, чего ей такъ хотѣлось, изъ глубины ея сердца подымалось омерзѣніе.

— Ну, ну, чего копаешься?—проворчала старая вѣдьма, сидя на корточкахъ въ корытѣ.—сама же торопила, а теперь кочевряжешься. Я одна не полечу. Раздѣвайся!

— Сейчасъ. Потушите огонь, мона Сидонія. Я не могу при свѣтѣ...

— Вишь ты, скромница! А на Горѣ-то небось не стыдишься?..

Она задула огарокъ, сотворивъ въ угоду дьяволу, принятое вѣдьмами, кощунственное крестное знаменіе лѣвою рукою. Молодая дѣвушка раздѣлась, только нижней сорочки не сняла. Потому стала на когѣни въ корыто и начала поспѣшно натираться мазью.

Въ темнотѣ слышалось бормотаніе старухи, — безсмысленныя, отрывочныя слова заклинаній:

— Emen Netan, Emen Netan. Палудъ, Баальберитъ, Астаротъ — помогите! Агога, агога, Patrisa—помогите!

Жадно вдыхала Кассандра крѣпкій запахъ волшебнаго зелья. Кожа на тѣлѣ горѣла. Голова кружилась. Сладостный холодъ пробѣгалъ по спинѣ. Красные и зеленые круги, сливаясь, поплыли передъ глазами, и какъ будто издалека вдругъ донесся пронзительный, торжествующій крикъ мона Сидоніи:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая!

VII.

Изъ трубы очага вылетѣла Кассандра, сидя верхомъ на черномъ козлѣ съ мягкой шерстью, пріятною для голыхъ ногъ. Восторгъ наполнялъ ея душу, и, задыхаясь, она кричала, визжала, какъ ласточка, утопающая въ небѣ:

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Летимъ! Летимъ!

Нагая, простоволосая, безобразная тетка Сидонія мчалась рядомъ, верхомъ на помелѣ.

Онѣ летѣли такъ быстро, что разсѣкаемый воздухъ свистѣлъ въ ухахъ, какъ ураганъ.

— Къ сѣверу! Къ сѣверу! — кричала старуха, направляя свое помело, какъ послушнаго коня.

Кассандра упивалась полетомъ.

«А механикъ-то нашъ, бѣдный Леонардо да Винчи со своими летательными машинами!» — вспомнила она вдругъ, — и ей сдѣлалось еще веселѣе.

То подымалась она въ высоту: черныя тучи громоздились подъ нею, и въ нихъ трепетали голубыя молніи. Вверху было ясное небо съ полнымъ мѣсяцемъ, громаднымъ, ослѣпительнымъ, круглымъ, какъ мельничный жерновъ, и такимъ близкимъ, что, казалось, можно было рукою прикоснуться къ нему.

То снова внизъ направляла она козла, ухвативъ его за крутые рога, и летѣла стремглавъ, какъ сорвавшійся камень, въ бездну.

— Куда? Куда? Шею сломаешь! Взбѣсилась ты, чортова дѣвка? — вопила тетка Сидонія, едва поспѣвая за ней.

И онѣ уже мчались такъ близко къ землѣ, что сонныя травы въ

болотѣ шуршали, блуждающіе огни освѣщали имъ путь, голубыя гнилушки мерцали, филинъ, выпь, козодой жалобно перекликались въ дремучемъ лѣсу.

Онѣ перелетѣли черезъ вершины Альпъ, сверкавшія на лунѣ прозрачными глыбами льда и опустились къ поверхности моря. Кассандра, зачерпнувъ воду рукою, подбрасывала ее вверхъ, любуясь сапфирными брызгами.

Съ каждымъ мигомъ полетъ становился быстрѣе. Попадались все чаще попутчики: сѣдой, косматый колдунъ въ громадномъ ушатѣ, веселый каноникъ, толстобрюхій, румянорожій, какъ Силенъ,—на кочергѣ, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ десяти, съ невиннымъ лицомъ, съ голубыми глазами,— на вѣникѣ, молодая, голая, рыжая вѣдьма-людоедка — на громадномъ хрюкающемъ боровѣ, и множество другихъ.

— Откуда, сестрицы?—крикнула тетка Сидонія.

— Изъ Эллады, съ острова Кандіи!

Другіе голоса отвѣчали:

— Изъ Валенціи. Съ Брокена. Изъ Салагуцци подъ Мирандолой. Изъ Беневента. Изъ Норчіи.

— Куда?

— Въ Битернѣ! Въ Битернѣ! Тамъ празднуетъ свадьбу великій Козель—el Boch de Biterne. Летите, летите! Собирайтесь на вечерю!

Теперь уже цѣлою стаей, какъ вѣроны, неслись онѣ надъ печальной равниной.

Въ туманѣ луна казалась багровою. Вдали затеплился крестъ одинокаго сельскаго храма. Рыжая, та, что скакала верхомъ на свиньѣ, съ визгомъ подлетѣла къ церкви, сорвала большой колоколъ, швырнула его со всего размаха въ болото и, когда онъ шлепнулся въ лужу съ жалобнымъ звономъ,—захохотала, точно залаяла. Бѣлокурая дѣвочка на вѣникѣ захопала въ ладоши съ шаловливою радостью.

VIII.

Луна спряталась за тучи. При свѣтѣ крученыхъ изъ воска зеленыхъ факеловъ, съ пламенемъ яркимъ и синимъ, какъ молнія, на бѣлоснѣжномъ, мѣловомъ плоскогоріи ползали, бѣгали, переплетались и расходились громадные, черныя, какъ уголь, тѣни пляшущихъ вѣдьмъ.

— Гарръ! Гарръ! Шабашъ, шабашъ! Справа налѣво, справа налѣво!

Вокругъ Ночного Козла—Nugus Nocturnus, возсѣдавшаго на скалѣ, тысячи за тысячами, онѣ проносились, какъ черныя, гнилыя листья осени, безъ конца, безъ начала.

— Гарръ! Гарръ! Славьте Ночного Козла! El Boch de Biterne! El Boch de Biterne! Кончились всѣ наши бѣдствія! Радуйтесь!

Тонко и силно пищали волынки изъ выдолбленныхъ мертвыхъ костей; и барабанъ, натянутый кожею висѣльниковъ, ударяемый волчьимъ

хвостомъ, мѣрно и глухо гудѣлъ, рокоталъ: «тупъ, тупъ, тупъ». Въ гигантскихъ котлахъ закипала ужасная сѣдъ, несказанно-лакомая, хотя и не соленая, ибо здѣшній Хозяинъ ненавидѣлъ соль.

Въ укромныхъ мѣстечкахъ заводились любовныя шашни—дочерей съ отцами, братьевъ съ сестрами, чернаго kota-оборотня, жеманнаго, зеленоглазаго, съ маленькой, тонкой и блѣдной, какъ лилія, покорною дѣвочкой,—безликаго, сѣраго, какъ паукъ, шаршаваго инкуба съ безстыдно скалившей зубы монахиней. Всюду копошились мерзостныя пары.

Бѣлотѣлая, жирная вѣдьма-исполиаша съ глупымъ и добрымъ лицомъ, съ материнской улыбкой кормила двухъ новорожденныхъ бѣсенятъ: прожорливые сосунки жадно припали къ ея могучей груди и, громко чмокая, глотали молоко.

Трехлѣтнія дѣти, еще не принимавшія участія въ шабашѣ, скромно пасли на окраинѣ поля стадо бугорчатыхъ жабъ съ колокольчиками, одѣтыхъ въ пышныя попонки изъ кардинальскаго пурпура, откормленныхъ святыми гостіями.

— Пойдемъ, пойдемъ плясать! — нетерпѣливо тащила Кассандру тетка Сидонія.

— Лошадиный барышникъ увидитъ! — молвила дѣвушка смѣясь.

— Песъ его заѣшь, лошадинаго барышника!—отвѣчала старуха.

И обѣ пустились въ пляску, которая закружила, повнесла ихъ, какъ буря, — съ гуломъ, воемъ, визгомъ, ревомъ и хохотомъ:

— Гарръ! Гарръ! Справа нагѣво! Справа нагѣво!

Чьи-то длинныя, мокрыя, словно моржевыя усы, сзади кололи шею Кассандрѣ; чей-то тонкій, твердый хвостъ щекоталъ ее спереди; кто-то ущипнулъ больно и безстыдно; кто-то укусилъ, прошепталъ ей на ухо чудовищную ласку. Но она не противилась: чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣе,—тѣмъ упительнѣе.

Вдругъ всѣ мгновенно остановились, какъ вкопанные, окаменѣли и замерли.

Отъ чернаго престола, гдѣ возсѣдалъ Невѣдомый, окруженный ужасомъ, послышался глухой и хриплый голосъ, подобный гулу земле-трясенія:

— Примите дары мои,—кроткіе—силу мою, смиренныя—гордость мою, нище духомъ—знаніе мое, скорбныя сердцемъ—радость мою,— примите!

Благослѣпный, сѣдобородый старикъ, одинъ изъ верховныхъ членовъ святѣйшей инквизиціи, патріархъ колдуновъ, служившій черную мессу, торжественно провозгласилъ:

— Sanctificetur nomen tuum per universum mundum,—et libera nos ab omni malo.—Поклонитесь, поклонитесь, вѣрныя!

Всѣ пали ницъ. и, подражая церковному пѣнію, грянулъ кощунственный хоръ:

— Credo in Deum patrem Luciferum, qui creavit coelum et terram. Et in filium ejus Belzebub.

Когда послѣдніе звуки умолкли, и опять наступила тишина, раздался тотъ же голосъ, подобный гулу землетрясенія:

— Приведите невѣсту мою неневѣстную, голубицу мою непорочную! Первосвященникъ спросилъ:

— Какъ имя невѣсты, голубицы моей непорочной?

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра!—прогудѣло въ отвѣтъ.

Услышавъ имя свое, вѣдьма почувствовала, какъ въ жилахъ ея леденѣетъ кровь, волосы встаютъ дыбомъ на головѣ.

— Мадонна Кассандра! Мадонна Кассандра!—проносилося надъ толпой,—гдѣ она? Гдѣ владычица наша? Ave, archisponsa Cassandra!

Она закрыла лицо руками, хотѣла бѣжать,—но въ это же мгновеніе костяные пальцы, когти, щупальцы, хоботы, шершавыя паучьи лапы протянулись, охватили ее, сорвали рубашку, и голую, дрожащую повлекли къ престолу.

Козлинымъ смрадомъ, холодомъ смерти пахнуло ей въ лицо. Она потупила глаза, чтобы не видѣть.

Тогда сидѣвшій на престолѣ молвилъ:

— Приди!

Она еще ниже опустила голову и увидѣла у самыхъ ногъ своихъ огненный крестъ, сіяющій во мракѣ.

Она сдѣлала послѣднее усиліе, побѣдила омерзѣніе, сдѣлала шагъ и подняла глаза свои на того, кто всталъ передъ нею.

И чудо совершилось.

Козлиная шкура упала съ него, какъ чешуя съ линяющаго ягѣя, и древній олимпійскій богъ Діонисъ предсталъ передъ моной Кассандрой, съ улыбкой вѣчнаго веселья на губахъ, съ поднятымъ тирсомъ въ одной рукѣ, съ виноградною кистью въ другой; пантера прыгала, стараясь лизнуть эту кисть языкомъ.

И въ то же мгновеніе дьявольскій шабашъ превратился въ божественную оргію Вакха: старыя вѣдьмы—въ юныхъ менадъ, чудовищныя демоны—въ козлоногихъ сатировъ; и тамъ, гдѣ были мертвыя глыбы мѣловыхъ утесовъ,—вознеслись колонады изъ бѣлаго мрамора, освѣщеннаго солнцемъ, между ними вдали засверкало лазурное море, и Кассандра увидѣла въ облакахъ весь лучезарный сонмъ боговъ Эллады.

Сатиры, вакханки, ударяя въ тимпаны, поражая себя ножами въ сосцы, выжимая сокъ винограда въ золотые кратеры и смѣшивая его съ собственной кровью, плясали, кружились и пѣли:

— Слава, слава Діонису! Воскресли великіе боги! Слава великимъ богамъ!

Обнаженный юноша Вакхъ открылъ объятія Кассандрѣ, и голосъ его подобенъ былъ грому, потрясшему небо и землю.

— Приди, приди, невѣста моя, голубица моя непорочная!

Кассандра упала въ объятія бога.

IX.

Послышался утренній крикъ пѣтуха. Запахло туманомъ и ѣдкою, дымною сыростью. Откуда-то изъ безконечной дали донесся торжественный благовѣстъ колокола. Отъ этого звука на горѣ произошло великое смятеніе: вакханки опять превратились въ чудовищныхъ вѣдьмъ, козлоногіе фавны въ уродливыхъ дьяволовъ и богъ Діонисъ—въ Ночного Козла, въ смраднаго *Hircus Nocturnus*.

— Домой, домой! Бѣгите, спасайтесь!

— Кочергу мою украли!—съ отчаяніемъ вопилъ толстобрюхій каноникъ-Силенъ и метался, какъ угорѣлый.

/ — Боровъ, боровъ, ко мнѣ!—кликала рыжая, голая, пожимаясь отъ утренней сырости, кашляя.

Заходящій мѣсяцъ выплылъ изъ-за тучъ, и въ его багровомъ отблескѣ, являясь рой за роємъ, перетрусившія вѣдьмы, какъ черныя мухи, разлетались съ Мѣловой Горы.

— Гарръ! Гарръ! Снизу вверхъ, не задѣвая! Спасайтесь, бѣгите!

Ночной Козелъ жалобно и провалился сквозь землю, распространяя зловоніе удушливой сѣры.

Церковный благовѣстъ гудѣлъ все торжественнѣе.

X.

Кассандра очнулась на полу темной горницы въ домикѣ у Верчельскихъ воротъ.

Ее тошнило, какъ съ похмѣлья. Голова была точно налита свинцомъ. Тѣло разбито усталостью.

Колоколъ сосѣдней обители св. Редегонды звенѣлъ уныло и однообразно. Сквозь этотъ звонъ раздавался упорный, должно быть уже давній стукъ въ наружную дверь. Кассандра прислушалась и узнала голосъ жениха своего, лошадинаго барышника изъ Абiateграссо.

— Отоприте! Отоприте! Мона Сидонія! Мона Кассандра! Оглохла всѣ вы, что ли? Какъ собака, промокъ. Не возвращаться же назадъ по этой чертовской слякоти!

Дѣвушка встала съ усиліемъ, подошла къ окну, наглухо закрытому ставнями, вынула паклю, которую тетка Сидонія тщательно заткнула щели. Свѣтъ печальнаго дня упалъ синеватой полоской, озаря голую, старую вѣдьму, спавшую мертвымъ сномъ на полу рядомъ съ опрокинутой квашнею. Кассандра заглянула въ щель.

Утро было ненастное. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Передъ дверями дома за мутною сѣткой дождя видѣлся влюбленный барышникъ. Рядомъ стоялъ, низко понуривъ голову, вислоухій, крошечный осликъ, запряженный въ повозку. Изъ нея выставилъ морду теленокъ со связанными ногами, порой издавая мычаніе.

Барышникъ, не унимаясь, стучалъ все громче.

Кассандра ждала, чѣмъ это кончится.

Наконецъ, ставня наверху, въ одномъ изъ оконъ лабораторіи стукнула. Выглянулъ старый алхимикъ, не выспавшійся, съ взъероженными волосами, съ угрюмымъ и злымъ лицомъ, какое бывало у него въ тѣ мгновенія, когда, пробуждаясь отъ грезъ, онъ начиналъ сознавать, что свинецъ не можетъ превратиться въ золото.

— Кто тутъ буянитъ?—молвилъ онъ, высовываясь изъ окна,—чего тебѣ нужно? Рехнулся ты, что ли, старый хрычъ? Да пошлетъ тебѣ Господь безвременія. Развѣ не видишь—всѣ въ домѣ спятъ. Убирайся!

— Мессэръ Галеотто! Помилуйте, за что же вы ругаетесь? Я по важному дѣлу,—насчетъ племянницы вашей. Вотъ и теленочка молочнаго въ подарочекъ...

— Къ чорту!—закричалъ Галеотто съ яростью,—убирайся негодай, со своимъ теленкомъ къ черту подъ хвостъ!

И ставня захлопнулась. Озадаченный барышникъ на минуту притихъ. Но тотчасъ, опомнившись, съ удвоенной силой принялся стучать кулаками, какъ будто хотѣлъ выломать дверь.

Осликъ еще ниже понурилъ голову. Дождевыя струйки медленно стекали по его безнадежно-висѣвшимъ, мокрымъ ушамъ.

— Господи, какая скука!—прошептала мона Кассандра и закрыла глаза.

Ей припомнилось веселіе безумнаго шабаша, превращеніе Ночного Козла въ Діониса, воскресеніе великихъ боговъ, и она подумала:

— Во снѣ это было или наяву? Должно быть, во снѣ. А вотъ то, что теперь,—наяву. Послѣ воскресенія—понедѣльникъ!

— Отоприте! Отоприте!—вопилъ барышникъ уже осипшимъ, отчаяннымъ голосомъ.

Тяжелыя капли изъ водосточной трубы однозвучно шлепались въ грязную лужу. Теленокъ жалобно мычалъ. Монастырскій колоколъ звенѣлъ уныло и торжественно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Да будетъ воля Твоя.

1494.

O mirabile giustizia di te, Primo Motore, tu non hai voluto mancare a nessuna potenza l'ordine e qualità de'sua necessarii effetti.—O stupenda necessità!

Leonardo da Vinci.

О дивная справедливость твоя, Первый Двигатель, ты не пожелаешь лишить никакую силу порядка и качества необходимыхъ дѣйствій.—О божественная Необходимость!

Изъ Механики Леонардо да Винчи.

Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ. *Молитва Господня.*

I.

Миланскій гражданинъ, башмачникъ Корболо, вернувшись ночью домой навеселѣ, получилъ отъ жены, по собственному выраженію, больше ударовъ, чѣмъ нужно для того, чтобы гнѣивый оселъ дошелъ отъ Милана до Рима. По утру, когда отправилась она къ сосѣдкѣ своей, лоскутницѣ, отвѣдать «мильятчи» — студня изъ свиной крови, Корболо ощущалъ въ кошнѣ нѣсколько утаенныхъ отъ супруги монетъ, оставилъ лавченку на попеченіе подмастерія и пошелъ опохмѣлиться.

Засунувъ руки въ карманы истертыхъ штановъ, выступалъ онъ гнѣивой походкой по извилистому темному переулку, такому тѣсному, что всадникъ, встрѣтившись съ пѣшимъ, долженъ былъ задѣть его носкомъ или шпорой. Пахло чадомъ оливковаго масла, тухлыми яйцами, кислымъ виномъ и плѣсенью погребовъ.

Насвистывая пѣсенку, поглядывая вверхъ на узкую полосу темно-синяго неба между высокими домами, на пронизавшія утреннимъ солнцемъ пестрыя лохмотья и тряпки, развѣшанныя хозяйками на веревкахъ черезъ улицу, Корболо утѣшалъ себя мудрою пословицей, которой, впрочемъ, самъ никогда не приводилъ въ исполненіе:

«Mala femina, buona femina vuol bastone. Всякая женщина злая и добрая въ палкѣ нуждается».

Для сокращенія пути прошелъ онъ черезъ соборъ.

Здѣсь была вѣчная суета, какъ на рынкѣ. Изъ одной двери въ другую, несмотря на ценю въ пять сольдовъ, назначенную строителями,—проходило множество людей съ брентами вина, корзинами, плетенками, ящиками, лотками, досками, бревнами, узлами, даже съ мулами и лошадыми.

Патеры служили молебны гнусливыми голосами. Слышался шопотъ въ исповѣдальняхъ, горѣли лампы на алтаряхъ, а рядомъ уличные мальчишки играли въ чехарду, собаки обнюхивались, толкались ободранные нищіе.

Корболо остановился на минуту въ толпѣ ротозѣевъ, съ лукавымъ и добродушнымъ удовольствіемъ прислушиваясь къ перебранкѣ двухъ монаховъ.

Вратъ Чиполо, босоногій францисканецъ, низенькій, рыжій, съ веселымъ лицомъ, круглымъ и маслянымъ, какъ пышка, доказывагь своему противнику доминиканцу брату Тимотео, что Францискъ, будучи подобенъ Христу въ сорока отношеніяхъ, занялъ мѣсто, оставшееся на небѣ свободнымъ послѣ паденія Люцифера, и что сама Божья Матерь не могла бы отличить его стигматовъ отъ крестныхъ ранъ Иисуса.

Угрюмый, высокій и блѣднолицый братъ Тимотео противопоставлягь язвамъ серафимскаго угодника язвы Св. Катерины, у которой на лбу былъ кровавый слѣдъ терноваго вѣнца, чего у Св. Франциска не было.

Корболо долженъ былъ прищурить глаза отъ солнца, выйдя изъ тѣни собора на площадь Аренго, самое бойкое мѣсто въ Миланѣ, загроможденное лавками мелкихъ торговцевъ, рыбниковъ, лоскутниковъ и зеленщицъ, такимъ множествомъ ящиковъ, навѣсовъ и лотковъ, что между ними едва оставался узкій проходъ. Съ незапамятныхъ временъ угнѣздились они на этой площади передъ соборомъ, и никакіе законы и пени не могли прогнать ихъ отсюда.

«Салатъ изъ Валтелины, лимоны, померанцы, артишоки, спаржа, спаржа хорошая!»—зывали покупателей зеленщицы. Лоскутницы торговались и кудахтали, какъ насѣдки.

Маленькій упрямый осликъ, исчезавшій подъ горою желтаго и сянго винограда, апельсиновъ, баклажановъ, свеклы, цвѣтной капусты, фенюки и лука, ревѣлъ раздражающимъ голосомъ: іо, іо, іо! Сзади погонщикъ звонко хлопалъ его дубиною по облѣзлымъ бокамъ и понукалъ отрывистымъ гортаннымъ крикомъ: аггі! аггі!

Вереница слѣпыхъ съ посохами и поводыремъ пѣла жалобную *Intemerata*.

Уличный шарлатанъ-зубодеръ, съ ожерельемъ зубовъ на выдровой шапкѣ, съ быстрыми и ловкими движеніями фокусника, стоя позади человѣка, сидѣвшаго на землѣ, и сжимая ему голову колѣнами, выдергивалъ зубъ громадными щипцами.

Мальчишки показывали жиду свиное ухо и пускали траттолу-волчокъ подъ ноги прохожихъ Самый отчаянный изъ шалуновъ—черномазый, курносый Фарфаниккіо, принесъ мышеловку, выпустилъ мышь, и началъ охотиться за нею съ метлою въ рукахъ, съ пронзительнымъ гикомъ и свистомъ: «*essola, essola!* Вотъ она, вотъ она!» Убѣгая отъ

погони, мышь бросилась подъ широчайшія юбки мирно вязавшей чулокъ толстогрудой, деблоей зеленьщицы Барбаччи. Она вскочила, завизжала, какъ ошпаренная, и при общемъ хохотѣ подняла платье, стараясь вытряхнуть мышь.

— Погоди, возьму я булыжникъ, разобью тебѣ обезьянью башку, негодяй!—кричала она въ бѣшенствѣ.

Фарфаниккіо издали показывалъ ей языкъ и прыгалъ отъ восторга.

На шумъ обернулся носильщикъ съ громадною свиною тушей на головѣ. Лопадь доктора мессэра Габбадео испугалась, нарахнулась, понесла, задѣла и уронила цѣлую груду кухонной посуды въ лавченкѣ торговца старымъ желѣзомъ. Уполовники, сковороды, кастрюли, терки, котлы посыпались съ оглушительнымъ грохотомъ и дребезжаніемъ. Перетрусившій мессэръ Габбадео скакалъ, отпустивъ поводья и вопилъ: «Стой, стой, чертова перечница!»

Собаки лаяли. Любопытныя лица высовывались изъ оконъ.

Хохотъ, визги, ругань, свистъ, чѣловѣческій крикъ и ослиный ревъ стояли надъ площадью.

Любуясь на это веселое зрѣлище, башмачникъ думалъ съ кроткой улыбкой:

«А славно было бы жить на свѣтѣ, если бы не жены, которыя ѣдятъ мужей своихъ, какъ ржавчина ѣстъ желѣзо!»

Заслонивъ глаза отъ солнца ладонью, взглянулъ онъ вверхъ на громадное, неоконченное строеніе, окруженное плотничьими лѣсами. То былъ соборъ, воздвигаемый народомъ во славу Рождества Богородицы—*Mariae Nascenti*.

Малые и великіе принимали участіе въ созиданіи храма. Королева Кипрская прислала драгоценныя воздухи, тканые золотомъ. Бѣдная старушка-лоскутница Катерина положила на главный алтарь, какъ приношеніе Дѣвѣ Маріи, не думая о холодѣ предстоящей зимы, ветхую, единственную шубенку свою, цѣною въ двадцать сольдовъ.

Корболо, съ дѣтства привыкшій слѣдить за постройкой, замѣтилъ въ это утро новую башню и обрадовался ей.

Каменьщики стучали молотками. Съ выгрузной пристани въ Лагэтто у Санъ-Стефано неподалеку отъ Оспедале Маджіоре, гдѣ причаливали барки, подвозились огромныя, искрящіяся глыбы бѣлаго мрамора изъ Лагомаджіорскихъ каменоломенъ. Лебедки скрипѣли и скрежетали цѣпами. Желѣзныя пилы визжали, распиливая мраморъ. Рабочіе ползали по лѣсамъ, какъ муравьи.

И великое зданіе расло, выросло безчисленнымъ множествомъ сталактитоподобныхъ стрѣльчатыхъ иглъ, колоколенъ и башенъ изъ чистаго бѣлаго мрамора въ голубымъ небесахъ, — вѣчная хвала народа Дѣвѣ Маріи Рождающейся.

II.

Корболо спустился по крутымъ ступенямъ въ прохладный, сводчатый, установленный винными бочками, погребъ нѣмца - харчевника Тибальдо.

Вѣжливо поздоровался башмачникъ съ гостями, подсѣлъ къ знакомому лудильщику Скарабулло, спросилъ себѣ кружку вина и горячихъ миланскихъ пирожковъ съ тминомъ—оффэлэттъ, не спѣша отхлебнулъ, закурилъ и сказалъ:

— Если хочешь быть умнымъ, Скарабулло, никогда не женись!

— Почему?

— Видишь ли, другъ,—продолжалъ башмачникъ глубокомысленно,—жониться,—все равно, что залукасть руку въ мѣшокъ со змѣями, чтобы вынуть угря. Лучше имѣть подагру, чѣмъ жену, Скарабулло!

За столикомъ рядомъ, красной и балагуръ, златошвей Маскарелло рассказывалъ голоднымъ оборванцамъ чудеса о невѣдомой землѣ Беринцовѣ, блаженномъ краѣ, именуемомъ Живи-Лакомо, гдѣ виноградныя лозы подвязываются сосисками, гусь идетъ за грошъ да еще съ гусокомъ въ придачу. Есть тамъ гора изъ тертаго сыру, на которой живутъ люди и ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ только готовятъ макароны и клецки, варятъ ихъ въ отварѣ изъ каплуновъ и бросаютъ внизъ. Кто больше поймаетъ,—у того больше и бываетъ. А по близости течетъ потокъ изъ верначіо,—лучшаго вина никто не пивалъ, и нѣтъ въ немъ ни капли воды.

Въ погребъ вбѣжалъ маленькій человекъ, золотушный, съ глазами подслѣповатыми, какъ у щенка, не совсѣмъ прозрѣвшаго, — Горгольо, индуральщикъ стекла, большой сплетникъ и любитель новостей.

— Синьоры,—приподымая запыленную, дырявую шляпу и вытирая потъ съ лица, объявилъ онъ торжественно,—синьоры, я только что отъ французовъ!

— Что ты говоришь, Горгольо? Развѣ они уже здѣсь?

— Какъ же,—въ Павіи... Фу, дайте духъ перевести. Запыхался. Бѣжалъ сюда, сломя голову. Что—думаю—если кто-нибудь раньше меня поспѣетъ.

— Вотъ тебѣ кружка, пей и рассказывай, что за народъ французы.

— Бѣдовый, братцы, народъ,—не клади имъ пальца въ ротъ. Люди—буйственные, дикіе, иноплеменные, богопротивные, звѣроподобные—одно слово—варвары! Пищали и аркебузы восьмизюктовые, ужевицы мѣдныя, бомбарды чугуныя съ ядрами каменными, кони—какъ чудища морскія, лютые, съ ушами, съ хвостами обрѣзанными.

— А много ли ихъ?—спросилъ Мазо.

— Тьмы темъ! Какъ саранча, всю равнину кругомъ обложили,—конца краю не видать. Послалъ намъ Господь за грѣхи черную немочь, сѣверныхъ дьяволовъ!

— Что же ты бранишь ихъ, Горгольо — замѣтилъ Маскарелло, — вѣдь, они намъ друзья и союзники...

— Союзники! Держи карманъ! Этакій другъ хуже врага, — купитъ рога, а съѣстъ быка...

— Ну, ну, не растабаривай, говори толкомъ: чѣмъ французы намъ враги? — допрашивалъ Мазо.

— А тѣмъ и враги, что нивы наши топчуть, деревья рубятъ, скотину уводятъ, поселянъ грабятъ, женщинъ насилуютъ. Король-то французскій плуговой — въ чемъ душа держится, — а на женщинъ лихъ. Есть у него книга съ портретами голыхъ итальянскихъ красавицъ. Ежели, — говорятъ они, — Богъ намъ поможетъ, — отъ Милана до Неаполя ни одной невинной дѣвушки не оставимъ...

— Негодяи! — воскликнулъ Скарабулло, со всего размаха ударяя кулакомъ по столу такъ, что бутылки и стаканы зазвенѣли.

— Нашъ-то Моро, — продолжалъ Горгольо, — на заднихъ лапкахъ подъ французскую дудку пляшетъ. Они насъ и за людей не считаютъ. «Всѣ вы — говорятъ — воры и убійцы. Собственного законнаго герцога ядомъ извели, отрока невиннаго уморили. Богъ васъ за это наказываетъ и землю вашу намъ передаетъ». Мы-то ихъ, братцы, отъ добраго сердца подчуемъ, а они угощеніе наше лошадямъ отвѣдать дадутъ: нѣтъ ли, молъ, въ пищѣ того яда, которымъ герцога отравили.

— Врешь, Горгольо!

— Лопни глаза мои, отсохни языкъ! И послушайте-ка, мессэры, какъ они еще похваляются: завоюемъ, говорятъ, сначала всѣ народы Итали, всѣ моря и земли покоримъ, великаго турку положимъ, Константинополь возьмемъ, на Масличной Горѣ въ Иерусалимѣ крестъ водрузимъ, а потомъ опять къ вамъ вернемся. И тогда судъ Божій совершимъ надъ вами. И если вы намъ не покоритесь, самое имя ваше сотремъ съ лица земли.

— Плохо, братцы, — молвилъ златошвей Маскарелло, — ой, плохо! Такого еще никогда не бывало.

Всѣ притихли.

Братъ Тимотео, тотъ самый монахъ, что спорилъ въ соборѣ съ братомъ Чипполо, воскликнулъ торжественно, воздѣвая руки къ небу:

— Слово великаго пророка Божьяго, Джироламо Савонаролы: се грядетъ мужъ, который завоюетъ Италию, не вынимая меча изъ ноженъ. О Флоренція, о Римъ, о Миланъ, — время иѣсенъ и праздниковъ миновало! Покайтесь! Покайтесь! Кровь герцога Джіана Галеаццо, кровь Авели, убитаго Каиномъ, вопіетъ о мщеніи къ Господу!

III.

— Французы! Французы! Смотрите! — указывалъ Горгольо на двухъ солдатъ, входившихъ въ погребъ.

Одинъ—гасконецъ, стройный молодой человекъ съ рыжими усами, съ красивымъ и наглымъ лицомъ, былъ сержантъ французской конницы, по имени Бонниваръ. Товарищъ его—пикардіецъ, пушкарь Гро-Гильошъ, толстый, приземистый старикъ съ бычачьей шеей, съ лицомъ, налитымъ кровью, съ выпуклыми рачьими глазами и мѣдною серьгой въ ухѣ. Оба были навеселѣ.

— Sacrement de l'autel!—хлопая по плечу Гро-Гильоша, молвилъ сержантъ,—найдемъ ли мы, наконецъ, въ этомъ аназемскомъ городѣ кружку добраго вина? Отъ ломбардской кислоты горло деретъ, какъ отъ укуса!

Бонниваръ съ безглымъ, скучающимъ видомъ развалился за однимъ изъ столиковъ, высокомерно поглядывая на прочихъ посѣтителей, постучалъ оловянною кружкою и крикнулъ на ломаномъ итальянскомъ языкѣ:

— Бѣлаго, сухого, самаго стараго! Соленой червеллаты на закуску.

— Да, братецъ,—вздыхнулъ Гро-Гильошъ,—какъ вспомнишь родное бургонское или драгоцѣнное «бомъ», золотистое, точно волосы моей Лизонъ,—сердце отъ тоски защеमितъ! И то сказать: каковъ народъ—таково вино. Выпьемъ-ка, дружище, за милую Францію.

Du grand Dieu soit maudit à outrance,
Qui mal voudroit au royaume de France!

— О чемъ они?—шепнулъ Скарабулло на ухо Горголью.

— Привередничаютъ, наши вина бранятъ, свои похваляютъ.

— Вашъ, хорохорятъ пѣтухи французскіе,—проворчалъ, нахмурившись, лудильщикъ,—зудить у меня рука, ой, зудить прочить ихъ, какъ слѣдуетъ!

Тибальдо, хозяинъ-нѣмецъ, съ толстымъ брюхомъ, на тонкихъ ножкахъ, съ громадной связкой ключей за широкимъ кожанымъ поясомъ, нацѣдилъ изъ бочки полбренты и подалъ французамъ въ запотѣвшемъ отъ холода, глиняномъ кувшинѣ, недовѣрчиво поглядывая на чужеземныхъ гостей.

Бонниваръ однимъ духомъ выпилъ кружку вина, которое показалось ему превосходнымъ, поклонъ и выразилъ на лицѣ своемъ отвращеніе.

Мимо него прошла дочь хозяина Лотта, маловидная, стройная, бѣлокурая дѣвушка, съ такими же добрыми голубыми глазами, какъ у Тибальдо.

Гасконецъ лукаво подмигнулъ товарищу и съ ухарствомъ закрутилъ свой рыжій усъ. Потомъ, выпивъ еще, затянулъ солдатскую пѣсенку о Карлѣ VIII:

Charles fera si grandes batailles,
Qu'il conquerra les Itailles,
En Jerusalem entrera
Et mont Olivet montera.

Гро-Гильошъ подпѣвалъ сильнымъ голосомъ.

Когда Лотта, возвращаясь, опять проходила мимо нихъ, скромно потупивъ глаза, сержантъ обнялъ ея станъ, желая посадить дѣвушку къ себѣ на колѣни.

Она оттолкнула его, вырвалась и убѣжала. Онъ вскочилъ, поймалъ ее и поцѣловалъ въ щеку губами, мокрыми отъ вина.

Дѣвушка вскрикнула, уронила на полъ глиняный кувшинъ, который разбился въ дребезги и, обернувшись, со всего размаха ударила француза по лицу такъ сильно, что тотъ на мгновеніе огѣшилъ.

Гости захохотали.

— Ай да дѣвка!—воскликнулъ златошвей,—клянусь святымъ Джервазіемъ, отъ роду не видывалъ я такой здоровенной пощечины! Вотъ такъ утѣшила!

— Ну ее, брось, не связывайся!—удерживалъ Гро-Гильошъ Боннивару.

Гаскоонецъ не слушалъ. Хмѣль сразу ударилъ ему въ голову. Онъ засмѣялся насильственнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— Ah, ventrebleu! Вотъ ты какъ! Ну подожди же, красавица,—теперь ужъ я не въ щеку, а прямо въ губы!

Бросился за нею, опрокинулъ столъ, догналъ и хотѣлъ поцѣловать. Но могучая рука лудильщика Скарабулло схватила его сзади за шиворотъ.

— Ахъ ты, собачій сынъ, французская твоя рожа безстыжая!—кричалъ Скарабулло, встряхивая Боннивару и сдавливая ему шею все крѣпче,—погоди, намну я тебѣ бока, будешь помнить, какъ оскорблять миланскихъ дѣвушекъ!..

— Sacrebleu! —завопилъ въ свою очередь разсвирѣпѣвшій Гро-Гильошъ,—прочь негодяи! Vive la France! Saint Denis et Saint George!

Онъ замахнулся шпагой и вонзилъ бы ее въ спину лудильщику, еслибы Маскарелло, Горгольо, Мазо и другіе собутыльники не подскочили и не удержали пикардійца за руки.

Между опрокинутыми столами, скамейками, бочками, черепками разбитыхъ кувшиновъ и лужами вина произошла свалка.

Увидѣвъ кровь, оголенные шпаги и ножи, испуганный Тибальдо выскочилъ изъ погреба и завопилъ на всю площадь:

— Смертоубійство! Французы грабятъ!

Ударили въ рыночный колоколъ. Ему отвѣтилъ другой на Брелетто. Осторожные купцы запирали лавки. Лоскутницы и овощницы уносили лотки съ товарами.

— Святые угодники, заступники наши, Протазій! Джервазіі!—голосила Барбачча.

— Что тамъ такое? Пожаръ, что ли?

— Бейте, бейте французовъ!

Маленькій Фарфаниккіо прыгалъ отъ восторга, свистѣлъ и визжалъ пронзительно:

— Бейте, бейте французов!

Появились городскіе стражники—берровьеры съ аркебузами и алебардами.

Они подоспѣли во время, чтобы предупредить убійство и вырвать изъ рукъ черна Бонниваря и Гро-Гильюша. Забирая кого ни попаало, схватили они и башмачника Корболо.

Жена, прибѣжавшая на шумъ, всплеснула руками и завывала:

— Смилуйтесь, отпустите муженька моего, отдайте мнѣ его! Я ужъ съ нимъ расправлюсь по-своейски,—впередъ въ уличную свалку не погѣваетъ! Право же синьоры, этотъ дуракъ и веревки не стоитъ, на которой его повѣсятъ!..

Корболо печально и стыдливо потушилъ глаза, притворяясь, что не слышитъ угрозъ жены, и спрятался отъ нея за спину городскихъ стражниковъ, которые казались ему менѣе грозными, чѣмъ его супруга.

IV.

Надъ лѣсами неконченнаго собора, по узкой веревочной лѣстницѣ влѣзалъ на одну изъ тонкихъ колоколенъ, недалеко отъ отъ главнаго купола, молодой каменьщикъ съ маленькимъ изваяніемъ св. великомученицы Екатерины, которое надо было прикрѣпить на самомъ концѣ стрѣльчатой башни.

Кругомъ подымались и какъ будто рѣяли сталактитоподобныя, остроковечныя башни, иглы, полуарки, каменное кружево изъ небывалыхъ цвѣтовъ, побѣговъ и листьевъ, безчисленные пророки, мученики, ангелы, смѣющіяся рожи дьяволовъ, чудовищныя птицы, сирены, гарпіи, драконы съ колючими крыльями, съ разинутыми пастью на концахъ водосточныхъ трубъ. Все это изъ чистаго мрамора, ослѣпительно бѣлаго, съ тѣнями голубыми, какъ дымъ, походило на громадный зимній лѣсъ, покрытый сверкающимъ инеемъ.

Было тихо. Только ласточки съ крикомъ проносились надъ головою каменьщика. Шумъ толпы на площади долеталъ къ нему, какъ слабый шелестъ муравейника. На краю безконечной зеленой Ломбардіи сіяли снѣжныя громады Альпъ, такія же острыя, бѣлыя, какъ вершины собора. Порою слызу чудились ему отзвуки органа, какъ бы молитвенные вздохи изъ внутренности храма, изъ глубины его каменнаго сердца, и тогда казалось, что все великое зданіе живетъ, дышетъ, растетъ и возносится къ небу, какъ вѣчная хвала Маріи Рождающейся, какъ радостный гимнъ всѣхъ вѣковъ и народовъ Дѣвѣ Пречистой.

Вдругъ шумъ на площади усилился. Послышался набатъ.

Каменьщикъ остановился, посмотрѣлъ внизъ, и голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло. Ему казалось, что исполинское зданіе шатается подъ нимъ, тонкая башня, на которую онъ влѣзалъ, гнется, какъ тростникъ.

— Конечно, падаю,—подумалъ онъ съ ужасомъ,—Господи, прими душу мою!

Съ послѣднимъ отчаяннымъ усиленіемъ уцѣпился онъ за веревочную ступень, закрылъ глаза и прошепталъ:

— Ave dolce Maria di grazia piena:

Ему стало легче.

Съ высоты повѣяло прохладнымъ дуновеніемъ.

Онъ перевелъ дыханіе, собралъ силы и продолжалъ путь, не слушая болѣе земныхъ голосовъ, подымаясь все выше и выше къ тихому чистому небу, повторяя съ великою радостью:

— Ave dolce Maria di grazia piena.

Въ это время по мраморной широкой, почти плоской крышѣ собора проходили члены строительнаго совѣта «Consiglio della Fabbrica». — зодчіе итальянскіе и чужеземные, приглашенные герцогомъ для совѣщанія о тибуріо,—главной башнѣ надъ куполомъ храма.

Среди нихъ былъ Леонардо да Винчи. Онъ предложилъ свой замыселъ, но члены совѣта отвергли его, какъ слишкомъ смѣлый, необычайный и вольнодумный, противорѣчившій преданіямъ церковнаго зодчества.

Спорили и не могли придти къ соглашенію. Одни доказывали, что внутренніе столбы не достаточно прочны. «Если бы,—говорили они,—тибуріо и башни были окончены, то скоро зданіе рухнуло бы, такъ какъ постройка начата людьми невѣжественными». Но мнѣнію другихъ,—соборъ простоятъ вѣчность.

Леонардо, по обыкновенію не принимая участія въ спорѣ, стоялъ, одинокій и молчаливый, въ сторонѣ.

Одинъ изъ рабочихъ подошелъ къ нему и подалъ письмо.

— Мессэре, вызу на площадь ожидаетъ вашей милости верховой изъ Павіи.

Художникъ распечаталъ письмо и прочелъ:

«Леонардо, пріѣзжай поскорѣе. Мнѣ нужно тебя видѣть. Герцогъ Джіанъ-Галеаццо. 14 октября».

Онъ извинился передъ членами совѣта, сошелъ на площадь, сѣлъ на коня и отправился въ Кастелло ди Павія, замокъ, который былъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Милана.

V.

Каштаны, вязаы и клены громаднаго парка сіяли на солнцѣ золотомъ и пурпуромъ осени. Порхая, какъ бабочки, падали мертвые листья. Въ заросшихъ травомъ фонтанахъ не била вода. Въ запущенныхъ цвѣтникахъ увядали астры.

Подходя къ замку, Леонардо увидѣлъ карлика. Это былъ старый шутъ Джіана-Галеаццо, оставшійся вѣрнымъ своему господину, когда всѣ прочіе слуги покинули умирающаго герцога.

Узнавъ Леонардо, ковыляя и подпрыгивая, побѣждалъ онъ ему навстрѣчу.

— Какъ здоровье его свѣтлости?—спросилъ художникъ.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только безнадежно махнулъ рукою.

Леонардо пошелъ было главной аллеей.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сюда,—остановилъ его карликъ,—тутъ могутъ увидѣть. Ихъ свѣтлость просили, чтобы тайно.. А то, если герцогиня Изабелла узнаетъ, пожалуй не пустятъ. Мы лучше обходимъ, боковую дорожку...

Войдя въ угловую башню, поднялись они по лѣстницѣ и миновали нѣсколько мрачныхъ покоевъ, должно быть, нѣкогда великолѣпныхъ, теперь необитаемыхъ. Обои изъ кордуанской златотисневой кожи содраны были со стѣнъ. Герцогское сѣдалище подъ шелковымъ навѣсомъ заткано паутиною. Сквозь окна съ разбитыми стеклами вѣтеръ осеннихъ ночей занесъ изъ парка желтые листья.

— Злодѣи, грабители,—ворчалъ себѣ подъ носъ карликъ, указывая спутнику на слѣды запустѣнія,—вѣрите ли, мессэре, глаза бы не смотрѣли на то, что здѣсь творится! Убѣждалъ бы на край свѣта, если бы не герцогъ, за которымъ и ухаживать-то некому, кромѣ меня, стараго урода... Сюда, сюда пожалуйте.

Пріотворивъ дверь, онъ впустилъ Леонардо въ пропитанную запахомъ гѣкарствъ душную, темную комнату.

VI.

Кровопусканіе, согласно съ правилами врачебнаго искусства, дѣлали при свѣчахъ и закрытыхъ ставняхъ. Помощникъ цирульника, держалъ мѣдный тазъ, въ который стекала кровь. Самъ брадобрѣй, скромный старичокъ, засучивъ рукава, производилъ надрѣзъ вены. Врачъ, «мастеръ физики», съ глубоководнымъ лицомъ, въ очкахъ, въ докторскомъ наплечникѣ изъ темно-лиловаго бархата на бѣлицемъ мѣху, не принимая участія въ работѣ цирульника, — такъ какъ прикосновение къ хирургическимъ орудіямъ считалось унижительнымъ для достоинства врача,—только наблюдалъ.

— Передъ ночью снова извольте пустить кровь,—сказалъ онъ повелительно, когда рука была перевязана, и больного герцога уложили на подушки.

— Domine magister, — произнесъ брадобрѣй учтиво и робко,—не лучше ли подождать? Кажется больной ослабѣлъ. Какъ бы чрезмѣрная потеря крови?..

Онъ замаялся.

Врачъ посмотрѣлъ на него съ презрительной усмѣшкой:

— Постыдитесь, любезнѣйшій! Пора бы вамъ знать, что изъ двадцати четырехъ фунтовъ крови, находящихся въ человѣческомъ тѣлѣ,

можно выпустить двадцать, безъ всякой опасности для жизни и здоровья. Чѣмъ больше берете испортившейся воды изъ колодца, тѣмъ больше остается свѣжей. Я пускалъ кровь груднымъ младенцамъ, не жалѣя, и, благодаря Бога,—всегда помогалю.

Леонардо, слушавшій этотъ разговоръ внимательно, хотѣлъ возразить, но подумалъ, что спорить съ врачами столь же бесполезно, какъ съ алхимиками.

Докторъ и цирюльникъ удалились. Карликъ поправилъ подушки и окуталъ ноги больного одѣяломъ.

Леонардо оглянулъ комнату. Надъ постелью висѣла кѣтка съ маленькимъ зеленымъ попугаемъ. На кругломъ столикѣ валялись карты, игральныя кости, стоялъ стеклянный сосудъ, наполненный водою, съ золотыми рыбками. Въ ногахъ у герцога спала, свернувшись, бѣлая собачка. Все это были послѣднія забавы, которыя вѣрный слуга придумывалъ для развлечения своего господина.

— Отправилъ ты письмо?—молвилъ герцогъ, не открывая глазъ.

— Ахъ, ваша свѣтлость,—заторопился карликъ,—мы-то ждемъ,—думаемъ, вы спите. Вѣдь мессеръ Леонардо здѣсь...

— Здѣсь?

Больной съ радостной улыбкой сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться.

— Учитель, наконецъ-то! Я боялся, что ты не пріѣдешь.

Онъ взялъ художника за руку, и прекрасное, совсѣмъ молодое лицо Джіана Галеаццо,—ему было двадцать четыре года,—оживилось блѣднымъ румянцемъ.

Карликъ вышелъ изъ комнаты, чтобы сторожить у двери.

— Другъ мой,—продолжалъ больной,—ты, конечно, слышалъ о клеветѣ?

— О какой клеветѣ, ваша свѣтлость?—спросилъ художникъ.

— Не знаешь? Ну, если такъ, то и вспоминать не надо. А впрочемъ все равно,—скажу: вмѣстѣ посмѣемся. Они говорятъ...

Онъ остановился, посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и окончилъ съ тихою усмѣшкой:

— Они говорятъ, что ты—мой убійца.

Леонардо подумалъ, что больной бредитъ.

— Да, да, неправда ли, какое безуміе. Ты мой убійца,—повторилъ герцогъ.— Недѣли три назадъ мой дядя Моро и Беатриче прислали мнѣ въ подарокъ корзину персиковъ. Мадонна Изабелла увѣрена, что съ тѣхъ поръ, какъ я отвѣдалъ этихъ плодовъ, мнѣ сдѣлалось хуже, что я умираю отъ медленнаго яда, и будто бы въ саду моемъ есть такое дерево...

— Правда,—молвилъ Леонардо,—у меня есть такое дерево.

— О другъ мой! Неужели?..

— Нѣтъ, Богъ спасъ меня, если только плоды въ самомъ дѣлѣ изъ моего сада. Теперь я понимаю, откуда эти слухи: изучая дѣйствіе ядовъ, я хотѣлъ отравить персиковое дерево. Я сказалъ моему ученику

Зороастро да Перетола, что персики отравлены. Но опытъ не удался. Плоды безвредны. Должно быть, ученикъ поторопился и сообщилъ кому-нибудь.

— Ну, вотъ, вотъ, я такъ и зналъ, — воскликнулъ герцогъ радостно, — никто не виноватъ въ моей смерти! А, между тѣмъ, всѣ они другъ друга подозрѣваютъ, ненавидятъ, боятся. О, если бы можно было сказать имъ все, какъ мы съ тобой теперь говоримъ! Дядя считаетъ себя моимъ убійцей, а я знаю, что онъ — добрый, только слабый и робкій. Да и зачѣмъ бы ему убивать меня? Я самъ готовъ отдать ему власть. Ничего мнѣ не нужно. Я ушелъ бы отъ нихъ, жилъ бы на свободѣ, въ уединеніи, съ друзьями. Сдѣлался бы монахомъ или твоимъ ученикомъ, Леонардо. Но никто не хотѣлъ повѣрить, что я въ самомъ дѣлѣ не жалю власти. И зачѣмъ, Боже мой, зачѣмъ они теперь это сдѣлали? Не меня, себя они отравили невинными плодами твоего невиннаго дерева, бѣдные, слѣпые! Я прежде думалъ, что я несчастенъ, потому что долженъ умереть. Но теперь я понялъ все, учитель. Я больше ничего не хочу, ничего не боюсь. Мнѣ хорошо, спокойно и такъ отрадно, какъ будто въ знойный день я сбросилъ съ себя пыльную одежду и вхожу въ чистую, холодную воду. О, другъ мой, я не умѣю сказать, но ты понимаешь, о чемъ я говорю? Ты вѣдь самъ такой...

Леонардо молча, съ тихою улыбкою, пожалъ ему руку.

— Я зналъ, — продолжалъ болѣе еще радостнѣе, — я зналъ, что ты одинъ поймешь меня... Помнишь, — ты сказалъ мнѣ однажды, что созерцаніе вѣчныхъ законовъ механики, естественной необходимости учить людей великому смиренію и спокойствію? Тогда я понялъ. Но теперь, въ болѣзни, въ одиночествѣ, въ бреду, какъ часто вспоминалъ я тебя, твое лицо, твой голосъ, каждое слово твое, учитель! Знаешь ли, мнѣ иногда кажется: разными путями мы пришли съ тобой къ одному, ты — въ жизни, я — въ смерти...

Двери открылись, вбѣжалъ карликъ и съ испуганнымъ видомъ объявилъ:

— Мона Друда!

Леонардо хотѣлъ уйти, но герцогъ его удержалъ.

Въ комнату вошла старая няня Джіана-Галеаццо, держа въ рукахъ небольшую стклянку съ желтоватою мутною жидкостью, — скорпионовою мазью. Въ срединѣ лѣта, когда солнце находится въ созвѣздіи Пса, ловили скорпионовъ, опускали ихъ живыми въ столѣтнее оливковое масло съ крестовникомъ, митридатомъ и змѣевикомъ, отстаивали на солнцѣ въ теченіе пятидесяти дней и каждый вечеръ мазали больному подъ мышками, виски, животъ и грудь около сердца. Знахарки утверждали, что нѣтъ лучшаго лекарства не только противъ всѣхъ ядовъ, но и противъ всякаго колдовства, навожденія и порчи.

Старуха, увидѣвъ Леонардо, сидѣвшаго на краю постели, остано-

зась, побѣднѣла, и руки ея такъ затряслись, что она едва не уронила стклянки.

— Съ нами сила Господня! Матерь, пресвятая Богородица!

Крестясь, бормоча молитвы, пятилась она къ двери и, выйдя изъ комнаты, побѣжала такъ поспѣшно, какъ только позволяли ей старыя ноги, къ своей госпожѣ, мадоннѣ Изабеллѣ, сообщить страшную вѣсть.

Мона Друда была увѣрена, что злодѣй Моро и его приспѣшникъ Леонардо извели герцога, если не ядомъ, то глазомъ, порчею, вынутымъ слѣдомъ или какими-либо другими бѣсовскими чарами.

Герцогиня молилась въ часовнѣ, стоя на колѣняхъ передъ образомъ.

Когда мона Друда доложила ей, что у герцога — Леонардо, она вскочила и воскликнула въ гнѣвъ:

— Не можетъ быть! Кто его пустилъ?

— Кто пустилъ, — пробормотала старуха, покачавъ головой, — вѣрите ли, ваша свѣтлость, и ума не приложу, откуда онъ взялся, окаянный! Точно изъ земли выросъ или въ трубу влетѣлъ, прости Господи! Дѣло, видно, нечистое. Я уже давно докладывала вашей свѣтлости...

Въ часовню вошелъ пажъ и почтительно преклонилъ колѣно:

— Свѣтлѣйшая мадонна, угодно ли будетъ вамъ и вашему супругу принять его величество, христіаннѣйшаго короля Франціи?

VIII.

Карлъ VIII остановился въ нижнихъ покояхъ Павійскаго замка, роскошно убранныхъ для него герцогомъ Лодовико Моро.

Отдыхая послѣ обѣда, король слушалъ чтеніе только что по его заказу переведенной съ латинскаго на французскій языкъ, довольно безграмотной книги «Чудеса города Рима» — «*Mirabilia Urbis Romae*».

Одинокій, запуганный отцомъ своимъ, болѣзненный ребенокъ, Карлъ, проведя печальные годы въ пустынномъ замкѣ Амбуазѣ, воспитывался на рыцарскихъ романахъ, которые окончательно вскружили ему и безъ того уже слабую голову. Очутившись на престолѣ Франціи и вообразивъ себя героемъ сказочныхъ приключеній во вкусѣ тѣхъ, какія повѣствуются о странствующихъ рыцаряхъ Круглаго Стола, Ланчелотъ и Тристанъ, двадцатилѣтній мальчикъ, неопытный и застѣчивый, добрый и вѣломощный, задумалъ исполнить на дѣлѣ то, что вычиталъ изъ книгъ. «Сынъ бога Марса, потомокъ Юлія Цезаря», по выраженію придворныхъ лѣтописцевъ — спустился онъ въ Ломбардію во главѣ громаднаго войска для завоеванія Неаполя, Сициліи, Константинополя, Иерусалима, для низверженія великаго турка, совершеннаго искорененія ереси Магометовой и освобожденія Гроба Господня отъ ига невѣрныхъ.

Слушая «Чудеса Рима» съ простодушнымъ довѣріемъ, король предвкушалъ славу, которую приобрѣтетъ завоеваніемъ столь великаго города.

Мысли его путались. Онъ чувствовалъ боль подъ ложечкой и тяжесть въ головѣ отъ вчерашняго слишкомъ веселаго ужина съ миланскими дамами. Лицо одной изъ нихъ, Лукреціи Кривелли, всю ночь снилось ему.

Карлъ VIII ростомъ былъ малъ и лицомъ уродливъ. Ноги имѣлъ кривыя, тонкія, какъ спицы, плечи узкія, одно выше другого, впалую грудь, непомерно-большой крючковатый носъ, волосы рѣдкіе, блѣдно-рыжіе, странный желтоватый пухъ вмѣсто усовъ и бороды. Въ рукахъ и въ лицѣ было у него неприятное судорожное подергиваніе. Вѣчно открытыя, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыя губы, вздернутыя брови, громадные, бѣлесоватые и близорукіе глаза на выкатѣ придавали ему выраженіе унылое, разсѣянное и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженное, какое бываетъ у людей слабыхъ умомъ. Рѣчь его была неясвенной и отрывочной. Рассказывали, будто бы король былъ шестипалымъ и для того, чтобъ это скрыть, ввелъ при дворѣ безобразную моду широкихъ, закругленныхъ на подобіе лошадиныхъ копытъ, мягкихъ туфель изъ чернаго бархата.

— Тибо, а, Тибо,—обратился онъ къ придворному варла-де-шамбру, прерывая чтеніе, со своимъ обычнымъ разсѣяннымъ видомъ, заикаясь и не находя нужныхъ словъ,—мнѣ, братецъ, того... какъ-будто пить хочется. А?.. Изжога, что-ли?.. Привеси-ка вина, Тибо...

Вошелъ кардиналъ Бриссонэ и доложить, что герцогъ ожидаетъ короля.

— А? А? Что такое? Герцогъ?... Ну, сейчасъ. Только выпью...

Онъ взялъ кубокъ, поданный придворнымъ.

Бриссонэ остановилъ короля и спросилъ Тибо:

— Наше?

— Нѣтъ, монсеньоръ,—изъ здѣшняго погреба. У насъ все вышло.

Кардиналъ выплеснулъ вино.

— Простите, ваше величество. Здѣшнія вина могутъ быть вредными для вашего здоровья. Тибо, вели кравчему поскорѣе сбѣгать въ лагерь и принести боченокъ изъ походнаго погреба.

— Почему? А? Что, что такое?—бормоталъ король въ недоумѣніи.

Кардиналъ шепнулъ ему на ухо, что опасается отравы, ибо отъ людей, которые уморили законнаго государя своего, можно ожидать всякаго предательства, и, хотя нѣтъ явныхъ уликъ, осторожность не мѣшаетъ.

— Э, вздоръ! Зачѣмъ? Хочется пить,—молвилъ Карлъ, подергивая плечомъ съ досадою, но покорился.

Герольды побѣжали впередъ.

Четыре пажа подняли надъ королемъ великолѣпный балдахинъ изъ толубога шелка, затканый серебряными французскими лиліями, севешаль накинулъ ему на плечи мантию съ горностаевой оторочкой, съ вышитыми по красному бархату золотыми пчелами и рыцарскимъ де-

визомъ: «король пчелъ не имѣетъ жала» — le roi des abeilles n'a pas d'aiguillon—и по мрачнымъ, запустѣлымъ покоямъ Павійскаго замка направилось шествіе въ комнаты умирающаго.

Проходя мимо часовни, Карлъ увидѣлъ герцогиню Изабеллу.

Онъ почтительно снялъ беретъ, хотѣлъ подойти къ ней и по старозавѣтному обычаю Франціи поцѣловать даму въ уста, назвавъ ее «милой сестрицей».

Но герцогиня подошла къ нему сама и бросилась къ его ногамъ.

— Государь,—начала она заранѣе приготовленную рѣчь,—сжался надъ нами, Богъ тебя наградитъ,—защити невинныхъ, рыцарь великодушный! Моро отнялъ у насъ все, похитилъ престолъ, отравилъ супруга моего, законнаго герцога миланскаго Джіана-Галеаццо. Въ собственномъ домѣ своемъ окружены мы наемными убійцами...

Карлъ плохо понималъ и почти не слушалъ того, что она говорила.

— А? А? Что такое? — лепеталъ онъ, точно съ просонокъ, судорожно подергивая плечомъ и заикаясь.—Ну, ну, не надо!.. Прошу васъ... не надо же, сестрица... Встаньте, встаньте!

Но она не вставала, ловила его руки, цѣловала ихъ, хотѣла обнять его ноги и, наконецъ, заплакавъ, воскликнула съ непритворнымъ отчаяніемъ:

— Если и вы меня покинете, государь,—я наложу на себя руки!

Король окончательно смутился, и лицо его болѣзненно сморщилось, какъ-будто онъ самъ готовъ былъ заплакать.

— Ну, вотъ, вотъ!.. Боже мой!.. я не могу... Бриссонэ... пожалуйте... я не знаю... скажи ей...

Ему хотѣлось убѣжать. Она не пробуждала въ немъ никакого состраданія, ибо въ самомъ униженіи, въ отчаяніи была слишкомъ горда и прекрасна, похожа на величавую героиню трагедіи.

— Яснѣйшая мадонна, успокойтесь. Его величество сдѣлаетъ все, что можно, для васъ и для вашего супруга мессира Жана-Галеасса,—молвилъ кардиналъ вѣжливо и холодно, съ оттѣнкомъ покровительства, произнося имя герцога по-французски.

Герцогиня оглянулась на Бриссонэ, внимательно посмотрѣла въ лицо королю и вдругъ, — какъ-будто теперь только поняла, съ кѣмъ говорить,—умолкла.

Уродливый, смѣшной и жалкій, стоялъ онъ передъ нею съ открытыми, какъ у маленькихъ дѣтей, толстыми губами, съ бессмысленной, напряженной и растерянной улыбкой, выкативъ свои огромные бѣлосоватые глаза.

«Я — у ногъ этого заморыша, слабоумца, я — внучка Фердинанда Арагонскаго!»

Она встала. Блѣдныя щеки ея вспыхнули. Король чувствовалъ, что необходимо сказать что-то, какъ-нибудь выйти изъ негнпаго молчанія. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, задергалъ плечомъ, заморгалъ

глазами и пролепетавъ только свое обычное: «А? А? Что такое?» — заикнулся, безнадежно махнулъ рукой и умолкъ.

Герцогиня смѣрила его глазами съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Карлъ опустилъ голову, уничтоженный.

— Бриссонэ, пойдѣмъ, пойдѣмъ... что ли... А?

Пажы распахнули передъ нимъ двери. Карлъ вошелъ въ комнату герцога.

Ставни были открыты. Тихій свѣтъ осенняго вечера падалъ въ окно оквозъ высокія, золотыя вершины парка.

Король подошелъ къ постели больного, назвалъ его двоюроднымъ братцемъ — «*mon cousin*» и спросилъ о здоровьѣ...

Джіанъ-Галеаццо отвѣтилъ съ такою ясною, привѣтливою улыбкою, что Карлу тотчасъ сдѣлалось легче, — смущеніе прошло, и онъ мало-по-малу успокоился.

— Господь да пошлетъ побѣду вашему величеству, государь, — сказалъ, между прочимъ, герцогъ. — Когда вы будете въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, помолитесь и за мою бѣдную душу, ибо къ тому времени я...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, какъ можно, что вы это? зачѣмъ? — перебилъ его король, — Богъ милостивъ. Вы поправитесь. Мы еще вмѣстѣ въ походъ пойдѣмъ, съ нечестивыми турками повоюемъ, — вотъ помяните слово мое! А? Что?..

Джіанъ-Галеаццо покачалъ головою:

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ.

■, посмотрѣвъ прямо въ глаза королю глубокимъ испытующимъ взоромъ, прибавилъ:

— Когда я умру, государь, не покиньте моего мальчика Франческо, а также Изабеллу. Она несчастная, — нѣтъ у нея никого на свѣтѣ!..

— Ахъ ты, Господи! Господи! — воскликнулъ Карлъ въ неожиданномъ, сильномъ волненіи; толстыя губы его дрогнули, углы ихъ опустились и, словно внезапнымъ внутреннимъ свѣтомъ, лицо озарилось необычайной добротою.

Онъ быстро наклонился къ больному и, обнявъ его съ порывистою нѣжностью, пролепеталъ:

— Братецъ мой, миленькій!.. Бѣдный ты мой, бѣденькій!..

Оба они улыбнулись другъ другу, какъ жалкія больныя дѣти, и губы ихъ соединились въ братскомъ поцѣлуѣ.

Выйдя изъ комнаты герцога, король подозвалъ кардинала:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... знаешь, надо какъ-нибудь... того... а?.. заступиться... Нельзя такъ, нельзя... Я — рыцарь... Надо защитить... слышишь?

— Ваше величество, — отвѣтилъ кардиналъ уклончиво, — онъ все равно умретъ. Да и чѣмъ могли бы мы помочь? Только себя повредимъ. Герцогъ Моро — нашъ союзникъ...

— Герцогъ Моро — злодѣй, вотъ что—да, да, человѣкоубійца!— воскликнулъ король, и глаза его сверкнули разумнымъ гнѣвомъ.

— Что же дѣлать?— молвилъ Бриссонэ, пожимая плечами, съ тонкой, снисходительной усмѣшкой, — герцогъ Моро—не хуже, не лучше другихъ. Политика, государь! Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

Кравчій поднесъ королю кубокъ французскаго вина. Карлъ выпилъ его съ жадностью. Вино оживило его и разсѣяло мрачныя мысли.

Вмѣстѣ съ кравчимъ вошелъ вельможа отъ герцога Моро съ приглашеніемъ на ужинъ. Король отказался. Посланный умолялъ. Но, видя, что просьбы не дѣйствуютъ, подошелъ къ Тибо и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и, въ свою очередь, шепнулъ королю:

— Ваше величество, мадонна Лукреція...

— А? Что?.. Что такое?.. Какая Лукреція?

— Та, съ которой вы изволили танцовать на вчерашнемъ балу.

— Ахъ, да, какъ же, какъ же... Помню... Мадонна Лукреція...

Прехорошенькая!.. Ты говоришь,—будетъ на ужинѣ?

— Будетъ непременно и умоляетъ ваше величество..,

— Умоляетъ... Вотъ какъ! Ну что же, Тибо? А? Какъ ты полагаешь? Я, пожалуй... Все равно... Куда ни пошлю!.. Завтра въ походъ... Въ послѣдній разъ... Поблагодарите герцога, мессиръ,—обратился онъ къ посланному,—и скажите, что я того... а?.. пожалуй...

Король отвелъ Тибо въ сторону:

— Послушай, кто такая эта мадонна Лукреція?

— Любовница Моро, ваше величество.

— Любовница Моро, вотъ какъ! Жаль...

— Сирь, только словечко, — и все мигомъ устроимъ. Если угодно, сегодня же.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно?.. Я—гость...

— Моро будетъ польщенъ, государь. Вы здѣшнихъ людишекъ не знаете...

— Ну, все равно, все равно. Какъ хочешь. Твое дѣло...

— Да ужъ будьте спокойны, ваше величество. Только словечко...

— Не спрашивай... Не люблю... Сказалъ,—твое дѣло... Ничего не знаю... Какъ хочешь...

Тибо молча и низко поклонился.

Сходя съ гѣстницы, король опять нахмурился и съ безпомощнымъ усиленіемъ мысли потеръ себѣ лобъ:

— Бриссонэ, а, Бриссонэ... Какъ ты думаешь?.. Что бишь я хотѣлъ сказать?.. Ахъ, да, да... Заступиться... Невинный... Обида... Такъ нельзя. Я—рыцарь!..

— Сирь, оставьте эту заботу, право же: намъ теперь не до того. Лучше потомъ, когда мы вернемся изъ похода, побѣдивъ турокъ, завоевавъ Іерусалимъ.

— Да, да, Иерусалимъ!—пробормоталъ король, и глаза его расширились, на губахъ выступила блѣдная, неясная и мечтательная улыбка.

— Рука Господня ведетъ ваше величество къ побѣдамъ,—продолжалъ Бриссонэ,—персть Божій указываетъ путь крестоносному воинству.

— Персть Божій! Персть Божій! — повторилъ Карлъ VIII торжественно и вдохновенно, подымая глаза къ небу.

VIII.

Восемь дней спустя молодой герцогъ скончался.

Передъ смертью онъ молилъ жену о свиданіи съ Леонардо. Она отказала ему. Мона Друда увѣрила Изабеллу, что порченые всегда испытываютъ неодолимое и пагубное для нихъ желаніе видѣть того, кто навелъ на нихъ порчу. Старуха усердно мазала больного скорпионовою мазью. Врачи до конца мучили его кровопусканіями.

Онъ умеръ тихо.

— Да будетъ воля Твоя!—были послѣдними словами его.

Моро велѣлъ перенести изъ Павіи въ Миланъ и выставить въ соборѣ тѣло усопшаго.

Вельможи собрались въ Миланскій замокъ. Лодовико, увѣряя, что безвременная кончина племянника причиняетъ ему немовѣрную скорбь, предложилъ объявить герцогомъ маленькаго Франческо, сына Джіана-Галеаццо, законнаго наслѣдника. Всѣ воспротивились и, утверждая, что не слѣдуетъ довѣрять несовершеннолѣтнему столь великой власти, отъ имени народа упрашивали самого Моро принять герцогскій жезлъ.

Онъ лицемѣрно отказывался. Наконецъ, какъ бы по неволѣ, уступилъ мольбамъ.

Принесли пышное одѣяніе изъ золотой парчи. Новый герцогъ облекся въ него, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ церковь Сантъ-Амброджіо, окруженный толпою приверженцевъ, оглашавшихъ воздухъ криками: «viva il Moro, viva il duca!»—при звукѣ трубъ, пушечныхъ выстрѣлахъ, звонѣ колоколовъ и безмолвіи народа.

На Торговой площади съ Лоджіи деляи Озіи на южной сторонѣ дворца Ратуши, въ присутствіи старѣйшинъ, консуловъ, именитыхъ гражданъ и синдиковъ, прочитана была герольдомъ «привилегія», дарованная герцогу Моро вѣчнымъ Августомъ Священной Римской Имперіи, Максимилианомъ:

«*Maximilianus divina favente clementia Romanorum Rex semper Augustus*—всѣ области, земли, города, селенія, замки и крѣпости, горы, пастбища и равнины, лѣса, луга, пустоши, рѣки, озера, охоты, рыбныя ловли, солончаки, руды, владѣнія вассаловъ, маркизовъ, графовъ, бароновъ, монастыри, церкви, приходы, — всѣхъ и все даруемъ тебѣ, Лодовико Сфорца, и наслѣдникамъ твоимъ, утверждаемъ, назначаемъ, возвышаемъ, избираемъ тебя и сыновей твоихъ, и внуковъ, и правнуковъ въ самодержавные властители Ломбардіи до скончанія вѣковъ».

Черезъ нѣсколько дней объявлено было торжественное перенесеніе въ соборъ величайшой святыни Милана, одного изъ тѣхъ гвоздей, коими распять былъ Господь на крестѣ.

Моро надѣялся угодить народу и укрѣпить свою власть этимъ празднествомъ.

IX.

Ночью на площади Аренго, передъ виннымъ погребомъ Тибальдо собралась толпа. Здѣсь былъ Скарабуло лудильщикъ, златопшей Маскарелло, скорнякъ Мазо, башмачникъ Корболо и выдувальщикъ стекла Горгольо.

Посрединѣ толпы, стоя на бочекѣ, доминиканецъ фра Тимотео проповѣдовалъ:

— Братья, когда св. Елена подѣ капищемъ богини Венеры обрѣла живоносное Древо Креста и прочія срудія страстей Господнихъ, зарытыя въ землю язычниками,—императоръ Константинъ, взявъ единый отъ святѣйшихъ и страшныхъ гвоздей сихъ, велѣлъ кузнецамъ задѣлать его въ удила боевого коня своего, да исполнится слово пророка Захаріи — «Будетъ сущее надъ конскою уздою святыня Господу». И сія неизреченная святыня даровала ему побѣду надъ врагами и супостатами римской имперіи. По смерти кесаря гвоздь былъ утраченъ и черезъ долгое время найденъ великимъ святителемъ Амвросіемъ Медиоланскимъ въ городѣ Римѣ, въ лавкѣ нѣкоего Паолино, торговца старымъ желѣзомъ, перевезенъ въ Миланъ, и съ той поры нашъ городъ обладаетъ самымъ драгоценнымъ и наисвятѣйшимъ изъ четырехъ гвоздей,—тѣмъ, коимъ пронзена была правая длань всемогущаго Бога на Древѣ Спасенія. Точная мѣра длины его—пять оцѣй съ половиной. Будучи длиннѣе и толще римскаго, имѣетъ онъ и остріе, тогда какъ римскій притупленъ. Въ теченіе трехъ часовъ находился нашъ гвоздь въ длани Спасителя, какъ это доказываетъ ученый падре Алессіо многими тончайшими силлогизмами.

Фра Тимотео остановился на мгновеніе, потомъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, воздѣвая руки къ небу:

— Нынѣ же, возлюбленные мои, совершается великое кошунство! Моро, злодѣй, человѣкоубійца, похититель престола, соблазняя народъ нечестивыми праздниками, святѣйшимъ гвоздемъ укрѣпляетъ свой шаткій престолъ!

Толпа заволновалась и зашумѣла.

— И знаете ли вы, братья мои,—продолжалъ монахъ,—знаете ли кому поручилъ онъ устройство машины для вознесенія гвоздя въ главный куполъ собора надъ алтаремъ?

— Кому?

— Флорентинцу Леонардо да Винчи!

— Леонардо? Кто такой?—спрашивали одни.
— Какъ же, знаютъ,—отвѣчали другіе,—тотъ самый, что молодого герцога плодами отравилъ...

— Колдунъ, еретикъ, безбожникъ!

— А какъ же слышалъ я, братцы,—робко заступился Корболо,—будто бы этотъ мессэръ Леонардо человекъ добрый? Зла никому не дѣлаетъ. Не только людей, но и всякую тварь живую милуетъ...

— Молчи, Корболо! Чего вздоръ мелешь?

— Развѣ можетъ быть добрымъ колдунъ?

— О, чада мои,—объяснилъ фра Тимотео,—нѣкогда скажутъ люди и о великомъ обольстителѣ, о грядущемъ во тьмѣ: «Онъ добръ, онъ благъ, онъ совершенъ»,—ибо ликъ его будетъ подобенъ лику Христа, и данъ ему будетъ голосъ увѣтливый, сладостный, какъ звукъ цѣвницы. И многихъ соблазнитъ милосердіемъ лукавымъ. И созоветъ съ четырехъ вѣтровъ неба племена и народы, какъ созываетъ куропатка обманчивымъ крикомъ въ гнѣздо свое чужой выводокъ. Бодруйте же, братья мои! Се ангелъ мрака, князь міра сего, именуемый Антихристомъ, придетъ въ образѣ человеческомъ: флорентинецъ Леонардо—слуга и предтеча Антихриста!

Выдувальщикъ стекла Горгольо, который никогда ничего не слыхивалъ о Леонардо, молвилъ съ увѣренностью:

— Истинно такъ! Онъ, говорятъ, душу дьяволу продалъ и собственной кровью договоръ подписалъ.

— Заступись, Матерь Пречистая, и помилуй!—верещала торговка Барбаччіа.—Намедни сказывала дѣвка Стамма,—въ судомойкахъ она у палача тюремнаго,—будто бы мертвья тѣла этотъ самый Леонардо,—не къ ночи будь помянуть,—съ висѣлицъ воруетъ, ножами рѣжетъ, потрешить, кишки выматываетъ...

— Ну, это не твоего ума дѣло, Барбаччіа,—замѣтилъ съ важностью Корболо,—это есть наука, именуемая анатоміей...

— Машину, говорятъ, изобрѣлъ, чтобы по воздуху летать на птичьихъ крыльяхъ,—сообщилъ златошвей Маскарелло.

— Древній крылатый змій Велиаръ возстаетъ на Бога,—пояснилъ опять фра Тимотео,—Симонъ волхвъ тоже поднялся на воздухъ, но былъ низверженъ апостоломъ Павломъ.

— По морю ходить, какъ по суку,—объявилъ Скарабулло,—«Господь, молъ, ходилъ по водѣ, и я пойду»,—вотъ какъ богохульствуетъ!

— Въ стекляномъ колоколѣ на дно моря опускается,—добавилъ скорнякъ Мазо.

— И, братцы, не вѣрьте. На что ему колоколъ? Обернется рыбой и плаваетъ, обернется птицей и летаетъ!—рѣшилъ Горгольо.

— Вишь ты, оборотень окаянный, чтобъ ему издохнуть!

— И чего отцы инквизиторы смотрятъ? На костеръ бы!

— Колъ ему осиновый въ горло!

«Миръ воиѣ», № 2, февраль отд. 1.

— Увы, увы! Горе намъ, возлюбленные!—возопилъ фра Тимотео,—святѣйшій гвоздь, святѣйшій гвоздь—у Леонардо!

— Не быть тому!—закричалъ Скарабулло, сжимая кулаки,—умремъ, а не дадимъ святыни на поруганіе. Отнимемъ гвоздь у безбожника!

— Отомстимъ за гвоздь! Отомстимъ за убитаго герцога!

— Куда вы братцы?—всплеснуль руками башмачникъ,—сейчасъ, обходъ ночной стражи. Капитанъ юстиціи...

— Къ черту Капитана юстиціи! Ступай подь юбку къ женѣ своей, Корболо, ежели трусишь!

Вооруженная палками, кольями, бердышами, камнями, съ крикомъ и бранью, двинулась толпа по улицамъ.

Впереди шелъ монахъ, держа Распятіе въ рукахъ, и пѣлъ цсаломъ:
«Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его, и да бѣгутъ отъ лица Его ненавидящіе Его.

«Какъ исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ, какъ воскъ отъ огня, такъ нечистивые да погибнутъ отъ лица Господня».

Смоляные факелы дымились и трещали. Въ ихъ багровомъ отблескѣ блѣднѣлъ опрокинутый серпъ одинокаго мѣсяца. Меркли тихія звѣзды.

X.

Леонардо работалъ въ своей мастерской надъ машиной для подъема святѣйшаго гвоздя. Зоростро дѣлалъ круглый ящикъ со стеклами и золотыми лучами, въ которомъ должна была храниться святыня. Въ темномъ углу мастерской сидѣлъ Джіованни Бельтраффіо, изрѣдка взглядывая на учителя:

Погруженный въ отвлеченное изслѣдованіе вопроса о передачѣ силы посредствомъ блоковъ и рычаговъ, Леонардо забылъ машину.

Только что кончилъ онъ сложное вычисленіе. Внутренняя необходимость разума—законъ математики—оправдывалъ вѣшнюю необходимость природы—законъ механики. Двѣ великія тайны сливались въ одну еще большую.

— Никогда не изобрѣтутъ люди, — думалъ онъ съ тихой, радостной улыбкой,—ничего столь совершеннаго, легкаго и прекраснаго, какъ явленіе природы. Божественная необходимость принуждаетъ законами своими вытекать изъ причины слѣдствіе кратчайшимъ путемъ.

Въ душѣ его было знакомое чувство благоговѣйнаго изумленія передъ бездною, въ которую онъ заглядывалъ, чувство, не похожее ни на одно изъ другихъ доступныхъ людямъ чувствъ.

На поляхъ, рядомъ съ чертежомъ подъемной машины для святѣйшаго гвоздя, рядомъ съ цифрами и вычисленіями, написалъ онъ слова, которыя въ сердцѣ его звучали, какъ молитва:

«O mirabile giustizia di te, primo Motore, tu non ài voluto mancare a nessuna poténzia l'ordine e qualità de sua necessari effetti.—O дивная

справедливость твоя, первый Двигатель! Ты не пожелаешь лишить никакую силу порядка и качества необходимых дѣйствій, ибо, ежели должно ей подвинуть тѣло на сто локтей, и на пути встрѣчается преграда, Ты повелѣшь, чтобы сила удара произвела новое движеніе, получая замѣну непройденнаго пути, различными толчками и сотрясеніями, о божественная необходимость твоя, первый Двигатель!»

Раздался громкій стукъ въ наружную дверь дома, гнѣвіе псалмовъ, брань и вопль разъяренной толпы.

Джіованни и Зороастро побѣжали узнать, что случилось.

Стряпуха Матурина, только что вскочившая съ постели, полуодѣтая, растрепанная, бросилась въ комнату съ крикомъ:

— Разбойники! Разбойники! Помогите! Матерь Пресвятая, помидуй насъ!

Вошелъ Марко д'Оджіоле съ аркебузой въ рукахъ и поспѣшивъ заперъ ставни на окнахъ.

— Что это, Марко? — спросилъ Леонардо.

— Не знаю. Какіе-то негодяи лезутъ въ домъ. Должно быть монахи взбунтовали чернь.

— Чего они хотятъ?

— Чортъ ихъ разберетъ, сволочь полоумную! Святѣйшаго гвоздя требуютъ.

— У меня его нѣтъ. Онъ въ ризницѣ у архіепископа Арчимбольдо.

— Я и то имъ говорилъ. Не слушаютъ. Бѣснуются. Вашу милость отравителемъ герцога Джіана Галеаццо называютъ, колдуномъ и безбожникомъ.

Крики на улицѣ усиливались:

— Отоприте! Отоприте! Или гнѣздо ваше проклятое спалимъ! Подожди, доберемся мы до шкуры твоей, Леонардо, антихристъ окаянный!

— Да воскреснетъ Богъ, да расточатся враги Его! — возглашалъ фра Тимотео, — и съ пѣніемъ его сливался пронзительный свистъ шагуна Фарфаниккіо.

Въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джьякопо, вскочилъ на подоконникъ, отворилъ ставню и хотѣлъ выпрыгнуть на дворъ, но Леонардо удержалъ его за край платья.

— Куда ты?

— За беровьеррами. Стража Капитана юстиціи въ этотъ часъ неподалеку проходитъ.

— Что ты? Богъ съ тобою, Джьякопо, — тебя поймаютъ и убьютъ!

— Не поймаютъ! Я черезъ стѣну къ теткѣ Труллѣ въ огородъ, потомъ въ канаву съ лопухомъ, и задворками... А если и убьютъ, лучше пусть меня, чѣмъ васъ!

Оглянувшись на Леонардо съ нѣжной и храброй улыбкой, мальчишъ вырвался изъ его рукъ, выскочилъ въ окно, крикнувъ со двора «выручу, не бойтесь!» — и захлопнулъ ставню.

— Шалунъ, бѣсенокъ,—покачала головой Матурина,—а вотъ въ бѣдѣ-то пригодился. И вправду, пожалуй, выручить...

Зазвенѣли разбитыя камнемъ стекла въ одномъ изъ верхнихъ оконъ.

Стряпуха жалобно вскрикнула, всплеснула руками, выбѣжала изъ комнаты, нащупала въ темнотѣ крутую лѣстницу погреба, скатилась по ней и, какъ потомъ сама рассказывала, залѣзла въ пустую винную бочку, гдѣ и просидѣла бы до утра, если бы ее не вытащили.

Марко побѣжалъ наверхъ заперать ставни.

Джіованни вернулся въ мастерскую, хотѣлъ опять сѣсть въ свой уголь, съ блѣднымъ, убитымъ и ко всему равнодушнымъ лицомъ, но посмотрѣлъ на Леонардо, подошелъ и вдругъ упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Что съ тобой? О чемъ ты, Джіованни?

— Они говорятъ, учитель... Я знаю, это неправда... Я не вѣрю... Но скажите... ради Бога, скажите мнѣ сами!

Онъ не кончилъ, задыхаясь отъ волненія.

— Ты сомнѣваешься,—молвилъ Леонардо съ печальной усмѣшкой,—правду ли они говорятъ, что я—убійца?

— Одно слово, только слово, учитель, изъ вашихъ устъ!

— Что я могу тебѣ сказать, другъ мой? И зачѣмъ? Все равно ты не повѣришь, если могъ усумниться.

— О мессэръ Леонардо,—воскликнулъ Джіованни,—я такъ измучился, я не знаю, что со мной... я съ ума схожу, учитель... Помогите! Сжальтесь! Я больше не могу... Скажите, что это неправда!

Леонардо молчалъ.

Потомъ, отвернувшись, молвилъ дрогнувшимъ голосомъ:

— И ты съ ними, и ты противъ меня!

Послышались такіе удары, что весь домъ задрожалъ: лудильщикъ Скарабулло рубилъ дверь топоромъ.

Леонардо прислушался къ воплямъ черни, и сердце его сжалось отъ знакомаго тихаго унынія, отъ чувства безпредѣльнаго одиночества.

Онъ опустилъ голову. Глаза его упали на строки, только что имъ написанныя:

«O mirabile giustizia di te primo Motore! O дивная справедливость твоя, первый Двигатель!»

«Такъ,—подумалъ онъ,—все благо, все отъ Тебя!

Онъ улыбулся и съ великой покорностью повторилъ слова умирающаго герцога Джіана Галеаццо:

«Да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ».

Д. С. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Воскресеніе», романъ Л. Толстого.—Неувядающая сила творчества Толстого.—Безпощадная правда его критики.—Характеръ главныхъ героевъ.—Пассивность Катюши.—Нехлюдовъ—представитель обыкновеннаго средняго человѣка.—Превосходное изображеніе его постепеннаго возрожденія.—Блестящія характеристики высшей бюрократіи.—Описаніе этапной жизни.—Политическіе ссыльные въ изображеніи Толстого.—Огромное значеніе этого романа.

«Воскресеніе» Л. Толстого, конечно, уже знакомо читателямъ, и намъ не приходится излагать его содержаніе. Въ этомъ великомъ произведеніи, равнаго которому не появлялось за послѣднее десятилѣтіе ни у насъ, ни въ иностранной литературѣ, больше чѣмъ достаточно матеріала для самыхъ разнообразныхъ выводовъ и заключеній. И какъ ни дерзко говорить о немъ въ бѣглой журнальной замѣткѣ, нельзя удержаться, чтобы не высказать хотя отчасти того, что такъ волнуетъ при чтеніи этого произведенія.

Прежде всего невольное изумленіе охватываетъ читателя при видѣ этой неувядающей силы творчества, какую проявилъ великій писатель, семидесятилѣтіе котораго еще такъ недавно было отпраздновано литературой и въ Россіи, и за границей. Не смотря на очевидную порчу, которой несомнѣнно подвергся романъ въ различныхъ мѣстахъ,—и вся ковцеція его, и отдѣльныя, удивительной красоты мѣста вполнѣ напоминаютъ того Толстого, какимъ мы его знаемъ въ «Войнѣ и мирѣ» или «Аннѣ Карениной». Та же широта захвата жизни, легкость и естественная простота, съ какими гениальной авторъ переноситъ насъ изъ тюрьмы въ залу суда, изъ суда въ великосибирское общество, изъ деревни въ столицу, изъ приемной министра въ камеру сибирскаго этапа. При этомъ не чувствуется ни малѣйшей дѣланности, какъ будто сама жизнь развертывается предъ нами во всемъ своемъ разнообразіи.

И какъ развертывается! Вы испытываете одновременно и потрясеніе отъ видимаго ужаса и несправедливости человѣческихъ отношеній, и умиленіе и радость за неугасимую жажду правды, которая все время чувствуется въ каждомъ моментѣ этихъ отношеній. Даже въ сценахъ самаго дикаго разгула насилія и неправды слышится неумолчный голосъ недремлющей совѣсти, къ которому чутко прислушивается авторъ и съ потрясающей силой передаетъ читателю. Благодаря этому чувству умиленія при видѣ торжества совѣсти надъ видимымъ господствомъ лжи, дикости, произвола, тягостныхъ и ненужныхъ жестокостей, чѣмъ такъ опугана жизнь человѣчества,—выносите ощущение бодрящей свѣжести и радостнаго настроенія. Это общее впечатлѣніе можно бы сравнить съ тѣмъ, какое производятъ старинныя легенды о мученичествѣ праведниковъ. Какъ въ этихъ легендахъ, такъ и здѣсь вся эта власть грубой силы и лжи кажется чѣмъ-то не настоящимъ, безъ корней, чѣмъ-то такимъ, что не прочно, не имѣетъ внутренняго развитія, а лишь временно и преходяще, что отпадетъ, какъ шелуха, когда наступитъ «полнота временъ».

Какъ въ прежнихъ романахъ Толстого, читатель сразу вводится въ центр дѣйствія и интереса повѣствованія, которое развертывается съ поразительной быстротой, захватывая и увлекая, и чѣмъ дѣлѣе, тѣмъ больше усиливается эта стремительность дѣйствія. Оба центральныхъ лица романа обрисованы на первыхъ же страницахъ во всей сложности или душевной драмы, наряду съ которой затѣмъ также быстро начинается другая, болѣе высокая общественная драма, борьба воскресающаго человѣка съ общественной неправдой. Вторая драма непосредственно вытекаетъ изъ первой, являясь первымъ необходимымъ актомъ воскресенія души, до того мертвой, погрязшей въ ложной условности и грязи жизни. И далѣе обѣ драмы идутъ параллельно, дополняя и освѣщая одна другую. Съ искусствомъ, доступнымъ только великому художнику, Толстой не отвлекается ни на одну минуту въ сторону, не теряетъ ни одной лишней строчки. Каждый штрихъ — это новая черта въ характерѣ главныхъ лицъ, въ ихъ душевной и общественной борьбѣ, новое явленіе, необходимое для усиленія правды общей картины нашей общественной жизни. Сжатость описанія доведена до виртуозности, что придаетъ всему роману особую силу, крѣпость и выразительность. Такая простота изложенія, почти дѣтская, доступна только или великимъ художникамъ, какъ Пушкинъ, напр., или тѣмъ простымъ и сильнымъ душамъ, для которыхъ всегда важенъ лишь самый предметъ разсказа, а все остальное кажется слишкомъ ненужнымъ и лишнимъ, чтобы стоило о немъ распространяться и останавливаться на немъ. Но эта простота не имѣетъ въ себѣ ничего героическаго или сибирскаго; напротивъ, въ ней есть что-то важное и строгое, что удивительно отвѣчаетъ важности содержанія.

А содержаніе это дѣйствительно такъ важно, что въ сравненіи съ нимъ все представляется и ничтожнымъ, и преходящимъ, какъ мимолетныя настроенія будничнаго дня. Воскресеніе Нехлюдова — это вопросъ о возможности воскресенія для каждаго, кто угрызъ въ тинѣ нечистой животныхъ страстей и мелкихъ будничныхъ интересахъ и потерялъ свободу души. Воскресаетъ въ романѣ не Катюша Маслова, которую погубилъ Нехлюдовъ, а онъ самъ. Катюша чиста, ея душа не тронута и свѣжа, она только усыплена ужасами жизни, которую съ легкой руки Нехлюдова ей пришлось вести. Катюша не воскресаетъ, а рассыпается, какъ только услышала благую вѣсть, что есть человѣкъ, который видитъ въ ней не просто предметъ для удовольствія, а человѣка такого же, какъ онъ самъ. Ей не съ чѣмъ бороться. Послѣ перваго момента оживленія старой острой боли, которая ей напомнила все ужасное, когда-то пережитое благодаря Нехлюдову, Катюша покорно отдается чужому настроенію, которое и есть ея настоящее и дѣльное настроеніе, всецѣло отвѣчающее ея складу души. Съ того ужаснаго момента, какой она пережила, когда бѣжала за побѣдою, увосившимъ Нехлюдова, она не жила, не была человѣкомъ, а превратилась въ предметъ купли и продажи, и когда по временамъ что-то просыпалось въ душѣ, обострялась боль смутнаго сознанія причиненной ей несправедливости, Катюша сейчасъ же старалась подавить ее обычнымъ въ ея положеніи средствомъ: «станетъ скучно — покурива или выпива, и пройдетъ». Катюша — жертва, и все время ея роль пассивная. Только въ послѣднемъ моментѣ ея окончательнаго пробужденія, когда она, любя Нехлюдова, жертвуетъ этимъ чувствомъ для болѣе высокаго дѣла служенія сражающимся и обремененнымъ, Катюша становится активнымъ существомъ. И все время въ романѣ не столько сама Катюша интересна, сколько окружающая ее обстановка, которая заслоняетъ ее постоянно. Сначала судъ, тюрьма, потомъ этапная жизнь, кружокъ политическихъ ссыльныхъ настолько привлекаютъ вниманіе, что даже подчасъ забываешь о ней, хотя она и должна бы быть центральнымъ лицомъ. Но ея пассивность, какъ жертвы, мѣшаетъ этому. И мѣсто, отведенное ей художникомъ въ романѣ, въ сущности незначительное. Только въ первыхъ главахъ она выступаетъ съ яркостью и

полнотой художественнаго изображенія, какія по силамъ одному Толстому. Удивительно чарующее впечатлѣніе производятъ эти главы, гдѣ описывается первое время сближенія ея съ Нехлюдовымъ, сцена въ церкви въ время заутрени, да еще то мѣсто, когда она ѣздитъ съ повѣдомъ. Последняя сцена, пожалуй, самое сильное въ художественномъ отношеніи мѣсто романа. Эти главы прекрасны и не уступаютъ лучшимъ мѣстамъ пражныхъ романовъ Толстого.

Тѣмъ не менѣе, главный интересъ сосредоточенъ на Нехлюдовѣ, который и является центральнымъ лицомъ романа. Его душевная борьба и борьба, которую онъ ведетъ съ общественными условіями, сосредоточиваютъ все вниманіе автора и читателей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ дѣйственная роль принадлежитъ Нехлюдову съ начала и до конца. Онъ—преступникъ, сначала только мучающийся сознаніемъ совершеннаго проступка, потомъ всѣ силы вкладующій на то, чтобы исправить причиненное зло и возстановить хотя отчасти нарушенную справедливость. Въ то же время онъ долженъ являться выразителемъ взглядовъ самого автора, что усложняетъ его личность въ романѣ и придаетъ ему двойной интересъ.

Что такое Нехлюдовъ? Прежде всего, какъ намъ кажется, онъ, по замыслу автора, человекъ вполне простой, отнюдь не выше средняго уровня. Конечно, въ своей средѣ, гдѣ онъ росъ, воспитывался и дѣйствовалъ, онъ несомнѣнно выше этого уровня, настолько выше, что его тамъ и не понимаютъ вовсе. Благодаря его знатности, богатству, родовитымъ связямъ, его уважаютъ, но подсмѣиваются, какъ надъ чужакомъ, который самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Этой средѣ онъ чуждъ всѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, его увлеченія, сомнѣнія, раскаяніе—все непонятно и смѣшно въ глазахъ его окружающихъ, даже преступно и не должно быть терпимо, какъ увѣренно заявляетъ мужъ его сестры, готовый требовать надъ немъ опеки, какъ надъ расточителемъ и ненормальнымъ субъектомъ. Но вся эта среда такъ чудовищно изменна, такъ плоска и ничтожна внутри, что видъ ея Нехлюдовъ—только средній человекъ, не выдающийся ни особыми способностями, ни особой силой воли, ни темпераментомъ. Какъ большинство людей интеллигентнаго круга, онъ получилъ рядъ взглядовъ, признаваемыхъ имъ правильными, но лишь въ отвлеченномъ смыслѣ имѣющихъ для него значеніе. Его убѣжденія—одно, а жизнь и практика—другое, и нужно это-либо странно выдающееся, чтобы заставить его проникнуть въ сознаніемъ этого противорѣчія и увидѣть, какъ онъ опустится отъ того идеала, который нѣкогда желалъ въ душѣ. Развѣ это не обычная исторія массы среднихъ людей? Вначалѣ «честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дѣло», потомъ—«развращенный, утонченный эгоистъ, любящій только свое наслажденіе». «Тогда міръ Божій представлялся ему тайной, которую онъ радостно и восторженно старался разгадать; теперь все въ этой жизни было просто и ясно и опредѣлялось тѣми условіями жизни, въ которыхъ онъ находился. Тогда нужно и важно было общеніе съ природой и съ людьми, жившими, мыслявшими и чувствовавшими до него (философами, поэтами); теперь нужны и важны были человѣческія учрежденія и общеніе съ товарищами. Тогда женщина представлялась таинственнымъ и прелестнымъ, — именно эту таинственность прелестнымъ существомъ; теперь значеніе женщины, всякой женщины, кромѣ своихъ семейныхъ и женъ друзей, было очень опредѣленное: женщина была однимъ изъ лучшихъ орудій испытаннаго уже наслажденія. Тогда не нужно было денегъ и можно было не брать и третьей части того, что давала мать, можно было отказаться отъ имѣнья отца и отдать его крестьянамъ; теперь же не доставало тѣхъ 1.500 р. въ мѣсяцъ, которые давала мать, и съ ней бывали уже непріятные разговоры изъ-за денегъ. Тогда своимъ настоящимъ я онъ считалъ свое духовное существо; теперь онъ считалъ собою свое здоровое, бодрое, животное я», — такъ характе-

ривуеъ Толстой прежняго и теперешняго Нехлюдова, и развѣ эта характеристика не приложима пѣбликомъ къ любому изъ массы среднихъ людей?

Авторъ по своему объясняетъ эту рѣзкую переиѣну, какую каждый можетъ найти въ себѣ, сравнивъ себя въ юности съ тѣмъ, какимъ, онъ становится потомъ. Но переиѣна вѣрно указана, и исторія Нехлюдова—это обычная исторія огромнаго большинства, что и дѣлаеъ его типичнымъ представителемъ середины. Немногимъ, правда, приходится пережить такую душевную катастрофу, какъ Нехлюдову, и большинство опускается постепенно, даже не замѣчая паденія.

Съ Нехлюдовымъ случилось не такъ, и не потому, чтобъ онъ обладалъ особой чувствительностью, но и его преступокъ самъ по себѣ былъ выдающимся и возмездіе, обручившееся на его голову, было таковымъ же. Нехлюдовъ не просто соблазнилъ дѣвушку, первую попавшуюся подъ руку, что такъ часто случалось и случается въ обыденной жизни. И такой поступокъ былъ-бы подлостью, для которой нѣтъ и не можетъ быть снисхожденія. Но обстоятельства, которыми сопровождался его поступокъ, дѣлаютъ его поистинѣ чудовищнымъ. Для него эта дѣвушка была раньше дорогимъ, любимымъ существомъ, одно присутствіе котораго освѣщало жизнь. «Какъ только Катюша входила въ комнату или даже издалека Нехлюдовъ видѣлъ ея бѣлый фартукъ, такъ все для него какъ-бы освѣщалось солнцемъ, все становилось интереснѣе, веселѣе, значительнѣе, жизнь становилась радостной... Но не только присутствіе и близость Катюши производили это дѣйствіе на Нехлюдова; это дѣйствіе производило на него одно сознаніе, что есть Катюша... Получалъ-ли Нехлюдовъ неприятное письмо отъ матери, или не ладилось его сочиненіе, или онъ чувствовалъ юношескую безпричинную грусть, стояло ему только вспомнить о томъ, что есть Катюша и онъ увидитъ ее, и все это разсѣивалось». И потому, когда онъ снова прѣзжаетъ вторично къ теткѣ въ деревню, гдѣ жила Катюша, его влечетъ къ ней любовь. Какъ и прежде, хотя самъ онъ уже измѣнился и изъ чистаго юноши превратился въ зауряднаго офицера, его охватываетъ то же чувство при видѣ ея. «Такъ же, какъ и прежде, онъ не могъ безъ волненія видѣть теперь бѣлый фартукъ Катюши, не могъ безъ радости слышать ея походку, ея голосъ, ея смѣхъ, не могъ безъ умиленія смотрѣть въ ея черныя, какъ мокрая смородина, глаза, особенно когда она улыбалась, не могъ главное, безъ смущенія видѣть, когда она краснѣла при встрѣчѣ съ нимъ». Съ особой чарующей силой и радостью онъ испытываетъ это чувство любви во время заутрени, когда онъ съ изумленіемъ думаетъ, какъ это другіе не замѣчаютъ «что все, что существуетъ здѣсь да и вездѣ на свѣтѣ—существуетъ только для Катюши, и что пренебречь можно всѣмъ на свѣтѣ, только не ею, потому что она—центръ всего. Для нея блистало золото иконостаса и горѣли всѣ эти свѣчи на паникадиляхъ и въ подсвѣчникахъ, для нея были эти радостные напѣвы: «Пасха Господня, радуйтесь люди». И все, что только было хорошаго на свѣтѣ, было для нея.» Словомъ, Нехлюдовъ любилъ ее всѣмъ пыломъ хорошаго, молодого чувства, и тѣмъ ужаснѣе, возобразнѣе былъ его поступокъ, которымъ завершилась эта любовь, когда на другой, день, прощаясь съ соблазненной имъ дѣвушкой, онъ далъ ей сто рублей, думая, этимъ не то что искупить, а хотя отчасти возмѣстить обиду. «Нѣтъ, возьми,—пробормоталъ онъ (когда Катюша отбивается отъ его денегъ), и сунуль ей конвертъ за пазуху и точно какъ будто онъ обжегся, онъ, морщась и стоная, побѣжалъ въ свою комнату. И долго послѣ это онъ все ходилъ по своей комнатѣ, и корчился, и даже прыгалъ, и вслухъ охалъ словно отъ физической боли, какъ только вспоминалъ эту сцену». Поступивъ какъ самый послѣдній негодяй, Нехлюдовъ не покаялся, не могъ даже представить себѣ всей глубины жестокости и обиды своего дѣла. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что всѣ его знакомые такъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, и это

до известной степени его успокаивало. А праздная, барская жизнь, «новья мѣста, товарищи, война», помогла ему и окончательно забыть весь этотъ эпизодъ.

И не встрѣтъ онъ случайно ту же Катюшу десять лѣтъ спустя на скамьѣ подсудимыхъ, Нехлюдовъ такъ и не вспомнилъ бы загубленную имъ дѣвушку. Вся жизнь его за это время сложилась такъ, какъ бываетъ въ его средѣ, обезпеченной, не знающей никакой дѣли, кромѣ наслажденій. Въ своихъ глазахъ и въ мнѣніи окружающихъ онъ считался вполне порядочнымъ, «корректнымъ» господиномъ, и даже, самъ не отдавая себѣ отчета, питалъ въ душѣ особые требованія на особую къ нему почтительность и уваженіе. Онъ унаследовалъ послѣ матери огромное состояніе, намѣревается обзавестись семьей, имѣеть любовницу «изъ вполне порядочнаго дома», и лишь смущается неудобствомъ ухаживать за дѣвушкой, на которой онъ хочетъ жениться, и въ то же время находится въ связи съ замужней женщиной.

Чтобы встряхнуть такую легко и удобно примѣняющуюся къ текущей обычной жизни натуру, надо что-либо ужасное, страшное, подавляющее. Но и послѣ встрѣчи, когда онъ видитъ уже послѣдствія своего поступка, онъ не сразу мѣняется, и здѣсь Толстой проявилъ удивительное пониманіе такихъ слабыхъ натуръ. Еще въ судѣ, когда Нехлюдовъ ясно видитъ, что Катюша невинна, онъ могъ-бы энергичнымъ вмѣшательствомъ при обсужденіи присяжными ея вины, измѣнить ихъ приговоръ. Но все время онъ молчитъ, погрузившись въ свои терзанія, и допускаетъ грубую неправомерность въ окончательномъ рѣшеніи присяжныхъ,—неправомерность, благодаря которой невинная женщина должна идти на каторгу. Въ томъ «безуміи эгоизма», въ которомъ Нехлюдовъ жилъ всѣ десять лѣтъ, иначе и быть не могло. Сначала у него является дрянной страхъ, что Катюша его узнала и сейчасъ при всѣхъ осрамитъ его. Потомъ—терзанія воспоминаніемъ о своемъ поступкѣ и даже затѣянная жалость къ себѣ, и только уже затѣмъ просыпается другое чувство, заставляющее Нехлюдова забыть на время себя и подумать о ней, предъ которой онъ провинился вторично, не отстоявъ ея интереса на судѣ, что было такъ просто и легко. Всѣ эти колебанія, попытка какъ-нибудь вывернуться изъ труднаго положенія и, наконецъ, отчаянное рѣшеніе жениться на обиженной имъ дважды Катюшѣ, обрисованное съ тонкостью и мастерствомъ великаго психолога-художника, дѣлаютъ изъ Нехлюдова вполне живое лицо. Такъ легко было-бы впасть въ мелодраматизмъ и фальшь, только немного усиливъ героизмъ положенія, въ которомъ очутился Нехлюдовъ. Ничего подобнаго, однако, мы не видимъ, и все время предъ нами не герой, а жалкій и слабый человѣкъ, выбитый изъ такъ хорошо, казалось, налаженной колеи жизни. Даже рѣшеніе жениться на Катюшѣ и начать новую жизнь не возвышаютъ его, ибо Толстой, отмѣтивъ облегченіе, какое при этомъ почувствовалъ Нехлюдовъ, немедленно ловитъ его: «На глазахъ его были слезы, когда онъ говорилъ себѣ это, и хорошія, и дурныя слезы, хорошія потому, что это были слезы радости, пробужденія въ себѣ того духовнаго существа, которое всѣ эти годы спало въ немъ, и дурныя потому, что они были слезы умиленія надъ самимъ собой, надъ своей добродѣтелью».

Отсюда еще далеко до воскресенія, до полнаго пониманія и себя, и своего поступка, и до того душевнаго подъема, когда человѣкъ сознательно дѣлаетъ добро не ради себя, а ради самого добра и въ этомъ испытываетъ великую радость. Нехлюдовъ долженъ пройти рядъ испытаний, которыя постепенно раскрываютъ ему глаза и очищаютъ его засоренную эгоизмомъ душу. Какъ всѣ слабые, не энергичные люди, Нехлюдовъ не въ силахъ управлять своей жизнью, скорѣе событія его влекутъ и направляютъ. Въ новомъ его настроеніи онъ не противится, когда эти событія его влекутъ въ хорошую сторону, какъ раньше не противился, когда жизнь, окружающіе, товарищи, мать—влекли его въ дурную.

И та же Катюша первая вскрываетъ ему истину его героическаго рѣшенія жениться на ней. При второмъ свиданіи въ тюрьмѣ происходитъ объясненіе, поразительное по силѣ и правдѣ. Даже у самого Толстого трудно указать такую потрясающую сцену, какъ это свиданіе. Когда Нехлюдовъ говоритъ, что пришелъ просить у нея прощенія, Катюша, предъ тѣмъ нѣсколько выпившая, смущается.

«— Ну что, все простить, простить, ни къ чему это... вы лучше...

«— Я хочу загладить свою вину,—продолжлъ Нехлюдовъ:—и загладить не словами, а дѣломъ. Я рѣшилъ жениться на васъ.

«Лицо ея вдругъ выразило испугъ. Косые глаза ея, остановившись, смотрѣли и не смотрѣли на него.

«— Это еще зачѣмъ понадобилось?—проговорила она, злобно хмурясь.

«— Я чувствую, что я передъ Богомъ долженъ сдѣлать это.

«— Какого еще Бога тамъ пашли? Все вы не то говорите. Бога? Какого Бога? Вотъ вы бы тогда помнили Бога,—сказала она и, раскрывъ ротъ, остановилась.

«Нехлюдовъ только теперь почувствовалъ сильный запахъ вина изъ ея рта и понялъ причину ея возбужденія.

«— Успокойтесь,—сказалъ онъ.

«— Нечего мнѣ успокаиваться. Ты думаешь, я пьяна? Я и пьяна, да помню, что говорю,—вдругъ быстро заговорила она и вся багрово покраснѣла:—я каторжная, а вы баринъ, князь, и нечего тебѣ со мной мараться. Ступай къ своимъ князьямъ...

«— Какъ бы жестоко ты ни говорила, ты не можешь сказать того, что я чувствую,—весь дрожа, тихо сказалъ Нехлюдовъ:—не можешь себѣ представить, до какой степени я чувствую свою вину передъ тобою!..

«— Чувствую вину!»—злобно передразнила она.—Тогда не чувствовалъ, а сунулъ 100 рублей. Вотъ—твоя цѣна!..

«— Знаю, знаю, но что же теперь дѣлать?—сказалъ Нехлюдовъ,—Теперь я рѣшилъ, что не оставляю тебѣ,—повторилъ онъ:—и что сказалъ, то сдѣлаю.

«— А я говорю, не сдѣлаете!—проговорила она и громко засмѣялась.

«— Катюша!—началъ онъ.

«— Уйди отъ меня! Я—каторжная, а ты—князь и нечего тебѣ тутъ быть,—вскрикнула она, вся преображенная гнѣвомъ, вырывая у него руку.—Ты мной хочешь спастись,—продолжала она, торопясь высказать все, что подыялось въ ея душѣ.—Ты мной въ этой жизни услаждался, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Противенъ ты мнѣ, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты!—закричала она, энергическимъ движеніемъ вскочивъ на ноги.

«Надзиратель подошелъ къ нимъ.

«— Ты что скандалишь! Развѣ такъ можно...

«— Оставьте, пожалуйста,—сказалъ Нехлюдовъ.

«— Чтобъ не забывалась,—сказалъ надзиратель.

«— Нѣтъ, подождите, пожалуйста,—сказалъ Нехлюдовъ. Надзиратель отошелъ къ окну.

«Маслова опять сѣла, опустивъ глаза и крѣпко сжавъ свои скрещенныя пальцами маленькія руки. Нехлюдовъ стоялъ надъ ней, не зная, что дѣлать.

«— Ты не вѣришь мнѣ,—сказалъ онъ.

«— Что вы жениться хотите—не будетъ этого никогда. Повѣшусь скорѣе! Вотъ вамъ.

«— Я все-таки буду служить тебѣ.

«— Ну, это ваше дѣло. Только мнѣ отъ васъ ничего не нужно. Это я вѣрно вамъ говорю,—сказала она.—И зачѣмъ я не умерла тогда,—прибавила она, и заплакала жалостнымъ тономъ».

Это ужасное объясненіе, при которомъ Нехлюдовъ играетъ такую жалкую роль, открываетъ ему глаза, и съ этого момента начинается для него настоящая казнь и виѣсть съ тѣмъ воскресеніемъ. «Да, такъ вотъ оно что! вотъ что! думалъ Нехлюдовъ, выходя изъ острога и только теперь вполнѣ понимая всю вину свою. Если бы онъ не попытался заглядити, искупить свой проступокъ, онъ никогда бы не почувствовалъ всей преступности его, мало того, и она бы не чувствовала всего зла, сдѣланнаго ей. Только теперь это все вышло наружу во всемъ своемъ ужасѣ. Онъ увидалъ теперь только, что онъ сдѣлалъ съ душой этой женщины, и она увидала и поняла, что было сдѣлано съ нею. Прежде Нехлюдовъ игралъ своимъ чувствомъ, любовался самимъ собой и своимъ раскаяніемъ, теперь ему просто было отрашно. Бросить ее, — онъ чувствовалъ это теперь, — онъ не могъ, а между тѣмъ не могъ себѣ представить, что выйдетъ изъ его отношеній къ ней».

И первое, въ чемъ начинается проявляться новый человекъ, пробуждающійся въ Нехлюдовѣ, это вниманіе и сочувствіе къ чужимъ страданіямъ. Въ романѣ идутъ рядомъ двѣ работы, совершаемыя Нехлюдовымъ: работа надъ собой, надъ своимъ воскресеніемъ, и безкорыстная чистая работа для другихъ. Этотъ параллелизмъ, превосходно проведенный до мельчайшихъ деталей, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ окончательное торжество новаго человека, исполненнаго готовности на любое самопожертваніе, надъ прежнимъ эгоистическимъ животнымъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ подавляло всякое проявленіе духовнаго существа Нехлюдова. Такая побѣда не дается сразу и даромъ, какъ казалось вначалѣ Нехлюдову послѣ его сверопалительнаго рѣшенія: «женюсь на ней, если надо». Онъ увидѣлъ, что отъ Катюши это зависитъ гораздо больше, чѣмъ отъ него, а кромѣ того, въ самомъ этомъ рѣшеніи было больше фарисейскаго самолюбія, чѣмъ искреннаго горячаго чувства.

Трудно совлекается старый человекъ со всемъ его комплексомъ привычекъ, взглядовъ, отношеній къ другимъ людямъ, съ которыми онъ сжился и связанъ тысячами неувольнимыхъ, но весьма прочныхъ нитей. Вся вторая часть романа посвящена описанію той внутренней и внѣшней борьбы, которую ему приходится вести съ той минуты, когда свое рѣшеніе посвятить себя Катюшѣ и страдающимъ онъ начинаетъ приводить въ исполненіе. Эта часть далеко уступаетъ первой по художественности. Въ ней больше отвѣдено мѣста размышленіямъ и наблюденіямъ, устами Нехлюдова то и дѣло говорить самъ Толстой, что такъ любить авторъ вообще. Въ деревнѣ Нехлюдовъ пытается растолковать мужикамъ теорію Генри Джоржа о націонализациі земли, теорію, которой Толстой, видимо, придаетъ вполнѣ серьезное значеніе. Въ столицѣ авторъ водитъ Нехлюдова по разнымъ пріемнымъ высокопоставленныхъ лицъ, и здѣсь его мѣткія характеристики и опредѣленія разныхъ учреждений болѣе интересны и важны, чѣмъ увлеченіе Генри Джоржемъ. Здѣсь для него открывается широкое поле для уничтожающей критики, съ которою Толстой относится къ обществу. Сцена въ сенатѣ, разборъ кассационной жалобы, поданной Нехлюдовымъ отъ имени Масловой, превосходна. Лучшее всего, однако, удивительныя характеристики сановныхъ лицъ, по истинѣ подлинныя историческіе портреты, напоминающіе его же характеристики въ «Войнѣ и мирѣ». Въ нихъ сконцентрировано все бездушье и формализмъ высшей бюрократіи, далекой всего живого, неспособной понять даже, когда это живое стонетъ и корчится въ мукахъ отъ тѣхъ экспериментовъ, какіе продѣлываетъ надъ нимъ формализмъ. Припомнимъ, напр., стараго генерала-спирита, съ бѣлымъ крестомъ въ петличкѣ, къ которому Нехлюдовъ обращается съ просьбой о смягченіи участи одного заключеннаго. «Онъ строго исполнялъ предписанія высшаго начальства и особенно дорожилъ этимъ исполненіемъ. Приписывая этимъ предписаніямъ особенное значеніе, онъ считалъ, что все на свѣтѣ можно измѣнить, но только не эти предписанія». Въ изображеніи этого

живого мертвеца есть что-то почти мистическое, апокалипсическое, и вась невольно охватывает тоже чувство безнадежности, какъ и Нехлюдова. Не менѣе хороши и типы сенаторовъ, обсуждающихъ кассационную жалобу, но полнѣе и ярче другихъ изображение дяди Нехлюдова, бывшего министра, «главные качества котораго состояли въ томъ, во-первыхъ, что онъ умѣлъ понимать смыслъ написанныхъ бумагъ и законовъ и хотя и нескладно, но умѣлъ составлять удобопонятныя бумаги и писать ихъ безъ орфографическихъ ошибокъ; во-вторыхъ, въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно представительнъ, и, гдѣ нужно было, могъ являть видъ не только гордости, но непруступности и величія, а гдѣ нужно было, могъ быть подобострастенъ; въ-третьихъ, въ томъ, что у него не было никакихъ общихъ принциповъ или правилъ, ни нравственныхъ, ни государственныхъ, и что онъ поэтому со всѣми могъ быть согласенъ, когда это нужно было, и когда это нужно было, могъ быть со всѣми не согласенъ. Поступая такъ, онъ старался только о томъ, чтобы былъ выдержанъ тонъ и не было явнаго противорѣчія самому себѣ; къ тому же, нравственны или безнравственны его поступки сами по себѣ, и произойдетъ ли отъ нихъ величайшее благо или величайшій вредъ для Россійской имперіи или для всего міра,—онъ былъ совершенно равнодушенъ. Когда онъ сдѣлался министромъ, не только всѣ зависѣвшіе отъ него, а зависѣло отъ него очень много людей и приближенныхъ, но и всѣ посторонніе люди, и онъ самъ были увѣрены, что онъ очень умный государственный человѣкъ. Но когда прошло извѣстное время, и онъ ничего не устроилъ, ничего не показалъ и когда, по закону борьбы за существованіе, точно такіе же, какъ и онъ, научившіеся писать и понимать бумаги, представительные и безпринципные чиновники вытѣснили его, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку, то всѣмъ стало ясно, что онъ былъ не только не особенно умный человѣкъ, но очень ограниченный и мало образованный, хотя и очень самоувѣренный человѣкъ, который едва-едва поднимался въ своихъ взглядахъ до уровня передовыхъ статей консервативныхъ газетъ. Оказалось, что въ немъ ничего не было отличающаго его отъ другихъ мало образованныхъ и самоувѣренныхъ чиновниковъ, которые его вытѣснили, и онъ самъ это понималъ, но это нисколько не поколебало его убѣжденія въ томъ что онъ долженъ каждый годъ получать большое количество казенныхъ денегъ и новые ордена».

Единственное, до извѣстной степени человѣческое лицо, съ которымъ сталкивается Нехлюдовъ, это его бывший товарищ Селенинъ, по крайней мѣрѣ, въ немъ еще живо чувство не виѣшней, а внутренней порядочности. Но и онъ уже почти совсѣмъ отравленъ мертвечиной бюрократіи, и для него важнѣе форма, а не сущность. Онъ стоитъ за отказъ въ пересмотрѣ дѣла Катюши только потому, что не соблюдена формальность — «надо было записать въ протоколъ». Этого не сдѣлано, и пусть гибнетъ человѣкъ. Встрѣча съ Селенинымъ является послѣднимъ толчкомъ, окончательно заставляющимъ Нехлюдова махнуть рукой на этотъ мертвый кругъ, гдѣ онъ чѣстога врацался. Пріимъ Селенина, когда-то такого правдиваго, вѣрнаго, честнаго и чистаго, котораго этотъ кругъ все-таки превратилъ въ мумію,—убѣждаетъ его, что для живой души, для хорошей, умной и честной работы на пользу людей здѣсь нѣтъ мѣста. И служба, и семья здѣсь все «не то», одна ложь и взаимный обманъ. Въ то же время есть что-то подкупающее и заманчивое въ тѣхъ мягкихъ, культурпоутонченныхъ формахъ, въ которыя отлились здѣсь ложь и обманъ. Нехлюдовъ это испытываетъ на себѣ въ мимолетномъ flirtѣ, завязывающемся у него съ женой того больного чиновника, отъ котораго зависитъ судьба политическихъ. У него возникаетъ мучительное сомнѣніе. «Хорошо ли я сдѣлаю, ухавъ въ Сибирь? И хорошо ли сдѣлаю, лишивъ себя богатства?» Но развѣ донявъ ложь всего этого круга, онъ уже не можетъ вернуться туда, его гонитъ чувство гадливости, какое онъ испытываетъ стъ общаго лганія, взаимнаго лицемерія и

чудовишной наглости царящаго здѣсь животнаго эгоизма. И прежде приходилось ему испытывать такое же ощущеніе гадливости, въ тѣ минуты, когда онъ производилъ, по его выраженію, «чистку души», но равьше дальше «чистки» дѣло не шло. Очищенную душу онъ снова и немедля засорялъ тѣмъ же хламомъ. Теперь въ его душѣ была забота, много заботъ о другихъ, о самыхъ важныхъ для нихъ дѣлахъ, и эта забота не позволила ему удалиться съ избранной дороги.

Изъ Петербурга Нехлюдовъ возвращается наполовину возрожденнымъ и вполне воскресаетъ къ новой жизни, пройдя тягостный путь отъ Москвы до Иркутска по ужаснымъ этапамъ вмѣстѣ съ партией, въ которой идетъ Маслова. Третья часть, самая краткая, видимо много-много сокращенная, едва ли не самая интересная, хотя и не такъ сильно написана, какъ первая. Въ литературѣ послѣдняго времени впервые выступаютъ здѣсь политическіе ссыльные, съ которыми удается Нехлюдову поимѣстать Маслову и тѣмъ уберечь ее отъ ужасовъ уголовной среды. Огромный талантъ, его несравненная психологическая проницательность помогли Толстому справиться съ этой новой задачей. Онъ обрисовалъ рядъ типовъ политическихъ ссыльныхъ, избѣжавъ двухъ крайностей—не возводя на пьедесталъ и не принижая ихъ. Онѣ вышли у него такими же живыми людьми, какъ и остальные, кого только онъ коснулся своимъ магическимъ творческимъ перомъ. Онъ сумѣлъ подмѣтить въ нихъ и то, что сближаетъ ихъ съ обыкновенными людьми, и то, что выдѣляетъ ихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Художественная перспектива соблюдена съ поразительной вѣрностью, и въ свою огромную галерею типовъ Толстой ввела рядъ новыхъ. Послѣдующей литературѣ остается только ихъ дополнять и развивать,—тонъ данъ вѣрный и путь указанъ настоящій.

Нехлюдовъ, видя ихъ благотворное вліяніе на Маслову, сближается съ ними дорогой и, узнавъ ихъ ближе, убѣждается, «что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ многие, и не были сплошные герои, какими нѣкоторые изъ нихъ считали людей своей партіи, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошіе и дурные, и средніе люди. Были между ними и такіе, которые руководствовались эгоистическими, тщеславными мотивами; большинство же было привлечено знакомымъ Нехлюдову, по военному времени, желаніемъ опасности, риска, наслаженіемъ игры своей жизнью, чувствами, свойственнымъ самой обыкновенной энергической молодежи... Это были такіе же люди, какъ и всѣ, но съ тою разницей, что тѣ изъ нихъ, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его, представляя изъ себя часто людей несправедливыхъ, притворяющихся и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренныхъ и гордыхъ».

Въ описаніи Толстого, однако, большинство, если не всѣ, несомнѣнно выше того средняго уровня, которымъ ихъ мѣряетъ авторъ. Только одинъ, нѣкто Новодворовъ, производитъ нѣсколько иное впечатлѣніе, и Нехлюдовъ, «не смотря на то благодушное настроеніе, въ которомъ онъ находился во время путешествія», не любитъ его и даже презираетъ въ душѣ. Всѣ портреты набросаны бѣгло, за исключеніемъ двухъ—дѣвушки Марьи Павловны и Симонсона, къ которымъ Толстой постоянно возвращается, рисуя ихъ съ необычайной теплотой и любовью. Первая является у него олицетвореніемъ истинной дѣйственной доброты и дѣятельной любви къ людямъ, идеаломъ настоящаго человека. Одинъ изъ ея товарищей, тотъ самый Новодворовъ, столь несампатичный автору, «шутя, говорить про нее, что она предается спорту благотворенія. И это была правда. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найги дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знав-

шіе ее, уже не дѣлили, а требовали этого». Другой, Симонсонъ, выступаетъ олицетвореніемъ самостоятельной мысли, всецѣло стремящейся къ правдѣ жизни. Онъ никогда не подчиняется чужому мнѣнію, а только голосу собственнаго разума, и что признаетъ правильнымъ, тому слѣдуетъ неуклонно. Съ людьми онъ былъ вротокъ и скромнень, но «когда онъ рѣшилъ что-нибудь, ничто уже не могло остановить его».

Эти два человѣка оказали рѣшительное вліяніе на судьбу Масловой. Марья Павловна своей любовью къ ней, какъ къ несчастной, нуждающейся въ помощи. Симонсонъ тѣмъ, что горячо и безповоротно полюбилъ ее. «Маслова женскимъ чутьемъ очень скоро догадалась объ этомъ, и сознание того, что она могла возбудить любовь въ такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, подняло ее въ ея собственномъ мнѣніи. Нехлюдовъ предлагалъ ей бракъ по великодушію и по тому, что было прежде, но Симонсонъ любилъ ее такую, какою она была теперь, и любилъ прямо за то, что любилъ». Судьба Катюши рѣшилась такимъ образомъ, и Толстой служилъ сдѣлать это рѣшеніе вполне жизненнымъ и простымъ. Окончательное преобразование Катюши въ обществѣ хорошихъ людей подъ вліяніемъ двухъ равно сильныхъ чувствъ вполне естественно. Не испорченная, по существу здоровая и хорошая натура дѣвушки очнулась изъ подъ наслоенія житейскаго хлама и проявила себя такою, какою она была до роковой для нея встрѣчи съ Нехлюдовымъ. Катюша нѣсколько колеблется между Нехлюдовымъ и Симонсономъ. Перваго она сама любитъ, старое чувство къ нему не могло не проснуться при видѣ его раскаянія и тѣхъ усилій, какія онъ дѣлалъ для облегченія ея жизни, Второго любитъ ее, и она принимаетъ его предложеніе. Съ тѣмъ же женскимъ инстинктомъ она поняла, что въ Нехлюдовѣ говоритъ только великодушіе, а не любовь къ ней, и что жизнь съ нимъ въ Сибиріи превратилась бы для обитѣ въ своего рода каторгу. Ее подавляла бы ежедневная мысль о его великодушіи, его—сознаніи необходимости выпознать долгъ до конца. Тогда какъ Симонсонъ предлагалъ ей чистое и горячее чувство, жизнь на правахъ равной съ равнымъ, общее дѣло и общіе интересы. Въ этомъ рѣшеніи ея скажется полная побѣда прежней Катюши, только возвышенной и очищенной страданіемъ, надъ грѣшной Катюшей, какою встрѣтилъ ее Нехлюдовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Она вторично приноситъ ему себя въ жертву, сознательно отказываясь отъ любимаго человѣка, чтобы не испортить ему жизни.

Катюша, дѣйствительно, воскресла. Какъ бы ни сложилась ея дальнѣйшая жизнь, будетъ она счастлива съ новымъ мужемъ или нѣтъ—это уже не важно. Одно несомнѣнно—это будетъ жизнь хорошихъ людей, тружениковъ, честно несущихъ крестъ свой и въ мѣру силъ помогающихъ другимъ вѣста его. Иное дѣло Нехлюдовъ. Онъ тоже преобразился, и для него нѣтъ возврата къ прежней, сытой и праздной, жизни тунеядца, жизни гриба-паразита, высасывающаго соки изъ благороднаго дерева. Онъ понялъ это при послѣднемъ свиданіи съ Катюшей. Одинъ моментъ на него напала слабость, когда онъ видѣлъ счастливую семейную чету въ губернаторскомъ домѣ, «и ему стало завидно и захотѣлось себѣ такого же изящнаго, чистаго какъ ему казалось, счастья». Но то что онъ снова увидѣлъ въ тюрьмѣ, пробудило его. «То, что было въ домѣ генерала, то былъ сонъ, а это, все то, что онъ видѣлъ теперь, и вся та дѣятельность, которую вызывало и которой требовало отъ него все то, что онъ видѣлъ, была настоящая жизнь, настоящая дѣятельность». Только усыпленные и ослабленные «изящнымъ и чистымъ» личнымъ счастьемъ могутъ чувствовать себя далекими отъ ужаса этой настоящей жизни. Кто разъ пробудился и повялъ эту дѣйствительную жизнь, лишенную всякихъ прикрасъ изящества и чистоты, тотъ не можетъ искать для себя такого личнаго счастья. Для него—иной путь, иное счастье.

Этотъ путь Толстой указываетъ словами евангелія, въ притчѣ о виногра-

даряхъ. «Въ этомъ все» — думалъ Нехлюдовъ. — «Я жилъ и всё мы живемъ въ несънной увѣренности, что мы сами хозяева своей жизни, что она дана намъ для нашего наслажденія. А, вѣдь, это, очевидно, не такъ. Вѣдь, если мы посланы сюда, то по чьей-нибудь волѣ и для чего-нибудь. А мы рѣшили, что мы, какъ грибы: родились и живемъ только для своей радости, и ясно, что измъ дурно, какъ дурно работнику, не исполняющему воли хозяина. Воля же хозяина выражена въ ученіи Христа. Только исполняй люди это ученіе, и на земли установится царство Божіе и люди получатъ наибольшее благо, которое доступно имъ».

Романъ на этомъ оканчивается, а новая жизнь для Нехлюдова этимъ должна начаться. Толстой не даетъ никакихъ указаній, въ какой формѣ проявится новая жизнь Нехлюдова. Мы можемъ, конечно, предположить, что онъ станетъ продолжать ту работу для другихъ, которую дѣлалъ для Катюши и всѣхъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею. Но этого, однако, мало, хотя и страшно много само по себѣ. Вопросъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ онъ представляется Нехлюдову. Недаромъ же люди почти двѣ тысячи лѣтъ слышать ученіе Христа и все еще не могутъ устроить своей жизни согласно этому ученію. Значитъ, есть что-то, что сильнѣе ихъ, что мѣшаетъ имъ, и ссылка на это ученіе, какъ на разрѣшеніе всего, еще не даетъ отвѣта на вопросъ, поставленный Нехлюдовымъ, что дѣлать? Какъ устроить жизнь, чтобы не было ни «ослѣпленныхъ», ни «сумасшедшихъ», ни «овѣрѣвшихъ» людей? Громадная, неоцѣненная заслуга автора въ томъ и заключается, что онъ съ страшной силой возбуждаетъ въ читателѣ этотъ вопросъ. Его романъ сильнѣе его проповѣди, какъ, вообще, жизнь сильнѣе самыхъ умныхъ и строго логическихъ разсужденій. А «Воскресеніе» — это сама жизнь, это — печальная и ужасная правда. Исторія Катюши — это исторія тысячи-тысячъ Катюшъ, гибнущихъ на зарѣ жизни и не воскресающихъ никогда. Исторія Нехлюдова — тоже обычная исторія постепеннаго паденія огромной массы когда-то хорошихъ и чистыхъ юношей, превращающихся въ сытыхъ самодовольныхъ животныхъ, въ «безуміи эгоизма» не замѣчающихъ этого паденія. А вся обстановка, при которой разыгрывается драма этихъ двухъ людей, жизнь въ тюрьмѣ, судъ, этапъ, высшая бюрократія — развѣ это не сама дѣйствительность, та «настоящая жизнь», къ которой мы такъ привыкли, что уже и не замѣчаемъ всѣхъ ея ужасовъ? И нуженъ такой огромный талантъ, какъ Толстого, чтобы заставить насъ очнуться и задуматься надъ нею.

Этого результата Толстой несомнѣнно достигъ. Ни одно крупное художественное произведеніе не было до сихъ поръ такъ распространено, какъ «Воскресеніе», такъ читаемо и обсуждаемо. Оно проникло въ самые далекіе уголки, куда рѣдко проникаетъ книга, и тамъ возбудило еще большее вниманіе, чѣмъ на поверхности жизни. Огромное значеніе этого факта скажется въ той или иной формѣ въ свое время. Теперь же можно сказать, что результатъ будетъ самый благотворный, ибо мысли и чувства, возбуждаемыя романомъ, очищаютъ душу и воскресятъ не одного Нехлюдова, спасутъ не одну Катюшу.

А. Б.

ПОЭТЪ „СЕРМЯЖНЫХЪ ГЕРОЕВЪ“.

(Памяти Дмитрія Васильевича Григоровича).

22-го декабря 1899 г. въ 4 ч. пополудни скончался послѣ кратковременной болѣзни Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ; 26-го декабря схоронили его на Волковомъ кладбищѣ подлѣ его великихъ современниковъ и друзей, Тургенева, Салтыкова и Кавелина.

Послѣдній мѣстѣ изъ славнаго кружка писателей сороковыхъ годовъ,—Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго, Герцена, Некрасова, Писемскаго, Бѣлинскаго,—онъ пережилъ ихъ всѣхъ, достигнувъ рѣдкой для русскаго писателя старости, почти 78 лѣтъ. Мало того, что, за исключеніемъ одного Державина (даже Крыловъ дожилъ только до 76 лѣтъ), онъ по годамъ былъ старше всѣхъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей за цѣлыя два вѣка;—онъ остался бодръ и живъ духомъ до конца, молодъ и отзывчивъ на добро, «сохранивъ въ душѣ желаніе, въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ». Почти 60 лѣтъ, до самой смерти, онъ трудился для литературы, какъ писатель, и для русскаго искусства, какъ основатель и директоръ художественно-ремесленнаго музея въ Петербургѣ въ обществѣ поощренія художествъ, гдѣ способствовалъ развитію и упроченію прекрасной рисовальной школы, поддерживалъ и руководилъ многихъ русскихъ художниковъ, къ которымъ относился всегда съ величайшимъ участіемъ.

Но всего болѣе дорогъ онъ для русской литературы, въ которой на вѣки занялъ почетное и совершенно особое мѣсто, тѣсно примыкая, по духу и характеру, къ писателямъ сороковыхъ годовъ. Всѣ они, подъ вліяніемъ Пушкина, Гоголя и Лермонтова, съ одной стороны, и социальныхъ теченій съ запада, съ другой, звали къ свѣту и правдѣ, явившись проповѣдниками гуманности и служенія униженнымъ, оскорбленнымъ и забытымъ; къ тому же свѣту и правдѣ звали, то же проповѣдывалъ и тому же служилъ горячо и искренно и Григоровичъ, но только по своему. Въ то время, какъ его товарищи по перу отличались разнообразіемъ содержанія, изображая съ одинаковымъ талантомъ и русскую интеллигенцію, и русскую женщину, жизни же крестьянской касаясь, сравнительно, мало, какъ, напр., Тургеневъ, съ этой стороны прославившійся только *Записками охотника*,—Григоровичъ, если оставить въ сторонѣ уже и теперь его забытыя повѣсти изъ жизни петербургскихъ чиновниковъ и романъ «Преселочныя дороги», и началъ свою извѣстность, и закончилъ ее въ смыслѣ почти исключительно изобраителя крѣпостной, до-реформенной Руси. Съ освобожденіемъ крестьянъ въ 1861 г. онъ почти вовсе прекращаетъ свою литературную дѣятельность, точно сознавая, что его великая миссія—проповѣдь освобожденія—кончена, и весь отдается дѣятельности чисто художественной, явившись въ литературѣ опять только много позже и уже болѣе не производя ничего по значенію равнаго своимъ прежнимъ произведеніямъ. Григоровичъ—писатель дальняго до-реформеннаго прошлаго. Теперь его читаютъ рѣдко и не безъ основанія считаютъ нѣсколько устарѣлымъ по многорѣчивости нѣкоторой сентиментальности. Но въ то же время онъ и писатель настоящаго и еще долгаго будущаго, но только для школы, для народа, для котораго онъ интересенъ,

какъ мастерской рассказчикъ, завлекательно дѣйствуя на читателя, нерѣдко глубоко потрясаемаго силою его яркаго драматизма и правдиваго эффекта, не говоря уже объ уясненіи народу его собственной жизни.

Но если теперь онъ и представляетъ для образованной публики явленіе, отчасти уже историческое, не то было 54 года назадъ. Тогда, въ 1846 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще за годъ до появленія перваго разсказа изъ *Записокъ охотника*—первой своей повѣстью изъ крестьянскаго быта, *Деревня*, сразу доставившей ему извѣстность, сказалъ онъ свое *новое*, горячее и высоко-талантливое слово. Это слово было о сѣромъ и темномъ русскомъ мужикѣ, о простой русской бабѣ, о бѣдномъ крестьянскомъ ребенкѣ. До того времени писали у насъ о помѣщикѣ, о влюбленной барышнѣ, о чиновникѣ; правда, кое-что изъ современной крестьянской жизни изобразилъ и Пушкинъ (знаменитое стихотвореніе *Деревня* было тогда извѣстно только въ первой половинѣ, да и то подъ особымъ заглавіемъ *Уединеніе*); пропѣлъ свои пѣсни и Кольцовъ;—но сѣрой, мужицкой жизни, мужицкаго, бабьяго, дѣтскаго горя, всей ужасающей прозы этой каторжной жизни до Григоровича, за исключеніемъ мало кому извѣстнаго Радищева, еще не изображалъ никто. Десятки миллионъ живыхъ людей изнывали подъ властью помѣщиковъ, управляющихъ и чиновниковъ, влача жалкую жизнь въ грязи, убожествѣ, нищетѣ и поражающемъ невѣжествѣ, и никому до этого цѣлаго царства тьмы не было никакого дѣла. Но раздалось новое слово Григоровича, какъ Колумба, открывшаго новую Америку, и на всѣхъ произвело оно впечатлѣніе, по истинѣ, ошеломляющее,—впечатлѣніе, которое, до какой-то степени, напоминаетъ эффектъ, произведенный позже въ Америкѣ и Европѣ знаменитымъ романомъ Бичеръ-Стоу «Хижина дядя Тома». О чемъ же рассказывалось въ повѣсти? Рассказывалось о горькой судьбѣ крестьянской дѣвочки-сиротки Акулины, объ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ растутъ по нищетѣ и невѣжеству народа крестьянскіе дѣти, о подневольномъ, по барской волѣ, замужествѣ сиротки, объ ея бабьей долѣ и о томъ, что претерпѣла она отъ мужниной родни и пьянаго-дикаря мужа, вколотившаго свою бабу въ гробъ.

Еще большее впечатлѣніе произвела въ слѣдующемъ 1847 году явившаяся въ «Современникѣ» повѣсть *Антонъ-Горемыка*, гдѣ рассказывалась судьба мірскаго ходатая и радѣтеля, котораго крестьяне забытой бариномъ деревни послали жаловаться барину на управляющаго; рассказывалось о томъ, какъ управляющій перехватилъ ходока и сгноилъ міроваго заступника въ острогѣ. Здѣсь еще шире и глубже захватывался смыслъ и содержаніе крестьянской тогдашней жизни, и самъ цензоръ, извѣстный профессоръ Никитенко, рѣшился, какъ говорятъ, передѣлать конецъ повѣсти, который въ настоящемъ своемъ видѣ въ цензурномъ отношеніи былъ немислимъ, такъ какъ повѣсть оканчивалась поджогомъ крестьянами дома управляющаго и его гибелью. Третій разсказъ, напоминающій по мысли Пушкинскаго «Утопленника» (добрая барыня и мужики, изъ боязни суда, ночью, въ непогоду, выгоняютъ больного старика умирать въ погѣ, на чужой землѣ), съ честью поддержалъ быстро создавшуюся славу молодого писателя, и извѣстность его была упрочена. И вотъ, послѣдствительно, чуть не изъ года въ годъ, появляются все новыя и новыя его произведенія и не только изъ крестьянскаго, но и чиновничьяго быта. Всѣ они въ свое время имѣли успѣхъ, но только одни крестьянскіе сюжеты возбуждаютъ особенное вниманіе и поддерживаютъ его славу, какъ горячаго и правдиваго изобразителя народной жизни, въ которой отыскиваетъ онъ не только однѣ мрачныя стороны («Мать и дочь», «Смедовская долина»), но и свѣтлыя, стараясь именно возбудить особенную любовь и участіе къ своимъ *сермяжнымъ героямъ*. Во всѣхъ нихъ онъ всегда видитъ челоуѣка, нашего меньшаго, угнетеннаго вѣрнопостничествомъ и невѣжествомъ брата, съ тѣмъ же сердцемъ и душой, какъ я у насъ, людей образованныхъ («Пахарь», «Четыре времени

года», «Прохожій», «Свѣтло Христово воскресеніе» и др.). Нельзя не замѣтить, однако, что, при всѣхъ достоинствахъ литературныхъ, въ большей или меньшей степени отличающихъ всѣ народныя произведенія Григоровича, ему удалось особенно тѣ, гдѣ онъ рисуетъ отрицательныя стороны крестьянской жизни, прекрасно изображенныя въ «Рыбакахъ» и преимущественно въ «Переселенцахъ»—этихъ, первыхъ по времени и до сихъ поръ еще не потерявшихъ значенія, двухъ большихъ романахъ изъ крестьянскаго быта, настолько сильныхъ и интересныхъ, что въ послѣдніе годы до-реформенной эпохи и даже позже ими зачитывалась вся образованная публика. И если такія вещи, какъ «Пахарь» и «Прохожій», справедливо кажутся теперь слащавыми и наивными, то *Деревня*, *Антонъ-Горемыка*, *Мать и дочь*, *Бобыль*, *Рыбаки* и *Переселенцы*, составляя, особенно для школы и народа, интереснѣйшее чтеніе, останутся въ литературѣ навсегда драгоцѣнною лѣтописью того, въ какомъ положеніи и какимъ былъ, вслѣдствіе условій жизни, темный русскій народъ въ послѣднія десятилѣтія передъ великимъ актомъ освобожденія. Если же къ собственно крестьянскимъ произведеніямъ покойнаго присоединить еще рассказы изъ жизни вообще обездоленнаго люда, какъ *Капельмейстеръ Сусликовъ*, *Неудавшаяся жизнь*, *Петербургскіе шарманщики*, *Зимній вечеръ* и прекрасный рассказъ *Гуттаперчевый мальчикъ*, писанный уже въ старости, рассказы о неудачныхъ художникахъ, бѣднякахъ гаерахъ и несчастныхъ дѣтяхъ акробатахъ,—то нельзя не признать, что въ лицѣ Григоровича сошелъ въ могилу послѣднимъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ и талантливѣйшихъ писателей-гуманистовъ сороковыхъ годовъ, въ жестокой вѣкъ до-реформенной Руси всегда оставшійся глашатаемъ правды, человѣческаго достоинства, свободы и просвѣщенія массы, особенно много послужившій русскому закрѣпощенному народу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи его можно бы сравнить съ Кольцовымъ. Какъ послѣдній въ задушевныхъ пѣсняхъ своихъ изобразилъ мужицкое горе и немногія радости въ лиричѣ, въ общихъ чертахъ, намеками, робко и непосредственно, чутьемъ гениальной души,—такъ первый, просвѣщенный образованіемъ, вполне сознательно, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ (1846—1861 г.) въ ярнѣхъ, нерѣдко полныхъ драматизма и всегда задушевности, подробностяхъ рисовалъ то же самое, что и Кольцовъ,—только эпически, со всѣми деталями народной обстановки и быта, захватывая этотъ бытъ съ разныхъ сторонъ, въ великомъ разнообразіи сюжетовъ и типовъ, которыхъ до Григоровича не касался еще никто. Примыкая, съ одной стороны, къ Кольцову, народнику-запѣвалѣ, инициатору, съ другой—Некрасову и послѣдующимъ изобразителямъ народной жизни, Григоровичъ, этотъ баринъ, помѣщикъ, эстетикъ, первымъ выступилъ на защиту сѣраго мужика. Такимъ образомъ, онъ сталъ первымъ писателемъ-народникомъ, открывъ своею послѣдовательною и настоячивою дѣятельностью широкій путь писателямъ-народникамъ послѣдующей эпохи—Успенскому, Златовратскому, Слѣпцову, Левитову, Рѣшетникову, Засодимскому, Наумову и многимъ другимъ, представившимъ русскую крестьянскую жизнь съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Эта заслуга Григоровича, какъ инициатора, не забудется никогда, какъ не забудутся «Записки Охотника» Тургенева.

Но отъ послѣдняго Григоровичъ отличается нѣкоторыми, весьма важными, специфическими особенностями. Не ограничиваясь только очерками, встрѣчами, какъ Тургеневъ, онъ, взявъ лицо или семейство, подробно рассказываетъ цѣлую его исторію съ дѣтства, съ образованія семейства до самой смерти лица или разложенія семьи («Рыбаки», «Деревня», «Пахарь», «Переселенцы»), а обстоятельностью описаній быта, драматичностью разсказа, любовью къ ярнѣмъ потрясающимъ эффектамъ, изображеніемъ дѣтскихъ характеровъ и трогательныхъ семейныхъ сценъ напоминаетъ Диккенса. Тургеневъ—собственно изображаетъ только, крѣпостное право, съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ, и на

господь; Григоровичъ, кромя того, и вообще имѣеть ввиду познакомить читателя съ народомъ и заставить полюбить его, «*чтобы, какъ онъ говорить, оживилась и взволновалась душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы оживляться лишь за преферансомъ и волноваться при словахъ: пасъ, ремизъ, куплю и прочей дряннѣ*». Сравнительно съ Тургеневымъ сочиненія Григоровича представляютъ материалъ для ознакомленія съ народомъ несравненно большій. Вы знакомитесь у Григоровича съ бытомъ земледѣльческимъ, фабричнымъ, рыбацкимъ, съ жизнью нищихъ, съ ярмарками, народными праздниками, со множествомъ личностей страдающихъ, надломленныхъ, порочныхъ, но страдающихъ и уродливыхъ не только изъ-за помѣщика или управляющаго, но и изъ-за другихъ социальныхъ причинъ, какъ семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающія условія фабричной жизни, пьянство, взглядъ на женщину, узкій эгоизмъ, недостатокъ образованія и просторъ дѣятельности для натуръ широкихъ. Рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями—отребьемъ общества, авторъ любитъ изображать и простое тихое счастье и радости, правда, рѣдкія у простолюдина, личности непреклонной силы и упорнаго труда, сцены семейнаго вечера, молитву, крестины, свадьбу, образы матерей, женъ, отцовъ и дѣдовъ. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ положительныхъ сторонъ народной жизни, конечно, есть доля сентиментальности, объясняемая похвальнымъ стремленіемъ возбудить особенное сочувствіе къ народу, но въ свое время, въ эпоху дореформенной Руси, эти изображенія, проникнутыя благороднымъ идеализмомъ и любовью къ народу, имѣли значеніе очень большое, возбуждая въ обществѣ вниманіе и гуманное отношеніе къ *сермяжнымъ героямъ*, какъ въ наемъшну называли современники изображаемыхъ Григоровичемъ мужиковъ.

Такъ-то, въ тяжелую для литературы эпоху сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, до самаго освобожденія крестьянъ, этому старѣйшему изъ русскихъ писателей выпало на долю великая заслуга перваго бытописателя крестьянской крѣпостной Руси. И если его великіе сверстники—Тургеневъ, за исключеніемъ однихъ *Записокъ охотника*, и Гончаровъ могутъ быть названы поэтами *барскими*, какъ изобразители быта помѣщичьяго, то Григоровичъ, по справедливости, заслуживаетъ имени перваго поэта *героевъ сермяжныхъ*, и въ этомъ, и только въ этомъ, неумирающемъ значеніи и смыслѣ всей его литературной дѣятельности. Все, что ни писалъ онъ за свою долгую жизнь, всѣ его фельетоны, повѣсти изъ Петербургской жизни, пьесы, очерки — все это забывается и забудется скоро совсѣмъ, но *Дережня, Антонъ Горемыка, Бобыль, Рыбаки, Переселенцы, Мать и дочь* останутся вѣчнымъ памятникомъ тому, кто первый въ русской литературѣ гуманно и правдиво въ яркихъ, потрясающихъ картинахъ показалъ намъ горькую жизнь закрѣпощеннаго мужика.

Интересна и своеобразна сама личность Григоровича. Сынъ гусара-помѣщика и матери французкини (Григоровичъ родился 19 марта 1822 г.), онъ унаслѣдовалъ отъ послѣдней чрезвычайно живой, впечатлительный, сагвинчскій темпераментъ, сохранившійся въ немъ до глубокой старости, истинно французскую живость, веселость, ясную, не унывающую бодрость духа, остроуміе и воспримчивость. Это былъ совсѣмъ особый характеръ, очень добрый, отзывчивый, крайне общительный; можетъ быть, неглубокій, немножко легкомысленный, но чрезвычайно симпатичный; талантливый разказчикъ и душа общества, несшій съ собой всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся, за что бы ни брался, оживленіе и инициативу. Таковъ онъ былъ всю свою долгую жизнь и среди литераторовъ, и среди художниковъ, и актеровъ и въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества, гдѣ вращался. Воспитанный въ дѣтствѣ двумя французженками, матерью и бабушкой, въ русской деревнѣ, онъ рано узналъ и полюбилъ русскую природу и мужика, и впечатлѣнія дѣтства дали ему впоследствии богатый мате-

ріалъ для крестьянскихъ повѣстей, а ранняя страсть къ рисованію и обученію живописи въ инженерномъ училищѣ и въ классахъ Академіи Художествъ изоощрили его наблюдательность и помогли точности и яркости описаній. Прекрасное образованіе домашнее и въ отличномъ пансіонѣ Монигетти, откуда онъ поступилъ въ инженерное училище, и разнообразное чтеніе, особенно близкое знакомство съ французскими писателями соціальной школы расширили его горизонтъ, поселили чувство общности и направили къ сочувствію къ чело-вѣческимъ страданіямъ; дружба же съ Ф. М. Достоевскимъ, его товарищемъ по инженерному училищу, курса въ которомъ Григоровичъ не кончилъ, вмѣстѣ съ знакомствомъ съ людьми, близкими къ кружку петрашевцевъ, должны были еще больше утвердить въ воспримчивомъ юношѣ инстинкты общественныя. Знакомство съ Некрасовымъ, Тургеневымъ, Боткинымъ, Вѣлинскимъ и другими сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», естественно подогрѣло въ немъ сочувствіе къ закрѣпощенному народу, съ которымъ онъ продолжалъ знакомиться въ свои поѣздки въ деревню, и вотъ въ 1846 году передъ нами уже готовый, въ своемъ родѣ единственный русскій французъ, поэтъ сарматскихъ героевъ, не хуже любого чистаго русскаго знающій и любящій русскій народъ, на служеніе, которому онъ отдаетъ себя всей увлекающейся своей душой, до самаго освобожденія крестьянъ, послѣ котораго онъ почти оставляетъ литературу, и только иногда, что называется, ею балуется, какъ баловался и раньше въ своихъ фельетонныхъ повѣстяхъ.

Литературная миссія Григоровича была кончена; но дѣятельная натура, упорная въ трудѣ, не успокоилась. Не кончивъ курса въ Академіи Художествъ, онъ приобрѣлъ однако основательныя свѣдѣнія по искусству, которыя еще болѣе углубились и расширились въ бытность его сначала секретаремъ Эрмитажа, а затѣмъ Общества поощренія художествъ, служенію которому посвятилъ много лѣтъ, все отдавшись новому дѣлу и тѣмъ оказавъ неопѣвныя услуги русскому искусству, въ смыслѣ литографскаго и ксилографскаго дѣла, выпуска многихъ художественныхъ изданій, благоустройства художественно-ремесленной школы, музея и т. п. И если первая половина его жизни была посвящена всецѣло литературѣ, то всю почти вторую, до самой смерти съ начала шестидесятихъ годовъ, отдалъ онъ служенію русскому искусству, оставаясь всегда чуткимъ къ общественной жизни, просвѣщеннымъ и тонкимъ эстетикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, служа не одному только искусству живописи, но, отчасти, и страстно любимому имъ драматическому театру, при которомъ состоялъ онъ членомъ литературнаго комитета и конференціи драматическихъ курсовъ.

Такъ въ постоянныхъ неутомимыхъ трудахъ до глубокой старости, можно сказать, до самой смерти въ концѣ истекающаго восьмага десятка земного своего поприща, прошла, на рѣдкость для русскихъ интеллигентныхъ дѣтелей, долгая жизнь этого, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ по живучести, трудолюбію и, главное, по признанному всеми значенію, маститаго старца, сохранившаго въ себѣ бодрость, ясность ума и отзывчивое сердце. Сторонивъ всѣхъ своихъ сверстниковъ сороковыхъ годовъ, онъ оставался одинъ среди новыхъ поколѣній живымъ примѣромъ хорошаго прошлаго, свято сберегая въ себѣ всѣ лучшія черты людей той стародавней эпохи: широкое разностороннее образованіе, благоговѣнное отношеніе къ наукѣ, и особенно искусству, въ значеніе котораго они такъ горячо вѣрили, упорный трудъ, безкоего искусства нѣтъ, благородный идеализмъ, вѣру въ лучшее будущее, которе создается наравнѣ съ условіями и самими людьми, отвращеніе, безгнѣдность ко всему пошлому, грязному, мелкому, но въ то же время гуманное,нисходительное отношеніе къ людямъ, стремленіе къ просвѣщенію, спасающему

отъ пошлости и поддерживающему человѣка, а всего больше—любовь и вѣру въ родину и народъ.

Эту любовь къ народу доказалъ Григоровичъ своимъ служеніемъ сермяжнѣйшимъ героямъ, какъ писатель. Съ честью прошелъ послѣдній представитель нашихъ литературныхъ ветерановъ, этотъ поэтъ сермяжныхъ героевъ, свое земное поприще, взявъ отъ жизни все, что только могла она ему дать, но и самъ, въ свою очередь, отдавъ ей все, что только могли дать его натура и талантъ.

Викторъ Острогорскій.

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 9 января 1870 года скончался въ Парижѣ А. И. Герценъ. Онъ умеръ какъ-то случайно, на перепутьѣ,—какъ жилъ въ свои послѣдніе годы. Жизнь отняла у него столько личныхъ привязанностей и сокрушила столько идейныхъ начинаній, а подъ конецъ такъ круто отхлынула отъ него въ другое русло, что онъ давно уже остался одинъ, безъ близкихъ друзей, безъ вѣрныхъ единомышленниковъ, безъ учениковъ и продолжателей, даже безъ какихъ-нибудь опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей, которымъ онъ могъ бы отдать свои вѣчно жаждавшія дѣла руки и голову. Его послѣднія нисѣма дышать апатіей отчаянія. Какъ будто все, что было трагичнаго въ его положеніи, въ его характерѣ, сгустилось надъ его головой, чтобы лишить его нравственнаго сопротивленія передъ слѣпой силой, заносившей надъ нимъ руку для рокового удара. Такая богатая жизнь—и такая, одинокая смерть! Философъ сказалъ правду, что самое невѣроятное изъ всего—это то, что случается въ дѣйствительности.

Семьдесятю восьмью годами раньше въ томъ же Парижѣ, умиралъ другой народный трибунъ, въ разгарѣ великой жизненной борьбы, тайну успѣха которой онъ уносилъ съ собой въ могилу. Парижъ его зналъ и Парижъ пришелъ его оплакать. Народъ почувствовалъ послѣ его смерти, что для своихъ великихъ людей онъ долженъ создать особую національную усыпальницу: одна изъ лучшихъ церквей города была обращена въ Пантеонъ и великій трибунъ легъ въ немъ первый. Народная гвардія дала при его похоронахъ залпъ изъ двадцати тысячъ ружей: «всѣ стекла полопались; казалось въ ту минуту, что церковь сокрушится надъ гробомъ». Жизнь точно хотѣла замереть на мигъ надъ прахомъ того, кто умѣлъ проводить въ ней такіа глубокія борозды.

И Герценъ умѣлъ это... и не могъ. И что хуже всего.—онъ зналъ самъ лучше всѣхъ и то, что онъ умѣетъ, и то, что онъ не можетъ. Прибавьте къ этому еще горячее, глубокое убѣжденіе его въ томъ, что онъ *долженъ* дѣлать то, что умѣетъ и чего не могъ,—и вы получите понятіе о великой душевной драмѣ, жертвой которой палъ этотъ человѣкъ, этотъ гигантъ.

За тѣ сорокъ пять лѣтъ, которыя отдѣляютъ «аннибалову клятву» ребенка-Герцена отъ мрачной «резиньяціи» его кончины,—эта драма прошла, конечно, черезъ много перипетій. Мы видимъ первые юношескіе порывы, которые сбѣгаются скоро житейскимъ опытомъ изгнанника. Житейскій опытъ этотъ въ первый разъ ведетъ Герцена-чиновника къ открытому разрыву съ окружающей дѣйствительностью. Онъ рѣшаетъ, что «пора кончить комедію».

Дѣйствительно, дальше мы видимъ «драму». Чиновникъ превращается въ добровольнаго эмигранта и сразу попадаетъ на блестящій праздникъ европейскаго радикализма. Но, съ своимъ обычнымъ ясновидѣніемъ, онъ скоро разсматриваетъ

подъ праздничнымъ нарядомъ будничное настроеніе; мишурный блескъ мѣщанскаго убранства становится ему противенъ. Онъ чувствуетъ себя чужимъ на этомъ пире и снова уходитъ въ себя.

Тутъ неожиданно-негаданно набѣгаетъ новая волна русской жизни и высоко поднимаетъ Герцена надъ европейской дѣйствительностью. Онъ снова въ своей стихіи: гдѣ-то вдали ему брежитъ огонекъ идеала, и онъ рвется къ этому огоньку напроломъ, нанося направо и налево богатырскіе удары, разя враговъ, призывая друзей, «живыхъ»—подъ общее знамя. Онъ полонъ самыхъ радужныхъ надеждъ; онъ вѣритъ въ себя и въ свой народъ; мечты юности кажутся ему близкими къ осуществленію. Онъ живетъ и дышетъ всѣми порами своего существа.

И снова смолкаетъ буря. Wilde Jagd уносится куда-то въ пространство, куда уже не можетъ проникнуть жадный взоръ Герцена, и только по временамъ онъ слышитъ отдаленные раскаты грома, да волны очередного прилива выбрасываютъ на «тотъ берегъ» одиночныя жертвы далекихъ кораблекрушеній. И это все оказываются другіе люди, «чужаго, незнакомаго» поколѣнія, говорящіе какимъ-то непонятнымъ языкомъ о невѣдомыхъ вещахъ. Понять ихъ можно, можно часто и сочувствовать, но къ нимъ не лежитъ душа Герцена. И такъ умираетъ онъ, чужой своимъ и чужимъ, одинокій обломкомъ исчезнувшей породы.

Но съ нимъ не умираетъ правдивая, потрясающая повѣсть его душевной драмы; не умираетъ память о томъ, чѣмъ сумѣлъ онъ быть, когда русская волна подняла его высоко. Можно только дивиться тому, какъ мало умерло въ Герценѣ съ его смертью,—если вспомнимъ, что вѣдь, въ сущности, онъ говоритъ съ нами языкомъ своего времени, своего общественнаго круга, «языкомъ современнаго ему мировоззрѣнія—или даже нѣсколькихъ поочередно смѣнившихся въ его время мировоззрѣній. Но дѣло въ томъ, что Герценъ никогда не умѣлъ уложить своей мысли и своего чувства въ рамки какого-нибудь случайнаго и временнаго воззрѣнія. Въ своемъ дневникѣ сороковыхъ годовъ онъ уже находитъ случайными и временными тѣ идейныя формы, въ которыхъ тогда укладывалась борьба славянофильства и западничества; позднѣе, онъ найдетъ такими же условными тѣ формы, въ которыя одѣвалъ свою теорію современный ему европейскій радикализмъ. И при всемъ томъ его отрицаніе никогда не доходитъ до голаго скептицизма, потому что онъ всегда отрицаетъ во имя чего-нибудь положительнаго, во что онъ вѣритъ. Лучше, пожалуй, будетъ сказать, что онъ ничего не отрицаетъ, такъ какъ умѣетъ найти положительное въ любомъ очередномъ мировоззрѣніи, не принимая въ то же время его доктринерства, его условности. Изъ самаго плохого матеріала однимъ прикосновеніемъ своего ума, своей фантазіи—онъ создаетъ подъ часъ глубокую мысль, поразительно яркую и вѣрную картину.

Но гдѣ же источникъ этой свободы Герцена отъ подчиненія всему случайному и временному, гдѣ то, что ставило его при жизни выше текущей минуты, что надолго спасетъ его отъ забвенія по смерти, надолго сохранитъ за нимъ привилегію быть «властителемъ думъ» нашего времени? Это—его широкій захватъ, та смѣлость съ которой онъ бралъ жизнь такъ, какъ она есть, и не останавливался передъ радикальными рѣшеніями вытекавшихъ изъ нея вопросовъ. Тонкій знатокъ человѣческой психологіи, Герценъ въ то же время врагъ всякаго оппортунизма, врагъ компромиссовъ и временныхъ рѣшеній. Онъ видѣлъ далеко,—и еще дальше ставилъ цѣль, достойную своей дѣятельности. Вотъ почему жизнь, съ ея черепашьимъ ходомъ, долго не исчерпаетъ его критикъ и не оставитъ позади его идеаловъ.

* * *

Русскія газеты,—даже такія, какъ «Новое Время» и «Россія»,—нашли приличныя случаямъ тонъ и выраженія, чтобы помянуть знаменательную годовщину. Попробуемъ подвести маленькій итогъ всему сказанному—надо приба-

вить, впервые сказанному съ такой силой и значительностью въ русской печати объ усопшемъ учителѣ.

«Литературный юбилей,—говорили 9 января «Русскія Вѣдомости», есть своего рода экзаменаціонное испытаніе... «Изъ всѣхъ критиковъ—самый великій, самый гениальный, самый непогрѣшительный—время», писалъ Бѣлинскій. Можно прибавить, что это—и самый строгій критикъ. Лишь немногіе избранные выдерживаютъ съ честью испытаніе на право быть читаемыми и перечитываемыми наравнѣ съ современниками, а можетъ быть и болѣе послѣднихъ. Лишь немногіе способны по истеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ возбуждать тѣ чувства, которыя возбуждали въ своихъ современникахъ, производить грустное впечатлѣніе или воодушевлять, вызывать на размышленіе или поучать. Среди этихъ немногихъ избранныхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, несомнѣнно, занимаетъ Герценъ».

Въ то время какъ эти строки писались въ Москвѣ, въ Петербургѣ постоянный сотрудникъ «Россіи», г. Дорошевичъ, набрасывалъ, какъ нарочно, поучительную иллюстрацію къ словамъ «Русскихъ Вѣдомостей». Онъ подтвердилъ на собственномъ примѣрѣ вліяніе Герцена на современнаго читателя. «Кровь бросилась мнѣ въ голову, слезы подступили мнѣ къ горлу,—разсказываетъ г. Дорошевичъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ «Съ того берега» за русской границей.—Передо мной открылся новый міръ, какъ открывается новый міръ всегда, когда вы открываете гениальную книгу. Передо мной счастливымъ, радостнымъ, взволнованнымъ вставалъ, въ величій слова и мысли, новый для меня писатель, мыслитель, художникъ,—умершій, бессмертный. Какое благородство мысли, какая красота формы!»

Я говорилъ раньше, что величіе Герцена не только въ этомъ и, конечно, не отъ одного этого «кровь бросилась въ голову и слезы подступили къ горлу» г. Дорошевича. Кто знаетъ,—при его крупномъ талантѣ и при засвидѣтельствованной имъ теперь нравственной возбудимости,—чѣмъ могъ бы сдѣлаться г. Дорошевичъ, если бы эти впечатлѣнія повторялись чаще, а, главное, если бы они пришли во время. Но г. Дорошевичъ прочелъ книгу, «поцѣловалъ» ее—и... приближаясь къ границѣ, выбросилъ за окошко. Не знаемъ, по сую сторону границы имѣлъ ли онъ случай перечитывать Герцена...

Во всякомъ случаѣ, Герценъ блестяще выдержалъ свой экзаменъ, — даже на такомъ недюжинномъ и требовательномъ читателѣ, какъ г. Дорошевичъ, на такомъ, повидимому, мало подготовленномъ къ воспріятію Герцена экземплярѣ, какъ постоянный сотрудникъ «Россіи» *).

Другой сотрудникъ той же газеты, г. Old Gentleman, взглянулъ на вопросъ съ иной, прямо противоположной стороны. Онъ предложилъ проэкзаменовать не Герцена современной Россіей, а современную Россію—Герценомъ.

«Помню,—разсказываетъ онъ,—въ Генуѣ встрѣтился я съ однимъ полякомъ, эмигрантомъ, который въ спорѣ со мною, нападая на Россію, цитиро-

*) Къ признанію г. Дорошевича мы должны прибавить теперь и признаніе г. Old Gentleman'a, напечатанное въ № 261 его газеты и попавшее намъ на глаза, когда эта замѣтка была уже набрана. «Герценъ—моя литературная любовь еще съ университетской скамьи. Въ послѣдніе годы я вновь перечиталъ его, и онъ много содѣйствовалъ душевному перевороту, тяжело и болѣзненно пережитому мною въ прошлую весну. Онъ указалъ мнѣ новыя дѣла, новыя свѣтлыя точки, ради которыхъ стоитъ еще съ людьми жить и людское творить. Онъ указалъ мнѣ, *идеи* *и идеі* *раскаміе*. Онъ научилъ меня не страшиться прошлаго и вѣрить въ будущее. Я люблю его, какъ полубога. И, когда пришла 30-я годовщина дня его смерти, мнѣ страстно, мучительно захотѣлось сложить словесный гимнъ въ честь его, и Надсонъ пришелъ мнѣ на помощь со стихомъ своимъ, и я заговорилъ». Можно сказать только: въ добрый часъ.

валь изъ Герцена факты, касающіеся эпохи Николая I.—Развѣ можно приводить такіе аргументы, возразилъ я,—вѣдь этому пятьдесятъ лѣтъ, все это давно прошло, старая правда стала для насъ неправдой.

«Неправдою, — усмѣхнулся полякъ язвительно, — ну, если эта неправда отжила свой вѣкъ и обратилась въ историческій матеріалъ, тогда зачѣмъ же Герценъ запрещенъ у васъ въ Россіи».

Г. Old Gentleman, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ, какъ онъ отвѣтилъ на возраженіе своего собесѣдника. Но отъ себя онъ дѣлаетъ такой выводъ изъ разговора: «сдѣлать Герцена—доступнымъ къ общему прочтенію и изученію—значить проэкзаменовать Россію, насколько шагнуть впередъ народъ ея, «освобожденный по манію царя» — и убѣдиться въ огромности этого шага, Герценомъ предвидѣннаго, предсказаннаго и благословеннаго».

... es ist ein gross Ergetzen
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht
Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht,

какъ сказалъ бы гётевскій Вагнеръ.

Въ мнѣніи, что пора снять съ сочиненій Герцена тяготѣющій на нихъ цензурный запретъ и сдѣлать ихъ доступными русскому читателю, — въ этомъ мнѣніи сошлись все писавшіе объ Герценѣ органы русской печати. Г. Дорошевичъ предлагаетъ отдѣленію словесности академіи наукъ — «добиться пересмотра этого приговора» и «вернуть Россіи любящей и осторожной рукой ея достоиніе». Г. Перцовъ въ «Новомъ Времени» находитъ даже, что такой возвращенный Россіи Герценъ, исправленный ad usum delphini, предстанетъ предъ читающей публикой въ совершенно новомъ свѣтѣ, — именно въ томъ, въ которомъ представляли себѣ Герцена эпигоны славянофильства. «Только это личное знакомство съ Герценомъ, — говоритъ онъ (№ 8.568 «Новаго Времени»), — можетъ устранить изъ мысли нашего общества общераспространенное фальшивое представленіе о немъ прежде всего, какъ о радикальномъ «бойцѣ», и показать, что если въ Герценѣ скрывался какой-либо боевой талантъ, то только тотъ, — который напелъ съ немъ Страховъ» (а именно талантъ «борца съ западомъ»).

Увы, эту послѣднюю мысль питаетъ, по слѣдамъ Страхова, не одинъ г. Перцовъ. Ея отчасти держится, съ той же ссылкой на Страхова, и г. Арабажинъ въ «Сѣверномъ Курьерѣ». И въ самомъ дѣлѣ, отчего же Страхову съ его единомышленниками не побивать «гнилой» Западъ сокрушительной критикой Герцена? Вѣдь, и господинъ пасторъ, по признанію Гретхенъ, говорилъ почти то же самое, что Фаустъ, «только немножко другими, словами».

Когда, такимъ образомъ, разрушенъ будетъ магическій кругъ, освѣнявшій ореоломъ имя Герцена для однихъ и дѣлавшій его неприступнымъ — для другихъ, тогда, пожалуй, наступитъ время для осуществленія и другой мечты, высказанной г. Old Gentleman'омъ въ годовщину 9 января. Переносясь мыслью къ тому «бронзовому Герцену, что освящаетъ своимъ грустнымъ величіемъ таинственную тишину прелестнаго кладбища въ Ниццѣ», г. Old Gentleman кончилъ свою статью о Герценѣ такими словами: «конечно, если не мы, такъ дѣти или внуки наши дождутся торжественнаго дня, когда тѣло А. И. Герцена возвратится въ предѣлы Россіи, какъ возвратилось тѣло Мицкевича изъ Парижа на краковскій Вавель, а тѣло Наполеона съ острова св. Елены — въ Парижъ. И какъ святы эти двѣ могилы для французовъ и поляковъ, такъ для Россіи станетъ народною святынею могила возвращеннаго изъ загробной ссылки Герцена, и не зарастетъ къ ней, но вѣкъ не зарастетъ народная тропа»...

Хорошія слова, хорошія мысли... Но не знаемъ почему, намъ, когда мы читали въ «Россіи» эти слова и процитированныя г. Old Gentleman'омъ строфы надсоновскаго стихотворенія, вспоминался старый итальянскій анекдотъ, рассказанный болтливымъ Вазари. Вотъ этотъ анекдотъ, а можетъ быть и истинное

происшествіе, въ подлинной передачѣ флорентійскаго историка искусства. Рѣчь идетъ о знаменитой статуѣ «Ночи», одной изъ четырехъ, созданныхъ гениемъ Микель-Анджело для погребальной капеллы Джуліано и Лоренцо Медичи во Флоренціи.

«Что могу я сказать о «Ночи»,—статуѣ не только рѣдкой, но единственной? Видѣлъ ли кто либо когда-нибудь античную или современную статую, которая бы была сдѣлана съ такимъ искусствомъ, что изображала бы не только покой спящаго, но также и скорбь и печаль человѣка, потерявшаго нѣчто дорогое и важное? Пусть же мнѣ повѣрятъ, что именно такова эта «Ночь», затмившая всѣхъ, кто когда-либо пытался—не скажу превзойти ее, но хотя бы сравниться съ нею въ скульптурѣ или въ живописи... Ученѣйшія особы слагали въ честь ея не мало латинскихъ виршей и итальянскихъ строфъ, подобныхъ слѣдующимъ стихамъ неизвѣстнаго автора:

«Иваннъ Ангеломъ, кусокъ скалы бездушной
Сталъ «Ночью»: посмотри, какъ сладко Ночь та спитъ!
Спитъ? Нѣтъ живетъ обломокъ, Ангелу послушный;
Не вѣришь? Разбуди: она заговорить!

«На каковыя стихи Микель-Анджело отъ лица Ночи отвѣтилъ такъ:

«Мой сонъ мнѣ сладокъ; радъ я, что не слышу,
Не чувствую стыда и бѣды въ родной странѣ:
Пусть буду камнемъ я,—оставь то счастье мнѣ;
Эхъ, не буди, пріятель! Говори потише!»

Да, пріятель,—погоди будить Герцена; говори потише, не пробуй экзаменовать Россію по его сочиненіямъ и мѣрять ее его аршиномъ.

П. Милюковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Земля и фабрика во Владимірской губерніи. «Курьеръ» сообщаетъ очень интересныя и поучительныя данныя объ отношеніи земледѣльческаго населенія во Владимірской губ. къ фабрикѣ и о томъ переворотѣ, какой уже произошелъ теперь въ хозяйствѣ мѣстнаго населенія подъ вліяніемъ фабрики.

«Земледѣльческое хозяйство среди крестьянскаго населенія Владимірской губерніи,—говоритъ авторъ сообщенія,—съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе, все сильнѣе отодвигается на задній планъ, уступая мѣсто сильно развивающейся промышленной дѣятельности прежнихъ хлѣбопашцевъ. За 3 послѣдніе года, по которымъ имѣются данныя текущей земской статистики, повсюду въ губерніи наблюдается пониженіе арендныхъ цѣнъ на пахотную землю и сильное уменьшеніе спроса на аренду. По Суздальскому уѣзду есть нѣсколько помѣщичьихъ хозяйствъ, гдѣ вся пахоть заросла былинникомъ, такъ какъ крестьяне уже и даромъ не берутъ землю. Проѣзжая по деревнямъ Владимірской губ., наблюдатель поражается массой пустующихъ, совсѣмъ не обрабатываемыхъ полосъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ Ковровскомъ уѣздѣ есть нѣсколько уголковъ, гдѣ крестьяне не пахутъ до $\frac{1}{2}$ полей. Изъ Покровскаго уѣзда одинъ изъ корреспондентовъ статистическаго бюро пишетъ: «въ аренду у насъ земли не берутъ, и своей валяется подъ залогами почти $\frac{1}{3}$ земли». Почти такого же рода

голоса раздаются и изъ другихъ уѣздовъ. Тамъ, гдѣ земледѣліе еще крѣпко держится, жалуется на выпаханность почвы, на забрасываніе культуры льна и др. красныхъ хлопковъ, замѣняемыхъ посѣвами картофеля. «На землю охотниковъ стало мало; нѣтъ желанія заниматься хлѣбопашествомъ,—пишутъ мѣстные жители.—У насъ въ деревняхъ—старый да малый, остальные всѣ на фабрикахъ». Мѣстами «всѣ жители мужского пола отъ 14 до 60-лѣтняго возраста живутъ въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ по плотницкой и столярной части, для каковыхъ людей дѣлъ всегда достаточно».

«Только что вышедшій сборникъ по Владимірскому уѣзду даетъ и точныя цифровыя указанія, какое значеніе заняли промыслы во владимірской деревнѣ. Изъ 100 работниковъ уѣзда земледѣліемъ совсѣмъ не занимаются 70,3 и только 12,8 человекъ не занимаются никакими подсобными промыслами. Большая часть хозяйствъ, 57,4%, совсѣмъ не держатъ лошадей. Земля уже не даетъ больше достаточнаго заработка крестьянамъ, принужденнымъ добывать кусокъ хлѣба другими путями. Прародительница бумажнаго ткачества, Владимірская губ. развила теперь у себя сотни самыхъ разнообразныхъ промысловъ. Тутъ есть и плотники, и каменщики, и фабричные, и богомазы, и портные, и плетельщики лаптей и рогожныхъ кулѣковъ, и знаменитые владимірскіе офени, торгующіе всѣмъ чѣмъ угодно: «косами, серпами, ножницами и колеснымъ дегтемъ, а послѣдніе годы часемъ и св. иконами новоявленнаго чудотворца, архіепископа черниговскаго»—какъ пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ, и т. д., и т. д. Промышленный пульсъ владимірской деревни съ каждымъ годомъ бьется все сильнѣе и сильнѣе. Раньше кустарные промыслы, составляя главное занятіе свободныхъ отъ хлѣбопашества рукъ, крѣпко еще держали крестьянина у земли, въ послѣднее же время мѣстные промыслы, за ихъ малоходностью, падаютъ, и наблюдается массовый отливъ населенія на сторону. Только еще возка и пила лѣса и домашнее ткачество пользуются широкимъ распространеніемъ, да и послѣдняго дни уже сочтены. Пониженіе заработка и требованіе, благодаря конкуренціи машинъ, чистоты выдѣлки окончательно подорвали этотъ нѣкогда кормившій всю губернію промыселъ. Свѣтлыки окончательно исчезаютъ, да и по избамъ станки становятся рѣдкостью. Въ самомъ дѣлѣ, жалкій заработокъ въ 8—15 руб. во всю длинную зиму, стукъ и грохотъ въ избѣ, сырость въ углу отъ станка, портящая самый срубъ,—все это рѣшительно не оправдываетъ труда. Валка и возка лѣса на многочисленныя мѣстныя фабрики, занимающая массу рукъ въ деревняхъ, хотя и даютъ довольно порядочный заработокъ, но представляютъ ужасныя условія по обстановкѣ. Всю зиму рабочему приходится возиться въ лѣсу мокрымъ по поясъ; ночуютъ тутъ же въ конторѣ, гдѣ набиваютъ такую массу народа, что негдѣ даже присѣсть за ѣдой; нары въ 3—4 яруса; сушить мокрую одежду негдѣ и потому такъ и ложатся спать въ сырой рубахѣ и шароварахъ. Ревматизмы, колики въ бокахъ и спивѣ—вѣчные спутники пильщиковъ. Неудивительно, что послѣднее время крестьяне всячески избѣгаютъ этого промысла, этого «ломанія спины», и предпочитаютъ хоть какъ-нибудь, но идти на сторону. Вообще, по даннымъ текущей статистики владимірскаго бюро за послѣдніе 3 года, мѣстные промыслы падаютъ, а отхожіе расширяются. Величина заработка на послѣднихъ съ каждымъ годомъ увеличивается, отказа отъ работы никому изъ ищущихъ ея не бываетъ. Владимірскіе промышленники разбредаются по всей Россіи, даже проникаютъ за границу, на Балканскій полуостровъ.

«Въ 1898 г. російскій консулъ въ Сербіи доносилъ, что тамъ появились русскіе торговцы косами и серпами—все крестьяне Владимірской губ. Къ сожалѣнію, невѣжество, темнота крестьянской массы дѣлаетъ часто отхожихъ промышленниковъ жертвами страшной эксплуатаціи со стороны ловкихъ людей. Даже урядникъ, одинъ изъ корреспондентовъ владимірскаго статистическаго

бюро, жалуясь на косность крестьянскую и непониманіе своихъ выгодъ, восклицаетъ: «поскорѣ бы Богъ далъ грамотности побольше да образованности народнои!» Главный потокъ отмиѣченной «тяги» крестьянскаго населенія устремляется на фабрики и заводы, «на легкую работу, — какъ выражаются крестьяне, — на вольный воздухъ». Особенно сильно стремленіе на фабрику, желаніе уйти изъ деревни, среди молодежи и женщинъ. Женщинамъ фабрика, понятно, даетъ больше, чѣмъ мужчинамъ, освобождая ихъ изъ-подъ вѣчной опеки и рабства крестьянской семьи. «Увеличивается уходъ на фабрику, — пишетъ одинъ корреспондентъ, — не по днямъ а, какъ говорится, по часамъ. Всѣ бросаютъ землю, а молодежь вся на фабрикѣ. Уменьшеніе рабочихъ часовъ на фабрикѣ особенно многимъ по вкусу. Легкая и прибыльная работа кому не понравится? Мѣсяцъ прожилъ на фабрикѣ, хватъ 20—25 руб. заработалъ, и даже женщины 15 руб. легко зарабатываютъ въ мѣсяцъ. А выручить ли такую сумму крестьянинъ дома за сохой? Никогда». Радостныя привѣтствія по адресу фабрикъ раздаются въ отвѣтахъ корреспондентовъ рѣшительно отовсюду. Девятичасовой рабочей день, введенный на всѣхъ большихъ фабрикахъ, даетъ возможность крестьянамъ ближайшихъ деревень цѣлыхъ почти полдня отдавать и земледѣльческимъ работамъ. Большинство же фабричныхъ, проработавъ извѣстное время на фабрикѣ одни, берутъ къ себѣ потомъ жену и все семейство и бросаютъ совсѣмъ землю и окончательно отрываются отъ деревни. Надо сказать, что всѣмъ фабричнымъ земельный надѣлъ является большой обузой, такъ какъ общество принудительно наваливаетъ на всѣхъ своихъ членовъ извѣстное количество земли, такъ что фабричнымъ приходится сдавать свою долю сплошь и рядомъ только за $\frac{1}{2}$ оброковъ, остальную же половину (8—20 р.) податей платить самимъ. Во многихъ деревняхъ фабричныя семьи, съ которыхъ снимаютъ землю, должны платить въ общество 3—10 р. въ годъ. Тамъ, гдѣ земля окупаетъ лежація на ней подати, міряне ухитряются сковывать новыя звенья прикрѣпляющихъ крестьянина къ землѣ цѣпей: не даютъ согласія на выкупъ надѣла, на сдачу его въ аренду (на все это есть законъ); уходящій на сторону или долженъ, совсѣмъ не эксплуатируя земли, оплачивать всѣ повинности, или платить обществу 7—10 руб. въ годъ. Но волна промышленной жизни глубоко врѣзалась во владимірскую деревню и вымываемую ею почву нельзя удержать никакими преградами; она уноситъ съ собой изъ деревни лучшія молодыя силы, которыя уже не возвращаются «съ легкой, прибыльной работы», «съ вольнаго воздуха» въ душную безотрадную атмосферу крестьянской жизни.

Деревенскій реформаторъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Ганейзеръ приводитъ два приговора одного крестьянскаго общества о переустройствѣ всего крестьянскаго хозяйства, составленные подъ вліяніемъ своего однодеревенца Я. М. Михайлова, въ которыхъ онъ выступаетъ въ роли настоящаго деревенскаго реформатора, задумавшаго коренное измѣненіе всего строя общины. Въ этихъ приговорахъ крестьяне просятъ высшее губернское начальство о разрѣшеніи перенести деревню на новое мѣсто и объ учрежденіи общества «Взаимопомощи».

«Мы, нижепоименованные крестьяне, хлѣбопашные и бобыльные домохозяева деревни Малыхъ Свѣтиць, Любытинской волости (Новгородской губ.), сего 17-го декабря собрали полное деревенское собраніе для обсужденія вопросовъ, чтобы перенести деревню на новое мѣсто, дабы заблаговременно подготовиться къ предстоящимъ общественнымъ работамъ: 1) собраніе рѣшило испросить отъ господина новгородскаго губернатора дозволеніе образовать въ деревнѣ «Взаимную помощь», такъ какъ всѣ крестьяне очень бѣдны, и ни одинъ домохозяинъ не въ состояніи будетъ перенести свою постройку безъ посторонней помощи, а нанять помощниковъ 1) не на что, а 2) такая перестройка можетъ протя-

нуться многіе годы и свободно разорить если на всю деревню, то большую половину. Для избѣжанія перваго и втораго, собраніе согласилось, по полученіи разрѣшенія, на введеніе взаимной помощи на перестройку деревни на означенное мѣсто,—производить перестройку слѣдующимъ порядкомъ: всю рабочую силу соединить *во едино*; въ деревнѣ, помимо дѣтей, находится мужичья и женщигъ двѣсти человѣкъ и до семидесяти лошадей; такая огромная артель людей и лошадей можетъ раздѣлиться на такія группы, какія потребуются для разобранія, перевезенія и собранія дома на мѣстѣ; значить, заразъ можно переправлять до пятнадцати домовъ, не прибѣгая ни къ какимъ наймамъ. Этимъ путемъ мы надѣемся достигнуть намѣченной цѣли не болѣе, какъ въ два мѣсяца, къ тому же не оставляя другихъ крестьянскихъ работъ. 2) Собраніе находитъ для лучшаго устройства своего новаго хозяйства смиреннѣйше просить господина новгородскаго губернатора, дабы дозволено намъ было не только взаимной помощью перенести деревенскую постройку на новое мѣсто, такъ этой же взаимной, между всѣхъ насъ, домохозяевъ, помощью *разработать новыя поля*. Собраніе, созная свою безпомощную бѣдность и желая прибѣгать во во всемъ къ взаимообразной помощи, также согласилось употребить въ средство экономическое содержаніе для всего селенія. Чтобы соединить два наиболѣзливѣйшихъ для деревни элемента:—успѣхъ въ работѣ и экономію въ содержаніи людей,—собраніе желаетъ испросить дозволенія на открытіе въ своемъ селеніи *одной общей столовой*; такая столовая можетъ собою довершить всѣ наши начинанія; въ деревнѣ находится людей обоаго пола и разнаго возраста триста восемь человѣкъ. Они живутъ обособленнымъ хозяйствомъ, въ семействахъ; всѣ работаютъ и не могутъ столько наработать, чтобы довольно было хлѣба оттого, что чѣмъ семейство меньше, тѣмъ содержаніе становится дороже, когда же будутъ соединены въ *одну столовую триста человекъ*, то содержаніе будетъ обходиться не дороже десяти копѣекъ въ день на человѣка, что составитъ въ общемъ тридцать рублей въ день, а за эти тридцать рублей будутъ работать свою деревенскую работу двѣсти человѣкъ и семьдесятъ лошадей. Безъ сомнѣнія, такая выгодная тактика послужитъ полезнѣе, чѣмъ безъ этихъ устройствъ и нововведеній могли бы выполнить десятки тысячъ рублей. А самое главное—крестьяне отъ такихъ постановленій будутъ приходить въ болѣе сознательное отношеніе къ доброму и просвѣщенному».

Это этотъ Яковъ Михайловъ, выработавшій такой планъ, видно изъ письма, приложеннаго имъ къ приговорамъ, которые онъ же переслалъ въ названную газету.

«Я, уже отчасти извѣстный вамъ по находящимся у васъ приговорамъ, крестьянинъ Яковъ М. Михайловъ, желая дать вамъ болѣе ясности на означенные приговоры и подтвердить фактами, откуда взялась у меня инициатива, я долженъ просить ваше долготерпѣніе прослѣдить мою біографію: съ 13-лѣтняго возраста и до 23 лѣтъ я былъ полноправный хлѣбопашный домохозяинъ; этому свидѣтели мужички въ приговорахъ означенной деревни. Когда же испыталъ я въ точности деревенское хлѣбопашество и нашелъ его несоответствующимъ при настоящихъ порядкахъ, то, оставивъ домъ, я пустился путешествовать по Россіи, имѣя въ виду цѣль ознакомленія съ хлѣбопашествомъ въ другихъ губерніяхъ. Ходилъ я три лѣта и прошелъ 14 губерній, во всѣхъ деревняхъ распрашивая крестьянъ объ ихъ порядкахъ и устройствахъ хлѣбопашества. Въ третье и послѣднее лѣто я заходилъ ко всѣмъ на пути лежащимъ священникамъ, дабы составить болѣе правильное опредѣленіе о деревенскомъ населеніи. Я уже былъ увѣренъ, что образцоваго крестьянства не найти, а потому я рѣшилъ извѣдать еще новую для себя жизнь. Я удалился въ Балаамскій монастырь, гдѣ и провелъ три года, въ точности узнавъ борьбу человѣка съ природой. Въ 1892 году пріѣхавъ въ С.-Петербургъ и по сіе время я, бу-

лучи совершенно обезпеченный по своему содержанию, свободно могъ подвести итоги своего крестьянство-путешествія, монастырскихъ порядковъ и городскую жизнь. Это, мною прожитое, вполне достаточно, чтобы означенными приговорами устроить болѣе чѣмъ въ нихъ обозначено. А самое главное,—черезъ печать вашей уважаемой газеты я добьюсь благополучныхъ результатовъ предъ правительствомъ, что приговоры будутъ утверждены; тогда, по примѣру нашей деревни, сотни другихъ деревень послѣдуютъ такому устройству, а самое устройство такого *новаго общества* дастъ слѣдующее направленіе не только деревенскому населенію, но и всему міру Россійскаго царства.

«1) Мы деревню будемъ строить совершенно по новому плану, чтобы деревня ни въ какомъ случаѣ сгорѣть не могла; если и загорится, то сгоритъ одинъ домъ, и другіе будутъ безопасны; потомъ, чтобы не было въ деревнѣ грязи уличной, которая наводитъ собою на деревенское населеніе отвращеніе къ крестьянскому труду и часто распространяетъ повальныя заразныя болѣзни.

«2) Если будетъ общая столовая, тогда дѣти могутъ одѣлаться отъ своихъ родителей и взрослыхъ и получить воспитаніе болѣе благоуженное; помимо грамотности, молодое поколѣніе получить образованіе по агрономіи, хлѣбопашеству, садоводству, огородничеству, скотоводству, травосѣянію и лѣсоводству и другимъ, помимо крестьянства, ремесламъ; если означенная деревня агрономическому учителю будетъ уплачивать за каждый годъ по шестьсотъ руб., а черезъ его образцовое руководство во всѣхъ хозяйственныхъ отрасляхъ получитъ польза въ нѣсколько тысячъ руб. болѣе, чѣмъ получается при невѣжественномъ управленіи, ясное дѣло, что ничто не будетъ въ тягость крестьянамъ.

«3) Когда будетъ соединено во-едино дѣсти рабочихъ человекъ, тогда легко можно устроить и содержать свой деревенскій избу-лазаретъ съ нѣсколькими кроватями съ домашней аптечкой и книгами, лѣчебниками...

«Много и другого добра будетъ отъ такого нововведенія»...

Приговоры поступили къ земскому начальнику Боровичскаго уѣзда, который заявилъ, что утвердить ихъ не можетъ, такъ какъ «учрежденіе общины на новыхъ началахъ общезитія зависить отъ высшаго начальства», къ которому и посовѣтовалъ обратиться.

Фактъ этотъ, какъ единичный, не даетъ, конечно, повода къ какимъ-либо выводамъ, но онъ указываетъ отчасти, что въ деревнѣ замѣчается своеобразное исканіе выхода изъ затруднительности ея современнаго положенія.

Спротивленіе властямъ. 10-го января въ особомъ присутствіи кievской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, разбиралось дѣло о 26 крестьянахъ с. Куцовки, Черкаскаго уѣзда, обвинявшихся въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ.

Обстоятельства этого дѣла, по словамъ «Кіевлянина», сводятся къ слѣдующему.

Между крестьянами сель Куцовки, Черкаскаго уѣзда, съ одной стороны, и управленіемъ Куцовскимъ имѣніемъ, принадлежащимъ Н. А. Терещенко, — съ другой, установились непріязненные отношенія изъ-за того, что крестьяне, не имѣя права, пасли свой скотъ на всѣхъ какъ пахотныхъ, такъ и сѣнокосныхъ земляхъ помѣщика, на снятіи съ нихъ хлѣбовъ и уборкѣ сѣна, а управленіе имѣніемъ, наоборотъ, не допускало этой пастыбы. Съ теченіемъ времени непріязненность отношеній усилилась, перейдя, въ концѣ-концовъ, въ открытую вражду крестьянъ противъ управленія. Первоначально управленіе имѣніемъ ограничилось собственными мѣропріятіями для предупрежденія потравъ, охраняя дуга при посредствѣ сторожей и экономическихъ объѣздовъ, но мѣропріятія эти ни къ чему не приводили, такъ какъ крестьянскіе сторожа каждый разъ встрѣчали экономическіе объѣзды кольями и камнями и заставляли ихъ бѣжать. Это повело къ тому, что вскорѣ никто изъ экономическихъ служащихъ

не хотѣлъ ѣхать въ объѣзды, боясь быть жестоко избитымъ. Все это заставило управление имѣніемъ прибѣгнуть къ содѣйствию мѣстныхъ властей и тогда въ объѣздъ стали посылать сперва мѣстныхъ старосту и сотскаго, а затѣмъ и полицейскаго урядника, спеціально для этой цѣли командированнаго въ с. Куцовку по распоряженію уѣзднаго исправника. Но и это имѣло тѣ же результаты: объѣздъ каждый разъ бывалъ вынуждаемъ бѣжать, спасаясь отъ крестьянскихъ колевъ. Самовольная же пастба отъ этого не только не уменьшилась, но, наоборотъ, усилилась, благодаря тому, что успѣхъ въ такихъ стычкахъ каждый разъ оставался на сторонѣ крестьянъ, и принимала все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Со стороны мѣстныхъ полицейскихъ властей, а также и со стороны мирового посредника принимались мѣры и иного рода: не разъ собирались сельскіе сходы, на которыхъ крестьянамъ разъясняли, что они не имѣютъ права производить потравы на помѣщичьихъ земляхъ, что за ихъ поступки имъ грозитъ отвѣтственность и т. д. Но эти увѣщанія ровно ни къ чему ни привели. Такое положеніе вещей, въ концѣ-концовъ, вынудило исправника принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію описанныхъ безпорядковъ и къ обнаруженію виновныхъ въ нихъ, къ чему обязывалъ его и циркуляръ г. кievскаго губернатора отъ 4-го іюля 1898 года. Имѣя это въ виду, уѣздный исправникъ поручилъ приставу 3-го стана Михаилу Больчевскому собрать усиленный полицейскій объѣздъ изъ полицейскихъ урядниковъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ и лично объѣхать съ ними экономическіе сѣнокосы, на которыхъ производится потравы, имѣя при этомъ конечной цѣлью задержать скотъ на потравѣ и этимъ путемъ обнаружить лицъ, виновныхъ въ самовольной пастбѣ. Исполняя указанное распоряженіе исправника, становой приставъ М. И. Больчевскій организовалъ изъ полицейскихъ урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ два отряда, изъ которыхъ одинъ находился подъ начальствомъ самого Больчевскаго, а другой—подъ командой полицейскаго урядника Пигиды. Оба отряда въ ночь на 21 іюня 1899 года должны были одновременно выступить изъ двухъ экономій: Холоднѣнской и Куцовской, по пути соединиться и затѣмъ общими силами отправиться на сѣнокосъ, извѣстный подъ названіемъ «Островъ», на которомъ крестьяне чаще всего пасли скотъ. Однако, и на этотъ разъ попытка со стороны полиціи задержать скотъ на мѣстѣ потравы кончилась столь же плачевно, какъ и раньше: оба отряда принуждены были бѣжать, оставивъ на полѣ битвы раненыхъ. Несмотря на то, что оба указанные полицейскіе отряды были довольно многочисленны и что многіе изъ участниковъ ихъ были вооружены, наступленіе окончилось неудачей благодаря тому, что крестьяне объ этомъ были заранѣе предувѣдомлены и приняли свои мѣры, устроивъ для противниковъ засаду. У мѣста засады отряды были встрѣчены громадной толпой крестьянъ, которые съ кольями и камнями въ рукахъ бросились на чиновъ полиціи, избили ихъ и обратили въ бѣгство.

На судебномъ слѣдствіи всѣ эти данныя подтвердились, хотя обвиняемые отрицали свою вину. Одинъ изъ свидѣтелей, управляющій экономіей, между прочимъ, объяснилъ, что имѣніе Куцовка не разверстано и что, по уставной грамотѣ, крестьяне имѣютъ право выпасовъ на помѣщичьей толокѣ, которой въ 1899 г. было 650 десятинъ. Но они, не довольствуясь толовой, стали травить сѣнокосы. Правда, въ прошломъ году была засуха, и на толокѣ было мало травы, на той же части ея, гдѣ росла свекла, травы и вовсе не было. Дурныя отношенія между управленіемъ имѣніемъ и куцовскими крестьянами установились приблизительно съ 1891 г.

Послѣ разбора дѣла, продолжавшагося весь день, особое присутствіе кievской судебной палаты вынесло резолюцію, которой 14 подсудимыхъ были признаны виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 270 ст. улож. о наказ., остальные же 12—оправданы. Изъ числа 14 обвиняемыхъ 11 приговорены къ

лишенію всёхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе срокомъ на 2 года каждаго, а остальные 3 — къ лишенію всёхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ.

Новые крестьянскіе начальники въ Сибири. Удивительные рассказы о введенныхъ въ прошломъ году въ Сибирь крестьянскихъ начальникахъ помѣщены въ «Сѣверномъ Кавказѣ». Вотъ что пишетъ енисейскій корреспондентъ этой газеты:

«Въ с. У. крестьянскій начальникъ ознаменовалъ свой прїѣздъ такою рѣчью: «Я—вашъ крестьянскій начальникъ, присланъ изъ Петербурга; понимаете вы, или нѣтъ?! Предки наши драли васъ розгами, а тоже буду васъ драть, а то вы шапки мнѣ не снимаете!» Повышая постепенно голосъ, начальникъ долго говорилъ на эту тему. Въ первое же засѣданіе волостного суда онъ постигъ его; утомившись разбирательствомъ дѣлъ, начальникъ ушелъ закусить, приказавъ судьямъ прїостановить разборъ дѣлъ, а чтобы крестьяне знали, что здѣсь есть начальникъ, онъ, снявъ свой мундиръ, повѣсилъ его у судейскаго стола, поставивъ къ нему караулъ.

«Обратимся къ другому типу. Этотъ начальникъ, прослуживши недолго въ должности мирового судьи и, несмотря на преимущества этой службы предъ должностно крестьянскаго начальника, послѣ того, какъ дѣятельность его была очерчена на страницахъ «Сибирскаго Вѣстника», уволился отъ должности судьи и поступилъ на новую должность крестьянскаго начальника. Какъ начальникъ въ попеченіи о благосостояніи ввѣренныхъ ему крестьянъ, онъ сейчасъ же принялъ рядъ энергичныхъ мѣропріятій; прежде всего, онъ уволилъ въ сел. С. кабатчика и собственною властью опредѣлилъ на эту должность своего прїятеля крестьянина П., бывшаго и ранѣе кабатчикомъ, но потомъ бросившаго это прибыльное дѣло. Радости крестьянина П. не было предѣловъ. Къ тому же, начальникъ оставилъ въ селѣ только одинъ кабакъ П., а остальные прикрылъ.

«Отовсюду слышны жалобы, что въ сельскихъ обществахъ служатъ сельскими писарями завѣдомые мошенники, побывавшіе въ тюрьмѣ уже въ Сибири, но жалобы эти остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь, появлялись даже корреспонденціи объ этихъ писаряхъ, но милостивый начальникъ—нѣтъ и глухъ ко всему...

«Третій начальникъ по своемъ прибытіи также ознаменовалъ себя рядомъ мѣропріятій; прежде всего, собираясь плыть въ свои волости, онъ приказалъ волостному старшинѣ лично вымыть лодку, и рогожу, въ которой будетъ положено мясо, и старшина, съ цѣлью на шеѣ, какъ хорошая судомойка, выполнялъ распоряженія начальника. По дорогамъ, гдѣ долженъ проѣзжать начальникъ, цѣлыя недѣли стояли тройки коней и кучи мужиковъ, выгнанныхъ по распоряженію этого начальника. Прибывъ на одну земскую (сельскую) квартиру и замѣтивъ здѣсь, что клопы пользуются свободой и противозаконно пьютъ кровь проѣзжающихъ, начальникъ приказалъ сельскому старостѣ лично уничтожить всёхъ клоповъ до одного. Исполняя это распоряженіе, сельскій староста вооружился лучинами и палочками; цѣлый день гонялъ по избѣ клоповъ, выковыривая бѣгловцевъ даже изъ самыхъ недоступныхъ щелей, и объ исполненіи сего труднаго порученія доложилъ рапортомъ. Относясь бережливо къ общественнымъ интересамъ, начальникъ, разбивъ ногою два стекла въ общественныхъ лампахъ, возмѣщеніе расхода на покупку новыхъ стеколъ отнесъ на волостного старшину, купившаго лампы съ непрочными стеклами, и т. д.

«Нужно отмѣтить и еще одного. Этотъ, по прибытіи своемъ въ резиденцію, первымъ долгомъ сдѣлалъ визитъ кулаку-торговцу (нельзя же: это—первые люди въ селѣ), происходящему изъ ссыльно-каторжныхъ (здѣсь, вѣдь, проис-

хожденіемъ не брезгаютъ). Кулакъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ новую власть; столь былъ установленъ яствами и питіями, до дорогого коньяка включительно; началось угощеніе, длившееся почти весь день, а затѣмъ новые знакомые подрались, и на долю волостныхъ властей пришлось разнимать ихъ и разбирать ихъ дѣло... Теперь они судятся между собою».

Какъ хотите,—прибавляетъ корреспондентъ,—а Сибирь ждала все-таки не такихъ личностей!

Самарская рабочая контора. Самарскій корреспондентъ «Рус. Вѣдомостей» сообщаетъ любопытныя данныя о дѣятельности новаго учрежденія для урегулированія движенія рабочихъ.

«Исполнилось ровно полгода со дня открытія при губернской земской управѣ на средства Общества Краснаго Креста справочной рабочей конторы. За 6 мѣсяцевъ рабочею конторою было отправлено на опредѣленные работы 1.786 человекъ; сверхъ того 1.150 человекъ воспользовались свидѣтельствами льготнаго тарифа, выдаваемыми конторой, и ушли на заработки на свой счетъ; такимъ образомъ, всего пристроено конторою около 3 хъ тысячъ человекъ. Большинство рабочихъ отправлено на сельскохозяйственныя работы, преимущественно въ губерніи южныя — Екатеринославскую, Харьковскую, Херсонскую, область Войска Донскаго. Немало ушло рабочихъ и на фабрики — во Владимірскую губернію (до 300 человекъ), Лифляндскую (болѣе 300) и др. или на такъ называемыя черныя работы (грузчики, землекопы и т. п.) въ Бронштадтъ, Митаву, Тагапрогъ, Оренбургъ и проч. Исполнѣ пристроить одного рабочаго къ опредѣленному дѣлу, т.-е. провезти его до мѣста найма и обезпечить кормовыми за время пути, стоитъ всего 4 рубля, считая въ томъ числѣ и содержаніе конторы (служащій персоналъ, почтовые расходы и т. п.). Эту сумму слѣдуетъ признать весьма незначительной, особенно если мы примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство: до 90% общаго числа рабочихъ отправлены въ мѣстности, отстояція отъ Самары болѣе чѣмъ на тысячу верстъ; при томъ рабочіе, отправившіеся на заработки лишь при содѣйствіи конторы, но не на ея счетъ, нами вовсе исключались и не ставились въ рассчетъ. Любопытно то, что за указанный періодъ времени спросъ на рабочія руки превысилъ цифру 20 тысячъ; всего было предъявлено 351 опредѣленное требованіе, причемъ въ среднемъ на одно требованіе приходилось на 58 рабочихъ.

«Невольно бросается въ глаза огромный спросъ на рабочія руки и сравнительно небольшое число удовлетворенныхъ требованій. Причины такого явленія весьма разнообразны и многочисленны; мы отмѣтимъ здѣсь лишь немногія и главныя. Прежде всего, въ настоящее время контора отправляетъ рабочихъ исключительно на счетъ нанимателей (ранѣе отправляла Красный Крестъ на свой счетъ), хотя и по удешевленному тарифу ($\frac{1}{4}$ стоимости въ третьемъ классѣ), почему многіе наниматели отказываются принять такіе расходы. Далѣе, требовалось болѣе 5-ти тысячъ рабочихъ съ подводами, между тѣмъ, за отсутствіемъ корма и страшнымъ сокращеніемъ рабочаго скота, удовлетворить такой запросъ было невозможно. Затѣмъ, нѣкоторые изъ работодателей предъявляли къ конторѣ слишкомъ строгія требованія, напримѣръ, чтобы каждый рабочій былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствуванію, отличался безусловною трезвостью, честностью, былъ грамотенъ и проч., и проч. Почти всѣ землевладѣльцы и фабриканты хотѣли воспользоваться безвыходностью положенія голодающихъ крестьянъ, а потому предлагали самыя минимальныя цѣны. Нельзя пройти молчаніемъ и тѣхъ «договоровъ», подъ которыми должны были подписываться нанявшіеся рабочіе; эти «договоры» и «условія» ставятъ рабочихъ подчасъ въ весьма затруднительное положеніе. Одно крупное полтавское имѣніе, предлагая за лѣтнее время 6 руб. въ мѣсяцъ взрослому рабочему-мужчинѣ и 3 рубля

женщинѣ, въ то же время требуетъ отъ нихъ подписаться подъ такими условіями: 1) «Я (такой-то) на работу долженъ выходить до восхода солнца и оставлять таковую не иначе, какъ по приказанію надсмотрщика за работой и по сдачѣ данныхъ мнѣ для работы скота, сбруи, орудій и т. д. тому завѣдующему отдѣломъ, отъ котораго я получилъ; если сдаваемые инструменты окажутся при сдачѣ утерянными, то я отвѣчаю ихъ стоимостью; 2) если же я буду приставленъ исполнять какую-либо постоянную должность, напримѣръ, конюха, скотника и т. д., то работа моя не должна считаться часами, а тѣмъ дѣломъ, которое требуется исполненіемъ назначенной мнѣ должности, т.-е. я долженъ ее исполнять и по праздникамъ; 4) ни отъ какой работы отказаться я не имѣю права, въ какое бы время она ни была назначена, если я былъ бы вызванъ въ экономію случайно надсмотрщикомъ работы даже ночью. За отлучку безъ спроса подвергаюсь штрафу, какъ за самовольную». Вообще въ этомъ договорѣ перечислено множество случаевъ, въ которыхъ налагается на рабочаго штрафъ «по усмотрѣнію управляющаго».

«Неудивительно, что наняться на такихъ условіяхъ находилось весьма мало охотниковъ. Опытъ самарской рабочей конторы показалъ, что подобныя учрежденія могутъ принести огромную пользу какъ рабочимъ, такъ и работодателямъ, но при томъ условіи, если подобныхъ конторъ будетъ организовано очень много и онѣ будутъ соединены съ врачебно-продовольственными пунктами, т.-е. когда для рабочихъ будутъ построены бараки для ночлега, чайныя, столовыя, больнички и проч.»

Церковныя попечительства о бѣдныхъ. «Вѣстникъ Благотворительности» въ обстоятельной статьѣ разсматриваетъ дѣятельность церковныхъ и участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. На основаніи официальныхъ данныхъ, журналъ приходитъ къ выводу, что 35-ти-лѣтній опытъ дѣятельности приходовъ только подтверждаетъ непригодность ихъ къ этому дѣлу. Сколько-нибудь крупную дѣятельность обнаруживаютъ лишь нѣкоторыя столичныя да городскія приходскія попечительства. Но такихъ попечительствъ немного. Общее же число ихъ достигало въ 1895 году 15.923.

«На благодѣіе храмовъ всѣ эти попечительства израсходовали въ томъ же году 2.333.820 р., на поддержаніе причтовъ—188.622 руб., а на школы и дѣла благотворенія вмѣстѣ—всего 435.648 руб. Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ распределяется эта послѣдняя сумма между школой и благотворительностью во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, изъ котораго она заимствована, не приведено. Но если даже допустить такое маловѣроятное предположеніе, что на школы изъ приведенной суммы ничего не тратится и что вся она цѣликомъ идетъ на благотворительность, то и въ такомъ случаѣ необходимо будетъ признать, что подавляющее большинство церковно-приходскихъ попечительствъ дѣйствуетъ въ области призрѣнія чрезмѣрно слабо и почти не оказываетъ никакого вліянія на удовлетвореніе нуждъ призрѣнія. На 27,3 рубля, приходящихся въ среднемъ на каждое попечительство, едва ли можно прокормить и одного человѣка. Вѣроятно же всего, что и изъ этихъ 27,3 р. большая часть идетъ на школы, но не на благотворительность. Кромѣ попечительствъ, благотворительность развивали также монастыри и церкви, имѣвшіе въ 1895 году 763 больницы и 901 богадѣльню. Однако, число призрѣваемыхъ въ нихъ было не велико—всего 13.591, т. е. въ среднемъ по 13 душъ въ каждомъ изъ этихъ заведеній. Число православныхъ братствъ достигало въ 1894 году 160. Болѣе крупныя изъ нихъ, завѣдывая школами, оказывали пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ ихъ и призрѣвали сиротъ. Такъ, Славяно-Владимірское братство содержало бесплатное училище для приходившихъ дѣтей бѣдныхъ родителей. При Подольско-Свято-Іоанно-Предтеченскомъ братствѣ

учрежденъ ремесленный пріютъ, въ которомъ сироты и дѣти крайне бѣдныхъ родителей находятъ бесплатное содержаніе и обучаются ремесламъ. Братство это воспитываетъ также на средства дамскаго комитета нѣсколько дѣвочекъ въ своемъ пріютѣ. Тульское, тамбовское, пензенское, вологодское и новгородское братства большую часть своихъ средствъ расходовали на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Вятское братство выдавало учащимся въ центральной противораскольнической школѣ денежное пособіе по 6 руб. въ мѣсяцъ каждому. Нѣкоторыя братства оказывали пособіе всѣмъ бѣднѣйшимъ людямъ выдачей денегъ, раздачею хлѣба и снабженіемъ лѣкарствами, но ихъ помощь, въ общемъ, была ничтожна.

«Вотъ и все, что извѣстно о дѣятельности церковно-приходскихъ попечительствъ по общественному призрѣнію въ послѣдніе годы. Очевидно, дѣятельность эта настолько не велика для почти что 16 тыс. мелкихъ организацій, стоящихъ у самаго дѣла, что никоимъ образомъ не можетъ служить основаніемъ или поводомъ къ передачѣ имъ дѣла призрѣнія. Напротивъ того, малое участіе церковно-приходскихъ попечительствъ въ попеченіи о бѣдныхъ лишь подтверждаетъ мысль, по которой призрѣніе по своимъ основнымъ свойствамъ, элементамъ и по природѣ своей требуетъ для исполненія совсѣмъ иныхъ организацій, не похожихъ на церковно-приходскія. Роль послѣднихъ не нужно смѣшивать съ ролью церкви, которая, въ лицѣ своихъ пастырей, всегда будетъ развивать и поддерживать въ вѣрующіихъ духъ любви, милосердія и благотворенія, какъ развиваетъ и поддерживаетъ въ нихъ противодѣйствіе по рочнымъ склонностямъ и преступленіямъ. Но какъ изъ послѣдняго факта не вытекаетъ, что церковныя организація должны принимать полицейскія мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ и судить ихъ свѣтскимъ судомъ, такъ и изъ христіанскаго милосердія нельзя выводить обязанностей церковныхъ организацій по призрѣнію бѣдныхъ».

Поэтому «Вѣстникъ» стоитъ за совершенно независимую отъ прихода организацію помощи бѣднымъ, въ видѣ участковыхъ попечительствъ, по образцу, напр., московскихъ.

Бумажныя недоразумѣнія. Новыя и очень сложныя недоразумѣнія возникли въ провинціи изъ-за прекращенія пріема кредитныхъ билетовъ образца 1887 г. Такъ «Нижегородскій Листокъ» и другія газеты полны описаніями такихъ, напр., сценъ.

«Недоразумѣнія начались съ первыхъ же чиселъ января. Проникшее въ темную и малопросвѣщенную массу извѣстіе о прекращеніи обращенія бумажекъ образца 1887 года породило положительно паническую боязнь бумажныхъ денегъ. Масса, по своей безграмотности, не могла изъяснить, какія именно «бумажки» съ наступленіемъ 1-го января 1900 года перешли въ разрядъ «негодныхъ». Результаты «бумажной паники» не замедлили проявиться и въ Нижнемъ. Лавочники городскихъ окраинъ въ первыхъ же числахъ января объявили, что «никакихъ бумажныхъ денегъ» они принимать не будутъ. И это было вовсе не безпричиннымъ капризомъ.

«— Помилуйте-съ,—жалуются они,—послѣ этого самаго извѣщенія, съ середины декабря, бумажками просто завалили, словно кладъ какой отрыли. Купить коробку шведскихъ спичекъ,—бумажка, десятокъ папирсъ,—бумажка, дрожжей на семишникъ,—бумажка. И главное,—все бумажки разномастныя—разныхъ годовъ... Однѣ даже ассигнацію откуда-то приволокъ. Какъ тутъ разобратся, какую обмѣнить возможно на настоящія деньги, какую ребятишкамъ для забавы выкинуть. А вѣдь за всякую ошибку придется своимъ карманомъ отвѣчать, и никакія слезы не помогутъ.

«То же самое явленіе можно было наблюдать и на базарахъ. Временами оно

принимало положительно каррикатурныя формы, которыя могли бы вызвать смѣхъ, если бы за ними не скрывалась «нужда безысходная да тьма непроядная».

«Сторговала барыня пучка два какихъ-то кореньевъ, вынимаетъ бумажку. Торговецъ Христомъ Богомъ просить дать «настоящую» монету. Барынь нѣвогда обѣгать и мѣнять деньги и она намѣревается уйти къ другой торговкѣ, отказавшись отъ покупки. Торговкѣ, въ свою очередь, жаль отпустить покупательницу. Получается коллизія.

— Постой, постой!..—кричитъ во все горло уходящей покупательницѣ торговка, обрадовавшись, что нашла выходъ изъ нелегкаго положенія, созданнаго съ одной стороны страшной, должно быть, «бумажкой», а съ другой—страстнымъ желаніемъ заполучить за товаръ пятакъ.—Ты побожись, что твоя бумажка настоящая... Побожись, что мнѣ ее обмѣнять.

Барыня обижается.

— Да, что я мошенница что ли?

— Ну, ради Христа, побожись... успокой мою душеньку... у меня, вѣдь дома-то пятеро ртовъ и всѣхъ кормить надо... Да еще хозяинъ... Въ случаѣ чего, онъ такъ за оплошку разукрасить!..

Барыня смѣется и божится. Смѣется сосѣдъ торговки, а та, крестясь, принимаетъ изъ рукъ барыни бумажку и, высыпавъ изъ холщевой мешины груду мѣдажковъ, охаетъ, снова крестится и, отсчитавъ девяносто пять копѣекъ, передаетъ барынь.

— Мнѣ-в-дь!—съ брезгливой гримасой произноситъ покупательница.

— Что-жъ что мѣдъ... Она, голубка, не обманетъ, не то что твоя вертихвостая бумажка,—замѣчаетъ торговецъ, съ особой нѣжностью собирая разсыпанные въ подолъ мѣдаки.

«Брепенская ярмарка въ этомъ отношеніи прошла не такъ благополучно: тамъ бабѣ, пріѣхавшей изъ Семеновскаго уѣзда, все-таки кто-то сумѣлъ всучить изъятую изъ обращенія бумажку. Баба ревѣла и обращалась къ толкучемуся на ярмаркѣ люду за совѣтомъ, что дѣлать ей съ бумажкой, которая «какъ будто и настоящая, и какъ «удто бросовая»...»

— Что дѣлать?.. Хозяину въ ноги поклонись да попроси его, чтобъ онъ покрѣпче обучилъ тебя финансовой наукѣ,—смѣялся нижебазарный привазчикъ.—Финансы, тетка, въ наше время штука наиважнѣйшая!..

«И сколькоимъ въ нынѣшнемъ году на собственной шкурѣ придется узнать, что финансы—дѣйствительно—«штука наиважнѣйшая»...»

Такія же исторіи стали повторяться и въ столицахъ, что вызвало со стороны «Гражданина» вѣрное заключеніе:

«Бому оно (прекращеніе пріема) можетъ быть полезно и нужно? Бому вредъ отъ медленнаго процесса постепеннаго выхода изъ употребленія тѣхъ или другихъ кредитныхъ бумажекъ?»

«Во-первыхъ, тутъ является вопросъ нравственности и честности. Неужели обязательство правительства платить по кредитнымъ билетамъ можетъ прекращаться когда-либо, пока бумажки въ обращеніи, и неужели подъ предлогомъ, что многіе, т.-е. миллионы неграмотнаго люда не будутъ знать о срокѣ для прекращенія обращенія кредитной бумажки, можно допустить, что этимъ воспользуется государственный банкъ для извлеченія выгоды отъ отказа въ принятіи къ размѣну старыхъ кредитныхъ бумажекъ? Ясно, что такое предположеніе слишкомъ безнравственно, чтобы быть мыслимымъ для государственнаго банка.

«Но затѣмъ есть еще другая сторона дѣла, практическая. Россія при своихъ условіяхъ народнаго быта, очевидно, имѣетъ мало сходства съ тѣми европейскими государствами, гдѣ въ каждомъ заголустыи и въ каждый домъ сравни-

тельно скоро доходить всякое правительственное объявление. Въ Россіи множество захолустій, гдѣ милліоны людей ничего не знаютъ о правительственныхъ оповѣщеніяхъ. Отсюда что слѣдуетъ вывести? Во-первыхъ, то, что лучше не опредѣлять сроковъ для прекращенія оборотной силы какой-либо кредитной бумажки, а во-вторыхъ, что если этотъ срокъ будетъ объявленъ, то имъ воспользуются мошенники всѣхъ народностей, чтобы эксплуатировать эту мѣру въ свою пользу и лишній разъ обворовать неграмотный русскій людъ. Въ каждой деревнѣ явятся мошенники, которые увѣрятъ мужиковъ, что старыя бумажки ничего не стоятъ, и купить ихъ за полцѣны, а затѣмъ, понабравъ такихъ бумажекъ въ цѣломъ околодѣ, промѣнятъ ихъ въ государственномъ банкѣ на новые кредитные билеты.

«Вотъ то главное, что неизбежно произойдетъ вездѣ.

«Спрашивается: неужели, чтобы достигнуть только этого результата, необходимо опредѣлять срокъ для признанія старой кредитной бумажки недействительною?»

Въ самомъ дѣлѣ. будутъ ли обмѣниваться, спрашиваетъ *Новое Время*, кредитныя бумажки, залежавшіяся по невѣдѣнію, и если будутъ, то гдѣ? Въ объявленіи министерства финансовъ, по поводу котораго пишетъ кн. Мещерскій, говорится только, что по истеченіи 31-го декабря 1899 года кредитные билеты образца 1887 г. не будутъ принимаемы въ казенные платежи и не обязательны къ обращенію между частными лицами. Но значить ли это, что они послѣ того изъ денегъ обращаются въ макулатуру?

Отзывъ ученой комиссіи о произведеніяхъ Пушкина. Намъ уже приходилось говорить о томъ, какъ мало распространены творенія Пушкина въ народной средѣ (см. «М. Б.», іюнь 1899 г. «На родинѣ»), такъ какъ главные проводники знаній въ народъ—школа, бібліотека и аудиторія—по не зависящимъ отъ нихъ условіямъ почти вовсе не знакомятъ его съ этими произведеніями. Очень любопытными въ этомъ отношеніи представляются отзывы о сочиненіяхъ Пушкина, по словамъ *Съв. Кургера*, данные два года назадъ однимъ ученымъ учрежденіемъ. Приводимъ нѣкоторые изъ этихъ отзывы.

1) «Руславъ и Людмила».—Въ этой повѣсти много эротическаго; напримѣръ, описывается баня, гдѣ «хана моютъ дѣвы молодыя», а также «нѣжныя затѣи Киприды». Кромѣ того, высказываются недобрыя мысли: «немножко *отпрена* (курсивъ подлинника), такъ что же? Еще *милѣ* тѣмъ она». Эта поэма не пригодна. 2) «Кавказскій плѣнникъ». И въ этой повѣсти есть эротическія мѣста, но не столь соблазнительныя, какъ въ первой. Можно бы допустить—тутъ хороши описанія Кавказа. 3) «Братья разбойники».—Содержаніе поэмы можетъ смутить читателя, особенно простого человѣка. Допустить нельзя. 4) «Бахчисарайскій фонтанъ».—И по эротическимъ мѣстамъ (а здѣсь ихъ много), и по отсутствію необходимыхъ объясненій (напримѣръ, слова «шербетъ») допустить нельзя. 5) «Цыгане».—Здѣсь высказываются мысли одностороннія: «Въ городахъ—торгуютъ волею своей.—Главы предъ идолами клонать.—И просятъ денегъ и цѣпей». Допустить нельзя. 6) «Сказка о мертвой царевнѣ».—Допустить можно, но слѣдуетъ объяснить слово «сочельникъ». 7) «Сказка о золотомъ пѣтушкѣ».—Здѣсь часто встрѣчается слово «скопецъ», который изображенъ мудрецомъ. Допустить нельзя. 8) «Пѣсни западныхъ славянъ».—Мысли кое-гдѣ неодобрительныя: «Противъ солнышка луна не пригрѣтъ—противъ *милой* жена не утѣшить».—Допустить нельзя. 9) «Ввгеній Онѣгинъ».—Много эротическихъ мѣстъ, напримѣръ, «о ножкахъ». Кромѣ того, много неудобныхъ мыслей: «Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ—Въ душѣ не презирать людей». Одобрить нельзя. 10) «Графъ Нулинь».—Много эротическаго. Допустить нельзя. 11) «Домикъ въ Коломнѣ».—Допустить можно; высказываются хорошія мысли, напр.:

«Блаженъ, кто крѣпко словомъ править—И держитъ мысль на привязи свою». 12) «Капитанская дочка». Допустить можно, но выпустивъ строки о «прачкѣ Палашеѣ» и рассказъ Максимыча о «банѣ, гдѣ капракъ Прохоровъ подрался съ Устиней изъ-за шайки горячей воды». 13) «Исторія Пугачевского бунта».—Допустить нельзя. Здѣсь описывается много ужаснаго; кромѣ того, попадаетъ много неудобныхъ мѣстъ, наприм.: «оробѣли воинскіе начальники», «недостаетъ у правительства пушекъ», самъ главный вождь (Бибииковъ) находилъ положеніе дѣлъ «пресквернымъ»; «императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества» и т. п. 14) «Всѣ поэмы», 15) «Всѣ сказки», 16) «Баллады и легенды», 17) «Всѣ драматическія произведенія» и 18) «Повѣсти Бѣльвина»—допустить нельзя. 19) «Письма Пушкина».—Нельзя допустить по тремъ причинамъ: а) ненадлежащее отношеніе къ религіи, напр.: «его пресвященству (А. И. Тургеневу), состоящему при оберъ прокурорѣ святѣйшаго синода»: «Такъ, если открыть Моисею,—погибъ несчастливый Содомъ»; «я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность»; «повторю тебѣ (кн. Вяземскому) передъ Евангелиемъ и св. причастіемъ, что Дмитріевъ не имѣетъ болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ»; «мой анекдотъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божьей помощью могу пронести еще года три»; второе изданіе «Руслана и Людмилы» называется вторымъ пришествіемъ и т. п.; б) суровые отзывы о цензурѣ, напр., поэтъ называетъ ее своей «приятельницей, голубушкой», «ужасно безтолковой», приписываетъ ей «дѣломудренность»; «зарѣзала меня цензура»; «съ переминой министерства ожидаю и перемины цензуры» и т. п.; в) рѣзкіе отзывы о разныхъ предметахъ, напр.: одинъ французскій офицеръ названъ подлецомъ: «Греція мнѣ огадила»; называетъ свое существованіе глупымъ и рѣзко отзывается о псковскомъ губернаторѣ; «меня тошнитъ съ досады, на что ни погляжу», и т. п...

Памяти Герцена. Корреспондентъ «Нижегородскаго Листка» г. Протопоповъ описалъ литературный вечеръ, посвященный памяти Герцена. «9-го января въ 10 ч. вечера въ верхнемъ залѣ ресторана «Медвѣдь» состоялся ужинъ литераторовъ, устроенный по случаю 30 й годовщины смерти А. И. Герцена. Въ числѣ собравшихся, которыхъ было около ста человекъ, находились не только профессиональные журналисты, но и другія лица, близкія къ литературнымъ кругамъ: артистка Комиссаржевская, присяжн. повѣр. Карабчевскій, Никоновъ и др. Центральное предсѣдательское мѣсто за столомъ занялъ по общей просьбѣ П. И. Вейнбергъ, который остроумно замѣтилъ, что своимъ мѣстомъ на вечерѣ онъ обязанъ «печальному для себя обстоятельству—возрасту».

«П. И. Вейнбергъ пригласилъ лицъ, желающихъ говорить, «записаться и соблюдать очередь» и при этомъ добавилъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ нынѣшнее собраніе, направленное къ чествованію того, кто такъ много посодѣйствовалъ эпохѣ великихъ реформъ. Многое изъ того, чего желалъ Герценъ, уже свершилось: крестьяне освобождены отъ рабства, старый судъ уступилъ мѣсто новому правосудію и т. д. Изъ этого уже видно, какъ много жизненной правды было въ словахъ Герцена и какъ онъ правильно въ темное до-реформенное время понималъ нужды своей родины.

«Певчая рѣчь была произнесена г. Карабчевскимъ. Высокій ростъ, могучая грудь, сильный голосъ, большое умѣнье говорить и огонь таланта сдѣлали свое дѣло: рѣчь г. Карабчевскаго была принята шумными аплодисментами. Ораторъ красиво упомянулъ и о словахъ—«мане, текедь, фаресь» и о Прометѣѣ, и т. д. Н. Ф. Анненскій взволнованнымъ голосомъ вспомнилъ дни своей молодости, когда онъ впервые знакомился съ писаніями Герцена. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ въ далекомъ городѣ Сибири. Въ то наивное время смутно понимали значеніе статей «Искандера» и даже крупные чиновники покупали заграничныя

изданія, мотивируя это «пользою службы»... На Герцена многіе смотрѣли, какъ на родъ апелляціонной инстанціи и посылали къ нему объясненія и жалобы. Въ 60-хъ годахъ, а именно во время польскаго мятежа, значеніе Герцена было лучше понято и, конечно, разсѣялась иллюзія о чтеніи его писаній «въ пользу службы». Въ это же время Герцену пришлось испытать горькій фактъ: на полѣ литературы явились «разночинцы», это были ученики Искандера, но ученики пошедшіе дальше учителя, въ которомъ они усматривали «прекраснодушіе» 40-хъ годовъ. Конечно, нападки изъ лагеря друзей были очень болѣзненны и именно это обстоятельство, можетъ быть, было самою драматическою нотою въ жизни Герцена. Рѣчь Н. Ф. Анненскаго, простая, безыскусственная и душевная, вызвала взрывъ сочувствія. Г. Мякотинъ постарался выяснитъ, почему газета Герцена, печатавшаяся до польскаго мятежа въ количествѣ 3.000 экз., послѣ этого момента стала выходить лишь въ числѣ 400 экз. Это произошло отъ того, что, благодаря росту пониманія вообще и въ частности благодаря критикѣ Каткова и другихъ сотрудниковъ «Моск. Вѣд.», въ Россіи поняли, къ какому собственно результатамъ ведетъ проповѣдь Герцена, а такъ эти результаты не совпадали съ желаніями многихъ изъ читателей Герцена, то и произошелъ отливъ. Съ большимъ вниманіемъ было выслушано коротенькое слово В. Д. Спасовича. Слово его умное, тонкое и оригинальное, какъ и всегда, касалось вопроса о томъ, является ли Герценъ представителемъ «русской» мысли или мысли европейской. По мнѣнію г. Спасовича, вѣрнымъ является второе положеніе: Герценъ тѣмъ и силенъ, что посмотрѣлъ на Россію не съ русской точки зрѣнія. П. Г. Струве сказалъ, что дѣятельность Герцена хорошо подтверждаетъ мысль о пользѣ дѣлать то, что слѣдуетъ, не гоняясь за немедленными утилитарными результатами. Н. К. Михайловскій напомнилъ о другѣ Герцена — Огаревѣ, память котораго почтили вставаніемъ. Г. Ганейзеръ предложилъ образовать кружокъ, который бы занялся собираніемъ біографическихъ матеріаловъ о Герценѣ, а также и его сочиненій, причемъ желательно было бы издать все, что возможно.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», декабрь. Въ «Литературѣ и жизни» *Н. К. Михайловскій* даетъ характеристику г. В. Розанова, по поводу вышедшихъ недавно сборниковъ его произведеній. Вмѣстѣ съ другими «восьмидесятниками», г. Розановъ «отказывается отъ наслѣдства 60-хъ—70-хъ годовъ». Г. Михайловскій наводитъ по этому поводу справки. Обнаруживается въ результатѣ этихъ справокъ, что г. В. Розановъ отказывается не такъ, какъ отказываются сотрудники «Недѣли», не такъ, какъ декаденты и символисты, не такъ какъ марксисты («мнѣ кажется, — прибавляетъ по этому поводу Н. К. Михайловскій, — что наиболѣе умные и добросовѣстные изъ нихъ вернутся скоро къ 70-мъ годамъ, — конечно, не для буквального ихъ повторенія, какъ и 70-е годы не буквально повторяли своихъ предшественниковъ»). Его «отказъ отъ наслѣдства» — совсѣмъ особенный. И г. Михайловскій задается вопросомъ: при такомъ отсутствіи солидарности г. Розанова и съ современными ему, съ болѣе старыми общественными партіями, съ славянофилами и послѣдователями Каткова, — «ведетъ ли онъ когонибудь за собой, и если ведетъ, то кого именно»? Отвѣтъ получается отрицательный: нѣтъ, не ведетъ и вести не можетъ. Почему же? Г. Михайловскій доказываетъ свою мысль тѣми капризами формы и мысли, въ которыхъ онъ видитъ существенную черту писательской фізіономіи г. Розанова. Въ томъ и въ другомъ отношеніи г. Розановъ «въ себѣ не волеетъ». Его «мысль безпо-

мощно крутится», подхватывая на пути яркіе образы и туманныя словозвѣтія, закрѣпляя въ слѣпомъ порывѣ минуты нравственнаго пафоса и безнравственные софизмы. За г. Розановымъ нельзя идти, «просто потому, что физически невозможно идти за-разъ и направо, и налѣво». Выражаясь терминами самого г. Розанова, онъ просто-на-просто—«юродивый». Вотъ почему даже заявившіе себя печатно единомышленниками г. Розанова гг. Шараповъ и Перцовъ—«идутъ за нимъ больше для того, чтобы въ этой цѣлесообразной позиціи время отъ времени «приподнимать полы его халата» и «отшлепывать» его, хотя и «безъ поврежденія мягкихъ частей», какъ мило шутить г. Шараповъ».

Вопросъ о «наслѣдствѣ» 70-хъ годовъ еще разъ обсуждается, вслѣдъ за г. Е. Соловьевымъ, въ статьѣ «Экскурсія въ малоислѣдованную и таинственную область», г. П. Б. Г. Соловьевъ, какъ извѣстно, немножко поспѣшно приложилъ теорію экономическаго матеріализма къ истолкованію семидесятихъ годовъ, какъ эпохи «сословнаго», «барскаго» духа, «измельчавшаго до слезливыхъ восторговъ передъ мужикомъ». Чтобы дойти до такихъ восторговъ, «семидесятники», по представленію г. Соловьева, должны были, во-1-хъ, «забыть», радикально шестидесяте годы, а, во-вторыхъ, вновь заразиться господствовавшимъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ славянофильствомъ.

Въ противоположность г. Соловьеву, г. П. Б. ставитъ своей задачей доказать: 1) что семидесятники не только не забыли шестидесятихъ годовъ, но именно оттуда и получили свои идеалы, 2) что идеалы обонхъ десятилѣтій, тождественные между собой, ничего не имѣли общаго съ идеалами славянофиловъ.

Первый свой тезисъ г. П. Б. доказываетъ довольно легко цитатами изъ Добролюбова и Чернышевскаго. То, что г. Соловьевъ выводилъ отъ славянофиловъ, оказывается непосредственно заимствованнымъ у корифеевъ шестидесятихъ годовъ: и вѣра въ нравственную силу и цѣльность народа, и вѣра въ прочность народныхъ «устоевъ» общественной жизни, т.-е. прежде всего общиннаго землевладѣнія. Но является вопросъ: откуда явилась эта вѣра у людей шестидесятихъ годовъ? Когда г. Соловьевъ прямо ссылается на славянофиловъ, какъ на учителей семидесятниковъ, обходя шестидесяте годы, то критикъ его поступаетъ правильно, напоминая ему о пропущенномъ звенѣ. Но когда это звено восстановлено, и когда сами шестидесятники указываютъ дальше на славянофиловъ, какъ на своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, то эта ссылка должна быть провѣрена при помощи болѣе точныхъ историческихъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя, повидимому, находятся въ рукахъ г. П. Б. Замѣнить эту справку простыми разсужденіями, притомъ исходящими изъ того понятія о славянофильствѣ, которое сложилось въ позднѣйшее время,—нельзя. Безъ сомнѣнія, ничего общаго не могло быть между практическими программами Чернышевскаго и Ивана Аксакова, но общее было въ томъ теоретическомъ источникѣ, къ которому одинаково восходятъ сходныя идеи обѣихъ программъ. Достаточно вспомнить, что за Чернышевскимъ стоялъ Герценъ, а за Иваномъ Аксаковымъ—Иванъ Кирѣевскій, и что Герценъ съ Кирѣевскимъ, по образному выраженію перваго, изображали «двуликаго Януса», два лица котораго смотрѣли въ противоположныя стороны, исходя изъ общихъ симпатій.

Г. Викторъ Черновъ «по поводу новой книги (Бернштейна) объ экономическомъ матеріализмѣ» разсматриваетъ тѣ сзныя «оговорки матеріалистическаго пониманія исторіи», которыми посвящена первая статья настоящей книжки нашего журнала. Тамъ, гдѣ нашъ сотрудникъ видитъ несомнѣнную эволюцію старой теоріи, ортодоксальные защитники теоріи усматриваютъ лишь постепенное разъясненіе того, что заключалось въ теоріи уже съ самаго начала. «Экономическій матеріализмъ, какъ оказывается изъ словъ его новѣйшихъ защитниковъ, не отрицалъ ни одного изъ тѣхъ «факторовъ», на которыхъ настаивали его оппоненты; онъ лишь отчасти подразумѣвалъ ихъ въ са-

момъ понятіи «экономическаго фактора», отчасти же просто, по условіямъ, не успѣвалъ воздать должное «остальнымъ элементамъ, участвующимъ въ взаимодействіи», отклоняясь отъ этого, въ виду полемическихъ интересовъ минуты, къ доказательству «главнаго» положенія о «супрематіи» экономическаго развитія.

Самъ же г. Черновъ склоненъ думать, что не только была налицо извѣстная эволюція изъ основной мысли, но что были и такія уступки противникамъ, которыя не мирятся съ основной мыслью, а лишь сопоставляются съ ней совершенно механически. «Намъ кажется,—говоритъ онъ,—что на теоріи экономическаго матеріализма просто сблылись слова самого Бернштейна; эклектизмъ—смѣсь изъ самыхъ различныхъ методовъ изслѣдованія и объясненія фактовъ—часто является естественной реакціей противъ доктринерскаго стремленія все выводить изъ одного начала, все разрѣшать однимъ методомъ. Какъ только усиливается подобное стремленіе, духъ эклектизма всегда проложитъ себѣ дорогу съ естественной необходимостью. Онъ является возстаніемъ здраваго разсудка противъ всякаго доктринѣ стремленія втиснуть мысль въ «испанскіе сапоги»... И строгая доктрина обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что заимствуетъ кое-что исподтипка у эклектики, этой легкомысленной особы, смѣло порхающей съ цвѣтка на цвѣтокъ по всему жизненному саду,—заимствуетъ, а передъ всѣмъ свѣтомъ оправдываетъ себя въ концѣ концовъ заявленіемъ, что въ глубинѣ души она сама все это и раньше всегда подразумѣвала»...

Уступки только тогда не поведутъ къ эклектизму, если они дѣлаются во имя какой-нибудь теоріи, а не во имя практическихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ прежней теоріей, черезчуръ исключительной. Нехорошо, если прежняя теорія замѣняется не новой теоріей, а компромиссомъ между двумя; еще хуже, если это—компромиссъ между теоріей, ошибочность которой признана, и теоріей, которую еще предстоитъ построить. Вотъ почему, мы думаемъ, что съ уступками не слѣдуетъ черезчуръ спѣшить, если хотять создать что-нибудь прочное. Такія уступки хороши, какъ симптомъ, но не какъ окончательный исходъ. Г. Черновъ, несомнѣнно, это чувствуетъ, такъ же какъ и авторъ начальной статьи этой книжки. «Есть только одинъ путь для того, чтобы, съ одной стороны, избавиться отъ некритическаго монизма, составляющаго слабое мѣсто экономическаго матеріализма, а съ другой—не впасть въ неопредѣленный и расплывчатый эклектизмъ. И этотъ путь—выясненіе необходимыхъ методологическихъ основъ всякаго соціологическаго изслѣдованія, и въ особенности всякой соціологической дедукціи». Намъ тоже кажется, что это—путь вѣрный.

Не менѣе споровъ, чѣмъ теорія «экономическаго матеріализма», вызываютъ въ послѣднее время и прикладные вопросы, входящіе въ практическую программу того же направленія. Можно ли или нельзя примѣнить схему промышленнаго развитія Маркса—къ деревнѣ? Этотъ вопросъ давно поставленъ на очередь партій. Каутскій попытался дать на него отвѣтъ въ духѣ Маркса. т. е. утвердительный. Содержаніе книги Каутскаго излагается и критикуется въ статьѣ г. Ратнера. Г. Ратнеръ находитъ, что Каутскій самъ себѣ противорѣчить въ двухъ сосѣднихъ отдѣлахъ своей книги, утверждая въ первомъ изъ нихъ, что крупная форма сельскаго хозяйства обладаетъ такими технико-экономическими преимуществами, которыя должны дать ей перевѣсъ [надъ мелкой, а въ слѣдующемъ отдѣлѣ констатируя «особые законы» сельскаго хозяйства, въ силу которыхъ, напротивъ, капитализмъ оказывается менѣ прочнымъ въ этой области, а мелкое производство—болѣе живучимъ. Цифровыя данныя такъ же мало помогаютъ Каутскому, какъ теоретическія разсужденія, такъ какъ обнаруживаютъ, вопреки его утвержденіямъ, несомнѣнный ростъ средняго и мелкаго хозяйства въ разныхъ частяхъ Европы. Каутскій ищетъ затѣмъ поддержки старой догмѣ въ тѣхъ фактахъ, что крестьянство перемѣщается изъ дере-

вень въ города, что въ самую деревню проникаетъ промышленность, входящая въ тѣсную связь съ земледѣльемъ. То и другое явленіе—безспорно, хотя размѣры ихъ далеко не такъ велики, какъ нужно для старой схемы. Въ концѣ концовъ, Каутскій самъ лучше всего показываетъ недостаточность своихъ аргументовъ тѣмъ, что возлагаетъ всѣ надежды въ будущемъ на ассимилирующую силу крупной индустріи. «Человѣческое общество есть организмъ,—говоритъ онъ,—и какъ организмъ, оно должно быть организовано единообразно. Абсурдъ—думать, будто въ одномъ и томъ же обществѣ одна часть его можетъ развиваться въ одномъ направленіи, а другая, столь же важная, въ противоположномъ... И если развитіе крупной индустріи, являющееся господствующей силой въ современномъ обществѣ, совершается въ направленіи къ обобществленію, то она, эта индустрія, захватитъ для обобществленія и приспособитъ къ своимъ потребностямъ и тѣ области, которыя неспособны изъ самихъ себя произвести условія, необходимыя для этого переворота».

Полную противоположность книгѣ Каутскаго составляетъ новѣйшая работа Гертца объ «аграрныхъ вопросахъ», содержаніе которой также излагается въ статьѣ г. Ратнера. «Если по отношенію къ Каутскому,—замѣчаетъ Шиппель,—нельзя освободиться отъ чувства, что для него заранѣе былъ готовъ опредѣленный теоретическій принципъ и что онъ поспѣшно пробѣжалъ нѣкоторые учебники, и анекдоты изслѣдованія по аграрному вопросу, поскольку они могли служить ему матеріаломъ для украшенія остова его теорій, то по отношенію къ Гертцу получается впечатлѣніе обратное. Чувствуется, что доводы Гертца органически выросли изъ внимательнаго наблюденія фактовъ и тенденцій и изъ внимательнаго изученія литературы по аграрному вопросу». Въ результатѣ такого изученія Гертцъ, прежде всего, не хочетъ говорить объ «аграрномъ вопросѣ», а рассуждаетъ объ «аграрныхъ вопросахъ», признавая, что при разнообразіи мѣстныхъ условій и при большой зависимости земледѣлія отъ вышнихъ условій и отъ состоянія общаго экономическаго развитія страны нельзя втискивать всѣхъ явленій въ рамки одного «вопроса». Ни одна форма сельскаго хозяйства не можетъ быть признана наилучшей, безъ отношенія къ даннымъ условіямъ. Существующія же условія скорѣе даютъ преимущество среднему и мелкому, чѣмъ крупному хозяйству. Вѣроятно, эти тенденціи сохранятся и въ будущемъ. Такимъ образомъ, «изъ мелкаго хозяйства организовать крупное» можно только, по мнѣнію Гертца, «при помощи товариществъ». Такимъ образомъ, попытка Каутскаго спасти «догму» осталась безуспѣшной. Приходится признать, что эта «догма» не предвидѣла трудностей аграрнаго вопроса, когда думала рѣшить его простой ссылкой на установленную ею схему индустріальнаго развитія.

Н. А. Карышевъ подводитъ итоги своимъ статьямъ о «земскихъ ходатайствахъ» передъ высшимъ правительствомъ. Онъ резюмируетъ, прежде всего, содержаніе ходатайствъ. «Въ области *земскаго устройства*... земства желали, прежде всего, расширить кругъ лицъ, которыя имѣли право избирать и быть избранными; затѣмъ, по возможности, оградить себя... отъ административнаго воздѣйствія; далѣе—создать условія для серьезной постановки земской работы... наконецъ, вести дѣло гласно, открыто. Въ области *народнаго образованія* земства стремились выдвинуть значеніе общественнаго элемента, возможно болѣе распространить низшее и среднее образованіе въ массѣ населенія, качественно улучшить школьное преподаваніе и надежнѣе обставить матеріальную обстановку школъ, удешевить среднее образованіе, придать программамъ послѣдняго черты, болѣе отвѣчающія требованіямъ жизни, и открыть двери университета для окончившихъ реальную школу. Въ области *народнаго хозяйства* земства проектировали не мало мѣръ въ интересахъ массы населенія... Въ вопросахъ, связанныхъ съ организаціей *крестьянскихъ учреждений*, ха-

рактерной чертой ходатайствъ земства было отрицательное отношеніе къ принятымъ тогда формамъ административнаго воздѣйствія на крестьянскую жизнь; раздавались голоса и противъ самаго принципа такого воздѣйствія: мѣстное управленіе и судъ, основанные на сословныхъ различіяхъ, казались не соответствующими болѣе условіямъ времени... Въ области *земскаго обложения*—земскія ходатайства обнаруживали тенденцію къ уравнительности раскладокъ сборовъ на всѣ имущества, къ борьбѣ съ накопленіемъ недоимокъ за состоятельными плательщиками, землевладѣльцами, и къ уменьшенію силы административнаго регулированія смѣтъ и раскладокъ» и т. д. Только въ единичныхъ случаяхъ, въ земскихъ ходатайствахъ «проскальзывали просьбы и пожеланія, не соответствовавшія пользѣ *всего* населенія губерніи или уѣзда, а вытекавшія изъ домогательствъ наиболѣе состоятельныхъ группъ собраній». Между тѣмъ, «домогательства крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленнаго класса могли бы найти значительную поддержку, если бы имъ удалось подыскать почву въ земствахъ». «Отсюда слѣдуетъ заключить.—замѣчаетъ г. Карышевъ,—что классовый характеръ былъ свойственъ нашему земству перваго двадцатилѣтія въ весьма слабой степени». «Этому можно найти подтвержденіе и въ наличности замѣтной группы ходатайствъ противоположнаго свойства».

Что касается судьбы земскихъ ходатайствъ, то, во-первыхъ, очень часто движеніе ихъ чрезвычайно задерживалось. Авторъ приводитъ случаи, когда отвѣтъ на ходатайство получался черезъ 8—10, 14 и даже 18 лѣтъ. Болѣе половины ходатайствъ было отклонено (52,3%). Главными мотивами отклоненія выступали: 1) ущербъ для казны въ случаѣ удовлетворенія требованій земства. 2) Стремленіе сохранить административное воздѣйствіе на земскую жизнь. Къ тому же приводило «нѣкоторое сомнѣніе въ способности земскихъ дѣятелей къ самоуправленію и недовѣріе къ нимъ», также выдвигавшіяся иногда, какъ мотивъ отказа. 3) Гораздо чаще отказъ мотивировался формальной ссылкой на «тотъ самый законъ, распоряженіе, циркуляръ, объ отмініи, измѣненіи или дополненіи котораго и хлопотало земство». Сюда же можно отнести отклоненія, мотивированныя *единичностью* того или другого ходатайства. 4) Наконецъ, часть ходатайствъ отклонена «по причинѣ покровительства классу землевладѣльцевъ» и «промышленному классу», особенно въ вопросѣ о привлеченіи этихъ классовъ къ уплатѣ земскихъ налоговъ въ большемъ размѣрѣ или хотя бы о пресѣченіи имъ способовъ уклоняться отъ уплаты земскихъ недоимокъ. Въ общемъ итогъ, причины отказовъ сводятся, слѣдовательно, «во-первыхъ, къ фискальнымъ и административнымъ тенденціямъ управленія, во-вторыхъ—къ покровительству государста элементамъ землевладѣльческому и торгово-промышленному». Въ заключеніе, г. Карышевъ констатируетъ, что земскія ходатайства «далеко не всегда оставались безплодными и сопровождалась иногда весьма почетными законодательными результатами».

«Русская Мысль», декабрь». *Г. Захъ* («Земство и крестьянское хозяйство», окончаніе) разбираетъ рядъ опытовъ ссудныхъ операцій, предпринятыхъ земствами. Вопреки опасеніямъ убытковъ и большихъ денежныхъ затратъ, практика показала, что ссудныя операціи почти окупаютъ сами себя и требуютъ, значитъ, лишь оборотныхъ капиталовъ. Дѣло тормазится обыкновенно вслѣдствіе сложности процедуры, излишества канцелярскаго формализма. Любопытный примѣръ ввелъ валуйское земство для упрощенія ссудной организаціи: чтобы избѣжать расходовъ на амбары, заложенный хлѣбъ былъ оставленъ на храненіи у самихъ собственниковъ. Опытъ удался блистательно: «растрата зерна была обнаружена только по одной (изъ 660 слишкомъ) ссудѣ, при чемъ долгъ былъ погашенъ заемщикомъ полностью по первому требованію управы». Совѣщаніе по упорядоченію хлѣбной торговли, созданное министерствомъ финансовъ въ фе-

врагѣ нынѣшняго года, высказалось за необходимость правительственной помощи земствамъ въ ссудномъ дѣлѣ.

Продолжается біографія *Кавелина*, составленная г. Борсаковымъ по перепискѣ его съ бар. Раденъ за 1863—1864 гг. Мечтавшій о введеніи нѣмецкаго университетскаго строя со свободой преподаванія и двумя самостоятельными корпорціями: профессоровъ и студентовъ, Кавелинъ остался недоволенъ уставомъ г. и уѣхалъ въ Германію доканчивать статьи о нѣмецкихъ университетахъ. На приглашеніе на кафедру и на службу въ новыя судебныя учрежденія Кавелинъ рѣшительнымъ отказомъ, признавая возможность развѣ частной собственности: «ни въ какомъ случаѣ не надѣну мундира». Характерно то энтузиастическое настроеніе съ славянофильской окраской, въ которомъ отразился на Кавелинѣ «періодъ реформъ». «Вы чувствуете, что въ русской жизни произошелъ какой-то благодѣтельный переломъ... Рѣшительно, мы вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни... Грязь смывается,—ей нельзя не смыться.— и тогда посмотрите, что выйдетъ изъ этого народа. Всѣ вопросы получать здѣсь, на этой почвѣ, другое рѣшеніе, да и поставлены будутъ совсѣмъ иначе».

Заканчивая характеристику *Терпигорева*, *Протопопова* находитъ неумѣстнымъ его глумленіе надъ безпомощно-гибнущимъ помѣщикомъ, легкомысленное непониманіе трагизма въ судьбѣ помѣщика, этой жертвы крѣпостного строя. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго зѣвскальства очерки «Оскуднѣніе» стоятъ гораздо ниже его же «Потревоженныхъ тѣней», относящихся къ дореформенному прошлому и пронизанныхъ грустною серьезностью и негодующимъ чувствомъ.

Въ живомъ и интересномъ очеркѣ «По трущобамъ Лондона» г. *Бичъ* рассказываетъ о своемъ посѣщеніи Уайтъ-Чапельскаго квартала ночью. Обычныя картины городской бѣдности разнообразятся въ Лондонѣ лавочками для куренія опиума, гдѣ пролетарій въ лохмотьяхъ за ничтожную плату можетъ наслаждаться райскими грезами. Поразителенъ контрастъ между ужасающей нищетой, пьянствомъ, развратомъ и идиллическими мѣрами борьбы съ этими язвами: проповѣдникъ арміи спасенія передъ толпой, ожидающей очереди войти въ кабакъ, дамскій хоръ общества воздержанія, ужины съ проповѣдями для публичныхъ женщинъ. Любопытно, что пьяницы готовы слушать проповѣдника только по выходѣ изъ кабака, а женщины послѣ правоучительныхъ ужиновъ немедленно «тутъ же у дверей начинаютъ свои атаки»...

Въ статьѣ «Промышленность Соединенныхъ Штатовъ», составленной по сочиненію Левассера «L'ouvrier américain», приводятся таблицы поразительнаго роста промышленности въ Америкѣ за послѣднія 40—45 лѣтъ. Американскіе фабрики отличаются прочностью и дешевизной, но страдаютъ недостаткомъ вкуса и чистоты въ отдѣлкѣ. Производительность труда въ Америкѣ, кромѣ механическихъ приспособленій, объясняется и умѣньемъ рабочаго трудиться гораздо болѣе интенсивно и планомерно, сравнительно съ европейскимъ рабочимъ. На всѣхъ заводахъ, принадлежащихъ государству, уже принятъ 8-ми-часовой день а въ среднемъ рабочій день равняется 9½ часамъ; заработная плата около 3 р.—3 р. 50 к. въ день, (въ Россіи рабочій день—11½ часовъ, заработная плата около 70 коп.). Русскіе эмигранты, преимущественно евреи, вошедшіе въ портняжное ремесло, гдѣ практикуется «потопонная система», понизили заработокъ на 40%.

Изъ статьи г. *Яковенка* «Задачи общественной психіатріи» можно извлечь поучительное сравненіе: тогда какъ въ Англіи изъ 92 тысячъ душевно-больныхъ около 86 призрѣваются въ больницахъ и только 6,6% остаются въ семьяхъ подъ врачевнымъ контролемъ, у насъ изъ 265 тысячъ душевно-больныхъ въ больницахъ содержалось лишь 15.500, т. е. менѣе 6%, остальные 94% были разбѣяны между здоровымъ населеніемъ (по отчету 1893 г.). Иллюстраціей къ

нашимъ больничнымъ порядкамъ могутъ служить приведенные во «Внутреннемъ Обзорѣнн» способы усмирять буйныхъ больныхъ: темныя, холодныя, зловонныя кѣтки, служащія для изоляціи, побои, елошь и рядомъ оканчивающіеся переломомъ костей и даже смертью (томская больница); наконецъ, лишеніе пищи, какъ наказаніе, практикующееся въ шадринской земской больницѣ, вслѣдствіе чего одинъ больной мальчикъ наѣлся травы; при разслѣдованіи этого случая нѣкоторые врачи принципиально высказались за примѣненіе наказаній въ больницахъ «по усмотрѣнію врачей»

«Вѣстникъ Европы», январь. *Г. О. Г. Тернеръ* въ статьѣ «Крестьянское законодательство и его движеніе за послѣднія десять лѣтъ» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о новѣйшихъ законодательныхъ актахъ, касающихся крестьянства. Какъ извѣстно, еще закономъ 1894 г. было разрѣшено допускать разсрочки и отсрочки *недоимокъ*—безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы. Для примѣненія этого закона изслѣдованы были правительствомъ различныя недоимочныя мѣстности Россіи. «Оказалось, что по всѣмъ обследованнымъ мѣстностямъ недоимки превышали годовой окладъ, составляя два, три и даже до десяти окладовъ... Причиною столь крупныхъ недоимокъ должны были служить не одни только случайныя бѣдствія, но еще и причины органическаго характера, а именно несоразмѣрность въ отдѣльныхъ случаяхъ окладныхъ платежей со средствами крестьянъ, несмотря на всѣ дарованныя уже облегченія. Мѣстныя учрежденія, производившія изслѣдованія, свидѣтельствовали, что накопленіе недоимокъ объяснялось—мѣстами—недостаткомъ надѣльной земли, въ виду накопленія населенія, вынуждавшимъ крестьянъ арендовать окрестную землю по высокой цѣнѣ, а мѣстами—отсутствіемъ луговъ и пастбищъ въ надѣлахъ, вызывавшимъ невозможность содержать необходимое число скота; мѣстами—плохимъ качествомъ надѣльной земли, отсутствіемъ заработковъ и тому подобными постоянно дѣйствующими неблагоприятными условіями». Очевидно, надо было идти дальше и облегчать не только уплату недоимокъ, но и самыхъ *окладовъ*. Это сдѣлалъ законъ 1896 года, понизившій процентъ долга до 4% и установившій перерочку выкупныхъ платежей—главной статьи крестьянскихъ взносов—на 28, 41 или 56 лѣтъ (съ 2, 1 или $\frac{1}{2}$ % погашенія). Но по конецъ 1898 г. этикъ закономъ воспользовались изъ 20.000 нуждавшихся селеній только 2.136: закона или не знали, или относились къ нему равнодушно, или ему противодействовали зажиточные хозяева. Въ виду этого состоялось изданіе послѣдняго закона 1899 г., по которому мѣстныя власти сами изслѣдуютъ причину неисправности платежей и разъясняютъ на сходѣ плательщикамъ ихъ право просить отсрочки—не мевѣе половины всей суммы непогашеннаго долга—и разсрочки остальной части на 28 лѣтъ

Другой рядъ мѣръ принятъ закономъ 1899 г. относительно измѣненія *способовъ взиманія податей*. «Главная сущность новаго закона заключается въ передачѣ всего дѣла изъ рукъ полиціи въ руки земскаго начальника и податнаго инспектора, и затѣмъ—въ измѣненіи способа примѣненія круговой поруки». «Стремленіе обезпечить успѣшное поступленіе сборовъ было главной заботой полиціи, нерѣдко при полномъ забвеніи правильно понятыхъ интересовъ самаго фиска. Позволительно надѣяться, что земскіе начальники и податные инспектора отнесутся къ дѣлу болѣе рациональнымъ образомъ, сознавая, что благосостояніе государства и успѣшность поступленія податей зависятъ главнымъ образомъ отъ благосостоянія населенія». Самый законъ 1899 г. устанавливаетъ цѣлый рядъ детальныя предписаній, имѣющихъ цѣлью оградить плательщиковъ и необходимую для хозяйства часть ихъ имущества отъ всякаго произвола при сборѣ податей. Что касается круговой поруки, правительство признало ея неудобства. «Понужденіе податнаго лица, полностью ввсшаго свой окладъ, платить еще и

за недомщика — устанавливаетъ совершенную неопредѣленность размѣра подати и потому не можетъ не дѣйствовать вредно и на хозяйственную дѣятельность отдѣльнаго лица и на расположеніе его къ аккуратному взносу слѣдующаго съ него оклада подати. Съ другой стороны, круговая порука обрушивается всею своею тяжестью и на несостоятельныхъ домохозяевъ, потому что болѣе состоятельные крестьяне, такъ называемые богачи или богатыри, уплачивая окладъ за недомщиковъ, вознаграждаютъ себя отобраніемъ отъ нихъ части земли или покосовъ, стоимостью обыкновенно превосходящей размѣръ уплаченной за нихъ податной недомки». Особенно пагубно дѣйствуетъ та форма, въ которой проявлялась до сихъ поръ круговая порука, т. е. «продажа безъ разбора и безъ уравнительности перваго попавшагося подъ руку имущества исправныхъ крестьянъ за недомки неисправныхъ». Однако же, правительство не рѣшилось на полную отмѣну круговой поруки, признавая, что между нею и общиннымъ землевладѣніемъ существуетъ «нѣкоторая органическая связь». Законъ 1899 г. ограничился попыткой «ослабить, въ границахъ возможности, вредныя послѣдствія круговой поруки нѣкоторымъ упорядоченіемъ способа ея примѣненія». Изъ дѣйствія круговой поруки онъ извѣлъ, во-первыхъ, всѣ селенія меньше 60 душъ и всѣхъ подворныхъ владѣльцевъ. Затѣмъ, ея примѣненію должна предшествовать цѣлая система предварительныхъ мѣръ, и самое примѣненіе строго ограничено извѣстными рамками. «Но, съ другой стороны—замѣчаетъ г. Тернеръ,—нельзя не признать, что дѣйствіе ея до извѣстной степени распространяется тѣмъ, что до сихъ поръ круговая порука примѣнялась крайне нераціонально и разорительно, но зато она примѣнялась не всегда, а какъ бы случайно: были цѣлыя губерніи, гдѣ почти не знали круговой поруки. Теперь она урегулирована: сплошная продажа имущества деревни уже не будетъ имѣть мѣста, но зато организованное и урегулированное примѣненіе круговой поруки будетъ происходить повсюду въ селеніяхъ, лишь только недомка превзойдетъ 5% оклада. Какъ бы правильно ни была сдѣлана раскладка, разъ является недомка, она въ концѣ года будетъ влечь за собой неминуемое примѣненіе круговой поруки». Авторъ, съ своей стороны, находитъ, что было бы справедливе «сохранить круговую поруку—только въ видѣ угрозы за неправильное и пристрастное составленіе раскладки. Разъ послѣдняя признана податнымъ инспекторомъ справедливою, дальнѣйшая отвѣтственность состоятельныхъ членовъ общества за несостоятельныхъ должна бы прекратиться». Г. Тернеръ замѣчаетъ, впрочемъ, что министру финансовъ предоставлено «по истеченіи года послѣ введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія войти въ соображеніе вопроса о возможности отмѣны круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ и предложенія свои по сему предмету внести на законодательное разсмотрѣніе установленнымъ порядкомъ».

Предоставляются ли сибирскимъ переселенцамъ-крестьянамъ отводимыя имъ земли на правахъ безсрочнаго пользованія или же на правахъ собственности? Новое «Положеніе» о земельномъ устройствѣ крестьянъ четырехъ сибирскихъ губерній характернымъ образомъ колеблется въ этомъ вопросѣ. Въ виду, особенно, возможности «коренныхъ видоизмѣненій въ экономической жизни и хозяйственномъ бытѣ сибирскаго населенія» съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, положеніе не хочетъ «предрѣшать окончательно» вопроса и предпочитаетъ «оставить его открытымъ». Оно замѣняетъ для этой цѣли самое названіе вѣрнѣшаго документа, *владѣнной* записи — терминомъ «отводной записи», умышленно оставляя юридическое положеніе, устанавливаемое этимъ актомъ, вполне неопредѣленнымъ.

Г. Слонимскій посвящаетъ интересную статью «Новому гражданскому уложенію», выработанному комиссіей, учрежденной еще въ 1882 году. Онъ под-

черкиваетъ прежде всего несогласованность отдѣльных частей проекта комиссіи и его «чрезмѣрную теоретичность». Указавъ, затѣмъ, что «Новое уложеніе, въ отличіе отъ X тома Св. Зак., приспособленнаго къ быту крѣпостной помѣщичьей Россіи, должно впервые установить надлежащія нормы для *всѣхъ сословій и классовъ общества*, въ томъ числѣ и для крестьянства», г. Слонимскій констатируетъ, что «самая важная для народа область правъ, обнимающая поземельныя отношенія, заранѣе пріобрѣтаетъ какой-то странный, специально-помѣщичій оттѣнокъ», благодаря усвоенному проекту термину «*вотчинный*» для означенія этихъ правъ. Онъ указываетъ, далѣе, что нѣкоторыя положенія «упраздняютъ аренду и направлены, какъ будто, къ обезпеченію господства «найодавцевъ» (т. е. владѣльцевъ) надъ нанимателями недвижимыхъ имуществъ». «Невниманіе къ реальнымъ условіямъ народной жизни или бюрократическое отношеніе къ нимъ свысока» обнаруживается, напр, въ томъ, что «наемъ квартиры принять за образецъ для земельной аренды». Составители серьезно разсуждаютъ о необходимости въ Россіи платить арендныя деньги впередъ, такъ какъ на Западѣ «есть почтенное сословіе арендаторовъ, которые располагаютъ капиталами и потому заслуживаютъ довѣрія», т. е. могутъ платить и въ концѣ срока, а у насъ такого «почтеннаго сословія» нѣтъ, и нашъ арендаторъ, не обладающій капиталами, долженъ платить впередъ, иначе — «онъ ушелъ, и все пропало». Г. Слонимскій справедливо находитъ, что эти разсужденія «поражаютъ своею странностью» и замѣчаетъ: «ничѣмъ нельзя оправдать то предположеніе недобросовѣстности, которое составители проекта заранѣе бросаютъ въ лицо цѣлому обширному классу сельскихъ обывателей. Бѣдность крестьянъ не есть еще достаточный мотивъ къ признанію ихъ не заслуживающими довѣрія, точно также какъ и обладаніе капиталомъ не есть еще доказательство почтенности». Любопытно, что самъ проектъ признаетъ въ другомъ мѣстѣ возможность уплаты аренды «опредѣленной частью произведеній отданнаго въ наемъ имущества», т. е. допускаетъ уплату *послѣ* реализаціи, напр., урожая. И опять, возвращаясь на свою «принципіальную точку зрѣнія, составители не соглашаются, чтобы урожай фигурировалъ въ договорахъ, какъ срокъ платежа, такъ какъ «сроки для расчетовъ по найму несомнѣнно должны быть въ точности опредѣлены» и такъ какъ взносы тогда «будутъ все-таки производиться не впередъ, а по истеченіи извѣстнаго времени», чего составители никакъ не хотятъ допустить. Французскій законъ, правда, предусматриваетъ, что придется и вовсе освободить арендатора отъ платы или дать ему льготу въ случаѣ неурожая. Но русскимъ составителямъ это кажется чрезчуръ ужъ сложными расчетами: «можно опасаться путаницы въ расчетахъ сторонъ», докторально замѣчаютъ они и предпочитаютъ упростить дѣло, выкинувъ, по нѣмецкой пословицѣ, ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны. «Рѣшительно недоумѣваемъ,—замѣчаетъ по этому поводу г. Слонимскій,—почему постановленія въ пользу крестьянъ, признаваемые справедливыми и цѣлесообразными въ буржуазной Франціи, считаются неудобными или сомнительными въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ крестьянство составляетъ главную массу населенія».

«Рядомъ съ ошибочнымъ представленіемъ о необходимости спеціальной охраны владѣльческихъ интересовъ» г. Слонимскій отмѣчаетъ въ проектѣ «чрезмѣрную иногда готовность охранять интересы промышленныя и коммерческія, даже въ ущербъ земледѣлію». Составители такъ боятся «отклонить капиталистовъ отъ помѣщенія капиталовъ въ земельной собственности», что готовы признать за ними имѣнія, хотя бы купленныя ими у фиктивныхъ, ошибочно записанныхъ въ «вотчинную книгу» владѣльцевъ. Настоящій собственникъ теряетъ при этомъ свое право по своей «собственной винѣ» и «небрежности». Точно также при-

знается право лица, купившаго оплаченный долговой документъ, получить по этому документу во второй разъ: составители полагаютъ, что это «необходимо допустить въ видахъ поддержанія кредита и облегченія обиха цѣнностей».

Такимъ образомъ, «поощреніе дисконтеровъ, занимающихся скупкою чужихъ векселей, принято комиссіей за поддержаніе кредита, а торговля долговыми обязательствами частныхъ лицъ возведена на степень чего-то весьма значительнаго, достойнаго всевозможныхъ мѣръ покровительства,—точно такъ же, какъ раньше признаны полезными операціи капиталистовъ съ земельной собственностью».

Большой заслугой составителей проекта слѣдуетъ считать созданіе нормъ для цѣлага ряда институтовъ и явленій гражданскаго права, почти не затронутыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Въ проектъ вошли правила объ артеляхъ, о страхованіи, о пожизненной рентѣ, о разныхъ видахъ товарищества, объ обществахъ и клубахъ, о договорахъ по перевозкѣ, объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ за несчастные случаи, о наймѣ приказчиковъ, рабочихъ и прислуги, равно какъ и о многихъ торговыхъ сдѣлкахъ, имѣющихъ общее значеніе, напр., о комиссіи, о чекахъ, бумагахъ на предъявителя и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ разработаны превосходно».

«Историческій Вѣстникъ», январь. Въ статьѣ «Герценъ и Тургеневъ» напечатаны большіе отрывки изъ переписки обихъ писателей въ 60-хъ годахъ. Переписка начинается теоретическимъ споромъ, ведетъ къ разрыву и потомъ продолжается, послѣ трехлѣтняго перерыва, въ примирительномъ тонѣ. Причиной теоретическаго разногласія былъ взглядъ Герцена на будущее Россіи. Какъ извѣстно, Герценъ въ то время пытался найти успокоеніе отъ обуревавшихъ его сомнѣній, навѣянныхъ западной жизнью, въ славянофильскихъ упованіяхъ на русское будущее. Онъ ставилъ вопросъ совершенно такъ, какъ ставилъ его Чаадаевъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ и И. Кирѣевскій въ своихъ первыхъ литературныхъ опытахъ. «Прошедшее запада обязываетъ его, а не насъ. Его живыя силы скованы вруговой порукой съ тѣнями прошедшаго... Ходу его впередъ мѣшаютъ камни, но камни эти—памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты. У насъ—ничего подобнаго. Наши преданія—вперед!» Не связанные прошлымъ, мы можемъ прямо шагнуть въ будущее и перенести туда кое-что (Герценъ разумѣлъ общину), «не продѣлывая всѣхъ старыхъ группостей запада». Такъ, въ биологій менѣе совершенный видъ обогнать часто болѣе совершенный, заострѣвшій въ своемъ развитіи».

Тургеневъ рѣзко возстаетъ противъ этой, тогда уже намѣчавшейся, народнической теоріи. «Ты,—пишетъ онъ Герцену,—съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно *западное* человѣчество, а не bipedes (двуногіе) вообще? Ты—точно медикъ, который разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что пациентъ французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ видишь великую благодать и новизну, и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—однимъ словомъ, то самое absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, такъ давай воздвигать алтарь этому невѣдомому Богу, благо о немъ почти ничего не извѣстно—и опять можно молиться и вѣрить, и ждать... А между тѣмъ въ силу... вашей жажды положить свѣжую крупянку снѣга на иссохшіи языкъ, вы бѣте по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: по цивилизаціи, по законности, по самой революціи наконецъ, и наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально—славянофильской брагой, пускаете ихъ хмельными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ

предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Приходится вамъ прискивать другую тропку, чѣмъ найденная вами: «земство, артель и община». «Огареву я не сочувствую потому что... онъ проповѣдуетъ старинныя социалистическія теоріи объ общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ». Послѣ этого объѣна мнѣній въ 1862 году переписка приостанавливается. Тургеневъ въ 1863 г. объясняетъ эту остановку такъ: «я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ... *Наши мнѣнія слишкомъ расходятся, къ чему безплодно дразнить другъ друга*».

Герценъ объяснялъ себѣ перерывъ нѣсколько иначе. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1863 года Тургенева официально вызвали изъ-за границы въ Россію, и подготавливая объясненія, которыми онъ собирался дать въ Петербургѣ, онъ не разъ письменно подчеркивалъ, что онъ «окончательно—чуть не публично, разошелся съ лондонскими изгнанниками, т. е. съ ихъ образомъ мыслей». «Задача эта (т. е. объясненій въ Петербургѣ) будетъ не трудная,—писалъ онъ Анненкову,—потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политической человѣкъ? Я—писатель, какъ я это представилъ самому государю, писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ съ своимъ тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помните, меня назвали. Впрочемъ, я спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта».

Послѣднія слова относятся къ письму, съ которымъ Тургеневъ обратился въ то же время къ государю. Онъ писалъ, что «состояніе здоровья и дѣла, не терпяція отлагательства», не позволяютъ ему вернуться въ Россію и просилъ выслать вопросные пункты, обѣщая «честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полной откровенностью». Пункты были высланы, Тургеневъ отвѣтилъ на нихъ и тогда уже рѣшился ѣхать въ Россію, для «личныхъ объясненій». «Баять надобно было ожидать,—писалъ Анненковъ,—дѣло въ сенатѣ не долго задержало его, такъ что онъ могъ весною же (1864) снова возвратиться за границу».

Между тѣмъ письма Тургенева къ Анненкову, изъ которыхъ заимствованы приведенныя выше цитаты, не остались секретомъ для Герцена. Въ результатѣ, «Колоколъ» напечаталъ слѣдующе entrefilet, приводимое «Историческимъ Вѣстникомъ»: «корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго она прервала всѣ связи съ друзьями юности».

Узнавъ по возвращеніи за границу объ этомъ отзывѣ, Тургеневъ пишетъ Герцену письмо, въ которомъ говоритъ тономъ огорченнаго и оправдывающагося. «Если бы я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на то, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моихъ судей».

Герценъ отвѣчалъ «больше изъ пѣтета въ прошедшемъ, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ». Онъ объяснялъ, почему онъ не могъ не повѣрить слухамъ, вызвавшимъ нападеніе «Колокола». Онъ ссылаясь на письменныя заявленія Тургенева о разрывѣ съ старыми друзьями и на поступки Тур-

генева. «Ты прекратилъ переписку,—чтобы это было изъ патриотизма, я не вѣрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей... Вскорѣ твое имя явилось въ числѣ подписчиковъ на раненыхъ (въ польско-шведскѣхъ возстаніяхъ русскихъ солдатъ)... Дать имя на демонстрацію, въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова—не изъ самыхъ цивилическихъ поступковъ: особенно, когда это идетъ отъ человѣка, никогда не мѣшавшагося въ политику».

Переписка возобновилась, при нѣсколько измѣнившихся обстоятельствахъ, три года спустя. Посылая Герцену свой «Дымъ», Тургеневъ писалъ: «вѣдь и тебя партія молодыхъ рефужье пожаловала въ отсталые: разстояніе между нами и поуменишилось». Насколько высказанная здѣсь мысль и настроеніе были естественны, видно изъ письма Бакунина, который около того же времени писалъ Герцену: «ужь не потому ли Тургеневъ дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ *Zärtlichkeit*, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣніемъ... и не подумалъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ? Последнее было не такъ невозможно, какъ казалось Бакунину. Для Герцена прошла боевая полоса его жизни, для Тургенева—грозившая ему опасность. Одинъ каялся втайнѣ въ своихъ увлеченіяхъ славянофильствомъ, другой въ своихъ тактическихъ ошибкахъ. Герценъ дѣлалъ Бакунину тѣ же упреки, какіе дѣлалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Тургеневъ Огареву. Онъ находилъ, что буржуазный міръ совсѣмъ еще неготовъ къ перевороту, что «отрицаніе собственности—безмыслица», а «видовзмѣненіе ея, вродѣ перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопредѣленно»... «Ни ты, ни я не измѣнили своихъ убѣжденій,—писалъ онъ Бакунину,—но разны стали въ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему, со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть... ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ... Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понѣтъ шагъ людской въ быломъ и настоящемъ, для того чтобы знать, какъ идти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не войдутъ за мною, не могутъ идти». Покаянное настроеніе Тургенева видно будетъ изъ слѣдующей выписки: «единственная вещь, которая меня самого грызетъ,—это мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни въ поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: помѣщая я свои вещи не въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,—этакъ бѣды со мной, надѣюсь, нигде не случится, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», который не что иное, какъ сборникъ, и никакого политическаго колорита не имѣетъ, а... есть единственный журналъ, который читается публикой и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ на ногахъ, но другого у меня нѣтъ. «Отечественныя Записки»—единственный соперникъ «Русскаго Вѣстника»—и половины денегъ дать не могутъ».

«Близки» другъ къ другу Герценъ съ Тургеневымъ никогда не были, по признанію обоихъ. «Близкими» они не стали и послѣ этихъ недоговоренныхъ признаній. Но, какъ люди слишкомъ много дѣлвшіе въ прошломъ, они были другъ другу ближе и понятнѣе, чѣмъ то новое поколѣніе, которое ихъ теперь окружало. И на развалинахъ старыхъ надеждъ они дружески подали руки другъ другу.

«Образованіе», январь. Интересенъ очеркъ *Н. Кина*: «Крестьяне-библіотекари», отмѣчающій зарожденіе «народной интеллигенціи, т.-е. такого слоя населенія, который начинаетъ разумную, рассудочную жизнь по чистому влеченію къ истинѣ, безъ всякихъ постороннихъ расчетовъ». Вятское губернское земство съ 1895 г. разослало до 2.800 народныхъ библіотекъ-читаленъ на руки крестьянамъ, утвержденнымъ въ должности библіотекарей мѣстной администраціей. Же-

лая получить свѣдѣнія о дѣятельности библиотекъ за три года, вятская земская управа разослала библиотечарямъ опросные бланки; изъ 1.500 полученныхъ отвѣтовъ, которые будутъ подвергнуты систематической разработкѣ, авторъ выбралъ нѣсколько наиболее характерныхъ. Крестьяне-библиотечари съ необыкновенной любовью и бережливостью относятся къ своей библиотекѣ, часто на свои деньги покупаютъ книги, выписываютъ газеты и журналы («Сельскій Вѣстникъ», «Журналъ для всѣхъ», «Крестьянское хозяйство», «Родина») и выдаютъ читателямъ, аккуратно записывая и провѣряя каждую выдачу. На вопросъ о пользѣ библиотекъ отвѣчаютъ рѣшительно: «если бы не библиотека, забыли бы и читать, не только писать. Поучился мальчишъ въ школѣ, пришелъ домой—почиталъ бы что полезное изъ книжки, а своихъ вѣту, купить не на что. Да и купить-то не знаетъ гдѣ (купить какую-нибудь вродѣ «Бовы королевича»). А библиотека даетъ книжки хорошія». Или: «при семь я сообщаю изъ нашего общества, вообще отъ всѣхъ читателей библиотеки, чувствительную благодарность земству; всѣмъ его дѣятелямъ да поможетъ Богъ на пользу и на просвѣщеніе народа потрудиться». Или еще: «не надо и думать, что библиотека не полезна: Польза отъ нея будетъ еще больше, если книгъ будетъ достаточно, а теперь ихъ мало»... На вопросъ о сосредоточеніи библиотекъ въ волостныхъ правленіяхъ—единодушно высказываются противъ. «При волостномъ правленіи библиотеку имѣть неудобно, потому что въ волостное правленіе ходятъ рѣдко и то старики по какому-либо дѣлу. У волостныхъ своихъ дѣловъ много, да и обращаются грубѣе, чѣмъ учителя. «Это перемѣщеніе даже будетъ вредно, потому что доступъ будетъ труденъ». Изъ выбора книгъ обнаруживается, что крестьянинъ-читатель ищетъ въ книгѣ поучительнаго или серьезнаго чтенія, а на беллетристическія произведенія смотритъ какъ на «присказушки». Читатели болѣе спрашиваютъ книги религиозныя, историческія, по сельскому хозяйству и по ремесламъ; а литературныя книги мало и неохотно берутъ вслѣдствіе того, что мало религиозныхъ». По этимъ отдѣламъ библиотечарь и проситъ присылать книги, «а басней и разсказовъ, и пѣсней, пожалуй бы, и не нужно». «Пѣсни пѣть и сказки рассказывать умѣемъ и безъ книгъ». «Есть въ библиотекѣ книги, которыя никто не читалъ, вотъ напр., «Басурманъ», «Айвенго», «Ледяной домъ». А для меня это первыя книги,—прибавляетъ библиотечарь.—А кто тихо читаетъ, тотъ такія книги не читаетъ». Для объясненія отрицательнаго отношенія къ изящной литературѣ и имѣетъ пристрастія къ божественнымъ книжкамъ, надо припомнить, что въ Вятской губ. много раскольниковъ-старовѣровъ. Особенно цѣнятъ газету: «газета дороже библиотеки; когда она задерживается подолгу, то начинаютъ прибѣгать да спрашивать... Газета неправду ломитъ, —лжи съ выхода газетъ уничтожаются». «По нашему мнѣнію,—пишетъ другой,—библиотеку нужно пополнить журналами и газетами: потому каждую недѣлю все новости хотятъ слышать». На вопросъ, читаютъ ли женщины, одинъ библиотечарь отвѣчаетъ: «въ нашемъ обществѣ грамотныхъ женщинъ совсѣмъ мало—женщинъ пять. И онѣ никогда библиотеку не читаютъ—имъ и некогда; онѣ—крестьянки, домашними работами занимаются; онѣ и лѣтомъ и зимою, даже въ воскресные дни чего-нибудь работаютъ». «Почему у насъ мало читаютъ книгъ?—спрашиваетъ одинъ и отвѣчаетъ: «потому что у насъ народъ очень бѣдный и необразованный, потому что у насъ народу читать книги некогда,—народъ завяты чужими работами весной и осенью, потому что у насъ хлѣба родится мало, земля у насъ очень плохая, песчаная». Одинъ корреспондентъ скорбитъ, что населеніе за послѣднее время «сильно подбилось—подняться нечѣмъ», онъ отчаивается въ возможности поднять деревенское хозяйство кустарными промыслами, находить бесполезнымъ высылать книги по ремесламъ: «прочитавши книгу, масте-

ромъ не будешь, когда въ карманѣ паукъ ночевалъ, прожужжалъ да и улетѣлъ». Многие горячо требуютъ школы, особенно въ краю вотяковъ-язычниковъ: «школы надоть заводить, да туманныя картины переходныя. Позаботиться бы пуще всего высылать учителей, да наставницъ, умныхъ да старательныхъ». Въ одномъ обществѣ крестьяне просили земскую управу открыть у нихъ училище, но не получили и «на свои средства нанимали въ нынѣшнія двѣ зимы *невысокой грамоты* учителя. Съ перваго дня поступило 20 ребенокъ».

Въ близкой по содержанию статьѣ г. *Вѣтринскаго* «Пушкинъ и читатель изъ народа» эксплуатируются письма крестьянъ-подписчиковъ «Сельскаго Вѣстника», присланныя въ отвѣтъ на вопросы редакціи о Пушкинѣ. Многие подписчики никогда ничего не слыхали о Пушкинѣ, другіе съ точки зрѣнія изувѣрной морали осуждаютъ его за нечестіе: «Св. священномученикъ Киприанъ черезъ св. Іустину получилъ отъ Господа Бога златъ вѣнецъ и царство небесное—это свѣтъ. А Пушкинъ—христианинъ, а умъ свой и вѣру погубилъ черезъ женскій полъ—это тьма. Сочиненія Пушкина попадали мнѣ отъ продавцовъ книгъ, и я не нашелъ въ нихъ для души утѣшенія. Совѣтую каждому православному, если только имѣеть состояніе и время, читать и покупать книги духовнаго великаго писателя преподобнаго Ефрема Сирина» и т. п. «Разсужденіямъ этого грамотѣя,—замѣчаетъ г. Вѣтринскій,—не хватаетъ только распространенности и болѣе литературной формы, а то они ничѣмъ по существу не отличаются отъ разсужденій, ну хоть г. Розанова». Враждебное отношенія къ Пушкину переходитъ иногда прямо въ суевѣрное. «Нѣкоторые необразованные и суевѣрные люди даже и не хотятъ обращать вниманія на него, оттого что онъ былъ убитъ на поединкѣ Дантесомъ: они думаютъ, что если кто прочитаетъ сочиненіе А. С. Пушкина, тотъ потеряетъ счастье въ своей жизни». Старовѣры и единовѣрцы противятся всякой свѣтской книгѣ: «зачѣмъ ты даешь нашему ребенку такую чепуху читать?... Какая-то старуха у расколотаго корыта!.. Намъ нужно, чтобы ты училъ: вечерню, да часы, да псалтырь, и еще уставу церковному,—а не этой чепухѣ!» Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ подписчиковъ, читавшихъ и восторгавшихся произведеніями Пушкина, но не знавшихъ имени автора. Наконецъ, есть много и такихъ, которые хорошо знаютъ Пушкина и доказываютъ, что «любовь къ Пушкину въ народѣ велика. Грамотные имъ зачитываются, а неграмотные съ такимъ же удовольствіемъ слушаютъ, когда имъ читаютъ что-нибудь изъ сочиненій Пушкина». Трогательно слѣдующее сообщеніе: «у нѣкоторыхъ крестьянъ приходилось встрѣчать имя Пушкина даже записаннымъ въ поминанія. Станешь разспрашивать: «на что это?» Каждый отвѣчаетъ, что такъ нужно, потому что «онъ дѣтей нашихъ просвѣщаетъ своими сочиненіями».

За границей.

Борьба съ клерикалами въ брюссельскомъ университетѣ. Въ послѣднее время на лекціяхъ юридическаго факультета въ Брюссельскомъ университетѣ нѣсколько разъ происходили безпорядки, производимыя группою студентовъ—католиковъ, начинавшихъ свистать, какъ только произносилось имя депутата Фреръ-Орбана, и вообще нарушавшихъ спокойствіе на лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которые были извѣстны своимъ свободомысліемъ. Кромѣ того въ клерикальныхъ газетахъ стали появляться очень рѣзкія статьи, направленныя противъ свободнаго университета въ Брюсселѣ. Все это вмѣстѣ заставило студенческую ассоціацію организовать митингъ съ цѣлью протеста противъ такого поведенія клерикаловъ и во имя «защиты свободнаго изслѣдованія».

На митингъ были приглашены всѣ выдающіеся профессора свободнаго уни-

верситета, и президентъ ассоціаціи Вандфельсть открылъ собраніе краткимъ словомъ, въ которомъ указалъ на клерикальную опасность, угрожающую университету и принципу свободнаго изслѣдованія, и внесъ резолюцію, предложенную ассоціаціей и порицающую допущеніе студентовъ—католиковъ въ Брюссельскій университетъ. «Студенты собрались здѣсь,—сказалъ онъ,—чтобы заявить о своемъ глубокомъ уваженіи къ профессорамъ и совѣстно обсудить мѣры къ предотвращенію клерикальной опасности и защитѣ свободнаго изслѣдованія». Слова президента были покрыты аплодисментами и затѣмъ нѣкоторые изъ профессоровъ обратились съ рѣчью къ студентамъ. Профессоръ Вандеркиндеръ выразилъ сочувствіе митингу, но такъ какъ это—«собраніе студентовъ», то онъ находилъ, что и слово принадлежитъ исключительно имъ и поэтому счелъ нужнымъ извиниться за то, что самъ воспользовался этимъ правомъ. Но онъ считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать явленіе, указывающее на то, что въ нѣдрахъ университета укоренилась любовь къ свободному изслѣдованію. Зло, на которое жалуются студенты—это зло реальное и опасность существуетъ постоянно; эта опасность угрожаетъ всей западной Европѣ и въ особенности Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, клерикалы начинаютъ забирать въ свои руки среднія школы. Вина падаетъ на высшую буржуазію, которая отрывается отъ принциповъ свободнаго изслѣдованія. Мѣсто аристократовъ прежнихъ временъ заняли либеральные буржуа, у которыхъ денежный вопросъ доминируетъ надъ всеми другими вопросами. Вотъ почему они и дѣтей своихъ предпочитаютъ посылать въ клерикальныя школы. Но до какой степени опасность эта угрожаетъ университету? Всесторонне изслѣдуя этотъ вопросъ, ораторъ приходитъ къ оптимистическимъ выводамъ. «Профессора, сказалъ онъ, остаются независимыми и никакіе догматы не тяготѣютъ надъ ними. Принципы свободнаго изслѣдованія всегда уважаются университетомъ и слѣдовательно нашъ университетъ исполняетъ свой долгъ. Но надо умѣть проводить и въ стѣнахъ университета самый широкій принципъ терпимости, поэтому я и нахожу, что нашъ первоестественный долгъ—открывать двери нашего университета всѣмъ молодымъ людямъ, желающимъ учиться, не обращая вниманія на то, какой они вѣры и какихъ взглядовъ. Университетъ долженъ быть открытымъ для всѣхъ; этого требуетъ принципъ терпимости.

«Въ Брюсселѣ,—продолжалъ дальше профессор,—дѣйствительно существуетъ группа студентовъ—католиковъ. Это очень жаль, но все же развѣ мы имѣемъ право мѣшать имъ основывать общества, помимо нашихъ ассоціацій? Если они занимаются пропагандой, то съ своей стороны и либеральные студенты должны дѣлать то же самое. Постарайтесь внушить этимъ молодымъ людямъ преимущества свободнаго изслѣдованія и попытайтесь обратитъ ихъ въ сторонниковъ этого принципа. Конечно, можетъ случиться, какъ это было недавно, что студенты-католики будутъ пытаться запугать профессоровъ своими громкими протестами и покрыть ихъ голоса. Разумѣется, ничего подобнаго въ стѣнахъ университета допускать нельзя, и весь университетъ долженъ воспротивиться этому. Можетъ случиться также, что который-нибудь изъ людей науки не будетъ обладать достаточнымъ авторитетомъ, чтобы прекратить грубую манифестацію, но тогда всѣ студенты должны единодушно протестовать противъ подобной погѣхи, закрывающей уста профессору. Во всякомъ случаѣ, всѣ приверженцы свободы изслѣдованія должны доказать своимъ противникамъ, что они находятся въ университетѣ лишь для того, чтобы учиться. Дѣйствуя разумно и настойчиво, приверженцы свободы изслѣдованія, навѣрное, обратятъ на этотъ путь многихъ католиковъ и поэтому вы всѣ, присутствующіе на этомъ собраніи, должны покинуть его съ твердымъ намѣреніемъ пропагандировать свою идею и только такимъ путемъ добиваться ея торжества».

Эта рѣчь была покрыта громомъ аплодисментовъ и затѣмъ одинъ изъ

профессоровъ обратился къ студентамъ съ вопросомъ, не стѣсняетъ ли ихъ присутствіе на митингъ всей профессорской корпораціи и не мѣшаетъ ли это нѣкоторымъ изъ нихъ открыто высказывать свое мнѣніе?

— Нѣтъ! Нѣтъ!—послышались голоса въ аудиторіи и кто то прибавилъ: Не слѣдуетъ бояться членовъ своей семьи!

Президентъ ассоціаціи сообщилъ, что нѣкоторые изъ студентовъ внесли предложеніе объ исключеніи клерикаловъ. Но это было бы выраженіемъ нетерпимости и поэтому подобная мѣра не можетъ быть допущена. Надо, конечно, дѣйствовать убѣжденіемъ, пропагандою своей идеи, но тѣмъ не менѣе и терпимость все-таки должна имѣть свои границы, такъ какъ уже, вслѣдствіе безпорядковъ, происходившихъ на лекціяхъ, нѣкоторые изъ профессоровъ вынуждены были прозвѣсти измѣненія въ программѣ своихъ лекцій.

Студенты, говорившіе послѣ профессоровъ, указывали на то, что католики поступаютъ въ Брюссельскій университетъ со спеціальною цѣлью пропагандировать свои идеи и дѣйствовать на болѣе робкихъ студентовъ, не осмѣливающихся громко высказывать свои либеральныя воззрѣнія. Университетъ былъ основанъ съ цѣлью борьбы съ клерикализмомъ и поэтому всѣ свободные мыслители должны объединиться для этой борьбы!

Послѣ еще нѣсколькихъ пылкихъ рѣчей и горячихъ преній была внесена резолюція, въ которой студенты, бывшіе и настоящіе, выражали желаніе, чтобы профессоръ при всякомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ въ своихъ лекціяхъ великій принципъ свободнаго изслѣдованія, поставленный въ основу университета, и старались бы противодѣйствовать клерикальному духу, грозящему царить въ университетѣ. Резолюція вотирована единогласно.

Коммерческій музей въ Филадельфіи. Въ Филадельфіи существуетъ одно въ высшей степени оригинальное учрежденіе, это—коммерческій музей, гдѣ собраны всѣ матеріалы и документы, относящіеся къ торговлѣ и промышленности во всѣхъ частяхъ свѣта. Музей занимаетъ огромное зданіе въ десять этажей и непривычнаго посѣтителя, конечно, должно поразить въ первый моментъ необыкновенное движеніе, господствующее въ этомъ учрежденіи, такъ рѣзко отличающееся отъ той тишины, которая обыкновенно наблюдается во всѣхъ европейскихъ музеяхъ. Въ филадельфійскомъ музеѣ происходитъ постоянная сѣна посѣтителей; одни уходятъ, другіе приходятъ и всѣ словно спѣшатъ поскорѣе добыть свѣдѣнія и новости нужны справки и затѣмъ отправятся по своимъ дѣламъ. Гораздо вѣрнѣе было бы назвать это учрежденіе «центральный коммерческій институтъ» и для дѣлового міра въ Филадельфіи оно имѣетъ такое же значеніе, какъ социальный музей въ Парижѣ для всѣхъ интересующихся социальными и рабочими вопросами. Въ программу дѣятельности коммерческаго музея входитъ слѣдующее: 1) собраніе во всѣхъ частяхъ самыхъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній, касающихся условій торговли и коммерческихъ сношеній и утилизація этихъ свѣдѣній для всѣхъ дѣловыхъ людей; 2) выставка мануфактурныхъ произведеній разныхъ странъ, устроенная съ цѣлю дать возможность американскимъ промышленникамъ ознакомиться наглядно съ требованиями различныхъ рынковъ; 3) ознакомленіе промышленниковъ, негодіантовъ и потребителей Соединенныхъ Штатовъ съ образцами производства въ различныхъ частяхъ свѣта; 4) изслѣдованіе и подробный анализъ всѣхъ продуктовъ производства.

Какъ и все въ Сѣверной Америкѣ, музей носитъ исключительно практической характеръ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ обыкновенныхъ музеевъ, которые представляютъ скорѣе пассивное учрежденіе, дающее возможность посѣтителямъ извлечь пользу для себя, но само не играющее въ этомъ отношеніи никакой активной роли. Филадельфійскій же музей—это въ полномъ смыслѣ слова практическое и дѣятельное учрежденіе, скорѣе напоминающее кипучую дѣятельностью, которая въ немъ существуетъ, каку-ни-

будь дѣловую контору или министерство, нежели простую выставку, устроенную для нагляднаго обученія.

Идея организаціи этого музея возникла въ 1893 году, послѣ окончанія Чикагской выставки, гдѣ были собраны и классифицированы продукты промышленности и торговли всѣхъ странъ. Вслѣдствіе соглашенія съ различными экспонентами выставки, промышленная и торговая секція Чикагской выставки была переведена въ Филадельфію и положила начало коммерческому музею. Штатъ Пенсильванія поддержалъ это учрежденіе, выдавъ пособие въ 50.000 долларовъ, а затѣмъ городское управленіе Филадельфіи назначало ежегодныя субсидіи, смотря по надобности музея. Администрація музея очень сложная и въ составъ ея входитъ, между прочимъ, дипломатическая коммиссія (diplomatic advisory board), образованная изъ представителей различныхъ странъ съ цѣлью облегчить сношенія между музеемъ и иностранными правительствами.

Библіотека музея заключаетъ въ себѣ все, что относится къ національной и международной торговлѣ: журналы и газеты промышленныя и торговыя, статистическія таблицы и изданія всего свѣта, но исключительно касающіяся только той области, для которой существуетъ музей. Ни одинъ научный трудъ, не имѣющій отношенія къ предмету, ни одно литературное или философское произведеніе не допускается въ библіотеку, такъ какъ практической умъ американцевъ не допускаетъ никакихъ отступленій и строго ограничиваетъ всякую дѣятельность, стремящуюся къ извѣстной цѣли, тѣмъ, что находится въ непосредственной связи съ этою цѣлью.

Дѣятельность музея, въ виду ея обширности, далеко не легкая. Служащимъ въ бюро справокъ приходится собирать и классифицировать доклады, получаемые со всего свѣта отъ торговыхъ палатъ и консуловъ, затѣмъ имъ приходится поддерживать постоянныя сношенія съ иностранными правительствами всего міра и съ коммерческими учрежденіями разныхъ странъ для полученія отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, музей постоянно командировуетъ агентовъ въ различныя страны съ цѣлью ознакомленія съ ихъ торговлей и промышленностью и завязыванія сношеній.

Чтобы постоянно пользоваться всеми свѣдѣніями, получать всѣ доклады, присылаемые въ музей, и всю коммерческую корреспонденцію, нужно вносить ежегодно 250 франковъ. Но случайные и временные кліенты музея получаютъ справки бесплатно, не пользуясь, однако, правомъ на постоянное и правильное сообщеніе всѣхъ свѣдѣній, доставляемыхъ музеемъ. Кромѣ того, постоянные кліенты музея пользуются еще правомъ обращаться въ музей для перевода на иностранные языки своей коммерческой корреспонденціи.

Секта «христіанскихъ ученыхъ» (Christian Scientists). Изъ числа 147 христіанскихъ сектъ, процвѣтающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, секта «Christian Scientists» заставила въ послѣднее время очень много говорить о себѣ. Въ Англіи послѣдователи этой секты были даже привлечены къ уголовной отвѣтственности, а въ Америкѣ печать начала требовать внимательства государства и мѣропріятій противъ этой секты, число послѣдователей которой растетъ съ каждымъ днемъ. «Revue des Revues» сообщаетъ нѣкоторыя интересныя подробности о возникновеніи и развитіи этой секты. Она была основана нѣкой мистриссъ Мери Мэзонъ-Бекеръ Гловеръ-Патерсонъ-Эдди, обыкновенно именуемой мистриссъ Мери Бекеръ-Эдди, живущей въ Нью-Гемпшаирѣ, въ деревнѣ Конкордъ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ бостонской желѣзной дороги. Конгрегація была основана въ 1876 году мистриссъ Эдди, у которой было тогда только шесть послѣдователей. Въ 1879 году число членовъ конгрегаціи возрасло до 26 и въ 1887 г. мистриссъ Эдди была избрана пасторомъ, а въ 1890 г. число «Scientists» оказалось по переписи 8.724 и съ той поры стало возрастать съ изумительною быстротой. Въ отчетѣ 1897 года значится уже 40.000

членовъ секты съ 3.500 пасторовъ, а въ 1898 г.—70.000 и 10.000 пасторовъ. Число членовъ, слѣдовательно, за годъ почти удвоилось и движеніе продолжается. Въ 1895 г. конгрегация выстроила въ самомъ фешенебельномъ кварталѣ Бостона храмъ «Mother Church», постройка котораго обошлась въ два съ половиною милліона. Кромѣ того, въ Бостонѣ же существуетъ коллегія «Massachusetts Metaphysical College», устроенная для преподаванія ученія сектантовъ, и основанъ спеціальныи ежемѣсячный журналъ «The Christian Scientists».

Можетъ показаться страннымъ, что въ Америкѣ, — этой странѣ всякихъ сектъ, — «Christian Scientists» возбуждаютъ противъ себя горячій протестъ въ печати, выражающійся даже требованіями вмѣшательства государства. Дѣло, однако, объясняется просто. Въ 1886 году мистриссъ Эдди открыла научный методъ лѣченія болѣзней метафизическимъ способомъ! Это искусство она преподаетъ своимъ ученикамъ въ 12 уроковъ за плату въ 1.500 фр. съ человека. Кромѣ того, она изложила свое ученіе въ книгѣ, которая выдержала уже 166 изданій, несмотря на то, что продается по баснословной цѣнѣ (17 фр. 50 сантим. за экземпляръ). Эта книга представляетъ для послѣдователей секты священную книгу, которую они ставятъ чуть ли не наравнѣ съ Библіей.

Путемъ весьма сложныхъ метафизическихъ разсужденій мистриссъ Эдди доказываетъ, что матерія не существуетъ. Богъ есть духъ и все создано изъ духа, а такъ какъ матерія не есть духъ, то, слѣдовательно, она не существуетъ. Тѣло—это матерія и значить тѣло также не можетъ существовать. Если тѣло не существуетъ, то оно не можетъ и страдать и слѣдовательно страданіе—это только одно воображеніе, абберрація духа. Итакъ, чтобы излѣчить страданіе нашего воображаемаго тѣла, надо излѣчить духъ. Общепринятая медицина, исходя изъ предположенія, что страдаетъ тѣло, принимаетъ слѣдствіе за причину и причину за слѣдствіе и усилія докторовъ, заставляющихъ больного принимать разные лѣкарства, совершенно напрасны, такъ какъ болѣнь духъ и слѣдовательно лѣчить можно только спиритуалистическими способами. Но въ чемъ же заключается болѣзнь духа? Въ томъ, что онъ, какъ и врачъ, приписываетъ происхожденіе болѣзни и страданія своему несуществующему тѣлу. Значить надо воздѣйствовать на больной духъ и заставить его отрѣшиться отъ этого ложнаго убѣжденія, увѣрить его, что матерія не существуетъ и слѣдовательно онъ ошибается, приписывая тѣлу свои страданія и т. д., и т. д.

Такъ разсуждаетъ мистриссъ Эдди. Убѣжденные послѣдователи этой доктрины аргіогі никогда не должны быть больны и если они чувствуютъ себя больными, то это значить, что вѣра ихъ несовершенна. Метафизическій врачъ излѣчиваетъ больныхъ только посредствомъ убѣжденія. Въ душѣ человѣка слишкомъ укоренилась вѣра въ матерію и поэтому онъ не легко отрѣшается отъ этого заблужденія, съ которымъ надо бороться какъ можно энергичнѣе. Недостатокъ вѣры у самого метафизическаго врача часто бываетъ причиною неуспѣха его лѣченія.

Курьезнѣе всего, что мистриссъ Эдди сама рекомендуетъ обратиться къ врачу, въ случаѣ если сломана кость, и объясняетъ это тѣмъ, что «предразсудокъ существованія матеріи слишкомъ укоренился у огромнаго большинства людей и составляетъ безсознательное и непреодолимое препятствіе спиритуалистическому способу лѣченія. Это нѣчто вроде проклятія, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ и мѣшаетъ индивидуальной вѣрѣ оказать свое дѣйствіе».

Въ книгѣ мистриссъ Эдди заключается не мало такихъ нелѣпостей, но зато на все у нея есть гоговый отвѣтъ. Говоря, напримѣръ, о пищѣ, мистриссъ Эдди заявляетъ, что въ принципѣ пища не представляетъ необходимости для жизни и только нашъ укоренившійся матеріализмъ является препятствіемъ для правильнаго взгляда.

Мистриссъ Эдди придала своему ученію религиозную окраску и въ этомъ, по всей вѣроятности, заключается тайна его необыкновеннаго распространенія въ Америкѣ, гдѣ всякія религиозныя доктрины вообще пользуются большимъ успѣхомъ. Въ настоящее время послѣдователи ея ученія встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ классахъ общества и въ особенности ихъ много среди образованныхъ классовъ, гдѣ брошенное ею сѣмя принесло обильную жатву, и надо лишь удивляться, какимъ образомъ ея фразеологія могла оказать подобное дѣйствіе.

Раньше секта не имѣла враговъ. Были только скептики и люди, подсмѣивавшіеся надъ наивною вѣрой послѣдователей мистриссъ Эдди. Но теперь число враговъ начинаетъ возрастать. Въ Соединенныхъ Штатахъ находится теперь болѣе 2.600 метафизическихъ врачей, получившихъ отъ мистриссъ Эдди право исцѣлять больныхъ, удостоверяемое выданнымъ ею свидѣтельствомъ. Эти врачи рекламируютъ себя въ газетахъ, но въ последнее время было не мало случаевъ, гдѣ «метафизическое лѣченіе» приводило къ смерти больного и вслѣдствіе этого печаль заволновалась, такъ какъ число такихъ прискорбныхъ фактовъ возрастаетъ. Но ни эти факты, ни протесты печати и огласки неудачныхъ случаевъ метафизическаго лѣченія не мѣшаютъ распространенію секты.

Мистриссъ Эдди въ настоящее время около 80 лѣтъ. Говорятъ, что она разбита параличемъ, но съ точки зрѣнія «Christian Scientists» это пустяки, надо только вѣрить, чтобы быть всегда здоровымъ, и такъ какъ Мистриссъ Эдди, какъ основательница ученія, аргіогі должна быть вѣрующей, то «Christian Scientists» надѣются, что она возстанетъ съ одра болѣзни и опять начнетъ проповѣдывать.

Французскія дѣла. Идея народныхъ университетовъ необыкновенно быстро привилась во Франціи. Мы уже сообщали нашимъ читателямъ объ открытіи двухъ такихъ университетовъ, одного въ Парижѣ, другого въ провинціи, по инициативѣ университетской молодежи. Недавно же состоялось открытіе еще двухъ такихъ учрежденій въ Парижѣ. Одно изъ нихъ основано группою «Emanicipation», которая была первоначально организована рабочими, а затѣмъ къ ней применило нѣсколько человѣкъ изъ университетской молодежи и профессоровъ. Результатомъ этого объединенія и явилось открытіе новаго народнаго университета въ улицѣ Гренель. На праздникѣ открытія присутствовали многіе изъ выдающихся ученыхъ и писателей: Дюкло, Сеайль, Фурньеръ и др. Анатолий Франсъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на громадное значеніе учрежденій подобнаго рода: «Гражданки и граждане!—сказалъ онъ, обращаясь къ своей многолюдной аудиторіи.—Группа людей одинаковаго образа мыслей основала ассоціацію съ цѣлью самообразованія. Вы хотите приобрести познанія, которыя расширили бы вашъ кругозоръ и придали бы вашимъ понятіямъ ясность и внутреннее богатство. Вы хотите учиться, чтобы понимать и сохранить приобретенныя познанія, въ противоположность сыновьямъ богатыхъ родителей, которые учатся только для того, чтобы сдать экзамены и, покончивъ испытаніе, торопятся поскорѣе освободить свой умъ отъ науки, какъ отъ какой-нибудь громоздкой мебели. Ваше желаніе учиться болѣе благородно и болѣе безкорыстно и такъ какъ вы предполагаете работать надъ своимъ собственнымъ развитіемъ, то разумѣется, будете стараться извлекать только то, что дѣйствительно полезно и дѣйствительно прекрасно. Полевныя же для жизни знанія заключаются не только въ ремеслахъ и искусствахъ. Если каждому нужно знать свое ремесло, то не менѣе полезно для него знать также природу, которая его создала и общество, въ которомъ онъ живетъ. Какое бы мы положеніе ни занимали среди нашихъ ближнихъ, все же мы—прежде всего люди и для насъ очень важно знать, какія условія необходимы для человѣческой жизни. Мы зависимъ отъ земли и отъ общества и отыскивая причины этой

зависимости, мы въ состояніи будемъ отыскать средства сдѣлать эту зависимость менѣе тяжелой для насъ... Наука дѣлаетъ насъ свободными, снимаетъ съ насъ иго предрасудковъ и суевѣрнаго страха и, указываетъ намъ способы борьбы съ угнетающими насъ условіями. Изучивъ, напримѣръ, какъ образовалась и развивалась сила капитализма, вы въ состояніи будете лучше обсудить средства обуздать ее, подобно тѣмъ великимъ изобрѣтателямъ, которые наблюдали и изучали природу прежде, чѣмъ подчинить ее себѣ. Вы должны изучать факты безъ всякой предвзятой мысли. Настоящіе ученые, которыхъ я вижу здѣсь, скажутъ вамъ, что истинная наука всегда бываетъ независимой и свободной и не подчиняется никакой посторонней власти. Ваша ассоціація будетъ отыскивать въ наукѣ то, что ей необходимо и полезно знать, а въ искусствѣ—то, что наиболѣе пріятно. Не отказывайтесь отъ того, чтобы въ своихъ занатіяхъ смѣшивать пріятное съ полезнымъ. Да и какъ отдѣлить одно отъ другого при небольшой доль философіи? Какъ опредѣлять тотъ пунктъ, гдѣ кончается полезное и начинается пріятное? Напримѣръ пѣсня, развѣ она ни къ чему не служитъ? Моралисты часто говорятъ вамъ, что удовольствія надо изгонять изъ жизни. Не слушайте ихъ! Радость есть благо! Всѣ наши инстинкты, наши органы, наша физическая природа, все наше существо требуетъ счастья. Его найти не легко, но не будемъ сбѣгать отъ него; не будемъ избѣгать веселья. Ваша ассоціація готова помочь вамъ въ этомъ и вмѣстѣ съ полезнымъ представить вамъ и пріятное. Она познакомитъ васъ съ великими поэтами: Расиномъ, Корнелемъ, Мольеромъ, Викторомъ Гюго, Шекспиромъ и вашъ умъ, получая разностороннюю пищу, разовьется въ силѣ и красотѣ.

Рѣчь Анатоля Франса была покрыта громовыми аплодисментами и ему пришлось пожимать руки безчисленному множеству рабочихъ, подходившихъ къ нему. Затѣмъ учительница въ краткой и прекрасно составленной рѣчи изложила программу и цѣли новаго университета. Праздникъ закончился концертомъ и декламаціей.

Этотъ новый университетъ находится въ 15-мъ округѣ Парижа, а въ 14-мъ открытъ другой такой же университетъ по инициативѣ Полины Бергомаръ, инспектрисы народныхъ школъ, очень много потрудившейся на поприщѣ народнаго образованія. Благодаря энергичнымъ усиліямъ г-жи Бергомаръ уже образовался комитетъ, въ составъ котораго вошли: директоръ Пастеровскаго университета Дюкло; профессоръ: Бюиссонъ, Рибо; ученый географъ Шрадеръ, Беранже, Стеегъ, и др. Комитетъ опубликовалъ воззваніе, въ которомъ заключаются слѣдующія строки: «увѣренные въ томъ, что только единеніе составляетъ силу и мощь націи, и сожалѣя о томъ, что искусственно созданныя преграды все больше и больше отдѣляютъ насъ другъ отъ друга, мы хотимъ, въ предѣлахъ возможнаго, уничтожить эти преграды и разрушить эти препятствія... Мы, прежде всего, люди свободомыслящіе и проникнутые искреннимъ желаніемъ добра. Мы надѣемся, что вы присоединитесь къ намъ, чтобы вмѣстѣ подвергнуть самому добросовѣстному изслѣдованію всѣ насущные вопросы, которые представляются современному сознанію и къ которымъ граждане современной демократіи не могутъ оставаться индифферентными... Мы будемъ совместно трудиться надъ великимъ дѣломъ взаимной нравственной и соціальной эмансипаціи, которое было начато французскою революціей и которое мы должны теперь закончить».

Въ уставѣ новоорганизованнаго общества цѣли этого народнаго университета опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «облегчить гражданамъ взаимное нравственное и соціальное образованіе, организовавъ такое мѣсто собранія, куда бы они могли приходиться для ученія, отдыха и развлечения».—Ежегодный взносъ для членовъ общества—6 фр., но выплачивается ежемѣсячно по 50 сантимовъ.

На торжествѣ открытія этого университета, вступительную рѣчь произнесъ Дюкло, затѣмъ слѣдовали рѣчи другихъ ораторовъ; Морисъ Бушоръ продекларировалъ свою поэмю «la Muse de l'ouvrier» и вслѣдъ затѣмъ было исполнено нѣсколько музыкальныхъ пьесъ. Въ январѣ мѣсяцѣ въ этомъ университетѣ уже были прочитаны слѣдующія лекціи: 7-го состоялось чтеніе Мориса Бушора; 8-го—лекція Мутона: «О животныхъ паразитахъ»; 12-го—лекція Буассен; «О нравственномъ значеніи свѣтскаго воспитанія»; 14-го—чтеніе: «Скупой», Мольера; 15-го—лекція Пуатевена изъ Пастеровскаго института: «О болѣзняхъ, которыхъ можно избѣжать»; 18-го—лекція Беранже: «О социальныхъ воззрѣніяхъ Льва Толстого»; 21-го—чтеніе: «Тартюфъ» и «Les Châtiments», Виктора Гюго; 22-го—лекція доктора Кантакузена: «О буржурчатѣ и средствахъ борьбы съ ней»; 26-го—лекція Стеега: «О памяти»; чтеніе: «Le Gendre de M. Poigier» и стихи; 29-го—лекція доктора Борде: «О роли воды въ питаніи».

Такимъ же отраднымъ фактомъ французской жизни, какъ открытіе въ столь короткій срокъ четырехъ народныхъ университетовъ, можно считать и разрѣшеніе третейскимъ судомъ распри, происходившей между рабочими-углекопами въ Сентъ-Этьеннѣ и ихъ патронами и вызвавшей стачку. Эта стачка грозила принять опасные размѣры, но по счастью патроны не стали слишкомъ упорствовать и согласились поручить Жоресу, какъ представителю рабочихъ синдикатовъ, рассмотреть требованіе рабочихъ, а защиту своихъ интересовъ передалъ одному изъ своихъ инженеровъ. Такимъ образомъ, опасность серьезнаго столкновенія была устранена. Этого второй случай—первый былъ въ Бресо, гдѣ владѣлецъ долго не соглашался на третейскій судъ, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ уступить и подчиниться третейскому суду Вальдека Руссо—указываетъ, что идея третейскаго суда для улаженія разногласій между патронами и рабочими мало-по-малу прокладываетъ себѣ дорогу. Рабочіе давно уже признали пользу этого учрежденія и въ своихъ спорахъ съ хозяевами всегда, прежде всего, обращаются къ третейскому суду, но до сихъ поръ хозяева видѣли въ этомъ какое-то посягательство на свои права и прерогативы, теперь же они, повидимому, начинаютъ сознавать, что и для нихъ выгоднѣе рѣшать свои недоразумѣнія съ рабочими третейскимъ судомъ.

Джонъ Рѣскинъ Эпидемія инфлуэнцы, съ особенною силой свирѣпствующая въ Англіи въ этомъ году, унесла въ могилу одного изъ замѣчательныхъ людей нашего вѣка, Джона Рѣскина, имя котораго извѣстно всему образованному міру.

Рѣскинъ умеръ 80 лѣтъ, но уже въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ отказался отъ всякой литературной дѣятельности и жилъ въ полномъ уединеніи въ Брантвудѣ (Ланкаширъ). Заключительная глава его автобіографіи «Praeterita», написанная 19 іюня 1889 г. была его лебединою пѣснью. Здоровье его разстроилось, параличъ пригвоздилъ его къ мѣсту и его близкіе друзья стали замѣчать, что его память и умъ слабѣютъ. Но иногда къ нему какъ будто возвращалась прежняя живость ума и тогда онъ говорилъ своимъ друзьямъ, указывая на свою ослабѣвшую руку: «Вѣдныя пальцы, они уже больше никогда не будутъ держать пера. Впрочемъ, это доставляло мнѣ много безпокойства нѣкогда и такъ, можетъ быть, лучше». Въ такія свѣтлыя минуты онъ любилъ бесѣдовать о людяхъ, которыхъ зналъ и любилъ, о красотахъ природы, которыми восхищался, а иногда игралъ партію въ шахматы—его любимая игра. Но силы его замѣтно слабѣли. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ все рѣже и рѣже принималъ участіе въ разговорѣ и цѣлыми часами просиживалъ неподвижно въ креслѣ съ поникнутою головою или смотря въ окна, изъ котораго открывался чудный видъ на живописныя озера, столь любимыя имъ. Однако никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Въ среду у него обнаружился первые признаки болѣзни, а въ субботу утромъ его уже не стало.

РѢСКИНЪ.

(Статья *Рихарда Мутера* *) изъ «Die Zeit»).

Когда на этихъ дняхъ пришла вѣсть о смерти Рёскина, многіе были поражены тѣмъ, что онъ былъ еще живъ. Дѣйствительно, послѣдному поколѣнію Рёскинъ представлялся уже какъ историческая фигура. Около его имени сложились легенды. Когда отъ времени до времени онъ печаталъ свои энциклики, чтобы помѣшать постройкѣ какой-нибудь желѣзной дороги или рекомендовать пряжку, или предать проклятію вивисекцію,—его голосъ звучалъ словно съ того свѣта. Кажется, только въ качествѣ духа онъ еще продолжаетъ жить среди живыхъ. Трудно было себя представить, что нѣсколько недѣль тому назадъ умеръ тотъ самый человекъ, который звалъ Тэрнера,—человѣкъ лично покровительствовавшій и огечески заботившійся о такихъ классическихъ покойникахъ, какъ Россетти или Милле.

Первое выступленіе Рёскина относится еще ко временамъ романтизма. Его отецъ былъ богатый виноторговецъ, который, ликвидировавъ свои дѣла, велъ кочующую жизнь богатаго англичанина, появляясь то на Рейнѣ, то въ Швейцаріи, во Франціи, въ Италіи. Такимъ образомъ, Рёскинъ еще ребенкомъ познакомился со всеми музеями міра. Но особенно увлекся онъ природой. Съ тетрадкой для эскизовъ онъ скитался по берегамъ Женевского озера и по скалистымъ пустынямъ Шамуни. Въ то же время онъ изучалъ растенія и минералы подъ микроскопомъ. Первымъ его произведеніемъ были естественно-историческія изслѣдованія, изданныя подъ псевдонимомъ *кажъ фоту*. Такое воспитаніе среди свободной природы было очень важно для будущаго эстетика. Въ Англіи тридцатыхъ годовъ была въ модѣ ходульная историческая живопись. Публика любила сочныя асфальтовые краски и эффектные декламаторскіе жесты. Воспитанный среди природы Рёскинъ ненавидѣлъ манерность этого искусства. Природа была для него прообразомъ всего прекраснаго, и художники, по его мнѣнію, должны были относиться къ ней съ набожностью и смраженіемъ средневѣковыхъ миниатюристовъ. Превзойти природу — нечего и надѣяться. Любая живая англичанка прекраснѣе самой знаменитой греческой статуи. Съ такимъ настроеніемъ Рёскинъ писалъ первое свое капитальное произведеніе «*Modern Painters*», первый томъ котораго вышелъ въ 1843 г., когда автору было всего 24 года. Это было объявленіемъ войны всему, что считалось въ то время хорошимъ вкусомъ. Во Франціи и Германіи эстетическій ватехизисъ основывался тогда на «чиньвеченто», — на художникахъ XV столѣтія. Живописцы вроде Этти или Истлека стремились къ величественному благородству линий и старались постигнуть тайну тѣхъ сочныхъ красокъ, которыми блестятъ женское тѣло на картинахъ венеціанской школы. Для Рёскина «чиньвеченто» было уже временемъ упадка. Рафаэля онъ считалъ измѣнникомъ истинному искусству. Рутинерамъ, воображавшимъ, что они украшаютъ природу, а въ сущности только «сравившимъ» ее, онъ противопоставлялъ «примитивныхъ» художниковъ итальянскаго возрожденія. Героической эпохой искусства было для него «кватроченто», XIV вѣкъ, когда художниковъ одушевляло «благочестивое отношеніе къ природѣ», когда каждый жучокъ и каждый листикъ, каждый камешекъ и каждая капля росы была для живописца—святыней.

Трудно сказать, въ какой степени эти идеи были оригинальны и въ какой онъ просто отражали то, что говорилось тогда въ мастерскихъ художниковъ. Настроеніе, съ которымъ выступилъ Рёскинъ, носилось въ воздухѣ. Въ Гер-

*) Автора «Исторіи искусства XIX столѣтія», издаваемой въ настоящее время на русскомъ языкѣ.

маніи давно уже выступили «назорейцы», одушевлявшіеся, въ видѣ протеста противъ классицизма Менгса,—простодушной угловатостью старинныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Четверо молодыхъ людей, Россетти, Миллѣ, Гольманъ Гѣнтъ и Вульнеръ, достали гравюры съ фресокъ Бенедикто Гопцолли и расточали восторги передъ безыскусственной вѣрностью природѣ, передъ глубокой сосредоточенностью чувства въ этихъ произведеніяхъ. Вместе съ нѣсколькими другими друзьями они основали братство прерафаэлитовъ и въ 1848 году впервые выступили передъ публикой. Ничего, кромѣ насмѣшекъ, они не встрѣтили на первыхъ порахъ. Всѣ англійскіе критики объявили, что это самый недостойный фарсъ, какой только можетъ себѣ позволить жаждущая рекламы молодежь. Затѣмъ, прерафаэлиты основали журналъ, чтобы перомъ доказывать то, чего не могли сказать кистью. Насмѣшки продолжались. Тогда появились въ «Times'ѣ» знаменитыя письма Рѣскина. Онъ заявлялъ, что молодежь стремится къ тому же, что онъ давно проповѣдуетъ. Онъ доказывалъ публикѣ, что она поступаетъ непослѣдовательно, смѣясь надъ новыми картинами и въ то же время преклоняясь почтительно въ музеяхъ передъ старыми, которыя ничѣмъ не отличаются отъ новыхъ. Все это говорилось такимъ властнымъ тономъ, съ такой самоувѣренностью и убѣжденностью, что слова Рѣскина произвели переворотъ во мнѣніи публики. Прерафаэлиты побѣдили; Рѣскинъ, ихъ рыцарь, сдѣлался первымъ критикомъ Англій.

Какое вліяніе онъ имѣлъ, какъ быстро онъ сдѣлался непогрѣшимымъ палачомъ искусства,—все это довольно печальнымъ образомъ сказалось въ отношеніи печати къ процессу Уистлера. Уистлеръ только что переселился изъ Парижа въ Лондонъ; Рѣскинъ, какъ тигръ, бросился на пришельца. Онъ, когда-то мечтавшій вместе съ Тернеромъ о свѣтѣ и воздухѣ, говорилъ теперь прямо противоположное—и не замѣчалъ противорѣчій. Произведенія Уистлера онъ называлъ кретинскими. Уистлеръ жаловался на Рѣскина. Были приглашены эксперты,—и всѣ они почтительно подписались подъ словами Рѣскина. Вся Англія выразила вотумъ довѣрія «королю критиковъ».

Но вліяніе Рѣскина шло еще дальше. Въ восьмидесятихъ годахъ нельзя было зайти ни въ одинъ музей, ни въ въ одну церковь Италіи, не наткнувшись на Рѣскина. Рѣскину принадлежали тѣ красненькіе томички, съ которыми эстетическія дамы сидѣли передъ картинами «примитивныхъ» артистовъ. На всѣхъ выставкахъ современныхъ картинъ царилъ въ англійскихъ залахъ духъ Рѣскина. Если англійская живопись до сихъ поръ избѣгаетъ всякаго соприкосновенія съ живнью рабочихъ классовъ, если желѣзныя дороги, машины и фабрики никогда не становятся предметомъ изображенія, то причина этого—теорія Рѣскина, по которымъ только дѣвственная, не тронутая индустриализмомъ природа можетъ быть достойнымъ предметомъ искусства. Даже въ совѣтѣ постронныхъ вещахъ вы наткнетесь на вліяніе Рѣскина. Долгое время въ аристократическихъ кругахъ Лондона было въ модѣ не употреблять никакого другого полотна, кромѣ «рѣскинскаго», никакихъ салфетокъ и скатертей, кромѣ тѣхъ, которыя были выпражены на ручной прялѣ въ рабочей колоніи, основанной Рѣскинымъ.

Не будучи англичаниномъ, трудно понять, почему собственно этотъ человекъ обладалъ такой притягательной силой. На насъ произведенія Рѣскина не производятъ особеннаго впечатлѣнія. Его нельзя назвать ни тонкимъ эстетомъ, ни остроумнымъ рассказчикомъ. Въ учености онъ тоже не можетъ тягаться съ такими людьми, какъ Боде или Мюнцъ. Еще менѣе можно считать его историкомъ. Онъ совершенно не въ состояніи отнестись безпристрастно къ прошлому и далеко отъ мысли объяснять искусство изъ культуры данной эпохи. Какъ боецъ, онъ бросается на арену, хвалитъ одно, порицаетъ другое—часто какъ разъ то, за что только-что ратовалъ въ предъидущемъ произведеніи. Когда въ 1870 г. онъ читалъ свою вступительную лекцію въ Оксфордѣ,—для кото-

рой нѣкоторые его почитатели пріѣхали изъ-за океана, — онъ, говорятъ, началъ съ того, что нѣкоторое время произносилъ по тетрадѣ, облеченный въ торжественную мантию. Но скоро онъ скинулъ мантию, сунулъ тетрадку въ карманъ и началъ громить все и вся: это было очень остроумно, но только это было совсѣмъ не то, что нужно было для предмета лекціи. Такъ же беспорядочны и всѣ его произведенія. Только въ первыхъ работахъ, въ «Modern Painters» и въ «Seven Camps of Architecture» — есть еще кое-какой планъ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего подобнаго. Содержаніе ихъ состоитъ изъ кучи перепутанныхъ мыслей, точно такъ же, какъ и самое заглавіе — ни къ чему не обязываетъ автора: Девкальионъ, Царица воздуха, Murex pulveris, Серамъ и лиліи, Apatra Pentelici, Флорентійская Аріадна. Текстъ раздѣленъ, правда, на главы, на параграфы; но въѣшности, есть какъ будто нѣкоторое логическое построеніе. На дѣлѣ, рѣчь идетъ постоянно о «многомъ» — many things, — какъ самъ онъ озаглавилъ нѣсколько отдѣловъ. Всѣ науки тутъ смѣшиваются воедино. О зоологіи и ботаникѣ, о богословіи и минералогіи — гораздо больше говорится, чѣмъ объ искусствѣ. И самая манера Рёскина — вести васъ за руку, какъ малаго ребенка, и съ видомъ непогрѣшимости сообщать элементарнѣйшія вещи, больше раздражаетъ, чѣмъ кажется остроумной. Вамъ представляется часто, что вы слышите не эстетика, а уличнаго проповѣдника, ораторствующаго по воскресеньямъ послѣ завтрака, или апостола арміи спасенія.

Но именно въ этомъ и заключается, можетъ быть, для англичанъ привлекательность произведеній Рёскина. Онъ далъ имъ, дѣйствительно, нѣчто, чего у нихъ не было. Вся англійская литература объ искусствѣ суха до невѣроятности. Съ трезвой дѣловитостью авторы наизываютъ голые факты. На-ряду съ подобными писателями, накопляющими голые обрывки знаній, Рёскинъ производитъ впечатлѣніе ясновидящаго. Никогда онъ не ограничится простымъ разсказомъ; онъ *живетъ* тѣмъ, о чемъ говоритъ. Никогда онъ не останавливается на частностяхъ, но повсюду открываетъ широкія перспективы. Его путеводители богаты идеями, освѣщающими словно вспышками молніи, дѣлья эпохи. Многое остается загадочнымъ, многое оказывается перепутаннымъ до невѣроятности. Но и эти парадоксы у него имѣютъ дѣль. Заставляя думать, вызывая на противорѣчіе, онъ тѣмъ самымъ вынуждаетъ читателя слѣдовать за собой. Какъ исследователь, онъ неясенъ; какъ критикъ — одностороненъ; но онъ — величайшій агитаторъ, когда-либо писавшій объ искусствѣ. Его надо сравнивать не съ учеными исследователями искусства, а съ Толстымъ.

Эта-то агитаторская, воспитательная дѣятельность составляетъ прочную заслугу Рёскина. Онъ первый высказалъ тѣ мысли, которыми теперь заняты лучшие люди Германіи. Художникъ вопіетъ въ пустынѣ, если нѣтъ публики, которая могла бы его оцѣнить. Привлечь эту публику — такова была жизненная задача Рёскина. Благодаря ему, лишенная художественнаго чутья Англія превратилась въ средоточіе тонкихъ цѣнителей искусства. Дѣло въ томъ, что Рёскинъ не ограничивался писаніемъ книгъ, а написанное старался воплотить въ жизни. Читая, какъ онъ обращалъ свои идеи въ деньги, съ какой невѣроятной ловкостью пускалъ въ оборотъ свои произведенія, приносившія автору небывалый доходъ, можно было бы счесть его за предпринимателя, спекулировавшаго на своихъ мысляхъ, какъ другіе спекулируютъ на биржевыхъ бумагахъ. Но надо вспомнить, какъ онъ тратилъ эти доходы, и тогда выводъ будетъ диаметрально противоположный. Для себя онъ не оставлялъ ничего. Все это должно было служить его дѣлю — осуществленію его идеала эстетическаго воспитанія человѣчества. Становясь въ 1870 г. профессоромъ въ Оксфордѣ, онъ принялъ это званіе съ условіемъ, что одновременно будетъ основана художественная школа, на которую и пожертвовалъ половину нужнаго капитала. вмѣстѣ съ Россетти онъ преподавалъ по вечерамъ рисованіе, и изъ его школы вышли

знаменитѣйшіе художественные рисовальщики современной Англіи. Задолго до Лихтварка онъ указалъ на значеніе дилеттантизма и на свои средства завелъ коллекціи образцовъ. Затѣмъ онъ обратился къ рабочимъ. Появились его письма къ рабочему классу «Fogs slavigega». Среди каменноугольнаго округа, въ пропитанномъ фабричнымъ дымомъ Шеффилдѣ основанъ былъ «музей Рёскина для рабочихъ». Но и популяризацией искусства среди народа онъ не ограничился. Подобно д'Аннунціо, онъ хотѣлъ быть вообще «депутатомъ красоты». Его мысль была: къ чему собирать статуи въ музеяхъ, когда рядомъ съ этимъ допускаютъ живого человѣка терять красоту, когда безмысленная машинная работа превращаетъ подобіе Божіе въ какое-то отвратительное, тупое созданіе? Къ чему развѣшивать ландшафты въ картинныхъ галлерейхъ, когда сама природа искажается индустриализмомъ? Недостаточно показывать прекрасное въ музеяхъ: надо бороться противъ безобразнаго въ жизни.

Въ этой борьбѣ противъ индустриализма, противъ всѣхъ техническихъ пріобрѣтеній нашего вѣка Рёскинъ иногда изображалъ изъ себя комическую фигуру. Было смѣшно смотрѣть, какъ старикъ, изъ ненависти къ анти-эстетическимъ желѣзнымъ дорогамъ, путешествовалъ въ экипажѣ, точно какой-нибудь грансеньеръ XVIII столѣтія. Надъ нимъ смѣялись, когда онъ приказывалъ развозить свои книги изъ Оррингтонской типографіи по лондонскимъ книжнымъ магазинамъ въ телѣжкѣ. Великіе художники давно уже нашли въ машинахъ своего рода поэзію. Самъ Тернеръ, по адресу котораго Рёскинъ слагалъ свои первые гимны, уже прославлялъ локомотивы, двуглазое чудовище XIX-го вѣка. Современные ландшафтные живописцы также отырыли себѣ новое, и вовсе не неблагоприятное поприще, начавъ, въ лицѣ Раффаэлли, изображать печальную красоту тѣхъ бѣдныхъ пейзажей, у которыхъ землѣтры или фабричные отбросы отняли ихъ «красоту».

Но, оставшись романтикомъ въ своей борьбѣ противъ современности, Рёскинъ является предшественникомъ XX-го столѣтія въ своемъ качествѣ—воспитателя народа. Конечно, трудно съ несомнѣнностью предсказывать, но предугадать не трудно, что за эмансипацией третьяго сословія послѣдуетъ эмансипация четвертаго. Буржуазія нашла свой «стиль» для всѣхъ проявленій своего житейскаго быта. За ней придетъ рабочий. И между тѣми, кто прокладываетъ ему путь въ міръ искусства, на первомъ мѣстѣ нужно будетъ назвать Рёскина.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des revues».—«Revue de Paris».—«Contemporary Review».

Во Франціи нѣсколько разъ возникалъ разговоръ объ учрежденіи женской академіи и хотя онъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но тѣмъ не менѣе возбуждалъ толки въ печати, что и дало поводъ «Revue des Revues» помѣстить статью, посвященную этому вопросу, авторъ которой, подписавшійся «Une vieille Saint-Simonienn», вратцѣ рассказываетъ исторію прежнихъ женскихъ академій, существовавшихъ три вѣка назадъ, и старается выяснитъ условія, при которыхъ было бы возможно существованіе подобнаго учрежденія въ наше время.

Первая французская академія (XVI вѣка) допускала въ свои стѣны женщинъ. Но кардиналъ Ришелье, измѣнилъ характеръ академіи, изгнавъ ихъ оттуда. Ученый Шарпантье, въ царствованіе Людовика XIV, употреблялъ всѣ усилія, чтобы вновь раскрыть женщинамъ двери академіи. Несмотря на могущественную поддержку, которую онъ имѣлъ при дворѣ, ему все-таки не удалось добиться своей цѣли. Буало, набѣгавшій женщинъ, побуждалъ своихъ коллегъ

къ самому упорному сопротивленію, о которое разбивались всё усилія Шарпантье. Академія сохранила свой прежній характеръ.

Не имѣя возможности участвовать въ засѣданіяхъ, довольно таки скучныхъ, оффціальной академіи, женщины вознаградили себя остроумнымъ образомъ, организовавъ цѣлый рядъ кружковъ, веселыхъ собраний, академій, куда собирались всё остроумные и фронтдирующія лица обоего пола. Общественное вліяніе этихъ кружковъ было очень велико. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ былъ кружокъ надъ названіемъ «Ordre de la félicité», представляющій довольно любопытное франмасонское общество, въ которомъ ложи назывались «эскадрами». Кружокъ собирался въ маленькомъ уединенномъ домикѣ вблизи «Hôtel des Invalides» и окружалъ себя большою тайнственностью. Сохранилось нѣсколько томовъ, въ которыхъ заключается описаніе ритуала этого ордена свободныхъ мыслителей, высказывавшихъ чрезвычайно смѣлыя идеи для своего времени. Не менѣе интересны и другіе кружки, основанные какъ для веселаго времяпрепровожденія, такъ и для фронтдированія и свободного общія мыслей. Все это указываетъ на то, что у французскихъ женщинъ всегда существовало стремленіе къ коллективной и социальной дѣятельности. Закрывъ имъ двери французской академіи, куда онѣ прежде имѣли законный доступъ, неосторожный Ришелье заставилъ ихъ искать исхода своимъ стремленіямъ къ дѣятельности въ равнаго рода тайныхъ ассоціаціяхъ.

Разсмотрѣвъ роль женщинъ въ періодъ революціи, авторъ переходитъ къ послѣдующимъ попыткамъ организациі женской академіи. Тутъ первое мѣсто принадлежитъ академіи Кастелляна, въ 1843 году, которая однако, «отцвѣла, не достигнувъ расцвѣта». Первые шаги этой академіи ознаменовались неприятнымъ инцидентомъ съ г-жею де-Жирарденъ, желавшей во чтобы то ни стало сдѣлаться президентшей академіи, тогда какъ основатели ея Жюль де-Кастеллянь и м-ше Ансело непременно хотѣли предложить это мѣсто Жоржъ Зандъ. Однако, и Жоржъ Зандъ, и другая кандидатка м-ше Рейбо, объ отказались отъ этой чести и кандидатура была предложена княгинѣ Бельджойово. Но разгнѣванная г-жа де-Жирарденъ стала метить новому учрежденію, осмѣивая его въ печати самымъ ехиднымъ и даже неприличнымъ образомъ. Впрочемъ, это учрежденіе и такъ не имѣло будущности; оно еле-еле влацило свое существованіе и вполнѣ заслуживало названіе «мертворожденнаго». Впрочемъ, революція 1848 года превратила всё эти собранія въ политическіе клубы и академія Кастелляна, въ свою очередь, сдѣлалась мѣстомъ собранія социалистовъ.

По мнѣнію автора, хорошо, что до сихъ поръ въ Парижѣ не было женской академіи, такъ какъ если бы она была основана въ 1840 году, то непременно сдѣлалась бы такимъ же бесполезнымъ, ретрограднымъ и напыщеннымъ учрежденіемъ, какъ мужская академія. Теперь же именно назрѣваетъ время, когда можетъ быть основана дѣйствительно либеральная женская академія, открывающая человѣческую мысль.

«Revue de Paris» печатаетъ статью Ланглуа о среднемъ образованіи во Франціи и за границей. Вопросъ о средней школѣ занимаетъ въ данный моментъ всё цивилизованныя страны и вездѣ онъ носитъ болѣе или менѣе одинаковый характеръ. Режимъ средняго образованія, представляющаго переходную ступень отъ элементарнаго образованія къ высшему, введенный 350 лѣтъ тому назадъ и сохранившійся до сихъ поръ съ большими или меньшими измѣненіями, пришелъ уже совершенный упадокъ. Старожилы этого режима хотятъ сохранить то, что отъ него осталось, между тѣмъ какъ противники стремятся разнести по камешкамъ обломки нѣкогда величественнаго зданія. И тѣ и другіе никакъ не могутъ придти къ взаимному соглашенію. Профессиональные педагога и любители выступаютъ со своими аргументами за и противъ, со-вѣтами и предложеніями средствъ къ устраненію недоразумѣній, но въ резуль-

татъ этого является еще большій хаосъ понятій, въ которомъ трудно разобратъся. Въ настоящее время въ этотъ споръ уже вмѣшалась и государственная власть. Вездѣ парламенты и администраціи назначаютъ коммисіи для всесторонняго разслѣдованія и обсужденія этого вопроса и пробуютъ вводить незначительныя реформы въ существующій режимъ средней школы для удовлетворенія тѣхъ или другихъ взглядовъ, часто совершенно противоположныхъ. Реформы эти не вносятъ, однако, никакой свѣжей струи, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ и часто произвольно искажаются или отбываются совсѣмъ, не успѣвъ получить санкцію времени и опыта. Такая смута въ понятіяхъ о томъ, что нужно и полезно въ дѣлѣ образованія, отражается, конечно, самымъ невыгоднымъ образомъ на всей системѣ. Родители, отдающіе своихъ дѣтей въ среднюю школу, и сами учителя этой школы не питаютъ никакого довѣрія къ установленнымъ программамъ, Такое положеніе вещей наблюдается повсюду. Это хроническая болѣзнь, подвергающаяся иногда обличеніямъ, которыя выражаются въ страстной полемикѣ, реформахъ и разслѣдованіяхъ (*enquêtes*). Подобнымъ кризисамъ одинаково подвержены всѣ страны, но не во всѣхъ они появляются одновременно и лишь въ нѣкоторыхъ они бывають особенно часты и носятъ особенно острый характеръ. Во Франціи, напримѣръ, традиціонная организація средняго образованія подвергается неустаннымъ нападкамъ въ теченіе 30 лѣтъ, и за это время разъ пять уже были произведены въ ней серьезныя измѣненія. Въ Пруссіи императоръ Вильгельмъ II взялъ на себя инициативу созванія конференціи въ 1890 г. для разсмотрѣнія этого вопроса. Болѣе пятидесяти профессорскихъ корпорацій были опрошены по этому поводу и около четырехсотъ мыслителей, увѣренные, что они нашли, наконецъ, ключъ къ разрѣшенію проблемы, прислали прусскому министерству свои планы радикальныхъ реформъ. На основаніи этой массы матеріала министерство выработало среднюю программу, которая и введена съ 1892 г. Но эти нововведенія не разрѣшили спора о латинскомъ языкѣ, о уравненіи классическаго образованія въ гимназіяхъ съ «современнымъ» въ «*Oberrealschulen*», о средствахъ къ сліянію этихъ двухъ системъ. Литература этого вопроса столь же обильна въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ.

Англія также не составляетъ исключенія. Агитація по поводу вопроса о средней школѣ и тамъ очень велика. Назначены были одна за другой три большія парламентскія коммисіи для собиранія данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы выработать рациональное законодательство, разрѣшающее спорный вопросъ. Но все это пока еще находится въ проектѣ. Въ Италіи и въ Скандинавскихъ странахъ происходитъ то же самое. Въ Италіи программы классическаго образованія одиннадцать разъ подвергались кореннымъ измѣненіямъ съ 1862 г., не говоря уже о разныхъ частичныхъ реформахъ. Въ Швеціи за послѣдніе 50 лѣтъ не прошло ни одного законодательнаго періода, который бы не занимался вопросомъ о средней школѣ и объ уничтоженіи «пропасти раздѣляющей народную (или первоначальную) школу отъ средней школы». Реформы средней школы слѣдовали одна за другой подъ непосредственнымъ давленіемъ палаты и еще весною прошлаго года стокгольмскій парламентъ представилъ на утвержденіе короны одну такую реформу. Въ Даніи проповѣдывались очень смѣлыя реформы въ этомъ отношеніи, а въ Норвегіи такія реформы были даже приведены въ основаніе. Всѣ государства, маленькія и большія, одинаково заинтересованы этимъ вопросомъ. Реформы средняго образованія произведены уже въ Португаліи, Румыніи и Испаніи; въ Соединенныхъ Штатахъ также готовятся реформы и, какъ извѣстно, у насъ въ Россіи вопросъ этотъ также стоитъ на очереди.

Ланглюа находить, что вопросъ о среднемъ образованіи—это одинъ изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ важныхъ вопросовъ въ государствѣ. Въ общихъ

чертахъ онъ сводится къ тому, какая система образованія, будучи примѣнена въ юношескомъ возрастѣ, скорѣе можетъ сформировать культурнаго человѣка? Но по мнѣнію автора трудность разрѣшенія этого вопроса зависитъ не столько отъ различныхъ индивидуальныхъ условій, сколько отъ того, что къ проблемѣ средняго образованія примѣшиваются политическія и религіозныя традиціи и такимъ образомъ эта проблема приобретаетъ политическій характеръ. Несомнѣнно, также что школьный вопросъ есть одна изъ тѣхъ областей, въ которыхъ особенно сильно сказываются укоренившіяся традиціи. Отъ этихъ традицій прежде всего слѣдуетъ освободиться для рациональнаго рѣшенія вопроса. Поэтому нужно, прежде всего, съ точностью опредѣлить, что слѣдуетъ подразумѣвать подъ среднимъ образованіемъ, какія его цѣли и въ чемъ заключаются преимущества и недостатки классической системы? Авторъ подвергаетъ эти вопросы очень тщательному и всестороннему разсмотрѣнію, но выводы приберегаетъ, вѣроятно, для слѣдующей статьи.

Серъ Робертъ Стоутъ въ статьѣ въ «Contemporary Review» разсматриваетъ результаты политическихъ и экономическихъ опытовъ которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже производятся въ Новой Зеландіи. Эту автономную англійскую колонію многіе называютъ «соціологическою лабораторіей», такъ какъ она не останавливается ни передъ какими экспериментами и самыми смѣлыми нововведеніями. Поэтому-то современные политики и соціологи съ большимъ интересомъ слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается въ Новой Зеландіи.

Прежде всего, въ Новой Зеландіи правительство смотритъ на себя, какъ на совѣтъ администраціи какого-нибудь кооперативнаго общества, равноправными членами котораго состоятъ всѣ новозеландцы, и дѣйствуетъ въ этомъ духѣ. Церковь отдѣлена отъ государства въ самомъ абсолютномъ смыслѣ этого слова и послѣднее только выиграло отъ этого какъ въ отношеніи времени, такъ и въ отношеніи денегъ. Религіозные вопросы никогда не служатъ помѣхой и не задерживаютъ хода законодательной работы, какъ это мы видимъ въ католическихъ или протестантскихъ парламентахъ. На избирательную борьбу эти вопросы также не оказываютъ ровно никакого вліянія. Новозеландская церковь, впрочемъ, не остается въ накладъ и поддерживается щедрыми добровольными приношеніями, которыя идутъ на ея содержаніе и содержаніе причта.

Что касается рабочихъ законовъ, то они введены еще слишкомъ недавно и о результатахъ ихъ пока судить трудно. Противники этихъ законовъ приписываютъ задержку, наступившую въ промышленной эволюціи обоихъ острововъ, тому, что были введены восьмичасовой рабочій день, минимумъ заработной платы и т. д. Вотъ цифры, на которыя они опираются: съ 1886 по 1891 годъ число промышленныхъ учрежденій возросло на 308; съ 1891 по 1895 г., т. е. послѣ введенія рабочихъ законовъ, оно возросло всего лишь на 205, несмотря на то, что населеніе увеличилось на 12,24 процента. Изъ этого дѣлаютъ выводъ, что ростъ промышленности замедлился вслѣдствіе введенія рабочихъ законовъ. Третейскій судъ введенъ какъ обязательное учрежденіе во всякаго рода конфликтахъ между рабочими и хозяевами. Въ пользу закона о третейскомъ судѣ высказались единогласно рабочіе, хозяева, печать и всѣ парламентскіе депутаты и хотя бываютъ еще случаи стачекъ, но они составляютъ очень рѣдкое явленіе.

Какъ извѣстно, въ Новой Зеландіи избирательное право распространяется и на женщинъ, но участіе ихъ въ парламентской жизни страны не выразилось пока еще никакими измѣненіями въ современномъ парламентскомъ строѣ и общественной жизни.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Медицина. О значеніи спиртныхъ напитковъ въ питаніи слабыхъ и больныхъ.— Почвовѣдѣніе. Объ удобреніи почвы при помощи бактерій. Д. Н.—Географія и антропология. Буря и туземныя расы Южной Африки. Н. М.

Медицина. *О значеніи спиртныхъ напитковъ въ питаніи слабыхъ и больныхъ.* Вопросъ о вліяніи спирта, вводимого въ организмъ, въ видѣ вина, напр., еще далеко не выясненъ, и потому господствующія представленія относительно значенія спиртныхъ напитковъ довольно сбивчивы: съ одной стороны спиртъ, независимо отъ количества, признается ядовитымъ для организма, съ другой стороны, для укрѣпленія больнымъ даютъ вино; но, вѣдь болѣзнь не представляетъ собой такого особаго состоянія, въ которомъ полезно то, что ядовито для здороваго организма. Между тѣмъ вино прописывается больнымъ врачами, которые, конечно, имѣютъ для этого серьезныя основанія. Новѣйшія изслѣдованія однако показываютъ, что взгляды на значеніе спиртныхъ напитковъ для организма въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ должны быть кореннымъ образомъ измѣнены.

Вещества, принимаемая организмомъ изъ пищи, подвергаются въ немъ химическимъ превращеніемъ, распадаясь на болѣе простыя соединенія, подобно тому, какъ это происходитъ въ обычныхъ случаяхъ горѣнія, причѣмъ такъ же, какъ и при горѣніи, энергія, заключенная въ этихъ веществахъ, освобождается отчасти въ видѣ теплоты, что и сказывается съ особенною ясностью у высшихъ животныхъ. Всякое животное нуждается, чтобы въ немъ ежедневно происходило освобожденіе при данныхъ условіяхъ опредѣленнаго количества энергіи, т. е. какъ бы сожигалось извѣстное количество веществъ, заимствованныхъ изъ пищи. Приблизительно человѣческой организмъ требуетъ ежедневнаго освобожденія энергіи въ количествѣ, соответствующемъ 2.500—3.000 калорій (тепловыхъ единицъ). При голоданіи или при нѣкоторыхъ изнурительныхъ болѣзняхъ, сопровождающихся нарушеніемъ питательнаго обмѣна, организмъ заимствуетъ эту энергію отъ своихъ собственныхъ тканей, такъ сказать, сожигая ихъ. Прежде всего для этой цѣли потребляются жировыя отложенія; когда же они истощатся, то на сожиганіе идутъ самыя драгоценныя вещества, въ которыхъ мы видимъ матеріальную основу жизни—бѣлки. Слѣдуетъ замѣтить, что бѣлки и постоянно подвергаются распаду и должны поэтому возмѣщаться, но при истощеніи, кромѣ этого распада, въ организмѣ «сожигается» и еще нѣкоторое количество бѣлковъ для освобожденія энергіи, которая при обычныхъ условіяхъ питанія получается отъ превращенія усваиваемыхъ изъ пищи организмомъ, такъ называемыхъ тройныхъ соединеній, содержащихъ углеродъ, водородъ и кислородъ, какъ, напр., жиры, сахаръ и продукты измѣненія крахмала, заключающіеся въ хлѣбѣ.

Въ зависимости отъ химическаго состава вещество, распадаясь, освобождаетъ различное количество энергіи. Алкоголь также принадлежитъ къ трой-

нымъ соединеніямъ и по количеству скрытой въ немъ энергіи уступаетъ только жирамъ, далеко превосходя бѣлковыя вещества и углеводы. Принятый въ организмъ не въ чрезмѣрно большихъ количествахъ, онъ не выводится въ выдѣленіяхъ, слѣдовательно, утилизируется организмомъ. Больные легко переносятъ его при лихорадкѣ даже и въ большихъ дозахъ, такъ что, казалось бы, въ случаяхъ истощенія, когда вслѣдствіе болѣзни организмъ не можетъ усваивать другихъ веществъ изъ пищи, спиртъ долженъ былъ бы послужить для освобожденія энергіи, сохраняя отъ сожиганія столь необходимые бѣлки. Процессы, изъ которыхъ слагается жизнедѣятельность элементовъ организма, чрезвычайно сложны и въ химическомъ отношеніи далеко еще не выяснены. Если алкоголь по своему составу могъ бы освободить значительное количество энергіи и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи способенъ замѣнить бѣлки, то это еще не значитъ, что въ организмѣ животнаго онъ дѣйствительно ихъ и замѣняетъ. Вопросъ можетъ быть рѣшенъ только непосредственными опытами. Въ этомъ направленіи работало нѣсколько ученыхъ, изъ нихъ Шмамрейхъ, производившій изслѣдованія подъ руководствомъ фонъ-Ноордена и Шмидтъ подъ руководствомъ Роземана пришли къ заключенію, что алкоголь не можетъ служить для сохраненія бѣлковъ отъ таково сожиганія, но особенно ясные результаты дали опыты Швезейфена, произведенные также подъ руководствомъ Роземана. Опыты состояли въ слѣдующемъ. Субъектъ высокаго роста, худощавый и привыкшій къ употребленію алкоголя, получалъ ежедневно такое количество пищи, которое могло дать энергію, соответствующую 2.154 калоріямъ, т. е. меньше нормы. Такимъ образомъ питаніе было недостаточное. Въ теченіе 5-ти дней такого режима онъ терялъ каждый день въ среднемъ 1.755 грам. азота, т. е. это значитъ, что недостающее количество энергіи пополнялось посредствомъ сожиганія бѣлковъ, результатомъ чего и явилась указанная потеря азота, выдѣлявшася въ видѣ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ. Въ теченіе слѣдующихъ 6-ти дней человѣку, служившій для этихъ опытовъ, кромѣ той пищи, которая ему давалась раньше, получалъ еще ежедневно 135 грам. алкоголя въ видѣ 1½ литровъ краснаго вина, содержащаго 9% спирта. Это количество алкоголя можетъ освободить значительно больше энергіи, чѣмъ ее недоставало въ каждой изъ предыдущихъ 5-ти дней. Тѣмъ не менѣе, потеря азота продолжалась въ среднемъ ежедневно въ количествѣ 1.635 грам., слѣдовательно, бѣлки продолжали сожигаться почти совершенно въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Этотъ опытъ съ очевидностью показываетъ, что алкоголь не можетъ служить для сохраненія бѣлковъ отъ сожиганія при недостаткѣ въ пищѣ жировъ, сахара или какихъ-либо другихъ подобныхъ соединеній. Въ данномъ случаѣ достаточно было человѣку, надъ которымъ производился опытъ, прибавлять къ дававшейся пищѣ ежедневно 100 грам. углеводовъ, чтобы совершенно устранить трату азота, т. е. не возмѣщаемое распадѣніе бѣлковъ. 135 грам. алкоголя по количеству содержащейся въ немъ энергіи равняется 200 грам. углеводовъ, т. е. организму какъ будто была предоставлена возможность воспользоваться вдвое большимъ количествомъ энергіи, чѣмъ ему недоставало, а распадѣніе бѣлковъ все-таки продолжалось такъ же, какъ и прежде. Итакъ, для сохраненія бѣлковъ отъ сожиганія спиртные напитки совершенно бесполезны.

Этого мало. Если человѣку съ хорошо развитымъ жировымъ слоемъ при недостаточномъ питаніи (является ли оно слѣдствіемъ недостатка тройныхъ соединеній въ пищѣ, или слѣдствіемъ того, что болѣзненное состояніе препятствуетъ усвоенію этихъ соединеній изъ пищи) давать соответствующее по расчету количество алкоголя, то жировая ткань его истощается не будетъ, но и бѣлки не будутъ сохранены отъ сожиганія. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, результатъ получится хуже, чѣмъ если бы организмъ подвергся полному голоданію по отношенію къ тройнымъ соединеніямъ: голодая, онъ тратилъ бы почти без-

полезную жировую ткань,—получая алкоголь, онъ сохранитъ жировую ткань и истратитъ бѣлковыя вещества, что крайне быстро ведетъ къ полному истощенію.

Сообщенныя наблюденія чрезвычайно важны; они показываютъ, что совершенно ошибочно рассчитывать на спиртные напитки, желая предохранить больного отъ истощенія, азотистыя траты останутся тѣ же самыя и, чтобы ихъ устранить или уменьшить, нужно прибѣгнуть къ какимъ-либо другимъ пищевымъ средствамъ. Алкоголь можетъ сохранить только жировую ткань (въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже увеличиваетъ ея количество), но этотъ результатъ, который самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія, можетъ явиться причиной заблужденія: видя, что больной не худѣетъ, что вѣсь его сохраняется, мы рискуемъ не замѣтить траты бѣлковъ, не замѣтить быстро и опаснаго истощенія.

Конечно, это не единственное вліяніе алкоголя. Крімъ того, онъ дѣйствуетъ, какъ возбуждающее и жаропонижающее средство, даѣе полагаютъ, что небольшія дозы его содѣйствуютъ пищеваренію. Пищевареніе актъ весьма сложный и въ подробностяхъ вліяніе алкоголя на него еще не выяснено, но результаты опытовъ Лабурда *) надъ раствореніемъ бѣлковыхъ веществъ энзимами пищеварительнаго канала въ присутствіи различныхъ спиртовъ не говорятъ въ пользу этого предположенія. Свои опыты Лабурдъ производилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ бралъ 2⁰/о-ный или 1/2⁰/о-ный растворъ алкоголя и прибавлялъ къ нему въ однихъ случаяхъ подкисленный пепсинъ, въ другихъ трипсинъ съ небольшимъ количествомъ соды. Въ эти растворы онъ помѣщалъ бѣлковыя вещества и слѣдилъ затѣмъ (производя количественныя опредѣленія) за превращеніемъ ихъ въ альбумозы и пептоны. Оказалось, что изъ числа различныхъ алкоголей обыкновенный (этиловый) алкоголь замедляетъ превращеніе бѣлковыхъ веществъ въ альбумозы и пептоны, т. е. перевариваніе ихъ посредствомъ энзимовъ пищеварительнаго канала. Что касается дѣйствія алкоголя, какъ возбуждателя, то съ этимъ, повидимому, и связано его вредное вліяніе на животный организмъ. Возбужденіе всегда сопровождается увеличеніемъ траты (распаденія) бѣлковыхъ веществъ и поэтому для истощеннаго болѣзненною челоуѣка при недостаточномъ питаніи (не говоря о вліяніи его на нервную систему) врядъ ли можетъ оказаться полезнымъ. Наконецъ, какъ жаропонижающее средство, алкоголь, вѣроятно, съ успѣхомъ можетъ быть замѣненъ другими веществами, не имѣющими его отрицательныхъ свойствъ.

Почвоѣдѣніе. *Объ удобреніи почвы при помощи бактерій.* Условія питанія растений хорошо изучены; какія вещества имъ необходимы,—опредѣлено вполне точно, анализъ почвы не представляетъ большихъ затрудненій, такъ что, казалось бы, вопросъ объ удобреніи долженъ рѣшаться легко; но на практикѣ приходится еще считаться съ дѣбною веществъ, употребляемыхъ въ качествѣ удобренія, поэтому понятно, что этотъ вопросъ еще далеко отъ окончательнаго рѣшенія и неудивительно, что постоянно изыскиваются новые пути для доставленія растениямъ питательныхъ веществъ. Одинъ изъ необходимыхъ элементовъ для ихъ питанія—азотъ—растения заимствуютъ изъ почвы. Наилучшая форма, въ которой можетъ быть доставленъ азотъ въ удобреніи, это различныя селитры, т. е. соли азотной кислоты; но всякій знаетъ, что селитра, какъ удобреніе, слишкомъ дорога. Между тѣмъ въ воздухѣ содержится неограниченный запасъ азота, а научными изслѣдованіями несомнѣнно установлено, что есть бактеріи, способныя переводить этотъ азотъ въ соединенія, изъ которыхъ онъ можетъ усваиваться высшими растениями. Поэтому, на первый взглядъ вполне естественны попытки воспользоваться дѣятельностью этихъ

*) Работа его помѣщена въ «Comptes rend. hebdom. des séances de la Soc. de Biologie». 1899, № 31.

бактерій для удобренія почвы азотистыми соединениями. Въ журналѣ «Почво-вѣдѣнію» № 4, 1899 г. помѣщена статья Д. О. Ивановскаго, представляющая собою сводъ дѣлаго ряда изслѣдованій по этому вопросу. Въ послѣднее время были выпущены въ продажу два вещества, представляющія собою культуры бактерій—нитрагинъ и алинитъ, рекомендуемыя первая для удобренія почвы, которая должна служить для культуры растений изъ семейства бобовыхъ (горохъ, бобы, чечевица, вика и т. д.), второе—преимущественно для злаковъ. Нитрагинъ имѣеть вполне опредѣленное, хотя и ограниченное значеніе. Уже давно извѣстно, что бобовыя растенія въ сообществѣ съ опредѣленнаго вида бактеріями, *Bacillus radicicola*, могутъ усваивать свободный азотъ воздуха. Бактеріи эти живутъ въ почвѣ. Проникая въ корни растенія, онѣ вызываютъ образованіе клубеньковъ, такъ что уже по внѣшнему виду корней можно узнать, имѣются ли эти бактеріи въ данной почвѣ или нѣтъ. Но усваивать азотъ воздуха при помощи *Bacillus radicicola*, насколько до сихъ поръ извѣстно, могутъ растенія, принадлежащія только къ семейству бобовыхъ, и притомъ для каждаго почти вида нужна опредѣленная разновидность бактерій, т.-е., слѣдовательно, въ почвѣ, содержащей разновидность, пригодную для гороха, напримѣръ, лушины не образуютъ клубеньковъ и не могутъ усваивать свободного азота. Далѣе свободный азотъ усваивается бобовыми растеніями въ сообществѣ съ бактеріями только тогда, если въ почвѣ нѣтъ готовыхъ подходящихъ соединеній азота. Нитрагинъ, изготовляемый на химическомъ заводѣ Höchst на Майнѣ, представляетъ собою чистую культуру клубеньковыхъ бактерій. Его продаютъ въ особыхъ бутылкахъ, причѣмъ каждой такой бутылки достаточно на одинъ моргенъ: рекомендуется слегка разогрѣть такую бутылку, смѣшать содержимое ея съ водою и поливать этимъ растворомъ почву или смачивать имъ сѣмена бобовыхъ передъ самымъ посѣвомъ. Изъ сказаннаго выше вполне ясно, въ какихъ случаяхъ нитрагинъ можетъ оказаться полезнымъ. Если въ данной почвѣ, на которой предполагается культивировать бобовыя растенія, не достаточно азотистыхъ веществъ и если въ ней нѣтъ клубеньковыхъ бактерій, что легко узнать, сдѣлавъ пробный посѣвъ на небольшомъ участкѣ, и если въ остальномъ эта почва пригодна для такой культуры, то нитрагинъ несомнѣнно окажетъ свое полезное дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, въ одной серіи опытовъ, произведенныхъ въ Помрицѣ при удобреніи нитрагиномъ урожаи бобовъ получался на 124%, урожаи гороха—на 46,7%, а урожаи вики на 400% больше по сравненію съ неудобреннымъ нитрагиномъ участкомъ. Далѣе, въ опытахъ, произведенныхъ шведской торфяной станціей, урожаи соломы вики при удобреніи нитрагиномъ повысились на 55%, а урожаи зерна на 116%.

Итакъ, нитрагинъ не представляетъ собою универсальное удобреніе хотя бы и для однихъ бобовыхъ: только при недостаткѣ подходящихъ азотистыхъ соединений, при наличности всѣхъ остальныхъ необходимыхъ для растеній веществъ и, разумѣется, при отсутствіи въ этой почвѣ клубеньковыхъ бактерій нитрагинъ можетъ привести къ желательнымъ результатамъ, которые, какъ мы видѣли на примѣрахъ, могутъ повстинѣ назваться блестящими.

Если примѣненіе культуръ клубеньковыхъ бактерій въ качествѣ удобренія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться весьма полезнымъ, то никакъ нельзя, судя по имѣющимся изслѣдованіямъ, того же сказать объ алинитѣ. Это вещество, представляющее собою такъ же культуру бактерій на искусственномъ субстратѣ, усердно рекламируется, какъ средство для увеличенія въ почвѣ количества азотистыхъ соединений независимо отъ развитія на этой почвѣ опредѣленныхъ видовъ растеній. Бактеріи, самостоятельно усваивающія азотъ воздуха, хорошо извѣстны. Наиболѣе изученъ изъ числа ихъ открытый Виноградскимъ *Clostridium Pasteurianum*, который среди микробовъ, обладающихъ этой способностью, занимаетъ безусловно первое мѣсто. Кроме того, Виноград-

скимъ превосходно изслѣдованы условія его развитія. Казалось бы, проще всего для обогащенія почвы соединеніями азота примѣнить культуру именно этого микроба, между тѣмъ въ алинитѣ, какъ оказалось, содержатся совсѣмъ инныя бактеріи. Впрочемъ, и вообще отъ примѣненія микробовъ для увеличенія азотистыхъ соединеній въ почвѣ, кромѣ спеціальнаго случая культуры бобовыхъ, нельзя ожидать важныхъ результатовъ. Микроорганизмы, усваивающіе свободный азотъ, пользуются широкимъ распространеніемъ, такъ, на примѣръ, *кlostридій* Виноградскаго былъ найденъ имъ въ тождественной формѣ въ четырехъ различныхъ мѣстностяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на тысячи верстъ. Если на данномъ участкѣ такіе микробы не развиваются и результаты ихъ дѣятельности не замѣтны, то это не потому, чтобы число зародышей ихъ было мало. Бактеріи тѣмъ и отличаются, что изъ ничтожно-малаго числа зародышей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ ихъ развиться безчисленное множество, какъ-то, на примѣръ, бываетъ при заразныхъ болѣзняхъ. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ все въ дѣло томъ, что условія существованія въ данной почвѣ не благопріятны для развитія микробовъ, усваивающихъ свободный азотъ. Въ лабораторныхъ опытахъ можно получить желаемое развитіе ихъ, но вѣдь при этомъ субстратъ стерилизуется, т.-е. въ немъ убиваются предварительно всѣ бактеріи и ихъ зародыши, чѣмъ устраняется одно изъ весьма важныхъ, неблагопріятныхъ для развитія микробовъ обстоятельствъ—борьба съ другими видами. Случаевъ антагонизма между различными видами бактерій извѣстно много, а отчасти изучены и способы воздѣйствія ихъ другъ на друга (см. «Науч. Хр.» М. Б. 1899, XI). Почву стерилизовать нельзя, слѣдовательно этотъ факторъ неустранимъ, а посѣвъ новаго, въ сущности ничтожнаго количества полезныхъ микроорганизмовъ, не увеличиваетъ ихъ шансовъ въ борьбѣ за существованіе. Такимъ образомъ, если данная почва благопріятна для развитія бактерій, усваивающихъ свободный азотъ, то надо ожидать, что онѣ разовьются тамъ и сами по себѣ, такъ какъ зародыши ихъ воздухомъ разносятся повсюду. Если же условія неблагопріятны, то и сѣять ихъ бесполезно. Съ этой точки зрѣнія вполне понятны результаты опытовъ, произведенныхъ надъ алинитомъ. Происхожденіе алинита таково. Одинъ сельскій хозяинъ, Каронъ, зная, что въ почвѣ находятся микроорганизмы, усваивающіе свободный азотъ, произвелъ цѣлый рядъ опытовъ, изъ которыхъ выяснилось, что между величиной урожая и количествомъ бактерій, развивающихся въ почвѣ, существуетъ опредѣленное отношеніе. Чѣмъ больше былъ урожай, тѣмъ большее число бактерій оказывалось въ почвѣ. Наиболее же онѣ развивались въ почвѣ подъ чернымъ паромъ. На основаніи этихъ опытовъ, повидимому, проще всего заключить, что почва наиболѣе пригодная для развитія высшихъ растений, является такою же и для почвенныхъ бактерій. Каронъ изъ своихъ опытовъ заключилъ, что развитіе бактерій и есть причина урожая. Затѣмъ онъ изолировалъ изъ этихъ бактерій нѣсколько видовъ, выбралъ изъ нихъ одну, не изслѣдуя ихъ ближе, и назвалъ ее *Bacillus Ellenbachensis Alpha* (такъ какъ имѣніе его находится въ Эллиенбахѣ, въ Гессенъ-Нассау), не опредѣливъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ какимъ-либо новымъ видомъ, или съ однимъ изъ ранѣе описанныхъ организмовъ. Чѣмъ онъ руководствовался при выборѣ этого бацилла, неизвѣстно: онъ высказываетъ предположеніе, что этотъ микробъ способенъ, вѣроятно, усваивать свободный азотъ, но опытовъ въ этомъ направленіи, произведенныхъ имъ самимъ или кѣмъ-нибудь другимъ, Каронъ не приводитъ, просто ссылаясь на то, что такіе микробы въ почвѣ найдены Виноградскимъ и Берглю. Въ доказательство полезнаго дѣйствія алинита, Каронъ приводитъ опыты культуры въ горшкахъ и въ грунтѣ, причемъ подъ влияніемъ алинита урожай злаковъ повышался до 40%. Особенно важно замѣтить, что этой бактеріи приписывается способность усваивать свободный азотъ въ невыясненной до сихъ поръ ассоціаціи съ растениями изъ семейства злаковъ;

къ числу этихъ растений, вѣдь, и относятся наиболѣе важныя для сельскаго хозяйства, съ другой стороны, относительно ихъ несомнѣнно извѣстно, что клубеньковыя бактеріи не могутъ непосредственно быть имъ полезны. Культуры въ горшкахъ и грунтѣ, очевидно, не могутъ отличаться особенной точностью и поэтому они имѣютъ значеніе, только будучи пронаведены въ весьма большомъ числѣ. Поэтому, обыкновенно, при научныхъ изслѣдованіяхъ подобные опыты лишь завершаютъ длинный рядъ наблюденій въ лабораторной обстановкѣ при строго опредѣленныхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ рекламы многія сельскохозяйственныя общества стали примѣнять алиинитъ въ качествѣ удобрения, но результаты получились отрицательныя. Тогда только алиинитъ былъ подвергнутъ научному изслѣдованію дѣльмъ рядомъ ученыхъ. При этомъ оказалось, что алиинитная бактерія, по изслѣдованіямъ Стоклазы, представляетъ собою давно описанную очень крупную бактерію *Vac. Megatherium*, по изслѣдованіямъ же Лаука, что это не менѣе извѣстная съиная бактерія *Vac. subtilis*. Такому результату не слѣдуетъ удивляться, главнымъ образомъ потому, что никго не поручится, чтобы фабрика красокъ въ Нёchst подъ именемъ алиинита выпускала культуры одной и той же бактеріи. Что касается вліянія алиинита на урожай, то благоприятный результатъ получился лишь въ опытахъ со стерилизованной почвой и то если она богата безазотистыми, органическими веществами (опыты Стоклазы), а въ такихъ-то именно почвахъ, обыкновенно, и находятся бактеріи, способныя связывать свободный азотъ (напр., указанный выше *Clostridium Past. Виноградскаго*). Алиинитный бациллъ былъ выдѣленъ изъ почвы; сколько извѣстно, распространеніе бактерій не ограничивается какими-либо опредѣленными областями, поэтому въ естественныхъ условіяхъ въ почвахъ наиболѣе благоприятныхъ для развитія алиинитной бактеріи, т.-е. богатыхъ гумусомъ, которыя и сами по себѣ плодородны, всегда можно ожидать найти микробовъ, способныхъ переводить свободный азотъ въ его соединенія, и въ томъ числѣ алиинитныхъ бактерій, а можетъ быть и гораздо болѣе энергично усваивающаго азотъ клостридія Виноградскаго. Что касается опытовъ Стоклазы, то они лишь показываютъ, что въ стерилизованной почвѣ высшія растенія хуже развиваются, чѣмъ въ зараженной микробами, но это и раньше было извѣстно да и на основаніи сказаннаго вполне понятно. Соответствѣнно этому при опытахъ надъ алиинитомъ въ грунтѣ въ такихъ почвахъ вліянія его на урожай совершенно не оказывалось, а тамъ, гдѣ его можно было наблюдать, урожай повысился лишь на 7—27%. Большинство же изслѣдователей, произведшихъ опыты въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, приходятъ къ заключенію, что алиинитъ на урожай не оказываетъ никакого вліянія. Защитники алиинита придаютъ важное значеніе еще одному его качеству, а именно способности алиинитныхъ бактерій разлагать сложныя азотистыя соединенія (бѣлки, напр.), высшими растеніями неусваиваемыя, на болѣе простыя, но это свойство принадлежитъ всѣмъ гнилостнымъ бактеріямъ, къ которымъ относится и алиинитная и которыхъ въ почвѣ всегда достаточно. Но за то алиинитная бактерія обладаетъ способностью уничтожать наиболѣе важныя для высшихъ растеній соединенія азота—соли азотной кислоты (селитры), возстановляя ихъ въ амміакъ и дагѣе въ свободный азотъ.

Такимъ образомъ, результаты опытовъ надъ алиинитомъ сводятся къ слѣдующему. Въ большинствѣ случаевъ въ естественныхъ условіяхъ не обнаружилось никакого вліянія на урожай: благоприятное вліяніе, гдѣ оно наблюдалось, было невелико: урожай повышался только на 7—27% и то на почвахъ, богатыхъ гумусомъ, т.-е. такихъ, которыя плодородны сами по себѣ и въ которыхъ обыкновенно уже имѣются бактеріи, усваивающія свободный азотъ; способность разлагать сложныя азотистыя соединенія—не имѣетъ значенія, такъ какъ бактеріи, обладающія этой способностью, встрѣчаются повсюду; и, наконецъ, алиинитная

*

бактеріи въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиняють даже вредъ, уничтожая соли азотной кислоты. Итакъ, на основаніи сказаннаго можно заключить, что отъ примѣненія адянита для обогащенія почвы азотистыми соединеніями никакой пользы ожидать нельзя.

Д. Н.

Географія и антропология. *Буры и туземная раса южной Африки.* Вниманіе всего цивилизованнаго міра въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ поглощено перипетіями неравной борьбы между могущественной, богатѣйшей и высоко культурной европейской державой—Англійей и маленькимъ на родцемъ-колонистомъ европейскаго происхожденія, сохранившимъ въ своемъ общественномъ строѣ еще много чертъ патриархальнаго быта—бурами, общее число которыхъ во всей южной Африкѣ едва достигаетъ ничтожной цифры 340.000 человекъ.

До возникновенія войны мало кто интересовался бурами; многіе, быть можетъ, только впервые услыхали самое названіе «буры» и даже учебники географіи не могли-бы удовлетворить заинтересовавшихся этимъ народомъ лицъ, такъ какъ въ нихъ можно найти лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ упоминается о томъ, что въ южной Африкѣ кромѣ Капской колоніи, принадлежащей англичанамъ, находятся еще двѣ республики буровъ: Трансвааль и Оранжевая. И вотъ въ самое короткое время этотъ скромный, едва извѣстный народъ приобрѣлъ симпатіи во всѣхъ странахъ, выразившіяся не только въ простомъ сочувствіи, но и въ стремленіи оказывать ему и нравственную и матеріальную поддержку. Чѣмъ-же, какими качествами и добродѣтелями завоевали буры всеобщую симпатію? Эти качества: любовь къ своей родинѣ, стремленіе къ свободѣ и политической независимости, сознательное отношеніе къ своимъ національнымъ интересамъ, честное ихъ отстаиваніе и храброе, геройское сопротивленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается посягательство на ихъ національныя права.

Какъ-же и въ какихъ условіяхъ развили буры свои національныя черты? Изъ какихъ этническихъ элементовъ составилаь эта изумительная нація? Съ какими народами она вошла въ соприкосновеніе въ теченіе своего историческаго развитія? Въ какой жизненной борьбѣ выработались черты ихъ характера? Вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы хотѣли-бы дать отвѣтъ. Нижеслѣдующія свѣдѣнія мы заимствовали для нашихъ читателейъ изъ интересной публичной лекціи антрополога, д-ра Верно, прочитанной имъ въ городской думѣ города Парижа *).

Когда въ 1652 году первые голландскіе колонисты утвердились на мысѣ Доброй Надежды, страна находившаяся къ сѣверу, отъ нихъ была занята двумя туземными расами, сходными между собой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но рѣзко различавшимися по росту. Болѣе высокая раса, населявшая побережье и плодородныя равнины, называла себя Кхой-Кхой или Ква-Ква. Теперь народъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ готтентотовъ. Туземцы малаго роста обитали въ внутреннихъ пустыняхъ страны и извѣстны были у сосѣдей подъ именемъ Санъ. Санъ (единственное число)—можетъ быть переведено словомъ аборигенъ. Этотъ народъ извѣстенъ у насъ подъ англійскимъ названіемъ бушменовъ (Bushmen), что въ переводѣ значитъ «люди кустарниковъ». Съ этого народа мы и начнемъ знакомство съ тѣми человѣческими расами, которыя утвердились на югѣ Африки, такъ какъ даже готтентотскія преданія повѣствуютъ, что бушмены, предшествовали всѣмъ тѣмъ народамъ, которые населяють страну въ настоящее время.

Въ настоящее время бушмены встрѣчаются лишь въ небольшомъ числѣ въ мѣстностяхъ, занятыхъ европейцами; большая часть ихъ эмигрировала къ сѣверу въ пустыню Калагари, гдѣ они кочуютъ группами отъ 15 до 50 чело-

*) D-r R. Verneau. Les boers et les races de l'Afrique australe.

вѣкъ, постоянно перемѣняя мѣсто. Это настоящіе карлики, средній ростъ которыхъ у мужчинъ не превышаетъ 1 метра и 37 сантиметровъ (неполныхъ 2 аршина), у женщинъ—1 метра 22 сент. (1 арш. 11 вершковъ). Несмотря на малый ростъ, они очень крѣпкаго тѣлосложенія и отличаются замѣчательною подвижностью. По характеру волосъ, по чертамъ своего лица и пропорціямъ тѣла бушмены—негры (см. рис. № 1-й) и тѣмъ не менѣе цвѣтъ ихъ кожи не черный: ихъ кожа грязно-желтаго цвѣта. Ихъ волосы черны и очень курчавы, такъ что непосредственно по выходѣ изъ кожи они сворачиваются въ маленькіе клубочки. Ихъ черепъ удлинненъ спереди назадъ и нѣсколько приплюснутъ въ верхней части. Лицо имѣетъ ромбoidalную форму, вслѣдствіе узости лба, сжатія нижней своей части и выдающихся скулъ; носъ—коротокъ, широкъ и приплюснутъ. Челюсти выдаются впередъ и сравнительно небольшой ротъ окруженъ толстыми губами; подбородокъ—рѣзко убѣгающій назадъ. Изъ ха-

Рис. 1-й. Женщина бушменка, 32-хъ лѣтъ.

рактрныхъ особенностей расы нужно упомянуть о такъ называемой *стеатопигии*, которая встрѣчается у женщинъ и состоитъ въ чрезмѣрномъ развитіи бедеръ, вслѣдствіе громаднаго скопленія въ нихъ жира. Оттого бедренная область является у многихъ женщинъ безобразно развитою, въ особенности назадъ. Все вмѣстѣ взятое создаетъ типъ, не согласный съ нашимъ понятіемъ о красотѣ. Востокъ мало способствуетъ украшенію бушмена. Мужчины набрасываютъ себѣ на плечи шкуру, женщины прикрѣпляютъ иногда вторую шкуру вокругъ талии. Оба пола украшаютъ себя ожерельями, узкими поясомъ, огромными кольцами въ ушахъ; зато пренебрегаютъ всякими заботами о чистотѣ своего тѣла. Не довольствуясь тѣмъ жиромъ, который и безъ того покрываетъ ихъ тѣло, женщины намазываются еще особымъ составомъ изъ расплавленнаго жира и красящаго вещества.

Бѣдность страны, въ которой кочуютъ бушмены, заставляетъ ихъ большую часть времени посвящать розыскамъ пищи. Ихъ индустрія самая жалкая: жи-

лище—простое убѣжище изъ вѣтокъ; посуда по большей части деревянная, хотя они умѣютъ готовить и грубую глиняную посуду, но послѣдняя не въ большомъ ходу, такъ какъ представляетъ мало удобства въ постоянныхъ кочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Мужчины изготовляютъ копья и луки, посредствомъ которыхъ они метаютъ отравленные стрѣлы. Ядъ они добываютъ изъ внутренностей одной гусеницы и млечнаго сока тропическаго растенія, къ которому подмѣшиваютъ змѣйнаго яда. Бурамъ неоднократно пришлось испытать на себѣ дѣйствіе этихъ отравленныхъ стрѣлъ. Бушмены почти не имѣютъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ жалкихъ собакъ. У сѣверныхъ бушменовъ встрѣчаются ручныя козы, но мяса ихъ они не ѣдятъ, такъ какъ оно внушаетъ имъ суевѣрное отвращеніе. Главную ихъ пищу составляютъ дикія растенія и ихъ корни. Никогда мужчина не заботится о пищѣ для женщины, считая ее достаточно приспособленною для того, чтобы она не умерла голодной смертью. Тяжелыя условія существованія развили у этихъ кочевниковъ замѣчательную остроту чувствъ: особымъ чутьемъ они высѣживаютъ свою добычу, по слѣду ноги человѣка они опредѣляютъ, къ какому племени и къ какой расѣ принадлежитъ человѣкъ, проходившій чрезъ ихъ страну. Зато интеллектуальныя способности ихъ чрезвычайно слабо развиты: они едва умѣютъ считать до трехъ.

Каждая маленькая группа выбираетъ своего вождя, власть котораго не наследственна и зачастую такой вождь имѣетъ подъ своей командой едва 15—20 человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что бушмены не могутъ оказать сопротивленія сосѣднимъ племенамъ и число ихъ съ каждымъ днемъ становится меньше. Ихъ подное исчезновеніе неминуемо и еще болѣе ускоряется междуособными раздорами.

У бушменовъ существуетъ, повидимому, вѣрованіе въ загробную жизнь; когда умираетъ мужчина, его зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ его копьемъ, чтобы дать ему возможность защищаться и охотиться. Миссіонеры открыли у нихъ цѣлый рядъ религіозныхъ вѣрованій; здѣсь фигурируютъ: верховное существо—Гога, дѣвственница—Ко и злой духъ—Гавна. Но всё эти сверхъестественныя существа настолько напоминаютъ христіанскія, что является справедливымъ подозрѣніе, не изложили ли христіанскіе миссіонеры міеологию бушменовъ слишкомъ посвоему. Несомнѣнно у нихъ отсутствіе священниковъ, колдуновъ и знахарей. Языкъ бушменовъ очень своеобразенъ: онъ характеризуется щелкающими звуками, которые дѣлаютъ его мало гармоничнымъ. Сказаннаго о бушменахъ достаточно, чтобы понять, что для буровъ-колонистовъ эти «люди кустовъ» никогда не были особенно страшными врагами. Хой-хой или готтентоты, къ которымъ мы теперь обратимся, явились, безъ сомнѣнія, врагами, съ которыми бурамъ пришлось болѣе считаться, чѣмъ съ бушменами.

Раса хой-хой заключала въ былыя времена до 16 цвѣтущихъ племенъ. Единственными, болѣе другихъ уцѣлѣвшими группами являются въ наше время готтентоты, намакуа и нѣкоторыя другія. Физическими признаками эти племена очень похожи на бушменовъ, но ростъ ихъ достигаетъ въ среднемъ до 1 метра 66 сент. (2 арш. и 3 верш.) (см. рис. № 2). Ихъ черепъ не великъ, очень удлиненъ съ переди назадъ и не приплюснутъ въ верхней области. Руки и ноги отличаются у готтентотовъ и родственныхъ имъ племенъ чрезвычайно небольшими размѣрами. Костюмъ и украшенія такъ похожи на то, что мы видѣли у бушменовъ, что нѣтъ надобности повторять его описаніе. Однако, вродѣ этого сильно отличается отъ бушменовъ по образу жизни, индустріи и своему характеру. Это прежде всего пастушеское племя, держащее большое количество домашняго скота; поэтому же они кочевники по необходимости. На мѣстахъ, гдѣ они располагаются временнымъ поселеніемъ, они строятъ шалаши изъ легкаго матеріала, которые удобно переносимы съ мѣста на мѣсто. Да

перевозки тяжестей служить быкъ. Готтентоты знаютъ обработку желѣза и мѣди и готовятъ разнообразную глиняную посуду. Ихъ оружіе составляетъ копье, лукъ и щитъ. Изъ охоты они употребляютъ маленькія отравленныя стрѣлы. Они прекрасные охотники и живутъ главнымъ образомъ дичью и продуктами молочнаго хозяйства. Они не любятъ убивать своихъ домашнихъ животныхъ. Воинственнаго нрава, они дѣлаютъ частыя набѣги на своихъ сосѣдей и ихъ общественная организація находится въ значительной зависимости отъ этого обстоятельства. Во главѣ каждаго мелкаго племени стоитъ военачальникъ, за-

Рис. 2. Готтентотъ, 34-хъ лѣтъ.

тѣмъ слѣдуетъ гражданскій начальникъ, врачъ и, наконецъ, священникъ. Полигамія у нихъ существуетъ, но обыкновенно готтентотъ довольствуется двумя женами. Женщины не имѣютъ общественныхъ правъ, но, по наблюденіямъ Нальа, являются полновластными хозяйками въ домашнемъ быту. Они имѣютъ полную десятичную систему счета, гдѣ-то ими позаимствованную. Но что особенно характеризуетъ готтентотовъ—это ихъ любовь къ сатирѣ: неравный бракъ, непопулярный вождь—сейчасъ даютъ поводъ къ сатирическому творчеству и нерѣдко дѣло кончается дуэлью на кулакахъ, палкахъ или копьяхъ. Чрезвычайно суевѣрный, готтентотъ вѣритъ въ сверхъестественныя существа, злыя и добрыя. Несмотря на существованіе священниковъ, у нихъ нѣтъ ни идоловъ, ни храмовъ. Однако въ поволуніе и въ полнолуніе совершаются религіозныя

церемоніи: приносятся въ жертву животныя, совершаются возліанія изъ молока, и все это сопровождается танцами и пѣніемъ. Всѣ племена этой группы понимаютъ другъ друга, какъ бы далеко ни были другъ отъ друга мѣста ихъ кочевокъ.

Готтентоты явились болѣе сильными врагами буровъ, чѣмъ бушмены. Однако еще болѣе сильнымъ народомъ, съ которымъ бурамъ пришлось выдержать борьбу, особенно съ 1786 года, были племена *кафровъ*. Племена эти образуютъ одно цѣлое и окхватываютъ жителей южной Африки по ту сторону р. Замбези.

Рис. 3. Кафръ въ обыкновенномъ костюмѣ.

Они дѣлятся на три главныхъ колѣна: бечуаны, басуты и матабеле или восточные кафры.

Это сильный народъ, высокаго роста (1 метръ 70 сент. въ среднемъ) (см. рис. 3) Цвѣтъ ихъ кожи варьируетъ отъ темно-коричневаго до чисто чернаго. Ихъ волосы черны, густы и очень закручены. Черепъ удлинень спереди назадъ, лицо удлинено сверху внизъ, съ широкимъ, приплюснутымъ носомъ, толстыми губами и убѣгающимъ назадъ подбородкомъ. Женщины хорошаго сложенія, выраженіе ихъ лица говоритъ о мягкости характера и веселомъ нравѣ.

Среди матабеле встрѣчаются племена съ другими этническими чертами: менѣе темной окраской, болѣе тонкими чертами лица; носъ нѣсколько удлинень и губы тоньше, чѣмъ у другихъ кафровъ; это зулусы, получившіе нѣкоторое количество арабской крови. Арабы основали много колоній на восточномъ побережьи южной Африки, смѣшались съ сосѣдними племенами негрскаго происхождения и влияние этого смѣшенія особенно сказалось у зулусовъ, которые сохранили тѣмъ не менѣе нравы своихъ собратьевъ, оставшихся не метисированными. Они ходятъ, напр., совершенно голыми до 18-ти-лѣтняго возраста. Юноша надѣваетъ къ этому времени поясъ изъ коры, къ которой спереди и сзади приврѣпляются небольшіе куски кожи. Дѣвушка также начинаетъ носить поясъ. Когда она выйдетъ замужъ, она будетъ имѣть право носить нѣчто, вродѣ мантии и собирать свои волосы въ шиньонъ.

Воины носятъ болѣе сложный костюмъ: онъ состоитъ изъ бычачьихъ хвостовъ и хвостовъ другихъ животныхъ, приврѣзанныхъ однимъ концомъ къ рукамъ, ногамъ, на спинѣ и на груди. Голову украшаетъ громадный султанъ. Кафры любятъ украшения: на рукахъ, на ногахъ и въ ушахъ они носятъ кольца изъ слоновой кости и мѣди; на шеѣ—множество самыхъ разнообразныхъ ожерелій. Они красятъ лицо и тѣло охрой, разведенной въ водѣ, и закрѣпляютъ окраску, намазываясь толстымъ слоемъ жира. Женщины иногда татуируются. Изъ вѣтвей они строятъ себѣ просторныя жилища круглой формы; такія жилища соединяются въ деревни, у которыхъ всегда имѣются обширные выпасы для скота: эти негры держатъ много скота и въ то же время занимаются земледѣіемъ и охотой. Нѣкогда они не пили ничего, кромѣ чистой воды, но со времени знакомства съ европейцами, охотно предаются злоупотребленію спиртными напитками. Индустрія у нихъ также сравнительно высоко развита.

Большая емкость черепа кафровъ уже прямо указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ развитою въ интеллектуальномъ отношеніи расою. У нихъ есть ораторы, артисты, обнаруживающіе способности къ живописи, скульптурѣ и музыкѣ. Всѣ кафры обладаютъ страстью къ танцамъ. Путешественникъ Дельгоръ присутствовалъ на танцевальномъ вечерѣ, который оставилъ въ его памяти неизгладимое впечатлѣніе: въ немъ принимали участіе 25 тысячъ воиновъ-зулусовъ въ присутствіи короля, окруженнаго 806-ю прекрасными негрятенками. Ихъ высокое интеллектуальное развитіе въ связи съ энергіей и высокой общественной организаціей сдѣлало ихъ очень сильными. Соединенные въ мелкія группы подъ начальствомъ вождей, они давно уже признали власть одного короля, который располагалъ, такимъ образомъ, большой и хорошо дисциплинированной арміей. Для поддержки дисциплины короля не стѣснялись средствами, наказывая смертью тѣхъ, кто обнаруживалъ трусость или неповиновеніе.

Не смотря на крайнюю жестокость, царствующую въ военное время, кафры въ мирное время отличаются благородствомъ и гостеприимностью. Живутъ кафры въ полигаміи: мужчина имѣетъ столько женъ, сколько средства позволяютъ ихъ приобрести; цѣна дѣвушки—10—12 коровъ. Ревность неизвѣстна у нихъ и жена всячески старается заработать средства, чтобы мужъ ея могъ приобрести лишнюю жену. У нихъ нѣтъ никакого религіознаго культа, нѣтъ и заботливаго отношенія къ покойникамъ, какое мы встрѣчаемъ у народовъ, вѣрующихъ, что часть существа переживаетъ его тѣло; если человекъ умираетъ, они вытаскиваютъ трупъ его за 400—500 метровъ отъ деревни и предоставляютъ гнѣзнамъ заботу о его погребеніи. Въ исторіи колонизаціи бурами южно-африканской территоріи кафры играли очень видную роль.

Обратимся теперь къ самимъ бурамъ. Мы уже упомянули вначалѣ, что голландцы утвердились на мысѣ Доброй Надежды въ 1652 году. Ванъ-Рабекъ былъ посланъ сюда индійскою компаніей для основанія станціи, гдѣ направлявшіяся въ Индію суда могли бы запастись необходимыми припасами. Ваъ-Ри-

бекъ увезъ туда свою семью и сотню солдатъ. Поздѣе городъ Амстердамъ выслалъ въ народившуюся колонію сиротъ въ сопровожденіи моряковъ и солдатъ, освобожденныхъ отъ службы. Въ 1680 году число европейцевъ достигло 600 человекъ. Пять лѣтъ спустя, послѣ отиѣны Нантскаго эдикта, французскіе протестанты, убѣгая отъ преслѣдованія драгуновъ, обратились къ индійской компаніи съ просьбой объ убѣжищѣ и компанія послала ихъ въ колонію, основанную Ванъ-Рибекомъ. Первая партія въ 300 человекъ прибыла сюда въ 1688 году; далѣе послѣдовали другія партіи бѣглецовъ-эмигрантовъ и такъ было положено основаніе націи буровъ, гдѣ тѣсно смѣшались элементы голландскій и французскій. Эта нація и колонизовала Капскую Землю, Наталь, Оранжевую республику и Трансвааль.

Французскіе эмигранты кальвинисты встрѣтили у голландцевъ самый теплый пріемъ: ихъ снабдили деньгами, припасами и скотомъ и отвели мѣста для поселенія, которыя и теперь еще извѣстны подъ названіемъ французскаго угла. Однако, они должны были взять на себя и нѣкоторыя обязательства—въ томъ числѣ, напр., принять монополію индійской компаніи на товары. Правда, голландскіе колонисты сами были поставлены въ тѣ же условія. Нѣсколько лѣтъ спустя французскій языкъ былъ воспринятъ не только какъ языкъ officialный, но даже для совершенія богослуженія. Всѣ колонисты, безъ исключенія, должны были подвергнуться строгимъ правиламъ дисциплины, введенной первымъ губернаторомъ колоніи Ванъ-Рибекомъ. Многое въ этомъ строгомъ режимѣ явилось необходимою, такъ какъ число колонистовъ было не велико и имъ пришлось вести тяжелую борьбу съ туземными расами, съ которыми мы выше подробно ознакомились. Первыя сношенія съ туземцами южной Африки не были враждебными: колонисты покупали у нихъ землю и начинали ее обрабатывать. Однако, миролюбивыя сдѣлки продолжались не долго: вскорѣ колонисты прямо экспроприровали земли, а самихъ обитателей обратили въ рабство. Это пятно несомнѣнно лежитъ на націи, которая въ разныя, самыя смутныя эпохи обнаруживала нерѣдко самыя высокія гуманныя чувства и любовь къ справедливости.

Скоро бурямъ стало тѣсно на захваченной вначалѣ территоріи и много колонистовъ эмигрировало далѣе къ сѣверу съ женами, дѣтьми, рабами и скотомъ. Буры подвигались впередъ, сражаясь на каждомъ шагу. Въ 1786 г. они достигли земель кафровъ и къ этому времени обнаружилась первая попытка Англіи овладѣть завоеванной территоріей. Дѣло на этотъ разъ окончилось тѣмъ, что у острововъ Зеленаго Мыса англійскій флотъ былъ разбитъ соединенною франко-голландскою эскадрою. Въ 1795 году буры объявили свою независимость. Вскорѣ, однако, Англія захватила въ свои руки новую провинцію. Режимъ, которому колонисты были подвергнуты, вызвалъ первое возстаніе въ 1815 году, которое было подавлено съ страшнымъ кровопролитіемъ. Часть буровъ, не выдержавши британскаго гнета, покинула въ 1834 году насиженныя мѣста, направилась къ сѣверо-востоку и основала новое государство между рѣками Оранжевой и Ваалемъ—*свободную республику Оранжевую*. Три года спустя колонисты перешли Вааль, столкнулись съ племенами Матабеле и многіе изъ нихъ погибли въ этой борьбѣ, но все же имъ удалось удержать за собой новую территорію. Вскорѣ колонистъ-французъ Петръ Ретіевъ съ группою эмигрантовъ вторгся въ богатую область Наталь, находившуюся въ то время въ рукахъ зулусовъ. Пойманный въ засаду онъ былъ убитъ королемъ кафровъ. Буры отомстили за своего начальника: подъ предводительствомъ Андреа Преторіуса они нанесли страшное пораженіе 36.000 войску зулусовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 17 декабря того же года, кафры еще разъ были окончательно разбиты и признали суверенитетъ буровъ, которые 14 февраля 1840 г. основали *республику Наталлю*.

Въ 1843 году молодая республика объявлена англійскою колоніей. Прето-

ріусъ ушелъ въ бассейнъ рѣки Ваала и основалъ новое свободное государство въ 1848 г. Преслѣдуемый англичанами и разбитый Преторіусъ, видѣлъ паденіе этого новаго государства и обращеніе его въ английскую провинцію. Однако, колонисты не захотѣли признать власти Англій и направились разыскивать ту группу своихъ собратьевъ, которые перешли за рѣку Вааль. Такъ вскорѣ возникла *республика Трансвааль*. Англичане назначили премію за голову Преторіуса; буры отвѣтили имъ избраніемъ Преторіуса президентомъ новой республики. Наконецъ, лишь въ 1852 г. британское правительство признало независимость Трансваала и Оранжевой республики и былъ избранъ Volksraad или народный совѣтъ всеобщей подачею голосовъ.

Эдуардъ Розель въ своей интересной брошюрѣ *) въ слѣдующихъ строкахъ резюмируетъ событія, послѣдовавшія за этой эпохой. «До 1877 г. исторія буровъ сводится къ постояннымъ и кровопролитнымъ сраженіямъ съ кафрами за новыя области къ сѣверу. Къ этому періоду относится важный фактъ: открытіе золотыхъ приисковъ. Съ нимъ можно связать рѣшеніе англійскаго правительства присоединить себѣ Трансвааль 12 апрѣля 1877 г. Представитель Англій явился безъ всякихъ предупрежденій въ Преторію во главѣ вооруженнаго отряда и объявилъ суверенитетъ Англій надъ Трансваалемъ. Эта декларація была повторена лордомъ Вольслеемъ въ слѣдующемъ году, не взирая на договоръ 1852 г.

«Наученные прошлыми опытами и свѣжей въ памяти исторіей захвата Англій въ 1870 году области съ алмазными копами (теперь Кимберлей), буры рѣшились на сопротивленіе. Воодушевленные увѣренностію въ правотѣ своего дѣла, они объявили войну за независимость; во главѣ буровъ стояли: Павелъ Крюгеръ (президентъ и въ настоящее время), Жуберъ (главнокомандующій силами буровъ въ настоящую войну) и Преторіусъ—сынъ перваго президента.

«Въ трехъ сраженіяхъ англійскія войска были разбиты; рѣшительное пораженіе было нанесено англичанамъ 27 февраля 1881 г. при холмѣ Маюбъ генераломъ Жуберомъ. Англійская дипломатія была, однако, настолько ловка, что удержанъ былъ протекторатъ надъ страной, которая вполнѣ разбила Англію въ войнѣ.

«Буры протестовали противъ суверенитета Англій, и британское правительство приняло въ 1884 году делегацію съ Крюгеромъ во главѣ, посланную изъ Трансваала съ требованіемъ отиѣны суверенитета Англій. Новый трактатъ этого года не заключаетъ термина *суверенитетъ*, и южно-африканская республика получила всѣ суверенныя права, за исключеніемъ одного ограниченія: Англія имѣетъ право въ теченіе 6-мѣсячнаго срока наложить свое veto на всѣ договоры, которые Трансвааль заключаетъ со всѣми государствами, кромѣ Оранжевой республики».

Итакъ, начиная со второй половины XVII в. буры не выпускали изъ рукъ оружія. Каждый разъ, какъ имъ удавалось завоевать отъ туземцевъ новую территорію, Англія накладывала свою руку и похищала плоды ихъ усилій и побѣдъ.

О характерѣ страны, занятой бурами, скажемъ лишь нѣсколько словъ; больше всего въ ней равнинныхъ пространствъ, среди которыхъ попадаются настоящія пустыни; но во многихъ областяхъ поднимаются также высокія горы, въ которыхъ много удобныхъ проходовъ. Большіе рѣчные потоки берутъ начало у подножій этихъ горъ и орошаютъ плодородныя страны, по которымъ они протекаютъ. Иногда потоки воды низвергаются съ горъ въ видѣ великолѣпныхъ водопадовъ, которые увеличиваютъ красоту пейзажа. Климатъ на югъ Трансваала и Оранжевой республики приблизительно такой-же, какъ и въ южной Европѣ; на сѣверѣ температура нѣсколько выше. Европейцы прекрасно при-

*) Ed. Roels. «La question sud-africaine». Paris. 1899 г.

способляются къ нему: эпидеміи здѣсь рѣдки и какихъ-либо серьезныхъ мѣстныхъ болѣзней нѣтъ. Минеральныя богатства страны общезвѣстны: каменный уголь, золотыя и алмазныя россыпи — вотъ главные ея драгоценности. Менѣе общезвѣстно плодородіе земель, окружающихъ пустыни Калагари: вездѣ, гдѣ плугъ ни касался этихъ дѣвственныхъ почвъ, онѣ оказались изумительно плодородными; всѣ злаки даютъ обильную жатву. Республика Трансвааль въ этомъ отношеніи находится въ наилучшихъ условіяхъ; благодаря ея климату, здѣсь наряду съ апельсинами, лимонами и полутропическими растеніями прекрасно культивируются наши фруктовыя деревья — груши и яблони. Трансваальскій табакъ славится во всей южной Африкѣ. Мѣстная флора чрезвычайно богата: она заключаетъ будто-бы около 12.000 разныхъ видовъ. Условія, какъ видно, чрезвычайно благоприятны для земледѣльческаго и пастушескаго народа, какииъ являются буръ. Охота также даетъ не мало средствъ къ существованію: дичи много повсюду, и буръ сдѣлались очень ловкими охотниками и стрѣлками.

Голландскаго или французскаго происхожденія буръ, разбросанные по южной Африкѣ, составляютъ народъ съ опредѣленнымъ характеромъ въ 340 тыс. человекъ. Это крупные люди, солиднаго тѣлосложенія, средней ростъ которыхъ достигаетъ не менѣе 1 метра 80 сант. (2¹/₄ арш.). Они сохранили физическія черты своихъ предковъ и, несмотря на смѣшеніе двухъ національностей, положившихъ основаніе націи буровъ, часто встрѣчаются два типа, легко различающихся другъ отъ друга: первый — блондины съ голубыми глазами и второй — брюнеты съ темными глазами. Неудивительно, что типъ блондина встрѣчается чаще, такъ какъ голландцы дали гораздо большее число колонистовъ, чѣмъ французы. Чтобы ни говорили, среда мало повліяла на физическій характеръ буровъ; своему образу жизни они обязаны крѣпкимъ сложеньемъ и выносливостью, фізіономія же осталась голландскою или французскою. Нѣкоторые авторы утверждали, что женщины буровъ приобрѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ настоящую стеатопигію, т.-е. развитіе жировыхъ отложеній въ бедренной области, о которомъ мы упоминали выше; но эта особенность встрѣчается только у женщинъ-метисокъ. Законные союзы съ субъектами изъ черной расы совершенное исключеніе, такъ какъ негръ въ глазахъ колониста — низшее существо и буръ никогда не признаетъ дѣтей отъ незаконной связи съ негритянками. Отъ женщины, связъ которой съ негромъ станетъ извѣстной, — отторачиваются съ презрѣніемъ, будь это даже проститутка. Отсюда понятно, отчего колонисты сохранили чистымъ типъ своихъ европейскихъ предковъ.

Слово *боер* (произносится *буръ*) по-голландски значитъ крестьянинъ. Южноафриканскіе колонисты заслужили это названіе за ихъ угловатость и тяжелую походку. Они удержали въ то же время любовь къ порядку и экономіи, столь характерныя черты крестьянъ. Буръ по преимуществу человекъ полей: онъ живетъ, часто совершенно изолированно на своей фермѣ со своей семьей, довольствуясь самымъ необходимымъ; изъ кирпичей, которые онъ самъ приготовилъ, высушивши ихъ просто на солнцѣ, онъ строитъ себѣ незатѣливое обиталище, стѣны его бѣлятся известью, крыша кроется соломой. Хижина имѣетъ двѣ или три комнаты, полъ у нея изъ утрамбованной земли, мебелировка также самая невзыскательная; часто не всѣ члены семьи могутъ спать на кроватяхъ и проводятъ ночь на полу на шкурахъ. Возлѣ фермы, если она расположена въ бѣдной водоемъ мѣстности, крестьянинъ торопится выкопать небольшой прудъ и обращать участокъ земли въ пахотное поле. Часто вокругъ дома разводится фруктовый садъ. Въ такой обстановкѣ буръ ведетъ чисто патриархальную жизнь, окруженный семьей и многочисленными стадами скота. Скотоводство его любимое занятіе. Такія фермы часто значительно удалены одна отъ другой и буръ имѣетъ мало общенія съ сосѣдами. Вечеромъ или во время обѣда отецъ семейства громко читаетъ Библію, которая составляетъ принадлежность каждаго дома.

Центральныя поселенія слишком удалены отъ фермъ, чтобы дѣти могли посѣщать школу, поэтому буръ часто принуждены обращаться къ услугамъ странствующихъ учителей. Въ этихъ условіяхъ, конечно, народное образованіе не можетъ стоять на надлежащей высотѣ. Правительство поняло опасность такого пробѣла и открыло во всѣхъ важнѣйшихъ центрахъ образовательныя школы разныхъ степеней, но, навѣрное, еще долгое время обитатель полей будетъ довозматывать умѣніемъ читать, писать и считать. Много молодыхъ людей отправляются въ Европу для полученія высшаго образованія.

Изрѣдка можно встрѣтить полу-кочевыхъ буровъ. Такой образъ жизни ведутъ тѣ колонисты, которымъ достались мѣста, гдѣ зимніе холода слишкомъ чувствительны. Съ наступленіемъ холодовъ они нагружаютъ на огромную повозку все свое движимое имущество, женъ и дѣтей и перебираются въ болѣе теплое мѣсто. Эти повозки, длиною отъ 6 до 7 метровъ, везутъ отъ 16 до 32 быковъ, переѣзжаютъ даже ручьи и рѣчки (см. рис. 4). Такой способъ сооб-

Рис. 4. Повозка буровъ переѣзжаетъ рѣчку.

щенія, конечно, не отличается скоростью. Въ настоящее время всѣ большіе центры соединены желѣзными дорогами и одна республика Трансвааль обладаетъ рельсовымъ путемъ въ 1.200 километровъ.

Фермеры женятся очень рано: достигнувъ зрѣлаго возраста, юноша составляетъ списокъ дѣвушекъ сосѣднихъ округовъ, украшаетъ перомъ свою шляпу, садится на коня и начинаетъ свое жениховское путешествіе.

«Явившись въ первый намѣченный домъ, онъ входитъ, не говоря ни слова, достаетъ изъ кармана коробку сушеныхъ сливъ и восковую свѣчку—символическій языкъ, который сразу понятенъ матери и дочери. Сливы предназначаются матери и отъ нихъ никогда не отказываются; свѣча предназначается дѣвушкѣ и послѣдняя можетъ отвергнуть ее; въ этомъ случаѣ женихъ тотчасъ садится на коня и уѣзжаетъ. Если свѣча принята, ее тотчасъ зажигаютъ». (Монтегю).

Возлѣ городовъ и въ городѣ колонисты обуржуазились и живутъ по-европейски. Но здѣсь буръ составляютъ ничтожное меньшинство. Въ Йоганнесбургѣ напр., этомъ городѣ золота, выросшемъ въ нѣсколько лѣтъ, считается въ настоящее время 100.000 жителей, въ томъ числѣ европейцы по происхожденію составляютъ едва 50.000 и изъ нихъ больше всего англичанъ. Послѣдніе основали главныя коммерческія банки, торговныя и промышленныя предпріятія.

Буровъ упрекали въ нежеланіи дать права избирателей представителямъ другихъ національностей. Правда, еще не такъ давно требовалось 14-лѣтнее пре-

бываніе въ Трансваалѣ для полученія избирательныхъ правъ. Но, поступая такъ, правительство лишь боролось за свое національное существованіе. «Мы имѣли еще недавно лишь отъ 10 до 12 тысячъ своихъ избирателей,—говоритъ Крюгеръ,—и намъ грозила опасность быть поглощенными въ волнѣ иммигрантовъ; теперь республика насчитываетъ отъ 30 до 40 тысячъ полноправныхъ гражданъ и мы можемъ нѣсколько шире открыть доступъ къ нашимъ государственнымъ дѣламъ иностранцамъ-эмигрантамъ. Позже мы, быть можетъ станемъ еще болѣе либеральны въ этомъ смыслѣ; но прежде всего буры должны позаботиться о томъ, чтобы не дать своей страны въ руки иностранцевъ».

Правда также, что большая часть налоговъ падаетъ на продукты горнаго промысла. Но нельзя же не признать справедливымъ налогъ на уитлэндеровъ, этихъ иностранцевъ, явившихся на золотые прииски съ цѣлью быстрой и громадной наживы. И не странно ли, что Англія всегда заступаетъ за уитлэндеровъ, какъ за англійскихъ гражданъ, тогда какъ они представляютъ самую пеструю національную смѣсь.

Таковы буры — народъ непримиримо враждебный англичанамъ и намъ кажется, что все вышесказанное само по себѣ говорить, насколько справедливо это враждебное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, какого бы мнѣнія мы ни держались о національныхъ недостаткахъ буровъ, которые есть и у каждой націи, нельзя не привѣтствовать съ уваженіемъ этотъ маленькій народецъ, который не побоялся всѣхъ ужасовъ войны съ могущественной Англіей, такъ какъ не желалъ преклониться предъ правомъ сильнаго.

И вотъ на порогѣ XX вѣка предъ нашими глазами разыгрывается ужасная, кровавая трагедія. Уже цѣлыхъ четыре мѣсяца тянется братоубійственная война гордящихся цивилизаціей XIX в. народовъ на глазахъ у другихъ цивилизованныхъ націй. И нигдѣ еще не сдѣлано серьезнаго шага къ примиренію враждующихъ сторонъ. И ни конца, ни исхода этой драмы еще не предвидится.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Новыя изслѣдованія о фигурѣ луны. Одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ особенностей въ движеніи луны является то обстоятельство, что время вращенія ея вокругъ своей оси равняется времени обращенія около земли. Это непосредственно слѣдуетъ изъ того, что луна обращена къ намъ всегда одной и той же стороной своей поверхности—другую мы никогда не видимъ, ничего о ней не знаемъ. Что же касается причинъ такого явленія, то ихъ надо искать въ такъ называемомъ приливномъ треніи. Весьма вѣроятно, что нѣкогда луна была въ жидкомъ состояніи. Тогда вслѣдствіе притяженія земли на ея поверхности — на той сторонѣ послѣдней, которая обращена къ землѣ и какъ разъ противоположной—поднималась волна прилива. При быстромъ вращеніи луны волна эта обтекала кругомъ, но такъ какъ въ жидкой массѣ все-таки была вязкость, которая, конечно, увеличивалась по мѣрѣ охлажденія луны, то являлось извѣстное треніе, которое мѣшало вращенію луны: та часть поверхности луны, которая поднималась вслѣдствіе прилива, стремилась остаться подъ дѣйствіемъ притяженія земли и вслѣдствіе тренія задерживала вращеніе и всей остальной внутренней массы. Съ вѣками вращеніе луны настолько замедлилось, что поднимавшаяся вслѣдствіе прилива волна уже не смѣщалась по поверхности, не обтекала кругомъ ея,—всегда одна и та же часть поверхности стала обращенной къ землѣ, луна застыла въ формѣ эллипсоида, вытянутаго по направленію къ нашей планетѣ. Этотъ эллипсоидъ трехъ-осный, съ тремя неравными осями: меньшая ось—ось вращенія, средняя направлена по направ-

ленію движенія луны при обращеніи послѣдней около земли, наиболѣе длинная направлена къ землѣ.

Этой особенной фигурой луна существенно отличается отъ планетъ, которыя всѣ являются болѣе или менѣе сжатыми эллипсоидами вращенія съ двумя неравными осями.

Впрочемъ, нельзя здѣсь не оговориться, что указанная фигура Луны вытекаетъ только изъ теоретическихъ соображеній, никакія непосредственныя наблюденія не могутъ обнаружить ее передъ нами. Даже сжатіе луннаго диска при полюсахъ, которое, несомнѣнно, должно существовать вслѣдствіе вращенія луны, мы замѣтить не можемъ.

Объ отношеніи величинъ трехъ осей луннаго эллипсоида можно судить по явленію такъ называемой *физической либраціи*. Извѣстно, что мы наблюдаемъ собственно больше половины поверхности луны (приблизительно $\frac{6}{10}$). Въ извѣстное время, периодически нашимъ взорамъ дѣлается доступнымъ на западномъ и восточномъ краяхъ луннаго диска небольшія части задней стороны, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ и центральныя горки кажутся нѣсколько смѣщенными то въ ту, то въ другую сторону относительно центра видимаго диска. Это явленіе периодическихъ колебаній называется физической либраціей и происходитъ оттого, что вращеніе луны около оси совершается равномерно, тогда какъ скорость движенія луны вокругъ земли въ различныхъ частяхъ орбиты различна вслѣдствіе вытянутости послѣдней. Такимъ образомъ, нѣтъ полнаго согласія для каждаго момента въ скорости вращенія и скорости поступательнаго движенія луны около земли. Въ извѣстной части орбиты луна пройдетъ опредѣленное число градусовъ, а повернется вокругъ своей оси на большее, нашимъ взорамъ сдѣлается поэтому доступной на западномъ краю диска нѣкоторая часть задней поверхности; наоборотъ, въ другой области орбиты скорость вращенія менѣе скорости движенія луны около земли, Луна повернется на меньшее число градусовъ сравнительно съ тѣмъ, что пройдетъ по орбитѣ, и на восточномъ краю еще не успѣетъ скрыться нѣкоторая часть задней поверхности. Точно также вслѣдствіе наклонности оси вращенія къ земной орбитѣ, мы будемъ при полюсахъ луны видѣть то большую область, то меньшую. Нѣчто подобное этимъ видимымъ колебаніямъ представляетъ и физическая либрація, съ тѣмъ только отличіемъ, что это явленіе дѣйствительное и что размеры его гораздо меньше. Физическая либрація какъ разъ и обусловливается неравенствомъ осей луннаго эллипсоида. Допуская, что масса однородна, нашли, что отношенія трехъ осей приблизительно равно

$$1,003 : 1 : 0,9997.$$

Такъ какъ средній діаметръ луны равняется 3.480 кил., то разница трехъ осей, оказывается, не превосходитъ 1 или 2 кил. Опредѣлить ее непосредственно измѣреніями, конечно, чрезвычайно трудно, такъ какъ лунный край очень неправиленъ.

На южномъ полюсѣ, напримѣръ, возвышаются мощныя горныя цѣпи Дервель и Лейбница съ вершинами до 8.000 и 9.000 метровъ. Въ сравненіи съ этими цифрами найденная разница въ осяхъ луннаго эллипсоида, конечно, исчезающе мала. Еще меньше мы получимъ деформацію луннаго корпуса если будемъ судить а ргіогі, основываясь только на расчетахъ высоты прилива. По Лапласу, приливъ на лунѣ въ 130 разъ больше, чѣмъ на землѣ, гдѣ при медленномъ вращеніи онъ долженъ былъ быть приблизительно въ 1 метрѣ высоты. Такимъ образомъ, удлинненіе этой оси луннаго эллипсоида, которая направлена къ землѣ, не превзошло бы 130 метровъ.

Знаменитый астрономъ-теоретикъ Ганзенъ, которому мы обязаны теоріей движенія луны и таблицами, удовлетворяющими наблюденіямъ въ достаточной степеніи точности въ продолженіе уже 50 лѣтъ, на основаніи нѣкоторыхъ сообра-

жевій думаєть, что центръ тяжести луны не совпадаетъ съ геометрическимъ центромъ, что онъ находится свадѣ отъ послѣдняго на 59 кил. На основаніи этого, русскій астрономъ Гусевъ, взявъ два фотографическихкія снимка луны, полученныхъ Деларю, при различныхъ фазахъ либраціи нашель удлиненіе оси луннаго эллипсоида чрезвычайно большое—до $5\frac{1}{2}$ процентовъ луннаго радіуса, т.-е. приблизительно въ 180 разъ больше того, что можно ожидать изъ физической либраціи и теоріи приливовъ.

Новыя изслѣдованія Франца въ Кенигсбергѣ обнаруживаютъ несостоятельность такого заключенія. Оказывается, у Деларю не были указаны моменты экспозиціи снимковъ и Гусевъ сдѣлалъ относительно ихъ совершенно произвольныя предположенія. Выборъ другихъ моментовъ существенно измѣняетъ результатъ, можно получить гораздо меньшее число и даже совсѣмъ не найти никакого удлиненія.

Имѣя въ своемъ распоряженіи пять новыхъ снимковъ луны, полученныхъ на знаменитой Ликской обсерваторіи, и прекрасный измѣрительный приборъ, принадлежащій Берлинской академіи наукъ, Францъ съ особенной тщательностью старался разслѣдовать вопросъ объ относительной величинѣ диаметровъ луны и истинныхъ разстояніяхъ различныхъ точекъ поверхности отъ центра.

До сихъ поръ измѣрялись высоты лунныхъ горъ относительно окружающей ихъ непосредственно окрестности, опредѣлена также глубина многихъ цирковъ, но свести все эти разности высотъ къ одному уровню не было возможности. Чтобы получить хотя бы приближенный результатъ въ этомъ отношеніи, Францъ старался выяснитъ вліяніе либраціи на взаимное положеніе нѣкоторыхъ кратеровъ, горныхъ вершинъ и другихъ объектовъ на лунной поверхности. Смѣщеніе вслѣдствіе либраціи относительно видимаго центра луннаго диска можетъ достигать 300 кил. Мы наблюдаемъ его на разстояніи 384.000 кил. Конечно, смѣщеніе вершинъ должно казаться больше, во-первыхъ, потому, что оно, дѣйствительно, больше смѣщенія тѣхъ точекъ, которыя ближе къ центру луннаго эллипсоида, съ другой стороны, потому, что онѣ все-таки ближе къ намъ. Наоборотъ, либрація глубинъ должна быть меньше. Но практическое примѣненіе этого простаго принципа далеко не легкая задача. Очень трудно всякій разъ найти центръ видимаго диска луны, такъ какъ края его не вполне круглы. Поэтому Францъ выбралъ 8 объектовъ близъ края и точно опредѣлялъ ихъ положеніе съ помощью кенигсбергскаго гелиометра, чтобы пользоваться ими вмѣсто края луны.

Большія трудности также представляютъ самыя измѣренія фотографическаго снимка, потому что часто не знаешь, что собственно измѣряешь: возвышеніе или углубленіе.

Въ кратерахъ, близкихъ къ центру луннаго диска, которые являются намъ большею частью маленькими, свѣтлыми кружками, повидимому, мы наблюдаемъ внутренность, т.-е. нѣкоторое углубленіе, потому что ни краевъ, ни колечка (валь) не видно.

Въ большихъ кратерахъ Францъ всегда опредѣлялъ положеніе геометрическаго центра тяжести, т.-е. нѣкоторой внутренней точки. Въ отдѣльныхъ возвышенностяхъ выбиралась наиболѣе яркая точка, т.-е. вершина. Нельзя упускать изъ виду, что и серебряныя зернышки въ чувствительномъ слоеъ фотографической пластинки также вредно вліяли на видимость малыхъ кратеровъ и горокъ.

Удлиненіе луны по направленію къ землѣ найдено Францемъ совсѣмъ незначительное, всего только около 2 кил., что въ противоположность результату Гусева находится въ близкомъ согласіи съ теоріей приливовъ и физической либраціи.

Далѣе обнаружилось, что нѣкоторыя обширныя области, въ среднемъ, имѣютъ

болѣе низкій уровень, другія приподняты. Такъ, южная половина луны, въ среднемъ, выше, а сѣверная—ниже. Въ первой масса цирковъ различныхъ размѣровъ, во второмъ преобладаютъ равнины, такъ называемыя моря.

Океанъ Бурь и Море Дождей имѣетъ глубину отъ 2¹/₂ до 5 кил. Уровень вокругъ кратера Плинія на Морѣ Спокойствія 3,0, вокругъ Бесселя на Морѣ Ясности—3,5 кил.

Наоборотъ, горная область вокругъ Тарунція возвышается на 3 кил., у Юлія Цезаря на 3,4, у Гиппарха на 2,2, Гершеля на 2,3, Палласа на 3,1 кил. Последнія пять точекъ находятся близъ центра и окружаютъ очень глубокую впадину, пониженіе которой доходитъ до 66 кил. Она тянется отъ кратера Агриппа до Птолемея. Богатая такъ называемыми трещинами (Rillen) и малыми кратерами область отъ Хигинуса до Тризнеккера, гдѣ въ послѣднее время произошли, повидимому, физическія измѣненія, лежитъ на границѣ этой впадины. Такимъ образомъ, у центра диска, гдѣ долженъ былъ бы быть наибольшій радиусъ, наибольшее удаленіе отъ центра эллипсоида, оказывается углубленіе, значительное пониженіе (до 5 километровъ).

Эти числа очень хорошо согласуются со взглядами французскихъ ученыхъ Лоеву и Руисеух, получившихъ недавно лунныя фотографическіе снимки луны. «Моря», повидимому, дѣйствительно суть углубленія, а то, что мы называемъ горными странами, имѣютъ болѣе высокій уровень.

Интересна область вокругъ Ретикуса. Здѣсь какъ будто бы произошелъ, дѣйствительно, провалъ, возможно, что послѣдуютъ и дальнѣйшія пониженія, образование новыхъ трещинъ, кратеровъ и пр.

Можно думать, что причиной пониженія большихъ областей, какъ, напри- мѣръ, Океана Бурь, является значительный удѣльный вѣсъ почвы въ этомъ мѣстѣ лунной поверхности, наоборотъ, въ высокихъ горахъ, вѣроятно, преобладаютъ легкія породы.

Нѣчто подобное мы имѣемъ и на землѣ. Наблюденія съ маятникомъ обнаруживаютъ, что наши горы состоятъ изъ породъ легкихъ, наоборотъ, въ доли- нѣ Рейна, на днѣ Адриатическаго моря найдено много глыбъ изъ тяжелыхъ металловъ, особенно плотно должно быть дно нашихъ океановъ.

Конечно, и числа Франца надо считать только приближенными, но, во всякомъ случаѣ, они выясняютъ намъ существенныя свойства лунной поверхности и общую фигуру нашего спутника, которая, оказывается, только незначительно отступаетъ отъ сферы. Въ общемъ, повидимому, разницы въ уровняхъ на лунѣ по сравненію съ земными—больше. Это легко объясняется тѣмъ, что тяжесть на лунѣ гораздо слабѣе, чѣмъ на землѣ, и что тамъ нѣтъ вѣтровъ и воды, которые на землѣ разрушаютъ вершины и переносятъ массы.

К. Покровский.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль.

1900 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Публицистика. — Исторія права. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Естествознание. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Тань. «Чукотскіе рассказы». — *Новичъ.* «Маленькая антологія». — *Андерсенъ.* «Сказки».

Тань. Чукотскіе рассказы. Съ двѣнадцатью рисунками. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Сиб. 1900. Ц. 1 р. Далекій и угрюмый сѣверо-восточный уголокъ Азіи сталъ давно уже роднымъ въ русской литературѣ, благодаря превосходнымъ очеркамъ и рассказамъ г.г. Бороленко, Сьрошевскаго, Діонео, Гедеонова и другихъ авторовъ, которыхъ случайности судьбы закинули въ эту забытую Богомъ и проклятую людьми страну. Создалась совершенно особая, оригинальная экзотическая литература, посвященная исключительно описанію этого суроваго края и его обитателей, изученныхъ и описанныхъ такъ, какъ ни одинъ уголокъ центральныхъ мѣстностей Россіи. Знакомая съ этой литературой, какой-нибудь любознательный иностранецъ, недостаточнo усвоившій наши русскія условія, долженъ невольно изумиться такому пристрастію русскіихъ писателей къ отдаленнымъ странствіямъ въ мѣстахъ за предѣлами полярнаго круга, гдѣ «солнце молчитъ и звуки не грѣютъ», по великобѣнному выраженію Данте, которымъ онъ характеризуетъ ледяной поясъ ада. Ничего подобнаго онъ не могъ бы найти въ литературѣ иностранной и, очарованный своеобразной красотой, суровой прелестью и яркой мощностью картинъ, невольно объяснилъ бы пристрастіе русскіихъ писателей къ этому міру особенностями русской души, которая именно здѣсь ищетъ отклика своимъ затаяннымъ мечтаніямъ и выхода для неутолимой тоски неудовлетворенныхъ желаній. Иностранецъ, конечно, ошибся бы, такъ какъ объясненіе гораздо проще, но одно въ его замѣчаніи было бы справедливо. Читая, напр., только что вышедшіе рассказы г. Тана, живо и мѣстами художественно передающіе бытъ и жизнь дикаго, такого чуждаго намъ свободнаго народа, забываешь непроходимую грань, отдѣляющую этотъ народецъ отъ насъ, начинаешь не только интересоваться имъ, но и любить его, какъ что-то близкое и родное. Чтобы такъ выкинуть въ чужую жизнь, забыть себя и на время всецѣло пріислиться настроеніемъ чуждой въ корни природы и чуждымъ бытомъ, надо дѣйствительно обладать нѣкоторой особенностью, меньше всего присущей иностранцу и больше всего понятной русскому. Эту особенность мы бы назвали *умньемъ любить*. Иностранецъ, куда бы его ни завинула судьба, всегда остается самимъ собой и, давая превосходныя описанія чужой ему жизни, напр., въ рассказахъ Киплинга, онъ не можетъ отрѣшиться отъ нѣкотораго высокочувствія. Чувствуется, что въ изображаемомъ мірѣ онъ видитъ прежде всего любопытный предметъ для наблюденія, что этихъ людей онъ можетъ понять и изобразить художественно и ярко, но они все же ему чужды, и грань привычекъ, навыковъ, мировоззрѣнія, отдѣляющая его отъ нихъ, для него непрохо-

дима, да онъ и не желаетъ перейти ее, если бы даже и могъ. Уничтожить эту грань и объединить насъ въ общемъ чувствѣ братства можетъ только любовь, что мы и чувствуемъ въ такихъ чудесныхъ очеркахъ этого отдаленнѣйшаго уголка, какъ упомянутые очерки Короленко или Сѣрошевскаго.

Рассказы г. Тана—изъ той же области, хотя ихъ художественное значеніе несравненно меньше. Преобладающій въ нихъ этнографическій элементъ даетъ себя слишкомъ чувствовать, мѣстами выдвигаясь на первый планъ и дѣлякомъ сосредоточивая весь интересъ на себѣ. Въ лучшихъ, однако, рассказахъ, какъ «На Каменномъ мысу», «Кривоногій», «На мертвомъ стойбищѣ», при полномъ соблюденіи мѣстнаго колорита, художественное воспроизведеніе внутренней жизни достигаетъ достаточной полноты и правдивости, и этнографическая сторона только усиливаетъ и подчеркиваетъ оригинальность картины. Въ остальныхъ очеркахъ—«Праздникъ», «На рѣкѣ Россомашней», «У Григорыхи», «Русскій Чукча»—этнографія всецѣло преобладаетъ надъ беллетристикою. Эти очерки даютъ полную картину быта и удивительно оригинальныхъ особенностей чукотской жизни, какъ, напр., перемена пола: подъ вліяніемъ особаго настроенія, юноша начинаетъ воображать себя женщиной и вполне входитъ въ роль женщины, всѣ обязанности и свойственныя ей привычки онъ выполняетъ настолько полно, что даже выходитъ замужъ. Обыкновенно эта странность связана съ влеченіемъ къ шаманству, хотя такіе мужчины-женщины могутъ и не быть шаманами.

Г. Танъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, поэтъ, и его переводы изъ Маріи Конопницкой, Ады Негри и Шелли очень выразительны и пластичны, будучи въ то же время очень близки къ подлиннику. Эта черта г. Тана мало сказывается, однако, въ языкѣ его рассказовъ. Правда, онъ избилуетъ эпитетами, но это дѣлаетъ его нѣсколько излишне цвѣтистымъ. Мѣстами языкъ грубоватъ, хотя вообще слогъ г. Тана подходитъ къ описанію дикой и грубой жизни чукчей.

А. Б.

Маленькая антологія. Поэты Швеціи. Изданы подъ ред. Н. Новича. Спб. 1900 г. Ц. 50 к. Объ издаваемой подъ редакціей г. Новича «Маленькой антологіи» намъ уже приходилось говорить по поводу переводовъ Бёрнса и Петэфи *). Новый выпускъ, посвященный поэтамъ Швеціи, далеко не такъ удовлетворителенъ, какъ отмѣченный нами тогда. Прежде всего бросаются въ глаза тяжесть стиха и его дѣланность, что мѣстами уничтожаетъ всякую иллюзію поэзіи. Издатель, повидимому, чувствуетъ это и самъ, оговаривая въ предисловіи, что большая часть переводовъ сдѣлана не съ оригиналовъ, а съ перевода на нѣмецкій или французскій языки, или же съ подстрочнаго перевода. Такой способъ перевода не могъ, конечно, не отразиться на его качествахъ. Вообще, переводить съ перевода сколько-нибудь оригинальную вещь—значитъ ее только портить, такъ какъ даже самый лучший переводъ не можетъ уловить и передать всѣхъ оттѣнковъ оригинала. Еще менѣе допустимо это для стиховъ, въ которыхъ каждая строчка, каждый знакъ имѣетъ въ оригиналѣ свое особое значеніе. При переводѣ часть этихъ особенностей обязательно исчезнетъ, а при переводѣ съ перевода—и ничего не останется. Этимъ, намъ кажется, только и можно объяснить не только тяжеловѣсность почти всѣхъ переводовъ, вошедшихъ въ настоящій выпускъ, но и ихъ прозаичность. Рядомъ съ ними помѣщены переводы Грога непосредственно съ оригинала, которые подчеркиваютъ эту отрицательную сторону своихъ сосѣдей. Кромѣ того, попадаются стихи, прямо невозможные, какъ, напр., «Пѣсня жнецовъ», въ которой первый куплетъ построенъ противно грамматикѣ:

*) См. «М. В.», «Библи. отд.», ноябрь 1896 г. «Съ чужихъ полей». «Маленькая антологія».

Какъ въ душный зной ты день-деньской
 На полѣ рожь прожнешь,
 Куда какъ милѣ приютъ родной,
 Смялась тебѣ сквозь рожь.

Благодаря такимъ крупнымъ недочетамъ, трудно составить сколько-нибудь определенное представление о сущности поэзии Швеции. Преобладающий во всѣхъ приводимыхъ образцахъ минорный тонъ, какая-то вялость и тусклость описаній, вѣроятно, слѣдовало-бы отнести къ неудачности переводовъ, потому что въ переводахъ Грота этого уже не замѣчается, хотя его переводы не очень красивы по формѣ. Достоинствомъ этого выпуска являются краткія біографическія данныя о каждомъ поэтѣ, съ перечисленіемъ выдающихся произведеній каждаго, что даетъ хотя внѣшнее знакомство съ ними.

Нельзя не сдѣлать еще одного замѣчанія о принятой редакціей формѣ—писать стихи съ малой буквы. Мы такъ привыкли къ тому, чтобы каждый стихъ начинался съ большой буквы, что это новшество пренеприятно рѣжетъ глаза, въ то же время нисколько не содѣйствуя внутренней красотѣ. Зачѣмъ это понадобилось редакціи—совершенно не понимаемъ. Къ числу многихъ условностей стихосложенія принадлежитъ и прописная буква въ началѣ каждаго стиха, и уничтожать ее мы рѣшительно не видимъ никакого основанія. А. Б.

Сказки Андерсена. Пер. А. Н. Ганзенъ. Съ иллюстраціями Тегнера. 42 отдѣльныя гравюры и 189 рис. въ текстѣ Спб. Изд. А. В. Девриена. Говорить о несравненной прелести сказокъ Андерсена не приходится, онѣ слишкомъ хорошо знакомы и старому, и малому. Мы хотимъ лишь отмѣтить выходъ настоящаго изданія г. Девриена, которое отличается не только своей роскошью, но и рѣдкими художественными достоинствами. Гравюры и рисунки сами по себѣ могутъ доставить огромное удовольствіе, такъ превосходно дополняютъ они и поясняютъ текстъ. Каждый рисунокъ удивителенъ по замыслу и выполненію. Фантазія и реальность соединены въ нихъ съ тѣмъ совершенствомъ, какое доступно только истинному мастеру. Каждый штрихъ, каждая отдѣльная фигура запечатлѣваются въ памяти, какъ типы, и герои сказокъ выступаютъ съ живенностью, близкой къ дѣйствительности. Это не такъ поражаетъ, когда рѣчь идетъ о людяхъ, но въ массѣ сказокъ дѣйствующими лицами выступаютъ неодушевленные предметы, которымъ художникъ сумѣлъ придать поразительно типичныя черты. Выполненіе также превосходно. Вообще, вся внѣшность изданія такъ хороша, что самая придирчивая критика едва-ли нашла-бы какіе недостатки. Великолѣпная бумага, крупный, четкій и красивый шрифтъ, художественный переплетъ даютъ всему изданію видъ настоящаго шедевра въ художественно-типографскомъ искусствѣ. А. Б.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Л. Юлли. «Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы».—Э. Демолень. «Новое воспитаніе».—Е. Берсъ. «О причинахъ разоренія земледѣльской Россіи».

Л. Юлли. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Переводъ съ нѣмецкаго А. Самина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 1 рубль.

Названная работа тюбингенскаго профессора полицейскаго права Iully—фамилія котораго, не въ укоръ переводчику будъ замѣчено, произносится соотечественниками не Юлли, а Жолли—входитъ въ составъ извѣстнаго «Handbuch der politischen Oekonomie», изданнаго подъ редакціей Шёнберга. Статьи указаннаго «Руководства» вообще не представляютъ сколько-нибудь занимательнаго

чтенія для широкаго круга читателей—онѣ не для этого и назначены, — но трудъ Жоли даже среди нихъ поражаетъ своею сухостью и безжизненностью.

Скука, которою вѣдетъ отъ этой книжки, обусловливается прежде всего тѣмъ, что авторъ крайне сѣузилъ свою задачу. Законы и указы, регулирующіе организацію низшаго, средняго и высшаго образованія въ различныхъ европейскихъ странахъ, уставы и программы народныхъ школъ, гимназій и университетовъ, количество учебныхъ заведеній, бюджеты ихъ, цифры учащихся и учащихсяя, плата за ученіе и вознагражденіе преподавателей. да кое-какія сюда же относящіяся замѣтки принципіальнаго и историческаго свойства—дальше этого онъ не счелъ нужнымъ идти. О томъ, что соотвѣтствуетъ начерченнымъ имъ схемамъ въ дѣйствительной жизни различныхъ европейскихъ странъ, онъ систематически умалчиваетъ. Позволю себѣ пояснить отношеніе Жоли къ дѣйствительности на такомъ примѣрѣ. Жоли сравниваетъ французскій лицей и нѣмецкую классическую гимназію. «Что касается организаціи преподаванія, то въ этомъ отношеніи французскіе лица отличаются отъ германскихъ гимназій, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на одинъ предметъ употребляется постоянно 2 или 1½ урока подрядъ, что число недѣльныхъ уроковъ равняется только 20 (въ нѣкоторыхъ классахъ 20½, въ «философіи» 15) и что въ высшемъ классѣ проходится лишь философія (въ связи съ чтеніемъ латинскихъ и греческихъ классиковъ), исторія и естественныя науки, кромѣ того 12 уроковъ въ годъ отводится для преподаванія гигиены. Экзамены зрѣлости производятся не средне-учебными заведеніями, а факультетами; объ нихъ мы скажемъ ниже». (Стр. 147). Всякій читатель съ полнымъ правомъ сочтетъ возможнымъ сдѣлать отсюда выводъ, что, въ сущности, между лицеемъ и гимназіей почти никакой разницы нѣтъ— и впадаетъ при этомъ въ тяжкое заблужденіе. Лицей, какъ сообщаетъ Жоли, самъ по себѣ не даетъ никакихъ правъ: экзамены зрѣлости производятся въ государственныхъ испытательныхъ комиссіяхъ. Отсюда слѣдствіе, о которомъ Жоли не упоминаетъ: лицей и не считаетъ себя въ правѣ такъ регулировать занятія воспитанниковъ, какъ дѣлаетъ нѣмецкая гимназія. Переходныхъ экзаменовъ въ немъ нѣтъ. Если воспитанникъ оказываетъ слабыя успѣхи, то въ концѣ года начальство лицея доводитъ до свѣдѣнія родителей, что, по мнѣнію наставниковъ, ихъ сынъ не можетъ съ пользою для себя слѣдить за курсомъ высшаго класса; но рѣшеніе этого вопроса всецѣло предоставляется волѣ и отвѣтственности родителей. Такимъ образомъ, второгодки въ лицейскій рѣдокъ, напротивъ того, способные мальчики довольно часто перепрыгиваютъ чрезъ тотъ или другой классъ. Но этого мало. На самомъ экзаменѣ зрѣлости отъ кандидатовъ вовсе не требуютъ болѣе или менѣе равномернаго знанія всѣхъ предметовъ, включенныхъ въ его программу. Можно получить даже нуль по одному изъ нихъ и покрыть его блестящими отмѣтками по другимъ. Эта особенность экзамена, о которой опять-таки забываетъ упомянуть Жоли, вліяетъ, въ свою очередь, на свободу занятій въ лицѣ. Разъ юноша считаетъ какую-нибудь изъ лицейскихъ наукъ для себя бесполезною, онъ, хотя и съ нѣкоторымъ рискомъ, но можетъ все-таки почти ея не заниматься. Въ такомъ опальномъ положеніи находится, напримѣръ, въ настоящее время у большинства французскихъ лицезистовъ греческій языкъ. По официальнымъ докладамъ профессоровъ, производящихъ экзаменъ зрѣлости, за послѣднія 15 лѣтъ изъ 10 кандидатовъ 8 оказывались неизмѣнно не въ состояніи проспрягать глаголь *λῶο* въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія. Такимъ образомъ, и порядокъ занятій, и дѣйствительное ихъ содержаніе оказываются въ лицѣ, вопреки тождеству программъ, значительно иными, чѣмъ въ гимназіи. Но у Жоли ничего подобнаго не узнаешь: для него главная разница между упомянутыми заведеніями сводится къ числу недѣльныхъ уроковъ.

Однако, даже простое знакомство съ формальной стороною организаціи

образованія въ различныхъ государствахъ само по себѣ представляетъ вещь, которую пренебрегать мы не имѣемъ права. Школьные законы и программы не слѣдуетъ принимать за изображеніе школьной дѣйствительности, но они все же составляютъ крупную часть этой дѣйствительности, и если бы Жолли, ограничиваясь самимъ имъ выбранными вопросами, представилъ намъ ихъ въ сколько-нибудь научномъ освѣщеніи, то за работой его, несомнѣнно, слѣдовало бы признать значительную степень цѣнности. Въ соответственной старинной работѣ Лоренца Штейна «Das Bildungswesen» (1868 г.) онъ имѣлъ предъ собою и прекрасный образецъ того, чѣмъ должна являться научная постановка вопросовъ этой области. Найти тѣ принципы, которые руководили школьнымъ законодательствомъ въ различныхъ государствахъ, уловить ихъ зависимость отъ общихъ политическихъ и социальныхъ условий жизни каждой отдѣльной страны, показать, дагѣе, какъ они осуществлены были въ школьномъ строѣ, и описать органы этого строя въ связи съ ихъ функциями — такъ ставилъ свою задачу Штейнъ. Но у Жолли мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Онъ взялъ себѣ за образецъ не Штейна, а просто-на-просто «Школьные ежегодники», какіе издаются въ практическихъ цѣляхъ по разнымъ европейскимъ странамъ. Сборникъ календарныхъ свѣдѣній относительно низшаго, средняго и высшаго образованія въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Франціи, Англіи и Бельгіи — вотъ наиболѣе подходящее обозначеніе характера его книги. Ей предпослано, правда, небольшое теоретическое введеніе; но чтобы судить о степени его научности, довольно слѣдующаго примѣра. Жолли разсуждаетъ о женскихъ гимназіяхъ. «Къ своей главной жизненной задачѣ, заключающейся въ заботахъ о семьѣ, женщина должна подготовляться преимущественно дома (въ кухнѣ?); затѣмъ, дѣвушки могутъ посвящать школѣ меньшее число лѣтъ сравнительно съ мальчиками; въ виду этихъ двухъ обстоятельствъ женская средняя школа далеко не имѣетъ такого значенія, какъ мужская» (стр. 22). И такъ ведутся Жолли всѣ принципиальные разсужденія. Разъ какой-нибудь порядокъ установился въ Германіи, то, значить, это и есть истинный порядокъ, ибо «все существующее въ Германіи — разумно».

Что касается цѣнности работы Жолли, какъ школьнаго календаря, то она тоже очень невелика; сообщаемыя имъ свѣдѣнія страдаютъ неполнотой и чрезмѣрной краткостью. Прежде всего, Жолли, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, опустилъ въ своей статьѣ всю обширную область профессиональнаго образованія. Но и принятая имъ въ программу учрежденія описываются самымъ поверхностнымъ образомъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ, напримѣръ, справиться у Жолли, какъ поставлено преподаваніе естественныхъ наукъ во французскихъ университетахъ, то онъ нашелъ бы только одно указаніе. «Естественно-научныхъ факультетовъ во Франціи всего 15. Они раздають учащимся степени магистра и доктора» (стр. 153). Не болѣе того узнаешь у Жолли и про другіе факультеты.

Вдобавокъ ко всему этому, русскій переводъ книги сдѣланъ въ высокой степени небрежно. Рѣчь идетъ, напримѣръ, про образовательный цензъ преподавателей во французскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Учителя лицеевъ и коллежей, — читаемъ мы, — назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія. Часть ихъ выдержала только выпускной экзаменъ, часть имѣетъ званіе *licencié ès lettres* (магистръ словесности) или *licencié ès sciences* (магистръ наукъ) и лишь немногіе избранные приобрѣли, сдавая особый экзаменъ, титулъ *agrégé* (докторъ)» (стр. 145). Передавъ здѣсь термины *licencié* и *agrégé* словами «магистръ» и «докторъ», переводчикъ дальше считаетъ уже возможнымъ держаться этого, не прибавляя въ скобкахъ подлинныхъ французскихъ обозначеній указанныхъ статей. Такъ, на стр. 153 мы прямо уже читаемъ: «естественно-научные факультеты раздають учащимся степень магистра и доктора». Такимъ

образомъ, всякій читатель, конечно, составитъ себѣ самое лестное представле- ние о составѣ французскихъ гимназическихъ преподавателей. Одни сдали, правда, лишь «выпускной экзаменъ», но откуда? Надо полагать изъ университета. Другіе—магистры; избранные же—доктора. Жюлли сообщаетъ гораздо болѣе пла- чевныя вещи. Значительная часть учителей имѣютъ лишь аттестатъ зрѣлости (Abiturienten-prüfung — «выпускной экзаменъ» русскаго переводчика значить испытаніе на аттестатъ зрѣлости); другіе пробывши въ университетѣ немного больше года (степень licencié, которой у насъ нѣтъ ничего соответствующаго, получается студентами на филологическомъ и физико-математическомъ факультетѣ, обыкновенно, черезъ годъ по ихъ вступленіи въ университетъ); и только избранные обладаютъ свидѣтельствомъ изъ государственной испытательной ком- миссіи о томъ, что они прошли полный университетскій курсъ по своему отдѣлу наукъ (замѣчу, мимоходомъ, въ интересахъ истины, что свидѣнія, сообщаемыя Жюлли, относятся теперь почти ужь въ области прошедшаго). Но спрашивается, откуда переводчику могла придти странная мысль счесть licenciés за магистровъ, а agrégés за докторовъ? Объясняется это такъ. Во Франціи есть два рода agrégés—agrégés des facultés и agrégés des lycées. Agrégés des facultés, дѣй- ствительно, имѣютъ докторскую степень; экзаменъ на agrégé des lycées ничего общаго съ докторской степенью не имѣетъ. Спутавшись здѣсь, переводчикъ, затѣмъ, послѣдовательно обратилъ licenciés въ магистровъ. А можетъ быть и просто онъ писалъ по вдохновенію минуты. По вдохновенію же онъ сообщаетъ намъ, что «курсъ ученія на французскихъ факультетахъ однолѣтній» (стр. 152). Не очень ясно. Далѣе, какъ надо понимать такое сообщеніе: «въ приглашаемымъ въ частную школу учителямъ предъявляется лишь одно требованіе — *чтобы они не подвергались тяжкимъ наказаніямъ*» (стр. 150). Но верхъ совершенства—это рассказъ переводчика, «что во Франціи католическая церковь со- держитъ въ каждой епархіи гимназію (petit séminaire), находящуюся въ вѣ- дѣніи епископа и *предназначенную для воспитанія дѣтей священниковъ*». (стр. 150). Нѣтъ, если живущимъ въ безбрачїи французскимъ священникамъ и случается иногда имѣть дѣтей, то они объ этомъ своимъ епископамъ не сообщаютъ.

Н. Сперанскій.

Э. Демолень. Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія съ за- мѣной классицизма болѣе практическимъ обученіемъ. Пер. съ франц. подъ ред. В. Н. Линда. Ц. 80 к. Москва. 1900 г. Изд. магаз. «Книжное дѣло». Настоящая книжка составлена изъ двухъ книгъ того же Демолена—«Въ чемъ заключается превосходство англо-саксонской расы» и «Новое воспитаніе». Обѣ переведены уже на русскій языкъ, но и настоящее изданіе не теряетъ сво- его значенія, такъ какъ въ немъ даны главныя и существенныя части двухъ первыхъ. Демолень выступаетъ здѣсь съ беспощадной критикой средней школы во Франціи, и то, что онъ говоритъ о французской классической школѣ, вполне своевременно и умѣстно теперь у насъ. Прежде всего, онъ подчеркиваетъ исклю- чительно бюрократическій характеръ средней школы, которая преслѣдуетъ одну цѣль—приготовленіе чиновниковъ. «Идеальный чиновникъ,—говоритъ авторъ,— долженъ отречься отъ своей воли; онъ долженъ быть дрессированъ къ послу- шанію; онъ долженъ исполнять безъ разсужденія приказанія своего начальства. Онъ, въ сущности, есть ни что иное, какъ орудіе въ рукахъ другого человѣка». Школа такъ и устроена, чтобы съ перваго же шага новаго воспитанника стереть съ него все, что отличаетъ его отъ другихъ. Все приворовлено въ ней такъ, чтобы вытравить въ немъ волю, инициативу, энергію и замѣнить всѣ эти драгоценнѣйшія въ жизни качества однимъ послушаніемъ. Школьный ре- жимъ «подавляетъ у молодого человѣка привычку къ свободной и непосред- ственной дѣятельности и убиваетъ оригинальность. Всѣ разнообразныя способ- ности отливаются по одной одинаковой формѣ и изъ нихъ создаются орудія,

готовыя подчиняться толчку, получаемому навнѣ. Это послушаніе тѣмъ богѣ пассивно, что режимъ экзаменовъ не развиваетъ способности размышлять и разсуждать. Второпяхъ проглатывается, худо ли, хорошо ли. громадная масса предметовъ, причѣмъ работаетъ только память. Какъ въ свое время безъ разсужденія принималось преподаваніе, цѣликомъ заключавшееся въ программахъ, такъ будутъ приняты, не колеблясь, приказанія, исходящія отъ бюрократической іерархіи. Наконецъ, развѣ это преподаваніе и эти приказанія не исходятъ отъ одного и того же источника—отъ государства? Въ годы нашего ученія оно намъ передало свое ученіе; въ годы нашего чиновничества оно намъ передаетъ свои инструкціи; значитъ, ничего не измѣнилось».

Однако, именно государство недовольно школой теперь. Подавивъ всѣ общественныя требованія и создавъ школу по своему подобию и образцу, это государство заявляетъ теперь, что школа не дала того, что отъ нея ожидалось. Такое заявленіе сдѣлалъ германскій императоръ въ своей знаменитой рѣчи о необходимости школьной реформы. Практическія ея результаты неудовлетворительны, такъ какъ огромное большинство воспитанниковъ, прошедшихъ классическую гимназію, не способны «къ борбѣ за жизнь». Слабые физически и недалекие по умственному развитію, они плохи, какъ исполнители, и нигде не годны, какъ руководители. Отчего же это произошло? Вѣдь школу принаравляли именно чиновники и именно въ цѣляхъ бюрократическаго режима? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Демолень очень вѣрный: жизнь переросла бюрократію. Бюрократія—это застой, это — строго опредѣленные рамки, изъ которыхъ нѣтъ и не должно быть выхода. Никакой эволюціи бюрократія по самому существу своему не допускаетъ. Всякая переменна, всякое новшество ей враждебно, такъ какъ нарушаетъ правильное теченіе дѣла, гдѣ каждое тѣсно связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ, а все выѣстъ исходить изъ единого центра. Между тѣмъ, пока бюрократія принаравляла школу, жизнь стала принаравлять къ себѣ самую бюрократію, которая на всѣхъ пунктахъ оказалась неспособной выдержать экзаменъ новыхъ условій жизни, экзаменъ, ничего общаго не имѣющій съ государственнымъ. «Міръ роковымъ образомъ вступилъ на путь матеріальныхъ преобразованій, на которыхъ невозможно остановиться. Это совершенно порываетъ съ прошедшимъ, которое стремилось къ устойчивости, къ неподвижности. Между человѣкомъ прошлаго и человѣкомъ настоящаго такая же разница, какъ между солдатомъ, защищающимъ крѣпость, и солдатомъ, сражающимся въ открытомъ полѣ... Этотъ кризисъ направляетъ человѣка къ новому положенію: отнынѣ онъ не можетъ, какъ прежде, быть заключенъ въ извѣстныя рамки; онъ не можетъ уже расчитывать на неизмѣнное окружающее его общество, на привычки, приспособленныя исключительно къ данной средѣ»... Отсюда выводъ—«воспитаніе, вмѣсто того, чтобы прилагать человѣка къ этимъ рамкамъ, т.-е. приучать его опираться на окружающую среду, на учрежденія даннаго времени, вродѣ мнимой административной дѣятельности, вообще готовыхъ и обезпеченныхъ положеній, не требующихъ ни усилій, ни инициативы, и которыя могутъ внезапно измѣниться,—воспитаніе должно дать привычку опираться на самого себя, обходиться безъ посторонней помощи и не теряться при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ».

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно быть уничтоженіе классической школы. Ибо,—по остроумному опредѣленію Жюля Леметра,—окончившій классическую школу «это — милый молодой человѣкъ, который не знаетъ ни латинскаго, ни греческаго языковъ, но который зато не знаетъ ни новыхъ языковъ, ни географіи, ни естественныхъ наукъ. Однимъ словомъ, это чудо круглаго невѣжества». Демолень даетъ затѣмъ описаніе новой школы въ Англии, устроенной по семейному типу, съ широкой программой физическихъ занятій и примѣняющейся къ индивидуальности каждого воспитанника. Онъ помѣстилъ

туда своего сына и приводит аттестацію успѣховъ, полученную имъ отъ директора этой школы въ концѣ года. Аттестація заканчивалась словами: «я думаю, вы найдете, что вашъ сынъ сталъ болѣе вѣрцкимъ физически, болѣе независимымъ по характеру и болѣе способнымъ управлять своими поступками».

Въ книгѣ приводится также уничтожающая критика дрессировки въ классической французской школѣ, какъ-будто списанная съ нашихъ гимназій, и подробно разработанная программа новой школы, которую Демолень желалъ бы замѣнить нынѣ существующую. Какъ бы ни былъ далеко его идеалъ отъ нашей дѣйствительности, все-таки поучительно и полезно ознакомиться съ ними. Мы видимъ здѣсь, какъ люди, разъ сознавъ зло, начинаютъ борьбу съ нимъ съ самаго главнаго, уничтожая въ корнѣ причину этого зла, т.-е. тотъ мертвящій формализмъ, который превратилъ среднюю школу во Франціи не въ воспитательное учрежденіе, а въ тюремно-исправительное, куда поступають юные, полные свѣжести и силъ мальчишки, а выходятъ оттуда, по опредѣленію того же Леметра, «совершенными уродами, удивительными образцами ничтожества».

А. Б.

О причинахъ разоренія земледѣльской Россіи. Елисаветы Берсъ. Спб. 1899. Е. Берсъ негодуетъ на то, что вопросъ о причинахъ паденія русскаго сельскаго хозяйства экономисты предпочитаютъ «сложивъ руки», объяснять мировыми явленіями и забываютъ, что Россія «по необъятности своего пространства, многочисленности населенія и поразительному количеству производимаго зерна» гораздо болѣе вліяетъ на цѣны зерна и земледѣльческихъ продуктовъ, чѣмъ другія страны. Истинная причина, впервые открытая г-же Берсъ, заключается въ дифференціальномъ желѣзнодорожномъ тарифѣ, который вреденъ и для западныхъ губерній, ставя ихъ въ невыгодное положеніе по отношенію къ рынку сравнительно съ восточными, и для восточныхъ, извлекая оттуда хлѣбные запасы, нужные на мѣстѣ... Этотъ тарифъ нарушаетъ нормальное теченіе зерна по путямъ естественнаго географическаго его слѣдованія (Волга), уничтожаетъ возможность продавать зерно не въ сыромъ, а въ отдѣланномъ видѣ, отдаетъ всю торговлю въ руки евреевъ-коммиссіонеровъ, отнимаетъ возможность сбывать зерно на востокъ (?). «Зерно, которое везутъ по дифференціальному тарифу дешевлетъ съ каждой верстой движенія» (стр. 14); наконецъ, Германія, благодаря все тому же дифференціальному тарифу, получаетъ изъ Россіи хлѣбъ для рабочихъ, *жельзо* (!) и *топливо* для машинъ и т. д. съ огромной преміей на провозъ (относительно этого «открытія» экспорта русскаго желѣза— см. стр. 22). Выводъ изъ всего этого слѣдующій: «ни льготы по долгамъ и ссудамъ, ни законодательныя реформы въ правовомъ порядкѣ жизни общинъ, ни зернохранилища, ни даже образованіе голоднаго народа, ничто не можетъ имѣть прочнаго и благотворнаго вліянія безъ отиѣны вредныхъ, обезцѣнивающихъ наши продукты и опустошающихъ наши окраины дифференціальныхъ тарифовъ. Намъ нужны дешевые, поперстные тарифы, какъ справедливые регуляторы движенія въ нашемъ стихійномъ и необъятномъ пространствѣ».

Въ статьѣ «О великорусской общинѣ» г-жа Берсъ, разобравши общину «въ климатическомъ (sic!), экономическомъ и бытовомъ отношеніи» (стр. 27), предлагаетъ проектъ реформы земельныхъ отношеній въ общинѣ, сущность которой заключается въ установленіи майората: собственникомъ надѣла долженъ быть слѣланъ, фактически и юридически, старшій въ родѣ. «Право наследія надѣломъ» должно переходить по нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, какъ заповѣдное имѣніе, безъ участія другихъ братьевъ и безъ дѣлежа между ними. Остальные члены семьи должны имѣть право пользоваться этимъ надѣломъ въ подчиненіи старшему собственнику, должны участвовать въ обработкѣ надѣла, въ повинностяхъ и во всей экономической жизни семьи. Если же они не захотятъ слушаться его или міра, которому предоставлено рѣшать

всѣ споры и недоразумѣнія, то имъ «можно дозволить» (значить, можно и не дозволить?) съ голыми руками уйти изъ общины... Впрочемъ, г-жа Берсъ не настаиваетъ на немедленномъ осуществленіи своей реформы и находитъ, что сначала нужно избавить объектъ этихъ реформъ отъ періодическихъ голодовокъ. Такъ какъ мы полагаемъ, что отгнѣны дифференціального тарифа не достаточно для того, чтобы на Руси водворилось изобиліе и благоденствіе, и задача избавленія массы русскаго населенія отъ голодовокъ въ ближайшемъ будущемъ не будетъ рѣшена, то можемъ со спокойной совѣстью отложить въ долгій ящикъ обсужденіе своеобразнаго, по меньшей мѣрѣ, проекта. Сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ заключенію, что совершенно напрасно г-жа Берсъ извлекла свои статьи изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», гдѣ онѣ первоначально печатались. Мы не стали бы и упоминать объ этой ничтожной брошюрѣ, если бы ея заглавіе не могло заинтересовать легковѣрную публику.

Г. Михинъ.

ИСТОРИЯ ПРАВА.

Н. Благовѣщенскій. «Четвертное право».

«Четвертное право». Исслѣдованіе Н. А. Благовѣщенскаго. VIII—538. Москва. 1899. Въ предисловіи къ своему обширному исслѣдованію г. Благовѣщенскій говоритъ, что его работа посвящена рѣшенію двухъ вопросовъ: 1) опредѣленію четвертнаго права, какъ юридической нормы, и 2) изученію «четвертнаго права», какъ формы однодворческаго землевладѣнія. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ въ высшей степени важно какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Мы до сихъ поръ не знаемъ въ точности, что такое четвертное право, а между тѣмъ, жизнь полуторамилліоннаго однодворческаго населенія вѣздется въ значительной степени на этомъ правѣ. Въ дѣйствительности же авторъ значительно расширилъ рамки своего исслѣдованія: кромѣ рѣшенія указанныхъ вопросовъ, онъ сообщилъ много въ высшей степени интересныхъ данныхъ о колонизаціонномъ движеніи однодворцевъ и присоединилъ еще рядъ мѣстныхъ (по губерніямъ) исслѣдованій формъ однодворческаго землевладѣнія. Монографія г. Благовѣщенскаго является первымъ крупнымъ шагомъ въ изученіи «четвертнаго права» по памятникамъ русскаго законодательства и матеріаламъ земской статистики. Уже это одно даетъ ей право на особенное вниманіе читателей.

Тѣмъ болѣе жаль, что г. Благовѣщенскій приступилъ къ своему исслѣдованію съ предвзятой мыслью. Идеаломъ эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія представляется ему уравнительно-душевая община: въ ней онъ видитъ залогъ благоденствія русскаго крестьянства и съ этой точки зрѣнія разбираетъ всѣ историческія явленія, вліявшія на жизнь однодворцевъ. Прежде всего онъ даетъ новое, очень расширенное опредѣленіе земельной общины. «Община по его мнѣнію, есть такая форма общегитія, при которой группа семей связана между собой единствомъ юридическаго основанія своего землевладѣнія». Подъ такое опредѣленіе подходятъ, по мнѣнію автора, какъ «однодворцы, происшедшіе отъ одного родоначальника», такъ и «тяглые крестьяне, несущіе одинаковое за землю тягло, стрѣльцы, испомѣщенные одной жалованной грамотой и даже ссыльные, водворенные на казенномъ участкѣ». Пользуясь этимъ опредѣленіемъ, авторъ уже безъ труда находитъ, что всѣ четвертные владѣльцы образовывали общины и что участково-подворнаго землевладѣнія у нихъ не было. «Ни подворнаго, ни участковаго владѣнія я до сихъ поръ нигдѣ не нашелъ и, кажется, никогда не найду: это чисто бюрократическое измышленіе встрѣчается только на

бумагъ». И такъ вездѣ—община и неизбежно связанная съ нею (по мнѣнію автора) черезполосица. «Спрашивается—говоритъ авторъ,—почему при такой шире и глади и Божьей благодати, какая была на Руси, русскіе люди дѣлили свои помѣстья не къ одной сторонѣ, а именно чрезполосно? Неужели они не понимали выгоду особняковъ, выгоду участвоваго владѣнія? Вотъ, подумаешь, непросвѣщенные мужики! Да, представьте себѣ, что они были до того глупы, что не понимали выгоду отдѣльныхъ участковъ, скажу даже больше—они бунтовали противъ особняковъ... Мало того, они не только не понимали всей прелести того, что нынѣ почитается у многихъ идеаломъ, они считали этотъ идеалъ нелѣпою глупостью, обидой и несправедливостью»... и т. д. Можно было бы, словомъ, подумать, что эти однодворцы XVII в. всѣ читали г. В. В., а не просто переносили на окраины установившіеся въ московскомъ центрѣ порядки.

Подъ дальнѣйшимъ влияніемъ историческихъ событій однодворческое землевладѣніе испытываетъ рядъ измѣненій. Въ московскій періодъ, по мнѣнію автора, правительство всячески заботится о своихъ служилыхъ людяхъ и своей здравой, разсудительной политикой насаждаетъ на Руси общинное землепользованіе. Нельзя отрицать, дѣйствительно, что Москва заботилась о служилыхъ людяхъ, но было бы ошибочно думать, что забота эта шла дальше, чѣмъ требовали собственные интересы правительства. Подчеркиваемый г. Благовѣщенскимъ фактъ недопущенія «московскихъ капиталистовъ» (старшихъ служилыхъ людей) захватывать помѣстья по юго-восточной границѣ объясняется просто желаніемъ правительства сохранить скудный земельный фондъ, необходимый для исполненія мелкихъ людшекъ—сохранить его для службы, а никакъ не изъ симпатіи къ этимъ «людшкамъ». Воплѣтъ понятію поэтому, что когда во время Петра Великаго произведена была военная реформа, укринныхъ служилыхъ людей предоставили ихъ собственной судьбѣ, такъ какъ въ нихъ службѣ больше не нуждались. Г. Благовѣщенскій ничего не имѣетъ противъ превращенія служилыхъ людей въ крестьянъ мѣрами Петра, но думаетъ, что Петръ Великій сдѣлалъ грандіозную ошибку и несправедливость, избравъ земли однихъ только мелкихъ служилыхъ людей. Дѣло тутъ въ томъ, конечно, что Петръ Великій отъ болѣе крупныхъ помѣщиковъ могъ еще ожидать и требовать болѣе дѣятельной службы; надъ однодворцами же надо было поставить давно уже крестъ: она мало дали прежде и ничего бы не дали въ будущемъ. Въ концѣ концовъ г. Благовѣщенскій, однако, мирится съ земельной политикой Петра Великаго, такъ какъ мѣры послѣдняго, независимо отъ его воли, повели къ сплоченію однодворцевъ въ общину: подушная подать, круговая порука—вотъ наслѣдіе петровскаго времени. Читатель нѣсколько удивленъ: вѣдь община и безъ того у нихъ была раньше? Но, разобравъ дѣло, онъ невольно соглашается съ мнѣніемъ петровскаго правительства, что общины у однодворцевъ до XVIII в. не было и что, именно, мѣры послѣдняго положили ей начало. Если земельная политика Петра Великаго не заслуживаетъ одобренія автора, зато рѣшеніе верховнаго тайнаго совѣта о неотчуждаемости однодворческихъ земель вызываетъ его полное сочувствіе и онъ помѣщается въ своей книгѣ полностью протоколъ этого засѣданія. Увы, и на этотъ разъ добрыя чувства автора проявляются не совсѣмъ кстатѣ, потому что постановленіе верховнаго совѣта, если даже признать его цѣлесообразность, на дѣлѣ не исполнялось, несмотря на подтвержденіе этого закона Екатериною II. Кому приходилось хоть немного познакомиться съ исторіей однодворцевъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., тотъ согласится съ нами. Не можетъ же г. Благовѣщенскій отрицать факта массовой продажи однодворческихъ земель въ XVIII в., на который указываютъ всѣ изслѣдователи? Вѣроятно, извѣстенъ ему и указъ 21 іюля 1798 г., рѣзкій указъ, по которому приказано было всѣ тяжбы однодворцевъ между собой уничтожить.

Въ царствованіе Екатерины II былъ предпринятъ еще дѣльный рядъ законодательныхъ мѣръ для урегулированія поземельныхъ отношеній вообще всего населенія государства, коснувшихся, конечно, и однодворческаго сословія. Въ этомъ отношеніи особенно важень 2 п. XIX ст. межевой инструкціи, составленной въ 1779 г. По этому пункту предписывалось, всѣмъ «однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ», поселившимся «безъ дачъ» (т. е. безъ законнаго утвержденія за ними занятыхъ нѣкогда ими участковъ земли), равно какъ и тѣмъ, которые пожелаютъ вслѣдствіе недостатка у нихъ земли поселиться на свободныхъ государственныхъ земляхъ, наміривать «на число мужеска пола душъ... на каждую душу по 8 дес., а на дворъ, состоящая въ немъ по 4 души, 32 дес.»; кромѣ того, давать на каждый дворъ еще по 28 дес. на случай будущаго размноженія населенія, «которыя и отмежевывать съ одну общую округу, а не порознь». Это постановленіе интересно въ двухъ отношеніяхъ: 1) было указано рѣшительное средство для борьбы съ однодворческимъ малоземеліемъ, и 2) межеваніемъ земли однодворцевъ въ одну окружную межу было установлено единство владѣнія и былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ для укрѣпленія среди однодворцевъ идеи уравниенія. Такимъ образомъ «идея поравненія,—говоритъ г. Благовѣщенскій, подводя итоги земельной политики Екатерины II,—получила официальное признаніе, но нѣто въ XVIII в. не понималъ, что на этомъ камнѣ рождается великое капище русскаго національнаго духа». Познать это суждено было лишь въ XIX в. Только въ XIX в. подъ вліяніемъ работы гр. Киселева начался процессъ перехода однодворцевъ изъ четвертной формы землевладѣнія въ уравнительно-душевую. Процессъ этотъ совершался не легко и потребовалъ сильнаго напряженія народныхъ силъ и значительныхъ «денежныхъ молятвъ» властямъ предержавшимъ. «Иначе, какъ съ дрекольемъ на сходку не ходили», «священникъ въ облаченіи со крестомъ выходилъ на поле умирать бушевавшихъ» и т. д. Г. Благовѣщенскій непосредственную инициативу этого перехода приписываетъ самимъ однодворцамъ, удѣляя окружнымъ начальникамъ лишь посредственную роль; но мы полагаемъ, что это не совсѣмъ вѣрно. Къ сожалѣнію, г. Благовѣщенскій не сдѣлалъ здѣсь ссылки на данные объ этомъ переходѣ, а всѣ свѣдѣнія объ этомъ разбросаны у него во 2-ой части книги. Жаль также, что г. Благовѣщенскій ни однимъ словомъ не обмолвился о земельной политикѣ Павла I и Александра I. Развѣ политика этихъ императоровъ не оказала никакого вліянія на однодворческое землевладѣніе? Неужели автору не извѣстенъ указъ Павла I о надѣленіи крестьянъ землей, данный въ 1797 г., и вся его многострадальная исторія? Возвращаясь къ николаевской эпохѣ, мы не можемъ не указать на пристрастное отношеніе г. Благовѣщенскаго къ событіямъ этого времени. Не входя въ разборъ многихъ очень важныхъ фактовъ, онъ чуть ли не все свое вниманіе обращаетъ на созданіе уравнительно-душевой общины, считая самого императора главнымъ инициаторомъ этой политики. «Это былъ первый русскій царь,—говоритъ онъ,—сознательно направившій поземельную политику на укрѣпленіе русской уравнительной общины. Онъ первый понялъ, что русская община есть самый твердый камень подъ его могучимъ престоломъ».

Зато закономъ 1866 г. объ отчуждаемости однодворческихъ земель авторъ крайне недоволенъ. Послѣ изданія его «началась кабацкая оргія: земли родовой общины стали сосредоточиваться въ рукахъ мирѣдовъ и сосредоточиваться за безцѣнокъ. Посторонніе элементы въ видѣ виноторговцевъ, скупщиковъ... начали вторгаться въ эту общину и мутить ея *исконные устои* своей кабацкою «цибулизацией»».

Перейдемъ теперь къ выводамъ автора, касающимся современнаго положенія четвертнаго владѣнія. Въ этой части своего изслѣдованія г. Благовѣщенскій находится въ полной зависимости отъ работъ земскихъ статистиковъ,—работъ един-

ственныхъ, конечно, по этому предмету, но, къ сожалѣнію, не всегда полныхъ и точныхъ. Несмотря на умѣлое «вылущиваніе» необходимыхъ данныхъ, ему приходится нерѣдко ограничиваться только немногими выводами. Самыми лучшими работами авторъ считаетъ изслѣдованія земскихъ статистиковъ по Бѣлгородскому и Елецкому уѣздамъ. Поэтому мы и коснемся, для приѣбра, выводовъ автора по этимъ уѣздамъ.

Процентъ перехода однодворцевъ изъ четвертной общины въ уравнильно-душевую очень неравномѣренъ, но, во всякомъ случаѣ, не превышаетъ почти нигдѣ 50%. Во многихъ мѣстахъ онъ значительно ниже: такъ въ Елецкомъ у. только 12,9% всѣхъ однодворческихъ общинъ владѣютъ на душевомъ уравнильномъ правѣ; въ Корочапскомъ уѣздѣ около 13%. Процентъ этотъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ. Можно установить только, что чѣмъ община гуще населена, тѣмъ онъ больше; чѣмъ далѣе на югъ, т. е., гдѣ было больше замковъ многофамильныхъ, тамъ онъ выше. Главнымъ препятствіемъ для перехода служило и служитъ сознаніе невыгодъ перехода для нѣкоторыхъ семействъ, болѣе богатыхъ землей. Иногда, когда идея поравненія слишкомъ ужъ охватывала населеніе, упорствующиыхъ выдѣляли, такъ что нѣрѣдко въ душевыхъ общинахъ находятся одновочки, владѣющіе землей на прежнемъ правѣ. Время перехода на души трудно опредѣлить, а гдѣ оно и извѣстно, тамъ все же нельзя опредѣленно указать причинъ перехода. Въ Елецкомъ уѣздѣ данныя по этому вопросу можно свести въ слѣдующую таблицу.

I до 20 г. нын. стол.....	14,6%
II въ 20 » » »	8,3%
III » 30 » » »	8,3%
IV » 40 » » »	16,7%
V » 50 » » »	31,2%
VI » 60 » » »	20,8%

Такимъ образомъ больше всего переходъ замѣтенъ въ царствованіе Николая I, именно около 65% относится къ этому времени.

Рассматривая количество земли, % безхозяйныхъ и безлошадныхъ хозяевъ въ четвертныхъ и душевыхъ общинахъ, г. Благовѣщенскій приходитъ къ заключенію, что въ душевыхъ общинахъ дѣло обстоитъ лучше, чѣмъ въ четвертныхъ. Въ душевыхъ значительно меньше % безлошадныхъ и безхозяйныхъ. Но къ этому выводу надо относиться осторожно. Вообще сдѣлать выводъ окончательный очень трудно. Будемъ ждать дальнѣйшихъ работъ автора. Можетъ быть, тогда и можно будетъ придти къ какому-нибудь опредѣленному заключенію. Пожелаемъ во всякомъ случаѣ г. Благовѣщенскому въ слѣдующихъ его трудахъ отрѣшиться отъ слишкомъ рѣзкой народнической тенденціи, только мѣшающей ему разобраться въ матеріалѣ. Если это ему удастся, то его работа, въ другихъ отношеніяхъ весьма солидная, только выиграетъ въ достоинствѣ.

Г. Д—ій.

СОЦИОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Л. Штейнъ. «Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія». — *М. Ковалевскій.* «Экономическій строй Россіи».

Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Людвигъ Штейна, профессора философіи въ Бернскомъ университетѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. Книга Штейна представляетъ переработку для печати лекцій, читанныхъ въ теченіе цѣлаго ряда семестровъ въ Цюрихскомъ

университетѣ, Цюрихскомъ союзномъ политехникумѣ и Бернскомъ университетѣ. Такъ какъ слушатели Штейна принадлежать ко всѣмъ факультетамъ, то онъ старался избѣгать философскаго языка и поэтому книга его доступна обыкновенному читателю. Соціальные вопросы такъ глубоко волнуютъ современное общество, что нѣтъ надобности оправдывать появленіе труда, пытающагося безпристрастно ихъ изслѣдовать. Д. Штейнъ соціальныя вопросы понимаетъ очень широко. Сущность его «составляютъ формы и условія человѣческаго сожительства и человѣческаго сотрудничества», а задачей философскаго изслѣдованія этого вопроса онъ считаетъ разсмотрѣніе трехъ моментовъ: 1) происхожденіе человѣческой общей жизни, 2) историческое созиданіе общественныхъ организмовъ, сначала въ безсознательномъ ихъ развитіи, предопредѣляемомъ имманентной телеологіей естественныхъ явленій, а потомъ въ сознательномъ состояніи, при которомъ человѣческій духъ стремится не предоставлять человѣческую общую жизнь безсознательнымъ законамъ развитія, а реформировать ее сознательно и 3) теперешнее состояніе соціальной проблемы и средства ея рѣшенія.

Книга раздѣляется на три отдѣла. Въ первомъ, посвященномъ переходу отъ дообщественнаго состоянія къ общественному и безсознательно - естественному развитію общественныхъ функцій, отдѣльныя главы излагаютъ ученіе о происхожденіи и развитіи семьи, собственности, общества, государства, языка, права, религіи и другихъ общественныхъ функцій. Второй отдѣлъ — исторія и критика общественныхъ ученій — разсматриваетъ эти функціи въ историческо-умственномъ созиданіи. Третій заключаетъ систематическое изслѣдованіе проблемъ современной соціальной жизни.

Развитіе всѣхъ общественныхъ функцій Штейнъ объясняетъ методомъ, который онъ называетъ «психогенетическимъ». Всякое общественное регулированіе, всякая система общественныхъ нормъ есть болѣе или менѣе сознательное средство къ смягченію и предупрежденію предстоящей намъ борьбы за существованіе въ какой бы то ни было формѣ. Такъ, стремленіе къ наименьшей тратѣ силъ при столкновеніяхъ, вытекающихъ изъ борьбы за экономическую форму существованія, заставляетъ первобытнаго человѣка образовывать представленіе о собственности и создать систему соответствующихъ общественныхъ сдержекъ средствомъ къ смягченію или предупрежденію борьбы за половую форму существованія является созданіе представленія о бракѣ и правилъ, регулирующихъ эту сторону жизни. Религіозныя представленія явились результатомъ борьбы съ сверхчувственными, невидимыми силами, существованіе которыхъ пробуждавшемуся сознанію человѣка доказывалось различными грозными явленіями природы. Подобнымъ же образомъ Штейнъ объясняетъ происхожденіе и остальныхъ общественныхъ функцій.

Что касается соціального вопроса въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ этого выраженія, т. е. вопроса объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ, то здѣсь Д. Штейнъ, признавая, съ одной стороны, несостоятельнымъ капиталистическій индивидуализмъ, полное проведеніе принципа личной свободы, въ послѣдовательномъ его развитіи, потому что онъ благоприятствуетъ доходу безъ труда на счетъ умственной и физической работы, — съ другой стороны и противоположную доктрину, коммунизмъ, основанный на полномъ господствѣ принципа абсолютнаго равенства, считаетъ невозможнымъ вслѣдствіе неустранимаго естественнаго неравенства людей, и даже нежелательнымъ, вслѣдствіе неизбежнаго при коммунизмѣ подавленія личной свободы. Соціализмъ перекидываетъ мостъ между индивидуализмомъ и коммунизмомъ, являясь компромиссомъ личной свободы и равенства.

Свое собственное отношеніе къ соціальному вопросу Штейнъ характеризуетъ терминомъ «правовой соціализмъ», противопоставляя его «безбрежнымъ стремленіямъ все еще достаточно утопичной соціально-демократіи» (къ «утопіямъ» се-

ціалъ-демократіи отъ относитъ, между прочимъ, требованіе полного уничтоженія наемнаго труда). Задача ближайшаго будущаго заключается, по его мнѣнію, съ одной стороны, въ «соціализированіи» сознанія образованныхъ классовъ посредствомъ возбужденія возможно болѣе широкаго и интенсивнаго соціального движенія во всѣхъ сферахъ науки, искусства и изящной литературы, а съ другой— въ томъ, чтобы соціально-политическое законодательство озаботилось созданіемъ рабочей аристократіи, подобной той, какая создана англійскими тредъ-юніонами. «До сихъ поръ третье сословіе защищалось противъ четвертаго, а въ будущемъ четвертое сословіе должно составить плотину противъ пятаго (босаяцаго пролетаріата). Этого требуетъ естественный законъ шестующей медленно соціальной эволюціи. Будемъ поступать въ социологии гомеопатически, если хотимъ устранить революцію, замѣнивъ ее эволюціей».

Экономическій идеаль Штейна—широкое развитіе государственныхъ монополій на ряду съ сохраненіемъ частно-капиталистическихъ предпріятій. (Впрочемъ, такія монополіи онъ считаетъ возможными только въ странахъ съ такой высокой степенью развитія нравственности, что онъ могутъ выдвинуть изъ своей среды добросовѣстную и исполнительную бюрократію. Тѣ же государства, гдѣ развита и официально терпима система подкупа, конечно, не созрѣли для монополій. Такъ, табачная монополія, прекрасно дѣйствующая въ Австріи и во Франціи, является чистымъ бѣдствіемъ для народа въ Турціи или Италіи) Прежде всего, государство должно монополизировать всѣ производства, вредныя для здоровья: угольные копи, металлическіе рудники, нефтяные источники и вообще все горное дѣло. Этого, въ связи съ постепенной націонализацией земли, будетъ на первое время достаточно для устраненія наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій современной экономической дѣйствительности. Далѣе слѣдуетъ установленіе преимущественнаго права государства на эксплуатированіе новыхъ изобрѣтеній и монополизированіе транспортнаго и страховаго дѣла и силы воды.

Реформы законодательства объ отношеніяхъ труда и капитала должны исходить изъ признанія права на существованіе, дополняемаго правомъ на трудъ, которая отчасти уже признаются современными законодательствами, хотя въ очень неопредѣленной формѣ. Зачатками признанія минимума существованія слѣдуетъ считать принципъ освобожденія отъ налоговъ мелкихъ доходовъ и капиталовъ, ограниченія взысканій съ движимаго имущества и принципъ прогрессивности обложенія. Далѣе, государство XX-го вѣка несомнѣнно возьметъ на себя борьбу съ безработицей, попытки которой теперь дѣлаются рабочими союзами, частными лицами и обществами посредствомъ устройства посредническихъ рабочихъ конторъ и страхованія отъ безработицы. «Министерство труда» въ будущемъ вѣкѣ будетъ навѣрное важнѣйшимъ органомъ культурнаго государства. Какъ на одинъ изъ недостатковъ соціалъ-демократіи, Штейнъ указываетъ на пренебреженіе ею интересовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и умственныхъ работниковъ и настаиваетъ на признанія за обѣими этими категоріями работниковъ такого же права на покровительство закона, каковымъ будутъ пользоваться индустріальные рабочіе. Аграрный вопросъ онъ желаетъ разрѣшить тѣмъ, что фабрики будутъ работать только зимой, отпуская лѣтомъ рабочихъ на сельскохозяйственные работы. Что же касается интеллигентнаго пролетаріата, то онъ представляетъ задачу менѣе настоятельную, чѣмъ пролетаріатъ рабочій, но за то и болѣе глубокую, вслѣдствіе большаго развитія потребностей у умственныхъ работниковъ. Рѣшаетъ эту задачу Штейнъ опять-таки вмѣшательствомъ государства, которое должно занять интеллигенцію трудомъ въ области распорядженія организаціей промышленной дѣятельности и другими видами умственнаго труда. Параллельно праву на трудъ идетъ и обязанность трудиться. Должна исполняться новозавѣтная заповѣдь: «кто не работаетъ, пусть не ѣстъ». Осуществится это требованіе относительно обладателей не трудового дохода пу-

темъ уплаты соответствующаго ихъ способностямъ налога личнымъ трудомъ— подобно современной воинской повинности... Количество и качество труда должно быть регулируемо закономъ. Равный рабочий день для всѣхъ профессій Л. Штейнъ отвергаетъ, находя, что продолжительность труда должна быть обратно пропорциональна его напряженности. Одной изъ важнѣйшихъ задачъ будущаго государства Штейнъ считаетъ повышеніе образовательнаго уровня. Было бы анахронизмомъ сохраненіе привилегій образованія и умственной монополіи. Устраненіе наемнаго труда и право на полный продуктъ труда Штейнъ признаетъ неосуществимымъ при настоящемъ состояніи культуры, но суровость отношеній найма можетъ быть устранена перечисленными уже нами коррективами. Болѣе оригинальнымъ, хотя и не новымъ, является предложеніе установить на-ряду съ минимумомъ существованія еще и его максимумъ, т. е. максимумъ дохода, который можетъ получать гражданинъ будущаго государства отъ своего предпріятія. Осуществить этотъ проектъ возможно посредствомъ дальнѣйшаго развитія принципа прогрессивнаго обложенія. Существующія уже въ настоящее время въ различныхъ государствахъ попытки законодательства въ защиту рабочихъ, имѣя въ отдѣльности ничтожное практическое значеніе, являются важными симптомами, доказывающими все растущую тенденцію къ социализованію права. Остается открытымъ только вопросъ, совершится ли реформа сверху, или снизу.

Наряду съ социализованіемъ права необходимо социализованіе всей духовной среды, т. е. интересы трудящагося человѣчества должны быть приняты подъ свою защиту религіей, моралью, наукой, литературой, и реформа должна поддерживаться не только правовыми императивами, но и религіозными, моральными и т. п.

Въ заключительной главѣ авторъ, приведя радостное привѣтствіе Ульриха Гуттена наступающему вѣку гуманизма: «O seculum! O litterae! Juvat vivere... vigent studia, florent ingenia!» («О, время! О, наука! Жить теперь наслажденіе!.. Наука возрождается, умы расцвѣгаютъ») высказываетъ, съ своей стороны, бодрую увѣренность въ возможности устраненія современныхъ экономическихъ противорѣчій. Господствовавшій въ нашемъ вѣкѣ пессимизмъ, вызванный неудовлетворительностью существующаго общественнаго строя, долженъ въ недалекомъ будущемъ уступить мѣсто социальному оптимизму, сущность котораго заключается въ убѣжденіи, что «человѣчество, когда оно приобрѣтетъ на столько знанія, чтобы опредѣлить настоящую дорогу, будетъ въ состояніи избѣжать остановокъ и регресса, многихъ зигзаговъ и тупиковъ, въ которые оно заходило, не зная дороги, и при свѣтѣ общественной философіи—разсматривающей всѣ событія sub aeternitatis specie—оно твердымъ и увѣреннымъ шагомъ пойдетъ къ своей конечной дѣли, къ своему счастью при посредствѣ сознательнаго и планоустроеннаго высшаго развитія типа человѣка».

Большая часть книги занята изложеніемъ исторіи и критикой общественныхъ идей, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Въ русской литературѣ эта исторія такъ мало извѣстна, что этотъ отдѣлъ книги Штейна является крупнымъ и полезнымъ вкладомъ. Со многими взглядами автора нельзя согласиться, нѣкоторыя его критическія замѣчанія очень легко вѣсны—напр., по поводу теоріи цѣнности Маркса—но все-таки книга Штейна вполне заслуживаетъ вниманія. Не часто появляются книги, столь богатая содержаніемъ и такъ заставляющія задуматься надъ важнѣйшими вопросами современности. Переводъ въ общемъ хорошъ. Только напрасно переводчикъ буржуазію называетъ бюргерствомъ. Французскій терминъ у насъ въ литературѣ получилъ полное право гражданства и вполне умѣстенъ даже и въ переводахъ съ нѣмецкаго. Иногда встрѣчаются такіе неудачные обороты: «Иститутъ частной собственности—несомнѣнно дѣйствующій, какъ поддерживающій культуру...» или «Эдуардъ Гартманъ обладаетъ достойнымъ уваженія, потому что почти един-

ственнымъ въ своемъ родѣ, мужествомъ», но эти дефекты немногочисленны и не мѣшаютъ пользоваться книгой.

Г. Мизгинъ.

«Экономическій строй Россіи». Максима Ковалевскаго. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900 г. Свою попытку изучить устои нашего національно-экономическаго существованія знаменитый социологъ начинаетъ съ изученія земледѣлія и распредѣленія поземельной собственности. Затѣмъ, переходитъ къ разсмотрѣнію успѣховъ нашей промышленности и положенія рабочаго класса. Заканчивается книга обзоромъ переселенческаго движенія.

Настоящій моментъ авторъ считаетъ особенно удобнымъ для своего изслѣдованія, потому что перепись населенія дала новый матеріалъ, и въ то же время вводятся весьма важныя реформы въ нашей финансовой и денежной системѣ (винная монополія и золотое обращеніе). Намъ кажется, что еще удобнѣе былъ бы моментъ, когда работы по переписи будутъ закончены, но этого, повидимому, придется ждать еще очень долго... Что касается винной монополіи, то авторъ слишкомъ оптимистически смотритъ на нее. Если ея фискальный успѣхъ и несомнѣненъ (впрочемъ, надежнымъ онъ будетъ, по справедливому мнѣнію автора, только въ томъ случаѣ, если будетъ упрочено матеріальное положеніе массы потребителей), то съ точки зрѣнія нравственнаго оздоровленія народа полученные результаты пока еще сомнительны. М. Ковалевскій только вскользь упоминаетъ о такихъ явленіяхъ, какъ развитіе уличнаго пьянства, появленіе особыхъ заведеній, въ которыхъ можно распить купленную въ винной лавкѣ водку и т. д. «Климатическія условія», которыя, по мнѣнію М. Ковалевскаго, «неблагопріятствуютъ продолжительнымъ послѣбодненнымъ отдохновеніямъ на открытомъ воздухѣ», не представляютъ уличному пьянству серьезныхъ препятствій: наблюдатель легко можетъ замѣтить, какъ мало нужно времени русскому потребителю для того, чтобы купить сосудъ, опорожнить его и возвратитъ въ лавку. Если въ Шведіи гѣтеборгская система имѣла блестящій успѣхъ, то это обуславливается не только достоинствами самой системы, но и высокимъ уровнемъ культурнаго развитія шведовъ, которымъ, конечно, и въ голову не придетъ, что вино можно пить на улицѣ. Да кромѣ того, шведы имѣютъ и кромѣ кабака мѣсто для отдохновенія, тогда какъ наши чайныя, которыя должны были замѣнить кабаки въ роли деревенскаго клуба, не могутъ имѣть большого распространенія, пока чай и сахар будутъ обложены такими высокими налогами, что для массы населенія являются предметомъ роскоши. Идиллическая картинка, рисуемая на 17—18 стр., по министерскимъ отчетамъ, къ сожалѣнію, далека отъ истины.

Въ главѣ о земледѣліи авторъ констатируетъ упадокъ русскаго сельскаго хозяйства и приходитъ къ заключенію, что причина его заключается не только въ земледѣльческомъ кризисѣ, переживаемомъ всей Европой благодаря конкуренціи за-океанскихъ странъ, но и въ недостаткахъ всего нашего экономическаго строя, именно въ стремленіи искусственнымъ образомъ поддержать нашу фабрично-заводскую промышленность въ ущербъ сельскому хозяйству. Въ слѣдующей главѣ разсматривается распредѣленіе поземельной собственности въ Россіи и перемѣны, въ немъ происходящія послѣ крестьянской реформы. Отдѣльная глава посвящена общинѣ. Авторъ признаетъ жизнеспособность общины, т. е. способность ея перейти къ болѣе интенсивной культурѣ и удовлетворить потребностямъ не только мѣстнаго, но и международнаго рынка, но въ настоящемъ ея видѣ она не способна долго противостоять разрушительному вліянію быстрого роста населенія. Лучшимъ средствомъ обезпечить общинѣ продолжительное существованіе является покровительство переселенію и сдача въ долгосрочную или наследственную аренду крестьянамъ казенныхъ земель, а также земель, заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ, которыя останутся за казной. Вопросъ о томъ, къ чему поведетъ сохраненіе крестьянскаго общиннаго землевладѣнія въ его настоящей

формѣ, онъ оставляетъ открытымъ, такъ какъ, «чтобы высказаться съ знаніемъ дѣла относительно истиннаго значенія общины и о будущей ея судьбѣ, необходимо точнѣе проанализировать различныя точки зрѣнія на современную русскую земельную общину и, кромѣ того, изучить судьбу подобныхъ же учреждений въ Индіи, а также въ западной Европѣ въ средніе вѣка». Фабричная промышленность, развитіе которой изучается въ слѣдующей главѣ, появилась благодаря искусственнымъ покровительственнымъ мѣрамъ, теперь же она пустила крѣпкіе корни, что доказывается перемѣщеніемъ ея изъ мѣстъ первоначальнаго возникновенія (гдѣ появленіе фабрикъ обыкновенно было случайнымъ) въ мѣстности, богатыя сырымъ матеріаломъ и топливомъ. Здѣсь она находится въ лучшихъ условіяхъ и можетъ конкурировать съ иностранной промышленностью. Кромѣ того, доказательствомъ прочнаго положенія фабричной промышленности служитъ судьба кустарей. Кустарное производство, въ первой половинѣ нашего вѣка занимавшее первое мѣсто, теперь все болѣе и болѣе отодвигается на второй планъ. Однако, обѣдѣніе народной массы, созданное отчасти естественными причинами, отчасти искусственными мѣрами, въ особенности покровительственной системой, заставляетъ опасаться въ недалекомъ будущемъ одного изъ тѣхъ кризисовъ, отъ которыхъ съ трудомъ можетъ оправиться такая молодая промышленность, какъ наша; кризисъ этотъ будетъ тѣмъ острѣе, что Россія, въ противоположность промышленнымъ странамъ западной Европы, должна рассчитывать, главнымъ образомъ, на внутренній рынокъ.

Менѣе всего насъ удовлетворили страницы книги, посвященныя рабочему законодательству. Прежде всего, здѣсь совершенно отсутствуетъ изученіе причинъ, вызвавшихъ появленіе и развитіе этого законодательства. Авторъ говоритъ объ этомъ только, что «правительство не могло навсегда оставаться равнодушнымъ зрителемъ безграничной эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Особенное вниманіе обратило оно на это послѣ того, какъ санитарные врачи стали доказывать, что средняя продолжительность жизни русскаго рабочаго короче жизни другихъ классовъ общества», а между тѣмъ наукою уже установлено, что у насъ, какъ и на Западѣ, въ этомъ отношеніи сыграли важную роль и инныя причины. Далѣе, не отмѣченъ извѣстный любопытный фактъ, что послѣ отставки министра финансовъ Бунге наше законодательство въ защиту рабочихъ сдѣлало крупный шагъ назадъ. Такъ, законъ 24 апрѣля 1890 г. менѣе благоприятенъ малолѣтнимъ рабочимъ и женщинамъ, тѣмъ законъ 1882 и 1885 г.: онъ разрѣшилъ въ предпріятіяхъ, въ которыхъ введена непрерывная 18-часовая работа съ двумя смѣнами, 9 часовую работу малолѣтнихъ наравнѣ со взрослыми (по закону 1882 г., малолѣтніе не могли работать долѣе 8 час.); «ночнымъ временемъ», вирожденіи котораго воспрещается работа малолѣтнихъ, считается для этихъ заведеній время отъ 10 час. вечера до 4 час. утра (по закону 1882 г., отъ 9 час. вечера до 5 часовъ утра); по усмотрѣнію администраціи, разрѣшено допускать работу малолѣтнихъ и женщинъ въ воскресные и праздничные дни. Закономъ 8 іюня 1893 г. измѣненъ, къ невыгодѣ для рабочихъ, законъ 3 іюня 1886 г. относительно условій найма на работы. Законъ 2 іюня 1897 г., нормирующий продолжительность рабочаго дня, уже въ самомъ себѣ заключалъ многое, что могло помѣшать его практическому значенію: въ немъ не содержится постановленій, угрожающихъ наказаніемъ за его нарушеніе; норма рабочаго дня—11¹/₂ час.—слишкомъ велика; допущены сверхурочныя работы (сначала продолжительность ихъ была ограничена 120 час. въ годъ, но потомъ это ограниченіе отмѣнено, и циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г. совершенно устраняетъ нормировку сверхурочныхъ работъ). Наконецъ, совершенно не затронуть вопросъ о дѣятельности нашего рабочаго законодательства и объ организаціи фабричной инспекціи.

Попытка популярнаго обзора нашей экономической организаціи въ интерес-

ный моментъ возникновенія капиталистическаго строя заслуживаетъ вниманія читателей, хотя и нельзя согласиться безусловно со всѣми положеніями автора. Переводъ читается легко. Жаль только, что переводчикъ не выпустилъ нѣкоторыхъ мѣстъ, имѣющихъ интересъ только для французскихъ читателей. Г. Миллинъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Паульсенъ. «Введеніе въ философію». — Витмеръ. «Вѣрить или не вѣрить?»

Паульсенъ. «Введеніе въ философію». (Второе изд. 1899 г.). Изд. Моск. Псих. Общ. Нѣтъ ничего болѣе труднаго, чѣмъ изученіе философіи, въ особенности для русскаго читателя, при крайней бѣдности у насъ общедоступной философской литературы. Вслѣдствіе этого появленіе на русскомъ языкѣ сочиненій, играющихъ роль «введенія въ философію», нужно признать весьма желательнымъ. Для ознакомленія съ тѣмъ, что такое философія, въ особенности полезной является книга Паульсена. Что она, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ потребности современной публики, показываетъ то обстоятельство, что даже въ такой странѣ, какъ Германія, гдѣ философская литература очень богата, эта книга въ сравнительно короткое время (съ 1892 г.) выдержала шесть изданій и теперь на русскомъ языкѣ появляется вторымъ изданіемъ.

Хотя самъ Паульсенъ и заявляетъ, что его книга не имѣетъ никакихъ притязаній представить изъ себя отдѣльную философскую систему, однако она не есть просто какая-нибудь энциклопедія, посвященная пересказу различныхъ философскихъ направленій; въ ней въ дѣйствительности содержится вполне опредѣленная философская система. Всѣ другія философскія направленія излагаются для того, чтобы освѣтить и сдѣлать убѣдительною систему самого автора.

Его систему можно было бы назвать *идеалистическимъ монизмомъ*. Весьма характернымъ для нея является то, что «она стремится сдѣлать религиозное міросозерцаніе и научное объясненіе природы совмѣстимыми другъ съ другомъ».

Философія, по мнѣнію Паульсена, по своему *методу* и предмету не отличается отъ другихъ наукъ, какъ это думали нѣкоторые. Философію нельзя отдѣлять отъ специальныхъ наукъ. Она есть не что иное, какъ совокупность, *синтезъ всего научнаго познанія*. Всѣ науки суть не что иное, какъ члены единой системы, единой *universitas scientiarum*, предметомъ которой служитъ вся совокупная дѣйствительность. Эта никогда не завершаемая система и есть философія. Всякая отдѣльная наука представляетъ одну опредѣленную вырѣзку дѣйствительности. Напр., естествознаніе въ широкомъ смыслѣ слова имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительность, поскольку она представляетъ изъ себя нѣчто тѣлесное, психологія разсматриваетъ дѣйствительность съ другой стороны, именно поскольку она существуетъ въ сознаніи; философія же, охватывая эти познанія во едино, имѣетъ цѣлью дать отвѣтъ на вопросъ, что представляютъ изъ себя дѣйствительность вообще. Легко видѣть, что Паульсенъ существенно отличается отъ тѣхъ философовъ, какъ Гегель, Фихте и др., которые думали, что философія пользуется методомъ, совершенно отличнымъ отъ научныхъ методовъ. Его опредѣленіе философіи напоминаетъ опредѣленіе позитивистовъ: Огюста Конта и Герберта Спенсера.

Всѣ философскія проблемы дѣлятся на двѣ большія группы: на онтологическую и космологическую. Онтологическая проблема имѣетъ цѣлью опредѣлить, въ чемъ состоитъ природа дѣйствительнаго, какъ такового, что лежитъ въ основѣ дѣйствительности. Космологическая проблема стремится дать отвѣтъ на вопросъ, какъ мы должны представлять себѣ взаимную связь основныхъ элементовъ дѣйствительности.

*

На первый вопрос отвѣчаютъ три теоріи: матеріализмъ, спиритуализмъ и монизмъ (психофизическій параллелизмъ).

Паульсенъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ матеріализмъ. По его мнѣнію, матеріализмъ нельзя признать ни подѣ какой формулой. Нельзя сказать, что мысль есть движеніе вещества, нельзя сказать, что мысль есть продуктъ движенія матеріальныхъ частицъ. Впрочемъ, говоря о матеріализмѣ, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что теоретическій матеріализмъ не влечетъ за собою опасныхъ этическихъ послѣдствій, какъ это обыкновенно принято думать.

Самъ онъ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія психофизическаго параллелизма, по которому психическія явленія существуютъ рядомъ съ физическими, одни изъ нихъ не служатъ *причиной* другихъ. Они дѣйствуютъ совмѣстно, не вмѣшиваясь одно въ другое.

Пытаясь сдѣлать выводы изъ этого ученія, онъ приходитъ къ признанію всеобщаго одушевленія. По его мнѣнію, мы должны считать одушевленнымъ не только животный міръ, но также и міръ растительный, потому что съ біологической точки зрѣнія мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы признать глубокое различіе между міромъ растительнымъ и міромъ животнымъ, а если мы этого различія не находимъ съ точки зрѣнія біологической, то также нѣтъ основанія для признанія между ними различія въ одушевленности. Такъ какъ, далѣе, мы имѣемъ всѣ основанія признавать непрерывность между міромъ неорганическимъ и органическимъ, то мы должны также признать, что между ними нѣтъ различія и въ отношеніи ихъ воодушевленности. Нужно признать неорганический міръ воодушевленнымъ. Нужно признать, что каждый матеріальный атомъ является носителемъ духовной жизни. Міръ матеріальный является только одной стороною дѣйствительности, другою стороною которой является духовное. Существенная сторона всей дѣйствительности есть духовное, а физическое есть только внѣшняя сторона того внутренняго или духовнаго. Съ этой точки зрѣнія легко понять, какъ Паульсенъ долженъ быть придти къ признанію міровой души.

Что касается спиритуализма, то Паульсенъ находитъ въ немъ слѣдующій недостатокъ. Какъ извѣстно, это ученіе признаетъ существованіе особой духовной субстанціи позади психическихъ явленій. Паульсенъ находитъ, что мы не имѣемъ никакихъ основаній для признанія такой субстанціи. Этимъ онъ вовсе не хочетъ сказать, что души нѣтъ. Онъ признаетъ душу, но только она для него есть совокупность духовныхъ состояній, соединенныхъ въ одно единство совершенно особымъ образомъ. «Духовной субстанціи позади этихъ состояній нѣтъ».

При рѣшеніи космологической проблемы онъ приходитъ къ тому выводу, что «дѣйствительность представляетъ изъ себя единую, расчлененную, управляемую всеобщими законами систему, космосъ». Но какъ истолковать этотъ фактъ, какъ промолчать то, что міръ не является хаотическою множественностью абсолютно безразличныхъ по отношенію другъ къ другу элементовъ? Изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ онъ отвергаетъ, прежде всего, *атомизмъ*. Если бы признать, что атомы представляютъ послѣдніе элементы дѣйствительности, то нельзя было бы понять единства міровой жизни. По его мнѣнію, фактъ всеобщаго взаимодействія приводитъ къ мысли о единствѣ дѣйствительности, существуетъ только одно единое существо съ одной единой согласующейся въ себѣ дѣятельностью, отдѣльныя вещи составляютъ только моменты его сущности: ихъ дѣятельности, опредѣляемыя взаимодействіемъ, составляютъ въ дѣйствительности вырѣзки изъ единаго самодвиженія субстанціи.

Въ вопросѣ о цѣлесообразности онъ является противникомъ телеологій въ прежнемъ смыслѣ слова. «Всѣ доказательства, желающія принудить разумокъ признать въ міровомъ порядкѣ дѣйствіе духа, дѣйствующаго по понятнымъ

намъ намѣреніямъ, остаются безконечно далеко позади научнаго доказательства». Но отсюда не слѣдуетъ думать, что онъ отрицаетъ цѣлесообразность вообще. Она является у него подъ видомъ цѣлестремительности (*Zielstrebigkeit*). Это такое понятіе, которое не только признаетъ причинное объясненіе механическаго мировоззрѣнія, но даже необходимо его предполагаетъ.

Въ главѣ «о знаніи и вѣрѣ» Паульсенъ доказываетъ, что философское мировоззрѣніе должно удовлетворять не только извѣстнымъ логическимъ требованіямъ, но и требованіямъ сердца. Здѣсь онъ требуетъ, чтобы вѣра занимала мѣсто равноправное съ знаніемъ. Онъ старается доказать, что вѣра и знаніе не находятся другъ съ другомъ въ противорѣчьи, потому что одно и другое удовлетворяютъ различнымъ функціямъ нашего духа; вѣра и знаніе не противорѣчатъ другъ другу, но дополняютъ другъ друга.

Затѣмъ, въ его книгѣ слѣдуетъ изложеніе основныхъ чертъ «теоріи познанія». Это, можно сказать, единственное систематическое изложеніе этого вопроса на русскомъ языкѣ. Книга оканчивается краткимъ обзоромъ этическихъ направленій, дающимъ понятіе о сущности ихъ.

Намъ кажется, что въ настоящее время книга Паульсена должна привлечь вниманіе всякаго интересующагося философскими вопросами. Русскій читатель найдетъ въ ней множество мыслей, совершенно противорѣчащихъ общепринятымъ. Съ ними можно не соглашаться, но ознакомиться съ ними слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что привлекательное, доступное изложеніе Паульсена освобождаетъ отъ очень многихъ трудностей, съ которыми часто бываетъ связано чтеніе сочиненій, имѣющихъ предметомъ философскіе вопросы. Переводъ книги сдѣланъ образцово и хорошо.

Г. Челпановъ.

Битнеръ «Вѣрить или не вѣрить?» Эскурсія въ область таинственнаго. Спб. 1899 г. Задачу своей книги самъ авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Выпуская въ свѣтъ книгу съ подобнымъ содержаніемъ, нужно быть приготовленнымъ, что она удовлетворитъ немногихъ и вызоветъ самую суровую оцѣнку. Гг. спириты будутъ недовольны, что я не признаю ихъ духовъ, а представители «точного знанія», пожалуй, упрекнутъ меня въ легковѣрїи. Но чему же, собственно, вѣрить или не вѣрить? Поясняя это заглавіе,—говоритъ авторъ,—мы вѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ и цѣль настоящей работы, которая сводится къ рѣшенію вопроса: существуютъ ли такіа явленія въ области челоувѣческой психофизики, которыя выходили бы за предѣлы дѣятельности извѣстныхъ намъ силъ».

Содержаніе книги автора чрезвычайно разнообразно. Здѣсь говорится о «предчувствіи», о «пророческихъ снахъ», о «телепатіи», «телефаніи», о «пророческихъ видѣніяхъ» и спиритическихъ опытахъ и тому подобныхъ таинственныхъ явленіяхъ. Авторъ хочетъ показать, что всѣ эти вопросы, которые вообще принято считать ненаучными, заслуживаютъ того, чтобы сдѣлаться предметомъ научнаго изслѣдованія; онъ выражаетъ надежду, что рано или поздно эти вопросы будутъ научно разрѣшены и что въ это именно слѣдуетъ вѣрить.

Авторъ, очевидно, хочетъ заинтересовать и обыкновеннаго читателя этими вопросами и заставить и его вѣрить, что эти вопросы могутъ быть разрѣшены научнымъ путемъ. Но такъ какъ въ той области таинственнаго, которая является предметомъ изложенія автора, нѣтъ никакихъ *фактовъ*, строго научно обставленныхъ, то, разумѣется, вопросъ о томъ, вѣрить или не вѣрить въ возможность научнаго объясненія этихъ явленій откладывается на неопредѣленное будущее, когда такіе факты будутъ налицо.

По мнѣнію автора, эти вопросы важны и потому, что до извѣстной степени способствуетъ разрѣшенію основныхъ вопросовъ мировоззрѣнія. «Цѣль настоящей жизни,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ,—показать, что существуютъ явленія, которыя не только ждутъ объясненія, но готовы, новизинному,

произвести коренной переворотъ въ нашихъ научныхъ воззрѣніяхъ. Быть можетъ, недалеко то время, когда многіе вопросы человѣческаго духа, считаемыя нынѣ неразрѣшимыми, получатъ новое освѣщеніе и потеряютъ свою загадочность». Въ этихъ неясныхъ выраженіяхъ авторъ, очевидно, хочетъ сказать, что если эти явленія будутъ должнымъ образомъ изслѣдованы, то для насъ станетъ яснымъ вопросъ о томъ, какое ученіе правильнѣе, матеріализмъ или спиритуализмъ и т. п. Мы совершенно не раздѣляемъ надеждъ автора. Какъ бы мы ни объясняли спиритическія явленія, они всегда одному будутъ служить для доказательства спиритуализма, другому — для доказательства матеріализма. Очевидно, что вопросъ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ разрѣшается соображеніями, которыя почерпаются изъ совершенно другого источника.

Авторъ, исходя изъ признанія важности изслѣдованія спиритическихъ и т. п. опытовъ для міросозерцанія, нашелъ нужнымъ присоединить одну главу, въ которой онъ высказываетъ свое философское сгедо по вопросу объ отношеніи души къ тѣлу. Но здѣсь онъ обнаруживаетъ совершенную неподготовленность къ обсужденію подобныхъ вопросовъ. Видно незнакомство автора даже съ элементарными сочиненіями по этому вопросу.

Авторъ открыто признается въ своей принадлежности къ матеріализму. И дѣйствительно авторъ—матеріалистъ ходячаго типа. Онъ, напр., никакъ не можетъ повѣтъ факта непротяженности мысли. Онъ думаетъ, что психическіе процессы проходятъ по нервнымъ вѣтямъ (стр. 383). Это самое дѣлѣ основная мысль ходячаго матеріализма.

Авторъ въ указанной главѣ ставитъ вопросъ «Матеріализмъ или спиритуализмъ»? Но самая эта постановка вопроса показываетъ, что авторъ совершенно не знаетъ, что въ наше время можно не быть ни спиритуалистомъ, ни матеріалистомъ, потому что въ наше время большимъ распространеніемъ пользуется такъ называемый психофизическій параллелизмъ, который не есть ни матеріализмъ, ни спиритуализмъ. Напр., Г. Спенсеръ, Бэнъ, Рибо, Тэнъ, Вундтъ, Паульсенъ, Гефдингъ и очень многіе др. ни спиритуалисты, ни матеріалисты. Г. Битнеръ утверждаетъ, что Геккель матеріалистъ, очевидно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ таковымъ является самъ г. Битнеръ. Но намъ кажется, что Битнеръ ошибается, потому что въ томъ самомъ сочиненіи, которое г. Битнеръ цитируетъ («Der Monismus», 1893, стр. 26—7), Геккель прямо говоритъ, что его ученіе такъ же можно назвать матеріализмомъ, какъ и спиритуализмомъ. Отчего же г. Битнеръ считаетъ его матеріалистомъ? Очевидно, тутъ встаетъ какое-то недоразумѣніе.

У автора такъ мало пониманія относительно того, что такое матеріализмъ, что онъ во чтобы то ни стало хочетъ сдѣлать Льюиса матеріалистомъ, что, конечно, весьма трудно въ виду того, что въ той самой главѣ, которую авторъ цитируетъ, Льюисъ какъ разъ опровергаетъ матеріализмъ.

Монистическую формулу Льюиса: («нервный процессъ и чувствованіе составляютъ двѣ стороны одного и того же явленія. Съ физической или объективной стороны это нервный процессъ, а съ психической или субъективной—процессъ чувствованія») онъ признаетъ своей и утверждаетъ, что матеріалистъ можетъ подъ ней подписаться. Конечно, матеріалистъ, не знающій, что такое матеріализмъ, можетъ и не подъ такой формулой подписаться. Онъ приводитъ еще одно мѣсто изъ Льюиса, которое, по его мнѣнію, самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ, что Льюисъ матеріалистъ. «Моя мысль,—говоритъ Льюисъ,—заключается въ томъ, что какова бы ни была переменна внѣ области чувствованія, въ сферѣ послѣдняго она не болѣе, какъ *чувствуемое* движеніе». Г. Битнеръ этой фразы, очевидно, не понимаетъ. Эта фраза какъ разъ именно показываетъ, что Льюисъ противникъ матеріализма. Г. Битнеръ искалъ у Льюиса формулы: *мысль есть движеніе* и нашелъ антиматеріалистическую формулу, что

движеніе есть чувствованіе, и, смѣшивая одно съ другимъ, предполагаетъ, что онъ отыскалъ то, что доказываетъ принадлежность Льюиса къ матеріализму. Затѣмъ, намъ кажется страннымъ приемъ автора для доказательства того положенія, что Льюисъ матеріалистъ. Желая доказать, что Льюисъ матеріалистъ, онъ ищетъ у него формулы, что мысль есть функція мозга, — исходя изъ предположенія, что всякій, кто эту формулу произноситъ, тотъ уже непремѣнно матеріалистъ. Онъ, очевидно, не знаетъ того, что эту формулу можетъ употребить даже спиритуалистъ. И дѣйствительно, онъ находитъ у Льюиса эту формулу, но приводитъ не всю фразу Льюиса цѣликомъ, ибо у Льюиса сказано: «нужно принять, что умъ, сознаніе, ощущеніе представляютъ функцію организма какъ въ математическомъ, такъ и въ біологическомъ смыслѣ слова. *Это положеніе можетъ быть признано даже спиритуалистомъ*, насколько онъ смотритъ на организмъ, какъ на дѣятеля». Если бы онъ привелъ всю фразу цѣликомъ, то его доказательство, что Льюисъ матеріалистъ, потеряло бы всякое значеніе. Но затѣмъ г. Битнеръ нашелъ нужнымъ скрыть отъ читателей эту формулу?

Предметомъ гордости автора является то, что онъ, рассуждая о матеріализмѣ, является знаткомъ строенія мозга, и даже въ удостовѣреніе того, что онъ дѣйствительный знатокъ этого, онъ приводитъ имена 15 авторовъ, которые разработывали анатомію мозга. Но намъ казалось бы, что если эти имена приводятся для такого удостовѣренія, то нужно было бы приводить ихъ правильно, а то знающій читатель можетъ подумать, что г. Битнеръ только и знаетъ этихъ авторовъ по наслышкѣ, а не ихъ произведенія. Г. Битнеръ Леношека называетъ «Ленхосекомъ», Рикардта—«Рикгардомъ»; наконецъ, двухъ ученыхъ (итальянскаго) Гольджи и (нѣмецкаго) Флексига соединяетъ въ одно «Флексигъ-Гольджи».

Незнаніе того, что такое матеріализмъ, приводитъ г. Битнера къ удивительнымъ противорѣчіямъ. Онъ одинъ разъ утверждаетъ, что признаетъ «внутренній опытъ», другой разъ онъ заявляетъ, что психическіе процессы протяженны. Принимаясь рассуждать о матеріализмѣ, онъ самымъ очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ непониманіе разницы между анатоміей и физиологіей: вѣдь назвать, напр., *анатома Гиса психифизиологомъ*—значить или не понимать разницы между анатоміей и физиологіей, или злоупотреблять терминами. Очевидно, что г. Битнеръ забылъ свой собственный эциграфъ, въ которомъ онъ въ вопросахъ науки предлагаетъ не полагаться только на здравый разумъ. Если бы самъ г. Битнеръ воспользовался этимъ правиломъ, то онъ можетъ быть о матеріализмѣ судилъ бы иначе.

Г. Челпановъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Гёсли-Розенталь. «Основы физиологіи».—А. Гётте. «Зоологія».—А. Гоше. «Руководство къ плодоводству».

Серія учебниковъ по біологіи. Гёсли-Розенталь. «Основы физиологіи». Съ 118 р. Ц. 2 р. 1899 г. Гёсли. «Ракъ». Введеніе въ изученіе зоологіи. Съ 82 рис. Ц. 1 р. 50. 1900. Извѣстная московская фирма М. и С. Сабашниковыхъ предприняла въ прошломъ году капитальное изданіе серіи учебниковъ по біологіи, подъ общей редакціей приватъ-доцента Московскаго университета В. Н. Львова. Судя по вышедшимъ тремъ книгамъ и по объявленному проспекту, серія будетъ состоять изъ переводныхъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ и будетъ представлять полный и связный курсъ по біологіи.

Разсматриваемыя два сочиненія извѣстнаго англійскаго ученаго Т. Г. Гёксли написаны 20 и 30 лѣтъ тому назадъ, но до сихъ поръ не потеряли своего значенія въ виду талантности и простоты въ изложеніи трудныхъ вопросовъ біологіи. Само собою разумѣется, что при быстрыхъ успѣхахъ естествознанія, эти сочиненія сильно устарѣли и нуждаются въ значительныхъ дополненіяхъ. Относительно первой книги («Основы физиологіи») это до нѣкоторой степени выполнено, такъ какъ переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія, дополненаго извѣстнымъ физиологомъ Розенталемъ, имя котораго и поставлено поэтому русскими издателями рядомъ съ авторомъ. Второе же произведеніе Гёксли («Ракъ») переведено безъ всякихъ дополненій и примѣчаній. Поэтому во многихъ мѣстахъ не приведены новѣйшія изслѣдованія, измѣняющія или дополняющія старыя, какъ, напр., изслѣдованія по вопросу о строеніи и физиологической роли печени, географическомъ распространеніи рѣчного рака въ Сибири и Туркестанѣ и т. п. Въ указателѣ литературы также не сдѣлано никакихъ дополненій и совсѣмъ не приведено сочиненій, вышедшихъ позже 70-хъ годовъ.

Вышняя сторона изданій вполне удовлетворена, хотя въ «Ракѣ» нѣкоторые рисунки (напр., р. 12) вышли неясно; цѣны назначены невысокія.

И. Ингеницкій.

А. Гетте. «Зоологія». Наука о животныхъ. Народная бібліотека В. Н. Марануева. Изд. 2-е. Ц. 50 к. 1899. Разсматриваемая книга извѣстнаго страсбургскаго профессора совершенно не подходитъ къ извѣстному типу учебниковъ и популярныхъ сочиненій по зоологіи: здѣсь нѣтъ почти систематики первыи и очень мало говорится о нравахъ животныхъ, что составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе вторыхъ. Авторъ задался цѣлью дать краткое сравнительно-анатомическое обзорнѣе животнаго царства, взявъ въ основу организацію человѣческаго тѣла и человѣческую психику.

Картина получается, такимъ образомъ, стройная, хотя и неравномѣрно изображенная: въ то время какъ позвоночныя разсмотрѣны довольно подробно, остальные типы очерчены недостаточно. Особенно это нужно сказать относительно червей, изъ которыхъ не упомянуты даже такіе важные паразиты, какъ человѣческіе глисты.

Изложеніе простое и ясное, но все-таки для народнаго чтенія эта книга мало пригодна по строго-научному характеру и серьезности предмета; много также неизбѣжныхъ терминовъ и названій, а рисунковъ—очень притомъ схематичныхъ—сравнительно мало.

И. И.

Руководство къ плодоводству для практиковъ по Гоше. Второе русское изданіе, вновь обработанное и значительно дополненное, подъ общую редакціей проф. А. Ф. Рудзскаго. Съ 800 пол. Вып. I. 1899 г. Первое изданіе этой книги такъ быстро разошлось, что стало теперь бібліографическою рѣдкостью, поэтому нельзя не привѣтствовать предпріяятаго Девріеномъ второго изданія въ переработанномъ и дополненномъ видѣ. Судя по вышедшему первому выпуску, дополненія эти весьма значительны и касаются главнымъ образомъ Россіи. Нѣмецкій садоводъ Гоше извѣстенъ, какъ замѣчательный практикъ, и руководство его преслѣдуетъ практическія цѣли, давая подробныя указанія относительно наиболѣе успѣшной и выгодной культуры фруктовыхъ деревьевъ.

Обстоятельное и подробное описаніе всѣхъ пріемовъ садоводства, иллюстрированное массою прекрасныхъ рисунковъ, дѣлаетъ книгу весьма цѣнною и необходимую для всякаго садовода.

И. И.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ.

А. Бернштейнъ. «Очерки по мировѣдѣнію». Переводъ съ нѣмецкаго М. К. Ф. Для подготовленныхъ читателей (съ рисунками). Изданіе О. Н. Поповой. Кн. 36. Спб. 1899 г. Цѣна? Стр. 40. Книга, изданная г-жею Поповой, представляетъ собою переводъ сочиненія А. Бернштейна изъ серіи, носящей названіе: «Естественно-научныя народныя книги». Въ «Очерки по мировѣдѣнію» вошла лишь очень незначительная часть сочиненія Бернштейна — нѣсколько болѣе половины перваго выпуска; всѣхъ же выпусковъ 42.

Содержаніе «Очерковъ по мировѣдѣнію» слѣдующее: I. Цѣль естествоиспытанія, которая по словамъ автора «состоитъ въ достиженіи возможно болѣе простаго взгляда на всѣ предметы и явленія и приведеніи ихъ къ одному источнику». До извѣстной степени цѣль эта уже достигнута, такъ какъ «всѣ явленія природы объясняются движеніемъ и движеніе же служитъ причиной всѣхъ явленій». Важнѣйшія силы природы—свѣтъ, звукъ, теплота, электричество и притяженіе земли—всѣ объясняются волнообразнымъ движеніемъ частицъ. Глава II и посвящена объясненію того, что такое волнообразное движеніе, а также описанію главнѣйшихъ силъ природы, какъ-то: звукъ, свѣтъ, тепловые и химическіе лучи, электричество, всемірное тяготѣніе и притяженіе, наконецъ, законъ сохраненія энергіи. Глава III посвящена разъясненію понятія о жизни въ природѣ. По словамъ автора, «въ мірѣ существуетъ только одна основная матерія, а разнообразіе проявленій этой матеріи зависитъ отъ различныхъ ея состояній и условій». Нѣтъ рѣзкой границы между тѣлами живыми и предметами не живыми, всѣ они только различныя звенья одной безконечной цѣпи. Развѣтіе жизни шло отъ простаго къ сложному: «первыми обитателями земли были простѣйшіе организмы, затѣмъ нарождались все болѣе и болѣе сложныя» и т. д. Глава IV трактуетъ о скорости силъ природы и скорости электрической силы. Глава V и послѣдняя содержитъ въ себѣ сообщеніе о тяжести земли (какъ тяжела земля), о попыткѣ взвѣсить землю и о томъ, какъ узнали вѣсъ земли.

Изъ краткаго пересказа содержанія книги, изданной г-жей Поповой, видно, какъ много интересныхъ вопросовъ и научныхъ проблемъ въ ней затронуты. Изложеніе книги отличается систематичностью, ясностью и наглядностью; вездѣ гдѣ можно, авторъ приводитъ примѣры, рекомендуетъ доступные опыты, словомъ, дѣлаетъ все, чтобы придать книгѣ дѣйствительно характеръ научно-популярнаго сочиненія. И мы видимъ по заглавію нѣмецкаго изданія, узнаемъ, наконецъ, изъ предисловія къ тому же изданію, что для Германіи книга Бернштейна, дѣйствительно, «народная книга», «доступная всякому», такъ какъ изложена «классически простымъ языкомъ». Солидная цифра 100.000 экземпляровъ указываетъ на огромное распространеніе книги и подтверждаетъ приведенные отзвы изъ предисловія къ нѣмецкому изданію. На русскомъ изданіи сочиненія Бернштейна стоитъ надпись: «Для подготовленныхъ читателей». Надпись эта сдѣлана очень кстати, такъ какъ только очень подготовленному читателю изъ народной среды могутъ быть доступны «Очерки по мировѣдѣнію». На грустныхъ размышленіяхъ наводитъ это сравненіе. Подготовка, даваемая нашей начальной школой такъ ничтожна, что только читателю, прошедшему слѣдующую школьную ступень или занимавшемуся самообразованіемъ, можетъ быть доступна народная книга Германіи. Трудно предположить, чтобы въ настоящее время у насъ въ Россіи книга Бернштейна могла бы получить такое же широкое распространеніе, какъ на ея родинѣ. Это не мѣшаетъ намъ, однако, выразить пожеланіе, чтобы были переведены и изданы слѣдующіе выпуски сочиненія Бернштейна, содержаніе которыхъ также назидательно и интересно. Переводъ «Очер-

ковъ по міровѣдѣнію» вполне хороше; въ русскомъ изданіи сдѣланы значительныя сокращенія, особенно въ главѣ «Жизнь», гдѣ пропущена цѣлая статья о происхожденіи видовъ; по всей вѣроятности, эти сокращенія не могутъ быть приписаны усмотрѣнію переводчика и потому не должны быть поставлены ему въ вину. Издана книга хорошо, рисунки вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

Е. Чижовъ. «Отъ лучины до электричества». Народная бібліотека № 1. Изданіе книж. магазина «Знаніе» Спб. 1899 г. Цѣна 15 к. Стр. 75. Въ популярномъ очеркѣ г. Чижова разсказывается о разныхъ способахъ освѣщенія—отъ лучины до электричества. Благодаря интересной темѣ, близкой и понятной для каждаго, автору приходится говорить не объ одной какой-нибудь учебной отрасли знанія, а захватывать вопросы изъ многихъ научныхъ областей; въ своемъ очеркѣ онъ совмѣщаетъ свѣдѣнія по исторіи культуры и по физикѣ, по химіи и по техникѣ и т. п. Такой приѣмъ популярно-научнаго изложенія можно признать вообще очень удачнымъ и плодотворнымъ (этимъ приѣмомъ пользуется и только что упомянутый А. Бернштейнъ, и Н. Рубакинъ—авторъ нѣсколькихъ превосходныхъ научно-популярныхъ книгъ), но онъ требуетъ отъ пользующагося имъ автора большой систематичности и строгости въ выборѣ и расположеніи матеріала. Г. Чижовъ, хотя и опытный популяризаторъ (онъ авторъ большой научно-популярной книжки «Тайны и чуда Божьяго міра») обладающій даромъ живо и интересно сообщать читателю нужныя ему знанія, не удовлетворяетъ, однако, въ данномъ случаѣ поставленному требованію, такъ какъ очеркъ «Отъ лучины до электричества» страдаетъ именно отсутствіемъ должной отчетливости и систематичности изложенія. Такъ, напримѣръ, послѣ вступительной главы, гдѣ въ беллетристической формѣ какъ бы начертывается планъ книги—постепенный переходъ отъ первобытнаго способа освѣщенія лучиной къ керосиновому и затѣмъ къ электрическому,—непосредственно разсказывается о газовомъ освѣщеніи, о добываніи газа, рудниковыхъ взрывахъ и т. п., послѣ чего слѣдуетъ разсказъ о масляныхъ лампахъ, свѣчахъ и керосинѣ. И тутъ описаніе современнаго машиннаго приготовленія свѣчей оказалось впереди описанія античныхъ масляныхъ лампъ, что, конечно, совсѣмъ неумѣстно. Послѣ разсказа о нефти, о добываніи ея, о приготовленіи керосина, и краткаго сообщенія двухъ гипотезъ о происхожденіи нефти, слѣдуетъ химическое объясненіе процесса горѣнія въ главѣ 6-ой «Отъ чего онъ свѣтитъ?» Глава 7-ая посвящена электричеству, изобрѣтенію электрической лампочки, устройству динамо-машины и т. п. и 8-ая описанію маяковъ. Вся повѣствовательная часть книги читается живо и легко, но объясненія физическихъ и химическихъ процессовъ изложены довольно трудно и сбивчиво, напр., устройчиво динамо-машины и т. п. Неудачно также поясненіе скрытой силы электричества примѣромъ экономической силы, скрытой въ денежныхъ знакахъ; анекдотъ о недогадливомъ хоулѣ только развлекаетъ читателя, но не помогаетъ его пониманію, такъ какъ для объясненія одного непонятнаго явленія ему предлагаютъ другое столь же непонятное. Употребляя довольно-таки странное выраженіе автора, это «невкусное объясненіе» (стр. 51). Издана книжка г. Чижова хорошо и стоитъ очень недорого.

Н. Березинъ. «Разсказы о томъ, какъ трясется земля и море». Стр. 32. Цѣна 5 коп. Изданіе книжн. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Н. Березинъ. «Разсказы о лавинахъ и о людяхъ, засыпанныхъ снѣгомъ». Стр. 32. Цѣна 5 коп. Изданіе книжн. маг. «Знаніе». Обѣ книжки г. Березина носятъ совершенно одинаковый характеръ и являются какъ бы двумя главами одного и того же сочиненія. Обѣ онѣ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ описанія того явленія природы, которому авторъ посвящаетъ вниманіе; описаніе землетрясеній и паденіе снѣжныхъ лавинъ сопровождается цѣлымъ рядомъ разсказовъ очевидцевъ

и потерявшихъ. Въ первой изъ названныхъ книгъ особенно интересенъ рассказъ Гумбольдта о землетрясеніи въ г. Каракасѣ и рассказъ очевидцевъ о Вѣрненскомъ землетрясеніи, въ книжкѣ о лавинахъ особенно хорошъ рассказъ инженера Госсе. Подобные рассказы очень оживляютъ описаніе и заинтересовываютъ читателей, но г. Березинъ нѣсколько злоупотребляетъ этимъ приѣмомъ и даетъ слишкомъ много описаній, впадая иногда въ повторенія, напр., Лиссабонское землетрясеніе описывается дважды, кратко на стр. 17 и подробно на стр. 20 и т. п. Наряду съ чересчуръ большимъ обиліемъ описаній, авторъ слишкомъ мало мѣста удѣляетъ объясненію столь поражающаго умъ человѣческой явленія, какъ землетрясеніе на сушѣ и на водѣ. Все объясненіе ограничивается теоріей образованія пустотъ въ земной корѣ и проваловъ ихъ, что поясняется на примѣрѣ обваловъ въ шахтахъ, причемъ всему объясненію удѣлено только 2 страницы изъ 32-хъ. О геологическомъ строеніи земного шара и геологическихъ переворотахъ на его поверхности въ прошломъ и настоящемъ не говорится ничего. Такимъ образомъ, книжка г. Березина «О томъ, какъ трясется земля и море» можетъ несомнѣнно вызвать въ читателѣ интересъ къ описываемому явленію природы, разбудить въ немъ любознательность, но не удовлетворить ее, такъ какъ не даетъ ему никакого положительнаго знанія. «Рассказы о лавинахъ» дадутъ читателю гораздо больше удовольствія, такъ какъ въ нихъ рядомъ съ описаніями и картинами приводится и достаточное объясненіе причинъ паденія снѣжныхъ массъ съ горныхъ высотъ, а также сообщается о тѣхъ способахъ, какіе придуманы людьми для предохраненія себя отъ страшнаго бѣдствія.

И. Давидсонъ. Борьба въ природѣ. Стр. 64. Цѣна 10 коп. Изданіе ил. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Авторъ ставитъ себѣ трудную задачу: рассказать объ основѣ, на которой лежитъ наука, объясняющая явленія міра, т. е. изложить популярно основной законъ естествознанія. Знаніе частныхъ явленій безъ этого основнаго закона не даетъ еще человѣку пониманія природы. Такимъ основнымъ закономъ авторъ ставитъ слѣдующее положеніе, вложенное имъ въ уста мудреца: «всякая тварь борется за свою жизнь,—это основа, все остальное въ моей наукѣ (біологій) есть только толкованіе этого закона. Если хочешь,—стушай, учись». Въ объясненіи и развитіи этой основной мысли состоитъ все дальнѣйшее содержаніе книжки. Что такое борьба за жизнь? Это прежде всего борьба за пищу. Въ борьбѣ этой выживаютъ болѣе приспособленные, передающіе потомству свои способности и создающіе такимъ образомъ новые виды и породы живыхъ существъ. Сказавъ далѣе нѣсколько словъ о томъ, что такое естественныя науки и какъ онѣ классифицируются, авторъ сообщаетъ читателю старое дѣленіе природы на три царства и приводитъ, какъ примѣръ классификаціи, классификацію животныхъ по отдѣламъ, классамъ, порядкамъ и т. д. Этотъ примѣръ намъ кажется совершенно излишнимъ, такъ какъ по сухости и конспективности онъ напоминаетъ таблицы гимназическихъ учебниковъ и, конечно, скорѣе затрудняетъ, чѣмъ облегчаетъ усвоеніе мыслей автора; необходимое же понятіе о родѣ и видѣ авторъ могъ бы дать очень легко на наглядныхъ примѣрахъ. Перехода далѣе къ вопросу о происхожденіи видовъ, авторъ упоминаетъ о Дарвинѣ, не называя его имени, и устанавливаетъ слѣдующее положеніе: «тѣло каждаго живущаго и растущаго существа мѣняется съ измѣненіемъ образа жизни и роста». Въ подтвержденіе этого положенія приводятся незамѣтные измѣненія въ строеніи тѣла одомашненныхъ животныхъ и измѣненія въ немъ посредствомъ искусственнаго подбора. Остановившись затѣмъ довольно долго на разъясненіи того, что слѣпая борьба за пищу, т. е. за жизнь, приводитъ къ побѣдѣ наилучше приспособленныхъ, авторъ переходитъ къ стоящей рядомъ открытой борьбѣ за жизнь между существами разныхъ видовъ, которая также ведетъ къ природному отбору. Но все это еще не объясняетъ,

откуда взялось такое множество разных видовъ животныхъ и растений на землѣ? Объяснить это разнообразіе можно тою же борьбою за жизнь, которая принуждаетъ представителей одного вида отклоняться отъ своихъ родичей. Это расхождение или дивергированіе и привело къ образованію различныхъ породъ одного вида, затѣмъ различныхъ видовъ другого рода и т. д. Человѣческій родъ тоже произошелъ вслѣдствіе дивергированія, причеиъ и болѣе развитой умъ и болѣе глубокиа чувства челоиъва получились также благодаря природному отбору. Итакъ, — говоритъ авторъ въ заключеніе, — «борьба за жизнь есть то основаніе, на которомъ построено роскошное зданіе живой природы». Но какъ помирить этотъ основной законъ съ другимъ, вложеннымъ тоже въ уста мудреца (въ началѣ книжки): «не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали». На это авторъ отвѣчаетъ такъ: «наука, отвѣчая на вопросъ, какъ ведется жизнь, ставитъ закономъ борьбу. Мораль, въ отвѣтъ на вопросъ, какъ челоиъвъкъ долженъ вести себя въ жизни, ставитъ закономъ сочувствіе, любовь. Тутъ нѣтъ противорѣчій. Борьба за жизнь и природный отборъ развили въ челоиъвъкъ высшіа чувства совѣсти, долга, любви, сочувствія; борьба эта создала все, также и челоиъвческіа чувства». Къ сожалѣнію, авторъ не настолько останавливается на развитіи этой мысли, сколько слѣдовало бы, чтобы убѣдить читателя. Заканчивается книжка слѣдующими краснорѣчивыми строками: «тамъ, на открытомъ зеленомъ полѣ, гдѣ растутъ трава, цвѣты, деревья, кусты и все прочее, гдѣ ползаютъ черви, порхаютъ бабочки, летаютъ птицы, скачутъ, бѣгаютъ разные звѣри... тамъ, въ темныхъ лѣсахъ, гдѣ все растетъ, живетъ, поетъ, кричать... тамъ, въ глубокихъ нѣдрахъ земли, гдѣ окоченѣлая смерть — остатки вымершихъ породъ — свидѣтельствуетъ о давней жизни... Тамъ, нетерпѣливый, пытливый умъ, тамъ ты найдешь и толкованіе научнаго закона. Тамъ, на базарѣ, гдѣ люди продаютъ и покупаютъ, тамъ на фабрикѣ, гдѣ люди работаютъ, тамъ, въ исторіи прежней людской жизни, въ повѣстьяхъ о томъ, какъ люди враждовали и любили, какъ воевали другъ съ другомъ и помогали другъ другу... тамъ, добрая рвущаяся душа, тамъ ты найдешь и толкованіе нравственнаго закона древнаго мудреца».

По приведенному нами краткому пересказу книжки «Борьба въ природѣ» и нѣсколькимъ выдержкамъ изъ нея, можно видѣть, что она столько же интересна, сколько и поучительна. Къ сожалѣнію, авторъ не придерживается строго конкретнаго способа изложенія: теоретическое объясненіе у него не всегда вытекаетъ изъ наглядныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ непосредственной жизни, близкой читателю; напротивъ, болъшею частью онъ излагаетъ извѣстныа положенія совсѣмъ безъ примѣровъ или только приводитъ примѣры въ поясненіе своей мысли. Благодаря этому книжка г. Давидсона годится лишь для развитыхъ читателей, прочитавшихъ и хорошо усвоившихъ уже нѣсколько популярныа статей по естествознанію; въ заглавіи книги слѣдовало бы отиѣтить, что она предназначена для подготовленныхъ читателей. Для такихъ же читателей книга «Борьба въ природѣ» можетъ быть безусловно рекомендована.

И. Франко. «Цыгане». Разсказъ (переводъ съ малорусснаго). Народная библиотекa № 2. Изданіе ии. маг. «Знаніе» Спб. 1899. Цѣна 3 к. стр. 16.
И. Франко. «Къ свѣту», Разсказъ. Изданіе О. Н. Поповой № 47. Спб. 1899 г. Оба разсказа И. Франка, появившіеся въ разныхъ изданіяхъ принадлежатъ къ серіи его разсказовъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Въ поті чола». Произведенія выдающагося по таланту галицкаго писателя дѣлаются все болѣе извѣстными и у насъ: переводы его разсказовъ не разъ появлялись въ русскихъ журналахъ, а разсказъ «Къ свѣту» былъ напечатанъ въ нѣсколькихъ периодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ «Мірѣ Божьемъ». Разсказы г. Франка отличаются не только высокохудожественнымъ реализмомъ, они пронизаны, какъ и все выходящее изъ подъ его пера, страстнымъ призывомъ

къ справедливости и гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ. И оба сказа, вышедшіе теперь въ народныхъ изданіяхъ, оставляютъ въ читателѣ именно такое впечатлѣніе, при всей несложности ихъ фабулы. Въ разсказѣ «Цыгане»—семья убогихъ запуганныхъ цыганъ погибаетъ отъ стужи и голода, благодаря чрезмѣрному служебному усердію полицейскаго стражника. Несмотря на то, что дѣйствіе разсказа происходитъ въ чужой странѣ, картина, нарисованная авторомъ, слишкомъ знакома и русскому читателю. Въ разсказѣ «Къ свѣту» передъ читателемъ проходитъ другая картина, не менѣе знакомая: травля людьми, власть и богатство имущими, беззащитнаго подростка-еврея. Смертельный выстрѣлъ часового, поразившій мальчика за то лишь, что онъ стремился «Къ свѣту», какой бы роковой случайностью онъ ни являлся, не нарушаетъ однако художественной цѣльности разсказа, а скорѣе подчеркиваетъ его внутренній смыслъ. Довѣрчивый и беззащитный мальчикъ, съ его чуткой стремящейся къ добру и знанію душой, и безъ выстрѣла часового погибъ бы при столкновеніи съ тѣми же условіями жизни, какія привели его уже разъ въ тюрьму.

Было бы весьма желательно, если бы для народнаго изданія былъ переведенъ весь или большая часть сборника «Въ поті чола». Переводъ обоихъ изданныхъ разсказовъ вполнѣ хорошъ. Странно только, что въ изданіи г-жи Поповой не обозначено, что разсказъ представляетъ собою переводъ, а не оригинальное произведеніе автора. Думается, что въ народномъ изданіи такіа указанія такъ же необходимы, какъ и въ ненародныхъ.

А. Свирскій. «Забранованный». Разсказъ. Изданіе ин. маг. «Знаніе». Спб. 1899 г. Стр. 16. Цѣна 3 к. Г. Свирскій разсказываетъ о слесарѣ, работавшемъ 20 лѣтъ на заводѣ и послѣ отлучки не принятомъ обратно на работу, благодаря слабому здоровью. Разсказъ простъ и обыденъ, какъ обыденны всѣ подобные факты и въ дѣйствительной жизни. Слесарь Терентій—одна изъ жертвъ отечественнаго производства—вызываетъ сочувствіе и состраданіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ: что же дѣлать такому «забракованному», встаетъ передъ читателемъ, какъ и передъ героемъ разсказа. Вмѣстѣ съ Терентіемъ читатель чувствуетъ весь ужасъ положенія его и ему подобныхъ и видитъ полное безсиліе помочь при современныхъ общественныхъ условіяхъ.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го декабря 1899 по 15-е января 1900 года).

- Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аены въ средніе вѣка. Перев. съ нѣм. Изд. А. Пантаѣва. Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.
- С. Ешевскій. Сочиненія по русской исторіи. Изд. М. С. Сабашниковыхъ. Мск. 1900 г. Ц. 2 р.
- Д. Михайловъ. Аполлонъ Григорьевъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.
- Агринскій. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практич. метеорол. и сельскаго хозяйства. Саратовъ. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, А. М. Степь сказалась. Романъ. 1900 г. Ц. 1 р.
- И. Э. Бонъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольн. книга и руководителю семьи. Пер. съ нѣм. подъ ред. д-ра С. Орѣчкина. Т. I, пом. 2. Изд. Ф. Щепанскаго. 1899 г.
- С. Г. Ручъ. Орфографическій словарь съ обозначеніемъ удареній и указаніемъ корней словъ русск. происхожденія. 1900 г.
- С. Г. Ручъ. Самоучитель русск. языка подъ ред. Д. Н. Сеславина. Вып. I и II.
- Михайловъ. Повеія Я. П. Полонскаго. (Крит. очеркъ). Изд. 1900 г. Ц. 15 к.
- Г. М. Бубисъ. Преступный человѣкъ передъ судомъ науки. Вып. I. Ц. 20 к.
- Альманахъ-Демница. Изд. подъ ред. П. П. Гвѣдича, К. К. Случевскаго, I. I. Ясинскаго. Спб. Ц. 1 р.
- М. Шейнинъ. Третій конгрессъ сіонистовъ (въ Базелѣ). Изд. кн. маг. Шермана. Одесса. 1900 г.
- Карлъ Зейерманъ. «Манія величія». (Записки изъ желтаго дома). Психопатол. втюдъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 60 к.
- М. Старицкій. «Останія Ничъ». Истор. драма въ 2 карт. Кіевъ.
- В. Г. Бѣлинскій. Систематич. собраніе сочиненій. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1899 г.
- А. Шопенгауэръ. Изученіе человѣка по выраженію лица. Изд. Зинченко. Спб. Ц. 30 к.
- К. Лампертъ. Жизнь прѣсныхъ водъ. Вып. VII. Изд. Девріена. Спб. 1899 г.
- А. В. Пель. Физіолого-химич. основы теоріи Спермина и кинич. матеріалы о терапевтич. примѣненіи Спермина. Спб. 1899 г.
- Проф. И. П. Скворцовъ. Динамическая теорія и приложеніе ея къ жизни и здоровью. Москва. 1900 г.
- С. К. Павловскій. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Съ пред. проф. Эрисмана. Изд. 2-ое Ц. 1 р.
- П. К. Полевой. Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.
- К. Тимковскій. Повѣсти и рассказы. Т. I. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. Ц. 1 р. Спб. 1900 г.
- Евгеній Чириковъ. Рассказы. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушниковъ. Ц. 1 р. 1900 г.
- И. Мыронъ. Абу-Каземовы купцы. Арабская сказка. Черкасы. 1899 г. Ц. 5 к.
- Г. Т. Стѣверцевъ. На царовѣхъ жизни. Расск. и очерки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Т. I и II. Съ портр. и биогр. очерковъ автора. Съ иллюстр. Ц. I т. 60 к., II—1 р. Мск. Изд. К. Тихомирова. 1899 г.
- М. Серао. Рассказы. Перев. съ итальянск. А. Веселовскаго. Вып. I и II. Ц. 50 к. Москва. 1900 г.
- Джероламо Роветта. Рассказы. Перев. съ итальянск. А. Веселовскаго. Ц. 50 к. Москва. 1900 г.
- Джиовани Верга. «Мужъ Елены». Перев. съ итальянск. А. Никитина. Ц. 75 к. Мск. 1900 г.
- А. Воротниковъ. «Въ старыхъ стѣнахъ». Повѣсти южныхъ береговъ.
- Сибирскій Сборникъ. Приложеніе къ газетѣ «Восточное Обсвѣтленіе» за 1899 г.
- Г. В. Хлопинъ и А. Ф. Никитинъ. Вліяніе нефтяныхъ продуктовъ на рыбное населеніе рѣкъ и на качество ихъ воды. Спб. 1899 г.

- В. Трубиновъ. Денежное обращеніе въ связи съ мощнымъ развитіемъ производства богатствъ въ Россіи. Спб. 1900 г.
- В. Арндтъ. Экономическія послѣдствія превращенія Германіи въ промышленную страну. Перев. съ нѣм. М. Гуновскаго. М. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистич. хозяйства. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 3 р. Москва. 1900 г.
- Д-ръ Г. Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропол. изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. д-ра Бартедьса подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Подписная ц. за два тома 10 р. Спб. Изд. Ф. Щепанскаго. 1900 г.
- Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 годъ. Изд. м-ва. финансовъ. Спб. 1900 г.
- Ф. Я. Коновъ. Физиологическія и биологическія данныя о якутахъ. Антропол. очеркъ. Минусинскъ. 1899 г. Ц. 1 р.
- Д-ръ И. И. Пантюновъ. Шаорская котловина и ея окрестности. Тифлисъ. 1900 г.
- А. Н. Филипповъ. Гигіена дѣтей. 31 рис. Изд. II, дополненное и исправленное. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.
- И. Шафровъ. Учебникъ геометріи. Ц. 40 к. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1900 г.
- Л. А. Кирилловъ. Къ вопросу о вѣтшеземлѣдѣльческомъ отходѣ крестьянскаго населенія. Спб. 1899 г.
- Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь. Подъ руководствомъ Г. А. Приймана. Мск. 1899 г. Ч. I и II.
- Коммерческая энциклопедія М. Ротшильда. Настольная книга по всѣмъ отраслямъ коммерч. знаній. Вып. XVII. Изд. В. Э. Форселлеса. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.
- А. Рождествинъ. Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900 г. Ц. 30 к.
- Б. Понсегъ-де-Самдокъ. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава. 1899 г.
- D. V. Totomlantz. La développement économique des Etats-Unis et d'Europe en 1898. Paris. 1899.
- Календарь русскій астрономическій на 1900 г. Нижегород. кружка любителей физики и астрономіи. 1899 г. Ц. 75 к.
- Отчетъ о дѣятельности Комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ чталенъ за 1898 г. Изд. Харьковск. о-ства распротр. въ народѣ грамотности.
- Отчетъ о положеніи изслѣдованія народнаго образованія въ Россіи, производимаго Императорскимъ В. Эк. Общ. въ связи съ общимъ положеніемъ школьной статистики въ Россіи.
- Отчетъ Харьковской обществ. библиотеки за 30-ый годъ ея существованія. 1899 г. Харьковъ.]
- Годичный отчетъ о дѣятельности Общества взаимнаго вспоможенія при Московскомъ учит. институтѣ за 1898 г.
- Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава введеній для алкоголиковъ. Вып. III. Русской Об-ство охраненія народнаго здравія. Спб. Изд. 1899 г.
- Отчетъ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1898 г.
- Отчетъ распоряд. Комитета Об-ства вспомошествованія бѣднымъ студентамъ нвѣ Тобольскій губ. Тобольскъ. 1899 г.
- Статистико-экономическій обзоръ Екатеринославской губ. за 1898 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Tropical Diseases*» by Patrick Manson (Cassel and Co). (Тропическія болѣзни). Авторъ этой полезной и интересной книги прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ и Индіи и говорить о болѣзняхъ, господствующихъ въ этихъ странахъ, на основаніи собственныхъ наблюденій; относительно же болѣзней другихъ тропическихъ странъ онъ приводитъ наблюденія другихъ ученыхъ. Каждой тропической странѣ свойственны спеціальныя болѣзни и успѣхи европейской колонизаціи тропиковъ всецѣло зависятъ отъ правильнаго взгляда на эти болѣзни и умѣнья бороться съ ними. Авторъ весьма популярно излагаетъ ученіе о тропическихъ болѣзняхъ, такъ что книга его можетъ быть очень полезнымъ руководствомъ для европейцевъ, поселяющихся въ тропикахъ.

(Athenaeum).

«*Alaska: its History and Resources, Gold-fields, Routes and Scenery*» by Mines Bruce (Putnam's Sons). (Аляска, ея исторія, рессурсы, золотомыслыя поля, дороги и виды). Это второе изданіе, значительно дополнено текстомъ и иллюстраціями, такъ какъ со времени перваго посѣщенія авторомъ Аляски въ 1889 году, тамъ были открыты необыкновенно богатые мѣсторожденія золота. Но, по словамъ автора, Аляска имѣетъ и другіе рессурсы: прекрасные горячіе минеральныя источники, обладающіе цѣлительною силой, залежи платины, угля и по всей вѣроятности имѣются даже нефтяныя источники. Рыба встрѣчается въ изобиліи. Вообще, по словамъ автора, Аляска—многообшдающая страна.

(Athenaeum).

«*The Social Life of Scotland in the Eighteenth Century*» by Henry Grey Graham. (Adam and Charles Black). (Соціальная жизнь въ Шотландіи въ XVIII вѣкѣ). Въ этой чрезвычайно интересной книгѣ описываются соціальныя условія, существовавшія въ Шотландіи въ XVIII вѣкѣ, и тѣ перемѣны, которыя затѣмъ произошли во внутренней жизни шотландскаго народа, привычкахъ, обычаяхъ, взглядахъ

и въ положеніи труда. Несмотря на научный и спеціальныи характеръ своего историческаго изслѣдованія, авторъ сумѣлъ сдѣлать изъ него занимательную книгу, разсчитанную на большой кругъ читателей.

(Literary World).

«*A New Ride to Khibo*» by Robert L. Jefferson. (Methuen and Co). (Новая поездка въ Хиву). Авторъ совершилъ путешествіе въ Хиву на велосипедѣ и это путешествіе, очень смѣлое по замыслу и выполнению и изобилующее всевозможными приключеніями, дало ему богатый матеріалъ для описанія. Авторъ заставляетъ читателя съ возрастающимъ интересомъ слѣдить за своими странствованіями, сначала по цивилизованнымъ странамъ Европы, затѣмъ по азиатской степи, которую онъ прекрасно описываетъ. Книга снабжена хорошими иллюстраціями, сдѣланными съ фотографій, снятыхъ авторомъ.

(Literary World).

«*Les Civilisations de l'Inde par Gustave Lebon*. (Civiliation Indiu). Новое изданіе книги Лебона, современно переизданное и дополненное новыми гравюрами. Лебонъ былъ посланъ въ Индію французскимъ правительствомъ и, изучивъ на мѣстѣ великія памятники индійской цивилизаціи, онъ пришелъ къ заключенію, что они имѣютъ въ высшей степени важное значеніе для выясненія мысли исчезнувшихъ поколѣній. До сихъ поръ ученые ограничивались только переводами документовъ съ санскритскаго языка. Но тайну древнихъ цивилизацій по Лебону надо искать, главнымъ образомъ, не въ этихъ документахъ, а въ развалинахъ и въ древнихъ памятникахъ индійской архитектуры и скульптуры.

(Revue de Paris).

«*Devant l'échafaud*» — *Enquête sur la peine de mort, par A. Henri Massonneau. Avec portraits d'assassins exécutés. Prix: 3 fr. 50.* (Flammarion). (Передъ висѣломъ). Подъ этимъ страннымъ заглавіемъ авторъ, убѣжденный противникъ смертной казни, печатаетъ свое изслѣдованіе этого важнаго во-

проса. Онъ опросилъ по этому поводу всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ парижскому судебному сословию. Мнѣнія насчетъ цѣлесообразности смертной казни весьма раздѣляются, но всѣ сходятся въ одномъ пунктѣ: въ томъ, что смертная казнь не должна быть публичной. Къ изложенію этихъ различныхъ взглядовъ и философскихъ аргументовъ авторъ приложилъ описаніе двѣнадцати казней, которыя, по его мнѣнію, служатъ лучшимъ нагляднымъ доказательствомъ невѣрности взгляда на смертную казнь, какъ на примѣрное наказаніе.

(Journal des Débats).

«*Le Morale d'un Égoïste*» *Essai de morale sociale, par. H. Laplaigne membre de la Société de Sociologie de Paris. Prix: 5 fr. (V. Giard et E. Brière).* (Практичность эгоизма). Эта книга входитъ въ составъ серіи изданий, извѣстныхъ подъ названіемъ «Bibliothèque Sociologique internationale». Авторъ изучаетъ человѣческую душу со всеми ея достоинствами и недостатками и предлагаетъ на судъ читателя результаты своихъ долготѣхннихъ размышленій и исканія правды. Книга раздѣляется на три части; но собственно изслѣдованію эгоизма посвящена только вторая часть. Авторъ указываетъ въ ней, что эгоизмъ составляетъ основу всѣхъ нашихъ чувствъ и всѣхъ нашихъ дѣйствій, но въ третьей и послѣдней части онъ говоритъ о чувствѣ солидарности, которое связываетъ людей; но чувство это не исключаетъ эгоистической морали. Авторъ раздѣляетъ людей на низменныхъ и возвышенныхъ эгоистовъ, на эгоистовъ просвѣщенныхъ, разумныхъ, стремящихся къ самосовершенствованію и на такихъ, которые не имѣютъ никакихъ возвышенныхъ стремленій и отличаются необыкновенно узкимъ кругозоромъ. Возвышенные эгоисты двигаютъ міръ, такъ какъ, совершенствуя свою прароду, они совершенствуютъ общество и увеличиваютъ сумму человѣческаго счастья.

(Journal des Débats).

«*Principles of Public Speaking*» by *Gug Charleton Lee (Putnam's Sons).* (Принципы ораторскаго искусства). Американцы считаются лучшими ораторами, нежели англичане, и почти каждый американецъ сумѣетъ при случаѣ произнести рѣчь въ собраніи, безъ всякаго приговора, — такое мнѣніе составили себѣ почти всѣ побывавшіе въ Америкѣ. Но помимо этого природнаго дара, американцы всегда приучаются говорить публично въ своихъ коллегіяхъ на разныхъ митингахъ, которые устраиваются даже со специальною цѣлью упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Названная книга представляетъ руководство къ ораторскому искусству, составленное докторомъ Чарльтономъ Ли изъ университета Джона Гопкинса.

(Daily News).

«*History of the Taxes on Knowledge; their Origin and Repeal*» by *Collet Dobson Collet. Two volumes (Fisher Unwin).* (Исторія налоговъ на знаніе; ихъ происхожденіе и отмена). Авторъ самъ принималъ дѣятельное и важное участіе въ упорной борьбѣ политиковъ и журналистовъ съ тѣми притѣвленіями, которыми подвергалась англійская журналистика и которая выразилась между прочимъ въ учрежденіи штемпельнаго сбора, затруднявшаго свободное развитіе англійской печати. Въ предисловіи, приложенномъ къ книгѣ и написанномъ Голлокомъ, опредѣляется та роль, которую игралъ авторъ въ этомъ движеніи противъ «налоговъ на знаніе», такъ какъ авторъ самъ умалчиваетъ о ней. Ему было 81 годъ, когда онъ взялся за перо, чтобы разсказать исторію этого любопытнаго движенія. Несмотря на такой почтенный возрастъ, авторъ, очевидно, сохранилъ въ полной неприкосновенности всѣ способности своего замѣчательнаго ума, на что указываетъ его трудъ, представляющій въ высшей степени цѣнный вкладъ въ исторію печати въ Англии.

(Daily News).

«*Mythologie und Metaphysik*» *Grundlinien eines Geschichte der Weltanschauungen, von. Wilh Bender. Erster Band. Stuttgart. (E. Hauffe).* (Мифологія и Метафизика). Въ первомъ, только что вышедшемъ томѣ этого обширнаго историческаго изслѣдованія, предпринята авторомъ, разсматривается происхожденіе мировоззрѣній античнаго міра. Греки самостоятельно выработали себѣ понятія о мірѣ и придали имъ извѣстныя формы, имѣющія важное значеніе для исторіи развитія религіи и философіи. Самую древнюю формую является мифъ и изъ него уже развивается метафизическое мировоззрѣніе. Авторъ старается прослѣдить связь, существующую между мифологіей и метафизикой, изслѣдуя не только исторію происхожденія мифовъ и вытекающихъ изъ нихъ метафизическихъ воззрѣній, но, кромѣ того онъ старается опредѣлять и тѣ психическіе мотивы, которые содѣйствовали ихъ образованію и ключъ къ которымъ онъ ищетъ въ фольклорѣ, народныхъ обычаяхъ и вѣрѣ и въ условіяхъ жизни народовъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*Little Folk of Many Lands*» by *Louise Jordan Miln (John Murray).* (Маленькіе люди въ разныхъ странахъ). Авторъ знакомитъ читателя съ дѣтьми различныхъ странъ, ихъ образомъ жизни, характеромъ и воспитаніемъ. Область, которую охватываетъ повѣствованіе автора, излагающаго свои личныя наблюденія, очень обширна, такъ какъ авторъ побывалъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта и изучилъ системы воспитанія дѣтей у самыхъ различныхъ расъ. Очень интересно описаніе школъ и дѣ

ских національных игр и развлеченій у различных народовъ. Въ главѣ, посвященной эскимосскимъ дѣтямъ, описываются странные обычаи, касающіеся воспитанія дѣтей, кот. рые существуютъ у эскимосовъ. Въ книгѣ находится множество хорошихъ иллюстрацій и читается она съ большимъ интересомъ.

(Literary World).

«*Bei Krupp. Eine social-politische Reise-skizze*» von D-r W. Kby. Leipzig. (Duncker und Humblot). (У Круппа. Соціально-политическій очеркъ). Фабрика Круппа, пользующаяся всемірною извѣстностью, достигла громаднаго развитія и съ точки зрѣнія рабочаго вопроса представляетъ очень много интереснаго. Авторъ излагаетъ исторію различныхъ учреждений, возникшихъ на этой фабрикѣ и имѣющихъ цѣлю улучшение участи рабочихъ, организацию кооперативныхъ обществъ, пенсіонныхъ кассъ и т. п. и указываетъ тѣ условія, которыя вызвали къ жизни всѣ эти учрежденія и повліяли на эволюцію заработной платы.

(Frankfurter Zeitung).

«*Siam, das Reich des weissen Elephanten*» Von Ernst von Hesse-Wartegg. Leipzig (J. J. Weber). (Сіамъ, царство бѣлаго слона). Литература о Сіамѣ далеко не обширна и

названная книга попопляетъ въ этомъ отношеніи большой пребѣль. Авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, такъ какъ долго жилъ въ Сіамѣ и изучилъ страну и народъ. Описанія роскошной тропической природы, а также жизни и обычаевъ сіамскаго народа, очень художественны. Авторъ рассказываетъ легенды сіамцевъ, знакомитъ читателя съ ихъ интимною жизнью и вообще возбуждаетъ интересъ къ этой странѣ, такъ богато одаренной природой и заслуживающей особеннаго вниманія европейцевъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*A Summer in High Asia*» by Capt. F. E. S. Adair. (Thacker and Co). (Лѣто въ возвышенностяхъ Азіи). Авторъ описываетъ лѣто, проведенное имъ въ Ладакѣ, въ сѣверныхъ Гималаяхъ. Онъ былъ посланъ въ Ле (Leh), столицу Ладака, въ качествѣ британскаго комиссара, и сравниваетъ этотъ Гималайскій городъ съ русскимъ Нижнимъ Новгородомъ, разумѣется, съ точки зрѣнія его торговаго значенія. Авторъ отводитъ очень много мѣста въ своей книгѣ описанію горныхъ экскурсій, охоты и приходить въ восторгъ отъ величественныхъ пейзажей гималайскихъ вершинъ.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Отъ Попечительства о Слѣпыхъ.

Попечительство ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ, основанное въ 1881 году по мысли покойнаго статсъ-секретаря К. К. Грота, состоитъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ и имѣетъ счастье считать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Первымъ своимъ Дѣйствительнымъ Членомъ.

Оно преслѣдуетъ двѣ высоко гуманныя цѣли: 1) облегченіе участи слѣпыхъ вообще и въ частности доставленіе слѣпымъ дѣтямъ общаго и ремесленнаго образованія, а также обученіе взрослыхъ слѣпцовъ щеточному и корзинному ремесламъ для подготовленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ къ самостоятельному труду, и 2) предупрежденіе въ населеніи слѣпоты ежегодною посылкою въ равныя мѣста Имперіи, по просьбѣ земствъ и частныхъ лицъ, главныхъ отрядовъ, а также учрежденіемъ постоянныхъ акустическихъ пунктовъ, лечебницъ и кроватей въ лечебницахъ другихъ вѣдомствъ для подаванія бесплатной медицинской и оперативной помощи бѣднѣйшему населенію.

Главныя статьи дохода Попечительства составляютъ: 1) проценты съ его капиталовъ, которые большею частью имѣютъ специальное назначеніе и достигаютъ нынѣ 2.800.000 р.; 2) ежегодная правительственная субсидія въ 25.000 р.; 3) разнаго рода пожертвованія и членскіе взносы (192.000 р.); 4) церковно-кружечный сборъ, производимый во всѣхъ церквахъ на недѣли о слѣпотѣ (95.000 руб.); 5) сборъ изъ кружекъ, выставляемыхъ съ 1897 года въ винныхъ лавкахъ по мѣрѣ открытія въ губерніяхъ казенной продажи вина (15.000 р.) и 6) продажа недѣлій слѣпыхъ, дающая въ годъ до 22.000 руб.

Всѣми дѣлами Попечительства завѣдуетъ состоящій подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта графа Воронцова-Дашкова Совѣтъ изъ 14 членовъ. При Совѣтѣ состоитъ небольшая канцелярія.

Попечительство имѣетъ въ провинціи **64 мѣстныхъ уполномоченныхъ**; они производятъ кружечный сборъ въ пользу слѣпыхъ, заботятся объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Попечительства, оказываютъ содѣйствіе въ призрѣній мѣстныхъ слѣпцовъ и состоятъ непремѣнными членами мѣстныхъ отдѣленій и комитетовъ Попечительства. Таковыхъ насчитывается 29 отдѣленій и 3 комитета, а именно: отдѣленія въ Астрахани, Вильнѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Иркутскѣ, Казани, Каменцѣ-Подольскомъ, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Орлѣ, Перми, Полтавѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и Якутскѣ, комитеты—въ Елабугѣ, Ревелѣ и Ташкентѣ.

Въ вѣдѣніи Попечительства состоятъ **44 заведенія**: а) **24 училища для слѣпыхъ дѣтей**: во Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Елабугѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Костромѣ, Минскѣ, Москвѣ, Одессѣ, Перми, Полтавѣ, Ревелѣ, Самарѣ, С.-Петербургѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ и Черниговѣ; б) **мастерскія имени К. К. Грота въ С.-Петербургѣ** для обученія взрослыхъ слѣпыхъ (Аптекарскаго острова, Песочная, 37) и такое же

ремесленное убъжище въ Каменцѣ-Подольскомъ; в) 4 убъжища для неспособныхъ къ труду слѣпыхъ: два въ Петербургѣ—Николаево-Александринскій домъ для призрѣнія слѣпыхъ женщинъ и убъжище княженъ Волконскихъ, пріюты въ Воронежѣ и Тулѣ; г) 4 общежитіе для слѣпыхъ работницъ и работниковъ: въ С.-Петербургѣ, Костромѣ, Воронежѣ и Самарѣ; д) 9 постоянныхъ глазныхъ лечебницъ: въ Астрахани, Воронежѣ, Вѣрномѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ, Твери, Тифлисѣ, Тулѣ и с. Усольѣ Иркутской губерніи и е) временная глазная амбулаторія въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи.

Изъ учебно-воспитательныхъ заведеній для слѣпыхъ дѣтей С.-Петербургское Александро-Маринское училище содержится на проценты съ принадлежащаго ему капитала и помѣщается на Аптекарьскомъ островѣ въ спеціально для него построенномъ домѣ на Песочной улицѣ, 37. Оно устроено на 120 дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 7 до 20 лѣтъ и состоитъ изъ 2 приговорительныхъ и 3 общихъ классовъ и изъ ремесленного отдѣленія. Дѣти въ продолженіи 8—10 лѣтъ обучаются Закону Божьему, русской грамотѣ, арифметикѣ, географіи, русской и естественной исторіи, гимнастикѣ, музыкѣ, пѣнію церковному и свѣтскому, настройкѣ фортепіанъ и массажу. Въ ремесленномъ отдѣленіи дѣти участвуютъ въ изготовленію разнаго вида щетокъ и корявнъ, а дѣвочки наборкѣ щетокъ о рукодѣліи. При училищѣ имѣются: типографія, въ которой работаютъ 3 слѣпца, библиотека въ 2.000 томовъ, написанныхъ точечнымъ шрифтомъ Брайля, и складъ такихъ же изданій, преимущественно руководствъ и книгъ духовнаго содержанія, для провинціальныхъ школъ, а также книгъ для врачей по вопросамъ, касающимся улучшения быта и обученія слѣпыхъ. Изданія склада предназначаются и для продажи.

Для пополненія всѣхъ вообще училищныхъ библиотекъ въ Петербургѣ образовалось два дамскихъ кружка (Е. А. Шамшиной и Е. Г. Опочининой), которые насчитываютъ до 120 членовъ, безвозмездно и весьма усердно работающаго перепискою для слѣпыхъ разныхъ полезныхъ книгъ. Всего переписано до 850 книгъ: духовныхъ, изъ области исторіи, географіи и естествознанія; богаче всѣхъ отдѣлъ литературы, въ которомъ очень много объемистыхъ сочиненій, напр. «Война и Миръ» графа Л. Толстого.

Въ училищѣ выпускные экзамены происходятъ ежегодно въ началѣ іюня и представляютъ большой интересъ для всѣхъ сочувствующихъ дѣятельности Попечительства; результаты ихъ самые отрадныя: большинство воспитанниковъ и воспитанницъ по окончаніи курса читаютъ совершенно бѣгло и пишутъ правильно двумя шрифтами, точечнымъ и плоскимъ, для сношенія со врачами; по исторіи, географіи (для которой пользуются выпуклыми картами) и зоологіи они выносятъ изъ школы вполне достаточныя знанія. Ремеслами слѣпые дѣти владѣютъ настолько, что обладающія хорошими здорověемъ обеспечиваютъ себя порядочный заработокъ.

Училище ежегодно посѣщается разными воспитательными заведеніями и дѣятельно заслуживаетъ осмотра; оно открыто для посѣтителей по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Александро-Маринское училище подготавливаетъ учителей и учительницъ для губернскихъ училищъ. При немъ же издаются два ежемѣсячныхъ журнала: для врачей—«Слѣпецъ», обсуждающій вопросы, касающіеся улучшения быта слѣпыхъ, и «Досугъ слѣпыхъ», издаваемый для нихъ шрифтомъ Брайля. Подписная цѣна за каждый журналъ съ пересылкою на годъ 1 руб.

Большинство училищъ для слѣпыхъ дѣтей устроены для мальчиковъ и дѣвочекъ, однако въ 8 принимаютъ однихъ мальчиковъ и въ 2 только дѣвочекъ. Во всѣхъ 24 училищахъ содержатся 722 воспитанника (493 мальчика и 229 дѣвочекъ).

Мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ имени К. К. Грота, учрежденныя въ 1893 году при Александро-Маринскомъ училищѣ, помѣщены рядомъ съ нимъ въ особомъ большомъ зданіи по Песочной ул., 37. Въ мастерскихъ обучаются въ продолженіи 3-хъ лѣтъ щеточному и корявному ремесламъ отъ 20—25 учениковъ, не прошедшихъ курса училищъ для слѣпыхъ дѣтей. Тамъ же работаютъ по окончаніи курса воспитанники Александро-Маринскаго училища и проживающіе

въ Петербургѣ взрослые слѣпцы-ремесленники, не имѣющіе дома помѣщенія, удобнаго для работы. Для занятій съ учениками и для участія въ оцѣнкѣ издѣлій слѣпыхъ содержатся два опытныхъ мастера: щеточникъ и корвинчикъ. Необходимые для издѣлій матеріалы заготавливаются мастерскими и выдаются небольшими партиями слѣпцамъ-работникамъ, вслѣдствіе чего Попечительство можетъ ручаться за доброкачественность всѣхъ издѣлій. Готовыя вещи безотлагательно принимаются мастерскими, которыя тотчасъ же платятъ за нихъ слѣпцамъ по установленной оцѣнкѣ, за вычетомъ стоимости употребленнаго матеріала и 10% коммиссіонныхъ. Съ каждымъ годомъ совершенствуются издѣлія слѣпцовъ и въ то же время умножаются разновидности изготовляемыхъ предметовъ.

Слѣпцами изготовляются: а) всякаго рода **ЩЕТКИ**: головныя, платяныя, шляпныя, мебельныя, ковровыя, половыя, палубныя, конскія, копытныя, сложные, карточныя и др., цѣною, смотря по ихъ размѣрамъ и качеству матеріала, отъ 25 коп. до 1 руб. 50 коп.; б) **КОРОЖНЫЕ СУНДУКИ** и **КОРВИНЫ** въ равныя цѣны для цѣлтовъ, для женскихъ работъ, для бумаги, для хлѣба, для провизіи, для ножей, для фруктовъ, для бѣлья, для дровъ и проч.; в) **РАЗНАЯ МЕБЕЛЬ** изъ ивы и соломенной плетенки: диваны, кушетки, кресла (для взрослыхъ и дѣтскія), столы рабочіе и обыкновенные и г) **РУКОДѢЛІЯ**: шерстяные и пуховыя накидки, платки, шарфы, чулки для взрослыхъ и дѣтей, перчатки и проч.

Для мастерскихъ имени К. К. Грота работаютъ до 100 слѣпцовъ и дѣло настолько организовано, что ими уже исполнены крупныя срочныя заказы, напримеръ партія въ 23.000 конскихъ щетокъ для отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, ежегодно по нѣсколько тысячъ палубныхъ и другихъ щетокъ для морского министерства, равныя щетки для управленій желѣзныхъ дорогъ, балконная мебель для нѣкоторыхъ загородныхъ дворцовъ, корвины для Государственнаго и другихъ банковъ и т. п.

Доходы отъ продажи издѣлій слѣпыхъ растутъ съ каждымъ годомъ, за послѣдніе 6 лѣтъ они поднялись съ 6.000 на 22.000. Достигается это добросовѣстнымъ изготовленіемъ издѣлій и крайне умѣренною продажною цѣною, едва окупающею употребленный матеріалъ и заработную плату. Не смотря на ежегодно возрастающій сбытъ издѣлій слѣпыхъ. Попечительство въ виду быстро растущаго числа слѣпцовъ-работниковъ нуждается въ заказахъ которые принимаются мастерскими непосредственно или черезъ ихъ магазины и исполняются скоро и добросовѣстно.

Мастерскія имени К. К. Грота не располагаютъ особымъ капиталомъ и содержатся на текущія средства Попечительства. Точно также ничѣмъ не обезпечено содержаніе учениковъ, обучающихся въ мастерскихъ ремеслахъ. Каждый ученикъ стоитъ въ годъ до 200 руб. и пока поступило только одно приношеніе въ 4.000 р., проценты съ коихъ обращаются на содержаніе въ мастерскихъ одного ученика имени жертвователя.

Въ члены Попечительства **ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ** о слѣпыхъ принимаются всѣ благотворители, пожертвовавшіе единовременно 75 руб. или желающіе платить по 5 руб. въ годъ. Въ настоящее время имѣется всего 5.800 членовъ, изъ коихъ 4.500 принадлежатъ къ мѣстнымъ отдѣленіямъ.

Во всей Россіи насчитывается около 200.000 слѣпцовъ, нуждающихся въ помощи благотворителей, и въ русскомъ обществѣ, всегда отзывчивомъ на всякое доброе дѣло, безъ сомнѣнія, не мало такихъ людей, которые, ознакомившись съ дѣятельностью Попечительства о слѣпыхъ, не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи. Соудѣйствіе это можетъ выразиться не только денежными пожертвованіями и ежегодными членскими взносами, но и поддержкою продажи издѣлій слѣпыхъ.

Всякаго вида пожертвованія и членскіе взносы Попечительство проситъ направлять въ его Канцелярію—Спб., Большая Конюшенная, д. № 1, кв. 24, или въ мѣстныя губернскія Отдѣленія. Издѣлія же слѣпыхъ можно пріобрѣтать въ Петербургѣ: въ

главномъ складѣ на Аптекарскомъ островѣ по Песочной ул., 37, или въ его магазинахъ на Загородномъ проспектѣ, близъ Владимірской ул., № 8, и по Казанской ул., близъ Невскаго проспекта, № 5. Съ заказами иногородныхъ просятъ обращаться въ складъ, который высылаетъ безденежно и образцы цетокъ по указанному адресу. Въ Петербургѣ заказы принимаются въ обонхъ магазинахъ.

Подробные годовые отчеты Попечительства посылаются изъ канцеляріи желающимъ бесплатно; изъ можно получить и въ обонхъ магазинахъ, гдѣ также принимается подписка на журналы «Слѣпецъ» и «Досугъ слѣпыхъ».

Николаево-Александринскій домъ призрѣнія слѣпыхъ занимаетъ двухъ-этажный каменный домъ, построенный рядомъ съ мастерскими имени К. К. Грота,—въ верхнемъ этажѣ помѣщаются слѣпые дѣвушки-работницы (11), а въ нижнемъ неспособныя къ труду женщины (30).

Существованіе этого учрежденія тоже не обезпечено капиталомъ. Желающіе учредить въ немъ именныя стипендіи вносятъ Попечительству единовременно 2.000 р., на проценты съ коихъ будетъ содержаться одна слѣпая женщина.

Убѣжище княженъ Волконскихъ помѣщается въ Петербургѣ, по Саперному пореулку, въ собственномъ домѣ, № 7. Оно устроено на 10 слѣпыхъ дѣвушекъ и располагаетъ достаточными средствами, завѣщанными княжною М. Н. Волконской. Это убѣжище предполагается значительно расширить.

На единовременныя пособія неспособныхъ къ труду слѣпцамъ Попечительство ежегодно расходуетъ до 15.000 руб.

Мѣры для предупрежденія слѣпоты въ населеніи. Съ этою цѣлью Попечительство, начиная съ 1893 года, посылаетъ въ разныя мѣстности Имперіи, преимущественно лѣтомъ, главные отряды для подавія бѣднѣйшимъ классамъ населенія бесплатной медицинскою и оперативной помощи.

Этотъ видъ дѣятельности Попечительства пользуется особыми симпатіями общества и принимается населеніемъ съ трогательною благодарностью. Главные отряды, состоящіе обыкновенно изъ медика съ помощникомъ и фельдшеромъ, командированы по просьбѣ частныхъ лицъ и земствъ, которые предоставляютъ въ ихъ распоряженіе безвозмездно помѣщенія для производства операцій и нѣсколько коежекъ для больныхъ. Мѣстные врачи также не отказываютъ главнымъ отрядамъ въ своемъ содѣйствіи.

Въ 1893 году работало 7 отрядовъ, которые приняли 7.600 больныхъ и произвели 1.466 операцій, а въ 1898 году число отрядовъ уже возросло до 36, въ составѣ 135 чел., приемъ больныхъ до 50.222 чел., а число операцій до 17.092. Всего же за 6 лѣтъ 139 отрядами принято 218.840 больныхъ и произведено 65.668 операцій, благодаря которымъ не малому числу слѣпцовъ возвращено зрѣніе.

Главные отряды косвенно приносятъ еще и ту пользу, что мѣстные дѣятели внимательнѣе относятся къ главнымъ болѣзнямъ и постепенно устраняютъ главные амбулаторіи или небольшія лечебницы. Въ виду достигнутыхъ главными отрядами отрядныхъ результатовъ, Попечительство для развитія сего благого дѣла рассчитываетъ на сборъ съ кружекъ, поставленныхъ недавно въ винныхъ лавкахъ и въ особенности на приливъ пожертвованій, которыя просятъ направлять въ канцелярію Попечительства—С.-Петербургъ, Большая Конюшенная, домъ № 1, кв. № 24.

Независимо отъ отрядовъ, Попечительство учредило десять главныхъ лечебницъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи семьдесятъ постоянныхъ главныхъ пунктовъ какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Россіи.

Декабрь 1899 г.

14. ПОЭТЪ «СЕРМЯЖНЫХЪ ГЕРОЕВЪ». (Памяти Д. В. Григоровича). Виктора Острогорскаго	12
15. ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА, П. Милюкова	17
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Земля и фабрика во Владимирской губерніи.—Деревенскій реформаторъ.—Сопrotивленіе властямъ.—Новые крестьянскіе начальники въ Сибири.—Самарская рабочая контора.—Церковныя попечительства о бѣдныхъ.—Бумажныя недоразумѣнія.—Отзывъ ученой комиссіи о произведеніяхъ Пупкина.—Памяти Герцена	21
17. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль». — «Вѣстникъ Европы». — «Историческій Вѣстникъ». — «Образованіе»	34
18. За границей. Борьба съ клерикалами въ брусельскомъ университетѣ.—Коммерческій музей въ Филадельфіи.—Секта «христіанскихъ ученыхъ». — Французскія дѣла. — Джонъ Рёскинъ. — Рёскинъ. (Статья Рихарда Мугера изъ «Die Zeit»).	47
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue des Revues» — «Revue de Paris». — «Contemporary Review».	58
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Медицина: О значеніи спиртныхъ напитковъ въ питаніи слабыхъ и больныхъ. — Почвовѣдѣніе. Объ удобреніи почвы при помощи бактерій. Д. Н. — Географія и антропология. Буры и луземныя расы Южной Африки. Н. М. — Астрономія. Новыя изслѣдованія о фигурѣ луны. К. Покровскаго	62
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Публицистика — Исторія права. — Соціологія и политическая экономія. — Философія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	82
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	112
23. ОТЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О СМЪПНЫХЪ	145

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. НЕПОСИЛЬНОЕ БРЕМЯ. Романъ изъ сицилійской жизни Конрада Тэльдмана. Перев. съ нѣм. З. Журавской.	33
25. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	33
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

При этомъ номерѣ разсылается каталогъ книжнаго магазина Н. Я. Оглоблина.

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНИЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣльныхъ конторахъ—въ конторѣ Печеновской, Петровскія дачи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнечкій мостъ, д. Коха.

1) Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть чисты и переписаны, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какихъ объясненіяхъ не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, принятые же сохраняются въ теченіе полугодія и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала приближаются въ редакцію не позже двухъ недѣльныхъ сроковъ съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иностранцы просятъ обращаться исключительно съ конторою редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за неправильную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ, отъ 2 до 4 час., кромѣ праздничныхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб.,
безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ:

С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

